Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Зал. А Шк. 27
Полка 9 № 1.

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Т. CXIV.
Труды Этнографическаго Отдѣла. Т. XVI.

МАТЕРІАЛЫ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ИЗУЧЕНІЮ

НАРОДНОЙ ПѢСНИ и МУЗЫКИ.

Съ музыкальными приложеніями и иллюстраціями.

Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи.
Томъ II.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Колл. Инв. 27
Полка А 9 К 1

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Т. CXIV.
Труды Этнографическаго Отдѣла. Т. XVI.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ А Шкафъ 27
Полка 9 № 1.

ТРУДЫ

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССІИ,

СОСТОЯЩЕЙ ПРИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

П 7616

Томъ II.

I. МАТЕРІАЛЫ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ.—II. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.—III. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ КОМИССІИ за 1906—1910 гг., съ приложеніями.

МОСКВА.
1911.

Печатано по постановленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Тип. Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1911.

Отъ редакціи.

Одновременно съ печатаніемъ I-го тома «Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи», вышедшаго въ свѣтъ въ 1906 году, Комиссіей начали подготовляться матеріалы для II-го тома, который предположено было издать по той же программѣ, если найдутся средства на изданіе. Уже въ мартѣ 1906 года (см. протоколъ XLIV засѣданія Комиссіи, въ I-мъ томѣ) было намѣчено главное содержаніе этого тома и почти опредѣлился его составъ изъ находившихся въ распоряженіи Комиссіи матеріаловъ и изъ докладовъ, прочитанныхъ въ ея засѣданіяхъ; въ дальнѣйшемъ были добавлены еще нѣкоторыя статьи. Дѣло было лишь за средствами.

Въ томъ же 1906 году Комиссія вошла съ особымъ ходатайствомъ къ Его Высокопревосходительству Господину Министру Финансовъ о назначеніи казенной субсидіи на печатаніе дальнѣйшихъ «Трудовъ» Комиссіи.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по Всеподданнѣйшему докладу г. Министра Финансовъ, въ 27-й день октября 1906 года ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ: «Отпустить изъ суммъ Государственнаго Казначейства состоящей при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Музыкально-Этнографической Комиссіи въ Москвѣ 2.000 рублей въ единовременное пособіе на изданіе трудовъ этой Комиссіи», о чемъ г. Министръ Финансовъ увѣдомилъ Комиссію отношеніемъ отъ 28 октября 1906 г. зз № 9821.

По полученіи этого извѣщенія Комиссія приступила къ пересмотру и окончательной обработкѣ для печати намѣченныхъ матеріаловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ею возбужденъ былъ вопросъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Общества о редакторствѣ предположеннаго къ изданію II-го тома. Въ засѣданіи Отдѣла 2 декабря 1906 г. редакторомъ этого тома былъ утвержденъ предсѣдатель Комиссіи, онъ же товарищъ предсѣдателя Отдѣла, непр. чл. Общества Н. А. Янчукъ, согласно ходатайства о томъ Комиссіи. Подго-

товленіе обширныхъ матеріаловъ, особенно кропотливая работа по переводу фонографическихъ записей, и окончательное редактированіе потребовали значительнаго времени, и печатаніе II-го тома началось только въ концѣ 1907 г. и продолжалось въ слѣдующіе годы (см. протоколы засѣданій Комиссіи LI, LIV, LVII, LVIII, LX), притомъ съ большими проволочками, какъ вслѣдствіе медленнаго поступленія матеріаловъ и затяжекъ по изготовленію иллюстрацій и нотъ, такъ и по причинѣ служебнаго недосуга редактора и другихъ членовъ, а также вслѣдствіе того, что одновременно Комиссія была занята другими своими изданіями, а именно: печатаніемъ III-го тома своихъ «Трудовъ», вышедшаго уже въ свѣтъ въ 1907 г. подъ ред. П. Д. Самарина, составленіемъ 2-го выпуска «Школьнаго Сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ», изданнаго въ 1910 году, наконецъ, подготовкой и печатаніемъ IV-го тома «Трудовъ», находящагося въ печати.

Несмотря на свой обширный объемъ, издаваемый нынѣ II-й томъ далеко не вмѣстилъ всѣхъ матеріаловъ и статей, одобренныхъ Комиссіей къ изданію въ своихъ «Трудахъ», и нѣкоторыя работы членовъ Комиссіи за послѣдніе годы должны были разбиваться и искать себѣ мѣста въ другихъ изданіяхъ, напр., въ журналахъ «Этнографическое Обозрѣніе», «Музыка и Жизнь», другія же оставлены до слѣдующихъ томовъ. Изъ предполагавшихся въ самомъ началѣ матеріаловъ въ этотъ томъ не вошли записи народныхъ пѣсенъ Н. А. Янчука, не приведенныя еще въ порядокъ за недосугомъ, также матеріалы Ю. Н. Мельгунова (о которыхъ упомянуто нѣсколько преждевременно въ предисловіи къ 1 вып. III-го тома), такъ какъ редактированіе ихъ, какъ оказалось, требуетъ особой внимательности и большой работы, для которой пока не нашлось времени и свободныхъ рукъ; наконецъ, не нашлось здѣсь пока мѣста для цѣлаго ряда интересныхъ музыкальныхъ записей, достойныхъ опубликованія, какъ собранныхъ членами Комиссіи, такъ и другими лицами въ недавнее время или прежде, каковы, напр., записи русскихъ пѣсенъ поэта Н. Ѳ. Щербины отъ 1850-хъ годовъ, разсмотрѣнныя въ докладѣ предсѣдателя Комиссіи (см. проток. XXXIV засѣданія) и одобренныя къ изданію. Въ недавнее время въ распоряженіе Комиссіи поступили два весьма цѣнныя и обширныя рукописныя собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ покойныхъ этнографовъ-музыкантовъ Н. Е. Пальчикова и В. М. Орлова, при содѣйствіи П. Д. Самарина, и большой рукописный бѣлорусскій сборникъ А. К. Чумакова, удостоенный отъ нашего Общества серебряной медали въ истекшемъ 1910 году; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыми членами Комиссіи уже приготовлены новыя обширныя работы по музыкальной этнографіи: А. М. Листопадовымъ — по Донской области (полный свадебный ритуалъ), Д. И. Аракчіевымъ — по Кавказу. Такимъ образомъ со стороны научно-музыкальнаго, строго подобраннаго матеріала

уже обезпеченъ дальнѣйшій томъ, и, вѣроятно, не одинъ, лишь были бы средства ихъ издать.

Слѣдующій очередной томъ «Трудовъ» Комиссіи, который также долженъ быть посвященъ музыкальнымъ матеріаламъ и изслѣдованіямъ, будетъ по счету V-й; печатающійся же въ настоящее время т. IV-й, выходъ въ свѣтъ котораго ожидается еще въ этомъ году, посвященъ исключительно «Опытамъ художественной обработки народныхъ пѣсенъ», сдѣланнымъ въ разное время членами Комиссіи, преимущественно для устраиваемыхъ Комиссіею «этнографическихъ концертовъ».

При выпускѣ въ свѣтъ настоящаго II-го тома «Трудовъ» Комиссія считаетъ своимъ долгомъ выразить благодар ность любителю-фотографу В. С. Попову, иллюстрировавшему безплатно своими снимками статью А. Л. Маслова по описанію музыкальныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго Музея въ Москвѣ.

А 9 1 27

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. . . . . III—V.

Матеріалы, собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 г. *А. В. Марковымъ*, *А. Л. Масловымъ*, и *Б. А. Богословскимъ*.

Часть вторая: Терскій берегъ Бѣлаго моря. Съ приложеніемъ 62 великорусскихъ напѣвовъ . . . . . 1—117.

Предисловіе, съ 13-ю иллюстраціями (1—22).

I. Духовные стихи (23—42).

II. Былины и историческія пѣсни (43—101).

III. Пѣсни протяжныя, хороводныя, плясовыя, рождественскія, величальныя (103—110).

IV. Свадебныя причитанія (111—116).

Замѣчанія къ бѣломорскимъ напѣвамъ (117).

Приложс. Напѣвы Терскаго берега Бѣлаго моря, собранные въ 1901 г. (стр. 1—13).

Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ западной Грузіи (Имеретіи). Музыкально-этнографическая экспедиція 1901—1903 гг. Съ приложеніемъ 83 пѣсенъ въ народной гармонизаціи. *Д. И. Аракчіева.* . . . . . 119—203.

I. Гурійская вѣтвь, съ 3-мя иллюстраціями (119—138). Тексты гурійскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ (139—151).—39 гурійскихъ пѣсенъ въ народной гармонизаціи, запис. въ 1902 г. (стр. 1—40).

II. Мингрельская вѣтвь, съ 3-мя иллюстраціями (153—170).—Тексты мингрельскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ (171—176).—26 мингрельскихъ пѣсенъ въ народной гармонизаціи, запис. въ 1900—2 гг. (стр. 1—17).

III. Нѣсколько замѣчаній объ имеретинской народной пѣснѣ Рачинскаго уѣзда Кутаисской губ. (177—178).—Тексты имеретинскихъ пѣсенъ Рачинскаго у. Кутаисской губ. съ русскимъ переводомъ (179—184).—16 имеретинскихъ пѣсенъ Рачинскаго уѣзда въ народной гармонизаціи, запис. въ 1901—2 гг. (стр. 1—11).

IV. О грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса, съ 25 иллюстраціями (185—202).—Библіографія грузинской музыки (202—203).

Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ, въ Москвѣ. Съ 137 рисунками въ текстѣ, 3 таблицами и алфавитнымъ указателемъ. Составилъ *А. Л. Масловъ*. . . . . .205—268.

I. Струнные музыкальные инструменты: а) щипковые - арфообразные (207—216); б) щипковые-лютневидные (216—225); в) смычковые (226—239); г) ударные (239—241).
II. Духовые музыкальные инструменты: а) лабіальные, одно-и дву-трубчатые (242—247); б) язычковые, съ простымъ и двойнымъ язычкомъ (247—253); в) амбушюрные (253—256); г) многотрубчатые и волынки (256—261).
III. Ударные инструменты (261—266).—Указатель (267—268).

О примѣненіи фонографа къ этнографіи и въ частности о записи шаманскаго камланія въ Средне-Колымскѣ Якутской области. Съ 11-ю иллюстраціями въ текстѣ и напѣвами. *Д. Н. Анучина*. 269—297.

Приложенія. I. Пѣсни якутскихъ казаковъ и шаманскія заклинанія якутовъ. Тексты, записанные *Я. Строжецкимъ* (285—296). —
II. Напѣвы якутскихъ пѣсенъ и шаманскихъ заклинаній по фонографическимъ записямъ *Я. Строжецкаго*, снятымъ съ валиковъ *А. Л. Масловымъ* (стр. 1—4).—Замѣчанія къ якутскимъ напѣвамъ, *А. Маслова*. (297).

Былины, ихъ происхожденіе, ритмическій и мелодическій складъ. Съ музыкальными приложеніями. Изслѣдованіе *А. Л. Маслова*. 299—327.

Нотное приложеніе (стр. 1—9).

Русскія народныя пѣсни Вологодской губерніи: святочныя, протяжныя, скорыя. Съ приложеніемъ 16 напѣвовъ въ подлинно-народной гармонизаціи, съ предисловіемъ. *А. Н. Попова*. . . .329—340.

Нотное приложеніе (стр. 1—4).

Записи народныхъ пѣсенъ въ 1904 году. Поѣздка въ Донскую область для собиранія казачьихъ и малорусскихъ пѣсенъ и записи великорусскихъ пѣсенъ Орловской и Пензенской губерній. Съ приложеніемъ 30 пѣсенъ въ народной гармонизаціи. *А. М. Листопадова*. . . . . .341—363.

Нотное приложеніе (стр. 1—14).

Народное творчество, русская музыка и Н. А. Римскій-Корсаковъ. Посвящено памяти Н. А. Римскаго-Корсакова, съ его портретомъ и facsimile. *П. А. Карасева* . . . . . .365—377.

Мысли В. В. Стасова о народности въ музыкѣ. Посвящается памяти *В. В. Стасова*, съ его портретомъ. *Е. Э. Линевой* . . . .379—385.

Выкрики и напгрыши. Записи *Д. И. Аракчіева*, *М. Е. Славинскаго* и *А. Д. Кастальскаго*. Съ предисловіемъ *Н. А. Янчука*. 386.

Нотное приложеніе (стр. 1—9).

Критика и Библіографія. . . . . 389—396.

1. Отчеты о книгахъ и изданіяхъ: *Андрій Коношенко.* Украинськи письни зъ потамы. **А. М—ва.**—*И. Демченко.* Украинське весилля. **Его-же.** — Сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. П. Потанина (С. К. Булычъ. Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей. — А. Д. Рудинъ. Мелодіи монгольскихъ племенъ). **Его-же.**—*Л. Е. Воеводинъ.* 45 старинныхъ пѣсенъ заводовъ Пермской губ. Изд. Пермской Ученой Архивной Комиссіи. **Его-же.**—*Leos' Janacek.* Ukvalskà lidovà poezie v pisnich. **М.** — *В. Д. Коргановъ.* Кавказская музыка. Сборникъ статей. Изд. 2-е. **А—ва.**—Турецкія народныя пѣсни. (Труды по Востоковѣдѣнію, издав. Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ. Вып. XVII). **Его-же.**—*А. Зачиняевъ.* Къ вопросу о коломыйкахъ. (Извѣстія Отд. Русс. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ, т. XII, кн. 1). **А. Маслова.**—Сборники солдатскихъ пѣсенъ *В. М. Маркозова*, *П. Ф. Егорова* и *Г. М. Попова.* **Д. Ар—ва.** (389—396).

2. Библіографическій указатель книгъ и статей по музыкальной этнографіи. Составилъ *А. Л. Масловъ* (397—400).

Протоколы засѣданій Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1906—1910 гг. Засѣданія XLV—LXXII. . . . . 1—27.

Программы «Этнографическихъ Концертовъ» и лекцій, устроенныхъ Музыкально-Этнографической Комиссіей . . . . . 28—34.

Списокъ членовъ Музыкально - Этнографической Комиссіи. . 35.

Объявленія и списокъ изданій Этнографическаго Отдѣла . . 36—40.

МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года

А. В. МАРКОВЫМЪ, А. Л. МАСЛОВЫМЪ и Б. А. БОГОСЛОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Терскій берегъ Бѣлаго моря.

I. Духовные стихи.
II. Былины и историческія пѣсни.
III. Лирическія пѣсни и причитанія.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-ВО СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1908.

Предисловіе.

Въ первую часть „Матеріаловъ, собранныхъ въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года“, вошли записи, сдѣланныя въ волости Зимней Золотицѣ, на Зимнемъ берегу. Въ настоящее время печатается остальной музыкально-этнографическій матеріалъ, который былъ собранъ экспедиціею въ Архангельскую губернію, предпринятою членами Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи А. В. Марковымъ и А. Л. Масловымъ, при участіи Б. А. Богословскаго, на средства Императорской Академіи Наукъ и Этнографическаго Отдѣла.

Эту вторую часть составляютъ духовные стихи, былины, пѣсни и причитанія, записанные на Терскомъ берегу (южное побережье Кольскаго полуострова). Записи были сдѣланы въ западной части Терскаго берега: въ селѣ Кáндалакшѣ, въ близъ лежащей деревнѣ Ѳедосеевѣ и въ двухъ селахъ, расположенныхъ по рѣкѣ Вáрзугѣ—Кýзомени и Вáрзугѣ. Кромѣ этихъ селеній, мы посѣтили въ Поморьѣ деревню Княжую (Княже-губа, Кнесси-лахта), на Терскомъ берегу с. Умбу, по среднему теченію р. Онеги дер. Наволóкъ и с. Ѳедóво (при устьѣ Моши; на нѣкоторыхъ картахъ ошибочно—„Федорова“) и на средней Сѣв. Двинѣ с. Верхнюю Тóйму (Троицкій Верхотоимскій); но ни въ одномъ изъ этихъ селеній намъ не удалось ничего записать или вслѣдствіе нелюдимости крестьянъ, или благодаря страдной порѣ (въ іюлѣ).

Терскій берегъ живетъ почти такою же промышленною жизнью, что и Зимній. Звѣриный промыселъ зимою и ловля рыбы лѣтомъ составляютъ основу крестьянскаго хозяйства. Какъ и по всему побережью Бѣлаго моря, здѣсь земледѣліе не играетъ почти никакой роли. Въ Кáндалакшѣ есть еще жалкіе огороды, въ которыхъ едва вырастаетъ рѣпа и только въ рѣдкіе годы—картофель; въ Кýзомени и Вáрзугѣ нѣтъ и этихъ овощей. Хлѣбныя растенія совершенно неизвѣстны, благодаря чему въ записанной нами пѣснѣ (№ 64) слово „просо“ искажено въ „росу“.

Въ предисловіи къ I части „Матеріаловъ“ было указано на нѣкоторый упадокъ былинной традиціи на Терскомъ берегу, въ сравненіи съ тою свѣжестью и живучестью, которою отличаются былины Зимняго берега. Этотъ упадокъ проявляется въ томъ, что на Терскомъ берегу былины извѣстны почти исключительно женщинамъ (намъ не удалось найти мужчинъ, знающихъ былины, хотя намъ указывали нѣкоторыхъ, находившихся въ отлучкѣ); что подчасъ былины поются не до конца, и конецъ забывается; что терминъ „старина“ смѣшивается съ терминомъ „стихъ“, а нѣкоторымъ пѣвицамъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Это обстоятельство, повидимому, зависитъ отъ того, что населеніе здѣсь стоитъ въ тѣсной связи съ промышленнымъ центромъ, Мурманскимъ берегомъ, откуда распространяются новыя моды и новыя пѣсни. Несмотря на это, терскія былины представляютъ большую цѣнность въ томъ отношеніи, что и по содержанію, и по напѣвамъ онѣ значительно отличаются, какъ отъ былинъ Зимняго берега, такъ и отъ олонецкихъ. По содержанію терскія былины нѣсколько ближе стоятъ къ поморскимъ (По-

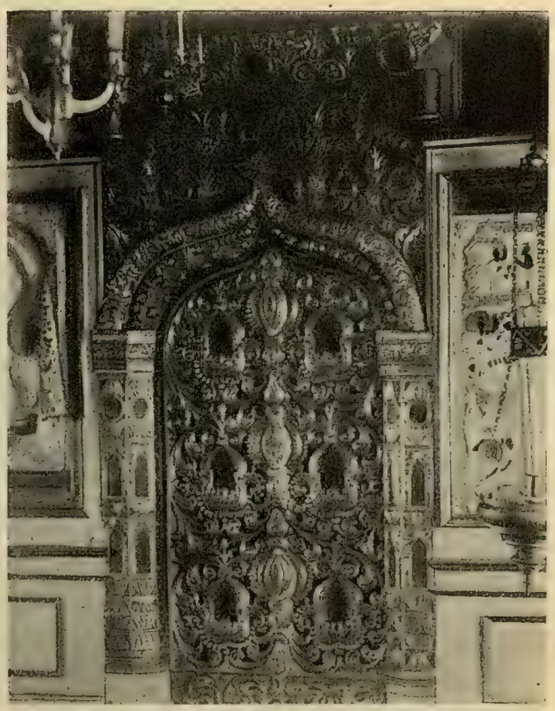
морье—западный берегъ Бѣлаго моря)[1]), но многія изъ нихъ въ Поморьѣ до сихъ поръ не были записаны. Насколько близки терскія былины къ поморскимъ по напѣву, ничего нельзя сказать, такъ какъ мелодіи поморскихъ былинъ совершенно неизвѣстны.

Если Терскій берегъ значительно отличается отъ Зимняго въ отношеніи сохранившихся былинъ, то подобное же отличіе мы видимъ и въ отношеніи другихъ видовъ народнаго творчества. Духовные стихи, мало извѣстные въ Золотицѣ сказателямъ былинъ (нѣкоторые тамошніе сказатели относятся даже съ пренебреженіемъ къ этому виду поэзіи, какъ составляющему спеціальность бѣдныхъ каликъ и доставляющему имъ пропитаніе), на Терскомъ берегу широко распространены и даже смѣшиваются, какъ выше упомянуто, съ „старинами“. Особенная популярность стиховъ въ Кандалакшѣ и Ѳедосеевѣ, повидимому, объясняется тѣмъ, что въ Кандалакшѣ нѣкогда существовалъ монастырь, послѣ разоренія котораго остались старыя книги, до сихъ поръ читающіяся стариками. Что касается причитаній, то и въ этомъ отношеніи Терскій берегъ радикально отличается отъ Зимняго: терскія причитанія разнятся отъ золотицкихъ не только по содержанію, но и по метрикѣ.

Село Кàндалакша (видъ съ сѣв. стороны).

[1]) См. Бѣломорскія былины, запис. *А. Марковымъ*, стр. 7.

Свои записи мы начали производить въ с. Кандалакшѣ, куда мы прибыли 19 іюня. Это, несомнѣнно,—самое красивое село на Бѣломорскомъ побережьѣ. Расположено оно при устьѣ вѣчно шумящей, порожистой рѣки Нивы, по обѣимъ ея сторонамъ. Узкая долина рѣки, какъ бы сдавленная съ двухъ сторонъ лѣсистыми горами, около моря нѣсколько расширяется и даетъ достаточно простора для лежащаго по отлогимъ склонамъ селенія. Прямо надъ селомъ, на лѣвомъ берегу рѣки расположена гора Глядѣнь, а за нею, господствуя надъ всею окрестностью, возвышается Крестовая гора съ голой каменистой вершиной, на которой стоитъ высокій крестъ. Село Кандалакша очень старое. Извѣстно, что въ XVI ст. здѣсь существовалъ Ко́ковъ монастырь; основанъ онъ былъ около 1526 года, но въ 1590 былъ разоренъ шведами и съ тѣхъ поръ болѣе не возобновлялся. На мѣстѣ, гдѣ стояла церковь этого монастыря, на лѣвомъ берегу Нивы, и теперь еще стоитъ деревянная церковь, въ которую царскія врата, по преданію, перенесли изъ монастырской церкви; дѣйствительно, они имѣютъ очень архаическій видъ. Вокругъ этой церкви видны кирпичи—слѣды монастырскихъ стѣнъ. Вѣроятно, монастырь былъ основанъ тогда, когда на берегахъ Кандалакшской губы еще не было русскаго населенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее лѣтописное извѣстіе.



Царскія врата въ церкви с. Кандалакши.

„Крестилися лопляне. Того же лѣта (7034 = 1526) били челомъ великому князю Василью лопляне, пришедъ съ моря Окіана, изъ Кандоложской губы, съ усть-Невы рѣки великія, — просили крещенія и церкви. И князь великій послалъ о томъ въ Новградъ къ архіепископу Макарію. Архіепископъ же Макаріе избра отъ собора святыя Софіи священника и діакона, и посла ихъ, и съ ними антимисъ на освященіе церкви въ Лопи. Они жъ шедше совершиша церковь и освятиша ея во имя Рожества Іоанна Предтечи, и многихъ лоплянъ крестиша во имя Отца, и Сына, и святаго Духа“ [1]).

Слѣды нѣкогда бывшаго въ Кандалакшѣ монастыря сохранились также въ жизни крестьянъ. Среди нихъ до сихъ поръ еще есть нѣсколько стариковъ, хранящихъ довольно большое количество старыхъ книгъ религіознаго содержанія, изъ которыхъ нѣкоторыя писаны еще въ XVI в. Встрѣчаются также и крюковыя ноты съ киноварными помѣтами (у крестьянина Якова Кяльмина). Болѣе

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, VI, 282; „Рускій Времянникъ“, ч. II. М. 1820. Стр. 343.

старыхъ нотъ встрѣтить не пришлось. Нужно сказать, что старыя книги не лежатъ подъ спудомъ, а читаются грамотными стариками, которые выучились отъ своихъ же отцовъ и потому свободно разбираютъ полууставъ и скоропись, плохо зная гражданскую печать. Только новое поколѣніе, учащееся въ сельской школѣ, не понимаетъ старыхъ письменъ. Но насколько сильны традиціи старой письменности, видно, напримѣръ, изъ того, что въ надписи на крестѣ, поставленномъ на Крестовой горѣ въ 1891 г., сохранено очень древнее правописаніе: „*августа* 10 дня". Въ Кандалакшѣ и ея окрестностяхъ сохранилось много старыхъ крестовъ. На обломкахъ стараго креста, стоявшаго на Крестовой горѣ, можно еще прочитать еле видную надпись: „лѣта 7202-го... въ 1" (т.-е. 1694 г. такого-то мѣсяца въ 1 день). Подобные кресты можно видѣть во многихъ мѣстахъ по побережью Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Ставятся они большею частью по обѣту спасшимися отъ какой-либо опасности мореплавателями, а иногда воздвигаются вмѣсто часовни въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ церквей. Нерѣдко такіе кресты посвящаются какому-нибудь опредѣленному святому, большею частью свв. Зосимѣ и Савватію. На спускѣ съ горы Глядня стоитъ старый крестъ, пользующійся славой исцѣляющаго отъ зубной боли; больные ставятъ передъ нимъ свѣчи и грызутъ его ветхія доски. На нѣкоторыхъ изъ большихъ крестовъ указывается годъ ихъ постановки. Такъ, въ сосѣдней съ Кандалакшей деревнѣ Ѳедосеевѣ сохранились обломки креста съ надписью: „7242 лѣта" (1734 г.). Самый старый крестъ съ надписью (см. прилагаемый снимокъ) стоитъ до сихъ поръ еще очень твердо въ оградѣ одной изъ церквей (на правой сторонѣ рѣки). На немъ довольно ясно сохранились вырѣзанныя изображенія копія, трости, главы Адамовой, и еще можно прочесть часть надписи: „Царь славы Іисусъ Христосъ. Поставленъ сій крестъ... лѣта 7191 мѣсяца мая въ 9. Ника". Такимъ образомъ, благодаря благопріятнымъ атмосферическимъ условіямъ, этотъ деревянный крестъ существуетъ въ удивительной сохранности болѣе 220 лѣтъ (съ 1683 года).

Крестъ въ церковной оградѣ въ с. Кандалакшѣ.

Кандалакшскіе крестьяне живутъ тѣмъ же сельдянымъ промысломъ, что и жители Княжой. За послѣдніе годы рыбы было мало, и крестьяне жаловались на плохой уловъ. По ихъ разсказамъ, въ прежніе годы иногда въ одну недѣлю

ловили столько сельдей, что ими можно было прокормиться въ теченіе цѣлаго года. Прежде ходили также на Мурманъ, иногда человѣкъ по 70—80; теперь же этотъ родъ заработка совершенно оставленъ, такъ какъ находятъ болѣе выгоднымъ работать на лѣсопильныхъ заводахъ.

Несмотря на плохія пастбища, здѣсь держатъ довольно много скота: коровъ, овецъ, оленей и даже нѣсколько лошадей, вообще очень рѣдкихъ на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря. Нужно сказать, что на лѣто лошадей, такъ же какъ оленей и овецъ, отвозятъ на одинъ островъ, гдѣ онѣ гуляютъ безъ всякаго присмотра.

Нѣкоторымъ крестьянамъ доставляетъ доходъ ловля жемчуга, который находится въ Нивѣ и въ другихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Кандалакшскую губу. О приключеніяхъ съ ловцами жемчуга ходятъ различныя преданія.

Когда еще царство было на Москвѣ, кандалакшскій мужикъ Андронъ ходилъ туда и поднесъ жемчугу царю. Царь долго думалъ, чѣмъ бы наградить

Игра „поле“ (хороводъ) въ с. Кандалакшѣ.

мужика, и наконецъ придумалъ: приказалъ открыть для него всѣ московскіе кабаки и сказалъ: „Гуляй, Андронъ, сколько хочешь; пей безденежно, безкопеечно“. А у Андрона была шапка, худая, плохенькая. Много Андронъ пилъ вина, да во хмелю и затерялъ свою шапку. Явился онъ къ царю и проситъ отыскать ему шапку. Царь ему даетъ и ту, и другую: „Бери какую хочешь богатую шляпу“. А Андронъ и ухомъ не ведетъ: подавай ему непремѣнно свою собственную рваную шапку. Нечего дѣлать царю; велѣлъ отыскать его шапку. Съ того времени и пословица идетъ: „Андроновая шапка на Москвы не потерялась“.

Существуютъ также преданія о томъ, какъ къ царю ходили на поклонъ съ жемчугомъ жители села Керети, находящагося также на берегу Кандалакшской губы. Такъ, одного крестьянина, который ходилъ съ жемчугомъ къ царю и получилъ отъ него часы, прозвали „Часовымъ“. Другой керетанинъ нашелъ необычайно крупную жемчужину и понесъ ее въ подарокъ царю. Царь въ награду

обѣщалъ ему дать все, чего только онъ ни пожелаетъ. Тогда мужикъ сталъ жаловаться, что его преслѣдуютъ крестьяне, и просилъ царя дать ему волю надъ всѣми керечанами. Царь обѣщалъ ему дать волю надъ всей Керетью. И вотъ мужикъ, вернувшись домой, выстроилъ большой амбаръ, засадилъ туда крестьянъ, насыпалъ кругомъ большія кучи хворосту, зажегъ его и спрашиваетъ: „Керечане, вамъ не чадно ли?“ Съ тѣхъ поръ керечанъ стали звать „чадимыми“.

24 іюня въ Кандалакшѣ былъ храмовой праздникъ. Въ полдень женское населеніе почти все собралось на каменистой, покрытой мохомъ, лужайкѣ около села, и молодыя дѣвушки начали сложную игру, подъ названіемъ „поле“. Эта игра представляетъ изъ себя не оживленный хороводъ средней Россіи, сущность котораго заключается въ возможности молодымъ людямъ познакомиться и весело

Игра „поле“, тамъ же (6-я фигура).

провести время; нѣтъ, „поле“—цѣлое священнодѣйствіе, сохраняющее всѣ черты важнаго обряда, освященнаго древностью преданія. „Поле“ состоитъ изъ девяти хороводныхъ игръ, которыя слѣдуютъ одна за другою въ опредѣленномъ порядкѣ и исполненіе которыхъ затягивается на нѣсколько часовъ. Большинство игръ называется по начальнымъ словамъ соотвѣтствующихъ имъ пѣсенъ. Вотъ ихъ названія: 1) большой кругъ, 2) „Заплетися плетень“, 3) „Ужъ мы просо сѣяли“, 4) „Кругомъ города царевичъ“, 5) „По настечку ходили“, 6) „Вышли двѣ дѣвицы на улицу гулять“, 7) „Я качу, качу по блюдечку“, 8) веревочка и 9) руковитье. Всѣ эти игры исполняются въ хороводахъ разныхъ мѣстностей Россіи, но нигдѣ, кромѣ Бѣломорскаго побережья, онѣ не соединяются въ одну цѣльную церемонію.

Вотъ описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ игръ. Шестая игра (см. прилагаемый снимокъ) заключается въ слѣдующемъ: всѣ играющія дѣвушки становятся въ

два ряда; образуется коридоръ изъ нѣсколькихъ паръ. Одна пара выходитъ изъ ряда, нѣсколько разъ прохаживается между двумя стѣнками и, при словахъ пѣсни: „взмахнули дѣвицы по рукаву“, поднимаетъ правую руку къ лицу. По окончаніи пѣсни эта пара, раньше стоявшая на одномъ краю коридора, удаляется къ другому краю. Затѣмъ выходитъ новая пара, и пѣсня повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ участницы игры не перейдутъ на другой край коридора.

Игра „веревочка“ состоитъ въ томъ, что шесть дѣвушекъ отдѣляются отъ остальныхъ и становятся поодаль. Другія собираются въ кругъ съ лицами, обращенными внутрь круга. Одна изъ нихъ, ходя около круга, ударяетъ рукою какую-нибудь дѣвушку по спинѣ; тогда онѣ обѣ рядомъ идутъ къ стоящимъ отдѣльно шести и, ударивши двухъ изъ нихъ платками, при концѣ пѣсни возвращаются вчетверомъ въ кругъ.

Игра „поле“ въ с. Кàндалакшѣ (фигура „руковитье“).

Въ то время, какъ играется „веревочка“, приходятъ парни, и послѣдняя игра, „руковитье“ (см. прилагаемый снимокъ), происходитъ уже при ихъ участіи. Эта игра похожа нѣсколько на нашъ „chaîne“.

Всѣ игры исполняются въ строгомъ порядкѣ, при стройномъ пѣніи унисоннаго хора. Рѣдко гдѣ встрѣчаются одновременныя созвучія двухъ различныхъ звуковъ. Безстрастно и методично выступаютъ дѣвушки; такъ же чинно ходятъ и парни, словно совершая религіозный обрядъ. Никто не засмѣется и не заговоритъ; обыкновенно ходятъ опустивши глаза къ землѣ. Для „поля“ дѣвушки наряжаются извѣстнымъ образомъ, по-старинному: онѣ играютъ въ цвѣтныхъ шерстяныхъ сарафанахъ, съ шелковыми платками на плечахъ, темными перчатками на рукахъ и длинными лентами въ косахъ; головы ихъ повязаны „косынь-

ками", т.-е. сложенными въ полосу платками; поверхъ этихъ косынокъ, непремѣнно шелковыхъ, кладутся нитки бѣлаго бисера; изъ такихъ же нитокъ дѣлаются длинныя, спускающіяся до плечъ серьги. Когда игра была окончена, начались танцы. Танцовали кадриль подъ пѣніе пѣсенъ. Обыкновенно танцуютъ подъ гармонику, но на этотъ разъ гармониста не было въ селѣ.

Кромѣ гармоники, въ Кандалакшѣ извѣстенъ лишь одинъ музыкальный инструментъ—самый первобытный пастушій рожокъ, съ деревяннымъ пищикомъ и раструбомъ изъ бересты; этотъ инструментъ издаетъ очень ограниченное число звуковъ.

Изъ Кандалакши мы совершили небольшую экскурсію за 10 верстъ, въ деревню Ѳедосеево, въ самую глубь Кандалакшской губы. Ѳедосеево расположено на островѣ, отдѣляющемся отъ материка проливомъ шириною въ двѣ сажени. По этому проливу постоянно течетъ вода то въ одну сторону, то въ другую. Эта рѣчка, два раза въ сутки текущая внизъ и два раза вверхъ, представляетъ собою очень оригинальное явленіе природы.

Ѳедосеево, окруженное почти всегда спокойнымъ моремъ, которое, въ свою очередь, со всѣхъ сторонъ закрыто высокими лѣсистыми горами, кажется мертвымъ. Но здѣсь теплѣе, чѣмъ въ Кандалакшѣ, и растительность богаче: со всѣхъ сторонъ были видны зеленые сосновые лѣса, уступами спускающіеся къ самому

Погостъ въ селѣ Кузомени.

морю; только вдали, въ ущельяхъ между голыми вàраками (горами) блестѣлъ іюньскій снѣгъ.

Въ Ѳедосеевѣ мы впервые пустили въ ходъ графофонъ. Бойкая старуха Борисова первая рѣшилась пѣть „въ машинку, въ которой дьяволъ сидитъ“; ей было любопытно, какъ это онъ потомъ будетъ „дразниться“. Какъ на мѣстопребываніе дьявола, Борисова указывала на штифтикъ діафрагмы, и до нѣкоторой степени угадала правду. Послѣ этого перваго опыта, записи голоса графофономъ не представляли особаго затрудненія: слыша знакомые напѣвы, крестьянки съ меньшимъ страхомъ относились къ „машинкѣ“.

Въ Ѳедосеевѣ, кромѣ записей отъ мѣстныхъ жительницъ, мы сдѣлали одну запись отъ пріѣзжей крестьянки: старину о братьяхъ-разбойникахъ и ихъ сестрѣ мы записали отъ Елены Васильевны Гришановой, родомъ изъ Шуньги, Олонецкой губ. Петрозаводскаго уѣзда.

---

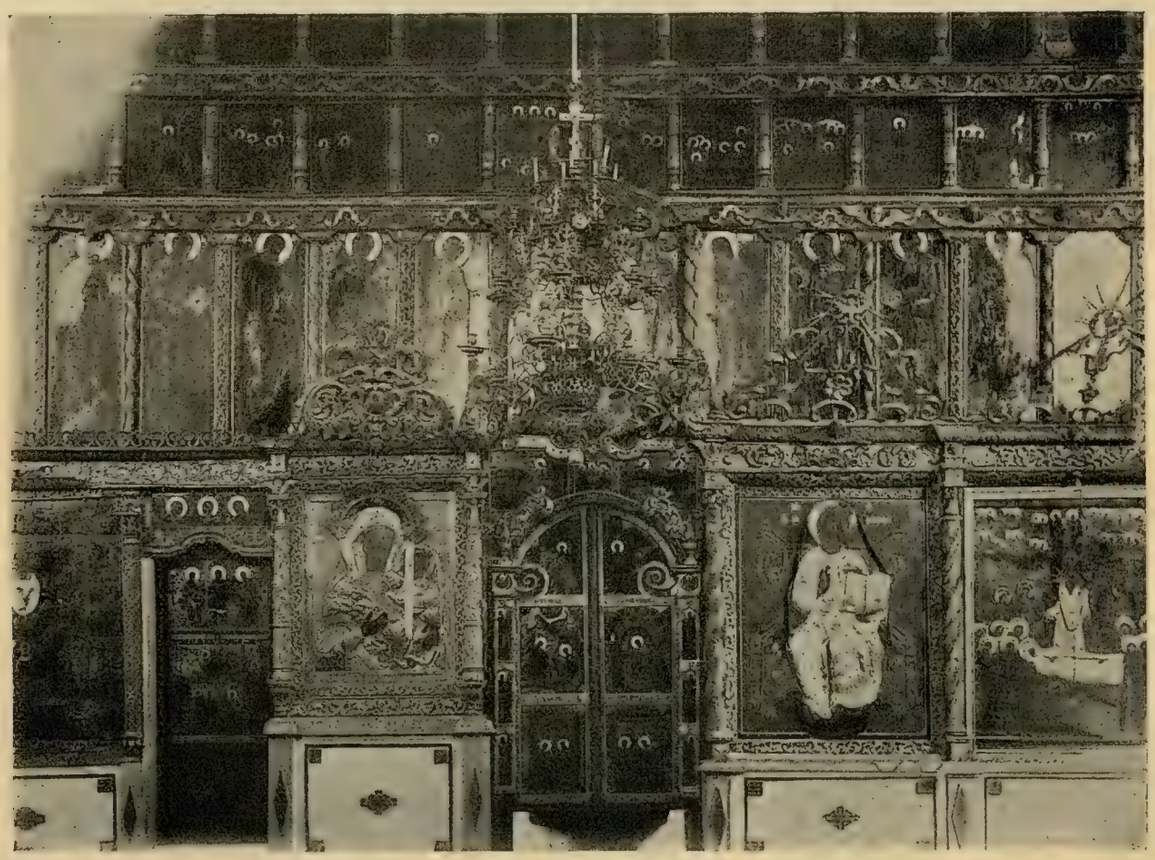
27 іюня мы были уже въ Ку́зомени. Это большое, въ 140 дворовъ, промышленное село, широко раскинувшееся на низкомъ, ровномъ морскомъ берегу, при устьѣ рѣки Варзуги, представляетъ собою торговый и административный центръ Терскаго берега. Въ селѣ—двѣ церкви, училище, квартира станового пристава. Здѣсь же живутъ и главные капиталисты Терскаго берега, скупающіе семгу, звѣриное сало и оленьи шкуры и ведущіе торговлю, преимущественно въ обмѣнъ на товары, привозимые изъ Архангельска на собственныхъ судахъ. Для крестьянъ при училищѣ устраивались чтенія съ туманными картинами. Въ качествѣ чтецовъ выступали учитель, одинъ изъ крестьянъ, получившій образованіе въ Архангельскѣ, а также становой приставъ П. А. Таракинъ, бывшій раньше

Село Вàрзуга.

учителемъ въ г. Колѣ. Очевидно, на крайнемъ сѣверѣ нѣтъ того строгаго разграниченія общественныхъ функцій, которое господствуетъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, и нерѣдко административная и образовательная дѣятельность объединяются въ одномъ лицѣ, чего, какъ извѣстно, въ средней Россіи не бываетъ.

Крестьянское общество настолько богато, что могло построить на свой счетъ новую церковь и обширное зданіе для школы. Ловля семги даетъ возможность среднему крестьянину заработать въ годъ отъ 500 до 1000 рублей. Продажа рыбы обыкновенно производится въ теченіе октября, когда въ Кузомень на ярмарку приходятъ суда изъ Архангельска, Кеми и различныхъ селъ по Поморью и Терскому берегу.

Ку́зомень—совсѣмъ молодое село. Лѣтъ 25—30 тому назадъ оно представляло изъ себя небольшіе выселки, отдѣлившіеся отъ села Ва̀рзуги, лежащаго въ 18 верстахъ вверхъ по рѣкѣ. Въ то время, какъ разсказываютъ старики, кругомъ стоялъ большой сосновый лѣсъ, но его такъ безжалостно жгли въ холодные зимніе дни, что теперь на три версты кругомъ нѣтъ ни одного куста. Вѣтеръ пересыпаетъ громадныя кучи песку, которыя окружаютъ теперь всѣ постройки, оставляя около нихъ воронкообразныя углубленія. По улицамъ трудно ходить,



Иконостасъ въ церкви с. Ва̀рзуги.

нѣтъ ни одной травинки, и овцы жуютъ остатки рыбы, щепу и мочалу. Церковь кажется стоящей въ котловинѣ (см. прилагаемый снимокъ).

Изъ Кузомени мы предприняли поѣздку на лодкѣ въ с. Варзугу, лежащее на рѣкѣ того же названія въ 18 верстахъ отъ моря. Это—довольно обширное, въ 100 дворовъ, село расположено по обоимъ берегамъ широкой, хотя мелкой Варзуги. Пороги, находящіеся за 5 верстъ отъ него внизъ по теченію рѣки, не даютъ возможности обычнымъ бѣломорскимъ судамъ, карбасамъ, доходить до него, а потому здѣсь употребляются маленькія лодочки, сшиваемыя изъ очень тонкихъ досокъ.

Изображеніе св. Параскевы въ церкви с. Варзуги.

Въ селѣ находятся четыре церкви, но съ однимъ священникомъ. Двѣ изъ нихъ очень древнія: одна построена въ 1674 году, другая въ 1705-мъ. Первая, во имя Успенія Божіей Матери, отличается замѣчательной архитектурой, такъ какъ, несмотря на ремонтировки, она сохраняетъ свой первоначальный видъ. Внутри она представляетъ изъ себя коробку, очень широкую поперекъ и короткую вдоль. Особенно интересенъ иконостасъ, простирающійся во всю высоту церкви, до потолка. Иконостасъ этотъ—рѣзной деревянный, очень искусно украшенный многочисленными колонками, имѣющими видъ переплетенныхъ листиковъ и стеблей ползучаго растенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ сдѣланъ по образцу иконостаса въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Между древними иконами этой церкви особенное вниманіе обращаетъ на себя вырѣзанная въ толстой доскѣ въ видѣ барельефа икона св. Парасковіи (см. прилагаемый снимокъ). Лицо святой довольно хорошо воспроизводитъ типъ сѣверно-русской женщины, и что всего замѣчательнѣе, она изображена съ русскимъ кокошникомъ на головѣ. Въ прежнее время икона пользовалась большимъ почитаніемъ: въ честь ея служили молебны, передъ ней зажигали лампады; больные вѣшали на нее изображенія или

символы пораженной части тѣла. Теперь это произведеніе древняго искусства вынесено изъ церкви и спрятано въ кладовой подъ храмомъ.

Мы познакомились съ бывшимъ тогда въ Варзугѣ настоятелемъ церквей, Михаиломъ Николаевичемъ Истоминымъ. Онъ оказалъ намъ большую помощь въ нашемъ дѣлѣ: любезно показалъ намъ церкви, разрѣшилъ сдѣлать фотографическіе снимки съ иконостаса и оригинальной иконы, которую пришлось достать изъ кладовой; свозилъ въ своей лодочкѣ вверхъ по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ осколки старыхъ ручныхъ жернововъ, которыми, по преданію, въ очень старое время мололи зерна монахи Соловецкаго монастыря, имѣвшаго здѣсь становище для ловли рыбы. Наконецъ, онъ же указалъ намъ нѣсколько былинныхъ пѣвицъ. Пользуясь большимъ уваженіемъ среди крестьянъ, онъ увѣрилъ ихъ, что въ пѣніи былинъ нѣтъ грѣха, и что имъ за это не грозитъ никакой непріятности, чего нѣкоторыя изъ пѣвицъ опасались. Одна изъ лучшихъ варзугскихъ пѣвицъ, Ульяна Егоровна Вопіящина, была ему хорошо знакома. Она нѣсколько лѣтъ жила у него въ нянькахъ, и одна изъ ея былинъ была имъ незадолго до того времени записана.

По возвращеніи въ Кузомень, мы записали еще нѣсколько былинъ, пѣсенъ и причитаній. Этимъ закончились наши изслѣдованія на Терскомъ берегу. Бурная погода не дозволила намъ безопасно и съ надеждою на болѣе или менѣе скорое возвращеніе двинуться на карбасѣ далѣе на востокъ по Терскому берегу, хотя, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, былины можно было бы найти въ селахъ: Чаваньгѣ, Тетринѣ, Стрѣльнѣ, Чапомѣ, Пялицѣ и Поноѣ. Позднѣйшая поѣздка А. В. Маркова въ с. Поной подтвердила эти указанія, полученныя въ Кузомени *). Мы боялись, что путешествіе въ лодкѣ по морю можетъ слишкомъ затянуться и не дастъ намъ времени побывать въ Зимней Золотицѣ, гдѣ мы должны были записать мелодіи къ „Бѣломорскимъ былинамъ“. Поэтому прямо изъ Кузомени мы отправились въ Архангельскъ, а оттуда въ З. Золотицу. Результаты этой поѣздки были уже напечатаны въ первой части нашихъ „Матеріаловъ“.

Выше было упомянуто, что на Терскомъ берегу и въ Кандалакшѣ пѣніе былинъ распространено почти исключительно среди женщинъ. Намъ не удалось записать былины ни отъ одного мужчины. Отчасти это объясняется тѣмъ, что многихъ мужчинъ мы не застали на мѣстѣ; но нужно указать и на то, что здѣсь замѣчается значительный упадокъ былинной традиціи, въ сравненіи съ озернымъ краемъ Олонецкой губерніи, Зимнимъ берегомъ, Мезенью и Печорой, гдѣ былины распространены среди крестьянъ даже шире, нежели среди крестьянокъ. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что лишь очень немногія былины о богатыряхъ пользуются популярностью на Терскомъ берегу; чаще встрѣчаются старины, носящія характеръ баллады или фабліо. Но это паденіе былинной традиціи, повидимому, лишь новое явленіе. Многія изъ нашихъ пѣвицъ заучивали свой репертуаръ отъ мужчинъ. Намъ указали значительное количество пѣвцовъ былинъ, которые находились въ отсутствіи. Вотъ эти крестьяне: 1) въ Кандалакшѣ: Алексѣй Рагозеровъ, Михайло Романовичъ Пушкаревъ; 2) въ Ѳедосеевѣ: Николай Степановичъ Крыловъ; 3) въ Кузомени: Николай Пироговъ; 4) въ Варзугѣ: Никифоръ и Николай Ивановичи Коворнины, Романъ Кривоноговъ (знаетъ объ Ильѣ Муромцѣ на заставѣ); М. Ѳ. Приданникова, выучившая свои старины отъ отца, говорила,

*) Музыкально-этнографическіе матеріалы, собранные въ эту поѣздку, предполагается напечатать въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ „Трудовъ“ Комиссіи.

что въ старину она знавала нѣсколькихъ пѣвцовъ былинъ въ Варзугѣ; 5) въ Чаваньгѣ—Иванъ Кожинъ; 6) въ Тетринѣ—глухой старикъ Спиридонъ Павловичъ. Все это показываетъ, что упадокъ былинной традиціи на Терскомъ берегу произошелъ не такъ давно. Былины, занесенныя сюда первыми колонистами, отличались большимъ достоинствомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ былина У. Е. Вопіящиной о Добрынѣ и Алешѣ (№ 24)—лучшій изъ всѣхъ пересказовъ, а также то обстоятельство, что лишь на Терскомъ берегу сохранились старины объ Иванѣ Дудоровичѣ, о шведской войнѣ (Бѣлом. был. № 41) и объ Иванѣ и Маринкѣ Кайгаловкѣ (эта старина еще не записана, — см. свѣдѣніе о Коневой, стр. 19). Упадокъ былинной традиціи отражается, между прочимъ, въ забвеніи спеціальныхъ терминовъ. Въ Кузомени еще довольно точно различаютъ „старины“ отъ „стиховъ“, иногда первыя называютъ „былью“ („съ этыма старинамы—съ былью съ этой“); но въ другихъ мѣстностяхъ эти термины смѣшиваются; въ Кандалакшѣ и Ѳедосеевѣ старины чаще называютъ стихами. Полежаева нѣкоторые стихи называла „сáлмами“ (т.-е. псáльмами). Пѣніе здѣсь иногда заканчивается словами: „Аминь стишку!“ или просто „Аминь“. Память о томъ, что за пѣніе стиховъ платили, сохранилась въ поговоркѣ: „стишокъ отъ голодныхъ кишокъ“. Термины: „стихарь“, „сказитель“, „сказатель“—неизвѣстны, но о женщинѣ, умѣющей пѣть старины и стихи, говорятъ „сказáтельня старуха“. Припѣвъ называютъ „приговóромъ“ (Ѳедосеево) и „припѣвкомъ“ (Кузомень.) Мелодіи былинъ не разнообразны почти всѣ напѣвы сводятся къ одной общей основѣ—къ мотиву, имѣющему типъ трехдольнаго размѣра.

Въ составъ этой части „Матеріаловъ“ входятъ, кромѣ духовныхъ стиховъ и былинъ, также лирическія пѣсни и причитанія. Изъ лирическихъ пѣсенъ плясовыя поются чаще всего во время путешествій на большихъ судахъ, иногда подъ гармонику; „круговыя“, или „короводныя“ поются лѣтомъ на улицѣ или на полѣ (см. выше описаніе игры „поле“), а зимою—въ избахъ, на „сýпрядкахъ“ или „бесёдахъ“ (въ Золотицѣ—„вечерéньки“), когда водятъ „кружки“; чаще всего это бываетъ на святкахъ. Изъ рождественскихъ обрядовыхъ пѣсенъ нами записаны двѣ: одна (№ 67) представляетъ малорусскіе вирши, вѣроятно, примыкавшіе къ вертепной драмѣ; другая (№ 68) принадлежитъ къ типу сѣверныхъ колядокъ. Изъ свадебныхъ величальныхъ пѣсенъ №№ 69 и 70—варіанты рождественской пѣсни, помѣщенной въ I ч. „Матеріаловъ“ подъ № 43. №№ 70 и 71, записанные отъ дѣвушки съ Лѣтняго берега, называются „виноградьями“,—терминомъ, прилагаемымъ въ другихъ мѣстностяхъ лишь къ рождественскимъ обрядовымъ пѣснямъ; № 70 поютъ не только на свадьбахъ, но также на святкахъ и вообще на вечеринкахъ.

Свадебные обряды на Терскомъ берегу весьма сходны съ обрядами Зимняго берега, описанными въ I ч. „Матеріаловъ“. Но складъ причитаній здѣсь—другой, отличающійся отъ метрики золотицкихъ причитаній, между прочимъ, дактилическимъ окончаніемъ. Каждый стихъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ причитаніяхъ, не договаривается или произносится шопотомъ. Эти скрадываемые слоги отмѣчены у насъ скобками. На Терскомъ берегу, какъ и на Зимнемъ, терминъ для причитаніи — „плацъ“ (ж. р.); въ Кандалакшѣ употребляется и другой терминъ: „заплáцька“. Для обозначенія исполненія плачей употребляются термины: „плакать“, „выплакивать“, „приплакивать“ и изрѣдка „прицитывать“ (Ѳедосеево); отвѣчать плачью—„отплакивать“. Женщины, помогающія невѣстѣ плакать, на-

зываются „плаи́ельми“; обыкновенно плачёй бываетъ 3—5. Плачи поются на одинъ или на два напѣва; для похоронныхъ плачей—напѣвъ особенный.

Прилагаемые снимки сдѣланы Б. А. Богословскимъ.

Замѣчанія къ текстамъ.

Въ этой части „Матеріаловъ“, какъ и въ первой, изъ записанныхъ нами текстовъ печатаются тѣ, которые имѣютъ напѣвы, спеціально къ нимъ относящіеся, а также нѣкоторые изъ тѣхъ, которые поются напѣвами, имѣющимися при другихъ текстахъ. Записанный нами матеріалъ, не имѣющій отношенія къ музыкѣ, напр., сказки, заговоры, діалектологія, а также пѣсенный матеріалъ, записанный безъ мелодій (послѣднее объясняется тѣмъ, что тексты записывались двумя лицами, а мелодіи—однимъ), здѣсь не печатается. Изъ печатаемыхъ текстовъ №№ 2, 6, 10, 14, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 52, 55, 57, 64—66 записаны Б. А. Богословскимъ, а всѣ остальные—А. В. Марковымъ. При воспроизведеніи мѣстнаго говора въ записяхъ Маркова приняты слѣдующія обозначенія: мягкое „ц“ обозначается посредствомъ „ц́“, но въ сочетаніяхъ съ мягкими гласными „ця“, „ци“, „цё“—безъ этого знака; въ написаніи „це“ согласная звучитъ твердо; мягкое „о“ обозначается всегда посредствомъ „ё“; „е“ подъ удареніемъ, вмѣсто обычнаго въ литер. рѣчи „ё“, обозначается посредствомъ „е́“; написанія „ц (ч)“ и „с (ш)“ обозначаютъ звуки средніе между мягкими „ц“, „с“ и мягкими „ч“, „ш“; „чь“ обозначаетъ звукъ болѣе мягкій, чѣмъ звукъ „ч“ въ московскомъ говорѣ; написаніе „л (в)“ обозначаетъ звукъ, средній между „л“ и „в“; „ъ“ между двумя согласными означаетъ глухой неопредѣленный звукъ; „h“ введено для обозначенія фрикативнаго „г“; пропуски звуковъ въ произношеніи отмѣчены апострофомъ (’).

При объясненій мѣстныхъ и старинныхъ словъ, не встрѣчающихся въ „Бѣломорскихъ былинахъ“, сдѣланы ссылки на „Толковый словарь“, Даля *(Даль)*, „Словарь областного олонецкаго нарѣчія“, Куликовскаго (*Кулик.*), „Словарь областного архангельскаго нарѣчія“, Подвысоцкаго (*Подв.*) и „Матеріалы для словаря древнерусскаго языка“, Срезневскаго (*Срезн.*). Примѣчанія съ отмѣткою *Собир.* (собиратель) принадлежатъ А. В. Маркову; примѣчанія же безъ этой отмѣтки воспроизводятъ собственныя слова пѣвицъ.

Сообщаемъ свѣдѣнія о пѣвицахъ, отъ которыхъ записаны матеріалы, вошедшіе въ эту вторую часть.

I. Ѳедосеево.

Лопинцева, *Мавра Семеновна*—старуха около 80 лѣтъ, неграмотная. Не терпитъ куренія, увѣряя, что въ годы ея молодости никто не курилъ табаку. Очень религіозна. Обращалась съ просьбой разрѣшить вопросъ, сколько разъ слѣдуетъ читать какія-то молитвы; до сихъ поръ она читала ихъ по одному разу, но за послѣднее время ей привидѣлось «во мракѣ», и она слышала голосъ, что нужно читать по три раза. Старины и стихи она переняла «отъ кандала́цкихъ людей, отъ жонокъ и стариковъ». Военныхъ, богатырскихъ стиховъ она не пѣвала; знала раньше «про Илью Муромиця», но теперь не можетъ спѣть. Кромѣ того, что отъ нея записано, она знаетъ старины про Козарина и князя Митрея и стихи о Воз-

несеніи, про Макарья и Михаила Арханьгела. Термины «старина» и «стихъ» она путаетъ: стихи объ Егоріи и Непрощаемомъ грѣхѣ она называетъ старинами, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о «богатырскихъ стихахъ». Лопинцева — старая пріятельница А. Д. Полежаевой (изъ Кандалакши); поэтому многіе стихи ихъ сходны. Записанный отъ Лопинцевой стихъ о Страшномъ судѣ сходенъ со стихомъ Полежаевой (№ 13) и по мелодіи, и по тексту. Вотъ его начало:

По морю, морю карабь пловётъ,
Алилуй, алилуй! Господи помилуй!
Онъ со аньделамы да со арханьделамы...

Борисова, *Марья Степановна*—урожденная Крылова, 62 лѣтъ, замужемъ за корелякомъ, неграмотная. Ея мужъ былъ вдовцомъ, когда она съ нимъ познакомилась, родомъ изъ Ковды, и потому ей пришлось выйти замужъ противъ воли родителей. Онъ шелъ на Мурманъ покрученникомъ, и у него ничего не было,— «ни сѣточки». Поселившись въ Ѳедосеевѣ, онъ нажилъ оленей и все хозяйство; за послѣднее время поставили третью избушку. Старины она перенимала еще дѣвушкой у матери. Раньше она слышала, какъ пѣли про Илью Муровца и Идолишша, но теперь забыла; по ея словамъ, Илья «возновится, выйдетъ изъ земли» (т.-е. воскреснетъ). Кромѣ печатаемаго матеріала и записанной у нея сказки о Медвѣдкѣ, она знаетъ старину о князѣ Дмитріи и Домнѣ Ѳалелеевнѣ, стихи о Вознесеніи, Егоріи, Алексѣѣ Человѣкѣ Божьемъ; слыхала также про Кострюка (царь женился во Швеціи, жену взялъ невѣрную; съ Кострюкомъ Темрюковичемъ боролся Васенька Хроменькой, Храбренькой).

II. Кандалакша.

Полежаева, *Авдотья Дмитріевна* — урожденная Пушкарева, бездѣтная, замужняя старуха, 70 лѣтъ. Родилась въ Кандалакшѣ, и тутъ же вышла замужъ двадцати лѣтъ, за односельчанина и ровесника. Всю жизнь она прожила въ своемъ селѣ и никуда оттуда не выѣзжала. Занимается рыбной ловлей—преимущественно ловитъ треску на уду. Кромѣ печатаемаго матеріала, у нея записаны тексты былины о Дунаѣ и стиха объ Алексѣѣ Человѣкѣ Божьемъ; знаетъ она также стихи объ Егоріи Храбромъ и о Захаріи.

Мостовикова, *Дарья Андреевна*—пожилая замужняя женщина. Отъ нея записанъ одинъ стихъ объ Егоріи Храбромъ (№ 2).

Павла Ѳедоровна Конёва.

III. Кузомень.

Конёва, *Павла Ѳедоровна*—урожденная Корехова, замужняя женщина 34 лѣтъ. Она училась одинъ годъ въ Кузоменскомъ училищѣ и настолько усвоила грамоту, что можетъ свободно писать. Затѣмъ она получила кое-какія врачебныя познанія: два мѣсяца училась въ

П 7616
Государств. Г... Библиотека ... Общество

г. Кеми у доктора оспопрививанію, и въ качествѣ оспопрививательницы нѣкоторое время жила въ Умбѣ. Жила она и въ Кандалакшѣ, но тутъ она уже занималась шитьемъ. Однимъ словомъ, она изъѣздила все побережье Бѣлаго моря отъ Архангельска до Кандалакши и весь Терскій берегъ отъ Кандалакши до с. Поноя. Какъ женщина бывалая, она отличается открытымъ обращеніемъ и чужда всякой застѣнчивости. Часто вращаясь въ городскомъ обществѣ, она восприняла нѣкоторыя черты городской жизни: напр., ходитъ въ прюнелевыхъ башмакахъ, не употребляетъ грубыхъ деревенскихъ выраженій и называетъ свои былины не «старинами» или «стихами», какъ обычно онѣ зовутся, а именно «былинами». Однако же она переняла у старухъ цѣлый рядъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ и съ большой охотой поетъ ихъ. Кромѣ чужихъ пѣсенъ, она поетъ также сочиненныя ею самой пѣсни, которыя, по ея словамъ, она сразу придумывала и записывала цѣликомъ. Лѣтъ за шесть до нашего пріѣзда она была большой любительницей новыхъ пѣсенъ, и къ тому времени относятся сложенныя ею пѣсни. По ея словамъ, пѣсню «Дѣвицы, милыя созданья» въ Кузомени поютъ всѣ. Вотъ двѣ изъ сочиненныхъ ею пѣсенъ. Обѣ онѣ носятъ автобіографическій характеръ; вторая сочинена не задолго до выхода замужъ за бѣднаго крестьянина и заканчивается примирительной нотой. Напѣвы этихъ пѣсенъ крайне просты и шаблонны; она сочиняла ихъ также сама, очевидно, по образцу новѣйшихъ пѣсенъ, занесенныхъ въ Архангельскую губернію. Мелодія пѣсни «Я сколько мукъ переносила" очень похожа на мелодію романса «Надъ серебряной рѣкой».

I.

Дѣвицы, милыя созданья,
Всѣхъ бойтесь вообшше мущинъ.
Мущины ласковы бываютъ,
Покуда ни обманутъ насъ.
О, какъ они насъ обольщаютъ,
А мы, несчастны, вѣримъ имъ.
Они не любятъ насъ, несчастныхъ,
Они загубятъ нашу жизнь.
Мы въ жизни свѣтлыхъ дней не видимъ,
Не встрѣтимъ радостей нигдѣ.
Не будетъ намъ зьдѣсь утѣшенья,
Не будетъ вѣрной намъ любви.
Я много горя испытала,
Закрыто всё въ моей грудѣ.
Но это всё неисправимо,
Уже промчалось всё давно,
И тяжело намъ жить на свѣтѣ,
Когда защиты у насъ нѣтъ.
Нѣтъ, нѣтъ её у насъ, не будетъ
У насъ до гроба никогда!
А я до гроба, до могилы
Страдать и мучитца должна.
Дѣвицы, я васъ умоляю:
Не стоитъ намъ мущинъ любить!
Уже пора, настало время
Ихны надьсмѣшки намъ забыть.
Они насъ ного раздражали,
Но не любили никогда.
Но мы теперь всё узнали,
Когда згубили мы себя.

II.

Я сколько мукъ переносила,
И обмановъ—вдвое.
А тоска тоски сильнѣй,
Рвется ретивое.
Хорошо тому на свѣтѣ,
Кто не зналъ невзгоды;
А я съ тоской уже знакома
Почти въ дѣтски годы.
Ко мнѣ варвара-мущины
Часто подходили,
Мнѣ подарки и любовь
Всё они сулили.

На обманы я здалась,
Что послѣ любви этой,—
И тепере я живу
Дурочкой отпѣтой.
Вы, дѣвицы, не смотрите
На мушски обманы;
Выходите за мущинъ,
Хоть за пусты корманы.
Хотя зъ бѣднымъ муженькомъ,
Лутче заживётца,
Чѣмъ зъ богатымъ мужикомъ—
Всякій надсмѣётца.

Бо́льшую часть старинъ она переняла отъ знаменитой пѣвицы Терскаго берега Маремьяны Ефимовны Нѣмчиновой (о ней упомянуто въ «Бѣломорскихъ былинахъ», стр. 3), которую крестьяне называютъ также Марихой и Маришкой. Это—пожилая слѣпая дѣвица, 45—50 лѣтъ, родомъ изъ с. Пялицы; она бываетъ въ различныхъ селахъ Терскаго берега, часто поетъ на клиросѣ вмѣсто дьячка и читаетъ надъ покойниками. Учителемъ ея былъ покойный Иванъ Коворнинъ, грамотный крестьянинъ изъ с. Варзуги, мастеръ пѣть старины. Два его сына, Никифоръ и Николай, по словамъ крестьянъ, переняли у отца старины. Но мы не застали ихъ дома. Про Маремьяну и покойнаго кузоменскаго крестьянина Гаврилу Петровича Чунина говорятъ, что они сложили стихъ, извѣстный многимъ въ Кузомени:

«Боже, жизнь мою управи
Всемогущею рукой (2)
И отъ бѣдъ меня избави,
Просвѣти разсудокъ мой (2)» и т. д.

По словамъ Коневой, Маремьяна знаетъ всего 50 старинъ; нѣкоторыя изъ нихъ она могла перечислить: 1) Илья Муромецъ, 2) Добрыня и Алеша, 3) Алеша Поповичъ, 4) Дюкъ Степановичъ, 5) Чурило; 6) про Марью Юрьевну: прекрасна Марья Юрьевна пришла на черёнъ карабь; стало черёнъ карабь покачивать; ее увезъ Васько Торокашко сынъ Замо́ренинъ; 7) про Марину дочь Кайгалову: она была заперта въ тереми; Иванъ (Васильевичъ?) хотѣлъ взять ее замужъ, но ей не хотѣлось; онъ сталъ ругать ее дурой и другими нехорошими словами; 8) Иванъ Дудоровичъ; 9) Князь Дмитрій и его невѣста Домна; 10) Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики; 11) Князь, княгиня и старицы; 12) Смерть Скопина; 13 про свекора и свекровь (?); 14) Оника-воинъ (поется на голосъ старины, а не стиха); 15) Козаринъ; 16) Добрынюшка. Кромѣ того, Маремьяна знаетъ нѣсколько стиховъ, напр., про Алексѣя Человѣка Божія.

Другія старины Конева заимствовала у своей матери, Авдотьи Васильевны Ко́реховой, старухи 70 лѣтъ, родомъ изъ с. Кашкаранцевъ. У матери она переняла, напр., старину о Михайлѣ Даниловичѣ. А. В. знаетъ много старинъ и нѣсколько духовныхъ стиховъ, напр., «Чудная царица Богородица». Иногда А. В. пѣла вмѣстѣ съ Маремьяной; напр., отъ нихъ обѣихъ Конева заучила пѣсню «Какъ на матушкѣ на святой Руси» (взятіе Риги при Петрѣ I). Конева также иногда поетъ старины вмѣстѣ съ Лисаветой Олексѣевной Ондроновой (прозвище «Кузиха»), родомъ изъ с. Оленицы; но имъ приходится спѣваться, такъ какъ между заученными ими старинами есть нѣкоторая разница.

Въ напѣвахъ Коневой не замѣчается тѣхъ архаическихъ чертъ, которыя свойственны мелодіямъ былинъ, записаннымъ отъ другихъ, болѣе старыхъ женщинъ. Это вырожденіе эпическаго стиля объясняется тѣмъ, что Конева хорошо знакома съ мелодіями новѣйшихъ пѣсенъ. Говоръ Коневой также носитъ слѣды городского вліянія.

Ольга Семеновна Вопіящина.

Кожина, *Марья Ѳедоровна*—по прозванію «Чируха», старая вдова, вдовѣетъ уже 30 лѣтъ. Двѣ дочери ея замужемъ, третья, вдова, съ своимъ сыномъ живетъ вмѣстѣ съ матерью. Былъ еще сынъ, но утонулъ. Любитъ говорить поговорками: напр., «пѣсёнка—черемисёнка», «ѣшь варёно, слушай говорёно», «головнёй не тиралъ» (о небываломъ человѣкѣ). Кожина знаетъ Маремьяну Нѣмчинову и слышала отъ нея старину про Марью Юрьевну и Маринку Кайгаловку, но свои старины она переняла не отъ Нѣмчиновой, а отъ своего отца, также отъ матери и другихъ старинныхъ людей. Въ напѣвахъ Кожиной замѣчается стремленіе къ фигураціи и къ частому варьированію; эпическимъ стилемъ она владѣетъ превосходно.

Вопіящина, *Ольга Семёновна* — вдова 53 лѣтъ; овдовѣла годъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ живетъ прислугою у богатыхъ купцовъ. Вопіящина родилась въ с. Оленицѣ, на з. отъ Кузомени по Терскому берегу, и прожила тамъ до 23 лѣтъ, а затѣмъ вышла замужъ въ Кузомень. Старины свои она заучила въ Оленицѣ, дѣвочкой лѣтъ 10-ти, у своихъ дѣда и бабушки. Кромѣ печатаемаго матеріала, у нея записаны тексты старинъ о Дунаѣ, Дюкѣ, Соловьѣ Блудимировичѣ и Козаринѣ (отрывокъ). Знаетъ она также старину: «Поѣхалъ князь Михайло, поѣхалъ князь Арханьгелъ» (ср. № 51—52).

IV. Варзуга.

Вопіящина, *Ульяна Егоровна* — дѣвица 62 лѣтъ. Родилась въ Варзугѣ, но бывала въ Архангельскѣ. Послѣдніе четыре года она служитъ сторожихой при сельской школѣ; до этого она жила прислугою у священника Н. М. Истомина. Отличается открытымъ характеромъ и обходительнымъ обращеніемъ. Свои старины она переняла у матери, умершей 17 лѣтъ тому назадъ, а также у другихъ „досельныхъ“ людей. Старины и стихи она поетъ отчетливо, истово, и тексты знаетъ наизусть, почему ей не приходится подыскивать выраженій даже въ самыхъ обширныхъ былинахъ. Записанная у нея былина о Добрынѣ и Алешѣ (№ 24)—наиболѣе полный и цѣльный изъ всѣхъ многочисленныхъ пересказовъ этой былины. Кромѣ печатаемаго матеріала, у нея

Ульяна Егоровна Вопіящина.

записаны тексты стиха о Лазарѣ и слѣд. старинъ: 1) Бой Микиты (Добрыни) со змѣей (напеч. въ кн. *А. Маркова* „Изъ исторіи русск. был. эпоса“, II, 48—49), 2) Иванъ Дудоровичъ и Софья Волховична, 3) Смерть Михайлы Скопина.

Приданникова, *Марья Ѳедоровна*—шестидесятилѣтняя вдова. Мужъ ея утонулъ, когда ей было 30 лѣтъ. Она была неграмотная, но послѣ смерти мужа научилась читать. Пѣть старины и пѣсни она научилась отъ отца, неграмотнаго. Кромѣ печатаемаго матеріала, отъ нея записаны тексты старинъ: 1) Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ), 2) Князь, княгиня и старицы. Записана также Смерть Скопина, которую Приданникова поетъ безъ припѣва и называетъ не стариною, а пѣснею; начало: „Поѣжаётъ Скопинъ за рѣку за Москву“. Затѣмъ, она знаетъ старину про „Морѐнина“ (Братья разбойники и ихъ сестра), пѣсню про сына Сеньки Разина: „Проявился незнамой человѣкъ“, стихъ „И сколь наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно!“ Слыхала также старины про Ивана Дудоровича и Дюка.

Клешова, *Сусанна Ильичня*—пожилая женщина, сестра болѣе извѣстной пѣвицы старинъ, Александры Кривоногової, по прозвищу „Коропчи́хи“, которая отказалась сообщить намъ старины. Клешова большую часть своего репертуара переняла у мѣстныхъ, варзугскихъ старыхъ людей; но стихъ объ Егорьѣ Храбромъ (№ 5) она выучила у покойной матери, которая была родомъ изъ с. Ковды (на Корельскомъ берегу). Поэтому стихъ начинается такъ же, какъ кандалакшскіе пересказы: „Во седьмомъ году восьмой тысячи“, тогда какъ всѣ пересказы Терскаго берега отличаются особеннымъ началомъ: „Туры, олени по горамъ пошли“. Клешова передавала преданіе о томъ, что богатыри окаменѣли, но что потомъ они „переворотятся“, сдѣлаются живыми. Кромѣ печатаемаго матеріала, у Клешовой записаны тексты былины „Настасья Митреяновна“ (Иванъ Годиновичъ) и двухъ пѣсенъ „Соловеюшко премилый“ и „Какъ вечоръ въ гостяхъ гостила“. Затѣмъ, Клешова знаетъ старины: 1) Князь девяноста лѣтъ (Князь, княгиня и старицы), 2) Моренинъ (Братья-разбойники и ихъ сестра), 3) Мать князя Михайлы губитъ его жену, 4) Князь Дмитрій и его невѣста Домна, 5) Какъ Микита купался во Почай рѣкѣ и бился со змѣей (Добрыня и змѣя); начало: „Поѣжжаетъ Микита во цисто́ полё“. Такая именно версія былины записана отъ Ульяны Воніящиной. Клешова поетъ также стихъ про Лазаря.

Мошникова, *Парасья Григорьевна*—старуха лѣтъ 50. Старинъ знаетъ немного и называетъ ихъ „стихами“. Бо́льшую часть своего репертуара она заучила въ Варзугѣ, но два стиха (№№ 15 и 18) она переняла еще дѣвочкой въ Мудьюгѣ, на восточной сторонѣ Двинской губы. Кромѣ печатаемаго матеріала, она знаетъ старины: 1) Князь, княгиня и старицы, 2) Мать князя Михайлы губитъ его жену, 3) Князь Дмитрій и Домна Ѳалелеевна; стихи: 1) Лазарь, 2) Егорій Храбрый. Послѣдній стихъ—обычной на Терскомъ берегу версіи: „Ѳедоръ Смоляньской“, „царица доць Прекрасна“. Начало стиха:

Туры, олени по горамъ пошли,
Ишше бѣлы-то заеци по засѣкамъ,
Сѣры горностали по тёмнымъ лѣсамъ,
Бѣла рыбина ступила во морьску глубину...

V. Дураково.

Маха (Маша)—молодая дѣвушка изъ дер. Дуракóвой, Онежскаго уѣзда, на Лѣтнемъ берегу. Она гостила у своихъ родственниковъ въ Зимней Золотицѣ, гдѣ нами записаны отъ нея двѣ свадебныя пѣсни (№№ 70, 71.)

VI. Шуньга.

Гришáнова, *Елена Васильевна*—молодая женщина, отъ которой въ д. Ѳедосеевѣ мы записали старину о братьяхъ-разбойникахъ (№ 47). Незадолго до того она переѣхала туда со своимъ мужемъ изъ родного села Шýньги, Олонецкой губ., Петрозаводскаго уѣзда.

А. Марковъ.

I.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

М. С. Лопинцева: №№ 3, 7—9, 20.
М. С. Борисова: №№ 4, 12.
А. Д. Полежаева: №№ 1, 13, 16, 17, 19.
Д. А. Мостовикова: № 2.
М. Ѳ. Кожина: № 11.
О. С. Вопіящина: № 6.
У. Е. Вопіящина: №№ 10, 14.
С. И. Клешова: № 5.
П. Г. Мошникова: №№ 15, 18.

Духовные стихи.

№ 1.

Вознесеніе.

Посередь-то было лѣтика красного,
Наканунъ возьнесенья Христового.
Какъ возьнёсса Іосподь на небѐса,
Вотъ росплацетца нишшая-та братія,
Ростужитца у Іоспода сиротина:
„Іосподи, Іосподи, Царь нашъ небесныя!
На кого ты насъ, Іосподи, оставляешь,
На кого ты насъ, Владыко, спокинаёшь?“
— Ты не плачь-ко, не плачь, да нишша братія,
Не горюй-ко, убога сиротина!
Я даю̀ *) вамъ рѣку̀-ту мёдовую,
Я даю вамъ гору̀-ту золотую,
Я даю̀ вамъ сады виноградья.—
Тутъ прослышалъ Иванъ-отъ Предотеча,
Тутъ прослышалъ крести́тель-о Іосподёнъ:
„Ужъ ты Іосподи, Іосподи, Царь нашъ небесныя!
Не давай-ко имъ рѣки-то мёдовыя,
Не давай-ко имъ горы да золотыя,
Не давай-ко имъ садовъ-виноградьё:
Какъ надъ этой горой будётъ имъ кроволитьё,
Какъ надъ этою рѣкой б дётъ убійсьво.
Какъ надъѣдутъ купчы, госьти торговыя,
Отоймутъ у ихъ рѣку-ту мёдовую,
Отоймутъ у ихъ гору-ту золотую,
Отоймутъ у ихъ сады всѣ виноградія.
Они будутъ вѣдь холодны и голодны,
Нё убуты будутъ, не одѣны,
Отъ тёмной-то ноц(ч)и не обогрёты.
Ужъ какъ дай-ко своё-то имё Христово,
Ты спусьти-тко по градамъ, селàмъ, по деревнямъ;
Они будутъ сыты и пъяны,
Они будутъ обуты и одѣны
И отъ тёмнои ноч(ц)и обогрёты“.

*) Дамъ — буд. вр. *Собир.*

№ 2.

Егорій Храбрый.

На восьмомъ году восьмой тысячи
Наѣжалъ-то царища Грубіянищо.
Онъ кнезей-то всѣхъ повырубилъ,
Молодыхъ княгинь онъ во полонъ берётъ.
Благовѣрного царя Ѳёдора
Онъ подъ мець клонилъ, голову срубилъ.
Оставалось у нёго цядо милоё,
Цядо милоё Егоръ Храбрыя.
Ужъ онъ сталъ Егорья всё-то муцити
Всѣма мукамы да розполицьныма:
На воды топить да колесомъ вертѣть;
Какъ Егорія-свѣта то неймётъ.
Онъ того, собака, не пытаючись,
Ужъ онъ сталъ Егорья какъ пилой пилить,
Какъ пилой пилить, топоромъ рубить.
У пилы зубьё всё прикрошилося,
У топора желье *) приломалося;
Какъ Егорья-свѣтъ его то неймётъ.
Онъ того, собака, не пытаючись,
Еще сталъ Егорья во котли варить.
Какъ котёлъ кипитъ, Егорья стоёмъ стоитъ,

*) Лезвіе. *Собир.*

Онъ стоитъ, стоитъ, самъ стихи поётъ,
Онъ стихи поётъ да херувимскія;
Подъ котломъ ростётъ трава-мýрава,
Какъ свѣты ростутъ да всё лазурьёвы.
Какъ Егорья-свѣтъ его то неймётъ.
Онъ того, собака, не пытаючись,
Еще бралъ Егорья за бѣлы руки,
Онъ повёлъ Егорья на крутý горý,
Онъ копалъ Егорью тёмныя погрёбы:
Въ глубину копалъ да сорока сажонъ,
Въ ширину копалъ трицати сажонъ;
Ужъ онъ бралъ Егорья за бѣлы руки,
Онъ бросалъ Егорья въ тёмны погрёбы,
Онъ желѣзныма рѣшоткамы призадергивалъ,
Муравой-травой да замуравливалъ,
Пеньёмъ, корéньемъ призакладывалъ,
Онъ желты́мъ пескомъ призасыпывалъ,
Сѣрымъ кáменьемъ да призаваливалъ.
Ищо тотаринъ тутъ похваляитце:
„Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью своёй-то матушки,
Своёй матушки да Степанидушки!“
По Егорому по моленьюцю
Выпадала та погодушка.
Выходилъ Егорей на святую Русь,
Приходилъ Егорей ко матушки:
„Родна матушка Стёпанидушка,
Стёпанидушка да Олёксандровна!
Ты дай-ко мнѣ благословленіе
Мнѣ убить да тотарина,
Пролить да кровъ тотарьскую,
Извéстить *) обиду христіяньскую“.
Ни давала матушка благословленія,
Ни давала Олёксандровна.
Садилса на добра коня;
Видѣли сѣдуцись, а не видѣли поѣдуцись.
Онъ пріѣхалъ Егорей ко полатушкамъ,
Онъ скрыцялъ да зыцьнымъ голосомъ.
Выходилъ тотаринъ на красно крыльцё.
„Я пролью, пролью кровъ тотарьскую“.
Какъ полатушка съ угла на уголъ покачалась,
Косищято окошко его да покосилось.
Отъ сна тотаринъ пробуждаецэ,
Онъ скрычалъ-зычалъ да зыцьнымъ голосомъ,
Онъ второй накóнъ *) скрыцялъ да зыцьнымъ голосомъ.
Какъ полатушка да подрожала-то,
Какъ тесовая кроватушка-та покацьнулась.
Ото сна тотаринъ пробудилсэ сталъ,
Выходилъ-то тотаринъ на круто крыльцё:
„Ужъ намъ полно, Егоръ, съ тобой ссоритце,
Намъ пора съ тобой крестоватьсэ!“
Покатиласа съ плець его буйна голова.

*) Вмѣсто „изместить“—выместить. *Собир.*

*) Наконъ—разъ. *Собир.*

№ 3.

Егорій Храбрый.

На сёмомъ-то году на восьмой тышяшшы
Наѣжжалъ тутъ царишшо Грубіянишшо.
Онъ князей-то, бояръ всѣхъ повырубилъ,
Молодыхъ-то княгинъ опъ въ полонъ берётъ (2).
Блаѣовѣрного-то цяря Θёдора
Подъ собя онъ склонилъ, голову́ срубилъ;
Оставалосе ёго да цядо милоё,
Цядо милоё да Егоръ-о Храбрыя.
Ужъ онъ сталъ-то Егорья ёго муцити
Всѣма ты мукамы да рознолиц(ч)ьныма.
Ужъ онъ сталъ-то Ёгорья да топоромъ ёго рубить,
Топоромъ-то рубить да онъ пилой пилить;
У пилы-то какъ зубъё прикрóшилосе,
Ў топора лезьё всё приломалосе;
Какъ Ёгорья-свѣта ёго то неймётъ.
Опъ того воръ-собака не пытаитце:
Ужъ онъ взялъ-то Ёгорья за жолты́ ёго кудри,
Ужъ онъ сталъ-то Ёгорья на воды́ топить,
На воды ёго топить да колясомъ вертёть;
Колясо-то въ шшапъё *) всё приломалосе;
Какъ Ёгорья-свѣта его то неймётъ.
Опъ того-то собака не пытаючи,
Ужъ онъ сталъ-то Ёгорья во котли ёго варить,
Во котли ёго варить да колясомъ вертёть;
Подъ котломъ-то росьтётъ да трава-мурава,

*) Щепы. *Собир.*

На травы-то цьвётутъ цьвёты́ лазу́рёвы,
Во котли Ёгорей стоёмъ стоитъ,
Онъ стоёмъ-то стоитъ да самъ стихи поётъ,
А стихи поётъ херувимскія.
Онъ того-то собака́ не пытаючи,
Ужъ онъ взялъ-то Ёгорья за жолты́ кудри,
Онъ повёлъ-то Ёгорья во цисто́ полё,
Онъ копалъ тамъ Ёгорью тёмны по́грёбы,
Въ долину-ту онъ копалъ да тридцети сажонъ,
Въ ширину-ту копалъ да двадцети сажонъ,
Въ глубину онъ копалъ да сорока сажонъ;
Онъ бросалъ тутъ Ёгорья въ тёмныя погребы,
Онъ рѣшатоцькой Ёгорья заде́рьгивалъ,
Муравой-травой всё замуравливалъ,
Онъ жолты́мъ пескомъ ёго засыпывалъ,
Онъ пеньёмъ ёго, колодьёмъ всё заваливалъ,
Сѣрымъ ка́менемъ всё закапывалъ.
Поёжжатъ воръ-собака, похваляитце:
„Не бывати-то Ёгорью на святой Руси,
Не видати-то Ёгорью да родной матушки своёй!“
По ёго-ли-то молитвамъ по Исусовымъ
Выпадала зъ горъ да пыль-погодушка;
Всё пеньё-то, колодьё всё розвёяло,
Сѣро каменьё всё роскатывало,
А жолты-то пески да всё розвёяло,
Вѣдь рѣшатоцьки да всё розьдѣрьгало.
Выходилъ тутъ Ёгорей да сьветую Русь,
Онъ пошолъ тутъ Ёгорей во Божью церьковъ,
Онъ пришолъ тутъ Ёгорей во Божью церькву,—
Во Божьёй-то церькви́ да стоитъ мать ёго родна,
Ужъ какъ мать-та стоитъ да Богу молитце.
Тутъ спрого́ворилъ Ёгорей ро́дной матушки:
„Ужъ ты мать-ли моя да ты родимая!
Бласлови-ткось ты меня да сёсь поёхати
Ко тому-ли къ цяришшу Грубіянишшу:
Я срублю-то, срублю ёго буйну голову,
Я пролью-то, пролью да крофъ-ту тотарскую ёго,
Отмешшу-то обиду христіяньскую.“
Вотъ и конь-то ёго да лошадь добрая
Въ погребахъ-то стоитъ да на семи цѣпяхъ
Тутъ пришолъ-то Егорей на широкой свой на дворъ,
Онъ и бралъ-то свою лошадь добрую.
Только видѣли Ёгорья ёго сѣдуц(ч)ись,
А не видѣли Ёгорья ёго поѣдучи;
Изъ желта́ песка только курёва́ пошла.
Пріѣжжалъ тутъ Ёгорей ко крутымъ горамъ,
Какъ спушшалса Ёгорей со добра́ своя́ коня,
Тутъ зговорилъ Ёгорей онъ крутымъ горамъ:
„Розодвиньтесь-ко вы, круты горы,
Пропусьтите-кось меня проѣхати;
Я изъ васъ буду рубить брёвна крѣпкія,
Ужъ я буду изъ васъ строить церьквы Божія.“
Поѣжжалъ-то Ёгорей во цисто́ полё:
Во цистомъ-то поли да сёстры ро́дныя его *),
И у ихъ-то платьё изъ ёловой исъ коры,
Какъ и волосы отрошшоны до ногъ своихъ.
Тутъ и взялъ-то Ёгорей ро́дныхъ се́стри цовъ своихъ,
Онъ волковъ-то отпусьтилъ да во чисто́ полё:
Пріѣжжалъ-то къ цяришшу ко Грубіянишшу,
Онъ скрыцялъ-то, зыцялъ да зыцьнымъ голосомъ своимъ:
„Выходи-тко ты, цяришшё, да на красно́ своё крыльцё,
Я срублю-то, срублю твою буйну голову,
Я пролью-то, пролью да крофъ тотарскую,
Отмешшу я всю обиду христеяньскую.“
Какъ вышолъ онъ вѣдь на красно́ крыльцё:
— Ужъ какъ полно, Егорей, намъ съ тобой сердитисе,
Ужъ мы станёмъ-ко съ тобой да вѣдь миритисе.—
Онъ срубилъ-то, срубилъ ёго буйную голову,
Онъ пролилъ-то пролилъ да крофъ тотарскую,
Отместилъ онъ обиду всю христеяньскую.
Пріѣжжалъ-то Ёгорей къ ро́дной матушки своёй.

№ 4.

На седьмомъ году восьмой тысецы
Наѣжжалъ цяришшо Грубіянищо (2).
Онъ князей, бояръ да всѣхъ повырубилъ...
(Далѣе словъ не записано.)

---

*) Они пасутъ волковъ. *Прим. пѣвицы.*

№ 5.

Егорій Храбрый.

Во сёмомъ-то году да восьмой тысешши
Наѣжжало цяришшо невѣрноё,
А невѣрноё цяришшо Грубіянишшо.
Онъ кнезей-бояръ всѣхъ повырубилъ,
Ужъ онъ Божьи-то це́рквы всѣ на дымъ спусьтилъ,
Онъ изъ Божьихъ-то иконъ да взялъ мосты смосьтилъ,
Цяря Ѳёдора Смоляньского подъ мець склонилъ,
Онъ подъ мець склонилъ да буйну голову срубилъ,
Онъ цярицю доць прекрасну изуродовать хотѣлъ.
Шьчо цяриця доць прекрасная хитра-мудра была:
Уходила во пешшоры, въ горы камянны,
Уносила своего да цяда милого,
Ишше на́ имя Егорья-сьвѣта Храброго.
Тутъ провѣдало Идо́лишшо проклятоё,
Роспроклятоё, само поганоё.
Ужъ онъ бралъ Егорья за жолты́ кудри,
За жолты кудри да за бѣлы́ руки,
Ужъ онъ сталъ тутъ Егорьюшка - сьвѣта муцити
Ужъ онъ всякима мукамы розналичныма.
Ужъ онъ сталъ Ёгорьюшка топоромъ рубить;
У топора востреё все приломалосе,
Ишше тутъ-то Егорья нешто не брало,
Всё по Божьёму да повелѣнію,
По Егорьевому-сьвѣту моленію.
Ужъ онъ сталъ Ёгорьюшка колясомъ вертѣть;
Колесо въ шшепу всё приломалосе,
Ишше тутъ-то Егорья нешто не брало,
Всё по Божьёму да повелѣнію,
По Егорьёвому-сьвѣту моленію.
Ужъ онъ сталъ тутъ Егорьюшка во пилы́ пилить;
У пилы-то зубьё всё прикрошилосе,
Ишше тутъ Егорья нешто не няло,
Што по Божьёму повелѣнію,
По Егорьеву-сьвѣту моленію.
Ужъ и сталъ Егорьюшка конёмъ топтать;
Подъ конёмъ Егорьюшко стойкомъ стоитъ,
Онъ стойкомъ стоитъ да самъ стихи поётъ;
Ише тутъ-то Егорья нешто не няло,
Што по Божьёму повелѣнію,
По Егорьеву-сьвѣту моленію.
Ужъ и сталъ Егорьюшка въ котли варить;
Во котли-то Егорьюшко стойкомъ стоитъ,
Онъ стойкомъ стоитъ да самъ стихи поётъ,
Онъ стихи-то поётъ всё херовимцькія,
Онъ молитвы творитъ всё Исусовы;
Подъ котломъ-то ростутъ цьвѣты лазуревы,
Во котли-то цьвѣтётъ трава муравая.
Онъ того, собака, не пытаюцись,
Ужъ онъ бралъ Егорья за жолты кудри,
Ужъ онъ сталъ Егорьюшка водой топить
По воды Ёгорьюшко го́голе́мъ пловётъ,
Какъ гого́ль пловётъ да самъ стихи поётъ,
Самъ поётъ стихи, молитвы творитъ всё Исусовы.
Того, собака, не пытаюцись,
Ужъ онъ бралъ Ёгорья за жолты́ кудри,
За жолты кудри да за бѣлы́ руки,
Онъ садилъ Егорья на добра коня,
Увозилъ Егорьюшка во цисто полё,
Онъ копалъ погреба да приглубокія:
Въ ширину-ту погребъ тридцети пети [1]),
Въ глубину-ту погребъ сорока пети;
Онъ спушшалъ въ погреба его въ глубокія,
Онъ жолты́ма пескамы призасыпывалъ,
Онъ желѣзныма рѣшаткамы заде́рьгивалъ,
Онъ валюцимъ каме́ньямъ призакапывалъ,
Онъ тямны́ма лѣсамы призакладывалъ,
Муравой-травой всё замуравливалъ.
Самъ пошолъ, собака, приросхвасталсэ:
„Не бывать тебѣ [2]) Егорью на сьвятой Руси,
Не видать больше Егорью сьвѣту бѣлого,
Не видать больше Егорьюшку соньця красного!“
Со того-ли поля, поля цистого,
Со того-ли со роздольиця [3]) со широкого
Выпадали тутъ вѣтры, вѣтры буйныя.
Всѣ желѣзныя рѣшатки прирозьде́рьгало,
Валуцё каменьё прироска́тило,

---

[1]) „Саженъ“.
[2]) „Тебѣ“—вмѣсто „теперь“. *Собир.*
[3]) Роздольё—широкая долина. *Собир.*

Всѣ дрёмуція лѣса проць пріотвáлило,
Мураву-траву всю розмуравило,
Всѣ жолты пески да прирозьвѣяло.
Выходилъ тутъ Егорьюшко на сьвятую Русь,
Увидалъ тутъ Егорей свѣтъ и бѣлыя,
Увидалъ Ёгорьюшко соньцё красноё,
Увидалъ тутъ Егорей отця [1]) съ матушкой.

№ 6.

Егорій Храбрый.

Кода туры да олени по горамъ пошли,
Кода бѣлы заюшки по засѣкамъ,
Кода рыба-то ступила въ морьску глубину,
Кода на небо взошолъ да младъ свѣтёлъ мѣсець,
На земли-то зародился могуцёй руськой бóгатырь,
Ишше младыя Егорій Храбрыя.
У ёго свѣта-Егорья во лбу сонцё,
У ёго свѣта-Егорья въ тылу̀ [2]) мѣсець,
По косицямъ [3]) цясты звѣзды росыпалисе.
Тутъ прозналъ царищо невѣрноё,
Да невѣрноё царище Ондреянище.
Онъ кнезей, бояръ всѣхъ повырубилъ,
Благовѣрна царя Θёдора подъ мець склонилъ,
Благовѣрную царицю изуродовать хотѣлъ.
Благовѣрна царица хитра-мудра была.
Уходила въ пѣщоры, горы каменны,
Уносила своёго цяда милого,
Цяда милого, цяда любимого.
Щой кормила и поила до пети годовъ,
Отъ пети лѣтъ до двѣнацати.
Ишше сталъ Егорій не маленькой.
Говорилъ вѣдь Егорій таковы рѣци:
„Ужъ вой 'си, моя маменька родимая,
И цесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
У насъ есь ли на роду да родной батюшка,
У насъ есь ли на роду да родны братьица,
У насъ есь ли на роду да родныи сестрицюшки?“
Ишше тутъ-то вѣдь матушка росплакаласе,
Своёму-то цяду милому рожалилась:
— У насъ былъ на роду родной батюшка;
У насъ не было на роду родныхъ братьицевъ,
У насъ не было на роду родныхъ сестрицюшекъ.
И кода прозналъ царище невѣрный,
И кода на небѣ взошолъ свѣтёлъ мѣсець,
На земли-то зародился могуцёй руськой бóгатырь,
Ишше младыя Егорій Храбрыя.
У тебя, святъ Егорій, во лбу сонцё,
По косицямъ часты звѣзды росыпалисе,
За ушмы зори замыкалисе.
Тутъ прозналъ-то царищо невѣрноё,
То невѣрноё царищо Ондреянишшо,
Онъ кнезей-то, бояръ всѣхъ повырубилъ,
Благовѣрна царя Θёдора подъ мець склонилъ,
Онъ подъ мець склонилъ да голову срубилъ;
Благовѣрную царицю изуродовать хотѣлъ.—
И ужъ онъ проситце благословленьиця
У своёй-то родимой у матушки
И цесной вдовы Омельфы Тимоѳеевной:
„Ужъ ты гой еси, моя маменька,
Ты любима моя маменька, родимая!
Ужъ ты дай мнѣ благословленіе родительско
Ты на всѣ меня лѣта на текушшія.
Ты прости-косе и благослови-косе
Ишше ѣхать бы мнѣ къ царищу невѣрному,
Пролить мнѣ кровь тотарьскую,
Воротить бы мнѣ христіяньскую“.
Говорила ёму маменька любимая,
И любима ёго маменька, родимая:
— Ужъ ты гой еси, цядо моё милоё!
Ишше есь у ёго три заставушки,
Три заставушки у ёго есь, три великія.—
И ни коному, ни пѣшиму проѣдучись,
Ни цёрному ворону пролётуцись.—
Ужъ онъ проситце во второй наконъ,
Ужъ проситце во третёй онъ расъ.
— Ужъ ты гой еси, цядо милоё,
Цядо милоё да любимое!
Ты не можошь ты теперь конёмъ владать.
Ты не можошь ты теперь вѣдь копьёмъ, владать.—
И не видѣли молоця сряжаючись,
Только видѣли дётину поѣдучись.

---

[1]) Ошибка пѣвицы, забывшей о томъ, что его отцу Θедору срубили голову. *Собир.*
[2]) Тылъ—затылокъ. *Собир.*
[3]) Косицы—виски. *Собир.*

И поѣхалъ Егорій ко заставушкамъ,
Ко заставушкамъ поѣхалъ ко великія,
Онъ ко первыя заставы разъѣхалса:
Ишше перьвая застава—лѣсы тёмныя,
Ото встока лѣсы стоятъ до запада;
Нѣтъ ни коному, ни пѣшему проѣздучись,
Нѣтъ ни цёрному ворону пролетуцись.
Говорилъ тутъ Егорій таковы рѣци:
„Ужъ вы лѣсы, лѣсы тёмныя!
Розойдитесь вы, лѣсы, на двѣ стороны,
Пропустите вы прохожого-проѣжого“.
Розошлись лѣсы на двѣ стороны,
И проѣхалъ Егорій Храбрыя.
И пріѣхалъ Егорій Храбрыя:
И втора-то застава—горы камяны,
Ото встока стоятъ горы до запада.
Говоритъ тутъ Егорій Храбрыя:
„Ужъ вы горы-ли, горы камяны!
Розойдитесь вы, горы, на двѣ стороны,
Пропустите вы прохожого-проѣжого“.
Розошлись вѣдь горы на двѣ стороны,
Проѣхалъ Ёгорій Храбрыя.
И пріѣхалъ Ёгорій Храбрыя:
Ишше третья-то заставушка—рѣка огнена.
Говорилъ тутъ Ёгорій Храбрыя:
„Ты рѣка-ли, рѣка, рѣка огнена!
Ужъ ты высохни, рѣка, рѣка, досуха,
Пропусти-косе прохожого-проѣжого“.
Ишше высохла рѣка, рѣка досуха,
И проѣхалъ Ёгорій Храбрыя.
И пріѣхалъ онъ къ царищу невѣрному,
Къ невѣрному царищу Одреянишшу.
Ишше взялъ онъ царишшо невѣрное,
Ужъ нацялъ ёго мукамы муцити,
Онъ тёма-ли мукамы рознолицьпыма;
Ишше всё ёго, ёго, Егорія, нешшо не берётъ.
Сталъ Егорья во котлѣ варить;
Егорій стоймя стоитъ, стихи поётъ,
Стойкомъ онъ стоитъ да стихи поётъ,
Онъ стихи поётъ да херувимскія;
Подъ котломъ-то росьтётъ трава муравлена.
Ишше стали лужьёмъ-калужьёмъ [1]) закладывать,
Ишше мелкима пескамы зарыли ёго.
Всё ёго Егорея нишшо ни берётъ.
И ёго вѣдь серцё розгорѣлосе,
И могуци ёго плеци росходилисе.
Выходилъ онъ Егорей Храбрыя,
Ужъ онъ продолилъ у ёго кровь тотарьцькую,
Воротилъ онъ у ёго христіяньцькую.
И поѣхалъ Ёгорій къ своей маменьки,
Ко цёсной вдовы Омельфы Тимоѳеевны,
Онъ поѣхалъ исъ пещоры, горы камянны.

[1]) Лужа, калужина—грязь, глина. *Собир.*

№ 7.

Молодецъ и царевна (Егорій и змѣя) [1]).

У цяря было да у богатыя
Ужъ какъ дощь была да всё красавиця.
Отпросилась въ Росію къ къ цярю бѣлому,
Во гости-то поѣхала да къ доцерямъ ёго.
Она спрашиватъ у ихъ да доцерь ёго:
„Вы скажите-тко, вельможи цярьскія:
Ужъ какъ кто-то сотворилъ да соньцё красноё?
Ужъ какъ кто-то сотворилъ да младъ свѣтёлъ мѣсёць?
Ишше кто-то сотворилъ да зьвѣзды мелкія?“
Тутъ спрогоборятъ вельможи вотъ и цярьскія;
— Ужъ какъ соньцё сотворилъ Іосподь Христосъ да цярь Небёсныя.—
Ишше спрашиватъ Елена всё красавиця:
„У васъ хто-то сотворилъ да церьквы Божьіи?
Ужъ какъ ишшо жа у васъ есь да во Божьйхъ церьквахъ?“
Отвѣцели тутъ вельможи да цярьскія:
— У насъ есь свешшеники, отци духовныя.—
Тутъ Еленушка да всё изьвѣдала,
На [2]) поѣхала домой да ко родителямъ,
Она спрашиватъ своихъ да вѣдь родителей:
„Отпусьтите-ко миня въ Росію пать кресьтитисе“.

[1]) По словамъ пѣвицы, прежніе пѣвцы вычитали этотъ стихъ изъ книги.

[2]) Вмѣсто „она“; мн. ч. „ны“. *Собир.*

Тутъ родители на ей да осерьдилисе.
Ужъ какъ здѣлалось у ихъ со́дбишшо [1]),
Тутъ потребовали цяря да вѣдь во со́дбишшо;
Тутъ пошолъ вѣдь цярь богатый вѣдь во содбишшо.
Опъ идётъ домой, попивши буйну голову,
Потупя́ идётъ да воци ясныя,
Ронитъ, плачётъ горючи́ слёзы.
Тутъ выходитъ тутъ стрѣ̀цеть ёго да молода жона:
„Ты цёго жо, цярь Огафей, ты невесёлъ есь,
Ты идёшь попивши буйну голову,
Потупя́ идёшь да оци ясныя?“
Тутъ спрого́ворилъ-то ей Агафей-цярь:
— Ужъ какъ же мнѣ теперь да вѣдь не плакати?
Оче́редь пришла моя да ѣхать къ озёру
На съѣденіё зьмѣи да семиглавыя.—
„Ты не плаць-ко, цярь Агафей, не толкуй объ томъ.
Ужъ какъ есь у насъ доць Елена всё красавица:
Мы паре́димъ доць во платье само луцьшоё,
Запрегёмъ мы лошадь свою добрую,
Засьтегнёмъ корету красна золота,
Мы даёмъ [2]) ей вѣдь слугу, да слугу вѣрную,—
Онъ сьвезётъ вѣдь ей да какъ ко озёру“.
Ны вѣдь при́звали свою да доць Елепушку,
Оны дѣли-то на сй вѣдь платьё само луцьшоё,
Посадили ей въ корету красна золота,
Ужъ какъ куцера ей дали слугу вѣрного.
Тутъ бѣжитъ вѣдь лошадь—только громъ стоитъ.
Тутъ услышила Елепушка, да што нейдётъ лошадь,
На повы́стала [3]) -то исъ кореты красна золота,
На гледитъ, што нѣтъ коня какъ доброго,
Ужъ какъ нѣтъ-ту у ей слуги вѣрныя;
А гледитъ—лѣса стоятъ больши да забудушшія,
Ишше озёро стоитъ да больше всѣхъ того,
Кругомъ озёра есь да только вѣдь жолты́ пески.
Тутъ пошла Елепушка кругомъ да всё заплакала,
Она дёржитъ-то въ уми да Бога нашого,
Она и́дётъ вѣдь да на жолты́ пески,
Она сѣла тутъ да на жолты пески,
А сидитъ-то тутъ да плацитце.
Гледитъ, ѣдетъ доброй молодець да на кони верхомъ.
Тутъ прiѣхалъ онъ да вѣдь къ Елёпушки.
„Ты не плаць, Елена, не рони-тко сьлёзъ.
Вотъ какъ я слегу́ [1]) да съ добра́ коня,
Я теперь-то вѣдь да отдыхать буду.
Красно солнышко пойдётъ да вѣдь ко западу,
Сьвѣтѣлъ дѐпецёкъ пойдётъ ко вецёру,—
Ты буди меня тогды да поскорѣ буди“.
Вотъ сидитъ Елена да всё поглядывать.
Какъ вѣдь солнышко пошло да всё ко западу,
Сьвѣтѣлъ де́пи́цёкъ пошолъ ко вецёру,—
Гле́ди́тъ: морё сине зволновалосе,
Тутъ летитъ зьмѣя да семиглавая,
Какъ летитъ зьмѣя да похвале́нтце:
„Ужъ какъ мнѣ-то пироги да припасёныя!“
Она стала тутъ будить да добра молодца,
На стронила свои сьлёзы на бѣло́ лицё,
Тутъ скоц(ч)илъ уда́лой доброй молодецъ
Онъ скоцилъ да на добра коня,
Обпажилъ свою да саблю вострую,
Онъ срубилъ у ей да петь головъ долой,
Отвязалъ у ей да поясъ шолковой,
Онъ сьвязалъ зьмѣю на поясъ шолковой:
„На, веди, Елепушка, зьмѣю да во свой городъ вѣдь,
Ко Агафію веди да ко красну́ крыльцю.
Ужъ какъ онъ идётъ Огафей на красно крыльцё.
„Ты скажи въ ответъ да ты не бойсе вѣдь.
Ты уйдёшь ли ты во вѣру христіеньскую,
Ты повѣришь ли во Іоспода росьпятого?
Какъ пейдёшь ты во вѣру христіеньскую,
Какъ не вѣришь во Іоспода да всё роспятого,—

[1]) Сходбище. *Собир.*
[2]) Дадимъ. *Собир.*
[3]) Вышла. *Собир.*

[1]) Слёзу. *Собир.*

Я спушшу зьмѣю да семиглавую“.
Тутъ пошла Еленушка да зьмѣёй домой.
На приходитъ ко отцу да ко Ога́пею;
Онъ выходитъ тутъ да на красно́ крыльцо,
Ужъ какъ видитъ, што идётъ доць Еленушка,
На ведётъ зьмѣю да всё двуглавую:
„Ты повѣришь ли вѣдь въ Іосподa роспятого,—
Не спушшу зьмѣю да вѣдь двуглавую“ [1]).

№ 8.

Два брата Лазаря.

Жило-то два брата два Лазаря.
А одинъ-отъ былъ и Лазарь бо҃натой,
А другой отъ былъ и Лазарь вѣдь нужной.
Онъ и тридцеть лѣтъ да во гно́ишши жилъ.
Вотъ и пришолъ вѣдь Лазарь къ брату да подъ окно:
„Ужъ ты, братецъ, братецъ, богатой Лазарь!
Ты подай-ко мнѣ-ка милостыпу Христа ра́ди“.
А тутъ бросалсэ вѣдь Лазарь по плѐць въ окно:
— Ты откуль мнѣ-ка братець, какой пришолъ?
Мнѣ-ка князи вѣдь, бояра-тѣ братья мои,
Мнѣ-ка купци торговы-тѣ госьти мои.
Ужъ и подьте-ко-се два кобеля́,
Отгоните-ко вы Лазаря отъ широкихъ воротъ.—
Отъ и пошли вѣдь два кобеля́,
Отъ и Лазареву душу да напитали,
По подстолью крохи да назбирали.
Пошолъ Лазарь да во цисто по́лё,
Ужъ какъ змо́лилсэ Лазарь Іосподу Бо҃у:
„Ужъ ты выслушай, Іосподи, моленье мое:
Какъ молитвы-ти да какъ вѣдь Лазаревы:
Какъ пришли ты, Іосподи, мнѣ двухъ аньделовъ,
Мнѣ не кроткихъ, мнѣ не смирныхъ, не милосьливыхъ.
Не́цесно душу мою вы́ложите,
Крюкомъ, бокомъ мою да душу вытените,
А сьнесите мою душу да въ муку вѣчную;
Какъ того мся душа да уготовала.
На довольнё на сёмъ свѣти нацарьсьво, вала“.
Услышалъ Іосподи мо́леньё ёго,
Какъ молитвы ёго да вѣдь какъ Лазарёвы,
Какъ прислалъ ёму Іосподь двухъ аньделовъ,
Ёму кроткихъ, и смирныхъ и милосьливыхъ;
Ужъ чесно-то ёго да душу выложили,
Положили-то ёго душу на серебряно блюдо,
Какъ сьнесьли-то ёго душу въ пресьвѣтлой рай;
Какъ того ёго душа уготовала.
Какъ у Лазаря имѣніё всё прахомъ взяло́сь,
Какъ житьё-бытьё богачьво водой рознесло.
Какъ пошолъ вѣдь и Лазарь да въ чисто по́лё,
Какъ молитце Лазарь и Іосподу:
„Ужъ ты услыши, Іосподи, моленьё моё,
Какъ молитвы мои да эти праведныя;
Пришли мнѣ-ка, Іосподи, двухъ аньделовъ,
Мнѣ-ка кроткихъ, и смирныхъ, и милосьливыхъ;
Шчобы чесно мою душу да выложили,
Положили бъ мою душу на серебряно блюдо,
А сьнесите-ко мою душу въ пресьвѣтлой рай;
Какъ то҃но моя душа да уготовала.“
Тутъ услышалъ вѣдь Іосподи молитвы ёго,
Какъ и по́слалъ ёму Іосподь двухъ аньдело́въ,
Какъ не кроткихъ, не сьмирныхъ, не милосьливыхъ.
Какъ и не́цесно его душу выложили,
Крюкомъ, бокомъ ёго да душу вытянули,
Какъ сьнесьли ёго да душу въ муку вѣчную;
Какъ того ёго душа да уготовала,
На довольнё на сёмъ свѣти нацарьсьвовала.
Тутъ увидялъ Лазарь брата во раю́,
Онъ спросилъ у Лазаря, брата своёго:
„Ужъ ты, брате, брате, убогой Ла́за́рь!
Ужъ ты дай-ко мнѣ, братецъ, хоть мизёнка воды,
Омочи мои уста, да хоть въ огни не горѣть“.

[2]) Затѣмъ пѣвица прибавила, что царь повѣрилъ и сдѣлался христіанином. Молодецъ былъ св. Егорей. *Собир.*

№ 9.

Алексѣй, Человѣкъ Божій.

Ужъ какъ сталъ Ефимьянъ-князь Боhу молитце:
Онъ на кажную пе́тьницу постилсэ,
Онъ на кажную суботу причашшалсэ,
Онъ просилъ у hоспода отродья,
Онъ муського полку, либо женьского:
„hосподи, hосподи, Царь небесной!
Дай, hосподи, мнѣ отродья“.
Какъ во сьняхъ ёму Боhородица явилась,
На святымъ своимъ hла́сомъ прогласила.
— Ужъ ты стань-кось, Ефымьянъ, да пробудисе,
Клюцёвой свѣжой водыцёй умойсе,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцёмъ утрисе,
Отъ жоланья ты вѣдь hосподу помолисе,
Ко святому-ту Николы со сьлёзамы.
Ты поди-тко во ложнюю во спальню:
Какъ кнегина тобѣ сына спородила.
Окресьтите-ко младеня, омолите,
Нарекайте-ко ёму имя да Олёксѣёмъ,
Олёксѣёмъ ёму Божьимъ Чёловѣкомъ.—
Ужъ какъ сталъ Ефимьянъ да пробудилсэ,
Онъ отъ крѣпкого-то сна да прохватилсэ,
Клюцёвой свѣжой водыцёй умылсэ,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцёмъ утёрсэ,
Отъ жаланья онъ hосподу помолилсэ,
Онъ сьвятому-ту Николы со сьлёзамы,
Онъ пришолъ-то во ложнюю во спальню,—
Какъ кнегина-та ёму сына спородила.
Онъ пошолъ-то къ попамъ да къ протопо́памъ,
Ко большимъ-то онъ къ чиновнымъ къ орхиреямъ.
Окрестили-то ёго, омолили,
Нарекли́-то ёму име Олёксѣёмъ.
У кого-то росьтётъ днёмъ, да у ёго цёсомъ,
У кого росьтётъ недѣлёй, у ёго мѣсецёмъ *).
Ужъ какъ сталъ-то Олёксѣй да лѣтъ двѣнадцеть,
Ужъ задумалъ-то Ефимьянъ да ёго грамоты уц(ч)ить.
Олёксѣю-ту свѣту грамотка дала́се,
Какъ ёму-ту рукописаніё открыло.
Сталъ и Олёксѣй да лѣтъ сёмнадцать;
Тутъ задумалъ Ефымьянъ сына женити,
Какъ женидба-та Олёксѣю не даласе.
Ужъ какъ пошолъ Олёксѣй на ложню спальню
Со своёй онъ со кнегиной Катериной,
Во сипяхъ ёму Богородица евилась,
А сьветомъ-то ёму гласомъ прогласила:
„Ужъ ты стань-ко, Олёксѣй, да пробудисе,
Клюцёвой свѣжой водыцёй умойсе,
Отъ жаланія ты hосподу помолисе,
Тому-ту Миколы да со сьлёзамы.
Отвежи ты отъ собя да шолковъ поясъ,
Привежи ты ко кнегины къ Катерины,
Ты сойми-ко съ руки да злацёнъ персьтень,
Ты отдай своёй кнегины Катерины;
Ты сойми-ко своё платьё цьвѣтно,
Ты одѣнь-ко на собя да чёрну ризу,
Ты уйди-ткось въ карабельнію гавань,
Ты возьми-ткосе лёккую шлюпку,
Ты уѣдь-ко изъ Рымского царсва,
Ты бросай свою кнегину Катерину“.
Тутъ вѣдь сталъ-то Олёксѣй да пробудилсэ,
Клюцёвой свѣжой водыцёй умылсэ,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцёмъ утёрсэ,
Отъ жаланія онъ hосподу помолилсэ,
Ко сьвятому Николы да со сьлёзамы.
Отвязалъ онъ отъ собя да шолковъ поясъ,
Привязалъ своёй кнегины Катерины,
Ужъ онъ далъ того цяря (?) да злацёнъ перьстень:
„Когды мой у тя перьстень роспае́тце,
Тогды увидишь Олёксѣя да Цёловѣка Божья“.
Тутъ пошолъ-то онъ во гавань да карабельню,
Ужъ онъ взялъ-то себѣ да лёкку шлюпку,
Онъ уѣхалъ отъ ей проць да во пустыню.
Онъ молилсэ во пустыни да лѣтъ вѣдь тридцеть;
Тутъ задумалъ Олёксѣй да проць уѣхать.
Онъ пріѣхалъ тутъ во Рымскоё царьсво,
Онъ пошолъ тогды во Божію церьковъ.
Тутъ вышолъ Ефимьянъ, да князь багатой,
Подаватъ ёму милостину Христа ради;
Онъ приматъ отъ ихъ милостину спасе́ну,

---

*) Ошибка пѣвицы; слѣдуетъ наоборотъ. *Собир.*

Онъ и молитъ за ёго да вѣдь и Бо҃а.
А пришолъ вѣдь Олёксѣй да къ Ефимьяну,
Къ Ефимьяну-ту пришолъ да подъ окошку,
Запросилъ онъ милосьтину Христа ради:
„Ты подай, Ефимьянъ да князь богатой,
Ради сына Олёксѣя Цёловѣка Божія“.
Тутъ бросалась ёго мати да по плець въ окно:
— Ужъ ты откуль идёшь, калика, гдѣ проживала ты?
Гдѣ ты видялъ Олёксѣя Цёловѣка Божія?—
Отвѣцялъ ёму калика да прохожалой:
„Ужъ и какъ-то я не видялъ Олёксѣя?
Мы въ одной-то съ имъ вѣдь келейки проживали,
Мы въ одну-то съ имъ вѣдь грамотку ч(ц)итали“.
— Ты поди-ткось къ намъ, калика, во полаты,
Ты живи-тко вмѣсто сына Олёксѣя.—
„Я нейду-то къ вамъ въ полаты бѣлокаменны;
Вы состройте-ко мнѣ келью о крылецько.“
Ужъ какъ тутъ Олёксѣй да зажилъ вѣдь,
Онъ Ho҃споду Богу тутъ молилсэ;
Онъ, и кушаньё ёму да посылали,
Какъ лакеи-ты ёму не доносили.
Собирались народъ въ Божью церьковь;
Тутъ зьдѣлалось земноё тресёньё;
Повышли-то всѣ изъ Божьёго храму:
„Куды мы теперь пойдёмъ да сьвята искати?“
Отошли ко Ефимьяну да ко крылецька—
У Ефимьяна-то вѣдь калика преставилсэ,
Онъ и дёржить въ руки рукописаньё.
Ефимьянъ тутъ видитъ—Олёксѣй есь.
Ужъ и втѣпоры у жоны перьстень роспутилсэ,
Какъ ёго-то шолковъ поесь отвязалсэ.
Тутъ пришолъ Ефимьянъ къ рукописанью,
Ужъ онъ сталъ-то у ёго изъ рукъ какъ брати,
А ёму-ту рукописаньё не далосе.
Тутъ пришла-то ёго рóдная мати,
Какъ у ёго рукописаньё взяла же,
Матери рукописаньё далосе;
Тутъ и мати-та узнала, што Олёксѣй есь,
Олёксѣй есь да цядо ихно.
Она хватала-то свои волосы вѣдь въ руки,
О кирпичьнёй-отъ полъ она бросалась:
„Отцёго ты мнѣ, Олёксѣй, да не сказалсэ?“
А жона-та вѣдь пришла ко ёго гробу:
„Ты цёго мнѣ, Олёксѣй, да не сказалсэ?
Я поцясту къ тобѣ въ госьти бы ходила“.

№ 10.

Алексѣй, Человѣкъ Божій.

Ой былъ Ефимьямъ, кнесь богатой.
Ой нѣту у Ефимьяна отродія
Не женьского полку, ни муского.
Молилсэ Ефимьянъ годовъ петнацать;
Онъ молитце Богу съ прилежаніемъ,
Ой матери Божьей со слезами:
„Создай мнѣ-ка, Господи, отродіе,
Хоть бы женьского полка, муского!“
Ай тутъ Ефимьянъ пріуснувшись
Богородица гласомъ прогласила,
Пречистая дѣва мать Марія
Цёловѣцёскимъ языкомъ проговорила:
— Пора, Ефимьямъ, спать убужатце,
Отъ крѣпкихъ сновъ забудушшихъ [1])!
Княгина сына спородила.
Зовите поповъ, протопоповъ,
Зовите царей, патріярховъ,
Священника въ домъ приводите,
Родимици молитву давайте,
Младеню имя нарекайте,
Нарекайте ёму Олексѣёмъ,
Олексѣёмъ Божьёмъ Цёловѣкомъ.—
Ай тутъ Ефимьянъ отъ сну пробуждалсэ.
Не-знай Ефимьянъ испугалсэ,
Не-знай Ефимьянъ зрадовáлсэ;
Помымъ руки, Богу помолилсэ,
Гредётъ въ бѣлу камянну полату.
Княгина ёму сына спородила.
Онѣ звали поповъ, протопоповъ,
Онѣ звали царей, патреярховъ,
Священника въ домъ приводили,
Родимици молитву давали,
Младеню имя нарекали,
Нарекали ёму имя Олексѣёмъ,
Олёксѣёмъ, Божьёмъ Цёловѣкомъ.
Сталъ Олексѣй годовъ пети-шести,

[1]) Забудýщій—отнимающій память. *Собир.*

Онзволилъ ёго батюшко уцити,
Ой мать-осударыня по тому же.
Ёму, свѣту, грамота даласе,
Ёму рукописаньицё открылось.
Ай сталъ Олёксѣй лѣтъ шоснацати,
Онзволилъ ёго батюшко женити
И мать-осударыня по тому же.
Ёму, свѣту, женитце не хотѣлось;
Оца, матерь прогнѣвить не захотѣлось.
Ай ходятъ по Римскому царьсву,
Выбпрают Олёксѣю невѣсту.
Нашли Олёксѣю невѣсту
У славного князя Филимона.
Скорёшенько свадебку сыграли,
Повели Олёксѣя въ Божью церьковь,
Златыя вѣньци накладали,
Златыма перснямы обручали.
Привели Олексѣя въ бѣлу камяную полату,
Ай вси за дубовы столы садилнсь.
Ай всѣ за столамы сидятъ пьютъ, ѣдятъ,
Ай пьютъ, ѣдятъ да веселятца;
Одинъ Олёксѣй сидитъ не пьётъ, не ѣсъ,
Не весёлъ, буйну голову повѣсилъ,
Сахарьнія ясвы не воскушаётъ,
Медяного питья не исьпиваетъ,
Обливаитьце горючима слезамы.
Спрогóворитъ Ефимьянъ, князь богатой:
„Ты щто же, Олёксѣй, сидишь не пьёшь,
не ѣшь,
Ты невеселъ, буйну голову повѣсилъ,
Сахарьнія ясвы не воскушаёшь,
Медяного питья не исьпиваешь,
Обливаисе горючима слезамы?
Мы мѣстомъ тебя равзѣ обсадили,
Царой мы тебя ли обносили,
Кнэгина ли тебѣ не по обыцью?“
Спроговоритъ Олёксѣй, Цёловѣкъ Божёй:
— Ни мѣстомъ миня не обсадили,
Царой вы миня не обносили,
Кнэгина-та мнѣ по обыцью.—
Повели Олёксѣя въ тёплу спальню.
Ай тутъ Олёксѣй ка-быть уснувшись,
Богоридиця гласомъ прогласила,
Пречиста дѣва мать Марія
Цёловѣцёскимъ языкомъ проговорила:
„Ты гой еси, Олёксѣй Цёловѣкъ Божей!
Пора ити по синёму морю;
Обрѣтйтце маленькой корабликъ,
Ой седь ты на маленькой корабликъ,—
Унесётъ тебя въ пустыню незнакому.“
Ай тутъ Олёксѣй отъ сну пробужалсэ,
Сымалъ съ себя платьё цьвѣтно,
Накладыватъ на себя платьё цёрно,
Сымать съ руки злацёнъ перстёнь,
Отвязыватъ отъ себя шолковъ пóясъ,
Одаватъ своёй обручноёй кнэгины,
Обручной кнэгины Катерины:
—Когда этотъ перстень роспаятце,
Когда этотъ поясъ роздёржитце,
Поминайте миня хлѣбомъ и солью,
Давайте по нишшимъ, убогимъ.—
Пошолъ онъ ко синёму морю,—
Обрѣдилсэ маленькой корабликъ,
Ай сѣлъ онъ на маленькой корабликъ,
Унесло ёго за синеё морё,
За синеё морё за солбно,
Принесло ёго въ пустыню незнакому.
Молилсэ Олёксѣй годовъ трицеть:
На всяку суботу причащалсэ,
На всяку недѣльку ѣлъ просфорки.
Богородиця въявь къ нёму ходила:
„Тѣ пора ити ко синёму морю!
Обрѣтитце маленькой корабликъ.“
Пошолъ онъ ко синёму морю;
Обрятилсэ маленькой корабликъ.
Сѣлъ онъ на маленькой корабликъ,
Унесло его во Рыньскоё царьсво.
Пришолъ къ Ефимьяну подъ окошко,
Попросилъ онъ милостыню спасёну:
„Ты гой еси, Ефимьянъ, кнесь богатой!
Подай-ко ты мнѣ милостыню спасёну,
Хоть не ради миня, ради калики,—
Ради твоёго сына Олексѣя,
Олексѣя, Божья Цёловѣка!“
Онѣ всѣ по плець въ окно бросались.
Ай спроговоритъ Ефимьянъ, кнесь богатой:
— Ай какъ ты моёго сына знаёшь?—
„Ай какъ я твоёго сына не знаю?—
Въ одной мы съ нимъ школы уцились,
Въ одной кельи Богу молились,
На всяку суботу прищащались!
Ай ты гой еси, Ефимьянъ, кнесь богатой!
Сострой мнѣ-ка хижинку спасёну
Подъ своимъ любимымъ крылецькомъ.“
Состроилъ кнесь богатой
Ёму онъ хижинку спасёну.

Ой що Ефимьянъ воскуша́ётъ,
Ей то Олёксѣю присылаётъ;
Лакеи къ ему не доносятъ,
Помои на келью выливаютъ.
Заносили тутъ ладоны-духи
По всёму тому Рыньскому царьсву.
Отворили у кельи онѣ двери:
Лежитъ, восіяетъ какъ сонцо.
Оны тутъ вси плакали-рыдали:
„Нащо же ты намъ не сказа́лсэ?
Мы бы взяли (въ) бѣлокамянны полаты!“
Понёсли Олёксѣя на кладбиште,
Бросали по сторонамъ онѣ златници [1]);
Никто златници не примаетъ,
Всѣ прикладываютце ко Божью Цёловѣку.

№ 11.

Алексѣй, Человѣкъ Божій.

Былъ жилъ Ефимъянъ, да князь богатой.
Охвоць Ефимъянъ Богу да молитьце:
На петьницю, суботу онъ прицяшалсэ,
На сьвѣтлоё Христово воскресенье,—
Молилъ онъ себѣ отродья,
Хоть женьского онъ себѣ, хоть муського.
Потродясь Ефимъянъ да притрудилсэ,
На лавоцьку спать да валилсэ.
Богородица гласомъ прогласила,
Прицистая дѣва мать Марія
Цёловѣцескимъ язы́комъ проговорила:
„Тебѣ полно, Ефимъянъ, спать да усыпатьце,
Тебѣ пора, Ефимъянъ, да пробужатьце
Оть крѣпко́го сну забудушта [2])!
Поди-ко-се во Римсько ты во царьсво,
Кнегина тебѣ сына спородила.
Зьбирай-ко ты поповъ-то, протопо́повъ,
Зьбирай-ко ты прицятниковъ церьковныхъ,
Поставте-тко вы кума со кумою,
Крисьтите въ свято Божьё крешеньё,
Нарекайте ёму имя Олёксѣёмъ,
Олёксѣёмъ имя Божьимъ Цёловѣкомъ“.
Ото сна Ефимъянъ пробужалсэ.
Не-знатъ Ефимъянъ да испугалсэ,
Не-знатъ [1]) Ефимъянъ да зрадова́лсэ.
Клюцёвой свѣжо́й водой сталъ да умыватьце,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцёмъ да вытьратьце,
Сталъ Іосподу онъ Боіу помолилсэ,
Божьёй Матери прецистой со сьлёзамы.
Пошолъ онъ въ Римцько своё царьсво,
Восходилъ въ бѣлы каменны палаты,—
Кнегина ёму сына да спородила.
Зьбиралъ онъ поповъ да протопоповъ,
Зьбиралъ всѣхъ прицатьниковъ церьковныхъ;
Поставилъ онъ стрѣтного [2]) кума,
Какъ кума поставилъ да со кумою,
Кресьтилисе во Божьё крешеньё,
Нарекали ёму имя сьвятоё,
Сьвятоё ёму имя Олёксѣёмъ,
Олёксѣёмъ-то Божьимъ Цёловѣкомъ.
Сталъ Олёксѣй да лѣтъ пети-шти [3])—
Захотѣлъ ёго батюшко въ грамоты уцити,
Какъ мать-осударына по тому же,
Ему света грамотка даласе,
Какъ ёму рукописаньицё да открылось.
И сталъ Олёксѣй да лѣтъ-то пятнадцать,
Какъ сталъ Олёксѣй да лѣтъ-то двадцеть,
Захотѣлъ ёго батюшко женити,
Какъ мать-осударына по тому же.
Ёму, сьвѣту, женитьце не хотѣлось,
Принёволилъ ёго батюшко па-силу.
Не хотѣлось Олёксѣю родитель прогнѣвити.
Пошли оны по Римцькому по царьсву,
Выбирали Олёксѣю да невѣсту.
Они выбрали Олёксѣю да невѣсту
У ласко́ва князя Филимона,
Какъ на младыя обручныя кнегины,
Кнегины ёго да Катерины.
Крутёхонько [4]) свадёбку сыграли,
Поскорѣе Олексѣя да женили,
Да женили Олёксѣя да овѣнчали.
Какъ всѣ на пиру сидятъ напивались,

[1]) Золотыя монеты (*Даль*, *Подв.*).
[2]) Забудущій—отнимающій память. *Собир.*

[1]) Не-знатъ... не-знатъ—не то... не то. *Собир.*
[2]) Эпитетъ, вѣроятно, указывающій на извѣстный обычай приглашать въ кумовья перваго встрѣчнаго, когда предыдущія дѣти умирали. *Собир.*
[3]) Шти—шести. *Собир.*
[4]) Круто—скоро. *Собир.*

Какъ всѣ на цѣсномъ сидятъ наѣдались.
Какъ одинъ Олёксѣй сидитъ да невёсёлъ,
Свою буйную голову да повѣсилъ,
Обливаитцѣ горюцима да сьлёзамы.
Проглаголитъ Ефимьянъ-князь да богатой:
„Ты цёго, Олёксѣй, сидишь да невесёлъ,
Свою буйную голову да повѣсилъ,
Обливаисьсе горюцима сьлёзамы?
Какъ мѣстомъ тебя равзѣ обсадили,
Какъ цярою тебя равзѣ обносили,
Даромъ-то тебя не ударѝли,
Кнегина по обыцью да не пала?“ [1])
Проглаголётъ Олёксѣй Чёловѣкъ Божей:
— Мѣстомъ меня не обсадили,
Какъ цярою меня не обносили,
Даромъ-то миня да ударѝли,
Кнегина по обыцью мнѣ да пала.—
Звали Олёксѣя въ тёплую лёжню,
Какъ на хорошу тисóвую кроватку,
Кахъ на мяккую пуховую перинку,
Какъ на круто косисьцято [2]) изголовьё,
Подъ тёпло соболино да одѣяло.
Какъ сьпитъ тамъ Олёксѣй Цёловѣкъ Божей,
Какъ въ перьвомъ цясу да въ тёмной ноци
Да Богородиця въявь ёму явилась,
Прицистая дѣва мать Марія,
Цёловѣцёскимъ языкомъ проговорила:
„Тѣ пора, Олёксѣй, спать пробужатьцѐ
Отъ крѣпкóго сну да забудушша!
Отстёгивай да шолковъ поясъ,
Сымай-ко со правой руки злацёнъ перьстень,
Отдавай своей обручныя кнегины,
Кнегины отдавай ты да Катерины,
Ты сьнимай съ сибя да платьицё цьвётно,
Надѣвай на сибя платьицё цёрно,
Какъ цёрнóё платьицё спасёно“.
— Ты куды, Олёксѣй, скоро да походишь?
Отецъ, матушка твои да забранятцѐ:
Куды сподѣвала да Олёксѣя?—
„Пойду теперь я во Божью-ту церьковъ
За отця, за матерь Бога помолити,
За тебя, обручная кнегина,
Кнегина ты Катерина“.
Пошолъ Олёксѣй какъ въ цистоё полё,
Исъ цистого поля ко синёму морю;
Какъ у синёго моря стоитъ карабликъ.
Становилсэ Олёксѣй на карабликъ;
Ёму далъ Ѣосподь тѝшинку способну,
Ужъ какъ далъ ёму пóвѣтерь [1]) проносну;
Опъ да перешолъ цере синё грозноё морё.
Увидалъ тамъ келейку спасёну.
Какъ молилсэ Олёксѣй лѣтъ-то трицѐть.
Богородиця въявь ёму явилась,
Прицистая дѣва мать Марія,
Цёловѣцёскимъ языкомъ проговорила:
„Тебѣ полно, Олёксѣй, Бо҃у да молитьцѐ!
Умолилъ себѣ ты царьсьво да небесно“.
Ото сна сталъ Олёксѣй да пробужатьцѐ,
Клюцёвой свѣжой водой да умыватьцѐ,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцёмъ да вытиратьцѐ.
Сталъ Ѣосподу Богу помолилсэ,
Божьёй Матери прицистой со сьлёзамы.
Пошолъ Олёксѣй да къ синёму морю,
Становилсэ Олёксѣй да на карабликъ.
Не хотѣлось Олёксѣю во Римьское царьсьво,
Какъ хотѣлось Олёксѣю во дальнія земли.
Пала Олёксѣю сильняя погода,
Носило Олёксѣя трои сутки,
Принёсло опять во Римьское во царьсьво,
Выходилъ на крýтой красной бережоцёкъ;
Выходилъ на росыпцятой песоцёкъ;
Молилсэ онъ Бо҃у со сьлёзамы,
Шшобъ матушка-отець да не признали.
Идутъ какъ кнези, бояра,
Идутъ оны во Божію-ту цёрьковъ,
По нишшимъ златници дають,—
Велятъ поминать всё Олёксѣя,
Олёксѣя Божьёго Цёловѣка.
Олёксѣй отъ нихъ златници не принимаётъ,
На Ѣоспода руки вызънимаётъ [2]).
Идётъ Ефимьянъ да князь богатой,
Тому нишшому златницю даваётъ;
Тотъ нишшой златници да не принимаётъ,
Ефимьяну въ рѣзвы ноги да падáётъ,
Ноги сьлёзамы обливаетъ:

[1]) Пасть—попасться, явиться, быть. *Собир.*
[2]) Косящатое—досчатое. *Собир.*

[1]) Попутный вѣтеръ. *Собир.*
[2]) Вызнимать—поднимать. *Собир.*

— Не нать твоёй милосьти спасёной;
Я могу такъ знати Олёксѣя,
Олёксѣя-та Божья Цёловѣка".
— Ужъ ты какъ моёго сына знаёшь,
Ты по имени ёго называёшь,
По отецесьви ёго величаёшь?—
„Ужъ я какъ твоёго сына знаю:
Мы въ одномъ-то мѣсьти Бо҃у молились,
Молились съ Олексѣюшкомъ да спасались;
Пошолъ Олёксѣй да во дальнія земли,
Пошла я, калика, да въ здѣшноё мѣсто.
Ужъ вы ҃ой есь, Ефимьянъ да князь богатой!
Сострой-ко мнѣ-ка келейку да спасёну
У своёго ты краснаго крылецька,
Не ради ты калики да перехожой,
Ради своёго сына да Олёксѣя,
Олёксѣя-то Божьёго Цёловѣка".
Состроилъ ёму келейку спасёну.
Молилсэ Олёксѣй да лѣтъ пятнадцать.
Какъ нчо Ефимьянъ да пилъ онъ, кушалъ,
Отсылалъ-то калики да перохожой.
Какъ злы были халуи-лиходѣи:
Хорошу-ту пишшу всю пріѣдали,
Всё посили помои, ополоски.
Богородица въявъ ёму явилась,
Прицистая мать Марія:
„Тебѣ полно, Олёксѣй, Бо҃у молитьце!
Умолилъ себѣ царьсьво небесно.
Возьми-тко цернильницю да бумажку,
Пиши-ко ты своё да похоженьё [1]),
Пиши-ко своё да прихоженьё".
Посьпѣлъ Олёксѣй только написати,—
Пришолъ ҃осподь душу вынимати,
Онъ со аньгеламы пришолъ, со арханьделамы,
Съ херувимамы пришолъ да съ серафимамы,
Со всёю небесной пришолъ силой.
Заносило по граду да духи сьвяты.
Да негдѣ-то не могутъ найти сьвятого.
Пошли оны во Божью церьковь:
„Какъ угодьники у насъ равзѣ явились?"
За престоломъ тутъ имъ проговорило:
— Вы ишшите святого у Ефимьяна:
Преставилась калика да перехожа,
Онъ дёржитъ въ рукахъ рукописаньё.—
Некому рукописаньице не даётце.
Идётъ Ефимьянъ да князь да богатой,
Ёму рукописаньицё далосе.
Какъ жалко Ефимьянъ да сидитъ плацётъ,
Какъ жалко Ефимьянъ сидитъ возрыдаётъ:
„Возьлюбляно ты цядо ҃осподнё,
Ише ты-ли Олёксѣй да Цёловѣкъ Божей!
Цёго ты пришолъ теперь къ намъ не сказалсэ,
Съ одного бы блюда пили съ тобой, воскушали,
Заедно бы съ тобой ҃осподу молились,
За младого цьвѣта (?) трудились!"
Идётъ ёго маменька родима,
Какъ жалко она да идётъ плацётъ,
Какъ жалко она идетъ возрыдаётъ,
Власы со главы да содираётъ:
„Возьлюбляно цядо ты ҃осподнё!
Ишшо ты-ли Олёксѣй Цёловѣкъ Божей!
Цёго пришолъ намъ ты не сказалсэ?
Съ одного бы блюда пили съ тобой воскушали,
Заедно бы съ тобой ҃осподу молились,
За младого цьвѣта трудились!"
Идётъ ёго обручная княгина.
Стогды у ей злацёнъ поясъ роспустилсэ,
Стогды у ей злацёнъ перьстень роспаялсэ.
Какъ жалко она да идётъ плацётъ.
Какъ жалко она идётъ возрыдаётъ.
„Ишше ты-ли Олёксѣй ты Цёловѣкъ Божей!
Цёго пришолъ намъ ты да не сказалсэ?
Съ одного бы блюда пили съ тобой, воскушали,
Заедно съ тобой Богу молились,
За младого цьвѣта трудились!" [1])

[1]) Уходъ; походить—уходить. *Собир.*

№ 12.

Сонъ Богородицы.

„Ужъ ты мати, ты мати да присьвятая!
Ужъ ты гдѣ, мати, спала-опочовала?"
— Ужъ ты цядо, ты цядо возьлюблённое.
Я спала-то поцесь, опочовала

[1]) „Шесть недѣль его по граду несли до кладбища".

У сьветой я рѣки да на Ёрдани,
У сьветой я воды да на Ерьтепи.—
„Тебѣ шчо, мати, поцѣсь во сьняхъ привидялось?“
— Мнѣ привидялось цюдёнъ крестъ Господёнъ.
Какъ на томъ-ли на кресьтѣ ты, цядо, росьпятъ.
На кого ты миня, цядо, да оставляёшь,
На кого ты миня, цядо, спокидаёшь?—
„Ты не пла(ч)ць-ко, моя мати присьвятая!
Оставляю тибя, мати, на Ивана,
На того-ли я Ивана Богослова.
Ужъ я въ перьвой-отъ день, мати, росьпятъ буду,
Я на дру́гой-отъ день, мати, погребусе,
Я на третей-отъ день, мати, воскресну.
Ужъ я самъ на неби, самъ да возьнесусе
Я со славою да всёй съ Господьнёй.
Ужъ я самъ по тебя да, мати, буду,
Ужъ я самъ-ли нсь тебя да душу выну,
Я кладу твою душу да на серебряно блюдо,
Отпоёмъ твою душу со попамы,
Со попамы, со дья́ка́мы, со прецётеньникамы,
Со прецётеньникамы да сь церковнымы,
Со большима цинамы со арьхиреямы.
Посажу твою душу да за престолы [1]).“

№ 13.

Страшный судъ.

А по синяму морю карапъ идётъ,
Алилуй алилуй Восподи помилуй! [2])
По солоному морю черьлёнъ пловётъ.
На томъ карабли идётъ Исусъ Христосъ,
Опъ съ аньделамы да съ арханьделамы:
„Вотъ куды идете́, вотъ куды литите́?“
— Да идёмъ-то, литимъ зъ души зъ грѣшныя.
Ростава́лось тѣло-то бѣло со бѣлы́мъ свѣто́мъ,
Роставаласе душа да со бѣлы́мъ тѣло́мъ,
Не просьтивши душа грѣшна, не каевши.
Она въ трёхъ грѣхахъ душа не каеласе:
Спорину [1]) она псъ квашни выни́мывала,
В› утробы младеня затравливала,
У коровы молоко подс(ш)ушивала.—

№ 14.

Разставаніе души съ тѣломъ.

(Каждый стихъ повторяется два раза).

Ужъ мы про́спали, мы прогу́лели
Живуцись царьсво небесное;
Дакъ не будетъ намъ прошшенія,
Намъ великого милосердія.
Житьё-бытьё скончаетце,
Какъ душа съ тѣломъ ростаиатце:
„Ты прости-тко, прощай, тѣло бѣлоё!“
— Ты прости-тко, прощай, ду́ша грѣшная!—
На (дъ) тобой тѣло, люди чесь ведутъ,
Надо мной, душой, надругаютце.
Какъ тебя, тѣло, на плецяхъ несутъ,
Ай миня, душу, на речагахъ тащатъ.
Ай тибя, тѣло, въ церьковь Божію,
Какъ миня, душу, на судъ Божій.
Ай тебя, тѣло, въ мать сыру землю,
Ай меня, душу, въ муку вѣчную,
Въ муку вѣчную да въ бесконечную.
Мнѣ не то тошно-тошнёшонько
Въ огни горѣть, въ смолы кипѣть;
Мнѣ то-то горько-горчёшенько
(Съ) Сотоной сидѣть, на Сотону гледѣть:
У миня (съ) Сотоной ноги скованы,
Какъ у миня руки связаны.

№ 15.

Разставаніе души съ тѣломъ.

(Этотъ стихъ пѣвица заучила въ Мудюгѣ, Арх. у.)

Ужъ мы про́спали да мы прогу́ляли
Живуци́сь цярсво небесноё.
Не будетъ намъ больше прошшенія.
Житьё зъ бытьёмъ сконьчаитце,

[1]) „Запрестольна пресьвята Богородиця“.
[2]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. *Собир.*

[1]) Способность быть спорымъ.

Душа съ тѣломъ да роставаитце;
Роставаласе, сьлезно прошшаласе:
„Ты просьти-прошшай, да тѣло бѣлоё!“
— Ты просьти-прошшай, да душа грѣшная!—
„Тебя, тѣло, во гробъ кладутъ,
Миня, душу, на судъ поведутъ;
Тебя, тѣло, да на плецяхъ понесутъ,
Миня, душу, на рыцягахъ поташшатъ;
Тебя, тѣло, въ Божью церковъ,
Миня, душу, да на судъ Божія.
Не толь было мнѣ-ка горько-горькошенько,
Не толь было мнѣ-ка тошно-тошнёшенько,—
Съ Сотоной пать [1]) сидѣть, на Сотону гледѣть:
У миня-та Сотоной будутъ ноги скованыя,
У миня-та Сотоной будутъ руки связаныя.
Луцьше въ огнѣ горѣть, во смолы кипѣть,—
Не толь тошно мнѣ-ка, тошнёшенько!—

№ 16.

Мытарства.

А преподобныя Макарей
Пошолъ изъ пустыни, въ міръ онъ пошолъ православной,
Пошолъ посѣтить онъ православныхъ христіановъ.
Ка настрѣту преподобному Макарью
Идетъ цѣловѣческому уму несвѣдимо—
Какъ и сонцё-луна некётъ поднебесна.
Тутъ проговоритъ преподобныя Макарей:
„Куды идёшь, чёловѣче, куды путь твоя надлежитъ?“
— Пошолъ повѣстите преподобному Макарью,
Шшо твоя душа уготовала царсво небесно,
Шшо душа твоя уготовала къ Господню престолу.—
Ужъ и говоритъ преподобныя Макарей:
„Слава Отцу и слава Сыну,
Слава и Сьвятому Духу
И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь!“
Іосподи помилуй, Іосподи помилуй,
Помилуй мя грѣшноіо, помилуй!

[1]) Надоть, придется. *Собир.*

Проповѣдай, аньдели мнѣ-ка Іоспо́дёпъ,
Какъ-то православнымъ людёмъ на сёмъ свѣти будётъ жити.
Ужъ какъ жить будёмъ, Боіу молитце,
И молитце надо, не гордитце,
Не гордитце надо, не возноситце.
И сусѣдамъ и сусѣдкамъ надо не бранитце,
И сусѣдовъ и сусѣдокъ надо почитати,
И во Божью церковъ надобно ходити,
И дитей-то надо въ церковъ пріучати,
И родителей-то надо почитати,
И голодного-то надо накормити,
Зжадного-то надо напоити,
И нагого надо воболкати [1]),
И бо́гоіо [2]) надо одѣвати,
Странного-то на домъ принимати,
И дорожному-ту путь при пу́ти показати;
Мёртвого до гроба надо спроважати,
На свой копиталъ надо свѣшши покупати,
Стоеть плакать и рыда́ти;
И за грѣшника надо і(в)оспода-Бога просити.
Кругомъ но́ги душа грѣшна овиваитце:
„Помените, братана и сёстры,
Помените, сродники и сродници,
Помените, други и недру́зи,
Попросите Воспода-Боіа,
Помогите моёй ду́ши грѣшной!“
Понесьли-то душу по мытарьсьвамъ.
Каково́ добро на сёмъ свѣти душа грѣшна творила?
Она голодного не накормила,
Жадного не напоила,
Странного въ домъ не примала
И больнёго въ домѣ не сѣтила,—
Некакова добра на сёмъ свѣти душа грѣшна не творила.
Ужъ какъ ры́нули-то [3]) душу грѣшну жѣзломъ въ груди,
Поднели́ [4]) же ниже зе́мли, ниже моря:
„Ты поди, душа грѣшна,
Иди ты вѣдь въ муку вѣшьну,
Въ муку вѣшьну поди, въ бесконешьну!“

[1]) Одѣвать. *Собир.* [2]) Убогаго. *Собир.*
[3]) „Ринути“—толкнуть. (*Срезн.*)
[4]) „Поднять“—въ смыслѣ „бросить подъ“? *Собир.*

№ 17.

Огненная рѣка.

Протёкала рѣка, рѣка огнена́я,
Ото востока рѣка текёть до запада.
Какъ по праву руку-ту идутъ правядны;
Ужъ какъ правядны идутъ—веселятце,
Херувимскія стихи да восьпѣваютъ,
За отцёй, за матерей да Бо҃га молятъ.
Ужъ какъ грѣшны идутъ—слёзно плачутъ,
Передъ собой не пути вѣдь не видятъ,
Отцёй, матерей проклинаютъ:
„Ужъ и луцьше бы отець не засѣялъ,
Ужъ и луцьше бы мать меня не родила,
Сорока бы недѣль въ утробы не носила,
На родимомъ бы мёсьти да ростоптала,
На бѣлой-отъ свѣтъ бы не попусьтила!“
Какъ приходятъ-то грѣшны ко огняной рѣки,
Ужъ какъ молятце грѣшныя души:
„Ужъ и ҃ой еси, Михайло-сьвѣтъ Арханьгелъ!
Ужъ и ҃ой еси, Ондрей Перьвозванной!
Перенесите вы насъ ц(ч)ерезъ огнянну рѣку́
Вы къ Обраму, къ Исаку, ко Якову“.
Тутъ спрого́воритъ Михайло-свѣтъ Арханьделъ:
— Ужъ и ҃ой вы есь, грѣшныя души!
Ужъ какъ жили вы были на вольнёмъ на свѣту́,
Вы не пятьници, не среды не поцитали,
Вы не сьвѣтлого Христово҃го воскресенья,
Рано пили, рано ѣли, рано тѣшилисе,
Вы во Божью-то церьковъ-то не ходили,
Ужъ вы намъ-то, богамъ [1]), да не молились;
И вотцёй, матерей да не шьтили.
Ужъ вы бытьте вы прокляты, грѣшны,
Три земли проклятыя въ преисподню!—
Тутъ спрого́воритъ Михайло-свѣтъ Арханьделъ:
— Ужъ вы ҃ой еси, Оньдрей ты Перьвозванной!
Ужъ и рой-ко-сь [1]) грѣшныхъ въ огняну рѣку́,
Ты заваливай ихъ пенiёмъ, каменьёмъ,
Призадёрьгивай рѣшоткамы желѣзныма,
Шшобы нѐ слышать было писку́-вёреску [2]).

[1]) На Бѣломъ морѣ „богами“ называютъ иконы святыхъ. *Собир.*

№ 18.

Грѣшныя души.

„Ужъ вы души, души да многогрѣшныя,
Многогрѣшныя души да окаянныя!
Ужъ вы гдѣ, души, были, кого видѣли?“
— Ужъ мы были, души, на сьвятой Руси.—
„Ишше цёмъ мати земьля тамъ изукрашоная,
Ишше цёмъ мати земьля тамъ принаполнёна(я)?“
— Изукрашона земьля тамъ краснымъ солнышкомъ,
Принаполнена земьля Божьёй милосью.
Тамъ гробы, колоды дубовыя,
Межъ тёма́ есь домови́шша [3]) предвѣчныя.
Ужъ намъ колько не жить, помереть будётъ.
Куды нашо богасьво останитце?
Ишше я вамъ скажу, цёмъ душа сьпасти:
Душа-та спасьти постомъ, молитвамы.
Ишше я вамъ скажу, цёмъ во рай пойт
Шьчо во рай-отъ пойти цёсно́й милосьтiю.—

№ 19.

Непрощаемый грѣхъ.

„А прости, прости ты, матушка сыра́ земля,
А прости, прости, сыра матери,
И меня прости, покай [4]) да добра молодца:
Во перьво́мъ грѣху просьти, покай меня:
Ужъ я жилъ вѣдь со кумой да со крестовою,

[1]) Рыть—бросать. *Собир.*
[2]) Верескъ—визгъ, вопль. *Собир.*
[3]) Домовище—гробъ (*Кулик.*, *Подв.*).
[4]) Каять—исповѣдывать. *Собир.*

Ужъ я прижилъ у кумы да млада отрока“.
— Ужъ я въ томъ грѣху я могу простить,
Я могу простить, могу покаети:
Ужъ ты малой былъ да молодёхонёкъ,
Умомъ-разумомъ да былъ глупёхонёкъ.—
„Во второмъ грѣху покай, матушка сыра земля,
Ты покай да добра молодца(я):
Я бранилъ отця да бранилъ матушку“.
— Ужъ я въ томъ грѣху тебя да вѣдь могу просьтить,
Ужъ могу просьтить, могу покаети:
Ужъ ты молодъ былъ да молодёхонёкъ,
Своимъ разумомъ да былъ глупёхонёкъ.—
„Во третьёмъ грѣху покай, да мать сыра земля,
Ты покай, просьти да добра молодца:
Ужъ я ѣзьдилъ, доброй молодець, да по ц(ч)исту полю,
Я убилъ въ цистóмъ поли купця, госьтя торгового“.
— Ужъ я въ томъ грѣху тебя вѣдь, молодець, да не могу просьтить,
Не могу просьтить, ды не покаети:
Не купц(ч)я убилъ, госьтя да не торгового,
Какъ убилъ вѣдь своёho брата крестовоho,
Какъ порушалъ вѣдь да крёсно знаменьё.—

„Ты просьти-тко, мать сыра земля, да сыра мáтёра,
Во перьвóмъ грѣху да ты меня просьти:
Я бранилъ отца да бранилъ матушку.
Во другомъ грѣху да ты меня просьти:
Ужъ я жилъ-то со кумой да со крестиною,
Ужъ я прижилъ у кумы да млада отрока.
А ешшо прими-тко, мать сырá земля,
Ты покай меня да во большихъ грѣхахъ:
Ужъ какъ ѣзьдилъ доброй молодець да по чисту́ полю,
Я убилъ въ поли́ госьтя да всё торгового“.
Туть спрогóворитъ ёму да мать сырá земля,
Мать сыра земля да сыра мáтёра:
— Во перьвóмъ грѣху да вѣдь могу просьтить,
Шшо бранилъ отца да бранилъ матушку;
Во второмъ грѣху да вѣдь могу просьтить,
Шшо ты жилъ вѣдь со кумой да со кресьтиною,
Хошь ты прижилъ, хошь ты съ ей да млада отрока.
Во третьёмъ грѣху да не могу просьтить,
Не могу просьтить да не могу покаети:
Ты вѣдь ѣзьдилъ, доброй молодéць, да по чисту́ полю,
Ты не госьтя ты убилъ да не торгового,
Своего убилъ брата крестовóго,
Порушúлъ своё да кресно знаменьё.—

№ 20.

Непрощаемый грѣхъ.

Каелса-то доброй молодецъ сырой земли,
Какъ сырой земли да сырой матери:

II.

БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ (старины).

М. С. Лопинцева: № 40.
М. С. Борисова: №№ 22, 27, 38, 44, 56.
А. Д. Полежаева: №№ 45, 53.
П. Ѳ. Конёва: №№ 23, 30, 42, 46, 48, 50, 51, 54, 58.
М. Ѳ. Кожина: №№ 26, 28, 32, 43.
О. С. Вопіящина: №№ 35, 55, 57.
У. Е. Вопіящина: №№ 21, 24, 31, 33, 37, 52.
М. Ѳ. Приданникова: №№ 29, 39, 41.
С. И. Клешова: №№ 25, 34, 49.
П. Г. Мошникова: № 36.
Е. В. Гришанова: № 47.

№ 21.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Между Кіёвомъ между Черниловымъ
Тамъ стояла заста́ва великая,
Семь-то рускіихъ могуціихъ бога́тырей:
Атаманомъ-то былъ да Илья Мурамець,
Подата́маньёмъ Борисъ да королевской сынъ,
Подъ Борисомъ Олёшенька Поповичъ младъ,
Подъ Олёшой Иванушко Замо́ренинъ,
Подъ Иваномъ Иванушко Залѣ́сенинъ,
Подъ Иваномъ Иванъ да Долгополыя.
Выходилъ Илья да изъ бѣла́ шатра,
Онъ смотрѣлъ во трубку долговидную,
Засмотрѣлъ въ чисто́мъ поли́ нахвальшицька:
Ужъ онъ ѣзьдитъ по чисту́ полю, полякуётъ,
Онъ востро́ копьё кинатъ подъ о́блацьё,
Онъ конёмъ подъѣжжатъ, рукой подхватываетъ,
Ужъ онъ самъ къ тому да приговариватъ:
„Кабы мнѣ-ка эта заста́ва проѣхати,
Семь-то рускіихъ могуціихъ бога́тырей,
Я кнезей, бояръ бы всѣхъ повырубилъ,
Молодыхъ кнегинъ да ко себѣ бы взялъ“.
Ужъ какъ эты Ильи рѣци за бѣду стали,
Ай за ту за надсмѣшку за великую.
Заходилъ Илья да во бѣло́й шатёръ,
Говорилъ Илья да таковы рѣци:
„Ужъ вы Ной еси, братія-товарищи,
Вы крестовыя мои, названыя!
Намъ кого послать въ чисто́ по́ле за нахва́льшицькомъ,
За удалымъ за добрымъ молодцомъ?
Намъ послать будётъ Бориса королевиця,—
Королевського да роду гордого,
Потерятъ онъ въ гордости да буйну голову.
Намъ послать Олёшеньку Поповиця?
Ай поповского роду спесивого,
Потерятъ онъ въ спесьти буйну голову.
Намъ послать Иванушка Заморёнйна—
Отерятъ Ванюша буйну голову.
Намъ послать Иванушка Залѣсина—
Потерятъ Ванюша буйну голову.
Намъ послать Ивана Долгополого—
Дакъ въ полахъ Ванюша заплётантце,
Потерятъ Ванюша буйну голову.
Намъ послать будётъ Добрынюшку Никитиця—
Да́къ онъ защита будетъ граду Кіеву,
Оборона будётъ нашой крѣпости“.
Ай сряжалсэ Добрынюшка Никитиць младъ
Онъ на плотицьки [1]) стелитъ войлуцьки,
Опъ на войлуцьки сѣдёлышка цыркальскія
И-семи шолковъ съ подкругамы натягиватъ,
Ужъ онъ самъ къ тому да приговариватъ:
„Ужъ ты шолкъ не рьвись, да ты булатъ не гнись,
Красно золото да ты не ржавѣй-ко,
Чисто се́ребро да ты не мѣдѣй-ко!
Ай не ради красы, да ради крѣпости,
Ради силы-могуты́ да богатырьцькія“.
Выходилъ Илья да изъ бѣла́ шатра,
Говорилъ Илья да таковы рѣци:
„Ты пріѣдёшь на го́ру на высокую,
Ай на то-ли на шо́лумя роскатисто [2]),—
Ты смотри-гледи во трубку долговидную.
Засмотри́шь въ чисто́мъ поли́ нахвальшицька,
Ай нахвальшицька, удала́ добра молодца,—
Ты крыци-зыци да зысьнымъ голосомъ,
Зысьнымъ голосомъ да во всю голову,
Во всю силу-могуту́ да богатырьцькую.
У нахвальшика конь какъ присьёро́шитце,
Самъ нахвальшикъ на кони́ да пріутря́хнитце,—
Поворотъ дёржи да во чисто́ полё;
У нахвальшика конь какъ не сьёро́шитце,
Самъ нахвальшикъ на кони да не утря́хнитце,—
Поворотъ дёржи да ко бѣлу́ шатру“.
Опъ пріѣхалъ на гору на высокую,
Ай на то-ли на шолумя раскатисту;
Онъ смотрѣлъ въ трубку долговидную,
Засмотрѣлъ въ чисто́мъ поли́ нахвальшицька.
Онъ крыцялъ-зыцялъ да зысьнимъ голосомъ,
Зысьнимъ голосомъ да во всю голову.
У нахвальшицька конъ да не сьёро́шилсэ [3]),
Самъ нахвальшикъ на кони да не утря́хнулсэ.
Закрыцялъ нахвальшикъ зысьнимъ голосомъ,
Зысьнимъ голосомъ да во всю голову.
У Добрыни-то конь да палъ на окаракъ,
Самъ Добрыня съ коня да пріусва́лилсэ.

---

[1]) Платъ—лоскутъ, кусокъ ткани *(Срезн.)*.
[2]) Шо́ломя ока́тисто—крутой холмъ. *Собир.*
[3]) Не взъерошился, не поднялъ гривы. *Собир.*

Поворотъ дёржитъ да ко бѣлу́ шетру.
Выходилъ Илья да изъ бѣла́ шатра,
Какъ сряжалсэ Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць.
Онъ на плотиць̀ки да стелитъ войлуць̀ки,
Онъ на войлуць̀ки сѣдёлышка цыркальськія,
И дьвѣнадцѐти шолковъ съ подкругамы натягиватъ,
Ужъ онъ самъ къ тому да приговариватъ:
„Ужъ ты шолкъ не рвись, да ты булатъ не гнись,
Красно золото да ты не ржавѣй-ко,
Чисто серебро да ты не мѣднѣй-ко!
Ай не ради красы, да ради крѣпосьти,
Ради силы-могуты́ да богатырьскія“.
Ай поѣхалъ Илья, да Илья Мурамець,
Мать сыра земьля да потрясаласе,
Ай сыхо́ дерёвъё въ лѣси поломалосе.
Онъ пріѣхалъ на гору на высокую,
Какъ на то-ли на шолумя роскатисту;
Онъ смотрѣлъ во трубку долговидную,
Засмотрѣлъ въ чисто́мъ поли́ нахвальшицька;
Ужъ онъ ѣзьдитъ по чисту́ полю́, поляку́ётъ:
Онъ востро́ копьё кинатъ подъ облацьё,
Онъ копёмъ подъѣжжатъ, рукой подхватываватъ,
Ужъ онъ самъ къ тому да приговариватъ:
„Кабы мнѣ-ка эта за́става́ проѣхати,
Семь-то рускіихъ могуціихъ бога́тырей,—
Я князей, бояръ бы всѣхъ повырубилъ,
Молодыхъ княгинъ да ко себѣ бы взялъ“.
Ишше эты Ильи рѣци за бѣду́ стали,
Какъ за ту за надсмѣшку за великую.
Поворотъ дёржитъ да во чисто полё.
Оны тутъ съ нахвальшицькомъ съѣжалисе,
Онѣ тутъ съ нахвальшицькомъ схватилисе,
Онѣ билисе да день до вечора.
Ай зьбивалсэ нахвальшикъ на бѣлы́ груди,
Вынималъ пожи́шшо изъ нагалишша [1]),
Ужъ онъ тыкалъ Ильи да во бѣлы́ груди.
У Ильи-то крезъ да полтора пуда,
У Ильи-то крезъ да пригибаитце,
У нахвальшицька ножъ да изгибаитце.
Соходилъ нахвальшикъ со бѣлыхъ грудей.
Онѣ тутъ съ нахвальшикомъ схватилисе,
Опять билисе да день до вецёра.
Ай зьбивалсэ Илья какъ на бѣлы́ груди,
Вынималъ пожи́шшо изъ нагалишша,
Увидалъ онъ на руки ёго злацёнъ перьстень.
Говоритъ Илья да таковы рѣци:
„Ты скажись, удалой доброй молодець,
Ты цьёго́ роду́ да цьёго племени,
Ты цьёго отца да цьёй ты матушки?“
Говоритъ нахвальшикъ таковы рѣци:
—Я сидѣлъ у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
Дакъ не спрашивалъ не роду и не племени,
Я не спрашивалъ не отца у тя, не матери.—
Говоритъ Илья да во другой наконъ:
„Ты скажись, уда́лой доброй молодець,
Ты цьёго́ роду́ да цьёго племени,
Ты цьёго отца, да цьёй ты матушки?“
Говоритъ нахвальшикъ во другой наконъ:
—Я сидѣлъ у тебя да на бѣлыхъ грудяхъ,
Дакъ не спрашивалъ не роду и не племени,
Не спросилъ не отца у тя, не матери.—
Говоритъ Илья да во третьёй наконъ:
„Ты скажись, уда́лой доброй молодець,
Ты цьёго́ роду́ да цьёго племени,
Ты цьёго отца да цьёй ты матери?“
Говоритъ нахвальшикъ таковы рѣци:
—Я отъ батюшка синя́ моря, отъ камешка,
Я отъ матушки Настасьи королевисьни.—
Соходилъ Илья да со бѣлыхъ грудей,
Ужъ онъ бралъ его да за бѣлы руки,
Цёловалъ его да въ сахарны́ уста;
Дакъ поѣхали да ко бѣлу шатру.

[1]) Лага́лище—ножны. *Собир.*

№ 22.

Добрыня Никитичъ [1]).

Ужъ какъ жилъ-то былъ Микитушка да всё богатый князь.
У ёго былъ-то Добрынюшка да всё Никитичъ младъ.

[1]) Здѣсь печатается одно начало. Весь текстъ этой старины напечатанъ въ кн. LXVII „Этнографическаго Обозрѣнія“ (1905 г. № 4), стр. 45—48, и въ кн. *А. Маркова*, Изъ исторіи русскаго былевого эпоса, вып. II, стр. 45—48.

Какъ Никитушка-то пожилъ по сёму свѣту,
Оставалась у ёго вдова, да вдова ц(ч)есная.
Какъ Добрынюшка да всё Микитичь младъ
Оставалсэ съ ро́дной маменькой да со цёсно́й вдовой,
Какъ съ Офимьёй онъ да съ Олёксандровной
Какъ была-то тамъ прослышила [1]) Плакунъ-рѣка.
Какъ збиралисе туды бога́тыри́ преспльнія,
А купалисе онѣ да во Плакунъ-рѣки.
Поѣжжалъ Добрынюшка Микитичь младъ
Онъ купатисе да во Плакунъ-рѣку́.
Не спушпала-то его да ро́дна маменька,
Какъ ц(ч)есна вдова Офимъя Олёксандровна:
„Ты не ѣзьди-ко, Добрынюшка Микитичь младъ!
Щэ есь-то тамъ три струи, да струи быстрыя.
Запловёшь, Добрынюшка, да за третью́ струю—
Прилетитъ зъ горы да зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая дьвѣнадцетихобо́тная [2]),
Унесетъ она тебя на высоку́ гору́
Малымъ дѣтоцькамъ да на сьѣденьицё“...

№ 23.

Не удавшаяся женитьба Алеши.

Што й во стольномъ было градѣ, градѣ Кіевѣ,
А у солнышка было князя у Владимера:
Заводилсэ, начинялсэ столъ, почесьтенъ пиръ,
Не для батюшка пиръ, да не для матушки,
Не для тѣхъ поповъ, отцовъ духовныихъ,
Не для тѣхъ причетьниковъ церьковныихъ;
Заводилсэ, начинялсэ столъ, почесьтенъ пиръ
Онъ для сильныхъ могучіихъ бога́тырей.
Щэ всѣ на пиру да наѣдалися,
Щэ всѣ на чесно́мъ да напивалися,
Щэ всѣ на пиру да приросхвастались.
Щэ тотъ-то тѣмъ хвастаётъ, другой иным:
Щэ умной-отъ хвастать отцомъ, матерью,
Неразумной-отъ хвастать молодой женой,
Вовсе глупой-то хвастать родимо́й сестрой;
А богатой-отъ хвастать золотой казной,
А Олёшенька хвастать калено́й стрѣлой,
Щэ сильной-отъ хвастать могуто́й-силой [1]).
„Дакъ хоть хвастаетъ Добрыня молодой женой,
Молодой женой Настасьёй Никуличной!“
Вдругъ не изъ бо́льшого мѣста не изъ меньшого,
Изъ-за тѣхъ-ли столовъ да изъ-за среднихъ,
Выходилъ у насъ Владимеръ стольно-кіевскій,
Выходилъ зъ за столовъ онъ на дубовой полъ.
Онъ по компаты своёй тутъ похаживать,
Онъ такія самъ рѣчи поговаривать;
Ужъ онъ кличотъ-выкликаетъ поединьщика
(Далѣе пѣвица разсказывала говоркомъ).
Съ Невѣжей биться-ратиться:
„Къ намъ летать Невѣжа чёрнымъ воропомъ,
Ужъ и пишетъ Невѣжа со угрозою.
На ково же мнѣ накинуть эту служебку?
Мнѣ накинуть эту службу на старого бога́тыря да Илью Муромца“.
Поднимаетца Илья да на рѣзвы́ ноги́.
— Благослови-же мнѣ, Владимеръ, слово вымолвить!
Я недавно изъ той пути-дороженьки.
Я на заставушки стоялъ ровно двѣнадцать лѣтъ,
Долго билсэ я съ Невѣжей, долго ратился.
За послѣднее время не казалъ онъ глазъ.
Вы пошлите-тко Добрыюшку Никитичя
Вы съ Невѣжею битьца, битьца-ратитьца...

(Конца пѣвица не знаетъ).

---

[1]) Пресловутая, славная? *Собир.*
[2]) Хоботъ—хвостъ. *Собир.*

[1]) „Почѣмъ Добрынюшкѣ хвастать, — такъ похвасталъ молодой женой Настасьей Никулишной. Всѣ за столомъ пріусмѣхнулись“.

№ 24.

Бой Добрыни съ Невѣжею.

Не удавшаяся женитьба Алеши [1]).

Какъ во славномъ градѣ, въ стольнѣ Кіеви,
Ай у ласкова князя у Владимера
Начинался столъ, поцесёнъ пиръ.
Не отъ вѣтра полаты покачалисе,
Не отъ вихоря ворота открывалисе,—
Заходилъ въ ихъ Добрынюшка Микитиць младъ.
Какъ за нимъ зашли князья всё, многи бояра,
Многи рускіи могуціи богатыри.
Вполсыта онѣ да наѣдалисе,
Вполпьяна онѣ да напивалисе,
Онѣ вси на пиру да порасхвастались.
Ужъ какъ тотъ тѣмъ хвастаётъ, новой новымъ:
Пишше умной хвастать отцомъ, матерью,
Ай безумной хвастать золотой казной.
Какъ Добрынька-та хвастать молодой женой,
Молодой Настасьёй, доцерью Микулисьнёй.
Онѣ вси на пиру да росьмѣхнулисе,
Другъ на друга на ч(ц)ёсномъ да оглянулисе,—
Промежу собой розговоръ ведутъ:
«Видно, нецимъ ужъ Добрынюшки похвастати,—
Дакъ ужъ хвастаётъ Добрынька молодой женой,
Молодой женой Настасьёй, доцерью Микулисьнёй!»
Не есёнъ сокóлъ съ тёпла гнѣзда солятывалъ,
Не бѣлой кречетъ съ тёпла гнѣзда сопархивалъ,—

[1]) Эта былина была записана за нѣсколько лѣтъ до нашей поѣздки о. Н. М. Истоминымъ и вновь— А. В. Марковымъ. Изъ записи Н. М. И. въ текстъ взяты слѣд. стихи, выпущенные пѣвицей во второй разъ: 4—5, 19, 81, 90, 100, 105, 117, 127—8, 182—4, 255—6, 267, 275—6, 290, 297, 306, 315, 319, 324, 359-62, 376, 381, 391—4. Другія разночтенія подведены подъ текстомъ. Въ этой записи нѣтъ точнаго сохраненія говора. Нѣкоторые стихи пѣвица выпустила въ первый разъ, именно: 78—9, 116, 191, 268, 279, 281—5. *Собир.*

Сходилъ-ли тутъ да самъ Владимеръ князь
Со своёго мѣста съ княженецького.
Онъ по гридьнѣ столовыя похаживать,
Самъ таки онъ рѣчи поговариватъ:
«Ужъ какъ вси-ти добры молодцы росхвастались;
Мнѣ-ка нецимъ, князь-Владимеру, похвастати.
Какъ во далечи, далече во ц(ч)истомъ полѝ
Тамъ лётать Невѣжа цёрнымъ ворономъ,
Ужъ онъ пишотъ мнѣ-ка со угрозою,
Ужъ онъ кличётъ-выкликаётъ поединьшика.
Мнѣ кого послать съ Невѣжой битьіцератитьіце,
Очишшать дороги прямоѣжжія,
Постоять на крѣпкіихъ заставушкахъ?»
Ужъ какъ бóльшой-отъ туляитце за среднёго,
Ишше среднёй-отъ хоронитце за меньмого;
Ай отъ меньшого Владимеру отвѣту нѣтъ.
И-за задьнёго стола-та бѣлодубова
Вышолъ перьвой богатырь нашъ граду Кіеву,
Ишше старой казакъ да Илья Мурамець.
Съ нимъ по гридьнѣ столовыя похаживать,
Онъ такія рѣчи поговариватъ:
— Я теперь недавно изъ дорожоньки.
На заставушкахъ стоялъ цѣлыхъ двѣнадцеть лѣть,
Дакъ Невѣжа, цёрной воронъ, не казалъ мнѣ глазъ.
Кабы видялъ я Невѣжу, цёрна ворона,
Пострѣлилъ бы я собаку исъ туга́ лука.
Намъ послать было Добрынюшку Никитиця:
Онъ зашшыта будётъ граду Кіеву,
Оборона будётъ нашой крѣпосьти.—
Выпивалъ Добрынька цяру зелёна́ вина,
Не большую пилъ, не малу—полтора ведра.
Какъ поконьчили поц(ч)ёсёнъ пиръ, пошолъ съ пиру,
Онъ невесёлъ пошолъ и нерадосёнъ.
Приходилъ въ полаты въ княженецкія.
Какъ не бѣлая берёзка къ земьли клонитце,
Не зелёныя листоцьки растилаютце,—
Припадать Добрыня къ своёй матушки:
«Ужъ ты вой ёси, матушка родимая,
Ты чесна вдова Офимья Олёксандровна!
Ты пошто миня бесцясного спорбдила,

Ай пошьто ты бесталанного отродила?
Спородила бы меня ты, родна матушка,
Луцьше маленькимъ катушимъ сѣрымъ камешкомъ,
Завёрнула бы меня да въ полотёнышко,
Опусьтила въ глубину, на дно-синё-морё.
Тамъ лёжалъ бы я отъ вёку и до вёку;
Буйны вётры хоть меня да не завѣели,
Добры люди про миня да не забаели [1]);
Дакъ не ѣзьдилъ бы я да по сьвятой Руси,
Не губилъ бы я да христіяньцькихъ душъ,
Не слезилъ бы я да отцей, матерей,
Не вдовилъ бы я да жонъ молодыихъ,
Не сиротилъ бы я да малыхъ дѣтушокъ.
Ай тепере нать ѣхать во цисто полё,
На заставушкахъ стоять цѣлыхъ дьвѣнадцеть лѣтъ.»
Ай спроговоритъ Офимья Олёксандровна:
— Ужъ ты гой еси, чадо милое!
Кабы знала надъ тобой таку незгодушку,
Кабы вѣдала велико я безвременьё,
Дакъ не такъ бы тебя [2]), дитятко, спородила:
Спородила бы тебя я, цядо милоё,
Ужъ я силой въ Сьвятогора бы богатыря,
Ужъ я уцесью-таланью въ Ылью Мурамця,
Ужъ я сьмѣлосью въ Олёшу бы Поповця,
Ужъ походочькой-поступоцькой шапливою [3])
Я во младого Чурилу сына Плёнкова,
Я посадкою-поѣздкой молодецькою
Я въ Потыка Михаила во Иванова,
Всимъ житьёмъ-бытьёмъ, имѣнствомъ бы, богатествомъ
Я во младого во Дюка во Стёпанова.
Видно, судилъ Бохъ изволилъ тебѣ такъ ужъ жить,—
Зародилсэ въ звёзду ты въ бесцяспую!—
Какъ сряжалсэ Добрынюшка Никитичь блатъ:
Ужь онъ платьицё кладётъ тако звѣринноё,
Спаряжаёть-обряжаётъ коня доброго,
Садится Добрыня на добра коня,
Поѣжжатъ Добрынька шъ широка двора.
Праважатъ его Офимья Олёксандровна,
Праважатъ, сама да клицёмъ кликаётъ:
„Ай же ты, любимая невёстушка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Ужъ ты тьчо сидишь во терими въ златомъ верьхи,
Надъ собой равзѣ невзгодушки не вѣдаёшь?
Закатаитце вѣдь паше красно солнышко,
Ай заходитъ за горы за высокія:
Поѣжжатъ Добрынька шъ широка двора.
Ты скоци-тко на широкой дворъ скорёшенько,
Поспроси-ко у Добрыньки хорошохонько,
Онъ далёко ли ѣдётъ, куда путь держитъ,
Скоро ждать ли, дожидать да намъ домой велитъ,
Велитъ скоро ли въ окошоцько посматривать?“
Какъ скоцила Настасья доць Микулисьня,
Выходила на широкій дворь скорёхонько
Въ одной тонепькой рубашоцьки, бесъ пояса,
Въ одныхъ тонепькихъ цюлоцикахъ, бесъ цёботовъ;
Забѣгаётъ Добрыньки со бѣла лица,
Припадаётъ къ стремецьку гъ булатному:
„Ай же ты, моя любимая державушка,
Молодой ты Добрынюшка Никитись блать!
Ты далёко ли ѣдёшь, куда путь дёржишь,
Скоро ждать ли, дожидать да намъ домой велишь?“
Ай спроговоритъ Добрынюшка Никитись блать:
—Ой же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Когда ты у миня, бѣдна, стала спрашивать,
Дакъ же я теперь пацьну тебѣ расказывать:
Какъ пройдётъ тому времени и три года,
Ужъ ты три года прождёшь да друга три прожди;
Какъ Добрыня твой назадъ не изворотитце,
Дакъ втогда тебѣ, Настасья, воля вольняя:
Хоть вдовой сиди, да хоть замужъ поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина;
Не ходи только за бабьёго натьсмѣшника,
За судейного за перелетника [1]),

---

[1]) Баять—говорить (въ дурномъ смыслѣ). *Собир.*
[2]) Вар. „Не бы такъ бы тя“.
[3]) Щапливый—щегольской. *Собир.*

[1]) Вар. „перевѣтника“. Прелестникъ—обманщикъ, перевѣтникъ—измѣнникъ. *Собир.*

Ай за смѣлого Олёшу за Поповиця:
Какъ Олёша-та собака мнѣ—назва́ной братъ;
Ай названой-отъ братъ вѣдь пачэ ро́дного
Только видѣли Добрынюшку какъ сѣ́дучись,
Не видали Добрыньки какъ поѣ́дучись.
Не дорогой онъ ѣхалъ, не воротамы,—
Ц'ере'стѣну скацётъ городо́вую,
Мимо башню машотъ наугольнюю,
Ужъ онъ зъ горушки на горушку поскакиватъ,
Ужъ онъ съ хо́лма на́ холъмъ перепрядываетъ,
Вси онъ рѣцьки, озёра перескакиватъ,
Ужъ онъ мелкія роздолья промежъ ногъ спушшатъ.
Куды падали копыта лошадинныя,
Тутъ оцю́дились колодецьки глубокія.
Ужъ какъ де́ницёкъ за де́ницькомъ какъ дожжъ дождитъ,
Ай недѣлька за недѣлькой какъ трава росьтётъ,
Ишше годи́цекъ за годицькомъ соко́лъ [1] летитъ.
Какъ прошло тому времени и три года,
Поскорѣ сказать, прошло и цѣлыхъ шесь годовъ.
Приходилъ къ имъ Олёшенька Лёвоньтьёвиць,
Приносилъ къ имъ вѣстоцьку нерадосьню:
Ай убитъ лёжитъ Добрынька во чисто́мъ поли,
Онъ головушкой лёжитъ да чресъ рокитовъ кусъ,
Ужъ онъ рѣзвыма ногамы во ковыль-траву,
Руки ноги у Добрыньки поразьмётаны,
Ужъ какъ буйна-та головка поразломана,
Ясны оци вы́клёвали вороны.
Съ того наце́ли къ Настасьюшки похаживать,
Ужъ какъ наце́ли Микулисьню посватывать.
Ишше сватомъ-то ходитъ самъ Владимеръ князь,
Ужъ какъ свахой—Опраксія королевисьня:
„Ай тебѣ ли жить, Настасья, молодой вдовой,
Молодой твой вѣкъ одной коро́тати?
Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за смѣлого Олёшу за Поповиця.“
Она свата дари́тъ одной [1]) ширинoцькой,
Она сваху дари́тъ другой ширинoцькой,
Она сьмѣлого Олёшу калёно́й стрѣлой.
—Какъ исполнила я всю-ту мужню заповѣдь—
Прожила теперь да цѣлыхъ шесь годовъ,—
Дакъ исполню свою я женьску заповѣдь:
Проживу ишше да цѣлыхъ шесь годовъ,
Дакъ втогда ишше усыпѣю всё взаму́жъ пойти.
Опять деничекъ за деничкомъ какъ дождь дождитъ,
Недѣлька за недѣлькой какъ трава растётъ,
Годичекъ за годичкомъ какъ соколъ летитъ,—
Какъ прошло тому времени и шесь годовъ,
Поскорѣ сказать, прошло цѣлыхъ дьвѣнадцеть лѣтъ.
Приходилъ опеть Олёшенька Лёвоньтьёвиць,
Приносилъ къ имъ вѣстоцьку нерадосьню:
Какъ убитъ лёжитъ Добрынька во чисто́мъ поли,
Вси ужъ костоцьки его да порастасканы.
Съ того наце́ли къ Настасьюшки похаживать,
Опять наце́ли Микулисьню посватывать.
Ишше сватомъ ходитъ самъ Владимеръ князь,
Ужъ какъ свахой—Опраксія королевисьня:
„Ай тебѣ ли жить, Настасья, молодой вдовой,
Молодой твой вѣкъ одной коро́тати?
Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за сьмѣлого Олёшу за Поповиця“.
Пораздумалась Настасья, прирасплакалась:
Ужъ ей силой берутъ, бѣдну, неволёю,
Ей не чесьтію берутъ да не охвотою.
Какъ ведётьсе пиръ у ихъ по третей день,

[1]) Вар. „какъ соколъ“.

[1]) Вар. „новой“.

А сёго дни нать ити во церьковъ Божію,
Принимать съ Олёшой по злату вѣньцю.
Какъ пошла Нестасья широка двора,
Ай садилась Офимья Олёксандровна
'на поть сьвётло косисьцято [1]) окошоцько,
Ужъ какъ плакала старушоцька съ причётикомъ:
„Ай давно ужъ закатилось сонцо красноё;
Закатаитьце, видно, и сьвётълъ мѣсець!“ [2]).
Походитъ Настасья съ широка двора.
Какъ изъ далече, далёче ись цистá поля
Выпадала пороха сьнѣгу бѣлого;
По тому сьнѣжку, бѣлой порошеньки
Ужъ какъ ѣхалъ [3]) дётина Заолёшенинъ.
На ёмъ платьицё тако зьвёринноё;
Подъ имъ конь-отъ косматой бытто лютой зьвёрь.
Не дорогой онъ ѣдётъ, не воротамы,
Ц'ере' стёну скацётъ городóвую.
Пріѣжжалъ къ полаты къ бѣлокаменной,
Ужъ онъ пнулъ столбы, ворота своимъ цёботомъ;
Зъ боку на́ бокъ столбы всѣ рошшатнулисе [4]),
Ай широкія воротá отворилисе.
Проводилъ коня да не привязывалъ,
Проходилъ въ полату безъ докладушокъ.
Ужъ онъ кресъ кладётъ да по писáному,
Ай поклонъ ведётъ онъ по уцёному,
Поклоняитце на вси цётыре стóроны,
Онъ старушоцьки кланялсэ особенно:
„Ужъ ты здраствуй, Офимья Олёксандровна!
Ай же ты, Добрынюшкина матушка,
Тебѣ сынъ Добрынюшка поклонъ послалъ.
Мы сёго дни сь имъ съ вецёра [5]) розьѣхались:
Ай Добрынька поѣхалъ ко Царюграду,
Ужъ какъ я поѣхалъ къ граду Кіеву.
Говорилъ мнѣ Добрынька таковы рѣци:
Есьли судитъ Бохъ бывать да въ градѣ Кіеви,
Попровѣдай про родиму мою матушку,
Попровѣдай про любимую семеюшку,
Молоду Настасью доць Микулисьню“.
Ай спрогóворитъ Офимья Олёксандровна:
— Ай же ты дётинка Заолёшенинъ!
Не тебѣ бы надо мной да натьсмѣхатисе,
Не тебѣ бы досажать побѣдно ретивó серьцё.
Безъ угару болитъ буйна головушка,
Безъ досады шумитъ да ретивó серьцё.
Приходилъ къ намъ Олёшенька Лёвоньтьёвиць,
Приносилъ къ намъ вѣстоцьку нерадосьню,
Шчо й убитъ лёжитъ Добрынька во цистóмъ поли;
Онъ головушкой лёжитъ да чресъ рокитовъ кусъ,
Ужъ онъ рѣзвыма ногамы во ковыль-траву;
Руцьки, ножки у Добрыни поразьмётаны,
Ужъ какъ буйная головка поразломана,
Ясны оци выклёвали вороны.
Изсушила я побѣдно ретивó серцё,
Тяжелёшенько по сынѣ своёмъ плакала.
Съ того нацели къ Настасьюшки похаживать,
Съ того нацели Микулисьню посватывать:
Ужъ какъ сватомъ-то ходитъ самъ Владимеръ-князь,
Ужъ какъ свахой Опраксія-королевисьня.
Ужъ ей силой берутъ, бѣдну, неволёю,
Ей нечестію берутъ да не охвотою.
Какъ ведётце пиръ у ихъ по третей день;
Ай сёгодни пойти нать въ церьковь Божію,
Принимать съ Олёшой по злату вѣньцю.—
Ай спрогóворитъ дётинка Заолёшенинъ:
„Говорилъ мнѣ Добрыня таковы рѣчи:
За кого пойдётъ Настасья доць Микулисьня,—
Дакъ велѣлъ мнѣ сходить на пиръ, на свадёбку,
Ай тебѣ онъ велѣлъ брать золоты́ ключи,
Отпушшатьсе въ пóгрёбы глубокія,
Ай достать мнѣ-ка одежду скоморошную,
Ай достать мнѣ-ка шубоцьку-кошулёцьку,
Ай достать мнѣ-ка сапóжоцьки — зелёнъ сафьянъ,

---

[1]) Косящатое, съ наличниками. *Собир.*
[2]) Солнце — Добрыня, мѣсяцъ — Настасья. *Собир.*
[3]) Вар. „ѣдетъ“.
[4]) „пошатнулися“.
[5]) Вар. „въ вечеру“.

Ай достать мнѣ-ка шляпочку пуховую,
Пушистую, ушистую, завѣсисту,
Да достать мнѣ-ка гусёлышка ярофцяты".
Ай брала Офимья золоты́ клюци [1]),
Отпушшалась въ по́грёба́ глубокія,
Какъ достала одежду скоморошную,
Ай достала гусёлышка ярофцяты,
Ай достала шубоцьку-кошулёцьку,
Доставала сапо́жоцьки зелёнъ сафьянъ,
Подавала цёрну́ шляпу пуховую,
Ай пуховую шляпу ушистую.
Ужъ онъ бралъ вѣдь палицю сорбкъ пудовъ:
„Шщобы насъ на свадьби не обидѣли".
Онъ пошолъ къ Владимеру стольне-кіевскому.
У дверей стоятъ тутъ всё придверьники,
У воротъ стоятъ приворотники,—
Не пропушшаютъ удалу скоморошину.
Ужъ онъ бралъ ихъ за шею, проць отталкивалъ,
Сьмѣло проходилъ въ полаты въ княженецкія.
Какъ иду́тъ за нимъ да всѣ [2]) придверьники,
Ай иду́тъ за нимъ всѣ [3]) приворотники,
Ай творятъ оны велику ёму жалобу:
„Ужъ ты гой еси, солнышко Владимеръ стольно-кіевскій!
Ай кака-та уда́ла скоморошина!
Ужъ онъ бралъ насъ за шею, проць отталкивалъ,
Сьмѣло проходилъ въ полаты княженецкія".
Тутъ прого́воритъ удала скоморошина:
„Здраствуй, солнышко Владимеръ стольне-кіевскій,
Со своимъ ты съ князёмъ съ перьвобрачнымъ,
Со своёй княгиной второбрачныя!
Ишше гдѣ-ка моё мѣсто скоморочноё?"
Испроговоритъ Владимеръ стольно-кіевскій:
— Ай твоё вѣдь мѣсто скоморошноё
На брусовой пецьки ды и въ за́пецью.—
Ужъ онъ вэтимъ мѣстомъ не обрезгуётъ.
Залѣзалъ [1]) на пецьку на брусовую,
Вынималъ онъ гусёлышка ярофцяты,
Ужъ онъ клалъ на колѣна молодецькія,
Ужъ онъ нацялъ струноцьки натягивать,
Ужъ онъ нацялъ по гуселькамъ похаживать,
Ужъ онъ сталъ на гусёлышкахъ выигрывать:
Ужъ онъ и́грыши берётъ да со Царя́града,
Ай выи́грыши ведётъ до града Кіева.
Ай стоитъ Настасья за столомъ да бѣло-дубовымъ,
Худо видитъ вольный бѣлый свѣтъ;
У ей сьлёзы-то скацютъ изъ ясны́хъ оце́й,
Не въ одинъ скоци́ли ру́це́й — ровно въ три руцья:
«Я была какъ за любимой-то державушкой,
У его были вѣдь эки же гусёлышка,
Ужъ онъ такъ же по гусёлочкамъ похаживалъ!»
Ай спрого́воритъ Владимеръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты, уда́ла скоморошина!
Солѣзай со пецьки со брусовыя.
За твою игру за весёлую
Я даю [2]) тебѣ три мѣста три хорошіихъ:
Ай перьво́ тебѣ мѣсто—подлѣ миня,
Ай друго тебѣ мѣсто—супроти́въ миня,
Ай третьё тебѣ мѣсто—куда самъ похошь».
Не садилсэ скоморошина подлѣ князя,
Не садилсэ онъ да супроти́въ князя,
Онъ садилсэ къ Настасьи доце́ри къ Микулисьни.
Говорилъ скоморошина таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, солнышко Владимеръ стольне-кіевскій!
Ты позволь-ко мнѣ-ка налить цярку зелёна́ вина,
Подьнесьти мнѣ цярку, да́ кому я хоцю,
Кому задумаю, кого пожалую.—
Говоритъ Владимеръ стольне-кіевскій:

---

[1]) Продолженіе другой записи слѣдующее:
А сама говоритъ таковы рѣчи:
— Кабы былъ мое чадо милое,
Не далъ бы тебѣ надо мною надсмѣхатися!
Некуда же мнѣ съ одеждой. . . . . —
И достала одежду скоморошную.
Бралъ онъ въ руки палицу въ сорокъ пудовъ.

[2]) Вар. „Какъ идутъ отъ дверей".

[3]) Вар. „отъ воротъ".

[1]) Вар. „Онъ садился".

[2]) Будущее время. *Собир.*

„За твою игру да за весёлую
На моёмъ пиру да що ты хошь твори“.
Наливалъ онъ цярку зелёна вина,
Подносилъ Настасьи доцери Микулисьни[1]),
Ужъ онъ самъ говорилъ(в)ъ да таковы рѣци:
„Всю ты выпей цяроцьку до донышка;
Не допьёшь до дна—дакъ не видать добра“.
Какъ брала Настасья цярку во бѣлы руки,
Выпивала цяроцьку до донышка;
Подкотилсэ какой-то ей злацёнъ перьстень.
Ужъ какъ видитъ Настасья доць Микулисьня,
Шшо й была зъ Добрынькой въ церьквы Божія,
Принимала зъ Добрынёй по злату вѣньцю,—
Выходила изъ столовъ да бѣлодубовыхъ,
Она падала Добрыньки во рѣзвы ноги:
— Ты просьти миня' вины да виноватую!
Я наказу твоего да не исполнила.
Меня силой берутъ и неволею,
Не честью берутъ, не охотою.
Сватомъ былъ самъ Владимеръ князь,
Свахой Опраксія королевична.—
Какъ спрогоритъ Добрынюшка Никитичь блатъ:
„Не дивую твоему я уму женьскому:
Ужъ какъ бабей волосъ дологъ, а умъ коротокъ;
Какъ дивую я брату-ту названому
Ишше на имя Слёпеньки Поповицю.
Да ишше дивую князю я Владимеру:
У жива мужа да отыматъ жону!“
Ужъ какъ вышолъ Олёша зза столовъ да бѣлодубовыхъ,
Ужъ онъ кланялсэ Добрыни во рѣзвы ноги[1]):
— Ты просьти миня' вины да виноватого.—
„Ужъ какъ въ той вины да тебя Бохъ просьтитъ,
А въ другой вины я не прошшу тебя:
Ты зацёмъ ходилъ къ родимой моёй матери[2]),
Пришосилъ ей вёсточку нерадостну,
Досажалъ[1]) ея побѣдно ретиво серьцё?“
Ужъ онъ бралъ Олёшу за жолты кудри;
Водитъ онъ его по гридинѣ столовыя,
Ужъ онъ самъ на гусьляхъ да выговариватъ[2]),
А Олёша тутъ поахиватъ.
Какъ отъ буханья не слышно было оханья.
Пригодилсэ въ бесёды[3]) Илья Мурамець;
Захватилъ Добрыню за могуты плеця,
Ужъ онъ самъ говорилъ да таковы рѣци:
„Не убей ты за наспрасьнину богатыря:
Хоть онъ силой-то не силёнъ, а напускомъ сьмѣлъ“.
Тутъ Владимеру ко стыду пришло;
Потупилъ онъ ясны оци во кирпичень полъ.
Бралъ Настасью Добрыня за бѣлы руки.
И встрѣчала Офимья Олександровна:
„Не красное солнышко повызошло,
Не мелкія звѣздочки разсыпались,—
Пришолъ Добрыня на широкій дворъ!“
Остался Олёша Леонтьевичъ,
Садилсэ покрай лавочки брусовыя,
Ужъ онъ самъ говорилъ таковы рѣци:
„Всякій на сьвѣти женитце,
Да не всякому женидба издаваитце:
Издалась только Ставру сыну Годёнову
Да младому Добрынюшки Микитицю“.

[1]) Вар. „княгинѣ второбрачныя“.

[1]) Вар. „Припадаетъ къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ“.

[2]) Вар. „Что ходилъ ты къ моей матушкѣ родимыя“.

[1]) Вар. „И сушилъ“.

[2]) По другимъ пересказамъ, Добрыня бьетъ Алешу шалыгой (дубиной). *Собир.*

[3]) Бесёда—вечеринка, пиръ. *Собир.*

[4]) Сначала пѣвица начала былину такъ:
„Поѣжжаетъ Микита въ цисто полё
Ко тому-ли ко каменю ко Латырю“—
но потомъ поправилась. *Собир.*

№ 25.

Не удавшаяся женитьба Алеши. [4]).

Былъ жилъ Никитушка, состарѣлсэ,
Ай состарѣлсэ Никитушка, преставилсэ.
Ай осталось у Никитушки отродьицё,
Ишше на имя Добрынюшка Микитиць блатъ.
Поѣжжаётъ Добрыня во цисто полё,
Ко тому-ли ко каменю ко Латырю,

Ко тому-ли ко кружалу къ осудареву.
Онъ наказывать Добрыня родной матушки:
„Ужъ ты гой еси, моя да ро́дна матушка!
Какъ пройдётъ тому времени три года,
Какъ пройдётъ тому времени шесь годовъ,
Какъ пройдётъ тому времени девéть годовъ,
Пройдётъ тёплоё лётико двёнадцето,—
Ты бери-ко, моя мать, да золоты ключи,
Отмыкай-ко, моя мать, да кованы ларьци,
Ты бери-ткосе казны да сколько надобно,
Ты клади-ткосе по цéрьквамъ да по мана́стырямъ,
Ужъ ты пой, служи обёдьни воскрисеньскія,
Ужъ ты тё-ли панафиды великія.
Молода моя жона, да хошь вдовой сиди,
Хошь вдовой ты сиди, да хошь замýжъ иди,
Хошь за сына иди да за хресьеньского,
Хошь за госьтя поди да за торгового;
Не ходи ты за Олёшеньку Поповиця:
Мнё Олёшенька Поповиць-отъ крестовой братъ“.
Поёхалъ Добрыня во цисто́ полё
Ко тому-ли ко каменю ко Латырю,
Ко тому-ли ко кружалу къ осудареву.
Ужъ онъ жилъ тамъ Добрыня ровно три года,
Ужъ онъ жилъ тамъ служилъ тамъ ровно тридцеть лётъ.
Тутъ брала-то его мать за золоты клюци,
Отмыкала его мать да кованы ларьци,
Брала казны сколько надобно,
Она кла́ла по цéрьквамъ да по мана́стырямъ,
Служила обёдьни воскрисеньскія,
Она пёла панафиды великія.
Молода его жона да не вдовой сидитъ,
Не вдовой она сидитъ, она замýжъ пошла,
Не за кнезя пошла да княженецького,
Не за сына пошла да за хресьеньского;
Какъ пошла она за Олёшеньку Поповиця.
Тутъ поёхалъ Добрыня изъ циста́ поля,
Отъ того-ли онъ отъ каменя онъ Латыря,
Отъ того-ли отъ кружала осударева.
Попало ему встрёцю три старици,
А три старици ему, всё три манашици.
„Ужъ вы здраствуйте, старици-манашици!
Какъ по старому ли стоитъ да каменна Москва?
Какъ жива ли у меня да родна матушка,
Какъ здорова ли моя да молода жона?“
Тутъ спроговорили старици-манашоци:
—Ужъ ты Ной еси, Никитушка Добрыниць младъ!
Постарому стоитъ камяна Москва,
Какъ жива у тибя да родна матушка,
А здорова у тибя да молода жона.
Молода твоя жона да не вдовой сидитъ,
Не вдовой она сидитъ, она взамýжъ пошла,
Не за кнезя пошла за княженецького,
Не за сына пошла да за хресьеньского;
Да пошла она за Олёшеньку Поповиця,
За того ли за крестового за братёлка.—
Ай пошолъ нашъ Никитушка пошахивать.
Ужъ онъ шахъ-отъ шахнётъ, дакъ и верста-та проць;
Онъ другой-отъ шахнётъ, дакъ и друга-та проць;
Онъ третéй-отъ шахнётъ, дакъ и третья́-та проць.
Онъ приходитъ хъ полаты бёлокамянной,
Называитцé каликой перехожою,
А даваитцé [1]) калика на подворьицё:
„Ужъ ты гой еси, Добрынина матушка!
Ты пусьти меня, калику, на подворьицё.
Тебё сынъ-отъ Добрынюшка поклонъ послалъ,
Онъ поклонъ тебё послалъ да велёлъ клапетьцé“.
— Не въ глаза бы ты, калика, посьмёяласе,
Позади бы ты, калика, похваляласеле!—
Воспроговоритъ Добрыня во второй наконъ:
„Ужъ ты Ной еси, Добрынина родна матушка!
Ты пусьти миня, калику, на подворьицё,
Хошь на ту-ли на брусову бёлу нецюшку,
Тебё сынъ-отъ Добрынюшка поклонъ поклалъ,
Онъ поклонъ тебё поклалъ да велёлъ клапетьцé.
Ужъ мы три года съ Добрынюшкой стольницéли,
Ужъ мы три года съ Добрыней клюшницéли,

[1]) Даваться—проситься. *(Кулик. Подв.)*.

Ужъ мы три года съ Добрыней при дворци стóели́".
Какъ давантц́е калика родной матушки:
„Ужъ ты hой еси, Добрынина матушка!
Ты пусьти миня, калику, на подворьицё,
Хошь на ту-ли на брусову бѣлу пецюшку.
Тебѣ сынъ-отъ Добрынюшка поклонъ послалъ.
Онъ поклонъ тебѣ послалъ да велѣлъ кланетьц́е.
Ужъ мы три года съ Добрыней клюшниц́ели,
Ужъ мы три года съ Добрыней при дворци стóели̇̀".
— Не въ глаза бы ты, калика, посьмѣяласе,
Подали́ бы ты, калика, похваляласе!—
Какъ пусьтила Добрынина матушка
Какъ тоhо-ли вѣдь калику на подворьицё.
Ведетьц́е у Олёшеньки поц́есенъ пиръ.
Тутъ спрогóворитъ калика во перьвóй наконъ:
„Ужъ ты hой еси, Добрынина матушка!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Добрыниныхъ гусéлышковъ.
Веселить мнѣ-ка Олёшеньку Поповиця".
Тутъ проговоритъ Добрынина матушка:
— Не велѣлъ мнѣ-ка давать своихъ гусёлышковъ.—
Тутъ спроговоритъ калика во второй наконъ:
„Ужъ ты hой еси, Добрынина матушка!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Добрыниныхъ гусёлышковъ
Веселить мнѣ-ка Олёшеньку Поповиця".
Тутъ спроговоритъ Добрынина матушка:
— Не велѣлъ мнѣ-ка давать своихъ гусёлышковъ.—
Опеть спроговоритъ калика во третéй наконъ:
„Ужъ ты hой еси, Добрынина матушка!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Добрыниныхъ гусёлышковъ
Веселить мнѣ-ка Олёшеньку Поповиця".
Тутъ дала Добрынина матушка
Калики Добрыниныхъ гусёлышковъ.
Тутъ и сталъ калика всё играть да выговаривать:
„Былъ жилъ Микитушка, состарилсэ"....
(Повторяется начало былины).
Да сьлѣзаетъ калика съ бѣлой пецюшки,
Онъ приходитъ къ столу да бѣлоду́бову,
Онъ берётъ тутъ Олёшки за жолты кудри,
За жолты его кудри да за бѣлы руки,
Выводитъ Олёшку на новы́ сѣни:
„У живого тебѣ мужа не отнеть жоны".

№ 26.

Оксёнышко [1]).

Жилъ былъ Микитушка, онъ преставилсэ.
Оставалось у Микитушки цядышко милоё,
Ищэ мáлодой Оксёнышко да Микитиць младъ.
Ужъ какъ сталъ Оксёнышко да на возросьти,
Какъ жонила ёго маменька да родимая.
Захотѣлось Оксёнышку ѣхать да во цистó полё
Какъ людей-то посмотрѣть да себя казать.
Проважаётъ ёго матушка родимая,
Проважаётъ ёго да молода жона;
Проважаётъ ёго матушка да наказыватъ:
„Ты поѣдёшь, моё да цядо милоё,
Ты наѣдёшь въ цистóмъ поли старого,
Въ поли старого наѣдёшь, въ поли т' малого,—
Со коня соходи да низко кланейсэ,
Не обижай понапрасну не единого.
Какъ рознѣжитц́е твоё да тѣло бѣлоё,
Розгоритц́е твоё да ретивó серьцё,
Ты захошь какъ купатисе да въ Пучайрѣки [2]),—
Ужъ ты перьву-ту струёцьку зáплывàй,
Ужъ ты другу-ту струёцьку да зáплывàй,
Ужъ ты третьёй-то струёцьки да не плавай-ко.

---

[1]) Эта былина представляетъ изъ себя соединеніе въ переработанномъ видѣ трехъ сюжетовъ: „Добрыня и змѣя", „Аксенко" и „Гибель оклеветанной жены". Первая половина былины напечатана въ кн. *Маркова*, „Изъ исторіи русскаго былевого эпоса", II, 49–51. Въ 3 ст. опечатка: „мóлодой". *Собир.*

[2]) Въ словѣ „Пучай" *ч*—твердое. *Собир.*

Ты послушай-ко матушкина наказаньица".
Какъ поѣхалъ Оксёнышко да Микитиць младъ,
Онъ наѣхалъ въ цистóмъ поли старого,
Въ поли старого наѣхалъ да въ поли малого,—
Со коня соходилъ да низко кланелсэ,
Не обижалъ попапрасну да не единого;
Какъ розьнѣжилось ёго да тѣло бѣлоё,
Розгорѣлось ёго да ретивó серьцё,
Захотѣлъ купатисе да въ Пучай-рѣки,—
Ужъ онъ перьву-ту струёцьку зáплывалъ,
Ужъ онъ другую струёцьку зáплывалъ,
Ужъ онъ третью-ту струёцьку зáплывалъ,
Не послушалъ онъ матушкина наказаньица.
Да за третiёй струёцькой стоитъ великъ камень,
Да на этомъ каменю лёжитъ драгó сукно,
А на этомъ на сукни лёжитъ злацёнъ ремень [1]).
Заходилъ тутъ Оксёнышко на великъ камень,
Ужъ онъ взялъ какъ во руки злецёнъ ремень,
Ишше самъ онъ говорилъ да таковы рѣци:
„Ишше хто этымъ ремешкомъ цёшитце,
Ишше мнѣ кабы теперецю въ глаза видать!"
Сколыбаласе матушка да Пучай-рѣка,
Выходила злодѣйка да зьмѣя лютая:
— Ужъ ты Ной еси, Оксёнышко да Микитиць младъ!
Какъ осмѣлилсэ зайти ты на мой великъ камень,
Да моимъ ты гребешкомъ какъ цёшиссе?
Я хошá [2]) тебя, Оксёнышко, да живá зглону,
Я хошá тебя, Оксёнышко, на дно згружу,
Я хошá тебя, Оксёнышко, да подъ хоботы,
Унесу я тебя да къ малымъ дѣтоцькамъ,
Къ малымъ дѣтоцькамъ сьнесу тебя на сьиденьицо.—
Говорилъ тутъ Оксёнышко таковы рѣци:
„Огледись-ко ты, злодѣйка зьмѣя лютая,
Ишше-то на Москвы теперь дѣтьцé?"
Огледѣласе злодѣйка зьмѣя лютая.
Какъ Оксёнышко со камешка да ўнырнўлъ.
Ужъ какъ масьтёръ былъ ходить Оксёнышко по рыбному,
Ишше масьтёръ былъ нырать да по зьвѣриному.
Да крутёхонько [1]) бѣжалъ Оксёнышко гъ добру коню,
Надѣвалъ на собя да платьецо нижноё,
Надѣвалъ на собя да платьецо верьхноё,
Ишше всю на собя збрую [2]) богатырьцькую;
Какъ садилсэ Оксёнышко на добра коня,
Ужъ онъ взялъ какъ во рўки да саблю вострую;
Тутъ скрыцялъ какъ, зыцялъ да зысьнымъ голосомъ:
„Прошу милосьти, злодѣйка, со мной поотвѣдатце!"
Налетѣла злодѣйка да зьмѣя лютая,—
Отрубилъ у злодѣйки да буйныя головы.
Какъ поѣхалъ Оксёнышко во цистó полё,
Какъ наѣхалъ въ цистóмъ поли розбойницьковъ—
Какъ пограбили на Вологды Николу-ту,
Да Николу-ту пограбили какъ Можайцького.
Ужъ онъ собралъ всю казну до копеёцьки.
Онъ поѣхалъ ко матушки къ родимыя.
Какъ стрѣцяётъ ёго матушка родимая,—
Не стрѣчаётъ ёго да молода жона.
Говорилъ тутъ Оксёнышко да Микитиць младъ:
„Ужъ ты Ной есь, моя матушка родимая!
Ише Ндѣ-ка моя да молода жона?"
Промолцяла ёго матушка да родимая;
Какъ вела ёго во высоки теремы,
Какъ садила Оксёнышка за дубовой столъ,
Говорилъ тутъ Оксёнышко да Микитиць младъ:
„Ужъ ты Ной есь, моя матушка родимая!
Ише Ндѣ-ка моя да молода жона?"
Говорила ёму матушка родимая:
— Какъ твоя-та жона да издурацилась:
Подсмотрѣла твои да золоты́ клюци,
Отмыкала всю твою да золоту казну,

[1]) „Ремень"—вмѣсто „гребень". *Собир.*
[2]) Хоша—если захочу. *Собир.*

[1]) Круто—скоро. *Собир.*
[2]) Оружіе, доспѣхи. *Собир.*

Уносила всю казну да до копеёцьки.
Какъ спозналасе съ купцямы съ торговыма,
Да играть она во картоцьки да во шаѣматы;
Проиграла твою всю да золоту казну.—
Какъ садилсэ Оксёнышко на добра коня,
Онъ поѣхалъ по городу по Кіеву,
Дѣ играютъ во картоцьки да во шаѣматы;
Онъ увидялъ на улици ребятушокъ:
«Ужъ вы ѣой еси, ребятушка малыя!
Ишше ѣдѣ-ка играютъ купци-госьти торговыя,
А играютъ во картоцьки да во шаѣматы?»
Приводили ребятушка малы-малыя.
Какъ стоятъ тутъ цясы да каравульнія.
Ужъ онъ взялъ во руки саблю вострую,
Онъ зашолъ тоѣды въ полаты во купеѣцеськи,
Онъ у всихъ отрубилъ да буйны головы,
Ише собралъ всю казну да до копеёцьки.
Какъ ёго сидитъ молода жона во большомъ углу,
Во большомъ углу сидитъ она пьенёшенька.
Ужъ онъ взялъ какъ за косы за женьцькія,
Привязалъ онъ ко хвосту да лошадиному,
Какъ повёзъ ей по городу по Кіеву,
Ише вси во городи здивовалисе.
Привёзъ онъ ко матушки къ родимыя.
Какъ стрѣцяётъ ёго матушка родимая.
«Ужъ ты ѣой есь, моя матушка родимая
Шьчо я буду дѣлать надъ молодой жоной?»
Говорила ёму матушка родимая:
— Какъ твоя-та жона—да какъ твоя воля.—
Отрубилъ у жоны да по плець голову.

№ 27.

Дунай Ивановичъ.

Ходилъ, гулялъ Дунаюшко изъ орды въ орду,
Сынъ Ивановичъ да изъ Литвы въ Литву.
Загулялъ Дунаюшко да къ королю въ Литву,
Ко тому-ли королю да къ Ляхомписком у.
Королю служилъ да ровно деветь лѣтъ.
Какъ король любилъ да крѣпко жаловалъ,
Королевишша-та любила пачэ короля.
Ужъ я днёмъ служилъ да всё во чашницькахъ,
Поутру́ служилъ да я во стольницькахъ,
Вецёру служилъ я у Настасьюшки да у кроватоцьки,
У королевишни да у правбй руки,
У правбй руки да на бѣлбй груди.
Заводилсэ-починялсэ у того-ли короля да Ляхоминьчкого [1])
А на всѣхъ князей, купцей торговыихъ,
Какъ на всѣхъ хресьянушокъ прожитошьнихъ [2]).
Ищэ звали тутъ Дунаюшка да на поц(ч)есьтёнъ пиръ,
Унимала какъ Настасья королевишьня:
«Не ходи, Дунаюшко, да на почесьтёнъ пиръ;
На пиру, Дунаюшко, да наѣдансьсе,
До повалушка да зелена вина да напивансьсе,—
На цеспбмъ пиру до станёшь хвастати,
Ты похвасташь душочькой Настасьёй королевичьней.»
Не послушалъ тутъ Дунаюшко да сынъ Ивановиц(ч)ь,
Онъ пошолъ-то къ королю да на почёсьтёнъ пиръ.
Ищэ всё-то на пиру да сидятъ пьютъ, ѣдятъ,
Ищэ всё да на чесномъ да они кушаютъ,
Какъ бѣлу́ю лебедь они рушаютъ,
Какъ сёро́го гу́ся сидятъ счи́паютъ.
Ищэ всё-то добры молодцы да сидятъ хвастаютъ,
Ищэ тотъ вѣдь хвастатъ тѣмъ, иной — иным ъ:
Какъ богатой хвастатъ золотой казной,
Ищэ умной хвастатъ родимбй сестрой,
Кой безумной хвастатъ молодой жоной,
Кой сильнёй-то хвастатъ силой несьмётною,
Доброй молодецъ да онъ добры́мъ конёмъ,
Какъ нецёмъ—Дунаюшко онъ сидитъ не пьётъ, не ѣстъ,
Онъ сидитъ не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,

[1]) Подразум. „пиръ“. *Собир.*
[2]) Т. е. зажиточныхъ. *Собир.*

Бѣлой лебеди да онъ не рушаётъ,
Какъ сѣра гуся сидитъ не щыпаётъ,
Какъ нецѣмъ-то доброй молодецъ сидитъ не хвастаётъ,
Какъ спрогóворилъ король да Ляхоминьцькія:
«Ты цёго, Дунаюшко, сидишь не пьёшь, не ѣси,
Сынъ Ивановичь, да ты не кушаёшь,
Бѣлой лебеди да ты не рушаёшь,
Какъ сѣра гуся да всё не щыпаёшь?
Какъ нецѣмъ ты, доброй молодець, сидишь не хвастаёшь?
Разьвѣ мѣсьтечко тѣ не по отчыны,
Разьвѣ ц(ч)ярою тебя обнóсили,
Али дуракъ, пьѣница надъ тобой не надсьмѣялисе?»
Тутъ спрогóворитъ Дунаюшко да сынъ Ивановичь:
— Мнѣ-ка мѣстечько да есьть по вотчыны,
Меня ц(ч)ярою да не обнóсили,
Дуракъ, пьениця-то надо мной не натьсьмѣялисе.
Ищо нецимъ мнѣ-ка добру молодцу похвастати;
Разьвѣ тѣмъ мнѣ добру молодцу похвастати:
Я ходилъ, гулялъ да изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду да изъ Литвы въ Литву,
Загулялъ Дунаюшко да' королю въ Литву,
Ко тому-ли королю да къ Ляхоминьчькому.
Королю служилъ да ровно деветь лѣтъ;
Какъ король любилъ да крѣпко жаловалъ,
Королевша-та любила пачэ кóроля,
Какъ Настасьюшка да у души дёржить.
Ужъ я дьнёмъ служилъ да всё во цяшьницькахъ,
Поутру́ служилъ я во стольницькахъ,
Вецёру́ служилъ я у Настасьюшки да у кроваточьки,
У королевишьни да на правóй руки,
На правóй руки да на бѣлóй груди.—
Эти рѣч(ц)и королю во слухъ пáли,
Ляхоминьчькому да за бѣду стали,
За бѣду стали да за великую.
Тутъ скрыцялъ, зыцялъ король да зычнымъ голосомъ:
«Палац(ч)и, вы палац(ч)и да немилóсьливы,
Вы тотаровя да есь булатныя[1])!
Вы берите-ко Дунаюшка да за бѣлы́ руки,
За бѣлы руки да за жолты́ кудри,
Вы ведите-ко Дунаюшка да на конюшенъ дворъ,
Вы садите-ко да на добра коня,
Вы везите-ко да во ц(ч)истó полё,
Вы кладите буйну голову на плашочьку,
Какъ на ту-ли плашочьку на липову,
Какъ на ту-ли плошшадь на кровавую,
Вы рубите у ёго да буйну голову.»
Старшой кроетьцé да онъ за среднёго,
Средней кроетьце да онъ за мéньшого;
Отъ меньшóго королю отвѣту нѣтъ.
Онъ скрыцялъ, зыцялъ да во второй наконъ[2]):
«Палач(ц)и вы, полач(ц)и да немилосьливы,
Какъ тотаровя ли вы булатныя!
Вы берите-ко Дунаюшка да за бѣлы́ руки,
За бѣлы руки да за жолты́ кудри,
Вы ведите-ко Дунаюшка да на конюшенъ дворъ,
Вы садите-ко Дунаюшка да на добра́ коня,
Вы везите-ко да во ч(ц)истó полё,
Не по улици везите, по зау́лочью,
Вы кладите буйну голову на плашоц(ч)ьку,
Какъ на ту ли плашоц(ч)ьку на липову,
Какъ на ту ли плошшадь на кровавую.»
Ишше брали тутъ Дунаюшка да за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за жолты́ кудри,
Какъ вели Дунаюшка да на конюшенъ дворъ,
Какъ садили тутъ Дунаюшка да на добра́ коня.
Какъ скрыцялъ, зыцялъ Дунаюшко да зыцьнымъ голосомъ:
„Палаци, вы палаци да немилосьливы,
Какъ тотаровя былѝ булатныя!
Вы везите-ко Дунаюшка да вдоль по улоцьки
Мимо тѣ-ли-то окошоцька Настасьины“.

---

[1]) Вмѣсто „улановя“,—ср. № 29, ст. 43. *Собир.*
[2]) Накóнъ—разъ. *Собир.*

Повезьли Дунаюшка да вдоль по улоцьки
Мимо тё-ли-то окошоцька Настасьины.
Какъ скрыцялъ, зыцялъ Дунаюшко да зыцьнымъ голосомъ:
„Ты просьти, прошшай, да зо́ря́ бѣлой свѣтъ!
Прошшай, душоцька Настасья королевишьня!“
Ишше сьпитъ Настасья, не пробудитце́;
Онъ скрыцялъ, зыцялъ да во второй наконъ;
Всѣ палатушки да съ угла на́ уго́лъ да покачалисе,
Ставники́ [1]) въ окошкахъ покосилисе,
Кисова́ кровать да подломиласе,
Тутъ Настасьюшка да пробудилась;
Какъ бросалась Настасьюшка по плець въ окно:
„Палач(ц)и, вы палац(ч)и да немилосьливы,
Какъ тотаровя были булатныя!
Вы везите-ко Дунаюшка да на широкой дворъ,
Вы берите злата, се́ребра да сколько надобно“.
Какъ везьли Дунаюшка да на широкой дворъ,
Ищэ брали злата, се́ребра да сколько надобно;
Ищэ брали съ кабака го́ля́ кабацького,
Какъ рубили у ёго да буйну голову.
Какъ пошолъ Дунаюшко онъ ко солнышку ко Владымеру стольнё-кіёвському.
Какъ не можотъ солнышко Владымёръ стольнё-кіевськой
Онъ прибрать не можотъ собѣ сужону,
Богосужону да богоряжону.
Тутъ спрого́воритъ Дунаюшко да сынъ Ивановиц(ч)ь:
„Ты послушай-ко, солнышко Владымёръ стольнё-кіевськой!
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка двѣ дружиноцьки,
Двѣ дружиноцьки да двѣ хоробрыя:
Одного дружиноцьку Микитушку Поповиця,
А другу дружиноцьку Олёшеньку;
Я поѣду къ королю да къ Лихоминьцькому.
Какъ вѣдь есь у короля двѣ доце́ри,
Какъ двѣ доце́ри да двѣ хорошія:
Одна доць-та есь Настасьюшка да королевишьня,
Не твоя слуга, да по тебѣ дёржать,
Не тебѣ дёржать да не тебѣ владать;
Какъ друга-та есь доць Опраксея-королевишьня—
Какъ та твоя слуга, да какъ тебѣ дёржать,
Какъ тебѣ дёржать да всё тебѣ владать“.
Пріѣжжалъ онъ къ королю да къ Лихоминьчкому,
Ищэ взялъ у короля доце́рь любимую,
Апраксеюшку да королевишьню,
Повели, повезьли да ко Владымеру да стольнё-кіёвському.
Привезьли къ солнышку Владымеру да стольнё-кіевському.
Какъ остался Дунаюшко да сынъ Ивановичь,
Онъ остался тамъ да во ч(ц)исто́мъ поли
Дожидать-то душичьку Настасью королевишьню.
Онъ розьдёрнулъ тамъ шатёръ да во чисто́мъ поли,
Онъ наклалъ вѣдь лошади пшеницы бѣлояровой.
Пріѣжжала тамъ Настасья королевисьня,
Какъ розьдёрнула да свой шатёръ полото́тьняной,
Отьвязала тамъ добра коня [1]) отъ пшеницы бѣлояровой.
Привязала своёго коня къ пшеницы бѣлояровой.
Пробудилсэ тутъ Дуняюшко да отъ крѣпка сна,
Какъ пошолъ смотрѣть да лошадь добрую.
„Ты ставай, бога́тырь всё пресильнія,
Мы поѣдёмъ-ко съ тобой да во цисто́ полё“.
Какъ поѣхали онѣ да во цисто́ полё,
На своихъ оны да на добры́хъ коняхъ,
Ищэ хлопнулисэ онѣ да своей палице́й—
Какъ сбилъ Дунаюшко бога́тыря да проць зъ добра коня,
Какъ садилсэ тутъ Дунаюшко да на бѣлы груди,

[1]) Рамы. *Собир.*

[1]) Дунаева коня. *Собир.*

Ищэ спрашивалъ да у бога́тыря:
„Ужъ ты ц(ч)ьёй земли, да скажи, (ц)чьёй орды?
Ты ц(ч)ьёго отця да чьёй матушки?“
Тутъ спроговоритъ бога́тырь всё пресильнія:
— Какбы я сидѣлъ да на твоихъ бѣлы́хъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ не имени, не отчины,
Я поролъ бы всё твои бѣлы́ груди,
Вынималъ бы ретиво́ серьцё со печ(ц)енью. [1])
Тутъ спроговоритъ Настасья королевиш(с)ьня:
— Ужъ ты hóй еси, Дунаюшко да сынъ Ивановичь!
Бытто ты не знашь своёй душоцьки Настасьёй королевисьни?—
Ужъ какъ бралъ Дунаюшко да за бѣлы́ руки,
Цёловалъ Дунаюшко въ са́харьни́ уста,
Какъ садилисе оны да на добры́хъ коней,
Поѣжжали къ солнышку Владымеру да стольнё-кіёвському.
Какъ пріѣхали оны ко Владымеру да стольнё-кіёвському,
Какъ садилисе да за срядны́ [2]) сто́лы,
За срядны́ столы́ да бѣлоду́бовы,
Напивалисе оны да зелёна́ вина.
Тутъ Настасьюшка да росходилась:
„Ты, Дунаюшко, да есь мѣтно́й стрѣлець,
Ты мѣтно́й стрѣлець, да я мѣтнѣй тебя:
Перестрѣлю этотъ я злачёнъ перьстень—
Некото́ра половинка не больше есь, не меньше всё“. [3])
Тутъ спрого́воритъ Дунаюшко да сынъ Ивановиць:
— Ты поди, Настасьюшка, да во ч(ц)исто́ полё.—
Тутъ спрого́воритъ Настасья королевисьня:
„Ты просьти, Дунаюшко, да бабу пьяную,
Бабу пьяную да виноватую!
Я пойду къ тебѣ да во цисто́ полё—
Ужъ какъ стрѣлишь ты меня да въ ретиво́ серьцё:
Ужъ ты перьвой разъ ко стрѣлишь, не дострѣлисьсе,
Какъ другой-отъ разъ ко стрѣлишь, перестрѣлисьсе,
Ужъ ты третей разъ вѣдь стрѣлишь—мнѣка во бѣлы́ груди.
У меня въ грудяхъ есь два младеня бытто жаръ горятъ“.
Какъ пошли они да во цисто́ полё.
Ишше стрѣлила Настасья королевисьня,
Она стрѣлила да во злачёнъ персьтень,
Перестрѣлила да ёго на́двоё.
Отошла она да во чисто́ полё.
Ишше стрѣлилъ то Дунаюшко да сынъ Ивановичь;
Ищэ перьвой разъ стрѣлилъ, да не дострѣлилъ,
Какъ второй-отъ разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ
Ищэ третьей разъ-отъ стрѣлилъ прямо во бѣлы́ груди;
Ищэ выпали вѣдь два младеня бытто жаръ горятъ.
Какъ пришолъ Дунаюшко къ тѣлу Настасьину,
Онъ и тыкнулъ себѣ ножикомъ въ бѣлы́ груди.

---

[1]) Дунай три раза спрашивалъ. *Прим. пьвицы.*
[2]) Сряженые, свадебные. *Собир.*
[3]) Не поте́нётъ. *Прим. пьвицы.*

№ 28.

Дунай Ивановичъ.

Ходилъ-гулялъ Дунаюшко изъ орды въ орду,
Загулялъ молоде́ць да хъ королю въ Литву.
Да король-отъ молодца любитъ-жаловатъ,
Ишше душоцька Настасья королевисьня
Да не можотъ на ёго да нагледѣтисе,
Нагледѣтисе она не можотъ на ёго да насмотрѣтисе.
Да приходитъ она ко батюшку ко королю:
„Ужъ ты батюшко, король земли Ляховиньцькія!
Ты отдай-ко мнѣ-ка молодца во клюсьники,
Ты во вѣрныя отдай мнѣ-ка во прикашшики,

Шьчобы было кому-то вѣрить золоты клюци,
Золоты клюци вѣрить, казна моя нешчотная.
Отдавалъ тутъ король да своёй доцери.
Да живётъ тутъ Дунаюшко у Настасьюшки,
Некакой ёму нѣту утѣхи(?) да роботушки:
Ише дьнёмъ-то играютъ сь ней во картоцьки [1]).
Какъ заводитце у короля столъ, почэсной пиръ,
Да зовутъ тутъ Дунаюшка Ивановиця.
Не спушшатъ его Настасья королевисьня:
„Не ходи-тко ты, Дунаюшко сынъ Ивановиць!
Неровно-то во хмѣлю словцё-то молвитце,—
Потеряшь ты свою буйну голову,
Укороташь ты себѣ да вѣку долгого“.
Не послушалъ Дунаюшко сынъ Ивановиць,
Да пошолъ' королю на почэсной пиръ.
Ужъ какъ всё-то на пиру сидятъ напивалисе,
Ише всё-то на цесномъ сидятъ наѣдалисе,
Ужъ какъ всё-то на пиру сидятъ приросхвастались.
Ише тотъ тѣмъ хвастаётъ, новой новымъ:
Ише глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Неразумной-отъ хвастатъ родимой сёстрой.
Говорилъ тутъ король земли Ляховиньцькія:
„Ужъ ты Ной еси, Дунаюшко сынъ Ивановиць!
„Ты цёго сидишь, ты не пьёшь, не ѣшь,
Ты не пьешь-то не ѣшь да нецимъ да не хвастаёшь“?
Говорилъ тутъ Дунаюшко сынъ да Ивановиць:
— Ише цимъ мнѣ у васъ теперь да похвастати?
Я живу-ту тепереце у Настасьюшки;
Некакой мнѣ-ка нѣтъ утѣхи да роботушки:
Ужъ я дьнёмъ-то да играю сь ней во картоцьки.—
Ише эты какъ рѣци не въ любѣ пришли.

Опъ скрыцялъ тутъ, зыцялъ да зысьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы Ной еси, тотаровя поганыя!
Ужъ вы мурзы, палаци есь немилосьливы!
Ужъ вы скуйте-тко, сьвяжите доброго молодца,
Вы везите-ко ёго на смёртную казеню“.
А бѣжали тотаровя тутъ поганыя,
Ниче мурзы, палаци немилосьливы,
Ужъ какъ бросили на телёжку дрововозную,
Повезьли ёго на смёртную казеню.
Говорилъ тутъ Дунаюшко сынъ Ивановиць:
„Ужъ вы Ной еси, тотаровя поганыя!
Вы везите-ко дорожкой прямоѣжою
Мимо душоцьку Настасью королевисьню“.
Онъ скрицялъ тутъ, зыцялъ зысьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты душоцька Настасья королевисьня!
Ужъ ты сьпишь на тисовыя кроватоцьки,
Ты на мяккія пуховыя переноцьки,
Ты не знашь надъ собой некакой незгодушки:
Да везутъ меня, удалого добра молодца,
Да везутъ меня на смёртную-ту казеню“.
Тутъ скрыцялъ какъ Дунаюшко во второй наконъ,
Да скрыцялъ тутъ Дунаюшко въ третей наконъ,
Да во всю голову скрыцялъ да во всю могуту,
Во всю силоцьку скрыцялъ свою богатырьцькую:
„Ужъ ты душоцька-ли ты Настасья королевисьня!
Ужъ ты сьпишь-ли на тисовой на кроватоцьки,
Ты на мяккія пуховыя периноцьки,
Ты подъ тёплымъ соболиномъ одѣвалышкомъ,
Ты не знашь надъ собой некакой певзгодушки:
Какъ везутъ меня, удала добра молодца,
Да везутъ меня на смёртную казеню“.
Тутъ услышала Настасья королевисьня.
Съ угла на уголъ полата покацялась,

---

[1]) Здѣсь пѣвица пропустила нѣсколько словъ: см. № 27. *Собир.*

Какъ стёколышка въ околёнкахъ [1]) забрявкали.
Тутъ бросаласе Настасьюшка по плець въ окно,
Какъ крыцяла, зыцяла она зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы Іюй еси, тотаровя поганыя,
Ужъ вы мурзы, палаци есь немилбсьливы!
Ужъ вы ежели мнѣ вы не послушныя,
Ужъ я скоро срежусе во платьё богатырьскоё,
Я у всихъ отрублю у васъ буйны головы".
Ужъ то скоро везьли удала добра молодца,
Какъ везьли скоро ёго на ей широкой дворъ.
Ишше жилъ съ того [2]) Дунаюшко у Настасьюшки,
У Настасьюшки-то жилъ ровно ишше три года.
Стогда поѣхалъ ко солнышку столёнъкіевську.
Какъ на ту пору у солнышка да почэсной пиръ.
Какъ зовутъ тутъ Дунаюшка на почэсной пиръ.
Ужъ какъ всё-то на пиру сидятъ напивалисе,
Ужъ какъ всё-то на чесномъ сидятъ наёдалисе,
Ужъ какъ всё-то на пиру сидятъ приросхвастались.
Ишше тотъ-ли тёмъ хвастаётъ, новбй новымъ:
Ишше глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Неразумной-отъ хвастатъ родимбй сёстрой.
Только солнышко князь Владимиръ столёнъ-кіевской
Только ходитъ по полатушки, похаживалъ,
Да такія онъ-то рѣци спроговаривалъ:
„Ишша всё-то у насъ во городи пожёнёны,
Ишша красныя-то дѣвушки взамужъ подаваны;
Столько я одинъ, князь Владимиръ, да холбсъ хожу,
Я холосъ-то хожу теперь, нежонатъ живу.
Ишше хто бы мнѣ прибралъ сопружницю,
Мнѣ сопружницю прибралъ, мнѣ-ка сопротивницю,
Шшёбы лицикомъ была бѣла, умомъ свёрсна [1]),
Шшёбы лицико было порохи сьнѣгу бѣлого,
Шшёбы брови-то у ей были цёрного соболя,
Шшёбы оци-то у ей были ясного сокола,
Шшёбы походоцька у ей была павиная,
Шшёбы тихая рѣць была лебединая?»
Ишше бо́льшой-отъ туляитце за среднёго,
Ишше среднёй-отъ туляитце за меньшого,
Какъ отъ меньшого Владимеру отвѣту нѣтъ.
Изъ-за того изъ-за столика изъ-за средьнёго,
Да со той-ли скамеёцьки бѣлодубовой
Да ставаётъ Дунаюшко сынъ Ивановиць,
Ишше самъ говорилъ онъ таковы рѣци:
Ужъ ты Іюй есь, солнышко Владимеръ стольно-кіевськой!
Бласлови-тко мнѣ да словцё молвити,
Да бесъ той шшёбы тюрмы мнѣ-ка бесъ тёмныя,
А бесъ той мнѣ-ка бесъ сылоцьки безъ дальнія,
А бесъ той мнѣ-ка безъ пётёлки шелкбвыя. —
Говорилъ тутъ какъ Владимеръ столёнъ-кіевцькой:
«Ишше Бохъ тя благословитъ, Дунай да сынъ Ивановиць,
Да бесъ той тебя тюрмы шшёбы бесъ тёмныя,
Да бесъ той тебѣ безъ петёлки шелкбвыя,
Да бесъ той тебѣ бесъ сылоцьки безъ дальнія».
— Ужъ какъ знаю я тебѣ какъ сопружницю,
Я сопружницю-ту знаю да сопротивницю:
Она лицикомъ есь бѣла́, да есь умомъ свёрсна;
У ей лицико есь порохи снѣгу бѣлого,

[1]) Въ окоенкахъ, въ рамахъ. *Собир.*
[2]) Послѣ того. *Собир.*

[1]) Подходяща, ровна. *Собир.*

Какъ походка у ей есь павиная,
Ише тиха-та рѣць лебединая,
Ишше брови-то у ей да цёрного соболя,
Ишше оци-то у ей да ясного сокола:
У того-ли короля есь Лехоминьцького
Ишше молодая Опра́ксѣя королевисьня.—
«Ты бери-тко-се, Дунаюшко, денёгъ колько надобно».
— Мнѣ не надобно твоёй золотой казны;
Столько дай мнѣ-ка Микитушку-Добрынюшку,
Столько дай мнѣ-ка Олёшиньку Поповича.—
Только видѣли да молодцовъ да сряжающись,
Какъ не видѣли удáленькихъ поѣжжающись;
Исъ цистá-та поля да курёвá пошла,
Изъ жолтáго песка да только дымъ столбомъ.
Подъѣхали онѣ подъ славной Кіевъ-градъ.
Оставлятъ онъ свою дружинушку хоробрую,
Оставлятъ-отъ свою дружинушку, самъ наказывалъ:
«Оставай-ко-се, дружинушка моя хоробрая,
Вы играйте-ко во картоцьки, во шахматы,
Какова-та пора да каковó времё:
Ужъ я перьвой разъ какъ зыграю да во ту́гой лукъ [1]),
Ужъ я дру́гой разъ сыграю да по-ратьнёму,—
Вы сѣдлайте-ко, уздайте коней добрыихъ;
Ужъ я третей разъ зыграю по-ратьнёму,—
Вы садитесь крутёхонько [2]) на добрыхъ коней,
Вы рубите стогды старого и малого,
Не оставьлейте вы на сёмё не единого».
Пошолъ стогды въ полатушки королевцькія,
Отвореётъ онъ двери потихошенько,
Запираётъ онъ двери помалёшенько,
Королю бьетъ Дунай цёломъ во праву́ руку,
А Опраксы королевисьнёй во лёву́ руку.
Говорилъ тутъ король земли Ляховиньцькія:
«Що сказали про Дунаюшка—живáго нётъ,
А тепереце́ Дунаюшко самъ на дворъ.
Ты пожить ли пришолъ опеть, погосьтить ко мнѣ?»

Говорилъ тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичь:
— Я не жить къ тебѣ пришолъ теперь, не госьтить теперь,
Я о добромъ дѣли пришолъ теперецю о сватовсьви,
Какъ за нашого за солнышка столенъкіевська
Какъ на вашея на доце́ри на любимыя,
А на мóлодой Опраксы королевисьни.—
Ишше эты королю́ рѣци не въ любѣ пришли,
Онъ скрыцялъ, зыцялъ зысьнимъ голосомъ:
«Охъ ты сукинъ сынъ, Дунай сынъ Ивановичь!
Ты опеть же пришолъ ко мнѣ патьсьмѣхатисе».
«Ужъ вы Ной еси, тотаровя поганыя!
Ужъ вы мурзы, палаци-то немилóсьливы!
Ужъ вы скуйте-ткось, сьвяжите доброго молодца,
Вы везите-ко ёго на смёртную казеню».
Набѣжали тутъ тотаровя поганыя,
Ишше мурзы, палаци да немилóсьливы,
Ишше видитъ Дунаюшко неминуця;
Онъ хватилъ какъ скамеёцьку бѣлодубову,
Ужъ онъ у́цялъ тотариновъ поколацивать;
Ишше самъ какъ исъ полатушки выбираитце.
Ужъ онъ хватилъ какъ тотарина за́ ноги,
Ужъ онъ у́цялъ тотариномъ помахивать:
Какъ куды-то махнётъ, летятъ улици,
Какъ назадъ-отъ махнётъ, дакъ переулкамы.
Какъ крутёхонько бѣжалъ стогда къ добру коню,
Ужъ онъ взялъ какъ въ руки ишше ту́гой лукъ,
Ужъ онъ перьвой разъ зыгралъ какъ во ту́гой лукъ,
Ужъ онъ другой разъ зыгралъ да онъ поратьнёму,
Тутъ наѣхала дружинушка хоробрая,
Да напали-то рубить онѣ старого,
Онѣ старого рубить да онѣ малого,
Не оставьлеютъ на сѣмяна не единоÑо.
Выходилъ тутъ король да на красно́ крыльцё:
«Ужъ ты Ной еси, Дунай да сынъ Ивановичь!

---

[1]) Вмѣсто „во турій рогъ“. *Собир.*
[2]) Круто—скоро. *Собир.*

Не руби-тко моёй силы понапрасному;
Отдаю́ я тебѣ́ какъ доцерь да любимую
Я за вашего за солнышка столёнъ-кіевска».
Не унимался какъ Дунай да сынъ Ивановичь.
Говорилъ тутъ король да во другóй наконъ,
Говорилъ тутъ король ёму во третьёй наконъ:
«Ужъ ты Ной еси, Дунаюшко сынъ Ивановичь!
Не руби-тко моёй силы понапрасному.
Обирайте мою доцерь да любимую,
Ишше ту-ли Опраксею королевисьню".
Выводилъ свою доцерь да любимую,
Снаредилъ ей какъ въ платьице драгочѣнноё,
Выводилъ-то ей какъ на красно́ крыльцё.
Посадили Опраксею на добры́хъ коней,
Какъ поѣхали съ Опраксеей ко солнышку.
Наѣхали въ цисто́мъ поли ископеть [1]) конинную—
Какъ вѣдь падали [2]) колодци глубокія.
Говорилъ тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичь:
„Ужъ Ной еси, дружинушка моя хоробрая!
Вы везите-тко Опраксею королевисьню
Какъ ко солнышку Владимеръ-столёнъ-кіевську.
Я поѣду про бога́тыря въ полё провѣдывать".
Онъ завидялъ въ цисто́мъ поли да бога́тыря.
Онѣ сьѣхались съ имъ да поотвѣдались,
Приломали всѣ палици да цяжолыя,
Приломали всѣ копья-та ворзумецькія [3]).
Другъ друга добольня́ онѣ не ранили.
Какъ скоры́мъ оны боёмъ да рукопашкою:
Какъ скакали черезъ гриву лошадиную,
Ужъ какъ падалъ Дунаюшко на сыру землю;
Какъ садился какъ богатырь на бѣлы́ груди,
Ужъ какъ тёпётъ какъ ножикъ-отъ изъ нага́лишша [4]),
Ишше хоцётъ поколоть да какъ груди бѣлыя,
Ужъ какъ хоцётъ смотрѣть ёго ретиво́ серьцё.
Какъ вѣдь ѣдётъ старѣйше казакъ да Илья Муровець.
Какъ змолился тутъ Дунаюшко сынъ Ивановиць:
„Ужъ ты Ной еси, Илья, да Илья-то Муровець!
Пособи-тко мнѣ убить теперь-то бога́тыря".
Говорилъ тутъ старѣйше казакъ да Илья Муровець:
— Да не цесь-то намъ, хвала да молодѣцькая,
Какъ не выслуга намъ будётъ богатырьцькая—
Ишше двумъ-то бога́тырямъ одну бабу бить!—
Стрепестался тутъ Дунаюшко со сырой земли,
Ужъ какъ шибъ тутъ бога́тыря со бѣлы́хъ грудей,
Садился тутъ Дунаюшко на бога́тыря;
Ужъ онъ сталъ какъ пороть у ей груди бѣлыя,
Ишша хочётъ смотрѣть у ей ретива серьца,—
Какъ увидѣлъ на бѣлы́хъ грудяхъ цюдёной крестъ,
Со которымъ онъ съ ей да крестамы бра́тался.
Сходилъ какъ Дунаюшко со бѣлы́хъ грудей,
Тутъ съ Настасьюшкой поздоровался.
Тогда поѣхали ко солнышку Владимеру.
А поѣхали ко солнышку ко Владимеру,
Какъ у солнышка у Владимера столъ да поцесёнъ пиръ.
Тутъ вси-то на пиру напивалисе,
Ишше вси-то на цесномъ наѣдалисе,
Ужъ какъ вси-то на пиру приросхвастались.
„Ужъ ты Ной еси, Настасья королевисьня!
Отведу я тебя да во цисто́ полё,
Я сойму со правой руки злацёнъ перьстень,
Положу я злацёнъ перьстень на твою да буйную голову,

---

[1]) Ископыть—ямы отъ удара копытомъ. *Собир.*
[2]) Попадались, являлись? *Собир.*
[3]) Мурзамецкія, мурзинскія. *Собир.*
[4]) Лагалище—ножны. *Собир.*

Ужъ я встрѣлю въ тебя да изъ туга лука,
Пересьтрѣлю я свой перьстень да попополамъ его".
Говорила Настасья да королевисьня:
—Не стрѣлей-ко ты, Дунаюшко сынъ Ивановиць!
Ужъ ты пе́рьвой разъ стрѣлишь, какъ не дострѣлишь,
Ужъ ты другой разъ стрѣлишь, да перестрѣлишь,
Ужъ ты третей разъ стрѣлишь—мнѣ во бѣлы́ груди.—
Не послушалъ Дунаюшко да Настасьюшки.
Ужъ онъ перьвой разъ стрѣлилъ, да не дострѣлилъ,
Ужъ онъ другой разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
Ужъ на третей разъ стрѣлилъ да во бѣлы́ груди,
Застрѣлилъ тутъ Настасьюшку королевисьню.
У Настасьюшки было́ во чьреви два мальцика:
У одного по-колѣнъ да ножки въ золотѣ,
По-локо́тъ да рученьки были у ихъ въ се́ребри.
(„Тутъ пришолъ, посмотрѣлъ, — сковалъ два ножицька, потенулъ [1]) да самъ закололсэ. Ише тѣмъ бога́тырямъ стихи поютъ да старины́ скажу́тъ").

№ 29.

Дунай Ивановичъ.

Былъ жилъ Ивапушко, не славилсэ,
Не славилсэ Иванушко, преставилсэ.
Оставалось у его да цядо милоё...
Какъ пошолъ Дунай изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду,
Какъ зашолъ Дунай да къ королю въ Литву,
Ко тому-ли королю да къ Ляходимскому
Ужъ онъ жилъ у ко́роля двѣнацать лѣтъ:
Ужъ онъ три года у ко́роля да клюшницялъ,
Ужъ онъ три года у ко́роля придворницялъ,
Ужъ онъ три года у короля за столомъ сидѣлъ,
Ужъ онъ три года у короля да золотой казной.
За то король да любилъ-жаловалъ,
Королевна молоца паче ко́роля.
А заводился тутъ у короля почесёнъ пиръ,
Почесёной пиръ, похвали́ной столъ
Ай на тѣхъ-ли на пановей, улановей,
Ай на тѣхъ-ли палаци́й немилостивыхъ,
Ай на тѣхъ-ли поленицъ на удалыихъ.
Ише вси на пиру напивалисе,
Ише вси на цёсномъ наѣдалисе.
Одинъ сидитъ Дунаюшко не пьётъ, ни ѣсъ,
Онъ ни пьётъ, ни ѣсь сидитъ, ни кушаётъ.
Ай да спрого́воритъ король да Ляходимскія:
«Ужъ ты што сидишь, Дунаюшко, не пьёшь, не ѣшь,
Не пьёшь, не ѣшь, не кушаёшь?»
И спрого́воритъ Дунай да сынъ Ивановиць:
— Я отъ батюшка остался я малёшенёкъ,
Я малёшонёкъ да я глупёшенёкъ.
А пошолъ ходить да изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду;
Какъ зашолъ я ходилъ да къ королю въ Литву.
Ужъ какъ жилъ у короля двѣнадцать лѣтъ:
Ужъ я три года у ко́роля да клюшничалъ,
Ужъ я три года у ко́роля да при дворци служилъ,
Ужъ я три года у короля да за столомъ сидѣлъ,
Ужъ я три года у короля да золотой казной.
Миня за то король любилъ-жаловалъ,
Королевна молодца да паче ко́роля.—
Ише тутъ ети рѣци королю да не въ люби пришли.
Онъ крыцялъ-зыцялъ да зыцьнымъ голосомъ,
Зыцьнымъ голосомъ, во всю голову:
«Ужъ вы гой есь, вы пановя-улановя,
Ужъ вы гой есь, палаци да немилосливы,

[1]) Вынулъ (изъ ноженъ). *Собир.*

Ужъ вы гой есь, поленицы вы удалыя!
Вы берите Дуная за бѣлы руки,
Вы ведите-тко Дуная на широкой дворъ,
Ужъ вы путайте (въ)путонцы шолковыя
И въ други ручны, ножны, заплечныя.»
Ужъ тутъ брали Дуная за бѣлы руки,
Повели тутъ Дуная на широкой дворъ
Его запутали въ путонцы шолковыя,
Ой въ други ручны, ножны, заплечныя.
Какъ спроговоритъ Дунай да сынъ Ивановиць:
«Ужъ вы гой есь, пановя-улановя,
Ужъ вы гой есь, палаци немилбсливы,
Ужъ вы гой есь поленици вы удалыя!
Вы ведите меня мимо Настасьино окошоцько.»
Повели Дуная мимо Настасьино окошоцько.
Какъ спроговоритъ Дунай да сынъ Ивановиць:
«Ужъ постойте, пановя-улановя,
Вы постойте, палаци немилбсливы,
Вы постойте, поленици вы удалыя!»
Такъ крыцялъ-зыцялъ Дунай да зыцьнымъ голосомъ:
«Ты прошай-прости да бѣлой вольнёй свѣтъ!
Прости душоцька Настасья королевисьня!
У мня было съ тобой упито и уѣдёно,
На тесовыя кроватки было успано,
На твоихъ бѣлыхъ грудяхъ было улёжано.»
Иште тутъ Настасьюшка не слышала.
Онъ крыцялъ-зыцялъ да во второй наконъ,
Онъ крыцялъ-зыцялъ да во третёй наконъ:
«Ты прошай-просьти да бѣлой вольнёй свѣтъ!
Просьти душоцька Настасья королевисьня!
У мня было съ тобой упито и уѣдёно,
На тесовыя кроватки было успано,
На твоихъ бѣлыхъ грудяхъ было улёжано.»
Пробужалась тутъ Настасья отъ крѣпкáго сна,
А мяталасе Настасьюшка по-плець въ окно,
А по-плець въ окно, ровно по пбясу́,
Говорила Настасья таковы рѣци:
«Ужъ вы гой есь, пановя-улановя,
Ужъ вы гой есь, палаци немилбсливы,
Ужъ вы гой есь, поленици всѣ удалыя!
Вы ведите Дуная на конюшонъ дворъ,
Вы снимайте съ ёго путаньци шолковыя,
Вы други ручны, ножны, заплецьныя.»
Повели Дуная на конюшонъ дворъ,
А снимали съ ёго путанцы шолковыя
Да други ручны, ножны, заплецьныя.
Выходила тутъ Настасья на конюшонъ дворъ,
Выбирала коня да самолучшого,
Дала ёму копьё да долгомѣрноё,
Дала ёму плёточку шолкóвую.
Не видали дóбра молодца сряжающись,
Только видѣли удáлого поѣдуцись;
Во цистомъ поли да куревá [1]) стоитъ.
Какъ ѣхалъ Дунай день до вецёра
И наѣхалъ на бѣлъ шатёръ полбтняной,
Заходилъ Дунай въ шатёръ полотняной;
Тамъ сидятъ два могуція богáтыри:
И одинъ-отъ спитъ Добрынюшка Микитиць-отъ,
Другой-отъ спитъ Олёшенька Поповиць-отъ.
Онѣ вси тутъ крестами покрестовались;
Ай Дунай-отъ на крестовести-то старшой братъ.
Ой садились добры молодцы да на добрыхъ копей,
Поѣхали онѣ во Кіёвъ-градъ
Ко тому-ли ко солнышку Владимеру,
Ко Владúмеру стольнё-кіевську.
Какъ у солнышка нашого Владимера
Заводилса-зацинался столъ, поцесёнъ пиръ
На тѣхъ-ли на князей, на ббяровъ,
Ай на тѣхъ сильныихъ могуціихъ богáтырей,
Ай на тѣхъ вдовъ благочестивыихъ.
Иште вси на пиру да напивалисе,
Иште вси на цёсномъ наѣдалисе;
Какъ одинъ - отъ сидитъ солнышко не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьётъ, не ѣсъ, сидитъ не кушаётъ.
Онъ по новой свѣтлой гривницѣ похаживатъ,
Таковыя рѣци поговариватъ:
„Иште вси у насъ во городи да испожёпились,
И всѣ красныя дѣвици исповыданы;
Какъ одинъ я, солнышко, холбсъ хожу,

[1]) Пыль. *Собир.*

Я холостъ хожу́, нежонатъ живу.
Выбирайте мнѣ супружницю да супротивницю:
А бѣлымъ лицомъ была да будто бѣлой снѣгъ,
А цёрпыма бровямы цёрна соболя,
Ише ясныма оцямы ясна сокола
Ай походоцька была у ей павйная,
Ай тиха́я рѣць да лебединая“.
Ише бо́льшой-отъ за средьнёго хоронитце,
Ише средьнёй-оть за меньшого хоронитце,
А отъ меньшого брата и отвѣту нѣтъ.
Исъ того-ль изъ мѣста не изъ бо́льшого,
Ай со той скамейки бѣлодубовой
Подымаитце Дунай да на рѣзвы но́ги́,
Опъ тихошенько къ царю да подьвигаитьце,
Опъ пизёхонько царю да поклоняитьце,
Говоритъ Дунай да таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, солнышко Владимеръ нашъ,
Блаослови-тко миня да слово вымолвить!—
Ай спрого́воритъ солнышко Владимеръ нашъ:
„Говори-тко ты, Дунай, да щщо тѣ надобно?“
И спроговоритъ Дунай да сынъ Ивановиць:
— Ужъ я отъ батюшка остался я малёшенёкъ,
Я малёшенёкъ, я глупёшенёкъ.
Я пошолъ ходить да изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду.
Какъ зашолъ я ходилъ да къ королю въ Литву,
Ко тому-ли королю да Ляходимскому.
Ужъ я жилъ у короля двѣнацать лѣтъ:
Ужъ я три года у короля да клюшницялъ,
Ужъ я три года у короля придьворницялъ,
Ужъ я три года у короля да за столомъ сидѣлъ,
Ужъ я три года у короля да золотой казной.
Миня за то король да любилъ-жаловалъ,
Королевна молодца да паче ко́роля.
У ёго есь дьвѣ доцери любимыя:
Какъ одна-та доць Настасья королевишьня,
Она ѣзьдитъ по цисту полю, полякуётъ
Со тёма́-ли полякамы да некрещёнымa;
Ей буйныя вѣтры пріовѣели,
На ей добрыя люди пріобза́здрили [1]).
Ай друга́ доць, Опракся королевисьня,
Она сидитъ во новой свѣтлой гривницѣ,
Сидитъ она за замоцькамы заморьскыма;
Ей буйныя вѣтры не овѣели,
Ей добрыя люди не обза́здрили.
Она бѣлымъ лицёмъ да бутто бѣлой снѣгъ,
Опа цёрпыма бровямы цёрна соболя,
Она ясныма оцямы ясна сокола.—
Тутъ спроговоритъ солнышко Владимеръ нашъ:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Ты бери-тко моёй казны бесчётныя,
Ты бери-тко моёй силушки великія,
Ты бери-тко моихъ ко́ней самолучшіихъ,
Поѣжай ты за Опраксеёй да королевишнёй“.
Какъ спро́говоритъ Дунай да сынъ Ивановиць:
— Ужъ ты гой еси, солнышко Владимеръ нашъ,
Ты Владимеръ нашъ да стольнё-кіевськой!
Мнѣ не надо твоей казны бесчётныя,
Мнѣ не надо твоей силушки великія,
Мнѣ не надо твоихъ ко́ней самолучшіихъ
Мнѣ-ка дай-ко дьвѣ дружинушки хоробрыя,
Дай-ко два братца два крестовыя:
Одного мнѣ дай Добрынюшку Микитиц(ч)я,
А другого дай Олёшеньку Поповиця.—
Не видали добрыхъ молодцовъ сряжаюц(ч)ись,
Только видѣли удалыхъ поѣжаючись,
Во цистомъ поли да дымъ столбомъ стоитъ,
Дымъ столбомъ стоитъ, да курева стоитъ.
Пріѣжали во царьсво Ляходимскоё,
Ко тому королю да Ляходимскому.
Тутъ полякуётъ Настасья королевисьня
Со тёма-ли полякамы да некрещёнымa.
Оставлятъ Дунаюшко дружинъ своихъ въ цистомъ поли́,
Ише самъ опъ дружинушкамъ наказыватъ:
„Бывать [2]), я закрыцю вамъ зыцьнымъ голосомъ,—

[1]) Зазрѣли (ср. „зариться“, „зазорный“), насмотрѣлись. *Собир.*

[2]) Можетъ быть, если. *Собир.*

Вы рубите тотаровей поганыихъ".
Самъ поѣхалъ въ столицю къ королю въ Литву,
Ко тому-ли королю да Ляходимскому.
Привязалъ коня да ко красну столбу́,
Ко красну столбу да къ золоту кольцю.
По лѣстовкамъ идётъ тихошонько,
Онъ по сѣнямъ-то идётъ да помалёшонько,
Онъ заходитъ въ полату бѣлокаменну
Ише тутъ король-отъ за столомъ сидитъ.
Ай спроговоритъ король да Ляходимскія:
„Ай ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Ай откуль ты ѣдёшь, откуль путь дёржишь?"
Ай спроговоритъ Дунай да сынъ Ивановиць:
— Ужъ я ѣду изъ города изъ Кіева
Отъ того-ли отъ солнышка Владимера.
Ай пріѣхалъ я къ вамъ о добро́мъ дѣлѣ
о сва́тосьвѣ
На твоёй Опракси королевисьни
Ай за нашого за солнышка Владимера.—
Ише тутъ королю эти рѣци не въ люби пришли,
Не въ люби пришли, не оказалисе:
„Не отдамъ я своёй Опраксіи да королевисьни
А за вашу-ту вѣру поганую,
За поганую да за котельнюю". 1)
Ише тутъ Дунай-отъ убѣжалъ-отъ исъ полаты вонъ;
Выбѣгалъ Дунай да на бѣло́ крыльцё,
Онъ крыцялъ-зыцялъ да зыцьнымъ голосомъ,
Зыцьнымъ голосомъ да во всю голову,
Во всю силу-могуту да богатырьскую:
„Ужъ вы гой еси дружья-братья-товаришши!
Вы рубите тотаровей поганыихъ".
Ише тутъ онѣ вперётъ махнутъ—летятъ улицёй;
Назатъ-отъ махнутъ-да переулками.
Выбѣгалъ тутъ король да на красно́ крыльцё,
Говорилъ тутъ король да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Ты уйми своихъ дружинъ хоробрыихъ,
Не губи у мня силы понапрасному.
Я оддамъ тутъ Опраксю тутъ да королевисьню
За вашого солнышка Владимера".
Унимать тутъ Дунай своихъ дружинъ хоробрыихъ.
Ай пошолъ тутъ король во но́ву гривницю,
Ужъ онъ бралъ Опраксею да за бѣлы руки,
Отдавалъ тутъ Дунаюшку-Дунаёвицю.
Тутъ садилса Дунай да на добра коня,
А Опраксею садилъ да позади себя;
Поѣхалъ Дунай да во цисто поле,
Взялъ тутъ съ собой Настасью королевисьню;
Поѣхали друзья во Кіевъ-градъ.
Пріѣхали ко солнышку Владимеру.
Ише тутъ солнышко ихъ нетерпимо ждётъ:
Выходилъ тутъ солнышко на широкой дворъ,
Ужъ онъ бралъ Опраксею да за бѣлы руки,
Цёловалъ Опраксею да въ сахарьны́ уста́.
Пошёлъ тутъ у царя пиръ наве́сельи,
Онѣ столовали-пировали трои сутоцьки.
Ише вси на пиру да напивалисе,
Ише вси на цёсномъ да наѣдалисе,
Ише вси на пиру да прохвастались.
Ише тотъ тёмъ хвастать и новой новы́мъ.
Ише глупой хвастать молодой жоной,
Неразумной хвастать золотой казной.
А Дунай-отъ хвастать: „я мётно́й стрѣлець".
Ой Настасья хвастать:—я мётнѣй тебя.—
Ише тутъ эти рѣци не въ люби пришли,
Не въ люби пришли, не оказалисе.
Ужъ онъ бралъ Настасью за бѣлы руки,
Отводилъ Настасью во цисто полё.
Спроговоритъ Настасья королевисьня:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Не руби ты у мня по-плець голову;

---

1) Вѣра—обычай, образъ жизни. Ср. Бѣломорскія былины, стр. 81, ст. 140. *Собир.*

У мия есь съ тобой засѣяно два ясного
два сокола“.
Не послушалъ тутъ Дунай да королевисьни,
Онъ отсѣкъ у ей да по-плець голову;
Онъ поролъ у ей да груди бѣлыя,
Онъ увидѣлъ, що засѣяно два ясного дв
сокола.
Да могуція плеци росходилисе,
Богатырьскоё серьцё розгорѣлосе.
Онъ и ставилъ востро копьё въ сыру
землю,
Онъ тупымъ коньцомъ ставилъ во сыру
землю,
Онъ вострымъ-то ставилъ себѣ въ бѣлы
груди.
Ише тутъ Дунаюшку съ Настасьёй славы
поютъ,
Тутъ Ивановицю съ королевисьнёй старины скажу́ть.

№ 30.

Михайло Даниловичъ.

Да во славномъ было городѣ да во Кіеви,
Што у солнышка-кня́зя да у Владимера,
Заводилсэ-начиналсэ столъ, почёсьтёнъпиръа
Не для батюшка пиръ да не для матушки,
А для тѣхъ для поповъ, отцовъ духовныихъ,
И для тѣхъ причетниковъ церковныихъ,
Всё для рускихъ для сильныхъ для бога́тырей.
Да ишьше всѣ на пиру да наѣдалися,
Ишше всѣ на честномъ да напивалися,
Промежду они собой да приросхвастались.
Ищьче тотъ-отъ тѣмъ хвастаётъ, иной иным:
А богатой-отъ хвастатъ золотой казной,
Ишьче глупой-отъ хвастатъ молодой женой,
Неразумной-отъ хвастатъ родимо́й сестрой.
Ишьче сильной-отъ хвастатъ своей силою.
А одинъ сидитъ Данило да сынъ Игнатьевичъ,
Онъ не пьётъ сидитъ, не ѣстъ, печёмъ не хвастаётъ,
Опизя онъ сидитъ удалую голову,
Потупя онъ сидитъ да очи ясныя.
Воспрого́воритъ Владимеръ стольно-кіевской:
„Ужъ ты Ной еси, Данило сынъ Игнатьевичъ!
Ужъ ты што же не пьёшь, не ѣшь, не хвастаёшь?
Иль въ пиру тебѣ мѣсто не по отчинѣ,
Иль въ пиру тебя чарою прію́бнесьли,
Иль какой дуракъ-невѣжа натьсмѣхаитце?“
Воспрого́воритъ Данило сынъ Игнатьевичъ:
— Ужъ ты солнышко-Владимеръ стольно-кіевской!
Благослови-тко ты Даниlу слово вымолвить
Ты бесъ той-ли бесъ сылочки да безъ дальныя,
Ты бесъ той-ли мнѣ казени бе-смёртныя,
И бесь тѣхъ-ли столбо́въ да безъ высокіихъ
И бесь тѣхъ-ли ремней бесъ сыромятныихъ. —
Да говори ты, Данило, что ти́би́ надобно,
Ты бесъ той-ли бесъ сылочки безъ дальныя,
Ты бесъ той-ли бисъ казени бисьмёртныя,
Ты бесь тѣхъ-ли столбовъ да безъ высокіихъ,
Ты бесь тѣхъ-ли ремней да сыромятныихъ“
— Я задумалъ теперь скинуть платьё цвѣтноё,
Я задумалъ одѣтце въ платьё чёрноё.
Ищьче въ чёрноё платьицо спасёноё. —
Воспрого́воритъ Владимеръ стольно-кіевской:
„Ужъ ты Ной еси, Данило сынъ Игнатьевичъ!
На ково же ты бросаешь ты сьвятую Русь,
Ищьче хто у насъ останитце зашчитою,
Граду Кіеву будетъ оборо́ною?“
— Ужъ ты ой оси, Владимеръ стольно-кіевской!
Што останетце у мия есь чадо милоё,
Ишше на́ имя Михайло-свѣтъ Даниловичъ.
У мия можотъ Михайлушко конёмъ владать,

Онъ конёмъ можотъ владать да копьёмъ шу́рмова́ть [1]).
Дакъ постоитъ мой Михайло зашчитою
И за Кіевъ онъ градъ да обороною,
И за всю онъ за матушку сьвятую Русь.—
Воспрого́воритъ Владимеръ стольно-кіевской:
„Ты поди же, Данило, въ келью тёмную,
Ты во тёмную келію спасёную".
Тутъ приходилъ Данило сынъ Игнатьёвичь
Со чесна́ пиру́ отъ князя отъ Владимера.
Призываетъ своего онъ чада милого,
Ишьше на́ имя Михайла Даниловича:
„Ужъ ты ho̓й еси, Михайло да сынъ Даниловичъ!
Я накину на тибя типере служобку,
Ужъ я служобку накину немалую,
Я немалую служобку да великую:
Будь зашчитой всему-ту граду Кіеву,
Обороной постой да за сьвятую Русь.
Ты ужъ можошь теперь конёмъ владать,
Ты конёмъ можошь владать да копьёмъ шу́рмовать.
Я даю́ тебѣ коня да бoh̓атырсково,
Я даю́ тебѣ палицу тяжолую,
Я даю́ тебѣ копьё да долгомёрноё,
Я даю́ тебѣ трубку долговидную,
Я даю́ тебѣ всѣ досьпѣхи боh̓атырскія.
Накажу я тебѣ, да чадо милоё:
Ужъ ты выѣдёшь на гору на высокую,
Посмотри тогда въ трубку долговидную;
Тутъ увидишь ты силушку несьмётную,
Ты несьмётную силушку, несьчотную;—
Не заѣжжай ты, Михайло сынъ Даниловичъ,
Не заѣжжай во серёдку силы-матицы [2]),
Ужъ ты бей-то силу-ту со строчками [3]),
Оставляй силу наволо́чками [4]).
Ужъ ты дай копю отдо́ху хоть на суточки;
Ты на суточки не дашь, дай на полсуточокъ,
На полсуточокъ не дашь, да хоть на три часа.
Есьли не дашь, тотары-улановя,
Онѣ мурзы-палачи да немило́сьливы
Подкопаютъ онѣ по́дкопы глубокія,
Нѣ уронятъ тебя въ по́дкопы глубокія
И одѣпуть вериги тебѣ тяжолыя".
И не видѣли Михайла одѣваючись,
Только видѣли его да поѣжжаючи:
Во чисто́мъ-то полѣ да дымъ столбомъ стоитъ,
Изъ жолты́хъ-ли песковъ да куревá летитъ.
Ужъ онъ выѣхалъ на го́ру на высокую,
Онъ попробовалъ своей да могуто́й силы:
Онъ выкидывалъ палицу тяжолую;
Ишьче падала палица не на́ воду,
Што не на́ воду падала, не на́ землю,
Ишше падала Михайлу въ буйну голову;—
А сидитъ тутъ Михайло, не росьмѣхнитце,
А желты́ кудри ево да не ростря́нутце.
Да кидалъ-бросалъ Михайлушко въ другой паконъ;
А всё падала палица не на́ воду,
Што ни на воду падала, ни на землю,
Ишче падала Михайлу въ буйну голову;
А сидитъ всё Михайло, не усьмѣхнитце,
А желты́я кудри не ростря́хнутце.
Да посмо́трѣлъ онъ въ свою трубку долговидную
Онъ на эту-ли силушку несьмётную,
Онъ на сьмётную силушку, бисчотную.
Подьѣжаётъ Михайлушко къ чисту́ полю,
Заѣжжаётъ во серёдку силы-матицы,
Ишше на́чалъ Михайлушко розмахивать
Ужъ онъ эту всю силушку да невёрную:
Въ одну сторонумахнётъ—дакъ цѣла улиця,
Въ другу сторону махнётъ — дакъ переулочки.
Тутъ и билсэ Михайло ровно три онъ дня,
Ровно три дня онъ билсэ, ровно три ночи.
Ай усталъ у Михайла его доброй конь,
Воспрого́воритъ онъ голосомъ человѣческимъ:
„Ужъ ты ho̓й еси, Михайло сынъ Даниловичъ!
Ишче младый ты воинъ, несьмётливой!
Ужъ ты дай мнѣ отдо́ху хоть на суточки;
Ты на суточки не дашь, хоть на полсуточокъ".
Воспрого́воритъ Михайло сынъ Даниловичъ:
— Я не далъ тебѣ отдо́ху на еди́ной часъ.—

[1]) Ударять, бросать. *Собир.*
[2]) Матица—главная, основная часть. *Собир.*
[3]) Со сроками, съ передышками. *Собир.*
[4]) Наволо́къ—мысъ. *Собир.*

Воспрогóворитъ ему конь да во другой наконъ:
„Ужъ ты Ѣой еси, Михайло сынъ Даниловичъ! [1])
Запылились глаза пылью-ту,
Запеклись мои уста кровью татарскою.
Ужъ ты Ѣой еси, Михайло сынъ Даниловичъ!
Есь подкóпаны три пóдкопа глубокія.
Ужъ я первой-отъ пóдкопъ перéскочу,
А другого-то подкопа не дóскочу,
А ишче въ третій-отъ пóдкопъ уроню тебя".
Ни послушалсэ Михайло Даниловичь.
Ужъ онъ билъ добра-коня да по крутымъ бедрáмъ,
Онъ пришпаривалъ коня да во всю силочку.
Ище первой-отъ пóдкопъ пирéскочилъ,
А другого онъ подкопа не дóскочилъ,
Ище въ третій-отъ подкопъ уронилъ ево,
Ище самъ побѣжалъ да ёго доброй конь,
Побѣжалъ онъ по лѣсамъ да по дремучімъ,
Онъ по мхамъ бѣжалъ болотамъ по дыбýчімъ [2]),
Онъ по тѣмъ бѣжалъ горамъ да по высокімъ,
Прибѣжалъ онъ къ Данилу къ Игнатьевичу,
Ужъ онъ къ той-ли вѣдь келіи къ спасёныя,
Онъ копытомъ забилъ да въ мать сырý землю,
Шчобы вышолъ догадалсэ ёго батюшко.
Воспрогóворитъ Данило сынъ Игнатьёвичъ:
„Вѣрно, есь во чистóмъ полѣ несчастіе:
Есь побито моё да чадо милоё,
Не побито оно, вѣрно, изранено!" [3])
Ай упалъ когда Михайло сынъ Даниловичъ
Онъ во тѣ-ли во пóдкопы глубокія,
Подбѣжали тутъ татаровя-улановя,
Ишше мурзы, палачи да немилóсьливы,
Подхватили Михайла за бѣлы́ руки,
Одѣвали вериги тяжолыя
На его-ли боѢатырски могучи́ плечи;
Повели онѣ Михайла на сьмёртну казынь,
И хотятъ отрубить да по-плечь голову.
Воспрогóворитъ Михайло сынъ Даниловичъ:
„Ужъ вы Ѣой есь, палачи да немилóсьливы,
Немилосьливыя вы пежалóсьливы!
Вы сьнимите вериги-тѣ тежолыя,
По-добру вы не рубите мнѣ буйну голову".
Ай ни слушаютъ татары Михайлушка,
Всё ведутъ ево поганыя на смёртну казынь.
Да скрычалъ-зычалъ Михайло во всю голову,
Во всю силочку скрычалъ онъ боѢатырскую:
„Отпусьтите, татаровя-улановя,
Ужъ вы мурзы, палачи да немилóсьливы,
Немилóсьливыя да нежалóсьливы!"
Тутъ тряхнулъ-ли Михайло могучмы плечми,—
И свалились вериги тяжолыя.
Онъ схватилъ тутъ татарина за рёзвы ноги,
Тутъ онъ началъ татариномъ помахивать,
Онъ махалъ-ли во всѣ четыре стороны:
„Ишше жиловалъ тотаринъ, не сóрвитце,
Голова на его жплахъ всё дёржитце!"
Онъ далёшенькимъ-далёко въ чистóмъ полѣ
Онъ замѣтилъ тотарина не битого,
Онъ не битого тотарина, не ранена:
Подьвигаитце тотаринъ скорёшенько,
За собой онъ тянётъ дьнишшо карабельноё,
Ишше нáлито въ нёмъ да ключевой воды,
Ключевой-ли воды, воды холодныя;
Розьбираетъ онъ тѣла да всѣ изьбитыя,
Онъ полошшотъ ихъ въ днишшѣ карабельноёмъ.
Подбѣгаётъ Михайло сынъ Даниловичъ
Ишше къ етому самому татарину,
Онъ хватаетъ его да за бѣлы́ руки,
Ишше хочитъ ёго бросить о сыру землю [1]).
Бросилъ его отецъ на сыру землю.
У Михайлы выкатилсэ чудёшной крестъ [2]).

---

[1]) „Онъ не замогъ дѣлать какихъ-то прыжковъ чересъ трупы-ти".

[2]) Дыбáть—качать, трясти. *Собир.*

[3]) „Конь росказывалъ, что „не давалъ онъ мнѣ отдоху на суточки, не давалъ мнѣ онъ отдоху не на полсуточокъ"".

[1]) „Отецъ его бросилъ, въ крови тотъ и другой; у отца тоже коня отбили".

[2]) „Пригодилсэ крестъ на груди, которымъ напослѣдкахъ отецъ его благословилъ".

Онъ подня́лъ его да за бѣлы́ руки,
Цѣловалъ его во сахарны уста:
„Не послушалъ ты родительского наказаньица!“

№ 31.

Михайло Даниловичъ.

Какъ во славномъ градѣ стольнѣ Кіеви
Ай у ласкова князя у Владимера
Заципалсэ столъ, столъ, поцесёнъ пиръ
Що на тѣхъ князей боярскіихъ,
Ай на тѣхъ поленицъ [1]) да на удалыихъ.
Кэкъ спрогóворитъ Данило сынъ Игнатьевиць:
„Ужъ ты солнышко Владимеръ стольнекіевськой!
Благослови мнѣ да слово молвити,
Слово молвити да рѣць говорити
Ай бесъ той-ли мнѣ-ка бесъ сабельки безъ вострыя,
Ай бесъ той-ли мнѣ петелки шелковыя“.
— Говори, Данило, що тѣ надобно!—
Говоритъ Данило таковы рѣци:
„У мня смолоду было бито, было граблено,
Ай подъ старость мнѣ хоцетце душа спасьти“.
Дакъ спроговоритъ Владимеръ стольнекіевськой:
— Нѣтъ прошеньица тебѣ, благословленьица.—
Ай спроговоритъ Данило сынъ Игнатьёвиць:
„У мня есь парнишоцько немаленькой,
Ой немаленькой парнишко, лѣтъ двѣнацати“.
Ай уѣхалъ Данило сынъ Игнатьёвиць.
Ай приходитъ собака Ка́линъ царь.
Нагонилъ собака силы мно́жесво.
Какъ не можотъ пропёкать да сонцё красноё,
Ай не могутъ продувать да вѣтры буйныя.
Какъ поѣхалъ Владимеръ стольне-кіевськой
Со своёй Опраксіёй королевисьнёй
Нѣ въ Божью цѣркóвь да помолитисе;
Ай играютъ реботишецька на улици.
Ай одинъ парнишоцько поболѣ всѣхъ:
Онъ кого ухватитъ за руку, рука летитъ;
Онъ кого какъ за ногу, нога летитъ;
Ай кого онъ за головку, въ сторопы лёжитъ.
Оны брали ёго да за бѣлы́ руки,
Цёловали ёго да въ бу́йну голову,
Оны спрашивали у ёго:
„Ты цьёго роду́ да цьего́ племени?“
—Ужъ я батюшка Данила Игнатьевиця,
Ише я Михайло сынъ Даниловиць.—
Только видѣли Михайла наряжаюц(ч)ись,
Какъ не видѣли Михайла поѣжаю(ч)цись.
Приворациватъ въ пустыню онъ къ родителю,
Ише на имя Данило сынъ Игнатьёвиць.
Говоритъ ёму Данило сынъ Игнатьёвиць:
Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Даниловиць!
Ты пріѣдёшь на гору на высокую,
Тутъ стоитъ собака силой Ка́линъ-царь,—
Не заѣжай въ серёдку-силу-матицю [1]):
Ай въ серёдки силушка ядрёная,
Ай ядрёна силушка, смудрёная.
Ужъ ты бей всё силушку по крайцинкамъ“.
Онъ заѣхалъ на гору на высокую,
Гдѣ стоитъ собака силой Ка́линъ-царь,
Заѣжаётъ въ серёдку-силу-матицю.
Ужъ онъ ѣздилъ да рубилъ да трои суточьки.
Говоритъ Михайлу ёго доброй конь:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Даниловиць!
Ужъ ты дай одыху на три цясà“.
Ужъ онъ билъ коня да по тучнымъ бедрà́мъ:
— Што ты волцья сыть, травяной мѣшокъ!
Ушъ ты развѣ по цисту полю не хаживалъ,
По тотарьцькой крови ты не браживалъ?—
Опять ѣздилъ да рубилъ да трои суточьки.
Говоритъ ёму конь да во другой наконъ:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Даниловиць!

[1]) Поляница—богатырша. *Собир.*

[1]) Ма́тица—главная, основная часть. *Собир.*

Ужъ ты дай мнѣ-ка оддыху на два цяса".
Ужъ онъ билъ коня да по туцьнымъ бёдрамъ:
— Що ты волцья сыть, да травяной мѣшокъ!
Ужъ ты равзѣ по цисту полю не хаживалъ,
По тотарьцькой крови ты не браживалъ?—
Опять ѣздилъ да рубилъ да трои сутоцьки;
Незамогъ пробродить по тѣламъ тотарьцкіимъ.
Ай спрогóворитъ Михайлу ёго доброй конь:
„Ужъ ты дай мнѣ здоху на единой ц(ч)асъ.
Ай не дашь мнѣ здоху на единой цясъ —
Уроню тебя во подкопы глубокія".
Ушъ онъ бьетъ коня да по тучнымъ бедрамъ:
— Що ты волцья сыть, да травяной мѣшокъ!
Ушъ ты равзѣ по цисту полю не хаживалъ,
По тотарьцькой крови ты не браживалъ?—
Опять ѣздилъ и рубилъ да трои сутоцьки.
Унёсъ Михайла ёго доброй конь,
Ужъ онъ бросилъ ёго въ подкопы глубокія.
Тутъ схватили, поймали удáла дóбра мóлоца.
Какъ сковали ёго да руки бѣлыя,
И связали ёго да ноги рѣзвыя,
Положили арканы на бѣлу́ шею,
Привели его да къ царю Кàлину.
Говоритъ ёму собака да вѣдь Калинъ царь:
„Ужъ ты гой еси, удáлой дóброй молодець!
Ты служи-тко-се мнѣ вѣрой правдою".
Говоритъ Михайло сынъ Даниловиць:
— Кабы спала у мня петелка шелковая,
Кабы спали желѣза у мня съ рукъ и съ ногъ,
Сослужилъ бы я тебѣ да вѣрой-правдою
По твоей по шеѣ саблей вострою.—
Говоритъ царь да во другóй наконъ:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Даниловиць!
Ай служи ты мнѣ да вѣрой-правдою".
Говоритъ Михайло во другой наконъ:
— Кабы спали желѣза у мня съ рукъ и съ ногъ,
Кабы спала петелка шелковая,
Дакъ сослужилъ бы я тебѣ да вѣрой-правдою
По твоёй бы я по шеѣ саблёй вострою.—
Прилетѣла къ нёму птицька на право плецё,
Говоритъ ёму да таковы рѣци:
„Ростенись-ко ты, Михайло сынъ Даниловиць,
Дакъ спадутъ у тя желѣза съ рукъ и съ ногъ".
Ростянулсэ тутъ Михайло сынъ Даниловиць,
Ужъ какъ спали желѣза съ ёго рукъ и съ ногъ,
Ужъ какъ спала петелка шелкóвая.
Ухватилсэ Михайло за саблю вострую,
Онъ срубилъ ёго да по плець голову.
Ише ѣздилъ да рубилъ да трои сутоцьки,
Онъ избилъ силу всё тотарьцькую.
Ай поѣхалъ Михайло на свою родину,—
Ай какъ ходитъ, видитъ, старо Базыково,
Онъ волоцитъ днищо карабéльнёё,
Омывать онъ тѣла да всё тотарьцькія.
Ай спроговоритъ Михайло сынъ Даниловиць:
„Ай каково тутъ, староё Базыково,
Ты волоцишь днищо корабельнёё,
Омываешь тѣла да всё тотарьцькія?"
Ай спроговоритъ староё Базыково:
— Ише я есь Данило сынъ Игнатьёвиць,
А ишу я своёго да цяда милого
Ише на́ имя Михайла-та Даниловиця.—
Ужъ онъ бралъ у ёго днищо во праву руку,
Розмахалъ взялъ, бросилъ за Дунай-рѣку,
Припадалъ Михайло ко ёго рѣзвымъ погамъ:
„Ты просьти вины да виноватого,
Што назвалъ тибя старымъ Базыковымъ!"

№ 32.

Михайло Даниловичъ.

Былъ жилъ Данило Игнатьёвиць.
Онъ пошолъ за тѣ да моря дальнія,
Онъ пошолъ на тѣ да воды тёплыя,
Онъ пошолъ во келейки спасёныя.

Какъ прошла эта вѣстоцька по всѣмъ землямъ,
Какъ по всѣмъ землямъ да по всѣмъ городамъ,—
Какъ не стало въ городи надѣюшки [1]),
Какъ не стало обороны великія:
Только былъ одинъ Данило Игнатьёвиць,
Онъ ушелъ за тѣ моря дальнія,
Онъ на тѣ на воды тёплыя;—
Подымался собака ишше Калинъ царь.
Онъ и бралъ ишше сорокъ царей да со царевицёмъ,
Ишше сорокъ королей да съ королевицёмъ;
Какъ у кажного царя да у царевиця,
Какъ у кажного короля да королевиця
По сорокъ тысёць да мелкой силы вѣдь.
Подошолъ собака подъ славной Кіевъ градъ,
Розоставливалъ бѣлой шатёръ полотьняной.
Посылаётъ своёго посла любимого,
Ишше самъ онъ послу свому наказывать:
„Ты не двёремы поѣжжай да не воротамы,
Ужъ ты прямо скоци черезъ стѣну городовую;
Ты не бей цёломъ да ты не кланейсе.
Ты меци записку на дубовой столъ,
Ишше самъ говори да таковы рѣци:
Ужъ ты здраствуй, руськой кобель, собаки братъ,
Отворей-ко ты ворота широкія,
Ты росьтеливай сукна ты дороги,
Направлей-ко кушанья да рознолицьного,
Шчобы нашому царю-собаки Ка(л)пину
Со своей было арьміей попить, поись».
Тутъ какъ солнышко да испугаитце,
Какъ Владимеръ-князь да запечалилсо.
Ишше хоцётъ отвореть ворота широкія,
Да росьтеливать сукна дороги,
Розоставливать столы да бѣлодубовы,
Направлеть вѣдь кушанья да рознолицного.
Приходила царица благовѣрная,
Ишше та-ли Опракса королевичьна,
Говорила она да таковы рѣци:
„Ужъ вамъ полно умирать да впереди смерьти!
Вы крѣпите-ко ворота крѣпко-на-крѣпко,
Ужъ вы пойте-ко, служите во Божьёй церьквы.

[1]) Надѣя—надежда, опора. *Собир.*

Вы тому-ли Спасу прецистому,
Божьёй матери прецистой Богородици“.
Закрѣпили ворота крѣпко-на-крѣпко,
Какъ пошли они служить во Божьёй церьквы да трои сутоцьки,
Не пиваюцись служили да не ѣдаюцись.
Какъ пошолъ тутъ солнышко да изъ Божьёй церьквы,
Какъ настрѣту удалой доброй молодець.
Онъ проводитъ своёйда правой ножоцькой—
Вѣдь какъ скацютъ искорки булатныя.
Туть какъ солнышко да испугаитце,
Какъ Владимеръ-князь да запечалилсэ:
Ишше думатъ, идётъ да непріятель-отъ.
Ужъ онъ самъ говорилъ да таковы рѣци:
„Ужъ ты здрасвуй-ко, удалой доброй молодець!
Ты коёй земли да ты коёй орды,
Ты которого отца, которой матушки?“
Говорилъ удалой доброй молодець:
— Тебѣ полно, солнышко, да надсьмѣхатисе!—
Говорилъ тутъ солнышко второй наконъ,
Говорилъ тутъ солнышко въ третёй наконъ.
— Тебѣ полно, солнышко, да надсьмѣхатисе!
Ужъ какъ я-то есь города російського,
Отца-матери Данила Игнатьёвиця,
Ишше на имя Михайло Даниловиць.—
Ужъ онъ бралъ молодца да за бѣлы руки,
Уводилъ въ полаты бѣлокамяны,
Ишше самъ говорилъ да таковы рѣци:
„Ужъ ты Ной еси, Михайлушко Даниловиць!
Послужи-тко ты да вѣрой-правдую,
Послужи-тко-се за вѣру христеяньцькую,
Ты ещё послужи за Божьи церьквы,
Да тому Спасу прецистому,
Божьёй матери, прецистой Богородици“.
— Я пойду за тѣ моря за дальнія,
Я пойду на тѣ воды на тёплыя,
Я просить у батюшка благословленьиця.—
Онъ пошолъ за тѣ же моря дальнія,
Онъ пошолъ на тѣ воды на тёплыя,
Онъ просилъ у батюшка благословленьиця
Ишше ѣхать битьце съ непріятелёмъ.
Благословлялъ ёго батюшко родимыя,
Онъ давалъ ёму соловьюшка на головушку,
Ясна сокола давалъ да на право плецё,

Бѣла крецята да на лѣво́ плецё.
Какъ поѣхалъ Михайло Даниловиць,
Онъ рубилъ какъ силу трои сутоцьки,
Рубилъ да не пиваюцись,
Не пиваюцись рубилъ да не ѣдаюцись,
Какъ добру коню отдо́ху да не даваюци.
Тутъ спрого́воритъ соло́вьюшко да на головушки,
Вотъ есёнъ соколъ да на право́мъ плеци,
Бѣлъ-отъ крецятъ да на лѣво́мъ плеци:
„Ужъ ты Ной еси, Михайлушко Даниловиць!
Ужъ ты дай-ко-се отдо́хъ-отъ ко́ню доброму“.
Не завидялъ — скакать да чересъ тулова тотарьскія;
Запецятались у ёго оци ясныя.
Онъ спушшалъ своёго да коня доброго.
Онъ ходилъ-гулялъ ёго доброй конь да трои сутоцьки,
Онъ съ того пришелъ хозяину.
Онъ нацялъ рубить силу тотарьскую,
Трои суто́цьки рубилъ да не пиваюцись.
Какъ и были накопаны по́дкопы глубокія.
Ужъ онъ перьвой по́дкопъ пере́скоцилъ,
Ужъ онъ другой по́дкопъ пере́скоцилъ,
Ужъ онъ въ тре́тей уронилъ Михайлушка Даниловиця.
Набѣжали тотаровя поганыя,
Ишше тѣ-ли палаци да немило́сьливы,
Какъ опу́тали въ путани шолковыя,
Какъ сковали въ желѣза ворзомецькія[1]),
Повели ёго да къ цярю Калину.
Говорилъ ёму да ишше Калинъ-цярь:
„Ужъ ты Ной еси, уда́лой доброй молодець!
Ужъ ты какъ служилъ да царю бѣлому,
Ишше такъ мнѣ послужи да царю Каину“.
Какъ говорилъ Михайлушко Даниловиць:
— Кабы былъ я теперь на вольнёй волюшки,
Я сидѣлъ бы у тебя да на бѣлыхъ грудяхъ,
Я поролъ бы твои да груди бѣлыя,
Я смотрѣлъ бы твоё да ретиво́ серьцё.—
Повезьли ёго на смёртну казенъ-отъ.
Тутъ проговоритъ соловъюшко да на головушки,
Младъ есёнъ соко́лъ да на правомъ плеци:
„Ужъ ты Ной еси, Михайлушко Даниловиць
Ты росьтепи-ко свои да ножки рѣзвыя,
Приросправь-ко свои да руцьки бѣлыя,—
Какъ спадутъ съ тебя да пу́тани шолковыя“.
Росьтянулъ свои да ножки рѣзвыя,
Онъ росправилъ свои да руцьки бѣлыя,—
Всѣ скатились путани шолко́выя.
Откуль взялсэ-проявилсэ его доброй конь
Онъ со всею со збруей богатырьцькою.
Какъ поѣхалъ Михайлушко Даниловиць,
Какъ увидялъ въ цисто́мъ поли да родна батюшка.
Какъ нашолъ ёго батюшко колокольню-ту[1]).
Смотрѣлъ своёго да цяда милого,
Онъ не мокъ ёго увидѣть во ту́ пору.
Какъ хватилъ онъ днищо карабельнёё,
Ужъ онъ налилъ клюцёво́й воды,
Ужъ онъ ходитъ моётъ ту́лова тотарьцькія,
Ужъ какъ ишшотъ своёго да цяда милого.
Ужъ какъ ѣдётъ Михайлушко Даниловиць.
Онъ хватилъ везишшо сорока пудовъ,
Ишше сьвисьнётъ, падётъ ему по шляпоцьки.
Говорилъ Михайлушко да таковы рѣци:
„Шьчо ты ѣзьдишь, уродишшо, по полю уродуёшь?“
— Ужъ я думалъ, дитятко, тебя живаго нѣтъ.—[2]).

№ 33.

Туры и турица.

„Ужъ вы туры, да малы дѣтоцьки!
Ужъ вы гдѣ были, туры, да кого видѣли?“
— Ужъ мы были, туры, да на синёмъ на морі́,
Ужъ мы видѣли, туры, башню новую,
Ужъ мы видѣли стѣну да городовую.
Выходила тамъ дѣвиця-душа красная,
Выносила она книгу Еванделіё,
Хоронила она книгу во сыру землю,
Она плакала надъ книгой, уливаласе:

---

[1]) Мурзамецкія, мурзинскія. *Собир.*

[1]) „Положилъ на голову колоколъ“.

[2]) „Отець пошолъ въ келью опеть молитьце, а онъ пошолъ домой“.

„Не бывать тебѣ, книга, на святой Руси,
Не видать тебѣ, книга, свѣту бѣлого!“—
Какъ спроговоритъ турамъ да родна матушка:
„Ужъ вы туры, да туры, да малы дѣтоцьки!
Тамъ не башня стояла не новая,
Не стѣна-ли тамъ стояла городовая,
Не дѣвица выходила душа красная,
Дакъ не книжку выносила Еванделіё:
Тамъ стояла церковь соборная;
Кругомъ церьквы стѣна бѣлокаменная.
Выходила запрестольня Богородица,
Выносила она вѣру христіяньскую,
Хоронила она вѣру во сыру землю,
Она плакала надъ вѣрой, уливаласе:
„Не бывать тибѣ, вѣра, на святой Руси,
Не видать тибѣ, вѣра, свѣту бѣлого,
Тѣ не утренёй зари, да не вечерніе!““

№ 34.

Туры и турица.

„Туры, вы туры, да малы дѣтоцьки!
Ужъ вы гдѣ, туры, были, кого видѣли?“
— Ужъ мы были, туры, на сьвятой Руси,
Ужъ мы видяли, туры, башню новую,
Башню новую, сьтѣну да городовую;
Ужъ мы видѣли дѣвицю-душу красную:
Выходила тамъ дѣвиця-душа красная,
Выносила она книгу Иваньгельё,
Она плакала надъ книгой, уливаласе,
Шчо сама она ко книги приговаривала:
„Не бывать тебѣ, книга, на сьвятой Руси,
Не видать тебѣ, книга, сьвѣту бѣлого,
Не утрянёй зори, да не вецерьныя,
Шчо не сьвѣтлого Христова воскресенья!—
Воспроговоритъ турамъ родна матушка:
„Ужъ вы туры, вы туры, да малы дѣтоцьки!
Тамъ не башня стоитъ, да башня новая,
Не сьтѣна-та тамъ стоитъ да городовая,
Не дѣвица выходила душа красная;
Тамъ стоитъ есь ограда бѣлокаменная,
Тамъ стоитъ есь церьковь соборная.
Выходила да престольня Богородица,
Выносила она вѣру христіяньскую,
Она плакала надъ вѣрой, уливаласе,
Шчо сама-ли она къ вѣры приговаривала:
„Не бывать тебѣ, вѣра, на сьвятой Руси,
Не видать тебѣ, вѣра, сьвѣту бѣлого,
Зори, утреной зори, не вецёрнія,
Шчо не сьвѣтлого Христова воскресенія!““

№ 35.

Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ).

Заставлеетъ-то дедюшка племенничка женитисе:
„Тѣ пора, пора, племенничекъ, жинитисе,
Тебѣ полно холостому волочитисе!“
И отвѣтъ держитъ племенничекъ дедюшкѣ:
— Мнѣ не честь-хвала молодецькая,
Мнѣ не выслуга богатырьская
Мнѣ безрука взять—самому дѣлать,
Мнѣ безнога взять—на пеци сидѣть.
Мнѣ не честь-хвала молодецькая,
Мнѣ не выслуга богатырьская!—
И не видѣли мо́лоця сряжающись,
Только видѣли уда́лого поѣдуцись.
Исъ циста-то поля куревá пошла,
Изъ желта песку только дымъ столбомъ.
И поѣхалъ удалой за три города,
За три города за три мѣрные [1]).
Пріѣжалъ онъ къ Митреяну Митреяновичу.
Онъ металъ коня-то непривязана,
Насыпалъ пшеницы бѣлояровой.
Онъ по лисницямъ идётъ—
Да подъ нимъ лисница изгибаласе;
Онъ по сѣницькамъ идётъ, да сѣни дыблютце,
Сѣни дыблютце, повы колыблютце.
Отворялъ полату, двери на́-пяту [1]),
Запиралъ полату крѣпко-на-крѣпко.
Ужъ онъ кресъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по уцёному,

---

[1]) „Мѣрный“—эпитетъ версты, поприща. Здѣсь, вѣроятно, разумѣются опредѣленныя разстоянія между городами. *Собир.*

[1]) Настежь. *Собир.*

Онъ молитовку творитъ да Исусову.
Говорилъ Митреянъ сынъ Митреяновичъ:
„Ужъ не воръ ли пришёлъ-отъ, ни розбойникъ ли,
То не сбѣглой ли салдатъ государёвой?“
И отвѣтъ держалъ удáлой доброй молодець:
— Я пришолъ удалой доброй молодець,
Ужъ я сильнёй руською бóгатырь,
Я объ томъ пришолъ объ добромъ дѣли, о сватосьви.
Ужъ и есь ли у васъ Настасья Митреяновна?—
„У насъ нѣту Настасьи Митреяновны:
И засватана Настасья за Идолишша,
За великого и привеликого она поганого.
Сидитъ Настасья за сорóкъ замковъ,
За сорокъ замковъ щурупчатыхъ“.
Не долго удáлой розговаривалъ,
Приломалъ сорокъ замковъ, сорóкъ сурупчатыхъ,
Ужъ онъ бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ Настасью сахарны усты,
Посадилъ Настасью-ту на добрá коня,
Посадилъ Настасью впереди себя,
И поѣхалъ удалой за три города,
За три города да за три мѣрныя.
Оны ѣхали да день до вецёра,
Ише стала застигать ихъ тёмна поцéпька.
Говоритъ Настасья Митреяновна:
„Тѣ пора, пора да со коня сходить,
Тѣ пора, пора да коню здохъ давать!“
Онъ не слушалъ удáлой доброй мóлодець.
Говоритъ Настасья да во второй наконъ:
„Тѣ пора, пора да со коня сходить,
Тѣ пора, пора да кóню здохъ давать!“
Онъ не слушалъ удáлой поединьщицю, да красну дѣвицю.
Говоритъ Настасья во третéй наконъ:
„Тѣ пора, пора да со коня сходить,
Тѣ пора, пора да кóню здохъ давать!“
Ише слушалъ удáлой доброй молодець.
Розоставили шатёръ бѣлой полóтняной,
Оны самы съ ей да спать легли.
Ише ѣдётъ Идóлишшо проклятоё,
Превеликое опо поганоё.
Не доѣхалъ до города за три вёрстоцьки,
Онъ скрыцялъ, зыцялъ да зыцьнымъ голосомъ,
Онъ во всю-ту моготу да всё тотарьцькую:
„Ужъ ты гой есь, Митреянъ сынъ Митреяновиць!
Есь ли у тя Настасья Митреяновна?“
— У меня нѣту Настасьи Митреяновной:
Пріѣжалъ-то удалой доброй молодець,
Ише сильнёй могуцёй руською бóгатырь
Отвѣтъ дёржитъ [1]) удалой доброй молодець
Увозилъ Настасью Митреяновну.—
И поѣхалъ Идолишшо поганоё.
Онъ скрыцялъ зыцялъ зыцьнымъ голосомъ,
Онъ во всю моготу все тотарьскую.
Скрыцялъ Идолишшо во второй наконъ:
„Ужъ ты гой есь, удалой доброй молодець,
Сильнёй могуцёй руською бóгатырь!
Ты отдай мнѣ Настасью Митреяновну.
Не отдашь Настасью Митреяновну,
Я стругомъ то тибя-то возьму выстрожу,
Я изъ рукъ, изъ ногъ жильё вытяну“.
И закрыцялъ Идолишшо въ третéй наконъ:
„Ужъ ты гой есь, удалой доброй молодець,
Сильнёй могуцёй руською богатырь!
Ты отдай мнѣ Настасью Митреяновну;
Не отдашь Настасью Митреяновну,
Я стругомъ-то тибя-то возьму выстрожу,
Я изъ рукъ, изъ ногъ жильё вытяну!“
А какъ руською богатырь ножомъ тыкнулъ въ грудь.
Да и палъ Идолишшо со добра коня.
И поѣхалъ удалой доброй молодець,
Написалъ вѣдь клятву великую:
„Щобы вѣкъ мнѣ не жинитце добру молодцу,
Щобы вѣкъ холостому волочитьце“. [2]).

№ 36.

Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ).

Ише былъ жилъ дедюшка съ племенницькомъ.
Захотѣлосе дедюшки племенницька женитисе:

---

1) Дурно записано Б. А. Богословскимъ.

2) При этомъ пѣвица прибавила, что Настасья заколола сама себя.

„Ужъ ты што долго́, племенницёкъ, не женисьсе,
На кого же ты, племенницёкъ, надѣисьсе?“
Отвѣчаётъ племенницёкъ дедюшки:
— Я малёшенёкъ ноньце́, глупёшенёкъ.
Мнѣ-ка стара нать взеть, да на пеци лёжать;
Мнѣ молода́ будётъ взеть, да всё цюжа корысьть.—
Столько видяли молодця сряжающись,
Не видали удало́го поѣжающись;
Во чисто́мъ-то поли да курева только стоитъ,
Курева-та стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ;
Сухо пеньё тутъ, коре́ньё поломалосе,
Мать сыра земля тутъ потрёсаласе,
Всё спи́ё тутъ море́ всё зволновалосе.
Онъ пріѣхалъ къ полаты къ бѣлокаменной,—
Ай полата зъ боку на́ бокъ покачаласе,
Ставьники́[1]) тутъ въ окошкахъ покосилисе.
Онъ по лѣстовкамъ идётъ, да лѣстоцьки подгибаютце́;
Онъ по сѣницькамъ идётъ, сѣни дыблютце́,
Сѣни дыблютце́, новы́ колыблютце́...

(Дальше пѣвица не знаетъ).

№ 37.

Про Дюка Стёпанова[2]).

Какъ запѣли, заслужили обѣдьню воскресеньскую.
Всѣ князи-то боя́ра-то сметьёмъ[3]) лёжатъ,
Одинъ солнышко Влади́меръ-отъ коцяитце;
Подъ праву-то руку дёржитъ Илья Муромець,
Подъ лѣву руку Добрынюшка Микитиць младъ.
Какъ отпѣли, отслужили обѣдьню воскресеньскую,
Вси ко солнышку на пиръ да собиралисе.
Онѣ вси на пиру напивалисе,
Онѣ вси на чёсномъ да наѣдалисе;
Одинъ Дюкъ-отъ Степановиць не пьётъ, не ѣсъ;
Ужъ онъ мекиши́ ѣсъ, да корки проць кладётъ.
Ай спрогово́ритъ Владимеръ стольнё-кіевськой:
„Ужъ ты гой еси, уда́лой доброй молодець,
Молодой ты бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Що ты мекиши́ ѣшь, да корки проць кладёшь?“
Ай спроговоритъ уда́лой доброй молодець:
— Ужъ солнышко Владимеръ стольнё-кіевськой!
У васъ пецька есь да вѣдь глиняна,
Ай помёлышка у васъ да всё ёловыя,
На помёлышка льютъ воду болотную.
У моёй-то у матушки родимыя
У насъ пецька есь да всё муравлёна,
Ай помёлышка у насъ да всё шелковыя,
На помёлышка льётъ она сладкой мёдъ;
Ай пекёгъ-то моя маменька колацики:
Ай колацикъ-отъ съёшь—другого хочитце,
Ай третьёго-то колацика душа бажи́тъ[1]).
Какъ сидитъ-ли моя маменька родимая
Ай на томъ-ли на стули на бархати,
Ай на томъ-ли на коври на красномъ золоти.
Подведёно подъ сё да красно солнышко,
Подведёно подъ сей да младъ свѣтёлъ мѣсець.—
Тутъ схватили дородня добра молодца,
Посадили во желѣза во булатныя.
Какъ послали два удалыхъ добра молодца.
Ай пошли же удалы добры молодцы
Ай по той-ли по Корелы по богатыя.
Какъ идётъ-то имъ навстрѣту одна женшина;
Онѣ кланелись да до сырой земли:
„Ужъ ты здраствуй-ко, Дюкова матушка!“
Ай спроговоритъ имъ эта женшина:
— Ише я-ли еси не Дюку не матушка,
Ише я ли есь да Дюку портомойница.—
Ужъ какъ стали молодцы и впередъ пошли.
Ай идётъ имъ навстрѣту друга женшина.

---

[1]) Рамы. *Собир.*

[2]) Впослѣдствіи пѣвица прибавила слѣд. начальные стихи старины:

„Благослови-тко миня, солнышко, обѣдню пѣть,
Ише ту-ли мнѣ обѣдню воскресеньскую,
Ише ту-ли Херувимску великую!“

[3]) Сметье—соръ, отребье. *Собир.*

[1]) Бажать—желать, любить. *Собир.*

Онѣ кланелисе да до сырой земли:
„Ужъ зрастуй-ко, Дюкова матушка!“
— Ише я-ли да Дюку мукосѣйница.—
Ужъ какъ стали молодцы и вперёдъ пошли.
Ай навстрѣту идётъ къ имъ красна дѣвица.
Онѣ кланелисе да до сырой земли:
„Ужъ ты здраствуй, красная дѣвица!
Доведи ты насъ до Дюковой матушки“.
Довёла ихъ тутъ и красная дѣвица
Ай до той она до Дюковой матушки.
Оны кланелисе да до сырой земли:
„Ужъ здрастуй-ко, Дюкова матушка,
Ты ц(ч)есна вдова Офимья Тимоѳеёвна!
Тебѣ Дюкъ-отъ Стёпановиць поклонъ послалъ,
Опъ поклонъ тибѣ послалъ да велѣлъ кланетце.
Ай сидитъ-ли твоё дитятко въ поимани,
Ай во тѣхъ-ли въ желѣзахъ во булатныихъ“.
Ай спроговоритъ Офимья Тимоѳеёвна:
— Ай моё-то вѣдь дитятко захвасливо,
Ай захвасливое дитятко, занозливо.
Непустымъ же моё дитятко росхвасталось.—
Ай дала ёму шубоцьку-кошулёцьку[1]),
Ай дала ёму сапожоцьки на ножоцьки,
Ай послала три колацика хорошіихъ.
Ай пошли-то удалы добры молодцы,
Ай по той по Корелы по богатыя;
А пришли онѣ къ Владимеру стольнёкіевську,
Принесли тутъ три колацика хорошіихъ.
Опъ колацикъ-отъ съѣлъ—другого хоц(ч)итце,
Ай третьёго-то колачика душа бажитъ.
Ужъ какъ выпустили удала добра молодца.

Онъ ходилъ, гулялъ по широкимъ сьвѣтлымъ улицямъ,
Ужъ онъ рвалъ-то вѣдь у мальциковъ да буйны головы,
Отрывалъ-то вѣдь у ихъ да руцьки бѣлыя,
Какъ отецъ батюшка на цяда милого да роспрогнѣвалсэ,
Посадилъ ёго да въ тёмну тёмницю.
Какъ ходила-ту къ ёму сёстра родимая,
Какъ носила-ту ёму ѣсву сахарнюю.
Какъ пошла она вѣдь къ брателку да во тюрашеньку[1]),
Какъ носила вѣдь ёму ѣсву сахарнюю,
Ка пріѣхало-то къ ей да три розбойника,
Увезьли какъ эту дѣвушку да они въ свой-отъ домъ,
Заводили-ту[2]) метать да оны жеребьи:
Какъ кому достанитце да красна дѣвица?
Красна дѣвица да она плакала,
За русу косу она хватаетьце,
О кирпишнёй полъ да всё бросаетьцё,
Ко русы косы да приговаривать:
„Ты коса моя, да коса русая,
Коса русая да краса вйтая!
Ты вцяра, коса, была у батюшка,
Какъ у батюшка была, у матушки,
У того ли короля да Карамышова.
Кабы зналъ мой братёлко Козаринъ Петровиць,
Пщэ пё далъ бы вамъ, тотаровямъ, да на порыганьё,
На порыганьё да на потсмѣханьё“.
Тутъ спрогоборилъ тотаринъ всё поганыя:
— Ты не плаць, не плаць, дѣвица, не плаць, душоцька моя!
Заутра будёмъ дуванъ дуванити[3]).
Кабы ты мнѣ-ка, дѣвица, доставаласе,
Розрубилъ бы я тебя на мелки дребески.—
Какъ на то дѣвица не утѣшила.
За русу косу она хватантьце,
О кирпишьнёй полъ она бросантьце,
Ко русой косы да приговаривать:
„Ты коса моя да коса русая,
Коса русая да красовитая!

№ 33.

Козаринъ.

Ужъ какъ жилъ-то былъ вѣдь Пётъ да Карамышовъ-ту.
У ёго-то не было малыхъ дѣтоцёкъ;
Какъ родилсэ у ёго да чядо милоё,
Какъ Козаринъ у ёго всё Петровиць-отъ.

[1]) Кошуля — крытая сукномъ мѣховая шуба. *Собир.*

[1]) „Въ тюрьму“.
[2]) Завели—начали. *Собир.*
[3]) „Жеребей метать“.

Ты вцёра, коса, была у батюшка,
Какъ у батюшка была, у матушки,
У того-ли короля да Карамышова.
Кабы зналъ мой братёлко Козаринъ Петровиць,
Ищэ не далъ бы вамъ, тотаровямъ, да на порыганьё,
На порыганьё да на потсмѣханьё".
Тутъ спрогóворилъ тотаринъ всё поганыя:
— Ты не плаць, не плаць, дѣвиця, не плаць, душоцька моя!
Заутрá будёмъ дуванъ дуванити,
Какъ о тебѣ будёмъ да жеребьи метати мы.
Кабы ты мнѣ-ка, дѣвúця, доставаласе,
Я завёлъ бы на тебя да платьё цьвётное.—
Какъ на то дѣвúця не утѣшилась.
За русý косý она хватаитьцe,
О кирпишьнёй полъ она бросаитьцe,
Ко русóй косы да приговариватъ:
„Ты коса моя да коса русая,
Коса русая да красовитая!
Ты вцёра, коса, была у батюшка,
Какъ у батюшка была, у матушки,
У того-ли короля да Карамышова.
Кабы зналъ мой бретёлко Казаринъ Петровиць,
Ищэ не далъ бы тотарамъ на порыганьё,
На порыганьё да на подсмѣханьё".
Тутъ спрогóворилъ тотаринъ всё поганыя:
— Ты не плаць, не плаць, дѣвиця, не плаць, душоцька моя!
Заутрá будёмъ дуванъ дуванити,
Какъ о тебѣ будёмъ жеребъя метати мы.
Кабы ты мнѣ-ка, дѣвиця, доставаласе,
Ужъ я взялъ бы какъ тебя да за себя замужъ.
Какъ на то дѣвиця не утѣшилась,
За русý косý она хваталасе,
О кирпишьнёй полъ она бросаитьцe,
Какъ ко русóй косы да приговариватъ:
„Ты коса моя, да коса русая,
Коса русая да красовитая!
Ты вцёра, коса, была у батюшка,
Какъ у батюшка была, у матушки,
Какъ у того-ли короля да Карамышова.
Кабы зналъ мой братёлко Козаринъ Петровиць,
Ищэ не далъ бы тотарамъ на порыганьё,
На порыганьё да на потсмѣханьё".
Стоялъ братёлко Козаринъ Петровичь,
Онъ стоялъ у ей да подъ окошецькомъ.
Приходилъ Козаринъ Петровиць онъ вёдь къ имъ вёдь въ домъ,
Онъ срубилъ вёдь у тотаръ да буйны головы,
Ужъ онъ бралъ свою сёстру родимую,
Онъ повёзъ къ Петру къ отцю да Карамышову.
Онъ привёзъ ту сёстру свою родимую
Онъ къ тому Петру да Карамышову:
„Ужъ ты выкупи-ко у меня доцерь любимую,
Ужъ ты выкупи-ко златымъ, сéребромъ".
Тутъ пришолъ къ ему Пётъ Карамышовъ:
— Ты продай-ко мнѣ свою [1]) доцерь любимую!
Ужъ ты гдѣ-ка взялъ её да во тёмныхъ лѣсахъ?—
„Я нашолъ твою вёдь доцерь во тёмныхъ лѣсахъ,
Во тёмныхъ лѣсахъ да у розбойниковъ" [2]).
„Мнѣ не набъ-то твоёго не злата, не циста сéребра,
Я отдамъ тебѣ твою доцерь любимую".

№ 39.

Козаринъ.

Былъ жилъ царь Петръ Скоромысловичь.
И было у царя деветь сыновъ.
Народилсэ у Петра десятой сынъ,
Десятой сынъ Козаринъ-отъ Петровиць-отъ.
Не отець, не мать Козарина да не возлюбили,
Родны братаньици да возненавидёли.
Онѣ хотѣли Козарина конёмъ стоптать,
Онѣ хотѣли Козарина огнёмъ спалить,
Онѣ хотѣли Козарина въ воды топить.

---

[1]) „Свою"—въ смыслѣ „мою". *Собир.*

[2]) Король предложилъ поставить посохъ и обсыпать его золотомъ и серебромъ.

Онѣ отда́ли къ бабушки къ задво́рёнки;
Не велѣли корьмить хлѣбомъ крупищятымъ,
Не велѣли пойть сытной мёдово́й водой.
Не послушала ихъ бабушка задворёнка:
Она корьмила Козарина хлѣбомъ крупищятымъ,
Она поила сытной мёдовой водой.
Ише сталъ тутъ Козаринъ трёхъ годовъ,
Ише сталъ Козаринъ пети-шести годовъ,
И сталъ Козаринъ лѣтъ двѣнацати.
Заходилъ Козаринъ туть по улицы,
Застрѣлялъ онъ стрѣлоцьки калёныя;
Онъ застрѣлилъ бабушки въ околёнко [1]),
Онъ пошолъ за стрѣлоцькой калёныя.
Тутъ взялъ Козаринъ стрѣлоцьку калёную,
Онъ пошолъ къ своёй бабушки задворёнки,
Тутъ сталъ у бабушки выспрашивать:
„У мия есь ли на роду́ да родёнъ батюшко,
У мия есь ли на роду́ да родна матушка?“
Ише тутъ бабушка росплакалась,
Во слёзахъ Козарину да слово молвила:
— Ише гой есн, уда́лой доброй мо́лодець!
У тя есь да на роду́ да родёнъ батюшко,
У тя есь на роду́ да родна матушка:
У тя батюшко Петръ Скоромысловиць. —
Онъ спроговоритъ Козаринъ сынъ Петровиць-отъ:
„Ужъ ты гой есн, моя да мила бабушка!
Ужъ мнѣ дай-ко-се мнѣ блаословленьице
Пойти-сходить къ батюшку коня спросить,
Коня просить да копья вострого“.
И спроговоритъ бабушка родимая:
— Тебя Богъ блаословитъ, цядо милоё!—
Пошолъ тутъ Козаринъ въ полаты бѣлокаменны;
Онъ кресъ кладётъ да пописаному,
Онъ поклонъ ведетъ да поуцёному,
Поклоня свою молоденьку буйну голову:
„Батюшко-родитель мой,
Ише на имя Петръ да Скоромысловичь!
Ужъ ты дай-ко ты мнѣ, батюшко, добра коня,
Ужъ ты дай мнѣ, батюшко, да копья вострого,
Ужъ ты дай мнѣ, батюшко, плётку шолкову“.
И отвѣтъ дёржитъ Петръ царь Скоромысловиць:
— У насъ не было на роду Козарина.
Я даю тебѣ клячу-кобыличу.—
Осѣдлалъ тутъ Козаринъ и добра коня,
Выходилъ онъ на свѣтлую на улицю;
Ужъ онъ сталъ у бабушки просить блаословеньиця
А и ѣхать во далицю въ чисто полё
Себя показа́ть да лю́дей посмотрѣть.
И отвѣтъ дёржитъ Козарину-ту бабушка:
„Тебя Богъ благословитъ, Козаринъ сынъ Петровиць-отъ!“
Какъ поѣхалъ Козаринъ во чисто полё,
Выводилъ кобылицю онъ за городъ,
Онъ садилсэ на клячу на кобыличу,—
У кобылици поги подломилисе.
Загорѣлосе у Козарина да ретиво серцё,
Росходилисе да у Козарина да могуци́ плеця;
Онъ дёрнулъ за хвосъ кобылу, здёрнулъ кожу съ ей.
И глядитъ Козаринъ во чисто полё:
Вдругъ конь бѣжитъ, только земля дрожитъ.
Прибѣжалъ къ Козарину да на колѣна палъ:
„Ужъ ты гой есь, Козаринъ сынъ Петровиць-отъ!
Я тебѣ слуга, стану тебѣ служить“.
Ай садилсэ Козаринъ на добра коня.
А и ѣздилъ Козаринъ три-то мѣсеця;
Не видалъ не коного, ни пѣшого.
Ай поѣхалъ Козаринъ-отъ во Кіевъ градъ.
Какъ завидѣлъ Козаринъ цёрна ворона,
Ай сталъ тутъ у ворона выспрашивать:
„Ужъ ты гой есн, черёнъ воронъ!
Ты откуль летишь, откуль путь дёржишь?
Ты кого видалъ да кого слыхивалъ?“
— Я лецю изъ города изъ Кіёва.
Ужъ я видѣлъ, подъ городомъ стоитъ тамъ три тотарина,
Три тотарина да три поганыя,
Они дѣлъ дѣлять да онѣ пай паять:

---

[1]) Вѣроятно, „въ околёнку“. Око́ленка, око́ненка— оконница, рама со стеклами. *Собир.*

Ай одинъ-отъ пай паятъ да красно золото,
Ай другой-отъ пай паять да чисто серебро,
Ай третёй-отъ пай паять да красну дѣвичу.
А дѣвиця плацётъ какъ рѣка текётъ,
Ише красна возрыдаётъ какъ руцья шумятъ.—
Ай недолго тутъ Козаринъ розговаривалъ,
Ай поѣхалъ Козаринъ да подъ Кіёвъ градъ.
Ай наѣхалъ тутъ на тотаровей.
Проситъ Козаринъ у тотаровей да таковъ-отъ пай;
Не даваютъ Козарину такова паю.
А и проситъ Козаринъ полу́-паю;
Не даваютъ Козарину полу́-паю.
А и проситъ Козаринъ третьёй части;
Не даваютъ Козарину третьёй части.
Ише проситъ Козаринъ красной дѣвичи;
Не даваютъ Козарину да красной дѣвичи.
Тутъ одинъ-отъ тотаринъ спроговоритъ:
„Если ты мнѣ-ка, дѣвичюшка, достанисьсе,
Увезу я тебя да во свою землю,
Во свою землю да во Тотарьскую
И отдамъ тебя замужъ за кресника».
А другой-отъ тотаринъ-отъ спроговоритъ:
„Если ты мнѣ-ка, дѣвичюшка, достанисьсе,
Увезу я тебя да во свою землю,
Во свою землю да во Тотарьскую,
А и стану корьмить мясомъ копинымъ“.
А третёй-отъ тотаринъ-отъ спроговоритъ:
«Если ты мнѣ-ка, дѣвичюшка, достанисьсе,
Отвезу я тебя да во темны лѣса,
Отсѣку у тя да по-плець голову“.
А дѣвиця плацётъ какъ рѣка текётъ,
Ише красна возрыдаётъ какъ ручья шумятъ.
У Козарина серьцё розгорѣлосе,
Могуція плеци росходилисе.
Одного-то взялъ тотарина коньёмъ скололъ,
А другого тотарина конёмъ стопталъ,
Ише третьёго тотарина ножомъ скололъ.
Онъ бралъ дѣвичу за бѣлы руки,
Цёловалъ дѣвичу въ сахарьны уста:
„Скажи-тко-ся, да красна дѣвиця,
Скажи, цьёй земли, скажи, цьёй орды,
Цьёго отьца, цьёй ты матушки?“
Ай спроговоритъ да красна дѣвиця:
—Ужъ ты гой еси, удалой доброй молодець!
А изъ вашего изъ города исъ Кіёва,
А и вашего царя Петра да Скоромысловиця.—
Ише тутъ Козаринъ приросплакалсэ:
„Ужъ ты будь-ка мнѣ сёстра родимая!“
И садилсэ Козаринъ на добра коня,
Ай сестру садилъ да позади себя.
Ой поѣхалъ Козаринъ-отъ во Кіевъ-градъ,
А пріѣхалъ въ полаты бѣлокаменны.
Тутъ Козаринъ сёстры паказывалъ:
„Ты взойдёшь, сёстра, въ полату бѣлокаменну,
Ты своимъ родителямъ серьдесьнимъ,—
Не забыдь миня да на новыхъ сѣняхъ“.
Простоялъ Козаринъ ровно три ц(ч)яса,—
Не спомнила сёстра родимая.
У Козарина серьцё розгорѣлосе,
Могуція плеци росходилисе;
Ужъ онъ кинулъ палицю да по бѣлымъ сѣнямъ.
Съ боку на бокъ полата покачаласе,
Ставники [1]) въ окошкахъ покосилисе,
На столахъ питья, ѣденья поплескалисе;
Ушъ и вспомнила сестра про братёлка.
Выходилъ Козаринъ на красно крыльцё.
Тутъ мётался Петръ царь Скоромысловиць,
Тутъ мётался Петръ по-плець въ окно,
Онъ по-плець въ окно мётался, по поясу;
Говорилъ онъ самъ таковы рѣци:
„Добро жаловать, Козаринъ сынъ Петровиць-отъ,
Ушъ ты къ намъ въ полаты бѣлокаменны
Хлѣба-соль исъ да сладка мёду пить!
Тебѣ будётъ теперь мѣсто у миня въ дворьци».
Ай отвѣтъ дёржитъ Козаринъ-отъ Петровиць-отъ:
—Не повадилсэ [2]) я да во дворьци сидѣть,
А повадилсэ по цисту полю поляковать.—

---

[1]) Рамы. *Собир.*
[2]) Не привыкъ. *Собир.*

№ 40.

Шесть каликъ со каликою.

Ужъ какъ шли-пошли калики прохожáлыя,
Ужъ какъ шесь каликъ пошло да со каликою
Въ Русалимь городъ да вумолитисе,
Во Ердань-рѣки да покупатисе,
Ко Господьню гробу приложитисе.
Положили на себя да таковой законъ:
Ешьли кто украдётъ, кто убъётъ,
Сотворитъ такой-отъ тяшкой блудъ,—
Отпороть у тѣхъ бѣлы-ти бѣлы́ груди,
Вынимать тутъ ретиво́ серцо́ со пецéнью,
Вытегать тутъ рѣцистой езыкъ со тéменью.
Тутъ вѣдь шли-пошли калики прохожалыя,
Оны шесь каликъ пошло да со каликою,
По пути пошли да по дорожоцьки,
Тутъ пастрѣту ѣдётъ князь Владымеръ стольнё-кіевской.
Потихошеньку калики подвигалисе,
Понижошеньку да поклонéлисе,
Ны просили тутъ по гривны красна золота
А на путь себѣ на дорожоцьку;
Понизёшеньку оны да поклонéлисе:
„Вой есп вѣдь князь Владымеръ стольнё-кіевской!
Ужъ ты дай-кось намъ по гривны красна золота.“
Тутъ спрогóворилъ имъ князь Владымеръ стольнё-кіевской:
—Ужъ какъ дѣло-то моё да всё заѣжжоё,
Кáзна собина [1]) вѣдь завозная.
Ужъ вы пóйдите, калики, мимо Кіёвъ-градъ,
Приворац(ч)ивайте вы во Кіёвъ-градъ
Ко Опрáксеи ко королевичьни:
Накорьмитъ-то, напоíтъ она васъ дóсыта,
Надаётъ вамъ золотой казны да сколько надобно.—

Понизёшеньку калики поклонилисе,
Ны въ дорожицьку да вѣдь отправились,
Ко московскыя пошли да славной кіевской.
Ны пришли калики вѣдь во Кіёвъ-градъ
Ко Опраксеи да королевичьни.
На примала тыхъ каликъ да честью-почестью,
Накорьмила, напоила она дóсыта,
Надалá имъ золотой казны да сколько надобно;
Отвела имъ спать да нову горьницю,
Атаманушка звала собѣ во спальницю,
На прельшшала атаманушка на больши́ грѣхи,
На больши́ грѣхи, тяжкóй великой блудъ.
Тутъ сказалъ-то ей да атаманушко:
«Мнѣ никакъ нельзя да вѣдь неможно быть,
Положонъ у насъ да таковой законъ:
Есьли кто украдетъ, да есьли кто убьётъ,
Сотворитъ тяжкóй великой грѣхъ,—
Закопать ёго по поясу въ сыру́ землю,
И пороть ёго да всё бѣлы́ груди,
Вынимать-то рѣцистóй езыкъ со теменью,
Вытегать-то ретиво́ серцо́ со пецéнью.“
Тутъ Опраксія да прогпѣвилась.
На пошла взела вѣдь цяшецьку-ту красна золота,
Положыла къ атаману-ту во сумоцьку.
Заутрá калики подпималисе,
Во дорожоцьку да отправлялисе.
Наредила вслѣдъ слугу да слугу вѣрного,
Запрегла она да лошадь добрую,
Какъ отправила вслѣдъ да за каликамы.
Тутъ насытили каликъ да на дорожичьки:
„Вы зацѣмъ же взели ихну золоту цяшицьку?“
Тутъ нашли у атамана всё во сумоцьки.
Тутъ оны вѣдь брали атамана да за жолты́ кудри,
Тутъ пороли у ёго вѣдь бѣлы́ груди,
Вынимали рѣцистóй языкъ со тéменью,
Вынимали ретиво́ серцо со пецéнью.
Тутъ пошли калики вѣдь во Кіёвъ-градъ,
Ко Господьню гробу да помолилисе.
Тутъ назать пошли да по дорожацьки;

---

[1]) Собина—имущество. *Собир.*

Они клали Идѣ ёго да во сыру землю,
Они вѣдь идутъ, гляжутъ: онъ стоёмъ стоитъ,
Онъ стоёмъ стоитъ да аки цьвѣтъ цьвѣтётъ.

№ 41.

Сорокъ каликъ со каликою.

Собиралось сорокъ каликъ да со каликою
На залёной лугъ да во единой кругъ.
Они клали тутъ вѣдь заповѣдь великую,
Ни великую заповѣдь пималую:
„Ише кто изъ насъ, братія, заворуитця,
Ише кто изъ насъ, братія, заблудуитця,
Ише кто изъ насъ, братія, за блудомъ пойдётъ,—
И того копать да по поясъ въ землю,
О-колѣнъ въ землю ровно по поесу,
Цисъ-рѣцисъ языкъ да тянуть теменью,
Ясны оци вертѣть косицямы“ [1]).
И какъ были каликы вперёдъ пошли,
Ой всѣ суноцьки на плеця исповѣсили
И всѣ клюшоцьки на сунки испотыкали.
Подходили каликы подъ Кіевъ градъ
Становились у полаты у княжеськой,
Попросили милосьтиню Христовую
У того-ли у солнышка Владимера.
Какъ бросалась Опраксея по-плець въ окно,
Королевисьня ровно по поясу,
Говорила сама да таковы слова:
„Добро жаловать, каликы перехожія,
Хлѣба-соли псь да сладка мёду пить!“
Накорьмила каликъ сыто-до-сыта,
Напоила каликъ ихъ вѣдь до-пьяна,
Разложила каликъ да на кроватки спать.
Молодого Тараска ко собѣ брала
И сама ложилась на кроватку спать;
Говорила Опраксея да таковы слова:
„Добро жаловать, Тарасъ, да на кроватку спать!
Сотворимъ со мной да грѣхъ блудной-отъ“.
Ей отвѣтъ дёржитъ Тарасъ да во перьвой наконъ:
— Ужъ ты гой еси, Опраксея да королевисьня!
Не иду я къ тебѣ да на кроватку спать,
Не творю съ тобою грѣха блуднаго.
У насъ кладёна заповѣдь великая:
Ише кто изъ насъ, братія, заворуитце,
Заворуитце, заблудуитце,—
И того копать да по поясъ въ землю,
Цисъ-рѣцисъ языкъ тянуть теменемъ,
Какъ ясны оци вертѣть косицямы.—
А спроговоритъ Опраксея второй наконъ,
А спроговоритъ Опраксея третёй наконъ:
„Добро жаловать, Тараско, на кроватку спать!
Сотворимъ со мной да грѣхъ да блудныя“.
А спроговоритъ Тарасъ ёй во третёй наконъ:
— Я пейду къ тебѣ, Опраксея, да на кроватку спать,
Не творю съ тобой грѣха да блуднаго.
У насъ кладёна заповѣдь великая,
Великая заповѣдь немалая:
Ише кто изъ насъ, братія, заворуитце,
Заворуитце, заблудуитце,—
И того копать да по поясъ въ землю,
Цисъ-рѣцисъ языкъ тянуть теменемъ,
Какъ ясны оци вертѣть косицямы.—
Ише тутъ Опраксеи да за бѣду пало,
И за ту-ли за насмѣшку за великую.
И бѣжала въ столову нову гривницю,
И брала она цяшу княженецькую,
Она клала Тараску-то во суноцьку.
А и были каликы вперёдъ пошли,
А всѣ суноцьки на плеци исповѣсили
И всѣ клюшоцьки на сунки испотыкали,—
Ино (въ) ту пору да на то времецько
Ай наѣхалъ тутъ солнышко Владимеръ князь.
Заискали цяши княженецькія;
Не нашли тутъ цяши княженецькія.
Ай спроговоритъ Опраксея королевисьня:
„Ужъ ты гой еси, солнышко Владимеръ князь!
Начовало у мия сорокъ каликъ да со каликою;
Не унесли ли онѣ цяши княженецькія?“
Посылаютъ за каликамы скоры послы;

[1]) Съ косицами—съ бровями. *Собир.*

Нагонили тутъ каликъ да перехожіихъ,
Обыскали у каликъ вси да сущоцьки
Ай нашли тутъ цяшу княженецькую
У того-ли у Тараска у Естюгина.
Ише вси тутъ калики испужалисе,
Ише вси тутъ калики перепалисе [1]).
Говорили калики таковы рѣци:
„У насъ кладёна заповѣдь великая,
Ай великая заповѣдь да немалая:
Ише кто изъ насъ, братья, заворотце,
Еше кто изъ насъ, братья, заблудуетце,
Ише кто изъ насъ, братья, за блудомъ пойдётъ, —
И того копать да по поясъ въ землю,
Чисъ-рѣцисъ тянуть темененъ,
А и ясны оци вертѣть косицямы".
Тутъ копали Тараска во сыру землю,
Они цисъ-рѣцисъ языкъ тенули теменемъ
И ясны оци вертѣли косицямы.
Ише были калики и вперёдъ пошли,
Заходили калики во святыя градъ,
Во полынь-травы да укаталисе,
Они во Ёрдань-рѣки да искупалисе,
Ко Господню гробу приложилисе;
И пошли калики во Божью церковь.
Онѣ кресъ кладутъ да пописаному,
Онѣ поклонъ вёдутъ да поуцёному,
И молитву творятъ сполна Исусову.
Ай увидѣли—Тараско-то стоитъ на крылосѣ,
Онъ стихи поётъ да херувимськія.
Ише вси тутъ калики испужалисе,
Ише вси тутъ калики перепалисе.
Побѣжали калики всѣ изъ церквы вонъ.

№ 42.

Иванъ Дудоровичъ и Софья Волховична.

Ишше былъ жилъ Иванъ да сынъ Дудоровичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ да по чисту́ полю,
Онъ стрѣлялъ свою стрѣлочку калёную;
Застрѣлилъ свою стрѣлочку въ окошечко
Ищэ къ той-ли къ Софьюшки къ Волхо́вишни.
Ай перьвы́ послы къ Софьи на дворъ пришли:
„Ужъ ты Ной еси, Софьюшка Волхо́вишна!
Ты отдай намъ стрѣлочку калёную
Ишше нашому Иванушку Дудоровичу;
Ты бери себѣ казны, да сколько надобно".
— Мнѣ не надобно вашой золотой казны,
Пущай самъ ко мнѣ придётъ Иванъ Дудоровичъ.—
Что й перьвы́ послы да со двора сошли,
А вторы послы къ ней на дворъ пришли:
„Ужъ ты Ной еси, Софьюшка Волховична!
Ты отдай намъ стрѣлочку калёную
Ишше нашому Ивану ты Дудоровичу;
Ты бери съ него казны, вамъ сколько надобно".
Отвѣчаетъ имъ Софьюшка Волхо́вична:
— Мнѣ не надобно его да золотой казны;
Пущчай самъ ко мнѣ придётъ Иванъ Дудоровичъ—
Я отдамъ тогда ему да калену́ стрѣлу́,
Я бесъ всякой отдамъ да золотой казны.—
Вторы послы да со двора сошли.
Одѣвантце Иванушко скорёшенько:
Ужъ онъ шляпочку кладётъ да на одно ушко,
Ужъ онъ шепель кладётъ да на одно плечо,
Ужъ онъ потходитъ къ терему, къ злату верьху,
Ишше къ тѣмъ-ли полатамъ бѣлокаменнымъ.
Выбѣгаетъ къ нему Софьюшка скорёшенько;
И берётъ она его да за бѣлы́ руки,
И ведётъ она ево да въ нову горьницу,
И садитъ она Ивана за дубовой столъ;
Накорьмила Иванушка вѣдь досыта,
Напоила она его, да она до́ньяна,
Напоила, накорьмила, спать уло́жила.
Что й по компаты Софьюшка похаживать,
Да тихошенько Иванушка побуживать:
„Тебѣ полно спать, Иванъ, да усынатися,
Да пора тебѣ, Иванъ, да пробужатися!
Отслужили часну рану заутреню,
Ишше ту-ли христовску-воскресенскую,
Воскресенскую да возьнесенскую.

[1]) Перепасться—задрожать отъ страха. *Собир.*

Вдругъ идутъ у меня два брата, два царевича,
Идутъ два мла́дыхъ два Ивана два Волховича“.
А Иванушко сьпитъ, ды не пробудитце.
Забудила его Софья во второй наконъ:
„Тебѣ полно спать, Иванъ, да усыпатися,
Да пора тебѣ, Иванъ, да пробужатися!
Отьслужили чесну́ ра́ну́ заутреню,
Ишше ту-ли христовску-воскресенскую,
Воскресенскую да возьнесенскую.
Вдругъ иду́тъ у меня два брата два царевича,
Что й два мла́дыхъ два Ивана два Волховича“.
Тутъ вставаётъ Иванушко скорёшенько;
Ужъ онъ шляпочку поло́жилъ на одно ушко,
Онъ шепель скоро́ накинулъ на одно плечо,
Онъ спушчантце по лѣсьницѣ дубовыя.
Сь нимъ встрѣчаютце два брата два царевича,
Ихъ два мла́дыхъ два Ивана два Волховича:
„Ты чего, соко́лъ, леташь да зьдѣсь об-ля́тываешь,
Ты зачѣмъ зашолъ сюда, Иванъ Дудоровичъ?
Ты женитца хочешь или свататьця
Што й на нашей на Софьюшки Волхо́вични?“
Воспрого́воритъ Иванъ да сынъ Дудоровичъ:
— Да давно у насъ (с) Софьюшкой полажонось.
Мы чудны́ми крестами помянялися,
Злачёны́ми персьнями обручилися.—
Тутъ вѣдь брали ёго братья за бѣлы́ руки,
Што й садили Ивана на добра́ копя,
Увозили Ивана во чисто́ полё,
Отрубили Ивану по плечъ голову;
Онѣ ло́жили на блюдо буйну голову,
Понесьли его къ сестрѣ къ своёй любимыя.
Увидала ихъ Софьюшка Волховична,
Что иду́тъ у ей братья исъ чиста́ по́ля́
И какую-ту несуть да буйну голову;
Она платьицо одѣла воскресенскоё,
А второ она одѣла подвѣнечное.
И встрѣчала два брата два царевича,
Ихъ два мла́дыхъ два Ивана два Волховича:
„Ужъ ты ной еси же, наша родима́ сестра́,
Ужъ ты можешь ли узнать, чья буйна го́лова?“
Воспрого́воритъ Софьюшка Волховична:
— Ужъ вы ной еси, два брата два Волховника,
Вы два мла́дыхъ два Ивана два розбойника!
Вы куды теперь дѣвали тура златорогого,
И туда же турицу златошорстную!—
Ишше тутъ-то братанамъ за бѣду́ стало,
Што за ту-ли имъ досаду за великую.
Потхватили они Софью за бѣлы́ руки,
Отвозили вѣдь Софью во чисто́ полё,
Отрубили сестрѣ да по плечъ го́лову,
Схоронили ей с-Ываномъ во сыру́ землю.
Выростали двѣ берёзки кудрёватыя.
Шли прохожіе-народъ и удивлялися:
„Тутъ погублено двѣ души безгрѣшныя,
Тутъ пролита кровь, вѣрно, безвинная!“

№ 43.

Иванъ Дудоровичъ и Софья Волховична.

Ходилъ-гулялъ Иванушко Дудоровиць,
Онъ ходилъ-гулялъ да по чисту́ полю,
Онъ стрѣлялъ гусей да бѣлыхъ ле́бедей,
Перелётныхъ-то сѣрыхъ да малыхъ уто-цёкъ.
Засьтрѣлилъ-то онъ стрѣлоцьку въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Вотъ на тѣ-ли на сады да на зелёныя;
Онъ пошолъ какъ за стрѣлоцькой за калёною.
Какъ увидяла какъ Софьюшка доць Волхо́висьня,
Какъ звала ёго во высоки во теремы,
Какъ поила, корьмила ёго до́сыта,
Ёго досыта корьмила да ёго до́пьяна.
Какъ цюдны́ма крестамы оны побраталисе,
Какъ злацёныма персьнями да обруцялисе,
Шшобы одному-то молодцу не женитисе,
Шшобы Софьюшки да взамужъ нейти.
Отзвонили це́сну́ рану заутреню;
Какъ будила Ивана Дудоровиця:

„Ты вставай-ко-се Иванушко Дудоровиць!
Отзвонили цёсну рану заутреню“.
Какъ крутёхонько[1]) Иванушко спарежантíце,
Поскорѣ того со Софьюшкой роспрошантíце.
На перьву-ту лѣсинку спусьтилсэ,
Опъ на другу-ту лѣсинку спусьтилсэ,
Какъ на третьёй-то лѣсинки стрѣтили,
Ишше стрѣтили два братца да два Волховиця:
„Ужъ ты Ной еси, Иванушко да Дудоровиць!
Ужъ ты какъ заполъ ко нашой сéстрици ко родимыя,
Какъ ко молодой ко Софьюшки да къ Волховисьнёй?“
— Я ходилъ, братцы, гулялъ по цисту́ полю,
Я сьтрѣлялъ-то гусей да бѣлыхъ лéбедей,
Перелётныхъ-то сѣрыхъ да малыхъ утоцёкъ;
Засьтрѣлилъ какъ я стрѣлоцьку въ славной Кіёвъ-градъ,
Засьтрѣлилъ я какъ стрѣлоцьку на вашъ садъ да на зеленыя;
Я пошолъ какъ за стрѣлоцькой за калёною.
Какъ увидяла Софьюшка доць да Волховиця,
Позвала миня во высоки да во теремы.—
„Ужъ ты хоцёшь-ли, Иванушко, да жонитисе
Ты на нашой сестрицюшки на родимыя?“
Говорилъ тутъ Иванушко таковы рѣци:
— Какъ у насъ-то со Софьюшкой да заправлёно,
Ишше бѣлы у насъ руцюшки задáваны,
Шщобы миѣ, добру молодцу, не женитисе,
Шщобы Софьюшки да взаму́жъ нейти.—
Ишше эты братанамъ рѣци не въ любвѣ пришли.
Опѣ брали Иванушка за бѣлы́ руки,
Посадили на телёжку да дрововозную,
Повезьли тутъ Иванушка во цисто́ полё,
Отрубили у Иванушка по-плець голову.
Приходили ко сестрицюшки къ родимыя:
„Ужъ ты Ной еси, сестрицюшка наша родимая!
Ишше это есь голова да коёго́ тула?“ [2])

[1]) Круто—скоро. *Собир.*
[2]) Ту́ло—туловище. *Собир.*

Говорила сестрицюшка да родимая:
— Ужъ вы по́ роду братаньиця миѣ родимыя,
По поступки вы есь, братана, всё розбойницьки.—
Ишше эты какъ рѣци братанамъ не въ любвѣ пришли.
Оны брали сестрицюшку за бѣлы́ руки,
Отвозили сестрицю да во цисто́ полё,
Отрубили у сестрици да буйну голову.

№ 44.

Мать продаетъ своего сына Ивана.

У отця было да всё у вумного,
Какъ у матери да у розумныя
Родилóсь тамъ цядышко да всё безумноё,
Какъ безумноё да неразумноё.
Поцéстёшеньку походитъ на цярёвъ кабакъ,
До повалушка опъ напивантíце да зелёна́ вина.
Опъ спознался тамъ со дѣвкамы, со вдовкамы, со блядкамы.
Опъ не слушантíце своёй ро́дной матушки;
Поносилъ опъ ей словамы порочныма [1]).
Ро́дна маменька на цяда милого да роспрогнѣвалась.
Я пойду-схожу во гавань къ карабельщицькамъ,
Карабельщицькамъ да къ иностраньиць-камъ:
„Ужъ вы Ной есь, карабельщоцьки да добры молодцы!
Вы купите у меня да цяда милого,
Цяда милого, цяда любимого.
Моё цядышко какъ стоитъ опъ петсотъ рублей;
Я возьму-то за его да стольки сто рублей“.
Продала-то ро́дна маменька Иванушка,
Какъ Иванушка да цяда милого,
Цяда милого, цяда любимого.
Повела она да карабельщоцькамъ,
Карабельщоцькамъ да иностранныя.

[1]) Иначе—„непоносныма“. *Собир.*

„Ты не вора ли ведёшь къ намъ, да не розбойника?[4]
— Я не вора къ вамъ веду да не розбойника,
Своёго веду я къ вамъ да цяда милого,
Цяда милого, цяда любимого.—
Тутъ спрогóворитъ Иванушко да цядо милое:
„Ужъ вы hой есь, карабельщоцьки да иностранныя,
Вы заморцькія да добры молодцы!
Ужъ вы дайте моёй маменьки не сто рублей,
Ужъ вы дайте моёй маменьки да ц'ѣлу тысешшу.
Ишче я вамъ, доброй молодецъ, да заработаю".
Ишшо дали ёво маменьки да цѣлу тысяшшу.
Какъ не пыль въ поли да запыляитце,
Не березонька-то ко сырой земли да приклоняитце,
Какъ Иванушко да съ рóдной маменькой прошшаитце,
Онъ прошшаитце съ ей, роставаитце:
„Ты просьти-прошшай да рóдна маменька!
По житью-бытью да ровно маменька,
По подобію есь зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая семиглавая,
Семиглавая, была вилáвая!"[1]).
Ишче дали добру молодцу да ружьё цѣльнёё[2]),
Ружье цѣльнёё да копъё востроё.
Какъ ступилъ вѣдь доброй молодець да на черьлёнъ карабъ,
По караблицьку да запохаживалъ,
Свое горюшко да запокликивалъ:
„Ты куды поди-ка,—горе вслѣдъ идётъ;
Некуды отъ горюшка не дѣваисьсе,
Не дѣваисьсе, не потеряисьсе!"
(Оны пришли въ городъ, дали ёму коня, поъхалъ).
Поѣжжалъ Иванушко да во цистó полё,
Во цистó полё да на добрóмъ кони.
Прилетѣла тамъ Иванушку да пуля быстрая.
Ишшэ палъ Иванушко да со добрá коня;
Ишшэ пáло его тѣло на сыру землю,
Какъ сѣрáмъ волкамъ да всё на вбеньё,
Цёрнымъ вóронамъ да имъ на граеньё[3]).
Слýцилóсь итьти да рóдной маменьки
Мимо ето тѣло молодецькоё;
Спровадила рóдна маменька да во сырý землю.

[1]) Вилáвой—извилистый, лукавый. *(Подв., Даль.)*
[2]) Отъ слова „цѣлить". *Собир.*

№ 45.

Мать продаетъ своего сына.

А родители да были вумныя,
Ужъ какъ цядышка пали безумныя.
Пошли цядышка по кáбакамъ погуливать,
Золоту казну стали прокидывать,
А со дѣвкамы, со вдовкамы погуливать.
Ужъ какъ маменька на молодца да роспрогнѣвалась.
Пошла маменька во гавань карабельнюю:
„Вы купчи, госьти да вѣдь торговыя!
Вы купите у меня да чяда милого,
Чяда милого, чяда любимого".
— Не вора́ ли ты продашь да не розбойника,
Не церьковного продашь да ты грабителя?—
„Продаю-то я да чяда милого,
Чяда милого да я любимого.
Моё чядышко стойтъ петьсотъ рублей,—
Я за чядышка возьму да только сто рублей".
Не березонька въ отвѣтъ да къ земли да клонитце,
Не кудрявая къ сырой земли да приклоняитце,—
Доброй молодець со маменькой прошшаитце:
„По житью-бытью—да моя мать родна,
По досады, по розлуки—змѣя лютая!"
Ужъ какъ прогóворитъ да доброй молодець:
„Вы купци, госьти да всё торговыя!
Ужъ вы дайте моёй маменьки да за меня не сто рублей,
Ужъ вы дайте за меня да ц(ч)ѣлу тысашшу,

[4]) Каркапье. *Собир.*

Не ходила бы вѣдь моя мать до по подо́конью,
Не збирала бы да ку́сковъ ломаныхъ,
Ку́сковъ ломаныхъ да ло́мтѣй рѣзаныхъ!“
Забривали тутъ вѣдь молодца да во солдатики,
Надѣвали на его шанель солдацькую.
Съ кормы на́ посъ онъ по ка́раблю да запогуливалъ,
Запогуливалъ, самъ запоплакивалъ,
Онъ поплакиватъ, го́ре́ причитыватъ:
„Ты талань ли ты моя, да учесь горькая!
Ты куды, талань, теперь да сподѣбалась?
Ты въ тёмныхъ лѣсахъ, талань моя, да заблудилась,
Ты въ чисто́мъ поли, талань, бога́тырѝ тя по́били?
Охохохохо, да охти мнѣ-шенько!
Некуды уйдёшь, некуды дѣнисьсе!
Я куды пойду, да горё всё съ собой,
Мнѣ на часъ горё да не отвяжитце“.
Привозили добра молодца да во чисто́ полё,
Посадили добра молодца да на добру́ лошадь,
Награжали добра молодца да што мѣдны́мъ ружьёмъ,
Што мѣдны́мъ ружьёмъ да золотымъ копьёмъ.
По чисту́ полю доброй молодець да запоѣжжывалъ,
Запоѣжжыватъ да самъ поплакиватъ,
Самъ поплакиватъ, горё своё причитыватъ.
Онъ съ того го́рѝ да со кручинушки
Онъ свалилсэ проць да со добра́ коня.
Што рѣзвы́ ноги да во быстро́й рѣки,
Што буйной главой да подъ рокитовъ кустъ.
Што на ту пору́, да на то времечько
Прилетѣло вѣдь три птички, три кукушици:
Какъ една кукуша на бѣдну́ главу́ сѣла,
А друга́ кукуша—на бѣлы́ груди,
А третья́ кукуша—на рѣзвы́ ноги́.
На буйно́й главы да сидитъ мать родна,
На бѣлыхъ грудяхъ—да родима́ сестра,
Во рѣзвы́хъ ногахъ да молода жена.

№ 46.

Братья-разбойники и ихъ сестра.

Ай было́ жило у ко́ролѧ девѣ́ть сынковъ,
Что й девѣ́ть сынковъ да ясныхъ со́колово́въ.
Зародилась у ко́ролѧ десята дочь
Ище на́ имя Настасья Королевичьня.
На роду́ ей брата́нья не возьлю́били,
Не возьлю́бѝли Настасью, возьлелѣели,
Возьлелѣели сестрицушку, въ розбой пошли,
Ай въ розбой они пошли, всѣ за разбоями.
Посьлѣ ихъ Настасью матка выросьтила,
Королевишню да взамужъ выдала
За тово купца да за Морянина.
Они годъ-то сь ней живутъ, они другой живутъ.
Они прѝжили къ сибѣ да мала дѣтища.
Запросилась Настасья къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери да къ роду, къ племени.
Тутъ Морянинъ Настасью прѝослушелсэ[1]).
Онъ берётъ коня да самолутшого,
Онъ садилъ Настасью на добра́ ко́ня,
На добра́ коня́ садилъ да впереди сибя,
Мала дѣтища садили во серёдочку.
Они день ѣдутъ да и ужъ до́ ночи,
И застигла ихъ да ночка тёмная,
Ночка тёмная, долга осённая.
Они раскинули шатёръ бѣло́й полотняной,
Они раскинули да самы спать легли.
Вдругъ не громъ гремитъ вдалѣ, не стукъ стучитъ,
Къ нимъ прѣхало девѣ́ть розбойничковъ.
Они брали Моряпина за бѣлы́ руки,
Выводили на широку сьвѣтлу улицу,
Отрубили ему да буйну голову,
Мала дѣтишша зашибли о сыру землю,
Ищэ эту Моряночку в(ъ)ы собой взяли.
Они день тамъ ѣдутъ да сь ней другой ѣдутъ.
Вдругъ застигла тутъ ихъ да ночка тёмная,
Ночка тёмная, долга́ осённая.
Сѣ разбойнички да прирозбспались,
А одинъ не сьпитъ да доброй молодецъ,
Онъ въ упоръ глядитъ да на Моряночку:

[1]) Т. е. послушался. *Собир.*

„Ты скажи, разъясни, да ты Моряночка,
Ты чьего есь роду да чьёй ты племяни,
Чьёй ты дорогой природушки сердечнія?“
Ишше тутъ же Моряночка росплакалась,
Начала ёму Моряночка расказывать:
— Насъ было жило у короля девёть сыновъ,
Ихъ девёть было сыновъ да ясныхъ соколовъ.
Зародилась я у короля десята дочь.
На роду мнія братанья ни возьлюбили,
Ни возьлюбили братанья, возьлилѣяли.
А потомъ мои братаньица въ разбой пошли,
Всѣ въ разбой они пошли, стали разбойничать.
Посылѣ нихъ меня мамаша скоро взрóсьтила,
Скоро взрóсьтила мамаша, взамужъ вы́дала,
Она выдала мнія да за Моряниша.
Мы съ нимъ годъ жили, да съ нимъ другой жили,
Мы другой жили да съ нимъ третьёй жили.
Ай мы прижили къ себѣ да мала дѣтишша.
Запросилась у Моряниша къ отцу, къ матери;
А Моряниъ меня да пріослушался.
Онъ садилъ меня да на добра коня,
На добра коня садилъ да впереди себя,
Мала дѣтишша садилъ онъ во серёдочку.
Ужъ мы день ѣдёмъ да съ нимъ другой ѣдёмъ;
Насъ присьтигла съ нимъ да ночка тёмная,
Ночка тёмная, долга́ осённая.
Мы раскинули шатёръ бѣлóй полóтняной,
Мы раскинули да сами спать легли,
Вдругъ не шумъ шумитъ, да вдругъ не громъ гремитъ,
Къ намъ пріѣхало васъ, деветь разбойниковъ[2]).—

[2]) „Онъ сталъ будить братьевъ, росказалъ, что ихна сестра. Они увезьли тогда её къ отцу, къ матери да къ роду-племени“.

47.

Братья-разбойники и ихъ сестра.

Какъ была жила да вдова пашиця.
Какъ у той вдовы у той пашици
Много дѣтушокъ, мало дѣвушокъ:
Одинака[1]) дочь, деветь сыновей.
Деветь сыновей вси въ розбой пошли,
Одинаку дочку замужъ выдали
Тутъ за славноё за синё морё
За того купца да за богатого.....

(Каждый стихъ, кромѣ перваго, повторяется. Конецъ старины не записанъ.)

[1]) Одинакой — единственный. *Собир.*

№ 48.

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики.

Што й было́ жило́ у вдовушки два сына,
Два сына у ей какъ ясна сокола;
Зародилосе у ей ишше третья дочь.
Што й задумала вѣдь вдовушка Богу молитисе.
Пелёнала ихъ пелёнками камчатныма,
Што везала ихъ поёсьицомъ шолкóвыимъ,
Она клала на дошóчку па дубовую,
Опускала сыновей да во синё морё,
И сама она имъ да приговаривала:
„Ужъ ты пой ихъ, корьми да ишше Спасъ Исусъ!“
Ты на умъ ихъ наставь да Богородица!
Удалилась она зъ дочкой во тёмны́ лѣса.
Во тёмныхъ лѣсахъ Бо҃у молилосе,
Ай молилась она зъ дочкой ровно тридцеть лѣтъ,
Ровно тридцеть лѣтъ да ище три года.
Захотѣлосе вдовушки на Русь пойти.
Выбѣгаетъ она зъ дочкой ко синю́ морю,
Ко синю она морю да ко солоному:
По поднéбесью да какъ соколъ летитъ,
По синю́ морю да тамъ корабль бѣжитъ.

Закричала тутъ вдовка карабельщичка:
«Ужъ ты Ѣой еси, удáлой корабельщичокъ!
Ты возьми мнпя да за себя взамужъ,
Мою доченьку возьми взамужъ за брателка.»
Отвѣчаютъ тутъ вдовки карабельщички:
— На вѣку-ту чево былó не слыхано,
На бѣломъ свѣтѣ чево былó да не написано,—
Чтобы мать роднá вышла взамужъ за сына,
А сестрицюшка пошла взамужъ за брателка!—

№ 49.

Князь Романъ убиваетъ жену.

Ужъ какъ былъ жилъ Романъ да князь Михайловиць.
У ёго была княгина Марья доць Васильёвна;
У ихъ прижито дитё Настасья доць Романовна,
А хитра-мудра да девети годовъ.
Порознѣжилось княжнó дитё, Настасья доць Романовна,
И росплакалось княжно дитё, прирознѣжилось;
Ею стала мамушка убайкивать,
Ею стала мамушка улюлькивать:
„Ужъ ты сьпи, княжно дитё Настасья доць Романовна!
Иште скоро наѣдётъ твой-отъ батюшко,
Иште грозной-отъ князь Романъ Михайвиць.»
Не могла ей мамушка убайкати,
Не могла сударыня улюлькати.
„Ужъ ты сьпи, княжно дитё Настасья доць Романовна,
Сколь хитра-мудра девети годовъ!
Какъ наѣдётъ твой батюшко родимой-отъ,
Иште грозной-отъ князь Романъ Михайловиць“.
И росплакалось княжно дитё Настасья доць Романовна,
И росплакалась да прирастѣшилась;
Ей не могутъ нянюшки убайкати,
Ей не могутъ нянюшки улюлькати.
Ею стала мамушка убайкивать:
«Ужъ ты сьпи, княжно дитё Настасья доць Романовна,
Сколь хитра-мудра да девети годовъ!
Иште скоро наѣдетъ у тя батюшко,
Иште грозной-отъ князь Романъ Михайловиць».
Прирозбспалась княгина перьвобрачная,
Иште та-ли княгина Марья доць Васильёвна.
Какъ во то время, во тѣ цясы
Какъ наѣхалъ грозной князь Романъ Михайловиць.
Ай не слышала княгина перьвобрачная.
Росходилось у Ѣо да ретиво серьцо,
Розгорѣлась у Ѣо кровь богатырьцькая.
Онъ идётъ въ полату бѣлокамянну,
Ужъ и бралъ княгину за бѣлы руки,
Выводилъ княгину на новы сѣни,
Онъ садилъ княгину на добра коня;
Онъ изъ рукъ, изъ ногъ да жильё вытянулъ,
Онъ отрѣзалъ у ей да груди бѣлыя,
Онъ у рукъ, у ногъ да пёрсты всѣ повыломалъ,
Сокатились съ пёрстовъ да злацёны перьсни.
Увозилъ онъ ей да во цистó полё,
Розбросалъ на всѣ цётыре стороны.
Онъ пріѣхалъ къ полаты да къ бѣлодубовой.
Онъ заходитъ въ полаты бѣлокамянны,
Онъ садитьцé за столы да за дубовыя,
Во большóй уголъ да во большо мѣсто.
Пробужантцé княжно дитё Настасья доць Романовна,
Пробудилосе да стала плакати:
„Ишше гдѣ моя матёнка родимая,
Ише нá имя Марья-сьвѣтъ Васильёвна?“
Ею стали бабушки убайкивать,
Ею стали мамушки улюлькивать:
„Ужъ ты Ѣой еси, княжно дитё Настасья доць Романовна,
Сколь хитра-мудра да девети годовъ!
Какъ ушла твоя мать да въ тёплу спалёнку.“

А бросалосе княжно дитё во спалёнку, —
Тёпла спалёнка да не отóмкнута,
Пуховы перинoцьки не усланы,
Соболино одёялышко не розбгнуто.
Тутъ пришло княжно дитё росплакалось:
„Во посьлѣдьнёй разъ мать байну вымыла,
Во посьлѣдьнёй разъ мать косу выплела,
Во посьлѣдьнёй разъ да ленту у́вила,
Цьвѣтно платьицё да спаряжаласе“!
Отъ пришло княжно дитё росплакалось,
Жалобнёшенько да прицитаюци.
Какъ пошло княжно дитё во банёнку, —
Тёпла банёнка да не отóмкнута,
Ключёва вода да не изьдёржина,
Какъ бѣлóмъ мыломъ не умываласе,
Въ цьвѣтно платьицё не одѣваласе.
Тутъ пошло княжно дитё росплакалось,
Жалобнёшенько да прицитаюцись:
„Во посьлѣдьнёй разъ мать байну вымыла,
Во посьлѣдьнёй разъ да косу выплела,
Во посьлѣдьнёй разъ да ленту у́вила“!
Какъ приходитъ въ полату въ бѣлокамянну,
Ко тому-ли ко батюшку къ родимому:
«Ужъ ты Ной еси, батюшко родимой мой,
Ужъ ты грозной князь Романъ Михайловиць!
Пше гдѣ моя да рóдна матушка?“
Ей спроговоритъ батюшко родимыя:
— Ужъ ты Ной еси, Настасья да доць Романовна
Сколь хитра-мудра да девети годовъ!
Какъ ушла твоя мать да во Божью цéрьковь.—
Вотъ бросалось княжно дитё въ Божью цéрьковь,
Отворятъ дубовы да двери на́-пяту,
Она кресъ кладётъ да поуцёному,
А поклонъ ведётъ да попписанному,
Шчо молитвы творитъ да всё Исусовы:
„Ужъ вы здрасвуйте, попы, отци духовныя!
Ужъ вы здрасвуйте, прицятьники цéрьковныя!
Ужъ вы здрасвуйте, пародъ, всё люди добрыя,
Ужъ вы ближныя сусѣды порядóвныя!
Не видали ли моёй да родной матушки?“
— Ужъ мы видомъ не видали, дакъ слыхомъ слышали.—
Тутъ пошло княжно дитё росплакалось,
Жалобнёшенько да прицитаюцись:
„Во посьлѣднёй-отъ разъ мать байну вымыла,
Во посьлѣдньёй разъ да косу выплела,
Алу лентоцьку да въ косу у́вила,
Цьвѣтно платьицё да спаряжаласе!“
Какъ спушшанпьи́це съ крылецька со цéрьковного,
Тутъ бѣжитъ два вóлка да долгохвостыя.
Она тѣхъ волковъ не устрашилась:
„Ужъ вы здрасвуйте, вóлки долгохвостыя!
Не видали ли моёй да родной матушки?“
— Ужъ мы видомъ не видали, да слыхомъ слышали:
Какъ твоя-та вѣдь мать да во тёмнóмъ лѣсу,
Во тёмнóмъ лѣсу да подъ сырúмъ дубóмъ.—
Тутъ пошло княжнó дитё росьплакалось,
Жалобнёшенько да прицитаюцись:
„Во посьлѣдьнёй разъ мать байну вымыла,
Во посьлѣдьнёй разъ да косу у́плела,
Алу лентоцьку да въ косу у́вила,
Въ цьвѣтно платьицё да спаряжаласе!“
Какъ приходитъ въ полату бѣлокамянну,
Къ своёму она ко батюшку къ родимому,
Къ Роману князю Михайловицю:
„Ужъ ты Ной еси, батюшко родимой мой,
Ужъ ты на́ имё Романъ да князь Михайловиць,
Ты скажи-тко мнѣ, гдѣ родна матушка?
Не утайсе ты да не убойсе ты.“
Какъ спрогóворитъ батюшко родимыя,
Пше грозной-отъ князь Романъ Михайловиць:
— Ты не плаць, моё дитетко родимоё,
Ужъ ты на́ имя Настасья доць Романовна,
Ты хитра-мудра да девети годовъ!
Я сострою тебѣ три терема высокіихъ,
Я сошью тебѣ шубу во петсотъ рублей.—
Какъ спроговоритъ княжно дитё Настасья доць Романовна:

„Какъ не пать мнѣ ка шубку во петсотъ рублей;
Какъ згорите терема, да вы златы вѣньци! [1])
Ужъ ты згинь да пропади лиха мацёха!“
Воспроговоритъ Настасья во второй наконъ:
„Ужъ ты Ноѝ еси, батюшко родимой мой,
Ише князь Романъ Михайловиць!
Ише гдѣ, скажи, моя да родна матушка?“
Воспроговоритъ вѣдь грозной князь Романъ Михайловиць:
— Ты не плаць, княжно дитё Настасья доць Романовна,
Сколь хитра-мудра да девети годовъ!
Я сошью тебѣ шубу во петсотъ рублей,
Я сострою тебѣ теремъ золоты вѣньци,
Заведу тебѣ молóду мацёху
Луцьше старыя да луцьше прежныя.—
Воспроговоритъ княжно дитё Настасья доць Романовна:
„Мнѣ не пать твоихъ три терема высокихъ,
Ай згорите три терема златы вѣньци!
Ай згори твоя шуба во петсотъ рублей!
А згинь-пропади да лиха мацёха!
Ты отдай-ко мнѣ да свою [2]) матушку.“

№ 50.

Князь, княгиня и старицы.

Ише былъ жилъ князь да девяносто лѣтъ.
Ужъ онъ взялъ княгинку девети годовъ,
Девети годовъ да десети лѣтóвъ.
Ужъ онъ жилъ съ княгинкой рóвно три года,
Рóвно три года, ровнó три осени;
На четьвёртой годъ да князь гулять пошолъ.
Онъ ходилъ, гулялъ тамъ рóвно три года,
Рóвно три года, ровнó три осени;
На четьвёртой годъ да князь домой пошолъ.
Попадапце князюшку три старицы,
Шьто и три старицы, да три манашицы,
Чорноризьницы, чорноклобóвницы.
„Ужъ вы Ноѝ есь, старицы манашицы!
Не видали ли княгинки девети годовъ,
Девети годовъ да десети лѣтóвъ?“
— Ужъ мы видомъ не видали, да слыхомъ слышали:
Шьто твоя княгина за блудомъ пошла,
За блудомъ пошла да заблудилася;
Вкругъ амбарика дорожки пріутóрёны,
Золота казна да пріудёржана [1]).
Ужъ ты въ компату придёшь, тамъ колыбель вѣсьнётъ;
Ты въ другу зайдёшь, да тамъ друга вѣсьнётъ;
Ты въ третью зайдёшь, да тамъ третья вѣсьнётъ:
Весь тибя всё, батюшко, всё наживацы,
Весь тебя, весъ князя, всё достáвацы.
А въ конюшны добры кони по колѣнъ въ пазьму [2]);
Бѣлояровой пшеницы не насыпано,
Ключевой воды да не навожено.
Она выдётъ встрѣчать въ одной рубашечки
Весь чулочиковъ, въ одиѣхъ башмáчикахъ.—
Онъ пріѣхалъ къ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Оставляетъ онъ коня да не привязана,
Подбѣгатъ къ воротамъ къ бѣлодýбовымъ
Выбѣгатъ, ёго стрѣчаетъ молода жена
Весъ чулочиковъ, въ одиѣхъ башмачикахъ,
Весъ камзольчика, въ одной рубашечки.
Ужъ онъ бралъ княгинку за бѣлы́ руки,
Онъ садилъ княгинку да на добра коня,
Увозилъ княгинку во чистó полё,
Онъ срубилъ у ей да по плечъ голову,
Онъ бросалъ вѣдь тѣло да во чистомъ полѣ.
Пріѣзжаетъ къ полатамъ бѣлокаменнымъ:
Вкругъ амбарика дорожки не уторёны,
Всё шурупчаты замочки всё не сломаны,
Золота казна да не издёржана.
Ужъ онъ въ компату зашолъ, да тамъ нелá [3]) вѣспутъ;
Все не столько въ нихъ шито, сколько плакано,

---

[1]) Вмѣсто „златы верхи“. *Собир.* Вѣнецъ—связь четырехъ бревенъ *(Даль)*.
[2]) Т. е. мою. *Собир.*

[1]) Издержана. *Собир.*
[2]) Назёмъ—навозъ. *Собир.*
[3]) Пяла, пяльца. *Собир.*

„Все тебя-ли, князюшко, дожидано“.
Опъ въ другу́ зашолъ, да тамъ други висятъ:
Въ пихъ не сколько шито, сколько плакано.
„И тибя всё, князь, домой дожидано“.
Опъ въ третью́ зашолъ, да тамъ третьи́ вѣспутъ:
Въ пихъ не колько шито, сколько плакано,
„Все тибя-ли, князь, домой дожидано“.
Опъ въ конюшну пришолъ да къ ко́пю доброму:
Ишше конь-отъ стоитъ да по колѣнъ въ шолку,
Бѣлояровой пшеницы да припасыпано,
Ключевой воды да припавожоно.
Воспрого́воритъ князь да девяносто лѣтъ:
„Погубилъ я душу ей безгрѣшную,
Ужъ я пролилъ кровь да всё безвинную!“
Тутъ поѣхалъ князь да девяносто лѣтъ,
Опъ поѣхалъ обратно во чисто́ полё,
Опъ паѣхалъ три старицы-манашипы,
Чо́рнори́зницы, черно́клобо́вницы.
Ужъ опъ перву манашину конёмъ стопталъ,
А фтору манашинку коньёмъ скололъ,
Пщэ третія манашинка взмолилась,
Въ рѣзвы ноги князю поклонилась:
„Не губи ты миня, князь да девяносто лѣтъ:
Оживлю я вамъ княгинку девети годовъ“ [1]).

№ 51.

Мать князя Михайлы губитъ его жену.

Что й поѣхалъ князь Михайло
Да опъ на царьскую службу
Да къ осудáрю на роботу.
Да приворачивалъ Михайло
Ко сосѣдямъ на бесёду;
Да выбиралъ сибѣ Михайло
Да по уму сибѣ невѣсту;
Прiискалъ себѣ невѣсту
Да ужъ опъ бѣлую биляну,
Да молоду жону Марфи́ду.
Да привозилъ свою биляну
Да къ своей маменьки родимой:
„Да ужъ ты пой, мати́, биляну
Да ты сладки́ма медами,
Да ты ко́рьми мою биляну
Да ты бѣлы́ма калачами
Да и сладки́ми пряника́ми“.
Да тутъ поѣхалъ князь Михайло
Опъ на царскую службу
Къ осударю на роботу.
Не усьпѣлъ опъ зъ двора съѣхать—
Ево доброй конь споткнулся,
И вострa сабелька сломилась,
И пухова шляпа свалилась.
Да воспрого́воритъ Михайло:
„Да вѣрно, есь въ доме́ нещчасье:
Да родна маменька неможетъ [1])
Пли бѣлая биляна
Да молода жона Марфида!“
Не усьпѣлъ опъ зъ двора съѣхать,
Да ево маменька родима
Да по три бани въ день топила,
Да по три вѣника мочила,
Да по три камня нажигала;
Она биляну приводила,
Ей на бѣлы́ груди спусчала,
Ей бѣлы́ груди прожигала;
Два младеня вынимала,
Ихъ во сыру́ колоду клала,
Да три примѣты написала:
И(сч)ще перьвая примѣта—
„Я бѣляну уходила“;
А друга ещё примѣта—
„Я свою душу погубила“;
Да еще третія примѣта—
„Я два младенца заварила [2]),
Да во сыру́ колоду кла́ла
Да въ сине море отпущала“.
Что пріѣхалъ князь Михайло
Къ своей маменьки родимой:
„Ты послушай, мать родная:
Да ище гдѣ моя бѣляна?“
— Что твоя дитё бѣляна
Да спитъ во тёплой во спальнѣ.—
Тутъ бросалсэ князь Михайло

[1]) „Я не знало, какъ она оживила“, прибавила пѣвица.

[1]) Хвораетъ. *Сибир.*
[2]) Т.-е. сожгла. *Сибир.*

Да опъ во тёплую спальну,
Да ищё тамъ бѣляны пѣту.
„Да ужъ ты маменька родная
Да ты скажи мнѣ сущщу правду,
Да ты скажи мнѣ неутайно:
Ище гдѣ моя бѣляна
Да молода жена Марѳида?“
— А твоя дитё биляна
Да у сосѣда на бисѣды.—
Тутъ бросалсэ князь Михайло
Да опъ къ сосѣду на бисѣду,
Да исче тамъ биляны пѣту.
„Да вы сосѣды, вы сосѣды,
Вы порядовныя сосѣды!
Вы мнѣ скажите сущу правду,
Да ище гдѣ моя бѣляна
Молода жена Марьѳида?“
— Да ты послушай, князь Михайло:
Да не усьпѣлъ ты зъ двора съѣхать,
Да твоя маменька родима
Да по три бани въ день топила,
Да по три вѣника мочила,
И по три камня пажигала,
Она бѣляну уводила,
Ей бе́лы груди прожигала,
Два младеня выпимала,
Да во сыру колоду кла́ла
И въ сине море отпусчала.—
Да тутъ бросалсэ князь Михайло
Онъ къ своей маменьки родимой:
„Да ужъ ты моя мати!
Да ты по имени Овдотья,
Да по прозванью зьмѣя люта!
Да исче гдѣ моя бѣляна
Да молода жена Марьѳида?“
— Да я твою дитё биляну
Да во сыру колоду клала,
Да ей во сине море отпусщала.—
Да тутъ бросалсэ князь Михайло
Да онъ во кузьпецу желѣзну,
Да выковалъ сибѣ Михайло
Да онъ два ножичка булатныхъ,
Да уѣжжалъ тогды Михайло
Да опъ во чистое поле,
Да становилъ ножи булатны
Да во сырую во землю,
До ужъ онъ падалъ бѣлой грудію
Да опъ на ножички булатны.

№ 52.

Мать князя Михайлы губитъ его жену.

Какъ поѣхалъ кнезь Михайло
Опъ на царьскую на службу,
Да къ государю на роботу.
Какъ паказывать кнезь Михайло:
„Да ужъ ты мать моя родима
Iосударыня Овдотья!
Ты корьми, мати, бѣляну
Ужъ ты ситьныма хлѣбами,
Ты бѣлыма калацямы;
Ужъ ты пой, мати, бѣляну
Да сладкой водо(ч)цькой медо́вой“.
Не успѣлъ опъ съ двора съѣхать,—
Ай корьмила мать бѣляну
Троёсутосьнёй кромою [1]),
Щё попла мать бѣляну
А болотною водою;
По три бани въ день топила,
По три вѣника носила,
По три мыла измыва́ла,
Горець камень пажигала
На бѣлыя груди кла́ла,
Бѣлы груди выжигала;
Она младе́ня выпимала.
Три примѣты написала:
Ужъ какъ перьвая примѣта—
Она бѣляну уходила;
Ище дру́гая примѣта—
Она младеня потребила;
Ужъ третьяя примѣта—
Свою душу погубила.
Она здѣлала колоду,
Ой колоду сыродубу,
Набивала на колоду
Три обруця желѣзны,
Отвозила колоду
Да на синеё морё.
Да поѣхалъ кнесь Михайло
Опъ со царьскія службы,
Съ осударёвой роботы.
Не успѣлъ опъ со двора съѣхать,—

[1]) Кормомъ, приготовленнымъ за трое сутокъ. *Собир.*

У Михайла конь подпрулсэ,
Кожодеръ [1]) да розмахнулсэ,
Востра сабелька сломилась,
Съ головы шляпа свалилась.
Щой подумалъ князь Михайло:
„Да развѣ въ домѣ есь у миня неладно:
Развѣ мать моя неможотъ,
Либо молода княгиня“.
Пріѣжаётъ князь Михайло
Къ бѣлокаменной полаты,—
Его матушка стрѣчаётъ,
Молода жона не стрѣчаётъ.
Що спрогóворитъ князь Михайло:
„Ужъ ты мать моя родима,
Осударыня Овдотья!
Ище гдѣ моя бѣляна
Молода жена княгиня?“
— Ай во тёплой во спальни
Она со милепькимъ дружоцькомъ.—
Ай бросалсэ князь Михайло
Онъ во тёплую спальню,
Тутъ пѣтъ ей, пѣтъ, да не случилось.
Ай спрогóворитъ князь Михайло:
Ужъ ты мать моя родима
Осударыня Овдотья!
Ты скажи мнѣ сушую правду,
Сушу правду неутайно“.
— Ужъ ты дитятко сердесьно!
Не успѣлъ ты съ двора съѣхать,
До другого не доѣхалъ,—
Ай корьмила я бѣляну
Троёсутосьнёй кромою,
Ай поила я бѣляну
Ей болотною водою;
По три бани въ день топила,
По три вѣпика носила,
По три мыла измывала,
Горець камень нажигала,
На бѣлыя груди клала,
Я младеня вынимала.
Три примѣты написала:
Ужь какъ перьвую примѣту—
„Я бѣляну уходила“;
Ужъ дрýгая примѣта—
„Я младеня потребила“;
Ужъ третьяя примѣта —
„Свою душу погубила“.
Ужъ я здѣлала колоду,
Я колоду сыродубу,
Набивала на колоду
Я три обруця желѣзныхъ,
Отвозила колоду
Я на синёё морё. –
Дакъ бросалсэ князь Михайло:
„Рыболовы, рыболовы,
Замеците шелковъ неводъ,
Уловите вы колоду,
Вы колоду сыродубу“.
Перьвой отъ расъ метали,—
Имъ колода не попала;
Ай другой-отъ расъ метали,—
Имъ колода не попала;
Какъ третéй-отъ расъ метали,—
Имъ колода-то попала.
Что прогóворитъ князь Михайло:
„Ужъ ты мать моя родима!
Да ты пó роду – мать родима,
По розлуки—змѣя люта!“
Какъ бросалсэ князь Михайло
Онъ во кузьнецю желѣзну,
Ай сковалъ тутъ князь Михайло
Онъ три пожика булатныхъ,
Ай бросалсэ князь Михайло
На три пожика булатныхъ.

[1]) Кожанъ? *Собир.*

№ 53.

Князь Дмитрій и его невѣста Домна.

Сваталса-то Митрей-князь да онъ по три года,
Онъ по три года да по три осени.
На четьвёртой годъ да только свадьбы быть,
Только свадьбы быть да лишь [1]) къ винцю пойти.
Пошолъ Митрей-князь да ко заутрени,
Шшё Васильевиць ко воскресеньскыя;
Тутъ бросалась Домнушка по-плець въ окно,
Ѳалелеевна да по бѣлы груди:
„Ужъ какъ это, скажутъ, Митрей-князь
Онъ хорошъ-пригожъ, да луцьше въ свѣти пѣтъ;—

[1]) Звукъ *ш*—мягкій. *Собир.*

Онь сутулъ, горбатъ да наперёдъ поклянъ;
Шшо глаза косы, да вѣдь ноги кривы;
Ужъ какъ кудерьци да заонеськія [1]),
Ужъ какъ рѣчь-та у его была корельская".
Ужъ какъ Митрею князю рѣци во слухъ пали,
Какъ во слухъ пали да за бѣду стали.
Пришолъ Митрей-князь да отъ заутрени,
Какъ Васильёвиць отъ воскрисеньскыя:
„Ужъ ты Ной, сестриценька Марья Васильевна!
Ты збери-тко вѣдь себѣ почесьтёнъ пиръ,
Какъ почестёнъ пиръ да ты дѣвиной столъ,
Созови-тко Домну Олелеёвну да на почесьтёнъ пиръ,
На почесьтёнъ пиръ да на дѣвиной столъ—
Хлѣба-соли ѣсть да сладка мёду пить.
Скажи: Митрея-князя да его дома нѣтъ,
Какъ Васильёвича не случилосе:
Ушолъ Митрей-князь да за охвотамы,
За куницямы да за лисицямы,
За медвѣдямы да за злодѣямы".
Какъ перьвы послы да къ Домнушки на дворъ пришли:
„Добро жаловать да прошу милосьти!
Звала, кланялась Марья Васильевна
На почесьтёнъ пиръ да на дѣвиной столъ,
Хлѣба-соли ѣсьть да сладка мёду пить".
Перьвы послы да со двора сошли,
Какъ други послы да къ ней на дворъ пришли:
„Добро жаловать да прошу милосьти!
Тебя, Домнушку да Олелеёвну,
Звала кланялась Марья Васильёвна
На почесьтёнъ пиръ да на дѣвиной столъ
Хлѣба-соли йись да сладка мёду пить.
Ужъ какъ Митрея-князя да его дома нѣтъ,
Да Васильёвича не случилосе:
Ушолъ Митрей-князь да за охвотамы,
За куницямы да за лисицямы,
За медвѣдямы да за злодѣямы".
Какъ вторы послы да со двора сошли,
Какъ третьи послы да къ ей на дворъ пришли.
„Звала, кланялась Марья Васильёвна
Тебя, Домнушка, да на почесьтёнъ пиръ
На почесьтёнъ пиръ да на дѣвиной столъ
Хлѣба-соли ись да сладка мёду пить".
Унимаётъ маменька да свою Домну Олелеёвну:
„Не ходи-тко, Домнушка, ты на почесьтёнъ пиръ,
На почесьтёнъ пиръ да на дѣвиной столъ!
Мнѣ вечоръ-ночесь да мнѣ мало спалось,
Мнѣ мало спалось да во сьняхъ видялось:
Соскатилса чюдёнъ крёстъ да со бѣлыхъ грудей,
Роспаялса весь злачёнъ перьстень да на правой руки".
Тутъ вѣдь Домнушка вѣдь не послушала свою маменьку.
Стала Домнушка бѣлёшенько да умыватисе,
Хорошохонько да снарежатисе;
Пошла Домнушка да на почесьтёнъ пиръ.
Пришла Домнушка въ полаты бѣлокамянны
Она крёсъ кладётъ да попису̀ному,
А поклонъ ведётъ да поучёному.
Ужъ какъ Митрей-князь сидитъ въ большомъ углу:
„Добро жаловать да прошу милосьти
Тебя, Домнушка да Олелеёвна,
Ко сутулому да ко горбатому,
Ко глазамъ косымъ да ко ногамъ кривымъ,
Ко кудерьцямъ да ко заонеськія,
Ко рѣцямъ да ко корельскія!"
Ужъ какъ Домнушка да испужаласе,
Олелеёвна да перепаласе [1]):
— Ужъ ты Ной есь, Митрей-князь да ты Васильёвиць!
Ты спусьти меня сходить да къ родной маменьки:
Я забыла вѣдь злацёнъ перьстень да на окошоцьки,
Намъ которымъ вѣдь персьнёмъ съ тобой да обручатисе.—
Тутъ спрогоборилъ вѣдь да Митрей-князь:
„Ужъ ты гдѣ ходи, да только моёй слови".
Пошла Домнушка она да вѣдь во кузьницю,
А с(ш)ковала Домнушка два ножицька булатныя,
Пошла Домнушка да во цисто̀ полё,

[1]) Заонежскія—какъ за Онежскимъ озеромъ. *Соб.*

[1]) Перепадаться—вздрагивать отъ испуга. *Собир.*

Она тыкнула тупымъ концёмъ да во сыру́ землю,
А востры́мъ концёмъ себѣ да во бѣлы́ груди:
„Не достаньсе ты, моё да тѣло бѣлое,
Ужъ какъ Митрею-князю́ да па порыганьё;
Ужъ достаньсе, моё тѣло очень бѣлоё,
Во-сѣры́мъ волкамъ на вóеньё,
Чёрнымъ воронамъ да на погра́еньё!“ [1])

№ 54.

Князь Дмитрій и его невѣста Домна.

Ишче сватался Митрей-отъ по три года,
Князь Васильевичъ да по три осени.
На четьвёртой годъ да то́лько свадьбы быть,
Только свадьбы быть, то́лько́ къ вѣнцу пойти,
Ай къ вѣнцу пойти да обвѣнчатися.
Зазвонили чосну́ рану́ заутреню,
Ише ту христовску да воскрысенскую,
Воскресенскую да возьнесенскую.
Что й пошолъ князь Митрей ко заутрени,
Онъ ко той-ли ранней къ воскрысенскія,
Къ воскрысенскія да къ возьнесенскія.
Что й бросалась Домнушка по плечь въ окно,
Өалелеевна ровно́ по поясу:
„Ай не етотъ ли Митрей князь Васильевичъ?
Што й сказали про Митрея — хорошъ, пригожъ,
Онъ хорошъ, пригожъ да въ свѣтѣ лутьче нѣтъ;
Онъ сутулъ, горбатъ да наперёдъ поклянъ,
И ноги́ кривы́ у ево, глаза косы,
Русы кудри у Митрея онесскія,
Ищэ рѣчь у ево да самоѣдская“.
Ишчэ тутъ вѣдь Митрею во слухъ пало;
Шчо й Васильевичу за бѣду стало,
Што й за ту пало надсмѣшку за великую.
Воротилсэ Митрей отъ заутрени,
Приходилъ онъ къ Настасьюшки къ Васильёвны:
„Ужъ ты Ной еси, сестрицюшка любимая!
Соберёмъ-ко мы пиръ да всё дѣви́чей столъ.
Попроси ты Домну Өалелеёвну
На почесьтенъ пиръ да на дѣвичей столъ
Хлѣба, соли йись да сладка мёду пить.
Ты скажи, что Митрея-князя въ домѣ нѣтъ,
Что й Васильёвича да не случилосе:
Онъ ушолъ вѣдь въ лѣсъ теперь полѣсовать,
За лисицами да за куницами,
Онъ за разныма за мелкима за птицями“.
Що й первы́ послы къ Домны на дворъ пришли:
— Добро жаловать, Домна Өалелеёвна,
Ишшо къ нашей Настасьи къ Васильевны
На почесьтенъ пиръ да на дѣви́чей столъ
Хлѣба, соли йись да сладка мёду пить!
Ишше Митрея-та князя въ домѣ нѣтъ“.
Что й перьвы́ послы да со двора сошли,
А й вторы послы къ Домны на дворъ пришли:
„Отпусьти ты Софъюшка Никулишна,
Свою дочерь Домну Өалелеёвну
На почесьтенъ пиръ да на дѣвичей столъ
Хлѣба, соли ѣсь да сладка мёду пить.
Ишче Митрея-та князя въ домѣ нѣть
Што й Васильевича не случилося,
Не случилося, не пригодилося:
Онъ ушолъ вѣдь въ лѣсъ да всё полѣсовать,
За лисицами да за куницами,
Онъ за разныма за мелкима за птицами“.
Что й третьи́ послы къ Домны на дворъ пришли:
„Добро жаловать, Домна Өалелеёвна,
Ишше къ нашой къ Настасьи всё къ Васильевны
Хлѣба, соли йись да сладка мёду пить!“
Не спушчаетъ ей Софъюшка Никулична:
„Не ходи ты ужъ, Домна Өалелеёвна,
На почесьтенъ пиръ да на дѣвиной столъ.
Я почесь мало спала, да во сьнѣ видяла:
Со бѣло́й груди скатилъсэ чудённой кресъ,
На право́й руки роспаялсэ всё злачёнъ перьстень“.
Не послушалась Домна Өалелеёвна.
Умываласе Домнушка бѣлёшенько,
Одѣваласе Домна паредиёшенько,
Приходила къ Настасьюшки къ Васильёвны

[1]) Граньe—карканье. *Собир.*

На почесьтёнъ пиръ да на дѣвичей столъ.
Вдругъ зашла она въ полаты бѣлокаменны,
Отъкрывала дубовы́ да двери на́-пяту;
Она кресъ кладётъ да пописа́нному
И поклонъ ведётъ да поучоному;
Поклониласе на всѣ четыре сто́роны.
А сѣдитъ тутъ Митрей во большомъ углу,
Князь Васильевичъ да во чесно́мъ мѣсьтѣ:
„Добро жаловать, Домна Ѳалелеёвна,
Ко сутулому да ко горбатому,
Всё къ ногамъ кривымъ, къ моимъ глазамъ косымъ,
Ко кудрямъ моимъ да всё къ опескіимъ,
Къ поговорюшки да къ самоѣдскія—
Хлѣба, соли йись да сладка мёду пить!
Ты садись, проходи да за дубовой столъ“.
Воспрого́воритъ Домна Ѳалалеёвна:
— Отпусьти-тко миня Митрей-князь Васильевичъ!
Я съ право́й руки забыла тамъ злачонъ персьтень,
Мы которымъ съ тобой будёмъ обручатися.—
Воспрого́воритъ Митрей-князь Васильевичъ:
„Ты гдѣ хошь ходи, только моей слови!“
Тутъ по́шла вѣдь Домна Ѳалелеёвна
Што исъ тѣхъ она полатъ да бѣлокаменныхъ;
Заходила она въ кузьнецу желѣзную,
Что й ковала дъва ножичька булатныихъ,
Уходила сь ними Домна во чисто́ полё,
Становила Ѳалелеёвна во сыру́ землю
Что востры́ма концами во бѣлы́ груди,
Да сама тутъ вѣдь Домна приговари̇̆вӑла:
„Не достаньсе моё да тѣло бѣлоё
Ты сутулому да ты горбатому!
Ай достаньсе моё да тѣло бѣлоё
Луччэ матушки да ты сырой земли!“

№ 55.

Женитьба Грознаго (Кострюкъ).

И задумалъ Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць женитисе
Во той-ли земли во невѣрныя (2)
На той-ли на Марьи Демрюковны (2).
По пріѣзду назадь царь пиръ сочинилъ.
На томъ на пиру всѣ напивалисе,
Всѣ на чосномъ наѣдалисе,
Всѣ на пиру приросхвастались.
И глупой хвастатъ молодой жоной,
Нерозумной хвастатъ родимо́й сёстрой.
И сидитъ уда́лой доброй молодець [1]),
Онъ ничѣмъ не хвастаётъ.
Приходилъ Грозный царь Иванъ Васильёвиць,
Ужъ онъ самъ говорилъ таковыя рѣци́.....
Одинъ былъ Васинька, одинъ былъ Маленькой:
На одну ножку прискакиваётъ,
На другу ножку припадываётъ....

(Конца пѣвица не знаетъ.)

№ 56.

Смерть Скопина.

Ужъ какъ ѣзьдилъ Скопи̇̀нъ ровно три мѣсеця,
Аливу, аливу! [2]) Скопи̇̀нъ три мѣсеця.
Ищэ взялъ-то Скопи̇̀нъ ровно три города,
Аливу, Аливу! Скопи̇̀нъ три города:
Ужъ какъ перьвой-отъ городъ Шяратовськой,
Ка другой-отъ городъ Вержьвлютовчкой,
Ищэ третей-отъ го́родъ кумы Малютихивдовы.
Ищэ тутъ-ли кумы́ за бѣду есь стало́,
За бѣду кумы́ стало да за великую,
Аливу, аливу! за великую бѣду.
Собирала кума да пиръ поц́есьтёнъ столъ.
Ищэ звали Скопина да на поц́есьтёнъ пиръ
Ищэ хлѣба, соли йись, зе́лёно́го вина пить.
Унимала Скопина́ да ро́дна матушка своя,
Уговаривала молода я(ё)го жона,
Ищэ плакалисе малы дѣтоцьки,
Аливу, аливу! малы дѣтоцьки его:
„Не ходи-ко, Скопинъ, на поц́естёнъ пиръ!
Потеряёшь, Скопинъ, буйну голову свою“.
Не послушалъ Скопинъ ро́дной матушки своёй,

[1]) Рѣчь идетъ о братѣ царицы Марьи — Кострюкѣ. *Собир.*

[2]) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Не послушалъ Скопинъ молодой своёй жены,
Не послушалъ Скопинъ малыхъ дѣтоцёкъ своихъ.
Тамъ поѣхалъ Скопинъ на поцéстёнъ пиръ.
Пріѣжатъ Скопинъ ко широкимъ воротáмъ;
Какъ приходитъ стрицéть ищэ та-ли-то кума да Малютиха вдова.
Какъ подходитъ къ ему потихошенько,
Ищэ кланеитцé понизёшенько:
„Добро жаловать, Скопинъ, на поцéстёнъ пиръ
Ужъ ты хлѣба, соли йись, зéлёнóго вина пить!
Ты цёго-то везёшь саблю вострую свою?“
— Я не сабельку везу,—твою голову сойму.
„Ты садись-ко, Скопинъ, въ большой самой углóлъ“.
Посадила Скопина да за средны́ [1]) она столы,
Наливала Скопину цяру зóлотую,
Цяру зóлотую да зелёна́ она вина,
Зелёна она вина да цѣлó ведро.
„Ты прими-ко, Скопинъ, на правý свою рукý,
Ужъ ты выпей, Скопинъ, на единой духъ“.
Ищэ принялъ Скопинъ на правý свою рукý,
Ищэ выпилъ Скопинъ на единой духъ.
Наливала другу ровна два она ведра:
„Ты прими-ко, Скопинъ, на правý свою рукý,
Ужъ ты выпей, Скопинъ, на единой духъ“.
Ищэ принялъ Скопинъ на правý свою рукý,
Ищэ выпилъ Скопинъ на единой духъ.
Наливала она да третью цяроцьку,
Третью цяроцьку какъ люта зельиця,
Люта зельиця да ровно три она ведра;
„Ты прими-ко, Скопинъ, на правý свою рукý,
Ужъ ты выпей, Скопинъ, на единой духъ“.
— Мнѣ-ка цяроцька не пить — да кумы не любить;
Мнѣ-ка цяроцька выпить — мнѣ живому не быть.—
Какъ примаётъ Скопинъ на правý свою рукý,
Выпиваётъ Скопинъ на единой духъ.

[1]) Срядные, убранные. *Собир.*

Ищэ бралъ тутъ Скопинъ саблю вострую свою,
Какъ срубилъ у кумы буйну голову.
Ищэ тутъ Скопинý да славý ёму поютъ,
Аливý, аливý! да старины скажутъ.

№ 57.

Смерть Скопина.

И поѣхалъ Скопинъ во цисто полё гулять.
Элиманъ! Эхлелю! [1])
Ужь онъ ѣздилъ, гулялъ ровно трí года.
Подкупилъ-то Скопинъ ровно трí горóда:
Ище перьвой городъ купецéской,
Ише другой городъ невѣрного царя,
Трéтéй городъ кумы да Малютихи.
Ише тутъ-то кумы за бѣду стало,
А за ту-ли бѣду да за великую,
Що за ту-ли просмѣшку за великую....

(Конца пѣвица не знаетъ.)

№ 58.

Смерть Скопина.

Ишше былъ жилъ Скопи́нъ да сынъ Васильевичъ сокóлъ.
Елиманъ! тамъ былó! [2])
Что задумалъ Скопинъ ѣхать за Москву за рѣкý.
Не спущаетъ Скопина́ рóдна маменька,
Не спущаетъ Скопина́ молода его жена.
Ни послушалъ Скопинъ молодой своёй жены,
Ни послушалъ Скопинъ рóдной маменьки,—
Что поѣхалъ Скопинъ за Москвý за рѣкý,
Онъ ко той-ли кумы да всё къ Малютичихи.
Пріѣжаетъ къ своей кумушки къ Малютичихи;
Что стрѣчаетъ его кумушка милёшенько,
Что берётъ ёго кума за бѣлы руки,

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха. *Собир.*

[2]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. Въ с. Оленицѣ припѣвъ другой: „Лéльма, Лéлю!“ *Собир.*

И ведётъ ёго кума въ нову горьницу,
А садитъ ево кума за дубóвой нóвой столъ,
И поитъ ево кума чаемъ, кофіёмъ;
Подносила она кумушку чарочку,
Подносила она чару зелёна̀ вина,
Зелена̀ она вина въ полтора ведра:
„Ишше выкушай, Скопинъ, да сынъ Васильевичъ сокóлъ!“
Принимаетъ Скопинъ чару единóй рукой,
Выпиваётъ Скопинъ чару на ди́ной духъ.
Ише тутъ-то Скопинъ приросхвастался:
„Ише былъ жилъ Скопинъ я младъ Васильевичъ сокóлъ.
Я задумалъ, Скопинъ, ѣхать за Москву́ за рѣку́;
Не спущаетъ миня молода моя жена,
Не спущаетъ миня рóдна маменька моя;
Не послушалъ я, Скопинъ, молодой своёй жены,
Не послушалъ я, Скопинъ, рóдной маменьки;
Я поѣхалъ, Скопинъ, за Москву за рѣку́.
Я не долго здѣсь гулялъ, столько три мѣсеца,
Я три мѣсеца гулялъ, три города взялъ:
Ише первой-отъ городъ купеческой взялъ,
А другой-отъ городъ крисьянской взялъ,
Ищэ третей—кумы тибя Малютичихи“.
Ишше тутъ-то кумы да за бѣду пало,
Что за ту-ли ей надсмѣшку за великую.
Опущаитце кума во глубоки погреба,
Наливала она чару зелена она вина.
По краямъ-то зелье люто стоитъ, ключикомъ кипитъ,
По срединѣ зьмѣя люта изьвиваитце.
Подносила эту чарочку кумушку:
„Ужъ ты выкушай, кумушко, чарочку!“
Воспроговоритъ Скопинъ сынъ Васильевичъ сокóлъ:
— Есьли чарочка не пить, нать [1]) кума́ прогнѣвить,
Есьли чарочка исьпить, самому живу́ не быть.
Чѣмъ кума мнѣ-ка гнѣвить, дакъ лутче чарочка исьпить.—
Принимаетъ Скопинъ чару единóй рукой,
Выпиваетъ Скопинъ чару на единой духъ.
И поѣхалъ Скопинъ и-за Москвы за рѣки;
Не доѣхалъ до своёго до широкого двора,—
Ищэ тутъ-то Скопина́ ёго рóзорвало.
Тутъ стрѣчаетъ Скопина молода его жена,
И встрѣчаетъ Скопина рóдна маменька.
Онъ лёжитъ ужъ, росьтенулсэ по дубовымъ по санямъ.
Елиманъ, тамъ былó!

[1]) Нать—надо. *Собир.*

III.

ПѢСНИ.

а) Проголосныя (протяжныя): №№ 59—61.
б) Плясовыя: №№ 62—63.
в) Круговыя (хороводныя): №№ 64—66.
г) Рождественскія: №№ 67—68.
д) Свадебныя величальныя: №№ 69—71.

Кандалакша: № 67.
Ѳедосеево: №№ 59—61.
Кузомень: №№ 64—66.
Варзуга: №№ 62, 63, 69.
Дураково: №№ 70—71.

№ 59.

„Военна пѣсня досельня“[1]).

Во степи было, степи да во Туресьскіи,
Во Туреськія:
Тамъ стояла вѣдь сила, сила-арьмія,
Сила-арьмія,
Сила-Iарьмія, сила вѣдь восударева,
Восударева.
Какъ фермаршелъ-князь онъ на кони сидѣлъ,
На кони сидѣлъ.
Объѣжжалъ-то онъ силу свою, Iарьмію,
Силу-Iарьмію,
Онъ салдатикамъ, князь, вѣдь выговаривалъ:
„Вы салдатики, братца мои, дѣточки,
Вы мои дѣточки,
Ужъ вы дѣтоцьки мои новобраныи,
Новобраныя!
Послужите-ткось вы цярю-ту бѣлому,
Цярю бѣлому,
Цярю бѣлому служите-тко вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою:
Вы постойте-тко за вѣрушку, вѣру христіяньцькую,
Христіяньцькую.
Вы берите-тко земного вы злата, се́ребра,
Охъ, вы злата се́ребра“.
Тутъ спрого́ворили ёму вѣдь да салдатики,
Всё салдатики:
—Намъ-то не надобно намъ да злата, се́ребра,
Намъ злата се́ребра;
Столько вѣтъ надобно намъ попа, отца духовного,
Отца духовного:
Намъ покаетьце́, намъ вѣдь во тяшки́хъ грѣхахъ,
Во тяшки́хъ-то грѣхахъ.—
Не усыпѣли салдатики словця вымолвить,—
Що не камешки у ихъ зъ-за крутой горы повалилисе
Съ плець-то у ихъ головушки покатилисе.

[1]) По словамъ пѣвицъ, пѣсня эта сложена послѣ того, „какъ турки убили Косьтентина-царя. Есть и „*Косьтентиново поле*“. *Собир.*

№ 60.

„Досельня пѣсня“.

Тамъ сидѣлъ-то посижальшочокъ,
Посижальшочокъ, російськой графъ (2),
Це́рьняшовъ Захаръ Григорьёвиць.
Онъ по те́мници погуливалъ,
Табаку трубку роскуривалъ,
Запѣвалъ пѣнь(с)ню любимую,
Онъ любимую свою родимую:
„Ты талань моя, талань така́,
Талань, учась горёгорькая!
На роду, талань, была написана?
На дѣлу́[1]) ли, талань, доставаласе?
На крящэньици, талань, умо́лёна?—
Мнѣ сидѣть въ тёмной те́мници
Мнѣ отъ младосьти до старосьти,
До сѣда́-та бѣла волоса“.
Слуцилось тамъ итти-ѣхати
Мимо эту тёмну те́мницю
Самому коро́лю Пруськія.
Тутъ спрого́ворилъ російськой графъ
Це́рьняшовъ Захаръ Григорьёвиць:
„Ужъ ты Iой еси Прусько́й коро́ль!
Прикажи-ко ты меня поить-корьмить;
Не прикажешь ты меня поить-корьмить,
Прикажи на волю выпусьтить;
Не прикажешь на волю выпусьтить,
Прикажи-ко меня скоро́ сказьнить;
Не прикажешь ты меня скоро́ сказнить—
Напишу я скору грамотку
Къ самому я къ цярю къ бѣлому[2]).
Тутъ пашъ бѣлой цярь ростужитьце́,
До́иски ка́заки поднимутьце́;
Самого тебя въ полонъ возьмутъ,
Што твою жону—въ наложници“.

№ 61.

„Военна пѣсня“ .

Собиралсэ князь Кутузовъ со полкамы,
Со полкамы,

[1]) Дѣлъ – удѣлъ, жребій; на дѣлу – по жребію. *Собир.*

[2]) По словамъ пѣвицы, здѣсь разумѣется Петръ Первый. *Собир.*

Со тѣма́-ли со донскима съ казакамы,
Съ казакамы[1]).
Выбиралъ онъ исъ казаковъ есавула.
Есавулы каравулы крѣпко сьняли.
На фрянцюського маёра въ полонъ взяли.
Приводили тутъ маёра ко кешматору,
Къ тому-ли ко кешматору да Кутузову.
Какъ Кутузовъ у маёра крѣпко спрашивалъ:
„Ты скажи, скажи, маёрикъ ты есь френьцюськой!
У васъ много ли силы во Парижи?“
—У насъ силы во Парижи сорокъ тысець,
При самомъ Палевони—сьмѣту нѣту.—
Тутъ ударилъ князь Кутузовъ въ праву шшоку:
„Ужъ ты врёшь, ты врёшь, маёрикъ есь фрянцюськой!
Ужъ ты разьвѣ меня, Кутузова, не знаешь,
Ужъ ты разьвѣ, Смоляньського, меня страшшаёшь?
Я угрозъ вашихъ, френчюськихъ, не боюсе.
Я до вашого Паливона доберусе“.
Не восточная зьвѣзда въ по̆лй восіяла,
У Кутузова сабля забрецяла.
Що не шарики по полику да катились,
У френчюзовъ съ плечь головушки у ихъ валились.
Ужъ онъ билъ-рубилъ фрянчюжовъ бесъ пошьчаду.

№ 62.

Полно, Васенька, по лужку гулять,
Подъ сутёмоцьки[2]) во скрыпоцьку играть,
Моёму серьцю назолушку[3]) давать!
Моё серьцё розгоряитце́,
Ретивоё досажаитце́,
По бѣлымъ грудямъ катаитце́,
Бытто сахарь россыпаитце,
Рознадёжей называитце.
«Ты надёжа, надёжа моя,
Ты надёженька, мой миленькой дружокъ!
Заце́мъ долго веце́ринки не зьбирашь?»

[1]) Конецъ каждаго стиха повторяется.
[2]) Въ сумерки. *Собир.*
[3]) Назо́ла—тоска. *Собир.*

—Изьвини ты, моя любушка,
Изьвини, моя голубушка,
Душа красная дѣвиця!
Мнѣ-ко днёмъ итти—въ окошоцько гледятъ;
Вецёру-то поздо—времецько ушло;
Во полноць итти—воро́та заперты,
Заперты́, крѣпко заложеныя,
Широкія затворёны ворота́.—
Спроважала я Васю до двора,
До того-ли до середьнёго крыльця.
Я стояла со Васенькой цясокъ,
Я ронила горюци́ сьлёзы въ платокъ,
Я во тотъ-ли въ полотняной уголокъ.
Посмотрю я ко Васѣ во слѣдокъ,
Каково Вася въ дорожку идётъ:
Онъ идётъ, идётъ, ове́рнетце́,
Овернётце́, росьмѣхнетце́:
„Прошшай, любушка, судариня моя,
Оставайсе въ своёмъ доми завсегда!“
Пойду зъ горя во высокія покой,
Ляжу грудью во кисовую кровать,
Я не буду по Васи тосковать;
Всю я думу на бездумьё роскладу,
Всю я це́сь на бесце́сьё розложу,
Всѣмъ я кумушкамъ-голубушкамъ скажу.
Молодому куму прапоршику,
Поручителю козловы сапоги,
Мотны пряшецьки звонцятыя,
Рукавицьки съ колокольциками.

№ 63.

Дворъ подлѣ дворъ,
Двѣ калитоцьки на дворъ (2)
Ка̀лина моя!
Ма̀лина моя![1])
Цяста лѣсенка въ тере́мъ
Ко Дуняши на кровать.
Унимаетъ ноце́вать:
„Ты ноцюй, ноцюй, Дуняша,
Розноцюй, голубушка!
Ты ноцюешь у меня—
Подарю, радось, тебя:
А куплю тебѣ серёжки

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго двустишія.

Серебляныя,
А другія золотыя
Съ поднавѣстоцькамы;
Мы во славушку пойдёмъ—
Женьщюжныя заведёмъ.
Мнѣ Ваня говорилъ:
„Хорошія-баскія[1])
Мня повысушили (2),
Серьцё повыкрушили".
Полюблю парьня такого
Шадровитого, рябого[2]):
Ужъ онъ рябъ, шадровитъ,—
Много денежекъ даритъ:
Когда рубь, когда два,
Когда полтинку серебра,
Когда синюю бумажку,
Когда ситцю на рубашку.

№ 64.

Ужъ мы росу[3]) сѣели, ой да рано! сѣели, сѣели,
Ужъ мы мосты мостили, ой да рано! мостили, мостили[4])
Ужъ мы сукна стелили.
Ужъ мы конней пропустимъ.
Ужъ мы конней изымамъ.
Ужъ мы даёмъ сто рублей.
Намъ не нать ваши ста рублей.
Ужъ мы возьмёмъ дѣвицю.
Котора лучшэ всѣхъ.
У насъ полку убыло.
У насъ полку прибыло.

№ 65[5]).

Вышли двѣ дѣвици на улицу гулять. Вью, вью, элелю!
И вышло двѣ красны на широку. Вью, вью, элелю![1])
Ишше взмахнули дѣвици по рукову,
Исъ тѣхъ рукововъ по бѣлой лебеди,
Ишше попылыли лебеди вверьхъ по рѣки,
Вверьхъ по рѣки, супротиво воды,
Супротиво воды, супротиво струю.
У меня младой старой мушь
На пецьку старъ пойдётъ,...
На лавоцьку сядётъ—старъ журитъ бранитъ;
Меня молоденьку кручина берётъ.

№ 66.

Во поли, поли бѣлой лёнъ,
Рано, рано! бѣлой лёнъ.
Ой середи бѣла лено конопёлко,
Рано, рано! конопёлко[2]).
На томъ, на томъ конопёлки младъ соловей,
Хорошо соловей пѣсни поётъ.
Отъ миня молоденьку веселье берётъ
Отъ у меня младой младой мужъ:
Во полё поѣдётъ—стрѣлки стрѣлять;
Исъ поля поѣдётъ—куницей, лисицъ,
Мнѣ-ка младенькой на кунью шубу.

№ 67.

«Достойно».

(Поютъ ребятишки, поздравляя съ праздникомъ).

Достойно есь и удивленіе
И духовного веселіё!
Нынѣ звѣзда на небеси явися,
Пачэ свѣтъ свѣтаетъ,
И произвѣшшаетъ Бога нашего,
И на земли проявляетъ,
Яко насъ на руну(?) и пандетъ[3]),

---

[1]) Баской—красивый. *Собир.*

[2]) „Отъ оспы". Шадровитой—рябой. *(Кулик. Подв.)*

[3]) Просо. *Собир.*

[4]) Такимъ образомъ повторяется съ припѣвомъ конецъ каждаго стиха. *Собир.*

[5]) Напѣвъ этой пѣсни не могъ быть снятъ съ фонографической записи. *Собир.*

[1]) Припѣвъ - послѣ каждаго стиха. *Собир.*

[2]) Такимъ образомъ повторяется конецъ каждаго стиха. *Собир.*

[3]) Въ записи изъ г. Мезени („Труды Этнографич. Отдѣла", кн. V, вып. II, с. 95): „Тако дождь нарушиетъ".

Тако Христосъ смиренный
На́ землю пріидетъ
И небесное возводитъ.
И принесетъ причыстыя Дѣвы Маріи
Родися яко младенецъ,
И пеленами побиванъ.
Гордыя цари дивятца,
Земнородныя человѣцы объ томъ всселятца,
Вкупѣ возрадуютца.
Ты же, господинъ хозяинъ, повеселися
Со своею супругою
И шъ чада́ми своими,
Утѣхи наслядитися.[1])
Тому же господину хозяину
Пребывати желаемъ,
Велегласно спроздравляемъ!
Взыде звѣзда отъ Іакова,
И свѣтъ возліи отъ Израиля.
Дѣва Бога рождаетъ.
Ангели удивлятца,
Персидскія цари дивятца.
Затѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ,
Многое лѣта, многое лѣта,
Многая радость!
День Христова роженіе,
Веселися день,
Благодать весь день[2]).
Хвалу пѣти Бо҃ну нашему
Въ полуночь весь день.
Ангелъ пастырь возвѣсти́лъ
Нарожденного
Бога нашего.
Ангелъ пастырь возвѣстилъ,
Царь же Иродъ всѣхъ возвесьтилъ[3]),
Мла́денцей побилъ.
Били, били ихъ,
И ругали ихъ;
Съ матерями воспрошалисъ,
Жалко сплакали,
Тамъ сльёзы спроли́вали.
Са́боли́ (?) дѣтки́,
Жо́лыбны матки́[1]).
Лёжитъ воронъ на полѣ въ крови съ маткй[2]).
Маткамъ ручки заломаны;
Волосы деруть,
Умираю́тъ,
Мимо гласу не спушшаютъ
Въ сердесьню рѣку́.

№ 68.

Виноградье.

[Рождественская величальная пѣсня, которую поютъ хоромъ „виноградьщики“ наканунѣ Рождества, величая хозяевъ. Ходятъ по избамъ большею частью мальчики и подростки, держа въ рукахъ склеенную изъ бумаги звѣзду со вставленными внутри ея свѣчами. Прежде ходили взрослые мужики съ простыми фонарями. Виноградьщикамъ хозяева даютъ денегъ. Подобную пѣсню поютъ и въ городѣ Колѣ].

Виноградіё красно, зелёноё оно![3])
Ище ходятъ-походятъ виноградьшицьки,
Опы ишшутъ-поишшутъ Іосударёва дворьця.
Іосударёвъ-отъ дворецъ середи Москвы стоялъ,
Середи Москвы стоитъ, середь матушки
(Посередь Москвы да середь ярманки).
Кругомъ-около дворца бѣлокамяпа сьтѣна,
Сьтѣна, сьтѣна—да вѣтъ желѣзной-отъ тынъ;
Що на кажпой тынинки по маковки,
Що на кажной маковки по зо́лоту кресту,
Що у кажного креста по воскуяровой свѣшпы.
Какъ хозяинъ во дому—сьвѣтѣлъ мѣсецъ во полку[4]),
Какъ хозяйка во дому—мати утрянна зоря,

---

[1]) Одинъ изъ мальчиковъ произноситъ такъ: „уследитися“ — вмѣсто „усладитися, наслади-тися“. *Собир.*

[2]) Въ записи изъ г. Мезени; „Веселимся здѣсь (вм. „днесь“), „благодати есть“.

[3]) Вмѣсто „возместилъ“? Въ записи изъ г. Мезени: „Царь же Иродъ во всемъ мірѣ“.

[1]) „Жалостны матки, соболи дѣтки“.

[2]) „Лежитъ тако воронковъ, на поляхъ снопковъ“.

[3]) Припѣвъ, повторяется послѣ каждаго стиха

[4]) Вмѣсто „въ потолку“ –воспоминаніе объ обычаѣ изображать на потолкѣ небесный сводъ со свѣтилами? *Собир.*

Малы дѣтоцьки—да цясты звѣздоцьки.
Ужъ вамъ полно-ко спать, да какъ пора-то вамъ ставать,
Що пора-то вамъ ставать да виноградьщицьковъ стрѣцять,
Виноградьщицьковъ стрѣцять да виноградьщицьковъ дарить!
Ишше дай-ко вамъ Боѣъ, да надѣли-ко вамъ Христосъ
Ишше денёгъ (вина) косúцю[1]) да енць коробицю[2])!
Ишше дай-ко вамъ Боѣъ, да надѣли-ко вамъ Христосъ
Триста быковъ да полтораста жеребцёвъ,
Полтораста жеребцёвъ да всё неклáденьцей!
Здрáствуй хозяинъ со хозяюшкой
Да съ малыма дѣтушкамы!

№ 69.

Выходило-вылётало тридцéть три карабля, Изъ Дунай[3])!
Тридцéть три карабля да со единымъ караблёмъ,
Со единымъ караблёмъ да со единымъ молодцомъ.
Шшо одинъ-отъ карабъ да наперёдъ выбѣгалъ,
Наперёдъ выбѣгалъ какъ соколъ вылеталъ.
Шщо посъ-корма по-туринному,
Шщо бока зведены по-зьвѣриному.
А на этомъ карабли удалой молодéць,
Удалой молодець да первобрачной есь,
А на имя Олёксѣй да Владимёровиць.
Онъ строгалъ стружки кипарисъ-дерева;
Уронилъ молодéць свой злацёнъ перьстень,
Онъ крыцялъ-то, зыцялъ да зычьнимъ голосомъ,
Зычнимъ голосомъ да во всю голову:
„Ужъ вы слуги, вы слуги, слуги вѣрныя мои!
Слуги вѣрныя мои да удалы́я молодци!
Вы вяжите-тко, слуги, шелковы́е невода,
Вы ловите-тко, слуги, мой злацёнъ перьстень,
Мой злацёнъ перьстень да позолóцéной“.
Они перьвой разъ ловили—не выловили,
Они другой разъ ловили—да нѣтъ какъ и нѣтъ,
Они третей разъ ловили—повыловили;
Шшо повыловились только три окуня,
Шчо три окуня да златопéрыихъ:
Ишше перьвой-отъ окунь во сто рублей,
Ишше дрýгой-отъ окунь во тысечю рублей,
Ишше третьёму-ту окуню цёны-то нѣтъ;
Ишше есь ёму цёна да во НовѢгородѢ,
Во НовѢгородѢ да у царя въ Москвы,
У царя въ Москвы, у короля въ Литвы.
Ишше вó поли, пóли берёза-та стоитъ,
Во широкомъ роздольи кудрявая стоитъ;
А у этой у берёзы кисовáя кровать стоитъ,
Шьчо на этой на кровати богосужона лежитъ,
Богосужоная да богоряжоная,
Ишше нá имя Анна Николаевна.
Затѣмъ здрасвуй Олёксѣй да съ Аннушкой!
Проздравляю Владимеровиць съ Николаевной!

№ 70.

По спнёму-ту морю по солоному Езъ-Дунай![1])
Тамъ бѣжало-выбѣгало тридцеть кáраблей,
Тридцеть кáраблей бѣжало со единымъ караблёмъ.
Шьто единъ карабь-карабль наперёдъ онъ забѣгалъ,
Наперёдъ онъ забѣгалъ, какъ соколъ залеталъ.
Ишше посъ-корма у кáрабля потуриному,
Ишше бока-та зведёны полошадиному;
Ишше ноги-то, дрóги[2]) были шолковы,

[1]) Косушку? *Собир.*
[2]) Въ старомъ малор. словарѣ сл. „коробка“ объяснено—„спудъ“ (*Житецкій*, Очеркъ литературной исторіи мр. нарѣч.), а „спудъ“—мѣра объема (*Срезн.*). Ср. Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879, стр. 66, 143: „коробью жита купили по семи новгородокъ (денегъ)“.
[3]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. *Собир.*

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. *Собир.*
[2]) Дрогъ—фалъ, снасть для подниманія паруса и рея. *(Подв.)*.

Булатныма гвоськами околочены.
Ишше стружоцьки строгалъ да во синё
морё спушшалъ.
Ишше цей этотъ дётина, ц(ч)ей удалой
молодецъ?
Олексѣй сударь Владымеровичъ.
Ишше на сто коровъ, на полвтораста быковъ,
Ишше дай Боже Олексѣю на житьё, на
бытьё,
Владымеровичу на женитбу молодцу!

(Припѣваютъ дѣвку).

№ 71.

(Постся молодымъ послѣ вѣнца).
По синицькамъ, синицькамъ,
По цястымъ переходицькамъ (2)[1])
Туда ходила-гуляла
Молода жона боярына
Валерьяна Николаевна
Молодого боярына
Олексѣя Володымеровичя.
Въ рукахъ она носила
Два блюда серебряны,
На блюдецьки носила
Два яфонта зерьц(ч)яты,
Двѣ бумажныя[1]) запоны.
„Полёжите малёшенько,
Покуль я молодёшенька
Сижу въ свѣтлой свѣтлицы,
Во столовой новой горьницы,
За столами за дубовыма,
Скатертёми за берц(ч)ятыма[2]),
За хлѣбамы пшенишьнима,
За питьями рознолисьнима“.
Тутъ уздрила-усмотрила
Своего друга милого,
Друга милого, любимого
Олексѣя Владымеровиця
Валерьяна Николаевна.
Олексѣй-отъ хфастаётъ
Своей молодою жоной
Валерьяной Николаевной:
„У меня жона умная,
У меня душа-розумная;
У ей походоцька павлиная,
Тиха рѣць лебединая,
Брови цёрново соболя,
Оци яснова сокола
Олексѣя-та Владымеровиця“.
Тутъ бояра-та хвастаютъ:
„У насъ полки крѣпцяты“.

---

[1]) Каждый стихъ, кромѣ перваго и послѣдняго повторяется. Переходы—сѣни (*Срезн.*) *Собир.*

[1]) Вмѣсто „алмазныя“. *Собир.*

[2]) Бердчатый—узорчатый (*Даль*, *Подв.*), отъ „бёрдо“ — ткацкое орудіе для прибиванія нитей утока. *Собир.*

IV.

СВАДЕБНЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

Ѳедосеево: № 72.
Кандалакша: № 73.
Кузомень: №№ 74—77.

№ 72.

(Поется, когда дѣвушки будятъ „невѣсту“).

Повѣйте-ткось да потените да тонки
буйныя вѣтры (холодныя)
Со всѣхъ со цѣтырехъ со сторон(оцёкъ)!
Надойди-ко тёмна грозна туця (дожжовая)
Надъ родительско тёпловитоё гнѣ(здышко)!
Пролейте цясты мелкія дожжи (наливныя),
Розмоците мои уста (сахарнія),
Встрепешшись во мнѣ серцо (ретивое)!
Отмахнуть-то мнѣ-ка было правую руцьку
(дѣвиную),
Отмахнуть-то мнѣ-ка тёпло одѣвалышко
(соболиноё);
Мнѣ-ка сѣсь-то было, цёловѣку, дитю
круци(нному),
Мнѣ на цёсно мѣсто на (дѣвиноё)
Мнѣ во первыя наконъ[1]) и во (послѣднія).
Ужъ мнѣ набо[2]) припаномнити своихъ жа-
лапныхъ свѣтъ (родителей),
Що науцили меня на крёсты, на молитвы
на (Исусовы),
Мнѣ набъ[2]) класьть мнѣ-ка цюдёнъ крёсъ
во правую руку (дѣви́ную),
Во-перьвы́хъ мнѣ зды́путь[3]) на свою дѣ-
вину буйну (голову),
Опусьтить мнѣ-ка на своё серьцё (ре-
тивоё),
Мнѣ перекресьтить мои невзрацьныя плеця
(дѣвиныя),
Сотворити мнѣ молитвы всё (Исусовы),
Мнѣ призвать-то было всѣхъ аньделовъ,
(арханьделовъ),
Щобы спасьли-то опы меня (и помиловали)
Ото всякого врага (супостатого)[4]).
Попесите-тко мои подломны ножки (рёз-
выя),
Ужъ вы не гнитесь-ко вы подо мной да
и не ло(майтесе)!

[1]) Наконъ – разъ. *Собир.*
[2]) Набъ, набо – надобно. *Собир.*
[3]) Поднять. *Собир.*
[4]) Здѣсь невѣста встаетъ съ кровати.

Ужъ пойти повыть[1]) мнѣ-ка сѣроплавной
сѣрой (утицёй)
По родительцькому дому да всё по мо-
стинки да по ду(бовыя),
Ужъ мнѣ отмахнуть мнѣ-ка да горьки
(слёзы)
Прочь отъ блёклого отъ лица да и не (ру-
мяного),
Ужъ ты уходись-кось, моя обида, въ ре-
тивомъ (серци),
Ужъ вы остойтесь-ко[2]) мои умножны
горьки (слёзы),
Не катитесь-ко по лицю да и по (блёклому)!
Мнѣ-ка погледѣть-то, цёловѣку, дитю (кру-
цинному),
Накругъ[3]) домъ теперь, тёпловито (гнѣз-
дышко),
Накругъ сьвѣтлыя окошка да всё (косись-
цяты),
По которымъ-то пекё украсно сольцё
(угрёвноё);
Ужъ накругъ бѣлыя брусовыя ла(воцьки),
Гдѣ сидятъ мои жаланны ро(дители)
И смотрятъ на меня, сизу косату го(лу-
бушку).
Не убойсе, моё красно солнышко (угрёв-
ноё)![4])
Не зьмѣя плову да изъ цистá (поля),—
Не обожгу твои ножки роди(тельски);
Не зима иду студё(ная)—
Не озноблю твоё родительско серьцё (ре-
тивоё)...

(Конецъ плачи не записанъ).

[1]) Повыйти? *Собир.*
[2]) Остаяться—остановиться. *Собир.*
[3]) Накругъ—на. *Собир.*
[4]) Невѣста обращается къ отцу.
[5]) Проти—напротивъ, передъ. *Собир.*

№ 73.

(Напѣвъ сходенъ съ напѣвомъ № 72).

Становълюсе-то я, цёловѣкъ, дитя кру-
(цинно),
Середь-то дому, тёпловитого гнѣзды(шка),
Що проти́-то[5]) дому, тёпловитого гнѣзды-
(шка).

Погледѣть-то мнѣ-ка, цѣловѣку, дитю кру-
(цинному),
Накругъ[1]) мнѣ-ка домъ топереце тёпло-
вито да гнѣздыш(ко),
Накругъ мнѣ-ка свѣтло косисьцято[2]) окош(ко),
Исъ которого сьвѣтла окошка да исъ ко-
(сисьцятого)
Да и повы́стало[3]) Божьё сугрѣвноё соньцё
(красноё),
Росьпекло-то Божьё сугрѣвно да соньцё
(красноё)
Да ишшо со всёй-то лупой[4]), со припёкомъ да съ подне(бесным).
Вкупѣ-ль, вмѣсьтяхъ пекётъ, съ полупосьнимъ сьвѣтлымъ (мѣсецемъ);—
Вкупѣ-ли, вмѣсьтяхъ сидятъ жаланны
свѣтъ-ро(дители),
На единой-ли бѣлой брусовой да бѣлой
ла(воцьки),
Подъ единымъ-ли сьвѣтлымъ окошкомъ
(косисьцятымъ),
Да попивши[5]) сидятъ родительски буйны
(головы),
Дай потупя́-то сидятъ заплакушши[6]) да
воци (ясныя);
Гли (?) оны вѣть и ронятъ, капятъ свои
умножны горьки с(лёзы);
Оны гледятъ-смотрятъ на миня, цѣловѣка,
дитя кру(цинно)[7]).
Ужъ я вамъ сьмѣю ли теперь подойти да и
посту(пити),
Я умѣю ли воздать-то вамъ уцьли́въ поклонъ да до сы(рой земли)?
Уходись-ко, горё, во мнѣ, обида, да въ
рети(вомъ серци),
Пріустойтесь-ко вы, мои вумножны да
горьки (слёзы),
Поклонись-кось, моя непоклонна да дѣвина
буйна (голова),
Покорись-кось моё непокорно да рети(во
серцё)!

[1]) Накругъ домъ—на домъ. *Собир.*
[2]) Косящатое, обшитое досками. *Собир.*
[3]) Выстать,—взойти, показаться. *Собир.*
[4]) Луна—небесный сводъ. *Собир.*
[5]) Иначе—„подклонивши“.
[6]) Заплакущія—заплаканныя. *Собир.*
[7]) Иначе—„снизу косату го(лубушку)“.

Ты послушай-ко, моё сугрѣвно да соньцё
кра(сноё:)
Ужъ я цѣмъ теперь жо досадила, чѣмъ озло́(била)?
Али васъ я теперь угрубныма словамы (досадныма)?
Разьвѣ я проси́дѣла у васъ бѣлы брусовы
да бѣлы (лавочки)?
Прогледѣла сьвѣтлы окошка да всё (косисьчяты)?
Я преѣла хлѣба-соли поста(влёного)?
Предёржала вашого дорогого платья (цьвѣтного)?—
Шшо осе́рьдилисе вы, мои жаланны свѣтыро(дители),
Обиневолили миня, цѣловѣка, дитя кру-
(цинно),
Исъ превольнёго житія да и во (невольнёё),
Да и во злодѣйку сильню неволю да во
(велику).
Пуше, зьлѣ привторили да при(бавили)—
Пріотсѣели меня на злодѣйку да дальню
сто́(рону),
Быть[1]) во тёмныя миня во лѣса да и во
дре(муція).
Когды мнѣ-ка вѣдь Бохъ судитъ да изволитъ да соньцё (праведно)
Мнѣ-ка вѣдь уѣхать-то мнѣ-ка на злодѣйку да дальню (сторону),
Не жалѣй-ко-се ты, моё сугрѣвно да соньцё (красноё)[2]),
Не жалѣй-ко бемчотной своёй золотой казны-со(бины)[3]),
Напимай порыскуц(ч)ю да лошадь (добрую),
Пріѣжжай-кось миня посмотрѣть да и погле(дѣть),
Живучисе-то[4]) миня вѣдь бо (?) на злодѣйки да дальнёй сто́(роны),
Да во злодѣйки сильнёй въ неволи да во
ве(ликія),
У цюжихъ-то сьвѣтовъ нежаланныхъ да у
ро(дителей).

[1]) Будто. *Собир.*
[2]) Обращеніе къ отцу. *Собир.*
[3]) Собина—имущество. *Собир.*
[4]) Живущую, когда я буду жить. *Собир.*

№ 74.

(Поется на рукобитьѣ).

Благослови же, да Боже Гос(по́ди),
Матерь Божія Присьвятая Бо҃оро(дйца̀),
Бѣлой лебеди воскли́кать на преглубой ти-
хой за(води),
Красной дѣвицы ай заплакать во роди-
тельскомъ тёпломъ ви́томъ въ
новомъ (гнѣ́здышкѣ).
Какъ сево дне, по сему дне выходила
дочь кручинна попотухъ зорп (вечерней)
На широкую сьвѣтлу улицу, смотрѣла во
всѣ я четыре (стороны).
Што со западной сторонки подпималась
туча (тёмна)
Со вьюгами да со мор(озами).
Я теперь знаю-розумѣю: тамъ не туча,
вѣрно, (тучилась),
Не туманъ, вѣрно, (туманилсэ),—
Подпималсэ да лихой сватъ онъ къ намъ
съ обманамы къ надежда-сонцу (красному),
Къ болѣзной моей жа(ланной).
„Вы послушайте, любезны мои по(други):
Не кладите вы крѣпкой своей на(дежды)
На серьдечныхъ своихъ ро(дителей).
Ишше вёшной ледъ подыпбй(чивой)[1])
Не тресчитъ, а вдругъ (подломитце)
Ишше тагже серьдечны паши ро(дители)
Не грозятся—вдругъ о(злобятся)
На нашу дѣвью го(лову),
На природу—трубчату́ косу (дѣви́ну)".
„Ты послушай, надежда да сонцо (крас-
ноё),
Ты болѣзна моя (жаланна)!
Вы на што же осердились да прогнѣ(вив-
лись)?
Опила я васъ, объ(ѣла),
Въ чо́сномъ мѣсьти опсид(ѣла),
Иль стыдомъ я васъ пристыдила да при-
сра(мила)?
Вы можите знать да розумѣть:
Не тянули, не дули да вѣтры (буйны),
Не говорили про миня зьдѣсь люди
(добры).
Ты послушай, болѣзна моя жа(ланна):
Отдаёшь ты меня, отсѣ(ешь)
На чужую дальню сторону,
На злодѣйку да незна(кому).
Учоши же мнѣ дѣвью (голову)
По посьлѣднёй разъ, ос(татнёй),
Не бросай ты мои эты русы (волосы)
На широкую сьвѣтлу (улицю);
Береги ты до лѣта ихъ до (красна),
До весны ты береги ихъ солно(пе́чной).
Когда прѝдетъ да вёсна красная у(грѣвна)[1]),
Посади мои да русы (волосы)
Передъ окошочка ко(систы),
Ты ходи смотри наб(людай):
Есьли посохнутъ-повянутъ мои русыя дѣ-
винныя тѣ во(лосы),
Ты знай тогда, розу(мѣй),
Что идётъ житіё у миня не въ согласьи да
не фъ со(вѣтѣ)
Съ чужимъ мла̀дымъ съ яснымъ всё (со́-
коломъ),
Съ богаданыма роди(телями).
Ты тогда будешь рада, моя бол(ѣзная),
Ты по бережку на(ходисьсе),
Камень къ каменю напри(бираисьсе),
Къ ретиву́ серцу напри(жимаисьсе),
Всё миня дитя наспоминаишься,—
Черезъ рѣку рада кликати,
Черезъ лѣсъ да рѣчь говорити!"

№ 75.

(Поется сиротъ въ послѣдній день предъ свадьбой, когда дѣвушки истопятъ баню).

Мы зашли да на новы́ сѣни,
Отворили двери на̀-пяту,
Становились мы да среди тёплого вита
гнѣздышка,
Ужъ мы били чаломъ, кланелись
Нашой милой любовной подружечки.
Почему мы узнавать будёмъ,

---

[1]) По объясненію пѣвицы „подломчивъ". Вѣроятно, отъ слова „подынуть"—поднять; слѣд.,—пловучій. *Собир.*

[1]) Угрѣвной—обогрѣваемый солнцемъ, теплый. *Подв.*

Почему ей примѣчать будёмъ?
Потому мы догадалися,
Что сидитъ наша подружочка
На брусовой бѣлой лавочки,
Подъ косисьчатымъ окошечкомъ,
Понизя свою да буйну голову,
Потупя свои да очи ясныя.
У ей сьвязана да изукрашена
Дорога повязка красна золота;
Уплетёна трубчата̀ коса
Во посьлѣднёй разъ въ остаточный;
Ишче связана у ей да въ трубчатой косы
Одна ленточка и-семи шолковъ.
„Добро жаловать, подружечка!
Истопили мы вамъ, изготовили
Парну мыльную баенку,
Наносили ключевой воды
Со Дунай да рѣки быстрыя.
Добро жаловать да просимъ милосьти!
Ужъ ты смой же горючи слезы
Со бѣла лица дѣвинного
Злу кручинушку да съ ретива́ серца.
Посьлѣ етой парной баёнки
Лёгота́ бывать, здоровіе“.

№ 76.

(*Отвѣтъ невѣсты на предыдущую плачь*)[1].

Вамъ спасибо, благодарствую,
Мои милыя любовныя подружечки,
Мои трудницы, работницы!
Вы сколь не добры, сколь не ласковы!
Ужъ вы ходите, трудитесь,
Миня шъ чесью провожаите
Отъ сердечныхъ моихъ родителей
Къ чужу младу ясну соколу,
Гъ Богомъ даннымъ родителямъ[2]).

№ 77.

(*Поется, когда гостей посадятъ за столъ*).

Пролетучей да ясной соколъ,
Ты слетай да испровѣдай
Ты за си̇нё да за грозно солоно́ морё,
Ты къ надежды-то къ сонцу красному,
Ты къ надѣи[1]) моей великой,
Ты къ заступы да обороны.
Куда скрылсэ онъ, схоронилсэ?
За трудамы ли, за роботами,
Иль за корысными большими промыслы?
Какъ сево дне да по сему дни
У болѣзной да у жаланной
Што заводитце-зачинаитце
Всё столы-пиры-банкеты.
У ей звано, у ей чёсто(вано)
Дорогихъ госьтей, не жданны да не бы(валыя),
На посьлѣдню тиху́ бесёду да на (весёлуй),
На розлуку на вѣко(вѣчну):
„Ужъ я бъю тебѣ челомъ да ниско кланеюсь:
Ты приди да приходи
Изъ-за синяго зъ-за грозна солона́ моря“[2]).
Я диво́мъ тому роздивуюсь,
Не сотворитце чудо чудноё,
Чудо чудноё да диво дивноё:
Исъ той пути-дороги широкія
Нѣтъ ни вѣсьти, нѣтъ ни па̀вѣсьти[3]),
Ни скорописьчатой да нѣту грамотки,
Ни словеснего да наказаньица.
Могу знать да розумѣть:
Не за спесью-то, не за гордосью,
Не за трудамы, не за роботамы,—
Навалились сны да забудушшія,
Забудушшія да непробудныя:
Знаю, спишь да не пробудишься,
Не при́дешь къ моимъ да дубовы́мъ столамъ.
На моихъ-то снарядныхъ дубовыхъ столахъ
Всё неполное да недовольнёё,
Всё нестоялоё, негодовалоё.

---

[1]) „Невѣста станётъ отплакивать“. *Зам. пѣвицы.*
[2]) Т.-е. къ свекру и свекрови. *Собир.*

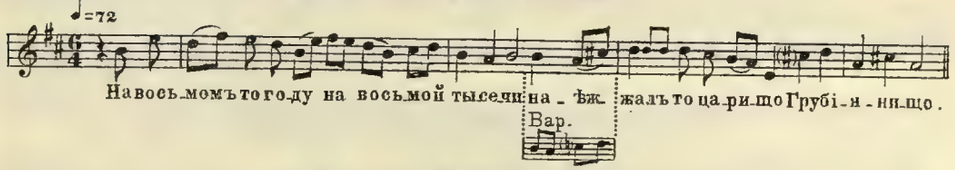
[1]) Надѣя—надежда, опора. *Собир.*
[2]) Обращеніе къ умершему отцу. *Собир.*
[3]) Па̀вѣсть—слухъ, разсказъ. „Ни вѣсти, ни павѣсти“—поговорка. *(Подв.)*

НАПѢВЫ ТЕРСКАГО БЕРЕГА БѢЛАГО МОРЯ.

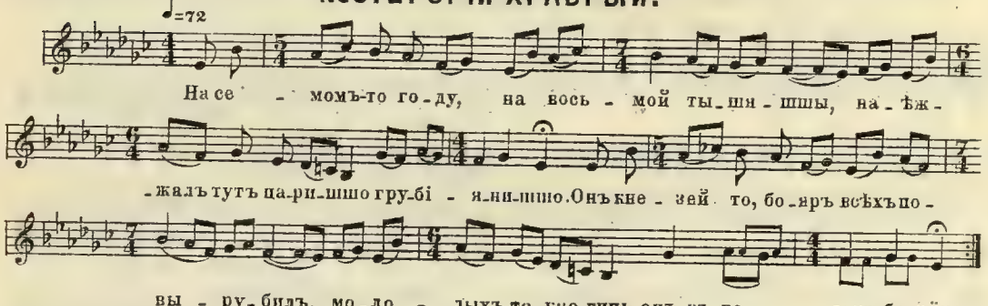
Матеріалы, собранные въ 1901 г. въ Архангельской губ.
А. Марковымъ, А. Масловымъ и А. Богословскимъ.

I. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

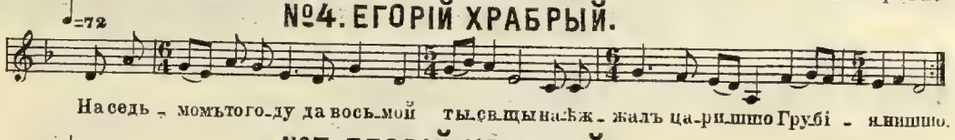
№2. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.[1]



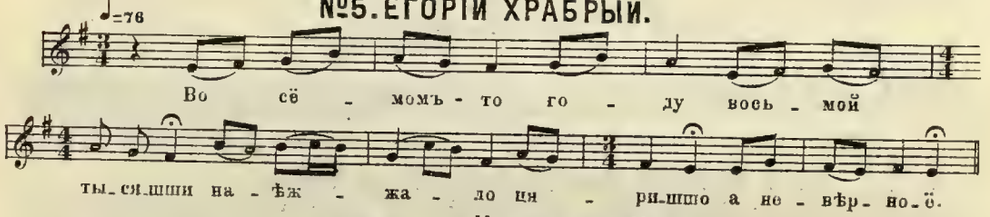
№3. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.



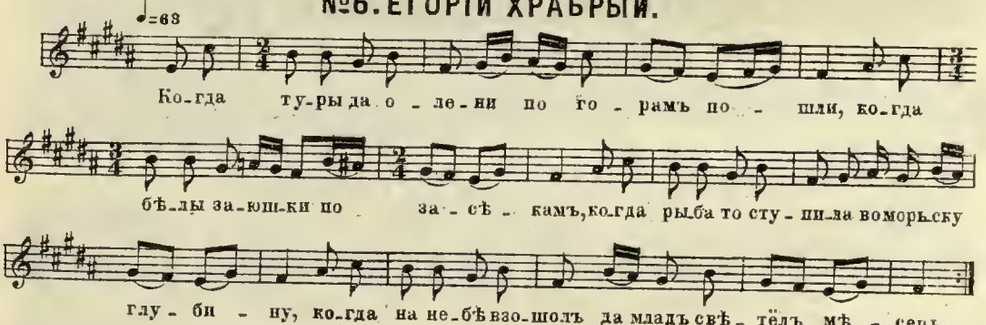
№4. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.



№5. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.



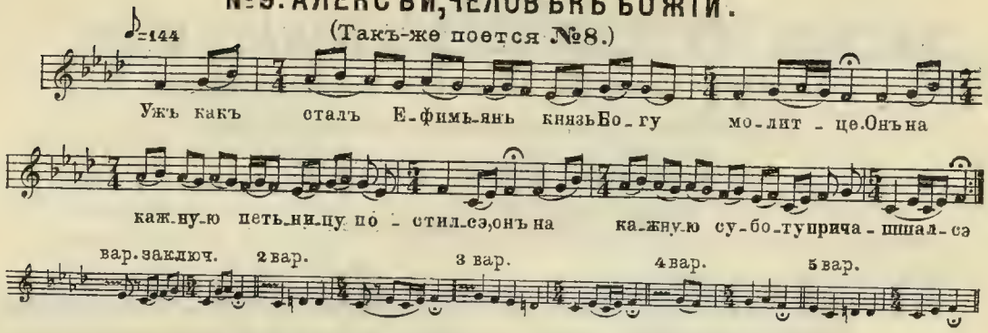
№6. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.



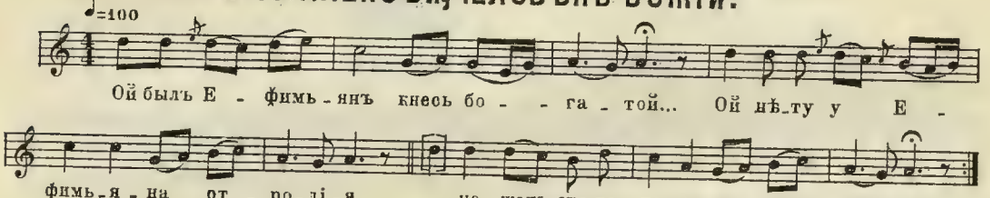
*) Номера отмѣченные звѣздочкой, записаны фонографомъ.
1) Напѣвъ №1 см. выше №17.

№9. АЛЕКСѢЙ, ЧЕЛОВѢКЪ БОЖІЙ.

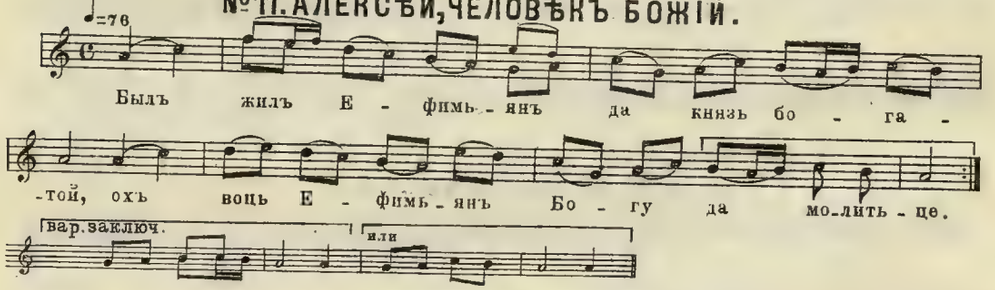
(Такъ-же поется №8.)



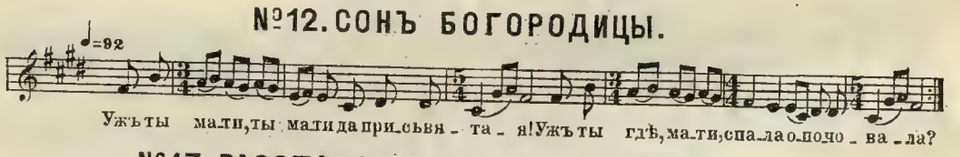
№10. АЛЕКСѢЙ, ЧЕЛОВѢКЪ БОЖІЙ.



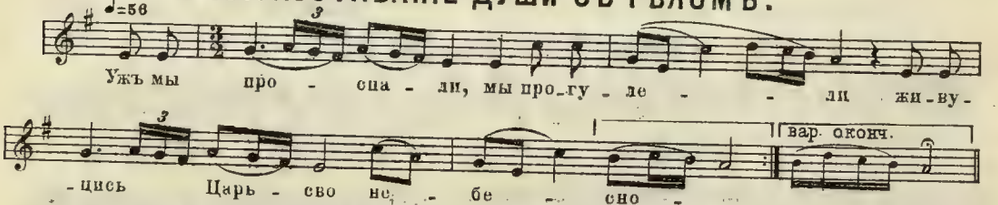
№11. АЛЕКСѢЙ, ЧЕЛОВѢКЪ БОЖІЙ.



№12. СОНЪ БОГОРОДИЦЫ.

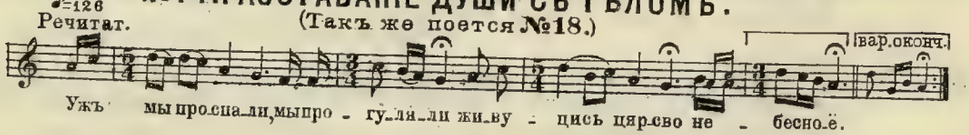


№13. РАЗСТАВАНІЕ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ.

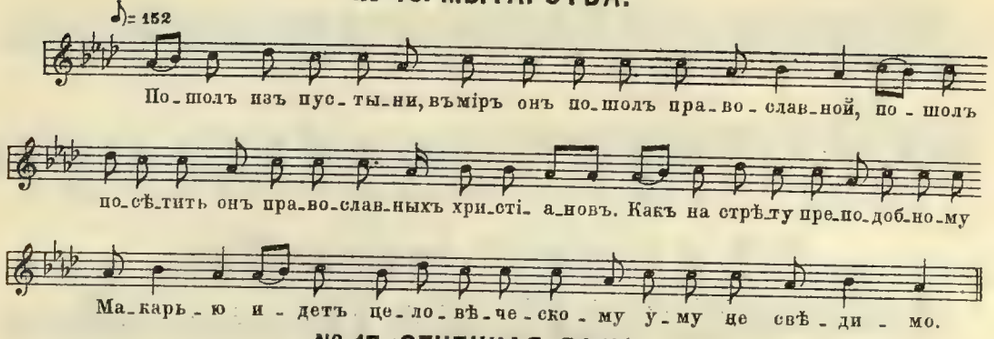


№14. РАЗСТАВАНІЕ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ.

(Такъ же поется №18.)

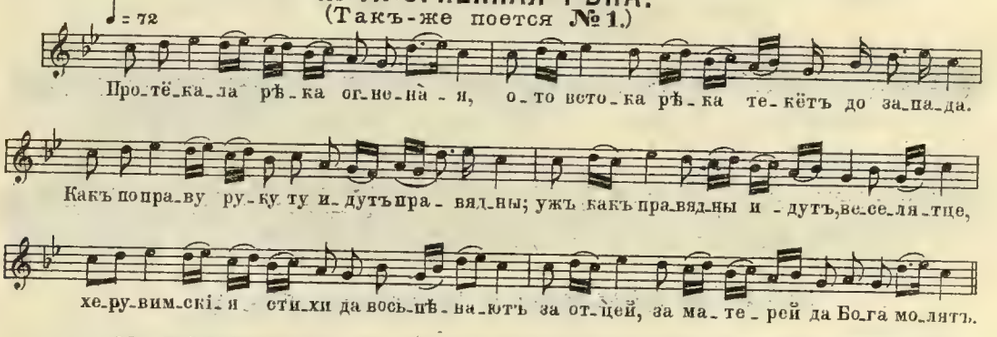


№ 16. МЫТАРСТВА.



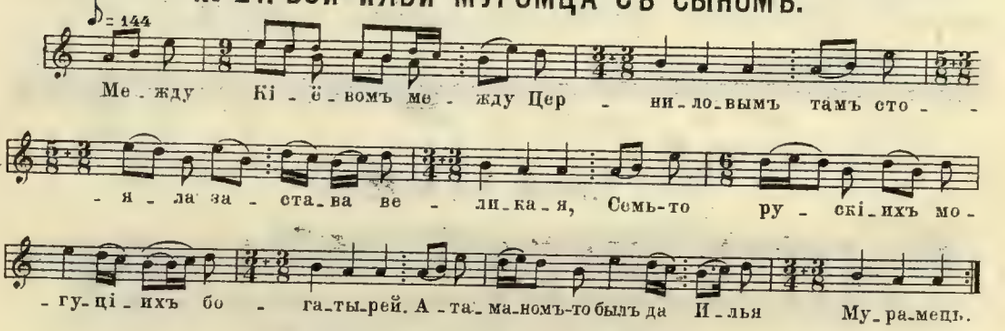
№ 17. ОГНЕННАЯ РѢКА.

(Такъ-же поется № 1.)

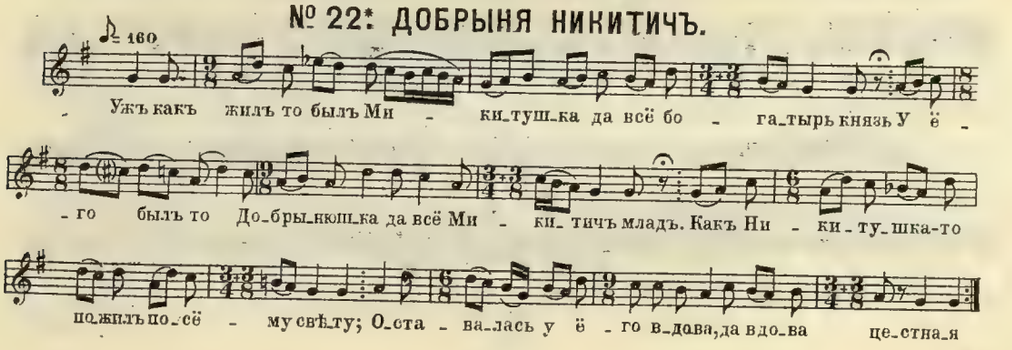


II. БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

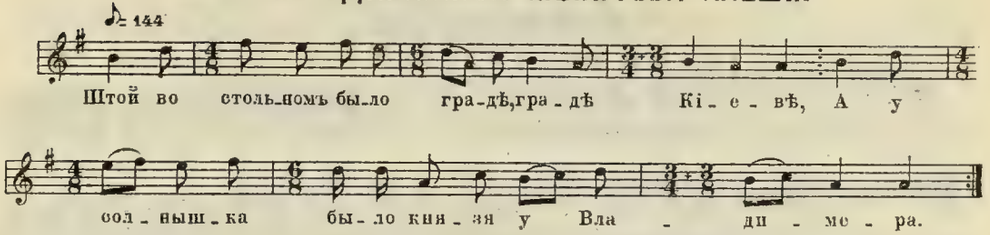
№ 21. БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА СЪ СЫНОМЪ.



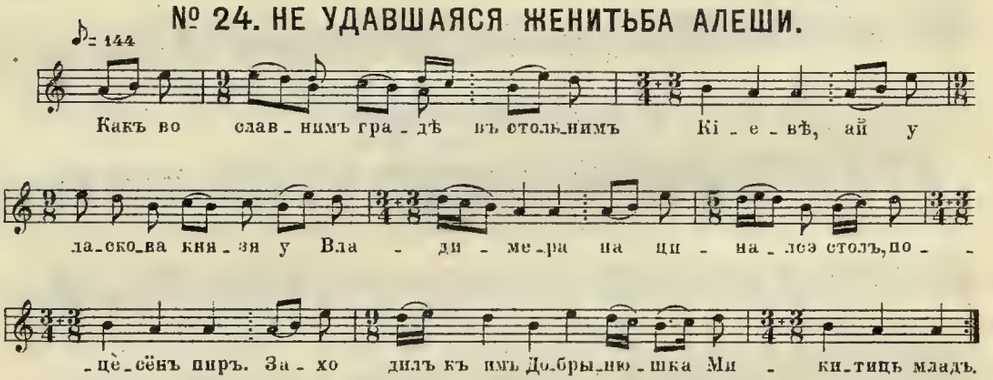
№ 22*. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.



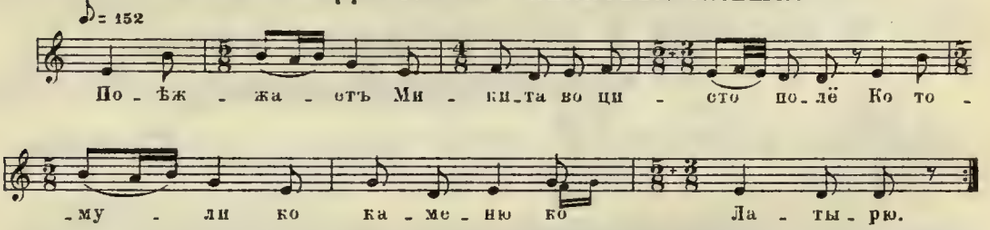
№ 23. НЕ УДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ.



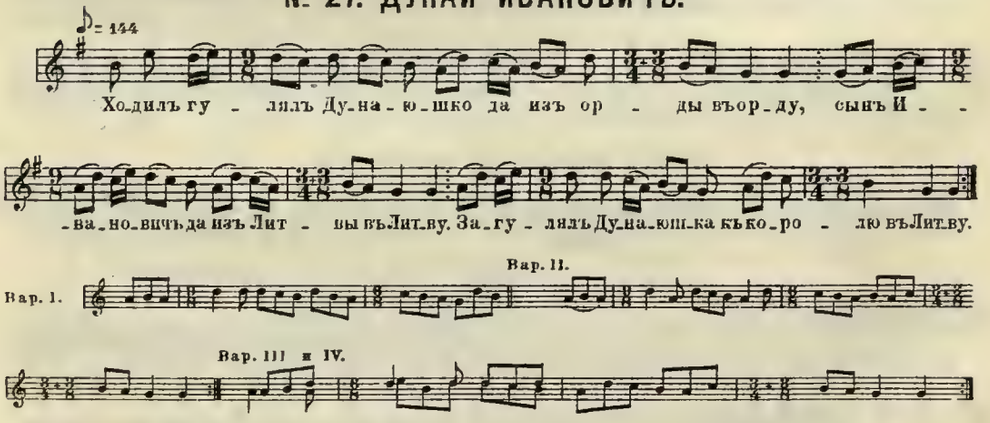
№ 24. НЕ УДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ.



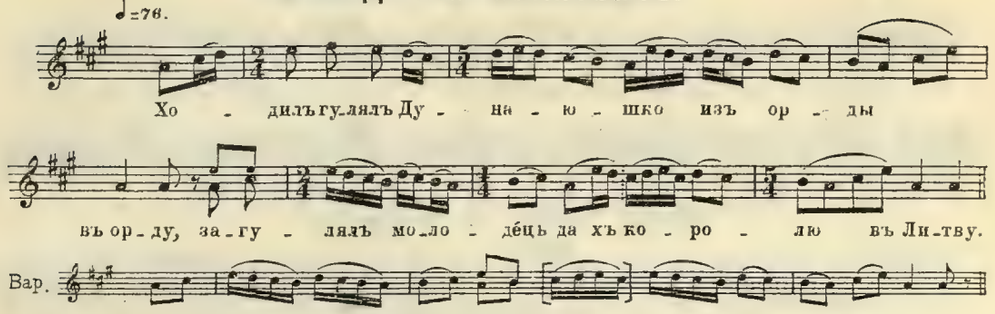
№ 25. НЕ УДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ.



№ 27. ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.

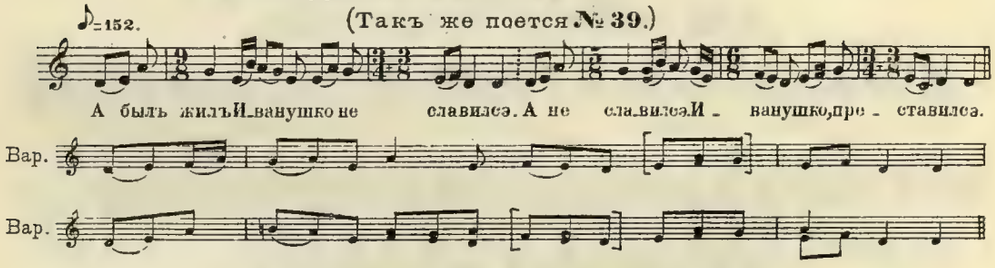


№28. ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.

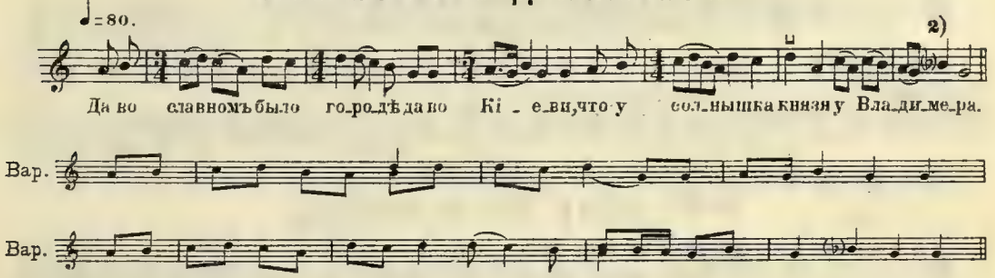


№29. ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.[1]

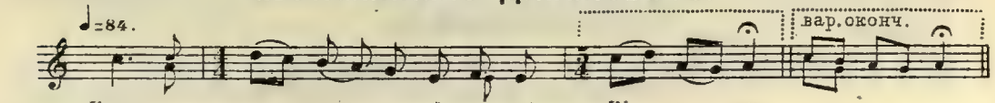
(Такъ же поется №39.)



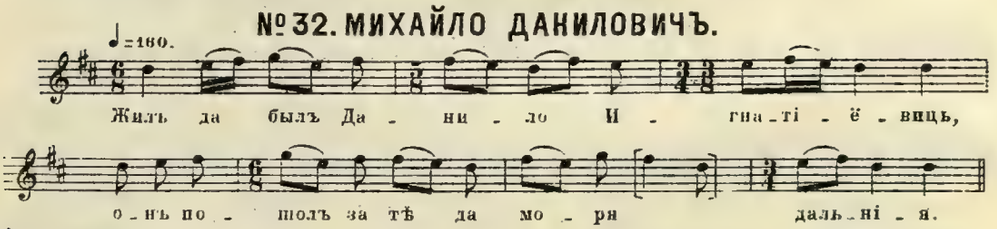
№30. МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧЪ.



№31. МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧЪ.



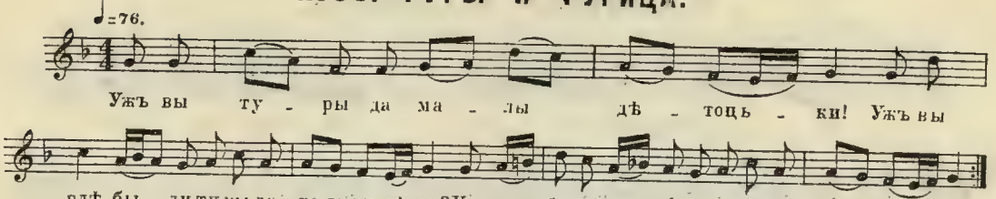
№32. МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧЪ.



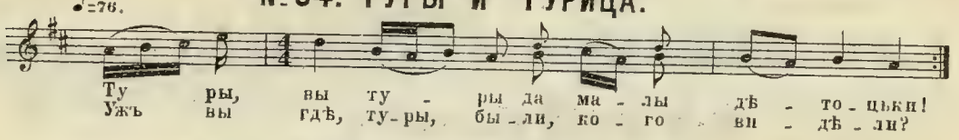
1) Пѣло двое.

2) Въ заключительномъ тактѣ пѣвица брала то си ♮, то си повышенное. Этотъ напѣвъ перенятъ изъ с. Кашкаранцовъ.

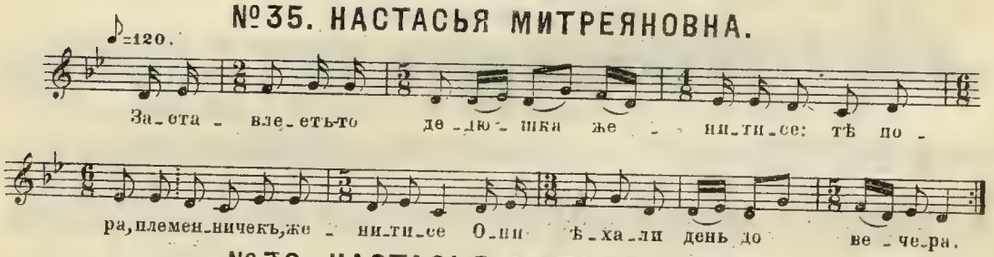
№33. ТУРЫ И ТУРИЦА.



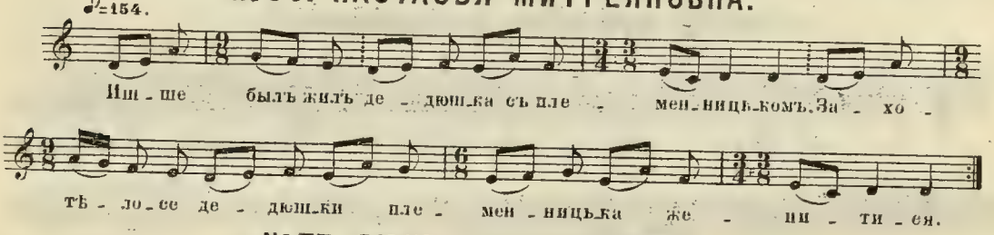
№34. ТУРЫ И ТУРИЦА.



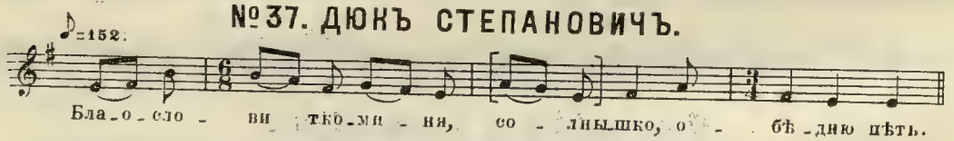
№35. НАСТАСЬЯ МИТРЕЯНОВНА.



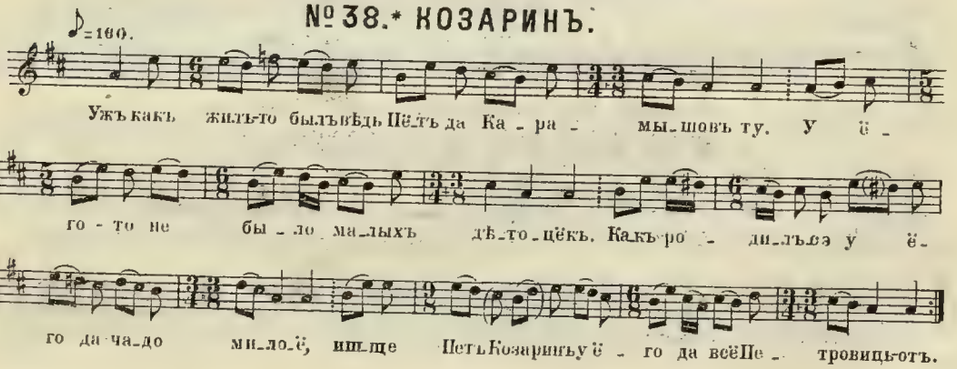
№36. НАСТАСЬЯ МИТРЕЯНОВНА.



№37. ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

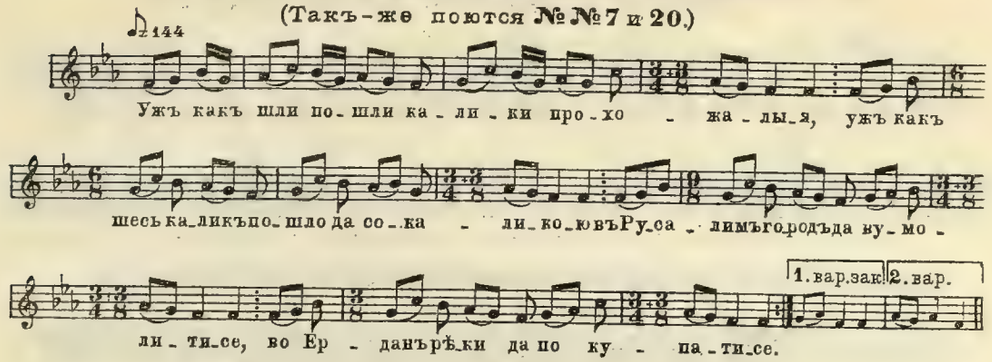


№38.* КОЗАРИНЪ.

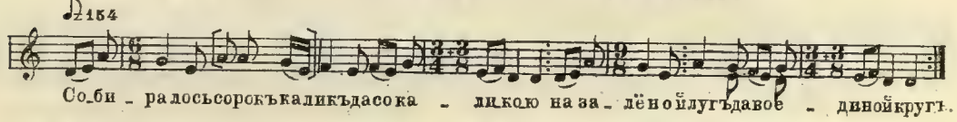


№40. ШЕСТЬ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

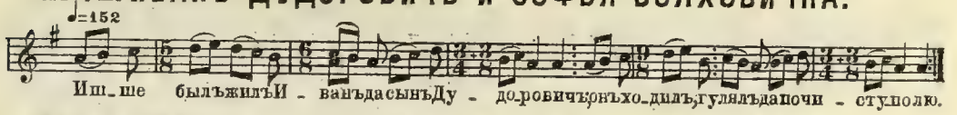
(Такъ-же поются №№7 и 20.)



№41. СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

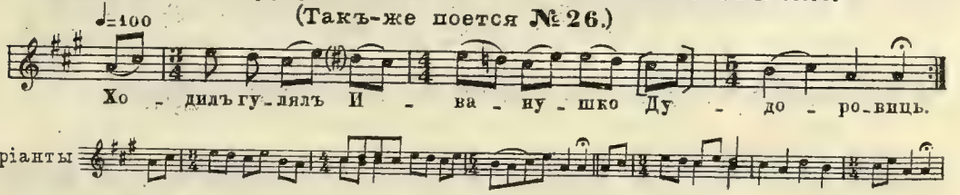


№42. ИВАНЪ ДУДОРОВИЧЪ И СОФЬЯ ВОЛХОВИЧНА.

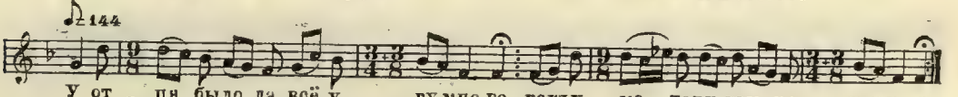


№43. ИВАНЪ ДУДОРОВИЧЪ И СОФЬЯ ВОЛХОВИЧНА.

(Такъ-же поется №26.)

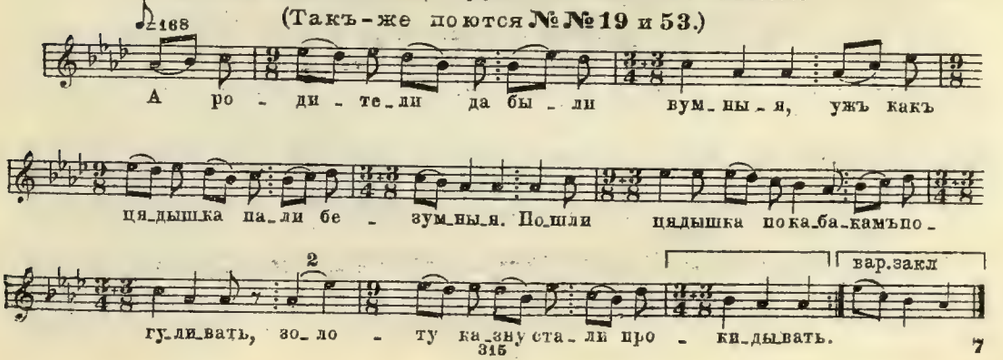


№44. МАТЬ ПРОДАЕТЪ СВОЕГО СЫНА ИВАНА.

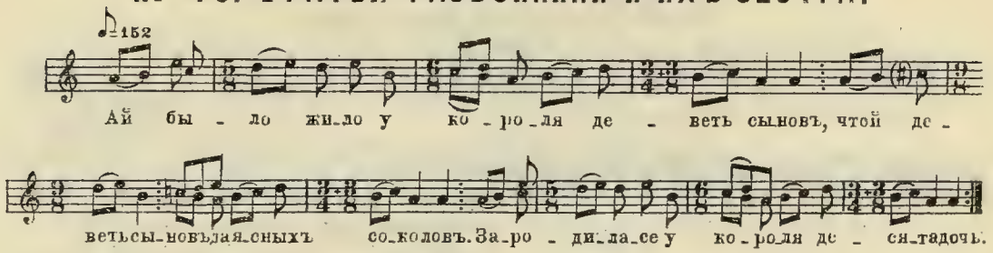


№45. МАТЬ ПРОДАЕТЪ СВОЕГО СЫНА.

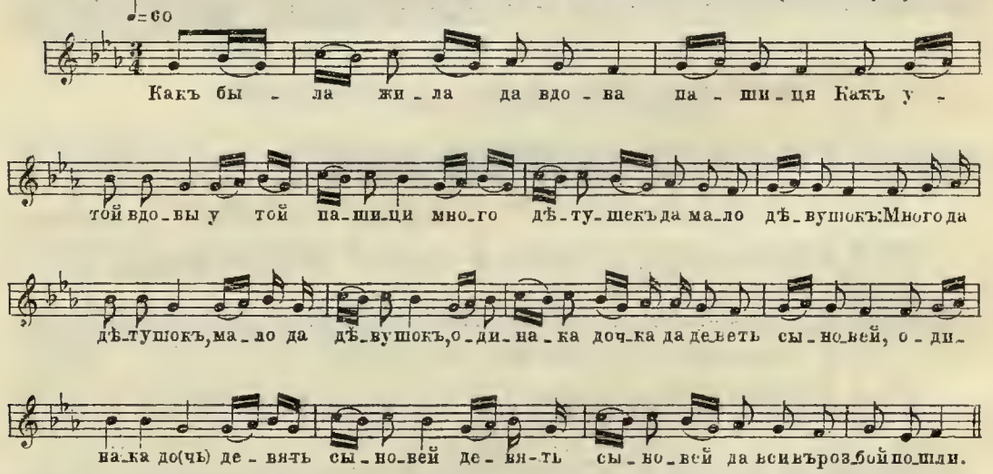
(Такъ-же поются №№19 и 53.)



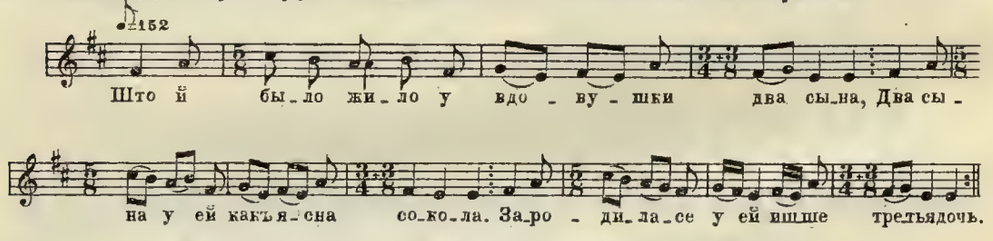
№ 46. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И ИХЪ СЕСТРА.



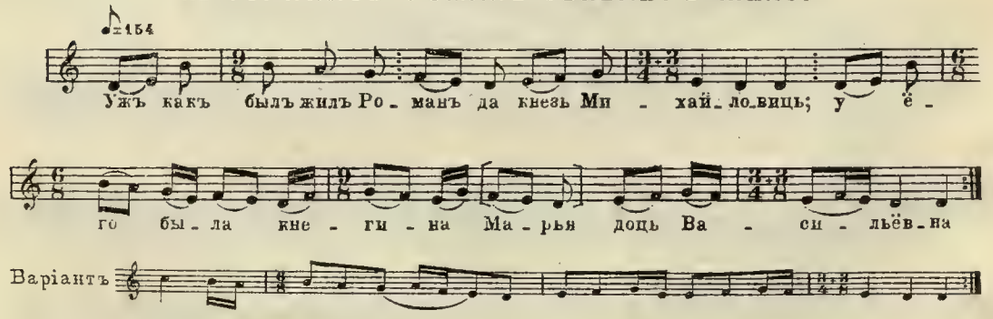
№47. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И ИХЪ СЕСТРА. (Олон. губ.)



№48. ВДОВА, ЕЯ ДОЧЬ И СЫНОВЬЯ-КОРАБЕЛЬЩИКИ.

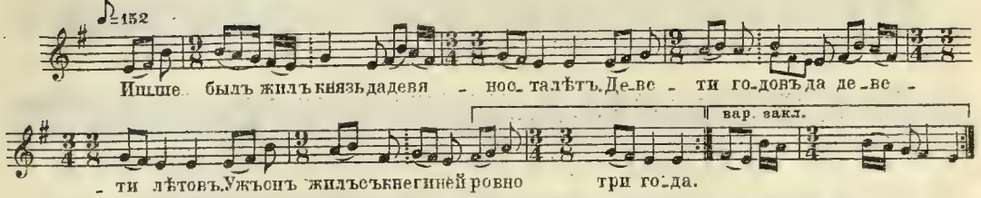


№ 49. КНЯЗЬ РОМАНЪ УБИВАЕТЪ ЖЕНУ.

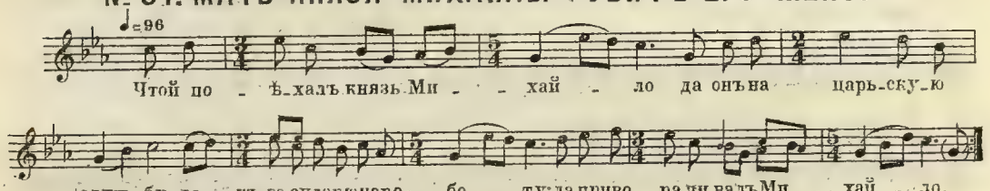


№ 50. КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ И СТАРИЦЫ.

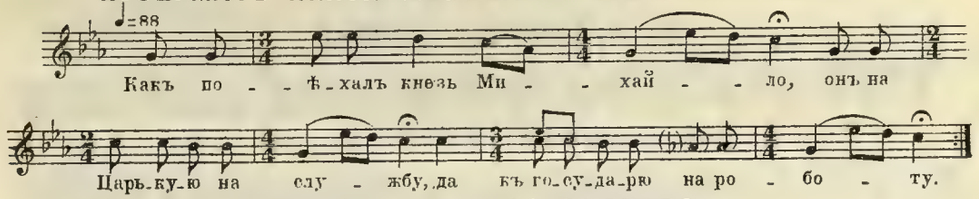
(Такъ-же поется №54.)



№ 51. МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛЫ ГУБИТЪ ЕГО ЖЕНУ.

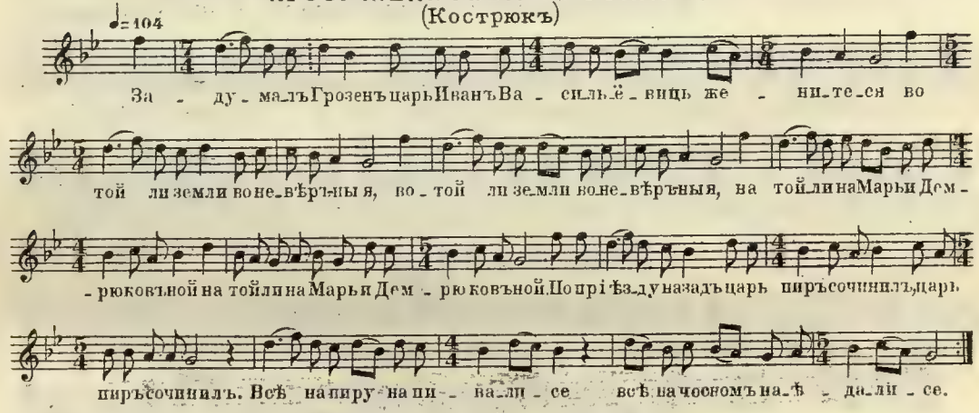


№ 52. МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛЫ ГУБИТЪ ЕГО ЖЕНУ.

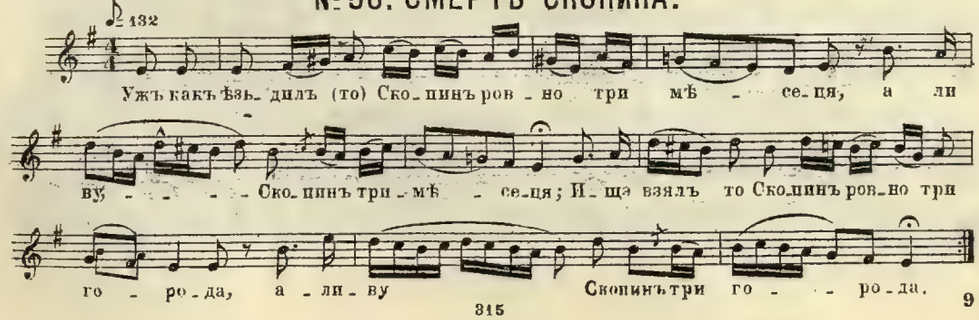


№ 55. ЖЕНИТЬБА ГРОЗНАГО.

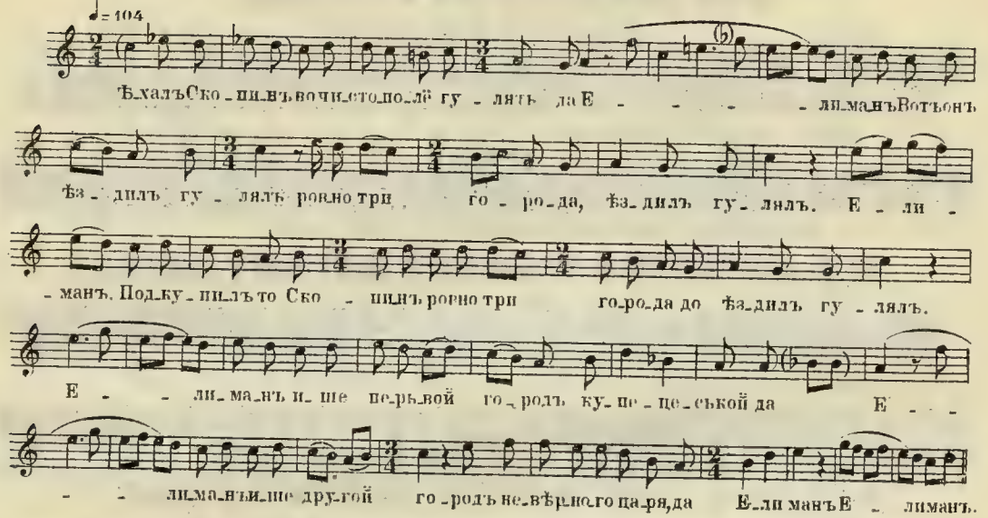
(Кострюкъ)



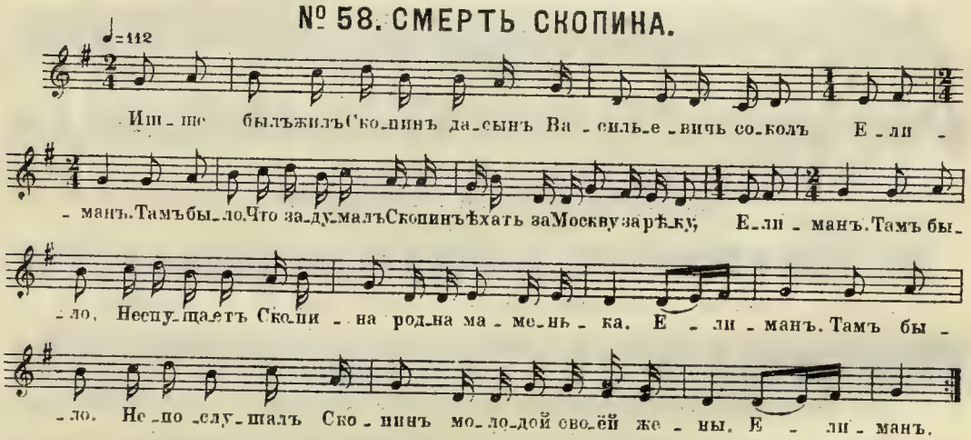
№ 56. СМЕРТЬ СКОПИНА.



№57.[1] СМЕРТЬ СКОПИНА.

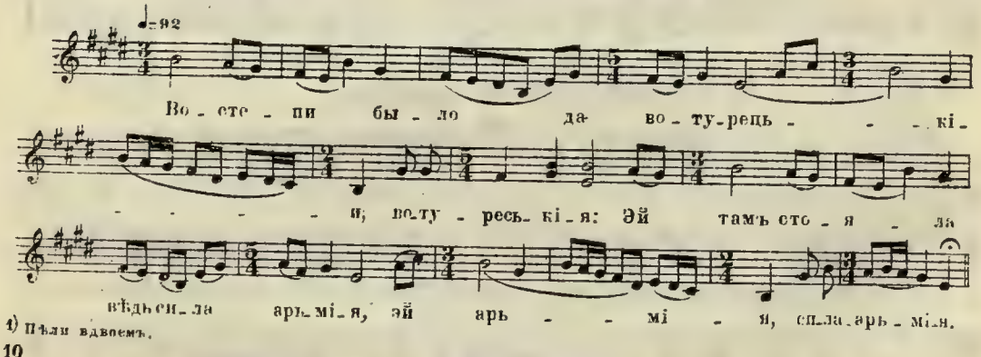


№ 58. СМЕРТЬ СКОПИНА.



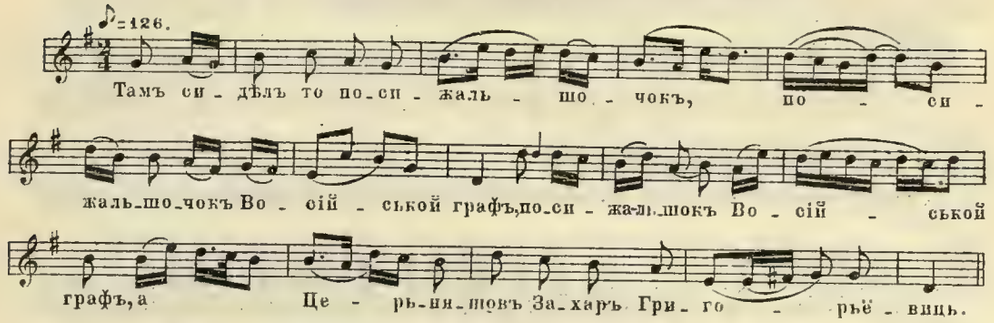
III. ПѢСНИ.

№59.[1] ВЪ ТУРЕЦКОЙ СТЕПИ.[1]

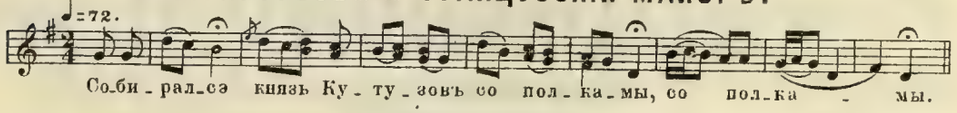


1) Пѣли вдвоемъ.

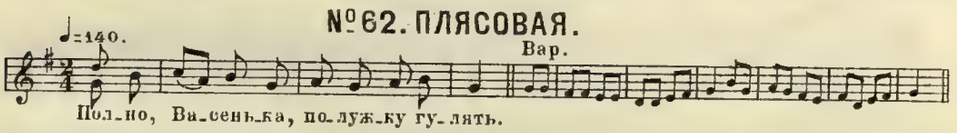
№60.* ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШОВЪ.



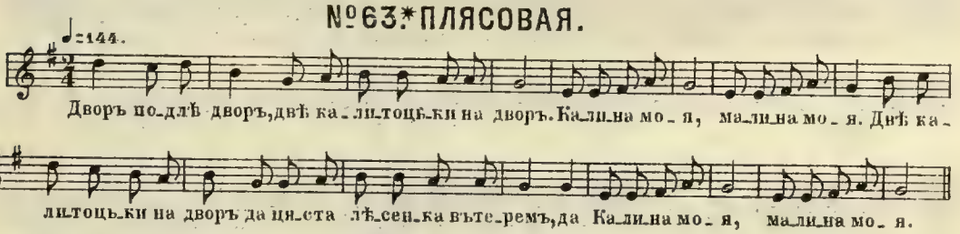
№61. КУТУЗОВЪ И ФРАНЦУЗСКІЙ МАЙОРЪ.[1]



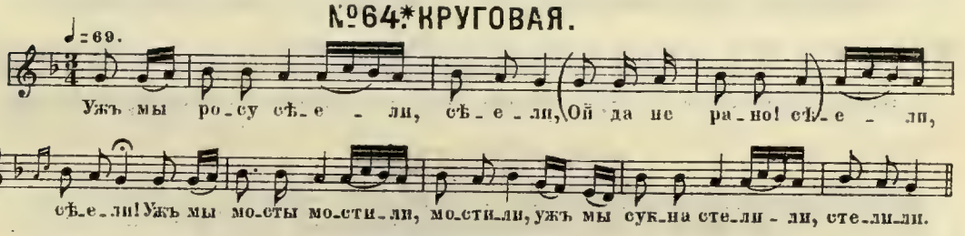
№62. ПЛЯСОВАЯ.



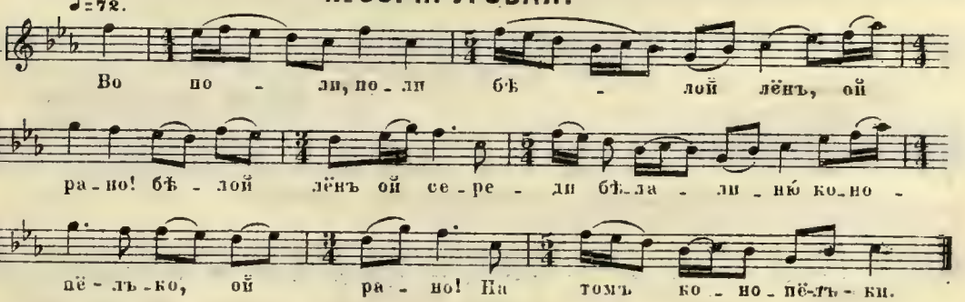
№63.* ПЛЯСОВАЯ.



№64.* КРУГОВАЯ.

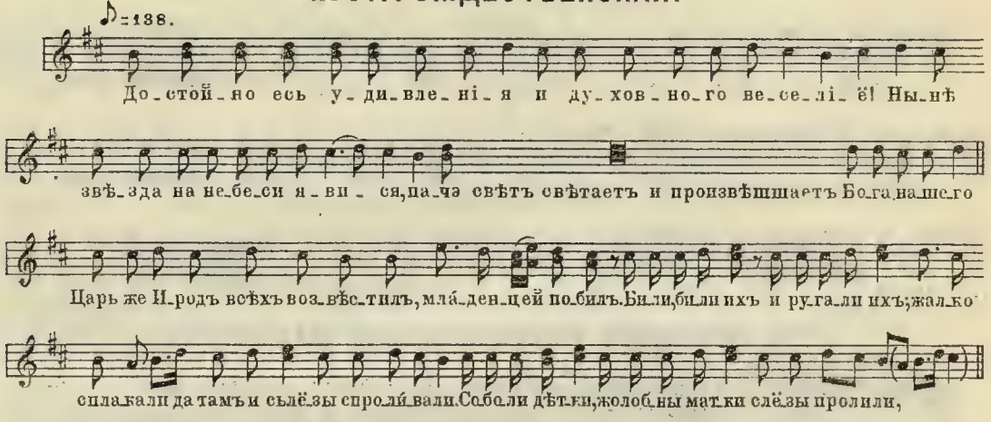


№66.* КРУГОВАЯ.



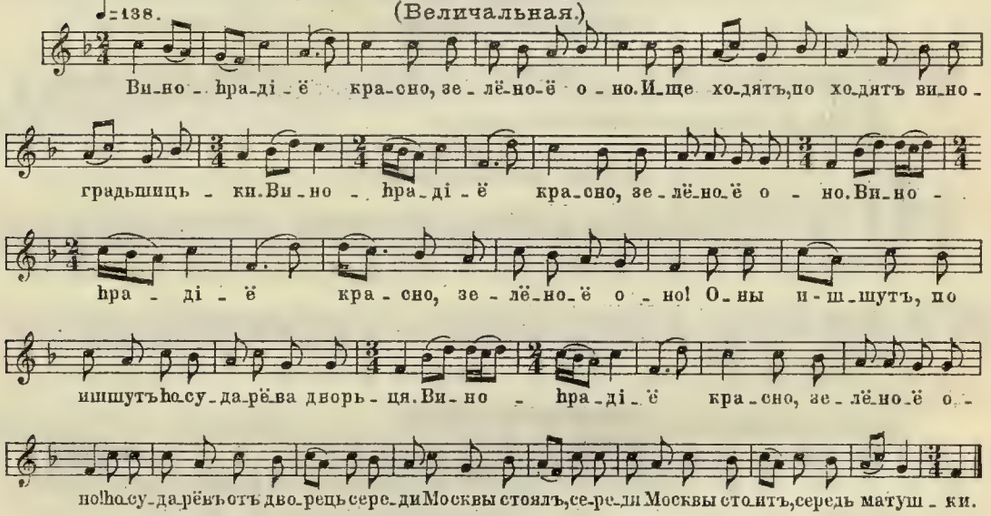
1) Пѣли вдвоемъ.

№67. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ.

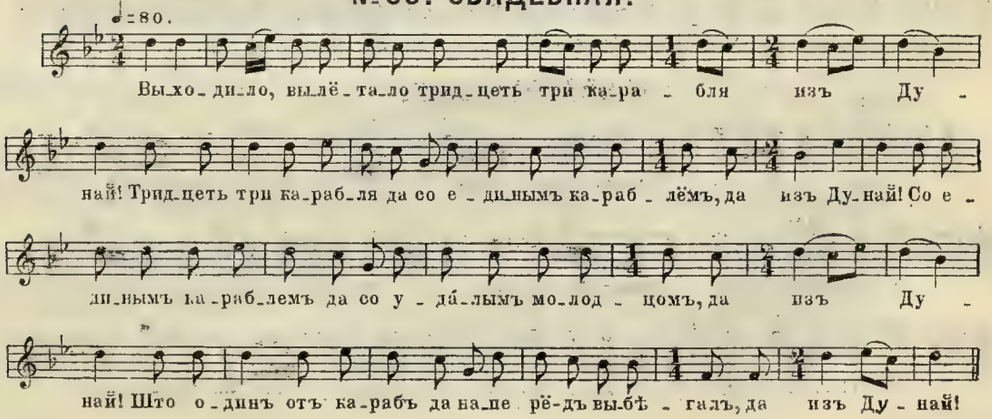


№68. ВИНОГРАДЬЕ.

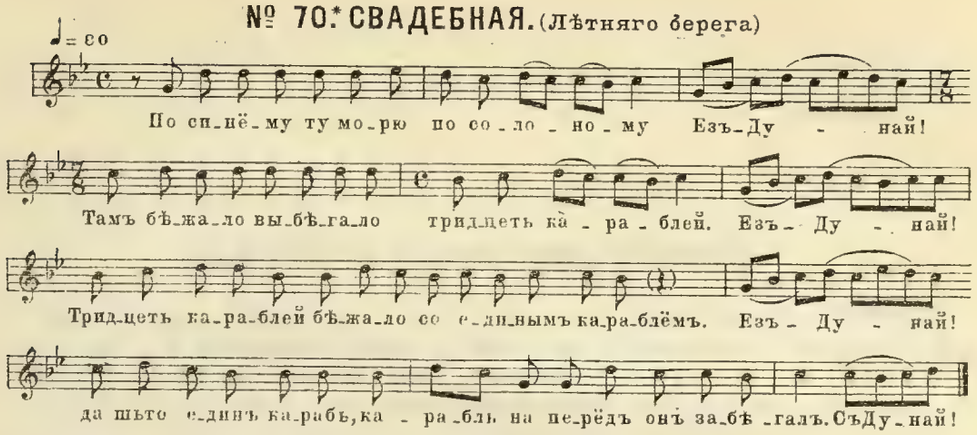
(Величальная.)



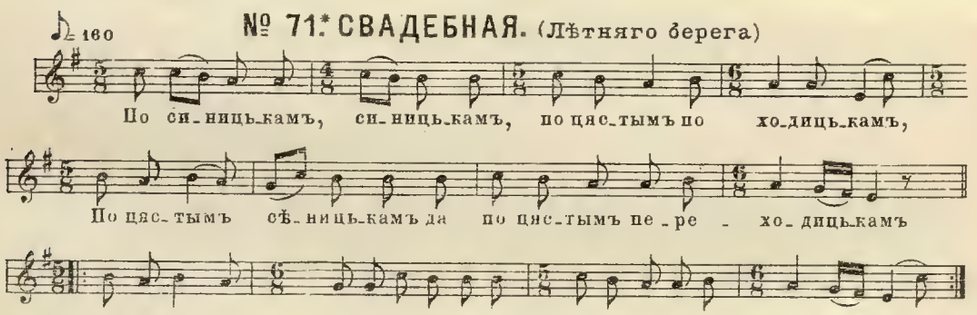
№69. СВАДЕБНАЯ.



№ 70.* СВАДЕБНАЯ. (Лѣтняго берега)

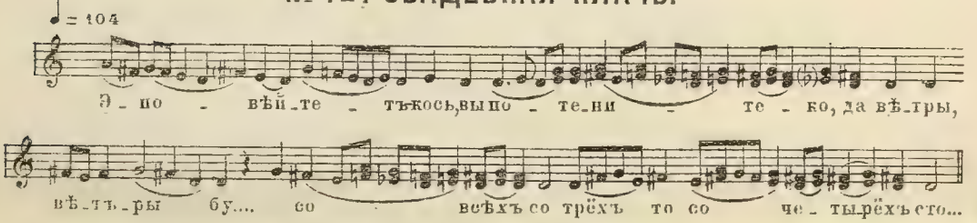


№ 71.* СВАДЕБНАЯ. (Лѣтняго берега)

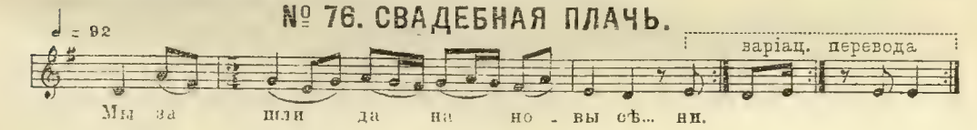


IV. ПРИЧИТАНІЯ.

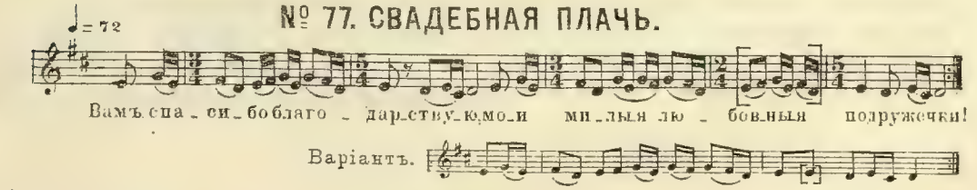
№ 72.* СВАДЕБНАЯ ПЛАЧЬ.[1)]



№ 76. СВАДЕБНАЯ ПЛАЧЬ.



№ 77. СВАДЕБНАЯ ПЛАЧЬ.



[1)] Пѣли вдвоемъ. Такъ-же поется № 73.

Замѣчанія къ бѣломорскимъ напѣвамъ.

При напѣвахъ обозначены тѣже нумера, что и при текстахъ. Напѣвы записывались А. Л. Масловымъ прямо на слухъ или переводились съ фонографа; въ послѣднемъ случаѣ при нумерѣ стоитъ звѣздочка *.

Слова, подписанныя подъ фонографическими записями, не всегда вполнѣ совпадаютъ съ напечатанными выше текстами. Это произошло оттого, что запи-

Опечатки въ бѣломорскихъ напѣвахъ.

№ 9. Первыя три ноты f′c′es′ пятаго такта должны быть связаны скобкой и должны приходиться на одинъ слогъ текста *(ста—)*; слѣдующая нота f′ должна приходиться на слогъ *сэ;* нота f′— на слогъ *онъ*, ноты g′♭′—на слогъ *на*.

№ 24. Надъ слогами *имъ До* должны быть восьмыя, а не четвертныя ноты.

№ 25. Въ третьемъ тактѣ $\left(\frac{5}{8}+\frac{3}{8}\right)$ первая нота es′ должна быть съ точкой.

№ 30. Въ примѣчаніи 2) вмѣсто словъ *повышенное* нужно *пониженное*.

№ 47. Въ первомъ тактѣ послѣдняя нота должна быть восьмой вм. четверти.

№ 76. Въ первомъ варіантѣ перевода при нотѣ d′ должна быть точка.

Ноты средней высоты, не укладывавшіяся въ современную нотную систему, обозначены случайными знаками (♯ ♭ ♮) въ скобкахъ.

Скобки квадратныя [ ] означаютъ: 1) расширеніе или сокращеніе напѣва въ зависимости отъ текста, 2) варіантъ напѣва. Скобки полукруглыя заключаютъ собою мѣста напѣва или текста, запись которыхъ сомнительна и возстановлена приблизительно.

Маленькія ноты означаютъ варіанты, а не двухголосіе въ мелодіи, наоборотъ, одновременно вертикально поставленныя обѣ крупныя ноты указываютъ на двухголосіе, такихъ примѣровъ всего два: былина и причитаніе, представляющія собою естественный подходъ къ многоголосію.

Замѣчанія къ бѣломорскимъ напѣвамъ.

При напѣвахъ обозначены тѣже нумера, что и при текстахъ. Напѣвы записывались А. Л. Масловымъ прямо на слухъ или переводились съ фонографа; въ послѣднемъ случаѣ при нумерѣ стоитъ звѣздочка *.

Слова, подписанныя подъ фонографическими записями, не всегда вполнѣ совпадаютъ съ напечатанными выше текстами. Это произошло оттого, что записи фонографомъ производились отдѣльно отъ записей полнаго текста, а при каждомъ повтореніи вновь стиховъ, и въ особенности былинъ, пѣвцы нерѣдко измѣняютъ подробности изложенія.

Нѣкоторыя пѣвицы исполняютъ цѣлый рядъ былинъ (иногда былинъ и стиховъ) на одинаковые или очень близкіе между собой напѣвы. Поэтому къ нѣкоторымъ текстамъ не приложены отдѣльные напѣвы, какъ не представляющіе ничего важнаго въ сравненіи съ тѣми же напѣвами, подведенными подъ другіе тексты.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя записи, сдѣланныя фонографомъ, вышли недостаточно отчетливо, особенно при началѣ пѣнія, когда пѣвецъ еще не успѣлъ распѣться или же вообще когда онъ пѣлъ слишкомъ тихо. Нѣкоторыя изъ такихъ неясныхъ мѣстъ возстановлены на основаніи основного напѣва. Ясно, что такое воспроизведеніе, можетъ быть, не всегда точно соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Расширенія или сокращенія стиха, обычныя въ былинахъ, не даютъ уложиться мелодіи въ опредѣленную форму; эти измѣненія мелодіи обозначены нотами, помѣщенными въ скобкахъ, или же, варіантами, выписанными отдѣльно.

Раздѣленіе былинныхъ мелодій вертикальными (тактовыми) черточками указываетъ ритмическіе періоды, по терминологіи, принятой А. Л. Масловымъ, по отношенію къ эпическимъ напѣвамъ въ его статьѣ о былинахъ, печатаемой въ настоящемъ томѣ „Трудовъ“.

Ноты средней высоты, не укладывавшіяся въ современную нотную систему, обозначены случайными знаками (♯ ♭ ♮) въ скобкахъ.

Скобки квадратныя [ ] означаютъ: 1) расширеніе или сокращеніе напѣва въ зависимости отъ текста, 2) варіантъ напѣва. Скобки полукруглыя заключаютъ собою мѣста напѣва или текста, запись которыхъ сомнительна и возстановлена приблизительно.

Маленькія ноты означаютъ варіанты, а не двухголосіе въ мелодіи, наоборотъ, одновременно вертикально поставленныя обѣ крупныя ноты указываютъ на двухголосіе, такихъ примѣровъ всего два: былина и причитаніе, представляющія собою естественный подходъ къ многоголосію.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОРЪ

народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ Западной Грузіи (Имеретіи).

I. Гурійская вѣтвь.

II. Мингрельская вѣтвь.

III. Нѣсколько замѣчаній о Рачинскихъ пѣсняхъ.

Съ приложеніемъ 83 пѣсенъ въ народной гармонизаціи, записанныхъ фонографомъ.

(МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1901—1903 гг.).

Д. И. Аракчіева.

Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ Западной Грузіи (Имеретіи).

Гурійская вѣтвь [1].

I.

Приступая къ разсмотрѣнію народной музыки грузинъ Имеретіи, необходимо пояснить, что подъ Имеретіей и имеретинами подразумѣвается Кутаисская губернія съ ея сплошнымъ грузинскимъ населеніемъ. Населеніе это дѣлится на собственно имеретинъ, живущихъ въ Кутаисскомъ, Шорапанскомъ и Рачинскомъ уѣздахъ, гурійцевъ—въ Озургетскомъ уѣздѣ, мингрельцевъ—въ Зугдидскомъ и Ново-Сенакскомъ уѣздахъ и въ Самурзаканскомъ округѣ и сванетовъ (горскихъ грузинъ). Разницы въ отношеніи языка между этими вѣтвями нѣтъ почти никакой, за исключеніемъ сванетской и мингрельской группъ, которыя въ большей или меньшей степени отдалились отъ первыхъ. Въ общемъ же, какъ грузины Тифлисской губ., т.-е. карталинцы, кахетинцы, пшавы и хевсуры, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга (мы, разумѣется, не беремъ во вниманіе мелкихъ различій въ говорахъ), такъ и эти, за исключеніемъ послѣднихъ вѣтвей, и названія карталинецъ, кахетинецъ или имеретинъ, гурієцъ, и т. д. обусловливаются чисто географическими данными.

Разумѣется, климатическія и географическія условія Тифлисской губерніи выработали у грузинъ свои особенныя черты характера и антропологическаго типа, Кутаисской губ.—свои; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ первой живутъ грузины, а во второй какіе-то гурійцы, имеретины и т. д. Если бы мы ихъ стали считать за разныя народности, то, проводя аналогію, мы принуждены были бы, по вѣрному замѣчанію г. А. Корещенко, и въ Россіи русскихъ Курской губ. счесть за отдѣльный народъ курянъ, Тульской губ.—туляковъ и т. п.[2]). Конечно, вдаваться въ эти подробности намъ не было бы необходимости, если бы въ большой русской публикѣ не существовало или полнаго незнанія, или большой путаницы относительно этого вопроса, и лишь только это заставляетъ насъ повторить, что, какъ Восточная Грузія называется Амереті, такъ Западная Имерети; у первой названіе перемѣнилось теперь на русское Грузія—грузинъ

[1]) Первая половина этой статьи, нынѣ значительно дополненной и переработанной авторомъ, была первоначально напечатана въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ въ 1904 году, въ №№ 50, 51, 52, подъ заглавіемъ: „Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ (гурійская вѣтвь)“.

[2]) „Моск. Вѣдом.“ 1897 г. №№ 321 и 322, статья о восточной музыкѣ.

у вторыхъ же сохранилось въ томъ же видѣ, какъ и было. Такимъ образомъ, имеретинъ, карталинецъ, гуріецъ, кахетинецъ и т. п.—все тѣ же грузины отдѣльныхъ провинцій Грузіи (Сакартвело).

Гурійскую народную музыку никто еще подробно не разсматривалъ. Никто не далъ не только научнаго анализа пѣсенъ, но и проѣто болѣе или менѣе подробнаго обзора ихъ. Если иногда касались гурійской музыки, то развѣ мимоходомъ, большей же частью ее смѣшивали съ музыкой другихъ вѣтвей и разсматривали совокупно. Хотя мы тоже не имѣемъ въ виду дать чего-либо цѣльнаго, но все-таки постараемся хотя бы указать на тѣ характерныя черты, которыя выдѣляютъ гурійскую пѣсню изъ пѣсенъ грузинъ Тифлисской губ., и дать имъ надлежащее объясненіе. Такимъ образомъ, не обѣщая ничего законченнаго, мы только выскажемъ кое-какія наблюденія надъ гурійской музыкой. Итакъ, приступая къ ея обзору, дадимъ предварительно нѣкоторыя свѣдѣнія о Гуріи вообще.

Гурійка.

Гурія, какъ мы упомянули выше, занимаетъ собою Озургетскій уѣздъ (Кутаис. губ.), съ г. Озургети, бывшей резиденціей гурійскихъ владѣтелей, и имѣетъ своими границами: съ юга хребетъ, извѣстный подъ именемъ Адчаро-ахалцихскаго, — правильнѣе, по мнѣнію покойнаго грузинскаго историка и археолога Дмитрія Бакрадзе, будетъ называть его Адчаро-гурійскимъ,—котораго наибольшія высоты суть: Тагинури (8755 ф.), Сомлія (9306 ф.) и Зотимерія (8769 ф.); съ востока продолженіе этого хребта отъ вершины Мепись-цкаро, отдѣляющей невысокую горную вѣтвь сахатаурскую, которая, слѣдуя сначала къ сѣверо-западу, а потомъ къ западу, постепенно понижается и, наконецъ, теряется въ приморской странѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Чернаго моря; съ запада—Черное море; съ сѣвера —прежде границею Гуріи служилъ лѣвый берегъ р. Ріона, и г. Поти вмѣстѣ съ озеромъ Палеостомомъ входилъ въ составъ ея; нынѣ граница идетъ по теченію р. Печоры, впадающей съ южной стороны въ Палеостомъ [1]).

Какъ особая провинція, она подъ этимъ именемъ впервые дѣлается извѣстною со второй половины VII в., Гуріэли же [2]) впервые упоминается при царицѣ Русудани въ XIII в. [3]). Во второй половинѣ XV ст., какъ извѣстно, Грузія окончательно распалась на три царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское и нѣсколько княжествъ. Гурія, какъ и нѣкоторыя другія княжества, находилась въ зависимости отъ царя имеретинскаго, который считался ихъ сюзереномъ. Эта зависимость была, впрочемъ, недолгая. По прошествіи нѣкотораго времени, Гурія стала также независимой и управлялась своими князьями.

---

[1]) Д. Бакрадзе. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, стр. 96.

[2]) Гуріэли были владѣтельными князьями въ Гуріи.

[3]) Дм. Бакрадзе. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, стр. 99.

Какъ вообще картвельское племя, гурійцы — одно изъ красивыхъ на Кавказѣ. Мужественная красота мужчинъ и изящный тонкій профиль женщинъ поражаютъ васъ, какъ увѣряетъ авторъ одной книги о Кавказѣ [1]). Привязанность ихъ къ отечеству и, въ частности, къ семьѣ безгранична. Мужья любятъ и покоятъ женъ, тѣ въ свою очередь являются помощницами своимъ мужьямъ, раздѣляя ихъ труды по огороду и саду, или занимаются разведеніемъ шелковичныхъ червей, выводятъ и разматываютъ шелковые коконы и не только разводятъ шелкъ-сырецъ, но еще ткутъ изъ него очень плотный, хотя и грубоватый, канаусъ. Въ общемъ же женщина пользуется въ семьѣ у гурійца громаднымъ почетомъ, и это не только теперь, но съ незапамятныхъ временъ, какъ увѣряетъ насъ, и не безъ основанія, вышеупомянутый авторъ.

II.

Музыка у гурійцевъ дѣлится на городскую и деревенскую, инструментальную и вокальную, мужскую и женскую; затѣмъ на одноголосную, двухголосную и трехголосную. Такъ какъ намъ придется разсмотрѣть все по порядку, то остановимся сначала на одноголосной и притомъ городской.

Городская музыка гурійцевъ есть не что иное, какъ продуктъ европейской культуры, только обратной стороны медали. Здѣсь мы часто встрѣчаемъ или давно знакомыя мелодіи шарманокъ, цыганскихъ пѣсенъ, или же пѣсни, созданныя подъ вліяніемъ великопостныхъ пѣснопѣній русскихъ композиторовъ, въ родѣ Бортнянскаго. Послѣднія, между прочимъ, поются большею частью хоромъ. Изъ сольныхъ же вы услышите: „Эго моя, это моя“, „Куртанъ, ой куртанъ“, „Саидумло барато“, прекрасное стихотвореніе одного изъ нашихъ выдающихся поэтовъ на мотивъ „Бѣдный прапорщикъ армейскій“. А вотъ „Макоцет эрти, ицамет гмерти“, на мотивъ „Поцѣлуй меня, дай мнѣ счастье дня“ и т. д., и „Гули мицухс“, на мотивъ „Я васъ люблю, и вы повѣрьте, что вамъ цыганка говоритъ“. Текстъ большею частью переведенъ буквально съ русскаго на грузинскій.

Перечислять все то, что поется, нѣтъ необходимости, достаточно сказать, что такимъ репертуаромъ увлекается вся современная, какъ гурійская, такъ и вообще имеретинская интеллигенція и исполняетъ все подъ аккомпанименть гитары. Къ слову сказать, этотъ инструментъ очень пришелся имъ по душѣ, и можно смѣло сказать, что почти вся Западная Грузія положительно наводнена гитарами. Играетъ на нихъ главнымъ образомъ молодежь, которая совершенно игнорируетъ національный инструментъ „чонгури“, неудовлетворяющій ихъ, повидимому, малымъ количествомъ струнъ и ограничивающій, вообще, ихъ репертуаръ, благодаря своему устройству. Какъ бы то ни было, новыя времена родили новыя пѣсни и музыкальные инструменты, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ движеніи въ народной жизни. Какъ пойдетъ это движеніе дальше, мы посмотримъ, а пока скажемъ два слова о городскихъ хоровыхъ пѣсняхъ.

Городскія хоровыя пѣсни по характеру своему напоминаютъ, какъ я выше сказалъ, церковныя великопостныя пѣснопѣнія. Всѣ онѣ созданы подъ вліяніемъ современной церкви, и главными распространителями ихъ является та же учащаяся молодежь. Принимая участіе въ церковныхъ гимназическихъ хорахъ и воспи-

---

[1]) П. П. Надеждинъ. Опытъ географіи Кавказскаго края. Стр. 133.

тываясь съ дѣтства на гармоніяхъ, совершенно отличныхъ отъ народной музыки, эта молодежь являлась уже съ другимъ репертуаромъ пѣсенъ, и если кого еще народная пѣсня удовлетворяла, то многихъ она уже не могла удовлетворить, благодаря совершенно другой гармоніи, рѣзко расходящейся съ европейской, да еще притомъ сплошь и рядомъ страшно трудной для воспроизведенія. Этимъ, по-моему, отчасти и объясняется, почему молодежь въ большинствѣ случаевъ не знаетъ своихъ пѣсенъ и пробавляется разными „Тирис Нино“, „Зестапоно швидобит“ и т. п. Разумѣется, говорить здѣсь о томъ, что все дѣло въ молодежи, было бы неправильно. Здѣсь такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, дѣло въ новыхъ теченіяхъ, въ новыхъ потребностяхъ, въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя ворвались въ грузинскую жизнь, и если теперь, въ эпоху переходнаго состоянія, мы слышимъ разныя „Ахландели нана“ (современная колыбельная), то въ недалекомъ будущемъ, мы, быть-можетъ, услышимъ что-нибудь и болѣе оригинальное. Такимъ образомъ, городская пѣсня, по нашему мнѣнію, переживаетъ пока переходное время; что будетъ дальше, какія она приметъ формы, будетъ ли она по прежнему носить національный характеръ, или исчезнетъ подъ напоромъ новыхъ теченій, все это вопросы, которыхъ разрѣшить сейчасъ нельзя, и намъ, такимъ образомъ, приходится переходить къ музыкѣ деревни.

III.

Переходя къ обзору одноголосныхъ деревенскихъ пѣсенъ, мы должны сказать, что онѣ поются почти исключительно женщинами подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента „чонгури“. Поютъ, разумѣется, и мужчины, но это не такъ часто, да и самый инструментъ, звуки котораго мягки и тихи, какъ-то совершенно не подходитъ подъ мужской голосъ. Мелодіи этихъ пѣсенъ иногда плѣнительны, и нужно глубоко сожалѣть, что современная гурійская женщина всѣ эти мелодіи или забыла, или же замѣнила ихъ мелодіями разныхъ шарманокъ подъ аккомпаниментъ гитары. Рѣдко теперь встрѣтишь гурійку, которая бы знала всѣ свои родныя пѣсни и играла ихъ на миломъ чонгури, придающемъ столько прелести и поэзіи пѣснямъ. На первый взглядъ приходится какъ будто сожалѣть о какихъ-то пережиткахъ и не восторгаться прелестями современной музыки. Съ внѣшней стороны какъ бы чувствуется, что нельзя жалѣть того, что осуждено уже жизнью. Но что жъ подѣлаешь, если въ пережиткахъ-то и есть вся прелесть поэзіи, если тамъ-то и есть нетронутыя богатства народнаго искусства. Мнѣ, къ глубочайшему сожалѣнію, пришлось ихъ записать немного, такъ какъ я не могъ найти въ то короткое время, которое я пробылъ, такой женщины. Но и тѣ пѣсни, которыя я записалъ, свидѣтельствуютъ о большой музыкальности гурійской женщины, и нужно удивляться, какъ она не повліяла съ этой стороны на свою мужскую половину, пѣсня которой, въ смыслѣ красоты, много уступаетъ женской. Особенно бросается въ глаза въ музыкѣ гуріекъ полнѣйшая противоположность характера музыки этой пѣсни съ одноголосной музыкой грузинъ Тифлисской губерніи. Впрочемъ, нужно сказать, что эта противоположность бросается въ глаза не только въ одноголосной, но и въ двухголосной и въ трехголосной (въ особенности) и даже въ музыкальныхъ инструментахъ, которые у нихъ общи развѣ только въ названіяхъ. Такая противоположность имѣетъ, конечно, свои причины, о которыхъ мы будемъ говорить, а пока перейдемъ къ роли чонгури въ гурійскихъ пѣсняхъ.

Внѣшній видъ чонгури слѣдующій: корпусъ его изъ тутоваго или сосноваго дерева, длиною около 37 сант. и высотою около 17 сант.; ручка изъ липоваго дерева, длиною около 46 сант. Корпусъ у него продолговатый, склеенный изъ кусочковъ. Ручка кончается отогнутой назадъ шейкой; на ней расположено три колка; четвертый колокъ помѣщается посрединѣ ручки. Дека въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ имѣетъ около 25 сант. Общая же длина инструмента, который намъ пришлось измѣрить, достигала 95 сантиметровъ. На декѣ посрединѣ ста-

Гурійцы. (Игра на чонгури).

вится довольно высокая кобылка съ прорѣзами для струнъ. Струны изъ шелковыхъ крученыхъ нитокъ прикрѣпляются къ пуговкѣ корпуса, какъ у скрипокъ; ихъ четыре. Третья струна короткая, намотанная на колокъ, находящійся по срединѣ ручки. Эта струна играетъ всегда верхній выдержанный тонъ. Строй бываетъ различныхъ видовъ, въ зависимости отъ самой пѣсни. Одна пѣсня поется, напримѣръ, на строй квартъ-секстъ-аккорда съ удвоеннымъ квинтовымъ звукомъ (re-sol-si-re), другая на строй трихорда въ квинтѣ, т.-е. въ do-fa-sol, если же употребляется третья, т.-е. короткая струна, то она настраивается въ унисонъ съ первой, но только октавой выше. Иногда строй представляетъ просто большое трезвучіе, а если употребляется третья короткая струна, то съ удвоеннымъ основнымъ звукомъ. Высота строевъ различна, такъ какъ она зависитъ отъ высоты голоса. Играютъ на чонгури щипля и тренькая, какъ на балалайкѣ. Самая его роль тоже бываетъ разная. Въ однѣхъ пѣсняхъ онъ ведетъ самостоятельную роль, аккомпанируя мелодіи; въ другихъ играетъ эту же мелодію, въ то же время окружая ее контрапунктическими завитушками; въ третьихъ—просто играетъ эту мелодію въ унисонъ вмѣстѣ съ пѣвцомъ, поддерживая гармонію еще одной струной. Въ послѣднемъ случаѣ аккомпаниментъ бываетъ нѣсколько бѣднѣе сравнительно

съ тѣми двумя случаями. Мы еще не упомянули, что, кромѣ аккомпанимента, на чонгури играются также пляски. Мелодіи этихъ плясокъ большею частью очень коротенькія, въ объемахъ кварты, квинты, или сексты. Среди нихъ иногда попадаются довольно интересныя. Въ Гуріи (а потомъ у мингрельцевъ) мнѣ пришлось даже записать мелодію, которая разработана въ „Русланѣ“ Глинки, а именно въ лезгинкѣ, хотя, по правдѣ сказать, въ этой лезгинкѣ нѣтъ ничего ни лезгинскаго, ни грузинскаго [1]). Въ общемъ этотъ инструментъ, съ своей несложной конструкціей, съ своимъ полнымъ звукомъ, такъ какъ и кварты, и квинты, и пустые аккорды на немъ удивительно полно звучатъ въ сравненіи съ фортепіано, являясь необходимымъ дополненіемъ къ сольнымъ гурійскимъ пѣснямъ, придаетъ имъ много своеобразной, чарующей поэзіи, въ особенности въ пѣсняхъ грустнаго музыкальнаго содержанія.

Возвращаясь опять къ пѣснямъ, мы должны сказать, что многое здѣсь зависитъ отъ знанія и игры музыканта или музыкантши. Если то или иное лицо талантливо, то и исполненіе, разумѣется, интересное, и репертуаръ часто бываетъ значительный, если же нѣтъ, то большею частью все бываетъ бѣдно. Такъ какъ я въ Гуріи былъ короткое время, то за это короткое время я не могъ найти хорошую чонгуристку, знающую много пѣсенъ, и тамошніе обыватели, въ томъ числѣ и мои пѣвцы, никакъ не могли прійти мнѣ на помощь. Лишь только одинъ бывшій гимназистъ свелъ меня въ свою деревню Лихаури, чтобы познакомить съ однимъ крестьяниномъ, хорошимъ игрокомъ на этомъ инструментѣ. Когда я пріѣхалъ въ эту деревню, и когда мнѣ представили этого крестьянина, то онъ оказался, дѣйствительно, большимъ виртуозомъ на этомъ инструментѣ, но, къ глубокому сожалѣнію, онъ замѣчательно игралъ только пляски, пѣсни же онъ зналъ только въ одной речитативной формѣ. Между прочимъ, этотъ крестьянинъ (по фамиліи Нико Вашакмадзе) самъ оказался поэтомъ и слова къ пѣснѣ создавалъ самъ. У него, какъ мнѣ говорили, масса всякихъ пѣсенъ, никѣмъ не записанныхъ. Мнѣ пришлось записать двѣ его пѣсни, изъ коихъ одна ничего особеннаго не представляетъ, а другая довольно поэтичная, и читатели съ ними познакомятся въ отдѣлѣ текстовъ за №№ 1 и 2. Одну изъ этихъ пѣсенъ, а именно „Переписку“, онъ исполнялъ довольно оригинально, измѣняя интонацію голоса, когда отвѣчала дѣвица, и при этомъ обязательно разнообразилъ аккомпаниментъ въ ритмическомъ и мелодическомъ отношеніяхъ, такъ что получалась довольно интересная музыкальная картинка, созданная совершенно безсознательно этимъ деревенскимъ художникомъ.

Такіе отдѣльные случаи только, разумѣется, свидѣтельствуютъ, что Гурія имѣетъ интересныхъ и исполнителей и народныхъ музыкантовъ-художниковъ, только найти ихъ представляетъ задачу не легкую. Если исключительно посвятить себя этому дѣлу, т.-е. заняться ихъ розысками по разнымъ деревнямъ, то, несомнѣнно, результаты не замедлятъ обнаружиться; у меня, собственно, были по этой части очень плохіе совѣтчики, которые гоняли меня съ мѣста на мѣсто и вѣчно неудачно, такъ что я, въ концѣ-концовъ, утомленный всѣми этими переходами (у меня было около девяти мѣстъ съ фонографомъ, валиками, трубами и т. п.), принужденъ былъ, наконецъ, уѣхать изъ этого края. Впослѣдствіи, въ

[1]) Мое предположеніе недавно оправдалось. Фонографируя 3 марта 1907 года отъ малорусскаго слѣпца-бандуриста Мих. Кравченка пѣсни, я, между прочимъ, записалъ одну комическую пѣсню подъ названіемъ „Кисель“, мотивъ которой въ аккомпанементѣ представляетъ очень близкій варіантъ лезгинки „Руслана“.

Тифлисской губ., въ одной деревнѣ, совершенно случайно, я встрѣтился съ однимъ изъ кутаисскихъ жителей, и когда я ему разсказалъ про свои мытарства, онъ просто поражался такому отношенію своихъ соотечественниковъ, доказывая, что въ самомъ Кутаисѣ эти лица могли бы многое сдѣлать. Но мы опять отклонились.

Одноголосныя пѣсни гурійцевъ нужно раздѣлить на речитативныя и не речитативныя. Речитативныя пѣсни носятъ характеръ „рапсодійный", мѣрный, и о нихъ мы еще скажемъ ниже, не речитативныя же обладаютъ большимъ мелодическимъ и ритмическимъ разнообразіемъ; въ числѣ ихъ встрѣчаются, повидимому, и пѣсни-пережитки сѣдой, глубокой старины, если судить хотя-бы по текстамъ. Такъ, напримѣръ, пѣсня „Мзе шина да мзе гарета" поется по случаю рожденія ребенка [1]). Въ пѣснѣ, довольно эгоистично, обращаются къ солнцу, которое, вѣроятно, принадлежало къ предметамъ культа, и просятъ его, чтобы это солнце, освѣщающее и согрѣвающее всю природу, вошло только въ домъ ребенка и освѣщало-бы только ту комнату, въ которой находится новорожденный. Для чего имъ это нужно, въ пѣснѣ не указывается, но только она оканчивается обращеніемъ къ роднымъ, собственно, къ сестрамъ, чтобы и онѣ радовались этому семейному событію, т.-е. появленію ребенка [2]).

По музыкѣ неречитативныя пѣсни просто чудесны, доказательствомъ чего служитъ хотя-бы выше приведенная (она за № 5 въ приложеніи). И дѣйствительно, нужны всѣ богатства природы, всѣ обаятельныя картины горъ, долинъ и лѣсовъ, чтобы безъ посторонняго вліянія создавать такія плѣнительныя мелодіи. Гурія ими надѣлена щедро, она вся покрыта зеленью, развѣсистыми каштанами, тутовыми деревьями. Только, къ сожалѣнію, музыкальныя богатства находятся скрытыми для науки и искусства благодаря тому, что некому ихъ собрать, и кто знаетъ, сколько пройдетъ времени, прежде чѣмъ эти богатства будутъ собраны. Боюсь, когда за нихъ спохватятся, не было-бы поздно, такъ какъ гитара дѣлаетъ свое дѣло, и къ тому времени, можетъ быть, уничтожитъ и тѣ остатки, которые еще здѣсь и тамъ сохранились.

До сихъ поръ мы ничего не говорили о технической сторонѣ вопроса въ сольныхъ пѣсняхъ, о ея формахъ и содержаніи текста. Просматривая съ технической стороны тотъ небольшой матеріалъ, который у насъ подъ руками, мы все же наталкиваемся на очень интересное явленіе: несмотря на разницу въ музыкѣ гурійцевъ и грузинъ Тифл. губ., у нихъ техническія основы однѣ и тѣ же, что для насъ имѣетъ большое значеніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что первая речитативная пѣсня (см. № 1, въ прил.) поется слѣдующимъ образомъ: молодецъ исполняетъ ее въ кварѣ do-sol внизъ, а дѣвица въ двухъ квартахъ: la-re внизъ и затѣмъ re-si безъ la, котораго не хватаетъ, собственно для второй кварты. Пѣсня за № 4, „Мчедело, мчедело"—вся въ звукорядѣ кварты съ вспомогательной нотой do. „Мзе шина да мзе гарета"—тоже, въ первой части, если мы откинемъ вспомогательную ноту do dies, вторая же часть въ квинтѣ съ вспомогательной нотой re (см. № 5, въ прил.). Далѣе пѣсни за №№ 6, 7 и 8 всѣ въ квинтѣ.

---

[1]) Этотъ же текстъ, только съ напѣвомъ „Iав нана" въ Карталиніи поется, если память мнѣ не измѣняетъ, въ то время, когда лежитъ родильница, и затѣмъ во время инфекціонныхъ болѣзней дѣтей, какъ, напр.: оспы, скарлатины, кори и т. п.

[2]) Въ виду того, что полный текстъ записанъ въ г. Тифлисѣ, а напѣвъ съ первыми строчками въ Москвѣ, то я долженъ оговориться, что въ Гуріи, быть можетъ, онъ поется съ кое-какими измѣненіями.

Первая „Дэли водэли водэла“ безъ украшающихъ нотъ. Вторая „На вашъ словесный призывъ“ въ первомъ тактѣ съ верхней украшающей, а въ концѣ съ двумя дополнительными звуками, образующими звукорядъ въ предѣлахъ септимы, и переходящая въ довольно курьезную модуляціонную каденцію. Третья „Дарчіа“ тоже, во второмъ и пятомъ тактахъ съ вспомогательной нотой mi. Пѣсня „Если бы меня убили“, за № 11, тоже въ квинтѣ съ вспомогательной нотой re вверху и mi бемоль внизу и съ замѣной звука sol sol-бемолемъ. Въ № 12 „Я принималъ хорошо гостя“ также чередуется квинта съ квартой плюсъ къ ней секунда сверху, Затѣмъ, если мы возьмемъ пѣсню № 9 („Если по волѣ Всемогущаго Бога“) и откинемъ верхнюю украшающую или вспомогательную ноту do, получимъ звукорядъ въ предѣлахъ сексты. Дальше это do устанавливается въ предѣлахъ двухъ тактовъ, и получается звукорядъ въ предѣлахъ септимы (если откинуть вспомогательную ноту re), но послѣ двухъ тактовъ мы снова видимъ звукорядъ сексты съ вспомогательной нотой do.

Просматривая далѣе речитативную пѣсню подъ № 3, мы видимъ, что она находится въ звукорядѣ септимы, но съ господствующимъ интерваломъ увеличенной кварты la—re-діезъ. Нельзя не отмѣтить, что она этой увеличенной квартой, въ сравненіи съ другими звукорядами, сильно выдѣляется. Также оригинальна и речитативная пѣсня подъ № 2, которая какъ бы дѣлится на двѣ части: первая въ предѣлахъ октавы (безъ нижняго звука fa-діезъ), съ центральнымъ звукомъ si, звукоряда минорнаго наклоненія, вторая этого же самаго звукоряда (съ замѣной re re-діезомъ) мажорнаго наклоненія, съ перенесеніемъ центра тяжести: сначала si, а потомъ въ концѣ fa діезъ. Въ заключеніе, если мы возьмемъ пѣсню, „Кало ламазо“ Дѣвица красавица! (№ 10 въ прил.), то увидимъ, что она раздѣляется на двѣ части: первая часть въ восемь тактовъ представляетъ четырехзвучный звукорядъ съ полутономъ въ серединѣ, вторая семизвучный (модулированный); если къ этому семизвучному звукоряду прибавить вверху октаву, то получится восьмизвучный звукорядъ въ соединеніи пентахорда съ тетрахордомъ связно, пентахорда потому, что звукъ do (квинта) въ этихъ семи звукахъ центральный.

Такимъ образомъ, какъ-бы мы ни разсматривали данныя пѣсни и строи чонгури, мы видимъ, что въ основѣ ихъ лежатъ: или кварта, или квинта, или кварта плюсъ секунда сверху, т.-е. трихордъ въ квинтѣ, или же другіе звукоряды. Словомъ, мы наблюдаемъ то же явленіе, что и въ пѣснѣ грузинъ Тифлис. губ. Здѣсь, я думаю, не такъ важно то, что мы привели мало примѣровъ (каждый примѣръ, конечно, можетъ свидѣтельствовать о своей эпохѣ и, вѣроятно, не мало есть пѣсенъ всѣхъ категорій), а важно то, что, несмотря на разницу въ музыкѣ, мы увидѣли одинъ корень, одно начало.

При обозрѣніи этихъ пѣсенъ, между прочимъ, у насъ невольно поднимался вопросъ, какъ ихъ разсматривать, въ связи ли съ аккомпаниментомъ, или безъ него. Съ одной стороны казалось бы, что ихъ нужно разсматривать совокупно, такъ какъ аккомпаниментъ неразрывно связанъ съ напѣвомъ, а съ другой, является вопросъ, имѣемъ ли мы право такъ разсматривать въ виду того, что аккомпаниментъ, собственно, есть украшеніе, извѣстный придатокъ, имѣющій второстепенное значеніе. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ, который требуетъ разрѣшенія, но мы его въ настоящій моментъ отлагаемъ въ виду того, что онъ не входитъ въ нашъ обзоръ.

Помимо раздѣленія на звукоряды, одноголосныя пѣсни дѣлятся еще на формы, какъ, напр., форму предложенія, періода въ большей или меньшей степени

развитія и затѣмъ свободную речитативную форму. Въ послѣдней формѣ поютъ почти исключительно мужчины. Обыкновенно въ этомъ случаѣ разсказывается какая-нибудь исторія подъ мѣрное треньканье безъ конца. Содержаніе текста бываетъ, конечно, большей частью или героическое, или вообще эпическое, хотя иногда поютъ стихи какого-либо комическаго содержанія. Что же касается остальныхъ формъ, то тамъ содержаніе текста бываетъ самое различное, хотя любовный элементъ преобладаетъ въ немъ. Такъ въ одной пѣснѣ читатели прочтутъ:

„Если бы меня убили, изрѣзали на куски,
Мою кровь дали-бы пить воронамъ и галкамъ,
Подо мной постлали-бы крапиву,
А сверху обливали-бы кипяткомъ,—
Все бы я это перенесъ, лишь бы меня посадили съ тобой". (См. напѣвъ № 11).

Или: „Дорогая, я по тебѣ проливаю слезы!
Пусть кара Божія постигнетъ того,
Кто насъ съ тобй разлучилъ".

Кромѣ такихъ чисто народныхъ текстовъ, встрѣчаются тексты искусственные, т.-е. попавшіе въ пѣсню подъ вліяніемъ искусственной литературы, напр.: „Если бы по волѣ Всемогущаго Бога мнѣ пришлось выйти замужъ, то я бы вышла за того, котораго имѣла-бы въ виду. Я отказываюсь отъ владѣній Аѳинами и Греціей, и за одного грузина не промѣняю, если мнѣ дадутъ Оттоманскую имперію". Эти слова встрѣчаются въ поэмѣ „Тамаріани" кн. Симона Гугунава. Другихъ примѣровъ мы не приводимъ, такъ какъ читатели найдутъ ихъ въ отдѣлѣ текстовъ въ приложеніи.

Въ заключеніе, если мы скажемъ, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ ритмы по большей части ясные, живые, двухдольные и трехдольные,[1]) что гармонія, хотя простая, угловатая, но оригинальная,—мы можемъ закончить бесѣду объ одноголосной гурійской пѣснѣ.

Мы должны были бы далѣе разсмотрѣть двухголосную гурійскую пѣсню, но таковыхъ у насъ въ наличности всего двѣ. Разсматривая ихъ, мы видимъ, что онѣ тоже интересны. Первая пѣсня, плясовая—въ квартѣ, если удалить въ нижнемъ и верхнемъ голосахъ вспомогательныя ноты (смотр. № 13 въ прил.), вторая то же, и къ тому же поперемѣнная, а какъ извѣстно, у грузинъ Тифлисской губ. карталинцевъ и кахетинцевъ пѣсни второй стадіи развитія, т.-е. двухголосныя, тоже поперемѣнныя, только тамъ большей частью одинъ голосъ тянетъ выдержанную поту, а другой движется, здѣсь же оба голоса движутся, при чемъ первая часть пѣсни находится въ одной квартѣ, другая часть въ другой, только модулированной на большую секунду вверхъ (см. № 14 въ прил.). Какъ въ первой части, такъ и во второй мы верхнія вспомогательныя ноты, разумѣется, отбрасываемъ. Уже по этимъ двумъ примѣрамъ можно видѣть, что въ двухголосной гурійской пѣснѣ есть звукоряды, общіе съ пѣснями грузинъ Тифлисской губ.; есть и общая поперемѣнная манера пѣнія. Эту общность манеры пѣнія, поперемѣнность, мы съ особенной рельефностью увидимъ въ трехголосной пѣснѣ.

Въ послѣдней мы прежде всего наталкиваемся на ея большое разнообразіе. Такъ, напр., въ числѣ ихъ мы видимъ пѣсни: свадебныя, походныя, плясовыя, хороводныя, историческія, любовныя, рабочія, застольныя и др.. Словомъ, ви-

---

[1]) Бываютъ и смѣшанные въ родѣ пѣсенъ подъ №№ 8 и 9 (Смотри въ прилож.).

димъ пѣсни, пріуроченныя, какъ и у всѣхъ народовъ, къ разнообразнымъ явленіямъ жизни. Всѣ эти пѣсни, разумѣется, общи съ пѣснями грузинъ Тифлисской губ., хотя между ними есть и чисто гурійскія, мѣстнаго, такъ сказать, происхожденія. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ „Хелхвави," „Надури" и др.

IV.

Такъ какъ мы раньше въ своихъ работахъ всегда касались этнографической стороны пѣсенъ, то, я думаю, намъ не лишне будетъ и теперь, коснувшись нѣкоторыхъ категорій пѣсенъ, упомянуть о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ онѣ исполняются.

Итакъ, мы сначала поведемъ бесѣду о свадебной пѣснѣ. Прежде о самомъ обрядѣ.

Какая-нибудь родственница, напримѣръ, „бицола"—жена дяди, сообщаетъ жениху, что въ такомъ-то селѣ имѣется невѣста-красавица, обладающая всѣми достоинствами; когда женихъ изъявляетъ свое согласіе на осмотръ, то объ этомъ сообщается отцу невѣсты, и если тотъ соглашается, то дѣло устраивается такимъ образомъ. Отецъ устраиваетъ какой-нибудь обѣдъ, куда приглашается женихъ, и гдѣ невѣста, не подозрѣвая, что этотъ обѣдъ устраивается изъ-за нея, сама подаетъ гостямъ что-нибудь на подносѣ. Если невѣста понравится жениху, то онъ тутъ же оставляетъ захваченное на всякій случай „нишани", т.-е. большое серебряное обручальное кольцо, или, какъ въ послѣднее время вводится, дамскіе, по возможности, элегантные часы, купленные при посредствѣ всѣхъ родственницъ. Часто бываютъ случаи, когда невѣста не принимаетъ обручальнаго кольца, тогда дѣло кончается большими непріятностями, а иногда и трагическими послѣдствіями. Если же дѣло налаживается, то назначается срокъ свадьбы, уговариваются на счетъ приданаго и т. д. Готовятся къ свадьбѣ какъ женихъ, такъ и семья невѣсты, притомъ изъ семьи невѣсты разсылаются пригласительныя письма, въ которыхъ отецъ невѣсты объявляетъ объ этомъ событіи и проситъ своихъ приглашенныхъ, чтобы они обрадовали его своимъ присутствіемъ и сдѣлали его ихъ должникомъ (въ послѣднемъ намекъ на то, чтобы гости не являлись съ пустыми руками, а принесли съ собой ту или иную лепту; бываетъ и безъ этихъ намековъ, смотря по состоянію). Гости, разумѣется, большею частью родственники, тоже стараются такъ или иначе ублаготворить отца семьи. Нѣкоторые приносятъ съ собой порядочныя суммы денегъ 10-ти копеечной монетой въ видѣ цѣлыхъ мѣшковъ. Когда они сойдутся, тогда хозяинъ выбираетъ изъ нихъ какого-нибудь наиболѣе честнаго и проситъ его быть кассиромъ или собирателемъ всѣхъ этихъ приношеній, и, кромѣ того, назначаетъ ему письмоводителя, который все подробно записываетъ. Послѣ этого открывается пиршество. Мѣсто, гдѣ пируютъ, называется „сепа". Каждый пожертвовавшій, чувствуя себя съ этой стороны совершенно свободнымъ, кутитъ на славу. Съ противоположной стороны входа сидитъ невѣста (она обязана наѣсться заранѣе), окруженная подругами дѣтства (въ отличіе отъ подругъ приглашенныхъ). По истеченіи нѣкотораго времени, въ разгаръ пиршества, является довѣренное лицо жениха, человѣкъ пожилой, или самъ отецъ, который принимаетъ приданое, провѣряетъ деньги и т. п. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжаютъ „макреби", молодые люди—товарищи жениха, и „дадэ", т.-е. посажонная, непремѣнно замужняя женщина. Ихъ приглашаютъ въ „сепа", и

тамъ они, садясь за столъ, начинаютъ пировать. Во время пиршества у нихъ происходятъ состязанія, кто больше выпьетъ, и т. п. Наконецъ, настаетъ время прекращенія всего этого, и „макреби“ встаютъ и требуютъ невѣсту. Послѣ долгихъ препирательствъ, наконецъ, невѣсту выдаютъ „дадэ“, т.-е. посажонной, которая и везетъ ее вмѣстѣ съ „макарами“ изъ дома невѣсты въ домъ жениха. Путешествіе это сопровождается выстрѣлами и пѣніемъ пѣсни „Макрули“ (смотр. №№ 16 и 35 въ приложеніи пѣсенъ) съ соотвѣтствующими сему случаю словами [1]). Если они сосѣди, то идутъ пѣшкомъ, если же другой деревни, то ѣдутъ верхомъ. Женихъ въ это время ждетъ въ церкви, куда невѣсту и привозятъ. Послѣ обряда вѣнчанія, вся процессія направляется въ домъ жениха, гдѣ пиршество продолжается. За столомъ, между прочимъ, женихъ сидитъ противъ невѣсты. Такова свадебная процедура въ Гуріи, и къ ней пріурочены пѣсни „Макрули“.

Теперь скажемъ два слова о „Хелхвави“. Пѣсня эта, какъ мы сказали, чисто гурійская, притомъ, повидимому, языческаго происхожденія, такъ какъ въ ней все время намекается на высшую силу, которая способствуетъ тому или иному урожаю. Эта сила въ настоящее время олицетворена въ лицѣ св. Ѳеодора, который въ пѣснѣ шествуетъ и несетъ съ собой довольство (благодать) и т. п. Поется она исключительно во время сбора кукурузы, собственно, когда очищаютъ стволъ кукурузы отъ листьевъ. Благодаря своему живому движенію, она какъ бы способствуетъ облегченію работы и приподнимаетъ бодрость духа у работающихъ. Записи напѣва этой пѣсни у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ.

„Надури“ тоже чисто гурійская пѣсня съ массой разнообразныхъ формъ. Исполняется она во время чистки засѣяннаго поля съ помощью „нади“, т.-е. извѣстной артели, или, другими словами, приглашенныхъ сосѣдей. Пѣсня продолжается довольно долго и служитъ безусловнымъ импульсомъ для живой и наиболѣе интенсивной работы. Она очень сложна и поется часто безъ конца—часами. Въ ней употребляются всевозможныя звукоподражанія пѣвчимъ птицамъ и т. п. Исполняется она и тогда, когда возвращаются домой съ полевыхъ работъ. Напѣва этой пѣсни у меня, съ сожалѣнію, тоже нѣтъ.

Еще нѣсколько словъ о хороводныхъ пѣсняхъ „Перхули“, которыя въ Гуріи особенно любимы. Это одна изъ наиболѣе любимыхъ формъ танцевъ, притомъ очень оригинальныхъ. Ихъ существуетъ двѣ формы—одноэтажная и двухъэтажная. Одноэтажная представляетъ изъ себя просто кругъ людей, положившихъ руки другъ-другу на плечи, поющихъ и пляшущихъ подъ мѣрный напѣвъ пѣсни, сначала медленно, а затѣмъ быстро, а двухэтажная, когда на плечи перваго круга взбирается вторая партія, поетъ и качается совмѣстно съ первыми. Зрѣлище получается преинтересное и оригинальное. О прелестныхъ напѣвахъ этихъ танцевъ и говорить нечего. Можно только жалѣть, что намъ не удалось (за исключеніемъ двухъ) ихъ больше записать.

У насъ остаются еще неописанными пѣсни застольныя, плясовыя, рабочія и др. Такъ какъ онѣ при исполненіи тожественны съ такими же пѣснями грузинъ Тифл. губ., мы и не будемъ говорить о нихъ; желающіе могутъ познакомиться съ ихъ описаніемъ въ нашей статьѣ —„Краткій очеркъ развитія грузинской карталино-кахетинской народной пѣсни“ въ I т. „Трудовъ Муз.-Этногр. Комиссіи“.

---

[1]) Интересно отмѣтить, что у нихъ, при всей аналогіи обрядовой стороны и самаго названія пѣсни съ грузинами Тифл. губ., совсѣмъ не упоминается того текста, который поется тамъ. Очевидно, они его утратили.

Здѣсь же пока закончимъ краткимъ упоминаніемъ еще объ одной гурійской пѣснѣ называемой „Элеса да чопола“, которая своимъ исполненіемъ напоминаетъ русскую „Дубинушку“. Поется она такъ же, какъ и послѣдняя, когда волокутъ тяжести.

Такова этнографическая сторона нѣкоторыхъ гурійскихъ пѣсенъ, довольно ярко рисующихъ бытовую жизнь гурійцевъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію пѣсенъ историческихъ.

Историческихъ пѣсенъ, записанныхъ нами, двѣ. Одна изъ нихъ „Хасанбегурп“ (смотр. № 27 и 41, въ прил.), другая „Али-паша“ (№№ 24 и 39, въ прил.). О первой пѣснѣ извѣстно, что Хасанъ-бегъ былъ гурійскій князь изъ рода Тавдгиридзе, что онъ перешелъ на сторону турокъ, ставъ врагомъ своей родины. Командуя извѣстнымъ отрядомъ войскъ, которыя прибыли на корабляхъ въ Шекветили (теперешній Николаевъ въ Гуріи, при устьѣ рѣки Нотанеби), онъ осадилъ г. Озургети и вынудилъ отступить русскія войска, которыми предводительствовалъ какой-то генералъ. Подъ мѣстечкомъ Квирикети гурійская милиція устроила ему засаду, гдѣ обратила въ бѣгство войска Хасанъ-бега и самого его убила. Когда происходило это событіе, въ точности неизвѣстно.

Объ Али-пашѣ существуютъ свѣдѣнія, что онъ былъ адчарскимъ владѣтелемъ и тоже, кажется, изъ рода Тавдгиридзе. Теперешній текстъ рисуетъ измѣну этого паши, который, получивъ деньги отъ русскихъ, предалъ гурійскія войска, собственно, адчарцевъ, но которому, какъ говоритъ пѣсня, тоже не поздоровилось, такъ какъ русскіе же связаннаго веревками волокли его на корабль, откуда вопли его были слышны далеко за рѣкою Супса въ Баилети (селеніе) [1]). Событіе это относится, по всей вѣроятности, къ тому времени, когда русскія войска боролись съ Гуріей. Пѣсня эта, какъ и первая, записана у меня въ двухъ варіантахъ. Второй варіантъ записанъ недавно въ Москвѣ отъ студентовъ-гурійцевъ и носитъ совершенно самостоятельный характеръ.

Чтобы закончить обзоръ гурійскихъ пѣсенъ, намъ необходимо будетъ упомянуть о пѣсняхъ любовнаго содержанія. Этихъ пѣсенъ, конечно, большинство. Въ нихъ женщина воспѣвается самыми нѣжными, самыми ласкательными, изысканными именами. Фантазія гурійцевъ въ этомъ отношеніи пошла такъ далеко, что мы въ русскомъ лексиконѣ часто не могли подобрать словъ для точнаго опредѣленія названія. Такія имена, какъ „горлица“, „моя голубка“, „роза моего сердца“ изобилуютъ повсюду, гдѣ гуріецъ выражаетъ свои чувства любви къ женщинѣ. О томъ, какое онъ питаетъ уваженіе вообще къ ней и какъ высоко ее ставитъ, мы говорили еще въ началѣ статьи; поэтому немудрено, что и въ пѣсняхъ своихъ онъ старается воспѣть ее какъ можно лучше.

V.

Мы изложили вкратцѣ содержаніе пѣсенъ съ исторической и этнографической сторонъ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію и другихъ сторонъ, какъ положительныхъ, такъ отчасти и отрицательныхъ.

Какъ въ одноголосной, такъ и въ трехголосной гурійской пѣснѣ замѣтна громадная разница въ музыкѣ ихъ отъ музыки грузинъ Тифлисской губ. (подразумѣвая чисто гурійскую пѣсню). Въ самомъ дѣлѣ, у гурійцевъ она сплошь

---

[1]) Между прочимъ говорятъ, что онъ и сейчасъ живъ, занимая постъ губернатора какого-то вилайета въ Турціи.

контрапунктическая, такъ какъ въ большинствѣ пѣсенъ три голоса поютъ самостоятельно, живая въ ритмическомъ отношеніи, въ музыкѣ же карталинцевъ и кахетинцевъ, т.-е. грузинъ Тифлисской губ., мы видимъ или принципъ неподвижности баса, или же, въ пѣсняхъ быстраго движенія, въ большинствѣ неизмѣнно поются одна—двѣ ноты въ унисонъ, но не протяжно, а въ разбивку. Короче, гурійская пѣсня полифонная, карталино же кахетинская гомофонная, и только въ пѣсняхъ торжественнаго стиля мы встрѣчаемъ у этихъ вѣтвей контрапунктъ въ двухъ верхнихъ голосахъ, хотя контрапункты совершенно другого характера. Какимъ образомъ у одного и того же народа, у котораго языкъ, религія, обряды и обычаи въ общемъ одни и тѣ же, получается совершенно другая музыка? Если это объяснить историческими условіями, такъ какъ со второй половины XV ст. Гурія со всей Имеретіей живетъ отдѣльно отъ Грузіи, а самостоятельная жизнь народа отражается на музыкѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ музыкантовъ,—то вѣдь и Кахетія жила самостоятельно и имѣла своихъ царей, и однако, между музыкой карталинцевъ и кахетинцевъ мы почти не видимъ разницы. Какой же факторъ могъ способствовать такому различію въ характерахъ музыки? Если въ выработкѣ темперамента климатическіе и географическіе факторы имѣютъ значеніе, то они и должны быть, какъ намъ кажется, главными факторами въ данномъ случаѣ. Мы знаемъ, что гурійцы (такъ же, какъ и имеретины и мингрельцы) обладаютъ чрезвычайно живымъ темпераментомъ, а темпераментъ въ общемъ результатъ географической и климатической среды. Живость темперамента гурійца, проявляясь во всемъ, разумѣется, не меньше должна была проявиться и въ музыкѣ, и такимъ образомъ данную разницу можно объяснить чисто географическими или даже скорѣе климатическими условіями. Несомнѣнно, конечно, что при этомъ имѣли вліяніе и общественная и политическая жизнь народа, хотя трудно сказать пока, въ какой степени; во всякомъ случаѣ, только не вліяніемъ „итальянцевъ и грековъ“ обусловливается разница въ характерѣ этихъ двухъ ближайшихъ вѣтвей, какъ склонны думать нѣкоторые, а скорѣе вышеуказанными факторами. Возможно, что не меньшее значеніе имѣли здѣсь такіе факторы, какъ, напримѣръ, почва, пища и т. п., но это уже область физіологіи, которая не входитъ въ нашу компетенцію.

Контрапунктизмъ пѣсенъ и трехголосіе свидѣтельствуютъ, разумѣется, объ извѣстной культурѣ, которая на музыкѣ отразилась сообразно ихъ особенностямъ, но что эти особенности въ музыкальномъ отношеніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сильно отклонились отъ нашего общаго понятія о гармоніи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Во время своего тамъ пребыванія, я положительно не могъ выносить нѣкоторыхъ пѣсенъ, когда гурійцы мнѣ пѣли съ своей особенной манерой, если можно выразиться, голосовыхъ пиццикатъ; они пѣли не просто, а какъ-то пѣли и дергали голосомъ. Теперь, прислушавшись въ фонографѣ, эти пѣсни не производятъ на меня впечатлѣнія чего то мало эстетическаго, но тогда, когда при этомъ еще пѣлъ „знаменитый“ Такай Глонти, я положительно былъ убѣжденъ, что въ нѣкоторыхъ гурійскихъ пѣсняхъ окончательно отсутствуетъ эстетика. Въ особенности меня удивляло то, что окружающіе подобное исполненіе слушали съ необычайнымъ наслажденіемъ.

Независимо отъ этого вообще обращаетъ вниманіе на себя разница со стороны красоты въ пѣсняхъ женскихъ и мужскихъ, и я не могъ понять, почему у первыхъ музыка такая красивая и самая манера исполненія вполнѣ музыкальная, а у мужчинъ, въ старыхъ пѣсняхъ, она скорѣе оригинальная, чѣмъ красивая,

и манера пѣнія не всегда эстетическая. Впрочемъ, относительно послѣдняго мы оговоримся: у талантливыхъ исполнителей, а не у „знаменитыхъ“ пѣвцовъ, это не такъ замѣтно и въ старинныхъ пѣсняхъ.

Удивляетъ меня въ гурійской хоровой пѣснѣ и то, что въ то время какъ у карталинцевъ и кахетинцевъ музыка является выразительницей разнообразныхъ явленій жизни, у гурійцевъ въ музыкѣ отразилась лишь одна ихъ жизнерадостность. Вы встрѣтите у нихъ пѣсни прелестныя, оригинальныя, живыя, но въ нихъ отсутствуютъ чувства грусти и печали, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, гдѣ всетаки проглядываетъ церковность. И, дѣйствительно, посмотрите въ нѣкоторые ихъ тексты. Есть ли тутъ мѣсто тоскѣ, когда остроуміе все время мѣняется съ разудалымъ веселіемъ! Возьмите, напр., текстъ: „Когда море высохнетъ и покажется песокъ, и рыбы поползутъ по горамъ; когда катеръ соберется рожать, а волкъ ему будетъ наигрывать на чіанури, тогда обхвачу я, моя любимая, твои хрустальныя плечи съ радостью“. Перевести все это на простой языкъ—значитъ: никогда тебя, милая, не придется мнѣ обнять! Или, напримѣръ, вся эта исторія съ теленкомъ, сколько въ ней комизма непринужденнаго, невзыскательнаго, деревенски-простого. И надо въ этомъ отношеніи отдать справедливость гурійцамъ, они умѣютъ веселиться, умѣютъ въ пѣснѣ выражать, если не грусть и печаль, то непринужденное, веселое, доброе настроеніе духа, пусть это иногда будетъ ни къ селу, ни къ городу, какъ, напр., въ пѣснѣ „Въ Озургети привезли для продажи патроны“, или „Въ Озургети привезли для продажи карету“. Все вѣдь это говорится для риемы, чтобы въ первомъ случаѣ красавица Матрона, а во второмъ, Анета, расцѣловали поющихъ [1]). Несомнѣнно, это свидѣтельствуетъ о томъ, что гуріецъ реагируетъ на все интересное и выдающееся въ его жизни; этимъ и объясняется, почему они создали и такую сатирическую, по музыкѣ весьма игривую, современную пѣсню, какъ „Прокламація“ (смотр. № 38 въ прил.). Вообще жизнерадостности и воспріимчивости гурійцевъ нужно удивляться. Я просто поразился, когда мнѣ здѣсь студенты-гурійцы спѣли „Марсельезу“ въ томъ видѣ, какъ она поется крестьянами въ Гуріи. Я даже фонографировалъ ее, и, какъ интересное явленіе, показывалъ многимъ. Марсельеза эта, разумѣется, передѣлана на три голоса, съ параллельными квинтами, все, словомъ, какъ слѣдуетъ, по-гурійски. Звучитъ, конечно, преоригинально [2]). Такимъ образомъ, понявъ гурійца, его міросозерцаніе, духовный складъ, черты характера, не придется, пожалуй, удивляться, почему его пѣсня не имѣетъ скорби, печали, а только жизнерадостна. Такъ или иначе приходится придти къ тому заключенію, что у этой грузинской вѣтви, въ мужской половинѣ, какъ эстетическая сторона, такъ

Гуріецъ.

---

[1]) Нужно сказать, что эти красавицы воспѣваются до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ красоты, когда же онѣ ея лишатся отъ старости ли или отъ другихъ причинъ, то ихъ замѣняютъ другія. Была, напримѣръ, Анета, ее замѣнила Матрона и т. д.

[2]) См. аналогичный напѣвъ за № 40, въ приложеніи.

и психическая, совсѣмъ другія, чѣмъ у тѣхъ грузинъ. Явленія своей политической, экономической или исторической жизни они выражаютъ, благодаря, быть можетъ, тѣмъ же географическимъ и климатическимъ факторамъ, совершенно своеобразно.

Мы выше упомянули о нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонахъ гурійской пѣсни, что же касается ея положительныхъ сторонъ, то къ нимъ принадлежатъ въ общемъ оригинальность музыки, контрапункта и гармоніи. Не взирая на всѣ параллельно-квинтовыя движенія въ пѣсняхъ, въ которыхъ вѣроятно можно усмотрѣть извѣстные законы, несмотря на всѣ диссонансы, которыми онѣ испещрены, мы можемъ представить много интересныхъ и красивыхъ пѣсенъ [1]).

Въ особенности интересны изъ нихъ будутъ тѣ, которыя имѣютъ вторымъ голосомъ, такъ называемое, „криманчули“, что въ переводѣ значитъ рулада-трель. Представьте себѣ пѣсню, въ которой второй голосъ не вторитъ, а на необычайной высотѣ форсированнымъ фальцетомъ поетъ самостоятельно на буквы і-а или у-а нѣчто въ родѣ трелей и форшлаговъ, причемъ въ то же время, разумѣется, придерживается общей гармоніи (часто въ этихъ случаяхъ первый голосъ поетъ партію второго, а „криманчули“ варьируютъ партію перваго голоса).

На свѣжаго человѣка это дѣйствуетъ и курьезно, и странно. Слушающій въ первый разъ не можетъ не поразиться, какъ это люди могутъ такъ пѣть, да еще на три голоса и въ быстромъ движеніи. Можно смѣло сказать, что въ этомъ родѣ пѣсни врядъ-ли у кого найдутся, такъ какъ нужно быть или гурійцемъ, или мингрельцемъ, или имеретиномъ, чтобы создать что-либо подобное и исполнять его. Много еще зависитъ здѣсь отъ того, кто поетъ это „криманчули“, т.-е. второй голосъ. Мнѣ, напримѣръ, пѣли два человѣка, одинъ, г. Сабашвили, былъ хорошій пѣвецъ и пѣлъ вполнѣ музыкально и хорошо, другой же, г. Такай Глонти, все время только раздражалъ. Такимъ образомъ, въ хоровыхъ пѣсняхъ исполнители имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ въ сольныхъ. Здѣсь часто все отъ пѣвца зависитъ, и если попадется мало талантливый, то немудрено о пѣснѣ получить и превратное мнѣніе. Въ этомъ я особенно убѣдился, когда фонографировалъ нѣсколько гурійскихъ пѣсенъ въ Москвѣ отъ группы студентовъ-гурійцевъ, которые своимъ интереснымъ музыкальнымъ исполненіемъ тѣхъ же старыхъ пѣсенъ лишь подтвердили мои наблюденія. Въ общемъ же о криманчулистахъ нужно сказать, что они представляютъ сравнительно рѣдкое явленіе; знающихъ „криманчули“ очень немного, такъ какъ пѣть эту партію очень трудно. Вотъ почему они особенно и цѣнятся, хотя, какъ я упоминалъ выше, не всѣ изъ нихъ поютъ талантливо, хорошо.

Есть у гурійцевъ пѣсни и безъ „криманчули“; онѣ хотя и не такъ оригинальны, но не менѣе интересны, и среди нихъ даже больше, я думаю, можно встрѣтить красивыхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: „Ранина“, „Обовьюсь вокругъ твоей хрустальной шеи“ (смотр. №№ 17, 23 въ прил.) и много другихъ. Какъ интересное явленіе, нужно отмѣтить, что большинство гурійскихъ пѣсенъ поются или начинаются на какіе-нибудь слова, какъ, напр., „Абадэла“, „Абарэра“, „Осарера“, „Одэліа“, „Водэліа“, „Дэла“ и т. п. Сколько я ни думалъ, почему они

---

[1]) Между прочимъ, интересно отмѣтить, что даже и такіе интервалы, какъ do-si, разсѣянные здѣсь и тамъ, не производятъ почему-то впечатлѣнія рѣзкости, какъ это было-бы, напр., за фортепіано. Очевидно, звуки человѣческаго голоса въ этомъ отношеніи имѣютъ свои индивидуальныя стороны въ сравненіи съ музыкальными инструментами.

вмѣсто текстовъ употребляютъ эти отдѣльныя слова, я ничего удовлетворительнаго не могъ придумать. Въ послѣднее же время я пришелъ къ тому заключенію, что при той быстротѣ, съ какой они исполняютъ свои пѣсни, и при томъ контрапунктизмѣ, какимъ они ихъ исполняютъ, трудно воспроизводить текстъ, такъ что я начинаю думать, не изъ самой ли природы пѣсенъ вытекаетъ часто ихъ такое отношеніе къ тексту. Вокализировать же на всевозможные лады одно какое-нибудь слово несомнѣнно легче, чѣмъ говорить цѣлыя строчки; такъ что не здѣсь ли кроется причина, почему они употребляютъ въ пѣсняхъ такъ много вышеназванныхъ словъ.

Записывать большинство гурійскихъ пѣсенъ, въ виду ихъ контрапунктизма, представляло иногда непреодолимыя трудности. Главныя трудности заключались какъ въ независимыхъ движеніяхъ каждаго голоса, такъ и въ особенности со стороны строя и ритма. При записяхъ гурійскихъ пѣсенъ, я окончательно убѣдился въ томъ, что въ народномъ грузинскомъ пѣніи сохранился свой естественный строй. Этотъ строй совершенно расходится съ фортепіаннымъ, такъ что на этомъ инструментѣ положительно не выходятъ многія пѣсни. Чтобы пѣсня, дѣйствительно, была записана такъ, какъ она есть, нужно установить именно тотъ строй, въ которомъ пѣсня находится, и только въ этомъ случаѣ записать пѣсню можно сравнительно правильно,—сравнительно опять-таки потому, что записать въ абсолютной точности, при нашихъ знаніяхъ и понятіяхъ въ ритмѣ, тоже не всегда можно, такъ какъ народъ не придерживается точно какихъ-либо рамокъ и поетъ свободно. Въ одномъ мѣстѣ онъ не дотянетъ, въ другомъ перетянетъ; въ одномъ мѣстѣ онъ споетъ ноту, предположимъ, вмѣсто четверти, четверть съ шестнадцатой, или около этого, въ другомъ, вмѣсто половины, полторы четверти съ одной 32-й. Словомъ, у пѣвца свое ритмическое мѣрило, которое расходится съ нашимъ, а съ этимъ намъ уже во всякомъ случаѣ приходится считаться. Это, конечно, не относится къ пѣснямъ чонгурнымъ, плясовымъ, хороводнымъ, гдѣ ритмъ обязательно ровный.

Намъ остается еще сказать о технической сторонѣ гурійскихъ хоровыхъ пѣсенъ.

Разсматривая ее, мы должны сказать, что вопросъ этотъ приходится пока оставить открытымъ. Въ свое время мы указывали на то, что окончанія пѣсенъ (какъ и въ карталино-кахетинскихъ) тожественныя съ окончаніями западно-европейскихъ ладовъ вообще, и что окончанія эти свидѣтельствуютъ о присутствіи послѣднихъ въ гурійской музыкѣ, благодаря осмогласію.

Теперь же, послѣ трехлѣтняго промежутка, послѣ болѣе подробнаго ознакомленія съ гурійской пѣсней, мы пришли къ тому заключенію, что ничего, въ сущности, западно-европейскаго, въ смыслѣ ладовъ, въ гурійской пѣснѣ нѣтъ и быть не можетъ по той простой причинѣ, что западно-европейскіе лады (Амвросіанскіе, Григоріанскіе) есть продуктъ вѣковъ художественной музыки, и народностей съ другимъ культурнымъ прошлымъ, имѣвшимъ свои пути историческаго развитія, и мы не видимъ, чтобы они имѣли какое-нибудь отношеніе къ гурійской пѣснѣ и вліяли на нее. Если же говорить объ осмогласіи православной церкви Востока, то здѣсь, быть можетъ, найдутся точки опоры для гурійской, какъ и вообще для грузинской пѣсни, если изслѣдовать само осмогласіе Восточной Церкви, т.-е. если разработать съ технической стороны напѣвы восьми гласовъ всѣхъ православныхъ восточныхъ церквей. Только такое изслѣдованіе и дастъ возможность судить, поскольку осмогласные напѣвы грузинской церкви,

а въ частности гурійскіе, разнятся отъ напѣвовъ другихъ церквей, и поскольку они вліяли на народную музыку, и оно же, быть можетъ, объяснитъ, почему въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ имѣются каденціи церковныхъ ладовъ.

При этомъ, конечно, приходится оговориться, что для гурійской, какъ и вообще для всей грузинской музыки, вопросъ этотъ усложняется тѣмъ, что послѣдняя вышла изъ первоначальной стадіи развитія, т.-е. одноголосія, принявъ совершенно своеобразныя формы гармоніи и контрапункта; но, быть можетъ, повторяемъ мы, найдутся точки опоры, которыя покажутъ, хотя бы въ нѣкоторыхъ категоріяхъ пѣсенъ, степень вліянія церковной музыки на свѣтскую съ технической стороны.

Этимъ, конечно, вопросъ еще не разрѣшается. Мы имѣемъ пѣсни, которыя не подведешь подъ какой-нибудь одинъ звукорядъ, и которыя говорятъ намъ совсѣмъ о другомъ, а именно, что онѣ произошли отъ болѣе простыхъ формъ, и что имѣютъ свои законы развитія. Къ этимъ пѣснямъ принадлежатъ „Али-паша“ (оба варіанта) и др. Онѣ не столько указываютъ на какіе-нибудь лады или звукоряды, сколько наталкиваютъ на другіе вопросы, чрезвычайно важные, напримѣръ, какъ получился этотъ видъ пѣсни, какъ совершился процессъ усложненія его отъ болѣе простыхъ формъ до болѣе сложныхъ, какіе элементы вошли главными образованіями для ея развитія, какими законами этотъ процессъ совершался, какіе факторы способствовали ея эволюціи. Такимъ образомъ, и въ гурійской пѣснѣ, какъ и въ карталино-кахетинской, мы видимъ ряды эволюцій пѣсни, какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и со стороны формъ, начиная съ одноголосныхъ пѣсенъ въ квартѣ и кончая сложнѣйшими трехголосными, въ разныхъ тональностяхъ. Но, чтобы говорить о каждой стадіи отдѣльно и ставить каждый вопросъ на строго научную почву, чтобы найти законы строенія и развитія грузинскихъ звукорядовъ въ одноголосномъ пѣніи, двухъ и трехголосномъ, чтобы открыть эти законы и т. д.,—нуженъ большой матеріалъ и много разныхъ другихъ условій, которыхъ мы не имѣемъ. Вотъ почему мы и откладываемъ все на время.

VI.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ еще о музыкальныхъ инструментахъ гурійцевъ. Музыкальные инструменты у нихъ слѣдующіе: „Саламури“ (свирѣль), „Саквири“ (пастушья труба) и „Соинари“. Изъ струнныхъ: „Чонгури“ (о немъ уже сказано) и „Чіанури“. Послѣдній инструментъ, какъ мнѣ говорили, теперь рѣдко встрѣчается.

Саламури обыкновенно съ семью голосниками (бываетъ и съ пятью) на лицевой сторонѣ, и однимъ на обратной, находящимся между первымъ и вторымъ лицевыми голосниками. Саквири дѣлается, какъ мнѣ говорили, изъ коры дерева; размѣръ его большой, хотя самъ я его не видѣлъ. Соинари мнѣ тоже не удалось видѣть, какъ я ни старался. Что же касается чіанури, то нужно сказать, что этотъ инструментъ не имѣетъ ничего общаго съ чіанури грузинъ Тифлисской губ. Этотъ чіанури дѣлается, какъ и чонгури, изъ липоваго, тутоваго и сосноваго деревьевъ; если у чонгури подпилить конецъ корпуса, чтобы послѣдній сталъ полукруглымъ и прикрѣпить три шелковыя струны, какъ прикрѣпляются тамъ четыре, то и получится чіанури. Строй инструмента do-mi-sol. Играютъ на немъ довольно примитивнымъ, дугообразнымъ смычкомъ изъ кон-

скихъ волосъ. Такимъ образомъ и нѣкоторые музыкальные инструменты гурійцевъ отличаются отъ музыкальныхъ инструментовъ грузинъ Тифлисской губерніи.

Что же, наконецъ, у этихъ двухъ грузинскихъ вѣтвей есть общаго?—невольно спроситъ читатель. Несмотря на внѣшнюю разницу, общаго у нихъ все-таки много. Во-первыхъ, общи техническія основанія, какъ въ одноголосной, такъ въ двухголосной и трехголосной пѣснѣ; въ трехголосной мы часто видимъ тотъ же квартъ-секстъ-аккордъ, тѣ же смѣлые обороты гармоніи. У карталинцевъ во многихъ пѣсняхъ очень часто лежитъ въ основаніи трихордъ въ квинтѣ, отъ котораго, точно какъ отъ какого-то центра, расходятся голоса въ разныя стороны; то-же самое наблюдается и у гурійцевъ. Далѣе, общность мы видимъ въ трехголосіи гурійской пѣсни и именно въ томъ видѣ, въ какомъ она есть. Не менѣе свидѣтельствуютъ о томъ самыя названія голосовъ, а именно: въ гурійской пѣснѣ первый голосъ называется *пирвели хма* или *дамцкеби*, тамъ—просто *пирвели хма*. Здѣсь второй голосъ называется *бани* или *модзахили* и въ свѣтскихъ пѣсняхъ еще *криманчули* и *гамкивани*, а здѣсь просто *модзахили*, при чемъ второй голосъ у гурійцевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и въ пѣсняхъ грузинъ Тифлисской губ. Третій голосъ у этихъ называется *бани* или *дабали бани*, у тѣхъ просто *бани*. Наконецъ, полная аналогія заключается въ тожествѣ формы пѣсенъ, попеременности, исполняемой съ полнѣйшей точностью, какъ здѣсь, такъ и тамъ. Словомъ, въ одно и то же время общее почти все, и съ другой стороны почти ничего. Все общее заключается въ технической сторонѣ, въ общихъ гармоническихъ и мелодическихъ оборотахъ и т. д., ничего общаго въ характерѣ музыки. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ пѣсняхъ, какъ тѣхъ грузинъ, такъ и этихъ корень одинъ, но только вѣтки отъ этого корня различныя. Благодаря климатическимъ особенностямъ одной мѣстности, получилась одна вѣтка, благодаря другимъ—другая.

Намъ остается теперь повторить то, о чемъ мы говорили вначалѣ. Нашей задачей было указать только на тѣ характерныя черты гурійской пѣсни, которыя отличаютъ ее отъ карталино-кахетинской, и по возможности объяснить ихъ. И когда мы такимъ же образомъ сдѣлаемъ обзоръ всѣхъ остальныхъ грузинскихъ вѣтвей, когда отмѣтимъ индивидуальныя особенности каждой изъ нихъ, тогда мы приступимъ къ разсмотрѣнію и другихъ сторонъ пѣсни, коснемся другихъ, не менѣе интересныхъ вопросовъ и въ заключеніи постараемся вывести общіе законы.

Тексты гурійскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ.

1. მიწერ-მოწერა ქალ-ვაჟისა.

ვაჟი. ქალო, შენმა ნათელ სხივმა
მე დამწვა და დამანელა;
შემაშალა ჭკუა ცნება
დამიდუმა სწრაფად ენა!

ქალი. ვაჟო, ჩემი ნათელ სხივით
რათ ყოფილხარ გულ-დამწვარი?
სულ ქვეყანა წვიმით იქცეს,
არ გერგება ერთი მცვარი.

მითხარ, გული რათ გიგდება,
ან რათ გინდა ჩემი ცქერა?
რათ მოგმულდა შენი თავი,
ნეტა ეს არ მოგეწერა.

მე სულს გერა ჩაგიბრუნებ,
რომ შემწიო რაგინდ ძვენი;
ან რათ მინდა შენი თავი
რომ შემწიო რაგინდ ძვენი.

ვაჟი. რაც ღმერთს ვსხოვე, ამისრულდა.
ეხლა-კი მჯობია ბედი.
შენი წერილი მივიღე,
გულს იმით მიგე იმედი.

2. მზის სხივები აკოკრებენ.

მზის სხივები აკოკრებენ
მაისის ვარდს სასურველად,
და ცის ნამი გულში ხვდება
გასაფურჩქნელ გასაშლელად.

ეშხი შენი სხივად მომხვდა,
სიყვარული გულის ნამად;
მე შენი გარ, შენთვის დავჭკნი,
ნუ გამრისხავ, ნუ მგმობ ამად.

1. Переписка между молодцемъ и дѣвицею.

Онъ. Дѣвица, твоя красота меня сожгла и обезсилила;
Лишила меня разсудка и слова!

Она. Молодецъ, почему ты сгораешь отъ моей красоты!
Тебя все-равно не освѣжитъ ни одна капля огромнаго дождевого ливня.

Скажи, чего ради ты вздыхаешь и къ чему тебѣ любоваться мною?

Я не въ силахъ возвратить тебѣ душевнаго спокойствія, ни за какія твои жертвы.

Онъ. Всѣ мои мольбы были услышаны Богомъ.
Я счастливъ тѣмъ, что получилъ отъ тебя письмо,
Оно все-таки воскресило во мнѣ надежду.

2. Какъ подъ солнечными лучами наливаются бутоны майскихъ розъ.

Какъ подъ солнечными лучами
Наливаются бутоны майскихъ розъ
И небесная роса, попадая внутрь,
Заставляетъ ихъ пышно распускаться,

Такъ и твоя красота блеснула для меня лучемъ, а любовь твоя росой небесной.

3. სიზმარში კაბა დამეწვა.

სიზმარში კაბა დამეწვა
ყანაურა, ვითომ ფარჩა;
დარდმა გული შემაწუხა,
კარგს ველოდი, გონკი დარჩა.

მესამე დღეს, კუმათ, ქალას
დამკარგვია ჩემი კაბა,
ვეძებე და ველარ ვნახე,
ნამეტანი ხათრი დამრჩა.

პოლიციას მივაშურე,
ბრძანება გასცეს ქალაქში,
ქაღალდები დაარიგეს
მუხტრებში და უქუმათში.

მე წეველი საძებრად,
არ მოვსულვარ ცხრას დღეს სახლში;
საქათიაში მიველი,
ფაფარი ვნახე ტალახში!

რა უნელი მოვინახე!
გელებს დაუდგეს თვალია,
ახრათ ეყარა ტალახში
მუა, ფაფარი, ნალია.

4. მჭედელო.

მჭედელო, მჭედელო!
ჩემო ოქროს მჭედელო!
ჩიტის ნალი გამიკეთე,
ჩემო ოქროს მჭედელო!

«ხა, ხა, ხა, ხა!»
გაიცინა მჭედელმა.
მჭედელო, მჭედელო!
ჩემო ოქროს მჭედელო!

5. მზე შინა და მზე გარეთა.

მზე შინა და მზე გარეთა, მზე შინ შემოდიო.

ვაჟის მამა შინ არ არის,.....

შინ არ არის ქალაქს არის;....
აკვნის სასყიდლად წასულა,...

3. Воснѣ сгорѣло у меня платье.

Воснѣ сгорѣло у меня платье
Изъ канауса въ родѣ шелка.
Досада меня извела.
Ожидала лучшаго-осталась съ худшимъ.

На третій день утромъ въ Джумати,
Потеряла я свое платье.
Искала и не нашла.
Сильно жалѣла о немъ.

Поспѣшила въ полицію:
Послѣдовало распоряженіе въ городѣ,
Роздали бумаги
Въ Мухтари и Укумати.

Сама отправилась за поисками,
И не возвращалась домой девять дней.
Подошла въ Сакатми,
Увидѣла въ грязи гриву.

Что за неожиданность я встрѣтила,
Чтобъ волки ослѣпли!
Въ грязи валялись
Хвостъ, грива и подкова.

4. Кузнецъ.

Кузнецъ, кузнецъ!
Мой золотой кузнецъ!
Вскуй мнѣ воробьиную подкову,
Мой золотой кузнецъ.

«Ха, ха, ха, ха!»
Засмѣялся кузнецъ.
Кузнецъ, кузнецъ!
Мой золотой кузнецъ!

5. Солнце освѣщающее природу.

Солнце освѣщающее природу,
взойди въ домъ!
Отца сына дома нѣтъ.
Солнце взойди въ домъ!
Его дома нѣтъ. Ушелъ въ городъ.....
Покупать люльку.....

ყუიდნია წამოსულა,....
შინაც მშვიდობით მოსულა;...
გიხაროდეთ ქალებო!...
გიხაროდეთ მეობაო.

6. დელი-ვოდელი-ვოდელა.

დელი-ვოდელი-ვოდელა, რანინა და რანინა!
ვაი რა ვქნა და რა ვიგონო,.....
რა გონება მოვიგონო!
ვგონებ, შენ თუ მომიკვდები,
მოვკვდები და მოგცილდები.
ფხარი მქონდეს, გავფრინდები,
შენსკენ გადმოვსისინდები.

*) 7. თქვენი სიტყვის მოწოდება.

თქვენი სიტყვის მოწოდება
ყმალეზედ ხომ გითხარი;
თქვენთან რომ დავიარებოდი,
ქილაზედ გიმზირებოდი.

ახლა თამაშს დავეთხოვე,
წირვაზედ დავიარებოდი;
უცებ გული მომეხუცა
უმძიმესი რკინაზედა.

8. დარჩია ყაჩაღის სიმღერა.

დარჩიას რათ უნდოდა ლამაზი ქალი?
მას უნდა ქონებოდა კომბოსტო-ფხალი!

9. თუ ოდესმე ქმარს მაღირსებს.

თუ ოდესმე ქმარს მაღირსებს
დიდებული დიდი ღმერთი,
მეც აქავე მეშოვება
საკადრისი ვინმე ერთი.

მე არ მინდა სადედოფლოდ
ათინა და საბერძნეთი;
ერთ ქართველში არ გავიცვლი,
რომ მიბოძოთ ოსმალეთი.

*) ეს სიმღერა იციან ქალის მოყვანის დროს.

Люльку онъ купилъ.....
И благополучно вернулся....
Радуйтесь дѣвицы!....
Радуйтесь новорожденному....*)

6. Дэли-водэли-водэли.

Дэли-водэли-водэли, ранина да ранина!
Ой что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ думу разрѣшить!
Въ случаѣ твоей смерти,
Я не перенесу и послѣдую за тобой.
Обладай я крыльями,
Тотчасъ прилетѣлъ-бы къ тебѣ.

**) 7. На вашъ словесный призывъ.

На вашъ словесный призывъ
Я тотчасъ-же отвѣтилъ.
Когда-же я къ вамъ ходилъ,
То опускалъ глаза (собственно, глядѣлъ на газыри-кила).
Сейчасъ отъ игръ я отказался.
Принялся за богомолье.
Сразу почувствовалъ я старость,
Что для меня очень тяжко.

8. Пѣсня разбойника Дарчіи.

Для чего Дарчіи красавица?
Ему-бы надобно было имѣть капусту (собственно, особый видъ капусты-мхали въ Гуріи).

9. Если по волѣ Всемогущаго Бога.

Если по волѣ Всемогущаго Бога
Мнѣ пришлось-бы выйти замужъ,
То я вышла-бы за того,
Котораго имѣютъ въ виду.

Я отказываюсь отъ владѣній
Афинами и Греціей
И за одного грузина не промѣняю,
Если мнѣ дадутъ Оттоманскую имперію.

*) Текстъ этой пѣсни сообщенъ мнѣ свящ. В. Г. Карбеловымъ, въ г. Тифлисѣ.
**) Пѣсня эта, между прочимъ, поется въ свадебной церемоніи.

10. ქალო-ლამაზო!

ქალო ლამაზო! ორერა,
ქალო ლამაზო!
მე შენ მიყვარხარ, სულო-გულან,
ქალო ლამაზო!

10. Дѣвица-красавица.

Дѣвица-красавица! Орера,
Дѣвица-красавица!
Я люблю тебя, душенька!
Дѣвица-красавица!

11. ნეტამცაა-მომკლაცაა.

ნეტამცაა-მომკლაცაა,
ასო ასოთ ამქნაცაა.
ჩემი სისხლი ყვავს და ყორანს
აჭამა და ასვაცაა.

ქვეშ ჭინჭარი დამიგოო,
ზედ მდუღარე მასხაცაა,
ამას ყველას მოვითმინდი,
ერთხელ შენთან დამსვაცაა.

11. Если-бы меня убили.

Если-бы меня убили,
Изрѣзали на куски,
Мою кровь дали-бы пить воронамъ и галкамъ,

Подо мной постлали-бы крапиву,
А сверху обливали-бы кипяткомъ,
Все-бы это я перенесъ,
Лишь-бы меня посадили съ тобой.

12. კარგი სტუმარს დაგესტუმრე.

კარგი სტუმარს დაგესტუმრე, დელაგ ნანინაო!
«მეგობარო!» —დავიძახე....
ერთი მშვენიერი ჩითი...
ვარდის ტოტზე დავინახე...

მომეწონა მაზედ თვრა,...
მის დაჭერა განვიძრახე....
«კარგო ჩიტო, მშვენიერო!...
რათ მიხილე დროებითა?...

ძრიელ შეწუხებული ვარ...
თქვენს ფიქრითა გონებითა....
ვაი თუ განმეშორეთ...
სიმღერით და გონებით!»...

12. Я принималъ хорошаго гостя.

Я принималъ хорошаго гостя; дэлав нанинао!
«Другъ», воскликнулъ я!
Прекрасную птичку
Увидѣлъ я на вѣткѣ розы!

Понравился мнѣ ея цвѣтъ
И захотѣлось поймать ее.
«Милая, прекрасная птичка!
Зачѣмъ ты посѣтила меня на время!

Дума о тебѣ не даетъ мнѣ покою.
Какъ-бы этой мысли о тебѣ
Мнѣ совершенно не лишиться».

13. სათამაშო.

ოდელია ჴეი-ო, ჴეი-ო!
დელის გოდელით ჴეი-ო!

13. Плясовая.

Одэліа эй-о, эй-о!
Дэлис водэлио эй-о!

14. ყარანაი ყანაშაი.

ყარანაი ყანაშაი მეტად გასუქებულიყო.
მოუწყობ და დავიჭარაე, თოკს მოვაბამ ყელზედაო,
შევკაზმაე და ზედ შევჯდები, გვიახტუნებ სერზედაო.
წინდამ კაცი შემეყარა,— «გამიცვალე ცხენზედაო».
ყარანაი შექუშმაჩდა, გადავარდა კლდეზედაო.
«შენ, ყარანაე, რას ქუშმაჩობ, შენ ვინ გაგცვლის ცხენზედაო?»
ეირმულის დანა გავსტეხე ყარანაის გვერდზედაო.
ასი ლიტრა ქონი ჭქონდა იქით-აქეთ გვერდზედაო;
დიდ ქვაბში ვერ ჩავატიე, პატარაში აღარ იყო.
ასმა კაცმა ვერ შეჭამა, პატარძალმა ლუკმად იგდო.

15. დელი-გოდელი-გორეა!

დელი-გოდელი-გორეა, ნანინანა!

16. გურული მაყრული.

ვინ არ იცის სიყვარული, დელაე ნანინა!
არის ძნელი ასახსნელი!.....

17. ბროლის ყელსა მოგეხვევი.

ბროლის ყელსა მოგეხვევი,
ცრემლით უბე ამოგივსო,
აბა, მოსახვევო, მოსასურვო,
ყელ საბამო მარგალიტო.
ოჰ, სულიკო, მარგალიტო!
ნეტა მარად შენთან ვიყო,
შენი კვავრი გულში ჩამრჩა,
რა ვიფიქრო, ან რა ვიყო!

14. Жаворонокъ на нивѣ.

Жаворонокъ на нивѣ чрезвычайно разжирѣлъ.
Сдѣлаю сѣлокъ, поймаю его, привяжу ему на шею веревку.
Осѣдлаю, сяду на него и поскачу на гору.
На встрѣчу попался человѣкъ, «промѣняй мнѣ на лошадь».
Жаворонокъ закружился и упалъ съ горы.
«Ты, жаворонокъ, чего встревожился? кто тебя промѣняетъ на лошадь!»
Сломалъ крымскій ножъ о бока жаворонка.
Сто литръ (литра 9 фунтовъ) у него было сала по бокамъ.
Оно не вмѣстилось въ большомъ котлѣ, а въ маломъ тоже мѣста не было.
Сто человѣкъ не могли съѣсть его, а невѣста уничтожила однимъ глоткомъ.

15. Дэли-водэли-ворэра.

Дэли-водэли-ворэра, нанинана!

16. Гурійская свадебная.

Кто не знаетъ, что любовь,...дэлав нанина!
Трудно разрѣшимая загадка!....

17. Обовьюсь вокругъ твоей хрустальной шеи

Обовьюсь вокругъ твоей хрустальной шеи,
И слезами орошу твою грудь,
О желанная!
Брилліантовое ожерелье!
О, душенька! О, брилліантъ!
Желалъ-бы быть вѣчно съ тобой!
Тоска по гнететъ меня,
Что мнѣ думать, что дѣлать!

18. ოსა-წერა-ნანინა!

ოსა, ვოწერა, ვოწერა!
აბა-დელა-ნა!
დელი-ვოდელი-ვოწერა-ნა!

18. Оса-рэра-нанина.

Оса, ворэра, ворэра!
Аба-дэла-на!
Дэли-водэли-ворэра-на!

19. ჱე-ია-ვა-ჱე!

ჱე-ია-ვა-ჱე! ოზურგეთში ჩამოსულა
გასაყიდი პატრონა.
თითოს ყველას გვაგონებს კარგი ჩვე-
ნი (ანუ ოთხმეზურის) მატრონა.
ოზურგეთში ჩამოსულა გასაყიდი
კარეტა.
. . . . . .

19. Э-я-ва-э.

Въ Озургети привезли для продажи
патроны.
Каждому изъ насъ дастъ поцѣловать
прекрасная Матрона (или Отхмезуро-
ва Матрона).
Въ Озургети привезли для продажи
карету.
. . . . . .

20. ჩარიწამა.

პარასკევს სიზმარი ვნახე, ვითომც
დამსეოდა ხროა;
ოხრაბაი დილა გათენდა, ქე გამიცდა
ჩემი ხბოა.
საყვარელო, ჩემო ხბოვო, შეხჩიე
აღდგომის კვერცხსა;
რა რომ მომშორდი, მოგკალდი, სულ
ვიტირე მე იმ დღესა.
უშენოდ ძროხას ვერ მოვწველ, სულ
არ ჩამოუშვებს რძესა;
დამელია დერგში ყველი; რალა მივა-
ჭამო კვერსა?
ნამეტანი-კი მიყვარდი; რათ მომშორდი
ესე უცებ?
შენთან ლოცვა არ გაგიდა, კიდეც
ვაწიწვიე ხუცებს.
შერად იყავი წითელი, სახელად
გერქვა არიფა.
დაგახვიე ექიმები, შენი მოხერხა
არ იქმნა.
ტანად იყავი მაღალი, როგორც არის
აქლემები.
რაცხამ ალარ წაგაყენა, ჩვენი სოფლის
ექიმები.

20. Чарирама.

Въ пятницу я видѣлъ сонъ, будто ок-
ружила меня стая волковъ.
Въ понедѣльникъ съ разсвѣтомъ ли-
шился я теленка (сонъ оказался пред-
вѣстникомъ несчастья).
О, милый теленокъ! Ты мнѣ былъ до-
роже пасхальнаго яйца.
Весь день я оплакивалъ твою потерю.
Безъ тебя не подоить мнѣ коровы,
не дастъ безъ тебя она молока.
Уменьшился въ дерги (посудина) сыръ,
что я буду ѣсть съ квери (хлѣбъ ис-
печенный въ золѣ).
Слишкомъ я тебя любилъ, зачѣмъ ты
неожиданно меня покинулъ.
И молитвы не помогли, хотя я заста-
вилъ отчитывать священниковъ.
Цвѣтомъ ты былъ красный, звали те-
бя Арипа.
Окружилъ я тебя докторами, но тебѣ
не было спасенія.
Ростомъ былъ ты, какъ верблюдъ.
Что-то тебѣ не помогли наши дере-
венскіе лѣкари.

ჯამაზე წიწკი იყავი, მოწყვდი გლახა
ფუთცელსა;
ცოტას ბოლოს მოწუწვნიდი,
წამოგიბერავდა მუცელს.
დილაზე უფრო ბატკს გცემდი; რაზედ
მიქნია უბრალბა?
დამიწახლე ბურ-მარილი, არ შეგშვებს
მაგი ხუმრობა.

ბოლოს გული მომიგდა, გადაგითრიე
მარაზე;
მეორე დღეს გამოვიარე, ტურას ეჯამე
ბარკალზე.
მალიანი შემეცოდვე, ცრემლიც-კი
მომადგა თვალზე;
სატირლად გავემზადე, ხელიც შემო-
ვიკარ თავზე.

Ты былъ скроменъ на ѣду и срывалъ
плохія листья.
Обгложешь край листика и раздуетъ
у тебя животъ.
Утромъ я больше ухаживалъ за тобой,
чѣмъ-же ты былъ не доволенъ?
Оскорбилъ ты мою хлѣбъ-соль, не про-
тится тебѣ эта шутка.

Наконецъ я вышелъ изъ терпѣнія и
вытащилъ тебя на дорогу.
Проходя на другой день, я увидѣлъ,
что гіена обгладывала твое бедро.
Страшно я пожалѣлъ тебя, даже сле-
за выкатилась изъ глазъ.
Я приготовился рыдать, даже руку за-
несъ къ головѣ.

21. ფირუზი.

მაღლიდგან გადმომდგარიყო ფირუზი.
ფირუზ ფანდურ, ფანდურასა კვატიტი;
კვატიტო, და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო;
ეველ და გვერდსა გიახელ, ფირუზი.
ფირუზ ფანდურ, ფანდურასა კვატიტი;
კვატიტო და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო;
შენ ახა ჩემი ქმარია ფირუზ ფირუზი;
ფირუზ ფანდურ, ფანდურა და კვატიტო.
კვატიტო და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო;
ამოუკოცნოთ თვალია ფირუზი;
ფირუზ ფანდურ, ფანდურასა კვატიტო,
კვატიტო და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო.

21. Бирюза.

(Въ этой пѣснѣ воспѣвается женщина
въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ.
Перевести текстъ было чрезвычайно
трудно).

На высотѣ (горѣ) стояла красавица-
бирюза.
Моя голубка (собственно уточка)!
Моя голубка, роза моего сердца, моя
красавица!

Поднялся я и сталъ съ ней рядомъ.
(Дальше повторяется приблизительно то-
же самое, за исключеніемъ словъ,
—Ты не мой супругъ! и разцѣлуемъ
глазки у бирюзы).

22. ჯაშის ქალო მარიკელა.

ჯაშის ქალო, მარიკელა,
ჩახატულო, ჩაკვანწულო,
ჩამგვრიტულო, ჩაბუნეულო!

22. Марикела, дочь Джаши!

Марикела, дочь Джаши,
Писанная красавица, изящная,
Какъ горлица, особенно изящная!

23. რანინა.

რანინა, რანინა, ვოდელია-რანინა!
რანინა, რანინა, შენ გენაცვალე!
ვისაც ვსთხოვე წამალი,
ხინა დამალევია!

24. ალი-ფაშა.

ალი-ფაშამ გვიდალატა ჩაგვიყვანა
ყვირიკეთში;
იმან ფულები აიღო, ჩვენ დაგვტოვა
რუსის ხელში.
კარგი მას არ დამართია; ბაწრით
ჩაითრიეს გემზედ;
მისი ყვირილი ისმოდა სუფსას კალმა
ბაილეთში.

25. ორირა.

ორირა, რიგორირა, ოდილა, ორიგო-
დელა.

26. ინდი-მინდი.

დელიავ და დელავ, ვოდელა-ნანინა!
მიყვარს ბაგე შენრად შინდი, ინდი-მინდი.
თვალი შავი, ინდი-მინდი, ინდი-მინდი.
გამოყევი, გამიცინდი, გამიცინდი.
განმინათლე თვალთა შინდი, თვალთა
შინდი.
შენ სიყვარულს გადაყყვები, გადაყყვები,
რომ მოვიდეს დროი-ქინდი,
დროი-ქინდი.

27. ხასანბეგური.

ხასან-ბეგი თავდგირიძე, განრისხული
ღვთიდგან მეტი,
თათრის ფაშობა იშოვა, სულ მთლად
დაავიწყდა ღმერთი.
შეყვეთილში შემოვიდა, იძახოდა
«ოლან-გეთი»,
ღენერალმა ცოსტატა, დაუტოვა
ოზურგეთი.

23. Ранина.

Ранина, ранина, водэліа-ранина!
Ранина, ранина, ты моя милая!
У кого я ни просилъ лѣкарства,
Напопли меня хиной.

24. Али-паша.

Али-паша намъ измѣнилъ и заставилъ
идти въ Квирикети (мѣстечко).
Забравъ деньги онъ выдалъ насъ рус-
скимъ.
Но ему все-жъ не посчастливилось—
связаннаго веревками его бросили на
корабль.
Его крикъ былъ слышенъ за рѣкою
Супса въ Баилети.

25. Орира.

Орира, риворира, одила, ориводэла.

26. Инди-минди.

Дэліав да дэлав, водэла нанина!
Люблю уста твои алыя-кизиловыя.
Черныя очи.
Взгляни на меня, улыбнись!
Дай свѣтъ моимъ очамъ.
Я готовъ принести себя въ жертву,
Ради твоей любви.

27. Хасанбегская.

Хасанъ-бегъ Тавдгиридзе, на котораго
Богъ особенно разгнѣвался,
Сталъ татарскимъ пашою, и забылъ
совсѣмъ Бога.
Войдя въ Шекветили, произносилъ
«Олан-гети» (уходите по турецки).
Генералъ схитрилъ и оставилъ
Озургети.

ლანჩხუთამდის მას გავალთ, მერმე
ჩვენ გვიყურებს ერთი!
გულყურყულებ დაუძახთ და აღარ
გაუშვათ ერთი!
გზას გიყვეთ მილიცია, რუსის ჯარი
მეტად ცოტა,
ცხრა ათასი თათრის ჯარი წინ
დაგვიხდა, გვებრძოლა.
ბრძოლა-ომმა ერისთავმა წინ გაუშვა
ერთი რიტა;
გაიქცენ და ჩაერიენ, მჭირავები აიშალა.
ვინც არ მოჰკლეს, დაიჭირეს, ყელს
მოაბეს დიდი ფშალა;
ცხრა ათასი კაცის რიცხვში შვიდასმა
ძლივს გაიმშრალა.
ხასან-ფაშა, ჩემი ძმაი, თავ მოჭრილი
დავინახე.
რადგან იყო ჩემი ძმაი, «ვაი მეთქი»—
დავიძახე.
წინ დღეებში მან გადამწყვა, მით მოიგო
ცუდი მახე,
რადგან ჩემი ძმაი იყო, ბრძოლას
მაინც მე დავმარხე.

Предоставимъ ему идти до Ланчхутъ,
а тамъ посмотримъ.
Вскликнемъ по кугургульски, схватимъ
и не пустимъ его.
Въ дорогѣ была наша милиція и не-
много съ нами русскихъ.
Девять тысячъ враждебныхъ татаръ
столкнулись съ нами.
Полковникъ Эристовъ двинулъ впередъ
одну роту.
Они врѣзались и разрушили дисцип-
лину.
Кого не убили, то плѣнили, накинули
на шею веревку-пшала (вьющееся рас-
теніе изъ котораго дѣлаютъ веревки).
Изъ девяти тысячъ могли спастись
только семьсотъ.
Хасана-пашу моего брата увидѣлъ я
обезглавленнаго.
Такъ какъ онъ былъ моимъ братомъ
О, воскликнулъ я!
Передъ этимъ онъ меня спалилъ, чѣмъ
заслужилъ достойное возмездіе.
И такъ какъ онъ былъ моимъ бра-
томъ, я же похоронилъ его.

28. ვაჰაჰე.

დელიავ, დელიავ, დელიავ-დელა!
ნანა-დელა, ნანინაო ნა, ვაჰაჰე!
*) ჩამოსულა გასაყიდი კარეტაო,
თითოს უფლას გვაკოცნაებს ნიკიფო-
რეს ანეტაო!

28. Вахахе (шуточная).

Дэліав, дэліав, дэліав-дэла!
Нана-дэла, нанинао на, вахахеа!
*) привезли для продажи карету,
Каждому изъ насъ дастъ поцѣловать
Никифорова Анета.

29. ბატარა საყვარელო!

ბატარა საყვარელო, რისთვის მომიკალ
გული?
გალიაში გაგზარდე, მით მაისის
ბულბული!

29. Маленькая милочка.

Маленькая милочка (любовь моя), за-
чѣмъ ты убила мое сердце?
Выростилъ я тебя въ клѣткѣ, какъ
майскаго соловья.

*) Перваго слова въ фонографѣ нельзя было разобрать.

30. იასამანი და ღვინოსა სმიდა.

იასამანი და ღვინოსა სმიდა
ხელით ეჭირა ნარგი ფიალა. იასამანი და ღვინოსა სმიდა.

ოდეს ზღვა დაშრეს, ქვიშა გამოჩნდეს,
თევზი მთას შეყვეს სიარულითა,
ჯორი შობათ წვეს, გელი თავს ადგეს ჭიანურითა,
მაშინ ჩაგიხავ, ჩემო მიჯნურო,
ბროლისა მკერდსა მხიარულითა.

31. სუფრული «ორი-რამა».

ჰოირი, ალალი-ალალო, ჰაირი-ალალო!

32. სუფრის ღიღინი.

ვარდსა ჰკითხეს, ეგ ზომ ტურფა რამ შეგქმნა?
აილალო, ჰაირი აილალო!

33. ფერხული.

დელი-ვოდელი-ვოდელა, ვოდელია-რანინა!

34. ოდელია, ოდელია!

ოდელია, ოდელია! ეს როგორი სოფელია?
ნახევარი ქვრივია, ნახევარი ობოლია!

35. მაყრული.

დელი-ვოდელი-ვოდელა-ვადილა!
აბადელო-დელო-დელო რანინა ვა.
ერთის არ მივალ გურიაში, შენ რომ არ მეგულებოდე;
იგი დღეი მე რათ მინდა, შენ რომ შემძულებოდე.

30. Ясаманъ пилъ вино.

Ясаманъ пилъ вино и держалъ деревянную чашу.

Когда море высохнетъ и покажется песокъ,
И рыбы по ползутъ по горамъ,
Когда катеръ соберется рожать, а волкъ ему будетъ наигрывать на чіанури,
Тогда обхвачу я, моя милая,
Твои хрустальныя плечи съ радостью.

31. Застольная «Ори-рама».

Ойри, алали-алало, айри-алало!

32. Застольная-гинини *).

Спросили розу, что тебя создало столь прелестной?
Айлало, айри айлало!

33. Хороводная.

Дэли-водэли-водэла, водэліа-ранина!

34. Одэліа, одэліа.

Одэліа, одэліа! Что это за деревня?
Половина въ ней вдовы, половина сироты.

35. Свадебная.

Дэли-водэли-водэла-водила!
Абадэло-дэло-дэло, ранина-ва!
Не будь тебя въ Гуріи, я не показывался туда;
Къ чему мнѣ жить съ того дня, когда ты меня разлюбишь.

---

*) Гигини—сладкогласное застольное пѣніе, имѣющее особый, спокойный характеръ.

36. რაშო-ვორერა.

რაშო-ვორერა-ორიდელა-ვა!
ორივოდელი-ვოდელა-ორერა-და!
აბადელა-დელა-ვოდელა-ორერა-ვო-ეი!

37. აბადელია.

აბადელა-დელა-დელი-ვოდელი-
ვოდელა,
დელია და დელია-ო.

38. პროკლამაცია.

ოზურგეთში შემოსულა ახალი
პროკლამაცია.
წაღმა—უკუღმა დალანძღეს ჩვენში
ქალი და კაცია.
ქალმა კაცს გაუცინაო—დასწერეს
პროკლამაცია.
თურმე ნუ იტყვით-ყოფილა ჯაფარი-
ნინა-ზაცია.
ისაკი თურმე არშიყობს, ტანზე
ფრანგულად აცვია,
და რომ ქვეყანას უშველოს, დასწერეს
პროკლამაცია.
სოფელში მღვდელი ყოფილა, ქვეყანა
მან დააქცია,
და რომ ქვეყანას უშველოს, დასწერეს
პროკლამაცია.
თუ ლურჯი ბლუზა გაცვია, ან და-
ხეული შტაცკია,
არ ვის არ სჯერა, რომ არ გაქვს
ჯიბაში პროკლამაცია.
ზოგსა სოფელი ასახლებს, ზოგსა
ადმინისტრაცია...
სწორეთ რომ გააბათილეს,—ნამდვილი
პროკლამაცია.

39. ალი-ფაშა (მეორე ვარიანტი).

36. Рашо-ворэра.

Рашо-ворэра-оридэла-ва!
Ориводэли-водэла, орэра да!
Абадэла-дэла-водэли-орэра-во эй!

37. Абадэлiа.

Абадэла-дэла-дэли-водэли-водэла,
Дэлiа да дэлiа-о.

38. Прокламацiя.

Въ Озургетахъ появилась новая прок-
ламацiя.
Въ ней на всѣ лады переругались
мужчины и женщины.
Дѣвица улыбнулась мужчинѣ—написа-
ли прокламацiю.
Оказывается это сдѣлала Нина Джа-
паридзе.
Исаакъ занимается ухаживанiемъ, одѣтъ
онъ по французски.
И что-бы помочь бѣдѣ—написали прок-
ламацiю.
Въ деревнѣ былъ попъ, разорившiй
всѣхъ.
И что-бы помочь этой бѣдѣ—написали
все ту-же прокламацiю.
Если ты въ синей блузѣ или въ
изорванномъ штатскомъ,
Никто не вѣритъ, что у тебя нѣтъ
въ карманѣ прокламацiй.
Кого мiръ удаляетъ, кого админист-
рацiя...
Когда правильно разсудили—вышла
настоящая прокламацiя.

39. Али-паша (второй варiантъ).

Текстъ тотъ-же, что и подъ № 24,
но съ другимъ припѣвомъ.

40. ვოდილა.

ვოდილა-დილა-დილა-ვოდილა,
დილაი ვოორერა დილაი ვოდილა,
დელაი ვო აბარერა ივრი არალო.

40. Водила.

Водила-дила-дила-водила,
Дилай воорера дилай-водила,
Делай во абарера иври арало.

41. ხასანბეგური

(მეორე ვარიანტი).

ხასან-ბეგი თავდგირიძე იგი მოდის
ჩვენთან ერთი.
რუსებს *) კაცი გაუგზანა: «დაგვიტიე
ოზურგეთი».

41. Хасанбегская

(второй варіантъ).

Хасанъ-бегъ Тавдгиридзе идетъ на насъ
одинъ.
Онъ послалъ человѣка сказать
русскимъ: «Оставте Озургети».

შენ ხარ ვარდი, მე ბულბული;
შენთვის მტკივა მე ეს გული.

Ты роза, я соловей;
По тебѣ ноетъ это мое сердце.

---

*) Слово это въ фонографѣ звучитъ нѣсколько неясно.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

39 гурійскихъ пѣсенъ въ народной гармонизаціи.

Предлагаемыя пѣсни (за исключеніемъ четырехъ) собраны мною въ экспедицію 1903 года. Это небольшая часть изъ собраннаго матеріала, которая касается только Гуріи. Изъ нихъ 38 пѣсенъ принадлежатъ мнѣ, а одна двухголосная взята изъ сборника пѣсенъ г. Бенашвили. Записаны онѣ въ такомъ порядкѣ: три одноголосныя пѣсни въ деревнѣ Лихаури Озург. уѣзда, Кутаисской губ. (пѣлъ г. Нако Вашакмадзе и еще одинъ крестьянинъ), четыре пѣсни въ деревнѣ Джурквети, Озург. уѣзда, Кут. губ. (пѣли мѣстные жители), двѣ пѣсни въ г. Кутаисѣ (пѣлъ князь Джамбакуръ Гуріэли) и три пѣсни записаны мною отъ П. І. Дгебуадзе въ Москвѣ.

Изъ двухголосныхъ записана только одна пѣсня въ г. Озургети отъ лицъ, которыя поименованы ниже.

Трехголосныя отъ нихъ же записаны въ такомъ порядкѣ: семнадцать въ г. Озургети (пѣли Антонъ Думбадзе съ сыновьями Давидомъ и Мелитономъ Антоновичами, гг. И. Сабашвили и Тахай Глонти), затѣмъ двѣ пѣсни въ деревнѣ Джурквети, Озург. уѣзда, Кутаис. губ. (отъ крестьянъ), одна въ деревнѣ Ховле Горійскаго уѣзда, Тифлисской губ. (тоже отъ крестьянъ) и пять отъ студентовъ-гурійцевъ въ Москвѣ (А. М. Жоржоліани, А. Р. Цуцунова, С. Р. Цуцунова, Г. Н. Анджапаридзе и А. Ахобадзе).

Всѣмъ этимъ лицамъ, а также В. Д. Думбадзе и П. І. Дгебуадзе, содѣйствовавшимъ мнѣ всячески въ этомъ дѣлѣ, я приношу глубокую признательность. Также благодарю А. М. Джавахова, переводившаго мнѣ нѣкоторые тексты пѣсенъ, и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя помогали мнѣ своимъ участіемъ какъ въ переводахъ, такъ и редакціи текстовъ пѣсенъ.

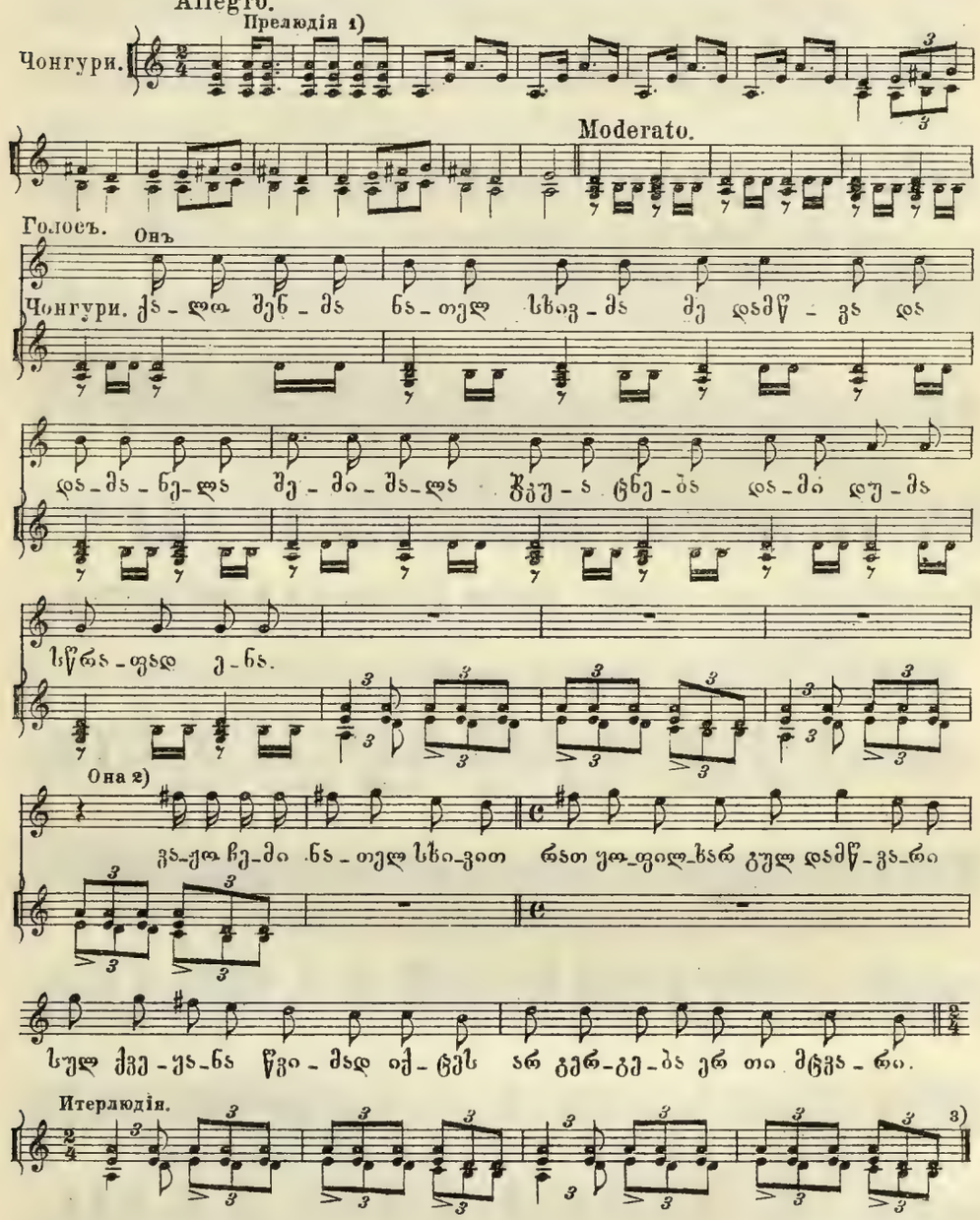
Въ заключеніе не могу не упомянуть еще разъ съ великой признательностью о просвѣщенномъ содѣйствіи Д. З. Сараджева, благодаря которому удалось осуществить эту экспедицію, давшую цѣнный матеріалъ.

გურული
ერთვნული სიმღერები.
ჩაწ. 1902 წ., დიმიტრი არაყიშვილის მაერ.

ГУРІЙСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,
зап. въ 1902 г. Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ

№ 1. ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ МОЛОДЦЕМЪ И ДѢВИЦЕЮ.

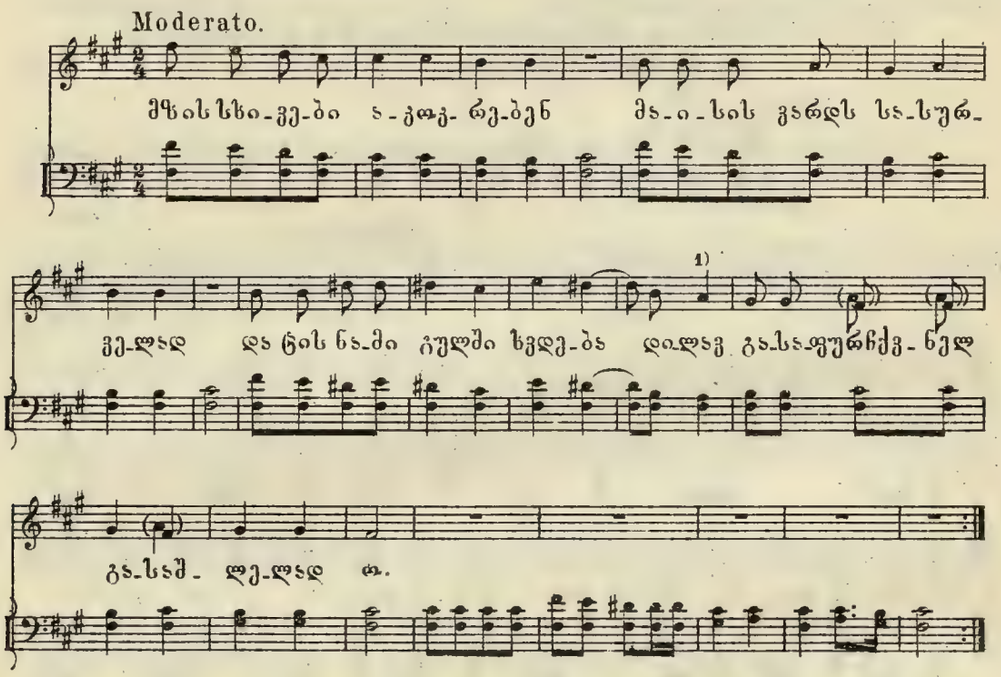
მიწერ-მოწერა ჭალ-ვაჟისა.



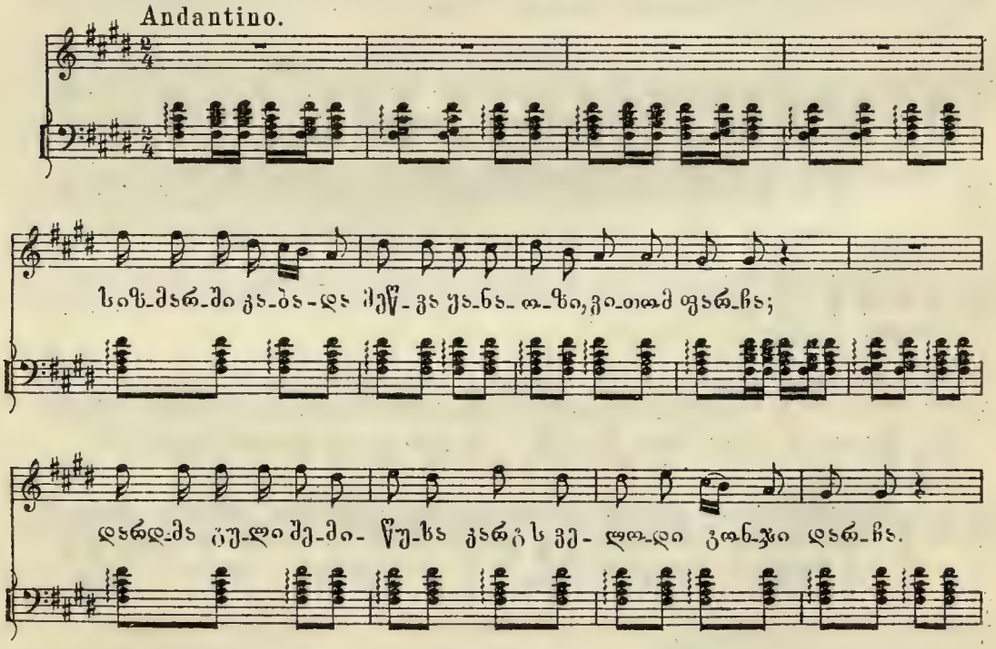
1)Прелюдію я расположилъ въ тактъ симметрично, на самомъ же дѣлѣ она исполняется свободно=фразки иногда больше такта, иногда меньше.
2)Пѣніе свободное, трудно воспроизводимое нотами. Аккомпанименть хотя заглушенъ, но идетъ точно за голосомъ, въ концѣ играя въ унисонъ пѣнцу.
3).Послѣ интерлюдіи опять продолжаетъ она въ томъ же духѣ, а затѣмъ онъ, какъ вверху.

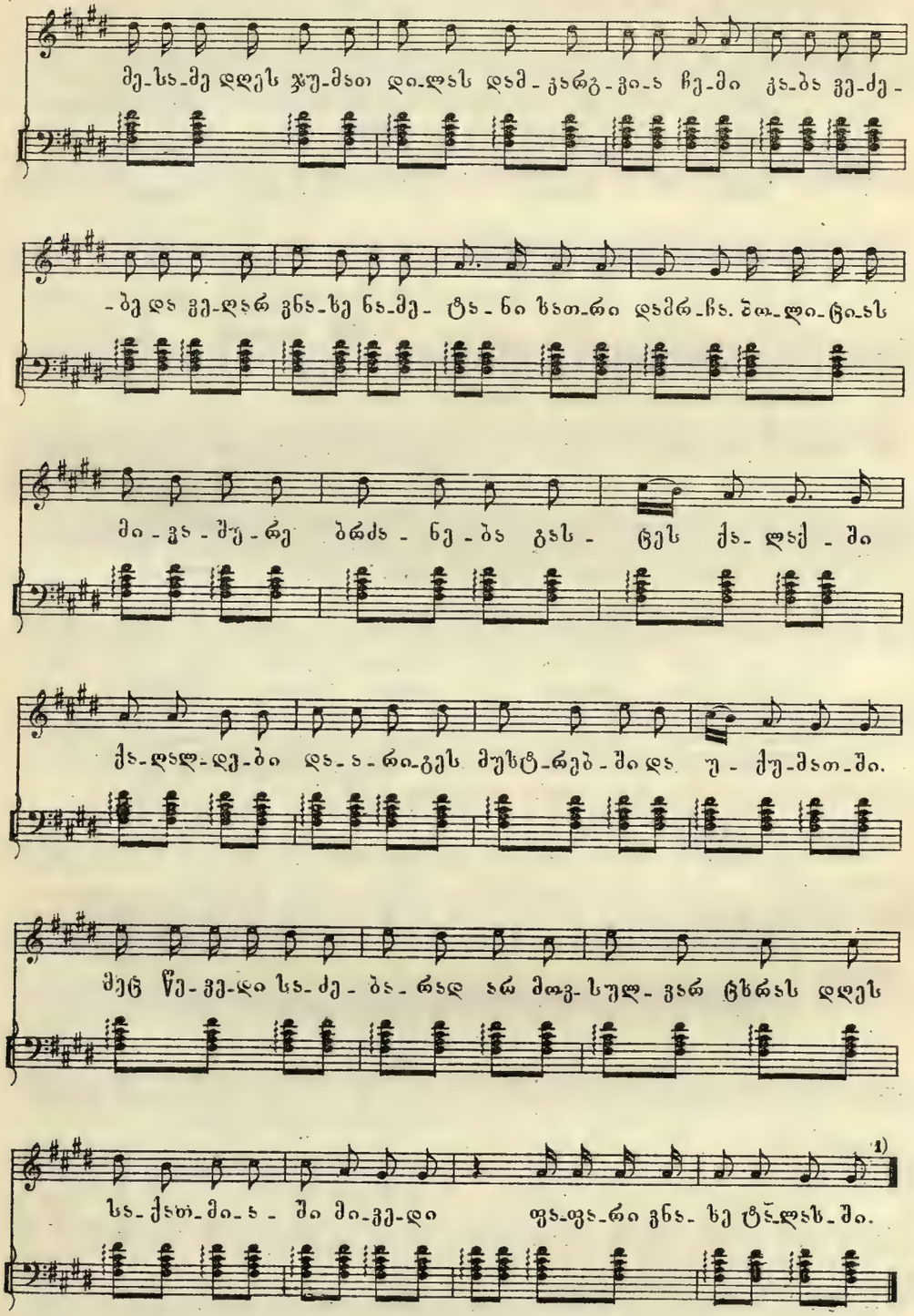
Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

№2. მზის სხივები ჯოჯრებენ...КАКЪ ПОДЪ СОЛНЕЧНЫМИ ЛУЧАМИ...



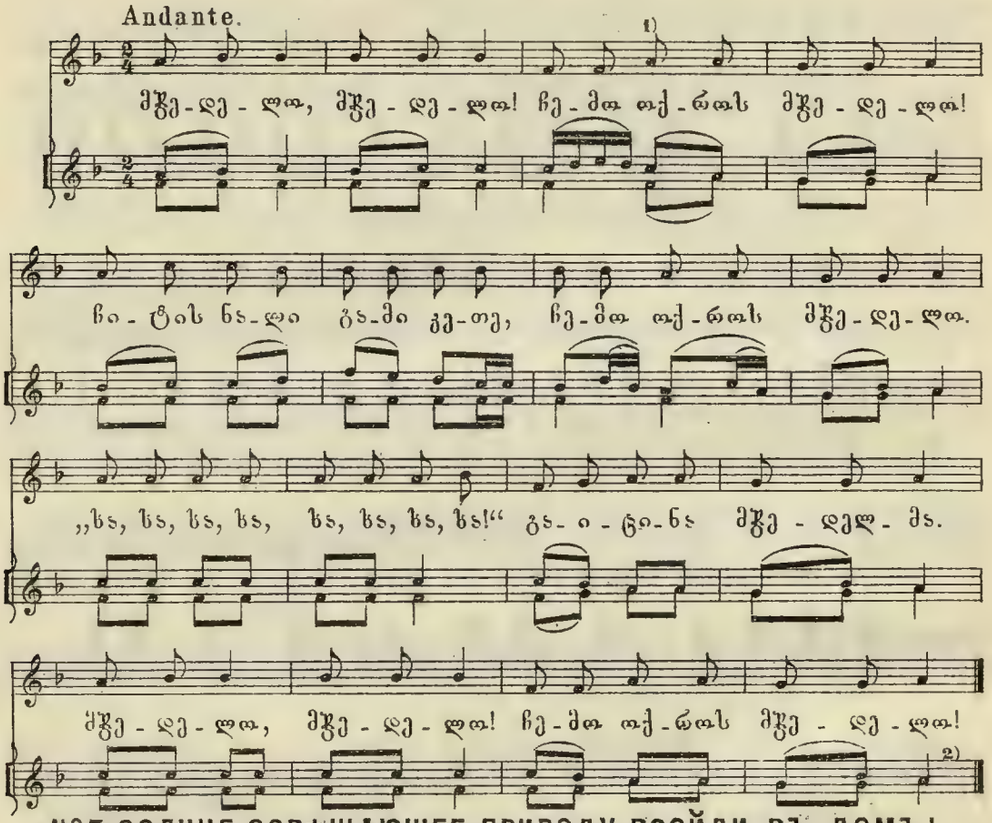
№3. სიზმარში კაბა დამწვა...ВОСНЪ СГОРѢЛО У МЕНЯ ПЛАТЬЕ...





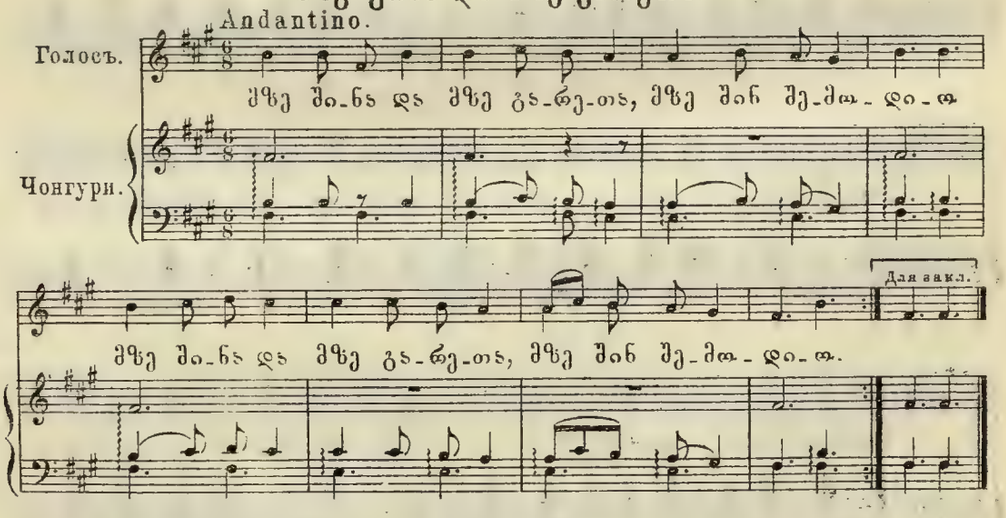
1) Далѣе повторяется первоначальная прелюдія, а затѣмъ пѣніе въ томъ-же духѣ.

№4. მჭედელი. КУЗНЕЦЪ.



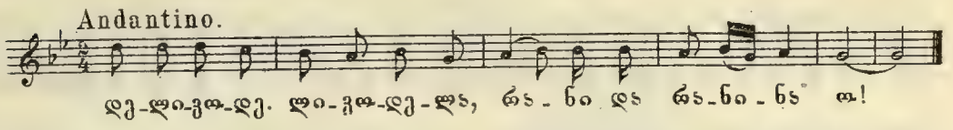
№5. СОЛНЦЕ, ОСВѢЩАЮЩЕЕ ПРИРОДУ, ВЗОЙДИ ВЪ ДОМЪ!

მზე შინა და მზე გარეთა.

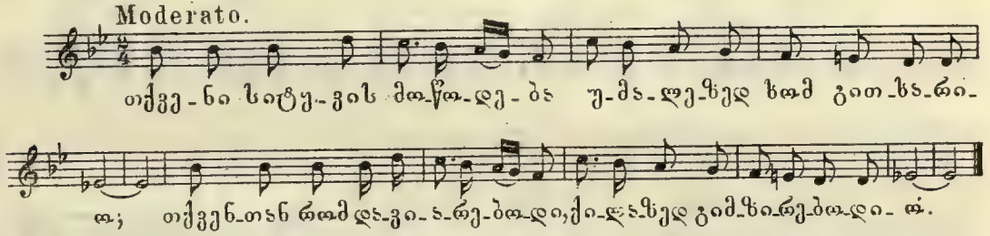


1) Этотъ звукъ вездѣ, въ сравненіи съ фортепіано, ниже.
2) Аккомпаниментъ пѣсни плохо слышенъ въ фонографѣ, а потому не всегда точенъ. Два начальныхъ такта третьей строки, поются совершенно произвольно.

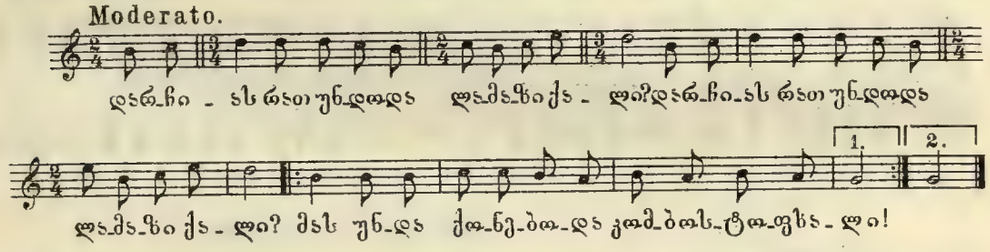
№6. დელი-გოდელი-გოდელა. ДЭЛИ-ВОДЭЛИ-ВОДЭЛА.



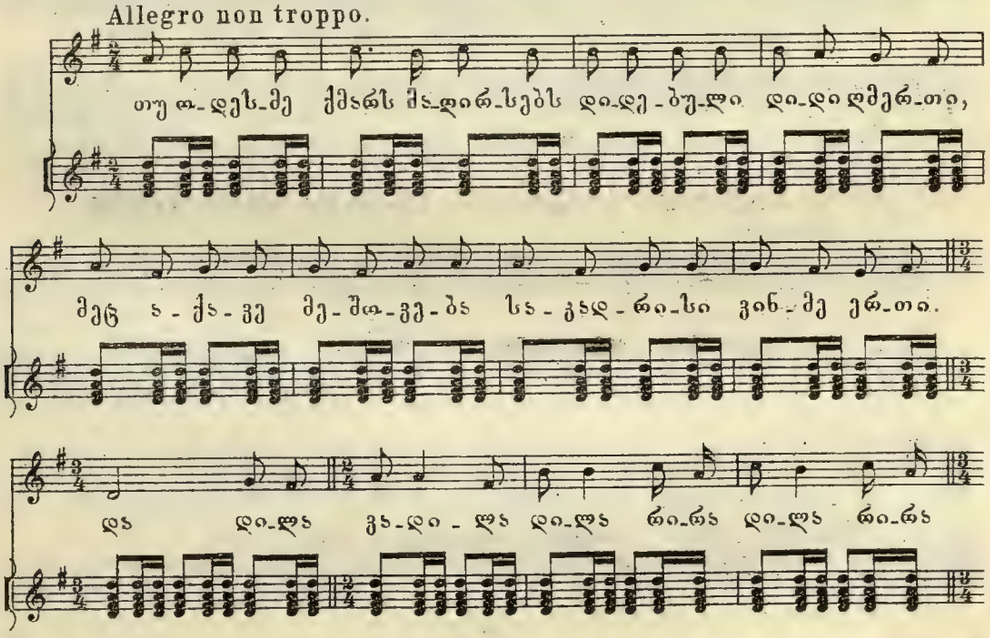
№7. თქვენი სიტყვის მოწოდება...НА ВАШЪ СЛОВЕСНЫЙ ПРИЗЫВЪ...

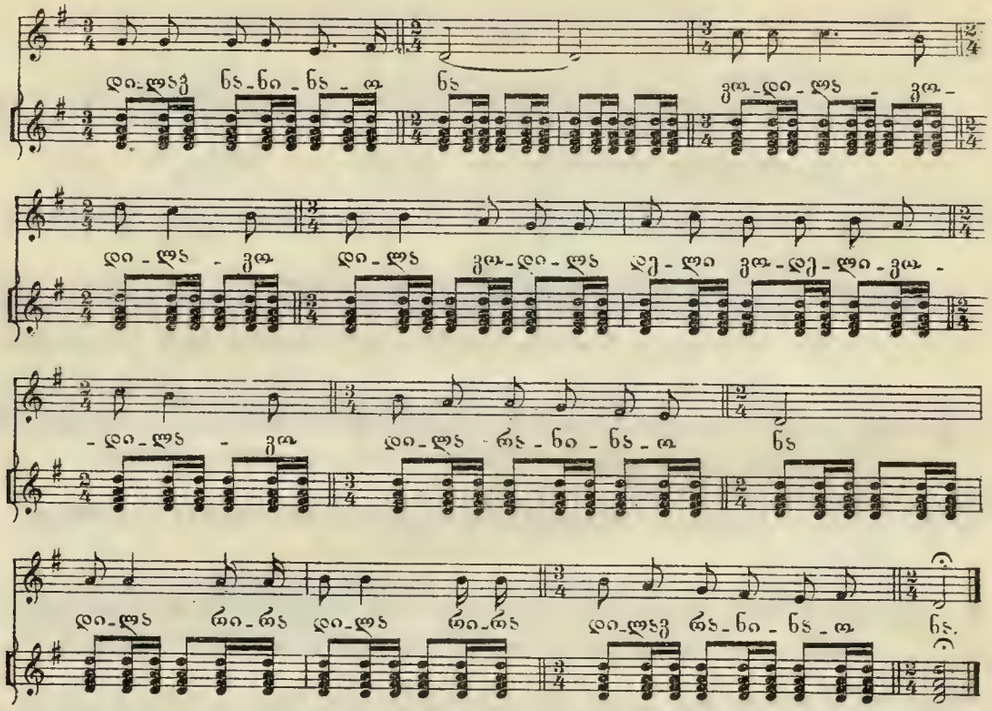


№8. დარჩია ყაჩაღის სიმღერა. ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКА ДАРЧІИ.



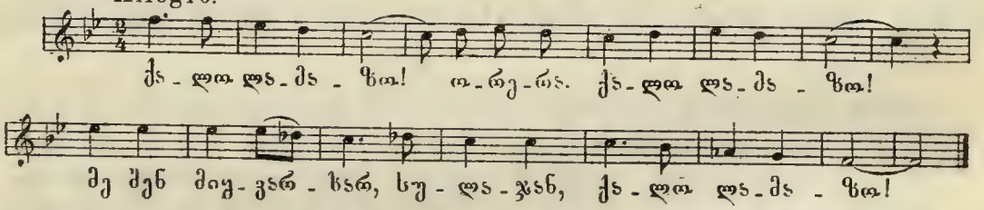
№9. თუ ოდესმე ქმარს მართებს...ЕСЛИ ПО ВОЛѢ ВСЕМОГУЩАГО БОГА...





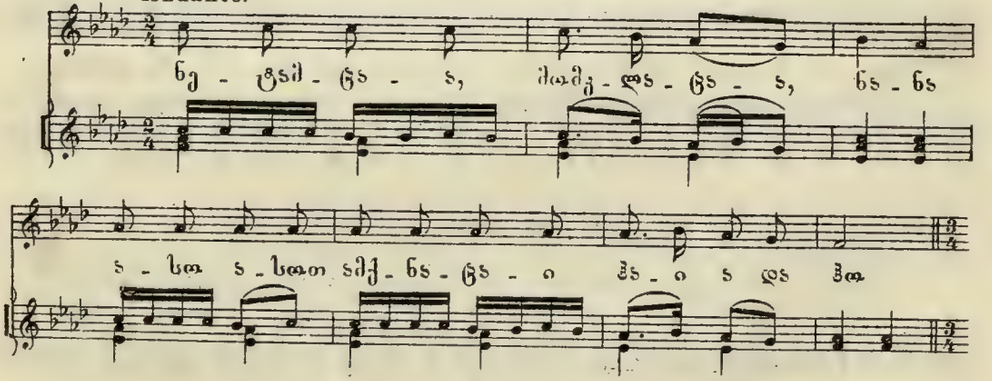
№10. ქალთა-ლამაზო! ДЪВИЦА-КРАСАВИЦА!

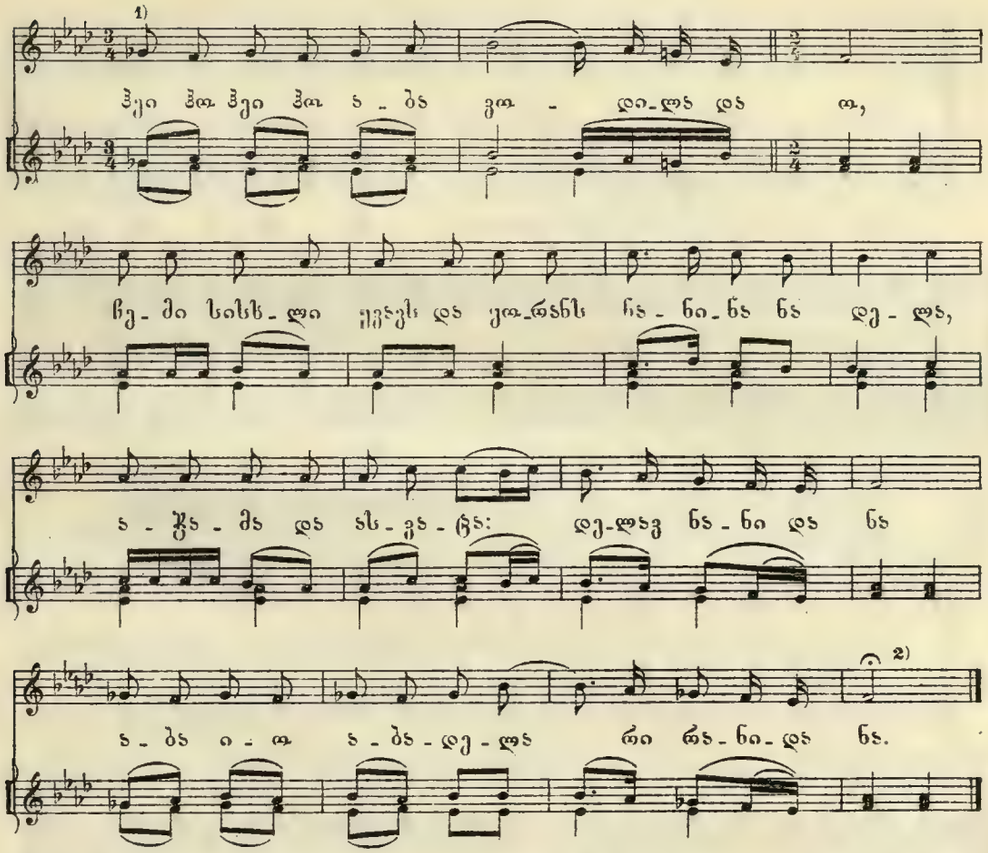
Allegro.



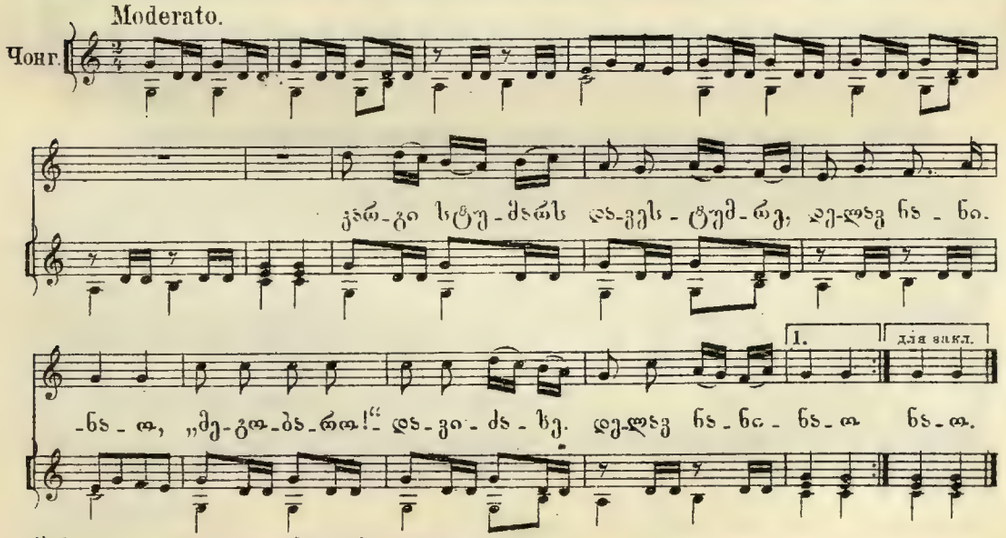
№ 11. ნეტარმცხა-მომკლავხა... ЕСЛИ-БЫ МЕНЯ УБИЛИ...

Andante.



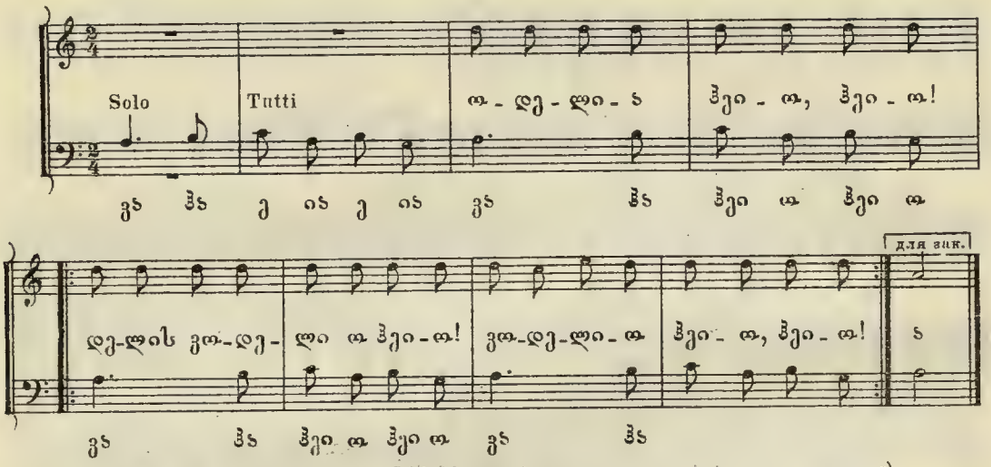


№12. კარგი სტუმარს დაგესტუმრე. Я ПРИНИМАЛЪ ХОРОШАГО ГОСТЯ.



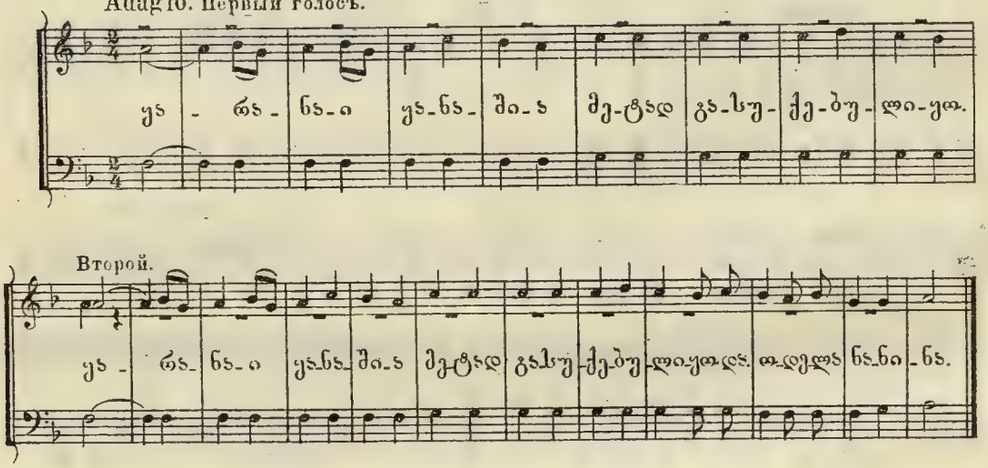
1) Звукъ, въ сравненіи съ фортепіано, выше.
2) Аккомпаниментъ пѣсни плохо слышенъ, а потому не всегда точенъ.

№ 13. სათამაშო. ПЛЯСОВАЯ.



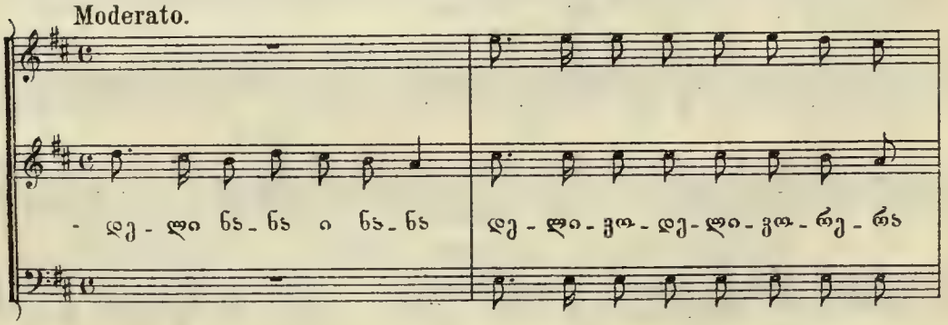
№ 14. ყარანი ყანაშია. ЖАВОРОНОКЪ ВЪ НИВѢ.*)

Adagio. Первый голосъ.



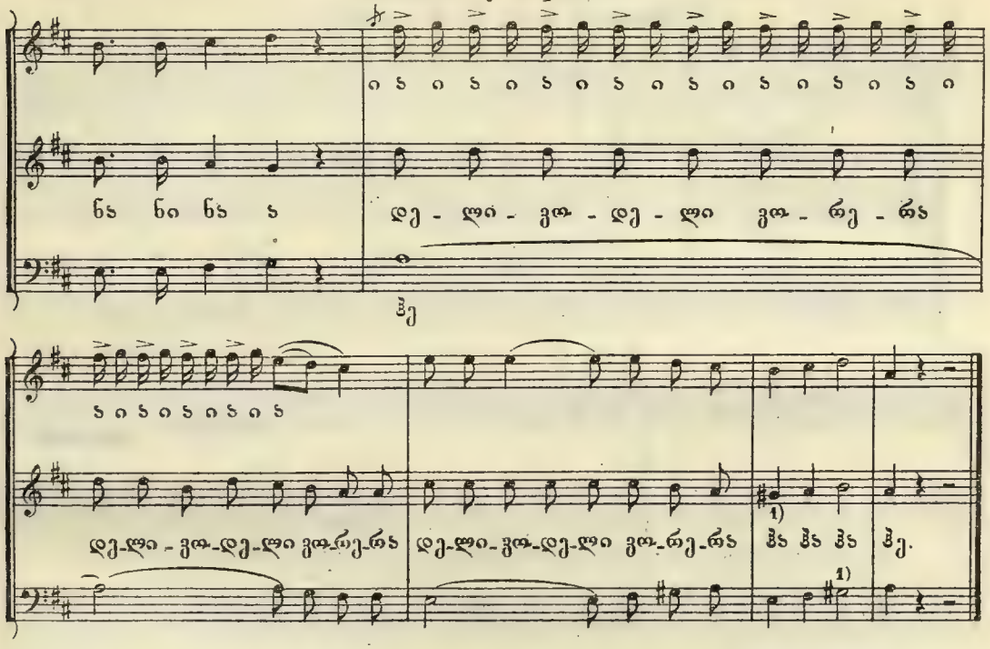
№ 15. დელი-კოდელი-კორერა. ДЭЛИ-ВОДЭЛИ-ВОРЭРА.

Moderato.



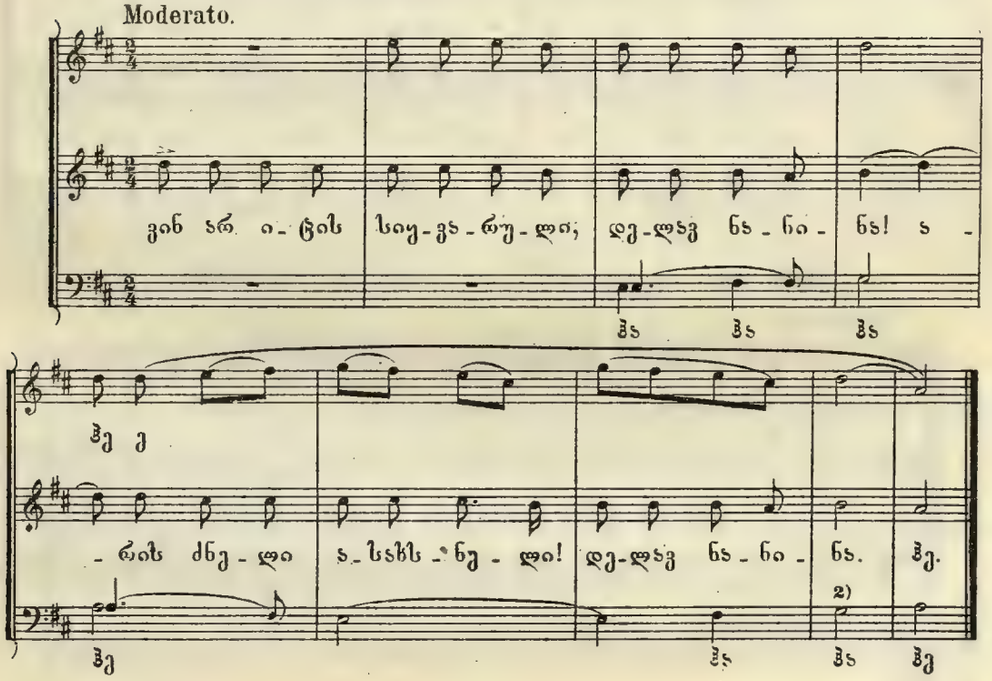
*) Пѣсня взята изъ сборника г. Бенашвили. 214

немного ускорить.



№16. გურული მაყრული. ГУРІЙСКАЯ СВАДЕБНАЯ.

Moderato.

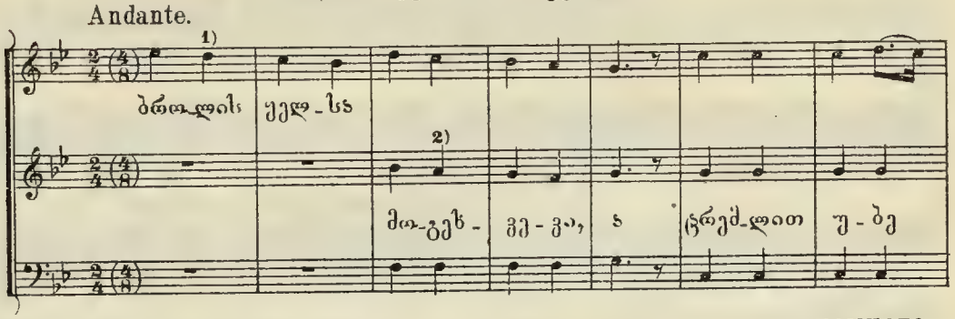


1) Звукъ sol ниже.
2) Выше.

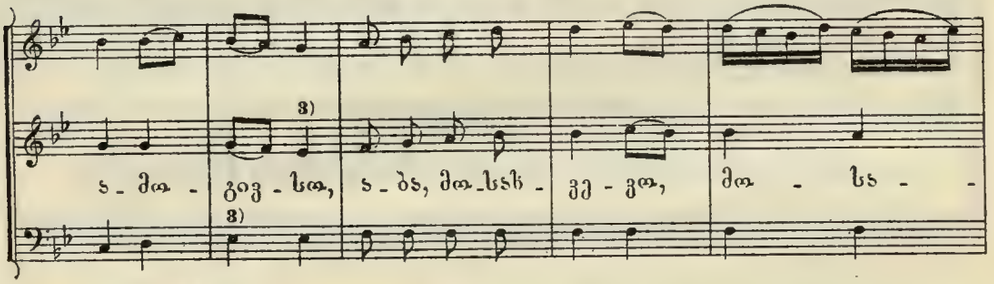
№ 17. ОБОВЬЮСЬ ВОКРУГЪ ТВОЕЙ ХРУСТАЛЬНОЙ ШЕИ...

ბრილის ყელსა მოგესვეი...

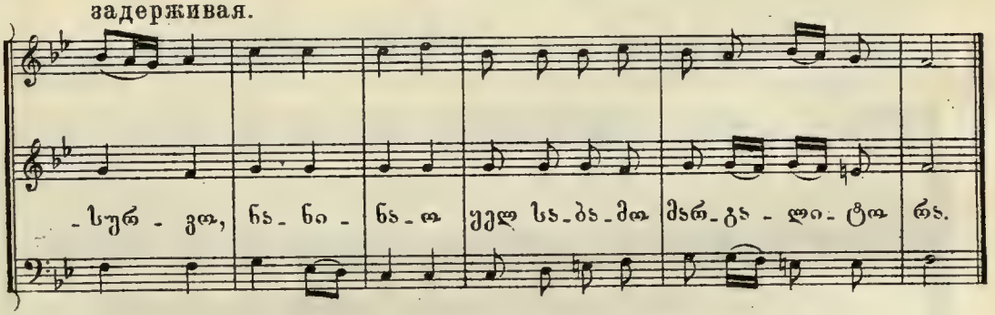
Andante.



немного

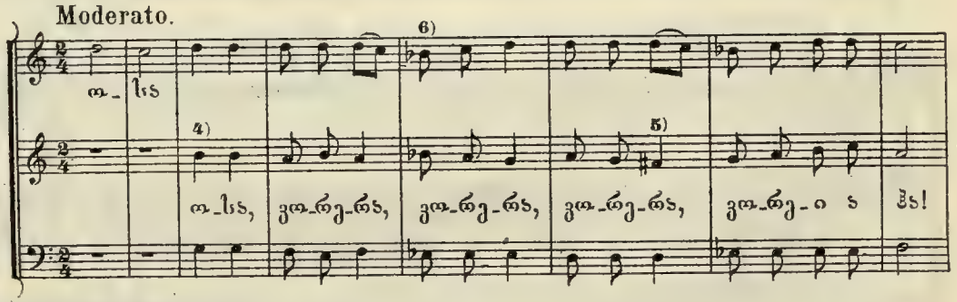


задерживая.

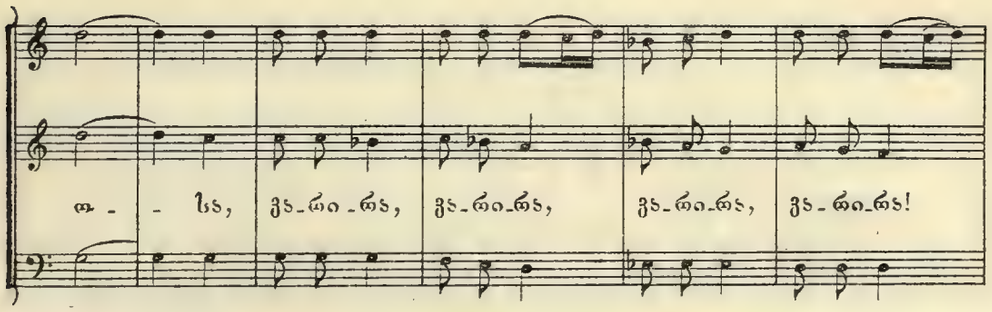


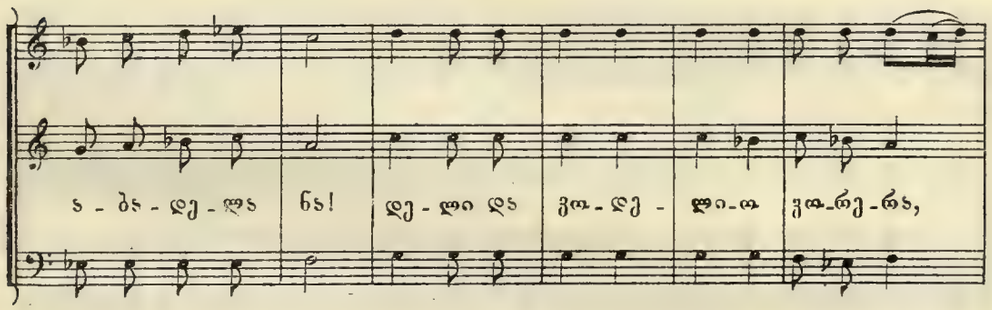
№18. ოსა-რერა-ნანინა! OCA-РЭРА-НАНИНА!

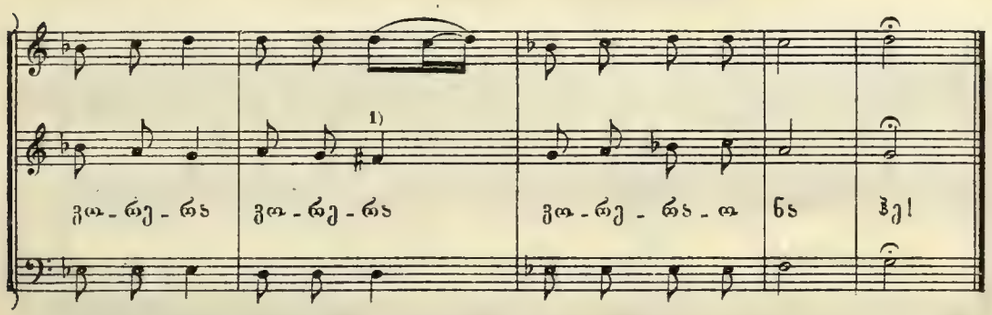
Moderato.



1) Звукъ ниже фортепіано.
2) Тоже.
3) Выше.
4) Ниже.
5) Тоже.
6) Этотъ и слѣдующіе три такта, какъ впрочемъ и вся пѣсня, плохо укладывалась въ нашъ строй.

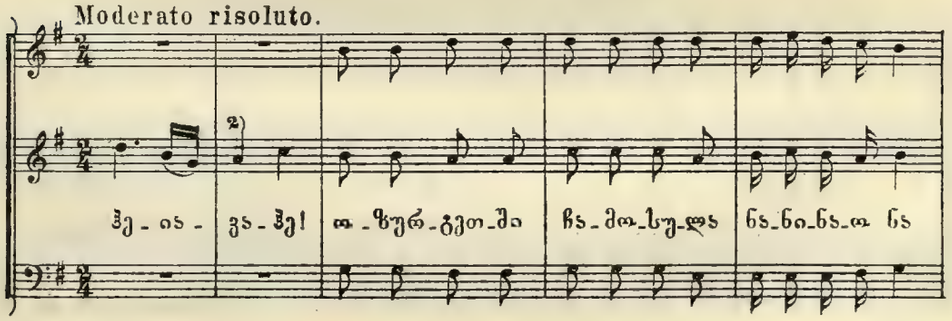




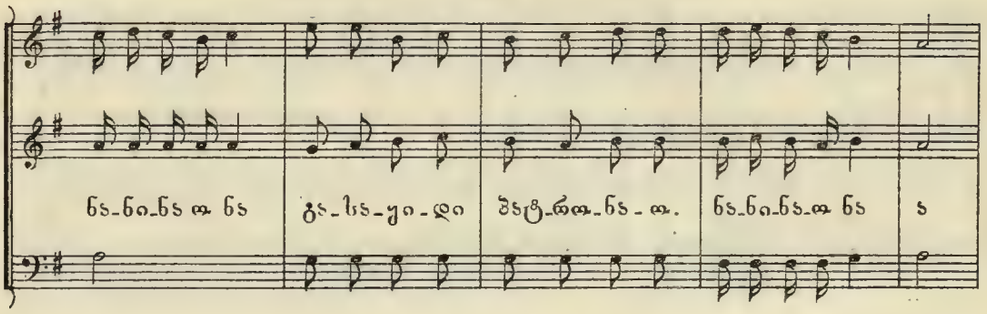


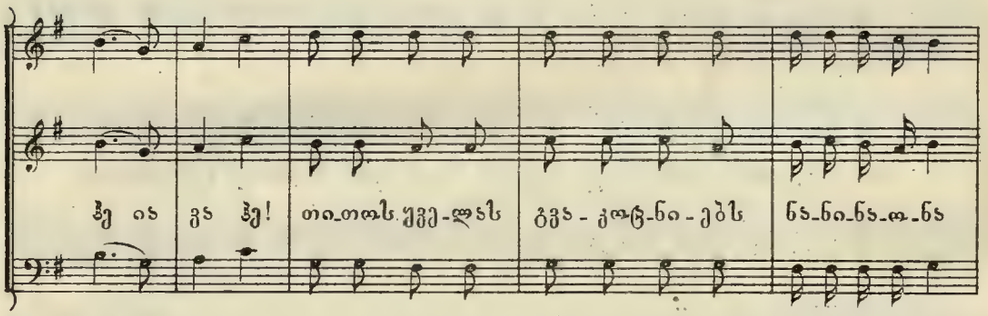
№ 19. ჰე-ია-ვა-ჰე! Э-Я-ВА-Э!

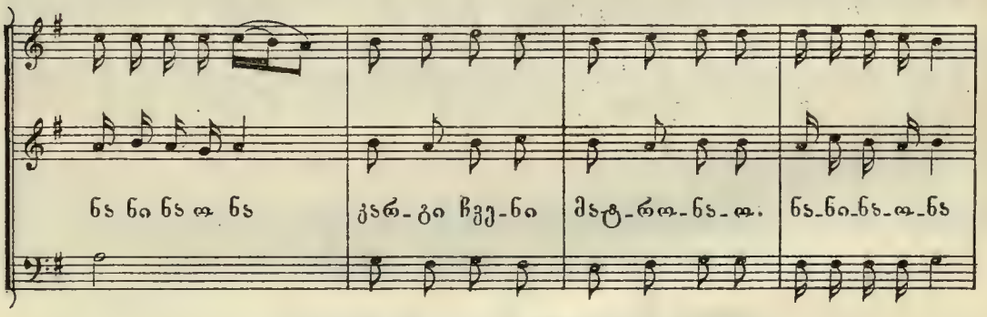
Moderato risoluto.

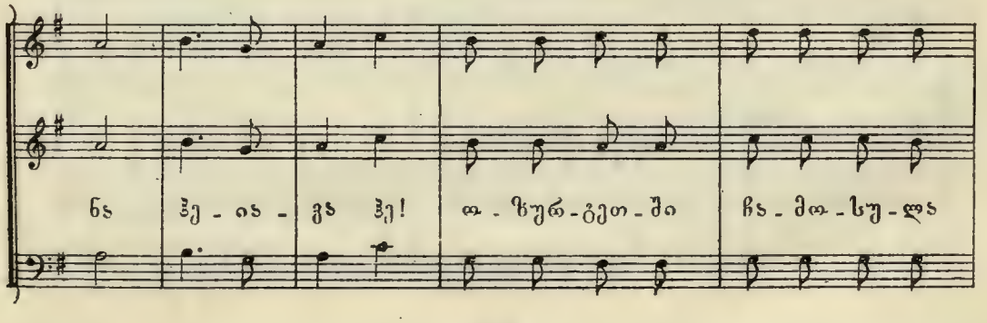


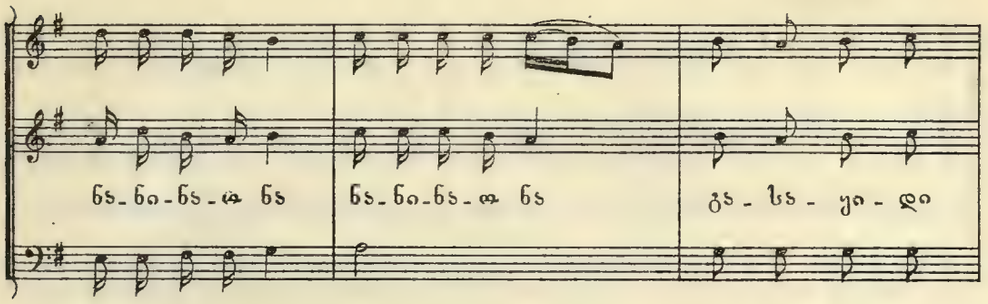
* 1) Звукъ ниже.
2) Выше.

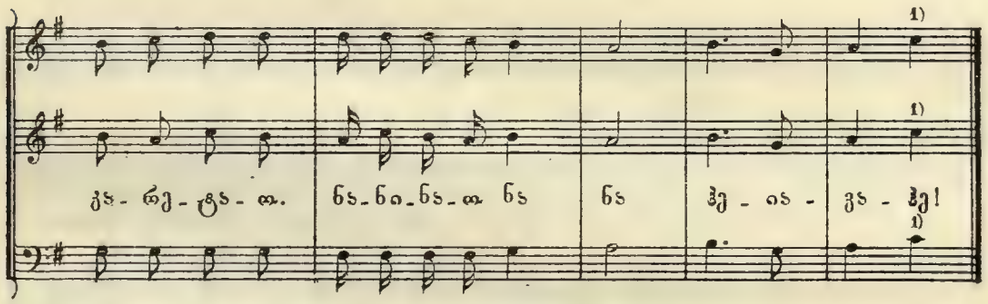

ნა-ნი-ნა ო ნა
გა-სა-ყი-დი
შეტ-რო-ნა-ო.
ნა-ნი-ნა-ო ნა
ა


ჩე ია
ვა ჩე!
თი-თოს უგე-ლას
გვა-კურ-ნი-ებს
ნა-ნი-ნა-ო-ნა

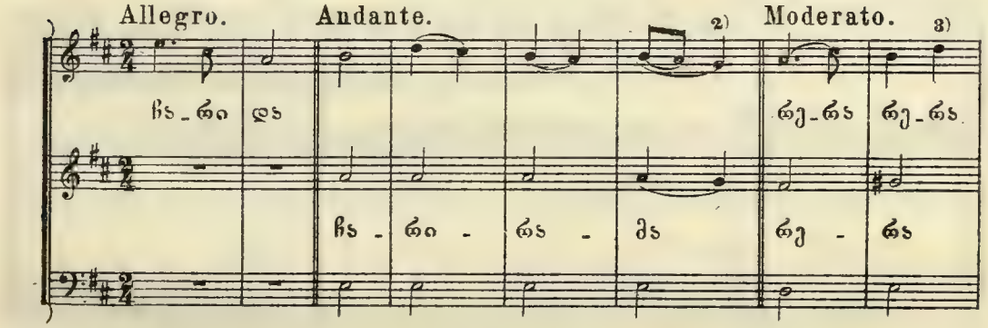

ნა ნი ნა ო ნა
კარ-გი ჩვე-ნი
მეტ-რო-ნა-ო.
ნა-ნი-ნა-ო-ნა

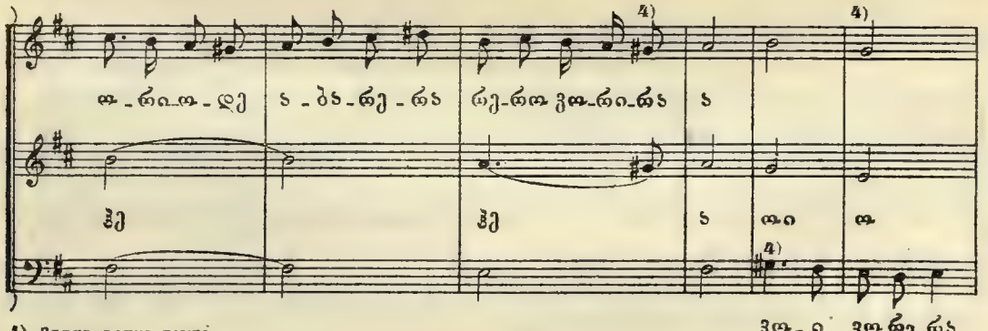

ნა
ჩე-ია-
ვა ჩე!
ო-ზურ-გეთ-ში
ჩა-მო-სუ-ლა





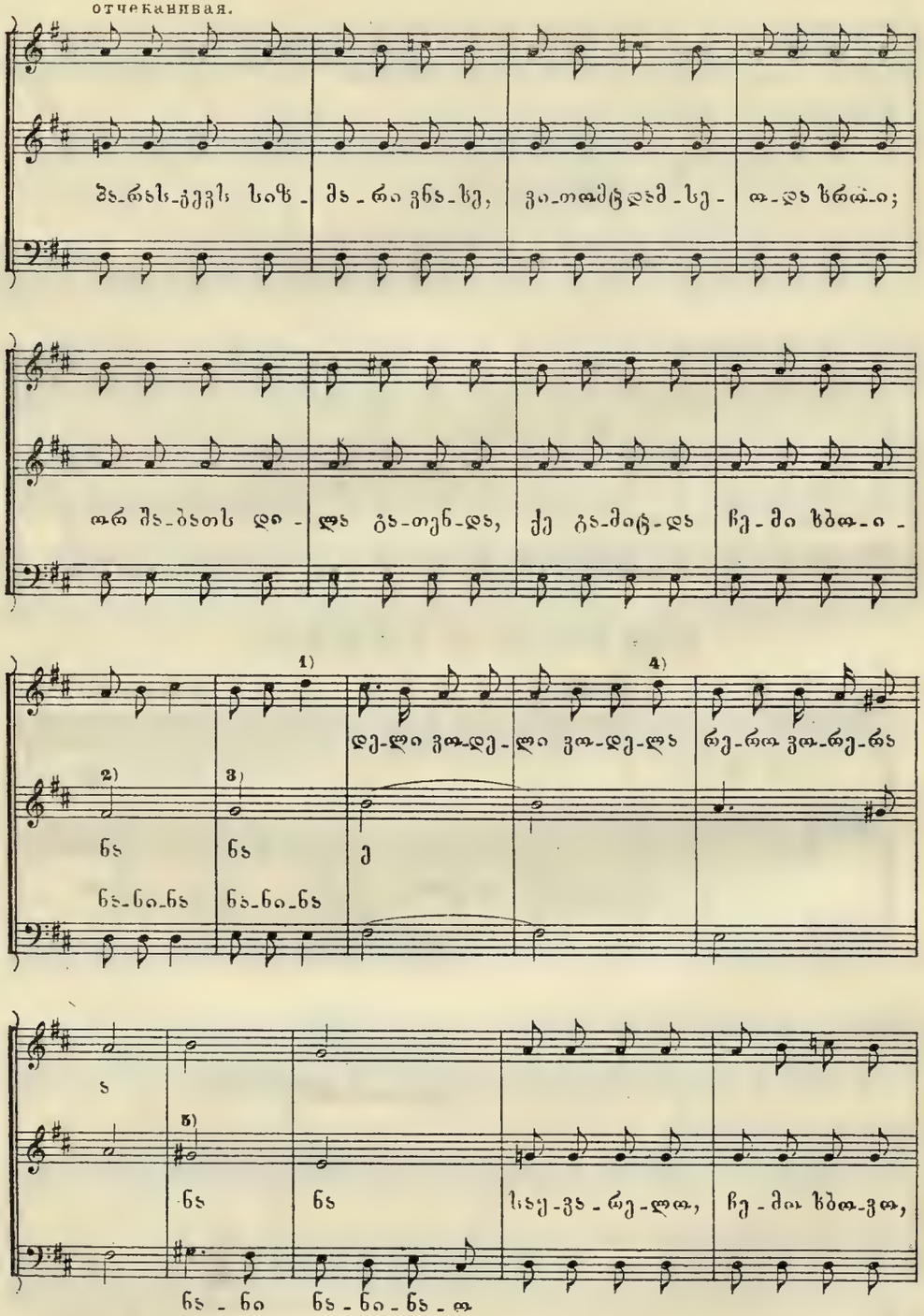
№20. ЧАРИРАМА.



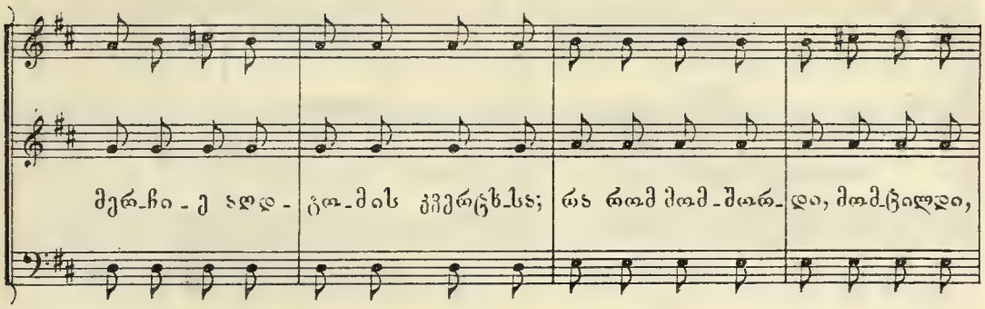


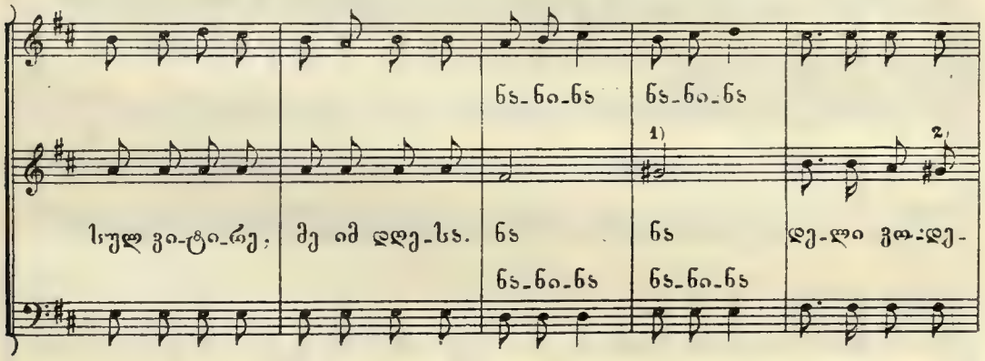
1) Звукъ взять выше.
2) Тоже.
3) Тоже.
4) Ниже.

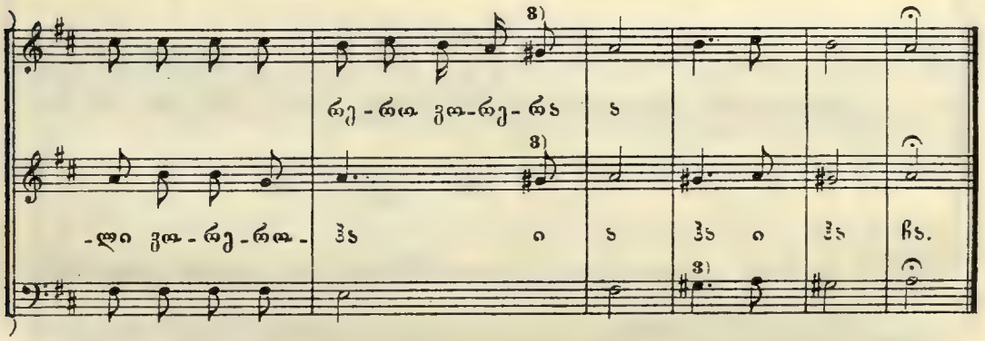
отчеканивая.



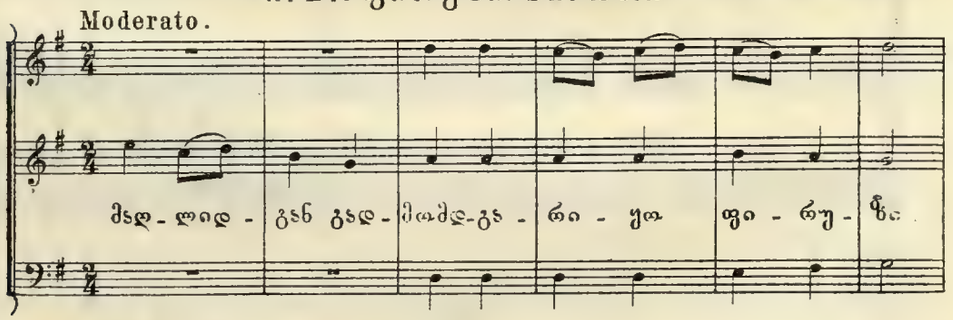
1 Звукъ взять выше.
2 Ниже. 4) Тоже.
5 Ниже



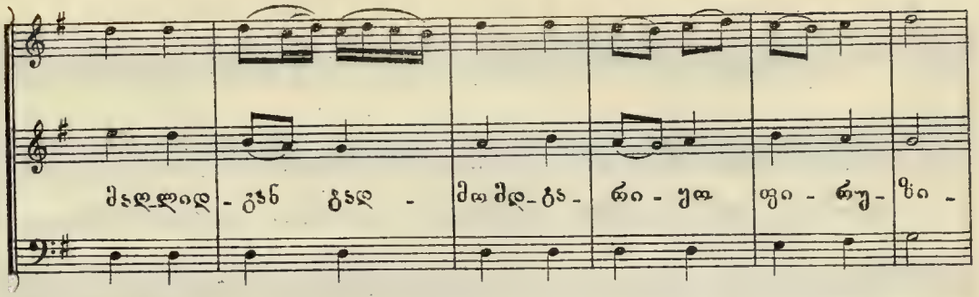


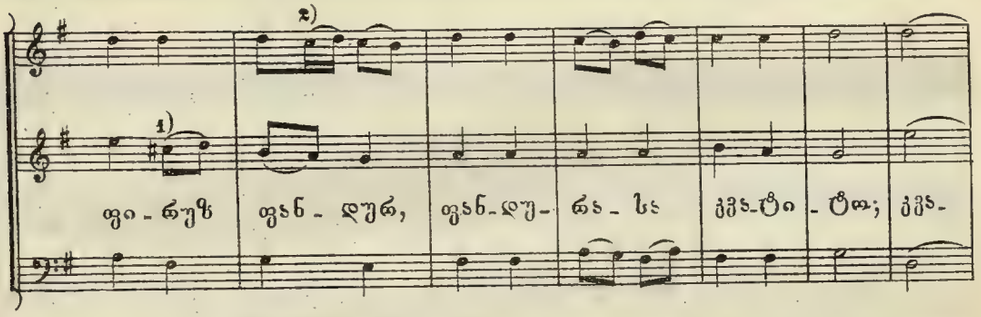


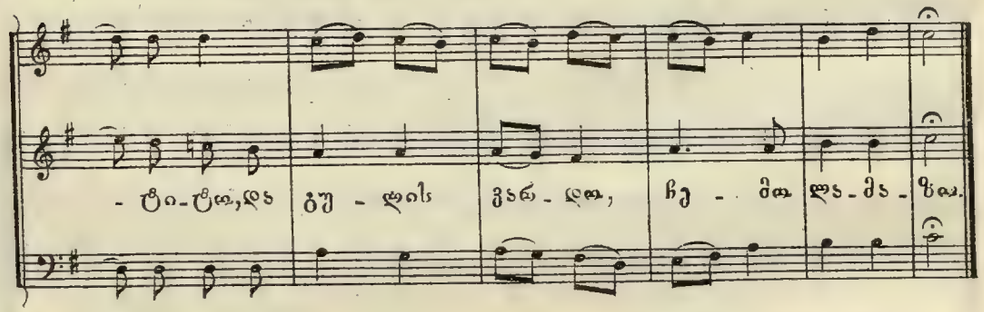
№21. ფირუზი. БИРЮЗА.



1) Звукъ ниже. 3) Тоже
2) Тоже

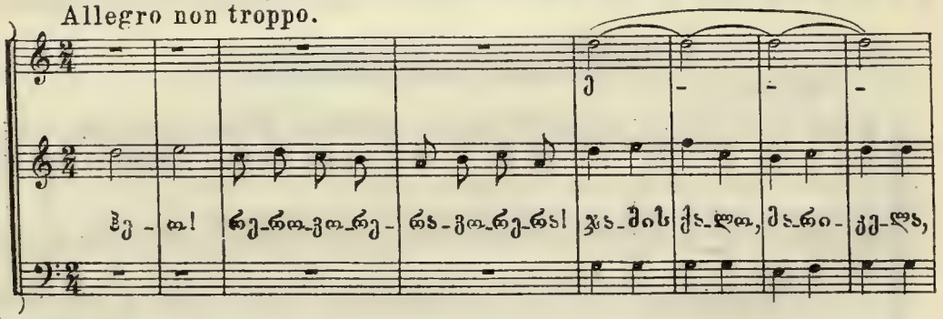




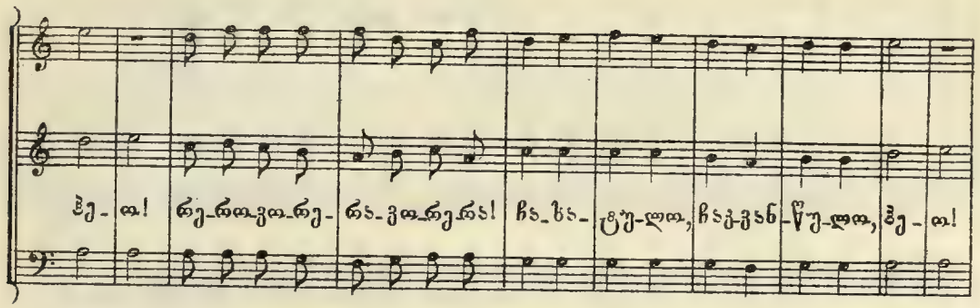


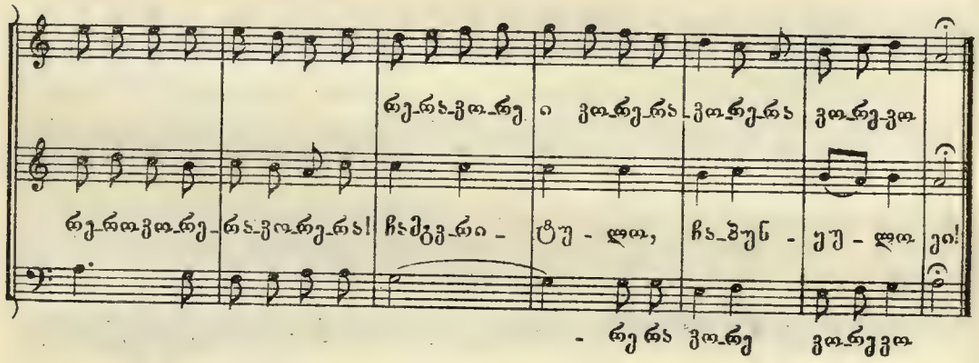
№22. ჯაშის ქალთ მარიკელა: МАРИКЕЛА, ДОЧЬ ДЖАШИ.

Allegro non troppo.



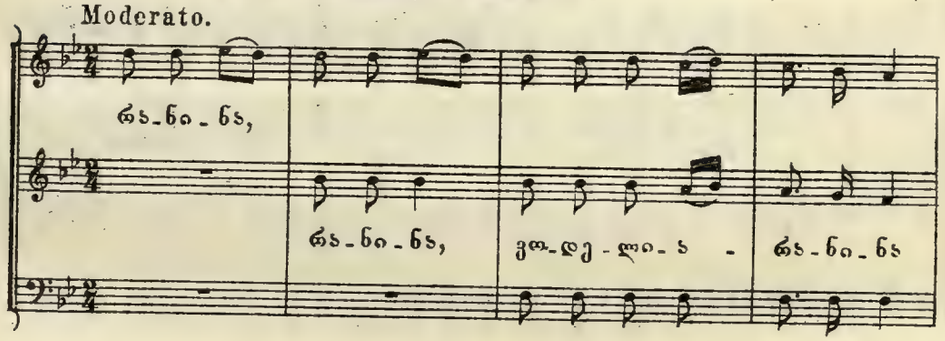
1) Звукъ ниже.
2) Выше.

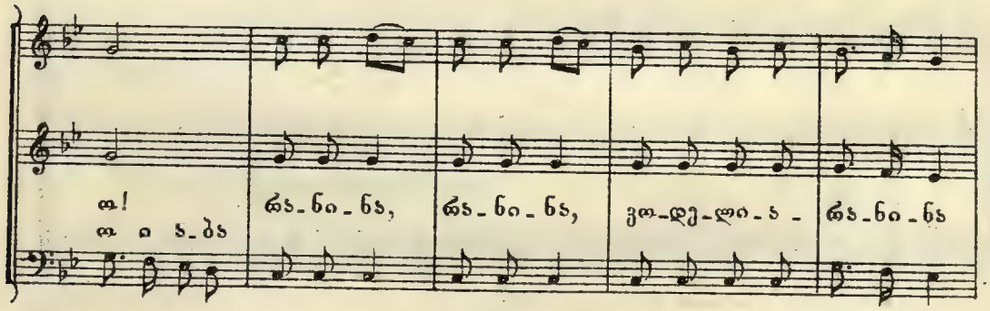


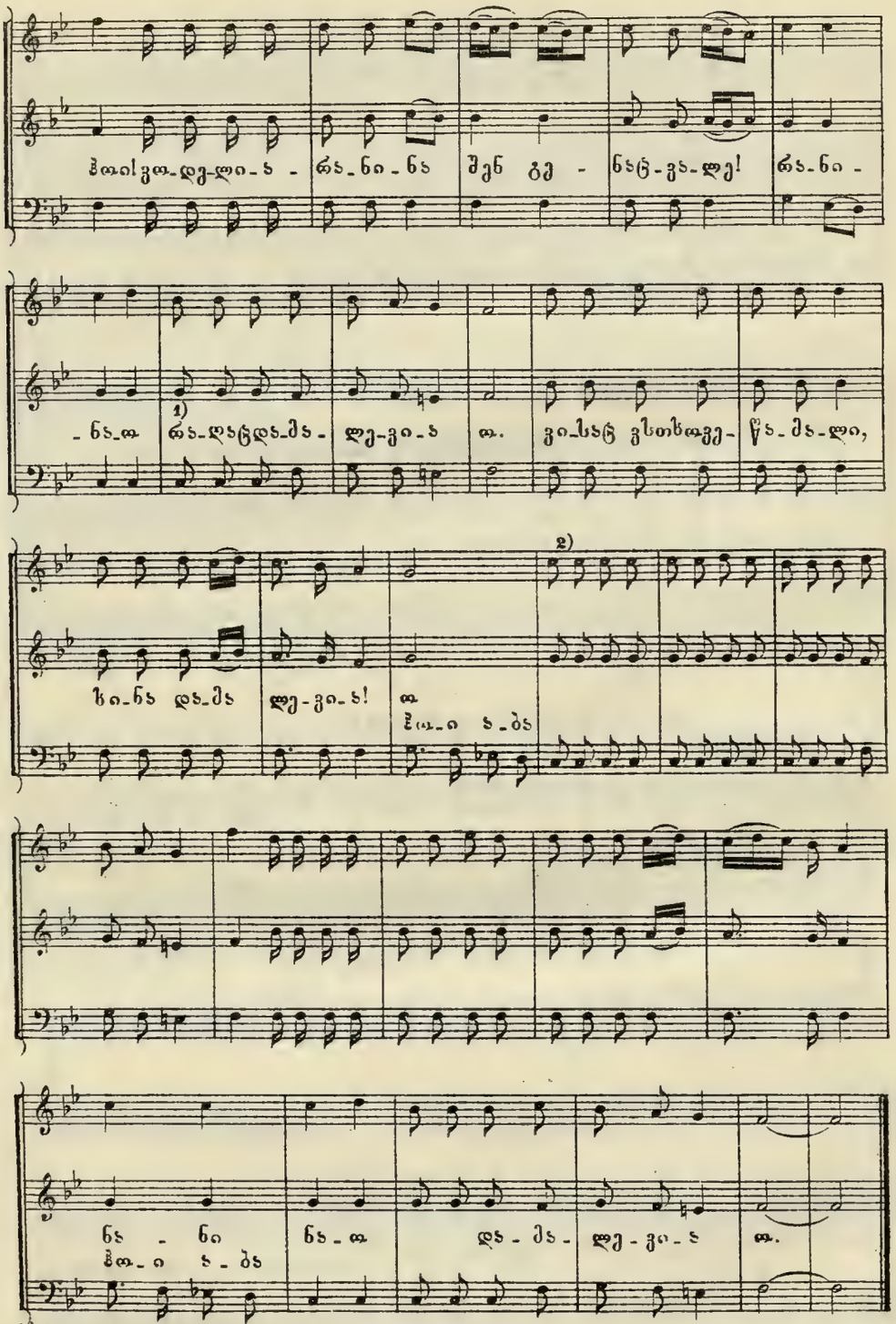


№ 23. რანინა. РАНИНА...

Moderato.

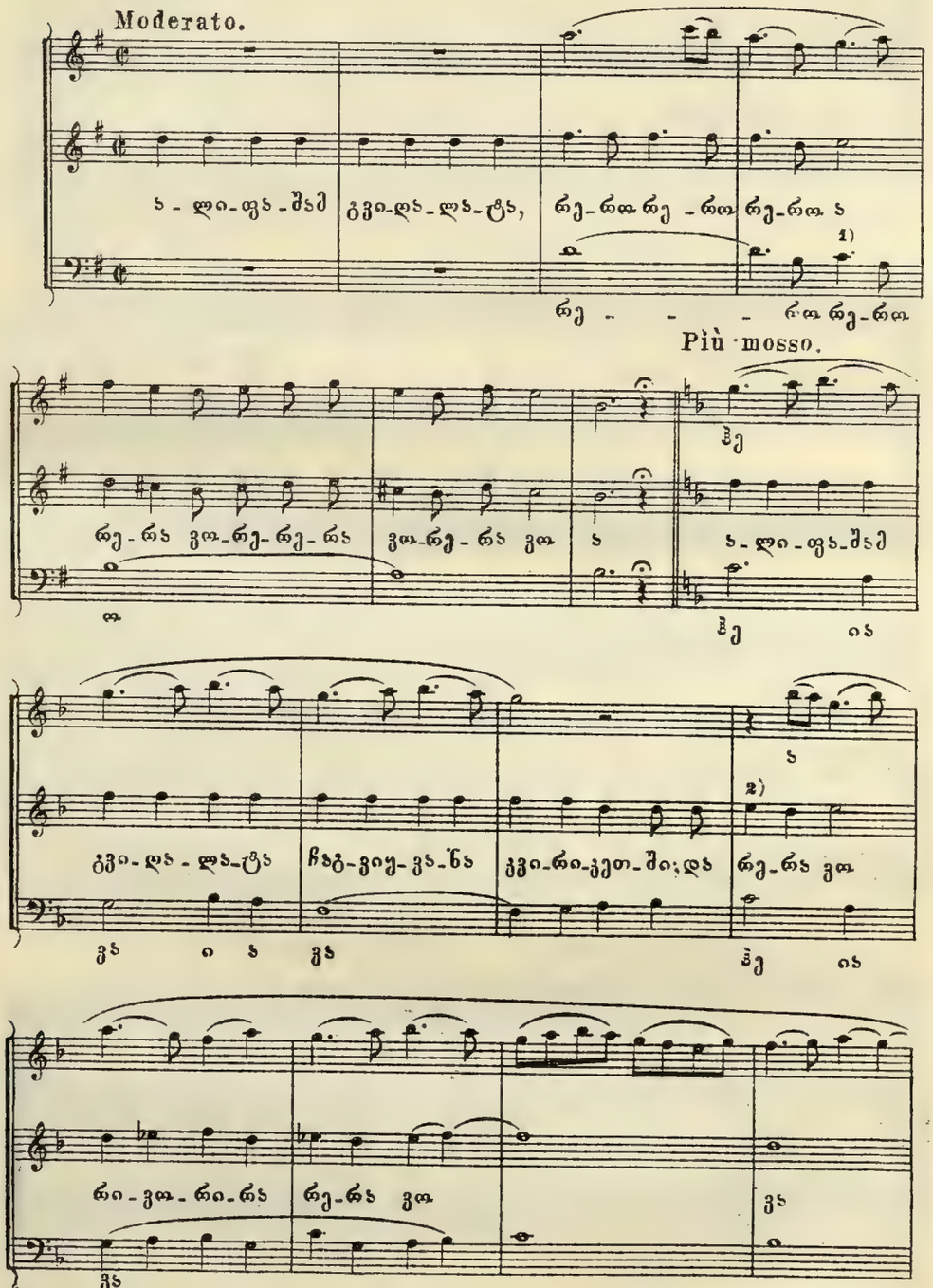




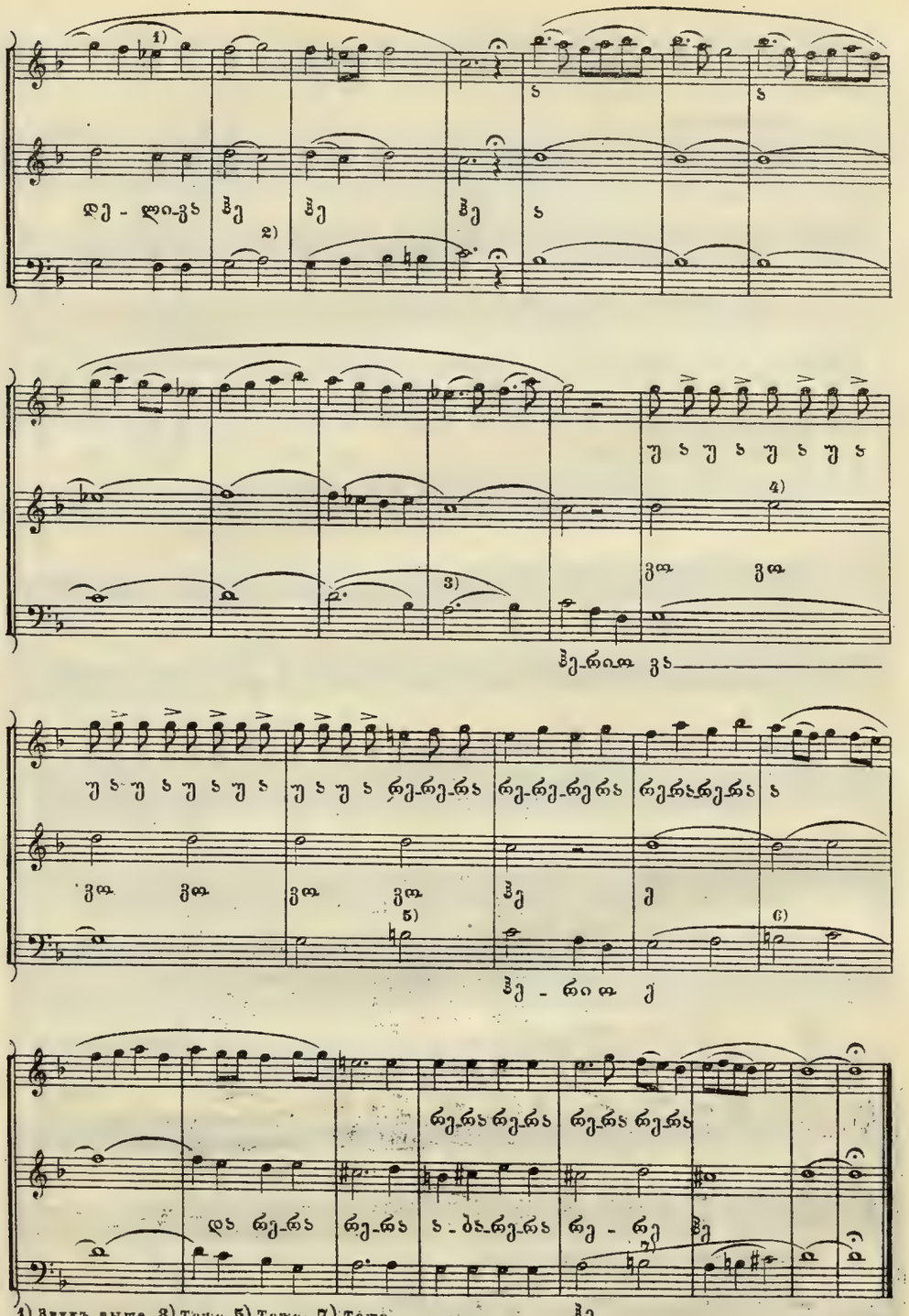


1) Слово неразборчиво.
2) Дальше текстъ въ фонографѣ не слышенъ. 214

№ 24. ალი-ფაშა. АЛИ-ПАША.

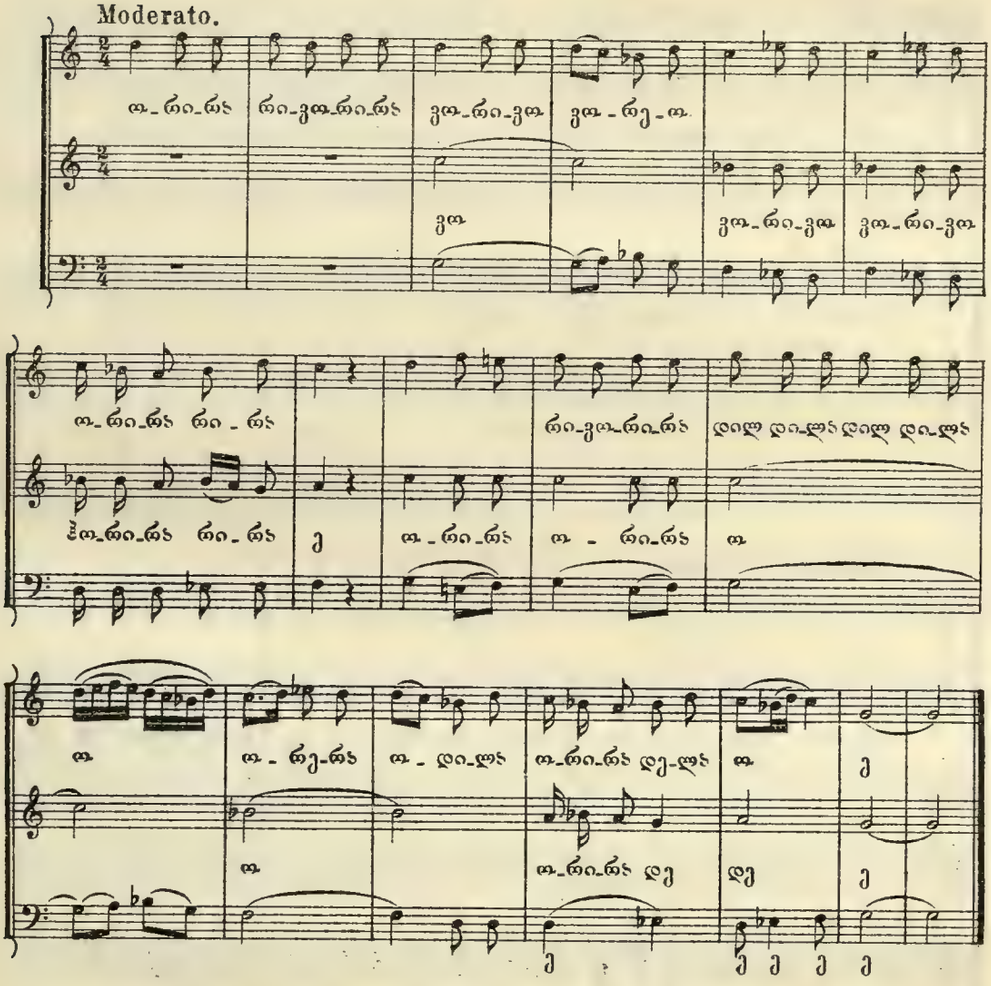


1) Звукъ выше.
2) Ниже.

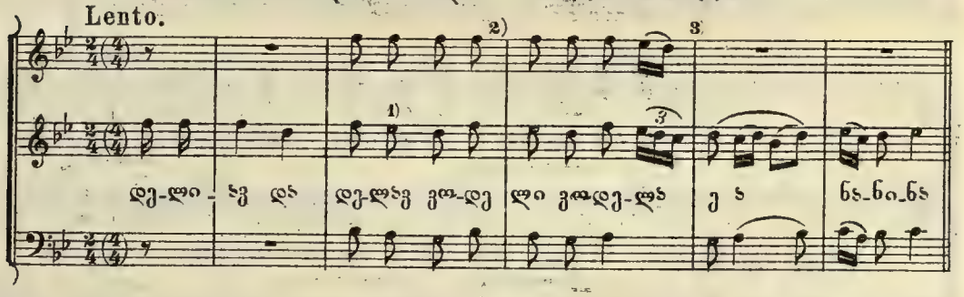


1) Звукъ выше. 3) Тоже. 5) Тоже. 7) Тоже.
2) Ниже. 4) Тоже. 6) Тоже.

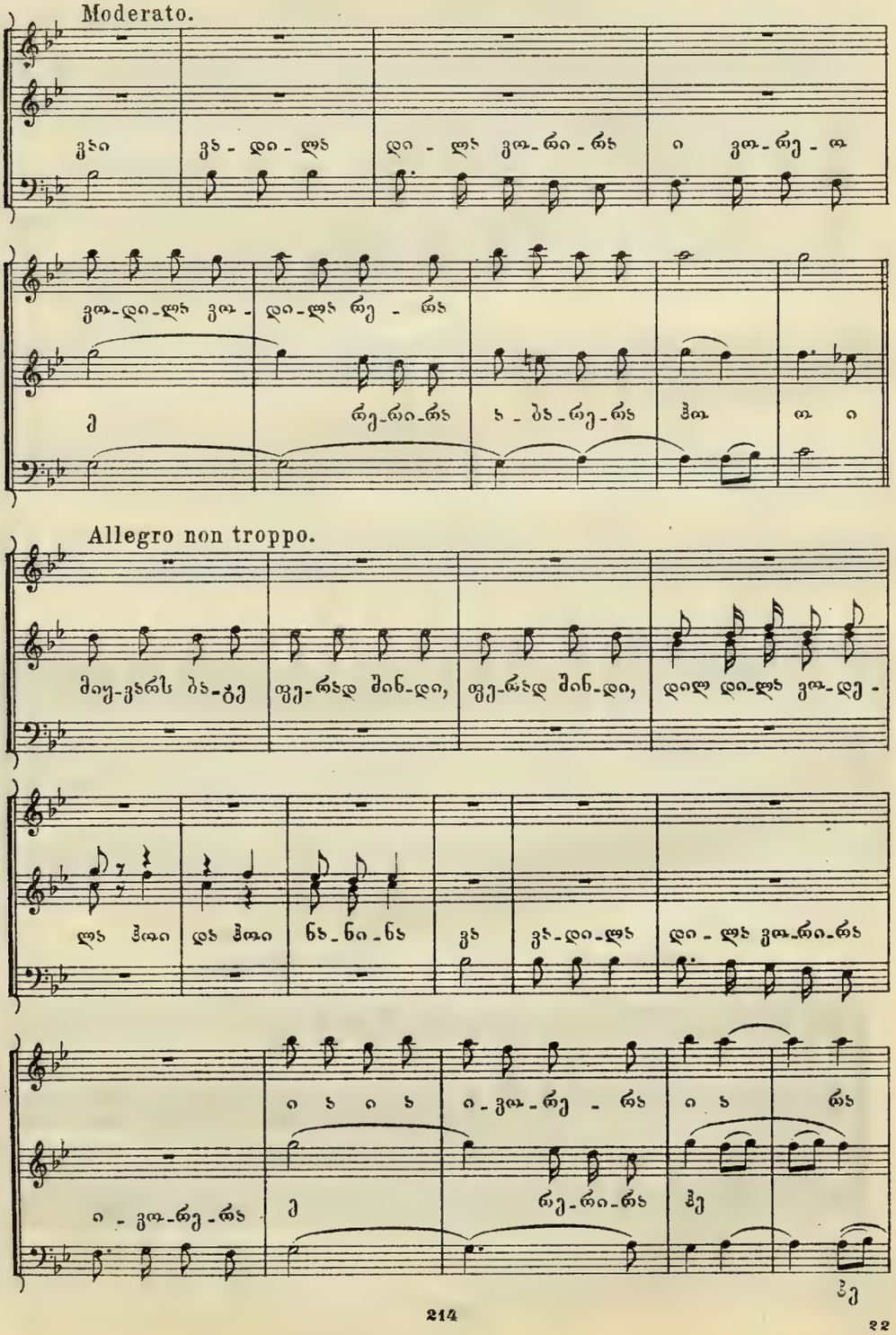
№ 25. ორირა. ОРИРА...

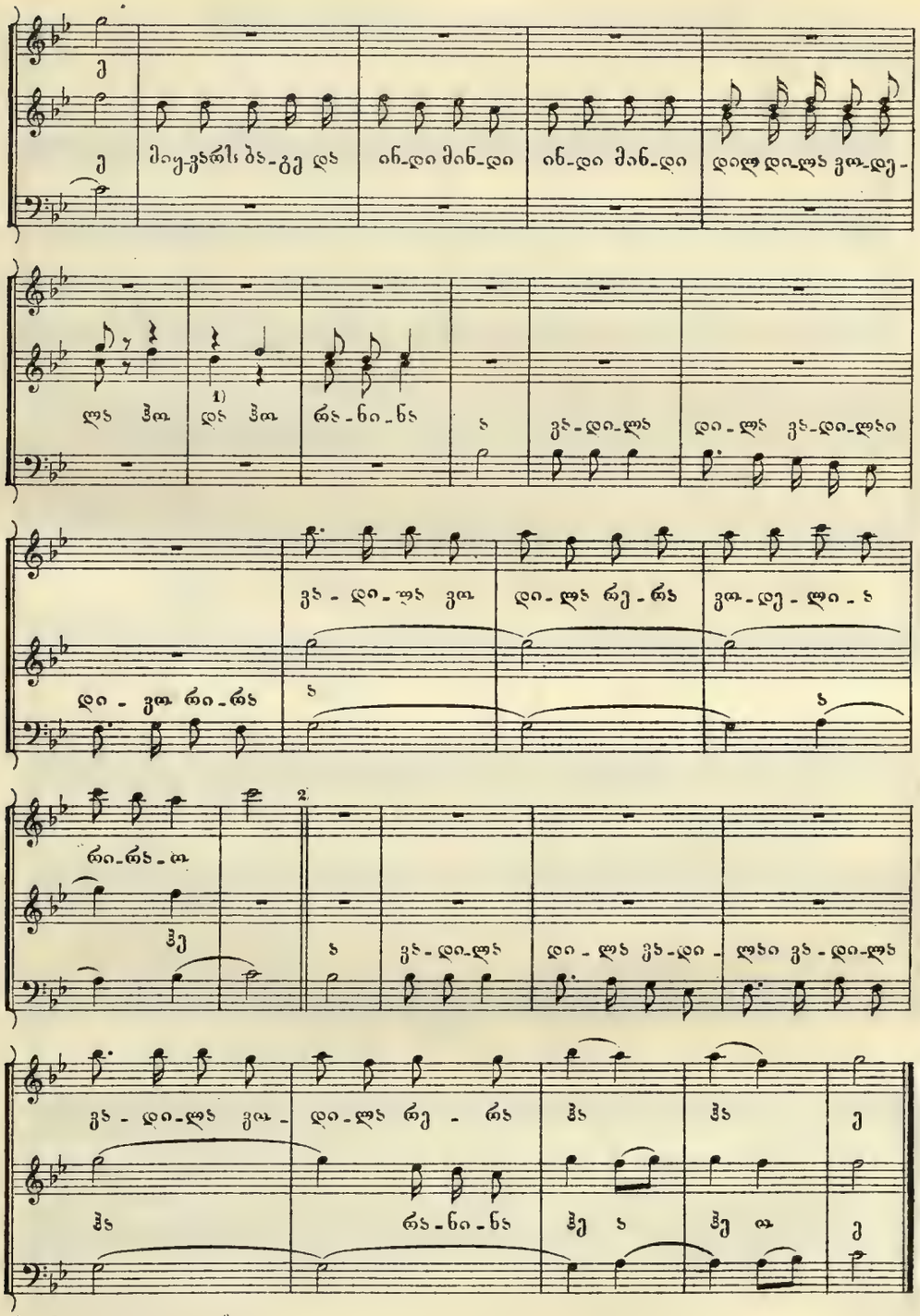


№ 26. ინდი-მინდი. ИНДИ-МИНДИ.



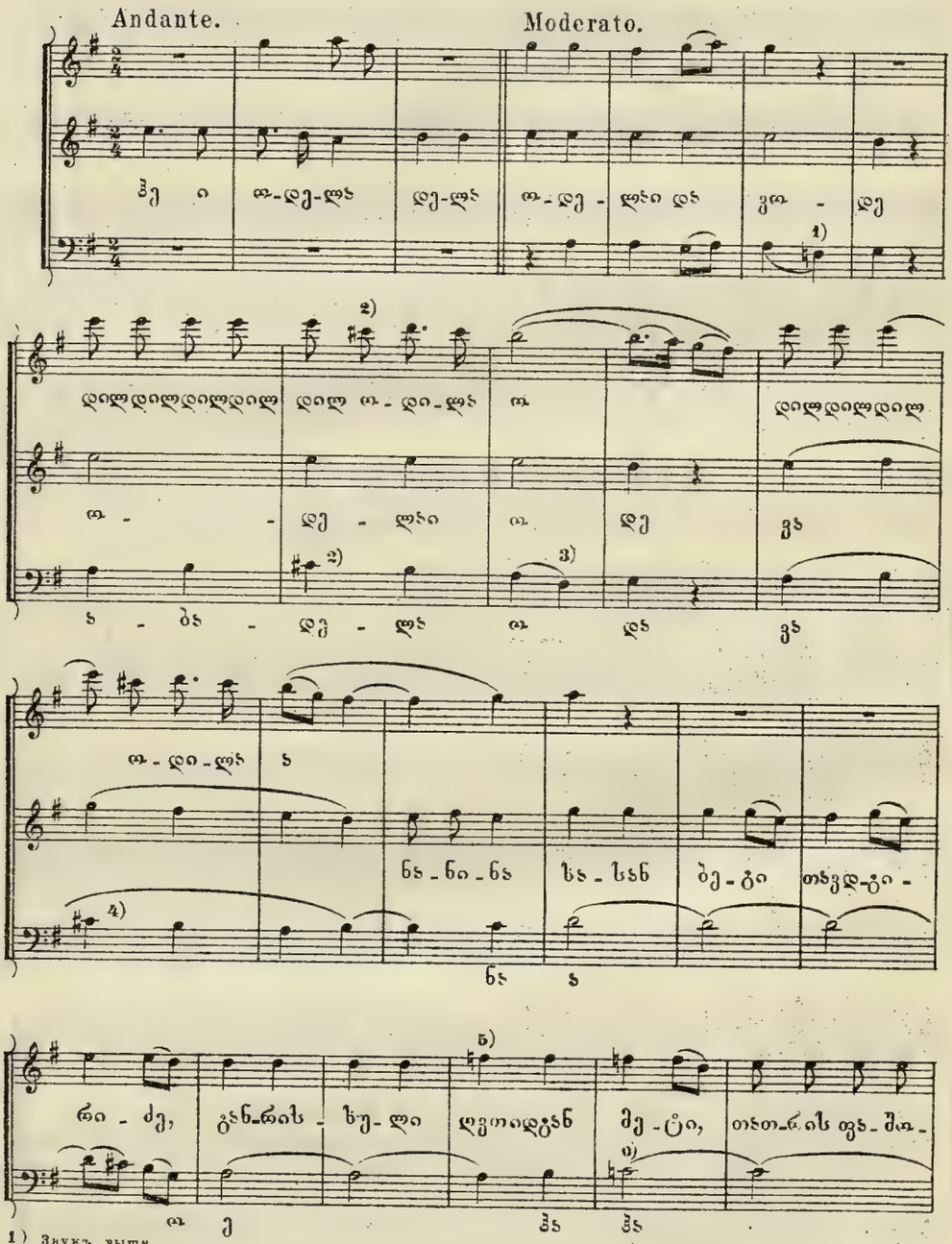
1) Звукъ выше.
2) Этотъ тактъ плохо слышенъ въ фонографѣ.
3) Дальше верхній голосъ тоже не слышенъ


Moderato.
გაი გა - დი - ლა დი - ლა გო-რი-რა ი გო-რე - თ
გო-დი-ლა გო - დი-ლა რე - რა
ქ რე-რი-რა ა - ბა-რე-რა ჰო ო ი
Allegro non troppo.
მაყ-ვარს ბა-ტე შე-რად შინ-დი, შე-რად შინ-დი, დილ დი-ლა გო-დე -
ლა ჰოი და ჰოი ნა-ნი-ნა გა გა-დი-ლა დი - ლა გო-რი-რა
ი ა ი ა ი-გო-რე - რა ი ა რა
ი - გო-რე-რა ქ რე-რი-რა ჰე
ჰე

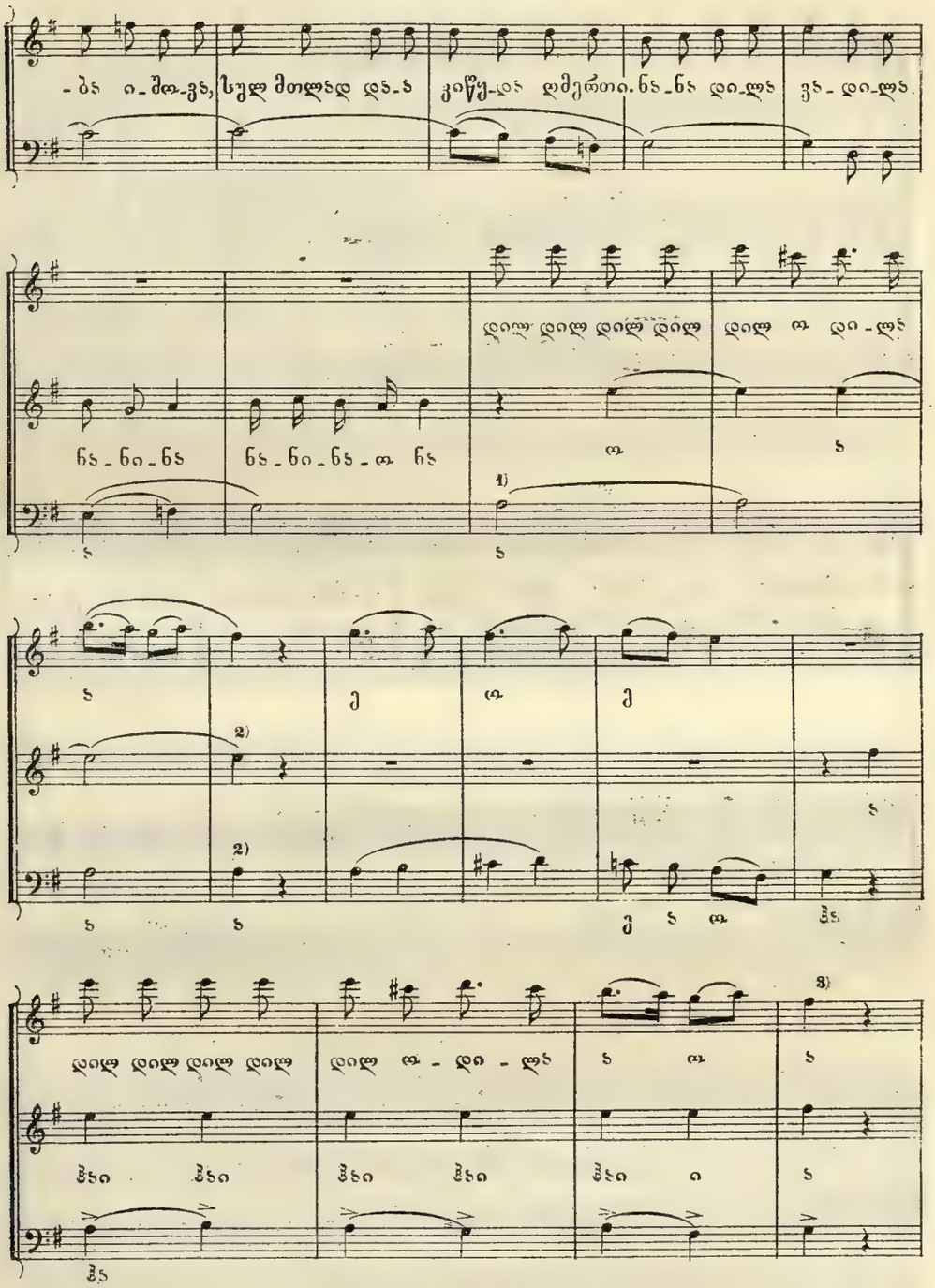


1) Звукъ произвольный.
2) Далѣе въ фонограммѣ не было слышно, такъ какъ стерлось нѣсколько тактовъ.

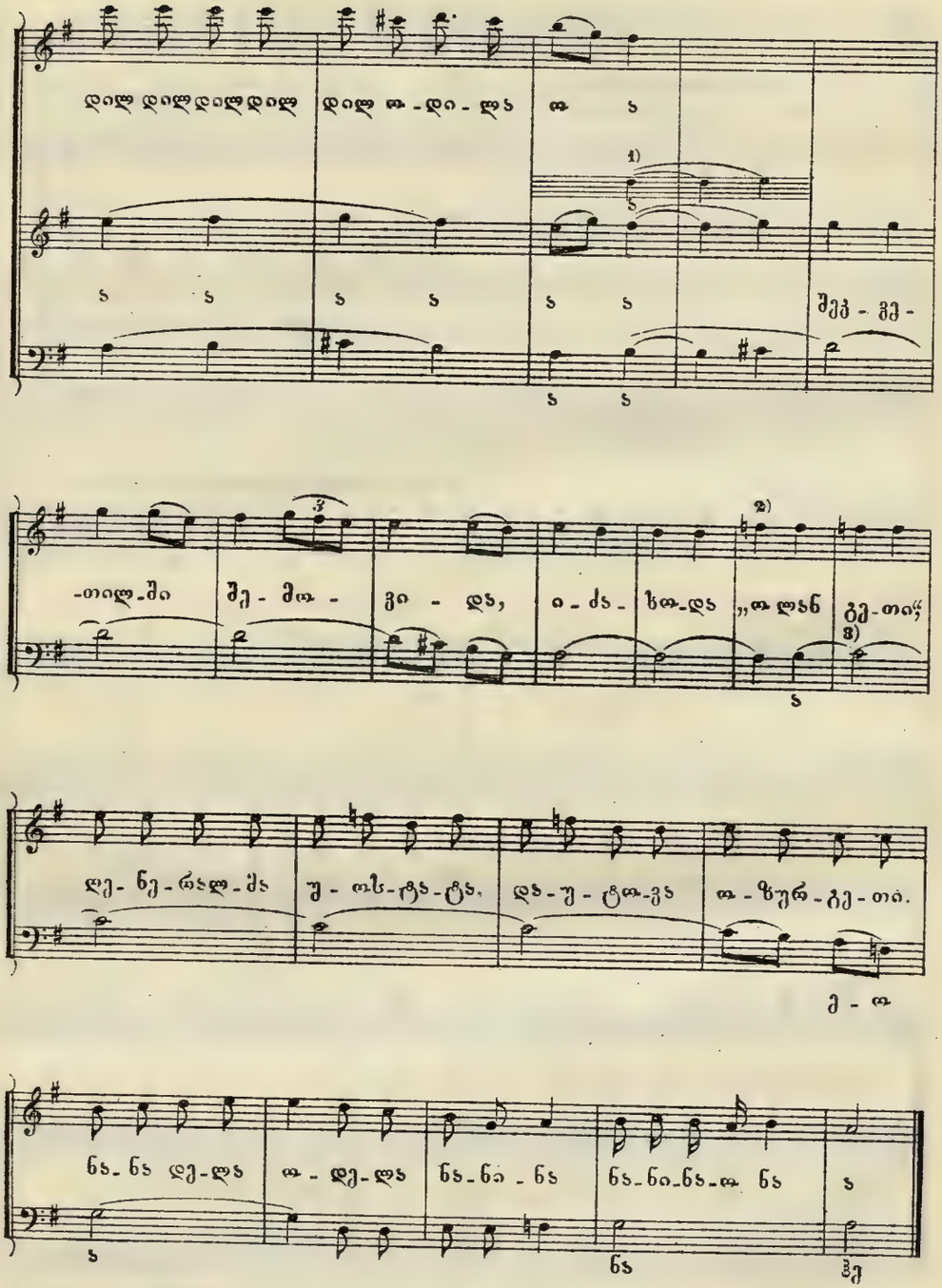
№ 27. ხასანბეგური. ХАСАНБЕГСКАЯ.



1) Звукъ выше.
2) Ниже.
3) Тоже.
4) Тоже.
5) Выше.
6) Тоже.



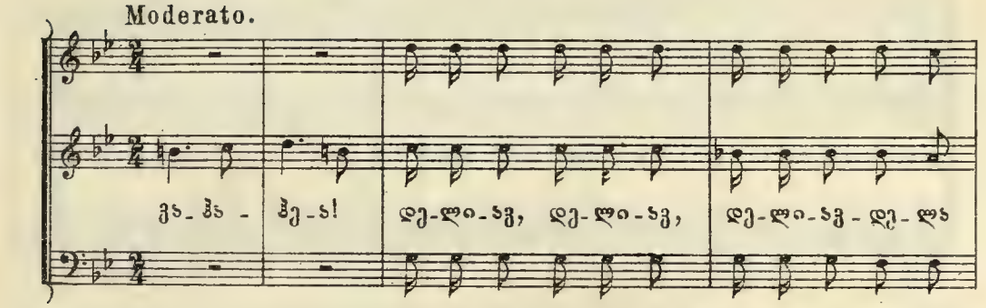
1) Вмѣсто яснаго звука а, часто слышишь совершенно неопредѣленный звукъ.
2) Звуки взяты произвольно.
3) Диссонансы записаны точно, хотя по сравненію съ фортепіано звучатъ гораздо мягче.

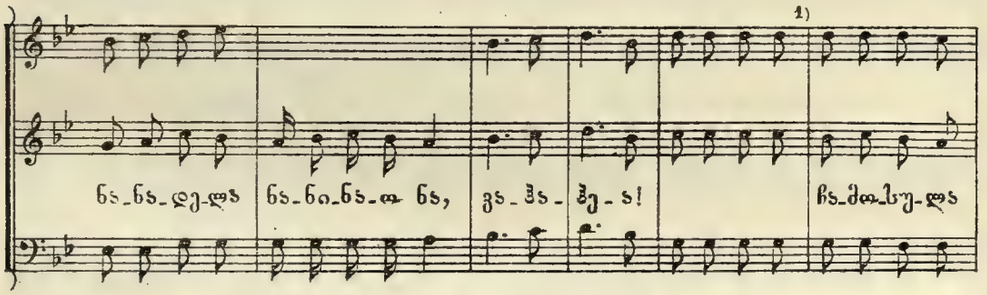


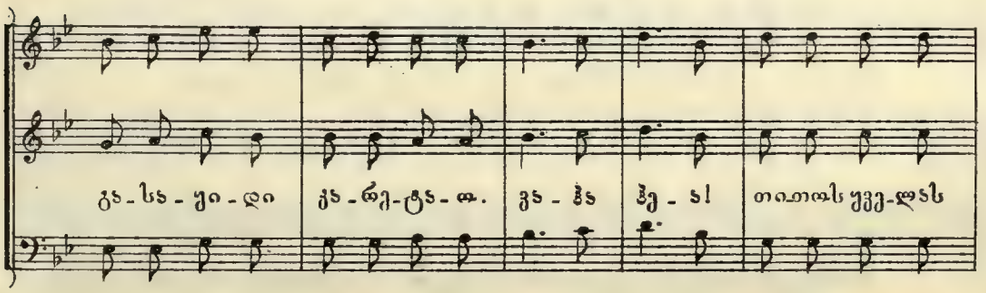
1) Эти ноты вставлялъ во время пѣнія еще одинъ пѣвецъ, принимая участіе время - отъ-времени.
2) Звукъ выше.
3) Тоже.

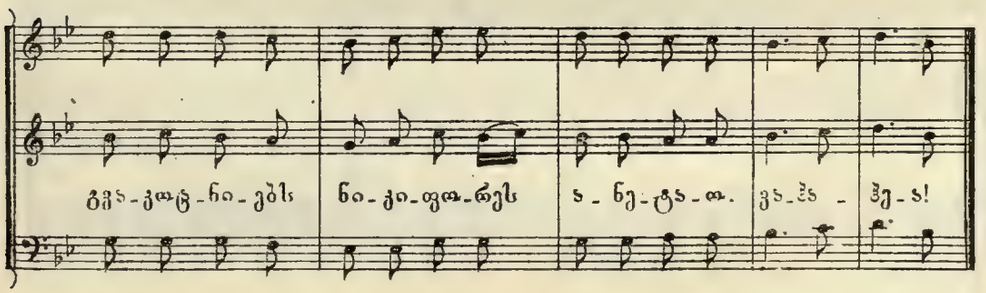
№28. ვაჭაჭე. ВАЖАЖЕ (Шуточная).

Moderato.





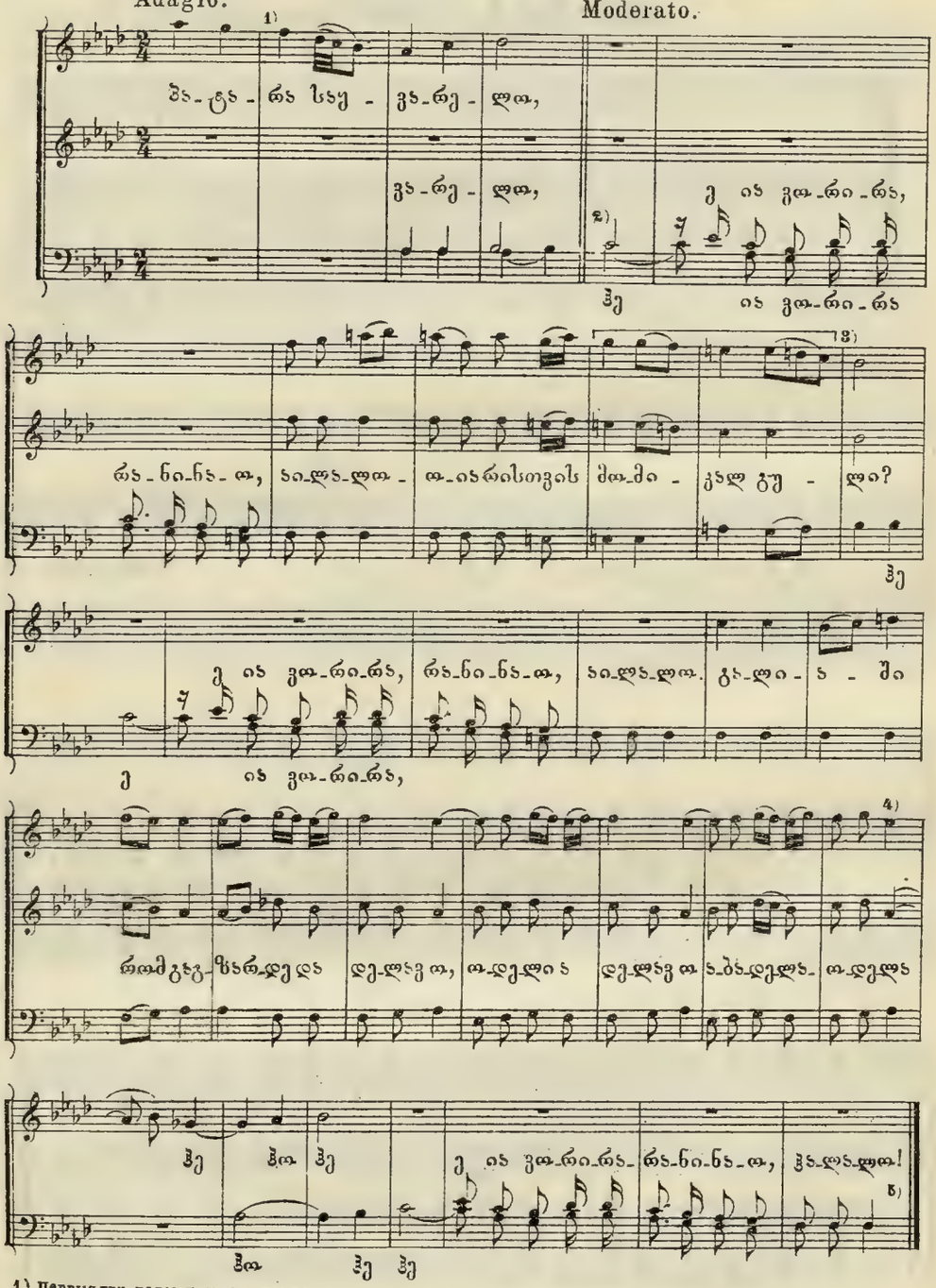




1) Слово въ этомъ тактѣ неразборчиво.

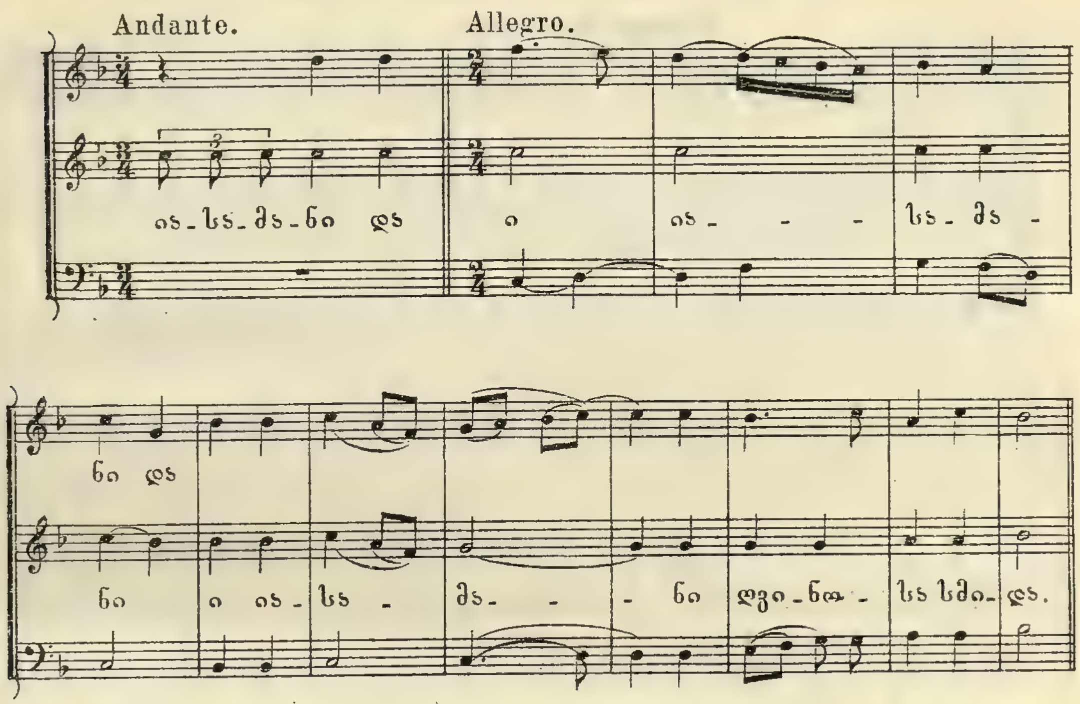
№29. პატარა საუკარელო. МАЛЕНЬКАЯ МИЛОЧКА.

Adagio. Moderato.

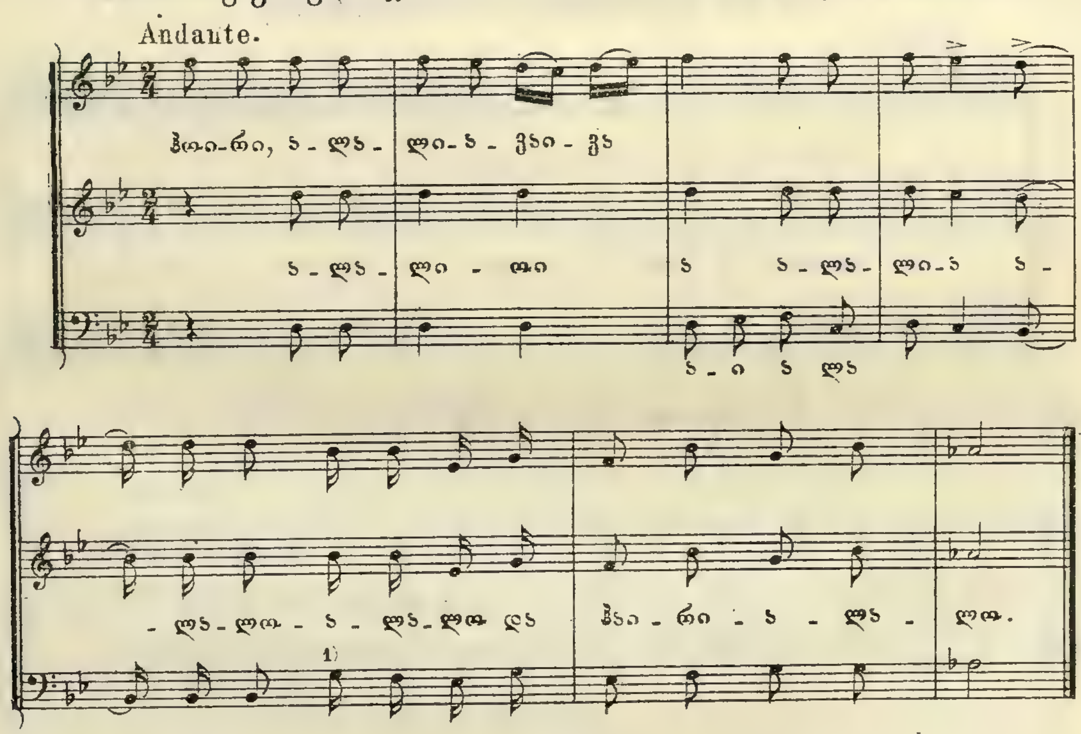


1) Первыя три ноты поются портаменто.
2) Звукъ ниже.
3) Этихъ двухъ тактовъ нѣтъ возможности точно передать въ отношеніи строя.
4) Звуки въ предыдущихъ тактахъ въ первомъ и третьемъ голосахъ не всегда ясны.
5) Въ общемъ за фортепіано пѣсня эта не передается вполнѣ.

№30. იასამანი და ღვინისა სმიდა. ЯСАМАНЪ ПИЛЪ ВИНО.



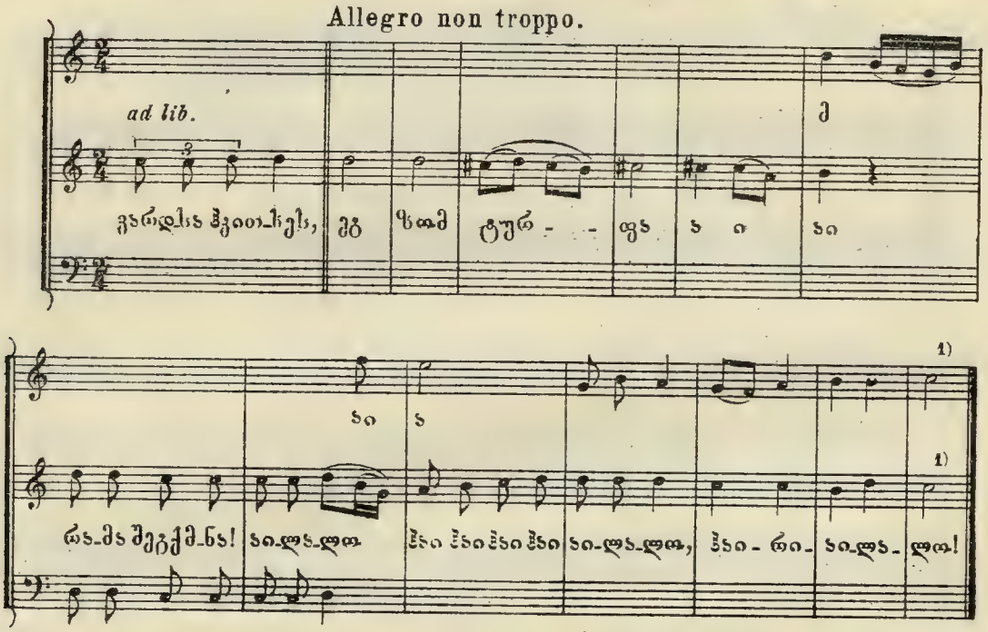
№31. სუფრული „ორი-რამა“ ЗАСТОЛЬНАЯ „ОРИ-РАМА“



1) Въ какомъ изъ трехъ голосовъ звучитъ данная фигура 16-ми, неопредѣленно.

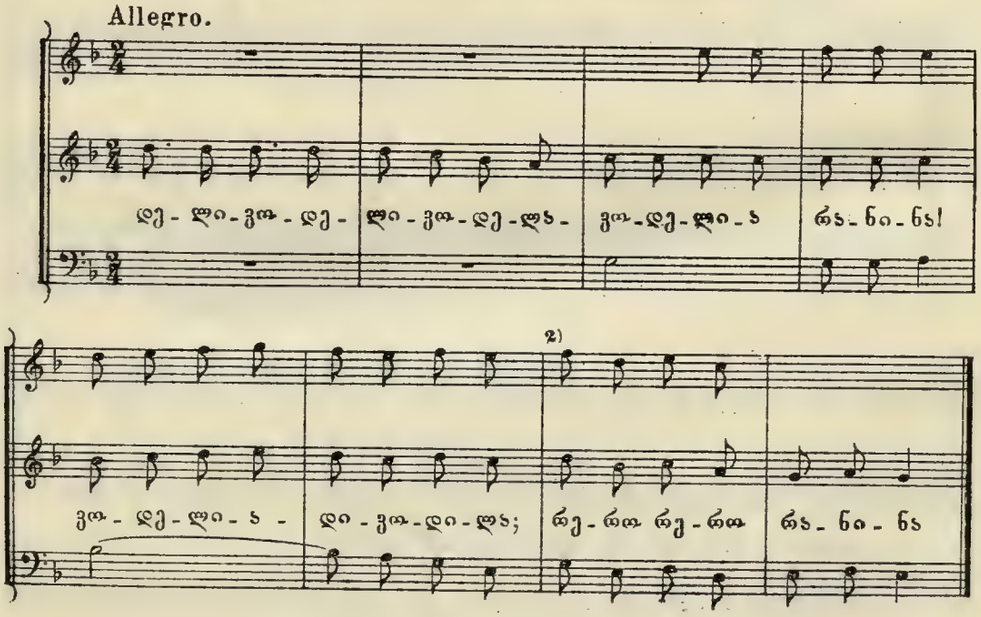
№32. დიდინი. ЗАСТОЛЬНАЯ „ГИГИНИ!“

Allegro non troppo.



№33. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.

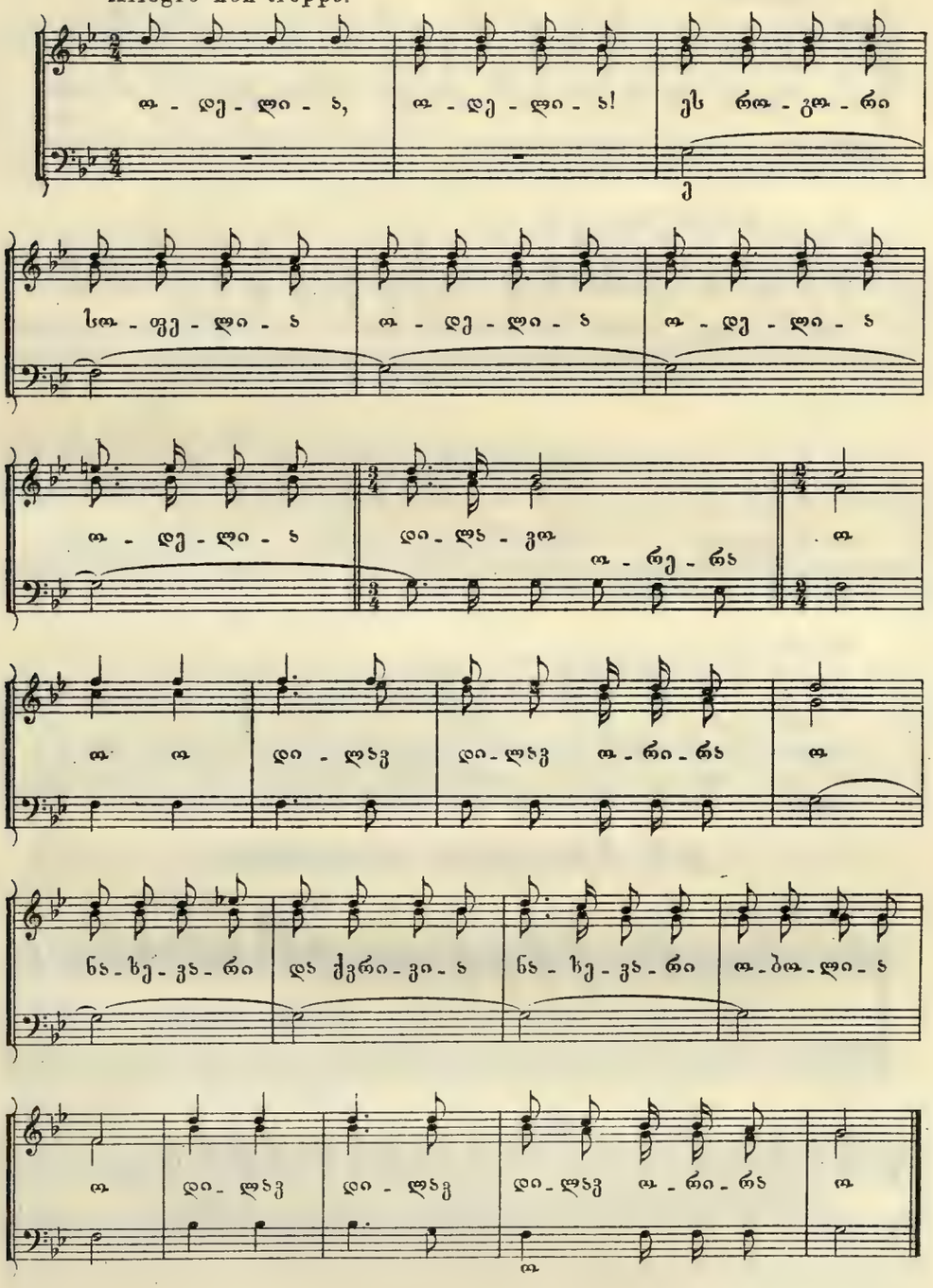
Allegro.



1) Первый и третій голосъ мѣстами пѣли не вѣрно, мы ихъ записали. Звукъ do въ концѣ выше.
2) Послѣдніе два такта въ фонографѣ звучатъ не совсѣмъ ясно.

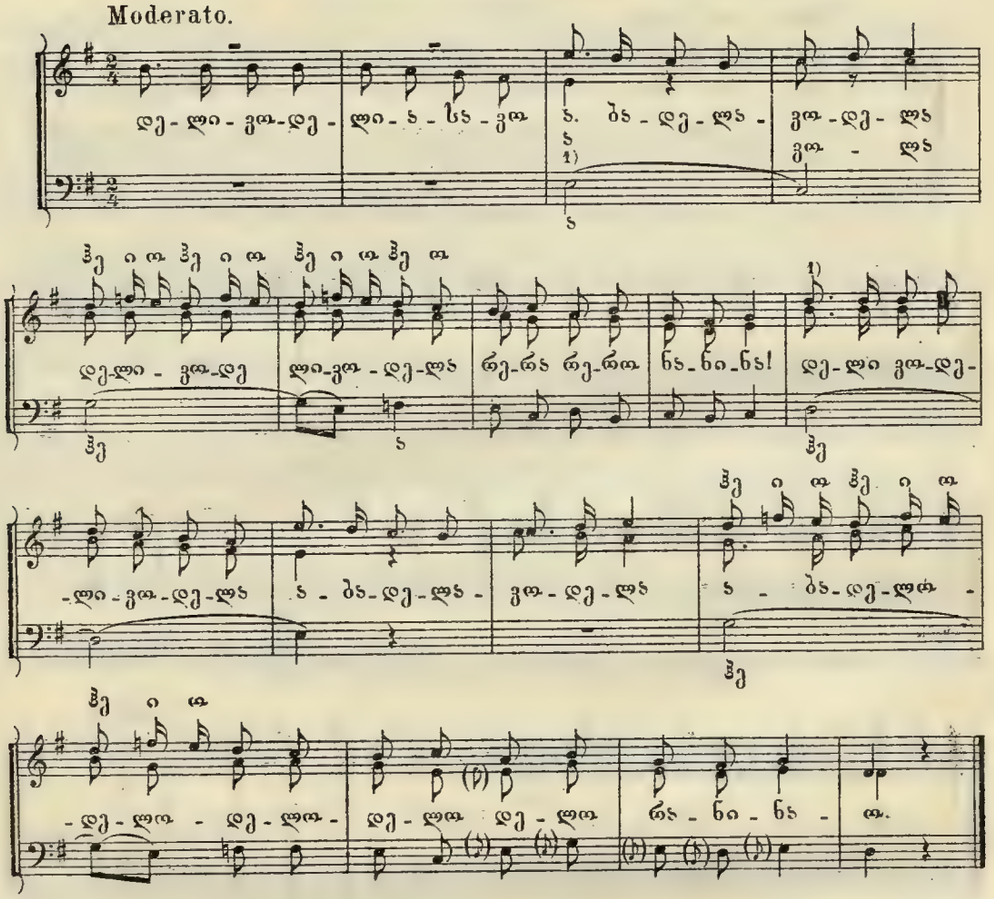
№ 34. ოდელია, ოდელია! ОДЭЛІА, ОДЭЛІА!

Allegro non troppo.



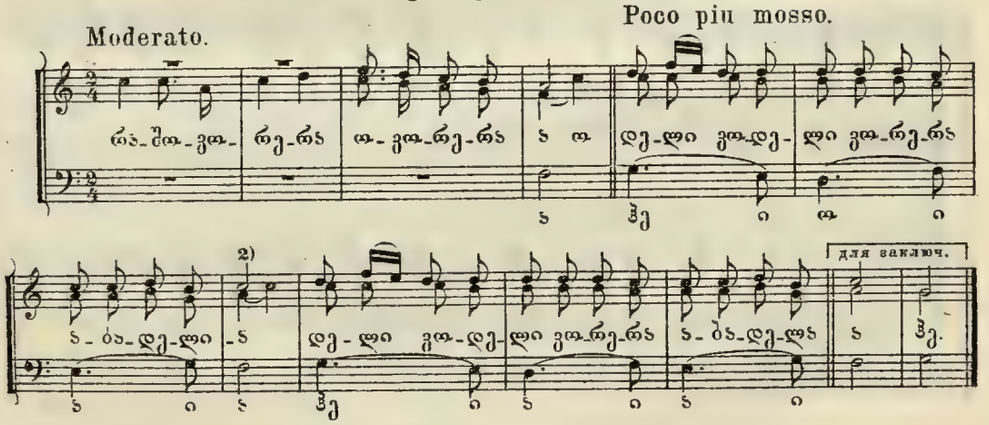
№ 35. მაყრულია. СВАДЕБНАЯ.

Moderato.



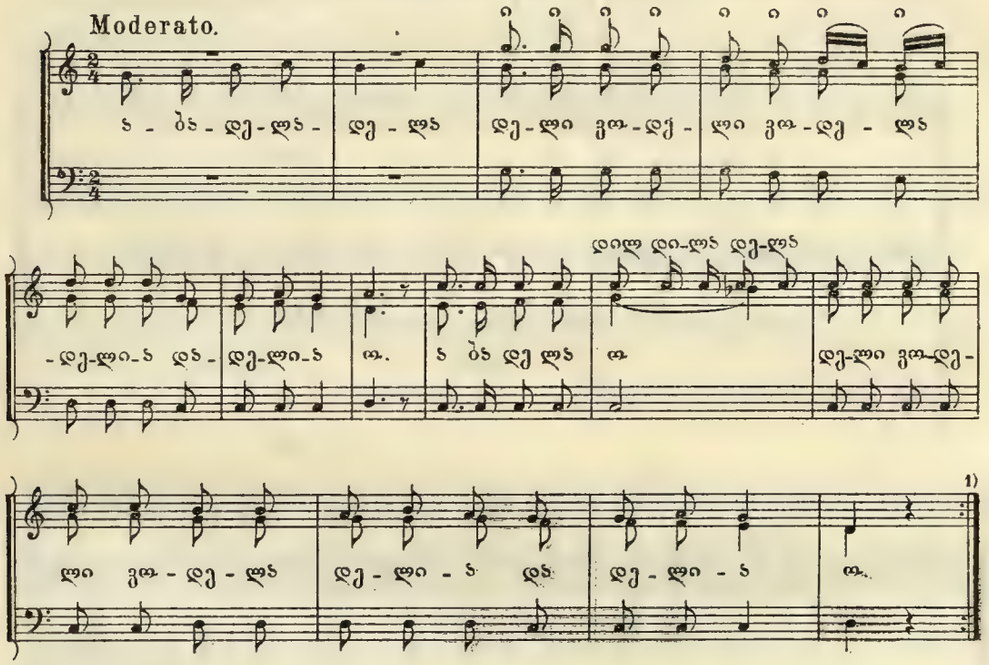
№ 36. რაშოვორეა. РАШОВОРЭРА.

Moderato. Poco più mosso.

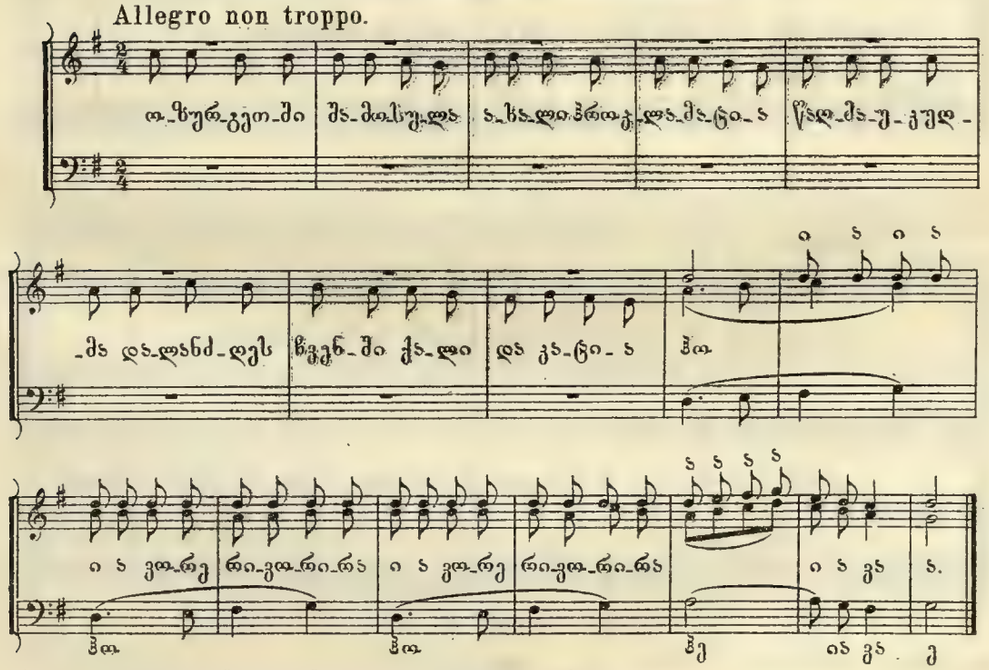


1) Первый голосъ поетъ больше на гласную а.
2) Съ этого такта вторая партія повторяетъ предыдущіе три такта, и такая перекличка происходитъ извѣстное количество времени.

№ 37. აბადელია. АБАДЭЛІА.



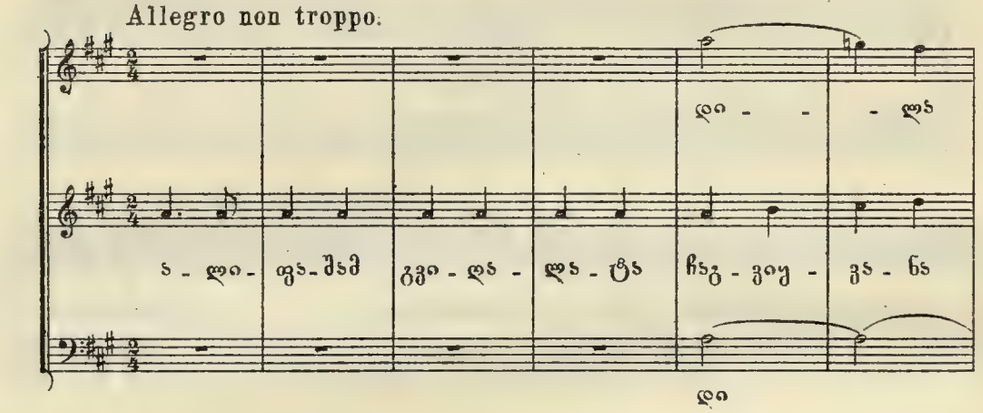
№ 38. პროკლამაცია. ПРОКЛАМАЦІЯ.

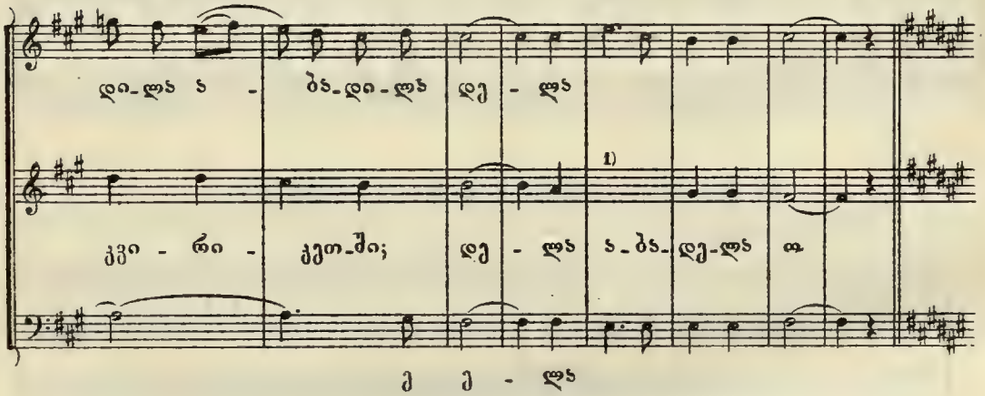


1) Повторяется другой группой, и такъ попеременно.

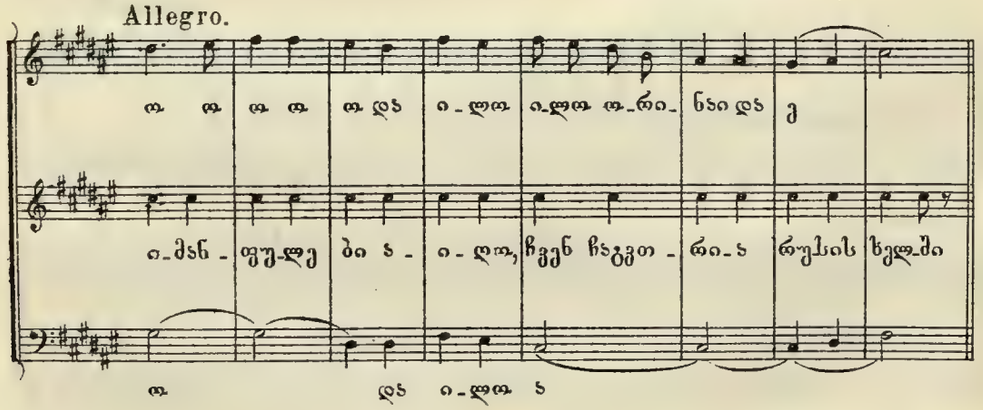
№ 39. ალი-ფაშა (მეორე ვარიანტი). АЛИ-ПАША (второй варіантъ).

Allegro non troppo.

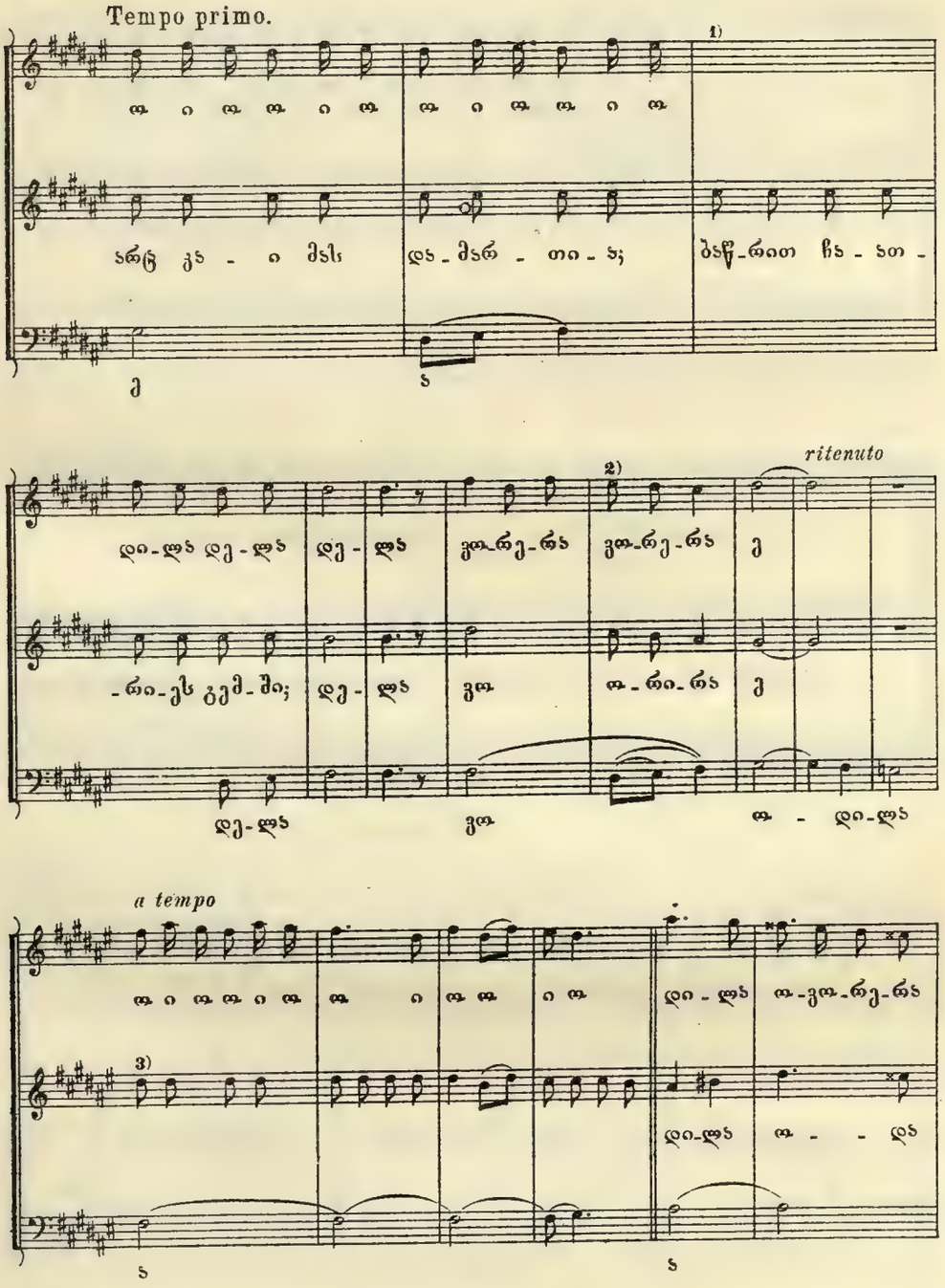




Allegro.



1) Второй голосъ здѣсь не слышенъ.

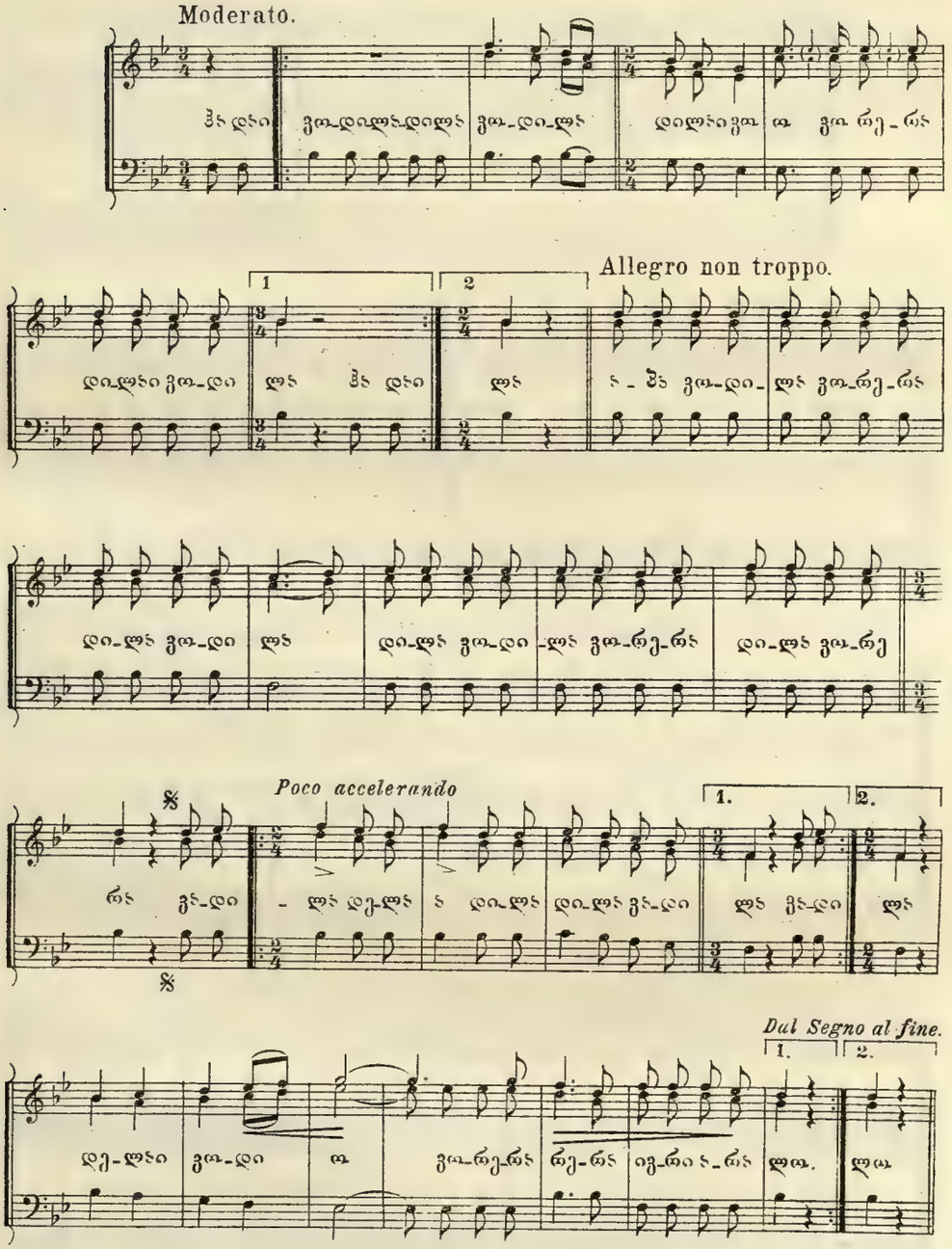


1) Пустыя мѣста, необозначённыя нотами, не слышны въ фонографѣ.

2) Звукъ ниже.

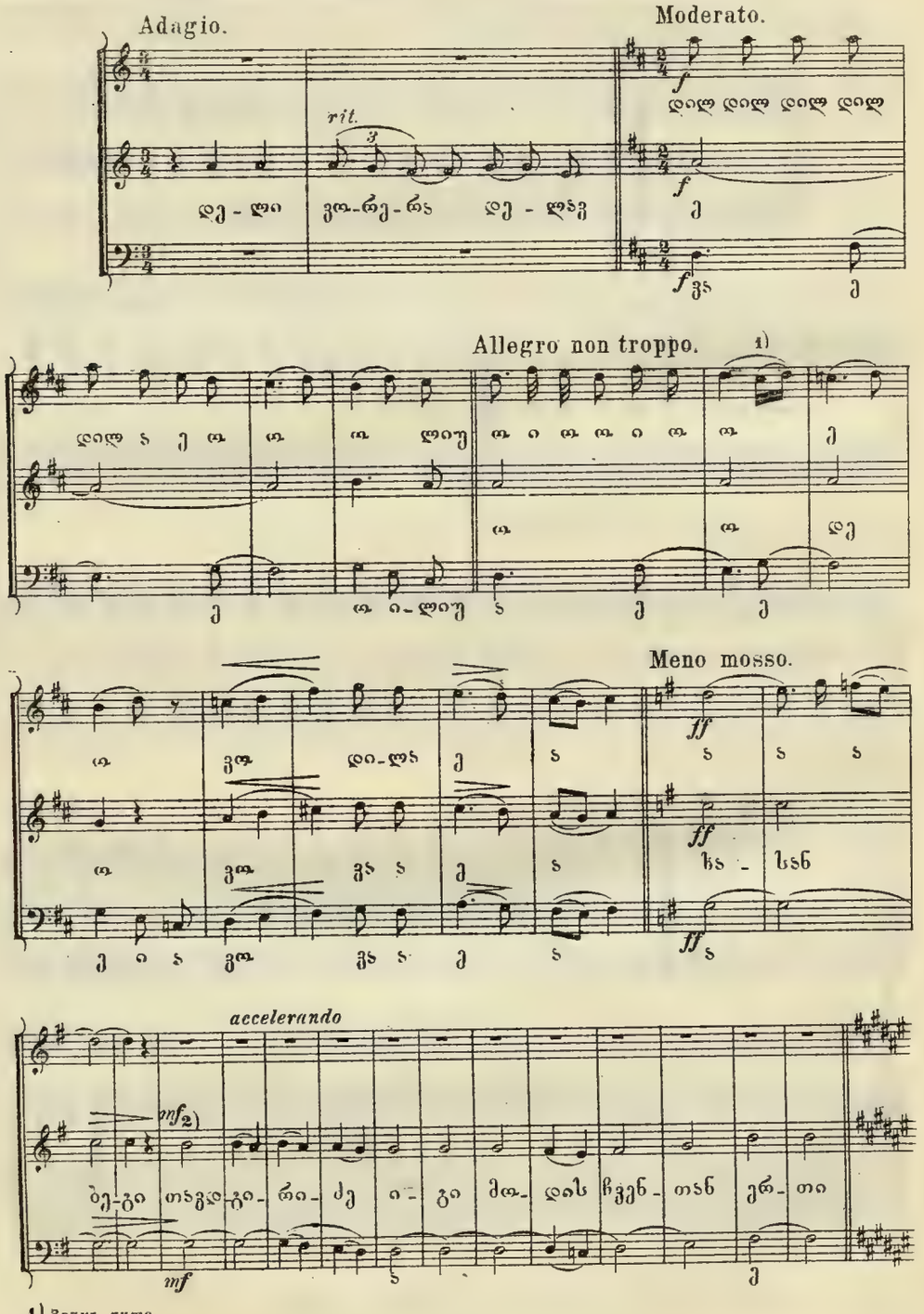
3) Во второмъ голосѣ словъ нельзя разобрать. 214

№40. დილა ვოდილა. ДИЛА ВОДИЛА.*)

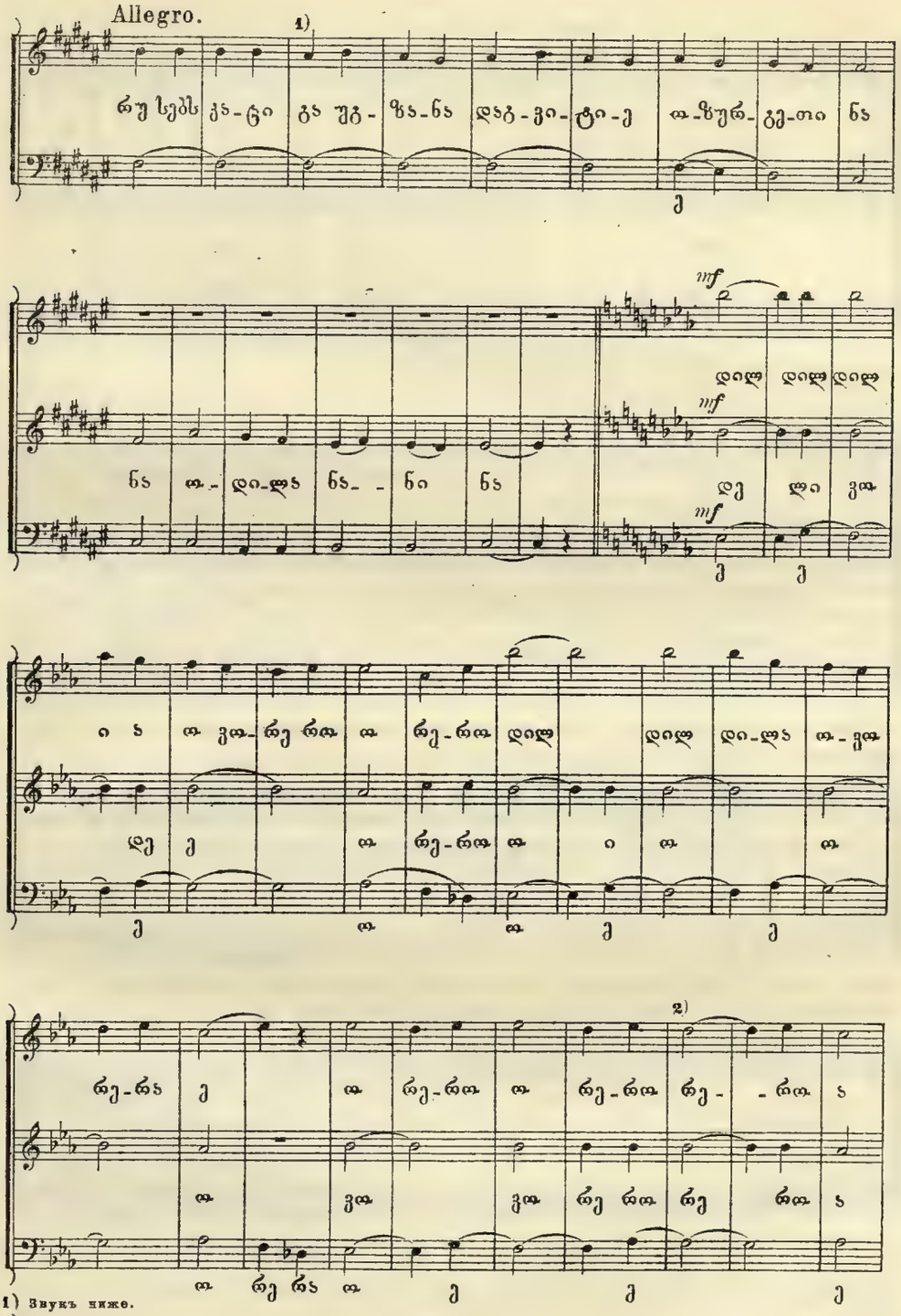


*) Песня городского происхожденія, перешедшая въ народъ.

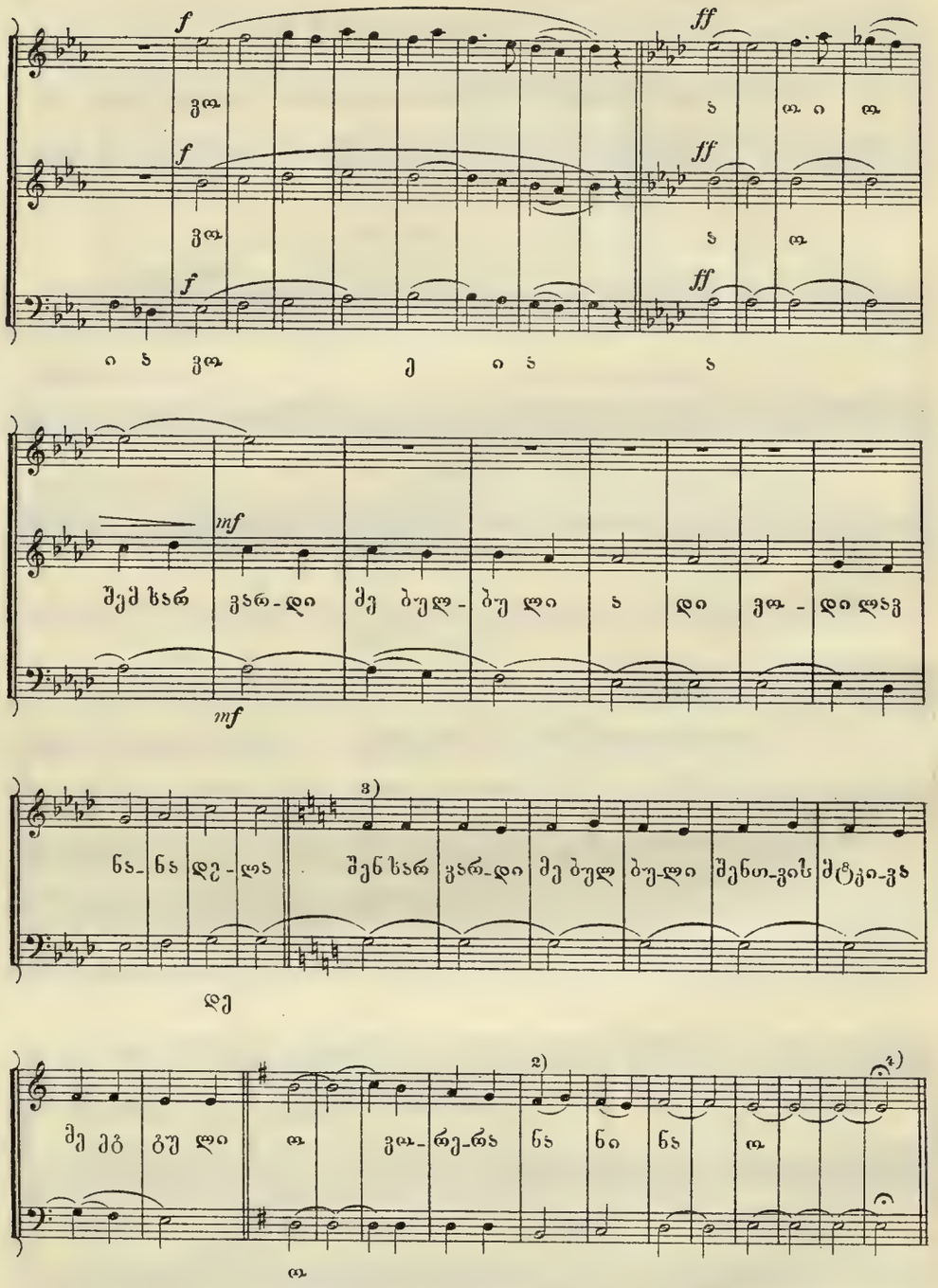
№ 41. ხასანბეგური (მეორე ვარიანტი). ХАСАНБЕГСКАЯ (второй варіантъ).



1) Звукъ ниже.
2) Тоже.



1) Звукъ ниже.
2) Тоже.



1) Звукъ ниже
2) Тоже. 3) Эти слова спѣты, какъ намъ кажется, не впопадъ.
4) Въ отношеніи строя, эта пѣсня за фортепіано мѣстами не выходитъ.

II.

Мингрельская вѣтвь.

I.

Нынѣшніе мингрельцы въ глубокой древности были извѣстны подъ именемъ колховъ. Ихъ страну Колхиду, если вѣрить преданію о золотомъ рунѣ, посѣтили еще въ героическомъ періодѣ величайшіе герои Греціи, какъ, напр., Геркулесъ, Тезей, Пиритой и др. Что тогда она изъ себя представляла, неизвѣстно, но что касается дальнѣйшаго, то мы уже знаемъ эту страну, какъ отдѣльную провинцію Грузіи. „Подъ именемъ Грузіи извѣстно было съ древнихъ временъ то пространство Закавказья, въ составъ котораго входили часть Албаніи, Иверія, Колхида, Месхія и Страбоновъ Таохіо, или грузинскій Таосъ-кари. Оно занимало верхнія области Куры съ долинами—съ сѣвера Арагвы, съ юга Храма или Кціи, Дебеды и Ахстафы, съ востока Алазани, съ запада Чороха, съ сѣверо-запада Ріона и его притоковъ до самыхъ Гагръ. На этомъ пространствѣ господствовалъ грузинскій языкъ съ родственными ему діалектами—сванетскимъ, мингрельскимъ и лазскимъ. Сваны еще въ глубокой древности жили тамъ же, гдѣ живутъ и нынѣ. Мингрельцы занимали все прибрежье Чернаго моря, начиная отъ Кубани до самаго Трапизонда, и самый Трапизондъ, т.-е. ту полосу,—вполнѣ или нѣтъ, не знаемъ,—которая въ позднѣйшія времена заселена была черкесами и абхазцами, гурійцами, дчанами или лазами“ [1]). Въ настоящее время мингрельцы, какъ извѣстно, населяютъ Зугдидскій и Ново-Сенакскій уѣзды и Самурзаканскій округъ Кутаисской губерніи.

До XV ст. Мингрелія, какъ часть цѣлой Грузіи, жила одной общей съ ней жизнью, перенося всѣ ея радости и невзгоды; но когда въ XV ст. Грузія раздѣлилась на три части, она также отпала, вмѣстѣ съ Имеретіей, Гуріей и Сванетіей, въ отдѣльное мингрельское княжество, ставъ въ вассальное отношеніе къ имеретинскому царю. Это вассальное отношеніе, впрочемъ, было недолго; дальше и она отвоевала себѣ независимость и управлялась своими владѣтельными князьями.

Мингрельцы говорятъ грузинскимъ и своимъ мингрельскимъ языкомъ, родственнымъ съ первымъ. Проф. Цагарели высказываетъ мысль, что мингрельскій и грузинскій языки произошли отъ одного и того же отца [2]).

Одѣваясь совершенно по-грузински, мингрельцы носятъ на головѣ *папанаки*—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, а женщины вмѣсто *лечаки* употребляютъ

---

[1]) Изъ „Записки въ Имп. Акад. Наукъ“, *Д. Бакрадзе* (См. Арх. пут. по Гуріи и Адчарѣ, предисл. VI стр.).

[2]) Изв. Кав. О. И. Р. Г. О., V т.

тюлевые или газовые куски, фантастически намотанные на голову. Въ общемъ мингрельцы имѣютъ много общаго съ нравами и обычаями грузинъ, что неудивительно, если принять въ соображеніе ихъ многовѣковую единую жизнь съ ними.

Живутъ мингрельцы не деревнями, а въ отдѣльныхъ, уединенныхъ хижинахъ и прячутъ жилища свои въ густой зелени деревъ. Гигантскій чинаръ или орѣшникъ защищаетъ убогую саклю мингрельца отъ дождя и вѣтра, и около этого орѣшника, подъ его тѣнью, находится вся усадьба, все хозяйство жителя [1]).

Вообще, мингрелецъ живетъ среди роскошной природы. Его тѣсное общеніе съ ней не могло не повліять на его психику и воображеніе, результатомъ чего, помимо всего другого, появились прелестныя сказки и пѣсни, полныя своеобразной прелести и поэзіи. Въ этихъ сказкахъ фантастическія, чудесныя начала чередуются съ бытовыми, въ которыхъ главное мѣсто занимаетъ человѣкъ или животныя. Дѣйствующими лицами въ нихъ являются либо „дэвы“ (чудовища - великаны), либо „волки-волшебники“, „колдуны“ и т. п.

Мингрелецъ.

Вообще тамошняя царица - природа щедро разсыпала свои дары, надѣляя лѣса и долы Мингреліи всевозможными злаками и растеніями и развивая своими красотами любовь къ поэзіи и музыкѣ.

Мингрелецъ высокъ, статенъ, мужественъ, черты лица его нѣжныя и болѣе женственныя, движенія легки и граціозны [2]).

Типъ мингрельской женщины одинъ изъ изящныхъ въ свѣтѣ; женщины-крестьянки—и тѣ поразительной красоты: стройный, высокій ростъ, миловидныя головки, брови черныя, глаза огненные, правильныя, роскошныя формы тѣла привлекаютъ ваше вниманіе [3]). И нужно сказать, что женщина для мингрельца — вся поэзія. Онъ ее наряжаетъ, балуетъ, устраняетъ отъ заботъ и хлопотъ, и все лишь для того, чтобы любоваться на нее самому и чтобы другіе восторгались ею. Дѣвушку съ колыбели окружаютъ ласками, лелѣютъ ее, какъ нѣжное созданіе; она всегда принаряжена, всегда въ чулкахъ, въ сафьянныхъ желтыхъ или красныхъ „постали“. Съ колыбели она уже готовится и къ замужеству; ей собираютъ приданое; каждый поздравляющій съ новорожденной кладетъ ей въ колыбель хотя бы копеечку. Ей сыпятся отовсюду подарки въ новогодніе праздники. Такимъ образомъ дѣвушка растетъ въ комнатѣ, но не въ затворничествѣ. Если у нея нѣтъ

[1]) Опытъ географіи Кавк. края. *П. П. Надеждина.* Стр. 136.
[2]) Ibid., стр. 138.
[3]) Ibid., стр. 132—133.

прислуги, то она работаетъ съ матерью по хозяйству: шьетъ одежду, моетъ бѣлье, учится стряпать, вяжетъ чулки, ткетъ дарайю (мѣстная шелковая матерія), сукно, досматриваетъ пищу и т. п. Но за этими хлопотами все же еще много свободнаго времени, которое употребляется на музыку и танцы или у себя дома, или же въ гостяхъ. Въ праздники она одинаково съ мужчинами веселится въ хороводѣ [4]).

Мингрелка.

Въ общемъ замѣчено, что мингрелки стыдятся работать на людяхъ и только „самая крайняя нужда, бѣдность выгоняетъ женщину и на поле, и въ садъ, и въ лѣсъ на помощь мужу или брату". Таково положеніе женщины въ Мингреліи въ семьѣ и обществѣ.

Намъ остается добавить, что вообще мингрельцы (какъ, впрочемъ, и всѣ имеретины) въ обращеніи очень вѣжливы, чрезвычайно воспріимчивы и очень способны. Это ихъ положительныя качества. Что касается отрицательныхъ, то и они, конечно, имѣются у нихъ въ достаточномъ количествѣ, но если мы станемъ и ихъ перечислять, то это заведетъ насъ слишкомъ въ сторону. Поэтому мы прямо приступимъ къ ихъ народной музыкѣ.

II.

Переходя къ народной музыкѣ грузинъ-мингрельцевъ, мы должны сказать, что она у нихъ, какъ и гурійская, дѣлится на нѣсколько категорій, а именно на одноголосную и многоголосную, мужскую и женскую, городскую и деревенскую. Между прочимъ, городская музыка у нихъ, представляющая изъ себя новѣйшее теченіе, въ общемъ всетаки не такъ распространена, какъ у гурійцевъ; напѣвы ихъ въ большинствѣ случаевъ сохранились вполнѣ. Гитара хоть и вошла въ ихъ обиходъ, но не заняла тамъ того положенія, какое заняла она у гурійцевъ. Сольныя пѣсни у нихъ попрежнему исполняются подъ аккомпаниментъ чонгури и, сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, гитары.

Эти сольныя или одноголосныя пѣсни поются у нихъ мужчинами и женщинами, мужчинами преимущественно речитативно, женщинами же и речитативно и протяжно. Относительно женщинъ мингрелокъ вообще нужно замѣтить, что это большія музыкантши. Можно почти съ увѣренностью сказать, что нѣтъ такой

[4]) Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ. *Я. Тепцова.* (Сборн. матер. для опис. мѣсти. и племенъ Кавказа. Вып. 18).

мингрелки, которая бы не играла на своемъ инструментѣ чонгури и не пѣла. Въ г. Поти, гдѣ мнѣ пришлось фонографировать мингрельскія пѣсни, я былъ удивленъ количествомъ поющихъ и играющихъ.

Напѣвы ихъ, помимо другихъ достоинствъ, проникнуты часто глубочайшимъ лиризмомъ. Есть ли это результатъ историческихъ факторовъ, или экономическихъ, или общественныхъ, или какихъ-либо другихъ, я не берусь пока судить. Могу только сказать, что въ ихъ не речитативныхъ пѣсняхъ бездна грусти, мягкости, нѣжности. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ: „Я хочу погубить себя“, „О, Боже!“.. „Судьба“, „Мингрельская колыбельная“ и др. [1]). Такимъ образомъ, если пѣсни грузинокъ-гуріекъ отличаются благородствомъ очертаній мелодій, красотою, оригинальностью модуляцій, то пѣсни грузинокъ-мингрелокъ отличаются отъ нихъ, помимо вышеуказанныхъ достоинствъ, своимъ глубокимъ лиризмомъ. Въ этомъ, собственно, по-моему и разница въ музыкѣ тѣхъ и другихъ женщинъ.

Въ общемъ, по-моему, мингрельская женщина настолько музыкально одарена, что ей врядъ ли найдется конкурентка не только изъ другихъ грузинскихъ вѣтвей, но и вообще изъ женщинъ другихъ племенъ всего Кавказа. Принимая вышесказанное въ соображеніе, мы не должны забывать еще относительно исполнительницъ ихъ пѣсенъ, среди которыхъ попадаются прямо художницы. Одна изъ такихъ художницъ была представлена мнѣ, и я имѣлъ большое наслажденіе записать отъ нея восемь пѣсенъ на грузинскомъ и мингрельскомъ языкахъ. Эта пѣвица (имя ея Эзопина Чачава) была приглашена изъ деревни Наэсаковой. Обладая красивымъ контральто и имѣя старый, отличный чонгури, она великолѣпно исполняла свои родныя пѣсни. Окружающіе ее только слушали и подпѣвали иногда басовую партію потихоньку, не заглушая чонгури (смотр. въ приложеніи пѣсенъ). Исполненіе ея было въ полномъ смыслѣ слова художественное. Я думаю, если попутешествовать какъ слѣдуетъ по деревнямъ Мингреліи, то, помимо этой, найдешь немало народныхъ пѣвицъ-художницъ. И это, разумѣется, не будетъ удивительно, если принять въ соображеніе высокій уровень музыкальнаго развитія женской грузино-мингрельской пѣсни.

Въ связи съ ихъ напѣвами находятся отчасти и ихъ тексты. Поэтому мы обратимся и къ нимъ, посмотримъ, о чемъ тамъ говоритъ мингрельская женщина, и постараемся найти какую-нибудь связь между музыкой и текстомъ. Приступая къ разсмотрѣнію послѣднихъ, мы видимъ, что они принадлежатъ къ различнымъ категоріямъ. Среди нихъ попадаются, напр., такого рода:

О, Боже, въ чемъ я провинился!
Почему Ты меня не взлюбилъ!
Я еле дышу. Мнѣ опостылѣла жизнь на этомъ свѣтѣ!

Напѣвъ глубокій, выражающій душевную скорбь. Музыка и текстъ вполнѣ соотвѣтствуютъ одинъ другому. Такое же единеніе мы видимъ и въ колыбельныхъ пѣсняхъ, весьма богатыхъ по напѣву. Вотъ одинъ изъ текстовъ колыбельной пѣсни, взятый изъ сборника мингрельскихъ пѣсенъ г. Хр. Гроздова:

„Ты усни, мой родной, а я здѣсь буду тебѣ пѣть. Баюшки баю!
Турокъ идетъ по дорогѣ, израненный твоимъ отцомъ.
Что намъ дѣлать, мой родной? Турки не даютъ покою:

---

[1]) См. въ прилож. пѣсни №№ 4, 7, 8 и 10.

Отнимутъ, обыкновенно, все у человѣка, а потомъ повѣсятъ его.
Впереди—турки, позади—низами;
Подѣлили вещи, а домъ сожгли въ огнѣ.
Твоего отца здѣсь нѣтъ,—мы скрываемся на Уртѣ.
Твой несчастный отецъ рубится, окруженный турками,
Въ день выхода изъ дому онъ заповѣдалъ тебѣ поскорѣе послѣдовать за нимъ.
Ты былъ еще малъ, но онъ увидѣлъ уже въ тебѣ не труса...
Оружіе твое готово: послѣдуй за нимъ поскорѣе;
Конь также осѣданъ: я благословляю твой путь...
Но, сынокъ, я тебѣ заповѣдую и прошу тебя о томъ, чтобы ты всегда помнилъ меня...
Никогда не показывай спины врагу, хотя бы цѣлая сотня гналась за тобою!“ [1])

Въ общемъ нужно замѣтить, что такое единеніе бываетъ не во всѣхъ категоріяхъ пѣсенъ. Напримѣръ, въ любовныхъ пѣсняхъ, самыхъ богатыхъ по количеству, сплошь и рядомъ текстъ рисуетъ мучительную трагедію, а пѣсня исполняется речитативно, съ тѣмъ или инымъ мелодическимъ рисункомъ, въ мажорѣ или минорѣ, хотя нужно сказать, что такого рода пѣсни съ живымъ аккомпанементомъ чонгури часто бываютъ очень милы. Вотъ тексты нѣкоторыхъ пѣсенъ подобнаго рода:

„Я хочу погубить себя, до того мнѣ стало невыносимо.
Пока отъ этого меня удерживаетъ совѣсть, которую я не опорочилъ.
Когда я ее вижу, страсть овладѣваетъ мною;
Когда нѣтъ—тоскую по ней;
Готовъ пройти сто верстъ пѣшкомъ къ возлюбленной своей.
Отъ чрезмѣрной любви къ ней я занемогъ,
И если это страданье меня ожидало, то къ чему я родился?
Или дай мнѣ жизнь, или убей, утопи!
Измѣнница любовь наполнила мое сердце скорбью.
Любовь, о которой ты знаешь, изсушила мое сердце.
Которой я довѣрился, мнѣ измѣнила и заставила горько плакать.
У кого я просилъ лѣкарства отъ этой болѣзни, тотъ далъ мнѣ хины:
Ему казалось, что я страдаю лихорадкой.
Отъ этого лѣкарства я чуть не разстался съ жизнью“.

Кромѣ подобныхъ текстовъ, исполняются еще и какіе-либо комическіе стихи или иногда историческіе. Образецъ послѣдняго приводимъ изъ сборника г. Хр. Гроздова:

Пѣсня кн. Гуту-Апаніи.

„За что Ты, Господи, такъ меня обидѣлъ, что я себя презираю?
Если меня ожидалъ такой черный день, то зачѣмъ Ты до сихъ поръ не уничтожилъ меня?
Правосудія они (т.-е. моуравы, управляющіе, владѣт. князья) не соблюли и не обратили вниманія на судебное постановленіе.
Ахъ, зачѣмъ мнѣ приходитъ на умъ мое безвыходное положеніе?!
Вотъ что, именно, называется несчастьемъ,—и теперь ты мнѣ помоги, братъ!
На бокахъ у меня истерлась кожа отъ лежанья на голой доскѣ.
Они преодолѣваютъ меня насиліемъ, но по закону—это не побѣда.

[1]) Одна изъ подобныхъ пѣсенъ переложена Лермонтовымъ.

На жизненномъ пути я могъ быть такимъ же значительнымъ человѣкомъ, какъ и тѣ, которые меня преслѣдуютъ.
Мои ноги закованы въ желѣзо, и руки мои лишены силы.
(Вар.: Всѣ члены у меня связаны, не имѣю руки, чтобы пустить ее въ ходъ).
Дурныя мѣры не помогли моему избавленію,—развѣ помогутъ только хорошія мѣры.
Земной законъ не помогъ,—остается развѣ только небесный законъ.
Каждый живой человѣкъ, кромѣ меня, испыталъ на себѣ, что значитъ адъ?
Если мое тѣло отдадутъ на съѣденіе собакѣ, то все-таки мою душу Богъ прославитъ.
Дьяволы меня мучатъ, но Богъ не погубитъ моей души.
Меня вяжутъ по рукамъ и ногамъ и настолько признаютъ виновнымъ, что не даютъ объясниться.
Видно, никто не сожалѣлъ обо мнѣ, кромѣ моей бѣдной жены.
„Гуту,—говорятъ враги,—бѣжалъ изъ крѣпости, но добровольно вернулся,—и теперь онъ въ нашихъ рукахъ“.
Кто находится въ бѣгахъ, съ тѣмъ ничего не могутъ сдѣлать, а ловятъ того, кто явится добровольно [1]).
Дай Богъ, чтобы еще остался законодателемъ Ростомъ Хромой!
Не слѣдовало меня ловить, такъ какъ я покорился добровольно.
Отъ кого я ни слышалъ,—всѣ говорятъ: покориться лучше.
Незачѣмъ мнѣ роптать на другого (т.-е. виновника моего несчастія), когда я самъ въ немъ обманулся.
Развѣ княжескому достоинству къ лицу сидѣть въ кандалахъ?
Ростомъ доложилъ Григорію, что судъ надъ Апакіею совершенъ не совсѣмъ справедливо“.

Описываемое въ пѣснѣ событіе, т.-е. заключеніе кн. Апакіи, въ которомъ онъ жалуется на тяжелое положеніе и на несправедливость судей, бросившихъ его въ тюрьму, произошло, по предположенію автора, въ промежутокъ времени 1856—1857 гг., когда владѣтельница Мингреліи Екатерина отсутствовала, будучи въ Петербургѣ. Свѣдѣній о личности Гуту-Апакіи и о его провинности, за которую онъ подвергался преслѣдованію, автору добыть не удалось.

Не менѣе интересные тексты есть и на нѣкоторыя общественно-экономическія явленія народной жизни. Вотъ, наприм., пѣсня о крестьянскомъ возстаніи, приводимая также изъ сборника г. Хр. Гроздова:

„Какъ видно, надъ мингрельской страной тяготѣло беззаконіе.
Барское иго кончилось. Какую причину нашего освобожденія придумаютъ господа?
Господа, оказывается, съѣдали народный заработокъ,
И народъ возстаетъ поголовно и направляется по гористой части Мингреліи.
Беззаконники-баре рѣшительно ничего у крестьянъ не оставляютъ.
Народъ и его господа столкнулись въ деревнѣ Напичхоу.
Крестьяне сжалились надъ господами, а то могли бы отрѣзать имъ головы.
До смерти перепуганные, господа едва тащились вверхъ;
Умершіе отъ голоду, они до ночи не могли притти домой.
Они немного легко вздохнули лишь тогда, когда добрались до дому.

---

[1]) Варіантъ: Кто добровольно вернется, тотъ будетъ помилованъ, а кто убѣжитъ—того схватятъ. Что у себя наверху напишутъ, то, сойдя внизъ, изорвутъ (по всей вѣроятности, указывается на непостоянство и противорѣчія въ государственныхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, вслѣдствіе чего узнику приходилось страдать).

Ихъ госпожи-супруги толкли вареную зелень;
До тошноты голодные господа, на полянкѣ передъ домомъ, глотали эту зелень, не жуя [1]).
У помѣщицъ Маріи и Кесаріи уродилось три колоса гоми;
Онѣ ночью вошли въ сарайчикъ и тамъ это гоми молотили.
Молотить, оказывается, онѣ не умѣли и ударили другъ друга по головѣ.
Свои деревянныя била онѣ поломали и выронили изъ рукъ;
Обломки этихъ билъ ударились имъ объ ноги.
Отъ стыда онѣ никого къ себѣ не впускали,
И отъ гнѣва чавкали подобно разъяренному кабану.
Ихъ господа-мужья пошли въ лѣсъ ломать хворостъ.
Животы у нихъ подвело, и они подтянулись поясами.
Гоми вышло жидкое, и онѣ снова начали просѣвать шелуху,
Да и ту не просѣяли, а просто всыпали ее въ котелъ.
Лопатки, оказывается, онѣ не достали и сглаживали гоми рукою;
А когда не достали палочки для мѣшанія гоми, то тыкали въ него пальцемъ.
Когда не достали лопатки, то гоми изъ котла выцарапывали ногтемъ.
Ногтемъ вынутое гоми господъ не насытило,
А обожженный барскій палецъ пришлось обливать холодной водой.
„И это всегда такъ будетъ съ нами!“—всплакались господа [2]).

Мы не приводимъ еще много другихъ текстовъ въ одноголосной мингрельской пѣснѣ, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ пока не входитъ въ нашу задачу. Вмѣсто этого мы находимъ своевременнымъ коснуться вкратцѣ звукорядной стороны вопроса и прослѣдить, нѣтъ ли у нея чего-либо общаго въ этомъ отношеніи съ остальными грузинами.

III.

Однако, прежде чѣмъ приступить къ подобному обзору, я нахожу необходимымъ выяснить, что мною записано за все время собиранія сравнительно небольшое количество одноголосныхъ мингрельскихъ пѣсенъ и плясокъ. Если къ этому количеству прибавить еще пѣсни изъ сборника мингрельскихъ пѣсенъ г. Гроздова, то изъ этого все-таки получится тотъ минимумъ, который далеко не дастъ того результата, который хотѣлось бы имѣть. Такимъ образомъ, ограниченное количество матеріала заставляетъ насъ работать въ извѣстныхъ предѣлахъ, не позволяя расширить ихъ, какъ нужно было бы.

Итакъ, просматривая и то количество пѣсенъ, какое имѣется передъ нами, мы видимъ, что наиболѣе древніе звукоряды въ нихъ, это — кварты. Пѣсня № 4 отчасти это доказываетъ, имѣя въ своей первый основѣ минорный тетрахордъ (безъ верхняго звука re), который дальше модулируетъ во второй мажорный sol-do (звукъ fa-діезъ считаемъ вспомогательнымъ), и лишь этотъ послѣдній въ заключительныхъ тактахъ переходитъ въ звукорядъ квинты. Пѣсня за № 1 находится вся въ квартѣ, если не обращать вниманія на аккомпаниментъ инструмента. Если же мы ее ста-

[1]) По объясненію старика-крестьянина, пѣвшаго эту пѣсню, описываемое событіе произошло лѣтъ 30 тому назадъ; слѣдовательно, должно думать, что въ пѣснѣ изображенъ одинъ изъ эпизодовъ крестьянскаго возмущенія, происходившаго въ Мингреліи въ 1857 году при владѣтельницѣ Екатеринѣ Мингрельской. (Примѣч. автора.)

[2]) Варіантъ: см. выше.

немъ разсматривать вмѣстѣ съ аккомпаниментомъ, то увидимъ, что она дѣлится на двѣ части: первая часть находится въ квинтовомъ трихордѣ минорномъ, вторая—re-sol-la—мажорномъ. Первая мелодія все время идетъ въ унисонъ съ квартовымъ (верхнимъ la и потомъ sol) звукомъ, а вторая (варіантъ)—съ квинтовымъ (верхнее si, а потомъ la) звукомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ строѣ кварты могутъ свободно чередоваться съ квинтами. Но такое совмѣстное разсмотрѣніе—между прочимъ [1]). Вообще же, эта миленькая пѣсенка поется при убаюкиваніи ребенка и имѣетъ текстъ, связанный съ солнцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она представляетъ изъ себя сохранившійся пережитокъ сѣдой языческой старины. Возвращаемся къ прерванному.

Кромѣ этой пѣсенки, отчасти можетъ служить примѣромъ кварты и мелодія хороводной пѣсни на чонгури за № 14, безъ текста; конечно, аккомпанименты мы не считаемъ. Пѣсня за № 16 у г. Гроздова также въ квартѣ. Между прочимъ, она дѣлится на двѣ части: первая часть въ предѣлахъ la-re, вторая—do-sol внизъ.

Просматривая пѣсни далѣе, мы встрѣчаемся съ звукорядами квинтъ, которые представляютъ какъ бы дальнѣйшую эволюцію пѣсни. Эти пѣсни у меня находятся подъ слѣдующими нумерами въ приложеніи: № 2, 3 (звукъ re-бемоль откидываемъ, какъ верхній вспомогательный), 6 и отчасти 7 и 8 (безъ вспомогательныхъ нотъ); затѣмъ мелодія на чонгури за № 16, подъ которую речитативомъ исполняютъ какіе-либо стихи комическаго содержанія, и у Х. Гроздова—отрывки за №№ 12 и 13 (безъ sol) и пѣсня за № 15 (въ которой откидываемъ mi и прибавляемъ въ концѣ недостающую sol, считая do-діезъ и la-діезъ въ аккомпаниментѣ не совсѣмъ правильными, такъ какъ неиспорченный слухъ народа не можетъ брать такихъ фортепіанно-вводныхъ звуковъ).

Далѣе послѣ квинтъ идутъ звукоряды секстъ (у меня въ приложеніи за № 9, откидываю только звукъ fa, какъ украшающій, и прибавляю въ концѣ недостающій sol). Пѣсня безъ текста № 13 тоже въ этомъ звукорядѣ, варіантъ же въ квартѣ. Въ сборникѣ мингрельскихъ пѣсенъ Х. Гроздова пѣсни за №№ 1 и 18 въ началѣ также въ секстѣ, хотя, дальше во второй половинѣ, онѣ переходятъ въ кварту.

Теперь остается намъ сказать о септимахъ и октавахъ.

Въ звукорядѣ септимы находятся: моя пѣсня подъ № 12 (и 10, если считать звукъ хора) въ приложеніи, затѣмъ хороводныя на чонгури (одинъ изъ варіантовъ) за № 15, въ октавѣ же № 11 (прибавляемъ вверху недостающій звукъ re), и у Х. Гроздова: № 17 (также прибавляемъ sol), затѣмъ № 4—«Пѣсня утопленника». Вотъ все, что касается одноголосной музыки.

Разумѣется, обо всѣхъ этихъ звукорядахъ и ихъ градаціяхъ я говорю только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ здѣсь еще слишкомъ много есть неизвѣданнаго, темнаго, сложнаго, чтобы можно было говорить въ подробностяхъ. Здѣсь, напримѣръ, являются такіе вопросы: можно ли говорить о звукорядахъ въ пѣсняхъ, которыя имѣютъ аккомпаниментъ, т.-е. до нѣкоторой степени художественное украшеніе? Нужно ли ихъ разсматривать совмѣстно или совершенно выдѣлить въ особую группу, какъ народное произведеніе уже высшаго порядка? Быть-можетъ, часть нужно разсматривать совмѣстно, какъ произведеніе, созданное неразрывно съ аккомпаниментомъ, часть — безъ него, а часть какъ-нибудь иначе и т. д. Въ силу этого и свои подраздѣленія пѣсенъ на звукоряды въ томъ видѣ,

[1]) При разсматриваніи пѣсенъ мы будемъ придерживаться, въ общемъ, того же принципа, что и въ гурійской пѣснѣ, т.-е. аккомпаниментъ удалять.

какъ я это дѣлаю, я не выдаю какъ за неопровержимую истину, а предлагаю только условно. Болѣе подробное изслѣдованіе, весьма вѣроятно, дастъ совсѣмъ другую группировку, которая съ нашей совсѣмъ будетъ расходиться. Когда это будетъ сдѣлано, мы посмотримъ, а теперь позволимъ себѣ замѣтить, что кварта все-таки въ видѣ тетрахорда и у мингрельцевъ является основнымъ звукорядомъ. Послѣ нея идетъ звукорядъ пятизвучный, сначала съ устоями кварты плюсъ секунда сверху, т.-е. трихорда въ квинтѣ (инструментъ), а затѣмъ просто квинты. Вслѣдъ за ними идутъ звукоряды сексты, септимы и октавы. Послѣднія особенно рельефно выдѣлены въ самомъ строѣ инструмента чонгури.

Какъ извѣстно, прежде чѣмъ пѣть, мингрелка настраиваетъ инструментъ сообразно напѣву; пока пѣсня не кончится, строй остается неизмѣннымъ и, слѣдовательно, зависитъ отъ самой пѣсни. Строи въ мингрельскихъ пѣсняхъ одинаковые съ гурійскими, т.-е. *re-sol-si-rè*, *sol-do-re*, *sol-do-re-sòl*, *sol-si-re*, *sol-si-re-sòl*, *sol-re-fa-sòl*, *sol-do-sòl*, *sol-re-sòl* и т. п. Всѣ эти звукоряды представляютъ изъ себя извѣстные устои въ пѣніи, которыхъ пѣвецъ или пѣвица должны придерживаться. Относительно своихъ пѣвицъ и пѣвцовъ я долженъ сказать, что они этихъ устоевъ не всегда придерживались и дѣлали отклоненія; чонгури, бывало, настроятъ въ квинту (sol-re), а исполняютъ въ предѣлахъ sol-do-fa. Получается какъ бы два звукоряда: одинъ на инструментѣ, другой у пѣвца. Какъ бы то ни было, все же, сравнивая эти строи со строями гурійской одноголосной пѣсни, мы видимъ, что они одни и тѣ же. Если принять въ соображеніе ихъ сосѣдство и тѣсное общеніе между собою, благодаря чему у нихъ и инструментъ общій (см. опис. чонгури въ статьѣ о гурійск. пѣс.) и одинаковая манера пѣнія и игры, то, разумѣется, ничего въ этомъ непонятнаго не будетъ. Такимъ образомъ, чего-либо новаго въ строяхъ одноголосной мингрельской пѣсни мы не найдемъ; они тожественны какъ съ гурійскими, такъ и вообще съ грузинскими строями пѣсенъ.

IV.

Скажемъ теперь относительно формы и ритма въ одноголосныхъ пѣсняхъ мингрельцевъ.

Формы въ мингрельской пѣснѣ различныя. Такъ, наприм., четырехтактныя предложенія въ какомъ-нибудь одномъ звукорядѣ или двухъ (во второмъ случаѣ всегда бываетъ модуляція на б. секунду внизъ). Далѣе есть восьми и десятитактныя предложенія и періоды съ такими построеніями мелодическихъ фразъ: два такта—одинъ звукорядъ, слѣдующіе два—модуляція на б. секунду внизъ, далѣе опять два такта первоначальнаго звукоряда, затѣмъ два модулированнаго и конецъ въ двухъ тактахъ опять первоначальнаго звукоряда (см. въ приложеніи пѣсню за № 5). Встрѣчаются и такія, которыя начинаются съ доминанты и въ четвертомъ тактѣ переходятъ въ тонику, потомъ опять съ доминанты и заключеніе въ тонику (тамъ же, № 11). Есть періоды расширенные до 9 такт. (тамъ же, №№ 2 и 7), до 10 (тамъ же, №№ 4, 5 и 8) и до 12 тактовъ (тамъ же, № 12 и 3 [1]). Пѣсни съ восьмитактными предложеніями или періодами будутъ слѣдующія: №№ 6, 9, 11, 13, 14; съ четырехтактнымъ предложеніемъ № 15 и двойнымъ двутактомъ № 16 (тамъ же). Во всѣхъ случаяхъ, разумѣется, пѣсню мы расчленили на простые такты, потому что сложный тактъ изъ четырехъ четвертей или шести восьмыхъ есть продуктъ

[1]) Въ третьей пѣснѣ не дограмировали въ голосахъ одного такта.

художественной музыки. Помимо восьмитактныхъ предложеній и періодовъ есть пѣсни съ 16-тактными періодами, какъ, напримѣръ, пѣсня «Водонцквили обишхас», № 4, въ сборн. г. Х. Гроздова, въ которомъ, по-моему, не 16 тактовъ (я, разумѣется, считаю тактъ простой—въ $^{3}/_{8}$, а не сложный въ $^{12}/_{8}$), а 20 (съ частью заключенія), и затѣмъ моей записи № 10 въ 17 тактовъ, имѣющей законченный видъ пѣсни, построенной нѣсколько не по-европейски. Построеніе этой пѣсни таково: первые 4 такта находятся въ одномъ звукорядѣ, представляющемъ одно предложеніе, вторые—въ другомъ, модулированномъ, образующемъ вмѣстѣ восьмитактный періодъ, далѣе идетъ варьированное повтореніе перваго предложенія и заключеніе въ пяти тактахъ новаго предложенія, образующаго вмѣстѣ второй періодъ. Такимъ образомъ, вся пѣсня состоитъ изъ двухъ періодовъ по восьми тактовъ въ каждомъ и представляетъ не что иное, какъ двухчастную простую форму пѣсни, расходящуюся въ построеніи съ такой же формой художественной музыки.

Какъ видите, нельзя мингрелкамъ отказать какъ въ изобрѣтательности, такъ и въ оригинальности формы. Всѣ эти пѣсни обязательно сопровождаются прелюдіями на чонгури въ четырехъ или восьми тактахъ, смотря по формѣ пѣсни, представляющими изъ себя по большей части дальнѣйшій аккомпаниментъ. Послѣ этихъ прелюдій вступаетъ обыкновенно исполнитель, по окончаніи котораго чонгури, не прерывая, играетъ извѣстное количество тактовъ (четыре, восемь) для дальнѣйшаго исполненія пѣвца. Роль чонгури въ этихъ пѣсняхъ, какъ и у гурійцевъ, бываетъ различная. Въ однѣхъ пѣсняхъ чонгури играетъ мелодію совмѣстно съ исполнителемъ, въ другихъ онъ аккомпанируетъ аккордами, въ третьихъ играетъ совершенно самостоятельно въ видѣ bassa-melodia ostinata. Въ этихъ случаяхъ фразки бываютъ не болѣе двухъ тактовъ. Кромѣ того, нужно добавить, что на чонгури исполняются также пляски, которыя по характеру своему ничѣмъ не отличаются отъ гурійскихъ.

Далѣе относительно ритма. Ритмы въ мингрельской одноголосной пѣснѣ въ большинствѣ случаевъ простые: двухдольные и трехдольные. Встрѣчаются и смѣшанные, но это сравнительно рѣдко. Какъ на интересный образецъ ритма можно указать на пѣсню въ сборникѣ г. Х. Гроздова, за № 2, гдѣ пѣвецъ поетъ въ строгомъ темпо $^{4}/_{4}$, а аккомпаниментъ въ $^{3}/_{8}$ и $^{5}/_{8}$.

Въ заключеніе два слова: почему у западныхъ грузинъ такъ развита сольная пѣсня, въ особенности у женщинъ, и почему ея нѣтъ у женщинъ восточныхъ? Мнѣ кажется, что отвѣтъ на это кроется въ историческихъ и политическихъ условіяхъ того и другого края. Какъ извѣстно, въ послѣднія времена Грузія была раздѣлена двумя сильными народами на двѣ сферы вліянія. Народы эти были персы и турки. Отъ послѣднихъ къ мингрельцамъ, я думаю, перешла самая форма исполненія одноголосныхъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что они весьма усердно набивали свои гаремы мингрелками и гурійками, прославленными красавицами. Въ гаремахъ же у турокъ распространенъ очень схожій съ чонгури инструментъ подъ названіемъ танбуръ, звуками котораго въ свободное время эти плѣнницы услаждали себя. Что касается персовъ, то они, какъ извѣстно, помимо всего другого, тоже усердно насаждали въ восточной Грузіи какъ свою музыку, такъ и музыкальные инструменты, какъ, наприм., тари, чіанури и др.; но только здѣсь женщина не восприняла ея, какъ въ Мингреліи и Гуріи, вѣроятно, потому, что музыка и ея исполнительная роль принадлежала, главнымъ образомъ, мужчинамъ. Занимались этимъ дѣломъ исключительно «сазандари», спеціалисты-музыканты—

пѣвцы и инструменталисты. Возможно, конечно, что этому воспріятію мѣшали и какіе-нибудь другіе факторы; но какіе—мы не знаемъ.

Переходимъ теперь къ двухголосной грузино-мингрельской народной музыкѣ.

V.

Передъ нами пять двухголосныхъ мингрельскихъ пѣсенъ: двѣ изъ сборника г. Бенашвили, три моей записи. Изъ этихъ пяти пѣсенъ одна (изъ сб. г. Бенашв.) совсѣмъ не внушаетъ довѣрія въ своемъ мингрельскомъ происхожденіи, другая же (изъ моихъ) настолько неясна по своей конструкціи, что я даже затрудняюсь ее опредѣлять въ отношеніи звукоряда. Примѣръ ея приводится подъ № 17, въ приложеніи. Эта пѣсня въ высшей степени интересна тѣмъ, что исполняется подъ текстъ „лейсон да киріа", т.-е. „кіріе элейсон" послѣ окончанія полевыхъ работъ въ Мингреліи, и, кромѣ того, на пасху, когда обходятъ вокругъ церкви. Поется эта пѣсня мужчинами попеременно solo (верхній голосъ) и хоромъ (нижній голосъ). Все, что можно сказать относительно ея звукоряда, это—что онъ не превышаетъ квинты, если не считать звука fa вспомогательнымъ.

Третья пѣсня—хороводная; построена она (я привожу ее подъ № 18, въ прил.) въ звукорядѣ sol-do-re-sol. Поется мужчинами попеременно двумя пѣвцами и хоромъ. Когда ее споютъ нѣсколько разъ, то вслѣдъ за нею начинаютъ исполнять, ускоряя темпъ, пѣсню (четвертую) за № 19, въ прил., которая, по-моему, дѣлится на двѣ части. Въ первой части тетрахордъ do-fa, во второй пентахордъ, квинта sol-re, при чемъ звуки si бем., la и fa, взятый скачкомъ, служатъ проходящими для второго звукоряда. Между прочимъ, здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ относительно мингрельскихъ хороводовъ, въ особенности о хороводѣ „осхапуэ", который уже выводится подъ вліяніемъ новизны и соблюдается только въ отдаленныхъ уголкахъ этой страны, гдѣ еще стороннее вліяніе не успѣло искоренить народнаго патріархальнаго быта.

Осхапуэ [1]) обыкновенно начинается съ кануна праздничнаго дня и оканчивается вечернею зарей праздника. Изъ этого времени исключаются только церковныя службы, которыя посѣщаются прихожанами.

Начинается осхапуэ гдѣ-либо на лужайкѣ или на церковной площади; ночью хороводъ приглашается въ чью-либо саклю, а утромъ снова хороводъ поетъ и пляшетъ на виду всей деревни.

Въ хороводѣ участвуетъ не только молодежь обоего пола, но и пожилые обыватели, иногда же сѣдовласые старцы. Въ старину на осхапуэ съѣзжались и гости съ окрестныхъ деревень, какъ на деревенскій праздникъ. Въ хороводѣ, по обычаю, принимала участіе вся деревня, какъ одна семья, и каждый членъ этой семьи вносилъ что-либо на общее веселье. Иногда осхапуэ устраиваетъ только одна семья.

Устройство было слѣдующаго рода: молодежь, взявшись за руки, составляла кругъ (кучхиши, осхапуэ) и такимъ образомъ, чтобы женщины чередовались въ мѣстахъ съ мужчинами. Пары эти составлялись случайно и рѣдко по выбору. Затѣмъ начиналась пѣсня въ соединеніи съ оригинальнымъ танцемъ: кругъ двигался въ тактъ пѣсни то вправо, то влѣво; потомъ женщины дѣлаютъ па въ середину круга, оставляя мужчинъ на мѣстѣ, за ними повторяютъ то же самое и

[1]) Правильнѣе, „Кучхиши обиреши", или однимъ словомъ „Охуджури" (наше замѣчаніе).

мужчины. Самое пѣніе при этомъ раздваивается: половина круга поетъ первую половину пѣсни, остальные подхватываютъ вторую половину. Такое пѣніе носитъ особое названіе: „Ицогала“. Осхапуэ сопровождалось разными играми, состязаніями въ бѣгѣ, въ ловкости, въ верховой ѣздѣ, которыя тоже выводятся уже изъ употребленія. Осхапуэ пока еще кое-гдѣ существуетъ, но исполняется не съ такимъ одушевленіемъ какъ въ старину. [1])

Далѣе у насъ осталась еще пятая двухголосная пѣсня; она помѣщена въ сборн. г. Бенашвили подъ назв. „Оиса іавара“ и имѣетъ звукорядъ въ восемь звуковъ.

Такимъ образомъ, и въ двухголосныхъ мингрельскихъ пѣсняхъ мы видимъ тотъ же принципъ, какой и въ одноголосныхъ, и, кромѣ того, что этотъ принципъ есть общій какъ для грузино-гурійской, такъ пшаво-хевсурской и карталино-кахетинской одноголосной и двухголосной пѣсни (судимъ, разумѣется, пока на основаніи того матеріала, какой у насъ имѣется). Поперемѣнность исполненія хороводныхъ пѣсенъ, конечно, дополняетъ это положеніе.

VI.

Посмотримъ теперь, какая у нихъ трехголосная пѣсня.

Трехголосная пѣсня у мингрельцевъ такая же богатая, какъ и у гурійцевъ. Мы видимъ, что у нихъ имѣются пѣсни и свадебныя, и хороводныя, и плясовыя, и любовныя, и рабочія, и много другихъ, приноровленныхъ также къ тѣмъ или инымъ явленіямъ ихъ крестьянской жизни. Пѣсни эти поются или на одно какое-нибудь слово, какъ, напр.: абадела, абарера, ворера, дэла, дэли водэла и т. п., какъ и у гурійцевъ, или сопровождаются текстами. Тексты ихъ пѣсенъ весьма разнообразны по своему содержанію. Въ однихъ рисуются какія-либо историческія событія, въ другихъ общественныя, въ третьихъ всевозможныя явленія бытовой жизни и т. п. Любовь, какъ всегда, стоитъ на первомъ планѣ. Мы приводимъ нѣкоторые тексты, чтобы читатель имѣлъ понятіе и о текстахъ въ трехголосныхъ пѣсняхъ.

Пѣсня узника [2]).

Я прикорнулъ, всѣми оставленный, положивъ голову на руку.
Плечи у меня связаны цѣпью, на ногахъ тяжелые кандалы.
Я едва дышу, и мой ротъ прикрываетъ шапка.
Десять лѣтъ уже проходитъ, какъ я не видалъ на дворѣ росы.
Въ такомъ положеніи моего сна мнѣ чудится мой конь.
Конь забылъ мою руку, и на немъ сидитъ уже другой.
Мои саморѣзы—кинжалъ и шашка—
Все это досталось моему измѣннику-врагу.
Вмѣсто перины, я ворочаюсь съ боку на бокъ на полу.
Подобно вѣтру сыплется снѣжная пыль въ мои глаза.
Напрасно меня обольщаетъ сновидѣніе: здѣсь я и человѣка не вижу.

---

[1]) Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ. *Я. Тенцова.* (Въ сборн. матер. для описанія мѣстност. и племенъ Кавк. Вып. 18. Взято въ извлеченіи).

[2]) Изъ сборн. мингрельскихъ пѣсенъ г. *Хр. Гроздова.*

Глупый сонъ напоминаетъ мнѣ мое былое время:
Въ рукѣ нагайка, на плечѣ бурка,—я выкрикиваю: „Гей арало-тарало!“
Мнѣ не нужно было говорить, гдѣ празднество,—
Гдѣ метанье копья на конѣ и прогулки съ дѣвицами.
Глаза дѣвицъ возбуждали въ моихъ соперникахъ зависть ко мнѣ.
Гдѣ-бы я ни появлялся, для меня земля была чувяками, а не шапкой (т.-е. вездѣ мнѣ было „море по колѣно“).
Зачѣмъ, счастье, я обладалъ тобою до сихъ поръ, если мнѣ пришлось тебя лишиться?!

Застольная [1]).

Пей, пожалуйста, вино и молодое и старое!
Учардія, черный человѣкъ! Если ты не пилъ, то почему пришелъ?
Притащи-ка сюда черное звенящее ведерцо!
Пурпуровая кула, пурпуровая кула!
Кто выпьетъ вино, тотъ, дѣйствительно, человѣкъ.
Или выпьемъ, или скушаемъ чего-нибудь,
Или же только глазами полюбуемся на пиръ.
Веселье гостямъ, удовольствіе хозяину,
А что получше—то для барынь.

Застольная прибаутка [2]).

На водѣ сидитъ дикая утка, а поодаль чайка,
Юноша, что ты смотришь? Можетъ-быть, желаешь меня?
Если ты имѣешь хоть немного счастья, то, можетъ-быть, я и буду твоею.

Любовь [3]).

Я всегда проклинаю любовь, когда у меня страдаетъ сердце;
Во всякой неудачѣ въ жизни я обвиняю ее.
Тотъ истинно счастливъ, кто счастливъ любовью;
Она счастье для того, кто наслаждается ею.
Почему я не зналъ, что рукою нельзя поймать ее?
Или почему мнѣ было неизвѣстно, что я не могъ сплести ограду, чтобы удержать ее?
Что ее ни поймать нельзя, какъ птицу, ни построить забора для ея огражденія?
Для нѣкоторыхъ любовь—словно цѣлебная мазь и сало,
А для нѣкоторыхъ она такой же врагъ, какъ топоръ для дуба;
Для нѣкоторыхъ она служитъ украшеніемъ, какъ ворота для дома,
А для нѣкоторыхъ она острая боль, засѣвшая въ желудокъ.

Разсматривая трехголосную мингрельскую музыку, мы видимъ, что у ней по характеру очень много общаго съ гурійской. Есть даже общія пѣсни, которыя поются какъ здѣсь, такъ и тамъ, напр.: „Ори одэліа“, „Хелхвави“, „Али паша“ и др. Иногда, впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ поются съ небольшими измѣненіями, такъ, напр., пѣсня „Али паша“ начинается у нихъ со словъ: „Та-

[1]) Изъ сборн. пѣс. г. *Хр. Гроздова*.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

тари да руси чхубобс". Помимо такихъ пѣсенъ у нихъ есть напѣвы общіе и съ другими грузинскими вѣтвями, какъ, напр., рачинцами, сванами. Образцы послѣднихъ приведены въ сборн. г. Гроздова.

Между прочимъ, объ этомъ сборникѣ, представляющемъ изъ себя теперь библіографическую рѣдкость [1]). Въ немъ 19 №№, семь изъ нихъ хоровые, а остальные сольные. Изъ этихъ семи пѣсенъ три поетъ мужской хоръ, а четыре женскій. Мужскія: первая (№ 3) „Рекрутская" аналогична съ пѣсней „Шоу нана, шоу скуа" и происхожденія, дѣйствительно, позднѣйшаго, хотя, насколько она мингрельская, въ этомъ нужно разобраться.

Дѣло въ томъ, что лѣтъ 16—17 тому назадъ въ Тифлисѣ и друг. городахъ Кавказа была распространена весьма пошлая, въ отношеніи текста, пѣсня, подъ назв. „Вай мэ, дэдав, мешиніан", съ мелодіей тожественной съ „Рекрутской". Перешла ли эта мелодія сюда изъ Мингреліи, или зародилась она здѣсь и попала туда, неизвѣстно. Фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что она была очень распространена, да и теперь, собственно, часто поется за столомъ во время пирушки, но только съ текстомъ укоризны къ „Тамадѣ", т.-е. предсѣдателю пирушки („Тамадао, чанчалао!"). Въ общемъ, за ея мингрельское происхожденіе говоритъ какъ форма, такъ и характеръ пѣсни.

Что касается второй пѣсни № 8, „Пѣсня о ранней зимѣ", то она тожественна по своей гармоніи со сванской или скорѣе рачинской пѣсней.

Третья № 10, „Застольная", также очень аналогична со сванскою пѣсней, о чемъ свидѣтельствуютъ оригинальные трихорды въ квинтовыхъ звукорядахъ.

Что же касается женскихъ хоровыхъ пѣсенъ, то если какая-нибудь изъ нихъ представляетъ строго научный интересъ, то только „Пѣсня узника" за № 5, которая интересна своими квинтовыми параллельными ходами, хотя нужно сказать, что и здѣсь второй голосъ своими безпрерывно терцевыми ходами свидѣтельствуетъ о европейскомъ вліяніи. Остальные же по своимъ оборотамъ, какъ, напр., въ пѣснѣ № 9 второй тактъ, въ № 14 шестой тактъ, № 19 третій тактъ дополняютъ лишь только-что сказанное. Въ глухой деревнѣ врядъ ли крестьянки, т.-е. простой народъ, могли бы такъ спѣть: это дѣло людей коснувшихся музыкально-европейской культуры.

Такимъ образомъ, въ пѣсняхъ г. Гроздова мы встрѣчаемъ матеріалъ не весь чисто-мингрельскій, а находящійся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ грузинскихъ вѣтвей, за исключеніемъ сольныхъ пѣсенъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ интересны. Но возвращаемся къ прерванному.

Итакъ, что же? Есть ли у мингрельцевъ своя собственная хоровая пѣсня, отличающая ее отъ гурійской или другихъ грузинскихъ вѣтвей, или нѣтъ?

Мое мнѣніе положительное. Пѣсня своя у нихъ есть, хотя записанныхъ мы пока имѣемъ незначительное количество. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ „Абадэла вадила—вадон цквири обишхас", „Джгири джгириша" и въ особенности свадебная пѣсня „Кучха бединера", которая имъ принадлежитъ такъ же, какъ гурійцамъ, имеретинамъ, карталинцамъ, кахетинцамъ „Макрули", пшавамъ „Джварис цінаса", мохевцамъ „Джорули" и т. д. Объ этой свадебной пѣснѣ, какъ и при какихъ условіяхъ она исполняется, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Предварительно о самомъ обычаѣ.

---

[3]) Рукопись этого сборника была любезно прислана мнѣ Хр. Ник. Гроздовымъ. Пользуюсь случаемъ выразить ему самую сердечную благодарность за нее.

Свадьба у мингрельцевъ не сопровождается какими-либо особенно оригинальными обрядами. На „авось“ здѣсь не сватаютъ, такъ какъ отказъ влечетъ за собою вражду, покражу невѣсты, а подчасъ и рѣзню. Покража невѣсты — дѣло не рѣдкое. Причиною покражи бываетъ отказъ или самой невѣсты или ея родныхъ. Фактъ покражи—большое безчестье какъ для дѣвушки, такъ и для всей семьи ея. Позоръ этотъ можетъ смыться только бракомъ съ похитителемъ. Если же похищенная все же не пожелаетъ выйти за похитителя, то она вынуждена будетъ переносить презрѣніе не только всего общества, но и родныхъ своихъ. Кромѣ того, краденая дѣвушка, въ силу презрѣнія къ ней, не можетъ разсчитывать на какой бы то ни было бракъ.

Мингрельцы.

Въ обыкновенной свадьбѣ дѣло ведется такъ:

Женихъ избираетъ довѣренныхъ, и мужчинъ по преимуществу. Довѣренные отправляются къ избранной въ домъ и дѣлаютъ предложеніе отъ имени жениха сперва роднымъ, а потомъ невѣстѣ. Тутъ же ведутся переговоры о приданомъ и о срокѣ свадьбы: послѣдній опредѣляется обоюднымъ соглашеніемъ.

Когда приданое готово, то назначается день увода невѣсты. Въ этотъ день близкіе жениха и невѣсты собираются въ домѣ послѣдней и кутятъ до вечера, послѣ чего, обыкновенно въ сумеркахъ, открываютъ торжественное шествіе невѣсты въ домъ жениха. Впереди несутъ и везутъ ея приданое, за нимъ идетъ невѣста, сопровождаемая близкими родственниками, а позади остальная публика. Хоръ при этомъ всю дорогу поетъ свадебную, соотвѣтствующую данному моменту, пѣсню: „Бедидо кучха бединера“, что значитъ: „Счастье, сдѣлай уходъ твой счастливымъ“. Пѣніе сопровождается частыми выстрѣлами... Актъ увода невѣсты, помимо церковнаго обряда и таинства связываетъ брачущихся неразрывными узами въ силу стариннаго обычая [1]) или обычнаго права [2]).

Пѣсню эту запѣваетъ второй голосъ, за нимъ вступаетъ басъ, исполняя ее на органномъ пунктѣ, а затѣмъ поетъ первый голосъ, исполняя ее то съ „криманчули“, т.-е. руладами, то безъ послѣднихъ, притомъ первый со вторымъ голосомъ поютъ попеременно, чередуясь съ двумя другими [3]).

---

[1]) Аналогичный обычай существуетъ у карачаевцевъ и осетинъ. (Мы можемъ добавить, что онъ существуетъ еще у армавирскихъ очеркесившихся армянъ. Д. А.)

[2]) „Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ“. *Я. Тенцова.* (Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 18).

[3]) См. пѣсню въ сборникѣ г. Бепашвили.

Вся эта пѣсня, со всею своею церемоніей, совершенно аналогична съ кахетинскою свадебною пѣсней „Макрули“. Отличаетъ ее только напѣвъ и затѣмъ слова въ послѣдней: „Идемъ и радуемся“, что также можетъ служить отголоскомъ удачнаго нападенія на извѣстную семью для похищенія невѣсты [1]).

VII.

Итакъ, возвращаясь къ прерванному, я бы характеризовалъ мингрельскую хоровую пѣсню такимъ образомъ: тѣ пѣсни, которыя общи съ гурійскими, имѣютъ тотъ же порывистый и жизнерадостный характеръ. Ихъ большинство. Что же касается меньшинства, то онѣ не обладаютъ вышеуказанными особенностями и носятъ болѣе минорный отпечатокъ. Какъ извѣстно, гурійская мужская пѣсня минора почти не знаетъ; тамъ все въ пѣснѣ искрится, движется, играетъ, чего въ нѣкоторыхъ категоріяхъ мингрельскихъ пѣсенъ мы не видимъ.

Это мы говоримъ про пѣсни меньшинства, которыя отличаются нѣсколько отъ гурійскихъ; что же касается большинства, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя мы знаемъ, то онѣ безусловно по характеру своему общи съ гурійскими. Въ особенности на это указываютъ хороводныя пѣсни „Перхули“, которыя имѣютъ тѣ же обороты и прелесть мелодіи, оригинальность контрапункта, тотъ же ритмъ, ту же поперемѣнную форму исполненія и манеру передачи. Если бы я взялъ другія категоріи пѣсенъ, мнѣ пришлось бы только повторяться, а потому я ограничусь вышесказаннымъ.

Пѣсни ихъ также дѣлятся на двѣ группы, т.-е. на пѣсни съ „криманчули“ и безъ нихъ, на полифонныя и гомофонныя, и все, что мы говорили по этому поводу о гурійской пѣснѣ, равносильно и въ мингрельской.

Полифонизмъ у нихъ, разумѣется, общій съ гурійцами, и, слѣдовательно, объясненіе его и гомофонизма у карталинцевъ и кахетинцевъ одинаковое.

Все, что приходилось говорить относительно ритма и записи въ гурійской пѣснѣ, то же самое нужно сказать и здѣсь [2]). Что же касается технической стороны вопроса, то здѣсь намъ придется немного остановиться.

Въ трехголосныхъ пѣсняхъ мингрельцевъ мы встрѣчаемъ различные звукоряды. Такъ, напр., если мы отбросимъ въ данной плясовой пѣснѣ верхній голосъ, представляющій изъ себя подголосокъ, то увидимъ чередованіе квартъ la-re (какъ въ этомъ, такъ и въ друг. случаяхъ поютъ мужскіе голоса) съ квинтами la-mi и далѣе—квартъ do fa съ тѣми же квинтами. (См. № 20 въ прил.).

Обративъ вниманіе на главные устои пѣсни „Чарирама“ (приводимъ пѣсню подъ № 21), мы увидимъ въ основѣ звукоряды трихорда въ квинтѣ.

Далѣе, отбросивъ въ хороводной пѣснѣ за № 22 верхній голосъ, представляющій изъ себя подголосокъ (легкій „криманчули“), мы увидимъ пѣсню въ квинтѣ. Разсматривая далѣе и далѣе, мы увидимъ пѣсни или въ предѣлахъ восьмизвучнаго звукоряда или такія, которыя находятся не въ одномъ какомъ-либо звукорядѣ, а въ нѣсколькихъ, какъ, напр., „Татари да руси чхубобс“, представляющія изъ себя дальнѣйшую свободную эволюцію пѣсни, т.-е. переходъ пѣсни изъ простыхъ формъ въ болѣе сложныя, какъ и у гурійцевъ. Говорить здѣсь о какихъ-либо древне-греческихъ или церковныхъ

---

[1]) *А. С. Хаханов*. „Очерки по ист. груз. слов.“. Вып. I, стр. 18.

[2]) См. мою статью о гурійской пѣснѣ.

ладахъ въ пѣсняхъ, особенно послѣдняго періода, было бы странно, такъ какъ все здѣсь сводится къ творчеству самого народа, какъ въ созданіи музыки, такъ, разумѣется, и техническихъ основъ, сообразно съ общимъ прогрессомъ и культурою его. Если еще можно допустить какое-нибудь вліяніе ладовъ въ мингрельской пѣснѣ въ нѣкоторыхъ ея категоріяхъ, то это только ладовъ византійскихъ, которые могли войти въ народное пѣніе черезъ церковь, хотя и здѣсь нужно оговориться, что они могли войти въ свое время, когда народъ могъ удовлетвориться напѣвомъ одноголоснымъ, болѣе простымъ. Долго онъ на этомъ не могъ остановиться, и мы видимъ, дѣйствительно, что онъ далеко ушелъ, разработавъ пѣсню до степени трехголосія, съ интереснѣйшею гармоніей и контрапунктомъ. Такимъ образомъ, все то, что мы видимъ въ настоящій моментъ, есть достояніе народа, продуктъ его духа, его прогресса, его культуры. Таковы положенія въ общихъ чертахъ. Что скажетъ дѣло дальнѣйшаго изслѣдованія въ подробностяхъ, мы не знаемъ.

Здѣсь умѣстно было бы коснуться и народной музыки турокъ, прослѣдить, не имѣли ли они какого-нибудь вліянія на мингрельцевъ съ той или иной стороны (хотя музыка у нихъ, насколько намъ извѣстно, одноголосная). Не имѣя по этому вопросу никакихъ свѣдѣній, намъ приходится, къ сожалѣнію, вопросъ оставить открытымъ.

VIII.

Изъ всего вышесказаннаго, я думаю, для читателя стало яснымъ, насколько пѣсня мингрельцевъ тожественна съ гурійской и какія она имѣетъ отличія какъ въ одноголосной, такъ двух- и трехголосной пѣснѣ. Мнѣ остается только дополнить свое первое положеніе и затѣмъ указать на общность мингрельской пѣсни съ карталино-кахетинской и пшаво-хевсурской.

Названіе голосовъ — перваго, второго и третьяго — у мингрельцевъ то же, что у гурійцевъ (см. статью о гурійской пѣснѣ). Способъ исполненія тотъ же. Гармонія и контрапунктъ одинаковы. Относительно гармоніи, между прочимъ, нужно сказать, что у нихъ есть пѣсни съ большими фокусами. Такъ, наприм., пѣсня „Дэли водэли водэла“ начинается въ одной тональности и кончается такимъ образомъ, что дальше начинать пѣсню съ начала необходимо секундой выше. Есть такія, которыя постепенно отклоняются въ сторону, модулируя въ различные строи, а потомъ возвращаются къ началу, какъ въ одной изъ формъ кахетинскаго „Чакруло“.

Далѣе у нихъ полная аналогія въ формахъ пѣсни и попеременности.

Чѣмъ она аналогична съ пѣснями другихъ грузинскихъ вѣтвей?

Во-первыхъ, своими техническими основаніями, такъ какъ въ основѣ своей одноголосной музыки она имѣетъ тѣ же звукоряды, какіе имѣютъ пшавы, хевсуры, карталинцы, кахетинцы и гурійцы, т.-е. кварта, какъ основная единица, далѣе—кварта плюсъ секунда сверху, потомъ квинта и другіе звукоряды.

Затѣмъ мингрельская пѣсня аналогична съ двухголосной, имѣя однѣ и тѣ же основы съ пшавами, карталинцами, кахетинцами и гурійцами.

Въ трехголосной также, но только съ карталинцами, кахетинцами и гурійцами, такъ какъ намъ неизвѣстно, есть ли у пшавовъ пѣсни на три голоса.

Далѣе, аналогію мы видимъ въ тѣхъ же $^4/_6$ аккордахъ и смѣлыхъ оборотахъ гармоніи между послѣдними тремя грузинскими вѣтвями и попеременности формъ пѣсенъ, аналогичной для всѣхъ перечисленныхъ вѣтвей.

Итакъ, чѣмъ же отличается пѣсня мингрельской семьи грузинской вѣтви отъ перечисленныхъ вѣтвей? Только характеромъ музыки, живой и подвижной, когда она обща съ гурійскими трехголосными пѣснями, и менѣе живой и подвижной и болѣе грустной, когда она мингрельская. Это—въ трехголосныхъ. Въ одноголосныхъ же ее отличаетъ глубокій лиризмъ.

Намъ остается сказать два слова объ инструментахъ мингрельцевъ.

Музыкальныхъ инструментовъ у мингрельцевъ мнѣ пришлось встрѣтить два. Это чонгури, о которомъ я уже говорилъ, и чанги [1]). Относительно послѣдняго я считаю нелишнимъ сообщить слѣдующее. Какъ-то весною, описывая грузинскіе музыкальные инструменты въ Дашковскомъ Этнограф. музеѣ, я встрѣтился съ академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ, который, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что совсѣмъ не знаетъ и не имѣетъ представленія объ инструментѣ чанги, упоминаемомъ въ произведеніяхъ древнихъ персидскихъ поэтовъ (у знаменитаго грузинскаго поэта XII в. Шота Руставели о немъ также упоминается). Теперь этотъ чанги найденъ и представляетъ изъ себя не что иное, какъ ручную трехугольную (я думаю, финикійскую) арфу. Видѣнная мною арфа (по словамъ владѣльца, его арфа есть копія съ инструмента рачинскаго князя Гугунава) имѣетъ небольшой четырехугольный корпусъ, вершковъ семь или восемь длины, вершка два высоты и полтора ширины. На декѣ расположены въ два ряда (по семи) продушины, между которыми вдавливаются колышками девять струнъ. На каждой изъ стѣнокъ тоже по три продушины. За корпусомъ идетъ ручка, которая соединяется съ вертикальной рамой вершковъ 13 высоты, съ прорѣзомъ посрединѣ. На обратной сторонѣ рамы расположены колки. Струны изъ крученыхъ шелковыхъ нитокъ, какъ въ чонгури. Играютъ на немъ, или положивъ инструментъ на колѣни, или же на столъ. Въ настоящее время инструментъ этотъ принадлежитъ г-жѣ Аннетѣ Чавава, которую я никакъ не могъ упросить поиграть на немъ для того, чтобы узнать строй и музыку на этомъ инструментѣ.

Въ заключеніе я долженъ повторить то, что говорилъ раньше въ другихъ работахъ: мингрельская народная пѣсня ждетъ своего изслѣдователя, который болѣе подробно остановится на каждой категоріи пѣсенъ отдѣльно. Это, разумѣется, будетъ тогда, когда обойдутся всѣ уголки Мингреліи, когда соберется весь матеріалъ. Музыкальнаго богатства въ этомъ краѣ очень много, въ особенности среди женщинъ; но только, чтобы всѣ эти богатства собрать, нужно знать хорошо край, всѣхъ лицъ, которыя хорошо играютъ на чонгури, нужно имѣть хорошихъ руководителей. До тѣхъ же поръ, пока не будетъ все собрано, придется говорить только въ общихъ чертахъ, какъ мы и сдѣлали. Намъ остается прибавить къ этому, что и сравнительный обзоръ народной пѣсни данной грузинской вѣтви, насколько намъ извѣстно, является впервые.

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что у нихъ имѣются еще инструменты: во 1) пастушій „сасцрапо“, представляющій изъ себя соединеніе шести маленькихъ свирѣлей различныхъ тоновъ и аналогичный по формѣ съ румынскимъ „наемъ“, и затѣмъ во 2) „саквири“, представляющій изъ себя обитую сверху жестью трубу около двухъ аршинъ высоты, съ довольно широкимъ раструбомъ. Эта труба употребляется у нихъ въ настоящее время для созыва схода. Она имѣетъ много общаго съ „карнаемъ“, военною трубой жителей Средней Азіи. Такой же формы инструментъ имѣется и въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ въ Москвѣ.

Тексты мингрельскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ.

1. მზე შინაო, მზე შინაო.

მზე შინაო, მზე შინაო,
მზე შინ შემოდიო!

2. დიდო ღმერთო.

მე თუ ქმარსა თუ მაღირსებს
დიდებული დიდი ღმერთი,
აქა ვინმე მეღირსება
საკადრისი ვინმე ერთი.

ვინაობას თუ მიკითხავთ,
ვარ ღარიბი ვინმე ქალი;
სხვისი ცეცხლი გულსაც მიკლავს,
ვერ გაუძლებ მე საწყალი.

3. მე თუ ქმარსა თუ მაღირსებს.

(იხ. მეორე ნომერი).

4. დუდი ოყვილარიმაფუ...

დუდი ოყვილარიმაფუ, საქმექ თეში
გინი მართუ; ნანა.
მარა სინდისის უკჯინექ, დია უჩა ვამი ლაფა.
ვორწყექინი ვიჭყუქ, ვარდა გვალო
გური მიდურუ
თინა მეგულებუნ ექი, ოში ვერსის
კუჩხით ულუ.
ასე ლეხი მა ბჯანუქ, თიშ უოროფათ
განაჭირი
თე ჭუაშე მირსხენდუნი ფერ მითინი
ვაბმირი,
თე დღა თაში მო ბმუდუდა დღაშახ
მუ შენ ვადო ზილი.
«გინდა ზილი, გინდ მაცოცხლი, გინდ
წუარც მოშქვიდეე»,
ფერ წამალი დომიგორი, თე ჭუაშე
დოფსქიდეე.

1. Солнце [1]).

Солнце въ домъ, солнце въ домъ,
Солнце, взойди въ домъ!

2. Великій Богъ.

Если Великій Богъ
Меня удостоитъ мужа,
То здѣсь имѣется въ виду
Достойный меня.
Если вы меня спросите о моемъ
соціальномъ положеніи,
То я бѣдная дѣвушка.
Несчастіе другихъ меня трогаетъ,
И я не могу быть равнодушной.

3. Если Великій Богъ...

(текстъ тотъ-же, что и во второмъ номерѣ).

4. Я хочу погубить себя...

Я хочу погубить себя, до того мнѣ
стало невыносимо.
—Пока отъ этого меня удерживаетъ
совѣсть, которую я не опорочилъ.
Когда я ее вижу, страсть овладѣваетъ
мною; когда нѣтъ—тоскую по ней.
Готовъ пройти сто верстъ
къ возлюбленной своей.
Сейчасъ я сильно боленъ отъ чрез-
мѣрной любви къ ней.
И если это страданье меня ожидало,
то къ чему я родился?
«Или дай мнѣ жить, иль убей, утопи!»
Измѣнница любовь наполнила
мое сердце скорбью.

---

[1]) Текста этой пѣсни мнѣ не сообщили. Онъ, вѣроятно, аналогиченъ какъ съ гурійскимъ, такъ и карталино-кахетинскимъ текстами.

5. ვარა ნანი, ვარა ნანი.

ვარა ნანი, ვარა ნანი, ვარი ჭიჟე
ვარა ზანი;
ჭიჟე ფითქვინი, ზანი ვარე, ზანი
ფითქვინი, სქვამი ვარე.
სქან ოროფა მაზეჭითიეში, კვესი
ვაჭუნც ოზედის;
ჩქიმი გური თიში მუკოზუ,
მუჭოთჩხომი ანკესის.
თან დაზალოთ გეხვეწუქუ;
ნუ დომიჭუმა ზედის?
ჩქიმი ჩილამური ვააქოსე სწორეთ
დიდი სალფეთქის.
ოროფას ვონდურუქ, გური
ალაჭვილი მაფუ.
უზედური ჩქიმი დუდი ვაი მუსუ
მოსხუმაფუ!
ლურა ღლაშა ვიტანჯეე, ფერი საქმე
დო მიჭყაფუ,
მოღალატე ოროფაქ გური სევდით
დომიღაფუ.

5. Вара нани, вара нани [1].

Вара нани, вара нани, или пѣть
первымъ, или вторымъ.
Запѣлъ первымъ—второй хромаетъ,
запѣлъ вторымъ—оказалось негодно.
Любовь къ тебѣ меня сжигаетъ, какъ
отъ искры кремня фитиль [2].
Мое сердце принадлежитъ тебѣ
такъ-же, какъ рыба водѣ.
Колѣнопреклоннено умоляю тебя,
не отравляй мою жизнь,
Иначе весь вѣкъ мнѣ придется
плакать и страдать;
Хотя и при этихъ условіяхъ
Я никогда тебя не забуду.

6. ოროფაი.

სიყვარულმა დამწვა-დამწვა, ხომ კი
იცი გამსწირა.
მე ვენდვე, და არდამინდო, ცხარე
ცრემლით მასტირა.

მიყვარს შენი შავი თვალი, და შურისა
დამთესავი.
ფიცით გეტყვი მოგახსენებ, არ ხარ
ჩემი ნათესავი.

სი დოხოჯი მაგალინა, სტოლს
ვაგონწყუაფუა
გონებუდა დო ხო ჯიდო, ვარდა
გოგულებაფუა.

6. Любовь.

Любовь изсушила мое сердце.
Я довѣрился ей, а она отвѣтила мнѣ
недовѣріемъ и заставила меня
плакать горькими слезами.

Люблю твои черныя очи, вселяющія
ревность.
Клянусь тебѣ и скажу, что ты все-же
не родственникъ мнѣ.

Ты сядь. Я за тобою буду ухаживать.
Накрою для тебя столъ.
Если тебѣ за столомъ надоѣстъ сидѣть,
то можемъ пойти гулять.

---

[1] Слово это тожественно съ грузинскимъ аралале.

[2] Фитиль-абеди дѣлается изъ древесной массы.

მიიღი, ბატია, ჩქიმი თხოვნა, ამის-
რული გურიში ნდომა!
ტყურაი ვეშემიდინუა ჩქიმი ხანდებადო-
შრომა.
სახე ანგელოზიშ გილუ, სირმაში გე-
გოწყვაფუ თომა.

Пріими, Батіа, мою просьбу, исполни
мое душевное желанье!
Пусть понапрасну не пропадаетъ моя
забота, мой большой трудъ.
Лицо у тебя ангельское, а плечи
украшаютъ золотые кудри.

7. ვაი, ღორონთი!

ვაი, ღორონთი, მუ შეგცოდი, მუს
გიჭირსა ჩქიმი რინა!
წარეთ შურსუ ჭკაშუნ ქუდო გოჯგო-
გელი მაფუ რინა.

ოროფა მწარე დღას ვეშ მანგარე, ცაშა
მეურც შურ მეუბარე;
ვა ოროფა ნიჭი სრული წამს ტკბილი
და დიდ ხანს მწარე.

7. О, Боже!...

О, Боже, въ чемъ я провинился!
Почему Ты меня не взлюбилъ!
Я еле дышу. Мнѣ опостылѣла жизнь
на этомъ свѣтѣ!

Несчастной любви своей забыть не могу.
Мои страданья доходятъ до небесъ.
За мигъ наслажденія съ тобой готовъ
идти на вѣчныя муки.

8. ადამიან კოჩიშ სქუას...

ადამიან კოჩიშ სქუას ნატრა მუთუნს
ვახვარუნო;
ნატრიქ კოცა გეურთუნი, მუთუნ წიგ-
ნის ვაჭარუნო;
ეგებ მითინ ქრისტიანეს თეცალ წიგნი
გობარუნო;
ქუმოთხიი შემწეობა გაჭირვებულს
ვახვარუნო:
ფერი სნეულება მოჭუ, ჩქიმი სქილადა
ვეშილებე,
წამალი მუთუნც ვამოხვარუ, ექიმც
დუდი დავანებე;
ცოცხალ ვორდე მუშოთ მოკო, წვალე-
ბაში თუდორინა
ნატრით ვიშერებუქ ჭდო ვიეზოტინუ,
მუ ფქიმინა!

8. Человѣку...

Человѣку не надлежитъ гадать.
Если-же желанье исполнилось, то это
написано въ книгѣ судебъ.
Быть можетъ какая нибудь христіанская
душа знаетъ объ этой книгѣ,
Тогда пусть она укажетъ, или одолжитъ
ее, чтобы я могъ вычитать
лѣкарство отъ своего недуга.
Я страдаю такой болѣзнью, что помочь
мнѣ едва-ли возможно.
Отъ врача я отказался и лѣкарство
не принимаю.
Я такъ изстрадался, что жизнь мнѣ
тяжка.

ეჭე, ჩიტი, ქოფურინი, ქემეული თენა
თის!
ენახეს ქიმეჩიდო, ართი ქააჯუდი ზიც!
ან ფერ სქანი ჩიტო ბას, მუს მომიღა
დუნართის,
მუთუნ ქაარაგადაფე ართი ჩქიმოთ
დინაფილს!

Птичка, расправь крылья и полети
къ ней, снеси мой поцѣлуй!
Ты знаешь, птичка, что передать и
чѣмъ облегчить мое сердце.
Заставь ее, для меня утраченную,
высказаться.

9. საარშიყო.

სიყვარულმა დამწვა-დამწვა, ხომ კი იცი გამსწირა;
ვის მე ვენდვე, არ დამინდო, მწარე ცრემლით მასტირა.
ვისაც ვსთხოვე წამალი, ხინა დამალევინა;
მას ეგონა ციება, სული გამაცხებინა.

მიყვარს შენი შავი თვალი, და შურისა დამთესავი,
ფიცით გეტყვი, მოგახსენებ, არ ხარ ჩემი ნათესავი.

10. მეგრული არანანუ.

ვორირა, ვორირა, ვორირა-დილა!
დილი-დილი-დილა, დილი-ვოდილა,
ვოდილა რანინაო!

11. მუ ფქუმინა ბედი ჭვილქუ!

მუ ფქიმინა ბედი ჭვილქუ! დილავ ნანაო.
ირო ართო მასი ფშუქა;....
ბრელი შახი მიიმნდომი....
სქანი აშა ჭყოლი დაფა;....
მარა მუთუნქ ვაგო მირთუ,....
დუც ვოშირი ტურათ ჟაფა....
აწი შვიდობითი ბატა;....
სი ჩქიმ იმედითი ვარდა:....
სქანი დო ჩქიმი ყოროფას....
გულირი აფუ ვადა....

12. მიკვირს...

მიკვირს, როგორ ღმერთმა ჩემზედ, ნეტა როგორ მოიცალა,
წყეთი სოფლის დროს ტარება მე სულ ალარ დამაცალა.
ჩემ სატურფო ლოდვის შვილი ჩემს სიყვარულს ეურჩება.
დატანჯული ჩემი გული იმას როგორ გადურჩება!

9. Любовная.

Любовь изсушила мое сердце.
Та, которой я довѣрился, отвѣтила мнѣ недовѣріемъ и заставила меня плакать горькими слезами.
У кого я просилъ лѣкарства—тотъ напоилъ меня хиной.
Ему казалось, что у меня лихорадка, и я чуть не разстался съ жизнью.

Люблю твои черныя очи, вселяющія ревность.
Клянусь тебѣ и скажу, что ты все-же не родственникъ мнѣ.

10. Мингрельская колыбельная.

Ворира, ворира, ворира-дила!
Дил-дил-дила, дил-водила,
Вадила ранинао!

11. Скажи...

Скажи, что дѣлать мнѣ несчастному,
Вспоминающему тебя ежеминутно!
Хотя я желаю тебя забыть,
Но не могу.
Прощаюсь съ тобой, милая!
Для тебя я потерянъ.
Ты меня разлюбила.

12. Удивляюсь...

Удивляюсь, какъ у Бога нашлось время обратить на меня вниманіе!
Онъ прямо не далъ мнѣ насладиться жизнью.
Первенецъ моей любви отвергаетъ меня.
Измученное мое сердце врядъ-ли это переживетъ.

13. სიმღერა (უტექსტოდ).

14. ფერხული ჩონგურზედ (უტექსტოდ).

15. ფერხული ჩონგურზედ (ვარიანტი).

16. მელოდია ჩონგურზედ.

17. ლეისონ და კირია.

ლეისონ და კირია, ლეისონ და კირია.

18. ფერხული.

ო-ოხო, ო-ოხო! ო-ოხო, ო-ოხო!

19. ფერხულის № 18-ს გაგრძელება.

დელი-ვოდელი-ვოდელა, ვოდელია-რანინა!

20. სათამაშო.

ვადილა-ე, ვადილა-ე, ვადილა ორერა.

21. ჩარირამა.

ჩარირამა, ჩარირამა, ჩარირამა ბიცოლა!
აბადელი-ვოდელი-ვოდელა ჩა.

22. ფერხული.

ორი-ოხო, ოხო, ოხო! ორი-ოხო, ოხო, ოხო!

23. ფერხული (მეორე).

24. სატვვევი.

25. ორი ოდელია.

ორი ოდელია, დილ-დილ-დილა ვოდელია.
ორიდილა, დილა-დილა, ვოდილა ნა.

26. ვადილა.

აბადელა, ვადილა, აბარერა,
ივორერა, ნანინა, ჰეი!

---

13. Пѣсня (безъ текста).

14. Хороводная на чонгури (безъ текста).

15. Хороводная на чонгури (одинъ изъ варіант.)

16. Мелодія на чонгури.

17. Лейсонъ да киріа.

Лейсонъ да киріа, лейсонъ да киріа.

18. Хороводная.

О-охо, о-охо! О-охо, о-охо!

19. Хороводная (продолженіе № 18).

Дэли водэли-водэла, водэліа ранина!

20. Плясовая.

Вадилà-э, вадила-э, вадила орера.

21. Чарирама.

Чарирама, чарирама, чарирама Бицола. (жена дяди)!
Абадэли-водэли-водэла ча.

22. Хороводная.

Ори-охо, охо, охо! Ори-охо, охо, охо!

23. Хороводная (вторая, поется на гласную э).

24. Плясовая (мелодія).

25. Ори одэліа.

Ори-оделіа, дил-дил-дила водэліа.
Оридила, дила-дила, водилà на.

26. Вадилà.

Абадэла, вадила, абарера,
Иворера, нанина, ей!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мингрельскія пѣсни въ народной гармонизаціи.

Настоящее приложеніе состоитъ изъ 26 мингрельскихъ пѣсенъ, которыя я записалъ въ гг. Москвѣ и Поти Кут. губ. Въ Москвѣ хоровыя пѣсни за №№ 20, 21, 22 и 23 я записалъ отъ гг. П. Басилая, Н. Мачаваріани и П. и А. Дгебуадзе, а сольныя № 1 отъ П. Басилая, 13-же, 14, 15 и 16 отъ своего пріятеля, очень хорошаго чонгуриста, Порфирія Іулоновича Дгебуадзе. Отъ него же записаны и двухголосныя хоровыя пѣсни. Затѣмъ въ г. Поти, по его же рекомендаціи, мнѣ пришлось фонографировать пѣсни у его родственницы г-жи Урсасанъ, оказавшей мнѣ широкое содѣйствіе. Благодаря ей мнѣ удалось фонографировать, между прочимъ, восемь мингрельскихъ пѣсенъ отъ г-жи Эзопины Чачава, пѣвицы съ большимъ дарованіемъ.

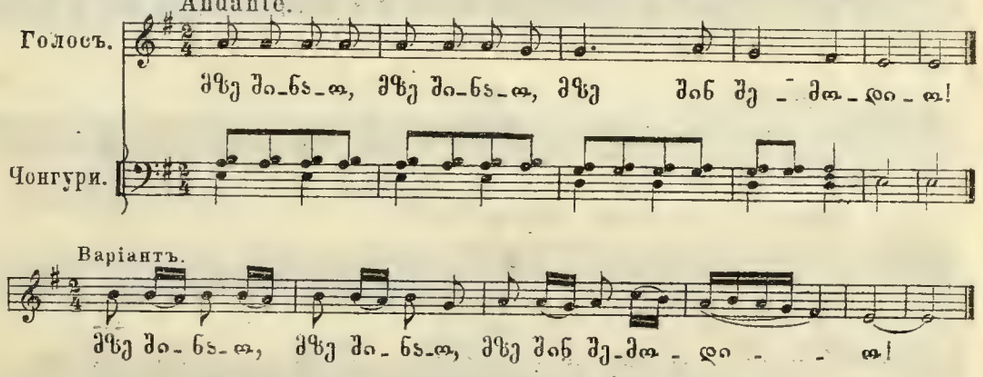
Нынѣ, выпуская въ свѣтъ эти пѣсни, а также записанныя въ Москвѣ, я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, какъ исполнявшимъ напѣвы, такъ и способствовавшимъ мнѣ такъ или иначе въ этомъ трудномъ дѣлѣ, и кромѣ того, А. Д. Кваліашвили, помогавшему мнѣ въ переводахъ пѣсенъ съ грузинскаго на русскій языкъ.

მეგრული
ეროვნული სიმღერები,
ჩაწ. 1900-1902 წ., დიმიტრი არაყიშვილის მიერ.

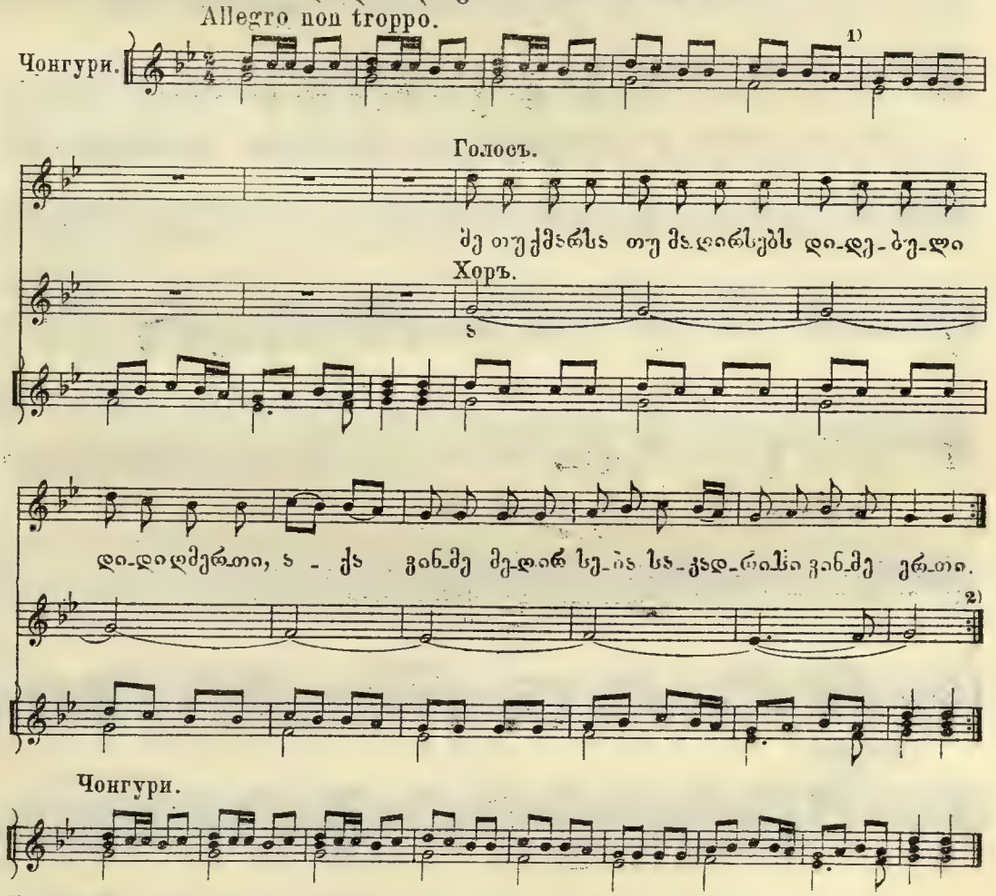
МИНГРЕЛЬСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,
зап. въ 1900-1902 г. Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ.

№1. მზე შინაო, მზე შინაო! СОЛНЦЕ, ВЗОЙДИ ВЪ ДОМЪ!

Andante.



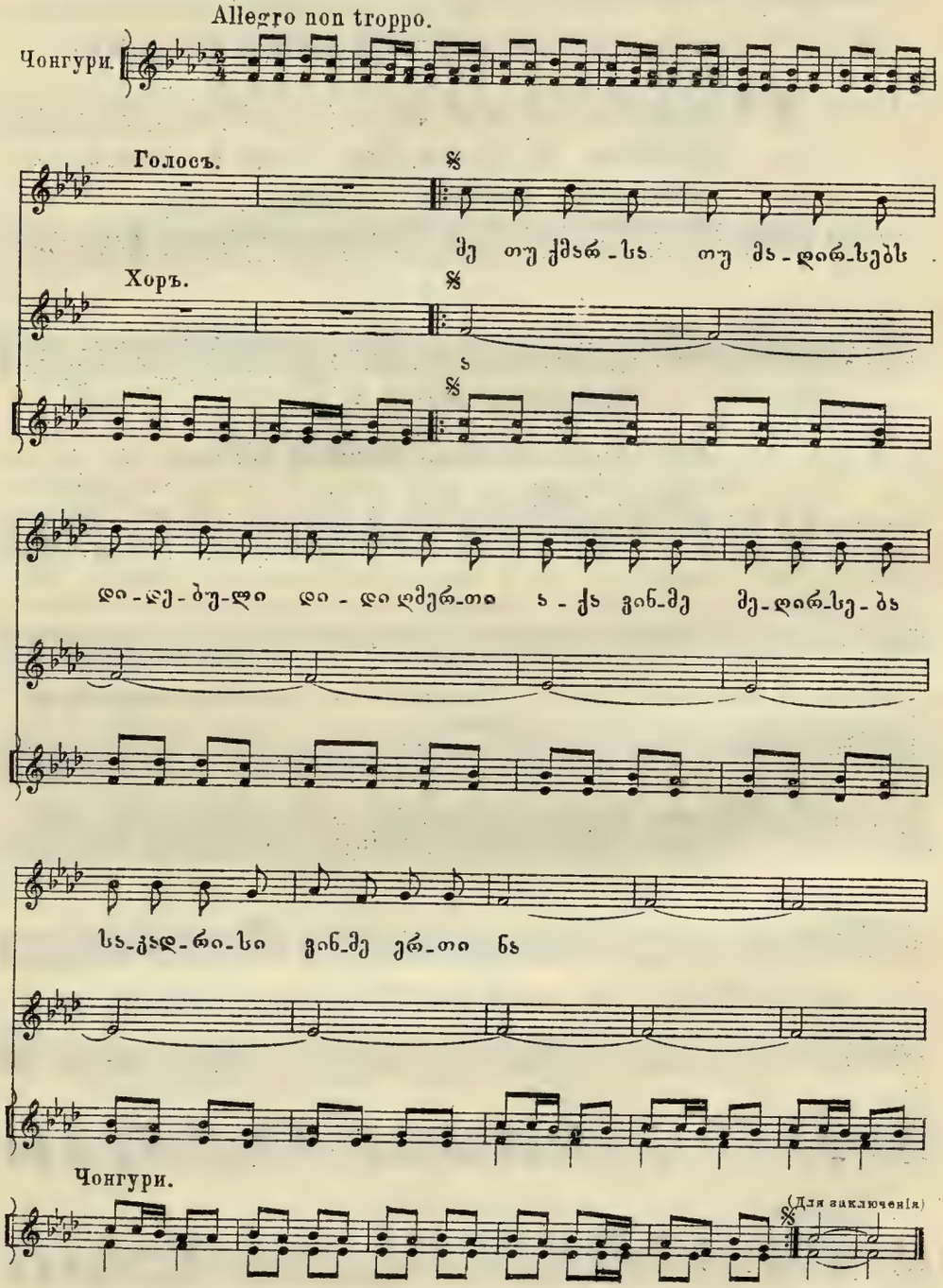
№2. დიდი ღმერთი. ВЕЛИКІЙ БОГЪ...



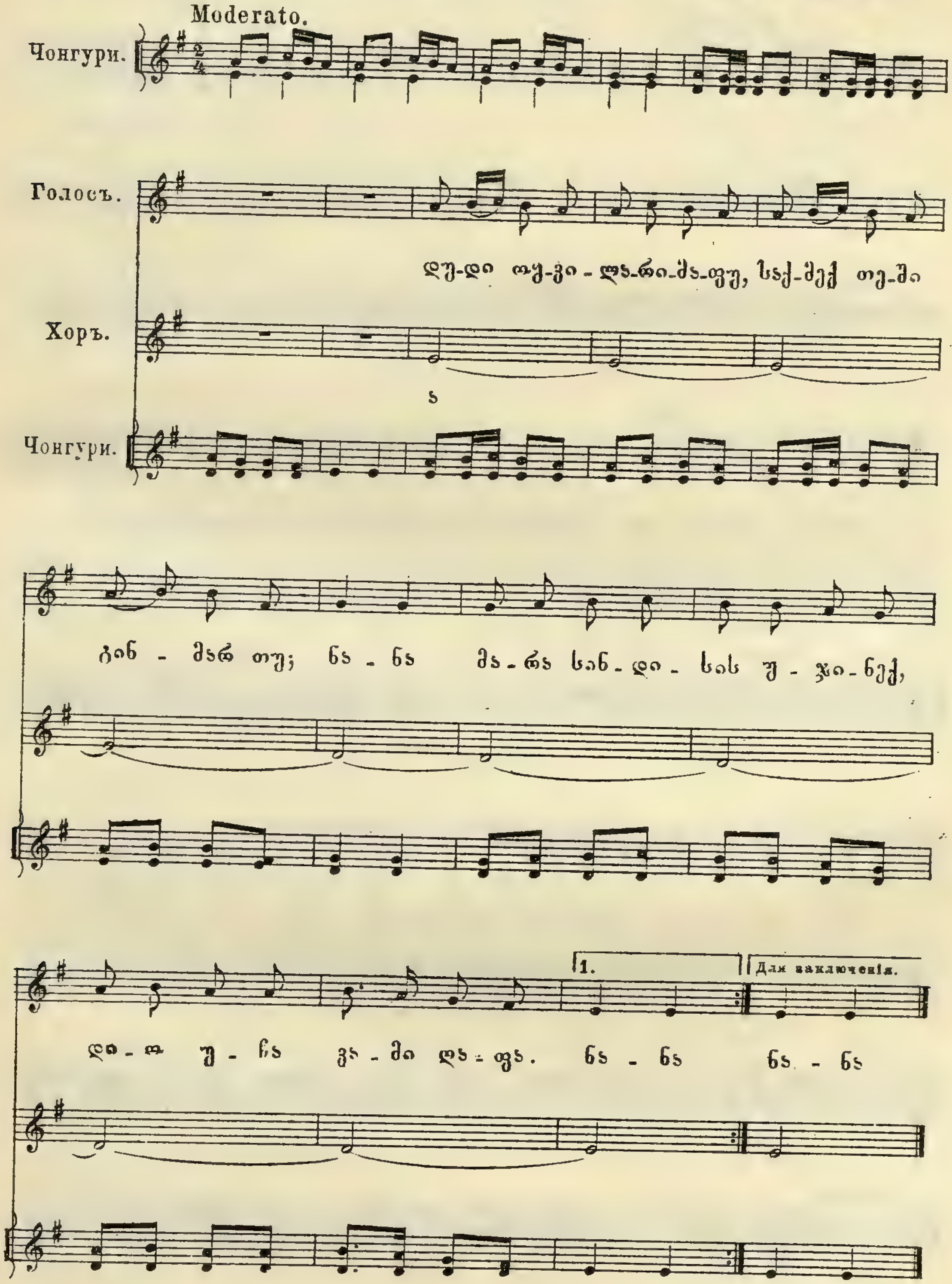
Труды Муз.-Этнограф. Комиссіи, т. II.
Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

1) Звукъ, по сравненію съ фортепіано, ниже.
2) Текстъ второй половины пѣсни неясенъ и сдѣланъ по своему.

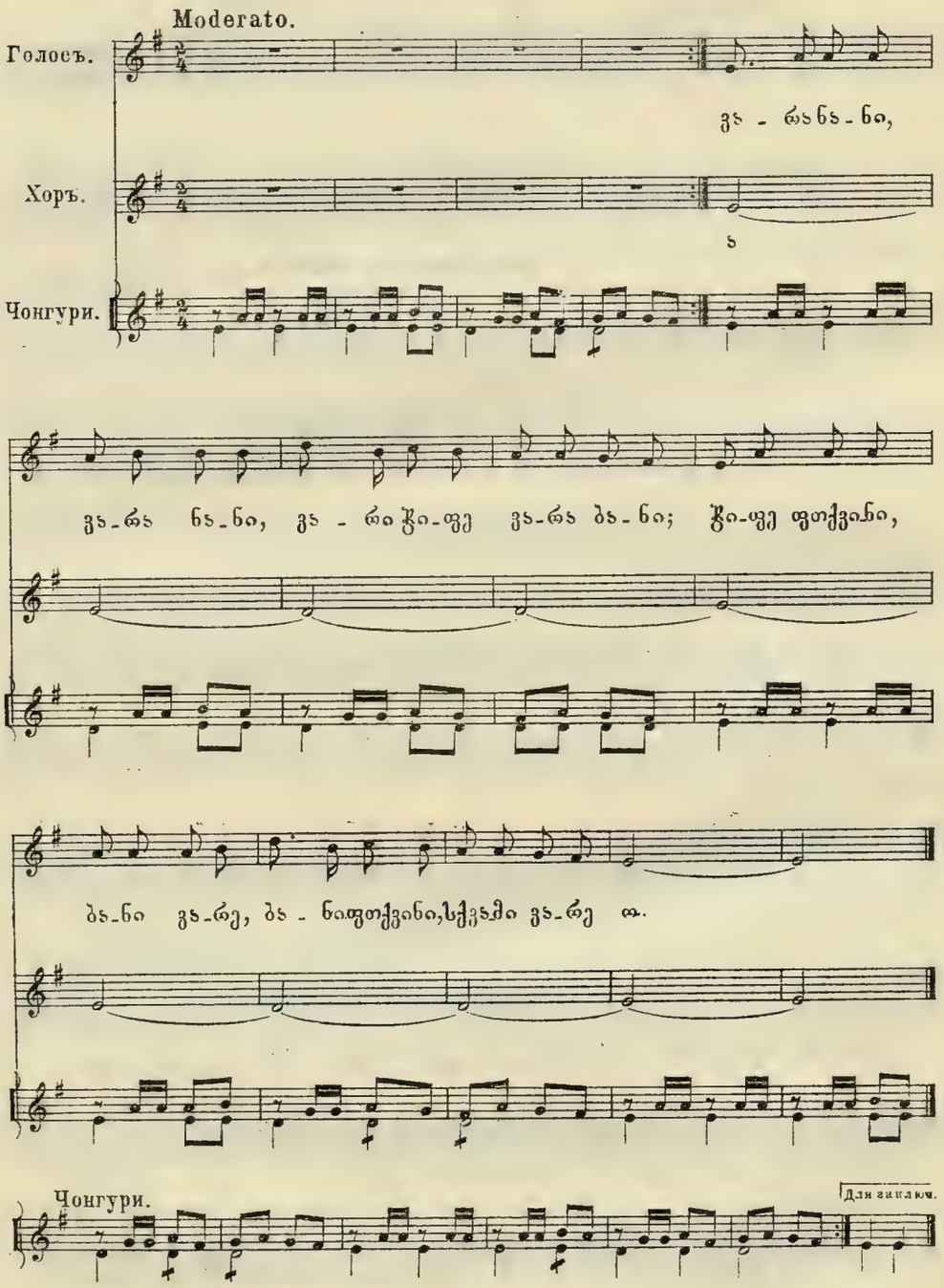
№3. მე თუ ქმარსა თუ მდიერსებს.. ЕСЛИ ВЕЛИКІЙ БОГЪ.



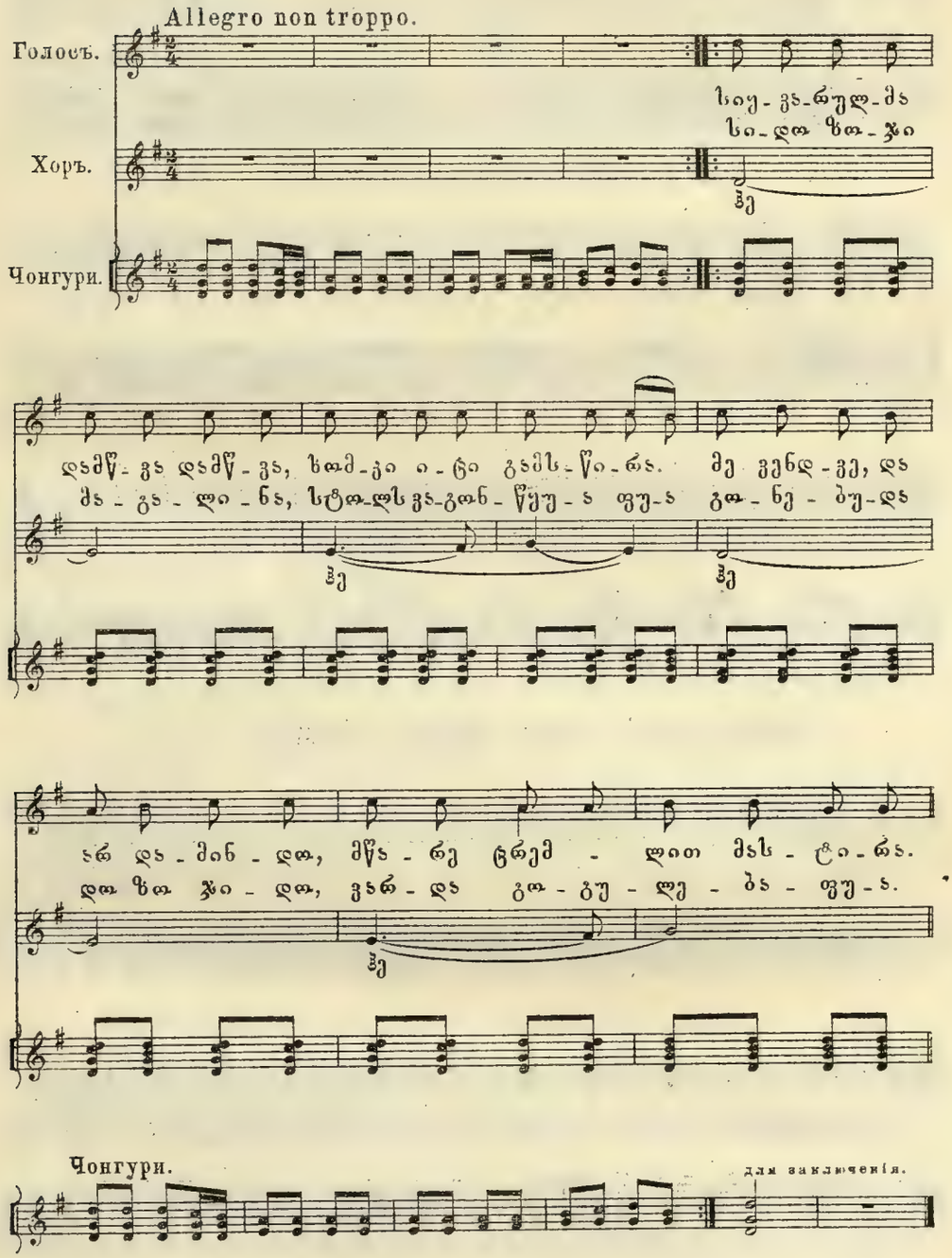
№ 4. დუდი თუვილარიმაფუ... Я ХОЧУ ПОГУБИТЬ СЕБЯ...



№5. ვარა ნანი, ვარა ნანი. ВАРА-НАНИ.

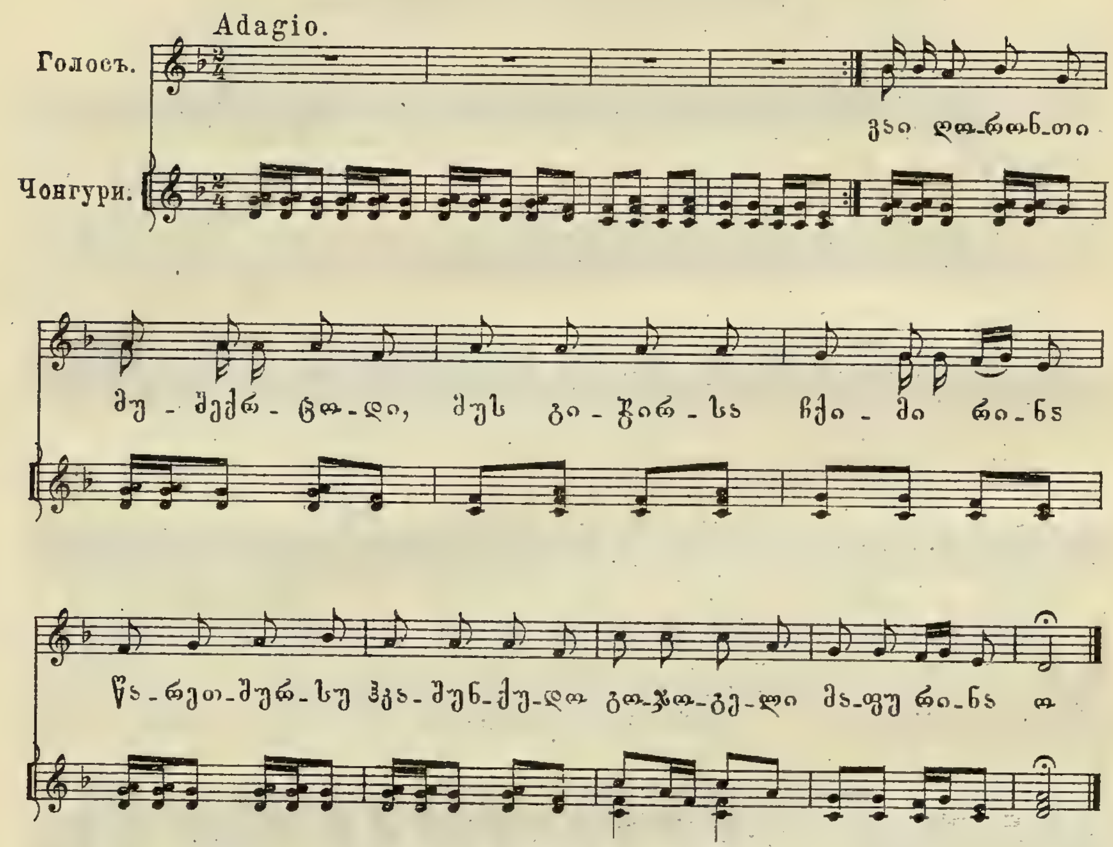


№6. ᲛᲠᲗᲝᲑᲐ. ЛЮБОВЬ.*)

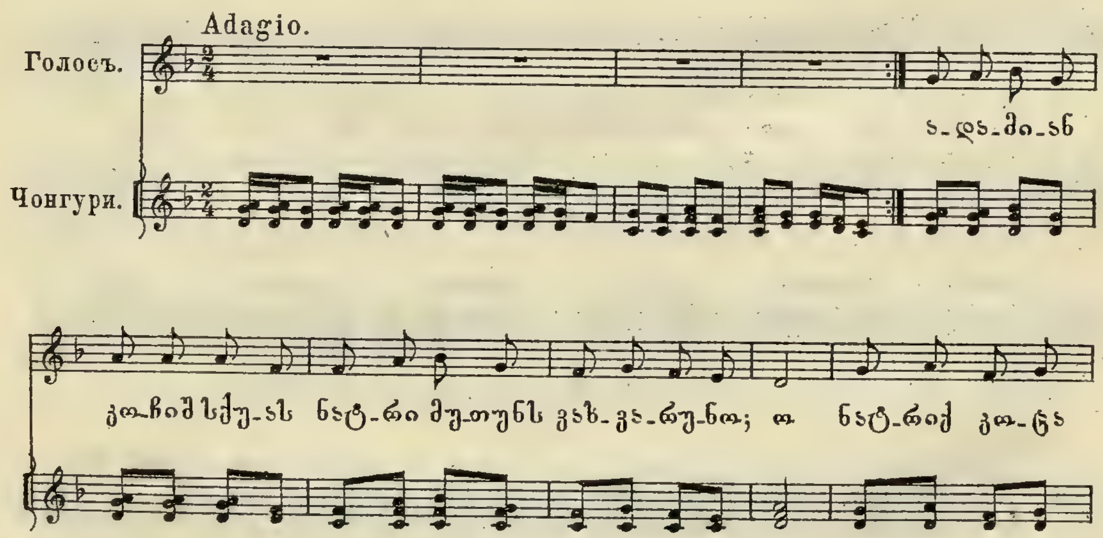


*) Въ этой пѣснѣ вторая строчка стиха, представляетъ изъ себя точный оригинальный текстъ.

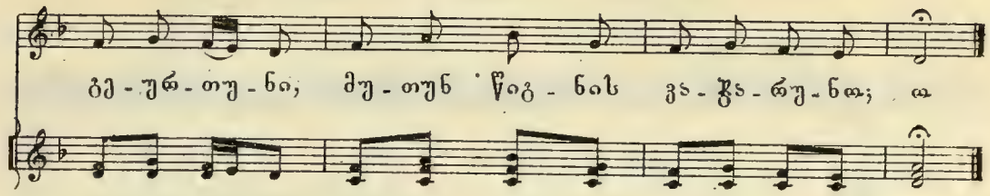
№7. ვაი, ღორონთი!.. О, БОЖЕ!..



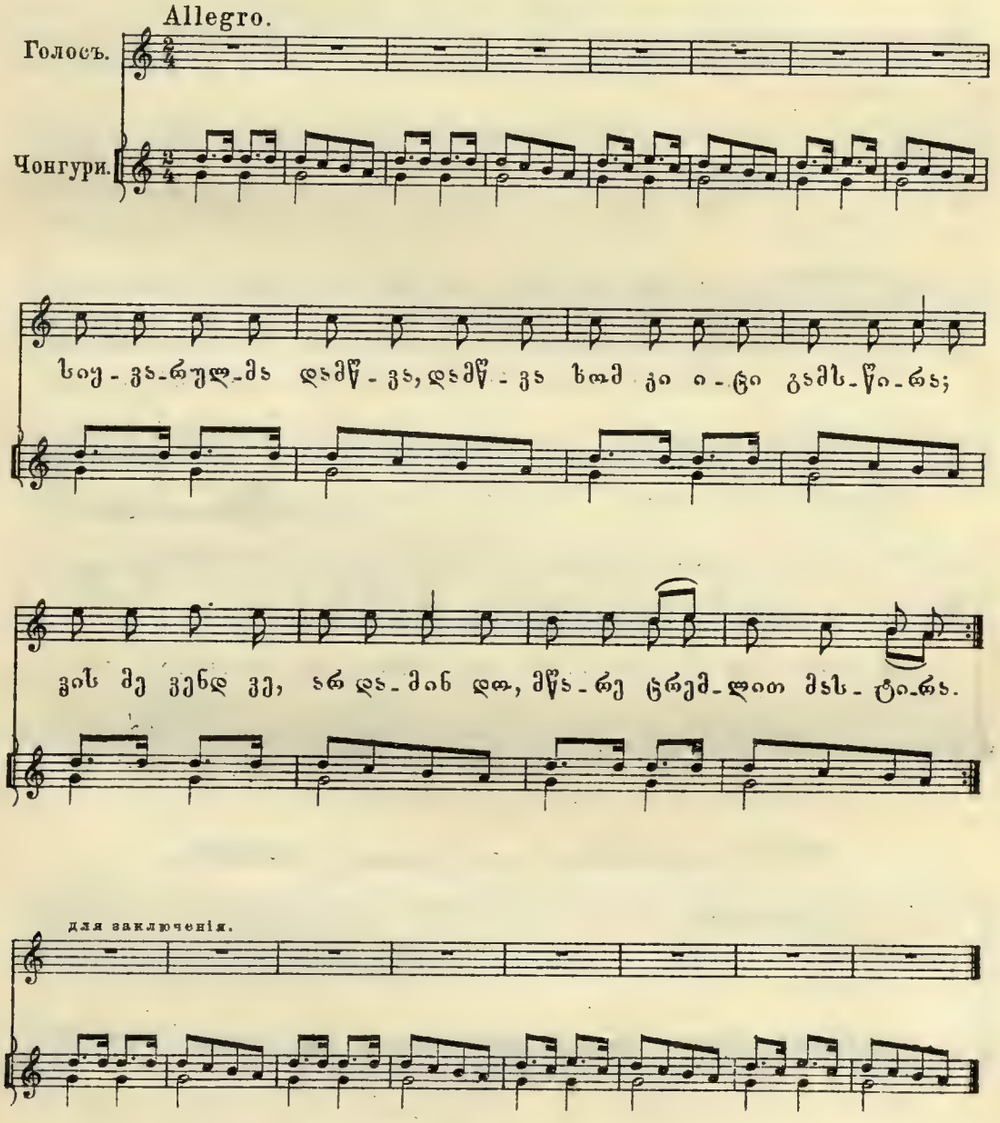
№8. ადამიან კოჩიშ სქუას... СУДЬБА.



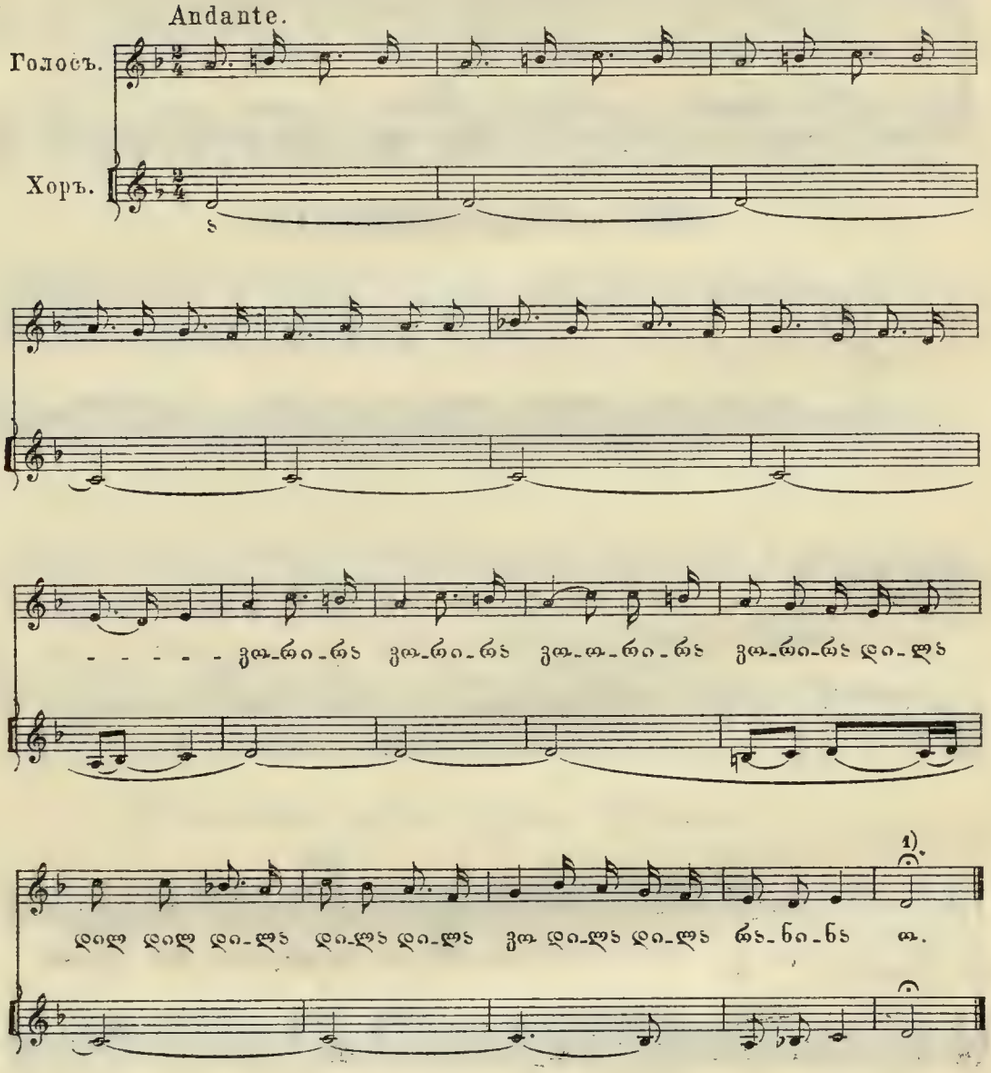
6



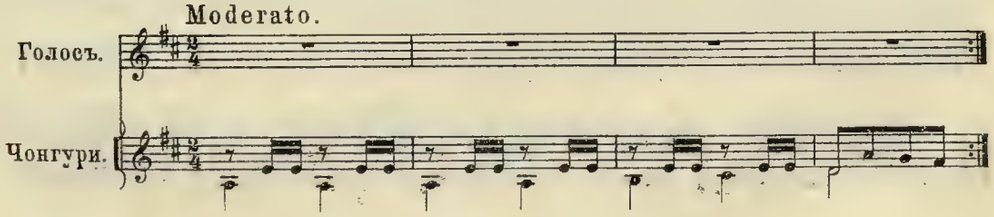
№9. სასრბიუთ. ЛЮБОВНАЯ.



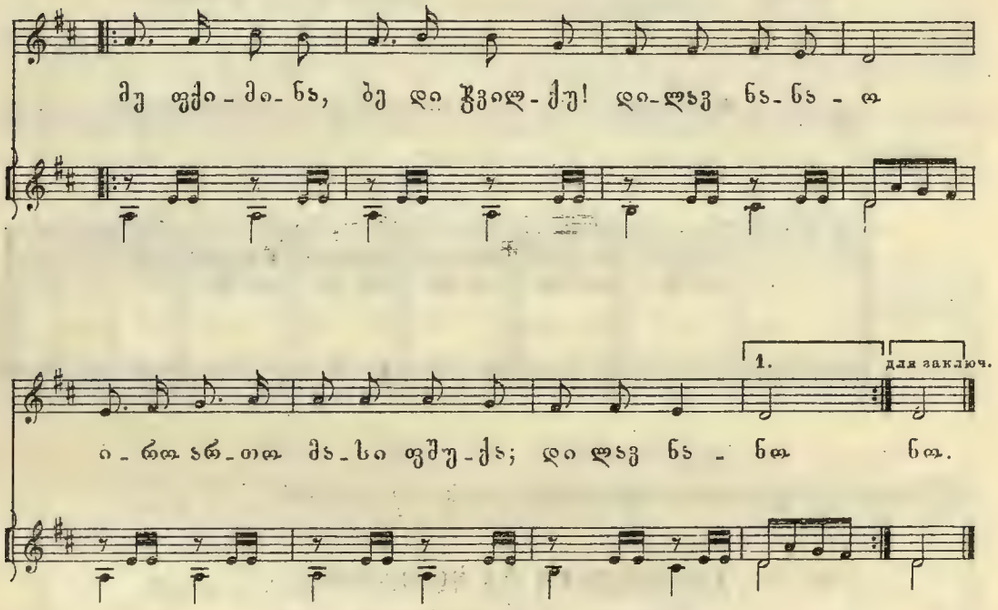
№10. მეგრული ნანანუ. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.



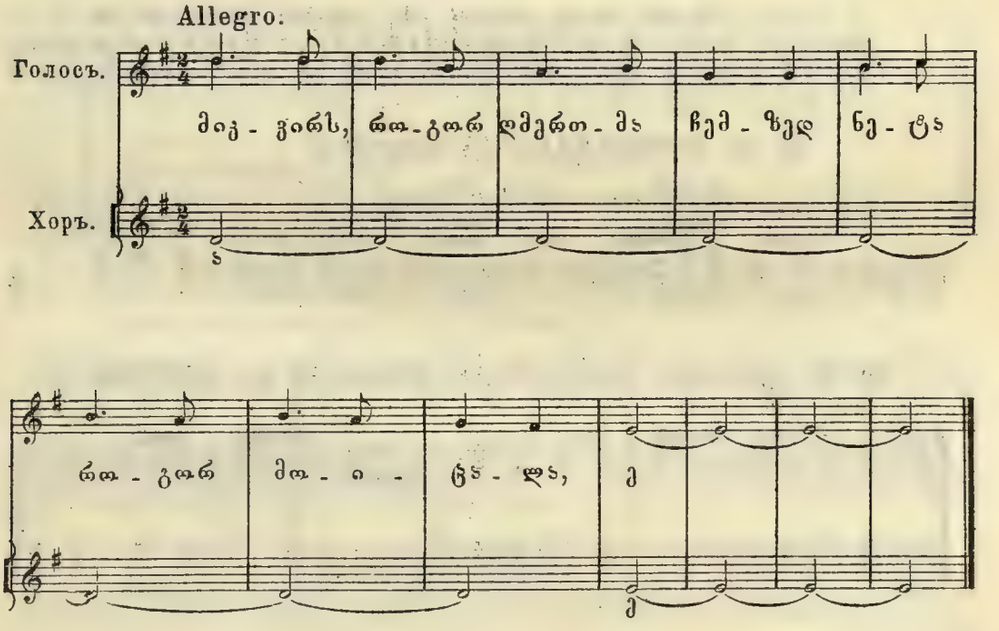
№11. მუ ფქიმინა, ბედი ჭვილქუ. СКАЖИ....



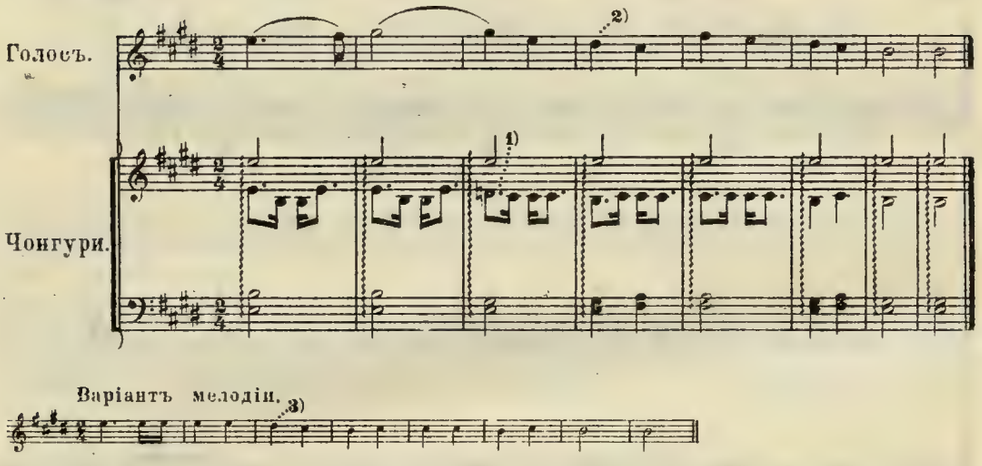
1) Начальныхъ стиховъ этой пѣсни намъ не удалось записать.



№12. მიკვირს, რატომ დმერთმა ჩემზედ მოიცალა. УДИВЛЯЮСЬ...

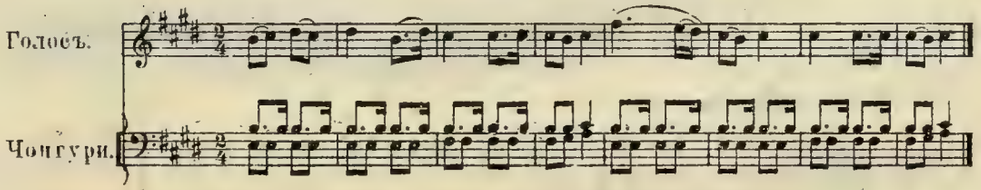


№ 13. სიმღერა (უტყვად). ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.



№ 14. ХОРОВОДНАЯ НА ЧОНГУРИ (безъ текста).

ფერხული ჩონგურზედ (უტყვად).

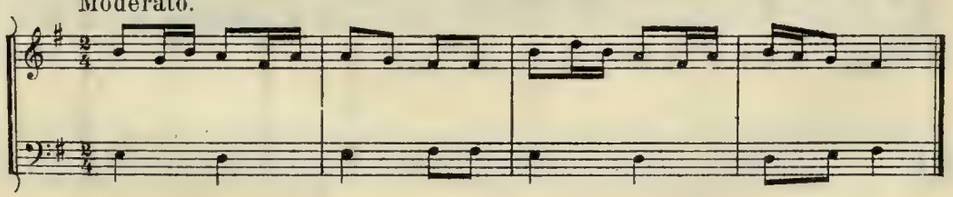


№ 15. ХОРОВОДНАЯ НА ЧОНГУРИ.

ფერხული ჩონგურზედ.

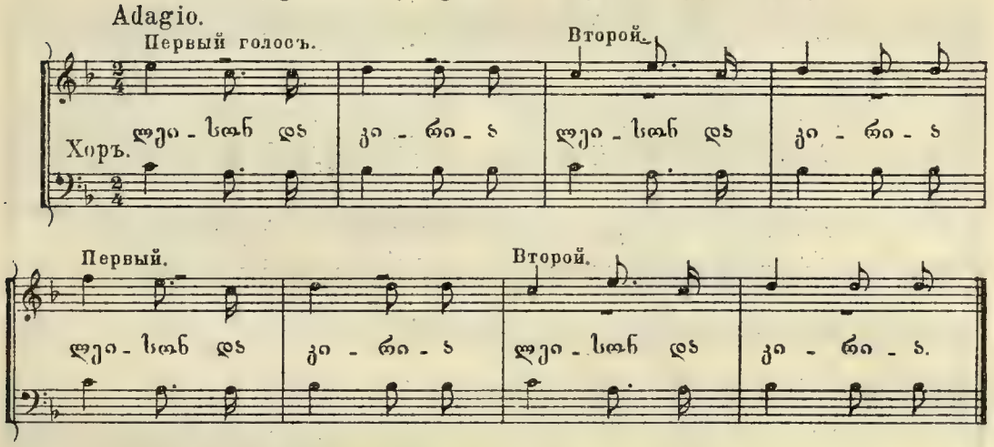
№ 16. მელოდია ჩონგურზედ. МЕЛОДІЯ НА ЧОНГУРИ.

Moderato.

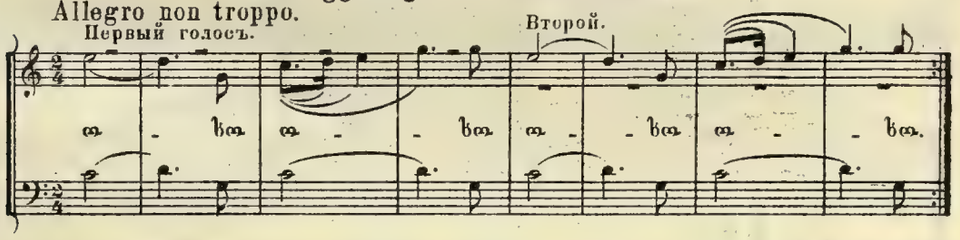


1) Звукъ выше.
2) Ниже.
3) Тоже.

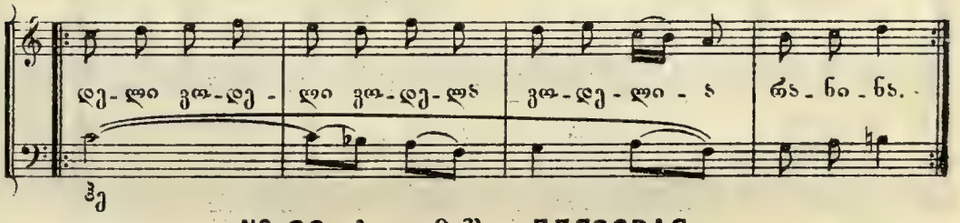
№ 17. ლეისონ და კირია. ЛЕЙСОН ДА КИРІА.



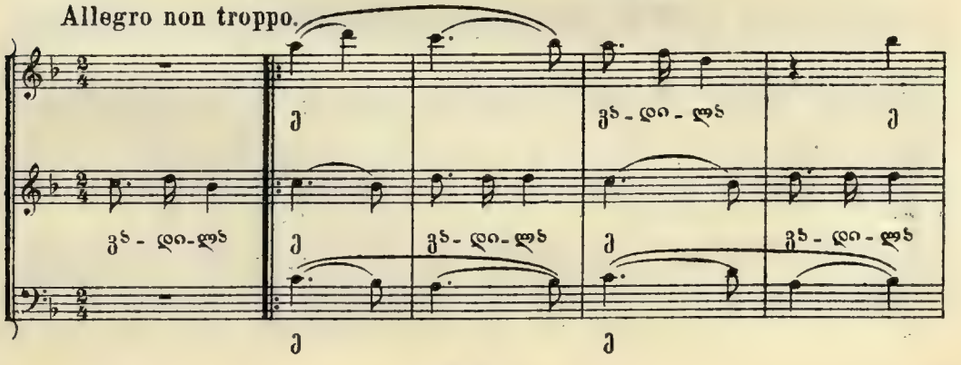
№18. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.

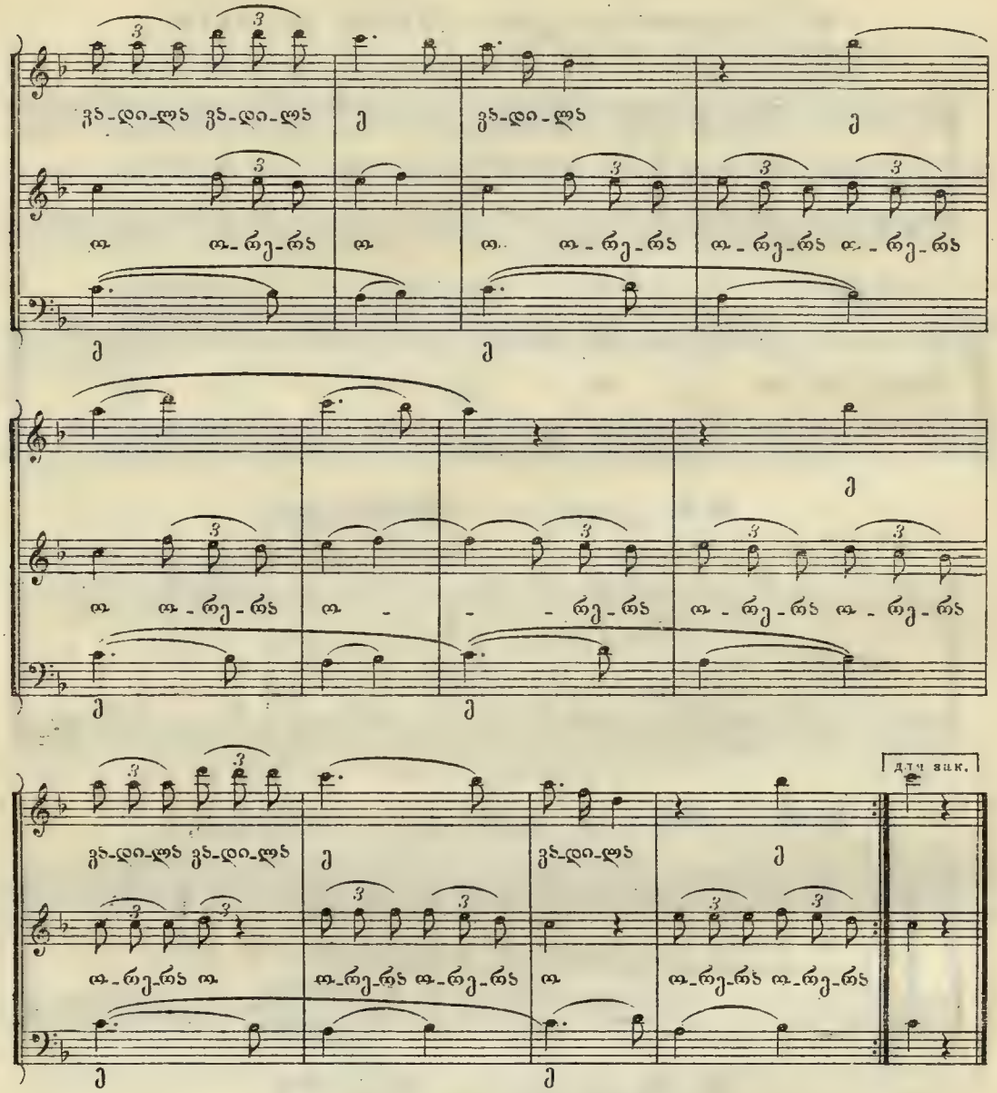


№19. ფერხულის გაგრძელება. ХОРОВОДНАЯ.



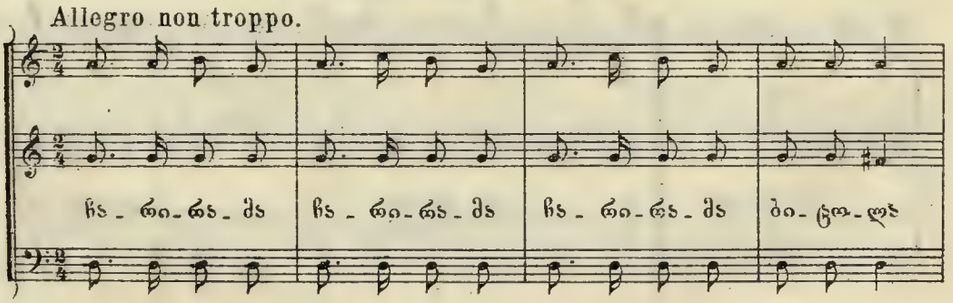
№ 20. სათამაშო. ПЛЯСОВАЯ.

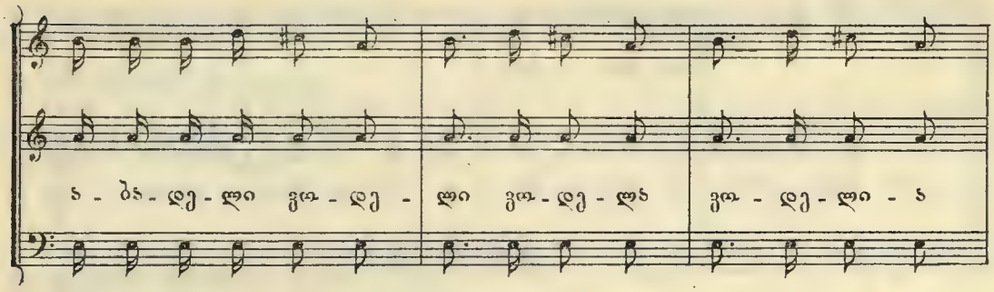


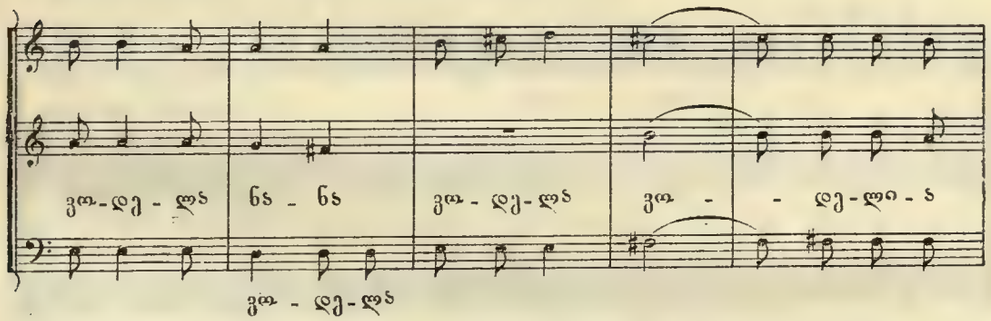


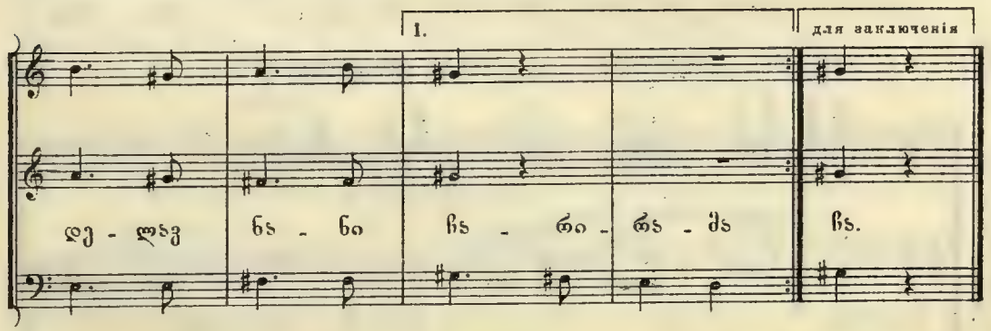
№21. ჩარირამა. ЧАРИРАМА.

Allegro non troppo.

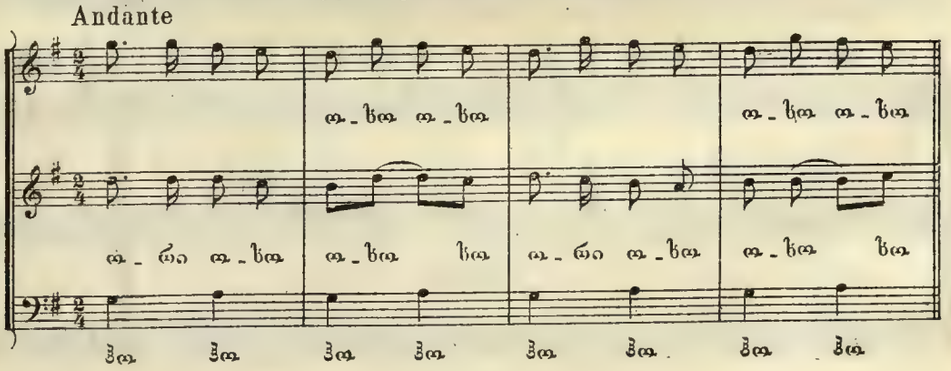




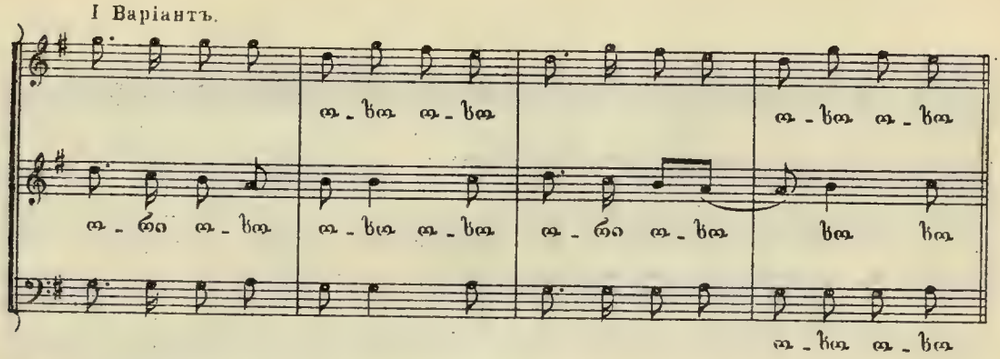




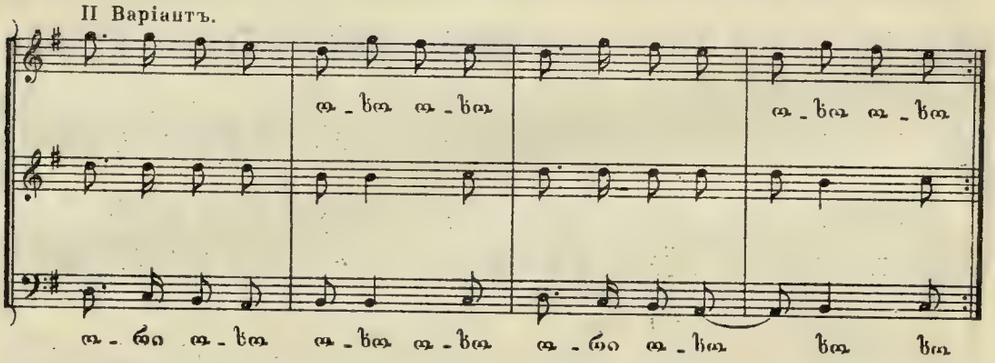
№ 22. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.



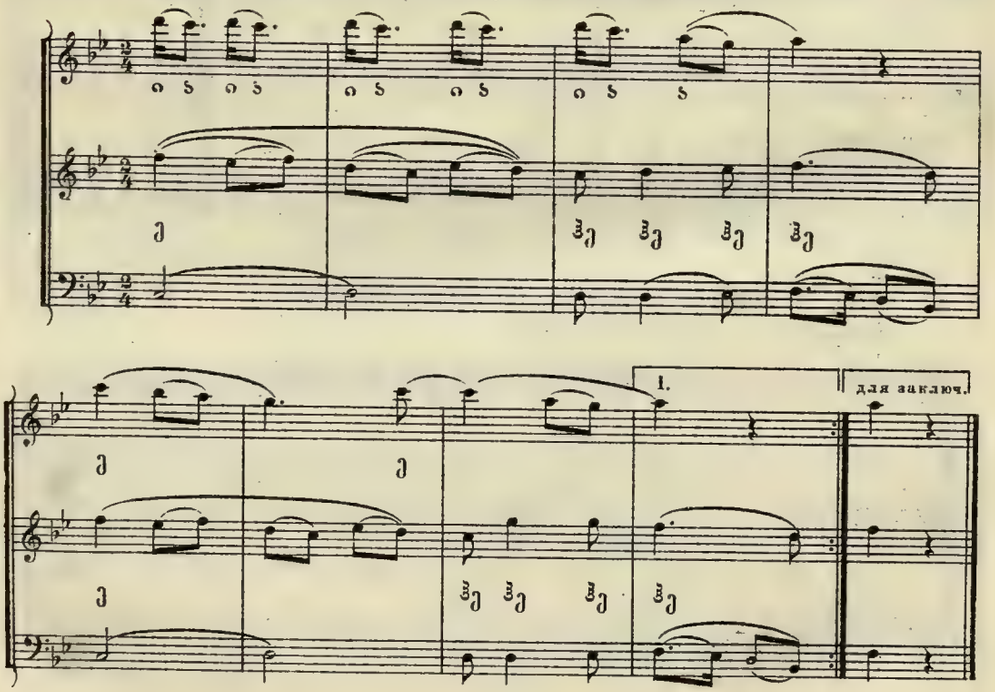
I Варіантъ.



II Варіантъ.

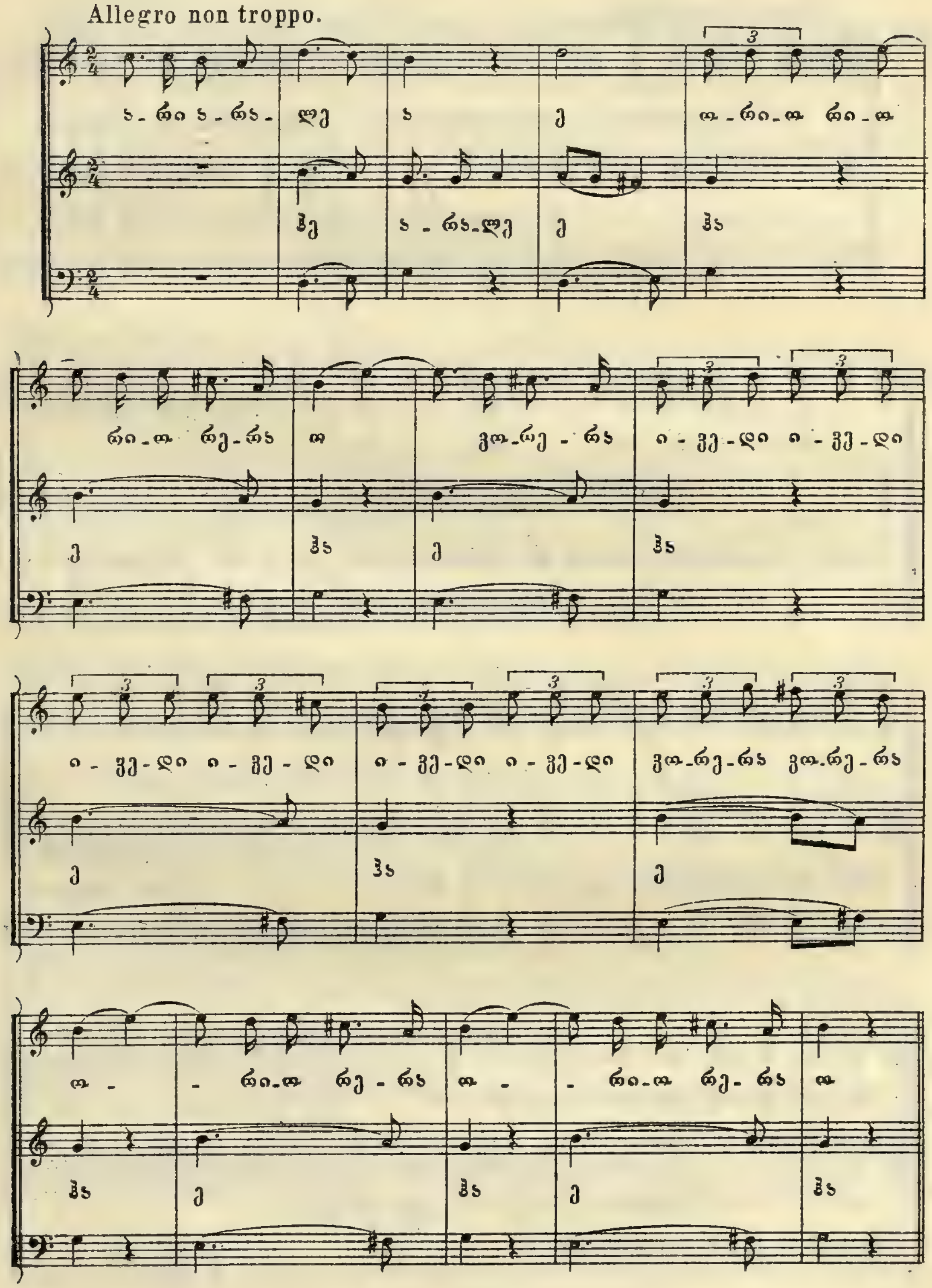


№ 23. ცეკვაული (მეოთე). ХОРОВОДНАЯ.



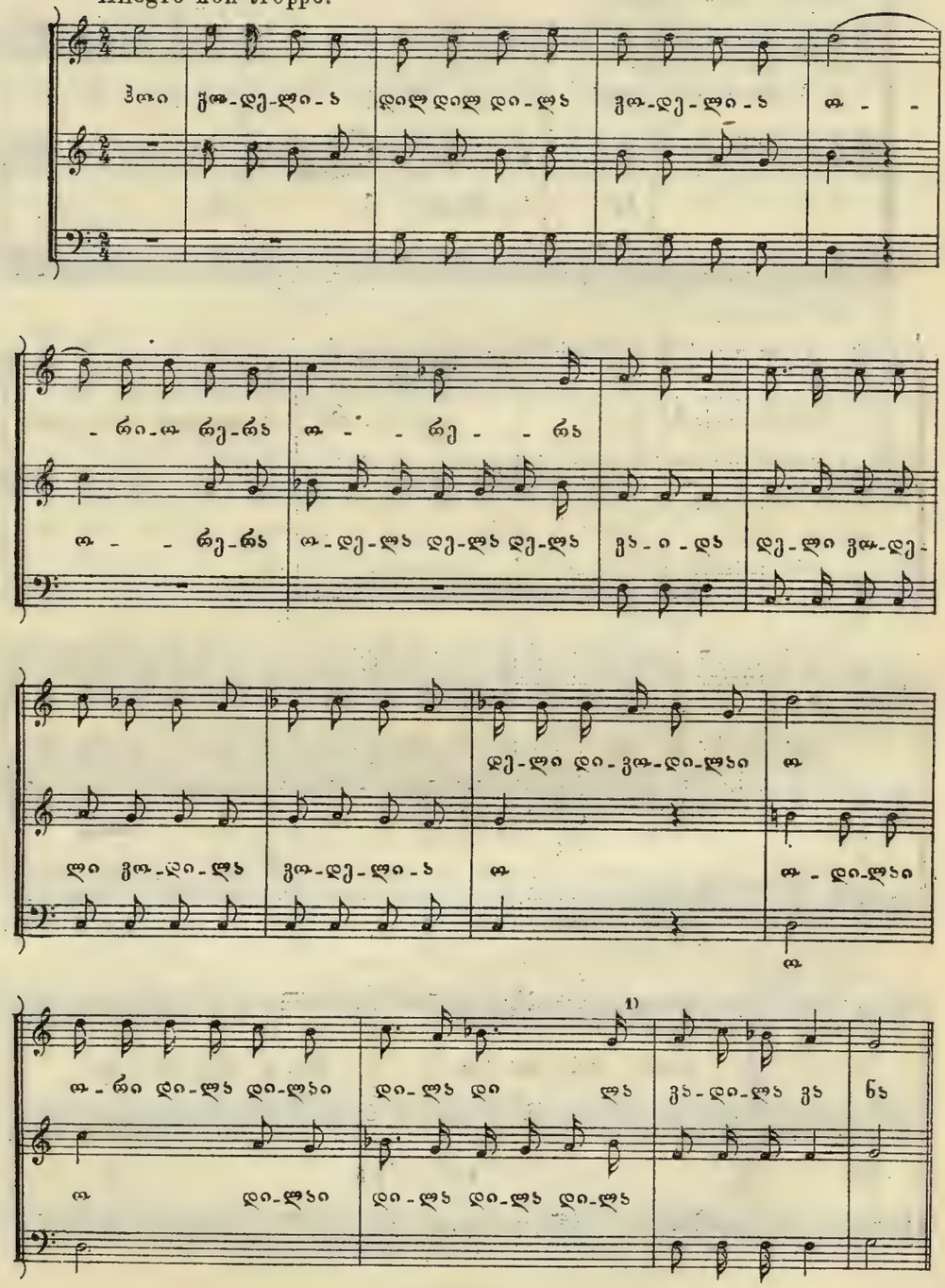
№ 24. საცეკვაო. ПЛЯСОВАЯ.

Allegro non troppo.



№25. ორი ოდეღია. ОРИ-ОДЭЛІА.

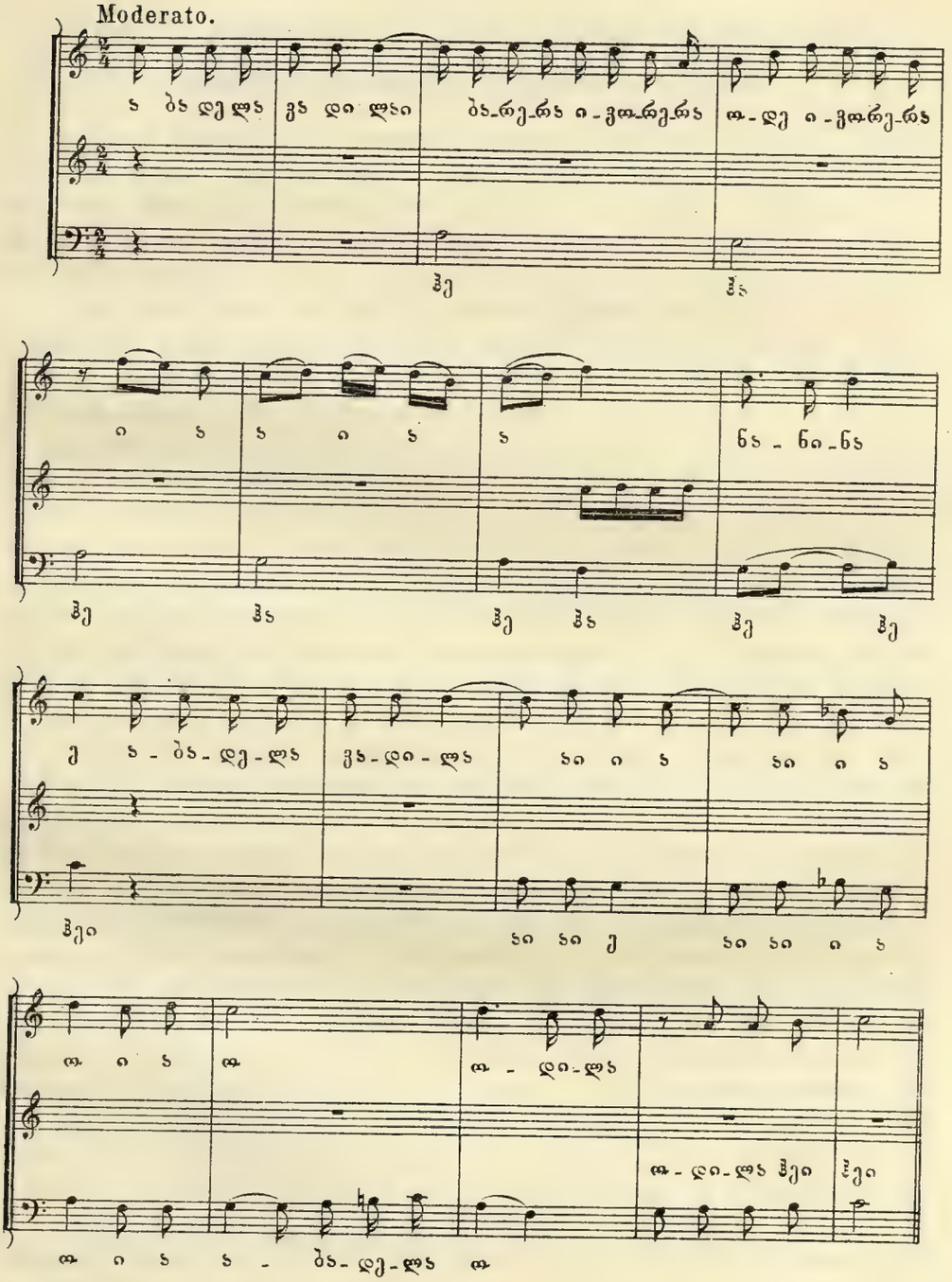
Allegro non troppo.



1) Третій голосъ въ этомъ тактѣ плохо былъ слышенъ въ фонографѣ.

№26. ვადილა. ВАДИЛА.*)

Moderato.



*) Второй голосъ въ этой пѣснѣ также былъ плохо слышенъ въ фонографѣ.

III.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ОБЪ ИМЕРЕТИНСКОЙ НАРОДНОЙ ПѢСНѢ РАЧИНСКАГО УѢЗДА, КУТАИССКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ этой замѣткѣ, я не намѣренъ говорить подробно о пѣсняхъ грузинъ Имеретіи вообще, и въ частности о рачинцахъ. Въ свое время, когда у меня накопится матеріалъ, я посвящу имъ отдѣльное изслѣдованіе, пока-же, за неимѣніемъ пѣсенъ другихъ уѣздовъ Имеретіи, я ограничусь бѣглымъ взглядомъ на пѣсню рачинцевъ.

Скажу одно: пѣсни этой части Грузіи, меня удивили своею оригинальностью, прелестью и разнообразіемъ напѣвовъ, и лишній разъ убѣдили въ томъ, что сами грузины рѣшительно ничего не знаютъ, сколько неисчерпаемаго музыкальнаго богатства разсыпано во всѣхъ уголкахъ ихъ страны. Мнѣ, послѣ знакомства съ ихъ пѣснями, очень хотѣлось побывать въ самой Рачѣ, но, благодаря «смутному времени» и другимъ причинамъ, такъ и не удалось осуществить этой мысли. Такимъ образомъ пришлось оставить все до болѣе благопріятнаго времени. Что-же касается пѣсенъ приведенныхъ ниже, то записывать ихъ мнѣ пришлось въ г. г. Тифлисѣ *) и Кутаисѣ отъ рачинцевъ—мушей **), жителей мѣстечка Они, Кут. губ. Въ Кутаисѣ, между прочимъ пѣвцы были совершенно безъ голосовъ, хотя это имъ не мѣшало пѣть правильно свои интересныя напѣвы. Характеръ послѣднихъ, не взирая на то, что они были имеретинами, т.-е. грузинами Западной Грузіи, оказался совершенно не имеретинскій; а скорѣе примыкающій къ карталино-кахетинской группѣ, что особенно было удивительно и интересно. Ихъ пѣсня оказалась не контрапунктической, какъ должна-бы была быть, а гомофонической, аналогичной съ пѣсней грузинъ Карталиніи и Кахетіи. Слушая ихъ пѣсни, приходилось только отмѣчать одно: они исполняли ихъ совершенно своеобразно, порачински. Это рачинское исполненіе заключалось въ томъ, что они пѣли какъ-то удивительно тяжеловѣсно, съ усиліемъ, съ какимъ-то напряженіемъ, въ особенности въ пѣсняхъ «короткихъ». Единственный напѣвъ, который они исполняли на гурійско-мингрельскій, или вообще говоря, на имеретинскій ладъ «съ голосовыми пиццикатами», былъ «Мравалжаміер». Все-же остальное было свое рачинское, съ своей мѣстной окраской. Эта мѣстная окраска, впрочемъ, не была въ разладѣ съ характеромъ напѣвовъ тѣхъ грузинъ. Затѣмъ нужно отмѣтить, что они иногда пѣли и на манеръ гурійцевъ и мингрельцевъ на отдѣльныя слова, какъ, напр.: «Водэліа нанинао», «Водилав да водила» и др., но музыка по родству больше принадлежала всетаки тѣмъ грузинскимъ вѣтвямъ, а не этимъ. Такимъ

*) Пользуюсь случаемъ выразить душевную признательность свящ. В. Г. Карбелову, при содѣйствіи котораго были записаны 1—6, 15 и 16 номера пѣсенъ, а также Е. Е. Басилая, переводившему нѣкоторые тексты.

**) Муша—носильщикъ. За небольшое вознагражденіе они таскаютъ на себѣ тяжести.

образомъ благодаря такой аналогіи, а также общему характеру текстовъ (встрѣчаются интереснѣйшіе, старинные), ихъ одинаковымъ формамъ употребленія. однимъ и тѣмъ-же пріемамъ припѣвовъ аралали и др. словъ, принадлежащихъ пѣснямъ карталинцевъ и кахетинцевъ, приходится думать, что они, т.-е. имеретины—рачинцы, вѣроятно, выходцы, въ давнопрошедшія времена изъ восточныхъ провинцій Грузіи: Кахетіи, Карталиніи. Единственно, что еще какъ будто-бы можетъ внушить на этотъ счетъ сомнѣніе, это характерныя начала пѣсенъ у рачинцевъ трихордами (sol-do-re) въ квинтѣ (см. пѣсни за №№ 9, 10, 11 и 14), которыя у тѣхъ не бросаются въ глаза такъ ярко, хотя при внимательномъ обзорѣ пѣсенъ они у нихъ, т.-е. у карталинцевъ и кахетинцевъ, такъ-же встрѣчаются. Вообще этотъ характерный звукорядъ является какимъ-то центромъ въ трехголосныхъ грузинскихъ пѣсняхъ, въ особенности у гурійцевъ и мингрельцевъ. У гурійцевъ пѣсни часто точно по какому-то закону начинаются съ этого оригинальнаго, диссонирующаго звукоряда. У грузинъ же Карталиніи и Кахетіи этотъ звукорядъ наблюдается больше въ духовной музыкѣ, хотя часто встрѣчается и въ свѣтской. Очевидно, въ свое время, это былъ одинъ источникъ, сохранившійся у однихъ въ болѣе первобытномъ видѣ, у другихъ менѣе. У горскихъ грузинъ сванов между прочимъ, онъ такъ-же лежитъ въ основѣ ихъ пѣсни въ довольно примитивномъ видѣ, и если къ этому добавить, что и музыка у нихъ очень много имѣетъ сходства съ рачинской, то является, въ свою очередь, не менѣе интересный вопросъ, кто такіе сваны, къ какой, собственно, грузинской вѣтви принадлежатъ они, не выходцы-ли они изъ Рачи, и т. д., и т. д.

Вообще рачинская пѣсня помимо своихъ музыкальныхъ достоинствъ возбуждаетъ массу другихъ интересныхъ вопросовъ. Вотъ почему музыканту-этнографу необходимо тамъ побывать и хорошенько ознакомиться съ краемъ. Матеріалы оттуда дадутъ много богатства во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ тамъ, повидимому, въ высшей степени музыкальный и интересный, притомъ сохранившій свою родную пѣсню вполнѣ. Онъ-же является главнымъ поставщикомъ и странствующихъ музыкантовъ по Грузіи «Мествире» (см. о нихъ въ моей статьѣ «Краткое описаніе груз. муз. инстр. въ Дашк. Эти. Музеѣ»), что также имѣетъ свое значеніе. Однимъ словомъ тамъ необходимо побывать и поработать. Если намъ удастся это сдѣлать, то тогда мы напишемъ болѣе обстоятельный обзоръ ихъ пѣсни, и кстати прихватимъ и другихъ имеретинъ, обитателей Кутаисскаго и Шорапанскаго уѣздовъ.

Имеретинскія пѣсни Рачинскаго уѣзда, Кутаис. губ.,

СЪ РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ.

1. ფერხული.

დიგორი და ბასიანი
ჩოხა ნაბდით სავსე არი.

ქვედრულა მოდიდებულა,
თან მოაქ მთა და ბარი;
კალოს საზმელი მოსტაცა,
სამოცი კოდი ქერია.
«შენი ქვედრულა მოგიკვდეს,
თუ ვერ გიცვალო ფერია;
წისქვილი უკან გაჰკიდა
წადი იქა ფქვია.
საცერი უკან გაჰკიდა:
წადი და იქა სცერია».
დიასახლისი სტიროდა:
ვაი, რას მოვესწარია!
მომივა გულის სტუმარი
ჭადზე ვარ მასპინძელია!

1. Хороводная.

Дигори и Басіани [1])
Полны черкесками и бурками.

Кведрула [2]) разлилась,
Неся съ собой горы и долины.
У риги сарай снесла
Съ 60 четвертями ячменя.
«Пусть я не буду Кведрула,
Если не разрушу все!
Вотъ, мельницу своротила,
Попробуй размалывать!
Также сито утащила,
Пойди тамъ, просѣй муку»!
Хозяйка кручинилась:
Ой, чего я дождалася!
Придетъ желанный гость
И я должна однимъ чади [3]) угощать.

2. მრავალჟამიერ.

მრავალჟამიერ, ჰარნი არალე!

2. Многая лѣта.

Многая лѣта, арни арале!

3. ოდილა და ოდელია.

ოდილა და ოდელია
სხვავა დიდი სოფელია:
ნახევარი ქურდია,
ნახევარი მთხრობელია.

---

3. Одила да одэлія.

Одила да одэлія.
Схвава большая деревня:
Половина въ ней воры,
А половина доносчики.

---

[1]) Названіе деревень. [2]) Названіе рѣчки.
[3]) Кукурузный хлѣбъ.

ვარალალო, ვარალალო.
ზის ქალი წყაროზედაო,
ხელსა იბანდა ვირსაო.
მისი ხელ-პირის ნაბანი
აეჭალას ჩამოშდგარაო.
შიგ დამხრჩვალა დიაკვანი,
საბრალო დედის, ერთაო.
იპოვნეს გამოასვენეს;
პირი ამსოდა ლამითა,
ქოჩორი ანაგოროითა.

Варалало, варалало.
Сидитъ дѣвица у родника
Умываетъ лицо, руки.
Вода, которой она умывалась,
Потекла въ Авчалу [1]).
Въ ней утонулъ діаконъ,
Единственный сынъ у матери,
Его нашли и извлекли.
Ротъ у него былъ наполненъ иломъ,
А волосы пескомъ.

4. ოდელია ნანინაო.

ოდელია ნანინაო! დელია,
დელია, ჰარია ჰე!
გოდილა-გოდელია დი გოდილა,
ოვორეა, ნანა, ვადილა ჰე!

4. Одэліа нанинао.

Одэліа нанинао! Дэліа,
Дэліа, арира э!
Водила-водэліа ди водила,
Оворэра, нана, вадила э!

5. რირაგაშა.

ჰე, ჰე, ჰე! ჰერია და ოდა!
ჰე, რირაგაშა...
ოდეს აგეს მანგლისი
წყალი ადინეს მილითა.
სახახლეები აგეს,
თეთრად შეჰფერეს კირითა,
შიგა ზის ქალი ლამაზი,
ვირს იბანს თეთრი ღვინითა.
მეცხვარე შემოეჩვია.
ნეტავი, ღოგო ლამაზო,
შენთან გამაძლო ძილითა!
«მეცხვარევ! ცხვარი გაგიმედა

სულ ერთიანად ჭირითა,
თუნდ რამ გუნებაში გქონდა
რალად იმოიქცი ვირითა?
ტუკუბას ვერ ასდიოდე,
ტუკეც გაგექონდეს ვირითა».

Э, э, э! Эри да ода!
Э, рираваша...
Когда основали Манглисъ,
То и воду провели.
Выстроили дома,
Выбѣлили известкой.
Въ немъ сидитъ дѣвица-красавица,
Лицо умываетъ бѣлымъ виномъ.
Пастухъ повадился къ ней ходить.
—О, дѣвица-красавица,
Хоть-бы всласть поспать мнѣ съ тобой!
«Пастухъ, хоть-бы у тебя чума
перевела баранту [2]),
И чтобы ты не успѣвалъ
Кожу съ нихъ сдирать
И увозить на ослѣ.
Если ты что и имѣлъ въ мысляхъ,
То зачѣмъ это было высказывать»?

[1]) Рѣка.
[2]) Разумѣется, за то, что ты сказалъ такую глупость.

ნეტავი, გოგო ლამაზო,
მოგიდოდეს ლეკის ჯარი
წაგიყვანდეს ტყვილითა,
მე წინ შემოგეყრებოდე,
თყული მომქონდეს ქალითა.
დაგიხსიდე, წაგიყვანდი
სიმღერითა და ლხინითა.

—О, дѣвица-красавица!
Хоть-бы на тебя напали лезгины [1])
И утащили со слезами,
А мнѣ-бы встрѣтить васъ
Съ большой казной,
Выкупить тебя и увезти
Съ пѣсней и веселіемъ.

6. მუშური.

ვაშალალო, ვაშალალო, ვაში ამალალო!
ლხინმა შემცარა სოფელსა, ვაში
ამალალო!

6. Рабочая.

Аралало, аралало, ари аралало!
Пиръ столкнулъ (свелъ) меня
съ міромъ.

7. ყურძენი.

ყურძენმა სთქვა: «მეც ხილი ვარ
სუფრისა,
ყოველ ხილზე უმჯობესი:
ზამთარ ხე ვარ, და ხე ხმელი,
გაზაფხულზედ ავყვავდები;
თავში დავისხამ ყურძენსა;
მთქმრეფენ და მთქუროვენ;
ქვევრში და ვარ ჩასასხმელი;
უცეცხლოდ გადმოვდუღდები;
ჭკუიანთანაც კარგი ვარ,
ბრიყვთანაც წამოვგიჟდები.

7. Виноградъ.

Виноградъ сказалъ: я тоже фруктъ
застольный,
Лучшій изъ всѣхъ фруктовъ:
Зимою я лоза, и лоза сухая,
Весною-же разцвѣтаю,
Разодѣваясь виноградомъ.
Меня собираютъ, выжымаютъ сокъ,
И наливаютъ въ кувшины;
Безъ огня я начинаю бродить (кипѣть);
Съ умнымъ я бываю хорошъ (уменъ),
Съ глупымъ—съ ума схожу.

8. სიმღერა შავქუჯაზე.

შავქუჯას ცოლი ტიროდა:
«ვაიმე, ჩემო შავქუჯავ,
ვეღარ ჩამოხვალ შინაო!»

8. Пѣсня о Шавкуджѣ.

Жена Шавкуджи плакала:
«О, мой Шавкуджа,
Ты не вернешься домой»!

ოი უნდა წავიდეთ შქეთს,
მდიდარ სოფელს აქებენ;
შეხვალ და ვეღარ ჩამოხვალ.

О, мы должны пойти въ Шкети,
Хвалятъ, что большая деревня;
Войдешь въ нее и оттуда
не выберешься.

---

[1]) Собственно, лезгинскія войска.

9. სიო შრუშანა.

ქალსა გისმე ერქვა შრუშანა;
ხუთსა თითსა ედვა ბეჭედი;
ბეჭდის თვალსა მოლი მოსრულა;
მოლის ბიწსა ბოსტანა იდგა;
ბოსტანასა ნაძვი ასრულა;
ნაძვის წვერსა ქორ-ბუდე იდგა;
ბუდე იყო აბრეშუმისა;
კვერცხი ედვა იაგუნდისა;
შვილი ჰყავდა მარგალიტისა.
ღმერთო! ერთი ჩემთვის გაზარდე,
სხვა ათასი სხვისთვის გაზარდე—
გაზარდე და გზა გაუწალდე,
სანადირონი წასულიყოს,
მოკლას ირემი,
მოიგდოს, შინ წამოიღოს.
ჩემო რძალო, ლერწამ ტანისა!
ამ ირემსა ბეწვი წაგლიჯე,
ამ ბეწვისა ჩოხა და შარვალი...

9. Сіо Шрушана.

Одну женщину звали Шрушана.
На пяти пальцахъ она кольца носила.
Камень кольца покрылся травкой;
Кругомъ травки шелъ огородъ,
Въ огородѣ выросла ель,
На верхушкѣ ели находилось гнѣздо,
Гнѣздо изъ шелка.
Въ немъ лежало яйцо изъ яхонта.
Птенца имѣло оно изъ жемчуга.
Боже! Дай вырости одному для меня,
А тысячѣ для другихъ.
Возрости и открой широкую дорогу,
Отправиться ему на охоту,
Убить оленя,
Взвалить на плечи и принести домой.
Моя невѣста, стройная какъ тростникъ!
Возьми волокно у этого оленя,
И приготовь изъ него черкеску
и шарти (украшенье).

10. ამირანი.

ამირან და ყმანი მისნი
სანადირონი წასულიყვნენ.
წინ ირემი შემოყრილა;
ოქროს გაკრა რქანი მისნი.
დაუჩოქე და გესროლე;
არ გავარდა ცვარი სისხლი.
ღღე ვდიე და ღამე ვდექი,
არ დაკარგე კვალი მისი;
ამიძღვა და იქ ჩამიძღვა
კახეთ მინდორ ქვეყანასა.
კახეთ მინდორს კოშკი იდგა,

კოშკი იდგა ანგურისა,
ანგურისა აგებული.
სამჯერ გარს შემოვუარე,
ვერ ვიპოვნე კარი მისი.

10. Амиранъ.

Амиранъ и его рабы (крѣпостные)
Пошли на охоту.
Встрѣтился имъ олень
Съ золотыми рогами.
Я прицѣлился и выстрѣлилъ
И не видѣлъ его крови.
Бѣжалъ за нимъ день и ночь,
И не потерялъ слѣда.
Долго онъ меня водилъ,
Наконецъ привелъ въ Кахетію.
На степи (равнинѣ) Кахетіи
возвышался замокъ,
Замокъ кирпичный,
Выстроенный изъ кирпича.
Я три раза его обошелъ кругомъ,
И не могъ найти входа.

სად ამირან ჭიხლი ჩაგრა,
იქ ჩაღო კარი მისი.
კარებს უკან კუბო იდგა;
კუბოზიდან მკვდარი იყო;
მე მეგონა სამი დღისა,
თურმე იყო სამი წლისა.
თითებ შუა წიგნი ქონდა,
ვინც ამ წიგნსა წაიკითხავს,
იმას მიეცემ თამარ-ქალსა.
კახის ბიჭმა წაიკითხა,
კახის ბიჭმა სოლომანმა,
იმას მიეცემ თამარ-ქალსა.

Стоило Амирану ударить въ стѣну ногой,
И дверь (входъ) открылась.
За дверями стоялъ гробъ.
Въ гробу лежалъ мертвецъ.
Я думалъ, что онъ трехдневный,
Оказалось, что онъ трехлѣтній.
Между пальцами у него было письмо.
Кто прочтетъ это письмо,
За того выдамъ Тамару—дѣвицу.
Прочелъ его молодецъ изъ Кахетіи,
По имени Соломонъ.
За него я выдамъ Тамару—дѣвицу.

11. დელი-დელა

(მგზავრული ლეჩხუმური).

დელი-დელა, დელი-დელა,
დელი-ვოდელი-ვოდელა!
ჰაერში მტრედი ფრინავდა.
ცაში ვარსკვლავი ბრწყინავდა.
იმ საყვარელს ვენაცვალე,
რომელიც ღამე ჩემს უბეში ხვრინავდა.

11. Дэли-дэла

(Лечхумская походная).

Дэли-дэла, дэли-дэла,
Дэли-водэли-водэла!
Въ воздухѣ голубь леталъ.
Въ небесахъ звѣзда мерцала.
Привѣтствую ту милую,
Которая на моей груди ночью заснула.

12. დალიე, ჩემო ბატონო!

დალიე, ჩემო ბატონო,
დალიე და მიგდე თასი.
შენ ვინ მოგცა ჩემი ფასი?
ჭიქითა ვსვამ და კულითა,
მეც იმან გამაგულისა.

12. Выпей, мой господинъ!

Выпей, мой господинъ,
Выпей и верни мнѣ сосудъ.
Развѣ знаешь ты мнѣ цѣну?
Пью бокаломъ, пью кулой [1]),
Отъ него-то я такъ веселъ.

13. მაყრული.

ვოდილავ-და ვოდილა-დილა.

13. Свадебная.

Водилав-да водила-дила.

14. ოდელა.

ოდელა, ქალაქელო!
ქალები დაკარგულა.
კარგია კარგი ყოფა.

14. Одэла.

Одэла, горожанинъ!
Женщины исчезли.
Хорошо въ удовольствіи жить.

[1]) Небольшая посудина съ длиннымъ горломъ, изъ котораго пьютъ вино.

15. სუფრული.

პირველად ღმერთი გახსენთ ის უფრო დიდებულია.
იმერეთიდან წამოველ, ჩამოვიარე პირული.

15. Застольная.

Сначала произнесемъ имя Бога, такъ какъ онъ болѣе Всемогущій.
Вышелъ изъ Имеретіи, спустился къ Дзирулѣ.

16. სუფრული.

ღმერთი დიდათ გაისარჯა ჩვენის გამოსახვისთვინა.
ახლო-ახლო დაგვასახლა ერთმანერთი-ვის ნახვისთვინა.

იმერეთიდან წამოველ ჩამოვიარე პირული.
იმათ მადლი გუყალობდეთ რაც სითხს წირვა წირული.

მე რომ კაცმა დამპატიჟოს, ნეტა რა დაეხარჯება.
ტუროდ დაუკრამ ჩონგურსა, ბავშვებს სომ გაეხარდებათ.

16. Застольная.

Богъ много потрудился для нашего созданія.
Разселилъ онъ насъ поблизости для взаимнаго свиданія.

Вышелъ изъ Имеретіи и спустился къ Дзирулѣ.
Да благословятъ васъ всѣ молитвы, что возносятся къ небу въ Сіонѣ.

Если меня пригласитъ кто-нибудь, то что онъ потеряетъ?
Съиграю я славно на чонгури, и развеселю ребятъ.

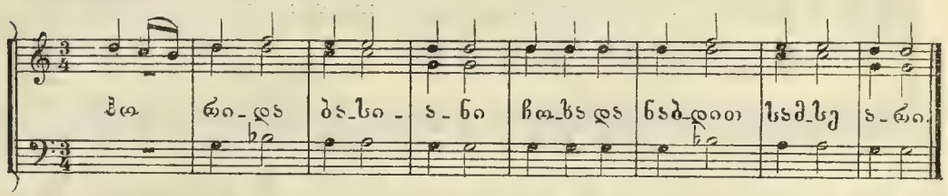
Იმერული (რაჭული) ერთგნული
სიმღერები, ჩაწ. 1901-1902 წწ.,
დიმიტრი არაყიშვილის მიერ.

ИМЕРЕТИНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

Рачинск. уѣзда, Кут. губ, зап. въ 1901–1902 г.
Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ.

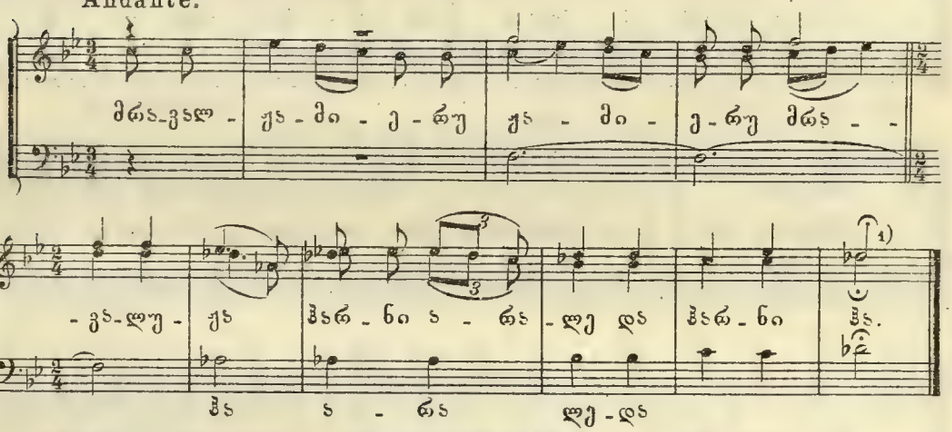
№1. ᲮᲝᲠᲣᲚᲘ. ХОРОВОДНАЯ.

Moderato.



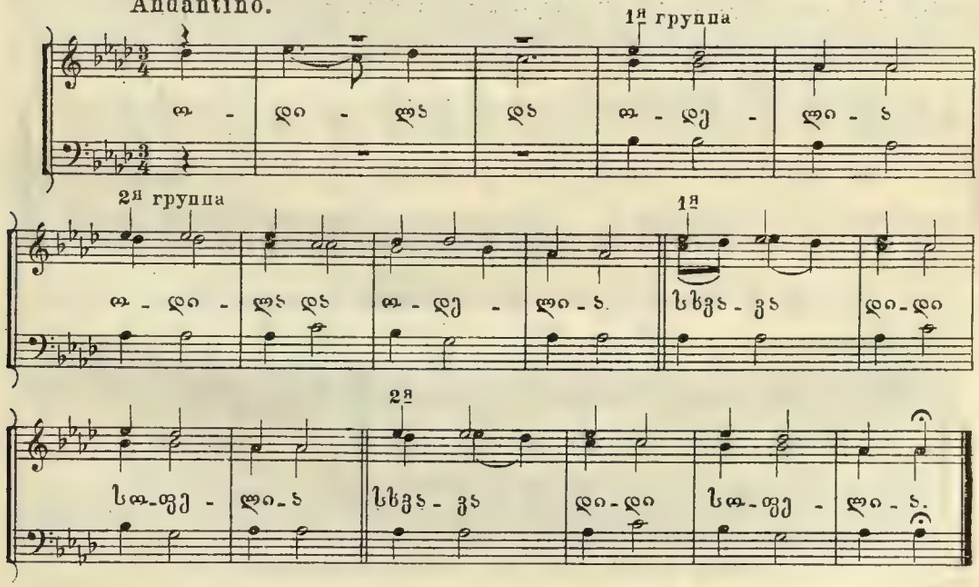
№2. ᲛᲠᲐᲕᲐᲚᲯᲐᲛᲘᲔᲠ. МРАВАЛЖАМІЕРЪ.

Andante.



№3. ᲝᲓᲘᲚᲐ-ᲓᲐ-ᲝᲓᲔᲚᲘᲐ. ОДИЛА-ДА-ОДЭЛІА (хоровод.).

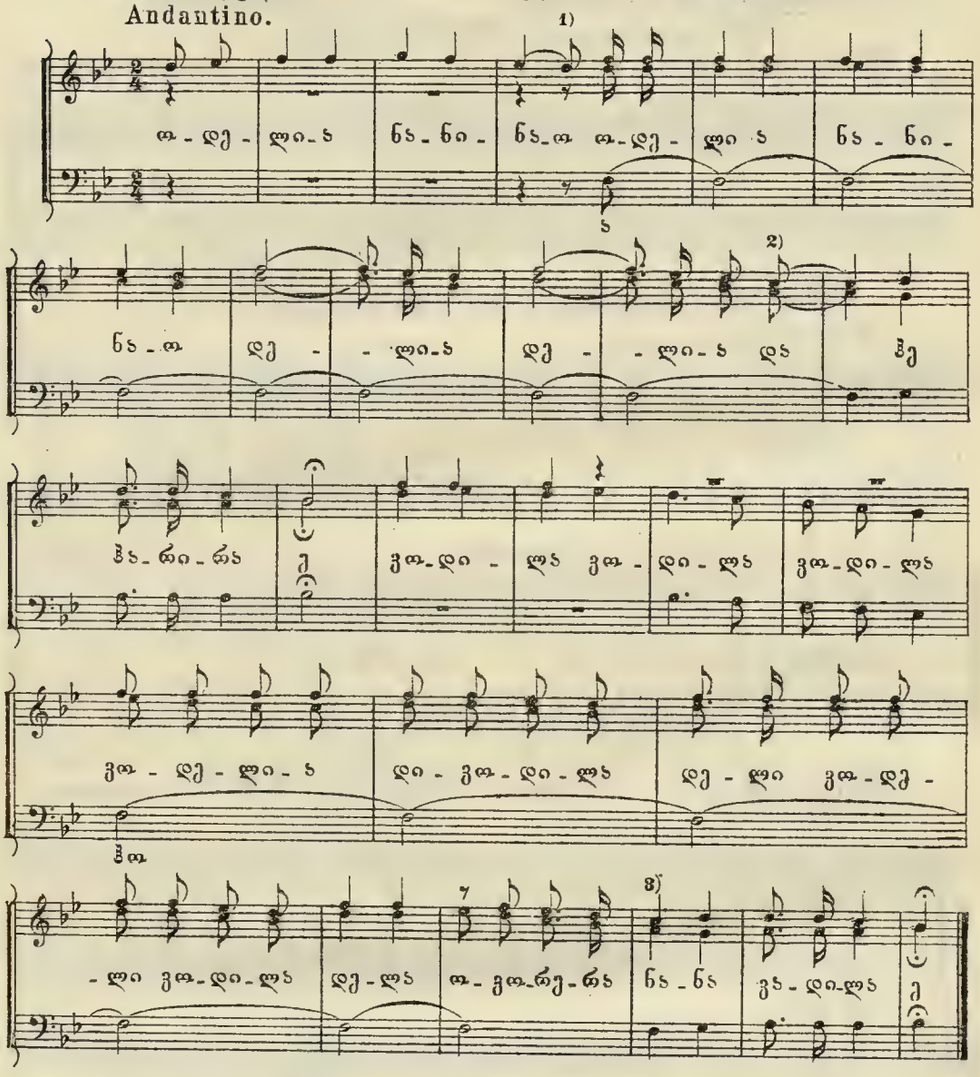
Andantino.



1) Звукъ въ сравненіи съ фортепіано выше.

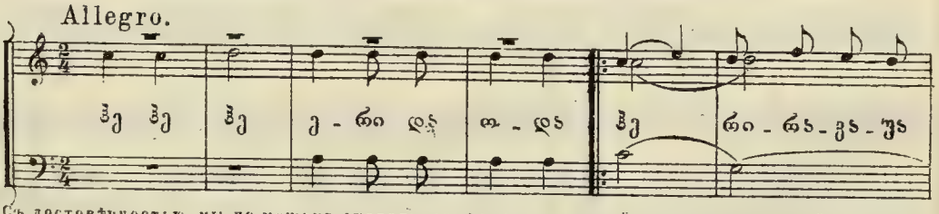
№ 4. ოდელია ნანინაო. ОДЭЛІА-НАНИНАО.

Andantino.

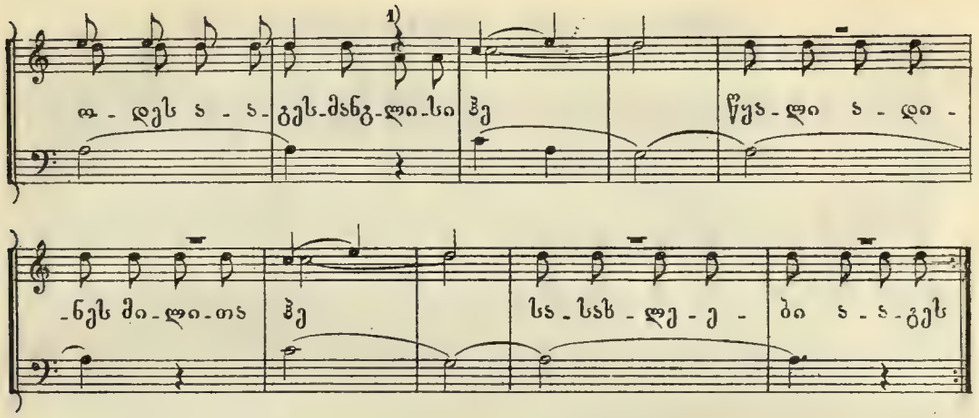


№ 5. რირავაშა. РИРАВАША (плясовая).

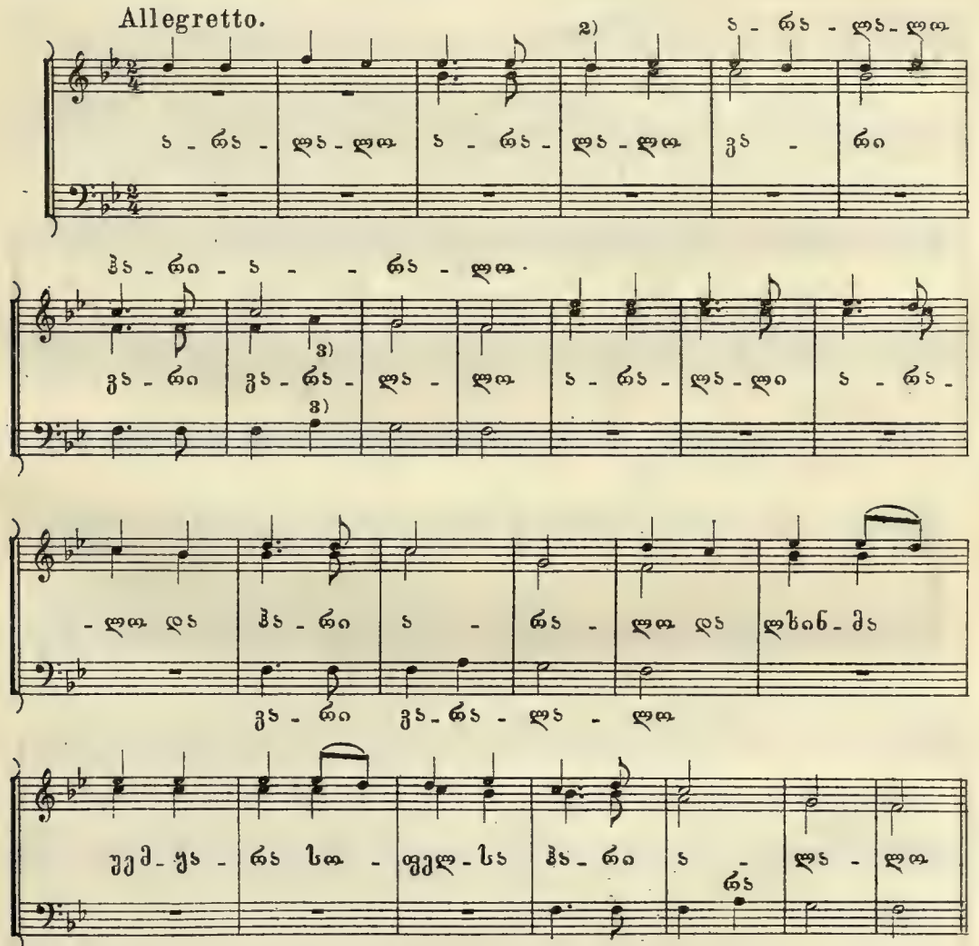
Allegro.



1) Съ достовѣрностью мы не можемъ сказать, запѣваетъ-ли первый голосъ, или второй.
2) Звукъ la какъ во второмъ голосѣ, такъ и въ третьемъ дальше-немного ниже.
3) Такъ же.



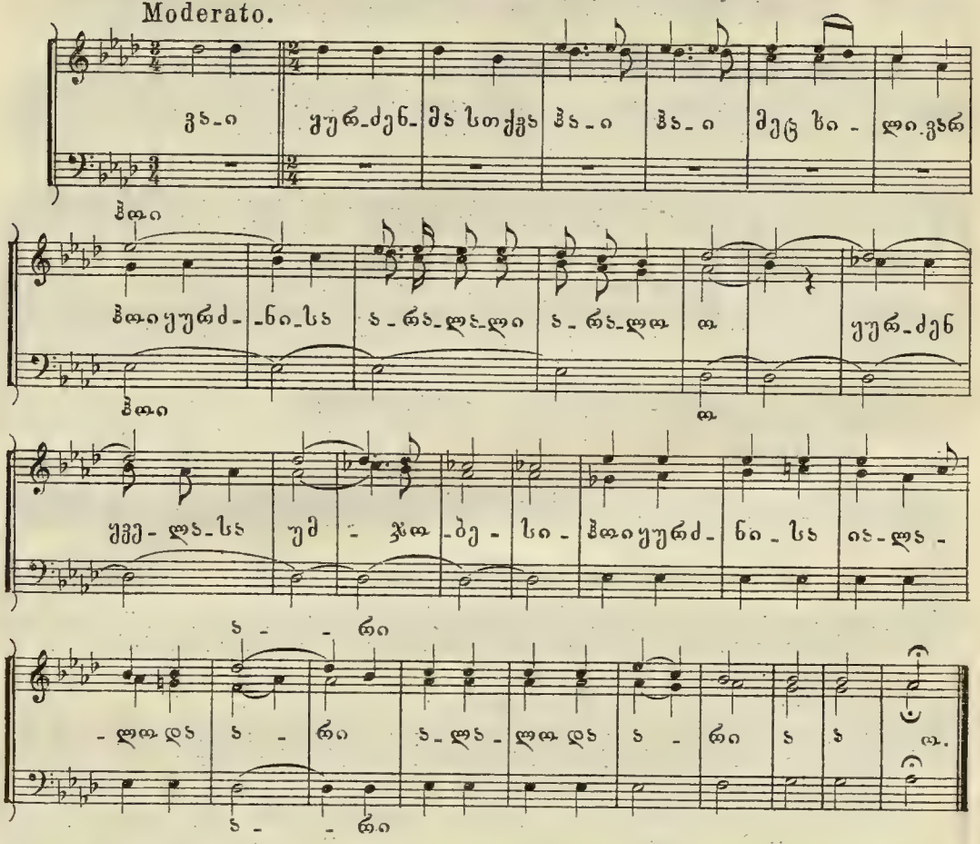
№ 6. მუშური. РАБОЧАЯ.



1) От ноты ге звукъ взятъ произвольно. Подтекстовка сдѣлана нами произвольно.
2) Звукъ ге ниже.
3) Звукъ la тоже.

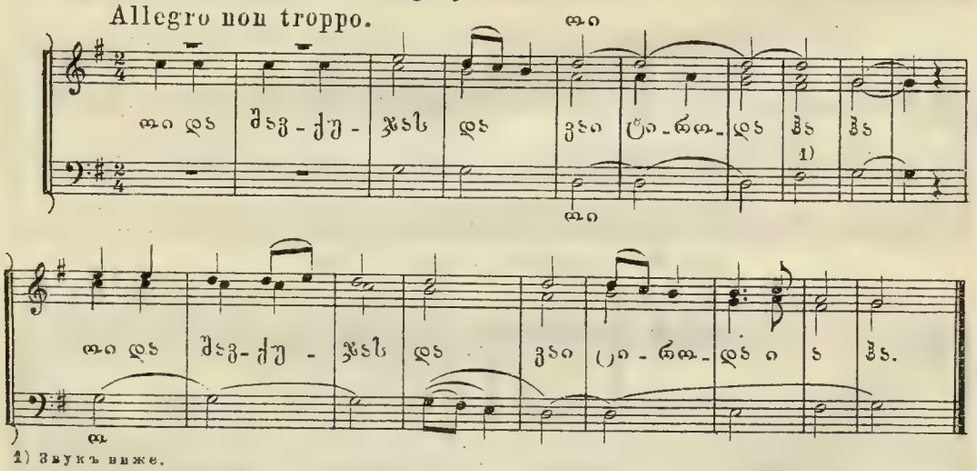
№7. ყურძენი. ВИНОГРАДЪ.

Moderato.



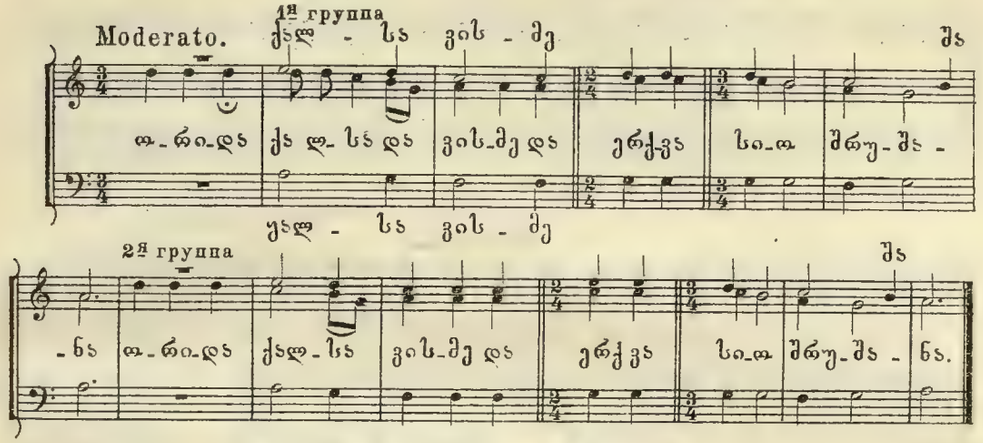
№ 8. სიმღერა შავკვაწაზე. ПѢСНЯ О ШАВКУДЖѢ.

Allegro non troppo.

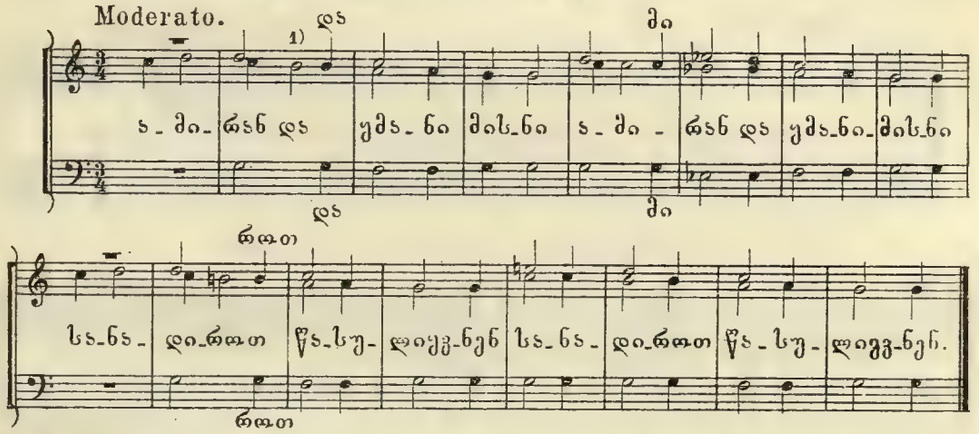


1) Звукъ ниже.

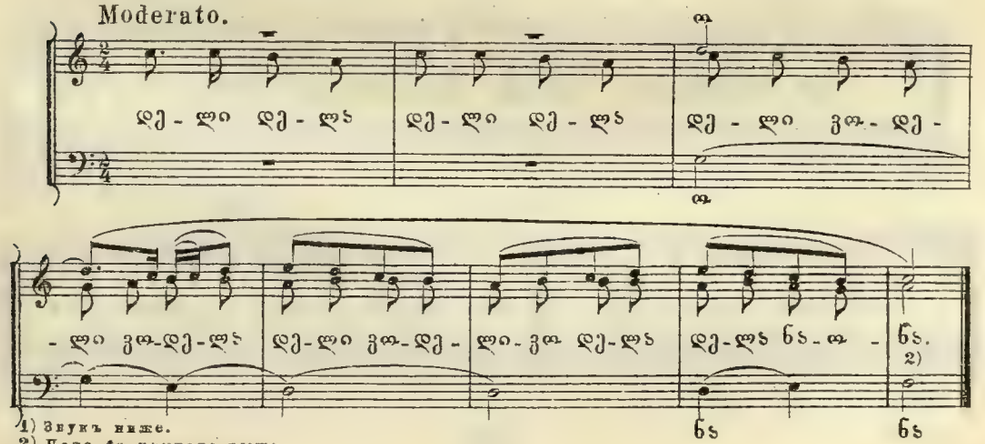
№9. სიო შრუშანა. СІО ШРУШАНА.

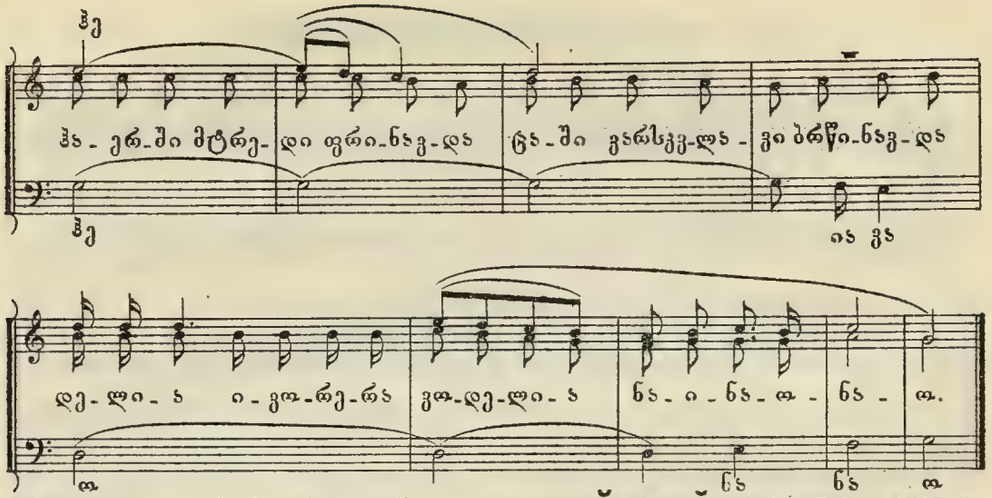


№10. ამირანი. АМИРАНЪ.

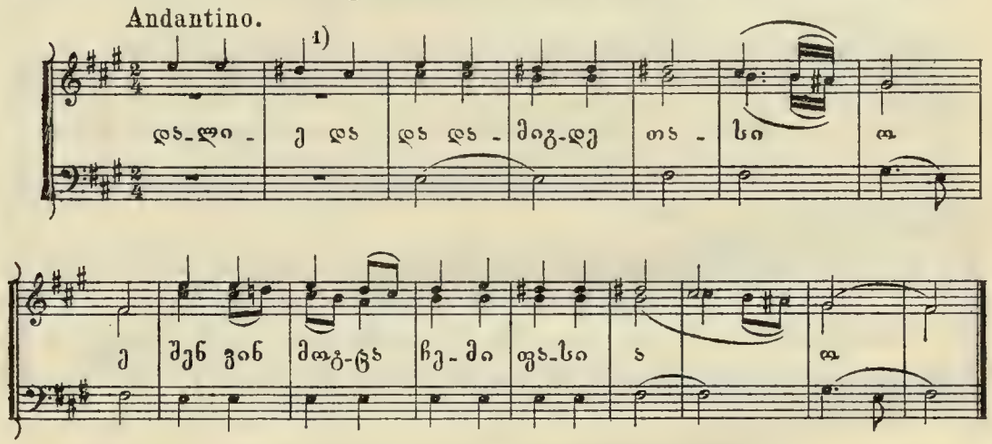


№11. დელი-დელა (მგზავრული.) ДЭЛИ-ДЭЛА (походная).

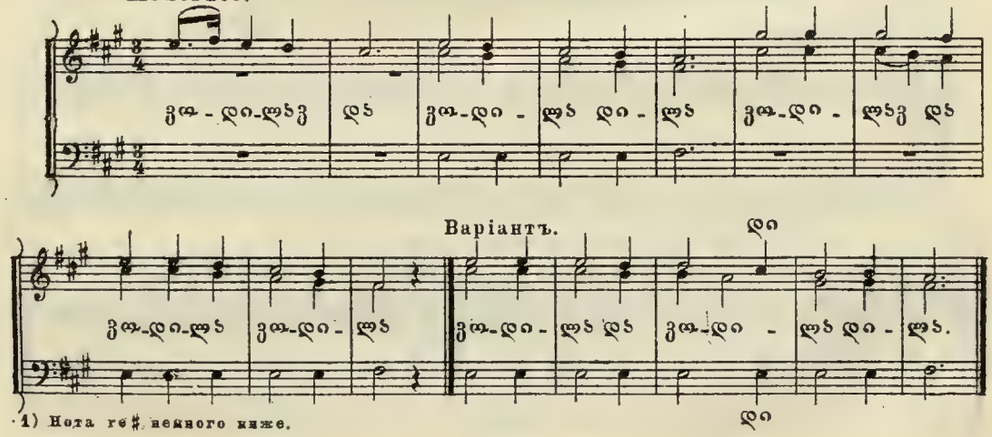




№12. დალიე, ჩემო ბატონო! ВЫПЕЙ, МОЙ ГОСПОДИНЪ!

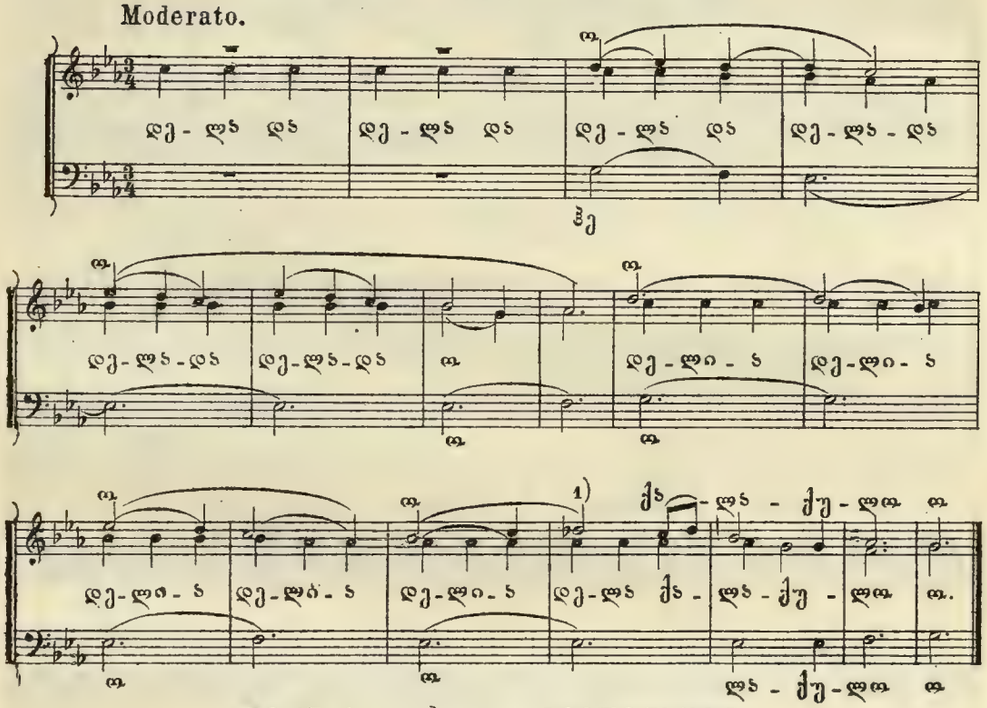


№13. მაყრული. СВАДЕБНАЯ.

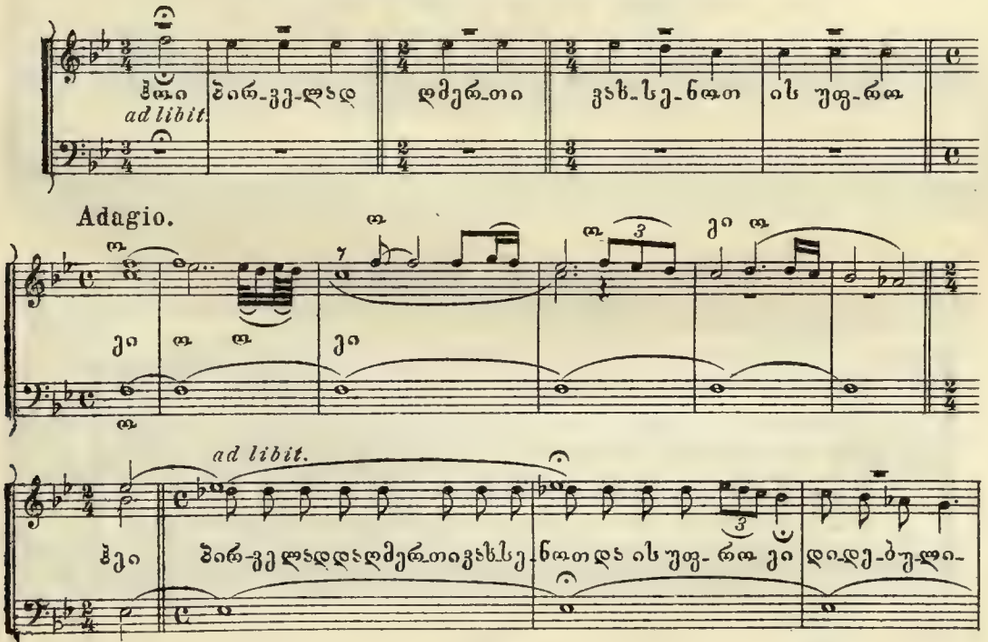


1) Нота re♯ немного ниже.

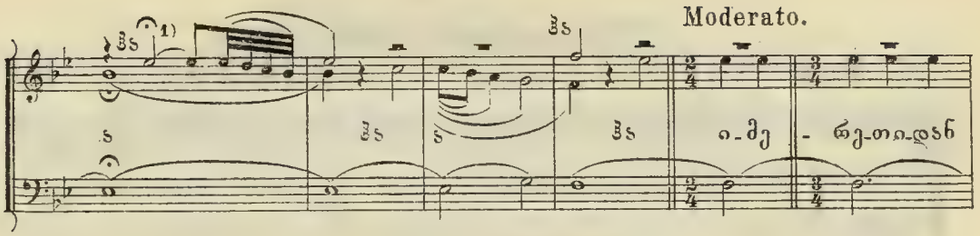
№ 14. ოდელა. ОДЭЛА...

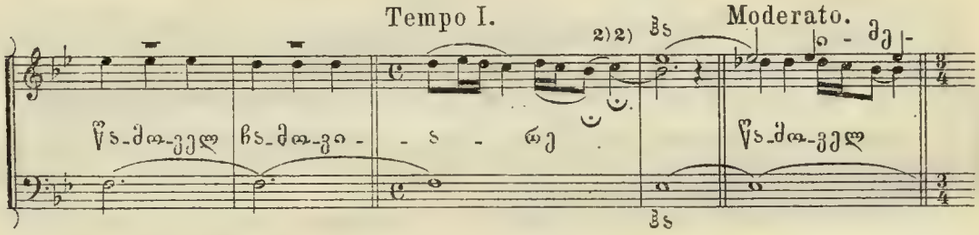


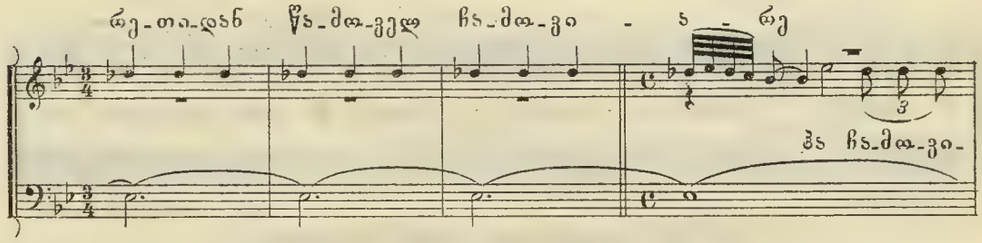
№ 15. სუფრული. ЗАСТОЛЬНАЯ.

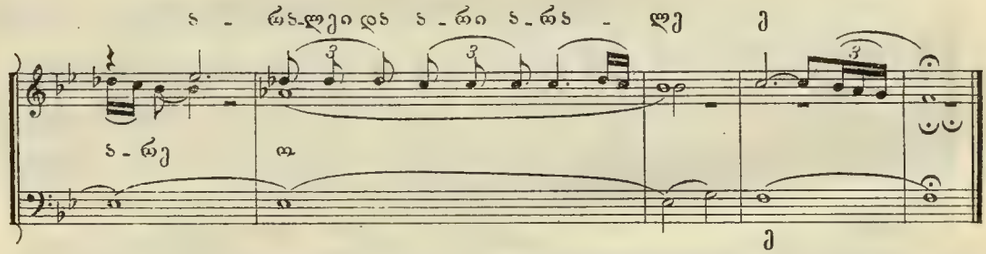


1) Звукъ ре♭ спѣть выше.

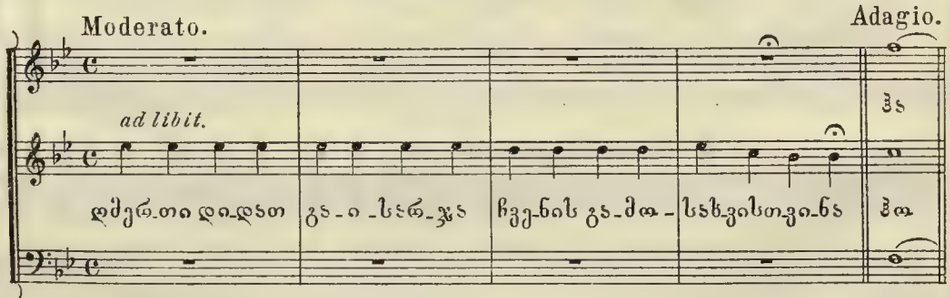






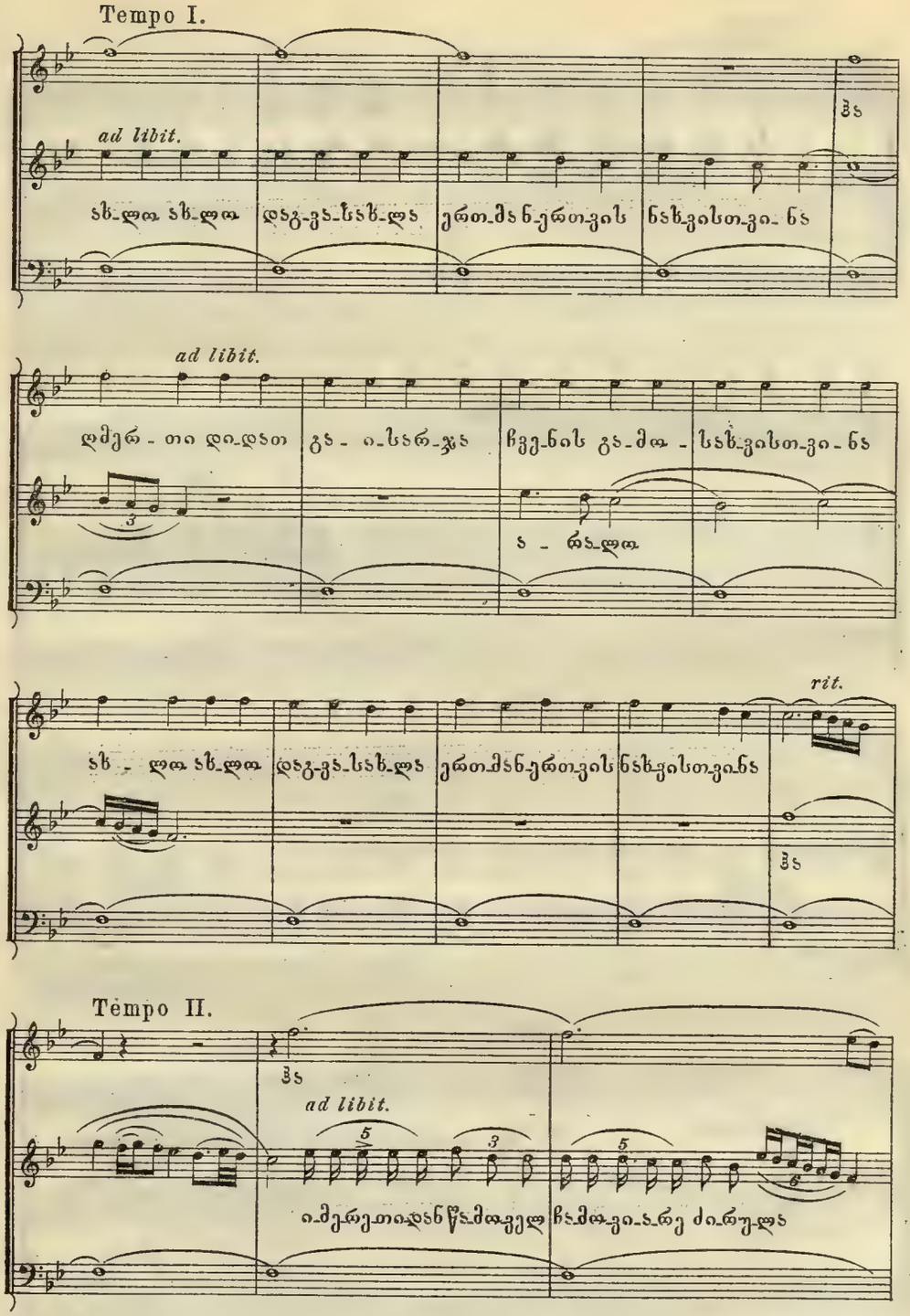


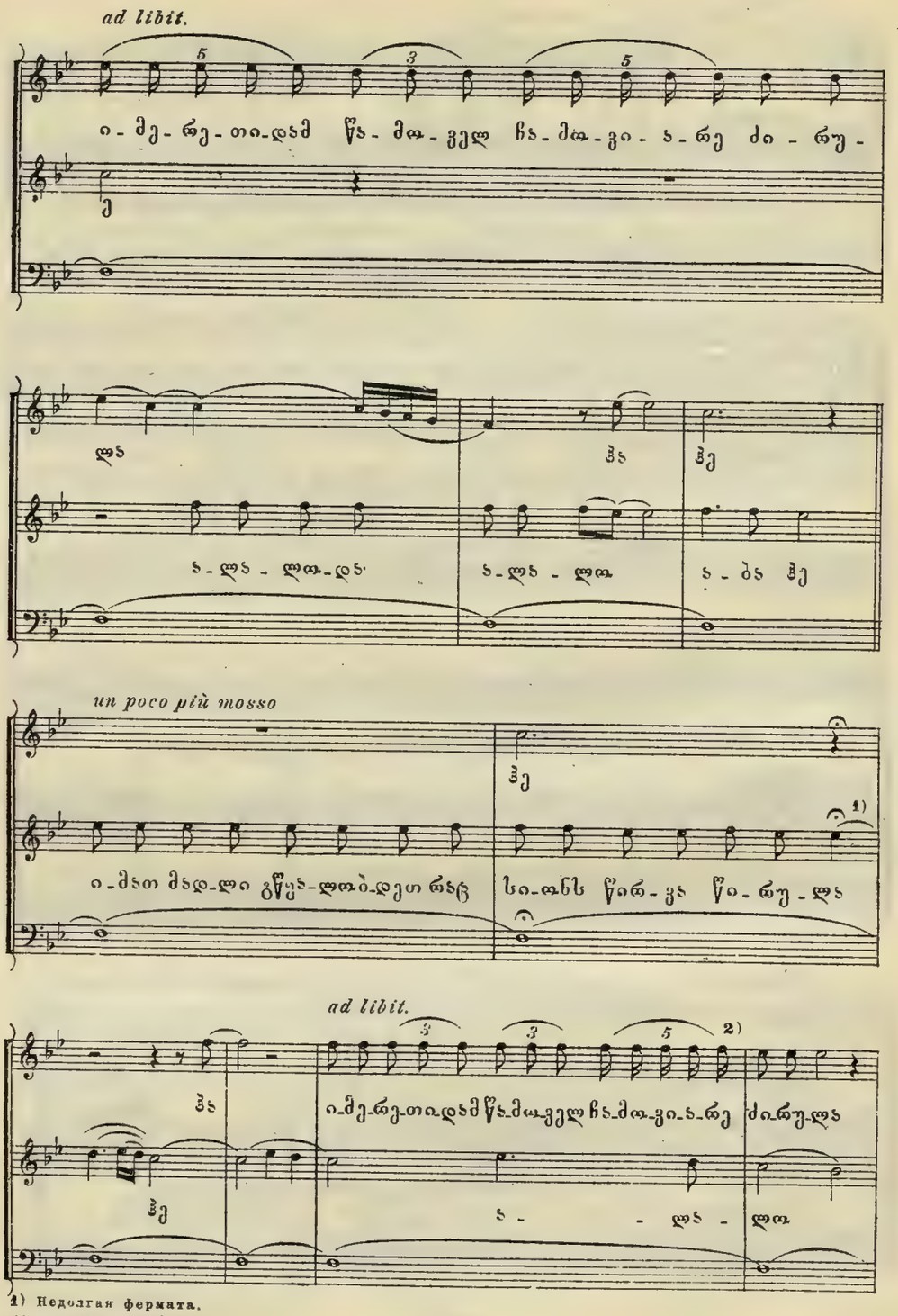
№ 16. სუფრული. ЗАСТОЛЬНАЯ.



1) Тянуть фермату долго.

2)2) Недолгія ферматы.

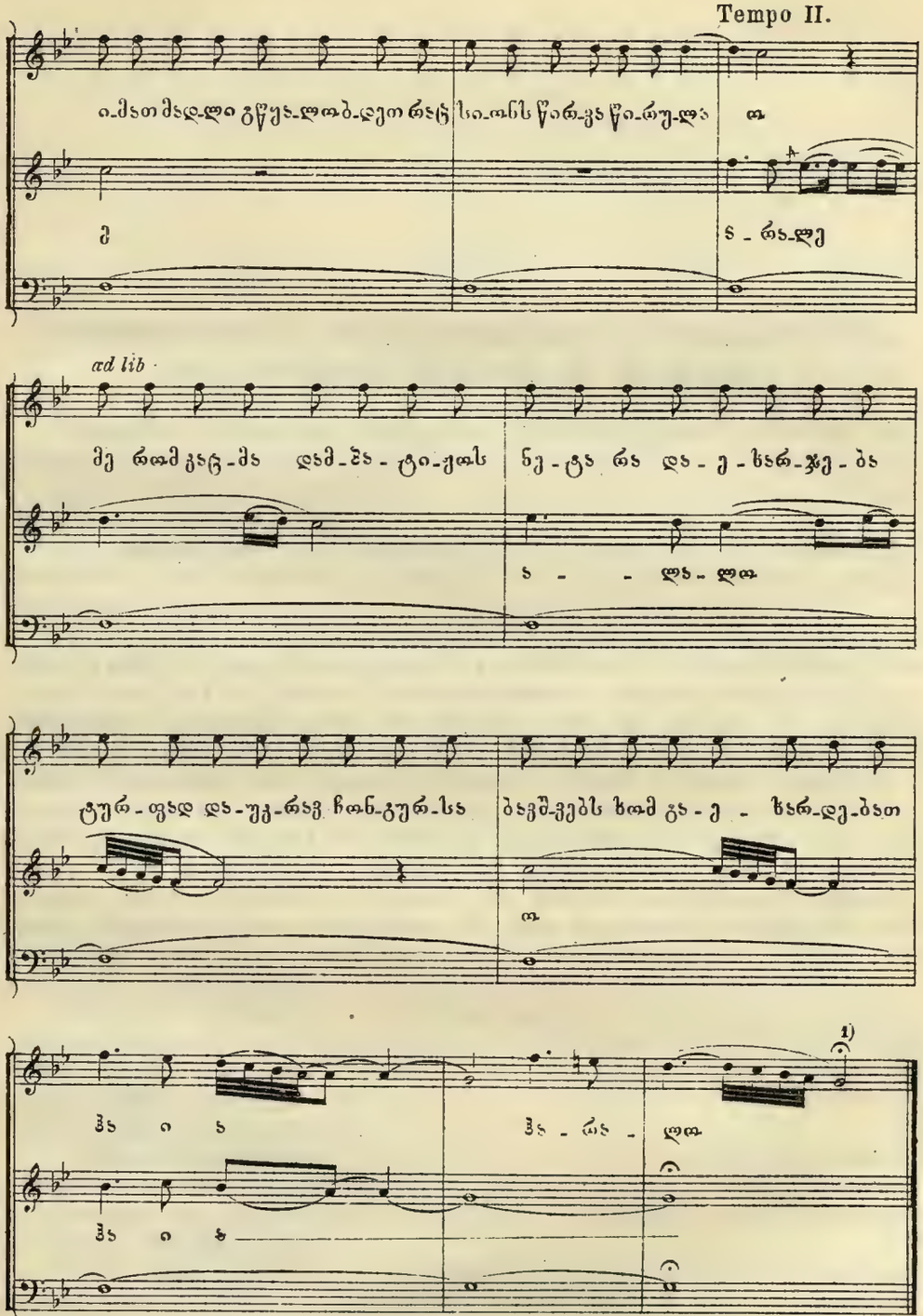

Tempo I.
ad libit.
ხმ
ხმ-ლა ხმ-ლა დაგ-ვა-სახ-ლა ერთ-მან-ერთ-ვის ნახ-ვის-თვი-ნა
ad libit.
ღმერ-თი დი-დათ გა-ი-სარ-ჯა ჩვე-ნის გა-მო- სახ-ვის-თვი-ნა
ა-ხლა
rit.
ხმ-ლა ხმ-ლა დაგ-ვა-სახ-ლა ერთ-მან-ერთ-ვის ნახ-ვის-თვი-ნა
ხმ
Tempo II.
ხმ
ad libit.
ი-მერ-თა-დან წა-მა-ვალ ჩა-მო-ვი-ა-რე ძი-რუ-ლა



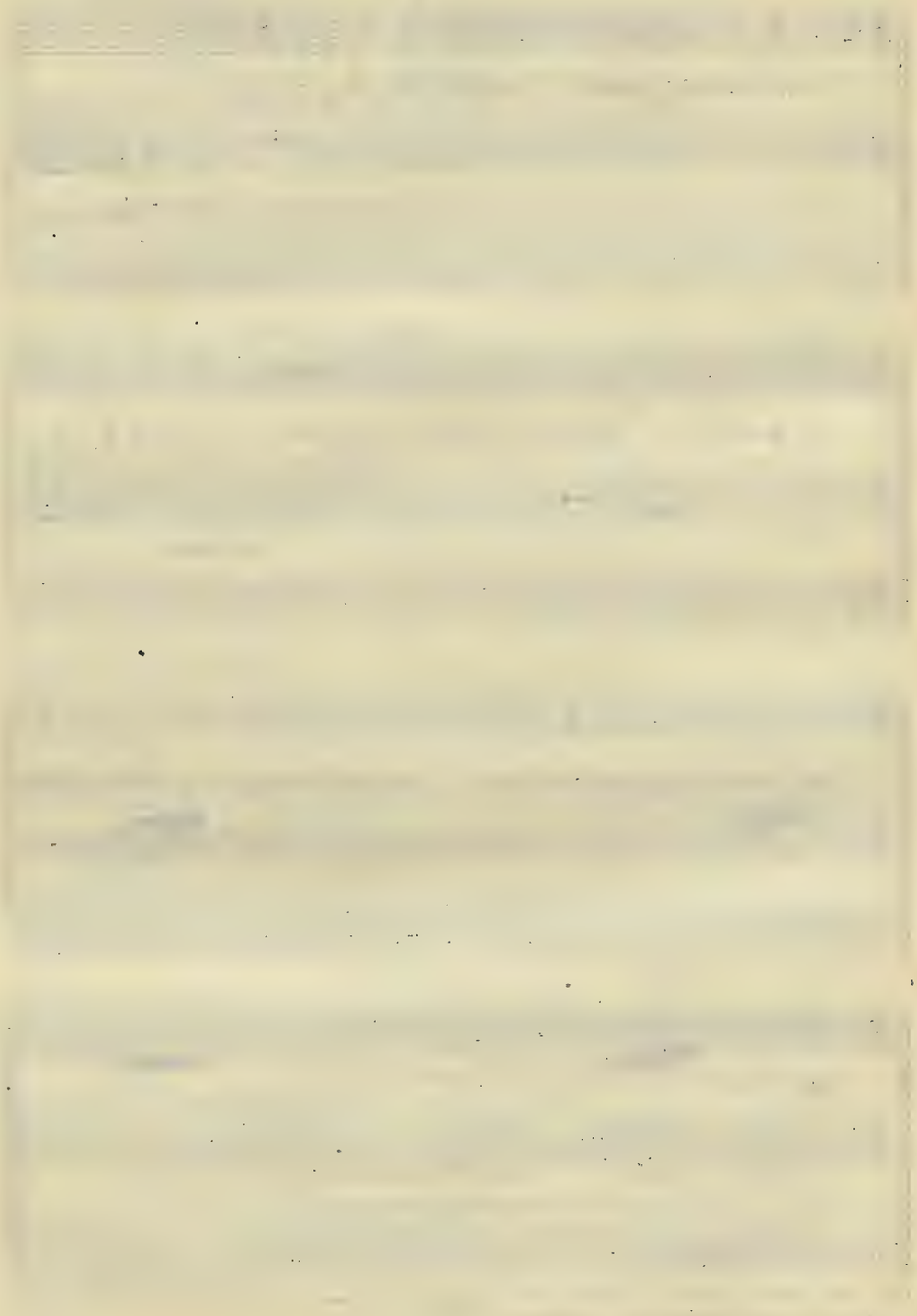
1) Недолгая фермата.

2) Эти $16^{\frac{2}{2}}$ исполнить какъ $8^{\frac{2}{2}}$.

Tempo II.



1) Въ этой пѣснѣ, а также въ № 15, текстъ былъ не всегда ясенъ въ фонографѣ, и нами, чтобы сохранить напѣвъ, пришлось его мѣстами подписать по своему.



IV.

О грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса.

Грузинскіе музыкальные инструменты находятся въ Москвѣ, насколько намъ извѣстно, въ трехъ музеяхъ, а именно: въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ, въ музеѣ Московской консерваторіи и музыкально-драматическомъ училищѣ Моск. Филармоническаго Общества.

Въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ, помѣщающемся въ зданіи Румянцовскаго музея, есть много музыкальныхъ инструментовъ, принадлежащихъ различнымъ народностямъ Россіи, и среди нихъ есть также грузинскіе.

Первое мѣсто изъ этихъ инструментовъ принадлежитъ ручной 11-струнной *арфѣ* (судимъ по колкамъ, такъ какъ струнъ нѣтъ, а есть только обрывки). Рисунокъ см. за № 2 въ статьѣ: „Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго музея“, А. Маслова. Она имѣетъ дугообразную шею въ 15 вершковъ длины, четырехугольный, къ началу закругленный резонаторъ изъ дерева, 12 вершковъ длины, 2 вершка ширины и 2 вершка высоты. На срединѣ деки между продушинами (четыре и четыре) — мѣста для струнъ, которыя вдавливаются маленькими колышками. Струны изъ волосъ. Около послѣдней струны (самаго высокаго по мѣсту звука) — пуговица, которая, при ея нажиманіи, приводитъ въ движеніе фигурки (двѣ лошадки и туръ), расположенныя въ томъ мѣстѣ, гдѣ арфа принимаетъ закругленіе. Эти фигурки, ударяясь о деку, производятъ стукъ, который, вѣроятно, служилъ дополненіемъ къ аккомпанименту арфы во время пѣнія, или вообще игры.

На одной изъ стѣнокъ ея и на нижней декѣ или спинкѣ вырѣзаны двѣ надписи на грузинскомъ языкѣ, которыя гласятъ слѣдующее: 1) „Эсэ Пандури арис Пуцуна Бегвис“, т.-е. „Эта Пандури (названіе инструмента) принадлежитъ Пуцунѣ [1]) Бегви“, и 2) „Винц мойпарос, мас рисхамдес мадли гвтиса. Амин“, т.-е. „Кто похититъ, того да поразитъ гнѣвъ Божій. Аминь“.

Откуда могъ попасть въ Грузію прототипъ такого инструмента, сказать утвердительно трудно. Какъ вѣроятность, можно допустить, что онъ перешелъ къ грузинамъ отъ древнихъ евреевъ, которые, по преданію, живутъ въ Грузіи со временъ Навуходоносора.

Каковъ былъ прототипъ этого инструмента, мы не знаемъ, что же касается теперешняго его вида, то онъ представляетъ уже видъ національзировавшійся,

---

[1]) „Пуцуна“, собственно, значитъ душечка, милый.

чему служатъ доказательствомъ какъ всевозможныя фигурки змѣй, лошадокъ, уточекъ на арфѣ, такъ и своеобразная рѣзьба.

Такой же формы, но не такой изящной отдѣлки инструментъ, безъ струнъ, есть и въ московскомъ консерваторскомъ музеѣ. Корпусъ у него также четырехугольный изъ цѣлаго дерева. Длина 11 верш., высота 2 вершка. Онъ начинается ручкой, въ которой большое круглое отверстіе, для того чтобы вкладывать въ нее пальцы и держать инструментъ. Въ ручку вложена дугообразная рама. На ней расположено 13 маленькихъ отверстій для колковъ. Колковъ и струнъ нѣтъ совсѣмъ. На декѣ 11 маленькихъ отверстій для вдавливанія струнъ. По бокамъ ея расположены голосники, напоминающіе скрипичныя es. Дека приклеена, а къ концу прикрѣплена деревянными гвоздиками. Такими же гвоздиками прикрѣплена и рама къ ручкѣ. Рисунокъ его приводимъ за № 1.

Рис. 1.

Далѣе, кромѣ этой арфы, въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ есть еще и 6-струнная, правильнѣе 6-колковая арфа (рис. ея см. за № 1, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея.“

Длина корпуса этой арфы 9 вершковъ, ширина $2^1/_2$ вершка, высота 2 вершка. Вертикальная рама длины 12 вершковъ, ширины около 2-хъ вершковъ. Ручка 2—$2^1/_2$ вершка. Въ общемъ, инструментъ имѣетъ 14 вершк. длины. Дека у этой арфы прикрѣплена проволокой, которая обхватываетъ весь корпусъ. Рама вставлена въ ручку. Точно такой же формы инструментъ есть и въ Московскомъ консерваторскомъ музеѣ.

Консерваторская шестиструнная арфа точно такъ же, какъ и въ Этногр. Музеѣ, такой же примитивной работы, только поуже рамой. Корпусъ у нея такой же овальный, въ видѣ корыта, выдолбленъ изъ цѣлаго дерева. Длины онъ имѣетъ 11 вершковъ. Дека прибита гвоздиками и прикрѣплена шнуркомъ изъ волосъ, съ помощью палочки. На декѣ выдѣляется маленькій (какъ и тамъ) гребень, куда вдавливаются струны колышками. Имѣется только четыре струны изъ конскихъ волосъ. Корпусъ имѣетъ небольшую шею (ручку), въ которую вставлена вертикальная рама, на которой расположены колки. Длина рамы $11^1/_2$ верш., ширина $1^1/_2$ верш. На ней какъ посрединѣ, такъ и наверху прорѣзы. Высота корпуса около двухъ вершковъ (рис. № 2).

Рис. 2.

Такія шестиструнныя арфы употребляются у горскихъ грузинъ-сваповъ и называются „чанги“. Струны у нихъ изъ конскихъ волосъ. Строй инструмента больш. 3-е (первая, третья и пятая струны) и малое (вторая, четвертая и шестая струны). Подъ аккомпаниментъ этихъ двухъ аккордовъ исполняются различныя пѣсни соло. Очень рѣдко играютъ на ней совмѣстно съ другими инструментами, напр., съ чуниромъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка съ фотографіи, снятой въ Сванетіи г. Барановымъ и изображающей семью князей Дадешкеліани (рис. № 3).

Въ такомъ же родѣ и такого же названія инструментъ я видѣлъ у грузинъ-мингрельцевъ въ городѣ Поти, но только мингрельскій инструментъ отличался

тѣмъ, что имѣлъ четырехугольный корпусъ, струны изъ шелковыхъ нитокъ и числомъ девять.

Не менѣе интересенъ музыкальный инструментъ въ Дашковскомъ музеѣ, имѣющій видъ *цитры;* къ сожалѣнію, у нея недостаетъ колковъ и струнъ (рис. см. за № 87, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Эти. музея“).

Рис. 3.

Длина корпуса этого инструмента спереди 17¼ вершк., сзади 8 верш. Высота немного болѣе 1½ вершка. По бокамъ корпуса гребешки. На правой стѣнкѣ расположены колки, на лѣвой гвоздики, прикрѣпляющіе струны. На передней стѣнкѣ имѣется отверстіе въ 2 вершка въ діаметрѣ, служащее, вѣроятно, для того, чтобы вынимать инструментъ пальцами изъ футляра. Отверстіе это, какъ и задняя стѣнка, покрыто инкрустаціями изъ перламутра. На декѣ 3 большія звѣзды — продушины.

Тѣ лица, которыя видѣли этотъ инструментъ въ Грузіи, пазывали его „цинцила“. Лично же мнѣ лѣтомъ 1902 г. въ одной деревнѣ пришлось снять фотографію съ такого же инструмента, который мнѣ назвали „сантури“. Отличіе моего инструмента отъ музейскаго заключается только въ томъ, что въ моемъ инструментѣ 22 звука, по 5 струнъ на каждый звукъ, въ музейскомъ же 18 звуковъ, по 4 струны на звукъ. Затѣмъ, мой больше по размѣру, но работа проще, безъ инкрустацій. Въ остальномъ же разницы никакой нѣтъ, т.-е. струны, какъ тамъ, такъ и здѣсь тонкія, металлическія, держатся (лежатъ) на подставкахъ въ родѣ катушекъ, настраиваются ключомъ. Играть, какъ здѣсь, такъ и тамъ надо деревянными молоточками. Строй, къ глубокому сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать.

Инструментъ такой же почти формы подъ названіемъ „сантиръ“ мы встрѣчаемъ у арабовъ, отъ которыхъ, нужно полагать, и перешелъ этотъ инструментъ къ грузинамъ, когда арабы владычествовали надъ Грузіей. Что же касается музейскаго „цинцила“, то это, по моему, тотъ же арабскій „сантиръ“, только подъ другимъ названіемъ, сдѣланный, можетъ-быть, персами, которые вообще любятъ украшать свои инструменты инкрустаціями.

Играютъ на этомъ инструментѣ, аккомпанируя сольному пѣнію, или же иногда принимая участіе въ „сазандари“, о которомъ ниже. Въ настоящее время изъ грузинъ рѣдко кто на немъ играетъ. Въ консерваторскомъ музеѣ также имѣется такой инструментъ. На немъ 20 звуковъ (по четыре струны на звукъ). Струны такія же—металлическія, тонкія (много оборванныхъ), должны лежать на подставкахъ-катушкахъ, изъ конхъ нѣсколько лежатъ въ футлярѣ. На декѣ вырѣзаны четыре звѣзды съ продушинами. Для игры есть палочки. На передней стѣнкѣ, въ срединѣ, есть такъ же, какъ и тамъ, круглое отверстіе съ большой палецъ. На задней тоже звѣзда, только безъ продушинъ. Надъ корпусомъ возвышаются гребешки по бокамъ, на которыхъ лежатъ струны. У лѣваго гребешка посрединѣ проволока. Струны прикрѣплены съ правой стороны желѣзными небольшими гвоздиками, съ лѣвой же вдѣты на желѣзные колки, которые должны настраиваться желѣзнымъ ключомъ. Длина инструмента съ передней стороны трапеціи $17^1/_2$ вершк., съ задней—$7^3/_4$ в., высота $1^1/_4$ вершка. Для него имѣется футляръ (рис. № 4).

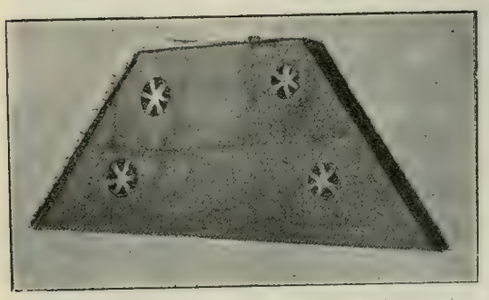


Рис. 4.

Сравнительно къ менѣе интереснымъ инструментамъ, находящимся въ Дашковскомъ музеѣ, принадлежатъ: *тари*, *чіанури* и *чонгури* (карталино-кахетинское).

Рис. 5.

Тари бываетъ различной величины, смотря по числу колковъ-звуковъ. Въ Дашковскомъ музеѣ — съ 4-мя колками (2-хъ нѣтъ) безъ струнъ. Сравнительно съ другими, размѣръ имѣетъ небольшой. Корпусъ тари около $5^1/_2$ вершк., высота въ началѣ 2 вершка, къ концу $2^1/_2$ в. Грифъ около $9^1/_2$ в. Шея, на которой расположены колки, длины и ширины около $2^1/_4$ вершк. Общая длина инструмента около 17 вершк. (рис. см. за № 39, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашков. Этн. музея“).

Обыкновенно они требуютъ по 2 металлическихъ струны на звукъ, иногда по одной. Инструментъ этотъ имѣетъ видъ гитары, только корпусомъ раза въ два или два съ половиной выше ея и нѣсколько уже въ ширину. На грифѣ 11 ладовъ. Дека сдѣлана изъ пузыря. Играютъ на немъ плектромъ въ видѣ тремоло. Строй бываетъ различный, смотря по количеству звуковъ (3—8). Если у тари 3 звука, то они настроены такъ: 1-я группа струнъ, предположимъ, нота sol, вторая re, третья do—всѣ въ 1-й октавѣ. Если инструментъ имѣетъ четыре звука, то 4-й настраивается, если не ошибаюсь, въ октаву вверхъ съ 1-мъ[1]).

Такой же инструментъ, только больше величиной, пожертвованъ однимъ моимъ знакомымъ въ предполагавшійся музей Филармоническаго училища. Рисунокъ его мы приводимъ за № 5.

---

[1]) Встрѣчается и такой строй: do 2 октавы, sol и re 1 октавы (на звукъ всѣ по двѣ струны), затѣмъ re малой октавы (съ одной струной), далѣе идутъ приструнки: do 3 октавы и sol 2 октавы (по двѣ струны на звукъ). Словомъ, строй часто зависитъ отъ самой пѣсни.

Чіанури есть не что иное, какъ арабскій „кеманче“, только корпусомъ нѣсколько большаго размѣра. Резонаторъ его деревянный, круглый, суживающійся книзу; дека изъ пузыря. Чіанури имѣетъ длинный грифъ съ 3-мя колками, а также длинную желѣзную стойку, на которую опирается резонаторъ. Корпусъ чіанури имѣетъ вершка $4^1/_2$ высоты; грифъ 6 вершк. длины; желѣзная стойка 5 вершк. и 5 вершк. идутъ на шею (гдѣ расположены колки) и ручку. Въ общемъ, инструментъ имѣетъ длины 19 вершк. Струнъ металлическихъ бываетъ обыкновенно не болѣе 3-хъ (въ музейскомъ экземплярѣ уцѣлѣла только 1 струна). Играютъ смычкомъ, тремолируя. Строй его—чистая квинта и октава. Рисунокъ за № 72 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. музея“.

Такой же инструментъ имѣется и въ Филармоническомъ училищѣ.

Какъ въ тари, такъ и въ чіанури края деки и грифъ бываютъ отдѣланы инкрустаціями. Въ музейскихъ отдѣланъ только грифъ тари.

Карталино-кахетинское *чонгури* гораздо меньше по сравненію съ вышеописанными двумя инструментами. Деревянный корпусъ ея имѣетъ видъ разрѣзанной по длинѣ пополамъ груши, съ нѣсколько удлиненнымъ грифомъ, разукрашеннымъ инкрустаціями, съ двумя колками (утеряны). Струны бываютъ металлическія; ихъ 4, по 2 струны на звукъ (въ описанномъ экземплярѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ). Играютъ на чонгури плектромъ. Строй его — чистая кварта (рис. см. за № 36, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“).

Въ собраніи московской консерваторіи имѣется два вида этого инструмента, очень изящной работы. Первое чонгури консерваторскаго музея такое же, какъ и въ Дашковскомъ Этногр. музеѣ, т.-е. корпусъ его представляетъ видъ разрѣзанной по длинѣ пополамъ небольшой груши, склеенной изъ кусочковъ. Длина его $4^1/_2$ вершка, ширина въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ $2^1/_2$ вершка. Дека деревянная, какъ и тамъ. Начало ея изукрашено перламутровыми инкрустаціями. На концѣ корпуса сверху кость съ нарѣзами для струнъ. Грифъ имѣетъ $8^1/_4$ в. длины; лицевая сторона его вся покрыта инкрустаціями. На немъ 15 ладовъ (лады похожи на струнныя тонкія нитки). Они расположены такъ: группа въ 4, затѣмъ въ 6, затѣмъ опять въ 4 и одна за порожкомъ (разъединяющая струны). Послѣдняя даже, собственно, не ладъ, а просто извѣстнаго рода укрѣпленіе, подъ которымъ идутъ струны къ грифу, чтобы онѣ были не выше порожка (какъ у современныхъ гитаръ). Такимъ образомъ, струны находятся подъ нимъ, т.-е. подъ этимъ укрѣпленіемъ. Онѣ тонкія, металлическія. Имѣется только одна, а должно быть четыре, по двѣ струны на звукъ. Общая длина инструмента 13 вершковъ. Работа его весьма изящная; строй его — чистая кварта. Распространенъ онъ, главнымъ образомъ, среди грузинъ Тифлисской губ.—карталинцевъ и кахетинцевъ. Подъ аккомпаниментъ его поютъ грузино-персидскія „баяти“.

Второе чонгури по формѣ почти такое же, только корпусомъ (изъ цѣлаго дерева) болѣе четырехугольнымъ, чѣмъ грушевиднымъ. На стѣнкахъ его—правой и лѣвой и отчасти по бокамъ, внизу — въ большомъ количествѣ звѣздообразныя отверстія, заклеенныя внутри цвѣтною бумагой. Длина корпуса 4 вершка, ширина немного болѣе двухъ, такая же и высота. Дека деревянная, съ двумя прямыми продушинами посрединѣ; бока ея отдѣланы инкрустаціями. Въ концѣ корпуса, какъ и у перваго чонгури, прикрѣплена кость для струнъ. Грифъ $8^1/_2$ вершковъ; по бокамъ его приклеены, какъ украшенія, во всю длину узенькія кости, посрединѣ которыхъ помѣщены перламутровыя инкрустаціи. Ладовъ на грифѣ нѣтъ, а есть порожекъ съ 4-мя прорѣзами, разъединяющій струны. Колковъ должно быть

пять (имѣется налицо четыре). Струнъ совсѣмъ нѣтъ. Общая длина инструмента 12½ вершк. Работа очень изящная. Такой же инструментъ имѣется и въ Московскомъ Филармоническомъ училищѣ (рис. № 6).

Рис. 6.

Какъ чонгури, такъ въ особенности тари и чіанури можно встрѣтить въ Грузіи въ любомъ домѣ дворянина или князя. Игра на нихъ и пѣніе подъ ихъ аккомпаниментъ до сихъ поръ пользуются здѣсь большою любовью и считаются національными. Любовь къ такого рода музыкѣ я объяснялъ себѣ вліяніемъ персовъ при грузинскихъ царяхъ магометанахъ въ XVI и XVII вв., „когда грузинскій царскій дворъ окруженный необыкновенной роскошью, не только старался подражать персидскимъ обычаямъ, но, въ угоду шаху, насажденіе персидскихъ нравовъ производилось силою оружія“. Вѣроятно, тогда и перешли эти инструменты въ Грузію и сдѣлались общеупотребительными.

Мы должны, однако, сказать, что на этихъ инструментахъ, помимо грузинскихъ дворянъ и князей, играетъ въ Грузіи еще особая каста городскихъ музыкантовъ подъ названіемъ „*сазандари*“. Обыкновенно „сазандари“ представляютъ изъ себя небольшой оркестръ изъ четырехъ человѣкъ, большею частью изъ персовъ. Одинъ играетъ плектромъ на тари, другой смычкомъ на чіанури, третій поетъ и подыгрываетъ себѣ на дайрѣ, а четвертый аккомпанируетъ на маленькихъ азіатскихъ литаврахъ—диплипито (рис. 7).

Рис. 7. Сазандари (восточные музыканты).

Весь оркестръ, собственно, служитъ для аккомпанимента пѣвцу, на котораго, главнымъ образомъ, падаетъ центръ тяжести, инструментамъ же приходится то гармонически, то контрапунктически украшать пѣніе. Совершенно самостоятельную роль они исполняютъ во время танцевъ и различныхъ вступленій.

Занимая привилегированное положеніе, „сазандари“ приглашаются людьми только состоятельными, разъѣзжая иногда изъ города въ городъ, играя нерѣдко въ клубахъ захолустныхъ городовъ. Въ г. Сигнахѣ (Тифл. губ.) мнѣ однажды пришлось слышать, какъ они въ общественномъ собраніи разыгрывали европейскіе танцы. Разумѣется, вальсы у нихъ, которые они еще и подвирали по своему, получались замѣчательно курьезными, такъ какъ они не могли обойтись безъ того, чтобы не придать этимъ вальсамъ и другимъ танцамъ свой персидскій колоритъ. Получалась удивительно курьезная картина. Публика же до того свыклась съ этимъ, что не обращала на это рѣшительно никакого вниманія.

Въ общемъ, конечно, заниматься „сазандарамъ“ такими дѣлами приходится только между прочимъ, да и то, собственно говоря, не всѣмъ, а только нѣкоторымъ. Главное ихъ искусство — это игра и пѣніе на своихъ инструментахъ, источникъ существованія ихъ—своя восточная инструментально-вокальная на-

Рис. 8.

родная музыка. Этой области они, какъ профессіональные музыканты, посвящаютъ все свое время и работаютъ до тѣхъ поръ, пока не распадется оркестръ.

Оркестры эти организуются изъ народа безусловно даровитаго, музыкальнаго, вотъ почему среди нихъ попадаются часто замѣчательные виртуозы и выдающіеся пѣвцы.

Музыку исполняютъ они персидскую, и лишь только въ танцахъ вы можете услышать грузинскія плясовыя мелодіи, исполняемыя съ большимъ вкусомъ и эффектомъ. Эта персидская музыка дѣлится у нихъ на вокальную и инструментальную, притомъ какъ первая, такъ и вторая подраздѣляются, въ свою очередь, на нѣсколько группъ, какъ, напр.: „Баяти“, „Рааби“, „Чарга“, „Саадъ“ и др. (вокально-инструментальная группа), „Расти гуша“, „Узундара“ и др. (инструментальная группа). Какъ та, такъ и другая группа необыкновенно популярна въ высшемъ грузинскомъ обществѣ, не менѣе, пожалуй, въ армянскомъ, а ужъ про персидское и говорить нечего. Такимъ образомъ, „сазандарамъ“ есть гдѣ показать свое искусство, знанія и таланты, есть тотъ кругъ, который оцѣниваетъ и щедро оплачиваетъ ихъ за труды. Мы приводимъ еще одну группу „сазандари“, со стоящую изъ пяти человѣкъ (рис. 8).

Далѣе, изъ струнныхъ въ Дашковскомъ музеѣ находятся еще инструменты грузинъ-сванов подъ названіемъ „*пандури*“, и затѣмъ ихъ же пандурообразный инструментъ „*чуниръ*“.

Сванскіе пандури въ музеѣ—большой и малый. Очевидцы мнѣ говорили, что бываетъ и средній, такъ что на нихъ играютъ три человѣка, представляя миніатюрный оркестръ.

Резонаторъ [1]) у большого пандури сдѣланъ изъ дерева и имѣетъ видъ чашки. Спинка или нижняя дека небольшая, съ отверстіемъ посрединѣ приблизительно въ вершокъ въ квадратѣ. Вмѣсто деки служитъ обтянутый пузырь, прикрѣпленный колками къ резонатору, на ней четыре большихъ круглыхъ отверстія („голосники“). Подгрифкомъ служитъ кусокъ кожи, въ видѣ узкой ленты или тесьмы, которая надѣвается прямо на коротенькую шейку или стойку. Струны (оборванныя) изъ черныхъ волосъ, прикрѣпляются къ концу этого своеобразнаго подгрифка. Грифъ сравнительно небольшой. Колка четыре. Смычокъ дугообразный, примитивный, изъ волосъ. (Рисунокъ см. въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“ № 67).

Малое пандури [2]) съ лицевой стороны почти одинаково съ большимъ. Вмѣсто деки у него также натянутый пузырь, также съ четырьмя отверстіями, только гораздо меньшаго размѣра. Прикрѣплена она веревочками. Корпусъ малаго пандури состоитъ изъ половины пустой тыквы, нѣсколько суживающійся книзу и открытый, т.-е. безъ спинки. Вмѣсто подгрифка также кусокъ кожи, надѣтой на коротенькую стойку, какъ и у большого пандури. Колка два. Оборванныя струны изъ волосъ прикрѣпляются такъ же, какъ и у большого пандури. Кобылки, какъ и тамъ, нѣтъ, вѣроятно, утеряна (рис. см. въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“, № 66).

Далѣе идетъ инструментъ *чуниръ*. Корпусъ чунира представляетъ изъ себя маленькое сито [3]) такой же почти величины, такой же почти высоты, только вмѣсто сѣтки натянута кожа, которая служитъ декой. Низъ же совершенно открытый, такъ что видно продолженіе грифа, заканчивающееся маленькой стойкой. На стойку надѣта кобылка въ видѣ микроскопической трапеціи, на палочку которой привязываются струны изъ черныхъ конскихъ волосъ, которыхъ въ музейскомъ инструментѣ нѣтъ. На декѣ есть „голосники“. Инструментъ трехструнный; играютъ на немъ дугообразнымъ примитивнымъ смычкомъ также изъ волосъ. (Рис. см. за № 68 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“).

Въ консерваторскомъ музеѣ тоже имѣется такой инструментъ. Тамъ онъ менѣе музейскаго. Безъ „голосниковъ“. Въ остальномъ же по устройству одинаковый, т.-е. корпусъ имѣетъ видъ маленькаго сита (около 4-хъ верш. въ діа-

---

[1]) Резонаторъ сванскаго больш. пандури въ діам. сверху имѣетъ 6 вершковъ, снизу 4 вершка, высоты $2^1/_4$ вершка. Грифъ длины $8^1/_2$ верш., ширины $^1/_2$ вершка. Шея длины 3 вершка, ширины $1^1/_2$; на ней четыре колка въ рядъ. Стойка имѣетъ около $1^1/_2$ вершка. Общая длина инструмента 18 вершковъ. Смычокъ около 14 вершковъ длины.

[2]) Резонаторъ малаго пандури въ діаметрѣ имѣетъ сверху около 4 вершковъ и внизу около 1 вершка. Высота его три вершка. Длина грифа девять съ половиною вершковъ; шеи два съ половиною вершка; стойки 1 вершокъ. Общая длина его семнадцать съ половиною вершковъ. Смычокъ длины восемь съ половиною вершковъ.

[3]) Въ діаметрѣ онъ имѣетъ $5^1/_2$ в. Грифъ длины $7^1/_2$ в. Высота корпуса $2^1/_4$ в. Общая длина инструмента 15 съ полов. вершковъ.

метрѣ), сверху обтянутаго кожей, а снизу совершенно открытаго. На стойку также прикрѣплена маленькая трапеція, на которую, въ свою очередь прикрѣпляются струны изъ волосъ. На декѣ есть большая примитивнѣйшая подвижная кобылка, съ семью прорѣзами. Грифъ проходитъ посединѣ корпуса. Колка три. Струна имѣется одна только. Смычокъ дугообразный, примитивный, изъ волосъ. Общая длина инструмента около 14 верш. Работы онъ первобытной. Строй его кварта плюсъ секунда сверху, т.-е. трихордъ въ квинтѣ. (Рис. № 9).

Рис. 9.

Подъ аккомпаниментъ его исполняются пѣсни или речитативнаго характера, или иногда протяжныя.

Изъ духовыхъ инструментовъ въ музеѣ наибольшій интересъ представляетъ труба *саквири-горотото*. Труба эта прямая, около аршина и три четверти высоты, съ пятивершковымъ раструбомъ, металлическая. Въ Грузіи видѣли такія же трубы деревянныя. Она напоминаетъ звукъ по характеру тромбоновый. Употреблялась въ походахъ и затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда гдѣ нужно было почему-либо собрать поскорѣе народъ (рис. см. № 171 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. муз.“).

Далѣе идетъ *ствири-дапи*. Ствири есть не что иное, какъ волынка (см. рис. № 193 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“). Она дѣлается изъ небольшого бурдюка (мѣха) съ двумя отверстіями (въ лапкахъ). Въ одну изъ нихъ вставляется трубка для наполненія ствири воздухомъ, въ другую двѣ трубочки съ „голосниками“ (въ музейскомъ 6 на одной и 3 на другой), которыя вдвигаются въ бычачій рогъ-раструбъ. Обыкновенно голосниковыя трубочки и раструбъ убираются различными украшеніями: къ концу послѣдняго прикрѣпляются или ажурный изъ тонкой проволоки кисетъ для денегъ, или же просто цѣпочки. Бурдюкъ покрывается холстомъ, ситцемъ или еще какой-нибудь матеріей. Играетъ на немъ особая каста странствующихъ музыкантовъ, называемая „мествире“, почти исключительно изъ грузинъ Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губ., хотя есть и карталинцы. Не знаю, какіе странствующіе музыканты были въ Западной Европѣ, но относительно нашихъ скажу, что это, дѣйствительно, преинтересные типы. Путешествуя изъ деревни въ деревню на тѣ или иные народные праздники, или изъ города въ городъ на масленицу, Пасху и другимъ праздникамъ или буднямъ, эти лица зарабатываютъ въ потѣ лица своего хлѣбъ удивительной способностью стихотворной импровизаціи. Способность эта или природная или же получилась отъ упражненія въ этой области съизмалолѣтства. Какъ бы то ни было, для „мествире“ рѣшительно ничего не стоитъ моментально съимпровизировать что-нибудь. Окружите его большимъ количествомъ людей, и онъ никого не оставитъ такъ, не воспѣвши. Поодиночкѣ всѣхъ воспоетъ, импровизируя. И это, замѣтьте, не будетъ однообразно: иронія, комизмъ, остроуміе—все тутъ будетъ чередоваться между собою.

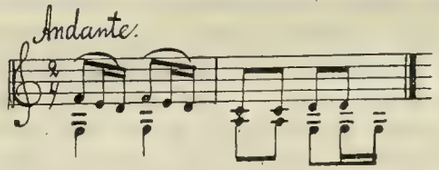
Одного онъ слегка высмѣетъ, другого похвалитъ, третьему наговоритъ всевозможныхъ комплиментовъ, четвертому выразитъ какія-либо соболѣзнованія и т. д. безъ конца. Все это дѣлается предварительно, спросивъ имя воспѣваемаго. Разумѣется, большей частью ему приходится или восхвалять воспѣваемаго или чрезъ мѣру преувеличивать какія-нибудь его достоинства, чтобы тотъ сталъ болѣе щедръ на пожертвованія. Свои импровизаціи онъ часто произноситъ, схватывая тѣ или иныя черты или въ движеніи или какомъ-нибудь характерномъ выраженіи

лица воспѣваемой фигуры. Тутъ часто могутъ посыпаться такія остроты, отъ которыхъ умрешь со смѣху. Вообще, если „мествире“ талантливый, то приходится наблюдать долгое время всеобщій заразительный хохотъ группы народа, который его окружаетъ; если мало талантливый — то такія картины увидишь не часто. Какъ среди всякихъ музыкантовъ, среди нихъ также встрѣчаются талантливые и довольно бездарные; первые слагаютъ стихи разнообразно, интересно и остро, другіе—наоборотъ. Говорить о томъ, что они желанные гости на всѣхъ пирушкахъ—излишне. Всѣ свои импровизаціи „мествире“ произносятъ распѣвнымъ речитативомъ, совершенно свободно, въ сопровожденіи инструмента, называемаго „гуда“ или, какъ мы называли выше, „ствири“ — волынка (отсюда и названіе „мествире“—волынщикъ).

Обыкновенно „мествире“ играетъ простенькую мелодію въ видѣ basса-melodia ostinata, аккомпанируя своимъ импровизаціямъ.

Вотъ приблизительно примѣръ такой фразки:

Рис. 10.



[1])

Какъ народный пѣвецъ и рапсодъ, онъ не ограничивается только своими импровизаціями, а имѣетъ репертуаръ пѣсенъ, по содержанію очень разнообразный. Тутъ будутъ пѣсни и религіозно-нравственнаго содержанія, и историческія, и эпическія.

Рис. 11.

„Воспѣвая подвиги своихъ соотчичей или минувшія бѣдствія страны, онъ сюжетомъ своей пѣсни можетъ взять сказанія объ Амиранѣ, Арчилѣ, Арсенѣ, Тамарѣ, Иракліи и др. или религіозно-нравственнаго содержанія, какъ, наприм.: „О смерти Авеля“, „О потопѣ и Ноѣ“, „Объ Іовѣ“ и др.

Странствуя повсюду, во всякое время года, въ дождь и слякоть, снѣгъ и холодъ, они не перестаютъ быть народными поэтами-пѣвцами своей прекрасной родины и ея героевъ. Играя незатѣйливо на своей волынкѣ и получая за свое искусство „кто что подастъ“, они находятся всегда почти въ хронической нуждѣ. Вѣчно оборванные, вѣчно обтрепанные, покрытые иногда лохмотьями, увеселяютъ они своихъ почтенныхъ сородичей на базарахъ, площадяхъ и т. п. мѣстахъ. И если бы когда-нибудь его спросили, какъ онъ чувствуетъ себя въ этой обстановкѣ,

[1]) Подробный строй инструмента см. у В. Д. К. въ „Кавказск. Вѣстникѣ“, 1900. Кн. X, стр. 25.

то получили бы отвѣтъ, далеко не свидѣтельствующій о радостной жизни и завидной долѣ (рис. 11).

Далѣе, въ музеѣ есть два *дудуки*: большое дудуки и малое На этихъ инструментахъ звуки извлекаются тростями, по формѣ напоминающими фаготовыя. Трости эти съ ободками, которые движутся вверхъ или внизъ и поднимаютъ или опускаютъ строй на полъ-тона или тонъ. Большое дудуки имѣетъ форму малой свирѣли, только раза въ два длиннѣе ея въ (14½ вершк.). На лицевой сторонѣ у нея семь продушинъ-„голосниковъ“ и на обратной сторонѣ три, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Этотъ инструментъ почти вышелъ изъ употребленія, такъ какъ на немъ трудно играть, и замѣненъ малымъ дудуки.

Малое дудуки по размѣрамъ почти на половину меньше большого (7 вершк.). Оно имѣетъ пять продушинъ на лицевой сторонѣ и одну на обратной. Въ общемъ, нужно замѣтить, что въ настоящее время дудуки большею частью употребляются съ восемью продушинами на лицевой и одной на обратной сторонѣ, съ такимъ, напр., строемъ: fa-діезъ, la-діезъ, si (малой октавы), do-діезъ, re-діезъ, mi-діезъ, fa-діезъ, sol-діезъ, la-діезъ и si (первой октавы). Притомъ звуки: si малой октавы, re-діезъ, mi-діезъ и la-діезъ первой октавы, въ сравненіи съ фортепіано, неполны. См. рис. № 151—152 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этнограф. музея“.

Звуки этихъ инструментовъ мягки и пріятны. Играетъ на нихъ также особая каста городскихъ музыкантовъ, называемыхъ „мезурнэ“, въ количествѣ трехъ человѣкъ: два на дудуки, а одинъ на барабанѣ „доли“, о которомъ ниже. Собственно эти музыканты, главнымъ образомъ, играютъ на зурнахъ—инструментахъ въ родѣ гобоя[1]) (только съ чрезвычайно пронзительными звуками), почему и называются „мезурнэ“, или по-русски *зурначами*. Они такъ же, какъ „сазандари“, профессіональные музыканты (исключительно изъ грузинъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ, если не ошибаюсь, изъ грузинъ и тамошнихъ армянъ), только зарабатывающіе свой кусокъ хлѣба болѣе тяжелымъ трудомъ, не такъ хорошо оплачиваемымъ. Ихъ бываетъ также всегда трое. Два играютъ на зурнахъ, а третій на барабанѣ „доли“. Послѣдній инструментъ для данной группы просто незамѣнимъ. Если бы не было барабана съ его интереснымъ, своеобразно красивымъ звукомъ, который вноситъ столько ритмической прелести, выбиваемой разнообразнымъ способомъ то палками (снизу и сверху), то пальцами, зурна не пользовалась бы такой популярностью. Она, по моему, только и хороша при барабанѣ, когда, соединяясь съ нимъ въ одно гармоническое цѣлое, даетъ оригинальный, весьма колоритный звукъ. Этотъ инструментъ не только, какъ контрабасъ въ оркестрѣ, является однимъ изъ центральныхъ, онъ, въ особенности въ танцахъ („Давлури“, „Лекури“, „Кинтоури“), захватываетъ васъ и заставляетъ положительно жить вмѣстѣ съ играющимъ. А, вѣдь, среди нихъ попадаются какіе мастера, какіе виртуозы! Все отдашь—да мало!

Играть на зурнахъ очень трудно. Нужно имѣть огромное здоровье и необыкновенныя легкія, чтобы выдерживать напряженное состояніе часто въ теченіе сутокъ, а то и больше. Вотъ почему „зурначи“ въ концѣ-концовъ заболѣваютъ

---

[1]) Такіе инструменты тоже есть въ музеѣ, ихъ даже два, только они не имѣютъ тростей. Въ нихъ по восьми голосниковъ на лицевой сторонѣ и по одному на обратной. Длины зурна имѣетъ около 6½ вершк., съ раструбомъ около вершка. Обыкновенно первый зурначъ играетъ мелодію, а второй только выдержанную поту (какъ второй дудукистъ) и называется *дамкаши*. См. рис. за №№ 155 и 156, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Эти. музея“.

своею профессіональною болѣзнью — опухолью въ пахахъ. Вѣдь, веселиться понемногу у насъ не заведено. У насъ если начнутъ веселиться, то такъ, что диву дашься! Куда только дѣвается то неизмѣримое количество вина, которое тутъ поглощается! И все, вѣдь, подъ музыку, подъ звуки зурны.

Рис. 12.

Музыка „зурначей“—персидская и грузинская, притомъ исключительно инструментальная. Она у нихъ также дѣлится на различныя категоріи, какъ, напр.: „Баяти“, „Сари“, на музыку, исполняемую во время борьбы, и т. п. Въ Баятахъ обыкновенно одна зурна тянетъ выдержанный звукъ, а другая все время вьется вокругъ него на большую секунду вверхъ или внизъ. Сари исполняется обыкновенно утренней зарей, когда веселящіеся расходятся по домамъ. Музыка, исполняемая во время борьбы, также имѣетъ свой особый, боевой характеръ, воодушевляющій борцовъ.

Кочуя иногда по разнымъ городамъ, присутствуя на различныхъ народныхъ и церковныхъ празднествахъ, вращаясь около свадебъ, вечеринокъ, попоекъ и т. п., онъ тяжелымъ трудомъ выдуваетъ себѣ заработокъ и такъ или иначе перебивается. Если попадетъ хорошая компанія или удачный вечеръ, то сплошь и рядомъ, помимо платы, ихъ хорошо одариваютъ; но иногда бываетъ и такъ, что онъ не получаетъ и того, что ему слѣдуетъ. Это, впрочемъ, случается очень рѣдко.

Далѣе, изъ духовыхъ инструментовъ у насъ осталось еще „*саламури*“—грузинская свирѣль съ чрезвычайно пріятнымъ звукомъ, напоминающимъ флейту. Музейское саламури, собственно, тифлисскаго производства, хотя по формѣ напоминаетъ саламури карталинскихъ осетинъ. Оно имѣетъ съ лицевой стороны семь продушинъ-„голосниковъ“ и одну на обратной; послѣдняя расположена такъ, какъ если бы находилась на лицевой между двумя первыми отверстіями. Длина ея около 7 вершковъ (рис. см. въ статьѣ: „Иллюстриров. оп. муз. инстр. Дашк. Этнографическ. музея“ № 124).

Изъ ударныхъ инструментовъ въ музеѣ находятся: „доли“, „диплипито“ и „дайра“. *Доли* (простонародное названіе *далабанди*) есть не что иное, какъ барабанъ, имѣющій форму цилиндра, обтянутаго какъ сверху, такъ и снизу кожей. Играютъ на немъ пальцами, а иногда палками. Высота доли $6\frac{1}{2}$ вершк., въ діаметрѣ $7\frac{1}{4}$ в.; палки по $7\frac{1}{4}$ в., при чемъ верхняя толстая, немного изогнутая, а нижняя тоненькая. Рис. см. за № 224 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. Дашк. Эт. музея“. Этотъ инструментъ встрѣчается и у другихъ кавказскихъ племенъ.

Консерваторскій доли представляетъ видъ полнаго разрушенія, такъ что мы его и не описываемъ.

„*Диплипито*“ или „*нагара*“ состоитъ изъ двухъ корпусовъ: большого и малаго [1]). Они всегда соединены и представляютъ какъ бы маленькія литавры. Въ послѣднее время къ нимъ прикрѣпляютъ еще колокольчикъ. Корпуса у

[1]) Мнѣ говорили, что бываетъ иногда третій, еще меньше второго, прикрѣпленный съ правой стороны. Высота большого диплипито около $6\frac{1}{2}$ верш., малого ок. 2 верш. Діаметръ большого $3\frac{1}{2}$ в., малаго—$2\frac{1}{2}$ в. Палка для большого $5\frac{1}{2}$ в., для малаго $4\frac{1}{2}$ в.

„диплипито“ черепяные въ видѣ конусовъ, обращенныхъ внизъ. Играютъ на нихъ палочками по натянутому на плоскости бычачьему пузырю, прикрѣпленному ко всему корпусу ремнями. Играетъ на немъ, какъ мы выше говорили четвертый музыкантъ въ „сазандари“ (рис. см. въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“ № 230).

Въ Филармоническ. училищѣ тоже имѣется разбитое диплипито.

„*Дайра*“ есть не что иное какъ бубенъ, только гораздо бо́льшаго размѣра. Этотъ инструментъ (въ діаметрѣ онъ имѣетъ $8^1/_2$ вершк. и высоты $1^1/_2$ вершка) очень распространенъ въ Грузіи. Подъ аккомпаниментъ его обыкновенно пляшутъ лезгинки. Играютъ на немъ ударяя и встряхивая. Рис. см. за № 212 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“.

Консерваторская дайра такая же, конечно, какъ и въ Этнограф. музеѣ, ибо онѣ всѣ одинаковы, т.-е. у всѣхъ на обручъ натянутъ пузырь. Въ діаметрѣ она имѣетъ $10^3/_4$ вершка, высота ея обруча $1^1/_4$ в. Верхъ наружной стороны его отдѣланъ инкрустаціями, внутренняя же сторона покрыта, какъ всегда бываетъ колечками и погремушками. См. рис. за № 13.

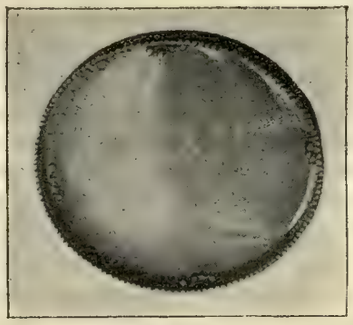


Рис. 13.

Рис. 14.

Всѣ вышеупомянутые ударные инструменты и, кромѣ того, духовые дудуки и нѣкоторые струнные инструменты, не строго-грузинскіе. Они остались со временъ нашествій персовъ, арабовъ и другихъ народностей и, такимъ образомъ, націонализировались.

Помимо этихъ инструментовъ мы должны сказать, что у грузинъ есть еще слѣдующіе духовые инструменты (ихъ, за исключеніемъ гурійскаго чонгури, нѣтъ въ музеѣ): „уэно саламури“ (т.-е. свирѣль полая, безъ язычка), „саквири“, „соинари“ и „саспрапо“, (о которомъ ниже), и струнные гурійскіе инструменты: чіанури и чонгури, рисунокъ котораго (изъ моей коллекціи) мы приводимъ за № 14.

Играютъ на уэно саламури, полузакрывая губами отверстіе, куда дуютъ. Звукъ у ней глухой, мягкій, пріятный, нѣсколько свистящій. Играютъ на ней главнымъ образомъ пастухи различныя мелодіи небольшого объема и пляски.

О саквири и соинари такъ же, какъ о чонгури и чіанури, мы говорили въ статьѣ о гурійской пѣснѣ. Кромѣ этихъ инструментовъ, помѣщаемъ также рисунокъ инструмента *пандури* грузинъ Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, деревни Цинамдзгваріант-кари, находящагося въ музеѣ Общества Распространенія Грамотности въ г. Тифлисѣ. Онъ имѣетъ три кишечныхъ струны, настроенныхъ въ б. секунду и б. или м. терцію (см. рис. № 15). Подъ аккомпаниментъ этого инструмента или говорятъ „лекси“ (стихи) распѣвнымъ речитативомъ, или играютъ пляски.

Между прочимъ, здѣсь умѣстно коснуться болѣе подробно инструментовъ музея названнаго тифлисскаго общества, которые я описалъ нынѣшнимъ лѣтомъ.

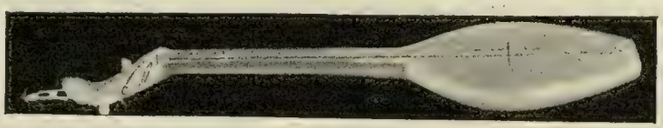


Рис. 15.

Грузинскіе музыкальные инструменты въ музеѣ Общества Распространенія Грамотности суть слѣдующіе: „чанги“—арфа и „чуниръ“ грузинъ Сванетіи, „чонгури“ большое и малое грузинъ Гуріи, два „пандури“ грузинъ Кахетіи, третій неизвѣстно какого уѣзда и четвертый, о которомъ мы выше упоминали; далѣе, два „сасцрапо“ грузинъ Мингреліи и затѣмъ „тари“, „чонгури“, „диплипито“, „саламури“, „зурна“ и „дудуки“—грузинъ Карталиніи и Кахетіи.

Рис. 16.

Сванскій *чанги* слѣдующаго строенія: корпусъ изъ цѣлаго дерева въ видѣ корыта вмѣстѣ съ ручкой и прикрѣпленной къ ней рамой имѣетъ 66 сантиметровъ длины, 12 ширины и 8 высоты. Дека у нея деревянная. Посрединѣ ея расположены шесть маленькихъ колышковъ для вдавливанія струнъ. Рама съ рѣзьбой, высоты 58 сант., ширины 9. На ней шесть колковъ для струнъ. На пяти, между прочимъ, есть струны изъ черныхъ конскихъ волосъ. О строѣ и употребленіи инструмента мы говорили выше (рис. № 16).

Чуниръ. Корпусъ чунира изъ сита; длины 30 сант., ширины 26. Кожаная дека его пришита крученымъ изъ волосъ шпагатомъ (низъ полый); на ней въ видѣ трапеціи, прикрѣпленной къ пуговицѣ грифа, находится кобылка. Грифъ длины 27 сант. Онъ проходитъ черезъ весь корпусъ. Ручка длины 14 сант., на ней три колка. На одинъ колокъ натянута черная изъ конскихъ волосъ струна. Общая длина инструмента 75 сантиметровъ. Строй и употребленіе тѣ же, что и выше (рис. № 17). Смычокъ (дзуа) дугообразный, примитивный изъ конскихъ волосъ, 32 сантиметровъ длины.

Рис. 17.

Гурійское *чонгури* большое. Продолговатый, граненый, корпусъ его изъ тутоваго дерева, длины 53 сант. ширины въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ 32 сант., высоты 23. Склеенъ, какъ и всѣ, изъ кусочковъ. По бокамъ корпуса по три голосника. Дека сосновая, съ большимъ количествомъ продушинъ. Грифъ 50 сант. длины; завернутая шейка 13 сант. Общая длина инструмента 115 сантиметровъ. Колки, строй и употребленіе тѣ же, что и у малаго чонгури.

Корпусъ малаго чонгури 38 сант. длины, 24 сант. ширины въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ и около 15 сантиметровъ высоты. По бокамъ его расположены голосники. Дека также съ продушинами. Грифъ длины 44 сант., шейка 13. Имѣется три струны изъ крученыхъ шол-

ковыхъ нитокъ. Общая длина инструмента 95 сантиметровъ. Колки, дерево, строй и употребленіе мы подробно описали въ статьѣ о гурійской пѣснѣ (рис. № 18).

Кахетинское *пандури* г. Телава, Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи. Корпусъ пандури сдѣланъ изъ цѣлаго дерева. По формѣ онъ продолговатый, чашкообразный. Длины корпусъ имѣетъ 32 сант., ширины 13, высоты 6. Деревянная дека приклеена; на ней три продушины. Грифъ 28 сантиметровъ; на немъ четыре навязки и порожекъ. Шейка 10 сант., завернута полукругомъ. Колка три. Имѣется подвижная кобылка. Струны (изъ кишекъ) прикрѣпляются къ кожѣ, которая надѣта на пуговицу, какъ у скрипки. О строѣ и употребленіи инструмента мы говорили выше (см. инструментъ № 3, на рисункѣ 19).

Рис. 18.

Пандури деревни Ахметы, Тіонетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи. Ладьеобразный корпусъ этого пандури длины 34 сант., ширины 10 сантиметровъ. Дека деревянная, приклеена, на ней девять продушинъ. Грифъ имѣетъ длины 23 сант., на немъ три навязки и порожекъ. Отогнутая шейка 12 сант., на ней три колка. Шейка, грифъ и корпусъ сдѣланы изъ цѣлаго дерева. Струны кишечныя; имѣется одна. Привязываются онѣ къ кольцу съ кожей, прикрѣпленной къ началу корпуса довольно оригинально — она продѣта черезъ дерево. Общая длина инструмента 69 сантиметровъ. Строй и употребленіе тѣ же (см. инструментъ № 2, на рис. 19).

Третье пандури. Корпусъ третьяго пандури грушевидный. Длины онъ 28 сант., ширины (въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ) 15 сантиметровъ. Грифъ 31 сантиметръ. Завернутая полукругомъ шейка 11 сантиметровъ; на ней три колка. Струны кишечныя, прикрѣпленныя къ пуговицѣ. Имѣется кобылка. Шейка, грифъ и корпусъ сдѣланы изъ цѣлаго дерева. Дека прибита гвоздиками, на ней мелкія продушины. Общая длина инструмента 70 сантиметровъ (см. инстр. за № 4, на рисункѣ 19).

1, 2, 3, 4.

Рис. 19.

Далѣе, тамъ имѣется пандури Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, принадлежащій грузинамъ Карталініи. Продолговатый корпусъ его имѣетъ длины 30 сант., ширины въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ 13, высоты $8^1/_2$ сантиметровъ. Грифъ 31 сантиметръ, на немъ три навязки и порожекъ, на которомъ лежатъ струны. Выгнутая шейка 14 сант. (шейка, грифъ и корпусъ сдѣланы изъ цѣлаго дерева), на ней три колка. Дека съ семью продушинами приклеена. Общая длина инструмента 76 сантиметровъ. О строѣ и употребленіи мы говорили (рис. 19, за № 1). Рисунокъ его бо́льшаго размѣра приведенъ нами за № 15.

Здѣсь также умѣстно привести инструменты Душетскаго уѣзда моей коллекціи. Ихъ у меня два. Одинъ сдѣланъ въ г. Душетѣ, другой деревнѣ Каис-хеви. Первый имѣетъ (на рисункѣ 20 онъ лѣвый) ладьеобразный, выпуклый корпусъ изъ цѣлаго дерева 37 сант. длины, 9 ширины и 6 высоты, второй тоже ладьеобразный, но только съ острыми углами, 44 сантиметра длины, 6 высоты (въ самомъ высокомъ мѣстѣ) и 8 ширины. Грифъ перваго инструмента 25 сант., на немъ четыре

навязки. Завернутая въ кругъ шейка (12 синтиметровъ длины) имѣетъ три колка: одинъ колокъ на правой сторонѣ, два на лѣвой. Вмѣсто подгрифка имѣется кусокъ кожи, на которую прикрѣпляются кишечныя струны и проводятся чрезъ металлическое отверстіе. Дека деревянная приклеена, на ней мелкія продушины (кобылку пришлось мнѣ сдѣлать свою). Общая длина инструмента 74 сантиметра.

Рис. 20.

Грифъ второго пандури 26 сант. длины, на немъ шесть навязокъ; шейка 12 сант., на ней три колка: по лѣвой сторонѣ два и по правой одинъ. Корпусъ, грифъ и шейка изъ цѣлаго дерева, на порогѣ шейки имѣются желобки, въ которыхъ лежатъ струны. Деревянная дека съ тремя большими и пятью малыми продушинами приклеена. На ней находятся: кобылка, металлическое отверстіе, въ которомъ продѣты струны и кусочекъ кожи вмѣсто подгрифка, за которую привязаны кишечныя струны. Общая длина инструмента 81 сантиметръ. Мастеръ этого инструмента, по фамиліи Инашвили, занимается въ своей деревнѣ исключительно выдѣлкой и продажей пандуръ и пользуется даже нѣкоторой извѣстностью (рис. № 20).

Возвращаясь опять къ инструментамъ тифл. музея, мы теперь коснемся инструмента *тари*. Длина корпуса тари 28 сант., ширина въ началѣ 15 с., въ концѣ 12 с., высота въ началѣ 15 с., въ концѣ $12^1/_2$ сантиметровъ. Грифъ 39 сантиметровъ. Грифъ и корпусъ изъ цѣлаго дерева. Шея длины 17 сант., высоты 14; по обѣимъ сторонамъ ея по три колка. Струны металлическія; имѣются только двѣ. Верхняя дека изъ пузыря, нижняя изъ дерева—обѣ вклеены. Имѣется высокая кобылка. Нижняя дека и грифъ отдѣланы инкрустаціями. Общая длина инструмента 87 сантиметровъ (рис. № 21). Строй и употребленіе тѣ же, что и выше.

Рис. 21.

Чонгури. Корпусъ чонгури длины 15 сант., ширины 9, высоты $9^1/_2$. По бокамъ корпуса звѣзды въ видѣ продушинъ. Грифъ 27 сант.; ручка 10 сант. Грифъ и ручка изъ одного дерева, изукрашены перламутромъ. На ручкѣ четыре колка. Струны металлическія, имѣются двѣ. Дека деревянная повреждена. (О строѣ и употребленіи мы говорили выше). Остальная группа маленькихъ инструментовъ служитъ не столько для игры, сколько для украшенія комнатъ (рис. № 22).

Рис. 22.

Диплипито. Диплипито въ музеѣ одна пара большихъ и три пары маленькихъ. Большое диплипито состоитъ, какъ и всѣ, изъ большого и малаго черепяныхъ горшковъ, обращенныхъ конусами внизъ. Высота большого 28 сант., малаго 22 с. Діаметръ большого 18 с., малаго 9. Какъ тамъ, такъ и здѣсь верхъ

обтянутъ пузыремъ и прикрѣпленъ въ видѣ сѣти ремешками, вырѣзанными изъ этого же пузыря. Объ употребленіи мы говорили выше. Что касается маленькихъ диплипито, то они тоже служатъ больше для украшенія комнатъ, чѣмъ для игры (рис. 23).

Рис. 23.

У насъ остались еще духовые инструменты, изъ которыхъ „*сасирапо*“ грузинъ Мингреліи особенно интересенъ. Этотъ инструментъ состоитъ изъ шести прикрѣпленныхъ въ рядъ камышевыхъ свирѣлей въ видѣ газырей, съ тою только разницей, что нѣкоторыя изъ нихъ покороче, нѣкоторыя подлиннѣе. Строя инструмента я не узналъ, хотя замѣтилъ, что каждая свирѣль отличается одна отъ другой высотой звука (между прочимъ тембръ звука напоминаетъ саламури или флейту), и, кромѣ того, что одинъ инструментъ (ихъ два) немного повыше, другой пониже. Играютъ на сасцрапо пастухи. Онъ по формѣ очень похожъ на румынскій „най“ и, если не ошибаюсь, на древне-греческую „пану“ или „сирингсъ“ (рис. 24).

Рис. 24.

Далѣе, изъ духовыхъ въ музеѣ имѣется саламури съ шестью голосниками на лицевой сторонѣ и одной на обратной, находящейся между первой и второй голосниками. Длины онъ имѣетъ 39 сантиметровъ.

Затѣмъ имѣется зурна безъ пищика съ восемью голосниками на лицевой и одной на обратной (между 1 и 2 голосниками) и маленькое дудуки съ пятью голосниками на лицевой сторонѣ и одной на обратной.

Вотъ всѣ грузинскіе инструменты, находящіеся въ музеѣ Общества Распространенія Грамотности въ г. Тифлисѣ.

Въ заключеніе скажу о своихъ грузинскихъ инструментахъ чіанури и саламури. Саламури у меня двухъ родовъ: деревянные тифлисскаго производства и камышевые кутаисскаго. Послѣдніе по размѣру маленькіе, дѣтскіе, съ пятью и шестью голосниками на лицевой сторонѣ и одной на обратной; первые же для взрослыхъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ восемь голосниковъ (семь на лицевой и одинъ на обратной), а другой семь (шесть на лицевой и одинъ на обратной, находящійся, какъ и тамъ, между 1 и 2 голосниками). Строй перваго инструмента, между прочимъ, представляетъ изъ себя слѣдующее: do-re-mi бем. — fa-sol-la-si-do. Длина его 29 сантим., а второго 27.

Чіанури мое принадлежитъ грузинамъ Имеретіи, рачинцамъ, живущимъ въ Рачинскомъ уѣздѣ, Кут. губерніи. Корпусъ его представляетъ изъ себя деревянную чашку, имѣющую въ діаметрѣ вверху 20 сант., внизу 12. Дека изъ пузыря приклеена и связана шпагатомъ. Грифъ длины до корпуса 44 сант., съ корпусомъ же, такъ какъ онъ проходитъ внутри и оканчивается стойкой въ видѣ пуговицы, 63 сантиметра. На стойку прибитъ кусокъ кожи вмѣсто подгрифка, за которую привязаны струны. Струны изъ черныхъ конскихъ волосъ. Строй его —большая терція. Играютъ на немъ различныя мелодіи примитивнымъ дугообразнымъ смычкомъ тоже изъ черныхъ конскихъ волосъ; длины онъ 44 сант. съ ручкой въ 12 сантиметровъ. Вывезъ я этотъ инструментъ изъ Верхней Рачи, и такъ какъ аналогичнаго инструмента я не встрѣтилъ ни въ Средней ни въ Нижней Рачѣ, то мнѣ думается, что этотъ инструментъ попалъ къ нимъ отъ

осетинъ, съ которыми они поддерживаютъ тѣсныя общенія и живутъ по сосѣдству (рис. № 25).

Рис. 25.

Въ дополненіе ко всему вышесказанному приводимъ нѣкоторыя грузинскія названія частей и принадлежностей струннаго инструмента. Кобылка называется у горскихъ грузинъ мохевцевъ *чали*, а у горскихъ грузинъ мтіульцевъ и карталинцевъ Душетскаго уѣзда *джори* (буквально-катеръ), а иногда *джвари* (крестъ); у грузинъ Кахетіи, Гуріи и Имеретіи тоже *джори*, хотя я отъ одного кахетинца Тіонетскаго уѣзда слышалъ, что они иногда слово джори замѣняютъ словомъ джвари, какъ и карталинцы Душетскаго уѣзда. Далѣе, грифъ называется у всѣхъ *тари* (ручка), колки *чхири*, пуговица *цкипси*, корпусъ *муцели* (буквально животъ), металлическая струна *сими*, кишечная же у моздокскихъ грузинъ, затѣмъ у мтіульцевъ и грузинъ г. Душета *а̀лка*, у мохевцевъ *дза̀ли*, у грузинъ Карталиніи и Кахетіи *ла̀ри*, у грузинъ же Гуріи, Мингреліи и Имеретіи такъ называется струна изъ шелковыхъ нитокъ. Струна изъ конскихъ волосъ называется *дзуис лари*, смычокъ же изъ такихъ волосъ—просто *дзуа* (между прочимъ „дзуа“ есть не что иное, какъ лошадиный хвостъ, откуда и берется волосъ для струнъ и смычка). Лады или навязки называются *па̀рда*, отсюда и названіе „сампардіани“, „отхпардіани“, т.-е. съ тремя навязками, четырьмя навязками. Дырочки „голосники“, напр., на саламури, называются *твали* (буквально глазъ).

Считаю не лишнимъ добавить что строи записаны частью по моимъ личнымъ наблюденіямъ, а частью со словъ игравшихъ.

Заканчивая данные очерки грузинской народной музыки, считаю нелишнимъ, въ дополненіе къ прежнимъ библіографическимъ указаніямъ по этому вопросу, привести для полноты краткій списокъ еще нѣкоторыхъ научныхъ работъ и композицій, появившихся за послѣднее время.

Ф. Коридзе. Воспоминаніе. Грузинская пѣсня гурійскаго напѣва на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. Ц. 40 к., Тифлисъ, 1900 г.

И. Кагіаретели. Романсы: «Слезы горячей прерву теченье», «Красавица», «О счастье, мелькаешь ты издалека», «Вотъ арфа, другъ мой». Ц. по 25 к., издано въ Тифлисѣ, 1897 г.

Сацкалишвили. Груз. танецъ для фортепіано; цѣна не обозначена, 1893 г., печатано у Юргенсона въ Москвѣ.

Д. Аракчіевъ. Романсы, на русскомъ и грузинскомъ языкахъ:

«Вновь природа расцвѣтаетъ», «Пѣсня пастуха», «Догорѣла заря». Ц. по 40 к., издано въ Тифлисѣ, 1902 г.

Князь М. Джандіери. «Лезгинка». Ц. 30 к., безъ даты.

З. П. Паліевъ. Груз. романсъ на народную мелодію. Ц. 50 к., Тифлисъ 1904 г.

И. Кагіаретели. Рецензія на книги г. Аракишвили (Д. Аракчіева) въ груз. газ. «Исари» № 190, 1908 г.

Д. Аракчіевъ. О народной музыкѣ грузинъ Пшавовъ и Хевсуръ. «Рус. Муз. Газ.» 1906 г., №№ 47, 48, 51—52.

Его же. О лирникахъ Сѣвернаго Кавказа. «Рус. Муз. Газ.» 1907 г., № 22—23.

Его же. Народные музыканты-инструменталисты Грузіи. Журн. «Муз. Труженикъ» 1907 г., № 23.

В. Д. Коргановъ. Кое-что о восточной музыкѣ. «Рус. Муз. Газ.» 1898 г.

Его же. Кавказская музыка (сборникъ статей). Изданіе второе. Тифлисъ. 1908 г. 50 к.

Д. Аракчіевъ. Восточные напѣвы въ произведеніяхъ русскихъ композиторовъ. Журн. «Музыка и Жизнь» № 5, 1908 г.

Его же. «Отче нашъ» для смѣшаннаго хора на груз. и русск. языкахъ, тамъ же.

И. Каргаретели. Основная связь между музыкой и жизнью. Фельетоны въ грузинской газетѣ «Исари», №№ 3, 7, 13 и 15, 1908 г.

Кара Мурза, Х. М. Армянскія пѣсни (въ гарм. Л. Книна), 1 и 2 вып., Тифлисъ, 1905 г.

Отзывъ Берлинскаго журн. „Die Music“ о книгѣ Д. Аракчіева: „Муз.-Этн. оч. о груз. народн. музыкѣ», переведенъ въ журн. «Муз. и Жизнь» 1908, № 5.

Д. И. Аракчіевъ. Кн. И. Г. Чавчавадзе и его стихотв. въ груз. нар. пѣснѣ. Журн. «Этн. Обозр.» 1908 г., № 1—2.

Зах. Паліашвили. Путешествіе по Кахетіи и современное состояніе грузинской народной пѣсни. Фельетоны въ грузинской газетѣ „Амирани“, №№ 150, 151 и 152, 1908 г.

Д. Аракчіевъ. По Кавказу (изъ путевыхъ замѣтокъ). Журн. „Музыка и Жизнь“, № 9 и 10, 1908 г.

Д. И. Аракчіевъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ОПИСАНІЕ

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ,

ХРАНЯЩИХСЯ

ВЪ ДАШКОВСКОМЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ,

ВЪ МОСКВѢ.

Съ 137 рисунками въ текстѣ и 3 таблицами.

Составилъ А. Л. МАСЛОВЪ.

Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ въ Москвѣ.

Коллекціи музыкальныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго музея составлены преимущественно изъ инструментовъ, принадлежащихъ народамъ Россіи и ея Среднеазіатскихъ владѣній; кромѣ того, нѣкоторое количество инструментовъ этого музея относится къ быту иноземныхъ народовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ области музыкальной народная жизнь представляется совершенно мало изученной, и собранія музыкальныхъ инструментовъ большею частью составляютъ случайное явленіе не только у насъ, но и въ музеяхъ Западной Европы. Что же касается ихъ описаній, то въ нашей литературѣ ихъ почти не имѣется.

Все это даетъ намъ право предположить, что настоящее описаніе довольно значительныхъ и никѣмъ не изученныхъ коллекцій будетъ далеко не лишнимъ въ историко-этнографической литературѣ. Ввиду неполноты описываемыхъ коллекцій мы не будемъ дѣлить ихъ на этнографическія группы въ этомъ описаніи, а полагаемъ, что наиболѣе удобной будетъ классификація по видовымъ группамъ и семьямъ.

Первую и главную группу составляютъ болѣе сложные инструменты—*струнные*, раздѣляющіеся на семьи арфообразныхъ, лютневидныхъ и смычковыхъ; вторую группу составляютъ инструменты—*духовые*: лабіальные, лингвальные, амбушюрные и многодудчатые; наконецъ, третью группу составляютъ инструменты—*ударные*. Въ такомъ порядкѣ мы и будемъ ихъ описывать, прилагая для большей наглядности ихъ изображенія.

ОТДѢЛЪ I.

Струнные музыкальные инструменты.

А) Струнные инструменты щипковые—арфообразные.

Изъ трехъ категорій струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ—щипковыхъ, смычковыхъ и ударныхъ (молоточкомъ)—наиболѣе древними по происхожденію нужно считать первые, на томъ основаніи, что существованіе ихъ намъ извѣстно съ самой глубокой древности.

Прототипомъ струнныхъ инструментовъ обыкновенно считаютъ лукъ съ натянутой тетивой вмѣсто струны; дѣйствительно, у африканскихъ племенъ до

сихъ поръ встрѣчаются лукообразные инструменты, но только болѣе чѣмъ съ одной струной. Съ теченіемъ времени количество струнъ увеличивается, но все-таки у многихъ малокультурныхъ народовъ мы встрѣчаемъ инструменты съ очень ограниченнымъ числомъ струнъ, и они долго пользуются первобытными инструментами, пока не придутъ къ мысли изъ одной струны извлекать много звуковъ посредствомъ удлиненія или укорачиванія нажимомъ пальца или передвигая подставку подъ струнами. Для удобства перебирать пальцами въ такихъ инструментахъ выдѣлилась рукоятка или грифъ. Такимъ образомъ группа щипковыхъ раздѣлилась на арфообразные и лютневидные музыкальные инструменты. Первые изъ этихъ сохранили до сихъ поръ свою первоначальную форму, близкую къ треугольнику.

Практикой выработался способъ усиленія звука, отчего получились различныя видоизмѣненія въ формѣ арфообразныхъ инструментовъ: у однихъ резони-

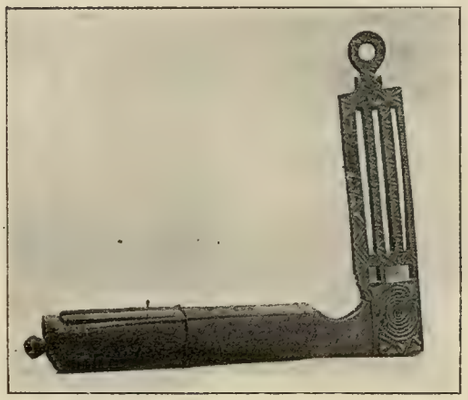


Рис. 1.

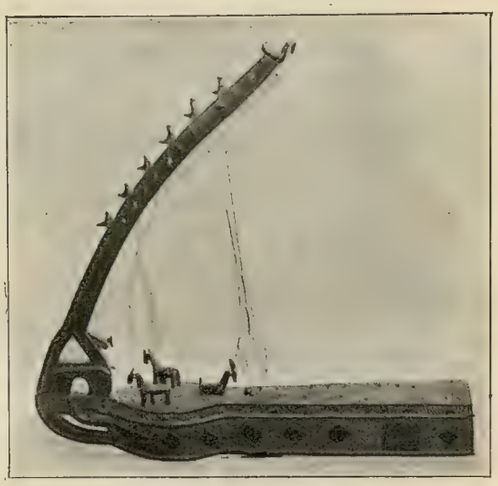


Рис. 2.

рующій корпусъ помѣщался въ сторонѣ отъ струнъ, у другихъ струны располагались надъ резонирующимъ корпусомъ — ящикомъ. Изъ нижеописанныхъ инструментовъ чанги (грузинъ), kiotang — лебедь (остяковъ) и арфа Гродненской губ. относятся къ первымъ, остальные: ятага (киргизъ), дамба (вогуловъ) и различные виды гуслей относятся ко вторымъ, т.-е. у которыхъ струны помѣщаются надъ корпусомъ и параллельно ему.

1. Чáнги — арфа грузинъ Сванетіи. По конструкціи своей напоминаетъ и понынѣ употребительныя арфы у различныхъ племенъ Африки. Главное различіе заключается во внѣшней отдѣлкѣ, которая несравненно лучше у кавказской арфы. Она состоитъ изъ резонирующаго корпуса, выдолбленнаго изъ цѣлаго куска дерева, отверстіе этого корпуса задѣлано деревянной дощечкой, образующей деку, посреди нея укрѣплены 6 колышковъ, за которые привязаны, съ одного конца, струны (вѣроятно изъ конскаго волоса). Къ одному концу корпуса перпендикулярно придѣлана стойка, украшенная рѣзьбой; въ стойкѣ вправлены 6 колковъ для настраиванія струнъ. Инструментъ очень старый и носитъ слѣды окраски въ красный цвѣтъ. Длина корпуса около 44+22 сант., высота корпуса около 8 сант., а ширина немного болѣе 11 сант., высота стойки около 53 сант.

С. И. Танѣевъ въ своей замѣткѣ о музыкѣ горскихъ татаръ (Вѣстн. Евр. 1886 янв.) сообщаетъ, что у горскихъ татаръ и осетинъ этотъ инструментъ называется „каныръ-кобузъ“, о двѣнадцати струнахъ.

2. Пандура — арфа грузинъ, такого же устройства, какъ предыдущая, но болѣе изящной работы, съ 11 струнами (изъ конскаго волоса). Весь инструментъ снабженъ разными украшеніями. На декѣ пристроены два деревянныхъ конька-туръ. Когда нажимаютъ вблизи устроенную пуговку, приводящую въ движеніе скрытый простой механизмъ внутри корпуса, фигуры начинаютъ прыгать. Назначеніе фигуръ, быть можетъ, имѣло цѣлью отбиваніе по временамъ такта. На декѣ вырѣзаны 8 небольшихъ голосниковыхъ отверстій.

Рис. 3.

Кромѣ упомянутыхъ коньковъ и тура, на стойкѣ съ колками придѣланы неподвижно фигуры птицъ, похожихъ на утку. На боку корпуса инструмента вырѣзана надпись на грузинскомъ языкѣ, означающая слѣдующее: «эта пандура принадлежитъ Пуцунѣ (милой) Бегви». Снизу надпись на грузинскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: „кто похититъ, того да поразитъ гнѣвъ Божій“. Инструментъ покрытъ краснымъ лакомъ. Размѣръ: длина корпуса около 66 сант., длина стойки, немного выгнутой, около 66 сант. Строй обоихъ инструментовъ неизвѣстенъ.

Рис. 4.

3. Кіотангъ, или лебедь, музыкальный инструментъ самоѣдовъ и остяковъ. По формѣ своей корпусъ имѣетъ дѣйствительно видъ лебединой шеи. Корпусъ выдолбленъ изъ дерева и закрытъ декой, съ боковъ немного выгнутой. На одной сторонѣ ея голосниковое крестообразное отверстіе, посреди деки приклеена деревянная пластинка, отъ которой на противоположный конецъ инструмента идутъ 8 мѣдныхъ струнъ [1]), регулируемыхъ колками. Два противоположныхъ конца соединены деревянной выгнутой пластинкой, параллельно этой они соединены на болѣе близкихъ разстояніяхъ еще пластинкой. Общая высота „лебедя“ около 99 сант., ширина около 44 сант., ширина корпуса около 14 сант., высота его около 8 сант. Строй этого инструмента неизвѣстенъ.

4. Арфа Гродненской губ. имѣетъ видъ современной европейской. Основаніе ея представляетъ собою деревянный тонкостѣнный ящикъ, къ одному концу

[1]) Ср. *И. Липаевъ*. Музыка на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. СПБ. 1897.

суживающійся и переходящій въ изогнутую планку (дубоваго дерева), вправленную въ корпусъ подъ тупымъ угломъ. На этой планкѣ расположены 14 желѣзныхъ колковъ, какъ у фортепіано. Отъ колковъ по направленію къ корпусу натянуты мѣдныя струны, закрѣпленныя съ другой стороны на приклеенной къ корпусу деревянной пластинкѣ деревянными колышками. Концы планки и корпуса соединены довольно толстой палкой, замыкающей образовавшійся тупой уголъ. Въ сторонѣ корпуса, обращенной къ струнамъ, струя дерева поставлена не продольно, какъ въ остальныхъ частяхъ, а поперекъ и немного вкось. Въ нижней части инструмента вставлены длиною до 27 сант. двѣ ножки, между которыми снизу въ корпусѣ продѣлано голосниковое отверстіе. Инструментъ вообще сдѣланъ грубовато, корпусъ окрашенъ въ красный цвѣтъ, а соединительная планка въ черный. Длина резонирующаго корпуса около 88 сант., наибольшая ширина около 19 сант., наибольшая высота около 19 сант.

5. Кандала, или кантеле, музыкальный инструментъ кореловъ Олонецкой губ., сходный, по описанію, съ гуслями, употреблявшимися на Руси съ самыхъ отдаленныхъ временъ [1]). Кандала состоитъ изъ деревяннаго выдолбленнаго треугольнаго корпуса, съ закругленнымъ однимъ угломъ, котораго края нѣсколько выступаютъ надъ поверхностью, въ края вставлена деревянная палочка, за которую привязываютъ пять мѣдныхъ струнъ, идущихъ на противолежащую сторону къ колкамъ, головки которыхъ обращены книзу (въ нижней части инструмента). Выдолбленное отверстіе сбоку задѣлывается тонкой дощечкой. Строй финской кантеле по Weitzmann'y (Neue Zeitschrift für Musik, 1851 г. №№ 20, 21, 22) опредѣляется такъ: g a b $\overline{c}$ $\overline{d}$, по Фетису [2]) строй русскихъ пятиструнныхъ гуслей былъ такой: a c e g a, а по Асерби [3]) a h c d e. На кантеле играютъ большею частью обѣими руками, инструментъ держатъ наискось на колѣняхъ, при чемъ край длиннѣйшей стороны упирается на колѣна, одинъ изъ угловъ (тупой) оказывается обращеннымъ къ лѣвой рукѣ играющаго, закругленный конецъ (головка) наклоняется вправо; корпусъ покоится плашмя на животѣ играющаго. Иногда инструментъ во время игры кладутъ плашмя на колѣна, такъ, что онъ принимаетъ горизонтальное положеніе. Размѣръ описываемаго инструмента (даръ С. С. Воробьева) слѣдующій: длина наибольшей стороны около 50 сант., наибольшая ширина около 14 сант., высота резонирующаго корпуса около 6 сант.

Рис. 5.

6. Гусли, или кантеле, Олонецкой губ., почти то же, что предыдущій инструментъ. Корпусъ выдолбленъ не сбоку, а въ верхней части, которую закрываетъ тонкая доска-дека, прибитая четырьмя деревянными колышками; въ ней просверлено болѣе шестидесяти маленькихъ голосниковыхъ отверстій. Треугольная форма въ этомъ инструментѣ немного видоизмѣнилась вслѣдствіе удлиненія корпуса со стороны тупого угла параллельно длиннѣйшей изъ сторонъ; получившійся отъ этого выступъ уже не имѣетъ подъ собою резонирующаго ящика, а соста-

---

[1]) Ср. изображеніе гуслей у *Gutrie*: „Dissert. sur les antiquités de Russie" 1795 г. СПБ., а также *А. С. Фаминцынъ*: Гусли—русск. нар. муз. инструм. СПБ. 1890.

[2]) *Fétis*: Résumé philosoph. de l'histoire de la musique. CXXIX—CXXX. Въ 1-мъ изданіи его же Biogr. univers. des musiciens.

[3]) *Acerbi*: Voyage du Cap-Nord par la Suède, la Finlande et la Laponie. 1804. II.

вляетъ какъ бы продолженіе верхней деки. Отъ желѣзнаго стержня (вмѣсто деревяннаго, какъ у предыдущаго инструмента) 7 металлическихъ струнъ проходятъ черезъ маленькую подставочку у головки по направленію къ колкамъ. Отъ стержня къ отверстію подъ первымъ колкомъ привязана тонкая веревочка около 35 сант. длины, предназначающаяся, вѣроятно, для вѣшанія инструмента на стѣну. Строй семиструнныхъ гуслей С.-Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда, находящихся въ музеѣ С.-Петербургской консерваторіи, по словамъ проф. Г. А. Маренича [1]), былъ слѣдующій: es f g a h c̄ d̄. Для описываемаго инструмента можно предположить тотъ же строй на основаніи смежности района распространенія того и другого. Корпусъ сосноваго дерева окрашенъ въ черный цвѣтъ. Длина инструмента около 66 сант., наибольшая ширина около 22 сант., высота резонирующаго корпуса около 6 сант.

Рис. 6.

7. Гусли—кантеле Олонецкой губерніи. То же, что предыдущій, но съ большимъ числомъ струнъ и глубокимъ резонаторомъ. Корпусъ также выдолбленный верхняя дека вставлена и закрѣплена по бокамъ маленькими деревянными колышками. 12 металлическихъ (мѣдныхъ) струнъ укрѣплены на 12 деревянныхъ колкахъ съ одной—и желѣзномъ стержнѣ съ другой стороны, опираясь на желѣзную подставку у головки. На декѣ продѣлано шесть небольшихъ голосниковыхъ отверстій. Общій видъ инструмента треугольный, какъ у описаннаго ранѣе подъ цифрой 5, только головка болѣе закруглена, шире и какъ бы отдѣляется отъ резонирующаго корпуса. Наибольшая длина инструмента 70 сант., наибольшая ширина около 22 сант., высота резонатора около 9 сант.

Рис. 7.

8. Гусли Олонецкой губерніи. То же, что предыдущій, но немного лучшей работы. Корпусъ прямой, выдолбленный, задѣланъ тонкой дощечкой, составляющей верхнюю деку съ крестообразнымъ голосникомъ посрединѣ. На инструментѣ должны быть (описываемый экземпляръ не совсѣмъ исправенъ) 12 мѣдныхъ струнъ, натянутыхъ на 12 деревянныхъ колковъ съ одной стороны и на желѣзный стержень съ другой, вставленный въ стѣнки головки. Наибольшая длина 69 сант., ширина ок. 22 сант., высота резонатора 6 сант.

Рис. 8.

9. Гусли, то же, что предыдущій, даже одного и того же размѣра, но очень хорошей работы и съ 13 струнами (почти всѣ стальныя). Корпусъ сосноваго дерева и покрытъ лакомъ. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ хроматическій строй этого инструмента, тогда какъ для этого строя долженъ былъ бы быть устроенъ

---

[1]) *А. С. Фаминцынъ*: Гусли—русск. нар. инстр., стр. 70.

второй, нижній, рядъ струнъ, какъ у кантеле музея Московской консерваторіи съ 23-мя струнами; вѣроятнѣе всего, строй этого инструмента діатоническій (см. описаніе 12).

Рис. 9.

10. Канте, или кантеле, музыкальный инструментъ ингеровъ (ижорцевъ) Петергофскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи. То же, что рядъ предыдущихъ. На инструментѣ помѣтка „1873 г.“. Корпусъ выдолбленъ изъ березы, верхняя дека—сосновая, вставлена и укрѣплена деревянными клинушками; въ срединѣ ея круглое голосниковое отверстіе. Нижняя часть корпуса выпукла, съ боковъ также. Въ головку, выдающуюся надъ корпусомъ сверху, вбита желѣзная скоба, за которую привязаны семь мѣдныхъ струнъ, съ противоположнаго конца прикрѣпленныхъ за деревянные колки, подвертывающіеся, какъ въ ранѣе описанныхъ инструментахъ, снизу. Предположительно строй этого канте слѣдующій: es f g a h $\bar{c}$ $\bar{d}$ (ср. описанный выше—6). Размѣръ канте слѣдующій: наибольшая длина ок. 58 сант., наибольш. ширина ок. 20 сант., высота резонатора до 14 сант.

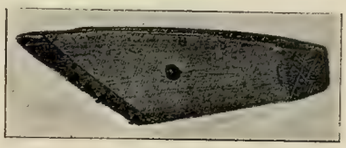


Рис. 10.

Рис. 11.

11. Кунклъ (kankle, kankles, kanklai и kanklys) или гусли литовцевъ, сдѣланъ изъ вербы въ 1797 году. Древность даннаго инструмента несомнѣнна. Корпусъ его выдолбленный. Верхняя дека съ крестообразнымъ голосникомъ прикрываетъ выдолбленный корпусъ, нижняя часть котораго съ боковъ закруглена и съ широкаго конца урѣзана для размѣщенія колковъ, отъ которыхъ идутъ пять металлическихъ струнъ къ желѣзному стержню, вставленному въ стѣны головки инструмента, предварительно опираясь на деревянную подставочку у головки. Инструментъ окрашенъ въ черный цвѣтъ. Наибольшая длина его ок. 55 сант., наибольшая ширина ок. 17 сант., высота ок. 9 сант. О литовскихъ гусляхъ ср. ст. *Gotthold*: Ueber die Kanklys und die Volksmelodien der Littauer въ журналѣ „Neue Preussische Provinzialblätter“ 1847 г. Bd. IV. Königsberg; и *Lepner*: Der Preussische Littauer oder Vorstellung der Namensherleitung, Hochzeit etc. der Littauer in Preussen kürzlich zusammengetragen, 1744 [1]).

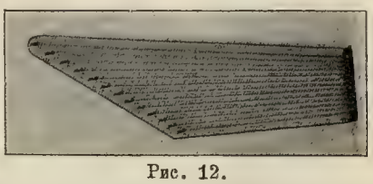


Рис. 12.

12. Кантеле финляндцевъ состоитъ изъ трапецевидной, березоваго дерева рамки высотой ок. 5 сант., склеенной въ четырехъ углахъ; на рамку наклеена сосновая дека, довольно плотная. Двѣ длиннѣйшихъ стороны рамки почти параллельны между собой, третья къ нимъ перпендикулярна, четвертая

[1]) См. также *А. С. Фаминцынъ*: „Гусли—нар. русск. музык. инструментъ“.

находится подъ острымъ угломъ къ длиннѣйшей сторонѣ, сдѣлана отлого, уступами для того, чтобы здѣсь можно было крѣпко вставить желѣзные колки (13), какъ въ фортепіано, вращающіеся посредствомъ ключа. Нижней деки вовсе нѣтъ. 10 стальныхъ и три мѣдныхъ (баски) струны прикрѣпляются за колки, а съ другой стороны, проходя черезъ подставку, пропускаются въ маленькія отверстія на короткой сторонѣ рамки и тамъ закрѣпляются петлями за коротенькія спицы, т.-е. такъ же, какъ въ фортепіано. Строй этого инструмента бываетъ натуральный *g moll*, рѣдко *g dur* [1]). Описываемый инструментъ очень чисто сработанъ. Наибольшая длина его ок. 64 сант.

13. Дамба—такъ называется струнный музыкальный инструментъ (гусли) вогуловъ съ рѣки Лойвы, Березовскаго у. Тобольской губ. Въ дополненіи къ каталогу 1884 г. музея Парижской консерваторіи инструментъ этотъ описанъ подъ названіемъ lyre ostiak (dombra), имѣющей пять струнъ. Вполнѣ вѣроятно смѣшеніе названія „домбры", употребляющагося у инородцевъ для струннаго инструмента вообще. У А. С. Фаминцына (соч. Домра) приведено нѣсколько названій

Рис. 13.

Рис. 14.

этого инструмента: *сангульдапъ* (остяцкое названіе по сообщенію проф. В. Ѳ. Миллера), *нареширъ* (остяцкое—по описанію въ Нувеллистѣ 1883 г.), *Sanneltup*, *Schangiltop* и *Schongurt* (вогульское—по Pallas'у) *dombra* и *Narisjuch* (у нижнихъ и верхнихъ остяковъ, по Pallas'у). Описываемый инструментъ состоитъ изъ еловаго длиннаго выдолбленнаго корпуса, представляющаго собою подобіе лодки, одинъ конецъ которой заостренъ, другой широкій развѣтвляется въ видѣ двухъ рогатулекъ, съ поперечной перекладиной. За эту перекладину привязываются пять кишечныхъ струнъ и, вмѣсто колковъ, здѣсь употребляются маленькія палочки—закруты; отсюда струны направляются къ противоположному заостренному концу, соединяясь привязываются къ довольно толстой веревкѣ, огибающей конецъ корпуса и играющей роль подгрифка. Настраиваются струны въ квинту; для поддержки ихъ должна быть подставка у подгрифка, но она утеряна. Выдолбленный корпусъ прикрывается декой съ тремя треугольными голосниками съ одного конца инструмента. Звуки *дамбы* сродны балалаечнымъ; употребляется она въ домашнемъ обиходѣ инородцевъ въ Западной Сибири [2]).

14. Тоже, почти вдвое большаго размѣра.

15. Тоже, инструментъ маньзовъ, небольшого размѣра. Общ. длина до 18 вершковъ.

16. Гусли Ядринскаго уѣзда Казанской губерніи; онѣ одинаково до сихъ поръ употребляются у татаръ (*гусли*), у черемисъ (называются—*кюселе, кисла*) и у чувашъ (называются *гюсле*), но инструментъ несомнѣнно перешелъ къ нимъ отъ русскихъ. Изображенія этихъ гуслей встрѣчаются на русскихъ миніатюрахъ

---

[1]) См. *М. Иѣтухова*, Изслѣдованіе о кантеле. „Всемірн. Иллюстр." 1892 г. № 13.

[2]) См. *И. Липаева*, Музыка на всеросс. выст. въ Нижнемъ-Новгородѣ. 1897. СПБ.

XIV вѣка, что указываетъ на употребленіе ихъ уже въ то время. Форма гуслей не самостоятельно сложилась у русскихъ, которые заимствовали ихъ черезъ посредство Византіи, быть-можетъ, съ востока; на форму отчасти повліяли, вѣроятно, существовавшія еще ранѣе, въ дохристіанскій періодъ Руси, кантеле—гусли. Но уже въ началѣ XVII вѣка, по описаніямъ Олеарія, мы встрѣчаемъ описываемый видъ гуслей съ многочисленными струнами у скомороховъ. Гусли эти имѣли отъ двѣнадцати до тридцати четырехъ струнъ. По мнѣнію А. С. Фаминцына [1]), употребленіе этого инструмента, обладающаго многими струнами, со времени конкуренціи заморской музыки, въ XVII столѣтіи замѣнило прежнія гусли—кантеле. Очевидно, гусли усовершенствовались, а затѣмъ вышли изъ употребленія, оставшись только у инородцевъ. Въ старину гусли назывались *пѣсневецъ* [2]), т.-е. *псалтирь*, упоминаемый въ библейскихъ сказаніяхъ. Описываемый экземпляръ чувашскихъ гуслей состоитъ изъ корпуса неправильной формы,

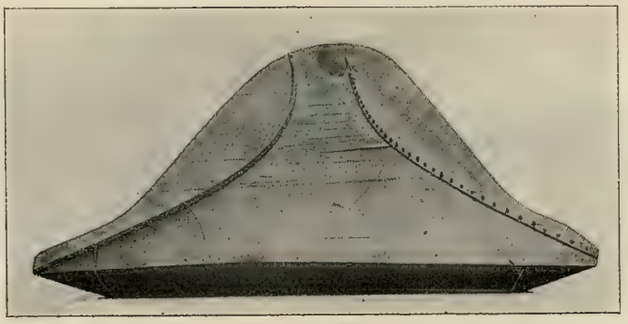


Рис. 16.

съ тонкими стѣнками; двѣ боковыя выгнуты отлого, третья перпендикулярна верхней и нижней декѣ. Наружная сторона, гдѣ расположены струны, состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ собственно деки, составленной изъ тонкихъ сосновыхъ досточекъ, подъ которой находится резонирующій глубокій корпусъ, 2) изъ выступа отъ корпуса; этотъ выступъ сдѣланъ изъ болѣе плотныхъ досокъ и лежитъ въ одной плоскости съ верхней декой; на этой части расположены въ рядъ деревянные маленькіе колки; чтобы они крѣпче держались, подъ ними еще наклеена узкая деревянная выгнутая планка. 34 очень тонкихъ кишечныхъ струны отъ колковъ идутъ къ деревянной довольно высокой планкѣ, выгнутой въ обратную сторону; на ней проколоты отверстія для привязыванія струнъ. Въ срединѣ резонирующаго корпуса, между боковыми стѣнками, помѣщены четыре упора. Изъ нихъ два прилегаютъ къ верхней, два—къ нижней декѣ. Съ боковъ имѣются по два (всего четыре) голосника въ видѣ маленькихъ круглыхъ отверстій. Инструментъ очень звучный, чисто сдѣланъ и легокъ на вѣсъ, несмотря на внушительный размѣръ. Общій видъ все-таки приближается къ треугольной формѣ гуслей—кантеле, при чемъ тупой уголъ какъ бы закруглился. Наибольшая длина верхней деки инструмента ок. 99 сант., наибольшая ширина верхней деки 53 сант., наибольшая ширина нижней деки ок. 36 сант., наибольшая длина нижней деки

---

[1]) См. цитируемое выше сочиненіе.

[2]) См. упомянутое выше соч. *А. С. Фаминцына.*

ок. 77 сант. Какъ строятся гусли у чувашъ—неизвѣстно. Отъ русскихъ же въ Казанскомъ уѣздѣ я узналъ, что строй такихъ гуслей бываетъ діатоническій, начиная съ *g* (соль) и выше; играютъ обѣими руками, сидя, полагая инструментъ на колѣни, закругленной стороной къ себѣ.

17. Гусли почти такія же, какъ предыдущія, немного меньшаго размѣра; верхняя часть инструмента (дека) имѣетъ видъ полуокружности, на ней крестообразное отверстіе. 14 мѣдныхъ струнъ и колковъ. Наибольшая длина корпуса ок. 69 сант., выс. ок. 11 сант., шир. ок. 32 сант. Кому принадлежитъ этотъ инструментъ—неизвѣстно, доставленъ въ Дашковскій музей изъ Политехническаго вмѣстѣ съ коллекціей Туркестантскаго края, но принадлежность къ этому краю гуслей—сомнительна.

Рис. 17.

18. Ятага [1]) музыкальный инструментъ, употребляемый оренбургскими киргизами, состоитъ изъ длиннаго квадратнаго въ сѣченіи корпуса, выгибающагося на одну сторону слегка подъ тупымъ угломъ. Двѣ боковыя деки цѣльныя, двѣ другія составлены каждая изъ двухъ частей, относящихся другъ къ другу 9 : 25. На нижней декѣ продѣланы 25 голосниковъ, расположенныхъ пятью звѣздами. На верхней, немного выпуклой декѣ, въ перегибѣ приклеена планка, въ которую вставлены семь деревянныхъ колковъ для привязыванія струнъ, прикрѣпляющихся съ другого конца за маленькія мѣдныя колечки. Струны мѣдныя (7), каждая подпирается у колечекъ особой подставкой (подставокъ и струнъ на описываемомъ инструментѣ нѣтъ, вѣроятно, утеряны). Съ концовъ нижней деки выступаютъ небольшіе гребешки, служащіе не только украшеніями, но и ножками инструмента. Общій видъ ятаги очень напоминаетъ столь же большіе японскіе *кото*. Дека ятаги выкрашена въ желтоватую краску, остальныя части, за исключеніемъ мелкихъ, напр., колковъ, выкрашенныхъ въ черный цвѣтъ, окрашены красной краской. Строй ятаги неизвѣстенъ. Размѣръ слѣдующій: наибольшая длина 102 сант., наибольшая ширина 14 сант., высота приблизительно такая же, но толщина резонатора почти вдвое меньше.

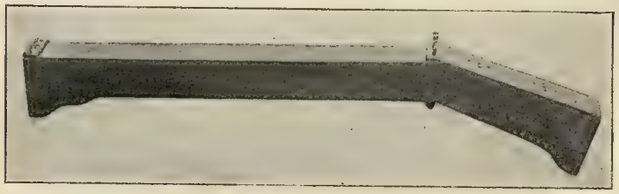


Рис. 18.

Рис. 19.

19. Ketjabe (кетвонне), музыкальный инструментъ съ Зондскихъ острововъ, состоитъ изъ лодкообразнаго долбленнаго корпуса, одна сторона котораго заклеена декой, другая (дно)

[1]) См. опис. *Владимирскаго* въ Сборн. антроп. и этногр. статей о Россіи (М. 1868), статья „О законахъ музык. гармоніи и національныхъ инструментахъ".

остается открытой. Съ обоихъ концовъ корпуса отлого прибиты два гребня. На одномъ изъ нихъ просверлены семь отверстій для струнъ, укрѣпляющихся снизу гребня и пропускающихся черезъ отверстія на верхней декѣ (на ней ихъ 12, расположенныхъ наискось) въ средину корпуса, гдѣ онѣ продѣваются въ деревянные колки (6), имѣющіе по два отверстія. Колки проходятъ черезъ боковую стѣнку, затѣмъ черезъ деревянную пластинку, прикрѣпленную съ одной стороны у конца корпуса, съ другой за деревянное основаніе, прибитое изнутри къ декѣ. Струны мѣдныя. Играютъ обѣими руками, какъ сообщаетъ жертвователь д-ръ Винеке [1]). Подробности объ этомъ инструментѣ намъ остаются неизвѣстными, къ тому же описываемый экземпляръ не исправенъ. Общая длина его 95 сант., наибольшая ширина ок. 11 сант., высота ок. 9 сант.

20 и 20a. Toktoh (togo, santo, tubian iotta или gesokesong). Двѣ бамбуковыя цитры, употребляемыя жителями острововъ юго-восточной Азіи, существуютъ подъ разными названіями (см. выше). Описываемыя двѣ цитры съ Тиморскихъ острововъ состоятъ изъ бамбуковой трубки (діам. ок. 5 сант. и 7 сант., длиною ок. 24 и 35 сант.). Съ одного конца трубокъ находится перепонка – естественная преграда, другой конецъ открытъ; на боковой стѣнкѣ вырѣзано эллипсоидальное голосниковое отверстіе, противъ котораго съ другой стороны расположены струны, состоящія изъ приподнятыхъ пластинокъ изъ кожи того же бамбука, и каждая струна, такимъ образомъ, съ двухъ концовъ приподнята на маленькихъ клинушкахъ. Играютъ черепаховымъ плектромъ, который тутъ же привязанъ на шнурѣ. Звуки издаютъ тусклые. Судить о строѣ въ настоящее время довольно трудно, когда инструменты очень высохли.

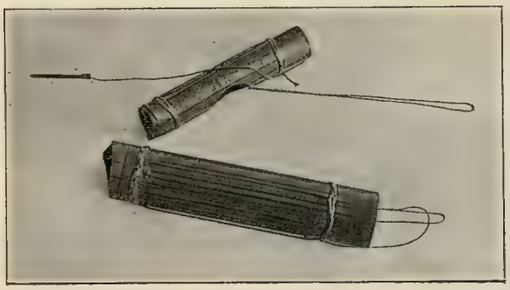


Рис. 20 и 20a.

Б) Струнные инструменты щипковые—лютневидные.

Вторую группу щипковыхъ составляютъ инструменты съ шейкой для перебиранія пальцами по струнамъ, проходящимъ вдоль ея. Изобрѣтеніе лютневидныхъ составило уже вторую ступень въ развитіи первобытной музыки, и употребленіе ихъ было извѣстно въ глубокой древности; такъ, изображеніе лютневыхъ инструментовъ мы встрѣчаемъ еще на древнѣйшихъ египетскихъ памятникахъ, позднѣе лютня сдѣлалась любимымъ инструментомъ персовъ, арабовъ и индусовъ; у послѣднихъ приняла особенно много разновидностей, а арабами, черезъ Испанію, была занесена въ Западную Европу. Такимъ образомъ распространеніе лютни шло двумя путями съ Запада и непосредственно съ Востока черезъ Кавказъ и Среднюю Азію. Русскіе до XVII вѣка и восточные инородцы Россіи музыкальныя орудія заимствовали, за очень малыми исключеніями, съ

[1]) Въ музеѣ Парижской консерваторіи подъ именемъ *ketjapi de Java* значится инструментъ съ шейкой вродѣ viola di gamba, наоборотъ, подъ именемъ *travangsa* описанъ весьма сходный инструментъ съ нашимъ ketjabe.

юго-запада Азіи; не чуждались этого заимствованія даже китайцы, обладавшіе уже древнѣйшей культурой, какъ это видно изъ сравнительныхъ наблюденій надъ музыкальнымъ искусствомъ индусовъ и китайцевъ. Описываемые въ этомъ отдѣлѣ инструменты представляютъ собою какъ бы одну большую семью, части которой принимаютъ своеобразный отпечатокъ того племени, среди котораго находятся въ употребленіи.

Рис. 21.

21. Думбра—двухструнный киргизскій инструментъ Оренбургской губерніи. Сдѣланъ грубо изъ еловаго дерева. Всѣ части склеены. Корпусъ имѣетъ треугольную форму; удлиненіе одного изъ угловъ образуетъ длинную шейку, которая вдвое перевязана въ десяти мѣстахъ струнами, составляющими лады—для измѣненія высоты звука постояннаго строя. На концѣ шейки помѣщены два деревянныхъ колка, отъ которыхъ идетъ пара жильныхъ струнъ на противоположный конецъ корпуса, укрѣпляясь на колкѣ; на верхней декѣ есть маленькій треугольный голосникъ. Въ описываемомъ инструментѣ недостаетъ подставки подъ струны, у голосника.

Рис. 22.

Длина инструмента около 99 сант., высота резонирующаго корпуса около 5 сант.

22. Думбра киргизская — имѣетъ видъ предыдущей (треугольный корпусъ съ длинной шейкой), но гораздо большаго размѣра. Шейка расширяется въ головку съ двумя колками. Ладовъ нѣтъ, вмѣсто порожка у головки—перевязка изъ кишечныхъ струнъ. На верхней декѣ вырѣзаны небольшія голосниковыя отверстія. Общая длина инструмента около 120 сант.

23. Балалайка—русскій народный музыкальный инструментъ, состоитъ изъ тонкостѣннаго резонирующаго корпуса, имѣющаго видъ ровнобедреннаго треугольника съ длинной шейкой, заканчивающейся головкой съ тремя колками. Всѣ три части склеены между собою. Кузовъ въ нижней своей части съ боковъ закругленъ, какъ съ той же стороны и шейка. Верхняя дека (плоская) и шейка лежатъ въ различныхъ плоскостяхъ и находятся другъ къ другу слегка подъ тупымъ угломъ. Шейка перевязана въ шести мѣстахъ струнами, образующими лады. Отъ колковъ, черезъ порожекъ, затѣмъ подставку на декѣ, идутъ кишечныя струны, укрѣпляющіяся на корпусѣ. На балалайкѣ играютъ указательнымъ пальцемъ и кистью правой руки [1]). Общая длина инструмента 78 сант. Ширина нижней стороны корпуса 33 сант., другія стороны немного длиннѣе. Высота резонирующаго корпуса 6 сант.

---

[1]) См. *А. Фаминцынъ*: Домра и сродн. ей муз. инструменты.

24. Балалайка Московской губ., тоже что предыдущая. Также треугольный резонаторъ, на шейкѣ лады изъ струнъ, въ головкѣ 4 колка, слѣдовательно и 4 струны (мѣдныя). Общая длина около 70 сант., ширина нижней части кузова 28 сант.

25. Балалайка Уральскихъ казаковъ, состоитъ такъ же, какъ и предыдущая, (24) изъ треугольнаго корпуса и шейки съ ладами изъ струнъ. На верхней декѣ есть круглое голосниковое отверстіе. Въ головкѣ четыре колка, привертывающихся попарно снизу и сверху, струны кишечныя. Общая длина балалайки до 61 сант., наибольшая ширина кузова около 28 сант.

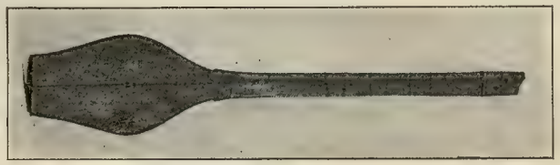


Рис. 26.

26. Домбра или думбра [1]) киргизская. Корпусъ, грушевидной формы уступами, выдолбленъ; сплошное продолженіе его съ одного конца составляетъ длинная шейка. Выдолбленый корпусъ прикрывается тонкой декой съ маленькимъ круглымъ голосникомъ посрединѣ. Конецъ шейки откидывается немного назадъ и составляетъ головку инструмента, въ которую вставлены два колка, отъ нихъ на противоположный конецъ корпуса направляются двѣ кишечныхъ (красныхъ) тонкихъ струны. Подставка подъ струны очевидно также утеряна. Сдѣлана домбра грубо и покрыта краснымъ лакомъ. Длина около 96 сант., длина корпуса составляетъ почти $^1/_3$ всей длины. Во время игры кузовъ инструмента кладутъ на правое колѣно, а шейку, приподнявъ вверхъ, придерживаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перебираютъ пальцами лѣвой руки, а правой щиплютъ по струнамъ перышкомъ, щепочкой или просто пальцемъ [2]). Строй домбры нужно предположить въ кварту, на основаніи извѣстныхъ свѣдѣній о близко родственной домбрѣ другихъ народностей [3]).

Рис. 27.

Замѣчанія о положеніи инструмента во время игры и его строѣ относятся ко всѣмъ описаннымъ подъ цифрами 21—27.

27. Домбра – киргизскій инструментъ Семипалатинской области. Грушевидный выдолбленый (неглубокій) корпусъ—сплошной съ шейкой, или грифомъ. Верхняя дека наклеена, на ней три маленькихъ голосника. Головка грифа овальная, закинутая нѣсколько назадъ, съ двумя деревянными колками, подвертывающимися снизу. У шейки грифа есть маленькій выступъ для поддержки струнъ, ихъ двѣ, кишечныхъ. По грифу расположены шесть ладовъ (изъ струнъ). Корпусъ въ нижней своей части вырѣзанъ уступами. Отъ колковъ струны должны проходить черезъ подставочку (на декѣ) и укрѣпляться колышкомъ на концѣ корпуса (колышекъ и подставка утеряны). Въ общемъ инструментъ сдѣланъ довольно

[1]) У М. Пѣтухова (въ Сист. опис. инстр. музея СПБ. Консерв. 1892) этотъ инструментъ, но съ тремя струнами, названъ „пхантуръ“ или „бандуръ“, а строй его—c‴ c′ g′ c′.

[2]) См. *А. С. Фаминцынъ*: Домра и сродн. ей муз. инструменты. СПБ. 1891.

[3]) *Муравьевъ*: Путешествіе въ Туркменію и Хиву 1822.

чисто. Длина его 71 сант. О способѣ игры смотри описаніе предыдущаго и при мѣчанія къ нему.

28. Тамбуръ или *ситаръ* [1]), вѣроятно изъ Средней Азіи (можетъ быть и киргизскій). Состоитъ изъ двухъ частей: длиннаго грифа и маленькаго грушевиднаго корпуса, выдолбленнаго изъ дерева, который прикрывается очень тонкой декой съ шестью маленькими отверстіями (голосники); склейка деки замаскирована тонкимъ тростниковымъ ободкомъ. Въ концѣ и снизу корпуса вдѣланъ роговой подгрифокъ, на подобіе скрипичнаго; за него прикрѣпляются три мѣдныя струны, которыя, проходя черезъ подставочку (утеряна) на декѣ и у головки, направляются къ колкамъ, привертывающимся одинъ сверху, другой сбоку. На протяженіи грифа расположены 16 ладовъ, дающихъ измѣненіе струнъ по тонамъ въ такой послѣдовательности вверхъ: a h cis dis eis fisis gisis и т. д. Лады сдѣланы изъ жильныхъ струнъ, обвязанныхъ втрое вокругъ грифа, завязаны узломъ на боку и, для того чтобы лады не сдвикались, заклиниваются сбоку маленькими клинушгами. Такъ какъ инструментъ этотъ арабо-персидскаго происхожденія, то строй для него можно предположить какъ у тамбура арабо-персидскаго, котораго всѣ три струны строятся въ унисонъ или двѣ въ унисонъ, третья въ кварту къ нимъ. Описываемый инструментъ очень чистой работы. Длина около 99 сант.

Рис. 28.

Рис. 29.

29. Дутаръ [2])—сартскій музыкальный инструментъ, того же типа, что и предыдущій, но двѣ шелковыхъ струны (дитаръ—двухструнный, ситаръ—трехструнный), подгрифокъ на корпусѣ деревянный; у головки костяная подставка. Корпусъ размѣра гораздо большаго, чѣмъ у предыдущаго инструмента и не цѣльный, а склеенъ изъ девяти частей уступами, какъ въ современной мандолинѣ. На боковой сторонѣ грифа есть неглубокая продольная выемка, куда, вѣроятно, вгоняются клинушки для укрѣпленія перевязанныхъ ладовъ. На двѣ корпуса сдѣлано маленькое круглое отверстіе (голосникъ). Съ внѣшней стороны инструментъ сдѣланъ хорошо, даже отчасти инкрустированъ въ мѣстѣ соединенія корпуса съ шейкой. По длинѣ равенъ предыдущему. Играющій на немъ называется *дутарчи*. См. табл. при № 138.

30. Дутаръ—изъ Туркестана, тоже что предыдущій, двухструнный. Головка шейки выдѣляется отъ остальной части присутствіемъ колковъ и украшеніемъ изъ костяной пластинки. Общая длина около 106 сант., наибольшая ширина корпуса (поперекъ) около 20 сант., и наибольшая высота около 15 сант. Инструментъ неисправенъ.

---

[1]) См. *А. Эйхгорнъ*: Полная коллекція муз. инстр. народовъ Центр. Азіи. СПБ. 1885.

[2]) См. *А. Эйхгорна* упомянутую выше брошюру, а также *М. Пытухова*: Нар. муз. инстр. музея СПБ. Консерваторіи.

31. То же, что предыдущій, хорошо инкрустированъ, особенно грифъ. На декѣ 9 мелкихъ голосниковыхъ отверстій; лады изъ струнъ. Общая длина около 102 сант.

32. То же, что предыдущій, изъ Самарканда. На декѣ просверлены 7 мелкихъ голосниковыхъ отверстій, расположенныхъ крестообразно. 2 тонкихъ кишечныхъ струны. Ладовъ нѣтъ. Инструментъ украшенъ мѣдными и костяными пластинками. Общая длина около 102 сант., высота корпуса около 14 сант., наибольшая ширина около 17 сант. Такъ же какъ и предыдущій дутаръ—неисправенъ (утеряны подставки и пр.).

33. Дутаръ или тамбуръ, вѣроятно изъ Средней Азіи. Подобный арабскій инструментъ у Фетиса[1]) описанъ подъ названіемъ „tanbur baghlamah", т.-е. там-

Рис. 31.

Рис. 33.

Рис. 32.

буръ дѣтскій. Описываемый инструментъ много короче предыдущихъ дутаръ. Корпусъ очень глубоко выдолбленъ изъ дерева. У головки подставка и подгрифокъ костяные. Дека и верхняя сторона шейки украшены перламутровыми кружками. Длина инструмента около 77 сант. Грифъ (шейка) приклеенъ къ корпусу, на немъ 11 ладовъ. Три мѣдныхъ струны привязываются къ деревяннымъ колкамъ, привертывающимся одинъ сверху, другіе два по бокамъ. Названіе *дутаръ* для этого инструмента неправильно, такъ какъ онъ имѣетъ три струны, а не двѣ, слѣдовательно его должно называть *ситаръ*.

34. Дутаръ—то же, что предыдущій, небольшого размѣра (длины 77 сант.) съ двумя металлическими струнами и 12 ладами. На боку корпуса и на декѣ выжжены два голосника. Грифъ, корпусъ и дека изъ различной породы дерева.

35. Дутаръ—то же, что предыдущій, длиною около 83 сант., съ двумя кишечными струнами и 12 ладами. Корпусъ неглубокій, снизу какъ бы усѣченъ. На

---

[1]) *Fétis*: Hist. gén. de la musique.

немъ сбоку и на декѣ четыре голосника. Корпусъ и шейка сплошные. Дека наклеена и немного выпукла.

36. Чонгури Тифлисской губерніи, самый любимый и распространенный инструментъ въ Закавказьи, употребляемый при аккомпанированіи пѣнію. Относится къ семейству арабо-персидскихъ тамбуровидныхъ. Корпусъ имѣетъ видъ разсѣченной пополамъ тыквы, склеенъ изъ тутовой фанеры, закрѣпляясь на промежуточномъ основаніи корпуса и шейки; на шейкѣ 14 ладовъ, изъ перевязанныхъ втрое струнъ. Особой головки нѣтъ, а мѣсто для четырехъ колковъ на шейкѣ отдѣляется костяной подставочкой для струнъ и украшено костью. Съ противоположнаго конца четыре металлическихъ струны привязываются къ костяному подгрифку и на тонкой декѣ придѣланы три маленькія голосниковыя отверстія. Инструментъ имѣетъ хорошую внѣшность и покрытъ лакомъ. Общая длина его 65 сант., наибольшая высота (вѣрнѣе глубина) корпуса около 11 сант., ширина около 11 сант. Строй пятиструннаго чонгури слѣдующій: первая пара звучитъ унисонно и опредѣленнаго строя не имѣетъ, вторая пара тоже въ унисонъ, но на разстояніи чистой кварты, пятая отъ первой на разстояніи чистой квинты. М. Пѣтуховъ [1]) приводитъ слѣдующіе строи чонгури: c′ d′ c″c″ или d′ e′ c″c″ или d′ g′ c″c″.

Рис. 36.

Рис. 37.

37. Танбура — сербо-хорватскій музыкальный инструментъ, весьма распространенъ у южныхъ славянъ, по названію и внѣшнему виду близко подходитъ къ арабо-персидскому тамбуру. Тамбуры у южныхъ славянъ употребительны различной величины, съ разнымъ строемъ и количествомъ струнъ: *tamburaza samca* или *danguba*—пятиструнная, *tanburica* или *primašica*, *šara* или *sekundašica*, наконецъ—*čanguri* [2]). Описываемая тамбура, вѣроятно, есть *шара* (šara или sekundašica), состоитъ изъ выдолбленнаго грушевиднаго, снизу урѣзаннаго корпуса, отъ котораго нераздѣльно идетъ грифъ съ 12 желѣзными ладами, какъ въ гитарахъ; на концѣ его сверху вставлены четыре колка; они образуютъ головку, отдѣляясь отъ остальнаго грифа деревянной вставной подставкой, черезъ которую проходятъ металлическія струны, опираясь на кобылку (подставку на декѣ), и привязываются къ корпусу. Между подставкой у грифа и колками есть маленькая выемка, надъ которой вставлена поперекъ желѣзная проволочка, подъ нее пропускаются струны. Сосновая дека наклеена, на ней находятся 38 мелкихъ голосниковыхъ отверстій, расположенныхъ звѣздочками. Инструментъ сдѣланъ чисто; длина его около 58 сант. Строй шары слѣдующій; $\overline{b}$, $\overline{\overline{d}}$, $\overline{\overline{d}}$, $\overline{\overline{d}}$, т.-е. три струны настраиваютъ въ унисонъ. Употребляется въ ансамбляхъ исполнителей отъ четырехъ до двѣнадцати человѣкъ. Настройка танбуры разныхъ размѣровъ сообразуется съ общимъ строемъ оркестра, напр., строится въ терцію и квинту маж. трезвучія, прима секунда—въ основной тонъ и терцію того же трезвучія. Играютъ по струнамъ плектромъ, щепочкой или перышкомъ.

---

[1]) *Пѣтуховъ*: Сист. опис. инстр. музея СПБ. Консерв.

[2]) Ср. *čanguri* и кавказскій *чонгури* (36). Другія названія танбуры и ихъ строй см. у *А. С. Фаминцына*, въ соч. „Домра". СПБ. 1891

38. Танбура—бо́льшаго размѣра, вѣроятно, называется *primašica* или *tanburica*, играющая роль вторы, въ отличіе tanbura dangubа, или басовой. Устройство танбурицы то же, что у предыдущей. Грифъ наклейной, изъ болѣе прочнаго дерева, также 12 желѣзныхъ ладовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. На декѣ голосниковыхъ отверстій еще больше. Снизу танбурица покрыта краснымъ лакомъ, на декѣ при переходѣ въ грифъ наклеена для украшенія фанера. Длина около 69 сант. Строй слѣдующій: $\overline{\overline{d}}$, $\overline{\overline{f}}$, $\overline{\overline{f}}$, $\overline{\overline{f}}$, т.-е. три струны звучатъ въ унисонъ. У болгаръ танбуръ строится $\overline{d}$, $\overline{a}$, $\overline{a}$, $\overline{a}$; при употребленіи solo или для сопровожденія пѣнія однимъ инструментомъ, этотъ строй, можетъ быть, практикуется и у всѣхъ другихъ славянъ.

Описанныя подъ цыфрами 37 и 38 танбуры употребительны въ Болгаріи, Сербіи, Славоніи, Албаніи, Венгріи, Нижней Австріи и Турціи.

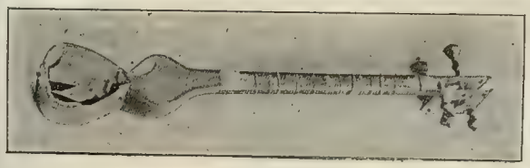


Рис. 39.

39. Таръ, или тари—азіатскій музыкальный инструментъ. Описываемый экземпляръ изъ Закавказья, состоитъ изъ гитарообразнаго корпуса, выдолбленнаго изъ тутоваго дерева. Внутри у перехвата, между стѣнокъ корпуса вклеена деревянная пластинка. Отъ шейки, или грифа, съ другой стороны корпуса вклеена также деревянная тонкая пластинка. Къ корпусу придѣлана шейка съ украшеніями изъ кости и 14 ладами (изъ струнъ). У конца шейки придѣлана головка, имѣющая видъ глубокой и узкой коробки, черезъ стѣнки которой вставляются шесть большихъ деревянныхъ колковъ, отъ которыхъ идутъ металлическія струны (2 желѣзныя, остальныя мѣдныя) къ подгрифку, проходя черезъ порожекъ у головки и подставку на декѣ. Дека состоитъ изъ пузыря, натянутаго на края корпуса. Длина инструмента около 76 сант., наибольшая высота корпуса 11 сант., наибольшая ширина—около 11 сант. Играютъ на тари плектромъ, или *mezrab*, изъ желтой мѣди, при этомъ палецъ мизинца правой руки лежитъ на декѣ справа отъ струнъ, и своимъ колебаніемъ иногда образуетъ вибрацію уже отраженнаго звука—пріемъ единичный въ своемъ родѣ. Опредѣленнаго строя для тари, очевидно, не существуетъ. По однимъ источникамъ пятиструнный тари настраиваютъ такъ: двѣ пары верхнихъ струнъ даютъ интервалъ квинты, пятая струна (басъ) строится разно. По другому источнику: первая пара постояннаго строя не имѣетъ, вторая пара звучитъ въ унисонъ и отстоитъ отъ первой на разстояніи чистой кварты, басъ строится на чистую квинту съ первой. Семиструнный тари по Пѣтухову (Сист. описс. музея СПБ. Конс.)—c‴, c′c′, g′g′, c‴c‴, а шестиструнный дѣтскій тари имѣетъ строй c″c‴, g″g″, c‴c‴[1]).

[1]) Бываетъ тари и болѣе, чѣмъ съ семью струнами; такъ, я встрѣчалъ въ Эриванск. губерніи объ 11 струнахъ, изъ которыхъ три имѣютъ маленькіе колки съ боковъ. Строй видѣннаго мною у одного перса инструмента таковъ: d′, e′e′, a′a′, f″, a″a″, для боковыхъ (приструнковъ): a′, e″e″. Въ инструментѣ этого перса было 22 лада; онъ сообщилъ, что бываютъ тари и въ 14 струнъ. Играетъ этотъ персъ на тари превосходно.

40. Пандури (?)—кавказскій музыкальный инструментъ, состоитъ изъ выдолбленнаго продолговатаго деревяннаго корпуса, переходящаго непосредственно въ короткую шейку, затѣмъ — головку. Верхняя часть корпуса покрыта немного выпуклой декой (сосноваго дерева), очень тонкой, съ двумя вогнутыми голосниками. На декѣ и по бокамъ корпуса, кромѣ того, есть еще 12 маленькихъ голосниковыхъ отверстій. На шейку наклеенъ особый грифъ, украшенный рѣзьбою. Головка представляетъ собою на концѣ заостряющійся выдолбленный ящичекъ, открытымъ бокомъ обращенный внизъ; въ немъ помѣщены три колка, привертывающіеся сверху. Струны же (три шелковыхъ) защемляются внизу за колки и черезъ три маленькихъ отверстія выходятъ на наружную сторону инструмента и направляются къ подгрифку, состоящему изъ тонкой деревянной пластинки съ тремя отверстіями для привязыванія струнъ; съ другого конца подгрифокъ привязывается шнуркомъ къ корпусу, для чего въ томъ и другомъ продѣланы по двѣ дырочки. Подставка, вѣроятно, утеряна. Длина инструмента около 58 сант., наибольшая высота корпуса около 7 сант., наибольшая ширина около 9 сант. Общій видъ этого инструмента напоминаетъ западно-европейскій, среднихъ вѣковъ, пошеттъ,—не играютъ ли и на этомъ инструментѣ также смычкомъ?

Рис. 40.

41. Samm-jinn, или Sann-hinn—трехструнный щипковый китайскій инструментъ. По мнѣнію Фетиса и другихъ, онъ проникъ въ Китай изъ Индіи, гдѣ до сихъ поръ употребляется у странствующихъ музыкантовъ и называется *tamburah*. Описываемый инструментъ состоитъ изъ деревяннаго корпуса, склееннаго изъ четырехъ частей, на края которыхъ съ двухъ сторонъ натянута змѣиная шкура и искусно закрѣплена тонкимъ костянымъ ободкомъ. Корпусъ имѣетъ не совсѣмъ правильную круглую форму; съ одной стороны его вставлена шейка (длин. около 80 сант.), къ которой прикрѣплена планка, проходящая сквозь корпусъ, и на выступающій ея конецъ надѣвается подгрифокъ, за который прикрѣпляются три шелковыя струны, направляющіяся къ головкѣ, откинувшейся нѣсколько назадъ. Въ головкѣ имѣется разрѣзъ для навязыванія струнъ; три большіе деревянные колка вставлены съ боковъ; у головки находится невысокій костяной порожекъ для струнъ, а на декѣ (кожа) подставочка для нихъ. Весь инструментъ тяжеловатъ, потому что стѣнки корпуса очень толстыя (около 5 сант.), такъ что пустое пространство въ срединѣ корпуса очень маленькое. Играютъ обычнымъ способомъ: правой рукой ударяя деревянной лопаточкой или плектромъ, наз. batschi.

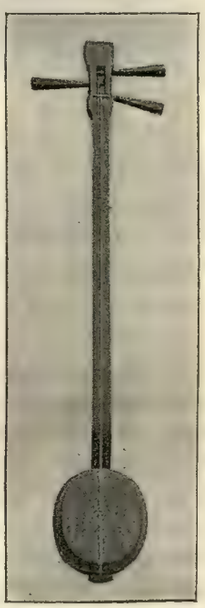


Рис. 41.

Строй этого инструмента у китайцевъ—$\overline{c}$, $\overline{f}$, $\overline{b}$, у японцевъ—$\overline{\overline{c}}$, $\overline{\overline{f}}$, $\overline{\overline{c}}$, или $\overline{c}$, $\overline{g}$, $\overline{c}$, или $\overline{\overline{c}}$, $\overline{f}$, $\overline{b}$, а у индусовъ—a $\overline{e}$ $\overline{a}$ [1]).

42. Тамбура изъ Туркестана, то же что предыдущая, имѣетъ три кишечныхъ струны. Общая длина 99 сант., высота корпуса 9 сант. и ширина 17×15 сант.

43. — Четырехструнный музыкальный инструментъ изъ Туркестана, со-

[1]) См. Le musée du Conservatoire national de musique. Paris. 1884.

стоитъ изъ пирамидальнаго (усѣченно) деревяннаго корпуса, края котораго съ одной стороны покрыты кожей, образующей деку. Сквозь корпусъ вставлена длинная шейка, на концѣ расширяющаяся въ головку съ четырьмя колками, отъ которыхъ къ маленькому подгрифку, расположенному на декѣ, идутъ четыре кишечныхъ струны различной толщины. Струны должны поддерживаться подставкой на декѣ, но она утеряна. Къ шейкѣ привязано маленькое колечко, сквозь которое, можетъ-быть, пропускается одна изъ струнъ и служитъ какъ бы ладомъ. Общая длина около 116 сант. Наибольшая глубина корпуса около 32 сант., наибольшая ширина около 16 сант.

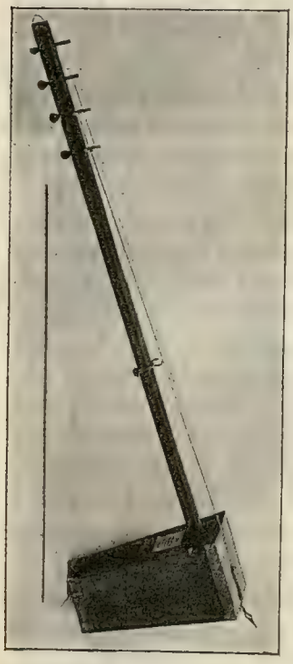


Рис. 43.

44. Ю-кинъ (Paun goum, You-Kinn, Ge-Kinn, Youé-Komm или Genkwan)—китайско-японскій инструментъ; состоитъ изъ круглаго, ок. 33 сант. въ діаметрѣ, корпуса и короткаго грифа на концѣ съ головкой, откидывающейся чуть-чуть назадъ. Въ ней прорѣзано отверстіе для удобства навязыванія струнъ. Четыре большихъ колка вставляются съ боковъ и имѣютъ видъ просто шестигранныхъ колышковъ. Отъ нихъ шелковыя струны проходятъ, черезъ высокій порожекъ, надъ десятью ладами (рядъ деревянныхъ высокихъ пластинокъ) и черезъ подставку, затѣмъ привязываются къ подгрифку (краснаго дерева), приклеенному къ верхней декѣ. Между деками, внутри корпуса подклеены подставки, во-первыхъ, для того, чтобы не покоробились деки, а затѣмъ, вѣроятно, для усиленія резонанса и, наконецъ, для укрѣпленія конца грифа, вставленнаго въ средину корпуса. Между деками устроены еще погремушки изъ мѣдной проволоки, въ видѣ спирали. Боковая сторона корпуса оклеена фанерой и вмѣстѣ съ грифомъ покрыта лакомъ. Разстояніе между двумя деками около 3 сант. Строй ю-кина слѣдующій: $\overline{f}$, $\overline{f}$, $\overline{\overline{c}}$, $\overline{\overline{c}}$, т.-е. въ квинту попарно [1]). Играютъ пальцами или плектромъ.

Рис. 44.

45. Пипа [pipa, gut-komm (?) или biwa (японск.)] — китайская гитара, состоитъ изъ выдолбленнаго деревяннаго корпуса, грушевидной формы. Выдолбленное отверстіе заклеено декой. Корпусъ постепенно переходитъ въ шейку и завершается сильно закинутой назадъ головкой. На шейкѣ расположены четыре деревянныхъ полукруглыхъ лада, далѣе по корпусу располагаются еще десять ладовъ, неодинаковой длины. Четыре шелковыхъ провощеныхъ струны прикрѣплены за колки и съ другой стороны за подгрифокъ. Четыре первыхъ лада, подгрифокъ и шейка—краснаго дерева, покрыты, какъ и весь корпусъ, кромѣ деки, лакомъ. Инструментъ хорошей работы, всюду—украшенія изъ кости (лады, подгрифокъ и пр.) или накладного краснаго дерева. Первые девять ладовъ обслуживаютъ всѣ четыре струны, остальные—три, болѣе тонкія струны. На первыхъ четырехъ (полу-

[1]) См. Le musée du Conservatoire national de musique. Paris. 1884.

кругло-выпуклыхъ) во время игры по струнамъ пальцы перебираютъ, прижимая самый ладъ, въ остальныхъ пальцы ставятся между ладами. На подгрифкѣ струны подвязываются снизу узломъ или палочкой, чтобы не выскакивали.

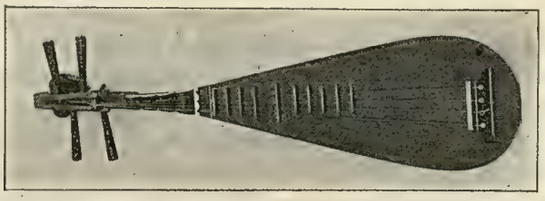


Рис. 45.

Размѣръ инструмента слѣдующій: длина ок. 83 сант., наибольшая ширина овала ок. 25 сант., разстояніе между дномъ корпуса и верхней декой очень маленькое, потому что корпусъ выдолбленъ и имѣетъ очень толстыя стѣнки. Нижняя часть корпуса почти плоская. Подгрифокъ состоитъ изъ планки ок. 14 сант. длины, къ ней сверху наклеенъ краснаго дерева навѣсъ, выдающійся по направленію къ ладамъ, въ немъ продѣланы четыре отверстія для подвязыванія струнъ. Въ срединѣ корпуса вставлена звучащая пружина - проволока, при сотрясеніи издаетъ звукъ $\overline{\text{f}}$. Головка *пипы* сдѣлана очень оригинально: закидываясь назадъ, возвращается обратно, принявъ форму древеснаго листа. Лады расположены, понижаясь къ подгрифку, но различны по длинѣ и разстоянію между собою. Пипа строится такъ: $\overline{\text{c}}$, $\overline{\text{f}}$, $\overline{\text{g}}$, $\overline{\overline{\text{c}}}$. Играютъ плектромъ [1]).

46. То же, что предыдущій, съ самыми незначительными отъ него уклоненіями, касающимися только внѣшности.

47. Satsuma biwa—японскій и китайскій музыкальный инструментъ, составляетъ какъ бы басовый видъ того же семейства, что и *pipa*.

Внѣшній видъ *бивы* равенъ предыдущему, но размѣръ гораздо большій; длина ок. 99 сант., ширина ок. 42 сант., высота корпуса ок. 5 сант. Корпусъ выдолбленъ изъ доски и прикрытъ толстой декой, состоящей изъ трехъ склеенныхъ частей. Обѣ стороны корпуса довольно выпуклы. На декѣ два голосника (въ видѣ полулунія) по бокамъ и одно (овальное) подъ подгрифкомъ. На декѣ поперекъ наклеена кожаная полоса, шириною ок. 16 сант., съ рисункомъ на ней; предназначается она, быть-можетъ, для смягченія тона [2]).

Подгрифокъ навѣсный, типа, какъ у предыдущей *пипы*, краснаго дерева, съ четырьмя отверстіями для шелковыхъ струнъ различной толщины. Въ срединѣ корпуса въ деку вставлены 9 тонкихъ палочекъ, которыя едва касаются основанія и имѣютъ значеніе, вѣроятно, улучшенія звука. Корпусъ, суживаясь, направляется къ головкѣ, переходя въ шейку, сдѣланную уже изъ другого дерева. Головка инструмента должна быть какъ у пипы, но, очевидно, сломана. Строй неизвѣстенъ; играютъ плектромъ. Бива принадлежитъ къ инструментамъ, которые употребляются при духовныхъ музыкальныхъ исполненіяхъ и для танцевальныхъ музыкальныхъ пьесъ.

---

[1]) См. Le musée du Conservatoire national de musique. Paris. 1884.

[2]) Ср. такой же инструментъ Вѣнскаго Ест.—истор. музея.

B) Струнные инструменты смычковые.

Смычковые инструменты составляютъ высшую ступень въ изобрѣтеніи и устройствѣ музыкальныхъ инструментовъ, въ которыхъ короткій, быстро теряющій силу звукъ можетъ теперь замѣняться продолжительнымъ, благодаря непрерывной вибраціи струнъ, достигаемой посредствомъ тренія о струны смычка, натертаго смолой. Струнные инструменты на Западѣ сдѣлались извѣстны съ IX вѣка, можетъ-быть, и раньше, въ видѣ кроты (chrotta), затѣмъ *ребека, рубебы, рубеллы*; всѣ эти инструменты выработали себѣ около XVI вѣка въ Европѣ болѣе совершенную форму, именно—теперешней скрипки. На Востокѣ же смычковые инструменты существовали также очень давно, какъ у арабовъ, такъ и индусовъ. По мнѣнію большинства историковъ, Востокъ служилъ колыбелью струнныхъ инструментовъ, которые занесены были арабами въ Европу черезъ Испанію. Нѣкоторые оспариваютъ это мнѣніе, на томъ основаніи, что на Востокѣ теперь еще смычковые инструменты находятся въ примитивномъ видѣ. Мнѣніе это мало обосновано. На Востокѣ у арабо-персовъ, индусовъ и китайцевъ мы встрѣчаемъ различные и сложные типы смычковыхъ, въ томъ числѣ даже форму европейской скрипки, тогда какъ смычковые на Западѣ далеко не имѣютъ столько разновидностей и всѣ стремятся къ одному постоянному типу—скрипкѣ, если не считать лиру (leyer, bauerleyer), которая явилась уже плодомъ изобрѣтенія Запада, и въ которой вмѣсто смычка для тренія струнъ употребляется колесо, натертое смолой. Изобрѣтеніе лиры (сначала organistrum) основано на мысли извлечь звукъ не только болѣе или менѣе продолжительный, но и постоянный. На основаніи близкаго родства со смычковыми, лира нами отнесена въ одну группу съ ними.

Рис. 49.

48. Гитара московскихъ цыганъ—семиструнная, русскаго фабричнаго производства.

49. Hu-Chin (ka-kin, konkeh). Этотъ струнный инструментъ очень распространенъ въ Азіи, встрѣчается также на островахъ; происхожденіе его выводятъ изъ Индіи, гдѣ онъ существуетъ подъ названіемъ *равanастронъ* и *saroh*. Индусская серинда (sarungie) того же семейства и типа, кромѣ постоянныхъ кишечныхъ или шелковыхъ струнъ, имѣетъ нѣсколько металлическихъ приструнковъ [1]). Корпусъ описываемаго китайскаго экземпляра Hu Chin'a призматическій, восьмигранный, съ тонкими стѣнками, вѣроятно, бамбуковый; на края корпуса съ одной стороны вмѣсто деки натянута змѣиная кожа, дно остается открытымъ; въ этотъ резонирующій ящикъ вставлена камышевая палка (ок. 66 сант. дл.), служащая шейкой инструмента; на свободномъ концѣ шейки вдоль ея вставлены четыре простѣйшихъ деревянныхъ колка, отъ которыхъ идутъ шолковыя струны черезъ подставку [2]) на декѣ и привязываются за пуговку, вставленную въ выдающуюся изъ корпуса камышевую палку (продолженіе шейки). Древко смычка сдѣлано также

---

[1]) Въ музеѣ Московск. консерваторіи такой инструментъ, вѣроятно, ошибочно названъ „biwa“.
[2]) Подставка утеряна.

изъ камыша съ натянутымъ конскимъ волосомъ. Корпусъ въ діаметрѣ ок. 8 сант., высота ок. 11 сант., смычокъ длиною ок. 60 сант. Играютъ на Hu-Chin, держа его у колѣна, смычокъ вставляя между двумя парами струнъ, налегая то на одну, то на другую пару. Строятся въ квинту попарно [1]).

50, 51 и 52.—Точно такіе же экземпляры, какъ предыдущій.

53. Saroh. То же, что предыдущіе, изъ Туркестана. Имѣетъ цилиндрическій деревянный корпусъ и шейку, на концѣ которой четыре колка (одинъ утерянъ) для кишечныхъ струнъ. Общая длина около 74 сант. Глубина корпуса около 16 сант. Инструментъ покрытъ краснымъ лакомъ.

54.—Подобный же инструменъ орочей, туземное его названіе неизвѣстно. Цилиндрическій корпусъ сдѣланъ изъ бересты, обтянутъ съ одной стороны рыбьимъ пузыремъ. Шейка деревянная; одинъ колокъ и кишечная струна. Подставки и смычекъ въ данномъ экземплярѣ отсутствуютъ (утеряны?).

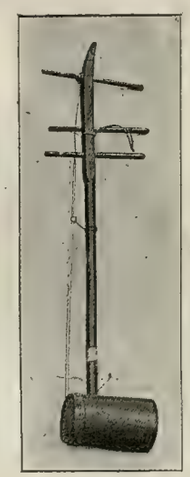


Рис. 53.

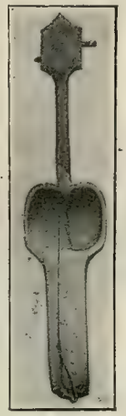


Рис. 55.

Рис. 56.

55. Кобызъ (кобузъ, коусъ)—киргизскій смычковый инструментъ; состоитъ изъ выдолбленнаго корпуса, который съ одной стороны переходитъ въ шейку (грифъ), съ другой суживается вдвое. Суженная часть корпуса покрывается деревянной декой (прибита деревянными колышками) съ небольшимъ квадратнымъ голосниковымъ отверстіемъ, другая часть корпуса, полушаровидная, остается открытой. Грифъ (шейка) расширяется въ лопатообразную головку, подъ которой, какъ бы выросшій изъ нея, находится коробочекъ; въ него съ боковъ вставляются два деревянныхъ колка для струнъ, которыя отсюда черезъ два отверстія выходятъ на верхнюю часть головки и отсюда натягиваются по направленію отъ ремня, играющаго роль подгрифка. Подгрифокъ съ своей стороны привязывается на концѣ корпуса. Общій видъ инструмента горбатообразный, потому что шейка составляетъ продолженіе кузова подъ тупымъ угломъ. Струны (2) состоятъ изъ крученыхъ конскихъ волосъ и приводятся въ колебаніе посредствомъ смычка (кеманче) [2]), также изъ конскаго волоса на древкѣ. Общая длина около 77 сант.

56. Кобызъ [3])—то же, что предыдущій. Грифъ (шейка) надставленъ, головка имѣетъ грубое подобіе европейской скрипки. Вмѣсто деревянной деки на выдающуюся часть корпуса натянута выдѣланная кожа, на ней остались слѣды приклеивающейся подставки (теперь утеряна). Со стороны шейки выдолбленный корпусъ прикрытъ клочкомъ деки, остальная часть корпуса остается открытой. Инструментъ окрашенъ въ красный цвѣтъ; длина около 66 сант., такъ же, какъ предыдущій, имѣетъ горбатообразный видъ; такой же смычекъ. Звуки кобыза

---

[1]) Ср. Le musée du Conservatoire national de musique. Paris. 1884 и 1-er supplément 1894.

[2]) Названіе смычка *кеманчей* указываетъ на нѣкоторую зависимость *кеманіе* отъ арабовъ, см. далѣе 69.

[3]) Ср. *И. Липаевъ*: Музыка на Всеросс. выст. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Киргизъ, играющій на кобызѣ.

необычайно рѣзкіе, напоминающіе скрипѣніе желѣза [1]). Кобызъ весьма употребителенъ у сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ, которые, по свидѣтельству С. Рыбакова [2]), для излѣченія болѣзней прибѣгаютъ къ содѣйствію шамана (баксы), который вмѣсто барабана (какъ у другихъ инородцевъ) играетъ на кобызѣ и такимъ образомъ приводитъ себя въ возбужденіе, и пѣніемъ призываетъ на помощь пророка и всѣхъ святыхъ.

57. Кобызъ—то же, что два предыдущихъ. Дека деревянная, корпусъ длиннѣе, особенно въ закрытой его части [3]). Головка устроена нѣсколько иначе. Общая длина около 71 сант. Смычекъ приблизительно такой же длины, какъ корпусъ;

Рис. 57.

Рис. 58.

Рис. 59.

во время игры волосы его напрягаются пальцами, вложенными, между древкомъ и прядью волосъ.

58. Кобызъ (?)—киргизскій музыкальный инструментъ, употребляемый киргизами Средней Орды, состоитъ изъ неглубокаго грушевиднаго, выдолбленнаго изъ дерева, корпуса, переходящаго затѣмъ прямо въ шейку и головку (круглой формы съ ушкомъ). Въ края корпуса вклеена дека съ двумя полукружными отверстіями—голосниками. Большіе колки привертываются въ головкѣ снизу, отъ нихъ идутъ три толстыхъ кишечныхъ (краснаго цвѣта) струны, черезъ подставку (утеряна) къ кожаному подгрифку, надѣтому на небольшой выступъ въ нижней части инструмента. Инструментъ грубо сдѣланъ, длина его около 38 сант. Строй неизвѣстенъ, названіе *кобызъ* также сомнительно, даже весьма можетъ-быть, что это не смычковый инструментъ.

59. Кобызъ изъ Туркестана, то же, что предыдущій, немного короче (до 56 сант.). Для струнъ имѣются два большихъ колка; часть корпуса закрыта не дощечкой, а кожей. При инструментѣ есть небольшой смычекъ.

60. Кобузъ карачаевскихъ горцевъ Кубанской области. Инструментъ имѣетъ видъ выдолбленной, снизу полукруглой лодочки, съ одного конца удлиняющейся

---

[1]) См. упомянутую выше брошюру *Ив. Липаева.*

[2]) „Живая Старина". *С. Рыбаковъ*, Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ.

[3]) *Кобызъ* этотъ такъ же, какъ предыдущіе, весьма подходитъ по устройству и внѣшнему виду къ смычковому инструменту rebab-el-moganny арабовъ; см. Le musée du Conserv. nation. de musique, Paris 1884, pg. 205.

и переходящей въ шейку (грифъ), съ лопаточной головкой. Корпусъ весь закрытъ деревянной декой съ однимъ большимъ и тринадцатью малыми голосниками. Въ головкѣ три деревянныхъ колка (привертывающихся снизу), за которые ущемлены двѣ струны изъ бѣлаго конскаго волоса, прикрѣпленныя съ другой стороны за два ремешка, замѣняющіе подгрифокъ; оба они продѣты въ отверстіе на концѣ корпуса. Подставка для поддержки струнъ, очевидно, утеряна. Смычекъ небольшой съ круто выгнутымъ древкомъ. Грифъ по срединѣ перевязанъ ремешкомъ (ладъ). Длина всего инструмента около 78 сант., ширина около 9 сант., высота корпуса около 5 сант.

Рис. 60.

Рис. 61.

Рис. 62.

Рис. 63.

61. Пишна Кубанской области Екатеринодарскаго у. То же, что предыдущій. На декѣ три различной формы голосника, на шейкѣ ладъ (деревянный) съ двумя прорѣзами для струнъ. Головка круглая, снизу ея привертываются колки. Корпусъ въ нижней части срѣзанъ гранями. Двѣ струны изъ конскаго волоса. Кожаные два ремешка, замѣняющіе подгрифокъ, привязаны за выступающую оконечность корпуса. На декѣ расположены три различной формы голосника. Смычекъ и подставка утеряны. Общая длина около 73 сант., наибольшая ширина корпуса 10 сант. и наибольшая его высота около 5 сант.

62.—Инструментъ изъ Туркестана. Внѣшній видъ имѣетъ подобный предыдущему. Состоитъ изъ грубо выдолбленнаго корпуса, удлиняющагося въ шейку (сдѣланы изъ одного куска дерева). Края выдолбленнаго корпуса задѣланы деревянной доской съ однимъ голосниковымъ отверстіемъ. Конецъ шейки расширяется въ головку, снизу которой привертывается два колка; отъ нихъ идутъ къ кожаному подгрифку на декѣ двѣ струны изъ бѣлаго конскаго волоса. Общая длина инструмента 51 сант., наибольшая ширина около 8 сант., наибольшая высота корпуса около 4 сант. При инструментѣ большой горбатый смычекъ, туго натянутый.

63. Пандури—кавказскій (грузинскій ?) инструментъ, состоитъ изъ лодкообразнаго долбленнаго корпуса, одинъ конецъ котораго понижаясь заканчивается двумя полукружными вырѣзками, другимъ концомъ переходитъ прямо въ шейку, затѣмъ

головку; всѣ части сдѣланы изъ цѣльнаго куска дерева. Корпусъ прикрытъ декой съ девятью маленькими отверстіями (голосники). На грифѣ расположены шесть деревянныхъ ладовъ и порожекъ у головки. Она наклонена назадъ, и три деревянныхъ колка вставляются съ боковъ. Шелковыя струны ущемляются на концахъ колковъ и идутъ къ противоположному концу корпуса, гдѣ всѣ три укрѣпляются деревяннымъ колышкомъ. Подставка и смычекъ утеряны. Общая длина пандури около 78 сант. Наибольшая ширина корпуса 9 сант., наибольшая высота 8 сант. У М. Пѣтухова [1]) пандури описанъ подъ болѣе общимъ именемъ *тампуръ*. М. Пѣтуховъ указываетъ на него, какъ на любимый и обыденный музыкальный инструментъ жителей закавказскихъ деревень цеха хлѣбопековъ (пурпучи). Играютъ смычкомъ сидя; строй $\bar{c}\ \bar{g}\ \equiv c$.

Рис. 64.

64. Фандыръ—почти такой же инструментъ, какъ три предыдущихъ. Лодкообразный долбленный изъ березы корпусъ непосредственно переходитъ въ грифъ, затѣмъ головку, закидывающуюся немного назадъ, съ двумя колками, вставленными съ боковъ. Корпусъ снизу вырѣзанъ гранью, прикрытъ сверху сосновой декой, на которой расположены 9 маленькихъ голосниковыхъ отверстій. На шейкѣ придѣланы 5 деревянныхъ ладовъ. Подгрифокъ кожаный, пропущенъ сквозь корпусъ и внизу закрѣпленъ деревяннымъ колышкомъ. Двѣ струны изъ конскаго волоса. Должна быть подставка на декѣ, а также смычекъ для игры, оба утеряны. Общая длина инструмента около 94 сант., ширина 9 сант., высота 7 сант.

65. Пандури—то же, что предыдущій, но нѣсколько видоизмѣненной формы Корпусъ грушевидный (граненый). Грифъ безъ ладовъ, но есть только порожекъ у головки; послѣдняя оригинально выточена. Корпусъ, грифъ и головка изъ одного куска дерева. На декѣ много мелкихъ голосниковыхъ отверстій. Три шелковыхъ струны, укрѣпляясь за деревянную пуговку въ задней части корпуса, идутъ къ головкѣ черезъ подставку (утеряна), продѣваются въ три отверстія на головкѣ и затѣмъ расходятся къ тремъ деревяннымъ колкамъ. Смычекъ утерянъ. Общая длина инструмента около 74 сант. Наибольшая ширина около 11 сант., наибольшая высота около 10 сант. О способѣ игры см. 63.

Рис. 65.

66. Пандури—смычковый инструментъ сванетовъ. Резонирующій корпусъ сдѣланъ изъ половины вычищеной тыквы, срѣзанная часть которой прикрыта кожей, натянутой посредствомъ веревочекъ и кожаныхъ ремешковъ; на ней продѣланы четыре маленькихъ круглыхъ голосника. Во внутренней части корпуса въ края тыквы вправленъ деревянный обручикъ, сквозь него и тыкву пропущенъ деревянный стержень, съ одного конца выходящій наружу на 6 сант., съ другой около 55 сант., и этимъ образующій шейку инструмента, переходящую въ эллипсоидальную головку съ двумя деревянными колками, привертывающимися снизу. Струны (2) изъ конскаго волоса идутъ прямо къ кожаному подгрифку, который другимъ концомъ прикрѣпляется

---

[1]) *М. Пѣтуховъ*: Народн. музык. инстр. Музея СПБ. Консерваторіи.

за выступающій конецъ деревяннаго стержня. Подставка утеряна. Общая длина инструмента около 77 сант., діаметръ корпуса 20 сант., наибольшая высота около 12 сант.

67. То же, что предыдущій, но большаго размѣра. Корпусъ выдолбленъ изъ тутоваго дерева, имѣетъ видъ чашки, въ днѣ которой вырѣзано четырехугольное отверстіе; съ верхней ея стороны натянута и укрѣплена деревянными колышками кожа съ четырьмя большими круглыми голосниками. Сквозь корпусъ проходитъ деревянный стержень, однимъ концомъ выступая немного наружу, другимъ—образуя шейку инструмента, переходящую затѣмъ въ лопатообразную головку съ четырьмя расположенными продольно въ рядъ деревянными колками,

Рис. 66.

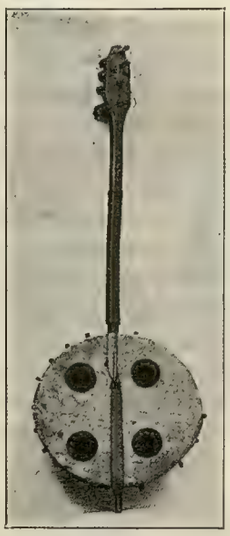


Рис. 67.

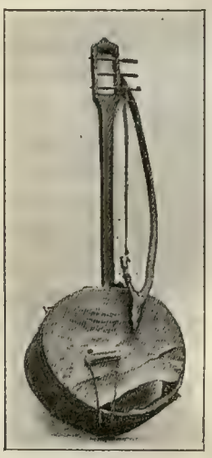


Рис. 68.

за которые струны, ущемляясь, идутъ къ кожаному подгрифку, прикрѣпленному за противоположный выступъ стержня. Струны на шейкѣ перехвачены кожанымъ ремешкомъ. Подставка утеряна. Общая длина инструмента около 80 сант., діаметръ корпуса около 27 сант., высота около 11 сант.

68. Чуниръ—смычковый музыкальный инструментъ сванетовъ, очень близокъ по внѣшнему виду къ африканскому инструменту *баніа*, употребительному въ настоящее время африканскими неграми. Резонирующій корпусъ имѣетъ подобіе рѣшета съ обичайкой (діам. около 24 сант. и высота около 10 сант.), на которую съ одной стороны нашита кожа, имѣющая нѣсколько мелкихъ проткнутыхъ отверстій вмѣсто голосника. Сквозь обичайку (ободъ) пропущенъ легкій деревянный стержень; удлиняясь въ одну сторону, онъ образуетъ шейку, переходящую затѣмъ въ головку съ прорѣзомъ и болѣе широкую, чѣмъ шейка. Три колка вставлены съ одной стороны сбоку. Струны изъ конскаго волоса, ущемляясь за колки, направляются къ подгрифку, состоящему изъ коротенькой палочки, привязанной за два конца веревочкой, въ свою очередь привязанной за выступающій наружу конецъ стержня. Шейка немного приподнята, поэтому въ обичайку вставлена немного наискось. Общая длина около 69 сант. Инструментъ очень старый.

69. Гиджакъ изъ Стараго Маргелана, Ферганской области. Этотъ музыкальный инструментъ состоитъ изъ круглаго корпуса (скорлупа кокосоваго орѣха), въ него вставленъ желѣзный стержень, образующій довольно длинную ножку, которой упираютъ инструментъ въ землю. Этотъ стержень съ другой стороны корпуса соединяется съ деревянной круглообточенной и утолщающейся къ головкѣ шейкой. Шейка непосредственно переходитъ въ головку; нижняя часть ея выдолблена корытцемъ, съ боковъ котораго вставлены три деревянныхъ точеныхъ колка. Верхняя часть корпуса урѣзана и обтянута животнымъ пузыремъ. Струны (одная мѣдная, другія двѣ—шелковыя) отъ колковъ снизу, пройдя чрезъ три отверстія у шейки, направляются чрезъ маленькую подставку на декѣ прямо къ желѣзной ножкѣ. Длина всего инструмента около 94 сант., діаметръ корпуса около 10 сант., головка и грифъ окрашены въ разные цвѣта. Играютъ смычкомъ, называемымъ *каманча*, состоящимъ изъ немного выгнутой окрашеной въ красный цвѣтъ палочки (длиной около 60 сант.) съ сучкомъ на одномъ концѣ, къ которому привязаны посредствомъ мѣдной струны, какъ и съ противоположнаго конца, конскіе волосы. Во время игры инструментъ ножкой упирается въ землю, а волосы смычка, недостаточно туго натянутые, во время игры напрягаются еще пальцами правой руки. Инструментъ хорошей работы. Гиджакъ относится къ группѣ смычковыхъ, существующихъ у персо-арабовъ подъ именемъ *кеманге*, съ шаровиднымъ корпусомъ, и *ребабъ*, съ трапецевиднымъ корпусомъ (ср. 73 яванскій ребабъ). Многіе народы заимствовали кеманге у персовъ и арабовъ, и такимъ образомъ его мы встрѣчаемъ въ Туркестанѣ [прежнее названіе инструмента перешло къ смычку (*каманча*) гиджака и киргизскаго *кобыза* (см. 55 и примѣч.)], во всей Юго-Западной Азіи, на Балканскомъ полуостровѣ и на Кавказѣ. По мнѣнію многихъ изслѣдователей, европейскіе струнные инструменты произошли именно отъ *ребабъ* и *кеманге*; слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что и русскій гудокъ, вышедшій уже изъ употребленія, не лишенъ былъ очевидно заимствованія съ Востока, если сравнить внѣшній видъ rebab el moganni (музея Парижск. консерв. Catalogue 804) и сохранившіяся изображенія гудка [1]).

Рис. 69.

Строй чіанури (каманча) у грузинъ бываетъ c g $\bar{c}$ или, по другимъ свѣдѣніямъ, какъ у тари (см. 39). Быть можетъ, такой же строй только что описаннаго трехструннаго гиджака.

Рис. 70.

70. То же, что предыдущій, немного меньшаго размѣра. Состоитъ изъ корпуса кокосоваго орѣха (діам. около 9 сант.) и точеной деревянной шейки, также точеные колки; головка такая же, какъ у предыдущаго инструмента. Эти части окрашены въ разные цвѣта. Вмѣсто деки на корпусъ съ одной стороны наклеена кожа. На днѣ корпуса есть небольшое голосниковое отверстіе; онъ украшенъ изящными рѣзными орнаментами. Общая длина 75 сант. Прямой смычекъ изъ простого древка и конскаго волоса. Длина смычка 53 сант.

---

[1]) См. у *Gutrie*, цит. соч. Переводъ съ дополн. и рис. см. въ „Маякѣ“ 1844 г., томъ XIII.

71. Резджекъ изъ Туркестана [1])—почти то же, что оба предыдущихъ инструмента, но большаго размѣра. Состоитъ изъ деревяннаго выдолбленнаго куполовиднаго корпуса (выс. около 14, ширина около 17 сант.) и деревянной шейки, съ одной стороны оканчивающейся головкой съ двумя колками, съ другой—оканчивающейся желѣзнымъ стержнемъ, образующимъ ножку. Шейка инкрустирована костью, роговидными пластинками и серебромъ. Кромѣ двухъ колковъ головки, на шейкѣ расположены съ боковъ еще по пяти колковъ сбоку для мѣдныхъ приструнковъ. Двѣ главныя струны изъ конскаго волоса проходятъ надъ подставкой (на декѣ), остальныя сквозь подставку и потомъ укрѣпляются за желѣзные крючки у ножки. Корпусъ съ одной стороны обитъ кожей снизу и имѣетъ три голосниковыхъ отверстія. Общая длина 102 сант. Смычекъ прямой (длина около 77 сант.), примитивной конструкціи. Конскій волосъ съ одного конца, гдѣ держатъ рукой, обернутъ краснымъ полотномъ.

Рис. 71.

Рис. 72.

72. Чіанури, иногда называютъ *каманча* или *чаганъ*. Кавказскій инструментъ. Корпусъ имѣетъ форму мавританскаго купола, склеенъ изъ фанеры тутоваго дерева (на основѣ деревяннаго ободка). На края натянутъ животный пузырь, образующій деку. Сквозь корпусъ продѣты шейка и вставленная въ нее желѣзная ножка. Шейка завершается головкой съ вырѣзаннымъ ящичкомъ, черезъ стѣнки его вставлены три колка, въ которые вдѣваются мѣдныя струны, проходящія черезъ порожекъ у головки и подставку (утеряна) на декѣ, привязывающіяся за три желѣзныхъ крючка, припаянныхъ къ ножкѣ у края деки. Съ внѣшней стороны инструментъ сдѣланъ хорошо, крытъ лакомъ. Общая длина 88 сант., діаметръ корпуса около 17 сант., смычекъ длиною около 65 сант. Чіанури строится такъ же, какъ тари (см. 39) или с g c̄. Играютъ смычкомъ тремолируя, опирая во время игры ножку инструмента на лѣвое колѣно или на землю.

73. Ребабъ съ острова Явы, по своей конструкціи очень близокъ къ ребабъ арабо-персидскому; состоитъ изъ трапецевиднаго корпуса. Верхняя дека кожаная, нижняя деревянная. Боковыя деревянныя стѣнки снаружи обклеены полотномъ и окрашены въ желтоватый цвѣтъ; на нижней деревянной декѣ просверлено нѣсколько маленькихъ голосниковъ, а въ нѣкоторые изъ нихъ вставлены, выдаваясь внутрь и еле касаясь верхней деки, около 9 кругленькихъ пластинокъ (родъ „душки“ въ европейскихъ скрипкахъ). Сквозь корпусъ вставлена кругло выточенная длинная шейка; въ нижней своей части, пройдя черезъ корпусъ, она скрѣплена клиномъ съ ножкой также деревянной и точеной. Къ противоположному концу шейки наставляется точеная головка съ двумя привертывающимися съ

[1]) Ср. Музей Московской консерваторіи и описс. *А. Ф. Эйхгорна* (№ 18).

боковъ колками и однимъ внутреннимъ отверстіемъ. Двѣ мѣдныхъ струны, привязанныя снизу за ножку, проходятъ черезъ подставку, лежащую у края деки, затѣмъ черезъ два отверстія на головкѣ во внутрь ея, и тамъ привязываются къ колкамъ. Весь инструментъ разбирается на составныя части: корпусъ, шейку, головку и ножку. Играютъ горбатымъ смычкомъ. Для струнъ и другихъ принадлежностей къ грифу привязанъ мѣшечекъ. Общая длина инструмента около 96 сант.

74. Гусла—сербскій музыкальный инструментъ, состоитъ изъ выдолбленнаго корпуса (съ отверстіемъ на днѣ), шейка съ загнутой головкой. Въ головкѣ помѣщается одинъ колокъ, на который натягивается на высотѣ вершка отъ грифа конскій волосъ, съ другого конца прикрѣпляющійся за деревянную пуговку корпуса.

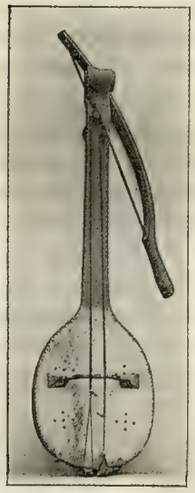


Рис. 75.

Рис. 74.

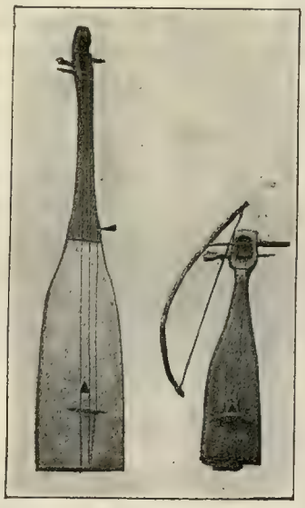


Рис. 76.

Рис. 77.

Звуки извлекаются посредствомъ лукообразнаго смычка, немного короче самого инструмента. Вмѣсто верхней деки туго натянута кожа съ 9 маленькими голосниковыми отверстіями. Корпусъ и грифъ сдѣланы изъ одного куска дерева; корпусъ имѣетъ овальную форму. Общая длина ок. 66 сант., наибольшая ширина ок. 20 сант., наибольшая высота резонатора ок. 9 сант.

75. Гусла (?)—музыкальный инструментъ южныхъ славянъ. Состоитъ изъ овальнаго, выдолбленнаго изъ дерева, корпуса, непосредственно переходящаго въ шейку, потомъ головку, на которой снизу вставлены два колка, а сверху за нихъ привязаны двѣ струны, состоящія каждая изъ пряди конскихъ волосъ, которыя проходятъ черезъ высокую фигурную подставку и привязываются къ двумъ концамъ жильныхъ струнъ, закинутыхъ за два отрога корпуса, въ данномъ случаѣ замѣняющихъ подгрифокъ. Вмѣсто деки верхней наклеена и прибита маленькими гвоздями кожа; на ней 18 маленькихъ голосниковыхъ осверстій, расположенныхъ звѣздочками. Звуки извлекаются лукообразнымъ смычкомъ изъ конскаго волоса. Общая длина инструмента ок. 78 сант., наибольшая высота корпуса 14 сант.

76.—Скрипка чукчей состоитъ изъ выдолбленнаго корпуса и короткой шейки съ головкой, грубо сдѣланныхъ изъ одного обрубка дерева. Корпусъ при-

крытъ деревянной декой; на ней три голосниковыхъ отверстія: два — наподобіе эсъ въ европейскихъ скрипкахъ и одно треугольное. Двѣ кишечныхъ струны (толстая и тонкая—размѣщены обратно существующему порядку) съ одной стороны привязаны за деревянные колки (длина ок. 14 сант.), а съ противоположной, опираясь на подставку, привязаны за два выступа, выдающіеся отъ корпуса. Общій видъ инструмента представляетъ бутылку отъ шампанскаго. Струны до сихъ поръ держатъ строй кварты g—c̄, можетъ-быть, это есть ихъ настоящій строй. Примитивный смычокъ состоитъ изъ простого древка и просмоленной въ одну пластинку пряди конскихъ волосъ. Головка инструмента выдолблена коробочкой, по бокамъ которой привертываются колки. Длина инструмента ок. 47 сант., наибольшая ширина 11 сант. и наибольшая высота корпуса ок. 7 сант.

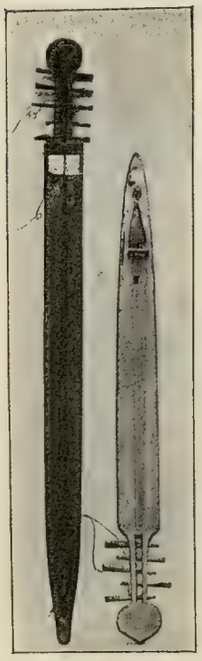


Рис. 78 и 79.

77.—Музыкальный инструментъ чукчей (с. Марково, Восточная Сибирь); резонирующій корпусъ выдолбленъ, шейка и корпусъ сдѣланы изъ цѣльнаго обрубка дерева. Головка шейки имѣетъ подобіе головки европейской скрипки. Верхняя дека съ треугольнымъ голосникомъ наклеена, задняя часть тоже вклеена. Три разной толщины кишечныхъ струны привязаны къ двумъ колкамъ у головки и одному на грифѣ, затѣмъ, пройдя черезъ кобылку, прикрѣпляются къ выступу у нижней части корпуса. Длина инструмента ок. 85 сант., наибольшая ширина ок. 16 сант., высота корпуса ок. 7 сант. Въ Дашковскомъ музеѣ этотъ инструментъ названъ „балалайкой“. Сравнивая же съ предыдущимъ (76), мы видимъ общія черты и форму, но большій размѣръ, поэтому склоняемся къ мнѣнію, что это инструментъ смычковый.

78. Токуръ — музыкальный инструментъ сахалинскихъ айновъ, состоитъ изъ длиннаго выдолбленнаго закругленнаго съ боковъ корпуса, однимъ концомъ суживающагося, другимъ переходящаго прямо въ головку съ колками. Дека прикрѣплена деревянными колышками. Головка имѣетъ видъ рукоятки меча съ сквознымъ отверстіемъ, въ стѣнки ея вставлены сбоку пять деревянныхъ (9 сант. дл.) колковъ для струнъ, натягиваемыхъ отъ противоположнаго конца и кожанаго подгрифка. Струнъ пять жильныхъ. Посреди деки вырѣзано звѣздочкой маленькое голосниковое отверстіе. Весь инструментъ окрашенъ въ черный цвѣтъ. Длина около 115 сант., ширина ок. 8 сант., высота ок. 5 сант. Кобылка утеряна, смычка также нѣтъ. Сомнительно, чтобы это былъ инструментъ смычковый, судя по количеству струнъ, хотя въ другомъ такомъ же экземплярѣ есть высокая подставка, поддерживающая струны не въ одной плоскости, какъ это дѣлается у подставокъ смычковыхъ инструментовъ, чтобы струны не звучали одновременно. Въ Дашковскомъ музеѣ токуръ именуется „скрипкой айновъ“.

79. Токуръ айновъ, то же, что предыдущій. Пять струнъ различной толщины изъ крапивныхъ нитокъ. На декѣ есть четыреугольный голосникъ. Подгрифокъ кожаный, прибитъ однимъ концомъ къ декѣ и корпусу. Кобылка высокая, подобная скрипичной европейской. Длина инструмента ок. 97 сант., ширина ок. 7 сант.

80. Скрипка Минской губ. Копія съ западноевропейскихъ скрипокъ, грубой работы.

81 и 82. Тоже, самодѣльныя скрипки изъ Рогачевскаго и Могилевскаго у. Могилевск. губ. Обѣ довольно грубой работы съ такими же смычками.

83. Скрипка и смычекъ, сдѣланныя, вѣроятно какъ игрушка, мальчикомъ с. Шумово, Болховскаго у. Орловской губ., наподобіе предыдущихъ скрипокъ, изъ куска еловаго дерева; 4 колка и 4 струны, свитыхъ изъ конскаго волоса. Общая длина ок. 58 сант., наибольшая ширина корпуса 12 сант.

84. Лира (рель, рыле) изъ Орловской губ. Ливенскаго у., с. В. Ольшанаго. Этотъ инструментъ состоитъ изъ скрипичнообразнаго корпуса, съ двумя плоскими деками. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки прикрѣпляется грифъ, къ лирѣ прикрѣплена небольшая коробка, по бокамъ которой вставлены три колка, на которые навязаны три струны: первая веревочная и толстая, средняя кишечная тонкая и третья обвитая канителью. Двѣ крайнія настроены въ квинту, а средняя въ октаву съ третьей (сравни строй слѣд.). Всѣ струны одновременно приводятся въ колебаніе треніемъ вращающагося валика. Надъ средней струной укрѣпленъ продолговатый ящичекъ, въ концѣ его, ближайшемъ къ валику, вырѣзано круглое отверстіе, чтобы средняя струна свободно могла вибрировать, съ другого же конца струна встрѣчаетъ препятствіе и область вибраціи прекращается. Всѣхъ клавишей 9, но употребительны изъ нихъ только шесть. Каждая клавиша устроена такъ, что можно измѣнить скалу, послѣдовательность тоновъ и полутоновъ, для средней струны, которая строится въ древне-іонійскомъ ладѣ: g a h c d e f g; подстраиваніе достигается посредствомъ повертыванія то вправо, то влѣво прикрѣпленныхъ къ клавишамъ топорикообразныхъ язычковъ, которые при нажиманіи клавишей прикасаются къ струнѣ. Во время игры лира держится на ремнѣ, черезъ правое плечо, въ наклонномъ положеніи. Правой рукой вращается валикъ, а лѣвой нажимаются клавиши, которыя свободно ходятъ въ отверстіяхъ ящика и сами отпадаютъ внизъ, если пальцы перестанутъ ихъ нажимать. Ящичекъ имѣетъ крышку, толстая струна также. Лира обладаетъ сильнымъ и пронзительнымъ звукомъ, хотя игроки такъ или иначе заботятся, чтобы онъ былъ мягче; для этого въ мѣстахъ прикасанія валика со струнами послѣднія обматываются мягкой шерстью. Происхожденіе лиры восходитъ къ 9 вѣку, если не ранѣе (chifonie и пр.—на Западѣ). О существованіи лиры въ Россіи имѣются вполнѣ опредѣленныя указанія у Маскевича[1]); одно время она была моднымъ инструментомъ во Франціи, затѣмъ перешла къ простому народу и сдѣлалась достояніемъ бродячихъ музыкантовъ (савойяры—во Франціи, нищіе другихъ странъ и слѣпцы у насъ на Руси). Наши слѣпые нищіе, наз. лирниками, подъ аккомпаниментъ лиры поютъ преимущественно духовные стихи и псальмы. Въ Италіи лиру называютъ lira rustica, ghironda, ribeca, stampella, viola da orbo, въ Германіи bauernleyer, въ Англіи hurdy-gurdy и т. д. Идея непрерывнаго звученія породила въ 17 и 18 вв. много видовъ инструментовъ, родственныхъ лирѣ (gambenwerk, bogenklavier, chordaulodion и мн.

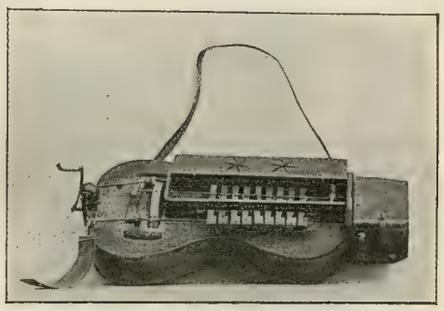


Рис. 84 а.

---

[1]) *Устрялов*: Сказанія о Дмитр. Самозв., II, Дневникъ Маскевича.

Украинскіе кобзари и „троиста музыка“ (позади).

друг. См. *А. Масловъ.* Лира и лирники Орловск. губ. Этн. Обозр. 1901 г. и *Н. И. Привалovъ.* Лира. Зап. Рус. Отд. Имп. Рус. Археол. о-ва, т. II).

84 а). Лира Минской губ., Рѣчицкаго у. То же, что предыдущая. Дека верхняя и нижняя немного выпуклы, 9 клавишъ. Головка съ 3 колками закрывается крышкой. Валикъ также прикрытъ выгнутымъ лубкомъ. Всѣ три струны кишечныя. А. Е. Грузинскій (въ Этн. Обозр., кн. XI) говоритъ, что *эта* лира строится такъ: самая толстая струна—основная, средняя даетъ къ ней октаву, а третья квинту. Всѣ части инструмента сдѣланы изъ березоваго дерева, но верхняя дека сосновая. Общая длина 60 сант., наибольшая ширина 25 сант. Въ общежитіи лиру, какъ и бандуру (см. табл.), часто называютъ *кобзой,* отсюда—*кобзари.*

Г) Струнные инструменты ударные.

Послѣднюю группу струнныхъ составляютъ инструменты съ искусственно извлекаемымъ звукомъ посредствомъ удара палочекъ или молоточковъ. Усовершенствованіе этихъ инструментовъ привело къ изобрѣтенію теперешнихъ клавишныхъ инструментовъ. Однако группа первобытныхъ ударныхъ—не велика и заключается только въ цимбалахъ (Cimbal, Timpanon, Salterio tedesco, Hackebrett, Santuri, Quanoun и многія др. туземныя названія). На Востокѣ у ассирійцевъ и евреевъ подобные инструменты существовали подъ разными названіями съ древнѣйшихъ временъ, а въ Западной Европѣ цимбалы были извѣстны уже въ IX вѣкѣ и до сихъ поръ очень распространены въ Венгріи. Послѣ того какъ цимбалы послужили прототипомъ для клавишныхъ, нынѣ весьма усовершенствованныхъ инструментовъ, въ народѣ онѣ (цимбалы) продолжали существовать въ своемъ почти первобытномъ видѣ, если не считать усовершенствованія цимбалъ въ Венгріи, гдѣ изготовляются мастерами цимбалы не только ручныя, переносныя, но и крупныхъ размѣровъ на ножкахъ, величиной и внѣшнимъ видомъ похожія на маленькій рояль [1]), съ хроматическимъ строемъ; разумѣется, такіе инструменты доступны только состоятельному классу, прочіе же довольствуются маленькими цимбалами. Въ Россіи цимбалы появились въ началѣ XVII в., можетъ-быть, и раньше, когда потѣшный дворъ сталъ наполняться заморскими игрецами. У великорусовъ въ народѣ, очевидно, любовью этотъ инструментъ не пользовался, наоборотъ въ юго-западной Руси цимбалы и теперь составляютъ необходимую принадлежность преимущественно свадебной „троистой музыки". Насколько видоизмѣненіе цимбалъ не двинулось впередъ, можно видѣть изъ нижеописанныхъ экземпляровъ, принадлежавшихъ народностямъ достаточно удаленнымъ другъ отъ друга и находившимся въ совершенно различныхъ культурно-историческихъ условіяхъ.

85. Цимбалы [2]) Гродненской губ. Корпусъ имѣетъ видъ равнобедренной трапеціи, или низкаго ящика съ двумя непараллельными и двумя параллельными сторонами. Всѣ части сколочены, трапецевидная рама съ обѣихъ сторонъ закрыта тонкими деками. На верхней—пять небольшихъ круглыхъ голосниковыхъ отверстій. Съ двухъ непараллельныхъ сторонъ рамы у края верхней деки приклеены выступы, съ вставленной поверхъ проволокой, черезъ которую проходятъ мѣдныя струны, съ одной стороны привязанныя за обойные гвозди, съ другой за

[1]) Подобные инструменты выставлены въ Кустарно-промышленномъ музеѣ въ Будапештѣ.

[2]) Ср. *А. Фаминцынъ.* „Гусли" СПБ. 1890.

желѣзные колки, расположенные сбоку по четыре въ рядъ. Всего колковъ 48. Струны посрединѣ подпираются подвижными деревянными кобылками, на верхней части которыхъ вставлены, для касанія со струнами, кусочки проволоки. Кобылокъ восемь— одна меньше другой; каждая подпираетъ четыре струны (образующихъ такъ-назыв. „хоръ“), строящихся въ унисонъ. Колебанія струнъ производятся двумя деревянными молоточками. Корпусъ окрашенъ въ красный цвѣтъ,

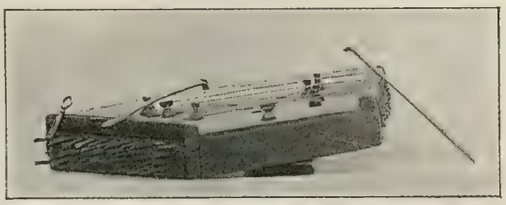


Рис. 85.

а кобылки—въ черный. По мѣрѣ укорачиванія струны утолщаются (обратный порядокъ); настраиваются желѣзнымъ ключемъ. Длина наибольшей стороны ок. 52 сант., ширина (поперекъ) ок. 27 сант., высота корпуса ок. 6 сант., длина палочекъ 24 сант. Играющій обыкновенно навѣшиваетъ цимбалы посредствомъ длиннаго ремня на шею, такъ что имѣетъ возможность играть даже „похаживая“. Относительно строя можно предположить, что онъ скорѣе діатоническій, на что указываетъ строй цимбалъ у другихъ народовъ: персидскій *сантиръ* имѣетъ діатоническій рядъ звуковъ (=дорійскому ладу древне-греч.) въ двѣ съ половиною октавы, *канунъ* арабовъ имѣетъ діатоническій рядъ звуковъ на три съ половиною октавы, наоборотъ, нѣмецкія цимбалы (Hackebrett) строились хроматически.

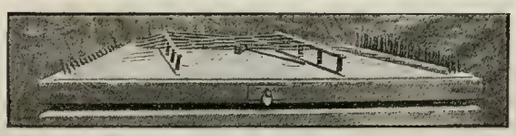


Рис. 86.

86. Yang-kin—китайскія цимбалы. Инструментъ состоитъ изъ трапецевиднаго корпуса на низенькихъ ножкахъ. Прямыя—верхняя и нижняя—деки вклеены въ раму. Съ одной непараллельной стороны трапеціи вставленъ рядъ мѣдныхъ колковъ (42), съ другой стороны—мѣдные же колышки, на которые натянуты тонкія мѣдныя струны, настраивающіяся по три въ унисонъ [1]). На верхней декѣ, подъ струнами у колковъ и колышковъ приклеены два порожка-подставки, на гребнѣ которыхъ вклеена камышевая тоненькая пластинка. Кромѣ этого, есть подъ струнами еще двѣ подвижныхъ подставки, имѣющія видъ лѣстницы, поставленной ребромъ, и на гребень ея, какъ у порожковъ, наклеена камышовая пластинка. Каждый „хоръ“ (въ три струны) проходитъ черезъ первую подставку сверху, затѣмъ черезъ вторую—въ промежутокъ подставки; слѣдующій хоръ проходитъ обратно: сначала внизу подставки, потомъ надъ ней, такъ что становится очень удобнымъ играть, не задѣвая близъ лежащаго хора. На верхней декѣ

[1]) Ср. 85.

имѣется два резонирующихъ отверстія, украшенныхъ выпиленными изъ кости орнаментами. Въ корпусѣ имѣется маленькій выдвижной ящичекъ для храненія запасныхъ струнъ и молоточка, которымъ ударяютъ по струнамъ, другой же конецъ его служитъ ключемъ для подвертыванія колковъ. Колки (длиной ок. 4 сант.) съ одного конца четырехгранные, съ другого—заострены (на нѣкоторыхъ есть винтовая нарѣзка); посреди колка есть отверстіе для привязыванія струны; вставляются или ввинчиваются колки прямо въ деку. Молоточекъ (дл. 11 сант.) состоитъ изъ мѣднаго набалдашника и четырехгранной рукоятки, расширяющейся къ одному концу, гдѣ сдѣлано четырехгранное гнѣздо по размѣру колковъ. Высота инструмента ок. 6 сант., наибольшая длина 66 сант., ширина (поперекъ) ок. 22 сант. Описываемый инструментъ имѣетъ футляръ, прикрывающій его сверху.

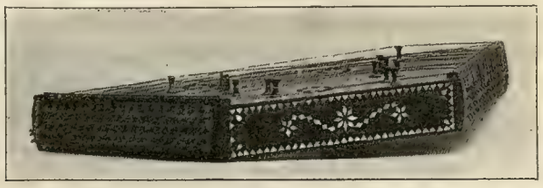


Рис. 87.

87. Цинцила, или сантури — цимбалы Ахалцихскаго у., употребляемыя въ Карталиніи и другихъ мѣстахъ Тифлисской губ. Устройство этого инструмента то же, что цимбалъ Гродненской губ. (см. 85), но изящной работы съ инкрустаціями. На верхней декѣ—три звѣздообразныхъ голосника, четвертый голосникъ устроенъ на боковой (длиннѣйшей) сторонѣ. Деки довольно плотныя, между ними внутри корпуса вставлены двѣ пары подставокъ (душки). Колки (желѣзные) расположены съ боковъ (непараллельныхъ). Струнъ 72, настраивающихся по четыре въ хорѣ. Каждый хоръ подпирается кобылкой и дѣлитъ струны на двѣ части такъ, что можно извлечь не 18, а вдвое болѣе звуковъ. (О строѣ см. 85, гродненскія цимбалы). Играющій ударяетъ по струнамъ деревянными молоточками (въ описываемомъ экземплярѣ—утеряны).

ОТДѢЛЪ II.

Духовые музыкальные инструменты.

Всѣ первобытные народы имѣютъ духовые инструменты, на какой бы низкой степени культуры они ни стояли. До сихъ поръ есть народы, которые не знаютъ смычковыхъ инструментовъ, а между тѣмъ уже давно пользуются духовыми инструментами, и это въ то время, какъ въ принципѣ, собственно говоря, устройство духового, даже самаго первобытнаго инструмента, гораздо сложнѣе струннаго. Конечно, изобрѣтеніе духовыхъ было сначала явленіемъ случайнымъ, а не основаннымъ на какихъ-нибудь данныхъ. Всякая трубка вызоветъ звукъ: если струю воздуха направить на край отверстія стѣнки трубки, она разбивается объ этотъ край, такъ что одна часть воздушной струи идетъ дальше вдоль

трубки, другая выходитъ наружу и такимъ образомъ извлекается звукъ; если дуть сильнѣе или слабѣе, сообразно этому получаются высокіе или низкіе звуки, натуральные, въ одинаковой для всякой трубки послѣдовательности. Такіе инструменты являются наиболѣе первобытными, и для того, чтобы извлечь рядъ звуковъ, употребляли сначала нѣсколько трубочекъ (какъ флейты), затѣмъ научились изъ одного инструмента извлекать рядъ звуковъ посредствомъ устройства отверстій на трубкѣ; въ нижеописанныхъ инструментахъ встрѣтятся весьма первобытныя флейты, напр., фитетекъ и канфлейты. Итакъ, первой ступенью въ изобрѣтеніи духовыхъ были трубки, у которыхъ губы приспособлялись для направленія воздушной струи (простыя трубки, флейты); второй ступенью являлись инструменты, въ которыхъ для направленія воздушной струи приспособленъ мундштукъ съ вставленной въ конецъ трубки сердцевиной, суживающей отверстіе, направляющее воздушную струю на острый край другого отверстія (различныя дудки, свистѣлки). Описанныя двѣ группы называются инструментами съ *лабіальными* (губными) трубками въ отличіе отъ инструментовъ съ *линвальными* (язычковыми) трубками, въ которыхъ звукъ извлекается вдуваніемъ воздуха съ силой черезъ упругій язычекъ, стремящійся всегда принять прежнее положеніе и прекратить струю воздуха. Эти въ свою очередь подраздѣляются на инструменты съ простымъ (жалейки) и двойнымъ (зурна, дудуки и др.) дрожащимъ язычкомъ. Язычковые инструменты по своей конструкціи вообще являются болѣе сложными и позднѣйшаго изобрѣтенія, въ періодъ относительной культуры. Родиной язычковыхъ считаютъ азіатскій Востокъ, между тѣмъ какъ мы встрѣчаемъ инструменты съ двойнымъ язычкомъ у дикихъ народовъ Америки, гдѣ о какихъ-либо заимствованіяхъ говорить трудно. Кромѣ указанныхъ двухъ группъ язычковыхъ, есть еще одна, болѣе древняя по своему возникновенію, вслѣдствіе простоты устройства служившая одной изъ первыхъ необходимостью въ народномъ быту. Это—инструменты *амбушюрные* безъ язычковъ, но въ которыхъ губы исполнителя играютъ роль перепончатаго язычка; сюда относятся охотничьи и военные рога, пастушьи трубы. При описаніи духовыхъ инструментовъ пришлось выдѣлить въ особую четвертую группу также первобытные многодудчатые, такъ какъ они потомъ перешли въ инструменты съ искусственнымъ нагнетаніемъ воздуха и положили основаніе полифонической музыкѣ.

А) Духовые инструменты лабіальные. (Одно- и двутрубчатые).

88. Фите-текъ первобытная флейта съ Зондскихъ острововъ, состоитъ изъ полой камышевой трубки (дл. 67 сант.) съ однимъ квадратнымъ отверстіемъ посрединѣ. При вдуваніи въ него, издаетъ слѣдующіе звуки: натурально, т.-е. при открытыхъ крайнихъ отверстіяхъ: e a e c e g, при закрытомъ одномъ крайнемъ отверстіи: c d c e, при закрытомъ другомъ отверстіи: a e a, при закрытыхъ двухъ крайнихъ отверстіяхъ d g b d [1]); такимъ образомъ получается возможность изъ

[1]) Звуки ниже тѣхъ, которые приняты въ современномъ строѣ, здѣсь будутъ обозначаться черточкой внизу ноты, а высшіе — звѣздочкой подъ нотой, усиленное повышеніе или пониженіе — двумя такими же знаками.

этого инструмента извлечь слѣдующій (приблизительно) звукорядъ: e a d e g a b c d e g.

Рис. 88.

89. Тоже что предыдущій. Длина ок. 56 сант. Издаетъ при открытыхъ крайнихъ отверстіяхъ слѣдующіе звуки: es es as es, при одномъ открытомъ боковомъ отверстіи: es es b es, при другомъ закрытомъ отверстіи: b g c, при обоихъ закрытыхъ: as f h; такимъ образомъ можно приблизительно извлечь слѣдующій рядъ звуковъ: des es as b des es g as b c des es [1]).

90. Фитанисъ—камышевая флейта съ Зондскихъ острововъ. Длина 25 сант., одинъ конецъ закрытъ естественной перепонкой, другой срѣзанъ наискось. Отверстій пять, шестое вырѣзано противъ одного изъ предыдущихъ на другой сторонѣ

91.—Сартская флейта. Трубка выточена изъ дерева (дл. ок. 55 сант.) съ семью передними отверстіями въ рядъ, двумя у края, по бокамъ и однимъ нижнимъ. Принадлежность этой флейты сартамъ можно оспаривать; у курдовъ Закавказья есть точно такой же инструментъ, называемый *блюль*, на которомъ играютъ подобно башкирскому кураю.

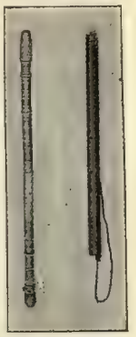


Рис. 91 и 90.

92. Цибизга (себызга)—флейта сибирскихъ киргизовъ, состоитъ изъ трехъ спаянныхъ кольцами мѣдныхъ трубочекъ въ одну, длиной ок. 57 сант., діаметръ трубки къ одному концу постепенно суживается вдвое; ближе къ этому концу расположены три отверстія. На цибизгѣ играютъ, вставивъ трубку въ лѣвую сторону рта, вдуваютъ въ нее воздухъ и, оставляя правую часть полуоткрытою, производятъ въ то же время особаго рода насвистываньe.

93. Цибизга сдѣлана изъ ствола растенія пустотѣлаго купыря (дл. ок. 66 сант.) съ четырьмя отверстіями на передней сторонѣ и однимъ снизу. Весьма кволый инструментъ, поэтому для него имѣется примитивный деревянный футляръ.

94. Цибизга, то же, что предыдущій, сибирскихъ киргизовъ. Только три отверстія. Длина ок. 77 сант. Сдѣланъ изъ купыря, къ одному концу немного суживается. Для инструмента имѣется примитивный деревянный футляръ.

95. — Киргизская флейта состоитъ изъ деревянной высверленной трубки (длина около 75 сант.) съ семью группирующимися въ рядъ отверстіями (въ средней части инструмента); отступя немного, расположены группой (треугольникомъ) другія три отверстія, а на противоположной сторонѣ есть еще два отверстія. Инструментъ имѣетъ деревяный футляръ.

96. Сибизга (?) изъ ауловъ карачаевскихъ горцевъ, Кубанской области. Состоитъ изъ желѣзнаго ствола (можетъ быть, отъ ружья). Ближе къ одному концу

[1]) Ср. flûte canaque музея Парижской Консерв. (Каталогъ 1884 г., 886).

расположены три отверстія; если дуть въ крайнее отверстіе (держа инструментъ поперекъ), то инструментъ даетъ слѣдующіе звуки f a h d. Но надо полагать, играютъ на этомъ инструментѣ продольно, какъ на предыдущихъ (94—95).

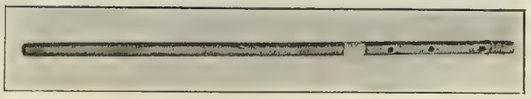


Рис. 96.

97 и 98. — Двѣ камышевыхъ флейты изъ Туркестана. Одна (дл. около 50 сант.) съ 7 отверстіями, другая (дл. до 1 метра) съ тремя отверстіями на одной сторонѣ и еще однимъ у края на другой сторонѣ трубки.

99 и 100. — Двѣ камышевыя поперечныя флейты съ о. Суматра. Изъ нихъ одна (дл. около 33 сант.) имѣетъ шесть отверстій для пальцевъ и одно для губъ, другая флейта (дл. около 38 сант.) имѣетъ всего 9 отверстій, разгруппированныхъ такъ: два рядомъ—съ одного края, одно (вѣроятно, для губъ)—съ другого, ближе къ послѣднему расположены въ рядъ шесть остальныхъ отверстій.

101. Най—сартская поперечная флейта Ферганской области, изъ Стараго Маргелана. Прототипъ современной поперечной усовершенствованной флейты. Названіе „най“ на Востокѣ принято для различнаго типа духовыхъ инструментовъ. Описываемый инструментъ состоитъ изъ мѣдной трубки (дл. 33 сант., діам. около 2 сант.). Одинъ конецъ трубки закрывается ватой, и у этого конца находится отверстіе, въ которое вдуваютъ воздухъ; дальше, отступя, расположены въ рядъ еще шесть отверстій. Звуки удалось извлечь слѣдующіе: cis dis e fis g a h cis dis e fis g a h. См. табл. при № 138.

Рис. 101, 103 и 104.

102.—Такая же флейта бурятъ состоитъ изъ мѣдной трубки; одинъ конецъ запаянъ совершенно, около него находится отверстіе, въ которое дуютъ. На протяженіи трубки расположены шесть отверстій и одно съ противоположной стороны. Длина 29 сант. Звуки извлекаются довольно пріятные, подобные предыдущему. Мнѣ удалось извлечь слѣдующіе звуки: d e ges as b c d e и на октаву выше этихъ.

103. Большая Ти или Ди (у японцевъ—kouwan-teki)—китайская поперечная флейта, состоитъ изъ бамбуковой трубки. На всемъ протяженіи ея находятся кольца, сдѣланныя изъ лощеныхъ нитокъ. На трубкѣ всего 12 маленькихъ отверстій, изъ нихъ одно служитъ для вдуванія воздуха. Длина инструмента около 60 сант. Удалось извлечь слѣдующіе звуки: h cis d e fis gis b cis d e fis gis h.

103а. То же, что и предыдущая. Строй: b d e fis gis b d.

104. — Китайская флейта изъ бамбуковой трубки (дл. около 55 сант.), одинъ конецъ которой закрытъ, но съ края оставлено маленькое отверстіе, вѣроятно, для вдуванія воздуха. Для измѣненія высоты звука имѣются пять отверстій на одной сторонѣ и одно на другой.

105. — Чешская дудочка—свистокъ изъ сосноваго дерева (дл. ок. 11 сант.). Для извлеканія звука устроенъ мундштучекъ съ двумя отверстіями и вставленной сердцевиной. Кромѣ этого, имѣется три отверстія для пальцевъ, изъ нихъ одно находится на противоположной сторонѣ двумъ другимъ. Звуки издаетъ слѣдующіе: f as c d.

106 и 107. Лумждзе—двѣ деревянныя дудки литовцевъ. Обѣ одного размѣра (дл. около 26 сант.), имѣютъ два отверстія для пальцевъ и два мундштучныхъ (съ вставленной сердцевиной). Конецъ мундштуковъ скошенъ, другой конецъ оправленъ свинцовымъ ободкомъ. Изъ первой извлекаются слѣдующіе звуки es ges as b es b c, изъ другой: d f g a d a b.

108. Бирбинія—литовская деревянная дудка (длиною 42 сант.) съ четырьмя отверстіями для пальцевъ, расположенными попарно на разстояніи 7 сант. другъ

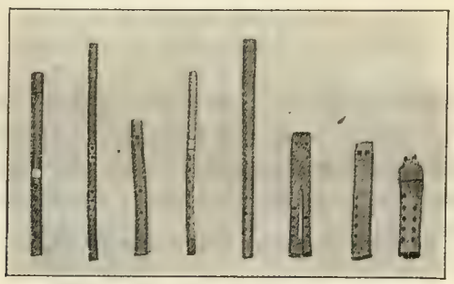


Рис. 109. 108. 107. 116. 122. 127. 128. 144.

отъ друга, и два отверстія мундштучныхъ (со вставленной сердцевиной). Можно извлечь слѣдующіе звуки: c g h c d e f g as h c des f.

109. Дудка Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда. Почти то же, что и предыдущая, но для измѣненія высоты звука вырѣзано пять отверстій, расположенныхъ въ рядъ. Длина инструмента около 36 сант. Звуки удалось извлечь слѣдующіе: b c des es f g и октавой выше этихъ.

110. Тоже Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда. Длина инструмента около 34 сант. и шесть отверстій для пальцевъ.

111. Тоже Минской губерніи, Игуменскаго уѣзда. Длина 33 сант., съ семью отверстіями для пальцевъ, изъ нихъ одно съ противоположной стороны всѣмъ другимъ.

112 и 113. Сопилки Полтавской губерніи; такія же дудки, какъ и рядъ предыдущихъ, съ шестью отверстіями для перебиранія пальцами. Длина около 35 сант. Звуки издаетъ одна слѣдующіе: b des es fes ges as b и чистыя квинты отъ этихъ; другая издаетъ слѣдующіе звуки: h cis dis e fis gis ais.

114. Сопилка Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда. То же, что предыдущая. Длина 31 сант., съ шестью звуковыми отверстіями. Звуки издаетъ слѣдующіе: c d e f g a h c d e f g a h c d e f g a h.

115, 116 и 117. Дудки Гродненской губерніи. Всѣ три деревянныя со скошенными мундштуками и шестью отверстіями для пальцевъ. Длина первой около 35 сант., второй около 42 сант. Третья дудка неисправна, звуковъ извлечь не удалось, остальныя дали слѣдующіе звукоряды: 1) b d es fes ges as b d es fes ges as a b ces des es f и 2) a b c des es f g a b c d es e es f g as b c d.

118 и 119. Swistawka drewniana. Два экземпляра деревянныхъ свисталокъ изъ Царства Польскаго. Каждая изъ этихъ дудокъ имѣетъ по шести отверстій для пальцевъ. Мундштукъ скошенъ. Трубки къ концу немного суживаются и заканчиваются опять маленькимъ расширеніемъ. Довольно чисто выточены (длина 35 и 38 сант.). Нижеприводимые звуки свисталокъ извлечены съ прижиманіемъ отверстій по порядку, другія комбинаціи дадутъ всевозможные тоны. Строй первой: h d e fes ges as b h cis d d fes ges as b cis d, строй второй: c d es e ges as b c d e f g a h.

120. Дудка Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда. Эта, довольно кривая дудка, внутри выжжена, шесть отверстій для пальцевъ также выжжены, мундштукъ—какъ у предыдущихъ. Длина около 35 сант. По своему строю эта дудка очень интересна: октава ея раздѣлена на шесть приблизительно равныхъ частей: a h des es f g a, отъ этого ряда даетъ также звуки октавой выше.

121. Дудка Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи, также деревянная, съ нѣкоторыми измѣненіями во внѣшнемъ видѣ: оба конца не круглые, а граненые, средняя часть—круглая, на ней помѣщены шесть звуковыхъ отверстій. Мундштукъ, какъ у предыдущихъ. Длина около 33 сант. Строй: c d e f g a h c d e f g a b c d.

122. Пичталка—хорватская круглая деревянная дудка (длин. около 42 сант.), украшена рѣзными орнаментами. Мундштукъ, какъ у предыдущихъ, также шесть звуковыхъ отверстій. Строй: f g a h des es f g a h des es f g a h des es f.

Рис. 123 и 124.

123. Саламури (иногда называется сиринкъ)—кавказская дудка, выточенная изъ тутоваго дерева (дл. около 31 сант.). Мундштукъ, какъ у предыдущихъ, семь звуковыхъ отверстій. Издаетъ слѣдующіе звуки: c d e fis gis ais cis dis e f fis gis ais c и выше.

Комбинируя пальцы при закрываніи отверстій, можно получить разнообразные звуки.

124. То же, что предыдущая, меньшаго размѣра (дл. около 27 сант.), съ 7 отверстіями для пальцевъ, изъ нихъ одно съ противоположной стороны остальнымъ. Звуки издаетъ слѣдующіе: es f g as b c d es e f g as b c d es e f g a h c.

125. Dvojka или фургуле [1]— изъ венгерской Краины. Инструментъ состоитъ изъ березовой планки (дл. около 29 сант.), въ которой продольно высверлены два отверстія, представляя какъ бы двѣ вмѣстѣ составленныя трубки. На этомъ инструментѣ двойное строеніе замѣтно вслѣдствіе выемки между трубками. Съ одного конца трубки урѣзаны наискось, и въ каждой сдѣланы мундштучки съ серцевиной (какъ у вышеописанныхъ дудокъ). На трубкахъ выжжены отверстія для пальцевъ, на одной три, на другой четыре, изъ нихъ шесть расположены парами. При вдуваніи получаются сразу два звука. Вообще звуки фургуле очень нѣжны, верхнія ноты пронзительны; можно играть различныя сочетанія звуковъ. Строй трубки съ четырьмя звуковыми отверстіями: es f ges as b e f ges as b c des es f ges as b, строй второй трубки: es f ges as es f ges as es f ges as. Фургуле составляетъ видоизмѣненіе пары свирѣлей Смоленской губ.

126. — То же самое и такой же строй.

127. — То же самое, но строй немного разнится, а именно—первой трубки строй: e f g a h e f g a h c d e f g a h, строй второй трубки: тетрахордъ e f g a h повторяется еще въ двухъ высшихъ октавахъ.

128. Глушница или двойница—болгарскій инструментъ [2]. Тоже что предыдущій, но безъ продольной вырѣзки, отдѣляющей обѣ трубки. Длина инструмента около 25 сент. Для одной трубки имѣется шесть отверстій, а для другой—только одно сбоку. Звуки извлекаются слѣдующіе: es f g a h cis dis es f g a h cis dis, другая трубка даетъ слѣдующіе звуки: e f e f e f.

Б) Духовые инструменты язычковые.

а) Съ простымъ язычкомъ.

129. Пастушій рожокъ Смоленской губерніи Ельнинскаго уѣзда. Онъ состоитъ изъ деревянной трубки съ двумя отверстіями для пальцевъ. Въ концѣ трубки вырѣзанъ язычекъ. Во время игры отверстіе трубки у язычка закрывается языкомъ и весь конецъ ея приблизительно на 3 сант. находится во рту. Инструментъ требуетъ довольно сильнаго нагнетанія воздуха, дѣйствующаго на дрожащій язычекъ. На другомъ концѣ трубки придѣланъ раструбъ изъ бересты, свернутой спиралью. Общая длина инструмента около 25 сант.

130. Дудка Смоленской губерніи, маленькая, деревянная (длин. около 23 сант.), съ четырьмя отверстіями для пальцевъ. Устройство пищика [3] съ дрожащимъ язычкомъ, какъ у предыдущаго инструмента.

131. Пастушій рожокъ Нижегородской губерніи (дер. Грабилово), состоитъ изъ основной деревянной трубки, съ четырьмя отверстіями для пальцевъ, раструбомъ

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на сходство названій двойной арабско-египетской флейты *аргуль* и *фургуле* или далматской *фруле*.

[2]) Ср. коллекціи музея Брюссельской консерваторіи и Этнографическаго музея въ Вѣнѣ.

[3]) Будемъ такъ называть мундштукъ съ дрожащимъ язычкомъ.

изъ воловьяго рога и на другомъ концѣ съ вставнымъ пищикомъ изъ гусинаго пера, (съ вырѣзаннымъ на немъ язычкомъ). Звукъ гнусавый пронзительный. Удалось извлечь слѣдующіе звуки: h̄ cis̄ d̄ ē. Общая длина инструмента около 31 сант.

132. Пастушій рожокъ Тверской губерніи, Весьегоньскаго уѣзда, дер. Подберезье. Состоитъ изъ деревянной трубки съ тремя отверстіями для пальцевъ и вырѣзаннымъ на концѣ язычкомъ, на другомъ концѣ придѣланъ конусообразный раструбъ изъ бересты. Общая длина около 33 сант. Издаетъ слѣдующіе, довольно мягкіе и пріятные звуки: b̄ des̄ ēs ges̄.

133. Тоже, Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, дер. Бунёво.

134. Тоже, Архангельской губерніи, села Кандалакши; съ двумя пальцевыми отверстіями, издаетъ три звука, очень глухихъ. Длина около 49 сант.

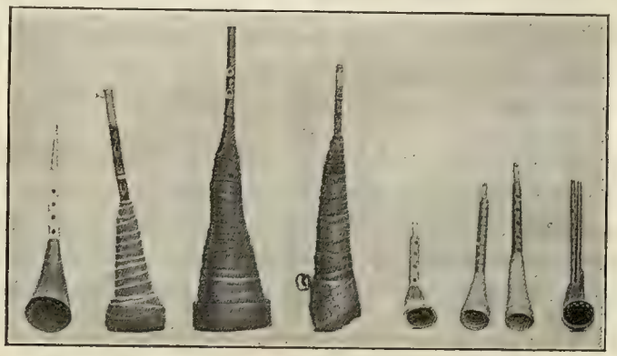


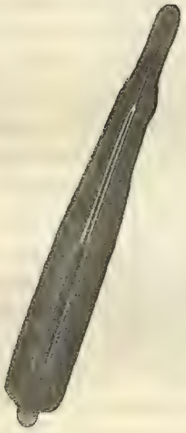
Рис. 131. 132. 134. 135. 136. 142. 147.

135. Тоже, Смоленской губерніи, съ двумя отверстіями на трубкѣ и вырѣзаннымъ на ней же дрожащимъ язычкомъ.

136. Тоже, Московской губ., Подольскаго у. Состоитъ изъ основной деревянной трубки съ 4 звуковыми отверстіями. Съ одного конца вставленъ пищикъ, съ другого придѣланъ раструбъ изъ воловьяго рога. Общая длина 19 сант.

137. Бирбиніа Литовскій рожокъ, состоитъ изъ вычищенной отъ сердцевины деревянной трубочки (дл. 16 сант.), къ одному концу расширяющейся, куда долженъ бы былъ быть прикрѣпленъ берестяной раструбъ (утерянъ). На трубочкѣ четыре отверстія для пальцевъ, пищикъ устроенъ, какъ у предыдущихъ. Звуки издаетъ (грубые): ḡ c̄ d̄ ēs f̄ ḡ. Тяжелъ для игры.

138. Варганъ желѣзный; семь экземпляровъ: 4—якутскихъ (комысъ), одинъ изъ Бессарабск. губ. (дрымба) и два остальные молдаванскіе. Названіе это у великоруссовъ, очевидно, произошло отъ слова *органъ*; распространенъ этотъ инструментъ у многихъ народовъ по всей Россіи, въ Австро-Венгріи, у балканскихъ народовъ, тюркскихъ, финскихъ, монгольскихъ племенъ и многихъ другихъ. Сообразно съ этимъ имѣетъ маленькія измѣненія во внѣшнемъ видѣ и совсѣмъ различныя названія: у малоруссовъ *дрымба*, у сербо-хорватовъ *дромбуле*, у черемисовъ и чувашей *кабашъ* или *кабасъ*, у якутовъ *хомузъ* (комысъ), у нѣмцевъ Singekugel и т. д. Состоитъ онъ изъ подковообразнаго желѣзнаго ободка съ удлиненными лапками. Къ этой подковкѣ прикрѣплена однимъ концомъ стальная пластинка въ видѣ ножки стрекозы, съ загнутымъ тонкимъ концомъ. Играютъ на



Среднеазіатскіе музыканты и два варгана.

немъ слѣдующимъ образомъ: придерживая кольцо подковки двумя пальцами лѣвой руки, лапки кладутъ между зубами, едва ихъ касаясь, а загнутую ножку пластинки, или язычка, обращенную отъ себя, приводятъ въ колебаніе пальцемъ правой руки, въ то же время языкомъ и губами дѣлаютъ различныя движенія, отчего получаются разные оттѣнки звука. По словамъ доктора П. Н. Сокольникова, якуты игрой на хомузѣ подражаютъ крику дикихъ гусей, звону колоколовъ и т. д., а также пытаются передать всевозможныя душевныя настроенія. На описываемомъ инструментѣ мнѣ пришлось подробнѣе остановиться въ виду распространенности инструмента, у русскихъ же онъ игралъ большую роль до тѣхъ почти поръ, когда появилась гармоника, вытѣснившая *варганъ*, хотя онъ употребителенъ и сейчасъ, но больше у дѣтей. Дѣлается различныхъ размѣровъ [1]), какъ это видно изъ описываемой группы инструментовъ. См. предыд. табл.

139. Джатебу—деревянный варганъ съ Зондскихъ острововъ, близокъ по устройству къ предыдущему, состоитъ изъ бамбуковой пластинки, въ срединѣ которой вырѣзанъ длинный язычекъ. См. предыд. табл.

Рис. 143.

140. Варганъ орочей, состоитъ изъ тонкой пластинки камыша, къ концу суживающейся. Посрединѣ вырѣзанъ насквозь язычекъ, почти во всю длину пластинки. Къ основанію язычка прикрѣплена нитка, привязанная затѣмъ къ небольшой палкѣ. Нитка и палка на звукъ врядъ ли оказываетъ вліяніе: въ предыдущемъ *джатебу*, а также другихъ, видѣнныхъ мной въ заграничныхъ музеяхъ, приспособленія этого не встрѣчается. У островитянъ (живущихъ вокругъ азіатскаго материка) подобные инструменты суть одни изъ любимѣйшихъ.

141. — Эолова арфа съ острова Явы. Въ виду неисправности этого инструмента не рѣшаемся дать о немъ какія-либо свѣдѣнія.

142. Рожки Владимирской губ., Вязниковск. у., два экземпляра; состоятъ изъ деревянныхъ высверленныхъ трубочекъ, длиной 13 сант. каждая. Въ одной 5 пальцевыхъ отверстій спереди и одно (у края) съ противоположной стороны, въ другой три пальцевыхъ отверстія. Въ одинъ конецъ трубокъ вставленъ и закрѣпленъ воскомъ пищикъ изъ тростника, къ другому концу придѣланъ спиралью раструбъ изъ бересты. Общая длина рожковъ около 25 сант., Первый рожокъ издаетъ слѣдующій рядъ звуковъ: $\overline{\overline{h}}$ $\overline{\overline{cis}}$ $\overline{\overline{d}}$ $\overline{\overline{e}}$ $\overline{\overline{f}}$ $\overline{\overline{g}}$, второй рожокъ: $\overline{\overline{h}}$ $\overline{\overline{c}}$ $\overline{\overline{d}}$ $\overline{\overline{e}}$.

143. Pištac (iz Žumberka, Slunjska regimenta) пищалка или рожокъ этотъ состоитъ изъ деревянной точеной съ раструбомъ трубки. Въ узкое отверстіе вставляется пищикъ (на описываемомъ инструментѣ онъ утерянъ). На трубкѣ шесть косыхъ отверстій для пальцевъ. Длина трубки 27 сант. Чтобы опредѣлить строй, пришлось вставить другой пищикъ. Звуки получились слѣдующіе: $\overline{\overline{fis}}$ $\overline{\overline{gis}}$ $\overline{a}$ $\overline{\overline{ais}}$ $\overline{h}$ $\overline{\overline{cis}}$ $\overline{\overline{dis}}$. Для игры инструментъ тяжелъ, требуетъ напряженія.

144. Diple (iz Žumberka). двойная дудка, оригинальной формы. Состоитъ изъ деревяннаго корпуса, одинъ конецъ котораго расширяется въ квадратъ со срѣзанными углами, переходящій въ круглое основаніе, куда вставлены два дере-

---

[1]) Интересную замѣтку о варганѣ см. въ „Извѣст. СПБ. Общества Музык. Собраній" 1903 г. окт.—появ. въ статьѣ Н. Привалова, гдѣ варганъ отнесенъ къ ударнымъ инструментамъ. Въ виду же той роли, какую играетъ полость рта, нами отнесенъ варганъ къ инструментамъ язычковымъ.

вянныхъ пищика, отъ пищиковъ къ противоположному концу выжжены отверстія трубки (какъ въ фургуле см. 125), къ концу немного расширяющіяся. Вдоль ихъ на корпусѣ выжжены для одной трубки пять, для другой шесть отверстій. Инструментъ можетъ издавать по два звука одновременно комбинируя, слѣдующіе звуки одной трубки: e̅ f̅ g̅ as̅ b̅ и другой: c̅ f̅ g̅ a̅s̅ b̅ c̿. Длина корпуса 22 сант.

145. Жалейки Воронежской губ. состоятъ изъ пары тростниковыхъ трубочекъ (одна имѣетъ три звуковыхъ отверстія, другая—шесть). Въ обѣ трубочки вставлены изъ тростника же пищики (съ дрожащимъ язычкомъ, какъ у предыдущаго инструмента). Во время игры обѣ трубочки вставляются въ раструбъ изъ воловьяго рога. Играютъ сразу на обѣихъ трубкахъ. Строй обыкновенно бываетъ діатоническій, какъ въ приведенномъ строѣ жалеекъ Тульской губерніи: f̅ g̅ a̅ b̅ c̅ d̅ e̿s̿ на одной и f̅ g̅ a̅ b̅ на другой трубкѣ. Комбинаціи изъ этихъ нотъ могутъ дать различныя звуковыя сочетанія, начиная примой и кончая септимой.

Рис. 151 и 152.

146. Тоже что предыдущія, раструба нѣтъ. Изъ Воронежской губерніи.

147. Жалейки Тульской г., Чернскаго у. съ раструбомъ изъ воловьяго рога. Отверстій для пальцевъ на одной трубкѣ 6, на другой 3.

148. Кошнай—музыкальный инструментъ сартовъ (Ферганской области, г. Стар. Маргеланъ). Это почти то же, что русскія жалейки; состоитъ изъ пары камышевыхъ дудочекъ (дл. ок. 23 сант.) съ шестью отверстіями на каждой. Обѣ трубочки снабжены дрожащимъ язычкомъ и связаны шелковыми нитками. Звуки издаютъ слѣдующіе, первая трубка: d̿e̿s̿ e̿s̿ e̅ f̅ g̅ a̅ h̅, вторая: d̿e̿s̿ e̿s̿ f̅ g̅ a̅ h̅ d̿. На кошнаѣ, по словамъ А. Ф. Эйхгорна [1]), сарты искусно подражаютъ пѣнію арабовъ, съ его третьими и восьмыми частями тоновъ, съ его то колеблющимися, то поющими, то отрывистыми звуками; на кошнаѣ искусные игроки исполняютъ поразительно трудныя вещи.

149. Кошнай изъ Туркестана, то же, что пара предыдущихъ, каждая трубочка имѣетъ 7 отверстій для пальцевъ.

150. Пастушій рожокъ башкиръ состоитъ изъ пары оловянныхъ трубокъ (ок. 22 сант. длины), съ двумя и четырьмя отверстіями для пальцевъ, съ одного конца ихъ вставлены тростниковые пищики съ дрожащимъ язычкомъ. Трубки вправлены въ деревянное корытце такъ, что отверстія для пальцевъ остаются открытыми съ одной, а пищики открыты съ другой стороны, отсюда идетъ раструбъ изъ рога, надставленный берестой. Отверстіе съ пищиками, такимъ образомъ, оказывается посрединѣ инструмента (общая длина котораго ок. 39 сант.), въ это отверстіе при посредствѣ рта нагнетается воздухъ. Первая изъ трубокъ издаетъ звуки, a̿s̿ b̿ c̿, вторая—h̿ c̿ d̿e̿s̿ e̿s̿ f̿, при вдуваніи извлекаются сразу два звука.

б) Инструменты съ двойнымъ язычкомъ.

151. Дудуки—любимѣйшій музыкальный инструментъ грузинъ, состоитъ изъ тутовой трубки (дл. ок. 66 сант.) съ девятью отверстіями для пальцевъ (изъ

[1]) *А. Ф. Эйхгорнъ*: Полная коллекція музыкальныхъ инструм. народовъ Центральной Азіи СПБ. 1885.

нихъ два на противоположной сторонѣ). Мундштукъ состоитъ изъ двухъ связанныхъ камышевыхъ пластинокъ, образующихъ между собою узкое отверстіе, словомъ,—какъ у фагота. Длина мундштука 11 сант. На дудуки играется всегда вдвоемъ, второй играющій по отношенію къ первому ведущему главную мелодію называется „дамкаши“.

152 и 153. Тоже самое, болѣе короткіе экземпляры, одинъ 30 сант. длины, другой 32 сант. Первый съ семью передними отверстіями и однимъ заднимъ. Второй—съ пятью передними и однимъ заднимъ отверстіемъ. Подобный же инструментъ у армянъ называется „похъ“ со строемъ (по приблизительной точности):? ? des es f g a h des d.

154. Зурнай [1]) сартовъ, вообще очень распространенъ въ Азіи, исключая сѣверо-восточной. Этотъ инструментъ есть родоначальникъ усовершенствованнаго гобоя, состоитъ изъ деревянной трубки (дл. ок. 41 сант.), расширяющейся къ одному концу въ раструбъ. Для пальцевъ имѣются восемь отверстій, изъ нихъ одно на противоположной сторонѣ. Въ узкій конецъ трубки вставляется еще короткая трубка для суженія начала внутренней полости главной трубки; на этой трубкѣ есть отверстіе, совпадающее съ таковымъ же первымъ на основной трубкѣ; она вдвигается вплоть до другого отверстія на противоположной сторонѣ, кромѣ того въ маленькую трубку вставляется еще тонкая мѣдная трубочка (дл. ок. 3 сант.), на которую надѣвается тростниковый мундштукъ въ родѣ гобойнаго, состоящій изъ двухъ тростниковыхъ пластинокъ, связанныхъ вмѣстѣ. Къ данному инструменту на цѣпочкѣ и ниткахъ привязаны три запасныхъ мундштука.

Рис. 154.

155 и 156. Зурна кавказская, два экземпляра одного и того же размѣра и устройства, почти тождественнаго съ предыдущимъ (154); такая же основная трубка съ 9 отверстіями (изъ нихъ одно—на противоположной сторонѣ), въ нее вставляется болѣе узкая трубка (ок. 11 сант. дл.) съ разрѣзами, начинающимися болѣе, чѣмъ отъ середины длины всей трубки; разрѣзы эти устроены такъ, что начало перваго (на одной сторонѣ) совпадаетъ съ первымъ отверстіемъ на основной трубкѣ, начало второго совпадаетъ съ отверстіемъ на противоположной сторонѣ. Для извлеченія звука въ узкую трубку вставляютъ мундштукъ изъ двухъ камышевыхъ пластинокъ, какъ въ предыдущемъ инструментѣ. Мундштуки утеряны. Общая длина зурны ок. 31 сант. Зурна у армянъ—необходимѣйшая принадлежность праздничнаго (свадьба и пр.) оркестра, состоящаго изъ зурны, европейскаго кларнета и бубна („тефъ“).

157, 158, 159 и 160. Зурнай—четыре экземпляра изъ Туркестана, съ 7 отверстіями въ одинъ рядъ для пальцевъ. Всѣ эти экземпляры крупнѣе двухъ предыдущихъ.

161. Бишкуръ или башкуръ [2])—бурятскій музыкальный инструментъ, употребляющійся при буддійскихъ богослуженіяхъ, очень распространенъ въ мѣстахъ распространенія буддійской религіи.

Бишкуръ состоитъ изъ основной деревянной трубки, къ одному концу расширяющейся, съ семью отверстіями для пальцевъ, на обоихъ концахъ трубки

---

[1]) См. предыд. табл. Земръ, замръ, зурна, зумара, балябомъ, дульцайна и другія названія этого инструмента у различныхъ народовъ, ср. Le musée du Conservat. national de musique. Paris. 1884.

[2]) У японцевъ называется „Tsiyumega“.

придѣланы, какъ продолженіе ея, мѣдныя трубки; изъ нихъ одна переходитъ въ довольно широкій раструбъ; въ противоположную трубку вставляется мундштучная трубочка, также мѣдная (ок. 9 сант. дл.), очень узкая; на ней напаяны мѣдныя украшенія: розетка и шарики. На кончикъ этой трубки насаживается мундштучекъ изъ двухъ камышевыхъ пластинокъ, подобный теперешнему гобойному, но очень малаго размѣра. Въ видѣ украшеній на раструбѣ прикрѣплены четыре красныхъ пуговки. Общая длина инструмента 44 сант.

Рис. 162.

162. Бишкуръ бурятъ. То же, что предыдущій, но лучше сдѣланъ. Раструбъ изъ красной мѣди, обложенъ изящными украшеніями изъ желтой мѣди. На основной деревянной трубкѣ рядомъ расположены семь отверстій, между ними трубка перепоясывается мѣдными кольцами. Мундштучная трубка отдѣляется отъ остальной части инструмента. На нее надѣвается розетка и шаровидныя украшенія. На раструбѣ укрѣплены три колечка, вѣроятно, служащія украшеніемъ. Общая длина инструмента ок. 62 сант. Оба инструмента—бишкуръ издаютъ пискливые звуки.

B) Духовые инструменты амбушюрные.

Этотъ отдѣлъ духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ составляютъ различныхъ видовъ цилиндрическіе или коническіе сосуды, полые внутри, съ отверстіями на двухъ противоположныхъ концахъ. Болѣе широкое составляетъ раструбъ, другое, не превышающее площади рта, называется мундштучнымъ отверстіемъ. На такихъ инструментахъ звукъ получается прохожденіемъ воздуха черезъ узкую щель между двумя сближенными губами, плотно прижатыми къ мундштучному отверстію. Трубы такія обыкновенно не имѣютъ звуковыхъ отверстій, отчего дѣлаются непригодными для исполненія мелодій, а даютъ лишь извѣстный натуральный рядъ звуковъ. До тѣхъ поръ пока труба на Западѣ не была усовершенствована, то и не могла служить для музыкальныхъ цѣлей, а была преимущественно сигнальнымъ или религіознымъ инструментомъ и играла поэтому видную роль въ вѣрованіяхъ простого народа [1]). Какъ самый первобытный видъ трубы нужно считать раковину, доселѣ употребляющуюся у многихъ некультурныхъ народовъ, на этомъ основаніи она нами отнесена здѣсь въ описываемую группу духовыхъ.

Рис. 161.

163. Дунъ-буръ, дунгаръ или *лабай*—небольшая ок. 11 сант. раковина, употребляемая бурятами при совершеніи богослуженія. Хранится на жертвенникѣ въ буддійской кумирнѣ противъ главнаго бурхана (идола), въ числѣ „восьми жертвъ“. Дунгаръ—символъ счастья; играющій на ней лама называется *дунчи* или *лабайчи*.

164 и 165. Гандунъ (Kangl'ung, или труба ламъ) — мѣдныя трубы (дл. около 39 сант.) бурятъ, спаяны изъ трехъ колѣнъ, расширяющихся къ одному концу въ раструбъ, другой конецъ представляетъ мундштучную чашечку. Инструменты немного выгнуты, имѣютъ наружныя рельефныя украшенія; раструбъ имѣетъ видъ драконовой головы.

---

[1]) См. *В. А. Мошковъ*: „Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ“, въ „Жив. Старинѣ“ в. III за 1900 г., а также *Н. И. Привалов*ъ: Музык. духовые инстр. русск. народа, СПВ. 1907.

166. Голинъ-буре—бурятская длинная мѣдная труба конической формы, спаяна изъ четырехъ частей (колѣнъ), чашечный мундштукъ (утерянъ) надѣвается на узкій конецъ трубы. Длина около 116 сант. Звукъ инструментъ издаетъ подобный мычанію коровы. Этотъ инструментъ употребляется при буддійскомъ богослуженіи. Когда прерывается чтеніе въ кумирнѣ, играетъ оглушительный оркестръ изъ барабановъ и громадныхъ такихъ трубъ и раковинъ (такой оркестръ

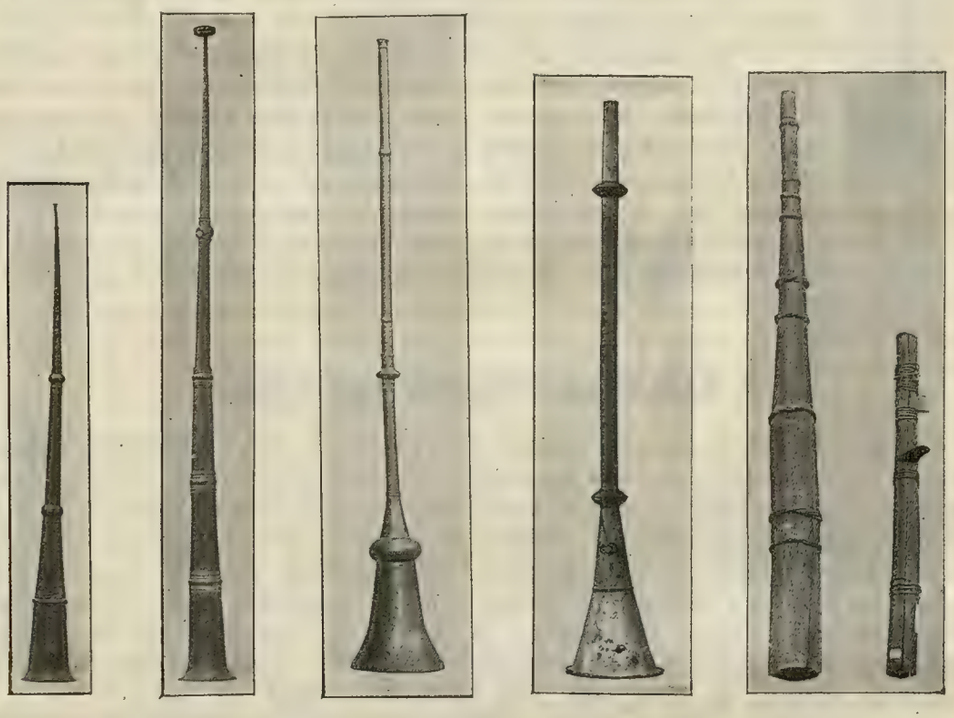


Рис. 166. 167. 169. 171. 172. 174.

составляется иногда болѣе чѣмъ изъ 40 человѣкъ). Играющіе на трубахъ ламы называются *буречи*[1]).

167 и 168. Голинъ-буре — то же, что предыдущій, но гораздо большаго размѣра. Дл. около 165 сант.

169 и 170. Карнай[2])—двѣ мѣдныя трубы изъ Туркестана, то же что предыдущіе, но имѣютъ широкій колоколообразный раструбъ и прямой стволъ; внутри обѣ трубы имѣютъ вторыя трубки, суживающіяся къ мундштуку. Длина карная около 170 сант. Инструментъ этотъ употреблялся первоначально для военныхъ цѣлей, теперь же употребляется лишь въ торжественныхъ случаяхъ.

171. Горотото или саквири—труба закавказскихъ народовъ (дл. ок. 137 сант.); какъ названіе показываетъ, *горотото* издаетъ „громовой“ звукъ, а *саквири* означаетъ „для крика“, слѣдовательно это—сигнальная военная труба.

---

[1]) Ср. китайскія трубы *Hwang-teih* музея брюссельской консерваторіи. (*Mahillon*, Catalogue descript. et analytique du Musée instr. du Conserv. de Bruxelles).

[2]) См. *А. Ф. Эйхгорнъ*: Полн. колл. музык. инструм. центр. Азіи, и *Н. И. Привалов*: Духов. инстр. русск. народа, СПБ. 1907. *Карнайчи* – музыкантъ изображенъ выше на табл. при № 138.

172. Лигавка—обрядовая труба Царства Польскаго, составлена изъ двухъ связанныхъ вмѣстѣ деревянныхъ половинокъ (дл. 123 сант.), расширяющихся къ одному концу, съ другого же вставляется деревянный мундштукъ, подобный тромбонному. Въ настоящее время лигавка становится большою рѣдкостью; употребленіе ея у польскаго простонародья соединено съ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ вѣрованій и обычаевъ (см. „Живая Старина", 1901 г., в. III, статья В. Мошкова).

173. Трембита или *тромбета*—обрядовая деревянная труба гуцуловъ (Галиція). Труба обвита снаружи берестой, длина до двухъ саженей.

174. Пастушья труба Гродненской губерніи, Пружанскаго уѣзда, очень грубо сдѣлана изъ двухъ деревянныхъ половинокъ, переплетенныхъ пятью обручиками изъ хвороста. Особаго мундштука нѣтъ.

175. Пастушья труба Смоленской губерніи, Ельнинскаго уѣзда, имѣетъ видъ простого кривого сука отъ дерева. Двѣ половинки связаны прутиками, а трещины просмолены. Въ болѣе узкій конецъ трубы вставляется особый мундштукъ, состоящій изъ коротенькой трубки, наискось усѣченной въ томъ мѣстѣ, гдѣ прикладываютъ губы для игры. Если выпрямить трубу, длина ея равнялась бы почти двумъ метрамъ.

176. Пастушья труба также Смоленской губерніи, длиною около трехъ аршинъ, состоитъ изъ деревянной трубки, обвязанной кругомъ берестой; къ одному концу немного расширяется, мундштука особаго не имѣетъ.

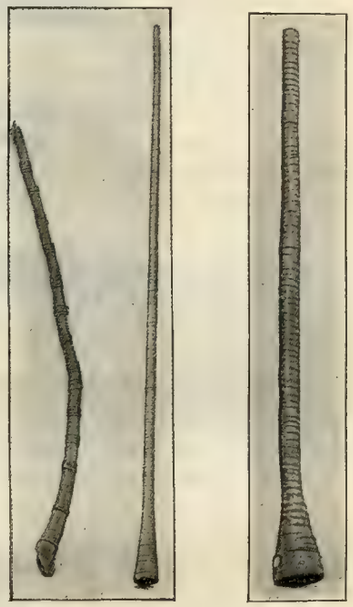


Рис. 175. 176. 178.

177. Пастушья труба Могилевской губерніи, Рогачевскаго уѣзда, села Полѣсья, почти то же, что предыдущая. Длина около 124 сант.

178. Тоже, Могилевской губ., Рогачевскаго уѣзда, Кистеневской вол., дер. Ляховки. Короче предыдущей, слегка изогнута, съ выдающимся немного раструбомъ.

179. Тоже, изъ Молдавіи, подобная предыдущей, немного изогнута, съ раструбомъ. Длина около 100 сант.

180. Тоже, Могилевской губерніи, длина 224 сант.

181. Пастушій рогъ Люблинской губерніи, состоитъ изъ двухъ долбленыхъ деревянныхъ половинокъ, связанныхъ вмѣстѣ, образующихъ коническую трубу, имѣющую въ раструбѣ около 11 сант. Берестой этотъ инструментъ не обвитъ. Длина 176 сант.

182. Пастушья труба Тамбовской губерніи, состоитъ изъ деревянной трубки, обвитой берестой, сверху покрытой лакомъ, особаго мундштука нѣтъ. Длина 105 сант.

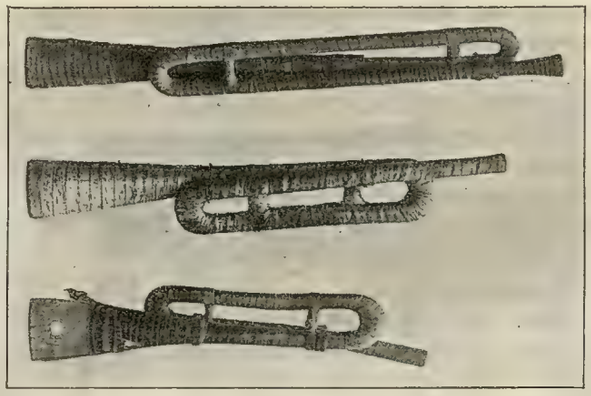
Рис. 184.

183. Пастушья труба Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, тоже что предыдущая. Длина около 120 сант.

184. Пастушій рогъ изъ Минской губ., Минскаго у. Общая длина до 50 сант. Этотъ инструментъ меньше предыдущихъ, также обвитъ берестой, но изогнутъ полуокружностью, къ одному концу постепенно расширяясь.

185. Пастушья труба Олонецкой губерніи, Пудожскаго уѣзда, состоитъ изъ деревянныхъ трубокъ, обвитыхъ берестой и имѣющихъ видъ современной мѣдной трубы или альтгорна. Заимствованіе этой формы можно предположить отъ сосѣднихъ финляндцевъ и ихъ странствующихъ оркестровъ. Длина трубы (не развернутой) около 94 сант.

Рис. 185.



186.

187.

186. Пастушья труба, такая же, какъ предыдущая, изъ Вологодской губерніи Сольвычегодскаго уѣзда. Длина неразвернутой трубы около 82 сант., развернутая же во всю длину будетъ около двухъ метровъ.

187. Тоже—изъ Могилевской губерніи, поменьше.

Г) Духовые многотрубчатые и волынки.

Многотрубчатые музыкальные инструменты появились въ глубокой древности и служили первой ступенью при достиженіи смѣны тоновъ; такъ, у грековъ существовали панъ-флейты (syrinx). Въ настоящее время подобные инструменты, кромѣ первобытныхъ народовъ, встрѣчаются весьма рѣдко и указываютъ на пережитки первобытной эпохи въ области музыкальнаго искусства, какъ, напримѣръ, у литовцевъ *скаудутасъ*, *сасирапо* у грузинъ мингрельцевъ или у румынъ *кавалъ*. Несравненно большую роль сыграла многодутчатая волынка. Этотъ инструментъ съ резервуаромъ для воздуха послужилъ прототипомъ нынѣшняго гармоніума, а также, быть-можетъ, основаніемъ полифонической музыки. Волынка существовала у римлянъ подъ именемъ *tibia utricularis* (двойная флейта) или флейты изъ козьяго мѣха, впослѣдствіи у итальянскихъ крестьянъ называвшаяся *zampogna*. *Nayambanah* персовъ и *soukkarah* мусульманъ есть не что иное, какъ волынка. Въ Индіи ея существованія насчитывается болѣе 2 тысячъ лѣтъ. Въ Западной Европѣ волынка [1]) подъ именемъ symphonia (названная благодаря созвучію, получаемому на инструментѣ) была очень употребительна особенно въ XVII—XVIII вѣкахъ, такъ что были извѣстны виртуозы на ней. Въ художественныхъ картинахъ, а также на театрахъ маріонетокъ не находили болѣе

[1]) У нѣмцевъ называлась Dudelsack, Sackpfeife, у итальянцевъ—cornamusa, piva, у французовъ—musette, sourdeline, у англичанъ—Bagpipe. Не упоминаю здѣсь многихъ другихъ названій волынки.

приличнымъ для восхваленія родившагося Спасителя, чѣмъ дать въ руки поклоняющихся пастырей волынку. Отъ первобытнаго устройства волынки (какъ, напр., чувашскій пузырь) дошли до сложнаго устройства ея, издающей одновременно нѣсколько звуковъ, по числу трубокъ. Такъ же, какъ волынка, въ глубокой древности, болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ, существовалъ и теперь еще существуетъ инструментъ съ воздушнымъ резервуаромъ, но для измѣненія тоновъ служилъ рядъ трубочекъ (до 25) съ язычковыми мундштуками, вставленными въ резервуаръ. Это былъ *ченгъ* китайцевъ. Появись ченгъ тысячелѣтіе назадъ въ Европѣ, быть-можетъ, и гармоніумъ въ своемъ теперешнемъ видѣ явился бы также ранѣе, между тѣмъ китаецъ неизмѣнно до сихъ поръ наслаждается игрой на *ченгѣ*, все того же устройства, какъ тысячу лѣтъ назадъ. Несмотря на свой усовершенствованный видъ, *ченгъ* вовсе не имѣлъ того вліянія въ исторіи развитія музыки и музыкальныхъ инструментовъ, какъ волынка.

188. Скаудутасъ, литовскій музыкальный инструментъ, состоящій изъ 12-ти трубокъ различной длины (отъ 9 до 18 сант.). Одинъ конецъ трубокъ вырѣзанъ наискось, другой закрытъ. Звуки издаются посредствомъ вдуванія воздуха, разбиваемаго о края трубокъ. Извлечь удалось слѣдующіе звуки: c d d dis es e f fis g a b cis; весьма возможно, что отъ времени инструментъ попортился и трубки стали издавать нѣсколько фальшивые звуки. Во время исполненія на *скаудутасѣ* играютъ нѣсколько человѣкъ (до 12), извлекая звуки изъ каждой трубки отдѣльно.

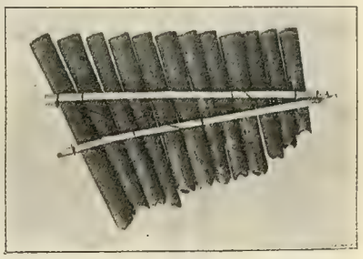


Рис. 188.

188. Гайда—словацкая волынка, состоитъ изъ выдѣланной (козьей) кожи. Всѣ отверстія тщательно задѣланы, кромѣ переднихъ ногъ и шеи, въ которыя вставлены трубки различной длины и формы. Главная изъ нихъ составлена изъ трехъ частей: деревяннаго основанія, вправленнаго въ шею шкуры; въ эту трубку вставлена вторая, состоящая изъ деревянной (овальной въ разрѣзѣ) трубки съ двумя продольными отверстіями, или каналами, и съ семью маленькими отверстіями для пальцевъ, расположенными вдоль одного изъ каналовъ. На это второе колѣно надѣвается третье, состоящее изъ загнутой трубки съ однимъ продольнымъ расширяющимся отверстіемъ, служащимъ въ качествѣ раструба. Во второе колѣно, въ мѣстѣ соединенія съ остальнымъ колѣномъ, вставлены два пищика съ простыми язычками, дрожащими отъ нажиманія мѣха съ воздухомъ. Въ одно изъ отверстій мѣха (у ноги) вставлена двухколѣнная трубка, состоящая изъ основанія и вставного мундштука, на концѣ котораго придѣланъ кожаный клапанъ, назначеніе котораго заключается въ задерживаніи воздуха, вдуваемаго игрокомъ въ мѣхъ. Въ послѣднее отверстіе мѣха вставляется также двухколѣнная трубка (третье колѣно—раструбъ утеряно), между которыми внутри вставленъ деревянный пищикъ. Во время игры мѣхъ кладется подъ мышки, и вводимый черезъ мундштукъ ртомъ воздухъ намиманіемъ локтя руки на мѣхъ устремляется къ двумъ другимъ трубкамъ, издающимъ одновременно нѣсколько звуковъ; въ то время какъ меньшая тянетъ выдержанную ноту, основная даетъ тоже выдержанную ноту e и съ закрытымъ единственнымъ отверстіемъ ноту d, а лежащая рядомъ трубка (второй каналъ) исполняетъ обыкновенно мелодію въ предѣлахъ

слѣдующихъ звуковъ: h c cis dis e f g a h c. Тембръ—иногда гнусавый, какъ фаготъ, или рѣзкій, какъ верхнія ноты кларнета.

190. Волынка Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда. По конструкціи то же, что предыдущая, но болѣе грубой работы. Воздушный резервуаръ сшитъ изъ черной кожи; составныя три части (трубки) почти тѣ же, что и у *гайды*, но колѣно съ отверстіями для пальцевъ однотрубчатое; вмѣсто раструбовъ надста-

Рис. 192.

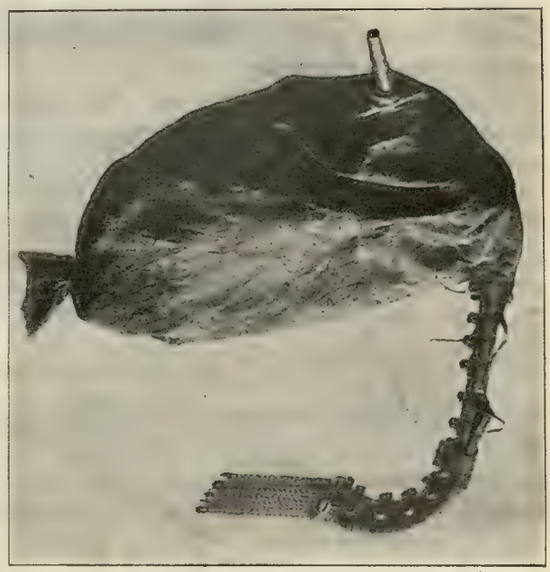


Рис. 193.

влены выдѣланные бычачьи рога; пищики тростниковые. Звуки удалось извлечь слѣдующіе: b c d es f ges as b. На одной трубкѣ шесть отверстій, слѣдовательно даетъ семь звуковъ, а другая трубка, безъ отверстій для пальцевъ, даетъ выдержанный тонъ.

191. Коза — волынка изъ Молдавіи, такого же устройства, какъ предыдущія. Оригинально украшена. Раструбы—изъ рога, а одинъ представляетъ видъ козьей головы.

192. Волынка,—какой народности принадлежитъ, неизвѣстно, но судя по орнаментамъ на трубкахъ — какому-нибудь изъ кавказскихъ народовъ. Составныя части тѣ же, что у предыдущихъ; трубки желѣзныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обложены роговыми и почти всюду оловянными пластинками. Трубка съ отверстіями (7 съ передней и одно съ нижней стороны) для пальцевъ имѣетъ только одинъ каналъ. Пищики сдѣланы изъ тростника. Звуки удалось извлечь слѣдующіе: g a b h des es f fis.

193. Бліадзисъ-ствири [1]) или кавказская волынка типа предыдущихъ. Настоящій экземпляръ изъ Имеретіи. Состоитъ изъ козьяго кожанаго мѣшка (обтяну-

[1]) Названіе производятъ отъ имени изобрѣтателя Бліадзе-ствири. Кратк. оч. груз. муз. *Картвелиш.* Тифл. 1901.

таго снаружи матерчатымъ чехломъ); въ него вставлены двѣ трубки: одна простая, съ клапаномъ для вдуванія воздуха, другая сложная изъ нѣсколькихъ частей, украшенныхъ мѣдными поясками съ раковинками, бирюзой, сердоликомъ и цвѣтными стеклышками, конецъ (раструбъ) украшенъ погремушками. Итакъ, устройство этой части состоитъ въ слѣдующемъ: въ выдолбленное деревянное корытце укладываются двѣ трубки, первая имѣетъ 6 отверстій для пальцевъ, вторая 4 отверстія, расположенныя въ такомъ порядкѣ: 1, 1, 1, 2 (рядомъ) 2, 2, 1. Трубки имѣютъ пищики, обращенные на противоположную сторону корытца, на которомъ трубки укрѣпляются пятью мѣдными поясками, расположенными между пальцевыми отверстіями. Къ концу трубокъ приставляется деревянный, выгнутый раструбъ. Звуки изъ первой трубки удалось извлечь слѣдующіе:

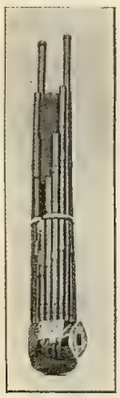


Рис. 195.

as b c d e, изъ второй: a b h. Звукъ ствири очень мягокъ. Г. Каргаратели [1]) говоритъ, что по тембру звукъ ствири очень подходитъ къ звуку церковнаго органа; предѣлъ регистра ствири равняется полутора октавамъ [2]); на двухъ дудкахъ образуются интервалы или съ поющимъ голосомъ, или между собою—терціи, кварты, квинты и сексты. Подъ аккомпаниментъ этого инструмента передаются большею частью былины о герояхъ и преданія старины. Исполнителями являются бродячіе музыканты—*мествире*.

194. Чувашскій пузырь или волынка Казанской губерніи Ядринскаго уѣзда. Состоитъ изъ обыкновеннаго бычачьяго пузыря, въ который вставлена костяная трубочка, сдавленная на концѣ. Описываемый инструментъ неисправенъ, нужно предположить существованіе у него другой трубки съ язычкомъ или пищикомъ. Во всякомъ случаѣ, это одинъ изъ самыхъ первобытныхъ видовъ волынки.

195. Ченгъ или шенъ (cheng, khén)—японско-китайскій музыкальный инструментъ, состоитъ изъ 17 бамбуковыхъ лакированыхъ трубочекъ различной длины, вправленныхъ кругомъ въ деревянное основаніе, пустое внутри и имѣющее сбоку носокъ [3]) съ четыреугольнымъ отверстіемъ, направленнымъ внутрь основанія, или воздушнаго резервуара. Въ это отверстіе губами вдувается воздухъ, при чемъ звукъ издаютъ только тѣ трубки, у которыхъ закрыто маленькое наружное отверстіе. Посрединѣ всѣ трубки связаны серебрянымъ поясомъ, а между трубокъ вставлена круглая, продолговатая подушечка для того, чтобы онѣ не сходились къ срединѣ, а стояли по возможности прямо. Двѣ трубки звуковъ не издаютъ вовсе (см. примѣч. [3]). Устройство трубки слѣдующее: круглая, вычищенная въ срединѣ бамбуковая палочка срѣзана съ боковъ, чтобы плотно прилегала къ другой; на концѣ, вставляющемся въ воздушный резервуаръ, нагнанъ мѣдный коническій пистонъ, на урѣзанный конецъ котораго, сбоку, прикрѣпляется воскомъ

---

[1]) Кратк. очеркъ груз. нар. музыки.

[2]) На данномъ инструментѣ мнѣ не удалось извлечь столько звуковъ.

[3]) У нѣкоторыхъ инструментовъ основаніе дѣлается изъ тыквы горлянки съ длиннымъ носкомъ, трубокъ бываетъ отъ 12 до 24, звучащія трубки бываютъ не всѣ, лишнія придѣлываютъ для симметріи формы. *P. Amiot* (Memoires sur la musique des Chinois. Paris. 1779) полагаетъ, что существуютъ различныя названія для трехъ видовъ этихъ инструментовъ: *yu*—съ 24 трубками, *ho*—съ 19 и *cheng* только съ 13. Изъ Китая подобные инструменты перешли въ Японію подъ именемъ *chô*. Въ Китаѣ, а также въ Индіи существуютъ болѣе первобытные инструменты этого типа, напр. *тумери* индусовъ состоитъ только изъ двухъ тростниковыхъ трубокъ, вставленныхъ въ полую тыкву или кокосовую скорлупу, замѣняющую воздушный резервуаръ.

металлическая тоненькая пластинка съ дрожащимъ язычкомъ. Эта пластинка бываетъ различной длины, какъ и самыя трубки. Пластинка съ пистономъ образуетъ пищикъ, издающій звукъ при вдуваніи воздуха въ резервуаръ и обратно. На сторонѣ трубки, обращенной наружу, и вблизи пистона продѣлано небольшое отверстіе, закрывающееся пальцемъ при желаніи извлечь изъ этой трубки звукъ; на сторонѣ трубки, обращенной къ подушечкѣ, вырѣзаны продольно отверстія; мѣстоположеніе и длина ихъ зависитъ отъ высоты звука, такъ что при подстраиваніи трубокъ отверстія эти удлиняются или укорачиваются (залѣпляютъ воскомъ). Если желаютъ получить болѣе низкій звукъ, отверстіе снизу залѣпляютъ воскомъ. Кромѣ этого, настройка трубокъ производится посредствомъ налѣпки маленькаго кусочка воска на кончикъ дрожащаго язычка пищика, отъ этого звукъ дѣлается ниже. На самыхъ короткихъ трубкахъ есть серебряныя украшенія. Длина трубокъ, не считая пищика, колеблется между 14 сант. и 43 сант. Звуки издаютъ слѣдующіе: gis f g as a b h c cis e g gis. Въ этомъ звукорядѣ до хроматическаго ряда не достаетъ нѣсколькихъ звуковъ, которые были бы налицо, если бы были исправны пищики во всѣхъ трубкахъ. Нечистый строй этого ряда зависитъ, можетъ быть, отъ времени и порчи язычковъ. Двѣ трубки (изъ 17-ти) не даютъ вовсе звука, а три, судя по отверстіямъ для пальцевъ, обращеннымъ къ подушечкѣ, даютъ выдержанныя ноты, одна изъ нихъ f, остальныя неизвѣстны, потому что извлечь звука не удалось. Звуки очень нѣжные и пріятные.

Рис. 198.

196. Ченгъ—то же, что и предыдущій, немного худшей работы. Изъ 17-ти трубокъ четыре не издаютъ звука вовсе, три даютъ выдержанный тонъ (h h и ?); благодаря неисправности трубокъ, точнаго представленія о строѣ этого инструмента нельзя получить, остается предположить, что какъ этотъ, такъ и предыдущій имѣютъ чисто хроматическій строй. Звуки удалось извлечь только слѣдующіе: cis e g gis h h d d e.

197.—То же, что предыдущій, китайскій.

198. Сицирики—японскій музыкальный инструментъ (употребителенъ и у китайцевъ), состоитъ изъ 14 различныхъ по длинѣ бамбуковыхъ трубочекъ (отъ 132 до 209 сант.), вставленныхъ въ овальное основаніе, служащее духовымъ ящикомъ, какъ въ *ченгѣ*. Принципъ устройства тотъ же, какъ и у послѣдняго, но весь инструментъ несравненно большаго размѣра, слѣдовательно издаетъ грубые и вѣсколько гнусавые звуки. Каждая трубка состоитъ изъ пустой въ срединѣ трости, ближе къ толстому ея концу вставленъ пищикъ, или мѣдная пластинка съ дрожащимъ язычкомъ. Еще ближе къ концу трости вырѣзаны продолговатыя отверстія для настройки инструмента. Трости составлены попарно, обращаясь отверстіями другъ къ другу и вдвинуты въ основаніе такъ, чтобы пластинки съ язычками были покрыты воздушнымъ резервуаромъ, а мѣста соприкасанія тростей съ резервуарами замазываются смолой; одинъ конецъ овальнаго резервуара какъ бы урѣзанъ и въ немъ продѣлано отверстіе для губъ исполнителя. Каждая трость имѣетъ маленькія пальцевыя отверстія, расположенныя у

воздушнаго корпуса. При вдуваніи воздуха въ корпусъ звукъ издаетъ та трубка, у которой закрыто пальцевое отверстіе. Первый рядъ трубокъ издаетъ слѣдующіе звуки h c̄ d̄ ē f̄ ḡ ē, второй рядъ: a c̄ ḡ ā h̄ c̄ d̄.

ОТДѢЛЪ III.

Ударные инструменты.

У весьма многихъ народовъ, не достигшихъ высокой культуры, ударные инструменты играютъ видную роль какъ при ритмовкѣ танцевъ, такъ и въ различныхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Ударные инструменты могутъ быть раздѣлены на два вида: издающіе опредѣленный и неопредѣленный звукъ; послѣдніе

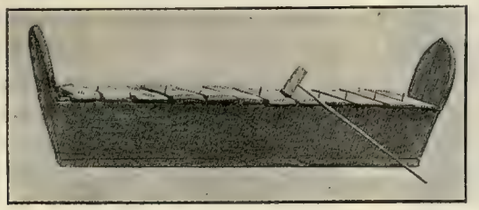


Рис. 199.

наиболѣе распространены, особенно у первобытныхъ племенъ, въ видѣ различныхъ барабановъ отъ минимальныхъ до громаднѣйшихъ размѣровъ. Въ музыкальномъ отношеніи ударные инструменты съ опредѣленнымъ звукомъ, тѣмъ болѣе—измѣняющимся, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Богатствомъ такого рода инструментовъ отличается Юго-Востокъ Азіи и прилегающіе острова, гдѣ употребляются такіе ударные музыкальные инструменты, что съ успѣхомъ могли бы способствовать колоритности и разнообразію звучности европейскихъ оркестровъ.

199. Gambang-kajoe—деревянная гармоника съ Зондскихъ острововъ; состоитъ изъ сколоченнаго гвоздями корытца (дл. ок. 55 сант., высота ок. 7 сант., наибольшая шир. 11 сант.) съ двумя выдающимися плечиками. На борты корытца прикрѣплены крученыя изъ ткани веревочки деревянными гвоздиками, на которыя накладываются 12 деревянныхъ пластинокъ поперекъ корытца. Пластинки, длиною отъ 19 до 25 сант., издаютъ звуки посредствомъ молоточка. Строй слѣдующій: f des f̄ ḡ ā b̄ c̄ ē ḡ ā ā d̄. Весьма возможно, что строй пластинокъ этого инструмента сильно измѣнился отъ времени, а истинный строй его былъ въ родѣ: d e g a h d̄ ē ḡ ā h̄ d̄ e̊ g̊ å h̊ d̊ e, какъ описано въ 1-мъ дополненіи къ каталогу музея Парижской консерваторіи [1]), однако нотный примѣръ у Wallaschek'a (Primitive music) построенъ на слѣдующемъ звукорядѣ: a c̄ d̄ f̄ ḡ ā c̄ d̄. Ср. сіамскій инструментъ Ranat-lek у Mahillon'a (Catalog. descript.).

[1]) 1-er supplément au catalogue de 1884, par *L. Pillaut*. Paris. 1891.

200. Рабанна—зондскій музыкальный инструментъ, почти то же, что предыдущій, но гораздо меньшаго размѣра. Состоитъ изъ деревяннаго, безъ дна, корытца, съ выдающимися плечиками; на края корытца наложенъ веревочный жгутъ, прибитый на каждомъ краѣ семью желѣзными колышками, на которые надѣваются семь разномѣрныхъ металлическихъ пластинокъ длиной до 15 сант. Играютъ двумя молоточками, состоящими изъ рукоятки и конусообразнаго набалдашника, для мягкости звука обтянутаго сбоку полотномъ. Звуки удалось извлечь слѣдующіе: e f g a h d e; можетъ-быть, это испорченный строй слѣдующаго: d e g a h d e.

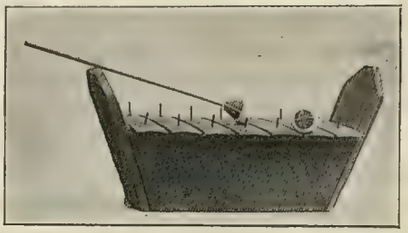


Рис. 200.

201. Кентеръ или гантаръ (gendèr)—зондскій музыкальный инструментъ. Онъ состоитъ изъ деревяннаго станка (разм. 47 × 31 × 9 сант.), въ который вставлены въ рядъ вертикально девять бамбуковыхъ трубокъ (длиной 28 сант.); эти трубки служатъ резонаторами для расположенныхъ надъ ними металлическихъ пластинокъ (длиной отъ 15 до 22 сант.); по мѣрѣ удлиненія пластинки звуковая полость бамбуковыхъ трубокъ сокращается (естественной перепонкой). Всѣ звучащія пластинки соединены шнуромъ по обоимъ концамъ такъ же, какъ раздѣляющія ихъ деревянныя перегородки. Звучащія пластинки станка не касаются и держатся исключительно на шнурахъ, вися надъ резонаторами. Во время игры ударяютъ двумя молоточками (дл. около 11 сант.), головки которыхъ обтянуты сукномъ. Звуки удалось извлечь слѣдующіе: h cis dis dis e fis g gis a [1]).

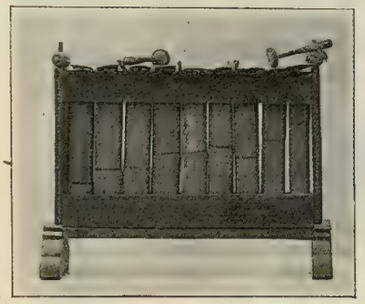


Рис. 201.

202. Бубенъ айновъ сдѣланъ изъ узкаго деревяннаго ободка неправильной круглой формы, на него наклеена кожа рыбы линка, смазанная рыбьимъ жиромъ Кожа сшита изъ трехъ частей. Съ внутренней стороны за ободокъ, діаметрально пересѣкаясь, привязаны тонкія веревочки съ привязанными къ ней цвѣтными лоскутиками. Ударяютъ палочкой (реч-ни), которая состоитъ изъ красной деревянной палочки (дл. около 23 сант.) съ элементарными рѣзными украшеніями и на концѣ привязаннымъ клочкомъ сѣраго мѣха какого-то звѣрька. Діаметръ бубна около 33 сант. Употребляется шаманами, которые игрой на бубнѣ, монотоннымъ пѣніемъ и иногда пляской приводятъ себя въ нервный экстазъ и подъ вліяніемъ

Рис. 202.

[1]) Въ потномъ примѣрѣ № 25 у Wallaschek'a (Prim. mus.) звукорядъ gendèr'a слѣдующій: a c d f g a c d.

галлюцинацій видятъ вызываемаго ими духа, бесѣдуютъ съ нимъ, а также съ душами умершихъ [1]).

203. Хесе—якутскій шаманскій бубенъ, громаднаго размѣра. Состоитъ изъ эллипсоидальнаго деревяннаго обода (діам. около 88×60 сант., высот. около 17 сант.), обтянутаго съ одной стороны кожей, съ другой стороны изнутри привѣшаны побрякушки: три колокольчика и желѣзныя колечки. Ударяютъ лопаточкой (тобарь), покрытой шкурой.

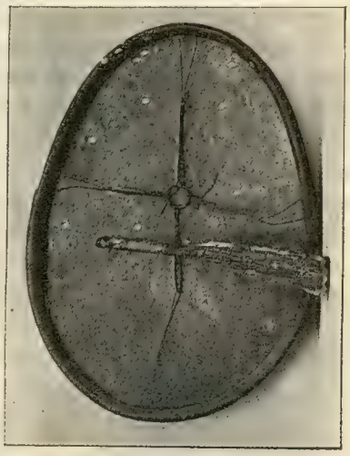


Рис. 203.

204. — То же, меньшаго размѣра.

205. — Такой же бубенъ остяковъ, но круглый, діам. около 55 сант., ударяютъ такой же колотушкой.

206. Пензеръ—шаманскій круглый бубенъ самоѣдовъ, состоитъ изъ деревяннаго обода, съ наружной стороны котораго вставлены деревянные колышки, которые при натянутой кожѣ придаютъ инструменту видъ звѣзды. Съ внутренней стороны ободка привязаны два колечка, которыя при колебаніи ударяются о колокольчикъ, помѣщающійся между ними. Діам. около 45 сант.

207. — Такой же инструментъ гольдовъ, но эллипсоидальной формы; діам. около 55×66 сант.

208, 209 и 210. Чирманда [2]) (дайра)—три экземпляра бубновъ изъ Туркестана.

Рис. 205.

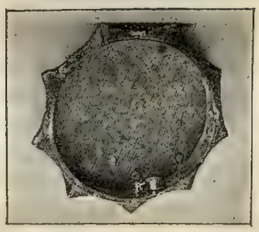


Рис. 206.

Рис. 208.

Съ внутренней стороны обичайки (обода) привѣшено много желѣзныхъ колечекъ. Діам. около 39 сант.

211. Чалдырма (дайра)—такой же сартскій бубенъ. Діам. около 50 сант.

212. Дайра—грузинскій бубенъ. Съ внутренней стороны обичайки привѣшены колечки и четыре пары бубенчиковъ.

213. — Бубенъ узбековъ (изъ Туркестана) состоитъ изъ обичайки, на которую съ одной стороны натянутъ пузырь, а съ внутренней сторочы и въ прорѣзахъ ея придѣланы побрякушки. Срв. изображеніе на табл. при № 138.

---

[1]) Ср. *В. Михайловскій*: Шаманство М. 1892, а также *А. В. Олсуфьевъ*: „Общій очеркъ Анадырскаго округа" въ Запискахъ Пріам. Отд. И. Р. Г. О. т. II, в. I, и *В. Ф. Миллеръ*: „Нѣсколько словъ объ этнограф. коллекціи П. П. Шимкевича Дашковск. Этногр. Музея".(Торж. засѣданіе 1893 г.).

[2]) См. *А. Ф. Эйхгорнъ*, цит. соч.

214. — Такой же бубенъ съ о. Явы. Обтянутъ кожей. Діам. около 39 сант.

215. — Такой же бубенъ китайскій Діам. до 22 сант.

216. — Такой же бубенъ изъ Туркестана. Діам. около 25 сант.

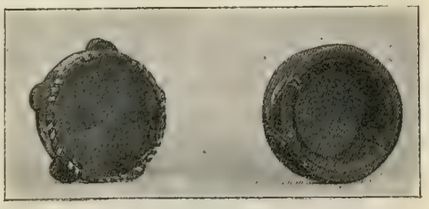


Рис. 213—216.

217. — Китайскій бубенъ.

218. — Алеутскій кастаньетъ состоитъ изъ двухъ концентрическихъ деревянныхъ обручей съ крестообразной распоркой. Къ обручамъ и распоркѣ привѣшено много клювовъ птицы „топорокъ", при сотрясеніи издающихъ очень глухой звукъ. Діам. большаго обруча около 22 сант.

219. **Дамара**—родъ кастаньетъ (бурят.), имѣющихъ видъ двухъ сложенныхъ сердецъ (17 × 11 сант.), къ нимъ прикрѣплены двѣ длинныя и широкія ленты, вѣроятно,

Рис. 218.

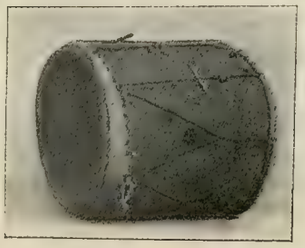


Рис. 224.

Рис. 220.

имѣющія религіозный смыслъ, и два короткихъ шнурка съ твердыми шариками на концахъ; при встряхиваніи за ленты шарики ударяются и издаютъ звукъ.

220. — Барабаны съ двухъ сторонъ обтянутые кожей, три экземпляра изъ Туркестана. Діам. около 39 сант. Ударяютъ палкой; употребляются эти барабаны ночными сторожами; для ношенія имѣется ручка.

Рис. 223.

221. **Кынгырыкъ**—бурятскій большой, но не высокій барабанъ (дл. ок. 50, выс. ок. 20 сант.), обтянутый съ обѣихъ сторонъ пузыремъ; ударяютъ двумя палочками, на концѣ которыхъ находится мягкій шарикъ, обтянутый кожей. Употребляется при буддійскихъ богослуженіяхъ.

222. Маленькій барабанъ, сдѣланный изъ бересты, съ двухъ сторонъ обтянутый пузыремъ. Ударяютъ двумя палочками.

223.—Барабанъ съ о-ва Новая Гвинея, имѣетъ видъ урны съ ручкой; съ одной стороны, болѣе широкой, натянута шкура ящерицы. Высота инструмента около 50 сант.

224 и 224а. **Доли**—барабаны дагестанскихъ горцевъ (два экземпляра), оба сдѣланы изъ полыхъ обрубковъ дерева (высот. ок. 33 сант.), на края которыхъ натянута кожа посредствомъ переплетающихся веревокъ. Діам. круга меньшаго барабана до 31 сант.

225. Кышъ-даулъ—охотничій барабанъ изъ Самарканда, состоитъ изъ низкаго конусообразнаго желѣзнаго корпуса, діам. до 28 сант., на края котораго натянута кожа.

226.—Маленькій барабанъ изъ Туркестана представляетъ изъ себя выдолбленный деревянный корпусъ, на края котораго натянута кожа. Діам. круга до 25 сант.

Рис. 225.

227. Нагара [1])—родъ литавръ, состоитъ изъ глинянаго горшка, на края котораго натягиваютъ кожу. Настраиваютъ подогрѣваніемъ горшка. Діам. круга ок. 39 сант., высота горшка до 39 сант.

228.—Тоже, четыре экземпляра меньшаго размѣра.

229.—Тоже, одинъ экземпляръ, корпусъ котораго не глиняный, а желѣзный.

230. Тимблипито съ Кавказа—пара глиняныхъ литавръ разнаго размѣра. Каждая изъ литавръ представляетъ собою не что иное, какъ *нагара*, описанный выше. Діам. круга наибольшаго изъ горшковъ до 22 сант. Играютъ двумя палочками. Для настройки подогрѣваютъ, какъ *нагара*. Называютъ и *диплипито*.

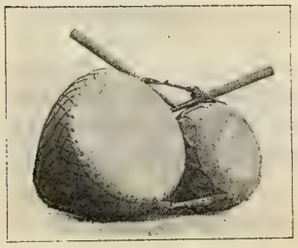


Рис. 230.

Рис. 227.

Рис. 231.

231.—Японскій музыкальный инструментъ, родъ барабана съ колотушкой, обтянутой замшей. Во время игры носятъ на перевязкѣ черезъ плечо. По внѣшности напоминаетъ гирю большого размѣра. Сдѣланъ изъ цѣльнаго куска дерева, искусно выдолбленнаго въ серединѣ такъ, что снаружи виденъ только узкій разрѣзъ. Инструментъ окрашенъ въ красную съ черными и золотыми разводами краску (лакированный). Рѣзьба изображаетъ двѣ головы дракона. Периметръ инструмента подъ ручкой 9 вер., по горизонтальной окружности 11 вершк. Звукъ издаетъ es.

Рис. 235.

232. Хонхо—мѣдный колокольчикъ, употребляемый калмыками при богослуженіи; ударяютъ мѣдной колотушкой, называемой *очиръ*.

233. Хонхо—бурятскій, украшенъ изображеніемъ богини Доры

234.—Тоже, японскій колокольчикъ, очень древній.

---

[1]) См. *А. Ф. Эйхгорнъ*, цит. соч.

235. Хуронга—мѣдный тамъ-тамъ (діам. ок. 39 сант.), употребляемый при буддійскихъ богослуженіяхъ.

236. Сельнимы или цанъ—бурятскія мѣдныя тарелки (діам. ок. 36 сант.) съ очень выпуклой серединой, употребляются при буддійскихъ богослуженіяхъ.

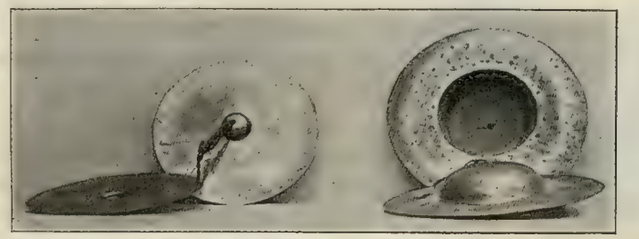


Рис. 237. Рис. 236.

237.—Тоже, пара тарелокъ съ неглубокимъ выступомъ посреднѣ.

Примѣчаніе. Многочисленныя глиняныя *свистульки*—губерній Подольской, Черниговской, Смоленской, Варшавской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Рязанской, Московской и Вологодской, а также изъ Черногоріи и деревянныя свистульки Вологодской и Орловской губерніи не внесены въ настоящее описаніе вслѣдствіе распространенности ихъ только у дѣтей.

Приложенныя три таблицы изображаютъ: первая—азіатскаго киргиза, играющаго на кобызѣ, вторая—украинскихъ кобзарей, бывшихъ на Археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ въ 1902 г., третья—среднеазіатскихъ музыкантовъ и рисунки двухъ варгановъ (къ №№ 138 и 139).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

инструментовъ, описанныхъ и упомянутыхъ въ трудѣ [1]).

Альторпъ, 185.
Аргуль, 125.
Арфа, отд. I А, 1, 2, 4, 141.
Bagpipe, отд. II Г.
Балалайка, 13, 23, 24, 25, 77.
Балябомъ, 154.
Бандура, 84a.
Бандуръ (пхаптуръ), 26.
Баніа, 68.
Барабанъ, 56, 166; отд. III, 220—226.
Башкуръ, 161.
Bauernleyer, отд. I В, 84.
Biva, 45, 46, 47, 49.
Бирбинія, 108, 137.
Бишкуръ, 161, 162.
Бліадзисъ-ствири, 193.
Блюль, 91.
Bogenklavier, 84.
Бубенъ, 155, 202, 203—217.
Варганъ, 138, 139, 140.
Viola da orbo, 84.
Viola da gamba, 19.
Волынка, отд. II Г, 189, 190, 191, 192, 193, 194.
Гайда, 189, 190.
Гамбангъ (gambang), 199.
Gambenwerk, 84.
Гандунъ, 164, 165.
Гантаръ, 201.
Гармоника, 199.
Гармоніумъ, отд. II Г.
Ge-kinn, 44.
Gender, 201.
Genkwan, 44.
Gesokesong, 20.
Ghironda, 84.
Гиджакъ, 69, 70.
Гитара, 37, 45.
Глушница, 128.
Гобой, 154.
Голинъ-буре, 166, 167, 168.
Горотото, 171.
Гудокъ, 69.
Гусла, 74, 75.
Гусли, отд. I А, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 16, 17.
Gut-komm, 45.
Гюсле, 16.
Hackebrett, отд. I Г, 85.
Но, 195.
Hurdy-gurdy, 84.
Hu-Chin, 49, 50, 51, 52.
Hwang-teih, 169.
Дайра, 208—212.
Дамара, 219.
Дамба, отд. I А, 13.
Danguba, 37, 38.
Dwojka, 125.
Джатебу, 139, 140.
Ди, 103.
Diple, 144.
Диплипито, 230.
Дитаръ, 29.
Доли, 224, 224a.
Домра, домбра, думбра, 13, 21, 22, 23, 26, 27.
Дромбуле, 138.
Дрымба, 138.
Dudelsack, отд. II, Г.
Дудка, дудочка, 105 и сл., 144.
Дудуки, 151, 152, 153.
Дульцайна, 154.
Думбра, см. домра.
Дунбуръ, 163.
Дунгаръ, 163.
Дутаръ, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35.
Жалѣйка, отд. II, 145, 146, 147, 148.
Замръ, 154.
Земръ, 154.
Зумара, 154.
Зурна, отд. II, 154.
Кабасъ (кабашъ), 128.
Каваль, отд. II Г.
Ka-kin, 49.
Каманча, 69, 72.
Кандала, 5.
Kaklai, Kakkle, Kankles, Kanklys, 11.
Канте, 10.
Кантеле, 5, 9, 10, 12, 16.
Канунъ (Quanoun), отд. I Г, 85.
Каныръ-кобузъ, 1.
Карнай, 169, 170.
Кастаньетъ, 218, 219.
Кеманге, 55, 69.
Кеманча, 55.
Кетвопне, 19.
Кентеръ, 201.
Ketjabe, Ketjapi, 19.
Khén, 195.
Кіотангъ, отд. I А, 3.
Кисла, 16.
Кларнетъ, 155.
Кóбза, 84a.
Кобызъ, 55, 57, 59, 60, 69.
Кобузъ, 1, 55, 58.
Коза, 191.
Комысъ, 138.
Konkeh, 49.
Cornamusa, отд. II Г.
Kouwan-teki, 103.
Коусъ, 55.
Кошнай, 148.
Крота (Chrotta), отд. I В.
Кунклъ, 11.
Курай, 91.
Кышъ-даулъ, 225.
Кюселе, 16.
Кынгырыкъ, 221.
Лабай, 163.
Лебедь, отд. I А, 3.
Leyer, отд. I В.
Лигавка, 172.
Лира, отд. I В, 84, 84a.
Lira rustica, 84.
Lyre, 13.
Литавры, 230.
Лумждзе, 106, 107.
Мандолина, 29.
Musette, отд. II, Г.
Нагара, 227—230.
Най, 101.
Nayambanah, отд. II Г.
Нареширъ, 13.
Narisjuch, 13.
Органъ, 128.
Organistrum, отд. I В.
Пандура (пандура), 2, 40, 63, 64, 65, 66.
Панъ-флейта, отд. II Г.

[1]) Цифры означаютъ номера описанія.

Paun gonm, 44.
Пензеръ, 206.
Piva, отд. II Г.
Pipa, (Пипа), 45, 46, 47.
Пичталка, 122.
Пишна, 61.
Pištac, 143.
Пошеттъ.
Primašica, 38, 38.
Псалтирь, 16.
Пхантуръ, 26.
Пѣсневецъ, 16.
Рабанна, 200.
Раванастронъ, 49.
Раковина, 163.
Ребабъ, 69, 73.
Rebab el moganny, 69, 57.
Ребекъ, отд. I В.
Рель, 84.
Реэджекъ, 71.
Ribeca, 80.
Рогъ, 181, 184.
Рожокъ, 150, 142, 129, 131, 132, 137.
Рояль, отд. I Г.
Рубеба (рубелла), отд. I В.
Рыле, 84.
Саквири, 171.
Sackpfeife, отд. II Г.
Саламури, 123, 124.
Salterio tedesco, отд. I Г.
Samm-jinn, 41.
Сангульданъ, 13.
Sanneltup, 13.
Sann-hinn, 41.
Сантиръ, 85.
Santo, 20.
Сантури (Santuri), отд. I, Г, 87.
Šara (см. Шара).
Saroh, 49, 53.
Sarungi, 49.
Сасцрано, отд. II Г.
Satsuma biwa, 47.
Swistawka, 118, 119.
Себизга, 92, 95.
Sekundašica, 37.
Сельнимы, 236.
Серинда, 41.
Сибизга, 92, 96.
Singekugel, 138.
Сиринкъ, 123, 124.
Syrinx, см. пред.
Ситаръ, 28, 29, 33.
Сицирика, 198.
Symphonia, отд. II Г.
Скаудутасъ, отд. II Г, 188.
Скрипка, 76, 77, 80, 81, 82, 83.
Сопилка, 112, 113, 114.
Stampella, 80.
Soukkarah, отд. II Г.
Sourdeline.
Taktoh, 20.
Тамбура (Tambura), 41, 42.
Тамбуръ, 28, 33.
Tamburaza samca, 37.
Тамъ-Тамъ, 235.
Tanbur baghlamah, 33.
Танбура, 37, 38.
Tanburica, 37, 38.
Тарелки, 236, 237.
Таръ (Тари), 39.
Тефъ, 155.
Ти, 103.
Tibia utricularis, отд. II Г.
Тимблипито, 230.
Timpanon, отд. I Г.
Togo, 20.
Tocur, 78, 79.
Trawangsa, 19.
Трембита, трембета, 173.
Труба, 166, 171—180, 182, 183, 185—187.
Tsiyrumera, 161.
Tubian iotta, 20.
Тумери, 195.
Yang-Kin, 86.
You-Kin, 44.
Yout-Komm, 44.
Yu, 1, 95.
Фаготъ, 151.
Фандыръ, 64.
Фитанисъ, 90.
Фитетекъ, 88, 89.
Флейта, 88—104.
Фруле, 125.
Фургуле, 125.
Хесе, 203.
Хомузъ, 138.
Хонхо, 232, 233.
Chifonie, 84.
Chô, 195.
Chordaulodion, 84.
Chrotta, отд. I В, см. Крота.
Хуронга, 235.
Zampogna, отд. II Г.
Цанъ, 236.
Цибизга, 92, 93, 94.
Цимбалы (Cimbal), отд. I Г, 87.
Цинцила, 87.
Чалдырма, 211.
Чанги, отд. I А.
Čanguri, 37.
Ченгъ, отд. II Г, 195—198.
Чирманда, 208—210.
Чіанури, 69, 72.
Чонгури, 36.
Чуниръ, 68.
Cheng, 195.
Шара (Šara), 37.
Schangiltop, 13.
Schongurt, 13.
Ю-кинъ, 44.
Ятага, отд. I А, 18.

Указатель именъ, цитированныхъ въ описаніи инструментовъ.

Amiot P., 195.
Асерби, 5.
Acerbi, 5.
Wallaschek, 199, 201.
Владимірскій, 18.
Weitzmann, 5.
Виневе, 19.
Воробьевъ, С. С., 5.
Грузинскій, А., Е., 84а.
Gutrie, 5, 69.
Gotthold, 11.
Каргаратели, Г., 193.
Lepner, 11.
Липаевъ, И., 3, 13, 56.
Mahillon, 166, 199.
Мареничъ, Г. А., 6.
Масневичъ, 84.
Масловъ, А., 84.
Миллеръ, В. Ѳ., 13, 202.
Михайловскій, В., 202.
Муравьевъ, 26.
Мошковъ, В., отд. II В, 172, 202.
Олеарій, 16.
Олсуфьевъ, А. В., 202.
Pallas, 13.
Pillaut, 129.
Приваловъ, Н. И., 84, 138, отд. II В, 169.
Пѣтуховъ, М., 12, 26, 29, 36, 63.
Рыбаковъ, С., 56.
Устряловъ, 84.
Сокольниковъ, П. Н., 138.
Танѣевъ, С. И., 1.
Фаминцынъ, А. С., 5, 6, 13, 16, 22, 26, 37, 185.
Фетисъ (Fétis) 5, 33.
Шикмевичъ, П. П., 202.
Эйхгорнъ, А. Ф., 28, 29, 71, 148, 208, 227.

О ПРИМѢНЕНІИ ФОНОГРАФА КЪ ЭТНОГРАФІИ

И ВЪ ЧАСТНОСТИ

О ЗАПИСИ ШАМАНСКАГО КАМЛАНЬЯ ВЪ СРЕДНЕ-КОЛЫМСКѢ, ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

Д. Н. Анучина.

Съ приложеніемъ якутскихъ пѣсенъ по фонографическимъ записямъ *Я. Строжецкаго* (снятыхъ съ валиковъ *А. Л. Масловымъ*).

О примѣненіи фонографа къ этнографіи и въ частности о записи шаманскаго камланья въ Средне-Колымскѣ [1].

Изобрѣтеніе фонографа, расширивъ сферу эстетическихъ наслажденій человѣчества, дало вмѣстѣ съ тѣмъ новое орудіе для этнографа и лингвиста: явилась возможность записывать съ точностью, подобной фотографированію, народное пѣніе, звуки и говоръ на различныхъ языкахъ, народныя пѣсни, былины, сказанія, религіозное служеніе, заклинанія, шаманское камланье и т. д. Кто первый воспользовался фонографомъ для этой цѣли, мнѣ не извѣстно, но уже въ 1892 году были опубликованы Гильманомъ пѣсни, записанныя имъ при помощи фонографа у одного изъ племенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ Зуньи (Zuñi); онъ же пробовалъ записывать китайскую музыку. Позже, тамъ же въ Америкѣ, пользовался фонографомъ Dorsey въ Чикаго, записавшій пѣсни индѣйцевъ Pawnie, и проф. Boas—у индѣйцевъ сѣверо-западной Америки. Въ 1900 году Azoulay въ Парижѣ записалъ фонографомъ пѣсни и рѣчи всѣхъ представителей различныхъ экзотическихъ племенъ, которыя были собраны, по случаю выставки, въ Трокадеро (валики хранятся въ музеѣ Парижскаго Антропологическаго Общества). Въ томъ же году Stumpf и его помощники записали въ Берлинѣ игру сіамскаго оркестра и затѣмъ японскаго. Въ Индіи матеріалы по индійской музыкѣ собирались раджей Surendra Mohur Tagore въ Калькуттѣ. Въ Вѣнѣ проф. Exner задумалъ даже составить фонографическій архивъ. Онъ придумалъ особый аппаратъ—среднее между фонографомъ и граммофономъ. Извѣстно, что въ фонографѣ работаетъ штифтикъ, производящій пунктирныя вдавленія на вращающемся и двигающемся прямолинейно, покрытомъ воскомъ валикѣ; въ граммофонѣ же валики замѣнены кружками (пластинками), на которыхъ штифтъ выводитъ волнообразную форму звуковыхъ колебаній въ плоскости пластинки. Но записываніе на граммофонѣ составляетъ тайну, и частному лицу невозможно имъ пользоваться, поэтому въ Вѣнѣ придумали замѣнить валики пластинками и записывать на нихъ, какъ фонографомъ. Съ валиковъ и пластинокъ могутъ гальванопластическимъ путемъ получаться металлическіе негативы, а съ послѣднихъ и металлическіе позитивы, т.-е. прочные, такъ-сказать, вѣчные отпечатки напѣтыхъ пѣсенъ и т. п. Въ послѣднее время стали пользоваться даже совмѣстно фонографомъ и кинематографомъ. Такъ, на одномъ конгрессѣ американцевъ въ Нью-Іоркѣ былъ представленъ т.-наз. солнечный танецъ центрально-американскаго племени Маја. Кинематографъ передавалъ ходъ танца, а фонографъ въ то же самое время производилъ пѣніе [2].

[1] Сообщеніе, сдѣланное въ годичномъ собраніи И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 15 октября 1904 г.

[2] Въ „Zeitschrift für Ethnologie“ за 1904 г. помѣщенъ рядъ турецкихъ пѣсенъ изъ сѣверной Спріи, записанныхъ фонографически Лушаномъ и обработанныхъ музыкально dr. Abraham и v. Hornbostel.

У насъ въ Россіи инціатива примѣненія фонографа къ изученію народной пѣсни принадлежитъ Е. Э. Линевой, которая уже въ теченіе ряда лѣтъ занимается записываніемъ ихъ и изученіемъ этихъ записей. Въ изданіи И. Академіи наукъ уже опубликованъ 1-ый выпускъ ея труда «Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи», текстъ подъ редакціей академика Ѳ. Е. Корша. (Спб. 1904). Вслѣдъ затѣмъ члены нашей музыкально-этнографической комиссіи А. Л. Масловъ, А. В. Марковъ и А. Д. Григорьевъ совершили рядъ удачныхъ экскурсій съ фонографомъ на сѣверъ Россіи, а Д. И. Аракчіевъ — на Кавказъ. Результаты этихъ поѣздокъ частью уже напечатаны въ «Трудахъ» Комиссіи. Дѣло, такъ успѣшно начатое по отношенію къ русской и кавказской народной пѣснямъ, можетъ быть продолжено и по отношенію къ пѣснѣ финской, тюркской и т. д. Передъ изслѣдователемъ разстилаются еще необъятныя Сибирь и Средняя Азія, гдѣ также можетъ быть собранъ богатый матеріалъ. Недавно намъ доставлено нѣкоторое количество фонографическихъ записей, сдѣланныхъ на отдаленномъ сѣверовостокѣ Сибири, въ Колымскомъ краѣ, и передающихъ отчасти русскія пѣсни, отчасти якутское камланье. Пользуясь этимъ случаемъ, я сначала сообщу о происхожденіи этихъ записей, а затѣмъ скажу нѣсколько словъ о мѣстности, гдѣ онѣ записаны, и о ходѣ и обстановкѣ шаманскаго камланья.

Лѣтнее поселеніе якутовъ Вилюйск. округа, Якутск. губ. (по Мааку).

Происхожденіе музыкальныхъ записей таково. Въ 1902 году я имѣлъ разговоръ съ извѣстнымъ нашимъ (и польскимъ) писателемъ, изслѣдователемъ якутовъ, В. Л. Сѣрошевскимъ, и просилъ его, не можетъ ли онъ указать мнѣ какое-либо лицо, которое могло бы мнѣ доставить фотографіи типовъ изъ Колымскаго края—портреты чукчей, якутовъ, ламутовъ, юкагировъ. Сѣрошевскій указалъ мнѣ на своего бывшаго товарища по ссылкѣ, Яна Строжецкаго, живущаго въ Средне-Колымскѣ и занимающагося фотографіей. Я обратился къ нему, вступилъ съ нимъ въ переписку и получилъ отъ него нѣкоторое число фотографій. Затѣмъ въ началѣ 1903 года г. Строжецкій, узнавъ изъ газетъ, что при нашемъ обществѣ имѣется музыкально-этнографическая комиссія, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ, не можетъ ли комиссія доставить ему фонографъ, которымъ онъ могъ бы воспользоваться въ Колымскомъ краѣ. «Въ этомъ отношеніи,—писалъ онъ,—Колымскій край представляетъ для комиссіи громадный интересъ, такъ какъ здѣсь можно записать старинныя русскія пѣсни, занесенныя въ Нижне-Колымскъ

первыми русскими поселенцами, съ весьма оригинальными напѣвами, а также есть возможность собрать пѣсни якутовъ, ламутовъ, юкагировъ и камланья шамановъ». При этомъ Строжецкій писалъ, что если его просьба можетъ быть исполнена, то нельзя ли выслать ему одновременно, наложеннымъ платежомъ за его счетъ, и рядъ напѣтыхъ музыкальныхъ пьесъ, ибо «получить въ этой глуши фонографъ и не имѣть возможности послушать европейской музыки было бы слишкомъ обидно». Получивъ такое письмо, я обращался къ Н. А. Янчуку съ предложеніемъ, не можетъ ли комиссія удовлетворить просьбу г. Строжецкаго, но такъ какъ у комиссіи тогда не было никакихъ средствъ, то она и не могла принять на себя пріобрѣтеніе фонографа. Тогда я рѣшился взять это дѣло на себя, пріобрѣлъ за свой счетъ фонографъ, рядъ валиковъ и рядъ напѣтыхъ музыкальныхъ пьесъ и послалъ все это г. Строжецкому съ просьбой доставить образцы русскихъ и якутскихъ пѣсенъ и якутскаго шаманскаго камланья. Строжецкій былъ очень благодаренъ за исполненіе его просьбы и осенью 1903 г. увѣдомилъ меня о полученіи фонографа. Къ сожалѣнію, магазинъ отнесся очень небрежно къ заказу, не доставилъ нѣкоторыхъ частей, другія прислалъ плохого качества, и уложилъ все такъ плохо, что фонографъ пришелъ въ ужасномъ видѣ, сломаннымъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Механика и даже порядочнаго слесаря въ Средне-Колымскѣ нѣтъ, и только совокупными усиліями товарищей Строжецкаго, между которыми нашлись двое знающихъ нѣсколько слесарное дѣло, удалось съ примитивными средствами поправить аппаратъ и добиться того, что онъ сталъ дѣйствовать [1]). «Можете себѣ представить, — писалъ мнѣ Строжецкій, — съ какой радостью послѣ всѣхъ этихъ злоключеній мы прослушали присланныя намъ аріи и съ какимъ восторгомъ воспроизвели первую запись». Но кромѣ испорченнаго аппарата оказались и другія затрудненія: во 1) неопытность записывающаго, для котораго это было новое дѣло; 2) трудность добиться толку отъ мѣстныхъ жителей. „Въ большинствѣ случаевъ,—пишетъ Строжецкій,—они не понимаютъ, чего отъ нихъ хотятъ, ломаются («ковâ ми знаемъ; самъ знашь, мы ни ковâ не знаемъ»), или, если споютъ, то какую-нибудь «модную» пѣсню, привезенную недавно пришельцами изъ Россіи. Надо сказать, что Колымскій край это непочатый уголъ и ждетъ своего собирателя пѣсенъ. Пѣсни мѣстнаго происхожденія замѣчательно бѣдны по содержанію, на нихъ какъ бы лежитъ печать здѣшней жизни съ ограниченнымъ до-нельзя кругозоромъ идей и чувствъ, лишенной всего, что жизнь краситъ. Настоящее не вдохновляетъ людей, не даетъ розмаха фантазіи, зато пѣсни, привезенныя сюда первыми пришельцами, свято хранятся, какъ завѣты отцовъ, и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, конечно, съ перевранными словами и искаженнымъ смысломъ. Мнѣ удалось здѣсь слышать пѣсню о Скопинѣ Шуйскомъ и Малютѣ Скуратовѣ (записаны), о Стенькѣ Разинѣ (записана неудачно) и, что интереснѣе, спѣтую былину про Алешу Поповича, какъ онъ воевалъ съ Тугариномъ Змѣевичемъ [2]). Въ виду вашего

---

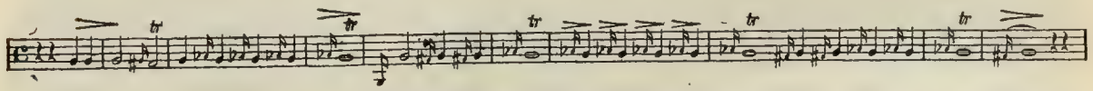
[1]) Позже я отправилъ г. Строжецкому, по его просьбѣ, нѣкоторыя дополнительныя части, кромѣ того самъ Строжецкій выписалъ на свой счетъ нѣкоторое число валиковъ (изъ присланныхъ нѣсколько оказались негодными). Г. Строжецкій писалъ также мнѣ: „Я держусь такого мнѣнія, что я не въ правѣ требовать отъ здѣшнихъ полунищихъ жителей чего бы то ни было даромъ, а потому за каждое пѣніе, за каждую услугу расплачиваюсь (конечно, допускаю исключенія)“.

[2]) Изъ упоминаемыхъ здѣсь г. Строжецкимъ пѣсенъ нѣкоторыя были демонстрированы при настоящемъ докладѣ посредствомъ фонографа, а также хоромъ, при содѣйствіи Е. Э. Линевой.

указанія, что надо обратить особенное вниманіе на инородческія пѣсни и шаманство, я пересталъ увлекаться русскими записями и перешелъ къ якутскимъ.

Дѣйствительно, я совѣтовалъ г. Строжецкому обратить больше вниманія на якутовъ, потому что, насколько мнѣ извѣстно, музыка и пѣніе якутовъ изучены еще менѣе, чѣмъ музыка другихъ нашихъ инородцевъ, несмотря на цѣлый рядъ путешествій, предпринимавшихся въ эту сѣверо-восточную окраину съ очень давнихъ поръ.

Едва ли не единственный изъ прежнихъ нашихъ путешественниковъ Миддендорфъ, изслѣдовавшій въ 1843—4 гг. сѣверо-восточную Сибирь, удѣлилъ нѣкоторое вниманіе пѣнію и музыкѣ якутовъ, чтобы охарактеризовать ихъ съ этой стороны въ нѣсколькихъ словахъ. Въ своемъ путешествіи онъ говоритъ про якутовъ, что „эти жизнерадостные наблюдатели природы готовы пѣть во всякое время". Они сопровождаютъ пѣніемъ свои праздничные танцы, имѣющіе характеръ хоровода. Эти танцы, по описанію Миддендорфа, не отличаются, какъ тунгузскіе [1]), стремительностью и бурностью прыжковъ, а представляютъ собою торжественное и плавное движеніе, подобное самоѣдскимъ танцамъ. Кольцо хоровода медленно движется вокругъ, при чемъ всѣ участники безпрестанными покачиваніями стараются довести себя до одуряющаго головокруженія. Запѣвало произноситъ нараспѣвъ извѣстную фразу, а всѣ остальные подхватываютъ и повторяютъ или продолжаютъ ее хоромъ въ раздирающихъ уши тонахъ. Путешественникъ приводитъ и одинъ изъ болѣе часто повторяемыхъ напѣвовъ, который онъ могъ уловить въ исполненіи предводителя хоровода, т.-е. запѣвала:

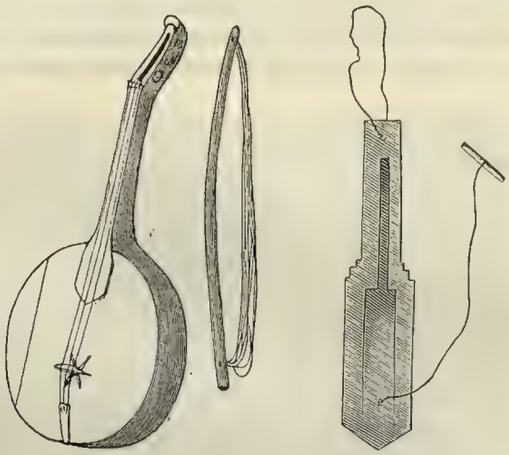


Якутскій напѣвъ (по Миддендорфу).

но при этомъ авторъ сознается, что это есть лишь нѣчто среднее изъ этихъ музыкальныхъ изліяній якутовъ, потому что „точно установить мелодію такъ же трудно, какъ передать слова пѣсни". Однообразіе приведеннаго напѣва, очевидно, характерно для якутовъ, какъ это подтверждается и другими показаніями, а равно и записями г. Строжецкаго. Одинъ изъ недавнихъ путешественниковъ Я. В. Стефановичъ, участникъ Аянской экспедиціи 1894 г., касаясь мимоходомъ увеселеній тунгусовъ и описывая ихъ пляску, сравниваетъ ихъ съ якутами и говоритъ между прочимъ: „Пожилой тунгусъ спѣлъ пѣсню. Крайне несложный мотивъ ея, состоявшій изъ продолжительнаго вытягиванія поочередно двухъ нотъ, напоминалъ нѣсколько якутское пѣніе" (Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по общей географіи, т. II, в. 3, стр. 134). Изъ музыкальныхъ инструментовъ Миддендорфъ видѣлъ у якутовъ только скрипку и губной варганъ „Maultrommel" (см. рис.), оба заимствованные, по его мнѣнію, у русскихъ, хотя скрипка напоминаетъ китайскія, а варганъ этого типа распространенъ у разныхъ инородцевъ. Вотъ что, напр., сообщаютъ изслѣдователи объ этихъ инструментахъ у сосѣдей якутовъ: „Музыкальные инструменты, какъ у гольдовъ, такъ и у орочонъ немногочисленны и очень просты: самый любимый—бубенъ изъ проклеенной кожи; затѣмъ жестяная пластинка, въ родѣ филейной иглы, нѣсколько загнутая и издающая дребезжащій

[1]) Тунгузскій хороводный танецъ описанъ въ книгѣ Я. В. Стефановича: „Отъ Якутска до Аяна". Иркутскъ 1896 г., стр. 131—133. (Записки В.-СибОтд. И. Р. Г. О. по общ. геогр. II, в. 3.). *Прим. Ред.*

звукъ, называется по-гольдски—кунка; есть еще мыны—желѣзная рамка съ языкомъ: рамка вставляется въ ротъ и придерживается зубами, пальцемъ правой руки задѣваютъ за язычокъ инструмента, и онъ издаетъ негромкій, унылый звукъ.



Якутская скрипка и губной варганъ (комосъ) (по Миддендорфу).

Совершенно подобный инструментъ имѣется и у якутовъ, отъ которыхъ онъ, вѣроятно, и заимствованъ гольдами и орочонами" [1]).

Замѣчательно, что не только пѣсни, но и сказки, по свидѣтельству Миддендорфа, разсказываются якутами нараспѣвъ. „Отдѣльныя роли въ сказкѣ,—читаемъ въ его путешествіи,—произносятся разсказчикомъ нараспѣвъ, такъ что я очень былъ удивленъ, когда, проснувшись въ глухую темную ночь, услышалъ изъ сосѣдней юрты рѣзкое пѣніе, которымъ я и былъ разбуженъ. На мой вопросъ: что это значитъ, мнѣ отвѣтили: „Это старикъ разсказываетъ сказку... Вотъ поетъ дѣвушка... вотъ лошадь..." и т. д. [2]). Авторъ приводитъ и тексты пѣсенъ и сказокъ.

Свѣдѣнія Миддендорфа о якутскомъ пѣніи касаются, повидимому, Вилюйскаго округа Якутской области, относительно же болѣе сѣвернаго Колымскаго округа той же области свѣдѣній въ печати по этой части не имѣется. Поэтому наблюденія, сдѣланныя г. Строжецкимъ, представляютъ тѣмъ большій интересъ. Вотъ что онъ разсказываетъ по этому поводу въ своихъ письмахъ.

Якуты поютъ не громко, и долго я не могъ найти пѣвца, у котораго былъ бы сильный голосъ и умѣнье пѣть; пока нашелъ такого якута, испортилъ на опыты нѣсколько валиковъ; затѣмъ сталъ я собирать свѣдѣнія о шаманахъ. Ихъ преслѣдуютъ попы, и узнать, кто шаманъ, довольно трудно. Всѣ болѣе или менѣе могущественные шаманы живутъ далеко въ улусѣ, и, если пріѣзжаютъ въ городъ, то безъ бубна и костюма. Вдругъ я узнаю, что пріѣхалъ «главный» шаманъ со всѣми необходимыми принадлежностями. Дѣло въ томъ, что здѣсь недавно какой-то ловкій воръ укралъ казенную шкатулку съ 24 тысячами рублей. Такъ какъ слѣдовъ и уликъ не было никакихъ, то мѣстныя власти рѣшили прибѣгнуть къ помощи сверхъестественныхъ силъ и выписали шамана, чтобы онъ помогъ

[1]) Труды Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О., 1895 г., въ ст.: „Инородческое населеніе по притокамъ Уссури" (по матеріаламъ подпоруч. Пель-Горскаго), стр. 32. Срв. *А. Маслова*, Илл. опис. муз. инстр. Дашк. Этногр. Музея, подъ №№ 138—140.

[2]) См. Middendorf's Sibirische Reise, IV, p. 1588.

горю. (Здѣсь вѣрятъ въ могущество шамановъ большинство русскихъ, и, когда я записывалъ камланье, съ бабами, слышавшими удары бубна въ сосѣдней юртѣ, случился истерическій припадокъ). Всѣ эти мѣропріятія были окружены надлежащей тайною, вѣроятно изъ опасенія, чтобы подробности этого оригинальнаго полицейскаго пріема для обнаруженія злоумышленника не украшали столбцовъ какой-нибудь газеты. Я нѣсколько разъ пытался повидаться съ этимъ шаманомъ,

Алтайскій (теленгетскій) шаманъ. (Изъ собр. Антропол. музея Моск. унив.).

но тщетно; наконецъ я послалъ знакомаго якута съ предложеніемъ воспроизвести камланье и обѣщалъ ему награду, но получилъ отказъ; шаманъ не согласился даже одолжить мнѣ шаманскій костюмъ и бубенъ для фотографіи [1]), объясняя

[1]) Въ собраніи Общества, когда дѣлалось настоящее сообщеніе, были выставлены шаманскіе костюмы изъ Якутской области, изъ собранія Дашковскаго Этнографическаго музея.

это тѣмъ, что такіе священные предметы не могутъ находиться въ рукахъ непосвященнаго. Тогда я рѣшился обратиться къ живущей здѣсь «шаманкѣ». (Женщины, какъ извѣстно, тоже шаманятъ, хотя рѣже, чѣмъ мужчины). Собственно говоря, это женщина, одержимая довольно распространенной здѣсь нервной болѣзнью «мэнэрикомъ»; во время приступа болѣзни она входитъ въ общеніе съ духами, произноситъ безсвязныя слова, однимъ словомъ «шаманитъ»,

Кемчикская шаманка съ южн. окраины Енис. губ. (Изъ собр. Антроп. муз.)

какъ здѣсь выражаются. (Эту шаманку власти тоже привлекали, чтобы она указала, гдѣ спрятаны деньги). Шаманка согласилась, и я сталъ записывать ея шаманство на фонографѣ, но по мѣрѣ того, какъ она вдохновлялась, она стала терять сознаніе, трястись всѣмъ тѣломъ, пѣніе, прерываемое характерной нервной икотой, дѣлалось все громче, наконецъ съ якуткой сдѣлался припадокъ. Я поскорѣе закрылъ машину, и передо мною возсталъ вопросъ: въ правѣ ли я производить записи, сопряженныя съ ущербомъ для здоровья другихъ? Такъ какъ отвѣтъ получился отрицательный, то я опыта не повторилъ (валикъ, записанный до половины, вамъ пришлю).

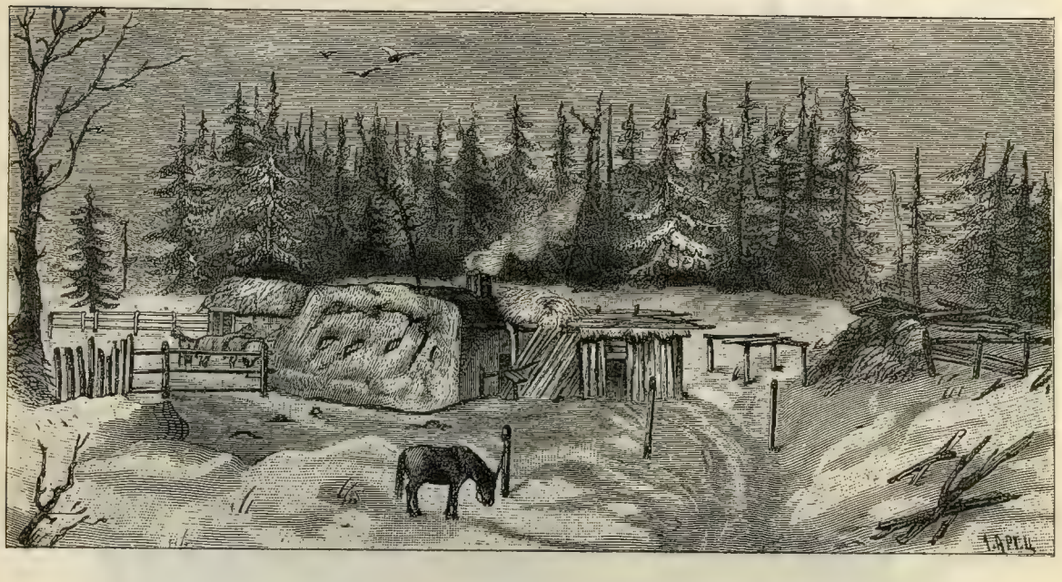
Изъ затрудненія вывелъ меня случай. Я познакомился съ Ѳедоромъ Винокуровымъ, который заявилъ, что онъ отлично всю шаманную «службу» знаетъ, и предложилъ мнѣ свои услуги. Изъ разспросовъ его и его знакомыхъ я узналъ, что его отецъ славился какъ шаманъ, и что, кромѣ того, онъ долго былъ «кутуруксутомъ» (помощникомъ шамана). Все-таки я неособенно довѣрчиво отнесся къ его предложенію, какъ вдругъ убѣдился, что онъ настоящій шаманъ и только скрывается страха ради іудейска. Онъ отличный сказочникъ, и я записалъ нѣсколько его пѣсенъ. Случилось, что двѣ пѣсни подъ рядъ были плохо записаны. Пока я угадывалъ причину, Ѳедоръ увѣренно заявилъ, что онъ знаетъ, почему и кто валикъ испортилъ, и просилъ меня предоставить ему полную свободу. Я конечно согласился. Ѳедоръ съ бубномъ отошелъ въ другой конецъ юрты, къ двери, и сталъ пѣть, ударяя колотушкой въ бубенъ. Сперва онъ стоялъ неподвижно, иногда только встряхивая лѣвой рукой бубенъ, чтобы вызвать звонъ колокольчика и бряцанье желѣзомъ, но затѣмъ онъ сталъ ритмически раскачиваться изъ стороны въ сторону, какъ бы баюкая ребенка. Удары изъ слабыхъ превратились въ рѣзкіе и въ концѣ заглушили пѣніе, которое пробивалось только въ короткіе перерывы. Получилась адская музыка, и по мѣрѣ того, какъ якутомъ овладѣвало изступленіе, онъ сталъ плясать. Съ разставленными ногами, которыя не сгибались при прыжкахъ, согнутый подъ прямымъ угломъ, съ бубномъ, находившимся на вѣсу въ горизонтальномъ положеніи, онъ неуклюже прыгалъ, подаваясь впередъ, и я каждый разъ думалъ, что онъ падаетъ. Наконецъ, бубенъ замолкъ, и Ѳедоръ вперилъ свои мутные, невидящіе дѣйствительности глаза въ одинъ уголъ юрты, затѣмъ въ другой и, должно-быть, что-то увидѣлъ, потому что съ еще большимъ ожесточеніемъ принялся колотить въ бубенъ, еще быстрѣе прыгать, при чемъ поочередно пихалъ ногой въ пространство, сперва лѣвой, а потомъ правой. Вся эта сцена продолжалась 10—15 минутъ, послѣ чего онъ, пошатываясь какъ пьяный, упалъ на скамью и попросилъ воды и табаку (обыкновенно онъ не куритъ). «Теперь записывай, выйдетъ хорошо», и когда слѣдующій валикъ оправдалъ его надежды, онъ нѣсколько разъ торжественно заявилъ: «я знаю, я хорошо знаю». Камланье я записалъ на шести валикахъ, и всѣ вышли очень удачно. Насколько знаю, это первая запись якутскаго камланья; у Іохельсона я слышалъ юкагирское, но оно почему-то вышло хуже. Чтобы окончательно устранить возможность какой бы то ни было мистификаціи, я позвалъ человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія, который бывалъ на настоящихъ камланьяхъ, и онъ подтвердилъ, что здѣсь нѣтъ никакой поддѣлки. Услугами этого господина я пользовался при возстановленіи и переводѣ текста, что отнимаетъ массу времени».

Въ другомъ письмѣ г. Строжецкій сообщилъ мнѣ еще слѣдующее. «Что касается камланья, то фонографъ не можетъ дать полнаго представленія о немъ. Рупоръ слишкомъ малъ, и если человѣкъ поетъ въ него, то звуки бубна не попадаютъ на мембрану. При камланьи бубенъ заглушаетъ пѣніе, и только окрики пробиваются во время паузъ; въ фонографѣ наоборотъ: слышенъ только слабый стукъ, который аккомпанируетъ пѣнію. Камланье и якутское пѣніе переводилъ мнѣ мѣстный учитель Н. Н. Березкинъ. Онъ хорошо знаетъ якутскій языкъ, но не въ состояніи дать комментарія къ переводу».

Относительно русскихъ пѣсенъ г. Строжецкій прибавляетъ, что «русскіе здѣсь отвратительно поютъ, и ихъ пѣсни не могутъ дать эстетическаго наслажденія, но, какъ уцѣлѣвшіе отголоски старины, онѣ представляютъ извѣстный

интересъ. Мнѣ удалось записать еще одну скопческую, довольно характерную пѣсню; вообще же скопцы не поютъ передъ не-скопцами».

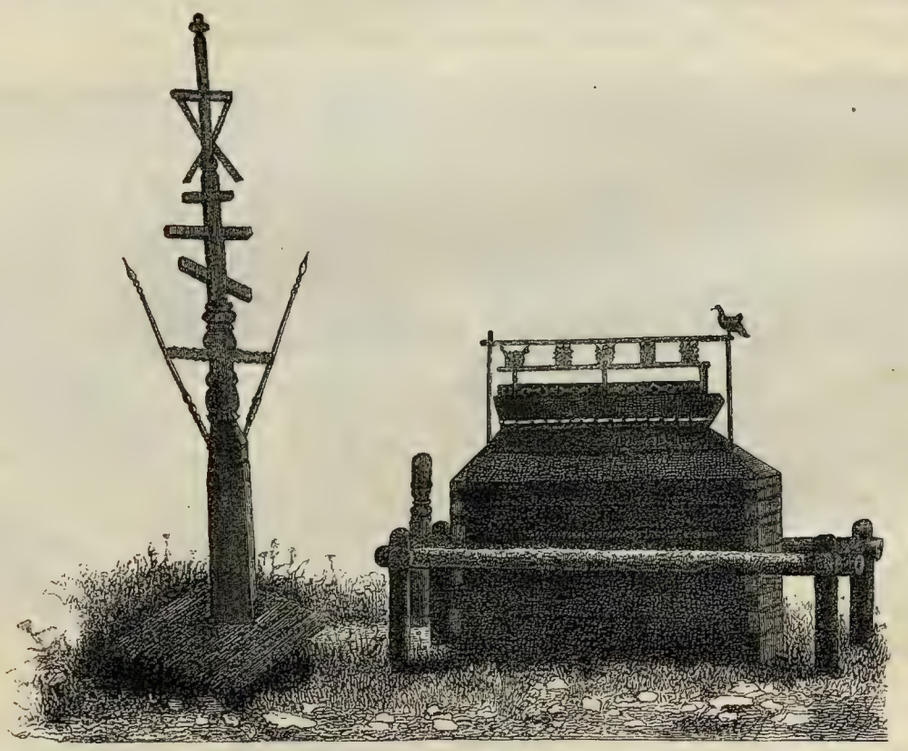
Сообщивъ объ обстоятельствахъ происхожденія полученныхъ мною фонографическихъ записей, я долженъ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, гдѣ онѣ были записаны, о якутахъ и о шаманствѣ. Городъ Средне-Колымскъ, административный центръ округа, лежитъ подъ 67°10′ с. шир., на лѣвомъ берегу рѣки Колымы, среди болотъ, поросшихъ кустарникомъ, ольховникомъ и жалкой лиственницей. Весною, при сильномъ половодьѣ, жители собираютъ плывущій по рѣкѣ



Зимняя юрта вилюйскихъ якутовъ (по Мааку).

лѣсъ и пользуются имъ для построекъ и топлива. Въ городѣ насчитывается около 150 построекъ, въ томъ числѣ около 50 жилыхъ домовъ, имѣется 1 церковь, 1 школа, 1 небольшая больница, 12 лавокъ и около 550 жителей. Большинство жителей—казаки и мѣщане, затѣмъ инородцы и ссыльные, въ числѣ послѣднихъ преобладали (по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени) политическіе. Жители занимаются рыболовствомъ, звѣринымъ промысломъ, собираютъ лѣтомъ грибы и ягоды и торгуютъ съ пріѣзжающими сюда чукчами. Верстахъ въ десяти отъ города устраивается торжокъ, на который инородцы пригоняютъ оленей. Иногда весною, когда подберутся запасы, бываютъ голодовки, отъ которыхъ спасти могутъ только чукчи, если у нихъ имѣется достаточно оленей. Общій оборотъ торговли въ городѣ и его окрестностяхъ не превышаетъ 60 тыс. руб. Русскіе обитатели Средне-Колымска — народъ выродившійся, малорослый, нерѣдко съ ясными признаками инородческой крови, говорящіе ломанымъ нарѣчіемъ съ примѣсью инородческихъ словъ. Изъ инородцевъ главные: якуты, затѣмъ тунгузы, ламуты, чукчи (послѣдніе бываютъ только временно). Якуты считаются христіанами, но они сохранили еще много языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Какъ извѣстно, якуты говорятъ на тюркскомъ языкѣ (притомъ болѣе древнемъ и

чистомъ, чѣмъ напр. татары, турки и т. д.); татары и башкиры, сосланные въ Якутскую область, обыкновенно уже черезъ полгода выучиваются говорить плавно и бойко по-якутски; для русскаго же нужны для этого годы. Главное затрудненіе—фонетика; особенно трудно носовое *нг*. Одинъ и тотъ же слогъ, смотря по тому, какъ произносятся гласная или согласныя, можетъ имѣть различное значеніе. Такъ, корень *ас* можетъ значить: волосъ, пища, бѣлый, открой, ѣшь, проходи и др.; *іс*—смотря по произношенію—означаетъ: теплый, жара, зарядъ, заряжай, тотъ самый. Трудно также усвоить грамматическія формы, употребленіе падежей,



Могила шаманки Вилюйскаго округа съ изображеніемъ священной гагары и крестомъ (по Мааку).

отношеніе частей рѣчи между собой. Особенно труденъ языкъ пѣсенъ, былинъ, такъ какъ въ нихъ встрѣчается много старинныхъ, неупотребительныхъ выраженій и особенныхъ оборотовъ. «Мысль бываетъ съ отзвукомъ, слово съ украшеніями», говорятъ якуты. Краснорѣчіе у якутовъ въ большомъ уваженіи; они любятъ также пѣсни, хотя хорошіе пѣвцы встрѣчаются не часто. Изъ пѣсенъ есть мужскія и женскія, героическія, любовныя, игривыя, описательныя, шаманскія и т. д. Нѣкоторые пѣвцы производятъ сильное впечатлѣніе: «поетъ, словно сердце изъ груди вынимаетъ». Былины (олонго) повѣствуютъ о приключеніяхъ древнихъ богатырей (богатыръ, батыръ); ихъ имѣется нѣсколько видовъ.

Шаманство и теперь еще играетъ видную роль у якутовъ, несмотря на ихъ офиціальное христіанство. Шаманы—это люди, способные сноситься съ духами, узнавать волю ихъ и при посредствѣ ихъ отгадывать, лѣчить, предсказывать. Обыкновенно это люди нервные, истеричные, «способные видѣть и слышать то,

чего не видятъ и не слышатъ другіе». Въ фигурѣ ихъ, по словамъ Сѣрошевскаго, есть нѣчто особенное; въ лицѣ видна энергія; особенно характеренъ тусклый блескъ глазъ, способныхъ принимать выраженіе безумія. Хотя камланье требуетъ вообще большой энергіи и должно сильно утомлять, однако настоящіе шаманы не могутъ безъ него обходиться и болѣютъ, когда долго не шаманятъ. По ихъ убѣжденію, у каждаго изъ нихъ есть духъ-покровитель «эмэгять»; это обыкновенно душа жившаго ранѣе шамана; чрезъ посредство нея шаманъ видитъ невидимое и слышитъ неслышимое. Кромѣ того, есть еще «іе-кыла» — «звѣриный образъ», «волшебный духъ», «дьявольскій пожиратель». Смотря по тому, какой образъ имѣетъ «іе-кыла», есть шаманы собачьи, волчьи, лосиные, орлиные, вороньи. Если появляется новый шаманъ, то прочіе шаманы будто бы узнаютъ объ этомъ по появленію новой іе-кылы. Пріобрѣтеніе этихъ духовъ не зависитъ отъ воли шамана. Смотря по силѣ эмэгять, шаманы могутъ быть послѣдніе, средніе и великіе; великій шаманъ—это тотъ, духъ котораго ниспосылается самимъ Улутоёномъ (высшимъ божествомъ); это — могущественные чародѣи. Встрѣчаются среди шамановъ и фокусники, которые могутъ глотать палку, ѣсть горячіе уголья и стекло, выплевывать монеты изо рта, прокалывать себя насквозь. Но великій шаманъ этимъ обыкновенно не занимается, онъ не хвастается ничѣмъ, но въ немъ чувствуется сознаніе внутренней силы.

Аттрибутами шамана служатъ особый костюмъ и бубенъ съ колотушкой. Костюмъ представляетъ собою кафтанъ изъ коровьей кожи, надѣваемый на голое тѣло. Спереди кафтанъ дѣлается короткій, сзади длинный; на немъ нашитъ рядъ бахромы изъ рóвдуги (замши оленьей) съ погремушками и желѣзками, имѣющими символическое значеніе. Тутъ и изображенія солнца, и рыбъ, и звѣрей, и птицъ, и даже частей человѣческаго скелета. Есть и изображеніе прорѣзное, желѣзное или мѣдное, человѣка (эмэгять). Затѣмъ нашиты еще висячія желѣзныя трубочки, пластинки, шеркунцы, шарики, издающіе при быстрыхъ движеніяхъ тѣла звонъ и лязгъ. Другіе шаманы, напр. нѣкоторые тунгузскіе, гольдскіе, надѣваютъ еще особую шапку (иногда съ изображеніемъ птицы и т. п.), но якутскіе остаются обыкновенно съ непокрытой головой. Бубенъ «тунгюръ» имѣетъ яйцевидную, рѣже круглую форму; ободъ его дѣлается изъ дерева киль; внутри обода протянуты накрестъ ремни, и утвержденъ деревянный крестъ; на бубенъ также навѣшиваются погремушки и бубенчики. Въ бубенъ ударяютъ колотушкой, сдѣланной изъ дерева и обтянутой кожей [1]). Бубенъ необходимъ только для «большого» камланья; при «маломъ» шаманъ обходится безъ костюма и бубна; въ рукахъ онъ держитъ тогда кнутъ или вѣтку. При камланьѣ обыкновенно присутствуетъ еще помощникъ «кутуруксутъ»; онъ одѣваетъ шамана, сушитъ у огня бубенъ и во время камланья какъ бы ободряетъ шамана криками «сёбъ» «кирдикъ», «гоо-оо» и т. п.

Всего чаще къ услугамъ шамана прибѣгаютъ при лѣченіи болѣзней, особенно «якутскихъ»—истерики, пляски св. Витта, сумасшествія, также женскихъ болѣзней — безплодія, половой немощи, родильной горячки, затѣмъ — болѣзней

---

[1]) Костюмы, бубны съ ихъ описаніемъ и изображенія шамановъ, кромѣ здѣсь прилагаемыхъ, имѣются въ нѣкоторыхъ ученыхъ изданіяхъ, сдѣланныя по фотографіямъ или рисункамъ, напр. въ „Запискахъ Пріамурск. отдѣла И. Р. Г. О.“, т. I, в. 2 (*П. Шимкевичъ*, Матеріалы для изуч. шаманства у гольдовъ); въ „Записк. Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. по этнографіи“, т. II, в. 1—2, подробное описаніе бубновъ въ ст. *Клеменца* и др. съ якутскими текстами камланья; въ „Трудахъ Томскаго О-ва Естествоиспытат.“, т. I (*Н. Катановъ*. Бубенъ и колотушка шамана по описанію минусинск. татаръ); въ „Записк. Общ. изуч. Амур. Кр.“ II (1893); въ соч. *W. Radloff*. Aus Sibirien Leipz. 1884, B. I—II (тексты), и др.

Прим. Ред.

сердца, печени, желудка, воспаленія легкихъ, тифа, головныхъ болей, ломоты, ранъ. Но чахотка признается неизлѣчимой, и камланье можетъ только ослабить страданія больного. Шаманы отказываются лѣчить оспу, корь, скарлатину, сифилисъ, проказу, поносъ. Болѣзни приписываются злымъ духамъ — «ёръ», и при лѣченіи шаманъ долженъ запугать этихъ духовъ или задобрить ихъ.

Внѣшнія формы камланья, по описанію Сѣрошевскаго, довольно однообразны. Обыкновенно оно происходитъ вечеромъ, въ сумеркахъ, послѣ ужина. Собираются въ юртѣ, гдѣ горитъ огонь въ чувалѣ (каминѣ), и садятся кругомъ на скамьяхъ, мужчины на одной сторонѣ, женщины на другой. Шаманъ сидитъ отдѣльно, что-то бормочетъ, иногда икаетъ, дрожитъ; глаза его опущены внизъ или устремлены въ огонь. Двери юрты запираютъ; люди говорятъ между собою

Камланье надъ больною у амурскихъ гиляковъ (по Шренку).

шопотомъ, огонь постепенно гаснетъ. Подождавъ нѣкоторое время, шаманъ снимаетъ рубаху, надѣваетъ костюмъ, садится на бѣлую кобылью кожу. Онъ долго куритъ и глотаетъ дымъ; икота его становится громче, дрожь сильнѣе; лицо его блѣдно, глаза полузакрыты. Наконецъ онъ выпиваетъ воды, выходитъ, кланяется на всѣ четыре стороны. Огонь тушатъ; въ полутьмѣ еле видна черная фигура шамана. Скоро наступаетъ совершенная тьма; въ юртѣ мертвенная тишина. Вдругъ раздается рѣзкій, какъ лязгъ желѣза, зѣвокъ, и вслѣдъ затѣмъ, откуда-то изъ глубины юрты доносятся четкіе и пронзительные птичьи голоса, то — сокола, то жалобный плачъ чайки. Наступаетъ опять тишина, а затѣмъ начинается легкая дрожь бубна, какъ комариное жужжанье. Эта дробь усиливается, растетъ, какъ шумъ приближающейся бури. По ней пробѣгаютъ зигзагами окрики: каркаютъ вороны, смѣются гагары, жалуются чайки, посвистываютъ кулики, клекочутъ орлы. Удары бубна сливаются въ гулъ, колоколь-

чики, погремушки, бубенчики гремятъ и звенятъ... Вдругъ все обрывается; бубенъ падаетъ на колѣни шамана, наступаетъ снова тишина. Затѣмъ опять начинается жужжанье, дробь, и т. д.; пріемъ этотъ повторяется нѣсколько разъ, пока наконецъ темпъ ударовъ измѣняется, получается нѣкоторая его правильность, и тогда раздаются отрывочные звуки мрачной пѣсни:

Мощный быкъ земли! Конь степной!
Волшебный быкъ земли! Заговори!
Степной конь, явись!.. Научи меня!
Мощный тоёнъ!... Приказывай!

Шаманъ обращается къ помощи эмэгять. Когда она сойдетъ, шаманъ начинаетъ подпрыгивать, топтаться, тогда бросаютъ поспѣшно лучину въ огонь.

Якутскій шаманъ (манекенъ Дашковскаго Этногр. музея).

Вспыхиваетъ яркій свѣтъ, и начинается пляска шамана, съ пѣніемъ, ударами бубна, шумомъ,—родъ трепака, но мрачнаго. Волоса у шамана растрепаны, ротъ искривленъ, зубы оскалены, изо рта текутъ слюни, пѣна; онъ кружится, его движенія то затихаютъ, то усиливаются. Онъ высоко поднимаетъ бубенъ, поетъ гимнъ, заклинаетъ духовъ. Узнавъ, что ему нужно, шаманъ отправляется

къ больному, произноситъ новыя заклинанія, выплевываетъ или сдуваетъ съ ладони болѣзнь, гонитъ ее пинками. Наконецъ объявляетъ, какая нужна жертва для умилостивленія. Иной изъ шамановъ, говоритъ Сѣрошевскій, такъ мастерски располагаетъ свѣтъ и темноту, тишину и заклинанія, модуляціи голоса его такъ

Якутскій шаманъ по фот. А. Курочкина.
(Изъ собр. Дашковск. Этногр. Музея, въ Москвѣ).

гибки, жесты такъ своеобразны и выразительны, удары въ бубенъ и тонъ ихъ такъ соотвѣтствуютъ моменту, и все это перевито такой оригинальной лентой неожиданныхъ словъ, остроумныхъ загадокъ, художественныхъ, часто изящныхъ метафоръ, что невольно поддаешься прелести созерцанія этого дикаго, свободнаго творчества дикой, свободной души.

Д. Анучинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Пѣсни якутскихъ казаковъ.

1. Скопинъ Шуйскій.

Скопинѣ-то родна матушка говаривала,—да
Виноградье красно-зеленое,—да *).
— Ты не ѣзди, Скопина, въ каменну Москву;
Не кумися ты съ дочерью Малютовою,
Не крести ты сына Скурлатова.
Не послушался Скопина родной матери,
Поѣхалъ-то Скопина въ каменну Москву,
Покумился да съ дочерью Малютиной,
Окрестилъ сына Скурлатова,
Познакомился съ купцами Богородскими,
Набралъ товару богородскаго.
— Я чего-то кумъ сижу, къ кумѣ въ гости пейду?
Выходилъ-то Скопина на красно крыльцо,
Тутъ садился Скопина на добра коня,
Поѣхалъ-то Скопина въ каменну Москву.
— Я чего кума сижу, ку́ма не потчую?
Подходила-то къ шкафу бѣлозубчатому,
Вынимала-то чару въ полтора ведра.
Что чара-то была зелена вина,
По краямъ-то чары зміи сидять,
Посреди-то чары ключи шипять.
Принималъ-то Скопина единой рукой,
Выпилъ-то Скопина единымъ духомъ.
Его буйная головка покатилася,
Его бѣлыя руки опустилися,
Его рѣзвыя ноги подломилися,—да,
Виноградье красно-зеленое.

2. Стенька Разинъ.

На зарѣ было, братцы, на зоренькѣ,
На всходимомъ было краснóмъ солнышкѣ.
Высокошенько солнышко восхóдило,
Широкошенько рѣчка разливалася,

*) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Съ берегами рѣчка поровнялася.
По прозванію-то рѣчка была Кіевка.
Что по этой рѣчкѣ плыла лодочка.
Хорошо была лодка разукрашена:
Носъ, корма были въ лодкѣ подзолочены,
Чернымъ бархатомъ была лодка обколочена.
На срединѣ-то лодки лежитъ золота казна,
На казнѣ-то сидитъ красна дѣвица,
На носу-то стоитъ эсаулъ съ ружьемъ,
На кормѣ-то сидитъ атаманъ съ копьемъ...

3. Черный воронъ.

(Гибель молодца на войнѣ).

Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею головой?
Ты добычи не добьешься,
Черный воронъ, я не твой!
Завяжу смертельну рану
Подареннымъ мнѣ платкомъ,
А потомъ я съ тобой стану
Говорить и объ родной.
Ты лети въ мою сторонку,
Скажи маменькѣ поклонъ,
Да скажи моей любезной,
Что женатъ я на другой.
Была свахой сабля вострая,
Обручала пуля насъ,
Калена стрѣла вѣнчала,
Въ этой битвѣ роковой.
Но ужъ поздно, смерть настала:
Черный воронъ, я вѣдь твой!

4. Что на дубѣ.

(Тюремная).

Что на дубѣ на высокомъ,
Надъ глубокою рѣкой,
Одинокій думу думалъ
Соколъ ясный, молодой.
— Что жъ ты, соколъ, что жъ ты, ясный,
Призадумавшись, сидишь,
На стороночку родную,
Соколъ ясный, не летишь?
Али скучно, али грустно
На родимыхъ сторонахъ?
Али нѣтъ тебѣ отрады
На родимыхъ островахъ?
Взвился соколъ, взвился ясный,
Къ синю морю полетѣлъ,
На стороночку родную
Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ.
На рѣкѣ-то было тихо,
Солнце красное взошло,
Что по этой тихой зыби
Тѣло сокола неслось.
Быстра рѣчка протекала,
Соколъ ясный потонулъ,
Знать судило, не воскреснетъ,
Соколъ ясный потонулъ.

5. Вечоръ добрый молодецъ.

(Про угрюмую жену.)

Вечоръ добрый молодецъ вдоль по улицѣ прошелъ
И любимую пѣсенку въ теремъ вѣстку подаетъ.
Горѣла бы дѣвичья воску ярого свѣча,
Широкія воротушки не запиривала,

Ксящатаго окошечка не защаркивала.
— Почто ты, добрый молодецъ, долго время не бывалъ?
— «Красна дѣвица, съ угрюмой женой распробранка была,
Журила-бранила тебя, радость, и меня».
— Я тебѣ, добрый молодецъ, говаривала:
Не бей (2), добрый молодецъ, угрюму свою жену.
Съ угрюмой твоей женой тебѣ вѣкъ вѣковать,
А со мною, красной дѣвицей, одну ночь ночевать,
Одну ночь ночевать, до бѣла свѣту не спать.

6. Почто, Ванюшка, не веселъ?

(Недоросточекъ.)

Почто, Ванюшка, не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ?
Черной шляпой прикрылся,
Горючьми слезьми облился,
Къ родной матушкѣ взмолился:
— Ахъ ты, мать моя родная,
На что много насъ родила,
Въ несчастливый день крестила,
Недоросточку женила!..

7. Свадебная.

Что по сѣнямъ, сѣнямъ новенькимъ,
Переходамъ частенькимъ,
Тутъ ходила, гуляла Пелагея Николаевна.
Она будила-побудивала своего друга милаго:
— Да ужъ ты встань—пробудись, милый другъ мой,
Отвязался добрый конь отъ столба дубовенькаго,
Отъ кольца серебрянаго, отъ другого подзолоченаго.
— «Ты не плачь, моя умница, не тужи, моя разумница,
Насъ Господь Богъ помилуетъ, государь-царь*) пожалуетъ.
Я куплю тебѣ зеленые сады,
Черну ягоду смородину, калину съ малиною».

(Нижне-Колымскъ).

8. Шуточная.

Ой, Сидоръ, Сидорокъ,
Тянетъ теплый вѣтерокъ.
Сидоръ ѣхалъ по нарядъ,
Уронилъ чужихъ собакъ.
Сидоръ ѣхалъ-то тепленько,
По дороженькѣ плавненько.
На Помажиномъ угорѣ
Развязалися оборы,
На Помажиномъ мысу
Тащилъ нарту на боку,
Торосину обнималъ,
Вмѣсто Дуки цаловалъ.
Торосина-то морозна,
Это время, вѣрно, поздно.
Ой, Дука, Дука, Дукасокъ,
Дука—сахарный песокъ.
Ой, Сидоръ, Сидорокъ,
Тянетъ теплый вѣтерокъ.

*) Иные поютъ болѣе по старинному: князь.

9. Скопческій распѣвъ.

(Составилъ и пѣлъ скопецъ Никита Умриловъ).

Счастливая моя доля,
Что досталось мнѣ страдать.
Свѣта батюшки лишился,
Отца своего прошу:
— Государь ты, мой отецъ,
Сдѣлай горюшку конецъ!
— «Дорогой ты мой сыночекъ,
Теперь дѣло за тобою.
Какъ ты жилъ, ты былъ малюткой,
Тебѣ писано страдать,
И во тюрьмахъ, и во нуждахъ,
И во клѣточкѣ сидѣть,
И на ручкахъ, и на ножкахъ
И—оковушки носить.—
Прошелъ голосъ во всю землю,
Что Сынъ Божій на землѣ,
А избранные родочки
Не хотятъ его познать.
Злые люди, фарисеи
По бокамъ его стоятъ.
А Сынъ Божій слезно плачетъ
И на крестъ онъ свой глядитъ,
Злыхъ іудеевъ увѣряетъ,
Хочетъ души ихъ спасти.
Это люди не такіе,
Объ нихъ нечего тужить,
Любовь Божію святую—
Объ ней надо дорожить.

II. Пѣсни якутовъ *).

1. Якутскія былины (олонго).

Эряйдях буруйдах эр соготог бара эбят
Мученикъ виновникъ мужчина одинокій былъ.
Дже бу киси туран дяхтяр кердю бардага усю
Ну, этотъ человѣкъ всталъ, жену сватать пошелъ, говорятъ.
Дже бу ыллатага усю ючюгяй аганнык
Ну, этотъ запѣлъ, говорятъ, хорошо, посредственно.
Астыйбыт астах Ар Тоён Агам парастый догор буоллун
Съ посѣдѣвшими волосами Большой Господинъ Отецъ, прощай, товарищъ, пусть будетъ.
Кюрансыйбыт астах кебяй Хотун Іем парастый буоллун
Съ сѣрыми волосами мѣстности Госпожа Мать, прощай, пусть будетъ.
Юрюлюян иппит юрюнг сюрюгюм парастый буоллун.
Бережливо воспитанный бѣлый бѣгунецъ, прощай, пусть будетъ.
Хорэлыен иппит сюрюгюм парастый буоллун
Тяжелымъ трудомъ воспитанный бѣгунецъ, прощай, пусть будетъ.
Бу баран минь киси буолан баран тяльгяхпяр
Вотъ пойду я, (если) человѣкомъ буду, пойду на постель
Сытар тенгняхпинь кердю бардым
Положить ровную себѣ искать пошелъ.
Хойтор сытар холоннохпун кердю бардым догор
За пазуху положить достойную искать пошелъ товарищъ.
Сахаттыер саган бара ду,
Объякутить ли предопредѣленіе есть,
Киси буолар кескиль бара ду
Человѣкомъ ли быть слово есть,

---

*) Вслѣдствіе неразборчивости рукописи и за неимѣніемъ лица, знающаго языкъ, не ручаемся за точность текстовъ.

Онтуер онгору бара ду
Обламутѣть ли судьба есть.
Елер ельнета бара ду,
Смерти ли область есть.
Бергяся быэтын сага бярди буолбатым дибинь,
Съ шапочный ремень очень хорошую не нашелъ, говорю,
Ютюлюи быэтын сага ютеню буолбатым дибинь,
Съ рукавичный ремень очень хорошую не нашелъ, говорю,
Кюстях уся кюстяхи кердю бардым.
Сильнѣе всѣхъ сильныхъ искать пошелъ.
Юсь хардагас масы оттоп кебистим
Три полѣна дровъ запаливши, оставилъ,
Онтукам келехпяр діери убаяргын кубулутума
Которыя до прихода моего пылайте неизмѣнно.
Тогус сюсехтях тяпг олгуйбар
Въ девяти-ярусномъ огромномъ котлѣ
Тогус сюесюню кюестянь кябистимь.
Девять скотинъ заваривши, оставилъ.

Эрейдях буруйдах эр соготог аяннан истягя ибит буоллага
Мученикъ виновникъ одинокій мужчина ѣдетъ, значитъ.
Агыс илилях сагалах даидытыттан арахсан аяннатага ибит буоллага.
Съ восьми пальцевъ воротничнаго мѣстожительства разлучившись, поѣхалъ, значитъ.
Арай ючюгяй агайдык буоллагына, аяннан истягя буоллага усю.
Ну, пусть хорошо будетъ, ѣдетъ, значитъ, говорятъ.
Тарыйбыт талагын кырыэта тюсюерь діери таба кесюнь
Снѣгъ, висѣвшій на тальникѣ, пока падаетъ отъ его прикосновенія.
Таглетага ибитъ буоллага.
10 верстъ оленьихъ проѣзжаетъ, значитъ.
Куруиг масы тарыйбыта тюгюрюччю кухурдага усю.
Если сухое дерево тронетъ, то стоя вертится и стонетъ, говорятъ.
Ючюгяй агайдык буоллагына.
Пусть хорошо будетъ.
Ёль масы тарыйбыта, югюрюлю юнгкюлятяга.
Если сырое дерево тронетъ, то въ кругъ танцуетъ.
Эмях масы ибили юктябитя эмяхсиппи эньнелеень халлага усю.
Гнилое дерево бывало, какъ старушка, подымаясь, стонетъ, говорятъ.
Ючюгяй агайдык буоллагына.
Пусть хорошо будетъ.
Ата буоллагына теребютюпянь кулун-сага буоллага усю.
Если о конѣ (его) сказать, онъ не больше родившагося жеребенка, значитъ, говорятъ
Бээте буоллагына бальчир ого сага буоллага усю.
Самъ онъ не больше преждевременно родившагося ребенка, значитъ, говорятъ.
Ючюгяй агайдык буоллагына.
Пусть хорошо будетъ.
Онтон кысын буолла діень биллягя усю.
Что настала зима, онъ узналъ по снѣжной метели, говорятъ.
Саин буолла діень сабаннан биллягя усю.

О наступившемъ лѣтѣ узналъ по дождливой погодѣ, значитъ, говорятъ.
Мантан туран кюсюнь булолла діень юсюпюнянь биллягя усю.
Послѣ наступившую осень узналъ по сблёкшей природѣ, значитъ, говорятъ.
Онтон туран агыс илилях сагалах андойдуга кирдягя усю,
Потомъ на восьминальцевую воротничную вселенную вступилъ, говорятъ,
Юрюлюян пипит юрюнг сюрюктях
Стараясь о бѣлизнѣ, воспитанной бѣлымъ теченіемъ,
Харалыэн пипит хан сюрюктях дойдуга кельлягя.
Жалѣя воспитанное кровное теченіемъ на мѣсто пріѣхалъ,
Тіэ берянь кельлягя ибит буоллага.
Достигъ, пріѣхалъ, значитъ.
Симинехи симян онгорбут сирьдях усю
Свинцомъ набивши, сдѣлали себѣ мѣсто, говорятъ.
Хорголлюню хомуран онгорбут хонулахтар ибит
Олово расплавляя, сдѣлали себѣ поле, значитъ.
Сыэны тянитянь онгорбут сэчика сысылахтар усю
Жиръ разливши, сдѣлали хорошее поле сѣнокоса, говорятъ.
Мантан туран алтаны арынгылан онгорбут
Послѣ этого мѣдь пластами сдѣлали,
Курдук аластахтар орохсуйбат оттох
Какъ чрезъ тѣнистую рощу въ травѣ тропинку нельзя протоптать,
Кыспат кылыстах
Срѣзать нельзя траву,
Сылгытыгар буоллагына кюня кегеря эльбэт усю.
Конному скоту если сказать, солнце блѣдностью померкло, говорятъ.
Ынагар буоллагына некытара эльлега ибит буоллага усю
Рогатому скоту если сказать, луна покраснѣвъ померкла, значитъ, говорятъ.
Онтон тоногос кыл быса торулан тахсыбыт,
Потомъ дятелъ прямо вверхъ вылетѣлъ.
Тогус илилях дулай маган дайдылахтар усю.
Девять пальцевъ въ окружности бѣлая мѣстность, говорятъ,
Ючюгяй агайдык кырынас-кыл быса пилаян тахсыбыт
Пусть хорошо будетъ. Горностай, утомившись, прямо перебѣжалъ.
Нилар хая сысылах усю
Какъ плоская скала у нихъ поле, говорятъ,
Барбыт барахтах, кельбят кегялях дойду усю
Съ неулетающими бекасами, съ неприлетающими кукушками поле, говорятъ,
Кыстыр кырдах дойду отут кесюнянь оен барбыт
Съ зимующими птицами поле ихъ на тридцать десятковъ верстъ раскинулось.
Унгор кёрбютя кыс джяхтар колючжатын кюнюгярь
За рѣку взглянулъ, какъ дочь женщина до красивыхъ дней,
Діери кемюсь туосъ ураса кюлюмнянь кесюнягя ибит буоллага,
Какъ золотая кора березы, стоитъ юрта, блестя, виднѣется, значитъ.
Маныэха туран тіэ берянь кельляга саты кесюнянь
Поэтому всталъ пошелъ и пришелъ, по 70 верстъ шагая.
Тапи барбат саплыэттах усюлярь,
Не перепрыгнешь черезъ заборъ ихъ двора, говорятъ.
Отут кесюнянь боюлах огородтах усюлярь

На 30 десятковъ огородную загородь имѣютъ, говорятъ.
Барбыты кытары багалы багаргатан кепсятяллярь,
Съ уѣзжающими по лягушачьи съ любовью разговариваютъ.
Бастынг тоён сергяляхтярь усю
Для коня большого барина имѣютъ коновязь, говорятъ.
Кельбити-барбыты кытары огусту орулан кепсятяллярь усю
Съ пріѣзжими, по-бычьи мыча, разговариваютъ.
Ортолу сергяляхтярь усю.
Для коня средняго барина имѣетъ средній столбъ, говорятъ.
Кельбити барбыты кегяли кегярдясань кепсятяллярь.
Съ пріѣзжими, по-кукушечьи кукуя, разговариваютъ,
Кюньдю сергяляхтярь усю.
Почетный столбъ имѣютъ, говорятъ.

Бу аяннан тійбитигярь симяксинь эмяхсинь.
Вотъ доѣхалъ къ старушкѣ, называемой клочкомъ гривы.
Хотон діекиттянь тимир джязь кюрджяги
Со стороны хлѣва съ желѣзной лопатой въ рукахъ,
Таянан баран ибит буоллага
Опираясь на лопату, идетъ, значитъ.
Савойпотын быэта саватын тасыэн,
Ремни отъ брюкъ бьютъ ее по голени,
Этярбесинь быэта кяннинь тасыэн истягя буоллага.
Ремни торбасовъ бьютъ ее по спинѣ, идетъ она, значитъ.
Юнномогюнь быэта ёрёгётюнь тасыйдага,
Ремень отъ рукавицъ бьетъ её по пупку,
Ерёгётюнь тасыйбыт усю,
Пупокъ то у ней отдулъ, говорятъ.
Кини діеки кердегя усю
Въ сторону пріѣхавшаго взглянула, говорятъ,
Рѣзнаннан эриличчи кердегё усю
Прямо и вкругъ его взглянула, говорятъ.
Ханынан ханта кердегё усю,
Кровью огораживая, взглянула, говорятъ,
Тынганнан тырыта кердегя усю,
Легкія она распорола и взглянула, говорятъ.
Иння гынан баран діэгя кетень тюстягя
Тамъ она сдѣлала и влетѣла въ домъ,
Ибит буоллага беэтя суох буолон
Значитъ такъ было, сама превратилась въ невидимку,
Ыт курдук діени бютяйди аньянн кёрдегя усю
Какъ собака, домъ вкругъ сталкивая, взошла, говорятъ.
Тимир дясь кюрдягинь тора туппут усю
Желѣзную плотную лопату поперекъ держитъ, говорятъ.
Эрень торбос тиритинь ласкына кебистягя усю.
Пестраго теленка шкуру съ шумомъ бросила, говорятъ.
Дебсятинь кебсеиммит ынах балбага,

Подстилку положила изъ коровьяго пазьма, (?)
Бергясетинь тюнгяри кеттягя усю.
Шапку дномъ вверхъ надѣла, говорятъ.
Пинягынан баран оюмазен кырэя олордога усю
Послѣ этого сѣла и шаманитъ во всю мочь, говорятъ.
Керехтянь атыны кердюм истехтянь атыны иситтим
Невиданное увидѣла, неслыханное услышала.
Догоро, юньняним тербясим сагаяча харахтах.
Друзья, уздечки моей кольца похожи по размѣру на его глаза.
Догоро, аттатаным кеметюнь сагачча кюстях.
Другъ, лошадки моей сила въ немъ находится.
Сырай бего ныltыллан сарынг беге дагдаян
Лицо безобразной величины, плечище какъ гора приподнято,
Кепось беге кеппеллен сото беге дерёллён
Корпусище какъ сугробъ, голенище какъ обхватное дерево,
Еттогон беге ербелльен, хары беге ханталлан.
Суставище какъ узлы, ручища какъ площадь.
Догоро, унгары гынным.
Другъ, чувствую близкій обморокъ.
Уранай кыстана урчахха ута кыранай кыса кытахха ныратэ.
Друзей потомки, чашку воды! Проклятая дочь въ тискахъ.
Харанай кыстана хамыяхха харда.
Чернаго потомки! ложку снѣга!
Унган тарас гына тюстягя буоллага усю.
Падаетъ въ обморокъ, значитъ, говорятъ.
Маны туран бай киси хамначиттара
При этомъ работники богатаго человѣка
Килерь халар харахтахтар
Съ разными глазами,
Очер мочер уолаттар оен тура эккирен
Худенькіе и тучные молодые люди, въ сторону вскочивши,
Тимир дязь кюрдягинь нилбы тардан баранпар
Желѣзную лопату ея выхватили у нея,
Сисинь ёсюнь быса аннян баранпар
Ей же этой лопатой пересѣкли спину,
Тасырдя бырахтахтара усю
Потомъ бросили на улицу, говорятъ.
Учугяй агайдык ибит буоллага
Пусть будетъ хорошо, значитъ.
Илинь бысагаса огопнер эмяксинь буолан баранпар
Передняя часть старухи сдѣлалась старикомъ и старухой.
Уос быльдясан угяххя тингипясянь кирдяхтяря усю
Губы отдувая, въ уголокъ съ шумомъ ушли, говорятъ,
Келин бысагаса икки огуча хотонг
Задняя часть старухи стала двумя бычками,
Дienки харса чичигрясян соллахтара усю.
Къ хлѣву, бодаясь, скорою поступью ушли, говорятъ.

2. Шаманскія заклинанія.

а) Вызовъ верхнихъ духовъ.

Хара беэбярь хараннагы эм бырдычын курдук ханчитабыт дёнум анарыэр кус ерюнь курдук сагантан тюспют дёнум адярай атастарым келлюнь доготторум сюрдях дюхюнняхтярим серюстюгясь дюхюнняхтярим ханнястыгас хайлыктахтарым тангнары саилан кулан берё саилан илинь еттюбярь усунь уху буоллбуттарым кулунг эрэ кялинь еттюбюттянь кырынникты тайбабыптарым хас кырыма хотун іелях Этим Тимир бегельлескё агалах этим.

Мнѣ черному, какъ въ вечернюю пору комары, попрошаи мои люди, какъ утки стаями, отцовскіе упавшіе мои люди, дураки друзья, вялые друзья, съ страшнымъ видомъ, съ завитымъ видомъ, съ затянутымъ затылкомъ, задомъ впередъ въ слои бѣлые—волкъ, въ слои впереди меня — длинное родство называемое жеребенкомъ, сзади меня — кривое на одинъ бокъ, работавшее крыльями, гусиный образъ. Хозяйка-госпожа—материнское мое тѣло желѣзный обручикъ—отцовское тѣло.

б) Вызовъ нижнихъ духовъ.

Аллара дойдум хотун дяхтар сютюгюнь
Нижнее мое мѣсто—хозяйка-Госпожа женщина-наперстокъ
Тонгутун курдук терден терт темеркей едянь ан.
Его пестрота, какъ сорокъ четыре маленькихъ кусочковъ, бѣда дверь (?).
Іем хаистаргын буоллар хаилыгынг хаинныи;
Мать, если обернешься, то пусть затылокъ твой расколется;
Эргяйдяргинь буоллар ерчягинг ибили бардын.
Если повернешься, то пусть суставы твои въ кроху уйдутъ.
Погайдыргын тоногохунг тосуннун
Если наклонишься, то пусть позвоночный твой столбъ сломится.
Санатаргын буоллар саназах беэн сахсылыннын.
Если подумаешь, то пусть умъ твой развѣется.
Едейдяргин буоллар ейдех беэнг ерюлюннюнь
Если поторопишься, то пусть умъ твой спутается.
Анара дойдунг хенькейдин бетяря дойдунг угюлюйдюнь
То мѣсто твое пусть расширится, это твое мѣсто пусть въ шутки обратится.
Ах чех ахтар буоларынгын ель дель ейдюрь булаягын.
То или другое смотри, не вспомни, хоть-кое что, смотри, не вспомяни.
Чугунг хобордог ангарым курдук юктяльлях бучука ангарым.
Чугунной сковороды половина, какъ слѣдъ барана въ половину.
Курдук хоптяльляхтях доидум.
Скалистое мое мѣсто.
Олоххар балыкпын айдардан неретянь кулун,
Рыбу на моемъ мѣстѣ перессорилъ сѣроватый жеребенокъ,
Эре хаханай балыкпын тангнары
Только окунь моя рыба внизъ головой.
Хабырытан кулун эрё.
Около жеребенка только.
Кырысым итчитя кыраса тур.
Проклятія моего господина проклиная, стой!

Нэнарым итчитя нэныса тур эрё.
Раздоръ моего господина учиняя, стой!

в) Шаманъ проклинаетъ духовъ.

Іе дойдунг игняри тартын,
Мать вселенной пусть опрокинувши утянетъ.
Ага дойдунг агынныи.
Отецъ вселенной пусть вспомянетъ.
Кут дойдунг кутуратын.
Тѣнь вселенной пусть преисполнится криками духовъ.
Бетяря дойдунг юлюйдюнь.
Ближняя вселенная пусть озябнетъ.
Аннара дойдунг кянкяйдинь.
Дальняя вселенная пусть расширится.
Санатаргын буоллар саналах беэнг сахсылыннын.
Подумаешь если, то умъ твой пусть смѣшается.
Ейдётёргюнь буоллар есюлюннюнь ейдех беэнг
Вспомянешь если, то ослабнетъ умъ твой.
Ханстаргын буоллар хайлыгынг хая бардын
Обернешься если, то затылокъ твой на двое уйдетъ.
Эрьгійдярьгинь буоллар эрьтяхтярингъ ибили бардын,
Повернешься если, пусть суставы твои въ крошки уйдутъ.
Кырысынг итчитя кыраса тур
Проклятія моего господинъ, проклиная, стой.
Танаганым итчитя таныса тур.
Старанія моего господинъ, стараясь, стой.
Нэнарым итчитя нэныса тур.
Придирчивости моей господинъ, придираясь, стой.
Атара ахсан туран олун уобсан туран.
Крупную рысь считай стоя, шаги подводи стоя.
Кунярь кутуругунг кётёгюллярнинь ингеринянь туран.
Теплоты хвоста поднятіе впитывай стоя.
Раз раз гын діен
Разъ—разъ пусть скажетъ (то есть, разъ разъ—и готово).
Ахсысан туранггын, керде керде діенгинь
Считаясь стой, ищи, ищи, говори,
Олбох холбох діенгинь,
Такъ и сякъ говори,
Джіе хара хан чугуруй, чугуруй.
Ну, черная-кровь, двигайся взадъ пятки.

г) Переводчикъ духовъ.

Мэрили мэрили минь торулу
Мэр уот хана хахай чохой

Мэреэчит хана миньторун
Албан торулу шаман дабдырына
Оу-оу-оу-оу-оу-оу-оу.

Кердех кебрюня саргылах састара. Деллох Янупгкай онтон буоллар. Усяги урюнг Ан Тоен агобыт огоннер уолар улах охтор мастах охто силик уойдуга кыйдан тюсяряриць сагана сынгаг этинь сылатын. Едясь этинь эряйдянь этярь тынар буолунг діень Ан Тоен тюхербитя эгильгялянь этярь буолунг діень эгинь эрекесь кылга эльбях тыли этянь тынан эрейдянярь эрейдяхтярбит кюрдюк хар кетюгюллютя кеттегя себирдях кегерютя оюлах уот мас. Итчитя ойню кюля керюлютюнь кюлян ойнен кереюбюнют буола кення кюндю курдук буолсу-ни.

Интересная штука, несчастныя лѣта. Счастливый Якутскъ послѣ того. Верхній бѣлый Господинъ Отецъ, старикъ съ высыхающей водой, съ падающими деревьями на среднемъ свѣтѣ (мѣстѣ), когда погонить вонъ мясо на челюсти, усталое мясо щекъ мучается, говорить, вздыхать сталъ Господинъ уронивъ, основательно говорить сталъ, разнымъ свирѣпымъ звѣрямъ слова говорить. Вздыхаешь и мучаешься, какъ мученики наши во время поднятія снѣга листки зелени пестрые деревья и сѣно. Господинъ игралъ смѣясь, веселился въ смѣхъ. Игрѣ его присматривались. Вышло послѣ, какъ угощеніе радушное должно бы быть

Ал уот Тоён эхем огоннер кысыл кытэстай урюнг кильбястяй. Агатыер ал уот Тоен эхем огоннер кере кулун кялинь тыса этярбястяхъ кулон кулун тыса сутурулах боронг куобах тиритя соннох согаяхтах. Ал уот Тоен эхем. Асы кяльбити атараннан тамнаха тур. Сы кельбити сиряхинянинь сирьдяхя турч эре. Ал уот Тоен эхем огоннер ити сургангтан яльгяххихтянь ити хойнгутан тагара бехер буолая гын.

Господинъ дѣдушка небесный огонь, красные тиски, бѣлая бѣлизна. Отцовскій господинъ дѣдушка небесный огонь, сѣраго жеребенка изъ заднихъ камысовъ въ торбозахъ, голубого жеребенка камусовъ въ наколѣнникахъ, сиваго зайца изъ шкуры въ шубѣ длинной. Господинъ дѣдушка, небесный огонь. Кто кушать пришелъ, съ тѣмъ скорой рысью бросаясь стой. Кто ѣсть пришелъ, съ тѣмъ призираясь стой. Господинъ дѣдушка небесный огонь. Изъ подъ теплаго одѣяла съ постели, изъ-подъ теплой пазухи смотри, не выпусти и не отдай.

3. Кумысовая пѣсня.

Огоннаным кытэна [1]) кирдя кытара уоллар
Дитятко пришло, краснѣя, убыло,
Маган кулун малахына
Бѣлаго жеребенка новоселье,
Улан кулун уйгута
Голубого жеребенка множество.
Керэ кулун кеситя
Сѣраго жеребенка гостинцы.
Огон паныш огото дибинь

[1]) Старинное, непонятное слово.

Дитятко-дитя, говорю.
Уйгу буя уйгу кэси
Богатое хлѣбосольство, богатые гостинцы.
Анхыт хотун эбебит діень телькелетяхтет
Создающая Госпожа бабушка говоря изображаетъ.
Сэрган мантан сылардын.
Продрогшій безъ пищи здѣсь пусть согрѣется.
Туорган мантан толоруйдун
Тощій отсюда пусть пополнѣетъ.
Бальчир мантан барагордын.
Маленькій отсюда пусть сдѣлается взрослымъ.
Аныгы терюрь ытчат деммор уйгу буяыг
Нынѣ имѣющимъ родиться молодымъ людямъ богатое хлѣбосольство.
Тулаяг убаха тулаяг огого
Сиротѣ жеребенку, сиротѣ дитяти
Тумо сетель кирбятинь деммит туомнатахпыт
Насморкъ, кашель пусть не входитъ, скажемъ приблизительно.

4. Русскіе такъ поютъ по-якутски.

(Нудчалар бурдуг ыллырлар сахалы:)

Сѣрь атпын миинярбинь сѣрей дарбар бар дарбын.
На рыжемъ конѣ верхомъ поѣхалъ бы къ рыженькимъ.
Боронг атпын миинярбинь мохой дарбар бар дарбын.
На сивомъ конѣ верхомъ поѣхалъ бы къ змѣевиднымъ.
Онтон боллагына:
Затѣмъ, погодя:
Кымыс тарын истярбинь.
Кумысу ихъ испить бы.
Кыргыт тирын кытары угуй дарбын.
Съ дѣвушками ихъ вмѣстѣ заснутъ бы.
Кыбык, кыбык селлярдярбинь
Трусь, трусь, рысцой!

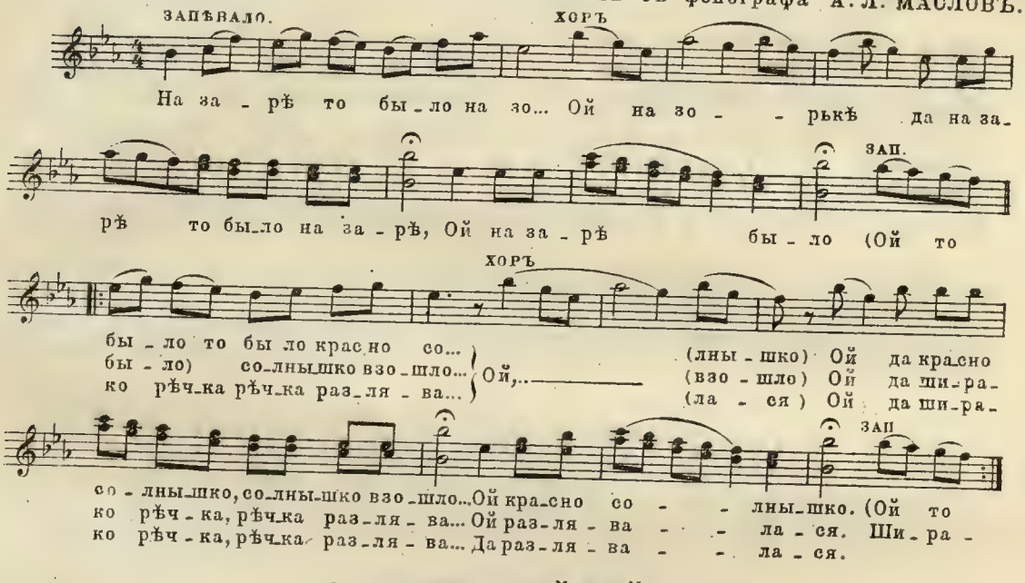
I. Пѣсни якутскихъ казаковъ.

1. СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

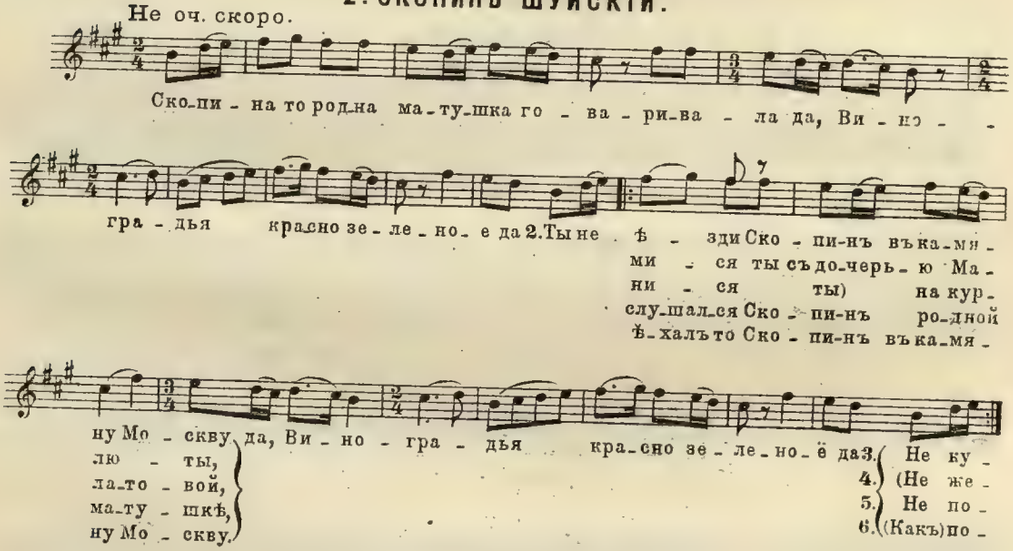
Прилож. къ статьѣ Д. Н. Анучина.

Дов. скоро.

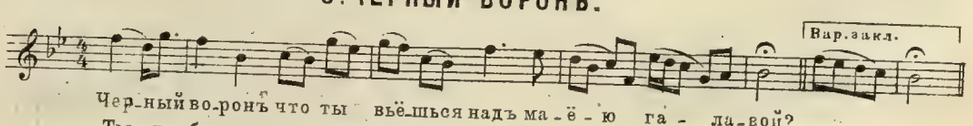
Записалъ съ фонографа А. Л. МАСЛОВЪ.



2. СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.



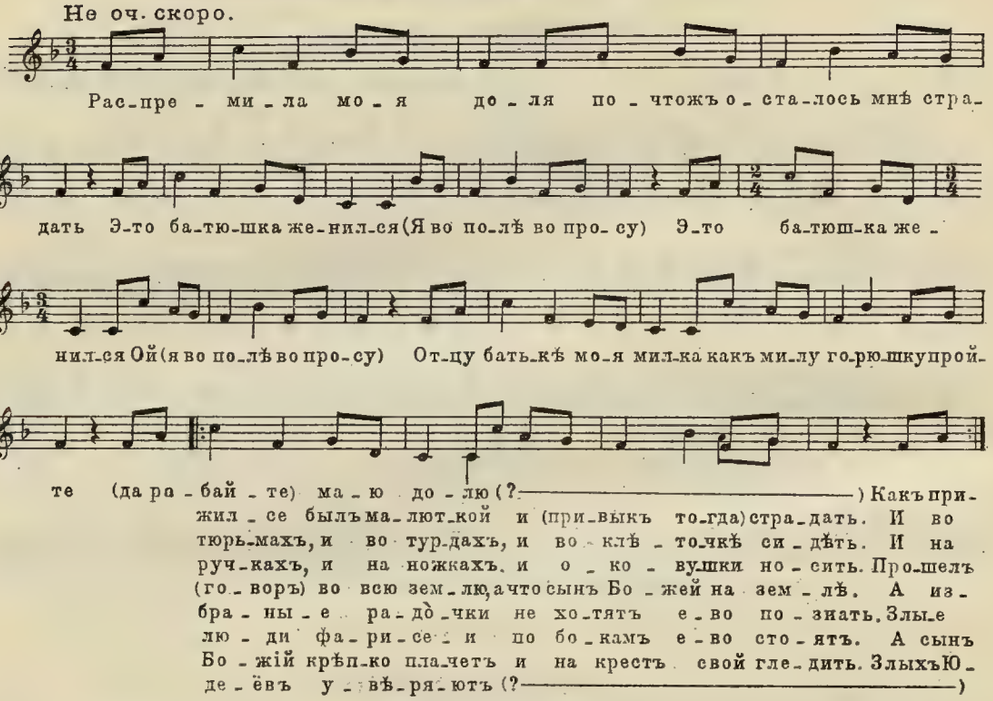
3. ЧЕРНЫЙ ВОРОНЪ.



Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

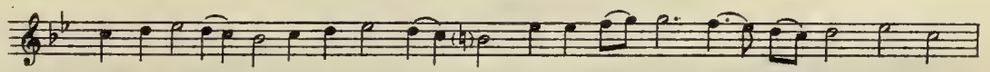
4. ТЮРЕМНАЯ.

Не оч. скоро.

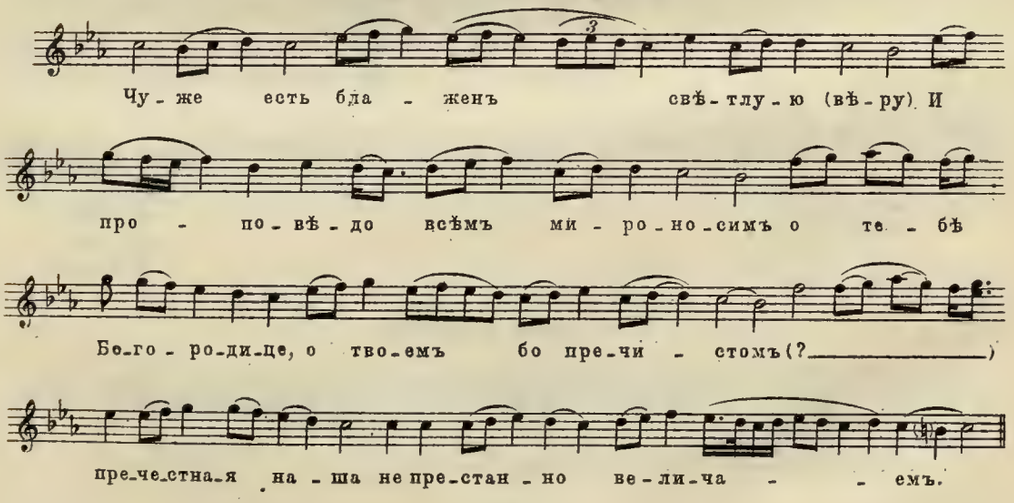


Духовныя.

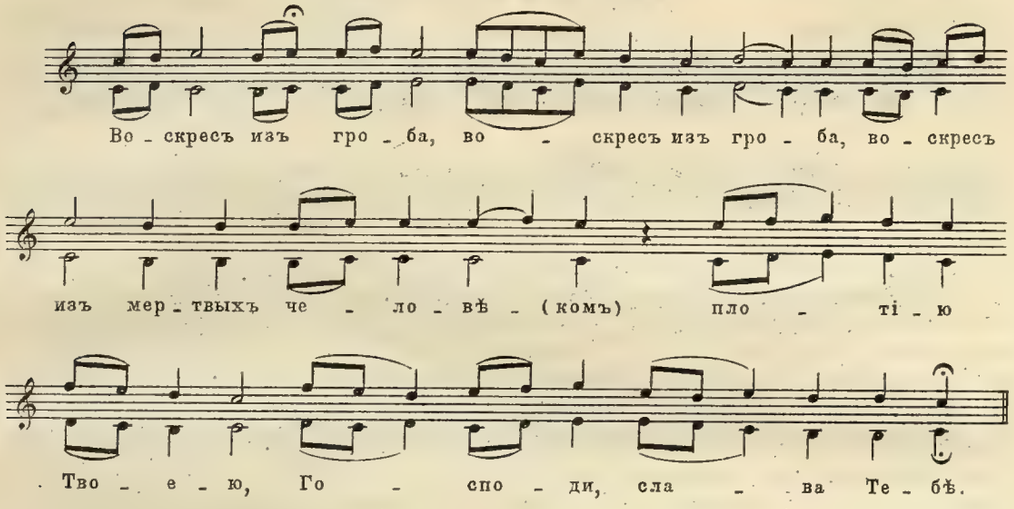
5. ВЪ ПЕЩИ ОГНЕННОЙ.



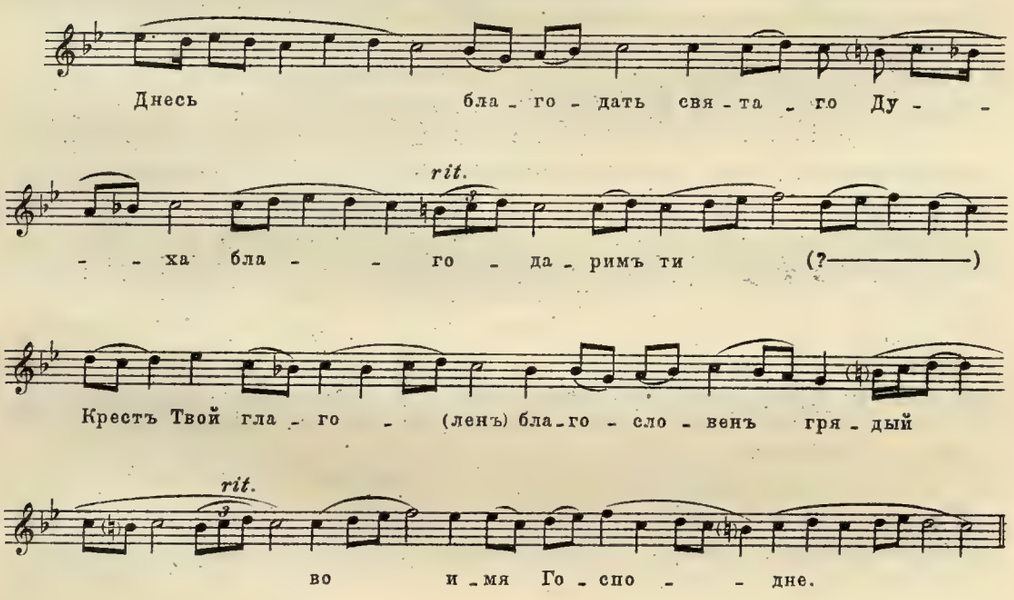
6. ЧУЖЕ ЕСТЬ БЛАЖЕНЪ.



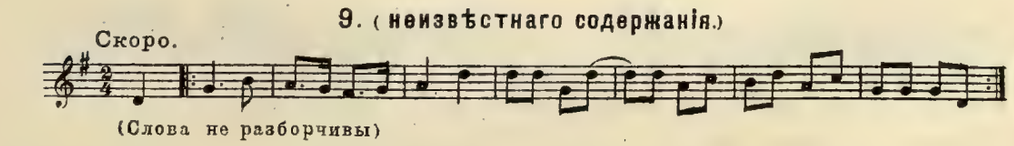
7. ВОСКРЕСЪ ИЗЪ ГРОБА.



8. ДНЕСЬ БЛАГОДАТЬ.



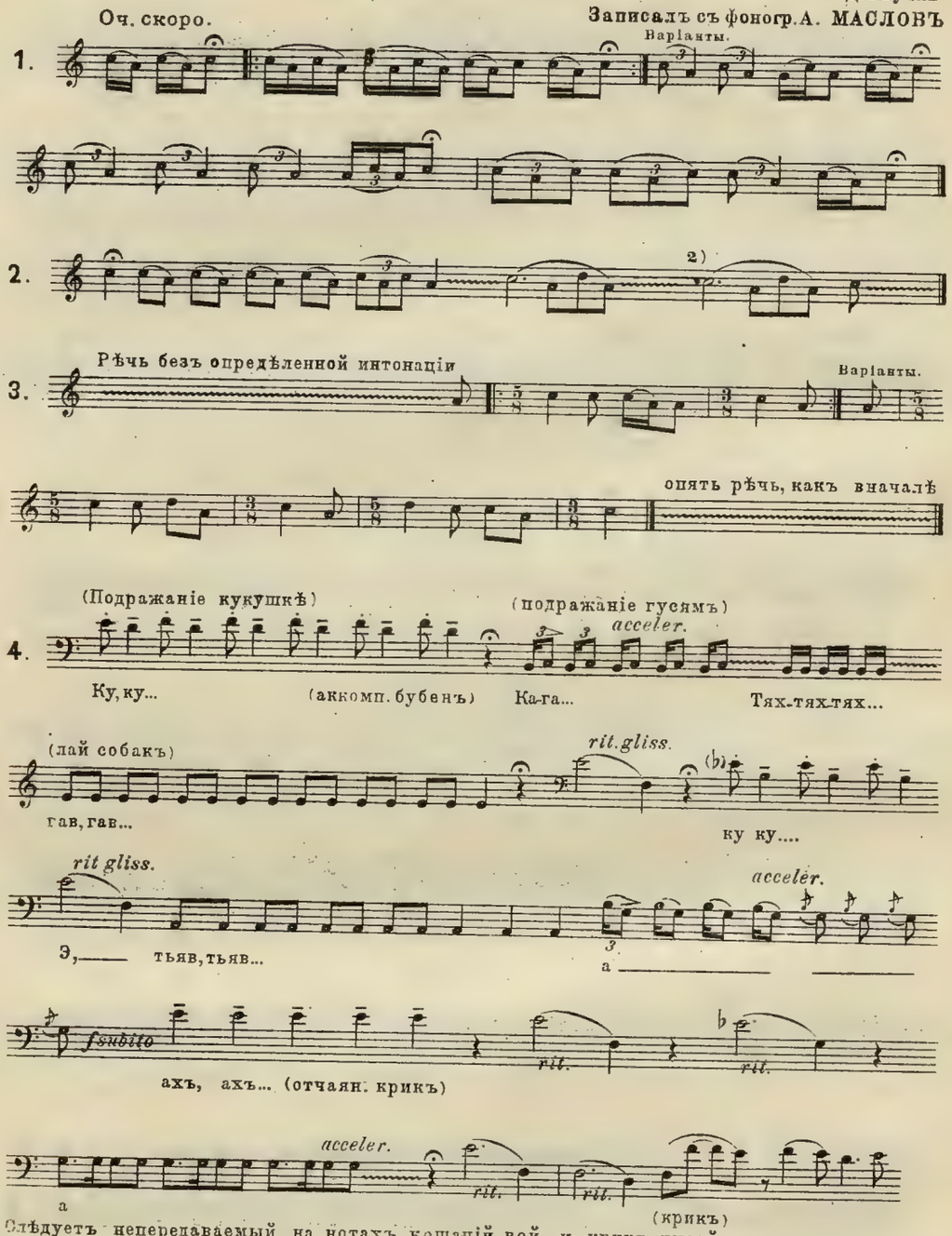
9. (неизвѣстнаго содержанія.)



II. Заклинанія „ОЛОНГО“ якутскихъ шамановъ.

Къ статьѣ Д. Анучина

Записалъ съ фоногр. А. МАСЛОВЪ



Слѣдуетъ непередаваемый на нотахъ кошачій вой, и крикъ гусей.

1) Первые три номера запис. отъ шамана Винокурова.

2) Эта нота До немного выше того, какъ она появляется вначалѣ, поэтому интервалъ между нимъ и слѣд. Ля приближается къ большой терціи. А. М.

Къ напѣвамъ якутскихъ пѣсенъ.

Изъ доставленныхъ мнѣ для перевода на ноты двѣнадцати валиковъ записей собственно якутскихъ (не русскихъ) напѣвовъ я могъ остановиться только на четырехъ, пригодныхъ для перевода на линейныя ноты, какъ содержащихъ въ себѣ до нѣкоторой степени мелодическій элементъ.

Взятые мною четыре напѣва представили большую трудность для перевода на ноты, несмотря на ограниченность звукоряда, лежащаго въ ихъ основѣ (терція—въ № 1 и кварта—въ №№ 2 и 3, исключеніе составляетъ № 4—представляющій звукоподражаніе птицамъ и животнымъ). Трудность перевода увеличивалась незнаніемъ языка, что и затрудняло разобраться какъ въ ритмикѣ, такъ и въ деталяхъ звуковыхъ послѣдованій и даже въ интонаціи; поэтому переводъ свой на ноты я могу считать только приблизительнымъ. Однако съ большой опредѣленностью мнѣ удалось установить форму пѣнія. Такъ, въ № 1 съ начала до конца повторяется все одинъ и тотъ же короткій напѣвъ, съ одинаковыми заключеніями съ ферматой, измѣняя лишь интонацію его, доходящую до подобія трели въ интервалъ терціи. «Олонго» № 2 почти весь состоитъ изъ трелеобразныхъ фигуръ, лишь въ двухъ мѣстахъ прерывается мелодической фигурой ($\overline{\overline{c}}$ $\bar{a}$ $\overline{\overline{d}}$ $\bar{a}$), имѣющей значеніе, по всей видимости, каденціи. «Олонго» № 3 нѣсколько болѣе мелодиченъ, чѣмъ два предыдущіе, и на нихъ не походитъ, потому что имѣетъ болѣе опредѣленную интонацію и даже характерную мелодію; № 4 собственно мелодическаго значенія не имѣетъ—какъ звукоподражаніе. Во всякомъ случаѣ, даже по имѣвшимся у меня подъ руками немногимъ якутскимъ напѣвамъ можно заключить съ большой долей вѣроятности, что мелодическое пѣніе якутъ стоитъ на низкой степени развитія и, быть-можетъ, переживаетъ только «эпоху кварты».

Пѣсни казаковъ интересны болѣе съ точки зрѣнія содержанія, чѣмъ музыки. Онѣ, конечно, занесены казаками на азіатскій сѣверо-востокъ изъ Евр. Россіи и тамъ получили нѣкоторую окраску, имъ несвойственную, хотя бы напр. это примѣненіе припѣва «виноградье» къ историческимъ пѣснямъ. Въ общемъ пѣсни свидѣтельствуютъ о бѣдности пѣсеннаго творчества среди якутскаго казачества.

А. Масловъ.

БЫЛИНЫ,

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ,

РИТМИЧЕСКІЙ И МЕЛОДИЧЕСКІЙ СКЛАДЪ.

Статья А. Л. МАСЛОВА.

Былины, ихъ происхожденіе, ритмическій и мелодическій складъ.

Памятники русскаго народнаго эпико-музыкальнаго творчества въ настоящее время сохранились у насъ кое-гдѣ на Дону, на Уралѣ, въ Сибири и преимущественно на крайнемъ Сѣверѣ подъ именемъ *старинъ*, къ которымъ относятъ былины, историческія пѣсни и нѣкоторые духовные стихи.

Особый музыкальный складъ и содержаніе выдѣляютъ былины въ отдѣльную группу народныхъ произведеній, имѣющую свои характерныя черты. Содержаніе былинъ по своему происхожденію относится къ различнымъ эпохамъ; изъ нихъ позднѣйшими, разумѣется, являются историческія пѣсни, въ основѣ своей имѣющія какой-нибудь опредѣленный мотивъ изъ русской исторіи, восходящій иногда даже къ прошлому столѣтію. Со времени же возникновенія основныхъ мотивовъ былинъ, главной фигурой которыхъ является князь Владиміръ и его богатыри, прошли многія столѣтія, и теперь эти произведенія мы встрѣчаемъ гдѣ-то на Сѣверѣ и въ другихъ уголкахъ, совершенно противоположныхъ южнорусской бытовой обстановкѣ, гдѣ, судя по именамъ главныхъ героевъ, нужно было бы предполагать зарожденіе былинъ. Тамъ, на югѣ, новые герои послѣднихъ столѣтій заставили забыть старыхъ, въ то время какъ сѣверянинъ, будучи удаленъ отъ центра русской государственной жизни, съ заселеніемъ новаго края, продолжалъ жить прежнею жизнью, перенеся туда свои обычаи, пѣсни, и въ послѣднихъ продолжалъ идеализировать своихъ прежнихъ героевъ, передавая свои пѣсни отъ поколѣнія къ поколѣнію. Новый край, однако, отразился на бытѣ переселенца, а бытовыя черты, въ свою очередь, должны были отразиться и въ старыхъ пѣсняхъ, вѣками принимавшихъ все новыя и новыя наслоенія, такъ что изслѣдователю теперь представляется много трудностей въ опредѣленіи степени этихъ наслоеній и въ опредѣленіи основы старыхъ эпическихъ произведеній, въ которыхъ смѣшались элементы миѳическіе, историческіе и бытовые.

Большинство позднѣйшихъ изслѣдователей полагаетъ, что въ основу русскаго былевого эпоса легли дѣйствительные факты изъ исторіи. Однако онъ не содержитъ въ себѣ повѣствованія о фактахъ дѣйствительной жизни историческихъ личностей, но представляетъ собою результатъ сложнаго историческаго процесса, гдѣ къ первоначальной исторической основѣ прибавлялись фантастическіе и романтическіе сюжеты, при чемъ въ созиданіи его различныя устныя и письменныя литературныя произведенія играли огромную роль. Пѣвцы старинъ не создавали своихъ сюжетовъ, но только прикрѣпляли ходячіе поэтическіе разсказы къ опредѣленной исторической обстановкѣ; эти разсказы, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ свою очередь, подверглись разнообразнымъ вліяніямъ, о степени которыхъ намъ приходится судить путемъ сравнительнаго изученія текстовъ и напѣвовъ, дошедшихъ до насъ въ очень позднихъ записяхъ, сдѣланныхъ почти

на нашихъ глазахъ. Наиболѣе старыя записи былинъ съ напѣвами относятся не далѣе какъ ко второй половинѣ XVIII вѣка (Кирша Даниловъ „Древн. Росс. Стихотворенія". Изд. И. П. Биб. СПБ 1901).

Относительно возникновенія былинъ существуютъ различныя мнѣнія ученыхъ. Буслаевъ, Аѳанасьевъ и О. Миллеръ (миѳологическая школа) возводили большую часть былинныхъ сюжетовъ и именъ къ доисторической эпохѣ сродства индо-европейскихъ преданій, а въ историческихъ именахъ видѣли позднѣйшія наслоенія. Л. Майковъ, Квашнинъ-Самаринъ (историческая школа), основываясь на былинныхъ именахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, принимали за время сложенія былинъ опредѣленный историческій періодъ, именно: X—XII вѣка, а установку ихъ—XIII—XIV вѣка. Новѣйшіе же изслѣдователи (Ждановъ, Веселовскій, Вс. Миллеръ, Халанскій, А. Марковъ), отмѣчая ряды переработокъ однихъ и тѣхъ же былинныхъ сюжетовъ, относятъ эти переработки къ разнымъ эпохамъ, находя въ современныхъ текстахъ преимущественно черты XII—XVII вѣковъ. „Ядро русскаго эпоса—говоритъ А. В. Марковъ [1])—возникло въ домосковскій періодъ русской исторіи въ XII—XIV вв., на что указываютъ основные факты содержанія былинъ: эпоха татарскаго владычества, преобладающее значеніе Кіева и Чернигова, Новгородская вольность, развитіе коллективнаго паломничества въ Іерусалимъ, представленіе Руси княжеской" и т. д. Такимъ образомъ, по мнѣнію А. В. Маркова, къ XII вѣку восходятъ былины о Садкѣ, о князѣ Романѣ и Дюкѣ, а къ XIII вѣку можно отнести былины съ героями—историческими лицами: Алешей Поповичемъ, Добрыней Рязанцемъ и Дунаемъ. Къ XIV вѣку относится возникновеніе былины о Щелканѣ Дудентьевичѣ и ко второй половинѣ того же вѣка—былины о Василіи Буслаевѣ. Для былинъ новгородскихъ предѣломъ сложенія является XV вѣкъ (время паденія Новгорода). Послѣ того вмѣсто былинъ возникаютъ историческія пѣсни: московскія, казацкія и другія, отличающіяся уже другимъ характеромъ, т.-е. мельче по объему и реальнѣе по содержанію, уже по идеямъ и не обладаютъ такимъ широкимъ поэтическимъ розмахомъ, какъ старыя былины. Что касается соотвѣтствія возникновенія литературнаго содержанія былинъ съ музыкальнымъ, т.-е. съ напѣвами, именно тѣми, которые у насъ сейчасъ распѣваются, то нужно замѣтить, что, хотя мелодическій анализъ и указываетъ на ихъ древній мелодическій складъ, дополненный позднѣйшими наслоеніями, положительно нельзя сказать, что тотъ или другой напѣвъ относится къ XII вѣку, тѣмъ болѣе, что напѣвы одной и той же былины изъ разныхъ мѣстностей часто совершенно различны по своему содержанію, такъ что приходится усумниться въ исконной традиціонности одновременно текста и напѣва. Изъ сравненія напѣвовъ старыхъ и позднѣйшихъ былинныхъ текстовъ можно замѣтить, что на одинъ и тотъ же напѣвъ поется былина XII вѣка и много позднѣйшая, напр., Дюкъ Степановичъ и Мастрюкъ Темрюкъ—по сборнику Кирши Данилова поются на одинъ и тотъ же напѣвъ (Прилож. № 1.). Подобныхъ примѣровъ, когда сказители употребляли излюбленный ими напѣвъ для многихъ старинъ, по содержанію ранняго и поздняго происхожденія (таковы типичные напѣвы №№ 2 и 3), можно привести много.

Относительно мѣста возникновенія былинъ мнѣнія изслѣдователей также раздѣляются. Одни предполагаютъ, что былины южно-русскаго происхожденія и первоначальная ихъ основа—южно-русская, и со временъ массоваго пере-

[1]) „Бѣломорскія былины". М. 1901.

селенія народа на Сѣверъ, перенесены туда, а на своей родинѣ забыты за животрепещущими событіями, вызвавшими новыя историческія пѣсни-думы. Другіе изслѣдователи считаютъ, что у каждаго народа былъ свой эпосъ—новгородскій, кіевскій, ростовскій, черниговскій и т. д. Центральное лицо былинъ князь Владиміръ, реформаторъ Руси, явился героической личностью для всѣхъ племенъ, и всѣ о немъ пѣли, при чемъ происходилъ обмѣнъ поэтическимъ матеріаломъ. Въ XIV—XV вв. Москва объединила эпосъ русскій, къ этому времени началъ выдѣляться кіевскій циклъ, затѣмъ отдѣлился новгородскій циклъ и нѣкоторыя отдѣльныя былины. По мнѣнію Халанскаго изъ Московскаго царства былины распространялись путемъ простой передачи, а не эмиграціей на Сѣверъ, которой не было (?!). Однако, сравнительное изслѣдованіе напѣвовъ сборника Кирши Данилова и напѣвовъ бѣломорскихъ и архангельскихъ былинъ показываетъ, что нѣкоторые напѣвы почти въ точности оказались сохранившимися въ позднѣйшихъ записяхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нельзя было бы предположить непосредственной записи мелодіи для сборника Кирши Данилова. (См. „Кирша Д. и его напѣвы“ статья А. Маслова въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1902 г.)

Хотя это и является исключительнымъ случаемъ традиціонности старинныхъ напѣвовъ, но эта традиціонность свидѣтельствуетъ не о простой передачѣ, а безусловно—передачѣ путемъ эмиграціи откуда-нибудь съ юга или юго-востока на Пинежскій край и Бѣлое море. Только при условіи эмиграціи и могли сохраниться напѣвы. Простая же передача могла сохранить въ былинѣ лишь ея содержаніе. Существованіе же особаго былиннаго склада стиха и напѣва свидѣтельствуетъ о передачѣ посредствомъ продолжительнаго знакомства съ этимъ стилемъ, въ который нужно вникнуть, чтобы передать его внутренній складъ.

Изученіе былиннаго склада въ настоящее время привело къ необходимости записыванія не только текстовъ, но и напѣвовъ старинъ. Сознаніе этого установилось только въ послѣднее время и уже сдѣланы большіе успѣхи въ дѣлѣ записыванія эпическихъ напѣвовъ. Приходится сильно сожалѣть, что изслѣдованіе народной музыки сильно запоздало противъ литературныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ музыкальная сторона многое могла бы намъ сказать.

Чѣмъ дальше отъ момента первоначальнаго созданія напѣва, тѣмъ оказывается болѣе и болѣе звуковыхъ наслоеній, и задача изслѣдователя—опредѣлить основные напѣвы является неизмѣримо болѣе трудной, чѣмъ опредѣлить основные сюжеты старинъ. Содержаніе старинъ по упоминанію въ нихъ географическихъ именъ, обнимающихъ громадное пространство почти всей Руси, показываетъ, что, не говоря уже про распространенность эпической пѣсни, мѣстомъ сложенія основныхъ мотивовъ текста были различные районы. Однако, разсмотрѣніе записи разныхъ старинъ указываетъ намъ на распространенность однихъ сюжетовъ повсюду, принимая во вниманіе мѣстности, гдѣ они пѣлись въ послѣднее время, а другихъ—только въ нѣкоторыхъ районахъ.

Къ первымъ относятся большинство позднѣйшихъ историческихъ пѣсенъ эпохи объединенной Руси и богатырскія былины, пользующіяся до сихъ поръ наибольшимъ распространеніемъ сравнительно съ княжескими былинами, встрѣчающимися въ ограниченныхъ районахъ, напримѣръ, былина о Вольгѣ и Микулѣ извѣстна только въ Олонецкой губ., о женѣ Романа Маріѣ Юрьевнѣ—извѣстна въ Архангельской губ., о Глѣбѣ Володьевичѣ—извѣстна только въ селѣ Золотицѣ Зимняго берега. Эти послѣднія пѣсни, точно такъ же, какъ позднѣйшія историческія пѣсни Малой Руси, возникшія совсѣмъ при особыхъ условіяхъ, очевидно,

не пользовались такой популярностью во всей Россіи, какъ эпосъ, бытовавшій въ средѣ дружинниковъ и объединившійся въ нѣчто цѣльное вокругъ Кіева и князя Владимира. Такимъ образомъ старины по происхожденію своему отличаются потому, возникли ли онѣ въ военно-дружинной средѣ или придворно-княжеской.

И тѣ и другія, въ соотвѣтствующихъ районахъ распѣваемыя народомъ, удовлетворяли его любознательность, вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли эстетическое наслажденіе размѣреннымъ сочетаніемъ слоговъ текста и послѣдовательными переходами тоновъ, словомъ, какъ кто-то выразился: „служили ему исторіей, литературой и музыкой“.

Эти эпическія пѣсни могли удовлетворять умственнымъ и эстетическимъ запросамъ народа, пока на него не обрушилась въ широкихъ размѣрахъ европейская культура, грамотность и отхожіе промыслы, разрушительно дѣйствующіе на сохраненіе эпоса. Собиратель былинъ Гильфердингъ свидѣтельствуетъ [1]), что иногда поющій былины, если заставить его пѣть съ разстановкою, вставлялъ между стихами комментаріи, которыя говорили о томъ, что пѣвецъ вполнѣ жилъ мыслью въ томъ мірѣ, который воспѣвалъ.

Географическое положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ и бытовыя условія Сѣвера Россіи способствовали поддержанію значенія народнаго эпоса для жителей этого края, и нѣкоторыя мѣста его по богатству и разнообразію оказавшагося въ нихъ эпическаго репертуара являются какъ бы центромъ былиннаго мѣстонахожденія. Наибольшее число сдѣлано записей на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ Кулойско-Мезѣньскомъ краѣ, въ Олонецкой губерніи, затѣмъ на Терскомъ берегу и въ Пинежскомъ краѣ (по теченію р. Пинеги). Наименьшее число записей старинъ падаетъ на остальные уголки Россіи, гдѣ сохранились еще въ изустной передачѣ памятники эпическаго творчества. Такимъ образомъ мы видимъ мѣстности, гдѣ былинная традиція процвѣтаетъ, и мѣстности, гдѣ она падаетъ, мельчаетъ и забывается. Признакомъ паденія эпической традиціи служитъ, прежде всего, краткость старины, затѣмъ—каждый пѣвецъ знаетъ одну-двѣ старины, рѣдко больше, и знаніе старинъ вращается больше среди женщинъ, если не исключительно среди нихъ. Наоборотъ, процвѣтаніе эпической традиціи характеризуется длиной старинъ, сложностью эпическихъ сюжетовъ, а поютъ ихъ не исключительно женщины, и каждый пѣвецъ знаетъ нѣсколько старинъ. Кромѣ этого, изъ сравнительнаго обзора напѣвовъ мы далѣе увидимъ, что паденіе эпической традиціи отражается и на мелодіи, приближающейся по своему строенію къ болѣе опредѣленно очерченнымъ ритмическимъ контурамъ.

Число сказителей и сказительницъ („старинщиковъ“ въ Кулойско-Мезеньскомъ краѣ) въ Архангельской губ. вообще очень велико; въ двухъ, напримѣръ, селахъ Зимняго берега насчитывается 11 сказителей и 13 сказительницъ, но, по словамъ одного стараго сказителя (Г. Л. Крюкова), въ с. Золотицѣ въ прежнее время сказителей было еще больше: „тогда только и забавы было, что послушать старины да побиться кулачнымъ боемъ“ [2]). Теперь же сказители вмѣстѣ съ своимъ репертуаромъ мало-по-малу исчезаютъ. Причины паденія былинной традиціи очевидны. Сами золотичане (Зимн. берегъ) обиліе старинъ по теченію рѣки Мезени объясняютъ рѣдкостью населенія и въ то же время большимъ числомъ мѣстъ для рыбной ловли и звѣробойнаго промысла, гдѣ промышляющимъ подолгу прихо-

---

[1]) Гильфердингъ, „Онежскія былины“, 1894. Изд. И. А. Н.

[2]) А. Марковъ, „Бѣломорскія былины“.

дится проводить время въ губахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи по берегу моря, или въ лѣсахъ. Для заучиванія длинной старины нуженъ досугъ, а у рабочаго человѣка досугъ на это оказывается только во время покойной или однообразной работы. Работа такая, какъ замѣтилъ Гильфердингъ („Онежск. былины"), была: ремесло сапожное, рукодѣлье, плетеніе сѣтей; у поморовъ работой, способствующей распространенію старинъ, была и рыбная ловля, когда сказываньемъ старинъ коротался долгое время сидѣнія на тоняхъ въ ожиданіи улова, или—охотничій промыселъ зимой, оставляющій также свободное время для пѣнія и передачи старинъ, когда охотники, обыкновенно по-двое, уходятъ въ лѣсъ и тамъ живутъ по недѣлямъ и болѣе въ избушкахъ.

Грамотность и отхожіе промыслы всюду сильно пошатнули былинную традицію. Дѣйствительно, грамотность отвлекаетъ вниманіе отъ несложныхъ эпическихъ памятниковъ старины, а безъ вѣры въ чудесное—говоритъ Гильфердингъ [1])—невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью „эпическая поэзія", и съ распространеніемъ грамотности начинаетъ теряться вѣра въ преданіе, благодаря чему до сихъ поръ въ старинахъ удержалась такая масса древнихъ, непонятныхъ народу словъ и оборотовъ и удержались бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина теперь.

Въ старину на Сѣверѣ школъ не было, и почти единственными проводниками грамотности были скиты, теперь разоренные. Въ этихъ скитахъ учились нѣкоторые изъ современныхъ бѣломорскихъ сказительницъ, которыя заимствовали тамъ кое-что изъ эпическаго репертуара. А. В. Марковъ („Бѣлом. былины") сообщаетъ, что въ скиту Онуфріевскомъ пѣли много духовныхъ стиховъ, между прочимъ записанный имъ о Голубиной книгѣ (№ 53 изъ „Бѣлом. былинъ"), считаемый за старину. Одна учившаяся тамъ старуха, среди рукописей которой А. В. Марковъ нашелъ нѣсколько стиховъ, а также старину объ осадѣ Соловецкаго монастыря (№ 90 изъ „Бѣлом. былинъ"), писанную около 1814 г. [2]), говорила, что въ кельяхъ пѣли и про кн. Владимира. Въ то время какъ грамотность, проводимая школами, заставляетъ помора скептически относиться къ старинным повѣствованіямъ, а болѣе интересоваться новыми формами поэтическаго творчества, въ то же время отхожіе промыслы, вынуждая ихъ искать заработка на сторонѣ, вслѣдствіе упадка экономическаго благосостоянія въ насиженныхъ мѣстахъ, поглощаютъ досугъ, необходимый для передачи и процвѣтанія эпоса; наконецъ, на отхожихъ промыслахъ сѣверянинъ сталкивается съ различными пришлыми людьми (бурлаками), знакомится съ культурой центровъ, ихъ жизнью, которая начинаетъ до него доходить теперь непосредственно, тогда какъ раньше эта жизнь доходила очень медленно, да и при настоящемъ положеніи еще много различій въ жизни свободнаго помора и крестьянина остальной Руси, а животрепещущія событія послѣдняго не столь интересуютъ и волнуютъ перваго, для него непонятенъ лозунгъ „земли и воли".

---

[1]) „Онежскія былины".

[2]) Напѣвы, какъ Голубиной книги, такъ и Осады Солов. монастыря приводятся ниже въ Приложеніи №№ 35 и 36. Сравнивъ напѣвъ этой старины и Голубиной книги съ напѣвами другихъ старинъ, пѣтыхъ той же сказительницей, мы принуждены будемъ заключить, что или всѣ ея старины имѣли тотъ же первоисточникъ, или что стихъ о Голубиной книгѣ перенятъ только по содержанію, а напѣвъ принятъ другой, свойственный вообще сказительницѣ Крюковой, хотя напѣву упомянутыхъ двухъ стиховъ и придалъ характеръ духовнаго стиха (особенно замѣтный въ окончаніи).

Все сказанное нами объ эпической традиціи Архангельской губ. нужно отнести и къ другимъ краямъ, болѣе или совсѣмъ бѣднымъ въ отношеніи репертуара былинъ [1]). Кромѣ Архангельской губ., наибольшее число былинъ записано въ недавнее время въ Олонецкой губ., и немногія записи сдѣланы въ Сибири, въ поволжьи, на Уралѣ, въ Донской области и въ Смоленской губерніи. Былины послѣднихъ трехъ районовъ уже не представляютъ того богатства эпическихъ образовъ, богатства содержанія, а имѣютъ характеръ по своему складу скорѣе лирической пѣсни.

Нѣтъ сомнѣнія, что былинная традиція въ этихъ мѣстахъ пала, заглушаемая болѣе близкими народу событіями и народными героями, послужившими сюжетами для новой исторической пѣсни-думы. Хотя собиратель пѣсенъ въ Донской области А. М. Листопадовъ и старается разбить установившееся мнѣніе о сохраненіи былевого эпоса только на сѣверѣ Россіи, записанными имъ болѣе чѣмъ 50-тью былинами, тѣмъ не менѣе паденіе на Дону былинной традиціи остается въ силѣ, подтвержденіемъ того можетъ служить его же слѣдующее наблюденіе:

„Нерѣдки въ старину, по разсказамъ, были на Дону, и теперь еще *кое-гдѣ* можно встрѣтить такія патріархальныя семейства, въ которыхъ, какъ по традиціи, передаются старинныя пѣсни изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ къ сыновьямъ и внукамъ. Въ долгіе зимніе и осенніе вечера свободная отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ сходится вся семья по окончаніи разныхъ хозяйственныхъ хлопотъ въ одну комнату, и тутъ открывается своеобразная пѣсенная школа, гдѣ учитель, какой-нибудь сѣдой, какъ лунь, старикъ послѣ разсказовъ о своихъ былыхъ военныхъ походахъ и подвигахъ затягиваетъ старинушку и ведетъ, ведетъ ее долгимъ, за душу хватающимъ мотивомъ. Внимательно вслушивается молодежь въ дѣдовскую пѣсню, схватываетъ быстро родной напѣвъ нераздѣльно со словами и начинаетъ подтягивать.

И дѣдъ еще болѣе увлекается, видя, что молодое поколѣніе съ сочувствіемъ слушаетъ его старческое пѣніе о былыхъ далекихъ временахъ, о князѣ Владимирѣ, Добрынюшкѣ, о любимыхъ герояхъ, о славныхъ схваткахъ съ турчиномъ, али злымъ черкесиномъ... Заплачетъ дѣдъ, какъ-будто самъ онъ былъ тамъ, гдѣ бились, рубились предки, кончитъ пѣсню, и начинается разсказъ, уясняющій подробности, непонятныя внукамъ“ [2])...

На Дону для пѣвцовъ старинъ не сохранилось особаго названія, какъ на Сѣверѣ, и это уже свидѣтельствуетъ объ упадкѣ былинной традиціи въ этомъ краѣ. Хотя сѣверные пѣвцы былинъ и не представляютъ собою профессіональной касты, однако, прозванія ихъ позволяютъ предположить существованіе до нихъ пѣвцовъ-профессіоналовъ, которые обладали, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, частью репертуара современныхъ сказителей. Иначе нельзя было бы объяснить происхожденіе названій *сказитель*, *старинщикъ*, которые теперь спеціально занимаются тѣмъ же, что и всѣ ихъ односельчане, но знаніе старинъ крестьяниномъ считается у нихъ особой талантливостью и образованностью, соединенныхъ съ хорошей памятью и творческой фантазіей; отсюда неудивительно то уваженіе

---

[1]) Большое количество записей былинъ въ сборникѣ Кирши Данилова я отношу къ Архангельско-Уральскому району, на основаніи мелодическаго анализа напѣвовъ (см. мою статью „Кирша Даниловъ и его напѣвы“ въ „Рус. Муз. Газ.“ за 1902 г.).

[2]) А. Листопадовъ: „Донская казачья пѣсня“, статья напечатана въ газ. „Донск. Рѣчь“ за 1907 г. № 198.

крестьянъ къ сказителямъ, доставляющимъ посредствомъ сказыванія нараспѣвъ старинъ эстетическое наслажденіе однимъ и удовлетворяющимъ наивную любознательность другихъ своихъ односельчанъ. Такимъ образомъ отдѣльной профессіи сказителей, снискивавшей себѣ своимъ искусствомъ пропитаніе, теперь нѣтъ и не имѣется указаній на это даже въ записанныхъ текстахъ, если не считать каликъ, обладающихъ наименѣе скуднымъ былиннымъ репертуаромъ.

Расположеніе народа къ сказителямъ, очевидно, перенесено ими и на гусляровъ, пѣвцовъ и скомороховъ въ распѣваемыхъ старинахъ. Еще болѣе того—сказители выказываютъ почтеніе къ самому содержанію старинъ. Сказительница А. М. Крюкова (с. Зимняя Золотица) прямо говорила, что проклятъ будетъ тотъ, кто позволитъ себѣ прибавить или убавить что-нибудь въ содержаніи старинъ. Однако сказители, передавая свой репертуаръ болѣе талантливымъ изъ молодежи, незамѣтно для себя присоединяли ходячіе поэтическіе разсказы къ опредѣленной эпической обстановкѣ, которые мало-по-малу подвергались различнымъ, главнымъ образомъ, бытовымъ вліяніямъ. Особенно должны были подвергаться, несмотря на святость традиціи, измѣненіямъ тѣ подробности въ описаніи, которыя сильно противорѣчили пониманію сказителя, въ то время какъ каждое слово онъ пытался объяснить тѣмъ или инымъ путемъ по своему разумѣнію. Такимъ образомъ, архангельскія былины сохранили въ себѣ слѣды бытовыхъ особенностей населенія края, не мало способствовавшихъ тому, что эпическія пѣсни тамъ не сошли еще на степень мертвыхъ обломковъ прошлаго, и населеніе не утратило интереса къ старинамъ и уваженія къ пѣвцамъ ихъ. Личность пѣвца играетъ огромную роль въ творческой перерабогкѣ ихъ; такъ, на старинахъ, зашедшихъ съ юга, видна сильная печать сѣверной переработки примѣнительно къ мѣстной обстановкѣ и интересамъ; бытовыя черты, характеръ и профессія сказителя также всюду отражаются на эпическомъ творчествѣ, напримѣръ, у сказителя-калики—его ремесло, набожность и т. п. Изустный способъ передачи эпическаго репертуара отъ одного лица другому былъ, по всей вѣроятности, случайный, т.-е. кому изъ молодежи легче удавалось перенять, и при всемъ строгомъ отношеніи сказителя къ тексту неминуемы были измѣненія въ содержаніи, не говоря уже о напѣвѣ старины. Обративъ вниманіе на урочное время для пѣнія старинъ, мы можемъ судить о техническихъ пріемахъ передачи былинъ младшему поколѣнію. А. Д. Григорьевъ въ обширномъ предисловіи къ „Архангельскимъ былинамъ“ (М. 1904. Изд. И. А. Н.) пишетъ, что одни говорятъ—старины раньше пѣлись въ Великій постъ, другіе говорятъ—на вахтѣ въ морѣ, когда приходилось стоять безъ дѣла, крестьяне и обучалидругъдруга старинамъ. Наконецъ, старины пѣлись на бесѣдахъ и на удбищахъ наваги. Одна его сказительница выучила свои старины частью у матери, частью на вечеринкахъ. Говорили, что одинъ крестьянинъ пѣлъ свои старины по просьбѣ съѣхавшихся на помолъ. Сказитель Г. Л. Крюковъ изъ села З. Золотицы („Бѣломорск. былины“, собр. А. В. Марковымъ) выучилъ въ молодости нѣкоторыя былины въ Койдѣ, Мезеньскаго уѣзда, гдѣ былъ покрученникомъ у другого крестьянина. Молодая золотицкая сказительница М. Ф. Крюкова нѣкоторыя старины переняла отъ мезеньскихъ же каликъ.

Кромѣ всего этого предполагаютъ, что разсадниками эпоса были скиты, поморы учились въ молодости грамотѣ.гдѣ ?

Словомъ, досужаго времени и удобныхъ случаевъ для перенятія старинъ было много: родители, родственники, односельчане, калики и скиты; въ послѣднихъ, быть-можетъ, вращались и рукописи старинъ.

Въ Поморьѣ и на Терскомъ берегу на русскій народный эпосъ оказываютъ свое вліяніе раскольники, чѣмъ объясняются нѣкоторыя подробности въ былинахъ, составленныя въ раскольничьемъ духѣ. Одна сказительница, у которой записывалъ А. Д. Григорьевъ, въ раскольническомъ Петрозерскомъ скиту выучила стихи; она говорила, что тамъ имъ учатъ. Одинъ старый нищій съ рѣки Уфтюги (притокъ С. Двины) разсказывалъ Григорьеву, что тамъ бывало соберутся 3—4 старообрядца и поютъ вмѣстѣ про Илью Муромца и о Есафѣ Царевичѣ.

Роль каликъ въ передачѣ и храненіи эпическаго творчества, надо полагать, играетъ различную роль. А. Д. Григорьеву приходилось записывать старины отъ крестьянокъ, занимающихся каличествомъ. Каргопольскіе калики также пѣли старины, но представляющія собою отрывочные сюжеты; однако, въ содержаніи передаваемыхъ ими старинъ выражали свои идеалы, что видно изъ былины о сорока каликахъ, ставшей уже наполовину духовнымъ стихомъ, на что указываетъ внѣшній пріемъ зачала „А изъ пустыни было Ефимьевы“ и т. д., приклееннаго къ чисто богатырскому элементу этой былины. Съ другой стороны калики должны были способствовать распространенію среди народа ходячихъ сюжетовъ, которые попадали къ сказителямъ и перерабатывались въ болѣе цѣльныя эпическія произведенія.

При изслѣдованіи нашего народнаго эпоса невольно вниманіе обращается на старины съ шутливымъ содержаніемъ или особымъ мелодикоречитативнымъ складомъ напѣва, каковы „шутова старина“, или небылицы: Терентій мужъ, Усища, Кострюкъ и другія. Среди позднѣйшихъ изслѣдователей существуетъ мнѣніе, что эти старины должны были составлять преимущественно репертуаръ древнихъ скомороховъ. Что нѣкоторыя изъ этихъ старинъ вращались среди скомороховъ, на это прямо указываетъ содержаніе ихъ, напр., Кострюкъ, Небылица и Усища,—изъ нихъ видно желаніе пѣвца внушить уваженіе къ людямъ, которые вовсе не пользовались особымъ уваженіемъ. Кто иной могъ высказывать это уваженіе, какъ не сами скоморохи — веселые люди, которые были, быть-можетъ, любимы народомъ, но до уваженія было далеко, когда тѣ подчасъ оказывались не чисты на руку. Отъ скомороховъ, надо полагать, и попалъ вышеупомянутый репертуаръ къ теперешнимъ сказителямъ. Сообщаемый г. Григорьевымъ („Арханг. былины“) фактъ существованія въ д. Шотогоркѣ, Пинежскаго уѣзда, нѣсколькихъ крестьянскихъ семействъ съ фамиліей Скомороховыхъ не указываетъ ли на то, что по рѣкѣ Пинегѣ когда-то жили скоморохи и въ такія глухія окраины могли скрываться во время гоненій на нихъ въ XVI—XVII вв. Другой фактъ, говорящій за вліяніе скомороховъ на старины, это—напѣвы пинежскихъ старинъ почти всѣ речитативнаго характера, чего нельзя сказать про напѣвы, собранные въ другихъ районахъ, гдѣ такіе напѣвы встрѣчаются рѣдко, при чемъ напѣвъ Кострюка, почти вездѣ одного и того же речитативнаго характера, указываетъ и на повсемѣстное вліяніе скомороховъ въ этомъ отношеніи, т.-е. если и не сохранялись точно напѣвы для скоморошьихъ старинъ, то, по крайней мѣрѣ, выдерживались въ характерѣ. Присутствіе традиціонныхъ прибаутокъ въ старинахъ указываетъ также на среду профессіональныхъ пѣвцовъ-скомороховъ, съ исчезновеніемъ которыхъ старины перешли къ обыкновеннымъ крестьянамъ и развѣ только Пинежскій край принялъ скоморошій репертуаръ непосредственно.

Въ прежнее время веселые люди—умѣльцы раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ по способу доставляемыхъ народу удовольствій. Нѣкоторые изъ умѣль-

цевъ назывались скоморохами и сказочниками (бáхари), особенно любимыми народомъ. Какъ сказывали бахари—ничего неизвѣстно. Быть-можетъ, репертуаръ скомороховъ, съ ихъ исчезновеніемъ, сдѣлался достояніемъ простыхъ крестьянъ и, утративъ прежде соединенное съ пѣніемъ лицедѣйство, принялъ болѣе величавый характеръ, соотвѣтствующій сѣверянину, а исполнители старинъ свое прозвище „сказатели“ приняли не отъ скомороховъ, а отъ болѣе уважаемыхъ сказочниковъ, т.-е. сказателей сказокъ.

Эпическій репертуаръ очень обширенъ; наибольшимъ богатствомъ въ этомъ отношеніи отличается Зимній берегъ Бѣлаго моря и Кулойско-Мезеньскій край, затѣмъ Терскій берегъ.

Репертуаръ этихъ краевъ представляетъ много сюжетовъ неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ. Вообще, каждый край обладаетъ сюжетами, извѣстными въ одномъ и неизвѣстными въ другомъ краѣ. Въ одномъ краю поются почти только богатырскія старины, въ другомъ—довольно сильно распространены и историческія пѣсни.

Для того или другого репертуара встрѣчаются сказители слѣдующихъ типовъ: одни при пѣніи слѣдятъ за общимъ строемъ былины и личностью главнаго ея героя, другіе болѣе останавливаются на различныхъ подробностяхъ сюжета, оставляя главное лицо былины въ сторонѣ.

Затѣмъ одни сказители строго соблюдаютъ разъ принятый размѣръ стиха и размѣръ его частей (періодовъ), другіе не всегда соблюдаютъ его, особенно замѣтно это у наиболѣе старыхъ пѣвцовъ, когда при передачѣ былинъ память имъ измѣняла или когда пѣвецъ запѣвалъ старину несвойственнымъ ей напѣвомъ. Собирателями народнаго творчества замѣчено, что при записываніи текстовъ народныхъ пѣсенъ съ говора и съ пѣнія получалась большая разница, одна и та же пѣсня, переданная съ говора, теряетъ свой ритмъ, придаваемый ей напѣвомъ. Какой бы ни былъ напѣвъ, онъ не позволяетъ сильно уклоняться отъ разъ принятаго размѣра безъ искаженія напѣва. Сказитель, начинающій сказывать былину не нараспѣвъ, часто уклоняется не только отъ размѣра, но и отъ основной нити разсказа, вдаваясь въ описаніе подробностей и поясненія. Между тѣмъ какъ ритмическое и мелодическое сочетаніе тоновъ даетъ возможность легче усвоить и оставить въ памяти цѣльность содержанія длинной былины. Это одинъ изъ главныхъ элементовъ, связующихъ напѣвъ былинъ съ ихъ текстомъ. Теперь является вопросъ: какъ и когда возникла эта связь текста съ напѣвомъ, точно также, когда зародился самый напѣвъ? Е. А. Ляцкій въ очеркѣ „Сказитель И. Т. Рябининъ“ („Этнограф. Обозр.“ 1895 г.) сообщаетъ, что Рябининъ обыкновенно одну половину былины пѣлъ, а другую „сказывалъ“. Въ то же время передаетъ слухъ, что будто Рябининъ выучился пересказывать былины въ бытность свою въ Петербургѣ и сомнѣвается въ справедливости этого послѣдняго мнѣнія. На основаніи свидѣтельствъ, что такимъ умѣньемъ обладали многіе, если не всѣ наши рапсоды, г. Ляцкій дѣлаетъ предположеніе, что не былъ ли подобный пересказъ первобытной формой былиннаго изложенія, формой которая только впослѣдствіи стала передаваться нараспѣвъ. Однако, предположеніе это не имѣетъ достаточнаго основанія; я лично слышалъ многихъ бѣломорскихъ сказителей, которые цѣликомъ пропѣвали старины. А. Д. Григорьевъ („Архапг. былины“) даже записалъ фонографомъ *начало и конецъ* былинныхъ напѣвовъ. Случай пересказа былины не повторился, за исключеніемъ, когда самъ сказитель сознавался, что запамятовалъ напѣвъ. Если былины о богатыряхъ составились изъ ходячихъ по-

вѣствованій, нѣтъ сомнѣнія, что до того времени онѣ разсказывались и, разъ старина начала группироваться въ нѣчто цѣлое, ритмически размѣренное, въ стихотворную форму,—одновременно съ ней появился напѣвъ. Напѣву предшествовала стадія устнаго разсказа, передаваемаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, затѣмъ разсказъ принималъ все болѣе и болѣе музыкальный ритмъ и, наконецъ, отливался въ стихотворную форму, на что наводятъ былины старой записи, въ которыхъ описательныя мѣста стали укладываться въ форму стиха [1]). Такъ возникаетъ напѣвъ всякой пѣсни: сначала запоминается содержаніе; импровизируя на данный текстъ, пѣвецъ, благодаря напѣву, укладываетъ постепенно въ ритмическія рамки текстъ, превращающійся, наконецъ, въ стихотворную форму.

Похоронныя и свадебныя причитанія по своей музыкальной формѣ близко подходятъ къ былиннымъ напѣвамъ, а вѣдь мелодія причитаній, по всей вѣроятности, явилась результатомъ эмоцій, вслѣдствіе непосредственнаго участія органовъ чувствъ, поэтому охватившее душу волненіе по поводу какой-либо утраты рефлективно разражалось вопросами, сѣтованіями на судьбу, вмѣстѣ съ тѣмъ интонація дѣлалась все болѣе и болѣе гибкой и привела въ концѣ-концовъ слова—къ опредѣленнымъ ритмическимъ сочетаніямъ, а интонацію—къ опредѣленнымъ звукамъ регистра человѣческаго голоса, такимъ образомъ, выработанный напѣвъ уже началъ управлять ритмической стороной текста, насколько возможно его себѣ подчиняя. Итакъ, ритмическій элементъ играетъ большую роль какъ для исполнителя, такъ и для слушателя, укладывая текстъ въ опредѣленныя удобопонятныя рамки, гдѣ къ стихотворному размѣру присоединяется еще музыкальное впечатлѣніе, т.-е. чувство удовольствія отъ сочетанія звуковъ.

Большинство изслѣдователей указываетъ на то обстоятельство, что былевой эпосъ процвѣтаетъ у лицъ, занимающихся промысломъ или ремесломъ. Исходя изъ того мнѣнія, что работа оказывается источникомъ и носителемъ первобытной поэзіи, по теоріи К. Бюхера, [2]) нужно бы предположить, что ритмическій элементъ и сама мелодія возникли отъ того движенія тѣла, которое сопровождаетъ работу, а ритмически расчлененныя рабочія движенія сообщили рѣчи законъ своего чередованія. У нашихъ сказителей работой, вызвавшей соотвѣтствующую мѣрную и плавную мелодію, могло быть, напримѣръ, вязаніе сѣтей и тому подобная работа, незанимающая человѣческій умъ, и которая могла способствовать возникновенію эпической мелодіи, имѣющей отношеніе къ однообразному труду какъ пріятное времяпрепровожденіе.

На первый взглядъ кажется, что въ русской пѣснѣ музыкальный ритмъ, въ отличіе отъ стихотворнаго, имѣетъ свою собственную, чисто музыкальную природу, на самомъ же дѣлѣ возникновеніе напѣва и измѣненіе стиха пѣсни, когда она передается говоркомъ, убѣждаютъ насъ въ недѣлимости ритмическаго элемента текста и напѣва. К. Бюхеръ [3]) признаетъ, что *первоначально* музыка и поэзія никогда не выступаютъ отдѣльно другъ отъ друга: поэзія есть вмѣстѣ и пѣсня. Слѣдовательно, ритмъ разсматриваемыхъ нами былинъ нельзя считать созданнымъ простымъ наблюденіемъ свойствъ языка, измѣненіемъ слоговъ по ихъ длинѣ и краткости или чередованіемъ ударенія. Оставивъ въ сторонѣ трудно разрѣшимый вопросъ о природѣ ритма былинъ, перейдемъ непосредственно къ анализу, такъ сказать, внѣшней стороны этого ритма.

---

[1]) Русск. былины старой и новой записи подъ ред. Н. С. Тихонравова В. Ѳ. Миллера. М. 1894.

[2]) К. Бюхеръ. „Работа и ритмъ“, изд. О. Поповой. СПБ.

[3]) К. Бюхеръ. „Работа и ритмъ“.

Природа музыкальнаго стиха въ русской народной поэзіи заключается въ симметріи, облегчающей воспріятіе памятью содержанія. Высота, сила и продолжительность звука, соотвѣтствующія тексту, способствуютъ его запоминанію. Необходимость же постояннаго опредѣленія продолжительности звуковъ основана на природѣ музыкальнаго искусства, требующаго извѣстнаго промежутка времени для воспріятія отдѣльныхъ частей пьесы, затѣмъ уже ея въ цѣломъ.

Теорія музыкальнаго и поэтическаго ритма была выработана очень давно въ Греціи, гдѣ поэзія и музыка шли рука объ руку, такъ что элементы метрики впервые были разрабатываемы въ связи съ вопросами гармоники и ритмики, и исходная точка ученія заключалась въ единствѣ ритмическихъ началъ музыки и поэзіи. Съ теченіемъ времени сознаніе этого единства мало-по-малу утратилось, и въ основаніе ученія о метрическихъ формахъ александрійскіе ученые начали полагать исключительно изученіе однихъ текстовъ, независимо отъ ихъ музыкальной стороны. И русское народное стихосложеніе изучалось также по текстамъ, записаннымъ безъ напѣва, но дѣло въ томъ, что метрика современная существенно отличается отъ метрики древнихъ. Отсутствіе квантитативности (долготы и краткости звуковъ, свойственной языкамъ древне-греческому, латинскому и санскритскому), а вмѣсто того только наличность чередованія ударяемыхъ и неударяемыхъ частицъ словъ русской рѣчи свидѣтельствуютъ о подтасовкѣ ея къ греческой теоріи. Въ русскомъ народномъ стихосложеніи отсутствуетъ стопное построеніе. Самой мелкой ритмической единицей, какъ я намѣренъ далѣе указать, является *ритмическій періодъ* съ однимъ удареніемъ въ каждомъ изъ нихъ.

Ритмическіе періоды русской пѣсни, еще не подпавшей подъ вліяніе стиха книжнаго, не могутъ дѣлиться на стопы, т.-е. недѣлимыя ритмическія единицы съ опредѣленнымъ расположеніемъ долгихъ и краткихъ или даже ударяемыхъ и неударяемыхъ частей стиха, потому что въ русской рѣчи долготы и краткости звуковъ нѣтъ, а ударяемые слоги пришлись уже на начала ритмическихъ періодовъ. Такимъ образомъ ритмическіе періоды суть главныя ритмическія единицы въ народномъ стихѣ, которые, соединяясь между собою, образуютъ *строку* или *стихъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальный мотивъ, имѣющій одно главное логическое удареніе и нѣсколько второстепенныхъ.

Въ виду того, что только въ самое недавнее время спохватились записывать произведенія русскаго народнаго поэтическаго творчества вмѣстѣ съ напѣвами, записей вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ науки оказывается весьма мало, поэтому изслѣдователю къ положительнымъ выводамъ еще прійти нельзя, тѣмъ не менѣе ничто не мѣшаетъ намъ попытаться разобраться въ нѣкоторыхъ техническихъ пріемахъ этого творчества. Самыя лучшія записи напѣвовъ старинъ (именно посредствомъ фонографа), до сихъ поръ вышедшія въ печати это—нѣсколько былинъ, пѣтыхъ Рябининымъ („Этногр. Обозр.“ 1895 г.) и Пинежскія былины, записанныя А. Д. Григорьевымъ („Арханг. былины“ 1904 г.), а также печатающіяся въ Трудахъ Муз.—Этнографической Комиссіи фонографическія записи старинъ Архангельской губ., сдѣланныя въ 1901 г. мною и А. В. Марковымъ [1]) и нѣкоторые другіе достовѣрные матеріалы, на которые намъ придется преимущественно опираться, какъ на наиболѣе точные. Многіе изслѣдователи, не имѣя подъ рукой достаточнаго музыкальнаго матеріала или вовсе его игно-

[1]) Часть этихъ матеріаловъ напечатана въ I т. Трудовъ М.—Э. Комиссіи, другая—печатается во II-мъ томѣ.

рируя, пытались объяснить законы русскаго народнаго стихотворнаго склада и не разъ поэтому приходили къ ошибочнымъ выводамъ. Однимъ изъ первыхъ русскому стихосложенію далъ нѣкоторое опредѣленіе А. Востоковъ [1]), раздѣлявшій стихи не на стопы и на слоги, а на просодическіе періоды, т.-е. считая логическія ударенія, по которымъ и измѣрялъ стихи русскихъ пѣсенъ; въ стихѣ онъ опредѣлялъ просодическихъ ударенiй отъ одного до четырехъ. Стихи русскихъ пѣсенъ Востоковъ дѣлилъ на лирическіе и эпическіе, главное свойство тѣхъ и другихъ видѣлъ въ равночисленности ударенiй съ тѣмъ различіемъ, что пѣсенные стихи по большей части *равносложны*, имѣютъ порядокъ ударенiй *неизмѣняющійся* и бываютъ *правильные* или, лучше сказать, *одномѣрные* повѣствовательныхъ, *будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ*.

Что народная пѣсня сочинялась *подъ ладъ къ музыкѣ* не отрицали и позднѣйшіе ученые. Р. Вестфаль, обратившій особенное вниманіе на связь напѣва съ текстомъ, говорилъ [2]): „легко замѣтить, что ритмическія ударенія напѣва плохо (?) согласуются съ грамматическими ударенiями текста“. Затѣмъ, примѣняя греческую теорію къ русскому народному стихосложенію, Вестфаль говорилъ, что объемъ стопы и ея частей не опредѣляется количественностью слоговъ, ритмическія ударенія стопы и колѣна не стоятъ ни въ какой связи со слоговыми... Оба ритмическіе момента, продолжительность и ритмическое ударенiе, зависятъ не исключительно отъ напѣва, къ которому *прилаживаются слова текста*. Акад. Ѳ. Е. Коршъ говоритъ [3]), что въ народномъ стихосложеніи ритмическія ударенія совпадаютъ съ прозаическими и связаны съ послѣдними органически, и что для правильнаго пониманія народнаго размѣра необходимо знаніе соотвѣтствующаго напѣва.

Изъ всѣхъ этихъ, хотя до нѣкоторой степени и противорѣчивыхъ мнѣній, явствуетъ прежде всего то, что народную пѣсню не всегда можно записывать съ говора и что потеря ударенiй, присвоенныхъ музыкой, разстраиваетъ складъ стиха.

Слѣдовательно, напѣвъ для стиха (будь то пѣсня или былина—разница вѣдь въ одномѣрности и разномѣрности стиха) есть метрическая основа, безъ которой узоръ стиха (ритмъ) измѣняется. Въ этомъ большинство мнѣній изслѣдователей сходится.

Неудивительно, что примѣненіе греческой метрической теоріи къ русской народной музыкѣ въ лицѣ П. П. Сокальскаго нашло себѣ достаточно обоснованнаго противника, который при изученіи народнаго склада не склоненъ былъ придерживаться древнегреческой теоріи стихосложенія. Въ отличіе отъ греческаго метра Сокальскій [4]) для русской пѣсни допускалъ понятіе „вольный метръ“, какъ матеріальную нелѣлимую единицу, необходимую для проявленія ритма въ пѣсенной рѣчи. Конструкція вольнаго метра разнообразна, какъ разнообразны свойства языковъ.

Главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы давать такія ощутительныя для слуха части, которыя могли бы служить для цѣлей ритма, т.-е. сочленяться въ извѣстныя группы низшаго и высшаго порядка, а для этого достаточно даже

---

[1]) А. Востоковъ. Опытъ о русск. стихосложеніи. СПБ. 1817.

[2]) Р. Вестфаль: О русск. нар. пѣснѣ. „Русск. Вѣстн.“ 1879, сент.

[3]) Коршъ Ѳ. Е. „О русскомъ нар. стихосложеніи“. Извѣст. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. 1896, т. I, к. 1.

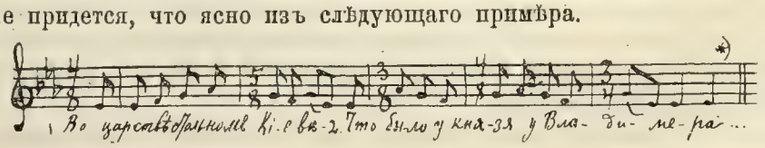
[4]) П. П. Сокальскій: Русск. нар. музыка. Харьковъ. 1888.

одного акцента или особой интонаціи въ каждой части на какомъ-нибудь словѣ или слогѣ. Въ этомъ предлагаемая его теорія отчасти подходитъ къ вышеупомянутой Востоковской, расчленяющей стихъ на просодическіе періоды.

Несмотря на это греческая метрическая теорія, не найдя себѣ полнаго опроверженія, до настоящаго времени еще употребительна при объясненіи народнаго русскаго стихосложенія. Гильфердингъ („Онежск. был."), напримѣръ, при объясненіи конструкцій записанныхъ имъ былинъ различаетъ три размѣра, которыя, по его выраженію, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его позднихъ произведеній. Эти размѣры суть: хореическій (напримѣръ: Да й хо | дилъ то | моло | децъ да | изъ ор | ды въ ор | ду), хореическій съ дактилическимъ окончаніемъ (напримѣръ: Изъ то | го ли | горо | да изъ | Муромля) и дактилическій (напримѣръ: Жилъ Свято | славъ девя | носто лѣтъ). Какъ на преобладающій размѣръ, Гильфердингъ указалъ на чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ, и этотъ размѣръ онъ назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ. Если принять во вниманіе одну только литературную сторону былинъ, а вмѣсто количественности слоговъ—ихъ ударяемость и неударяемость, то, пожалуй, Гильфердингъ былъ бы и правъ, но законы сложенія стиха, неразрывно связаннаго съ напѣвомъ, мы должны искать гораздо глубже.

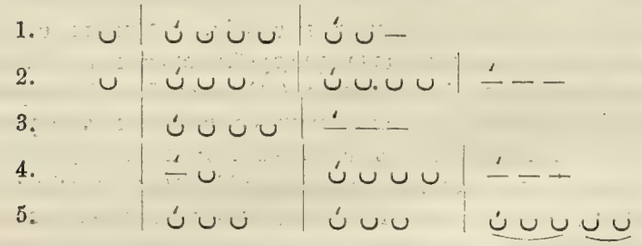
Приступивъ къ разсмотрѣнію эпическаго стихотворнаго склада, мы должны отрѣшиться отъ древне-греческой теоріи ритмовъ, примѣняемой для этой цѣли нѣкоторыми изслѣдователями, потому что, какъ увидимъ далѣе, въ музыкальномъ смыслѣ размѣръ русскихъ старинныхъ пѣсенъ есть совершенно оригинальное явленіе,—этотъ размѣръ не подходитъ въ точности ни къ одному изъ извѣстныхъ намъ по греческой теоріи.

Изъ предисловія переводчика (на ноты), И. С. Тезавровскаго, къ Пинежскимъ напѣвамъ былинъ, собраннымъ А. Д. Григорьевымъ, видно, что переложеніе напѣвовъ на наши ноты представляетъ нерѣдко большія затрудненія, такъ какъ трудно бываетъ уловить и точно изобразить ритмъ, вслѣдствіе характера исполненія напѣвовъ сказителями, напѣвовъ, приближающихся къ музыкальной декламаціи или мелодическому речитативу. Для возможно правильнаго изображенія ритма напѣвовъ, по крайней мѣрѣ не затемняя этой стороны, И. С. Тезавровскому приходилось прибѣгать къ необычнымъ въ культурной музыкѣ обозначеніямъ размѣра, напримѣръ, $^8/_8$ и подраздѣленіямъ сложныхъ тактовъ: $^6/_8 = \frac{4}{8}+\frac{2}{8}$, $\frac{8}{8} = \frac{3}{8}+\frac{2}{8}+\frac{3}{8}$, $^4/_8 = \frac{3}{8}+\frac{1}{8}$. Имѣя въ виду, что подъ тактомъ въ общей музыкѣ разумѣется дѣленіе мелодіи на части, имѣющія въ началѣ каждой по равносильному ударенію и соотвѣтствующія въ этомъ случаѣ стопѣ, а каждая такая часть, въ свою очередь, дѣлится на болѣе мелкія основныя доли (неизмѣняющіяся), группирующіяся въ одну, двѣ и три единицы, на этомъ основаніи мы придемъ къ тому заключенію, что мелодіи записанныхъ напѣвовъ старинъ относить къ греческой теоріи ритма не придется, что ясно изъ слѣдующаго примѣра.

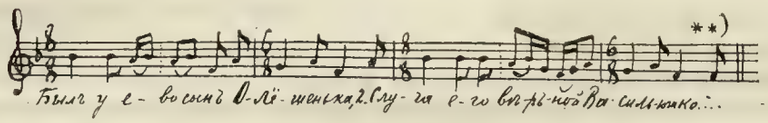


*) „Арханг. был." Напѣвъ № 1.

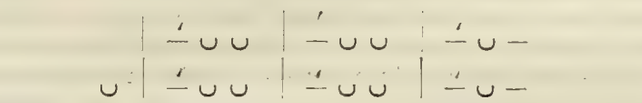
Переводя это на общепринятые ритмическіе знаки и считая тактъ за метрически недѣлимую единицу (стопа), получимъ необычный по греческой теоріи складъ:



или:



Переводя это на общепринятые ритмическіе знаки, получимъ:



Разсматривая существующія записи старинныхъ напѣвовъ, мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Запѣва, мелодически разнящагося отъ остальной части напѣва, въ былинахъ не существуетъ, какъ это бываетъ въ лирической пѣснѣ, хотя напѣвъ перваго стиха (начала старины) и можно бы отнести къ запѣву, которымъ пѣвецъ налаживается, припоминаетъ напѣвъ, вслѣдствіе чего не только въ мелодическомъ, но и въ ритмическомъ отношеніи иногда значительно уклоняется отъ дальнѣйшаго, почти неизмѣнно повторяющагося, напѣва. Измѣненіе перваго стиха относится, главнымъ образомъ, къ мелодической сторонѣ, такъ что бываетъ, какъ-будто пѣвецъ началъ высоко, и чтобы перейти на удобные ему тоны, постепенно сползаетъ къ нимъ, дѣлая какъ бы модуляцію (Прилож. № 17), или иногда пѣвецъ начинаетъ какъ-будто въ мажорномъ наклоненіи, затѣмъ переходитъ въ минорное и наоборотъ (Прилож. № 8).

Высота и длительность звуковъ имѣетъ большое значеніе для образованія и закругленности музыкальной формы напѣва, а вмѣстѣ съ нимъ и стиха. Такъ, *высокіе звуки напѣва большею частью совпадаютъ съ ритмическими подъемами*, при началѣ ритмическихъ періодовъ. Затѣмъ къ концу мелодіи *высота звуковъ ослабѣваетъ, и мелодія заканчивается большею частью на нижайшемъ тонѣ звукоряда*. Длительность звука (или совокупность ихъ), приходящаяся на одинъ слогъ также въ началѣ каждаго ритмическаго періода, оказывается больше, чѣмъ длительность звука конца каждаго ритмическаго періода, исключая послѣдняго, который вообще считается заключительнымъ, и въ немъ мелодія движется покойнѣе, медленнѣе. По успокоительному характеру напѣва и узнается окончаніе его всего или частей его, и такимъ образомъ опредѣляется наиболѣе крупная ритмическая единица напѣва и текста.

Напѣвы большинства былинъ имѣютъ одну остановку, совпадающую съ окон-

**) Оттуда же Напѣвъ № 6.

чаніемъ напѣва[1]), а затѣмъ мало или почти не измѣняясь повторяется тотъ же напѣвъ. Такіе напѣвы имѣютъ объемъ стиха въ одну строку; таковы большинство пинежскихъ напѣвовъ (Прилож. № 12,18). Когда напѣвъ имѣетъ два или три колѣна, вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ или три остановки, изъ которыхъ послѣдняя является главной, такіе напѣвы будемъ считать сложными въ двѣ или три строки, (въ музыкѣ 2—3 мотива), что составитъ болѣе крупную стихотворную форму, называемую *строфой* (Прилож. № 6).

Итакъ, *крупнѣйшими формами напѣвовъ являются сложные—двух- и трехстрочные, затѣмъ болѣе мелкими—однострочные напѣвы.* Величина же строчного напѣва зависитъ отъ характера напѣва, его образованія и древности какъ склада напѣва, такъ и текста, вслѣдствіе чего былины приходится раздѣлить на: 1) *имѣющія свой полный эпическій размѣръ строки,* 2) *имѣющія сокращенный эпическій размѣръ,* 3) *имѣющія скоморошій размѣръ,* 4) *имѣющія складъ духовнаго стиха* и 5) *имѣющія позднѣйшій одномѣрный размѣръ.*

Каждый изъ этихъ размѣровъ имѣетъ отличительныя черты, рѣзко выдѣляющіяся по окончаніямъ строкъ, и по составу и количеству ритмическихъ группъ соотвѣтствующихъ тактамъ въ общей музыкѣ, причемъ величина такта по числу недѣлимыхъ долей его (соотвѣтствующихъ древне-греческому χρόνος πρῶτος) бываетъ различна въ строкахъ не только разныхъ, но даже одной и той же былины; только у лучшихъ пѣвцовъ, каковъ, напримѣръ, сказитель Зимняго берега Пономаревъ, число долей въ ритмическихъ періодахъ одной и той же старины соотвѣтственно бываетъ одинаково. Въ музыкальномъ отношеніи можно отыскать еще группы, какъ бы соотвѣтствующія стопамъ, это части ритмическихъ періодовъ, содержащія въ себѣ 2, 3 недѣлимыхъ доли, которыя 1) имѣютъ между собою зависимость въ гармоническомъ отношеніи, т.-е. построены на одной нотѣ или на двухъ, находящихся въ отношеніи вспомогательной къ главной, или на двухъ нотахъ, находящихся въ отношеніи какъ бы аккордовыхъ между собою, и 2) имѣютъ общее слово, разбитое на слоги, которымъ соотвѣтствуютъ недѣлимыя единицы. Такимъ образомъ можно подраздѣлить ритмическій періодъ на нѣсколько мелкихъ группъ, преимущественно двух- и рехдольныхъ, часто перемѣшанныхъ между собой; вслѣдствіе чего въ напѣвахъ былинъ рѣдко встрѣчается квадратность формы, которая была свойственна до сихъ поръ культурной музыкѣ, за незначительными отступленіями. Изъ всѣхъ пяти упомянутыхъ размѣровъ преобладающимъ является полный эпическій размѣръ, съ которымъ сказители настолько свыкаются, что переносятъ его и въ такія старины, которыя, какъ видно изъ варіантовъ, были сложены другимъ размѣромъ. Напримѣръ, золотицкая сказительница А. М. Крюкова пѣла полнымъ эпическимъ размѣромъ старины о Кострюкѣ, о Голубиной книгѣ, о взятіи Казани, похороны Стеньки Разина и другія. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, сказитель Г. Л. Крюковъ (изъ Золо-

---

[1]) Здѣсь я имѣю въ виду остановку—каденсъ, а не цезуру по греческой теоріи. Нѣчто подобное цезурѣ существуетъ и въ эпическомъ стихѣ. Акад. Ѳ. Е. Коршъ находитъ, что въ эпическомъ стихѣ цезура соблюдается всегда (Изв. отд. р. яз. и сл. II. А. Н. 1896 т. I, к. 1), и различаетъ въ немъ мужскую, женскую и дактилическую цезуру. Что касается послѣдней, то ея, собственно, совсѣмъ не существуетъ. Если разобраться въ типахъ эпическихъ размѣровъ, то мы замѣтимъ, что полный эпическій размѣръ подвижности цезуры не допускаетъ (ср. мнѣніе Ѳ. Е. Корша); она всегда женская, гдѣ вторая половина стиха начинается со слабыхъ долей напѣва (см. ниже табл. I полн. эпич. разм.). Сокращенный размѣръ наоборотъ, за немногими исключеніями, требуетъ мужской цезуры. Скоморошій размѣръ цезуры не имѣетъ.

тицы) въ Кострюкѣ сохранилъ тотъ же скоморошій размѣръ, какой виденъ и въ Кострюкѣ, записанномъ въ Пинежскомъ краѣ (ср. Прилож. №№ 15 и 16). Отличительныя черты старинъ съ *полнымъ эпическимъ размѣромъ* заключаются въ слѣдующемъ: каждая строка раздѣляется на три ритмическихъ періода, рѣзко отчерченныхъ другъ отъ друга, т.-е. замѣчаются три главныхъ подъема, регулярно проходящихъ черезъ всю старину, при чемъ всѣ три обыкновенно совпадаютъ съ прозаическими ударѣніями трехъ главныхъ словъ, составляющихъ суть содержанія строки. Первый и послѣдній (оканчивающій) подъемы бываютъ нѣсколько болѣе средняго, напримѣръ: «Ай во | славномъ | городѣ во | Кіевѣ |». Въ этомъ стихѣ оказывается еще одна группа, вовсе не имѣющая на себѣ ударенія. Это слова «Ай во», не принадлежащія въ ритмическомъ отношеніи ни къ первой, ни къ третьей группѣ, и если откинуть эти слова, то ритмическое строеніе стиха не измѣнится. Слова эти между стихами служатъ какъ-будто для болѣе плавнаго перехода отъ одной строки къ другой, поэтому эти, не входящіе въ размѣръ стиха, звуки и слоги, будемъ называть *переводомъ*. Конецъ строкъ всѣхъ размѣровъ выдѣляется какъ по ударенію въ началѣ ритмическаго періода, такъ и по замедленному движенію, дѣйствующему успокоительно; *на послѣдній періодъ строки приходится большею частью три слога текста, которые и составляютъ собою типичное эпическое окончаніе*, въ отличіе отъ *окончанія духовныхъ стиховъ, на которое приходится всего два слога.*

Сокращенный эпическій размѣръ мало отличается отъ полнаго; разница состоитъ во второмъ ритмическомъ періодѣ, который короче, чѣмъ въ полномъ размѣрѣ, именно по величинѣ равенъ протяженію преимущественно двухъ слоговъ. Сокращенный размѣръ получился изъ полнаго, въ которомъ второй ритмическій періодъ требуетъ еще болѣе слабаго на себѣ подъема, чѣмъ два другіе періода. Въ сокращенномъ размѣрѣ этотъ второй періодъ почти сливается съ первымъ въ одинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что оба эти размѣра въ сущности такъ мало различаются, что сказители часто въ одной и той же старинѣ пользуются обоими размѣрами, какъ, напримѣръ: начало (первыя четыре строки) былины «Илья Муромецъ и Баданъ» (№ 3 изъ «Бѣломорскихъ былинъ» А. В. Маркова) сокращеннаго размѣра, остальные стихи переходятъ въ полный; такого же смѣшаннаго размѣра «Камское побоище» (№ 81 изъ «Бѣломорскихъ былинъ»). Однако, лучшіе сказители выдерживаютъ разъ принятый размѣръ во всей былинѣ.

Третій размѣръ—*скоморошій*. Кромѣ общей торопливости изложенія словъ и напѣва, характерной чертой его является пропускъ второго ритмическаго періода, такъ что напѣвъ и строка текста состоятъ только изъ двухъ періодовъ съ обычнымъ для всѣхъ размѣровъ переводомъ [1]). Заключеніе (т.-е. послѣдній, здѣсь 2-ой періодъ) въ этого рода размѣрѣ бываетъ двухъ видовъ: или остается обычное эпическое заключеніе въ три слога, приходящіеся чаще всего на три равныя замедленныя звуковыя доли, или три слога, приходящіеся въ общемъ на двѣ замедленныя звуковыя доли (примѣръ перваго—«Кострюкъ» Г. Л. Крюкова—нотн. прилож. № 15, примѣръ второго — «Кострюкъ» изъ записей Дютша и Истомина — нотн. прилож. № 15а). Четвертый размѣръ старинъ—размѣръ духовнаго стиха, имѣющаго три [2]) или два ритмическихъ періода съ двусложнымъ послѣднимъ періодомъ (окон-

[1]) Переводъ иногда, какъ исключеніе, отсутствуетъ и въ этомъ случаѣ большею частью заполняется паузой. Въ началѣ старины отсутствіе перевода вполнѣ естественно.

[2]) Три періода здѣсь слѣдуетъ считать какъ вліяніе эпическаго размѣра.

чаніемъ). Къ такого рода старинамъ относятся всѣ существующіе варіанты про князя Михайлу и его жену[1]), старины: Осада Соловецкаго монастыря (№№ 40 и 90 изъ «Бѣломорск. былинъ»), Оника воинъ (№ 25 изъ «Бѣломорск. былинъ»)[2]). Послѣднимъ, пятымъ одномѣрнымъ размѣромъ, поются историческія пѣсни позднѣйшаго творчества, которыя нельзя раздѣлить на два или три періода, съ типичнымъ эпическимъ окончаніемъ; онѣ уже имѣютъ какъ-будто метрическую основу; строка напѣва раздѣляется на полустишія, въ свою очередь на полустишіе приходится нѣсколько акцентовъ. Таковы, напримѣръ, пѣсни про Платова козака и про Стеньку Разина (№№ 11 и 18 изъ «Архангельскихъ былинъ»[3]).

Здѣсь приводимъ таблицы примѣровъ всѣхъ размѣровъ съ подраздѣленіемъ графиками на строки, ритмическіе періоды и переводы, такъ что составъ стиха дѣлается вполнѣ яснымъ. Соотвѣтствующіе напѣвы къ этимъ текстамъ въ разгруппированномъ видѣ можно найти въ Приложеніи.

ТАБЛИЦА I.

Полный эпическій размѣръ.

Переводъ.	1-й ритмическ. періодъ.	2-й ритмическ. періодъ.	3-й ритм. пер. или окончаніе.	Откуда взятъ примѣръ.
Ужъ какъ У ё-	былъ жилъ Ро- го была княгиня	манъ да князь Ми- Марья дочь Ва-	хай-ло-вичь силь-ев-на...	„Романъ Михайловичъ“, старина Терскаго берега изъ записей А. В. Маркова и А. Л. Маслова (см. Прилож. № 2).
Какъ во Какъ	той Ко- жилъ то бо-	ре-лушки бо- гатыя бо-	га-ты я га-ти-на...	„Дюкъ Стёпановичъ“, старина Зимняго берега изъ записей А. Маркова и А. Маслова (см. „Труды Музык.-Этнографич. Комиссіи“, т. I. Прилож. № 3).
Ай во Тамъ вѣдь Илья Ёму при-	славномъ было жилъ былъ старая ста- Мурамець былъ да думалось то	городи во рыньшина да Илья сынъ И- съѣздить во ци-	Кі-еви Му-ра-мець ва-новичь сто по-лё...	„Илья М. и Калинъ“, № 2 изъ „Бѣломорск. былинъ“.

[1]) Нотн. прилож. №№ 22—24.
[2]) Нотн. прилож. № 25.
[3]) Нотн. прилож. № 28.

ТАБЛИЦА II.

Сокращенный эпическій размѣръ и смѣшанный.

Переводъ.	1-й ритмическ. періодъ.	2-й ритмическ. періодъ.	3-й ритм. пер., или окончаніе.	Откуда взятъ примѣръ.
Изъ-за	моря то было	моря	си-нё-го	„Илья М. и Баданъ“, № 3 изъ „Бѣлом. былинъ“.
Изъ-за	синёго моря	изъ-за	Чёр-но-го	
Прихо-	дили то червёны	больши	ка-раб-ли	
Прихо-	дилъ-то всё да	царь не-	вѣр-ны-я.	
	Далѣе размѣръ переходитъ къ полному съ тремя рѣзко очерченными подъемами:			
Ужъ вы, Выхо- Ишше	гой еси, тю- дите вы ко хто изъ васъ	тари неми- мнѣ да поско- знатъ да языкъ	лóсь-ли-вы рё-шень-ко русь-ской отъ?	
А къ че- А по-	мужо братцы пріу- молклото	была луна не- сончё	бе-сна-я кра-сно-ё?	„Камское побоище“, № 81 изъ „Бѣлом. былинъ“.
А поды-	маласе туто Ли-	тва по-	га-па-я	
Какъ поды-	маласе по-	ганое И-	до-лишшо.	
	Такой смѣшанный размѣръ этой старины продолжается далѣе.			

ТАБЛИЦА III.

Скоморошій размѣръ.

Переводъ.	1-й ритмическ. періодъ.	2-й ритмическ. періодъ.	3-й ритм. пер. или окончаніе.	Откуда взятъ примѣръ.
Какъ за-	думалъ Грозъ-		ный отъ царь	„Кострюкъ“, № 85 изъ „Бѣлом. былинъ“. (То же см. „Труды Музык.-Этнографич. Комиссіи“ т. I. (Прилож. № 15).
Иванъ Ва-	сильевичъ же-		ни-ти-се	
Же-	нитисе да обру-		ча-ти-се	
	Не въ камян-		ной Москвы	
Да	не въ свя-		той Ру-си	
Да въ прокля-	той Литвы въ по-		га-ныя.	
Какъ у	пасъ было на матушкѣ на свя-		той Руси	„Кострюкъ“, изъ записей Дютша и Истомина (см. Прилож. № 15а).
На свя-	той Руси да въ камен-		ной Москвы.	

ТАБЛИЦА IV.

Размѣръ духовнаго стиха.

Переводъ.	1-й ритмическ. періодъ.	2-й ритмическ. періодъ.	3-й ритм. пер., или окончаніе.	Откуда взятъ примѣръ.
Въ этихъ трехъ строкахъ сказитель сбивается на эпическій размѣръ. По	Былъ жилъ О-	ни-ка	во-инъ	„Овикъ воинъ“, № 25 изъ „Бѣломорск. былинъ“ (см. Прилож. № 25).
Пре-	ѣхалъ О-	ни-ка	во-инъ	
Онъ по-	билъ многихъ	воинъ свя-	тую Русь	
Про-	лилъ много у	русскихъ бо-	га-ты-рей	
За-	думалъ О-	вдовъ	слезъ горькихъ	
	Ерусалимъ	ника	во-инъ	
	Настрѣчу О-	Градъ розо-	ри-ти	
	Идетъ тутъ всё	ники	вои-пу	
		диво	ди вно-ё.	
Поѣж-	жаётъ князь Ми-		хай-ло	„Мать кн. Михайлы губитъ жену“, № 31 изъ „Бѣлом. былинъ“ (см. Прилож. № 22).
Во чи-	стóё		по-лё	
Во ши-	рокоё роз-		дольё.	
Во Мо-	сквы то	было во	царьсви	„Осада Соловецк. Монастыря“ № 40 изъ „Бѣломорск. былинъ“.
Во пре-	краснóмъ восу-	—	дарь-ствн	
Пере-	боръ то	былъ бо-	я-рамъ	
Пере-	смотръ отъ	былъ вое-	во-дамъ.	

ТАБЛИЦА V.

Старины съ позднѣйшимъ размѣромъ.

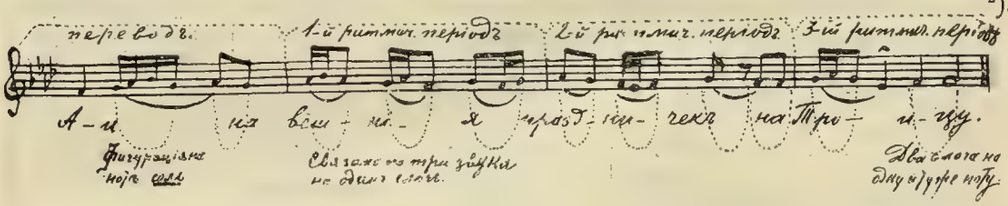
Ты	Рос-сі-	я ты Рос-	сія, Россі-	я да мать Рос-	сійская зе-	мля	„Платовъ, казакъ“, № 14 изъ „Архангельск. былинъ“.
	Мать Рос-	сійска-	я зем-	ля, мать Рос-	сійская зе-	мля да	
				проели-	вилась хоро-	ша...	
	Взялся прое-	вился незъ-	нымой цело-	вѣкъ			„Сынъ Стеньки Разина“ № 18 изъ „Арханг. былинъ“, (см. Прилож. № 28).
Онъ че-	стымъ че-		хажива-				
	сто по	городупо-		ётъ...			

Остановимся теперь еще на болѣе мелкихъ группахъ, которыя выдѣляются вслѣдствіе: 1) связи двухъ (иногда трехъ) различныхъ по высотѣ звуковъ, приходящихся на одинъ слогъ текста, 2) двухъ одинаковыхъ и различныхъ звуковъ,

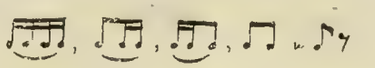
приходящихся на одно двусложное слово, 3) трехъ-и четырехсложные слова, кромѣ скоморошьяго размѣра, чаще всего могутъ быть отнесены къ двумъ и даже тремъ группамъ, 4) слова, приходящіяся на одинъ и тотъ же звукъ подъ-рядъ, могутъ быть разбиты на группы по прозаическимъ ударенiямъ, которыя во время пѣнія все-таки отсутствуютъ.

Разберемъ нѣсколько примѣровъ для поясненія дѣленія на группы [1]).

[2]).

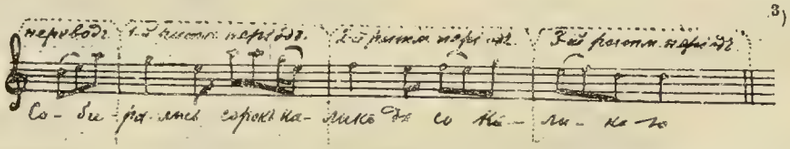


Изъ приведеннаго примѣра мы видимъ, что напѣвъ можно разбить на группы, изъ которыхъ въ общей длительности каждая равна четверти:



Возьмемъ другой примѣръ:

[3]).



Изъ этого же примѣра мы видимъ, что напѣвъ можно разбить на группы, и общая сумма длительности каждой группы, исключая послѣдняго періода, равна тремъ восьмымъ:

Въ приведенныхъ двухъ разнохарактерныхъ примѣрахъ мы находимъ два различныхъ строенія—одного и того же полнаго эпическаго размѣра. Первый—какъ бы двудольнаго, второй—трехдольнаго. И то и другое строеніе одинаково употребительно въ разныхъ районахъ, гдѣ сохранились остатки эпической старины. Но мною замѣчено, что трехдольное строеніе преобладаетъ въ старинахъ Терскаго берега и двудольное—въ старинахъ Зимняго берега. Употребительность того или другого строенія, вѣроятно, зависитъ отъ принятаго когда-то прототипа и оставившаго послѣ себя только внѣшнюю форму, а самое мелодическое содержаніе прототипа, въ виду трудности его передачи, не сохранилось, потому же самому количество такихъ группъ не равночисленно въ первыхъ двухъ періодахъ.

Что касается звукорядовъ, на которыхъ зиждется русская народная музыка, въ томъ числѣ и музыка былинъ, то до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, встрѣчается мнѣніе, приписывающее этимъ пѣснямъ или древнегреческіе звукоряды, или западные церковные лады, или наконецъ современные строи мажора и минора,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что дѣленіе на группы не даетъ права акцентировать начала ихъ, а только даетъ возможность легче схватывать напѣвъ, соединяя группы въ періоды.

[2]) Изъ матер. Архангельской губ., собр. Марковымъ и Масловымъ, т. I Трудовъ Комиссіи.

[3]) Изъ матеріаловъ, собр. въ Арханг. губ. Марковымъ и Масловымъ, т. II Трудовъ Комиссіи.

но внимательное изученіе нашей мелодики показываетъ, что мажора и минора для нашей народной пѣсни не существуетъ. Разнообразіе звукорядовъ, ихъ составъ исключаютъ эти названія для эпическихъ напѣвовъ. Можно лишь судить о наклоненіи мажорномъ или минорномъ въ данномъ напѣвѣ, примѣняясь къ темперированному строю, каковое (т.-е. наклоненіе) можно опредѣлить или по составу преобладающаго пентахорда (если онъ есть), входящаго въ составъ напѣва, или по окончанію его, т.-е. по тому, какая отъ тоники терція большая или малая принимаетъ участіе въ заключеніи. Окончаніе напѣва опредѣляетъ лучше всего характеръ напѣва и, какъ мы уже видѣли, даже ритмическій складъ стиха. Былины выработали особыя, только имъ свойственныя заключенія (каденціи), составляющія собственно третій ритмическій періодъ въ полномъ и сокращенномъ эпическихъ размѣрахъ. Взглянувъ сравнительную таблицу каденцій эпическихъ пѣсенъ (см. таблицу заключеній), мы замѣтимъ, что на произнесеніе заключительныхъ слоговъ (большею частью трехъ, съ первымъ ударяемымъ слогомъ) текста каждой строки потребуется одинаковое время. Посмотримъ теперь, какъ выражается то же самое посредствомъ музыки. Наиболѣе типичнымъ выраженіемъ заключенія является успокоительный вдвое замедленный размѣръ съ тремя, соотвѣтственно слогамъ, долями, равными по времени между собою (Прилож. №№ 29 и 31). Маленькое отклоненіе отъ этого типа имѣетъ сокращенное заключеніе на полдолѣ въ концѣ (Прилож. № 30). Нѣсколько бо́льшимъ уклоненіемъ является *расширеніе* заключенія, преимущественно на первомъ ея слогѣ (Прилож. № 32), или сокращеніе доли, приходящейся на второй слогъ заключенія (Прилож. №№ 33 и 34). Иногда послѣдній слогъ протягивается на двѣ доли и болѣе (что объясняется привычкою пѣть съ разстановкою); напримѣръ, ферматы у сказителя И. Т. Рябинина можно только объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что у него приходилось часто записывать этнографамъ, а записываніе производится вообще медленно, вотъ Рябининъ и потрафлялъ съ тѣмъ, чтобы дать успѣть записать пропѣтое. Встрѣчаются, впрочемъ, вслѣдъ за заключеніемъ и паузы, которыя, какъ передышка, дѣлаются за счетъ послѣдней ноты напѣва или за счетъ слѣдующаго за тѣмъ *перевода* къ продолженію. Въ напѣвахъ скоморошьяго характера заключеніе какъ-будто является скомканнымъ, но приближается все-таки къ типу (Прилож. № 15а), наоборотъ, примѣръ № 32 представляетъ въ заключеніи случай большого расширенія; однако то же заключеніе можно объяснить и сокращеніемъ на второмъ слогѣ, при оживленномъ движеніи всего напѣва (убавлена вдвое длительность ноты надъ слогомъ *семь*). Кромѣ этого, бываетъ удлиненіе перваго слога за счетъ второго (Ср. был. „Птицы и звѣри“, зап. Дютша въ сб. И. Р. Г. О). Каждый напѣвъ русской пѣсни заканчивается такъ, что требуетъ послѣ себя возвращенія къ началу напѣва, поэтому музыкальная сторона каденцій дѣлается съ расчетомъ чтобы затѣмъ можно было плавно перейти къ повторенію, для чего въ каденціи существуетъ *придатокъ*, названный мною ранѣе *переводомъ*. Въ то время какъ ко всему музыкальному содержанію *переводъ* относится къ каденціи, по литературному содержанію слоги текста подъ переводомъ логически примыкаютъ къ слѣдующему стиху, что видно изъ приведенныхъ выше таблицъ размѣровъ. Такимъ образомъ начало каждаго напѣва, за рѣдкими исключеніями, въ началѣ былины, имѣетъ какъ бы затактъ, выражаясь терминомъ нашей «элементарной теоріи музыки». По музыкальному содержанію затактъ имѣетъ болѣе родства съ окончаніемъ напѣва, по смыслу же текста ближе подходитъ къ началу новаго стиха, вслѣдствіе чего въ общей музыкѣ по фразировкѣ такіе затакты и отно-

сятъ къ послѣдующей мелодіи или мотиву. Включивъ *переводъ* въ послѣдній ритмическій періодъ, получимъ ровно три ритмическихъ періода съ тремя неравносильными подъемами |$\overset{\shortparallel}{=}$|$\overset{\prime}{-}$|$\overset{\shortparallel}{=}$|, при чемъ въ послѣдній входитъ переводъ, встрѣчающійся и безъ текста, а *растягается* (говоря народнымъ языкомъ) голосомъ. Величина переводовъ бываетъ въ одну, двѣ, три и даже четыре равныхъ доли (на одинъ, два и три слога текста). Нѣкоторая часть былинъ сохранила особенные по характеру напѣвы, традиціонно передаваемые ихъ пѣвцами. Отличительною чертою такихъ напѣвовъ служитъ подвижность мелодіи (съ преобладающими скачками интерваловъ), имѣющей нѣсколько комическій оттѣнокъ, усматриваемый въ поспѣшности произношенія слоговъ текста, быстромъ чередованіи тоновъ, иногда на одной высотѣ, уподобляющихъ напѣвъ гибкой музыкально-мелодической декламаціи, а также—въ отличительныхъ чертахъ окончаній, рѣдко имѣющихъ типичный былинный складъ, да и то, вѣроятно, случайно, благодаря привычкѣ пѣть полнымъ и сокращеннымъ эпическимъ размѣромъ. Такой родъ напѣвовъ принято теперь называть предположительно *скоморошьимъ стилемъ*. Какъ мы уже видѣли, складъ стиха въ большинствѣ такого рода старинъ дѣлится всего на двѣ ритмическія группы, изъ нихъ послѣдняя составляетъ каденцію съ входящимъ въ нее переводомъ. Для старинъ скоморошьяго стиля нѣтъ возможности установить точныхъ правилъ и особенностей техническихъ пріемовъ для ихъ заключеній, потому что поспѣшность произнесенія текста, хотя бы и трехсложнаго въ окончаніи, мелодически и ритмически измѣняетъ обычный видъ эпическаго окончанія, приближая его скорѣе къ лирической пѣснѣ, а три слога текста большею частью приходятся на двѣ звуковыхъ (въ замедленномъ движеніи) доли напѣва (Прилож. № 15а).

Насколько въ напѣвахъ былинъ сказителя Рябинина и въ большинствѣ пинежскихъ отразился ихъ свѣтскій характеръ, съ удержаніемъ старинныхъ традиціонныхъ пріемовъ, включая пріемы и скоморошіе, настолько у другихъ сказителей, особенно у сказительницъ бѣломорскихъ, отразилась ихъ набожность. По этому поводу нужно замѣтить, что всѣ онѣ поютъ и духовные стихи, смѣшивая ихъ напѣвы съ напѣвами былинъ. Отразилось на мелодическомъ складѣ также вліяніе скитовъ, отчасти и каличество. Это вліяніе явилось вслѣдствіе присвоенія былинамъ размѣра духовныхъ стиховъ, имѣющихъ свое типичное окончаніе, состоящее изъ двухъ слоговъ и звуковъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи секунды вверхъ или внизъ (см. мою статью „Калики перехожіе и ихъ напѣвы“ въ „Р. Муз. Газ.“ за 1902 г.). Въ то время какъ типичнымъ заключеніемъ въ былинахъ служатъ три звука (см. нотн. прилож.: *таблица эпическ.* заключеній), напримѣръ, *e d d*, нѣкоторыя старины приняли въ заключеніи основу духовнаго стиха, напримѣръ, *e d* или *d e*. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и общій размѣръ его. Изъ нотн. примѣровъ №№ 18, 22—26 можно судить объ этомъ складѣ, при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на примѣръ № 26, въ которомъ варьированное окончаніе сходно съ отрывкомъ изъ сокращеннаго кіевскаго распѣва. Напѣвъ № 37, по свидѣтельству сказительницы, заимствованъ отъ мезеньскихъ каликъ, чѣмъ и объясняется складъ духовнаго стиха.

Вообще однако нужно замѣтить, что нѣкоторымъ старинамъ повсемѣстно присвоенъ складъ духовнаго стиха по размѣру и напѣву, напримѣръ: „Кн. Михайло губитъ жену“, „Оника-Воинъ и сорокъ каликъ“. Напѣвъ про „Скопина“ (Прилож. № 19) повидимому заимствованъ изъ напѣва духовнаго стиха или прямо изъ церковныхъ напѣвовъ (ср. сегментъ изъ обихода и напѣвъ, приведенные въ

нотномъ приложеніи подъ № 19); это подтверждаетъ сравненіе одного бѣлорусскаго духовнаго стиха съ этой стариной, одинаковаго по конструкціи и смыслу припѣва.

Относительно нѣкоторыхъ новѣйшихъ былинъ или историческихъ пѣсенъ можно утвердительно сказать, что онѣ не есть что-либо традиціонное, а продуктъ позднѣйшаго творчества, по напѣву и складу стиха имѣютъ болѣе общаго съ протяжной лирической пѣсней, традиціями не связанной. Къ подобнымъ напѣвамъ относятся „Ермакъ взялъ Сибирь“ (изъ сб. Кирши Данилова), „Сынъ Стеньки Разина въ темницѣ и взятіе Астрахани“ (Прилож. № 28), „Платовъ казакъ“ (№ 11 изъ „Арханг. был.“ А. Д. Григорьева). Однако и такой древній по происхожденію, какъ стихъ о Голубиной книгѣ (Прилож. № 27), представляетъ собою напѣвъ пѣсни, хотя и старинной, точно также начинающійся; очевидно созвучіе текстовъ привело къ заимствованію напѣва пѣсни „Изъ-за лѣсу темнаго, изъ-за садику зеленаго“ (сб. Н. Римскаго-Корсакова). Въ данномъ случаѣ нужно предположить, что въ виду большей трудности запомнить напѣвъ, чѣмъ фабулу, особенно при плохихъ способностяхъ запоминающаго, онъ принужденъ былъ либо взять другой знакомый ему мотивъ, либо, наслушавшись вообще эпическихъ напѣвовъ, взять за образецъ какой-нибудь прототипъ и сочинить новый по извѣстнымъ ему пріемамъ и попѣвкамъ. Тѣмъ не менѣе есть случаи традиціонности болѣе или менѣе точной передачи напѣвовъ, оказавшихся при сличеніи записанныхъ въ разныхъ районахъ въ недавнее время съ записанными болѣе сотни лѣтъ назадъ, напримѣръ, напѣвовъ въ сб. Кирши Данилова. Объ этомъ мною своевременно уже много говорилось въ статьѣ „Кирша Даниловъ и его напѣвы“. Въ нотномъ приложеніи подъ № 4, 5 и 6 приводятся нѣсколько напѣвовъ, имѣющихъ между собою близкое мелодическое родство.

Къ анализу мелодическаго склада старинъ мы и перейдемъ теперь.

Передача нашими нотами мелодическихъ особенностей, главнымъ образомъ особенностей интонацій, характерныхъ въ русской народной музыкѣ, является дѣломъ нелегкимъ, особенно въ нѣкоторыхъ былинахъ, которыя приближаются къ музыкальной декламаціи или мелодическому речитативу. Интонація часто не подходитъ подъ рамки, выработанныя темперацією. Насколько возможно, эта интонація точно изображена нашими нотами въ записяхъ фонографическихъ, въ переводѣ И. С. Тезавровскаго, сдѣланномъ для „Архангельскихъ былинъ“ А. Д. Григорьева, къ которымъ интересующихся этимъ мы отсылаемъ. Мелодическіе обороты и ходы въ сущности тѣ же, что и въ старинной народной пѣснѣ вообще, т.-е. часто встрѣчаются послѣдовательности тоновъ, указывающіе на древнія эпохи въ мелодическомъ складѣ. Внутренній складъ напѣвовъ опредѣляется преимущественно квартоквинтовыми группировками тоновъ. Объемъ звукорядовъ разнообразится отъ кварты (Прилож. №№ 12 и 18) до десятизвучія (Прилож. № 15а). Въ тетрахордныхъ группахъ (въ предѣлахъ кварты) верхній тонъ обыкновенно играетъ роль устоя—(тоники) и нижній—полуустоя (доминанты) (Прилож. № 10), въ пентахордѣ [1]) наоборотъ (Прилож. № 5), въ слитныхъ же звукорядахъ изъ тетрахордовъ устой и полуустой опредѣляются нижней квартой (Прилож. № 6). Въ слитныхъ звукорядахъ изъ кварты съ квинтой устой не всегда находится на нижнемъ звукѣ квинты. Сложность звукорядовъ изъ двухъ одинакихъ звукоря-

[1]) Въ каждый изъ подобныхъ звукорядовъ можетъ войти добавочный тонъ сверху или снизу, не имѣющій значенія устоя; въ прим. 7—кварта плюсъ секунда).

довъ (иногда разныхъ — тетрахордъ + пентахордъ и пентахордъ + тетрахордъ) ведетъ большею частью къ мелодической модуляціи.

Въ составныхъ звукорядахъ, особенно съ модуляціей, идетъ постоянная борьба группъ за устои, что придаетъ большее оживленіе напѣву. Въ напѣвъ входятъ часто звуки, ничего основного собою не представляющіе, а служащіе только украшеніями и вспомогательными нотами, которыя въ напѣвѣ могутъ быть и не быть, и напѣвъ останется тотъ же, поэтому въ однихъ стихахъ какія-нибудь украшенія есть, въ другихъ—нѣтъ. При разсмотрѣніи эпическихъ окончаній (послѣдній ритмическій періодъ строки) былинъ представляется наибольшее удобство анализировать украшающія наслоенія. Схема обычнаго эпическаго окончанія состоитъ изъ трехъ звуковъ—послѣдовательности большой (или малой) секунды съ повтореніемъ второй ноты [см. табл. оконч. *а*) и *б*); въ скобкахъ далѣе указанныя буквы будутъ относиться къ соотвѣтствующимъ примѣрамъ въ таблицѣ окончаній, приводимой въ нотномъ приложеніи]. Зная основные (самостоятельные) звуки окончанія, нетрудно опредѣлить звуки, прибавленные для украшенія, которые суть тѣ же, какъ и въ общей музыкѣ, именно: *проходящіе* [табл. заключеній *т*)], *вспомогательные* верхніе [*и*), *к*), *о*)] и нижніе [*м*), *о*), *р*), *ф*)], *гармоническіе* звуки, объясняемые въ ученіи о гармоніи какъ брошенные вспомогательные или какъ предъемъ къ одной изъ гармоническихъ нотъ въ слѣдующемъ аккордѣ [примѣры *ж*), *з*), *п*), *у*)]. *предъемъ*, образующійся отъ сокращенія второго звука схематическаго окончанія [прим. *в*), *г*)]. Кромѣ этого всѣ эти украшающія ноты соединяются въ группы: въ примѣрахъ *м*), *н*) гармоническая и вспомогательныя соединяются въ одну группу служащую украшеніемъ слѣдующей за ними ноты, или въ примѣрѣ *р*) верхняя и нижняя вспомогательныя нота соединяются въ своеобразную группу, довольно часто употребляемую нѣкоторыми сказителями. Въ числѣ украшеній эпическихъ мелодій встрѣчается также и *хроматизмъ*, какъ зародышъ появляющійся въ былинахъ (Прилож. №№ 9 и 15). Разсмотрѣвъ таблицу окончаній, мы замѣтимъ, какія время отъ времени получались наслоенія надъ основными тремя звуками окончанія, такъ что подобныя же наслоенія нужно предположить и въ остальныхъ частяхъ напѣвовъ, отбрасывая которыя мы можемъ иногда обнаружить остовъ напѣва, принадлежащій древней эпохѣ мелодическаго склада; такъ въ прилож. № 13 по своему мелодическому складу можетъ быть отнесенъ къ древней эпохѣ мелодическаго творчества, потому что звукорядъ этой былины въ основѣ своей неполный, такъ какъ нота *си* является здѣсь украшающей проходящей; что эта нота *си* не играетъ роли самостоятельнаго звука, доказываютъ употребительные въ мелодіи обороты *g' a' c''* и *c'' a' g'*, образующіе первобытный трихордъ въ предѣлахъ кварты, составляющій часть гексахорда *g' a' c'' d'' e''*.

Украшающіе звуки придаютъ мелодіи болѣе плавное движеніе, и она пріобрѣтаетъ отъ этого ту „степенную важность“, которой давно уже нѣкоторые характеризовали эпическую пѣснь, какъ старинный церковный напѣвъ, изрѣдка поднимаясь на интервалъ кварты или квинты, да и то иногда для перехода къ повторенію напѣва (Прилож. № 7), потому что общее движеніе напѣва обыкновенно бываетъ нисходящее.

Почти всѣми позднѣйшими собирателями замѣчено, что для массы записанныхъ былинъ далеко не такая же масса приходится на нихъ напѣвовъ, по той причинѣ, что сказители для разныхъ былинъ пользуются часто однимъ напѣвомъ. Такъ изъ 56-ти напѣвовъ, помѣщенныхъ въ „Архангельскихъ былинахъ“ ч. I, не

болѣе половины имѣютъ свой отличный отъ другихъ „голосъ“, остальные болѣе или менѣе родственны этимъ, чаще всего представляя ихъ варіанты, а иногда доходя почти до полнаго съ ними тожества. Вообще большинство напѣвовъ представляетъ переработку свойственныхъ издавна народу оборотовъ и напѣвовъ, укладывающихся въ опредѣленный ритмъ, выработанный для былинъ. И. Т. Рябининъ пѣлъ свои былины на одинъ и тотъ же напѣвъ, исключая былины о „Вольгѣ и Микулѣ“, имѣющей свой особый напѣвъ. То же встрѣчается и у другихъ сказителей, имѣющихъ свой излюбленный напѣвъ, которымъ распѣваютъ нѣсколько былинъ; иногда происхожденіе напѣва не трудно бываетъ прослѣдить или найти сходныя черты съ напѣвами другихъ районовъ.

Въ то время, какъ замѣчается происхожденіе эпическихъ сюжетовъ съ юга, мы не можемъ того же самаго сказать про напѣвы ихъ. Здѣсь намъ очевидно приходится считаться уже съ личностью сказителей, съ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ на музыкальное творчество, составляющее отраженіе ихъ собственной души. Иногда, впрочемъ, встрѣчались и традиціонные напѣвы, о чемъ сказитель всякій разъ напоминалъ записывателямъ.

Слѣдовательно стили, какъ мы уже видѣли, и теперь отличаются пѣвцами: золотицкая сказительница А. М. Крюкова отличаетъ *терскій голосъ* отъ *тутошняго*, ея дочь М. Ф. Крюкова былину «Владиміръ и 3 сына» (см. т. I Трудовъ М. Э. Комиссіи) поетъ мезѣнскимъ голосомъ, какъ сама объ этомъ сообщала; дѣйствительно, сравнивъ заключительный періодъ изъ этой былины съ мезенскими же изъ «Архангельскихъ былинъ» А. Д. Григорьева (№№ 23 и 14), легко замѣтимъ общія черты въ напѣвѣ «Владиміръ и 3 сына» и въ напѣвахъ «Добрыня и змѣй», а также «Борьба Егорья».

Мелодическое сходство въ нѣкоторыхъ былинахъ идетъ много далѣе общихъ чертъ и сходства заключительныхъ періодовъ. Взявъ былину «Добрыня и змѣй», встрѣчающуюся во многихъ районахъ, мы приведемъ ея напѣвы въ сравнительной таблицѣ, гдѣ подъ одноименными буквами можно видѣть сегменты даже напѣвовъ Кирши Данилова, сходные между собою въ мелодическомъ отношеніи. Изъ той же таблицы можно предположить, что въ Олонецкій край напѣвъ былины о Добрынѣ не дошелъ, и былины пѣлись Рябининымъ его обычнымъ напѣвомъ, нѣкоторыя особенности котораго, однако, указываютъ на вліяніе скоморошьяго стиля, съ его поспѣшностью въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ текста.

По примѣру древне-русскаго пѣнія былины до настоящаго времени на Сѣверѣ поются въ одинъ голосъ, хотя приходится иногда пѣть и нѣсколькимъ пѣвцамъ сразу; въ этомъ случаѣ остается тотъ же унисонъ, исключеніемъ являются случайныя сочетанія, когда пѣвцы не потрафляли въ унисонъ и расходились; примѣромъ такихъ случайныхъ созвучій можетъ служить записанная мною былина въ с. Варзугѣ Архангельскаго у. (Прилож. № 14). Наоборотъ, былины на Дону поются точно такъ же многоголосно, какъ тамошнія протяжныя пѣсни, и речитативъ сѣверныхъ былинъ, за очень малыми исключеніями, въ нихъ отсутствуетъ [1]), т.-е. какъ пѣсню, такъ и былину заводитъ болѣе или менѣе искусный запѣвало, а ему вторятъ своими излюбленными мелодическими оборотами остальные голоса и высокіе подголоски [2]).

Уральскихъ былинъ въ музыкальныхъ записяхъ имѣется очень мало въ

[1]) А. Листопадовъ „Донская Рѣчь“ № 198, 1902.

[2]) Образцы донскихъ былинъ въ записяхъ А. М. Листопадова, см. т. I Трудовъ Комиссіи.

сборникѣ Желѣзнова. Складъ ихъ отражаетъ вліяніе позднѣйшаго народнаго творчества—бытовой пѣсни, поэтому изслѣдованіе склада этихъ былинъ должно войти въ сферу изслѣдованія позднѣйшаго музыкальнаго творчества народа.

На примѣрѣ уральскихъ и донскихъ былинъ мы можемъ видѣть, какое значеніе имѣетъ новѣйшее творчество на былины: характеръ напѣва измѣняется совершенно, вслѣдствіе того, что исконные принципы въ прежнемъ творчествѣ—унисонъ, неполные ограниченные звукоряды—исчезаютъ подъ напоромъ новыхъ требованій, тщетно стремящихся прійти въ равновѣсіе съ современной культурой, усвоившей только упрощенные ритмы, образующіе въ культурной музыкѣ, хотя и сложныя, но квадратныя формы, далеко отставшія даже отъ искусства поэзіи, ранѣе неразрывно связаннаго съ музыкой, а нынѣ обладающаго массой разнообразныхъ формъ. Лучшіе образцы культурной музыки далеко не всегда доходятъ до народа и ему суждено пользоваться отбросами культуры въ видѣ военной музыки, хоровъ балалаечниковъ и т. д.

Результатомъ вліянія послѣднихъ являются пѣсни съ солдатскимъ пошибомъ и элементарнымъ ритмомъ, фабричныя пѣсни и частушки, символизирующія работу фабричной машины. Однако далеко нельзя сказать, что вся народная музыка находится подъ вліяніемъ именно дурныхъ вкусовъ.

Есть уголки, гдѣ она, не подвергаясь стороннимъ вліяніямъ, самобытно развивается вплоть до многоголосія и сложности звукорядовъ, какъ высшихъ степеней въ ея развитіи. Къ такимъ уголкамъ, несомнѣнно, относятся тѣ мѣста, гдѣ доселѣ сохранились остатки эпическаго творчества—это Уральская и Донская области, гдѣ хотя традиціонность въ пѣніи и утратилась, но позднѣйшій складъ не носитъ въ себѣ характера культурной (вѣрнѣе культивированной) музыки, и былины, записанныя въ этихъ районахъ, имѣютъ свои особенности, но нельзя сравнивать ихъ съ былинами сѣвера, которыя содержатъ въ себѣ столько разнообразія въ мелодіи, столько особенностей въ строеніи ритмическихъ періодовъ, что никакая теорія до сихъ поръ не охватывала вполнѣ ихъ законы. Уже приведенные мною выше первые четыре размѣра не подходятъ къ ритмическимъ квадратнымъ формамъ, потому что прежде всего стихъ раздѣляется не на 2, 4, 8, частей, а на два или три періода.

Періодъ содержитъ не 2, 4, 8 и т. д. звуковыхъ долей, а постоянно измѣняется, какъ это видно изъ приведенныхъ *таблицъ напѣвовъ* (Прилож. №№ 15 и 15а), раздѣленныхъ графами на періоды, такъ что общая продолжительность исполненія строки является не одинаковой. Наоборотъ, одинаковымъ въ продолженіе всей былины оказывается чередованіе періодовъ съ одинаковымъ музыкальнымъ содержаніемъ (1, 2, 3; 1, 2, 3; 1, 2, 3... или 1, 2; 1, 2; 1, 2...). Изложенная мною теорія мелодическаго склада былинъ не представляетъ собою ничего новаго; еще П. Сокальскимъ [1]) основаніе народнаго мелодическаго склада было въ высшей степени удачно подмѣчено, и изслѣдователямъ монографическими работами остается подтвердить взгляды П. Сокальскаго. Съ ритмической стороны дѣло обстоитъ иначе. Въ этой области былины составляютъ рѣзкую особенность среди остальныхъ видовъ народной пѣсни. Отсутствіе этого рода мелодическаго матеріала не давало возможности научно высказаться извѣстнымъ изслѣдователямъ народнаго музыкальнаго творчества, только въ самое недавнее время мы получили возможность анализировать напѣвы былинъ. Матеріалы по этой части все увеличиваются и

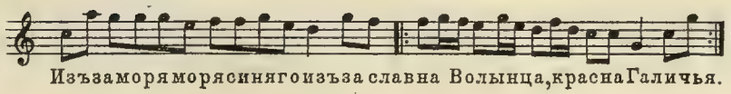
[1]) „Русск. пар. музыка“.

настоящая моя работа, касаясь ритмической стороны былинъ, представляется мнѣ попыткой наиболѣе цѣлесообразнаго разрѣшенія этой стороны, впервые разрабатываемой въ тѣсной связи текста и напѣвовъ, но насколько цѣлесообразно въ дѣйствительности мое теоретическое объясненіе ритма былинъ, покажетъ недалекое будущее; несомнѣнно только, что мой анализъ былинъ если еще не представилъ полнаго теоретическаго объясненія ритма былинъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, вполнѣ ясно доказываетъ непримѣнимость греческой теоріи къ нашимъ былинамъ. Принятыя мною широкія ритмическія рамки, конечно, могутъ встрѣтить возраженіе съ указаніемъ на разложеніе ритма въ принятыхъ мною образцахъ, какъ на причину неустойчивости величины группъ и періодовъ; но возраженія эти легко разсѣются, если припомнить, что въ музыкѣ подъ разложеніемъ мелодіи разумѣется такое ея тривіальное упрощеніе въ мелодикоритмическомъ отношеніи, которое не оставляетъ сомнѣнія въ низкопробномъ ея достоинствѣ, чего нельзя сказать про разсмотрѣнныя нами былины, во многомъ еще представляющія собою загадку для изслѣдователей.

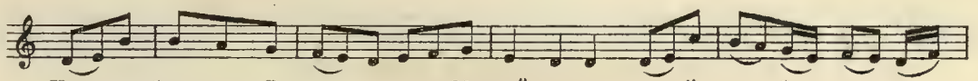
А. Масловъ.

Приложеніе къ статьѣ А. Маслова

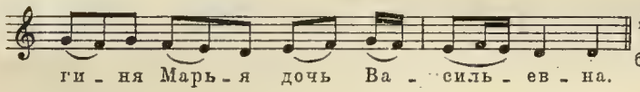
Былины, ихъ происхожденіе, ритмическій и мелодическій складъ.

1. 
„Дюкъ Степановичъ“ изъ сб. Кирши Д.

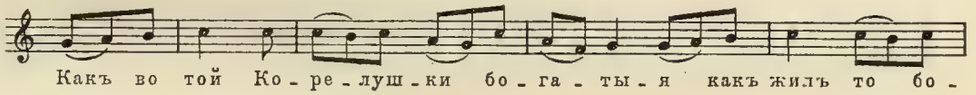
Изъзаморя морясинягоизъза славна Волынца, краснаГаличья.

2. 

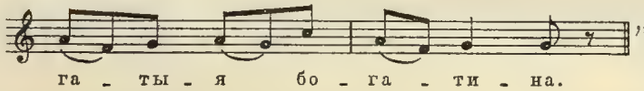
Ужъ какъ былъ жилъ Романъ да князь Михайловичь, у - ё - го бы - ла кне -


„Романъ Михайловичъ“ зап. А. Маслова и А. Маркова на Терскомъ бер. Бѣлаго моря.

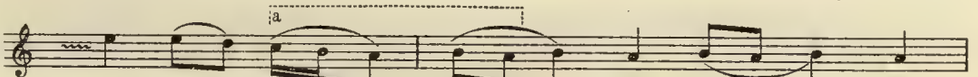
ги - ня Марь - я дочь Ва - силь - ев - на.

3. 

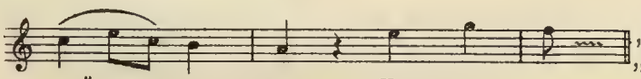
Какъ во той Ко - ре - луш - ки бо - га - ты - я какъ жилъ то бо -


„Дюкъ Степановичъ“ зап. Маслова и Маркова на Зимнемъ бер. Бѣл. моря.

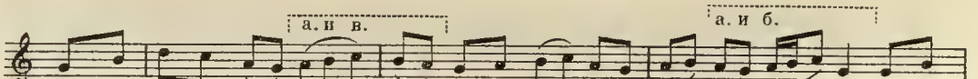
га - ты - я бо - га - ти - на.

4. 

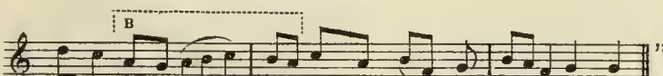
До се - лѣ Ре - - зань да сло - - бо -


„Добрыня и Змѣй“ № 32 изъ „Арханг. былинъ“ А. Д. Григорьева.

дой слы - ла Иш - шо

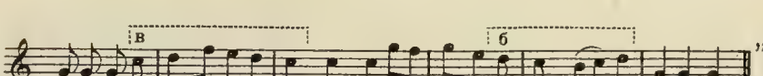
5. 

Какъ до се - ле - ва Ре - зань то - да сло - бо - дой слы - ла, иш - ще



„Бой Добрыни съ Ильей“ зап. Маркова и Маслова на Зим. бер.

но - нѣ - че Ре - за - нюш - ка сло - ве го - ро - домъ.

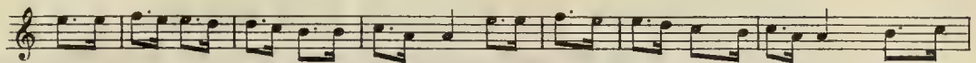
6. 

„Добрыня и Змѣй“ изъ сб. Кирши Д. (подтекстовка моя)

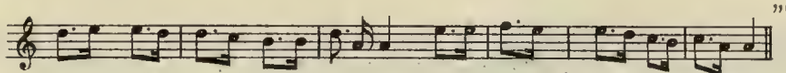
До селѣва Рязань о - на селомъ слыла. А нынѣ Рязань о слезе тъ городомъ.

Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

7.



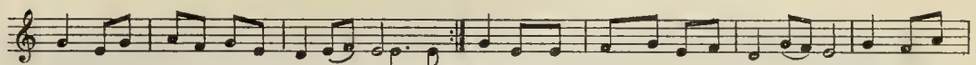
1 (2) Во спо_родила Добрыню родна матуш_ка. 3. Молодой Добринюшка Ми_китинецъ 4. Былъ у



даленькій дуродній доброй молодецъ. 5. То онъ ѣздилъ въ полѣ за охотою.

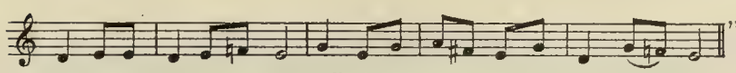
„Добрыня и Змѣй“ запись Аренскаго отъ И. Т. Рябинина. (Этногр. обозр. 1895 г.)

8.



Было во городѣ во Кіеви были ишше Софья то царевъна жили о-

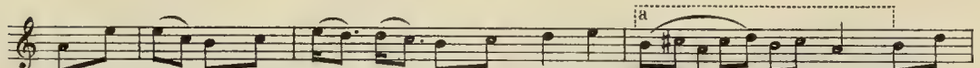
ни во одномъ во мѣсти, были ишше Богу всё молилися, люди про-



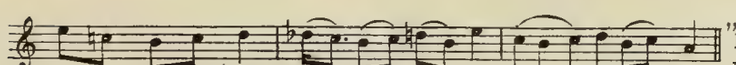
ихъ говорили про ихъ всё говорили все на прасли-ну.

„Иванъ Дородоровичъ“ изъ зап. А. Маркова и А. Маслова на Зимн. б.

9.



Ишше матушки было что ни въ каменной Москвы, что ни



царь нашъ то было да ни князь ни князь жилъ.

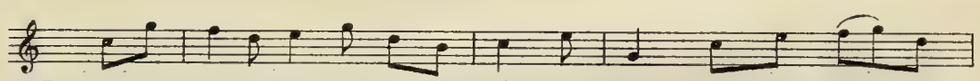
„Шведская война при Екатер. II“ изъ зап. Мар. и Масл. на Зимнемъ бер.

10.

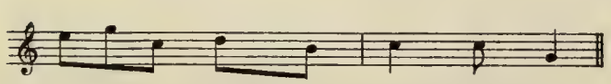
А какъ хвалите це Сотко да похваляите це сотко.

„Сотко“ изъ зап. Маркова и Маслова на Зимнемъ бер.

11.



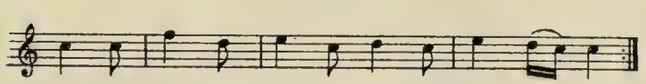
Благословите братцы Старину сказать какъ бы стари



ну старо-давню-ю.

Небылица изъ Кирши Д.

12.

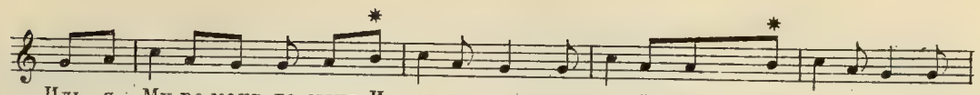


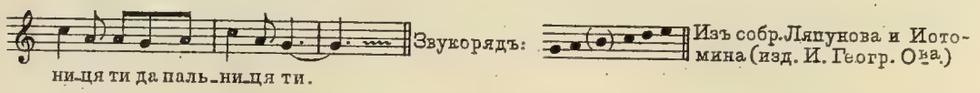
Старину скажу да старую прежню-ю.

Шутова-старина изъ сб. „Арханг. былины“ А. Д. Григорьева.

*) Діезъ или бемоль, поставленный въ скобкахъ, означаетъ средній по высотѣ звукъ, не укладывающійся въ нашу нотную систему. 728

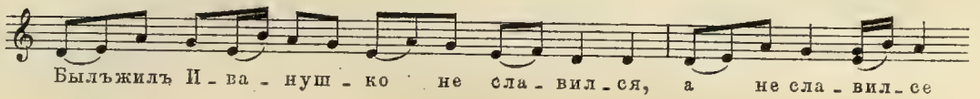
13.

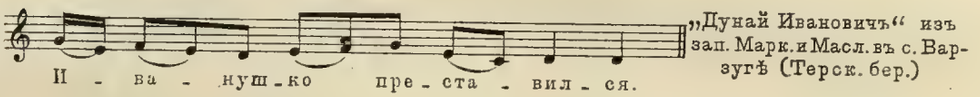




Изъ собр. Ляпунова и Иотомина (изд. И. Геогр. Об-ва.)

14.

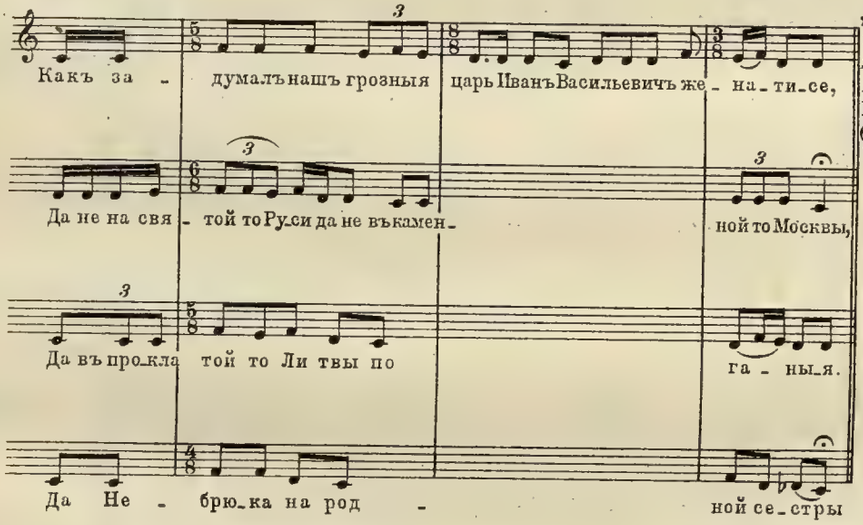




„Дунай Ивановичъ“ изъ зап. Марк. и Масл. въ с. Варзугѣ (Терск. бер.)

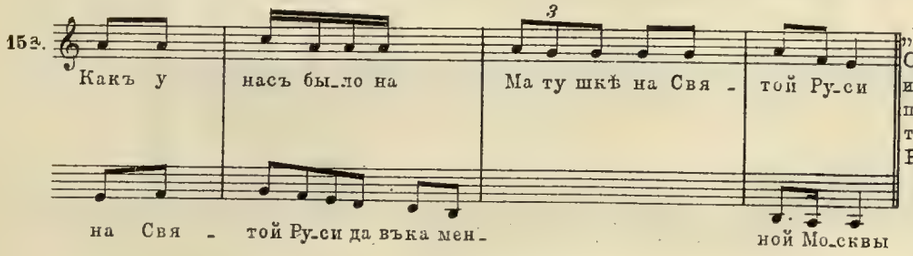
Iй РИТМ. ПЕРІОДЪ. IIй РИТМ. ПЕРІОДЪ. IIIй РИТМ. ПЕРІОДЪ.

15.



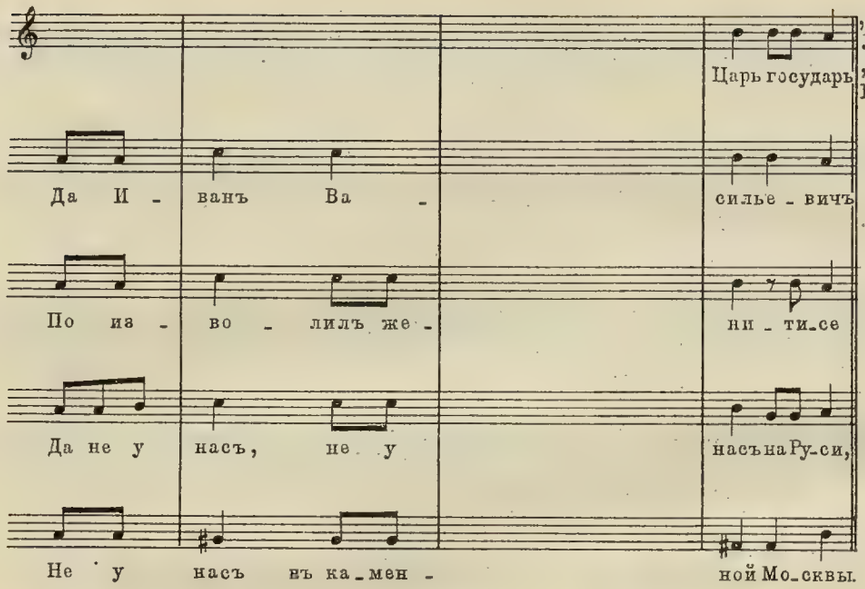
„Кострюкъ“ изъ Матерьяловъ, собр. въ Архан. губ. Марк. и Масл. (т. I Трудовъ Комиссіи.)

15a.



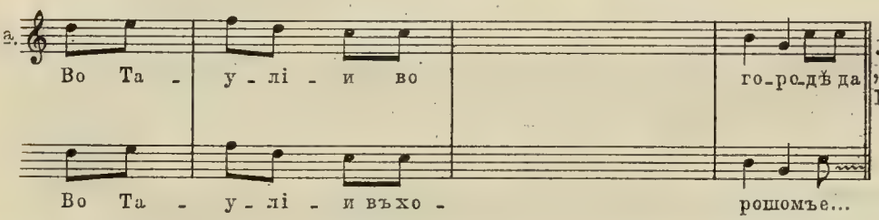
„Кострюкъ“ Олонецк. губ. изъ зап. Дютша и Истом. т. I „Пѣсенъ Р. Народа“

16.



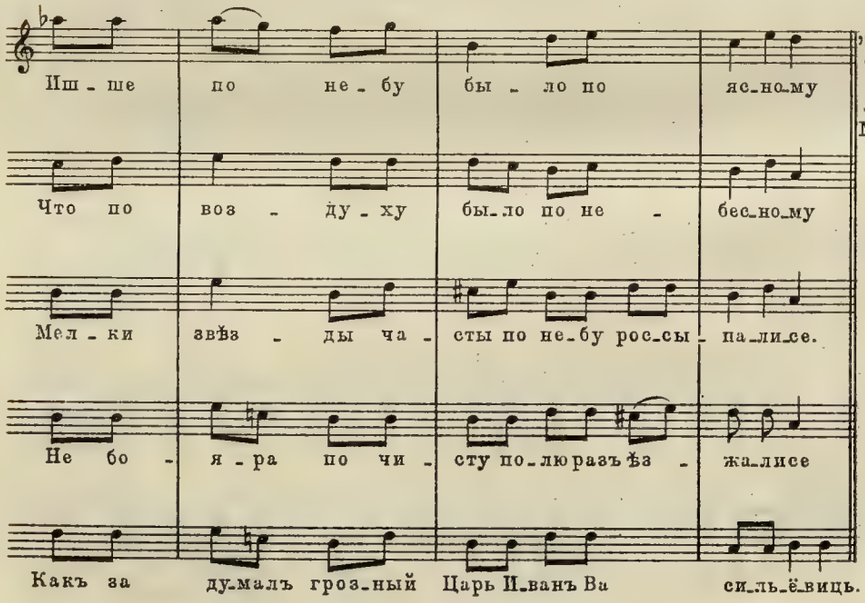
„Кострюкъ“ №23 Изъ „Арх. былъ“ Григорьева.

16а.



Кострюкъ №80 изъ „Арх. былъ“ Григорьева.

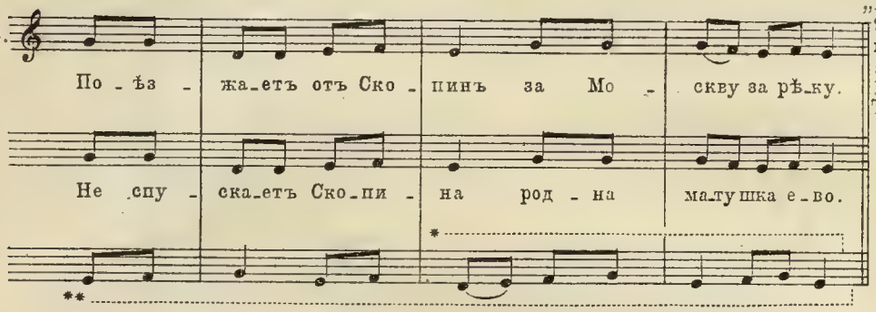
17.



„Кострюкъ“ №36 изъ Бѣлом.былинъ, зап. Марк. и Масл

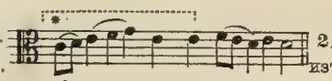
Iй РИТМ. ПЕРІОДЪ. IIй РИТМ. ПЕРІОДЪ. IIIй РИТМ. ПЕРІОДЪ.

18.

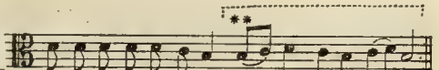


„М. Скопинъ“ 29изъ „бѣломор. был!“ зап. Марк. и Масл. (т. I Трудовъ Ком.)

1. Отрывокъ изъ Богородична Знам. роспѣва.

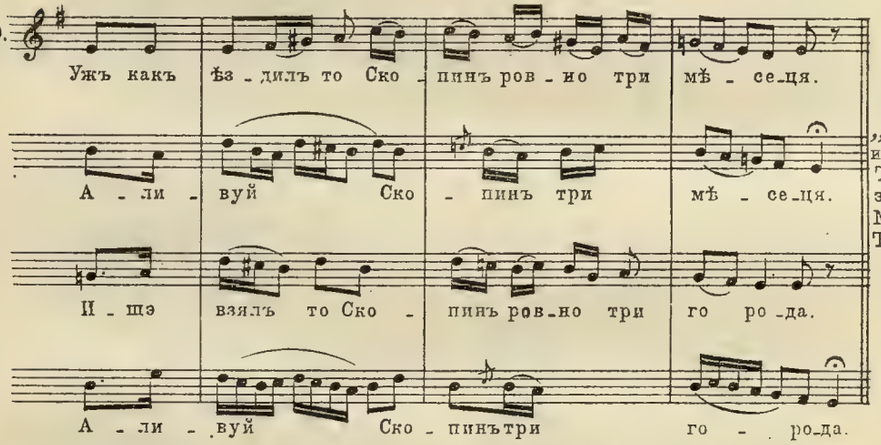


2. Отрывокъ изъ Сокращ. Кіевскаго росп.



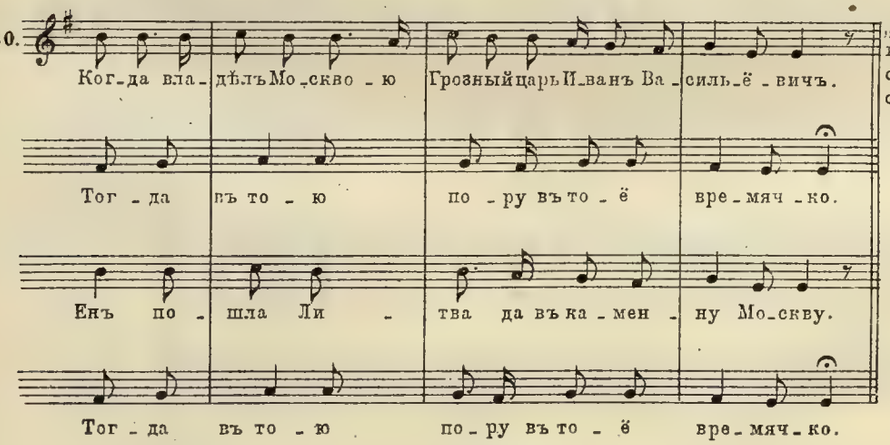
сі я пре гражде нія. Ис повѣдалися И ме ни Тво е му.

19.



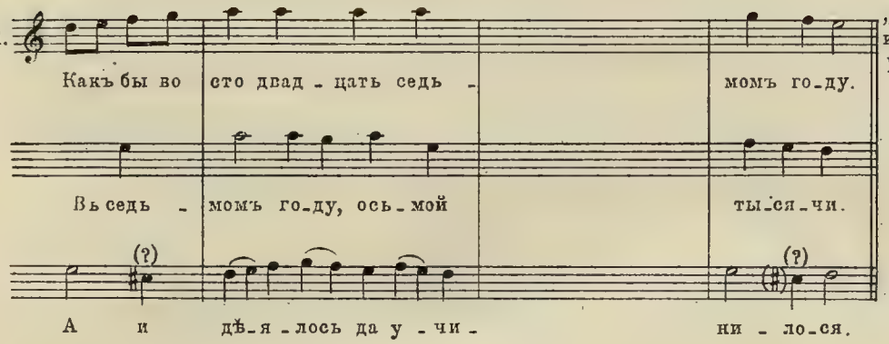
„М. Скопинъ“ изъ былинъ Терск. бер., зап. Марк. и Масл. (т. II Трудовъ Ком.)

20.

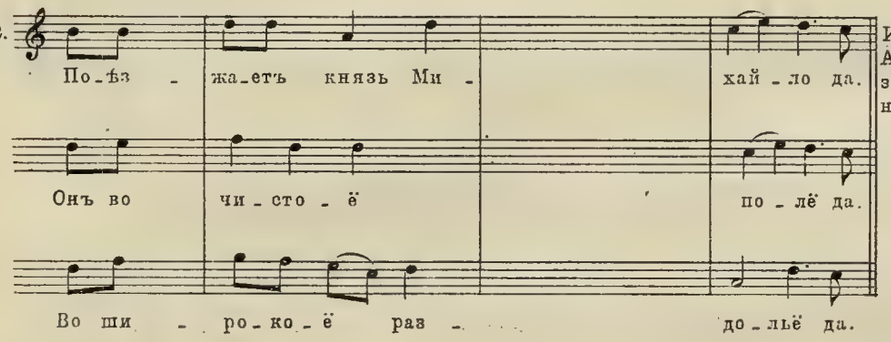


„М. Скопинъ“ изъ зап. Аренскаго (Этн. обозр.)

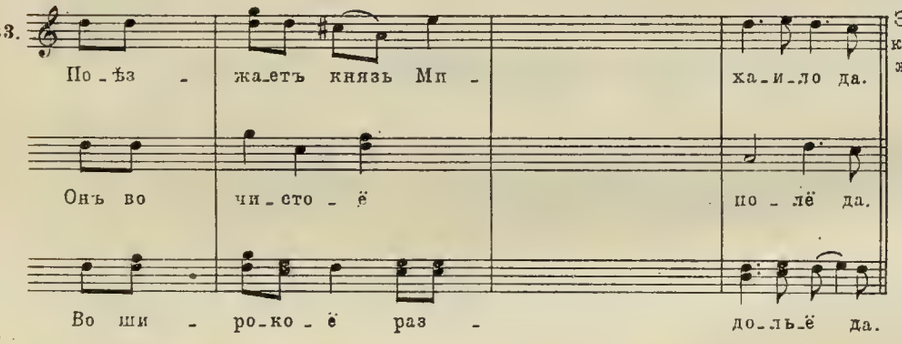
21. „М.Скопинъ“ изъ сб. Кириши Д.



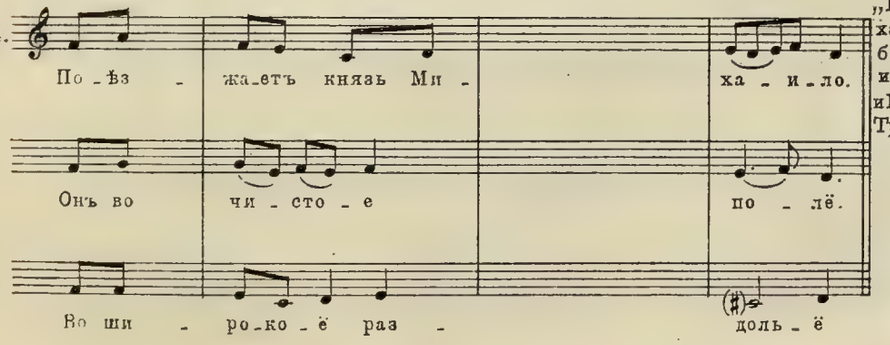
22. Изъ рукоп А.В.Маркова, зап.въ с.Поноѣ Арх.губ.

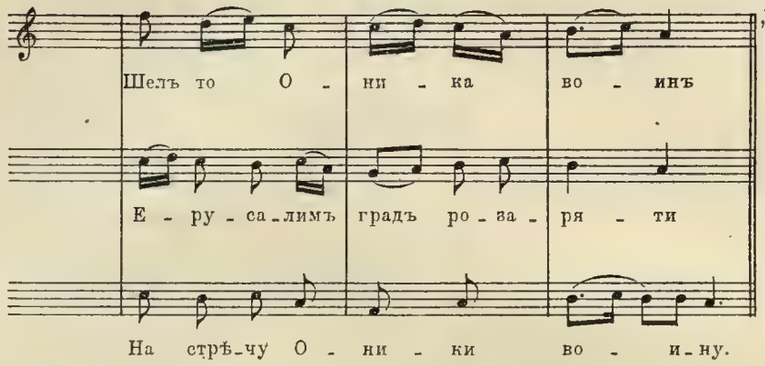


23. Зап.А.В.Марковымъ тамъ же.

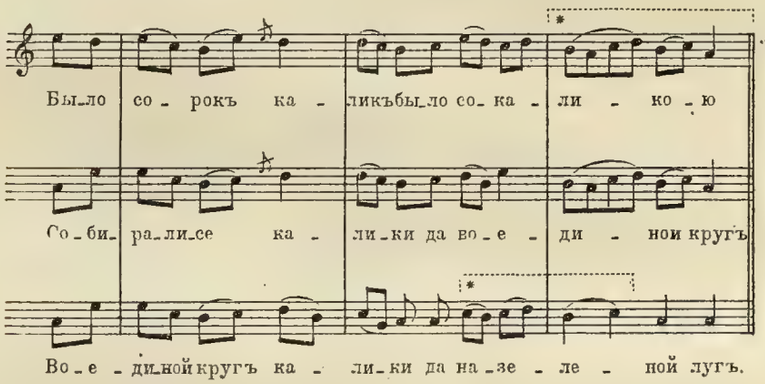


24. „Матькн.Михайлы губитъ жену“ изъзап.Марк. иМасл.(т. I ТрудовъКом.)

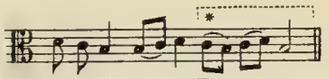


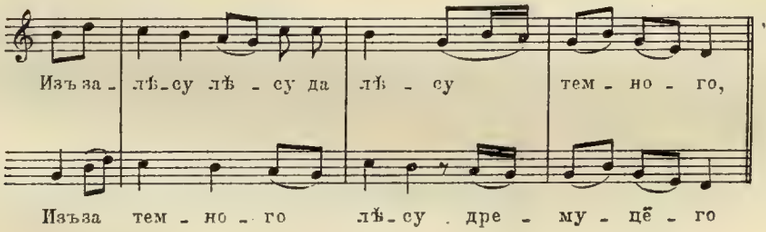
25. 

„Оника воинъ“ изъ зап. Марк. Масл. (т. I Трудовъ Комис.)

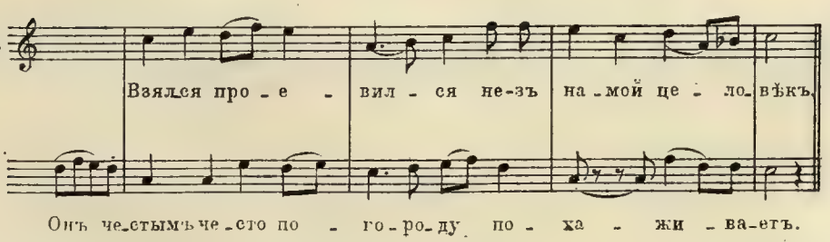
26. 

„40 каликъ со каликою“ оттуда-же.

3. Отрывокъ изъ сокращ. Кіевск. роспѣва 

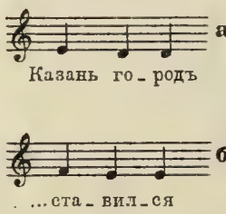
27. 

„Голубиная книга“ изъ Арханг. былинъ Григор.

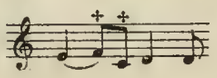
28. 

„СынъСтеньки Разина въ темницѣ и взятіе Астрахани;“ изъ Арханг. былинъ Григорьева.

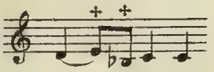
Таблица эпическихъ заключеній и образованія этихъ заключеній*)



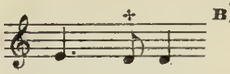
Схематическій видъ заключеній



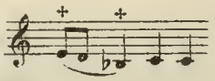
м) f^1 является гармонич. тономъ къ нотѣ d^1, а звукъ c^1-вспомогательной снизу къ нотѣ d^1.



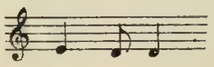
н) Тѣже украшающія, но образуютъ увеличенную кварту e^1-b^1.



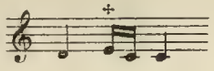
в) Отъ задержанія ноты e^1 звукъ слѣдующаго d^1 получилъ видъ предъема.



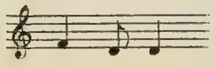
о) Звукъ e^1-верхн. вспомогательный къ d^1, а b^1-нижн. вспомогательный къ нотѣ c^1.



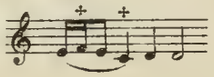
г) То-же, но точка у звука e^1 какъ бы исчезла.



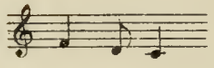
п) Нота e^1 является гармонической къ c^1.



д) То-же, но первый звукъ окончанія перемѣстился выше на секунду.

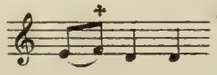


р) Звукъ f^1-верхняя, а звукъ c^1-нижняя вспомогательная нота къ звуку d^1.

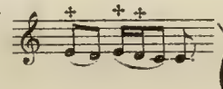


е) Окончаніе измѣнилось мелодически, но ритмическую основу сохранило какъ *a)* и *b)*

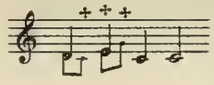
с) Отдаленное ритмическое сходство съ схематическимъ окончаніемъ.



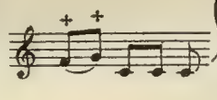
ж) Звукъ f^1 является гармоническимъ къ слѣдующему d^1.



т) e^1 (первая)-вспомогательная къ d^1, e^1 (вторая) гармоническая къ слѣдующему c^1 между ними d^1-проходящая.

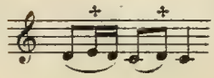


з) Звукъ e^1 является гармоническимъ къ звуку c^1, звуки $c^1 e^1 g^1$ также гармоническіе образуютъ родъ гармонич. фигураціи.

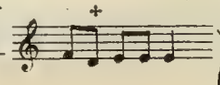


у) Повидемому f^1 замѣняетъ звукъ d^1 являясь ему гармоническимъ g^1 гармоническая къ c^1.

Изъ одного напѣва.

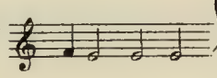


и) Нота e^1 и d^1-суть верхнія вспомогательныя между двумя одинаковыми звуками.



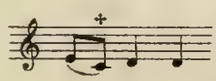
ф) d^1-нижняя вспомогательная къ e^1.

к) Нота f^1-верхняя вспомогательная.



х) Окончаніе ритмически выдержано по примѣру *a)* и *b)*

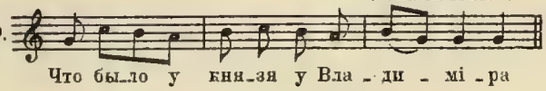
Изъ сборн. Кирши Д.



л) Нота a нижняя вспомогательная.

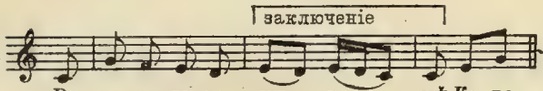
*) Всѣ примѣры окончаній взяты изъ былинъ разныхъ новыхъ записей и старыхъ, между прочимъ изъ Кирши Данилова.

29. заключеніе



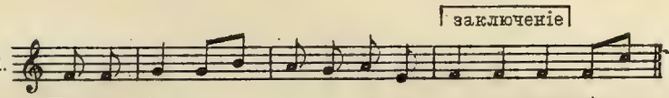
Эпич. заключ. законченное изъ „Арх. был." Григорьева стр. **653**, II.

30. заключеніе



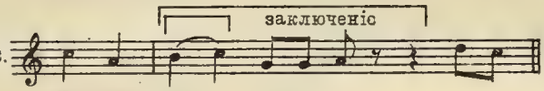
Эпич. заключ., съ сокращеніемъ, переводящее къ слѣдующему стиху изъ „Арх. был." стр. **654**, I.

31. заключеніе

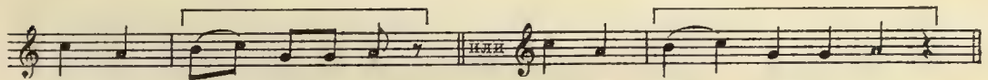


Эпич. заключ. полное, переводящее къ слѣд. стих. изъ „Арх. был." стр. **654**, XII.

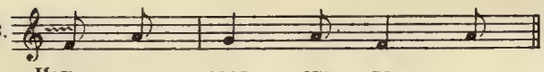
32. заключеніе



Эпич. заключ. распространенное съ переводомъ; изъ „Арх. был." стр. **655**.

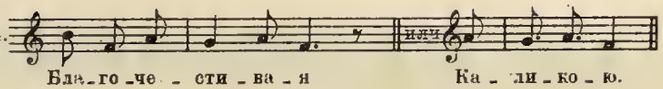


33.



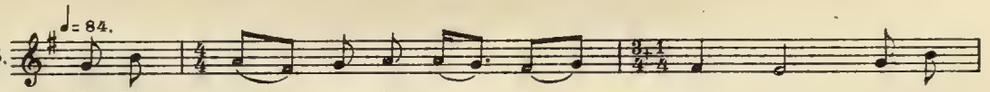
Изъ „Арх. был." стр. **658**, I. Это заключ. сокращенное, на что указываетъ обозначеніе въ другихъ окончаніяхъ самимъ записывателемъ И. Тезавровскимъ, напримѣръ:

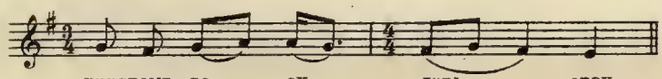
34.



Изъ „Арх. был." стр. **660**, II и **657**, X.

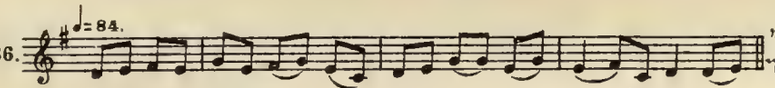
35. ♩= 84.





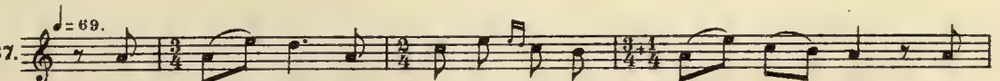
„Осада Солов. мон." зап. Маркова и Маслова (I т. Трудовъ Ком.)

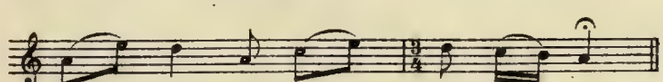
36. ♩= 84.



„Голуб. книгѣ" зап. Маркова и Маслова (I т. Труд. Ком.)

37. ♩= 69.





„Кн. Владимиръ и 3 сына" зап. Маркова и Маслова (I т. труд. ком.)

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Записаны А. Н. ПОПОВЫМЪ.

Пѣсни села Леденгска, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Слова и напѣвы записалъ учитель Вологодскаго духовнаго училища

Анатолій Поповъ.

Представляемые здѣсь 16 номеровъ русскихъ народныхъ пѣсенъ записаны мною лѣтомъ 1903 года въ селѣ Леденгскѣ, Леденгской волости, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи (въ 35 верстахъ отъ г. Тотьмы и въ 235 отъ г. Вологды), отъ хора мѣстныхъ пѣвцовъ, крестьянъ и крестьянокъ названнаго села [1]). Изъ этихъ 16 пѣсенъ—6 святочныхъ, 8 протяжныхъ и 2 шуточныхъ. Святочныя или, какъ ихъ называютъ пѣвцы, «святоскія» пѣсни поются только на Святкахъ. «Если пѣть ихъ въ другое время, то можно на печѣ заблудиться», говорятъ пѣвцы. Эти пѣсни называются еще «рядовыми», такъ какъ при пѣніи ихъ молодцы и дѣвицы попарно становятся въ ряды и ходятъ по избѣ, притопывая въ тактъ ногами. Остальныя 10 пѣсенъ поются во всякое время года. Записанными номерами, конечно, далеко не исчерпывается весь тотъ пѣсенный матеріалъ, который до настоящаго времени живетъ въ устахъ пѣвцовъ села Леденгска. По свѣдѣніямъ, добытымъ мною отъ пѣвцовъ и пѣвицъ, въ Леденгскѣ сохранился еще обширный циклъ пѣсенъ свадебныхъ, а также хороводныхъ и плясовыхъ. Можно отмѣтить, что въ Леденгскѣ любятъ пѣть и поютъ довольно стройно, но, къ сожалѣнію, и здѣсь (такъ же, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи) старинная народная пѣсня уступаетъ мѣсто новомодному современному романсу. Одинъ изъ такихъ романсовъ, носящій на себѣ слѣды литературнаго вліянія, записанъ мною и помѣщенъ здѣсь подъ № 14; такова же, повидимому, и шуточная пѣсня № 16, извѣстная среди пѣвцовъ подъ именемъ «Савѝна».

Способъ записи былъ тотъ же, что и ранѣе при записываніи пѣсенъ деревни Жукова, Никольскаго у., Вологодской г., напечатанныхъ въ I томѣ «Трудовъ Музыкально-Этногр. Коммисіи», стр. 477—495 (см. предисловіе къ записямъ пѣсенъ) [2]). Мелодія и подголоски, а также текстъ каждой пѣсни тщательно провѣрены, при чемъ каждая пѣсня повторялась нѣсколько разъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, сложныя и трудныя по мелодіи, были пѣты по 10 разъ и болѣе. Темпъ обозначенъ по метроному. Поставленные въ скобкахъ діезъ и бемоль (№№ 7 и 10 пѣсенъ) означаютъ, что здѣсь пѣвцы дѣлали интервалъ неопредѣленнаго характера: нѣчто среднее между тономъ и полутономъ. Въ виду того, что для подобныхъ звуковъ у насъ пока не существуетъ строго опредѣленной и общепринятой нотаціи, приходится обозначать ихъ условно.

А. Поповъ.

Вологда. 1906 г., 18 ноября.

---

[1]) Всего пѣло 7 человѣкъ. Вотъ ихъ имена: Игнатій Андреевичъ Животовъ—24 л., Александръ Михайловичъ Шапанинъ—22 л., Павелъ Александровичъ Юнинъ (всѣ неженатые); дѣвицы: Анна Васильевна и Александра Ивановна Бабушкины—18 л., Раиса Васильевна Мельникова—17 л. и ея мать-старушка—замужняя женщина Марья Григорьевна Мельникова, 61 г. Въ домѣ Мельниковой и велись записи пѣсенъ.

[2]) Ввиду ясности ритма печатаемыя въ этомъ томѣ мелодіи редакція нашла возможнымъ раздѣлить тактовыми черточками.

I. Святочныя («святскіе») пѣсни.

1. Изъ-за моря, изъ-за синяво моря.

1. Изъ-за моря, изъ-за моря, изъ-за синяво моря, изъ-за синяво моря [1]),
Бочки катятъ (2), сапоги говорятъ (2),
Скобы бречатъ (2), лишь кольцо говоритъ (2).
Просятъ коня (2), коня батюшкова (2),
5. Батюшковъ конь (2) онъ не встаў, не пошеў, головы не понесъ, молодые не повёзъ

Пѣсня повторяется, но вмѣсто 4-го стиха и слѣдующаго поется такъ:

4 а. Просятъ коня (2), коня ладушкина (2),
5 а. Ладушкинъ конь (2) онъ и стаў и пошеў, голову и понёсъ, молодую и повёзъ.

2. Красны дѣвушки по сѣничкамъ гуляли.

1. Красны дѣвушки по сѣничкамъ гулялы, ай гуляли,
Ясна сокола на ручецькахъ носили, ай носили.
Не ясенъ соколъ па ручкахъ воспѣваётъ, воспѣваётъ,—
Вы скачите, вы пляшите красны дѣвки, красны дѣвки,
5. Не ровенъ по васъ сужоной пріидётъ, ай пріидётъ,
Либо старой, либо малой, либо ровня.
Это старой мужъ по торгу гуляётъ, ай гуляётъ,
Мнѣ-ка чёрную китайку закупаётъ, закупаётъ.
Мнѣ-ка черная китайка не носити, не носити,
10. Мнѣ-ка старова мужа не любити, не любити.

Повторяются первые 6 стиховъ, затѣмъ:

7 а. Это малой мужъ по торгу гуляётъ, ай гуляётъ,
Мнѣ-ка синюю китайку закупаётъ, закупаётъ.
Мнѣ-ка синяя китайка не носити, не носити,
10 а. Мнѣ-ка малова мужа не любити, не любити.

Снова повторяются первые 6 стиховъ, затѣмъ:

7 б. Это ровнюшка по торгу гуляётъ, ай гуляётъ,
Мнѣ-ка алую китайку закупаётъ, закупаётъ.
Мнѣ-ка алая китаечка носити, ай носити,
10 б. Мнѣ-ка ровнюшку мужа и любити, и любити.

3. Въ саду дѣвки гуляли.

1. Въ саду дѣвки гуляли. Калина ли моя,
малина ли моя [2]).
Въ саду красны гуляли,
Опѣ рвали, щипали
Все лазоревы цвѣточки,
5. Завивали вьюно́чки,
Плели плетешо́чики,
10. — «Это хто вьюнъ переймéтъ,
Я за тово замужъ пойду».
Що кидаусѐ,
Старой чортъ съ борбдою́
Да по бѣлы́ груди въ воду́.
15. Ахти мнѣ, согрѣшила,
Ста́рова погубила,

---

[1]) Каждое полустишіе повторяется; въ 5 и 7 стихахъ вторая половина дѣлится на 3 части, сообразно съ напѣвомъ.

[2]) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ко рѣкѣ приходили,
Вьюны на воду бросали,
Да й завѣтъ завичали:
Я малова воскресила,
Ровнюшку полюбила.

4. Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ.

1. Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ тутъ казачка гулялъ.
Ой ли, ой ли, ой люшенци, тутъ казачка гулялъ [1]).
Розскакавши, роспляшавши, самъ невѣстъ выбиралъ:
Хорошая, пригожая, пойди, выйди за меня;
Не пойдешь ты, спокаешься, воспомянешь меня.
5. Пойду, схожу, я вѣдь спрошу у сусидей вашихъ.
Сусѣдушки, собранушки цево я у васъ спрошу:
Вы скажитё, не совритё, какова есть она?
Сусѣдушки, собранушки прихвалили мнѣ васъ.
Благодарствуй, сусѣдушки, що женили молодца.
10. Ой ли, ой ли, ой люшенци, що женили молодца.

5. Вдоль было по травонькѣ.

1. Вдоль было по травонькѣ, вдоль по муравкѣ, ляли, ляли, лялюшки, по муравкѣ (или: вдоль по муравкѣ),
По зеленому по лужецьку, ляли, ляли, лялюшки, по лужецьку,
Тутъ ходилъ, гулялъ удалой молодцикъ, ляли, ляли, лялюшки, вотъ молодцикъ [2])
Зоветъ, вызываетъ онъ красну дѣвицу:
5. «Пойди, выйди, дѣвица, за ворота,
Пойди, выйди, красная, за новыя
Со мной съ молодцомъ постояти,
Со мной со удаленькимъ риць говорити».
Тутъ дѣвица къ молодцю выходила,
10. Красная молодцю риць говорила:
«Я те, молодецъ, обезчещу
Я при всемъ тебя при народѣ,
При всемъ дѣвицьемъ караводѣ».
Що дѣвица молодця поборола,
15. Пуховую шляпоньку скидавала,
Русые кудерышка рострепала,
На молодцѣ синь кафтанъ замарала,
Часты мелки пуговки ростегала
Змазные сапоженьки з топтала.
20. Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ:
«На що меня матушка породила
Несчастною долюшкой надилила».

Повторяются первые 10 стиховъ; дальше такъ:

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, съ повтореніемъ послѣднихъ словъ стиха, какъ видно изъ напѣва.

[2]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха, съ повтореніемъ послѣдняго слова, къ которому иногда, по требованію напѣва, прибавляется слово «вотъ», какъ въ 3-мъ стихѣ.

«Прости, молодецъ, виновата:»
Я тя, молодецъ, не признала».
На молодцѣ спинь кафтана вычищала,
Пуховую шляпоньку надѣвала,
Часты, меўки пуговки застегала,
Змазные сапоженьки вычищала.
Пошеў молодецъ, взрадоваўся, ляли, ляли, лялюшки, взрадсваўся.

6. По горамъ дѣвки ходили.

По горамъ дѣвки ходили, да ходили, да
Цеботамъ гору топтали, да топтали, да
И мецямъ горы шибали, да шибали [1]), да
Напишу ли я грамотку, да грамотку, да
Я къ родимому батюшку, да къ батюшку, да
Що велитъ ли мнѣ батюшко, да батюшко, да
Мнѣ по игрищамъ ходити, да ходити, да
Ты ходи, доци, вéселись, да вéселись, да
Съ кѣмъ не сойдешься, пóклонись, да пóклонись, да
Ты отъ старова бтступись, да бтступись, да
Ты отъ малова прóць пóдй, да прóць пóдй, да
Своёй ровнюшкѣ пóклонись,, да пóклонись.

II. Протяжныя.

7. Край дороженьки было Московской.

Эой, какъ край дороженьки было Моско... край Московской,
Край Моско... край Московской, эой, какъ край широкой было Ярсла... Ярославской.
Ярсла... Ярославской, эой, какъ тутъ стояла зеленая ро... въ полѣ роща,
Въ полѣ ро... въ полѣ роща, эой, какъ во этой во зеленой ро... было рощѣ,
Было ро... было рощѣ, кэой, акъ тутъ стояла зеленая яли... вотъ ялинка,
Вотъ яли... вотъ ялинка, эой, какъ распрекрасная въ садѣ дереви... деревинка,
Дереви... деревинка, эой, какъ не толстая вся собой ровна... вотъ ровная,
Вотъ ровна... вотъ ровная, эой, какъ отъ вершины до самова ко... вотъ до корня,
Вотъ до ко... вотъ до корня, эой, какъ на этой было на ели... на елинкѣ,
На ели... на елинкѣ, эой, що на самой было на верши... на вершинкѣ,
На верши... на вершинкѣ, эой, тутъ сидѣла птичка вольна пта... вольна пташечка,
Вольна пта... вольна пташка, эой, горемычная сѣрая коку... вотъ кокушка,
Вотъ коку... вотъ кокушка, эой, не кокуётъ, все она горю... вотъ горюётъ,
Вотъ горю... вотъ горюётъ, эой, жалобнёшенько пташка причита... причитаетъ,
Причита... причитаетъ, эой, подъ ялинушку часто взира... вотъ взираетъ,
Взира... вотъ взираетъ, эой, подъ ялинушкой лежитъ моло... вотъ молодчикъ,
Моло... вотъ молодчикъ, эой, не убитой лежитъ не застри... не застриленой,
Не застри... не застриленой, эой, вострой сабелькой душа испроко... испроколотой,
Испроко... испроколотой, эой, на немъ тонкая бѣлая руба... вотъ рубашка,
Вотъ руба... рубашка, эой, во кровѣ она лежитъ кума... вотъ кумашная,
Вотъ кума... вотъ кумашная, эой, надъ молодцомъ стоитъ красная дѣву... вотъ дѣвушка.

л[1]) Бросаи.

8. Я давно-то ли своево любезнова.

1. Охъ я давно-то ли своево любезнова не видала я милова во глаза,
Ой, не видала милова во глаза, эой, какъ не то кли што ли я сво видала гол социку
милова не слыхать.
Ой голосоцику милова не слыхать, эой, какъ подаётъ то милой голсоцикъ черезъ тем-
ненькоётъ черезъ лѣсокъ.
Ой, черезъ темненькой-то черезъ лѣсокъ, эой, какъ лѣсотъ тёмной стоитъ зеленой лѣсотъ
клопитца да ко сырой землѣ.
5. Ой, лѣсотъ клопитца да ко сырой землѣ, эой, какъ моё-тъ миленькой дружек-отъ задушев-
ной на великихъ радостяхъ бѣжитъ.
Ой, на великихъ радостяхъ бѣжитъ, эой, какъ бѣжалъ рощицей милой торопился попро-
сился-то ко мнѣ поцевать.
Ой, попросился ко мнѣ поцевать, эой, какъ ты поцюй-ко поцюй мой миленькой поцюй
поценьку ты, радость, со мной.
Ой, поцюй поценьку, ты радость, со мной, эой, какъ радъ радешенекъ я съ тобой поцюти,
боюсь до свѣту я съ тобой просплю.
Ой, боюсь до свѣту я съ тобой просплю, эой, да ты не бойся мой миленькой надійся, я
сама-то ранешенько встаю.
10. Ахъ, я сама ранешенько встаю, эой, какъ до зорюшки краснова солнышка, до зорюшки
я милова розбужу.
Ой, до зорюшки милова провожу, эой, какъ я до тѣхъ мѣстъ милова провожала, гдѣ
скончалася съ милымъ любовь.
Ой, гдѣ скончалася-то съ милымъ любовь, эой, какъ гдѣ скончалася съ милымъ раста-
валася со слезъ рицюшка быстрая протекла.
Эхъ, со слезъ рицюшка быстрая протекла, эой, какъ не широкая рицюшка глубока, пере-
ходу черезъ рицюшку пѣтъ.
Ой, за рицюшку переходу нѣтъ, эой, только есть черезъ рицьку переходикъ, легка ла-
винка туто лежитъ.

Дальше пѣвцы и пѣвицы не знали пѣсни, кромѣ старушки Т. Г. Мельниковой, которая и досказала пѣсню такъ:

Топка лавинка обломилась, мой любезный потонулъ;
Понесло-то пухову шляпу внизъ по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ,
Да по серединѣ глубинѣ, по серебряной струѣ.

9. Ужъ ты горюшко несносное.

1. Ужъ ты горюшко несносное [1]),
Мнѣ куда съ горя дѣватися.
Я пойду съ горя во чистыё поля,
Во цисты поля, во цистомъ полѣ ро-
стетъ трава,
Ростетъ трава, росэ ой, тетъ трава шеу-
ковая,
5. Тутъ цвѣты въ полѣ лазоревы.
Я сорву цвѣты, совью вѣнокъ
Милому-то дружку на головушку,
Ой ты носи-ко носи, не скидывай,
Ты люби-ко меня да не забывай.
10. Покамъ васъ любилъ все сцясливой быу,
Отъ васъ отстаў — несцястной стаў.
Отстау подъ неволю попаў—

[1]) Послѣ каждаго стиха для перевода къ слѣдующему стиху повторяются послѣдніи слова на 4—5 слоговъ, съ прибавленіемъ иногда „эой“ или „ой“. Послѣ стиха 11 и 12 повторенія выписаны въ текстѣ.

Дакъ я несцясной стаў, въ тюрьму попаў,
Въ тюрмѣ сижу, въ окно гляжу,
Не идетъ ли моя стара прежняя,
Не несетъ ли она мнѣ подароцька,
Золотой перстень со правой руки.

10. Ужъ ты день ли мой, денёчикъ.

Ужъ ты день ли мой, да денёчикъ (да) день прекра... день прекрасной веселой,
День прекрасной веселой, ужъ ты миленькой (да) дружочикъ знать съ тобо... знать съ тобою да не живать.
Знать съ тобою не живать, забывай-ко меня ты скорѣе, другъ, на вѣки, на вѣки забывай.
Другъ на вѣки забывай. Что къ несноспому-то мученью, другъ, меня не вспоминай.
Другъ, меня не вспоминай. Я съ тово горя кручины во темны... во темны лѣса пойду.
Во темные лѣса пойду, закричу я младешенька громкимъ го... громкимъ голосомъ своимъ.
Громкимъ голосомъ своимъ... Ужъ вы лѣсы, лѣсы темные приклоня... приклоняйтесь ко землѣ.
Приклоняйтесь ко землѣ. Ужъ вы звѣрья, звѣрья лютые, собира... собирайтесь всѣ сюда.
Собирайтесь всѣ сюда. Вы возьмите, разорвите горего... горегорькую меня.
Горегорькую меня, ой, ужъ вы, птицы всѣ крылатыя, солетайтесь всѣ сюда.
Солетайтесь всѣ сюда. Вы возьмите, розпесите по чистому полю вы меня.
По чистому полю меня. Треплетъ, треплетъ лихорадка, треплётъ милово-то дружка.
Треплетъ милова дружка. Я пойду, схожу къ этой бабкѣ, совѣтъ спро́шу у нея.
Пойду спрошу у ее: Ужъ ты, бабка ли, ты отгадка, отгадай-ко ты, отцево.
Отгадай-ко ты, отцево. Говорятъ, что я простудиўся все гулявши по ноцямъ.
Все гулявши по ноцямъ... Въ одну дѣвушку я влюбиўся—не могу-то ее забыть.
Не могу я ее забыть. При каиланьѣ на гуляньѣ мальцикъ дѣ... мальцикъ дѣвушку обняў.
Мальцикъ дѣвушку обняу. Дѣвценышко стало стыдно, пролили... пролились-то слезы изъ глазъ.
Пролились слезы изъ глазъ. Молодцику стало жауко, сталъ платоцикъ выпимать.
Сталъ платоцикъ выпимать. Сталъ платоцикъ вынимать, горьки слезы стау вытирать.
Горьки слезы вытирать: «не плацъ, дѣвка, не плацъ, красна, не плацъ, милая ты моя.
Не плацъ, милая моя. Разгорится мое серцо, возьму замужъ за себя.
Возьму замужъ за себя». — «Это гдѣ-то можо́тъ слуцитьца, чтобы мнѣ то тобой да владать?
Чтобы мнѣ тобой владать. Ваше свидѣньё [1]) богато, я сама красавица.
Я сама-то красавица. Я сама-то красавица-то собою, обвинцяемся съ тобой.

11. Ужъ ты молодость моя молодецкая.

Ахъ ужъ ты молодость моя, эой, ужъ ты молодость моя молоде... эой, молодецкая,
А ты давно то ли прошла, эой, ты давно то ли прошла прокати... эой, прокатилася?
А не во времяцько нужда, эой, не во времяцько нужда привяза... привязалася,
Не во времяцько оно, эой, не во времяцько во́ пору работную, во время сёнокосное.
Ой день журитъ жена, бранитъ, эой, день журитъ, бранитъ, поцью выгова... выговариваетъ:
Не ходи-ко милой мой, эой, не ходи-ко ты милой во царё... эой, во царевъ кабакъ,
Ты не пейко, милой мой, эой, ты не пейко, милой мой, зелена... эой, зелена вина,

[1]) На вопросъ, что значитъ слово „свидѣньё“, одинъ изъ поющихъ сказалъ: „свидѣньё“ значитъ, что онъ больно богатъ.

Охъ ты зелёнова вина, эой, ты зеленова вина сладкой во... эой, сладкэй водоцьки,
Ты напьешься, милой мой, эой, ты напьешься, мой милой, зашата... эой, зашатаешься,
Ой надъ своёй курвой женой, эой, надъ своей курвой женой ты раскура... эой, раскуражишься,
Скажешь: прочь поди, жена, эой, скажешь: прочь поди, женушка неми... эой, вотъ немилая,
Охъ у тебя твоя родня, эой, у тебя-то вся родня посты... эой, вотъ постылая.
Я пойду то ли схожу, эой, я пойду то ли схожу на синё... эой, на синё морё,
Я куплю своёй женѣ, эой, я куплю своёй жёнкѣ новъ кора... эой, новъ корабличекъ.
Посажу свою жену, эой, посажу свою жо́нку ровно ба... эой, ровно баровню,
А отпущу свою жену, эой, отпущу свою жену впизъ по мо... эой, внизъ по морюшку.
Что корабличекъ пловётъ, эой, что корабличекъ плыветъ какъ соко... эой, какъ соколъ летитъ.
Мнѣ и тутъ своёй жены, эой, мнѣ и тутъ своёй жонки сожалѣ... эой, сожалѣлося,
Я скричалъ своей женѣ, эой, я скричалъ своей женѣ... эой, воротись наза́дь.

12. Какъ на морѣ, морѣ, на синемъ на морѣ.

Какъ на морѣ, морѣ, на синемъ на морѣ,
Какъ на морѣ окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, было дѣло въ старину.
Дѣвка платье мыла, громко колотила,
Какъ по морю раздавалось, по островамъ разливалось, было слышно далеко.
Сухо выжимала, дружка поджидала,
То оглянется сюда, то оглянется туда, во всѣ стороны глядитъ.
Ѣдетъ съ поля баринъ на ворономъ конѣ,—
Ко красоткѣ подъѣзжаетъ, черну шляпу скидаетъ, бьетъ красавицѣ челомъ.
Дѣвица красива, не скажи—спасибо,
Гляди прямо на меня, я давно люблю тебя, ты послушай, что скажу:
Напой моево ко́ня сре́ди си́ня моря,
Чтобы воронъ конь напился, чтобы поводъ не смочился, сухо надобно, какъ есть.
Сошей, милой, платье изъ лазорева листу,
Чтобы листик-отъ не мялся, некогда бы не марался, цвѣлъ на мнѣ, какъ на кустѣ,
Сошей мнѣ башмачки бе́зъ ва́ру безъ дра́твы,
Что безъ вару безъ товару изъ бѣлова снѣгу, чтобы къ милому идти, не было бы слѣду.

13. Отлучается мой миленькій въ дороженьку.

Отлучается мой миленькій въ дороженьку, эой, не во дальную да жаль тошнешенько.
Не во дальную да жаль тошнешенько, эой, воротись-ко мой милой да поскорёшенько.
Поскорешенько, эой, не воротишься мой милой умереть будетъ съ тоски,
Мой милой, умереть съ тоски, эой, надсадиться будетъ сердцу плакавши,
Сердцу плававши, эой, все тебя-то моя радость дожидаючи,
Дожидаючи, эой, со восточную да со сторонушку,
Со сторонушку, эой, съ Петербургскую да со дороженьку.
Съ Петербургскую да со дороженьку, эой, не орел-отъ ли летитъ, да не въ когтяхъ ли онъ несетъ,
Летитъ да не въ когтяхъ несетъ, эой, пишетъ миленькій да ко мнѣ грамотку,
Дружочикъ ко мнѣ грамотку, эой, ко мнѣ грамотку письмо да вѣсть нерадостну,

Письмо да вѣсть не радошную, эой, не сидѣла бы милая долго вечеромъ,
Милая долго вечеромъ, эой, что не жгла бы, не свѣтила восковой она свѣчи,
Восковой свѣчи, эой, восковой она свѣчи да воску ярова,
Свѣчи да воску ярова, эой, что не ждала, не дожидала дружка милова.

14. Летавши по волѣ орелъ молодой.

1. Летавши по волѣ орелъ молодой,
Летавши, летавши добычи искалъ, 2
Нашедши добычу, самъ въ клѣтку попалъ. 2
Сидитъ за рѣшоткой орелъ молодой, 2
5. Кровавую пищу клюетъ предъ собой, 2
Клюетъ и глотаетъ, самъ смотритъ въ окно, 2
Къ нему прилетаетъ товарищъ ево; 2
— «Товарищъ, товарищъ, давай улетимъ!» 2
Лети, мой товарищъ, а я за тобой, 2
10. Летѣть намъ далеко, за сини моря, 2
Тамъ горы высоки, круты берега, 2
Тамъ ходитъ, гуляетъ красотка моя, 2
Съ другимъ, не съ тобою, съ донскимъ казакомъ, 2.
Донской казакъ бравый, давай мы убьемъ, 2
15. Донскую казачку съ собой увеземъ, 2
Пускай насъ засудятъ военнымъ судомъ, 2
Намъ руки завяжутъ, желѣзомъ скуютъ, 2
Желѣзомъ скуютъ, насъ въ Сибирь отошлютъ, 2
Въ Сибирѣ жить можно, тамъ люди живутъ.

III. Скорыя (частыя, шуточныя).

15. Старая старушка кисель варила.

1. Старая старушка кисель варила,—да
Эхо-хо-э, охти мнѣ, кисель варила да по суднамъ розлила, да
Эхо-хо-э, охти мнѣ, по суднамъ розлила да по сусидямъ рознесла, да
Это старая старушка съ цѣмъ хлѣбать-то будётъ?
Этой старой-то старушкѣ со суслицомъ,
5. Это мо́лодымъ молодушкамъ съ пряснымъ молоцькомъ,
Это краснымъ-то дѣвушкамъ со медомъ съ патокой,
Прощелыгамъ молодцамъ—имъ со буценой золой,
Со буценой золой, имъ со дегтемъ со смолой.
Это старая старушка гдѣ спать-то будётъ?
10. Это старой-то старушкѣ на гоу́бцикѣ,
Это молодымъ молодушкамъ на лавочкѣ,
Это краснымъ-то дѣву́шкамъ во высокомъ терему,
Во высокомъ терему имъ на перинѣ на пуху,
Прощелыгамъ молодцамъ у свиней во хлѣву...
15. Это старая старушка чѣмъ окутаётца?
Это старой-то старушкѣ полошубоцёкъ,

Это молодымъ молодушкамъ накáпоцёкъ [1]),
Это краснымъ-то дѣвкамъ одѣялышко,
Прощелыгамъ молодцамъ да рогозенка хлопъ!
Это старую стаРушку чѣмъ будить-то будемъ?
Это старой-то старушкѣ ременная плеть,
Это молодымъ молодушкамъ шелковый поясокъ,
Это красныхъ-то дѣвушокъ не смить побудить,
Не смить побудить да ихъ душа погубить,
Прощалыгамъ молодцамъ да вязовáя дубина,
Неотесаная, да обморожоная.
Що гнилая-то солома по-за гумнамъ лежитъ,
Що лазоревой цвѣтоцёкъ во садоцькѣ цвѣтётъ.
Що гнилая-то солома стала свататьце,
Що лазоревой цвѣтоцёкъ сталъ просватыватьце.
Що гнилая-то солома на кроваткѣ лежитъ,
Що лазоревой цвѣтокъ у кроватки стоитъ.
Що гнилая-то солома отворотитца,
Що лазоревый цвѣтоцикъ поворотитца,
Негодяй, прости, да ноцевать пусти!
Я тогда тебя прощу, кожу на пяты спущу.

16. Савинъ.

Шелъ Савинъ съ именинъ ночною порою, 2.
Не одинъ Савинъ бѣжалъ съ пьяной головою. 2.
Отъ ходьбы ли, отъ вина сбился онъ съ дороги, 2.
У бѣднова у Савина подкосились ноги.
Онъ упалъ, захрапѣлъ, на сто саженъ слышно,—
Ну кому какое дѣло, что съ Савиномъ вышло. 2.
Тутъ ходилъ сторожевой, пьяныхъ обирая,
Видитъ: трупъ лежитъ живой—онъ мертвецки пьяный. 2.
Обошелъ его кругомъ, толконулъ бѣдняжку,
Скинулъ оба сапога, халатъ и фуражку. 2.
Все равно ему лежать,скинулъ и рубашку.
Просыпается Савинъ, лежитъ безъ халата; 2
Видитъ церковь и село,—вотъ его и хата.
Побѣжалъ Савинъ домой, бѣжитъ безъ оглядки, 2
Какъ оглянется назадъ, тамъ сверкаютъ пятки. 2
Прибѣжалъ Савинъ домой, всталъ онъ у порогу,
Весь отъ холоду дрожалъ и молился Богу. 2.
А родные его всѣ засуетились,
Во всю голову кричатъ: мощи къ намъ явились. 2
А родная жена думала—угодникъ,
Посмотрѣла—это мужъ: «Экой грѣховодникъ! 2
Завтра рано поутру къ судьѣ волостному

[1]) Накáпоцёкъ—короткая кофточка до таліи, лифъ.

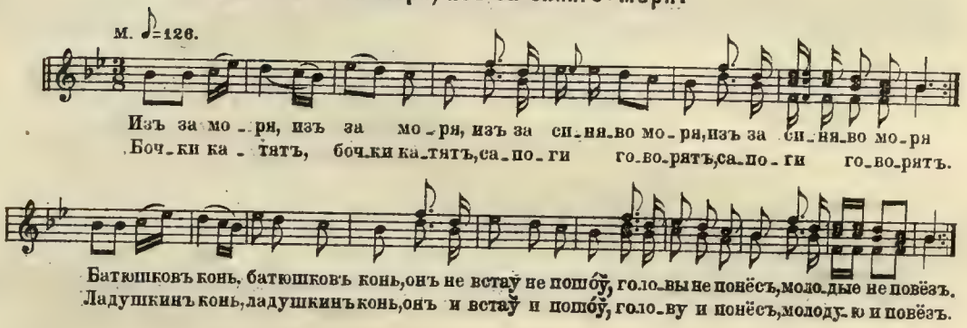
Отведуть тебя, мошенникъ, къ старостѣ въ контору, 2
Перемѣны двѣ дадутъ, станешь ты бояться,
Ты не будешь, краснорожой, пьяной напиваться»! 2
25.— Ахъ, родная жена, куды мнѣ-ка дитьця,
Ты пусти меня, жена, хоть на печь погритця. 2

Пѣсни Вологодской губ.

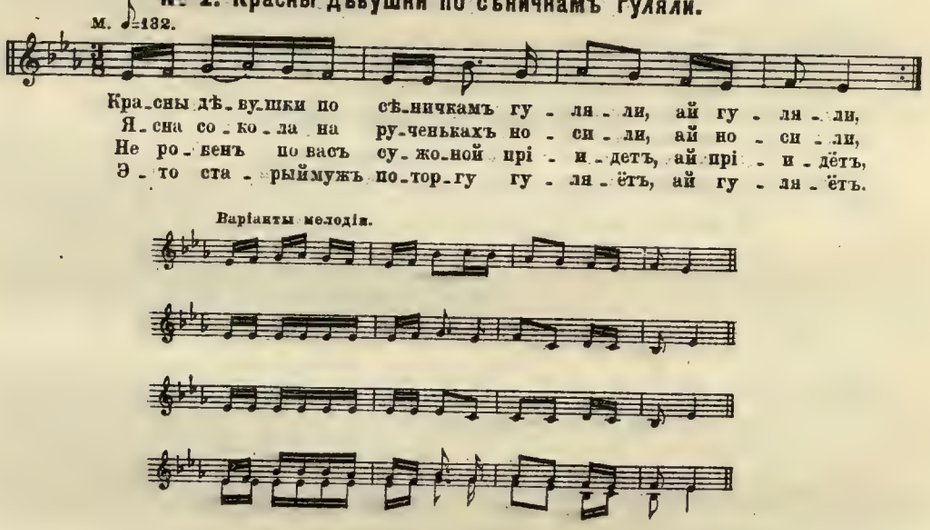
записанныя А. Н. ПОПОВЫМЪ.

I. СВЯТОЧНЫЯ („святоскіе“)

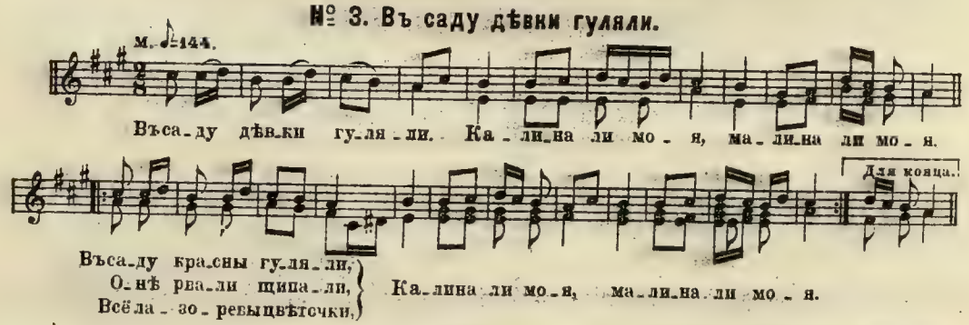
№ 1. Изъ-за моря, изъ-за синяго моря.



№ 2. Красны дѣвушки по сѣничнамъ гуляли.

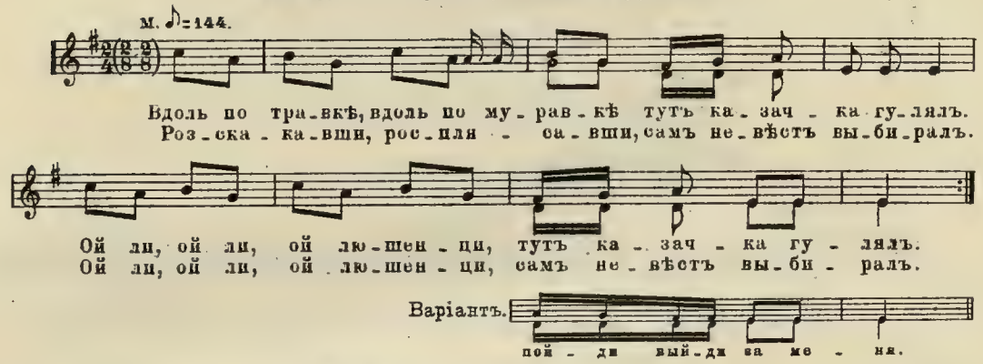


№ 3. Въ саду дѣвки гуляли.

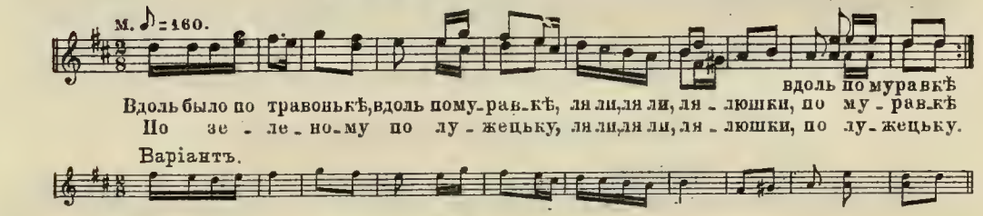


Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

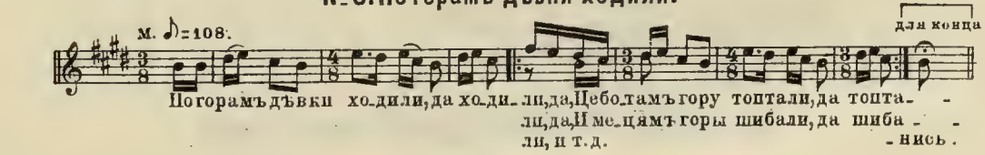
№4. Вдоль по травнѣ, вдоль по муравнѣ.



№5. Вдоль было по травонькѣ.

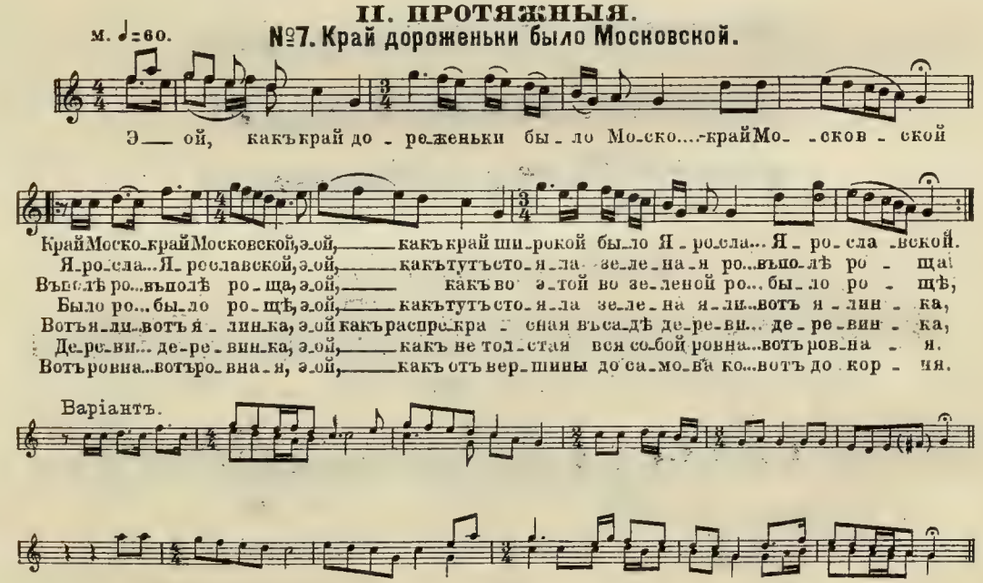


№6. По горамъ дѣвки ходили.

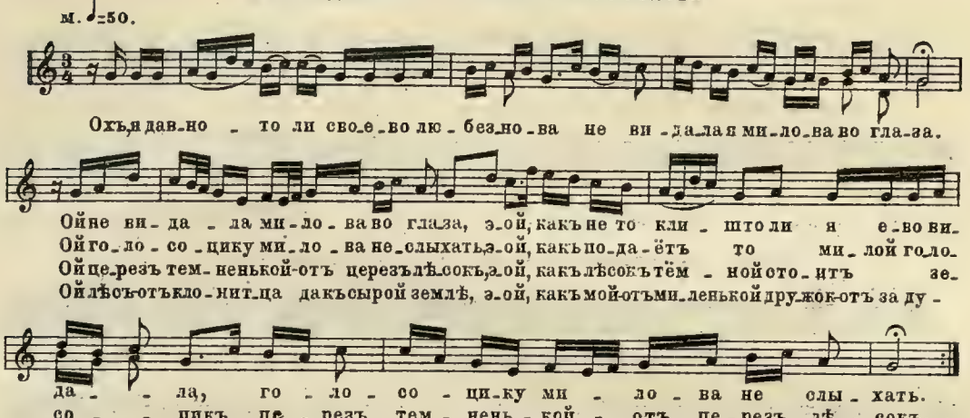


II. ПРОТЯЖНЫЯ.

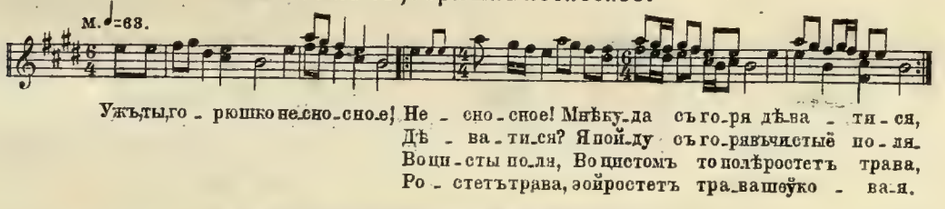
№7. Край дороженьки было Московской.



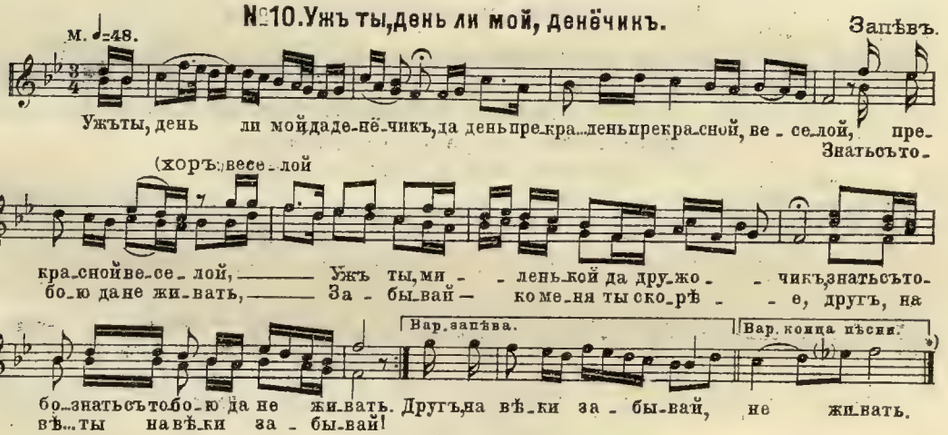
№8. Я давно-то ли своего любезнова.



№9. Ужъ ты, горюшко несносное.

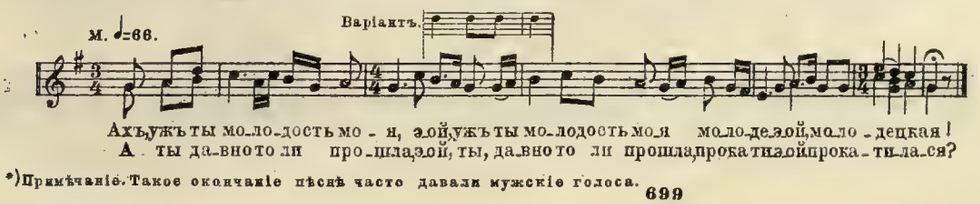


№10. Ужъ ты, день ли мой, денёчикъ.



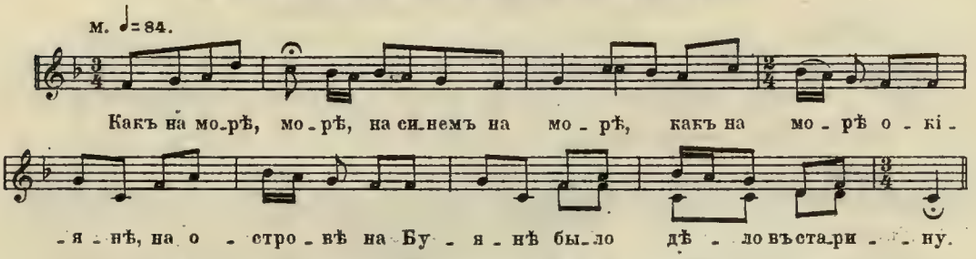
№11. Ужъ ты, молодость моя молодецкая.

(Всегда исполняется мужскими голосами.)

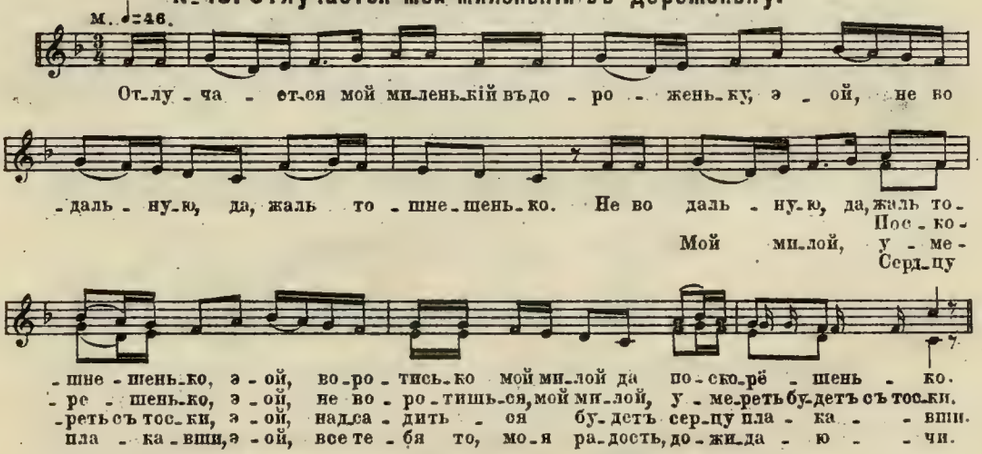


*)Примѣчаніе. Такое окончаніе пѣсенъ часто давали мужскіе голоса.

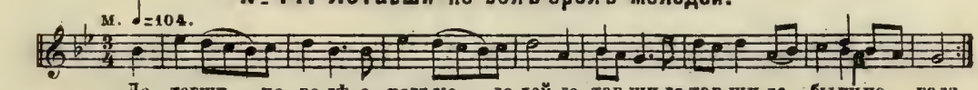
№12. Канъ на морѣ, морѣ, на синемъ на морѣ.



№13. Отлучается мой миленькій въ дороженьку.

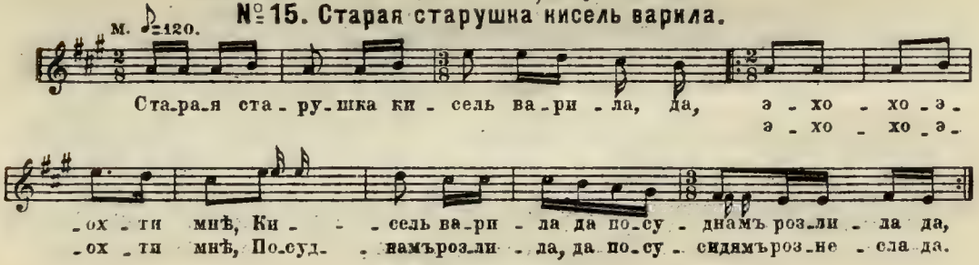


№14. Летавши по волѣ орелъ молодой.

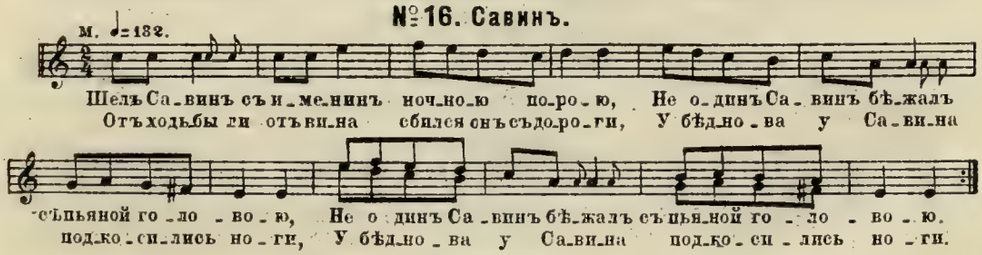


III. СКОРЫЯ (частыя, шуточныя)

№15. Старая старушка кисель варила.



№16. Савинъ.



ЗАПИСИ
НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ
въ 1904 году.

А. М. ЛИСТОПАДОВА

Съ приложеніемъ 30 пѣсенъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ДОНСКУЮ ОБЛАСТЬ

ДЛЯ СОБИРАНІЯ КАЗАЧЬИХЪ И МАЛОРУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

ЗАПИСИ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ПѢСЕНЪ ВЪ МОСКВѢ*).

Въ 1902—3 гг. состоялась, снаряженная по распоряженію военнаго министра, на средства Донского областного статистическаго комитета, командировка для собиранія донскихъ казачьихъ пѣсенъ, съ участіемъ моимъ и С. Я. Арефина. По количеству сдѣланныхъ записей результаты этой почти девятимѣсячной (съ октября 1902 по іюнь 1903 гг.) превзошли ожиданія и наши, участниковъ экспедиціи, и командировавшаго насъ комитета. Записали мы 703 казачьихъ народныхъ пѣсенъ и 17 калмыцкихъ. Имѣя уже въ рукахъ матеріалъ почти въ 400 пѣсенъ, записанныхъ мною раньше большею частью въ станицѣ Екатерининской Перваго Донского Округа, трудно было надѣяться на то, что въ результатѣ дало намъ казачье населеніе въ эту командировку. Въ нашемъ распоряженіи оказалось, такимъ образомъ, болѣе 1100 пѣсенъ.

Кажется, все было, что называется, подобрано. Въ концѣ командировки или, вѣрнѣе сказать, во вторую половину ея, главнымъ трудомъ для насъ была не самая запись пѣсенъ, а выпытываніе отъ пѣсенниковъ еще неизвѣстныхъ намъ, нигдѣ не записанныхъ раньше пѣсенъ.

Съ этимъ предварительнымъ пріемомъ пѣсенной работы, намъ думается, долженъ быть знакомъ всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ систематическимъ обслѣдованіемъ большого района, въ которомъ обслѣдуемые пункты лежатъ, какъ это было въ данномъ случаѣ, на разстояніи 15—20 верстъ, а часто и менѣе.

Смежные пункты имѣютъ общія пѣсни, съ которыхъ вызванные пѣсенники и начинаютъ всегда перечисленіе. Когда пѣсенникамъ заявишь, что эти пѣсни уже записаны раньше и, слѣдовательно, записывать во второй разъ ихъ уже не къ чему, начинается припоминаніе того, что „постарѣе да подревнѣе“, такихъ пѣсенъ, которыя „давно уже брошены“. Тутъ вспоминается какой-нибудь покойникъ, у котораго была такая-то любимая пѣсня, а „теперь, видишь, ужъ и забыли ее“. Придетъ на умъ со своимъ пѣсеннымъ репертуаромъ и столѣтняя бабушка Астафьевна, что „вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ съ печки не слазитъ“... Справишься съ записями, а пѣсни этой бабушки уже записаны въ предыдущей станицѣ отъ родного ея брата—такого же древняго старика Степана Астафьича.

„Эхъ, не вывезла бабушка наша“, выражаютъ искреннее сожалѣніе станичники, которые надѣялись „все покрыть ея пѣснями“. „Что жъ, надо подумать еще! А то вѣдь совѣстно будетъ передъ сосѣдями, какъ узнаютъ!“

При непрерывности сношеній сосѣднихъ станицъ между собою неудивительно, что слухи о результатахъ нашихъ пѣсенныхъ работъ часто шли впереди насъ, и нашего нарочнаго, посланнаго заранѣе съ просьбой о подготовкѣ пѣсен-

*) Докладъ, читанный въ засѣданіи Муз.-Этногр. Комиссіи 21 янв. 1905 г.

никовъ, уже встрѣчали въ станичномъ правленіи насмѣшкой: „какъ же это они со своей бабушкой Астафьевной опростоволосились!“

Интересовались пѣсенники и у насъ самихъ тѣмъ, „какъ играли, напримѣръ, Перекопцы [1]): про нихъ, вѣдь, слава добрая идетъ!..“ Не успѣли мы слѣзть съ почтовыхъ тарантасовъ въ станицѣ Иловлинской, какъ первымъ вопросомъ любопытной, словоохотливой хозяюшки взъѣзжей квартиры было: „а какъ же это, дозвольте васъ спросить, Сиротинскія-то бабы осрамились передъ честны́мъ народомъ? Ишь, нализались раньше время! Думали—лучше, анъ вышло хуже! Ну, ужъ наши—нѣтъ! По одной только рюмочкѣ для смѣлости протянули; ждутъ, какъ штуцарьи́! Милости просимъ, дорогіе гостечки, послушайте же нашихъ!“...

Разнаго рода слухи, основанные иногда на дѣйствительно выдающейся пѣвучести населенія данной мѣстности, а чаще на какомъ-нибудь случайномъ событіи (ярмарочное состязаніе, „залихватское“ исполненіе при проѣздѣ черезъ станицу высокопоставленнаго лица, удачный подборъ пѣсенниковъ въ полку на службѣ и т. д.), создаютъ станицѣ репутацію „пѣсенной“, и эту репутацію станичники считаютъ своимъ прямымъ долгомъ поддержать, а при удобномъ случаѣ и завоевать. Чтобы избѣжать худой славы, пѣсенники стараются изо всѣхъ силъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь: сыгрываются гдѣ-нибудь въ станичномъ правленіи или у одного изъ товарищей передъ вызовомъ, дѣлаютъ списки лучшихъ своихъ пѣсенъ, которыми надѣются блеснуть. Такіе списки, въ составленіи которыхъ принимали участіе иногда сами станичные атаманы, народные учителя и другіе представители мѣстной интеллигенціи, подавались намъ передъ началомъ работы во многихъ мѣстахъ. Списки [2]) эти оказывались часто неудовлетворяющими нашимъ требованіямъ, и тогда мы сами начинали выспрашивать, выпытывать, въ чемъ особенно изощрился товарищъ мой по командировкѣ С. Я. Арефинъ, на попеченіи котораго были тексты пѣсенъ.

Послѣ подобныхъ выпытываній, продолжавшихся иногда часа по два, удавалось намѣтить нѣсколько пѣсенъ для записи; въ нѣкоторыхъ же, правда, рѣдкихъ случаяхъ, эта утомительная для обѣихъ сторонъ работа, несмотря на всѣ усилія, не приводила ни къ чему, и мы вынуждены бывали отпускать одну партію и заботиться о сформированіи другой, третьей или совсѣмъ уѣзжать, не записавши ни одной пѣсни или съ обрывками старины.

Придуманныя пѣсенниками и намѣченныя нами къ записи пѣсни вслѣдъ за этимъ обязательно заносились въ наши записи всѣ до послѣдней. Репертуаръ пѣсенниковъ, кажется, исчерпанъ: сколько бы они ни напрягали память, нужная пѣсня не идетъ на умъ.

„Ты што, сватъ“, обращается одинъ изъ стариковъ къ своему веселому

---

[1]) Станица Перекопская Усть-Медвѣдицкаго округа.

[2]) Образецъ „списка“ станицы Иловлинской, одного изъ неудачныхъ (орѳографію сохраняю):

1. Судба мая жистокоя.
2. Оцовскій домъ покинулъ я.
3. Одинъ выпущъ былъ ничаснай.
4. Казакъ по дону гуляетъ. } когда загулямъ.
5. Зимляничька ягодка. } когда загулямъ.
6. Кинарейка. } когда загулямъ.
7. Розлука ты разлука } когда загулямъ.
8. Въ свѣти беломъ сирата апа ходя въ полно́чь глухуя на кладбишша завсягда.

„Перечень пѣсенъ“ Сиротинской станицы оказался и грамотнымъ, и довольно удачно составленнымъ.

товарищу, „наладилъ свои „вѣтрянки“ да „бабьи краснобайки“, ажъ слушать тошно! Развѣ такія-то нужны господамъ? Ты вздумай такую, что кадысь была, да кавылъ-травкой поросла, чтобъ въ слезу прошибла!“...

Если и пѣсенники знатоки не важные, и самая работа выпытыванія шла туго и неинтересно, то, окончивъ записи, мы брали лошадей и съ спокойной совѣстью совершали слѣдующій переѣздъ. Когда же вы имѣете дѣло съ настоящими знатоками, какъ послѣдній старикъ, лучше другихъ понявшій наши требованія, то у васъ остается увѣренность въ томъ, что онъ не все еще „придумалъ“ и черезъ нѣсколько часовъ отдыха, черезъ ночь „разскажетъ“ еще одну-двѣ пѣсни. Но на-завтра этотъ пѣсенникъ почему-то не явился. Ждать его обстоятельства не позволяютъ, и мы ѣдемъ дальше.

Такихъ пунктовъ, откуда мы уѣзжали совсѣмъ безъ пѣсенъ, было очень мало, изъ ста всего два (Скуришенская и Усть-Медвѣдицкая станицы). Гораздо больше оказалось неудовлетворительныхъ въ качественномъ отношеніи. Если въ этихъ случаяхъ замѣчалась дѣйствительная скудость репертуара, зато въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ чувствовался избытокъ, котораго мы не могли почему-либо использовать всего. Эти мѣстности я рѣшилъ съ теченіемъ времени при удобномъ случаѣ обслѣдовать тщательнѣе, по мѣрѣ возможности, о чемъ и заявилъ Донскому статистическому комитету въ засѣданіи 10-го іюня 1904 г., состоявшемся по вопросу объ изданіи собраннаго пѣсеннаго матеріала.

Испрашивая согласія комитета на поѣздку 1904 г., я главнымъ мотивомъ выставлялъ необходимость провѣрки нѣкоторыхъ текстовъ и напѣвовъ, въ виду включенія ихъ въ предполагаемый къ изданію первый выпускъ, въ точности записей которыхъ я имѣлъ основаніе сомнѣваться. Записи эти сдѣланы были въ началѣ командировки, т.-е. въ то время, когда давала себя чувствовать непривыкшенность къ условіямъ работы, когда не успѣла еще выработаться практикою необходимая сноровка, привычка къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ собирателю такого рода поѣздка, ограниченная во времени, болѣе или менѣе спѣшная. Въ одной станицѣ, напримѣръ, мы съ товарищемъ рѣшили записать часть свадебныхъ пѣсенъ въ фонографъ, такъ какъ голоса попались, какъ наподборъ, одинъ другого лучше. Это было на первыхъ порахъ примѣненія фонографа къ дѣлу, и мы оба настолько увлеклись дѣйствіемъ его и подбадриваніемъ пѣсенницъ, сильно смущенныхъ невиданной машиной, что про тексты двухъ-трехъ пѣсенъ совершенно забыли. Исправить ошибку было уже поздно, такъ какъ мы обнаружили ее уже по пріѣздѣ въ слѣдующій пунктъ.

Путь, по которому произведены были обслѣдованія въ лѣтнюю командировку 1904 года, простирался верстъ на 200 между крайними пунктами по I Донскому и Донецкому округамъ.

По неожиданному стеченію обстоятельствъ, мой пріѣздъ въ хуторъ Серебряковъ, Екатерининской станицы—первый пунктъ, откуда начаты были работы,—почти совпалъ со днемъ объявленія мобилизаціи. Нечего было и думать о вызовѣ тѣхъ, лучшихъ въ хуторѣ, пѣсенницъ, которыя намѣчены были мною: одна изъ нихъ провожала сына на войну, у другой уходилъ близкій родственникъ. Было не до пѣсенъ. Пришлось отыскивать другихъ.

Изъ Серебрякова черезъ недѣлю я переѣхалъ въ сосѣдній хуторъ Насонтовъ, гдѣ занимался главнымъ образомъ фонографическими записями, оказавшимися довольно удачными. Кромѣ 10 пѣсенъ, занесенныхъ на валики, въ этихъ двухъ пунктахъ записано на слухъ болѣе 20 пѣсенъ. Если принять во вниманіе, что

въ Екатерининской станицѣ, какъ я выше замѣтилъ, еще до командировки 1902—3 гг. мною было записано около четырехсотъ совершенно самостоятельныхъ напѣвовъ, то удивительное пѣсенное ея богатство становится очевиднымъ.

Несмотря на близость открытыхъ за послѣднее десятилѣтіе угольныхъ копей и сильное вліяніе пришлаго рабочаго элемента на коренное казачье населеніе, мнѣ все же и теперь удалось добыть болѣе двухъ десятковъ чистыхъ народныхъ пѣсенъ, но—исключительно съ бытовымъ содержаніемъ. Историческій матеріалъ, какъ видно, здѣсь совершенно изсякъ, и новаго для себя на этотъ разъ я ничего не добавилъ.

Въ хуторѣ Насонтовѣ помимо пѣсенъ я записалъ подробности свадебнаго ритуала, имѣвшаго мѣсто здѣсь лѣтъ 10 назадъ, въ пересказѣ „бывалой свашки, перегулявшей на своемъ вѣку на столькихъ свадьбахъ, что и счетъ потеряла“— М. Евлаховой. Свадьба (около 200 пѣсенъ со всѣми обрядами) въ этомъ же хуторѣ записана была раньше, еще до 1900 года. На этотъ разъ я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и, вмѣсто предполагавшейся провѣрки и пополненія, записалъ весь свадебный ритуалъ цѣликомъ снова, тѣмъ болѣе, что моя пѣсенница и сотрудница изъявила полное согласіе отдать этому дѣлу нѣсколько дней. Записано было при этомъ нѣсколько повѣрій о колдунахъ и вѣдьмахъ, игравшихъ въ былое время такую важную роль во всѣхъ свадьбахъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Насонтова мнѣ удалось пріобрѣсти у единственнаго здѣсь лирника К. Адамова его лиру, которая въ 1902 году фигурировала въ качествѣ экспоната на выставкѣ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ и оригинальностью своей конструкціи, какъ мнѣ передавали, обратила на себя особенное вниманіе лирниковъ-малороссовъ.

Другую лиру доставилъ мнѣ изъ хутора Ясеновскаго И. А. Позднышевъ, внукъ одного изъ лучшихъ „гудошниковъ“, давно умершаго Ивана Осиповича Позднышева. Отъ него я записалъ три мотива со словами, которые игрывалъ когда-то покойникъ, и нѣсколько пѣсенъ отъ другихъ Ясеновскихъ пѣсенниковъ [1]).

Черезъ Усть-Бѣлокалитвенскую станицу, гдѣ я отыскалъ у В. М. Андріянова третью лиру—старый Позднышевскій гудокъ [2]), я отправился въ слѣдующую по пути Калитвенскую станицу, главный пунктъ моей настоящей поѣздки. Въ 1903 году здѣсь записано было нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, поразившихъ насъ съ товарищемъ необычайностью своихъ интерваловъ настолько, что мы долгое время были въ недоумѣніи, имѣемъ ли мы дѣло съ дѣйствительностью конструкціи этихъ пѣсенъ или же съ крайней немузыкальностью исполнительницъ. Допускать послѣднее было бы рисковано, такъ какъ тѣ же пѣсенницы пѣли, напр., бытовую пѣсню, записанную тамъ („Полно, полно тебѣ, рябая кукушечка, куковати“), и нѣсколько другихъ изъ знакомыхъ уже намъ, записанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ, пѣсенъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія, пѣли въ обыкновенныхъ естественныхъ интервалахъ, поддающихся передачѣ на фортепіано съ его темперованнымъ строемъ. Отсутствіе годныхъ валиковъ лишило

[1]) Подробное описаніе донской лиры съ историческими свѣдѣніями о ней и фотографическимъ снимкомъ напечатано въ моей статьѣ „Донская казачья пѣсня“, помѣщенной въ I т. „Трудовъ Музык.-Этногр. Комиссіи“. Подлинные экземпляры инструмента оба хранятся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ, въ Москвѣ.

[2]) Гудокъ этотъ находится въ Новочеркасскомъ Донскомъ музеѣ.

насъ возможности воспользоваться фонографомъ, и мы такъ и уѣхали тогда съ большими сомнѣніями и рѣшимостью когда-нибудь вторично побывать здѣсь. Теперь, вооруженный свѣжими валиками, я рѣшилъ произвести основательный экспериментъ надъ тѣми же пѣсенницами. Но и здѣсь меня постигла неудача. Я пріѣхалъ въ станицу въ самую горячую пору лѣтнихъ полевыхъ работъ. Всѣ мои старанія разыскать пѣсенницъ не привели ни къ чему, и я отправился дальше, отложивъ свое намѣреніе до болѣе благопріятнаго момента.

Въ станицѣ Каменской я также не нашелъ никого. Это была послѣдняя казачья станица, откуда путь пошелъ черезъ небольшіе казачьи хутора въ крестьянскія поселенія донскихъ малороссовъ.

Въ одномъ изъ этихъ хуторовъ—Юровѣ я заѣхалъ на-авось къ хуторскому атаману и попросилъ его поискать, не найдется ли двѣ—три пожилыхъ пѣсенницы изъ празднующихъ (это было 15 іюля, день св. Владиміра, и кое-кто на работу не выѣзжалъ). Атаманъ отозвался съ большой готовностью на мою просьбу, разослалъ въ оба конца своего хутора вѣстовыхъ, и черезъ $1^1/_2$ часа одинъ изъ нихъ привезъ изъ „дальняго кутка“ трехъ разодѣтыхъ по праздничному казачекъ въ шелковыхъ національныхъ колпакахъ, съ „индіяновыми“, шерстяными шалями на плечахъ.

Взятыя изъ одной мѣстности, пѣсенницы оказались отлично сыгравшимися и, главное, знающими тѣ самыя пѣсни, которыя мнѣ были нужны. Хуторъ Юровъ принадлежитъ къ той же Калитвенской станицѣ, отстоитъ отъ нея всего на 20 верстъ и имѣетъ поэтому большинство пѣсенъ общихъ съ нею; голосовая манера пѣнія также одинакова: женщины поютъ альтами, въ отличіе, напр., отъ пѣсенницъ Екатерининской станицы (разстояніе—50 верстъ) и станицъ, лежащихъ ниже по Донцу, гдѣ преобладаютъ очень высокія сопрано. Все это, какъ нельзя лучше, способствовало осуществленію моего намѣренія.

Записалъ я здѣсь въ фонографъ двѣ свадебныя пѣсни и параллельно для сравненія одну протяжную историческую и одну бытовую гулебную [1]). Двѣ пѣсни я записалъ кромѣ того на слухъ.

Всѣ записанныя отъ Юровскихъ пѣсенницъ свадебныя пѣсни носятъ характеръ древняго сложенія. Звукоряды ихъ ограничиваются предѣлами четырехъ звуковъ съ двумя характерными скачками въ $1^1/_2$ тона : $\overset{4}{\frown}$ c—es, f—as $\underset{4}{\frown}$. Въ сущности говоря, напѣвы ихъ все время вращаются въ предѣлахъ невыполненной кварты $\overset{4}{\frown}$ c—es, f, какъ это и слышится въ исполненіи двухъ пѣсенницъ; третья же въ извѣстныхъ мѣстахъ прибавляетъ вверху *ля-бемоль*, образуя съ нижнимъ *ми-бемоль* вторую кварту. Звукоряды этихъ пѣсенъ, такимъ образомъ, представляютъ собою соединеніе двухъ *квартовыхъ трихордовъ*. Ясно, однимъ словомъ, что по своему строенію эти пѣсни—очень древнія и относятся къ древнѣйшей музыкальной эпохѣ кварты.

Но дѣло не въ томъ. Съ пѣснями этого рода, я думаю, встрѣчался каждый собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ, и въ моемъ распоряженіи найдется ихъ достаточное количество. Заинтересовали меня самые интервалы, изъ которыхъ образовались звукоряды данныхъ пѣсенъ. Пѣсенницы брали не чистыя *ti* ♭ и

[1]) См. въ нотномъ приложеніи №№ 5, 6, 7 и 13.

do, а нѣсколько повышенныя, приближающіяся къ *mi* и *do* ♯, и пониженное *la* ♭, и съ самаго начала пѣсни и до конца проводили эту странную систему, съ придвинутыми въ ней къ центру—устою *fa*—краями, съ замѣчательной послѣдовательностью. Слышатся иногда самыя незначительныя отклоненія, едва замѣтныя повышенія или пониженія этихъ сдвинутыхъ съ мѣста звуковъ. Но эти отклоненія, какъ мнѣ кажется, не могутъ измѣнить свойственнаго пѣснѣ или исполненію звукового порядка. Могли произойти они и отъ недостатковъ фонографа, и отъ настроенія пѣвицы въ тотъ или другой моментъ, голосовыхъ ея средствъ и другихъ причинъ.

Не имѣя возможности, за отсутствіемъ необходимыхъ приспособленій, вычислить математически отношенія тоновъ между собою и не желая строить на непонятномъ для меня фактѣ какихъ-нибудь теорій, я предложилъ членамъ Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи въ засѣданіи 21 января 1905 года самимъ прослушать пѣсни съ фонографа, чтобы высказать свои соображенія по данному вопросу и помочь мнѣ разобраться въ особенностяхъ склада интересующихъ меня пѣсенъ. Мнѣнія членовъ Комиссіи оказались слишкомъ разнорѣчивыми, чтобы можно было сойтись на чемъ-нибудь положительномъ. Прежде всего гг. члены, слѣдившіе во время дѣйствія фонографа по моимъ нотнымъ копіямъ, нашли ихъ сдѣланными неправильно, при чемъ большинство относительно установленія лада пѣсни само не могло придти къ какому-нибудь соглашенію. Получилось такимъ образомъ нѣсколько мнѣній [1]). Одинъ и тотъ же напѣвъ уложился и въ „*натуральный мажоръ* (гипофригійскій ладъ) съ выпущенными квартой, секстой и септимой", и „въ *Des-dur* съ повышенной на полтона секундой (es = e)", и „*D-dur* съ хроматическими незначительными (немного менѣе полутона) пониженіями терціи (fis = f)" и наконецъ въ „*C—moll* съ повышенными примой и терціей и пониженной секстой". Чтобы придти къ какому-нибудь прямому рѣшенію, необходимо провѣрить записи на мѣстѣ или по крайней мѣрѣ имѣть подъ руками фонографическія записи тѣхъ же пѣсенъ, сдѣланныя въ другомъ мѣстѣ [2]).

Записанныя отъ тѣхъ же Юровскихъ пѣсенницъ для сравненія одна историческая и одна гулебная скорая съ помощью фонографа и двѣ бытовыхъ пѣсни отъ руки построены въ обыкновенныхъ естественныхъ интервалахъ, и запись послѣднихъ двухъ, сдѣланная, какъ я уже сказалъ, отъ руки, не представляла никакого затрудненія. Разница въ интервалахъ между пѣснями свадебными и остальными также чувствовалась нами въ 1903 году въ исполненіи Калитвенскихъ пѣсенницъ, какъ теперь въ Юровскихъ фонографическихъ записяхъ.

Особенности свадебныхъ звукорядовъ констатированы были мною, какъ я уже сказалъ, въ двухъ пунктахъ—въ станицѣ Калитвенской и хуторѣ Юровѣ.

---

[1]) Интересующихся я отсылаю къ моей краткой замѣткѣ по вопросу „О записяхъ народныхъ пѣсенъ", помѣщенной въ № 1 московскаго журнала „Музыка и Жизнь" за 1909 годъ, гдѣ въ нотныхъ примѣрахъ приведены главнѣйшія изъ высказанныхъ мнѣній — Е. Э. Линевой, А. Т. Гречанинова и С. И. Танѣева.

[2]) Таковая запись пѣсни „Ишло, ишло солнышко" была сдѣлана мною съ помощью фонографа впослѣдствіи (въ іюнѣ 1905 года) въ Екатерининской станицѣ, гдѣ оказалась пѣсня аналогичнаго содержанія, только въ другомъ размѣрѣ ($^2/_4$)—„Шло, ишло солнышко". Сличеніе этихъ двухъ почти тожественныхъ варіантовъ, при отсутствіи въ Екатерининскомъ варіантѣ особенностей, замѣченныхъ въ Юровскомъ, показало, что въ Юровскихъ записяхъ мы имѣемъ дѣло съ характернымъ традиціоннымъ исполненіемъ наиболѣе древнихъ свадебныхъ пѣсенъ въ станицѣ Калитвенской и смежныхъ съ нею Каменской и Усть-Бѣлокалитвенской станицахъ.

Но я долженъ указать еще на наблюденія, сдѣланныя въ сосѣдней Каменской станицѣ А. Н. Рукиной, большой любительницей казачьихъ пѣсенъ. Она передавала мнѣ, что, при всемъ ея желаніи записать нѣкоторыя свадебныя пѣсни, слышанныя тамъ, сдѣлать этого ей не удавалось отчасти въ виду однообразія и непрерывности ихъ напѣвовъ, а, главное, вслѣдствіе трудности и почти невозможности изобразить нотами тѣ звуки, которые она слышала.

Изъ хутора Юрова я вступилъ въ предѣлы крестьянскихъ поселеній Донецкаго округа. Въ первомъ изъ нихъ, въ слободѣ Шарпаевкѣ, я записалъ только пять пѣсенъ, изъ которыхъ одна—любимая казачья пѣсня „Какъ ишель-то козачепокъ, ишелъ сы неволюшки“—заимствована была пѣвцомъ отъ казаковъ сосѣднихъ казачьихъ хуторовъ. Записалъ я ее, какъ интересный образецъ переработки на малороссійскій ладъ и вліянія одной народности на другую въ пѣсенномъ отношеніи.

Пѣсни казачьи попались мнѣ и въ другомъ малороссійскомъ поселеніи—слободѣ Маньковой, отстоящей отъ ближайшихъ казачьихъ станицъ—съ одной стороны на 100 верстъ (Митякинская), съ другой верстъ на 50 (Мигулинская) и лежащей почти на границѣ съ Харьковской губерніей. Здѣсь записано въ разное время 40 пѣсенъ, въ числѣ которыхъ 2 „колядки“, 1 „щедривка“ и 1 „псальма“. 25 пѣсенъ записано въ фонографъ, остальныя на слухъ. Казачьихъ пѣсенъ оказалось двѣ, очень распространенныя среди казаковъ: „Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою“ и „Ужъ ты, садъ“. Обращаютъ на себя вниманіе характерныя рѣзкія взвизгиванія на малую сентиму [1]) пѣсенницъ-крестьянокъ на концахъ запѣвовъ и пѣсенъ. Всѣхъ малороссійскихъ пѣсенъ въ моемъ распоряженіи вмѣстѣ съ записанными въ разныхъ другихъ мѣстахъ 50.

Въ результатѣ лѣтняя командировка 1904 года дала 88 пѣсенъ: 38 казачьихъ и 50 малороссійскихъ. Большая часть ихъ записана на слухъ, а 39 фонографомъ.

Въ заключеніе скажу о записяхъ великорусскихъ пѣсенъ, сдѣланныхъ въ томъ же 1904 году въ Москвѣ. Семь пѣсенъ записано отъ крестьянки Орловской губ., Мценскаго у., села Суворова—Авдотьи Родіоновны Борисовой, прибывшей изъ деревни въ Москву на заработки [2]). Пѣсни ея, очень интересныя и цѣнныя, подтверждаютъ высказываемое немногими собирателями мнѣніе, что не на однѣхъ окраинахъ нужно искать чистыхъ, неиспорченныхъ образцовъ стариннаго народнаго творчества, что народъ хранитъ еще ихъ во всей неприкосновенности и въ центральныхъ губерніяхъ. Правда, не сразу, пожалуй, нападешь здѣсь на нужный матеріалъ: порча и совершенное исчезновеніе его идутъ быстрымъ ходомъ. Моя пѣсенница—еще молодая женщина (24 лѣтъ)—увѣряла меня, что „этихъ пѣсенъ дѣвки наши таперь почти ужъ не играютъ“.

За исключеніемъ одной пѣсни, заимствованной ею отъ мужа солдата, распространенной по всей Россіи въ разныхъ варіантахъ пѣсни „про князя Волконскаго и Ваньку клюшника“, звукоряды всѣхъ остальныхъ отличаются удивительной чистотой и относятся къ древнѣйшимъ эпохамъ—кварты и квинты. Звукоряды двухъ пѣсенъ („Подуй, подуй, непогодушка“ и свадебной „Сборница“) ограничиваются предѣлами трехъ звуковъ *a*—*c*, *d* и *g*—*b*, *c* (трихордъ на квартѣ). Сюда же относится „Маслина“ съ четырьмя звуками на пространствѣ сексты съ

---

[1]) „Горпына нэ гарно выводыть! Зинька ловко *выкида!*“

[2]) Изъ нихъ четыре см. въ приложеніи.

двумя скачками e—g, a—c. Въ остальныхъ трехъ ярко очерчена квинтовая эпоха съ тѣми же характерными скачками въ двухъ изъ нихъ (тетрахордъ на квинтѣ): e—g, a, h.

Не могу не обратить вниманія на то, что двѣ пѣсни Орловской губерніи (троицкая „Подуй, подуй, непогодушка“ [1]) и свадебная „Вы, сады мои, садочки“) почти съ буквальной точностью повторяются въ моихъ донскихъ записяхъ, сдѣланныхъ въ концѣ девяностыхъ годовъ. Очевидно, пѣсни эти занесены на Донъ въ тѣ далекія времена, когда донской край заселялся вольными людьми, выходцами изъ разныхъ уголковъ Россіи, гдѣ жить было тѣсно. Для исторіи колонизаціи края фактъ этотъ, мнѣ думается, не можетъ не имѣть значенія. Съ другой стороны, онъ говоритъ объ удивительной твердости сохраненія и преемственности передачи пѣсенныхъ традицій русскаго народа.

Кромѣ 7 орловскихъ я записалъ 16 пензенскихъ [2]) пѣсенъ отъ Б. В. Кабанова и его сестры, уроженцевъ Краснослободскаго у., дер. Будаевой. Въ числѣ этихъ 16 пѣсенъ есть двѣ донскихъ казачьихъ, занесенныхъ съ Дона отходившими на заработки пензяками, жителями той же деревни: пѣсню про „Корчму польскую королевскую“ принесла лѣтъ 12—13 назадъ семья Елеськиныхъ; другая—„Какъ за рѣчушкою“ появилась раньше.

Всего въ 1904 году записано мною 111 пѣсенъ. Изъ нихъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ помѣщено 30 пѣсенъ: 13 донскихъ казачьихъ, 9 малорусскихъ и 8 великорусскихъ (4 орловскихъ и 4 пензенскихъ).

А. Листопадовъ.

---

[1]) По чистотѣ звукоряда и примитивности голосоведенія эта пѣсня, мнѣ кажется, можетъ служить прототипомъ всѣхъ варіантовъ ея у разныхъ собирателей: Балакирева, Пальчикова, Т. Филиппова, Альбрехта—Весселя, Дютша — Истомина и другихъ. Всѣ упомянутыя орловскія пѣсни см. въ приложеніи.

[2]) Четыре пензенскихъ пѣсни см. въ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Пѣсни донскія казачьи.

1. Зиму, лѣто...

(Свадебная).

1. Зиму, лѣто эта сосенка была зелена,
Зелена, зеленёхунька да стояла,
Запѣвг: Ай, зелена, зеленёхунька да стояла.
Въ понедѣльникъ наша Настюшка была весела,
Весела, веселёхунька гуляла.
У—во вторникъ да головушку банила,
У середу кы вѣнчанью шла—плакала.
Плакала по родименькай маменькѣ:
„Жаль, жаль мнѣ, моя маменька, все тебе,—
Отдаешь ты свою дочушку отъ себе;
Остаются мои тьвѣтики всѣ тебѣ,
Остаются да и хучіи васильки,
Желтая, кучерявая гвоздичка,
Ротая да душистая мяточка.
Устивай жа, моя маменька, раненьки,
Поливай жа мои тьвѣтики частенькя
Утренними да вечерними зарями,
Ключевою да холоднаю водицай,
Послѣ тово да горючими слезами!
А горючихъ слезъ у маменьки не станеть,—
Тогда мои усѣ тьвѣтики завянуть!»

Станица Екатерининская.

2. Плавала лебедушка.

(Свадебная).

1. Плавала лебедушка да по морюшку,
Плавала бѣленькая да по синему. 2
Плывши она, лебедушка, да воскрикнула, 2
Воскрикнула бѣленькая, да восплакнула:
„Свѣть моя морюшка, моря синія,
Свѣть мои слѣдочки либяджпап!
Придетъ зима-зимушка, зима лютая,
Выпадуть снѣжочки, снѣга бѣлаи,—
Замятуть слѣдочки либяджпап,
Призноб'ють въ либёдушки рѣзвы ножиньки.
Ай какъ жа мнѣ, либёдушкѣ, подыматися,
Сы крутыми берегами раставатися,
Сы крутыми берегами, бережочками,
Сы жолтыми, сы песками, сы песочками!...“
Во теремѣ, во теремѣ тамъ огни горятъ,
Огни горять во высокимъ, свѣчи теплютца.

Тамъ Полюшка Алексѣевна все дары шила,
Шивши дары, шивши дары, слезно плакала,
Плакала Полюшка да по волюшкѣ,
Плакала Алексѣвна по своёй красѣ,
Плакала по косушкѣ, косѣ дѣвичьей:
„Свѣтъ моя волюшка, воля дѣвичья,
Свѣтъ моя косушка, коса русая!
Была воля, была воля въ роднова батюшки,
Была краса, была краса въ родной мамушки.
Не на вѣки волюшка доставалася,—
Во единай часъ дѣвичья миновалася:
Пошла воля, пошла воля во чисто поля,
Пала краса, пала краса въ зиляны луга.
Ходи воля, волюшка, не захаживайся,
Приди воля, дѣвичья, хучь навѣдайси!
Безъ волюшки безъ дѣвичьей жить тошнёхунькя!“

Станица Екатерининская.

3. По рукамъ сваты вдарили.

(Свадебная, на рукобитьяхъ).

1. По рукамъ сваты вдарили,
У-рано́, сваты вдарили.
2. Заряды да полбжили,
У-рано, да положили.
3. Заряды сторублёваи,
У-рано, сторублёваи.
4. Да за Ванюшку сто рублей,
У-рано, рано, сто рублей.
5. Да за Настюшку тысячу,
У-рано, рано тысячу.
6. За русу косу смѣты нѣтъ,
У-рано, рано, смѣты нѣтъ.

Екатерининская станица.

4. Ой, что въ тебе.

(Свадебная, на рукобитьяхъ и сводахъ).

1. Ой, что въ тебе, да Настюшка,
плечики накрыты?
У-рано́, ра́но, у-рано́ моё,
плечики накрыты.
2. Ой, хто тебѣ далъ, ой хто подарилъ?
Што батюшка свекоръ.
У-рано, рано, у-рано мое,
што батюшка свёкоръ.
3. Ой, хто тебѣ далъ, ой, хто подарилъ?
Маменькя свекровья.
У-рано, рано, у-рано мое,
маменька свекровья.
4. Она дала, она дала, она подарила.
У-рано, рано, у-рано моё,
она подарила.

Екатерининская станица.

5. Ишло, ишло солнышко.

(Свадебная).

1. Ишла, ишла солнушка все по западью, 2
Да бѣлая рыбица все по заводью, 2

Да бравая Варюшка все по застолью. 2
Да сѣла (о)на, сѣла (о)на за дубовай столъ, 2
Да вдарила бѣлы руки объ дубовай столъ, 2
Да двинула ключики да по лавкѣ вдоль: 2
„Да на̀ табѣ, батинька, золоты ключи, 1
Да на̀ табѣ, роднинькай, золоты замки! 1
Да я табѣ, батинька, да не клюшница, 1
Да я табѣ, роднинькай, ни замошница: 1
Я клюшница, замошница все чужимъ людямъ, 2
Чужимъ людямъ, чужимъ людямъ, все лютому свекрȕ, 2
Да лютому што-й свекру да свекровьюшкѣ. 2
Лелѣй, лелѣй, батюшка, свово мила дитя, 1
Лелѣй, лелѣй, родимай мой, свово мила дитя,— 1
Да завтра то лелѣть табѣ да некава будя, 2
Да некава будя,—Варюшки не будя!“ 2

Хуторъ Юровъ, Калитвенской станицы.

6. Боры, сборы.

(Свадебная).

Да вы боры, боры да борами, ой да борами [1]),
Да вы, сборы, сборы да Варюшки, ой да Варюшки.
Собирала подружакъ да къ батюшкѣ, ой да къ батюшкѣ.
Да сажала подружакъ да висако,
Да й-а сама сѣла да выша всѣхъ,
Посклонила голову да ниша всѣхъ,
Да вздумала думушку да больша всѣхъ:
— Да сястрицы мои, да падружки!
Да придумайтя вы, пригадайтя,
Да какъ будя мнѣ да свёкра звать!» —
— „Да сястрица наша, да Варюшка!
Да назови свёкра да батюшка,
Да свекровьюшку да мамушка,
Да мила дружка да Митюшка!“

Хуторъ Юровъ, Калитвенской станицы, Донской области.

7. Не туманъ съ моря подымается.

(Военно-бытовая).

Ой да, не туманъ то да съ моря, да туманъ ой подымастца,
Е ой да, вотъ по крутымъ то да горамъ да туманъ, туманъ растилаитца:
Запѣвъ: Туманъ растила... растилаитца,
Ой да, по... подымалися да буттà они злыя турочки,
Запѣвъ: Ой да, злыя ту... да злыя турушки,
Ой да, што да на нашево да буттà толькя царя бѣ... бѣлава.

[1]) Шире напечатаны слова запѣва съ предшествующимъ ой да.

Ой да, какъ нашъ бѣлай-то царь, да нашъ царь толькя не пужаитца,
Ой да, съ своей силушкой да нашъ царь бутта собираитца;
Ой да, вотъ своей арміей да нашъ царь только выхваляитца:
Ой да, вотъ и собяру жа свою, да вотъ я вотъ бы свою армію,
Ой да, позову-то свою, да бутта свою сила-гвардію,
Ой да, ну ишо то позову да усѣхъ толькя батареюшковъ.
Ой да, ну поставлю жа её да вотъ я толькя по-надъ Дупаямъ,
Ой да, по-надъ Дунаямъ, да и вотъ толькя по синямъ морямъ.
Ой да, они бьютъ то да палятъ, да палять они во синё то моря.
Ой да, какъ и сине то моря, да бутта моря зволновалася,
Ой да, сы крутыхъ береговъ да вода она вылпвалася.
Ой да, гуси-лебеди да бутта гуси подымалися,—
Ой да, ну сизова то да орла да гуси они попужалися.
Ой да, пу одинъ то лятить, да лятить младъ сизой то орелъ,
Ой да, какъ за нимъ то да гонить, да гонить толькя младъ ясмёнъ соколъ.
Ой да, ну ты стой, подожди да вотъ бы, младъ сизой ты орелъ,—
Ой да, я не бить то лячу, да бутто вотъ и успросить то хочу:
Ой да, ну и гдѣ жа ты пробывалъ, вотъ и ну што жа ты видалъ?
Ой да, ну я былъ то, бувалъ да вотъ я толькя во иной то землѣ,
Ой да, во иной то землѣ да буттà толькя во Туречинѣ.
Ой да, тамъ ну видалъ-то, видалъ, братцы, вотъ бы все диковинку,
Ой да, ну диковинку видалъ, ну видалъ, братцы, кроволитію.
Ой да, какъ подъ кустичкомъ да было толькя подъ ракитовамъ,
Ой да, тамъ ляжить то ляжить, да ляжить бутта тѣла бѣлая,
Ой да, тѣла да бѣлая да бутта она маладецкая.
Ой да, вотъ и на грудяхъ то сидитъ, да сидить бутто младъ сизой то орелъ,
Ой да, вотъ и клюетъ то, клюетъ да ямў вотъ бы груди бѣлаи.
Ой да, ну не клюй ты, да не клюй да мои толькя груди бѣлаи,—
Ой да, ты отклюй, ну отклюй да мою толькя руку праваю,
Ой да, руку праваю мою да вотъ бы толькя съ золотымъ пу пярстнёмъ.
Ой да, ты няси-поняси, да няси толькя да на тихай Донъ,
Ой да, ну да на тихай Донъ да вотъ бы къ отцу, къ матярп родной,
Ой да, къ отцу, къ матярп, да къ моимъ толькя малымъ дѣточкамъ,
Ой да, къ малымъ дѣточкамъ, да къ моей толькя къ молодой то жанѣ.
Ой да, ну идѣ мать плачà, да вотъ бы тамъ да рѣка да бяжить.
Ой да, йдѣ отецъ то плачà, да толькя тамъ да ручей то бяжить.
Ой да, идѣ дѣти плачуть, вотъ бы тамъ да колодись стоить.
Ой да, йдѣ жана то плачить, бутта тамъ да роса ляжить:
Ой да, солнушка глянула, да вотъ бы толькя роса панула,
Ой да, роса впанула, да бутта тамъ да земля-то суха,
Ой да, тамъ да земля-то суха, да жана толькя все гулять пошла.

Хуторъ Юровъ, Калитвенской станицы.

8. Пролегала славушка.

(Военно-бытовая).

1. Ой да, пролегала вотъ бы славушка
Да про добрава ну про мо... ну про молодца.

2. Ой да, ну не такъ то ли будто про ево да про кудерцы,
Ну да про че... кудри чернаи.
3. Ой да, какъ сы радости ево кудерцы,
Да сы радости они завива... завивалися;
4. Ой да, ну сы горечка, сы большой тоски,
Сы большой тоски, али сы доса... сы досадушки,
5. Ой да, сы досадушки кудри молодца,
Сы досадушки они пощепля... пощеплялися
6. Ой да, ну не жаль то мнѣ будто, молодцу,
Да не жаль то мнѣ кудерцы че... кудри чернаи,
7. Ой да, только жаль то мнѣ, ну-ка, молодцу,
Ну и жаль то мнѣ родимаю сто... мою сторону.
8. Ой да, какъ и хвалится будто молодецъ,
Ну и хвалится, младецъ, выхваля... выхваляетца:
9. Ой да, какъ и есть то, есть у молодца,
На тихомъ Дону есть отра... есть отрадушка,
10. Ой да, какъ отрадушка вотъ у молодца,
Ну отрадушка—садочекъ зелё... садъ зелёнинькай.
11. Ой да, какъ во томъ ли будто во саду,
Да во томъ саду есть три дре... есть три древушка:
12. Ой да, какъ и первое будто древушка,
Да и древушка ана купари... купарисъ древо,
13. Ой да, какъ другое то было древушка,
Да и древушка—яблонка садо... ну, садовая,
14. Ой да, какъ и третія будто древушка,
Да и третія—грушица зеле... ну зеленая!
15. Ой да, купарисъ то будто древушка—
Да родимай же вѣдь мой ба... роднай батюшка,
16. Ой да, ну садовая будто яблонка—
Да родимая вотъ бы моя ма... моя маменька,
17. Ой да, какъ и грушица зеленая,
Да и грушица—моя молода... молода жана,
18. Ой да, ну отросточки отъ грушицы,
Да отросточки—мои малы дѣ... малы дѣтушки.

Екатерининская станица.

9. Пыльна, пыльна дорожечка.

(Бытовая).

1. Ой да, пыльна, пыльна ета дорожичка,
Ой да, п ы л ь ю она з а к у р ё н а [1]).
2. Ой да, жалка, жалка ету бабёночку,
Да што д ю ж а она з а ж у р ё н а.
3. Ой да, журитъ, бранитъ донской козачёчикъ
Ой да, свою ж а н у м о л о д у я,
4. Ой да, за што журилъ, ну-ка, за што бранилъ,—

[1]) Слова напечатанныя шире, служатъ для запѣва.

За конечка свово воронова, коня воронова.
5. Ой да, почаму жа конечикъ не весели,
Да головушку онъ да повѣсилъ, головку повѣсилъ!
6. Ой да, овесъ, сѣна она усё цѣла,
Вода стоить она не питая, вода не питая.
7. Ой да, почаму жа она не питая?
Да холодная она ключевая.

Екатерининская станица.

10. Горе бабочкѣ.

(Бытовая).

1. Э-эй, горя ба... ай бабачки, эй горя маладой,
Горя ма... ай маладой жить на свѣтѣ одной.
Э-эй, горя ма... ай маладой жить на свѣтѣ одной,
Безъ отца то горя, ай да безъ маменьки.
5. Безъ отца то горя да безъ маменьки,
Растошнёй тово безъ мила дружка,
Безъ мила-то дружка, безъ надежиньки.
Я пойду сы горя во чисто поля,
Я пойду съ тоски во тямны лѣски.
10. По надъ лѣсомъ ишла—не боялася,
Кы двору то пришла—испужалася:
Свекоръ батинькя по двору ходить,
Свекровь маминькя все коровъ доить.
Свекоръ батинькя онъ ругаитца,
15. Свекровь маминькя заступаитца...
Какъ усѣмъ то полкамъ съ Дону смѣла идеть,
А мому то дружку перемѣнушки нѣтъ.
Какъ усѣ то полки посмянилися,
Посмянилися, всѣ домой идутъ,
20. А мово то дружка да конечка вядуть,
Тьвѣтна платьица въ тороках вязуть.

Екатерининская станица.

11. Ужъ ты, воля.

(Бытовая).

1. Ужъ ты, воля моя, воля,
Ты не знаешь мово горя!
Съ горя ноженьки да не ходють,
Бѣлы ручиньки ай не владають,
5. Головушка съ пле... съ плечь валитца,
Красота въ лицѣ все мянитца,—
Парень дѣвочки ай лишитца.

Екатерининская станица.

12. Панья пану говорила.

(Гулебная скорая).

1. Панья пану говорила, 2
Говорила, приказала: 2
2. Ты пойдешь ли, панъ, на службу, 2 [1])
Возьми мене съ собою.
3. Не возьмешь мене съ собою,
Возьми мою кручину.
4. Завяжи мою кручину
Доброму коню въ гриву;
5. Ты развѣй мою кручину
По чистому полю,
6. Да по чистому по полю,
Да по синему морю!
7. Узойдеть моя кручина—
Да ни рожь, ни пшаница.
8. Да ни рожь ли, ни рожь, ни пшаница,—
Трава муравая,
9. Да трава ли, трава муравая,—
Вода ключивая.

Екатерининская станица.

[1]) И дальше каждый стихъ повторяется.

13. У насъ нонича ни лѣто, ни зима.

(Гулебная).

1. У насъ нонича ни лѣто, ни зима,
Разливалась нонѣ полая вода, 2
Заливала всѣ зеленаи луга, 2 [1])
Остается одинъ маленькай лужокъ,
5. Гдѣ гуляи размилёночикъ дружокъ.
Ужъ я свому милёночку догожу,—
Черезъ рѣченьку мосточикъ намашшу.
Я машшу, машшу калиновай мостъ,
Переходушки малиновы.
10. Сама пойду кы сусѣду подъ окно,—
Послушаю, что сусѣди говорять:
Мене бабачку и судють, и бранять,
Заставляють сваво мужа любить,
А мнѣ ево не хотѣлося любить,
15. Мнѣ хотѣлось удалова молодца,
Удалова балалаишничка.
Будя, будя въ балалаичку играть,
А я жъ буду все наплясывати,
Чужихъ жонушекъ надражнивати.
20. Чужи жоны хороши-пригожи,—
Мая жана не хорошенькая:
Моя жана полынь горькая трава.
Полынь горькай во чистомъ полѣ ростетъ,
Въ чистомъ полѣ на межѣ, на межѣ,
25. На большомъ на рубежѣ, рубежѣ.
Нихто туда ни заѣдя, ни зайдеть,
Нихто травушки ни скося, ни сорветь,
Нихто моей жалёночки не пойметь;
А хто пойметь, такъ молебинъ отслужу,
30. А ни пойметь, такъ на вѣки прокляну.

Хуторъ Юровъ Калитвенской станицы.

II. Пѣсни донскихъ малороссовъ.

1. Сады.

1. Та сады мои, тай садочки й-оны зелёные
Рано цвилы, а поздно же й-опадалы.
Та любывъ мылый, а теперь же, теперь покидае,—
Мымо ходе, й-а до мене не заходе,
5. Хочь и зайде, та не долго винъ гостюе,
Й-усю ночку тай зо мною протоскуе.
Чуть на зорьци та стало же заниматьця,
Сталъ мой мылой та домой же й-убыратьця,
Сталъ мой мылой та и зо мною прощатьця:
10. «Прощай, мыла, та моя же ясочко мылая!
Есть у мене тай отець-же мать родная,
А ще жъ въ мене тай жона же молодая,
Съ которою тай пидъ винцямы стоялы,
Съ которою тай законъ же прынымалы!»

Слобода Маньково-Калитвенская.

2. Густый теренъ.

1. Тай густый теренъ ой да проломаю,
Тай лыстя же прогорну, [2])
2. Тай до своей тай до ридней неньки
Та въ гостыньки пиду.
3. Тай де я млада ой да пролытила,
Тай травка же прошумила.
4. Тай де я, млада-же, ой да, спочивала,—
Тай крыныця же стала.
5. Та прыйшла маты, ой да, воды браты—
Тай слизокъ набрала.
6. Тай не доходе жъ, ой да, до горнушки, [3])
Тай голосъ подае:

---

[1]) Повторяется каждый стихъ.
[2]) Отмѣчены слова, которыя повторяются для запѣва.
[3]) Горнушка—горница.

7. „Тай нывисточки-же, мои голубочки,
Тай слухайте-жъ мини!
8. Тай шось у нашому, ой да, у садочку
Тай за пташка куе?“
9. — Тай то не пташка же, та не курпашка,—
Тай то ваша же дочка.
10. Та вона въ щасти, ой да, зродылася,
Та въ роскишахъ зросла,
11. Тай на чужую же, ой да, тай сторонку
Да замужъ, ой да, выдана.
12. Тай на чужои, ой да, на стороници
Тай треба жъ зъ умомъ жить:
13. Та и старому-же, ой да, та малому
Та треба же й-угодыть,
14. Та и своему же, ой да, мыленькому
Та й постель перебыть!
15. Тай перебыла, ой да, не вгодыла,—
Тай почалы судыть:
16. Тай сяка-така же, наша нывистонька,—
Та не вмie же робыть,
17. Та чи не вмie, ой да, чи не смie,
Та чи здавну не зна!

Слобода Манькова, Донецкаго округа.

3. Верба.

1. Ой да, ты, верба, ты, верба, ты, кудрявая,
Ой да, ты, кудрявая, кучирявая,
Охъ и та йдежъ ты взросла, де ты выросла?
— Та я зросла на лужку, на крутому бережку,
5. Та на высокой теренъ похилылася,
Та на высокой теренъ, ше-й на жовтой писокъ,
Та ше на жовтой писокъ, на крутенькiй бережокъ.
Ой да, тамъ сыдила вдова пизно зъ вечеру й сама,
Та и зажигала свичу воску ярого,
10. Та и дожидала дружка же свого прежнёго,
Та свого же прежнёго, разлюбезного.
Та и стучить винъ, грючить, пидъ викошечкомъ стоить.
Та не стучи жъ, не грючи, иды въ хаточку,
Та иды же въ хаточку, сядь на лавочку
15. Та й раскажи жъ ты мини й-усю правдочку!

Слоб. Маньково-Калитвенская, Донецкаго округа.

4. Котысь, яблочко.

(Бытовая).

1. Да котысь, яблочко, куда котыся,
Тай оддай, таточко, куда схочиця.
Та не за старого, не за малого,—
Та й за молочика разудалого.
5. Та за старымъ житы—лита тратыты,
Та за малымъ житы—сухота моя,
Та за молочикомъ—красота моя.
Та й красота жъ ты моя, дежъ ты дилася,
Та де жъ ты дилася, сподивалася!
10. Та чи въ тiй риченьки, де купалася?
Та чи въ тимъ кирчику[1]), шо вмывалася?
Та чи въ тимъ рушничку, шо втиралася?

Слобода Маньково-Калитвенская.

---

[1]) Кирч къ—корецъ, ковшикъ.

5. Зелененькій огирочокъ.

(Весильна).

1. Зелененькій огирочокъ, а жовтенькій цвитъ [1]),
Десь у тебе же, да Махорка, тай не ридный ридъ.
Десь у мене же, подруженьки, весь ридненькій ридъ.
Разгнивався же мій батенько тай на мене,
5. Що я пишла тай до броду рано по воду.
— Та чи мы жъ тоби, серденятко, не втипалы:
Шо не ходы же тай до броду рано по воду,
Ой не слухай голубонькивъ, шо рано гудуть,
Воны жъ тебе, молодую, изъ ума зведуть,
10. Одъ ридного тай батенька тебе жъ одведуть,
До сердытого жъ до свекорка тебе прыведуть!“
— А свекорко, мій батенько, не пусте гулять,
Ой, хочь пусте жъ, тай прикаже: йды, не борысь,
У синечки жъ за двиречки назадъ завернысь!—
15. „Ой спасиби жъ, мій батенько,—нагулялася,
Тай зъ ридными подружкамы навидалася,
Та зъ ридными жъ, вирнишими распрощалася!“

Слоб. Маньково-Калитвенская, Донецкаго округа.

6. Була зыма.

(Бытовая).

1. Була зыма, та була люта, та не бачилы лёду [2]),
Ой хто жъ кого та вирно любе, та бреде черезъ воду.
Брила ричку, та й брила быстру, ще й половыну ставу:
Не вводь мене, молодый козаче, у велыкую славу!
5. — Дивчинонька, моя молоденька, ты й сама въ слави ходышь!..

Слоб. Маньково-Калитвенская, Донецкаго округа.

7. Покотю я тарилочку.

(Уличная).

1. Покотю я тарилочку, 2
Щей нову тарилку. 2
2. Ой у нашого Стефанка 2
Джинджирова [3]) дивка. 2
3. Тамъ Варечка воду брала— 2
Городъ полывала, 2
4. А й Андрійко на коныку 2
Очи же порывае. 2
5. Тамъ Варечка воду посе—
Коромысло гнеця,
6. А й Андрійко на коныку,
Якъ рыбочка, вьеця...

---

[1]) Послѣднія слова повторяются для запѣва.
[2]) Конецъ стиха повторяется для запѣва.
[3]) „Джинджирова—гарна дивчина, якъ солодкій джинжиръ“ (инжиръ).

7. Не журыся ты, дивчино,—
Ты ще жъ молоденька:
8. Тій покине, другій буде,—
Ты ще жъ чепурненька!
9. Ой у нашому садочку
Груша зеленька,
10. Ой у нашого Стефанка
Дивка молоденька...
11. Не журыся ты, Варечко,—
Ты ще жъ молоденька:
12. Тій покине, другій буде,—
Ты все жъ чепурненька!

Слобода Маньково-Калитвенская.

8. Та на ричци.

(Щедривка).

1. Та на ричци, та на Ердани,
Припѣвъ: Щедрый вечиръ, добрый вечиръ, добрымъ людямъ на здоровье!
2. Тамъ Причиста та рызы прала. Щедрый вечиръ и пр.
3. Тай повисыла та на ёлыни. Щедрый вечиръ и пр.
4. Та де ни ввялося та тры ангелы,
5. Та понеслы рызы по-пидъ небесамы.
6. Та й уси небеса растворылыся,
7. Та й уси святи поклонылыся.
Приказка: Дай, Боже, добрый вечиръ,—
Вынимайте пырыгъ зъ печи!

Слобода Маньково-Калитвенская.

Примѣчаніе. „На Меланкинъ день, пидъ Новый годъ, дивчата ходють щидровать. Слидомъ за ными бига всяка шантрапа: хлопчата та маненьки дивчата, та кричать пидъ викнами: „Добрый вечиръ! звелить щидрувáть (або миланькувáть)!“—„Щидруйте на здоровье!“ А тоди й почина одна, яка схоче, а потимъ уси“.

9. Мелашка.

(Щедривка).

1. Мылашка, Мылашка по гори ходыла,
Припѣвъ: Щедрый вечиръ, добрый вечиръ, добрымъ людямъ на здоровья!
2. По гори ходыла, васылькы посыла. Щедрый вечиръ и пр.
3. Васылькова маты, пусты мене въ хату!
4. Та я жита не жала, честный хрестъ держала,
5. Золоту кадыльничку, стрибну постыльничку [1]).

Прыказки (по окончаніи пѣнія):

1. Дайте пырыгъ зъ рукамы та зъ ногамы, щобъ бигъ за намы!
2. Ны дастé пырога, возьму вóла за рога, кóбылу за чупрыну тай выведу на могылу!
3. Дайте ковбасу, до дому понесу! А ще мало—кусокъ сала, а ще тришки—кусокъ пышки!

Слобода Шарпаевка, Донецкаго округа.

---

[1]) Серебряный покровъ.

III. Пѣсни Орловской и Пензенской губерній.

1. Сборница.

(На дѣвичникѣ).

1. Сборница, сборница Дарьюшка
Собрала своихъ всѣхъ подругъ,
Посадила ихъ всѣхъ за столъ,
А сама сѣла выше всѣхъ,
5. Склонила головушку нижа всѣхъ,
Уздумала думушку больше всѣхъ.

Село Суворово, Орловской губ., Мценскаго уѣзда.

2. Ма́слина (Масляница).

(«На горѣ Таланѣ дѣвки стоятъ въ кругу и играютъ»).

1. Маслина-гологуска,
Намъ по тебѣ будить груска (грустно)!
Выйду я за вороты,
Взойду я да на горку,
5. Гляну-жъ я да подъ зорьку,
Подъ темнай лѣсъ, подъ дубровку.
Выкликну соловейку:
— Батюшка, соловейтя,
Матушка, пиришелка!
10. Што-жъ ты ко мнѣ въ гости не ѣдишь,
Мене молоду не навѣстишь?
— „Дочушка моя, размилая,
Чада моя дорогая!
Какъ жа къ тебѣ въ гости поѣхать?
15. Я за вороты, а ты заголосишь!“

Село Суворово, Орловской губерніи.

3. Подуй, непогодушка.

(Троицкая).

1. Подуй, подуй, непогодушка, буёнъ витярокъ, [1])
Раздуй, раздуй ты калинушку, лазоривай ть-вѣтъ.
Какъ дѣвушка да на молатца глаза продала,
А молодецъ да на дѣвушку всю жисть положилъ...
5. Веселая бисѣдушка, гдѣ батюшка пьёть.
Онъ пьеть, не пьеть, родимай мой, за мной младой шлёть,
А я млада-младешинька замѣшкалася
За гусями, за утками, за лебедями,
За мелкою за пташкою, за журушкою.
10. А журушка да по бережку похаживала,
Шалкóваю поля-травушку пощипавала,
Холодною водицаю прихлёбывала.
По томъ боку, за рѣчкою крутая гора,
На той горѣ, на горушкѣ силенья мала,
15. Мала-мала да малехунька—четыри двора,
Во тѣхъ дворахъ, во дворикахъ чатыри кумы.
— Вы, кумушки, голубушки, подружки мои,
Кумитеся, любитеся, любитя мене!
Пойдетя вы во зеленай садъ, возьмитя мене;

[1]) Послѣднія слова каждаго стиха повторяются.

20. Вы станитя тьвяточки рвать, сарвитя минѣ;
Вы станитя вяночки вить, савейтя минѣ;
Пойдетя вы на Дунай рѣчку, возьмитя мене;
Вы станитя винки бросать, забростя и мой!
Усѣ вянки посьверьхъ воды, а мой потонулъ...
25. Усѣ дружья съ Москвы пришли, а мой не бывалъ,
Усѣ дружья съ подаркими, а мой—ничаво!..

Село Суворово, Орловской губерніи.

4. Сады.

(Покоспая) [1])

1. Вы, сады мои, садочки, 2
Сады, алаи тьвяточки! 2
Дѣвка по саду гуляла, 2
Тьвяты алаи рывала,
5. У шалковъ платокъ вязала.
Ишла, ишла, уморилась;
Ана сѣла, посидѣла,
Тьвяты алы поглидѣла:
— Не завялъ ли мой тьвяточикъ?
10. Не забылъ ли милъ дружочикъ?
Я любила дружка тайно,
Гдѣ послышу—вездѣ явно!
Да и хто это доносить?
Либо свекоръ сы свикровей,
15. Алп девярь сы нивѣской,
Аль золовушка—невѣста!

Село Суворово, Орловской губ.

5. Ты, калинушка.

1. Эхъ да, ты, калинушка, ты, малинушка, [2])
Ой да, ты ня стой, ня стой на горѣ крутой, 2
Ой да, ня спущай листа во синё моря. 2
Эхъ да, во синемъ та мори карабель плывёть,
5. Ахъ да, корабель плыветь, ашъ вода ривёть,
Эхъ да, какъ на томъ кораблѣ два полка солдатъ,
Ой да, два полка солдатъ, молодыхъ робятъ.
Эхъ да, ахвицеръ-маёръ Богу молитца,
Эхъ да, молодой солдатъ домой проситца:
10. — Охъ да, ахвицеръ-маёръ, отпусти домой,
Ой да, отпусти домой къ отцу, къ матяри родной,
Эхъ да, къ отцу, къ матяри родной, да къ жанѣ молодой,—
Ой да, молода-ль моя жана, знать, хвораить безъ мяня!

Деревня Будаева, Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда.

6. Изъ-за кустичка.

1. Изъ-за кустичка, куста, е-эй, изъ кусточика раки... эй да всё раки... е...
все ракитова [3]).
Тутъ бяжить-то, тикеть, е-эй да рѣчка бы...е... рѣчка быстрая.

---

[1]) „Въ садахъ сѣно гребутъ во время покоса“.
[2]) Каждый слѣдующій стихъ, кромѣ послѣдняго, повторяется въ видѣ запѣва.
[3]) Послѣднія слова повторяются для запѣва.

Тамъ вода, вода холо... е-эй да, всё холо... в с е х о л о д н а я.
Какъ во той, во той рѣкѣ, е-эй да, воръ коня, в о р ъ к о н я, к о н я п о и л ъ.
Напоёмши воръ коня, е-эй да, сталъ привя... с т а л ъ п р и в я з ы в а т ь,
Привязамши воръ коня, е-эй да, сталъ прика... с т а л ъ п р и к а з ы в а т ь:
Ужъ ты стой-ка, ты, мой конь, е-эй да стой до той, с т о й д о т о й п о р ы,
До бѣлой-то до зари, е-эхъ да, вплоть до со... в п л о т ь д о с о л н у ш к а,—
Высоко солнца взойдетъ, е-эхъ да за водой, з а в о д о й дѣвка п о й д е т ъ.
Красна солнушка взошло, е-эй да, за водой, з а в о д о й дѣвка п р и ш л а,
Красна дѣвица, е-эхъ да, воду че... о н а в о д у ч е р п ы л а,
Вёдры она ставила, е-эхъ да, съ милымъ рѣ... съ м и л ы м ъ рѣчи б а и л а,
Рѣчи тайныя, е-эй да, невыпо... невинносныя.

Деревня Будаева, Пензенской губерніи.

7. Ночи темныя.

Э-эй да, ночи вы тё... ночи вы тёмныи, ночи осе...е...
Разосеннія... е-э, вы послѣднія.
Э-эй да, всѣ, всѣ я но... всѣ я поченьки, млада, проси.. е...
Всѣ проспдѣла... е-э, я проспдѣла.
Э-эхъ да, всѣ то я ду... всѣ я думушки, млада, пр'ду...
Я продумыла, я продумыла.
Э-эхъ да, мнѣ одна, мнѣ одна думушка съ ума нейдетъ,
Мнѣ съ ума нейдетъ, съ крѣпка разума:
Э-эхъ да, я вечоръ, я вечоръ, млада, глупо сдѣ...
Глупо сдѣлыла, глупо сдѣлыла,
Э-эхъ да, я пу своно, я своно дружка я распрогпѣ...
Распрогнѣвыла, распрогнѣвыла,
Э-эхъ да, назвала, назвала дружка горькай пья...
Горькай пьяницай, всё пропойницай,—
Э-эхъ да, ну пропилъ, пропилъ все свое житье-бытье,
Все житье-бытье, все имѣньица.

Деревня Будаева, Пензенской губерніи.

8. Не слободушка—славная Москва.

Не слободушка, е-эхъ, славная Москва, [1])
Разорёная, е-эхъ, съ краю до конца. 2
Знаю, вѣдаю, кто Москву разбилъ:
Разбивалъ Москву непріятель мой,
Непріятель мой, парень молодой.
Онъ ходилъ, гулялъ по полю съ ружьемъ,
Не съ оружьицамъ, съ пушкой вѣстовой.
Заряжалъ пушку пудовымъ ѳдромъ,
Онъ стрѣлялъ, пулялъ съ-за синя моря,
Штоба слышала вся сила моя.

Деревня Будаева, Пензенской губерніи.

---

[1]) Каждый слѣдующій стихъ повторяется для запѣва.

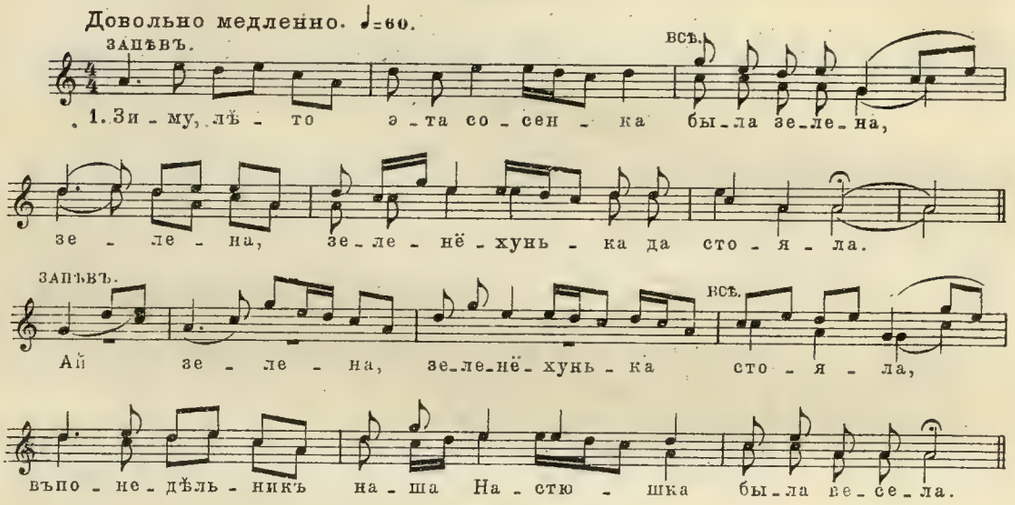
Народныя пѣсни,

записанныя А. М. ЛИСТОПАДОВЫМЪ, въ 1904 г.

I. Пѣсни донскія казачьи.

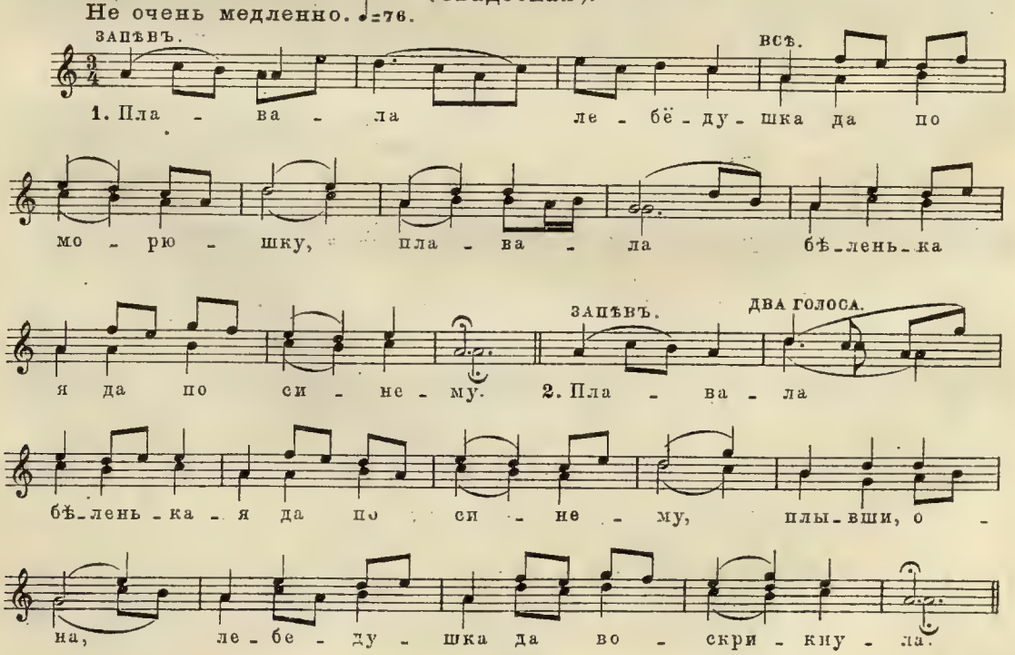
1. ЗИМУ ЛѢТО.

(Свадебная).



2. ПЛАВАЛА ЛЕБЕДУШКА.

(Свадебная).

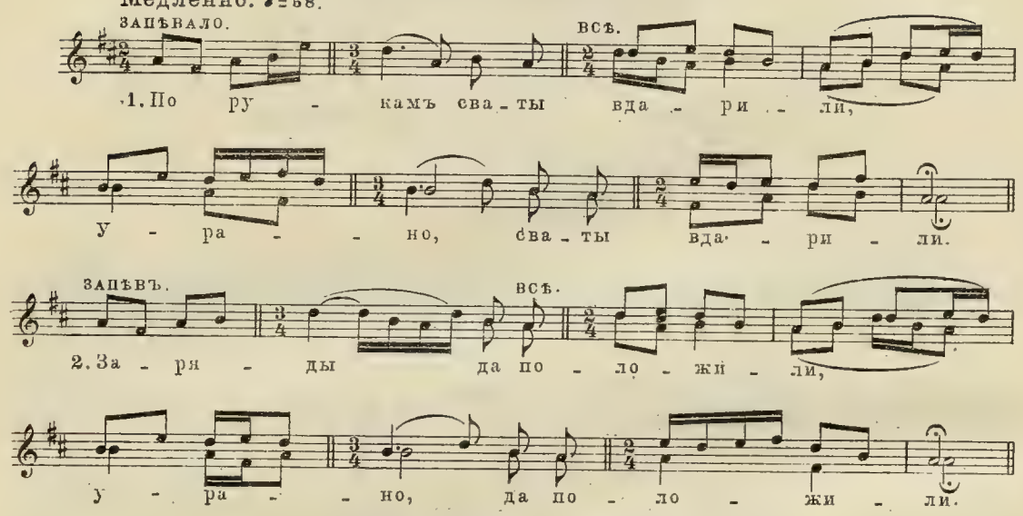


Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

3. ПО РУКАМЪ СВАТЫ ВДАРИЛИ.

(Свадебная. На рукобитьяхъ).

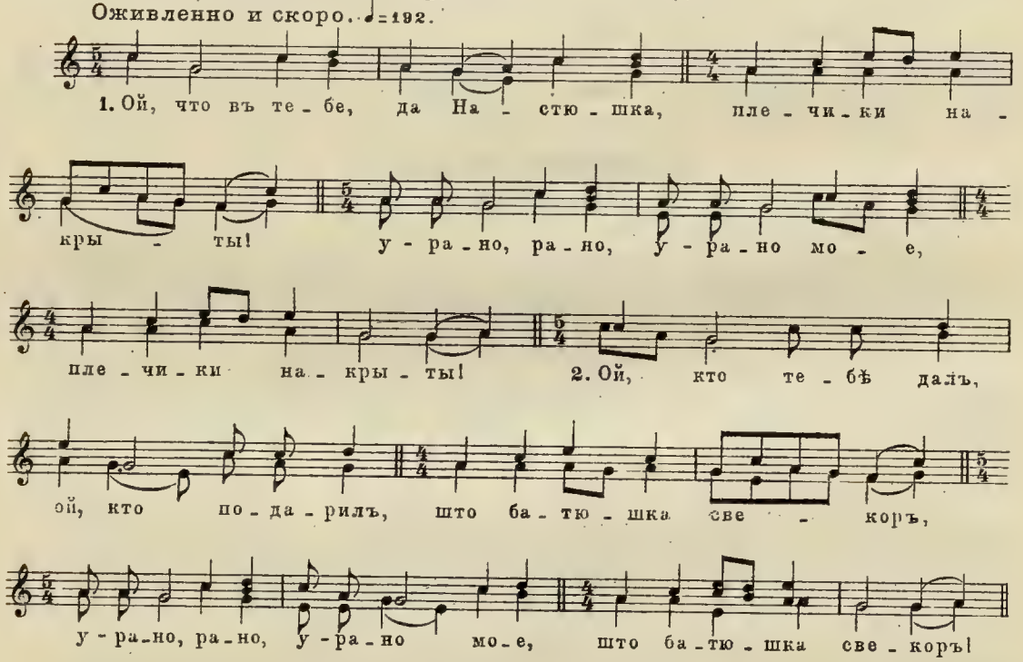
Медленно. ♩=58.



4. ОЙ, ЧТО ВЪ ТЕБЕ.

(Свадебная, на рукобитьяхъ и сводахъ).

Оживленно и скоро. ♩=192.

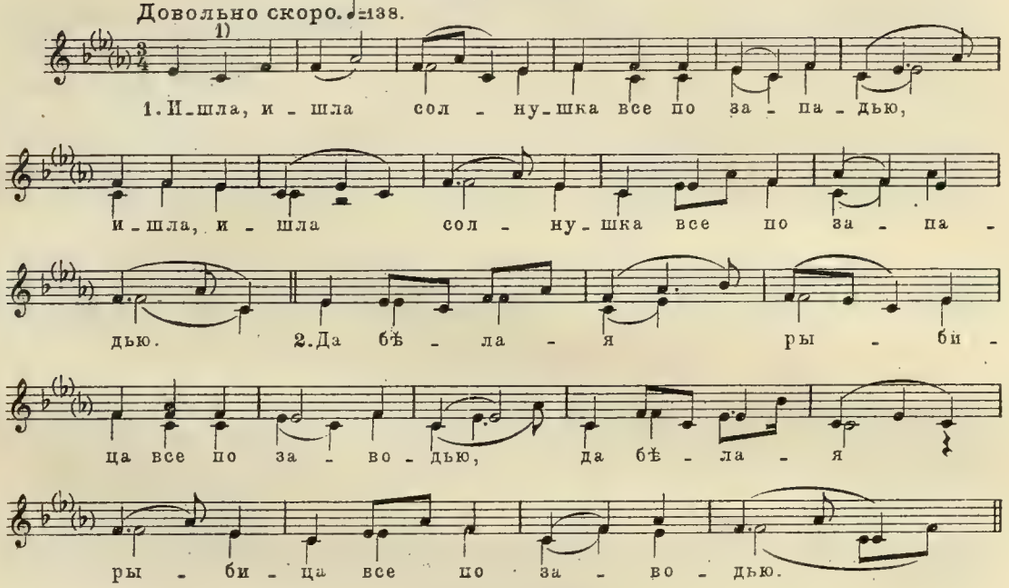


3. Ой, хто тебѣ далъ, ой, хто подарилъ?
Маменькя свекровья,
У-ранò, ранò, у-ранò мое, маменька свекровья,
4. Она дала, она дала,
Она подарила,
У-ранò, ранò, у-ранò мое, она подарила!

5. ИШЛА, ИШЛА СОЛНУШКА.

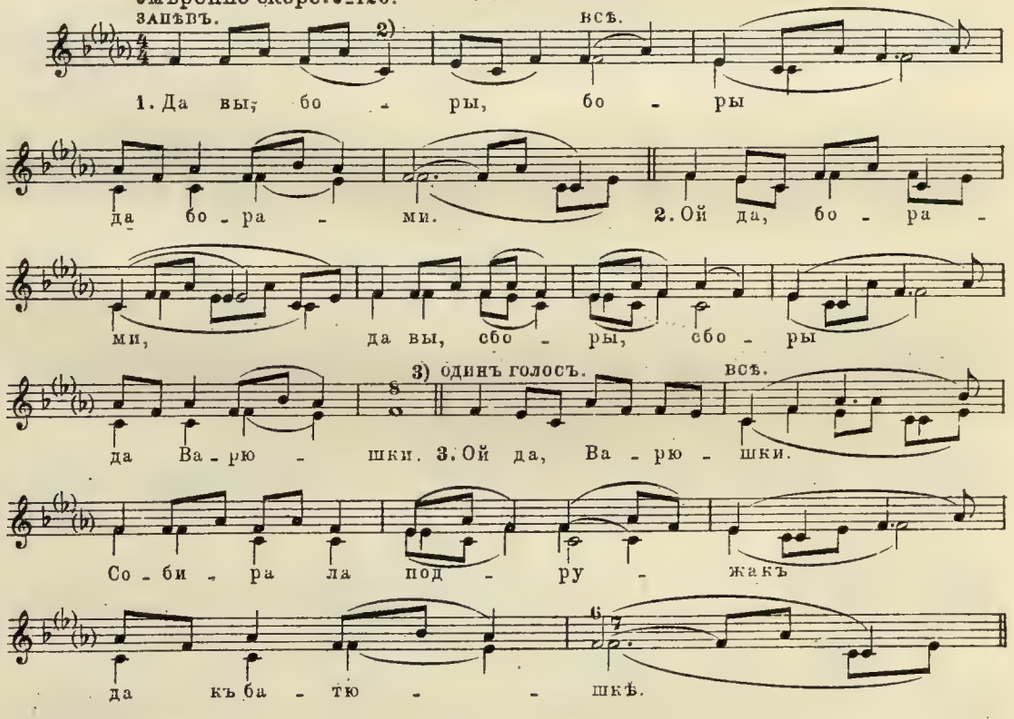
(Свадебная).

Довольно скоро. ♩=138.



6. БОРЫ, СБОРЫ.

Умѣренно скоро. ♩=120. (Свадебная).

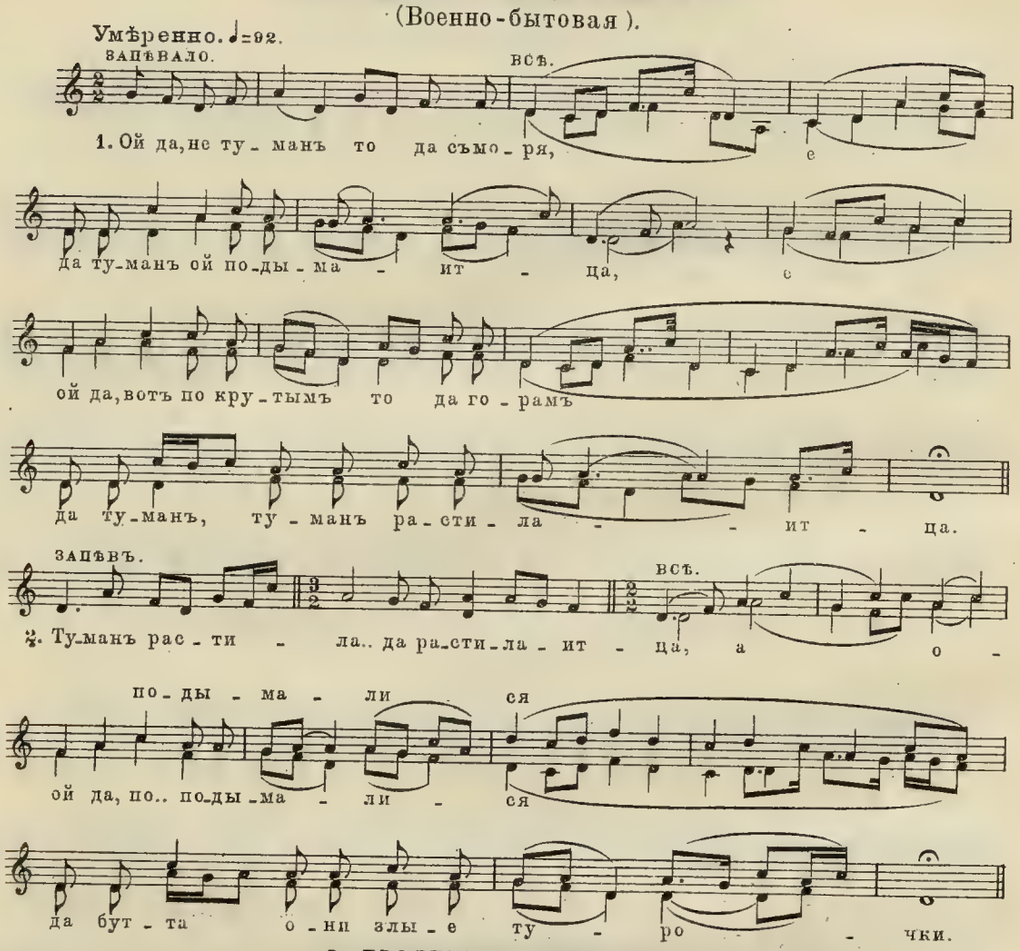


1) 2) До и mi-бемоль немного повышены, la-бемоль понижено.

3) Цифры надъ нотами (8, 6, 7) показываютъ истинную длительность въ исполненіи (въ четвертяхъ).

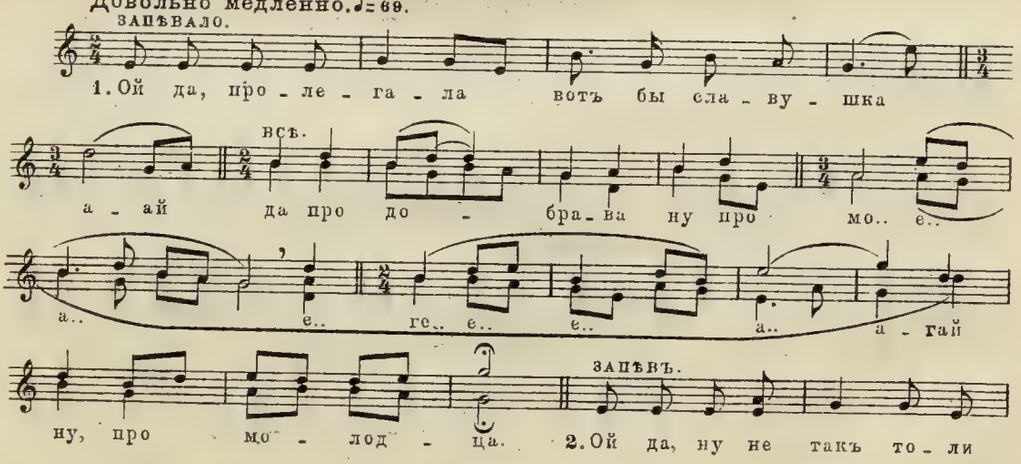
7. НЕ ТУМАНЪ СЪ МОРЯ ПОДЫМАЕТСЯ.

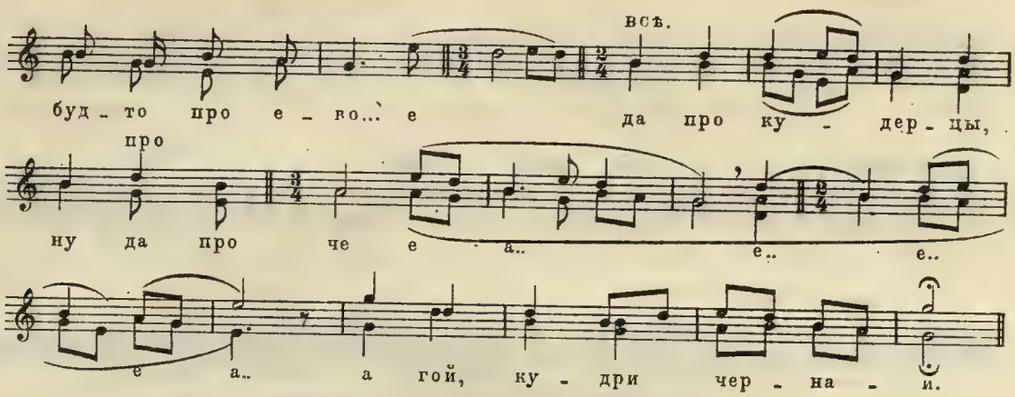
(Военно-бытовая).



8. ПРОЛЕГАЛА СЛАВУШКА.

(Военно-бытовая).

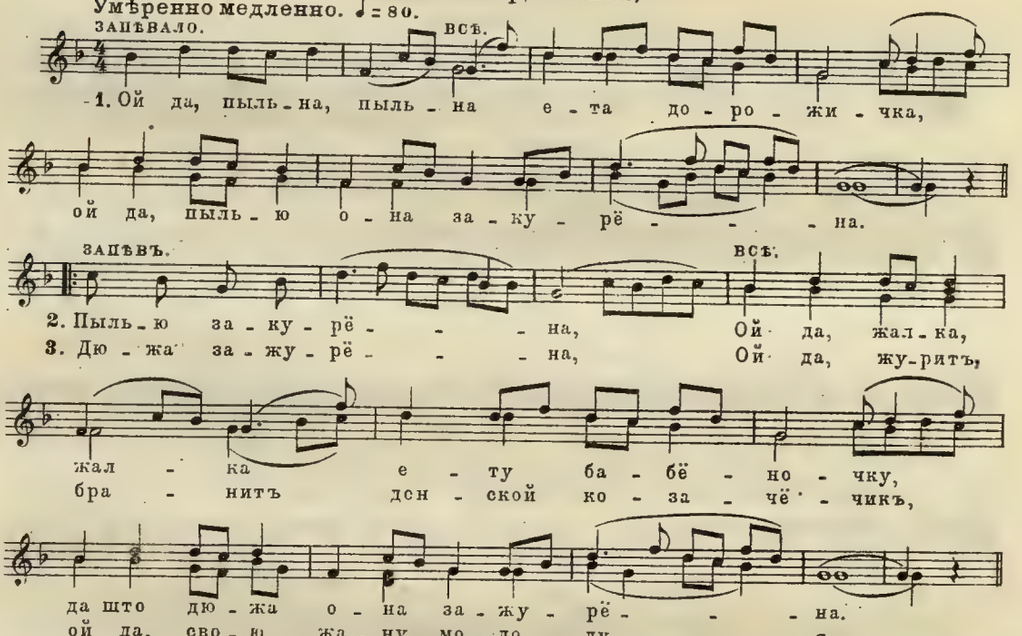




9. ПЫЛЬНА, ПЫЛЬНА ДОРОЖЕЧКА.

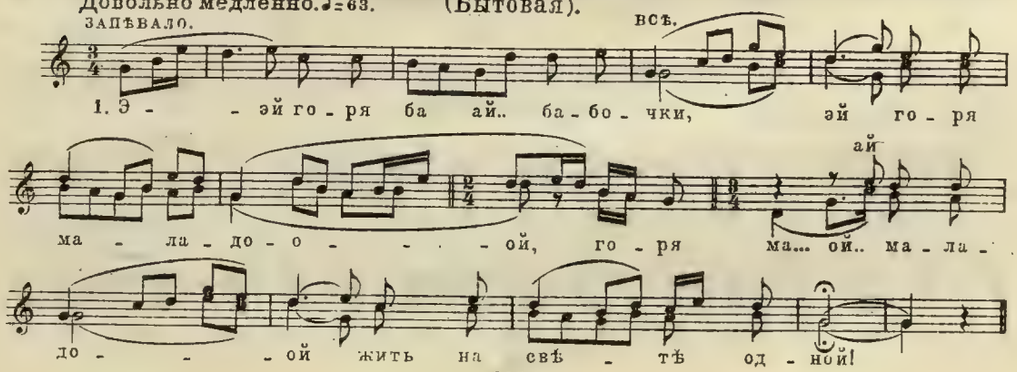
(Бытовая протяжная)

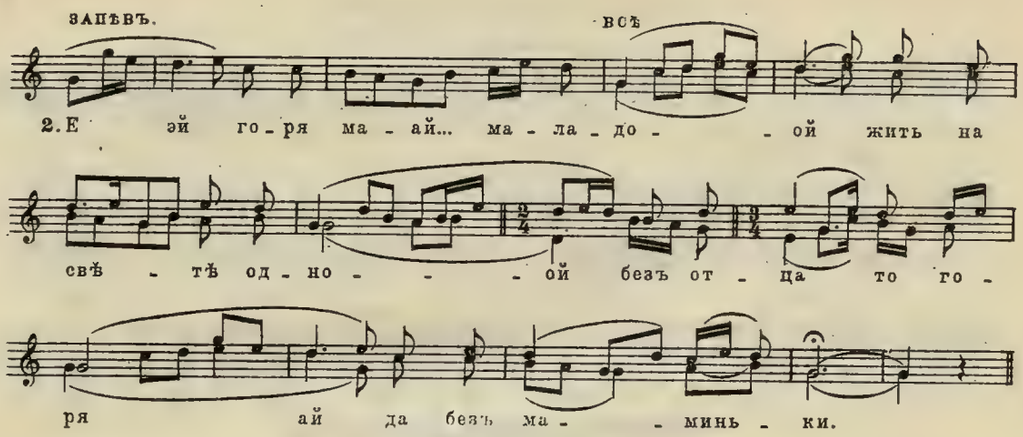
Умѣренно медленно. ♩ = 80.



10. ГОРЕ БАБОЧКѢ.

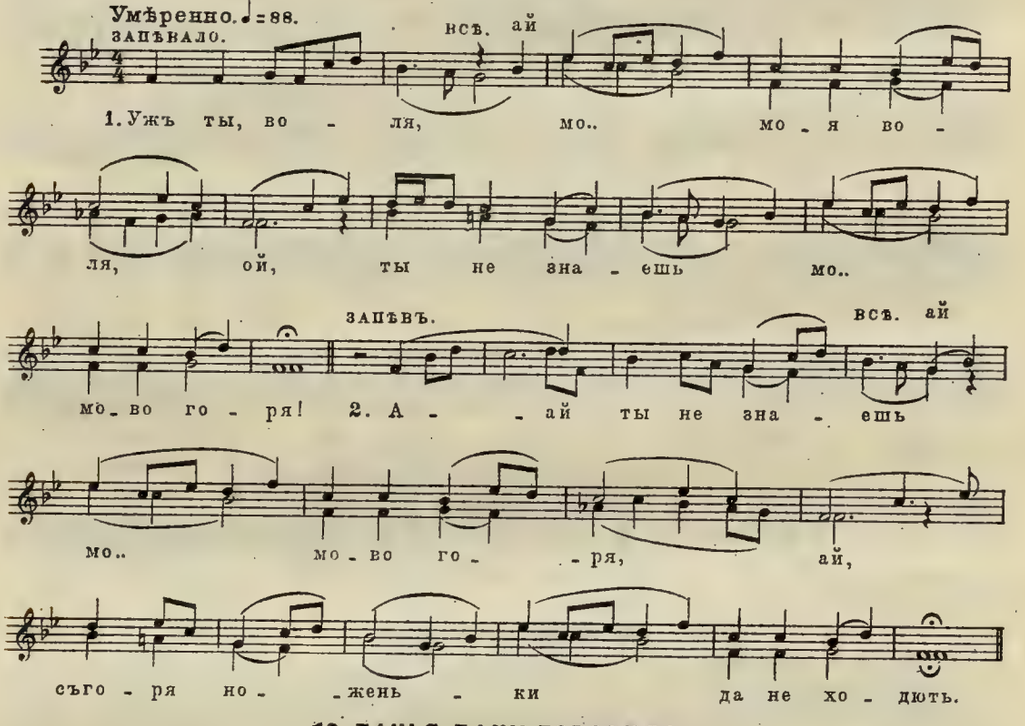
Довольно медленно. ♩ = 63. (Бытовая).





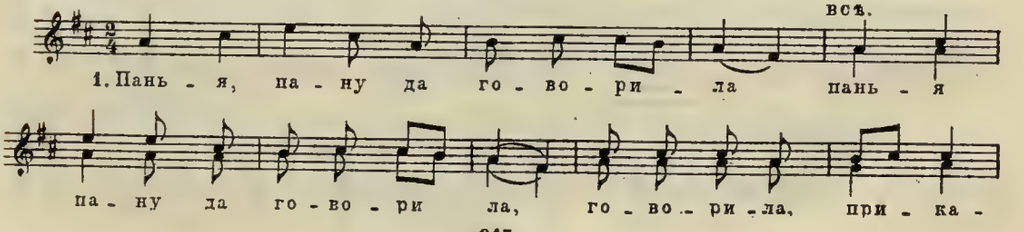
11. УЖЪ ТЫ, ВОЛЯ.

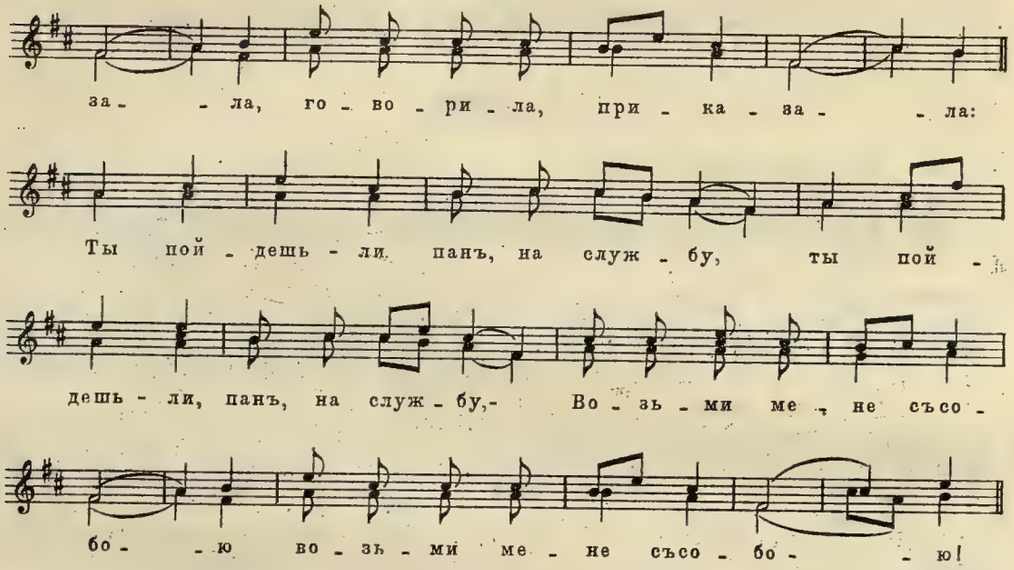
(Бытовая).



12. ПАНЬЯ ПАНУ ГОВОРИЛА.

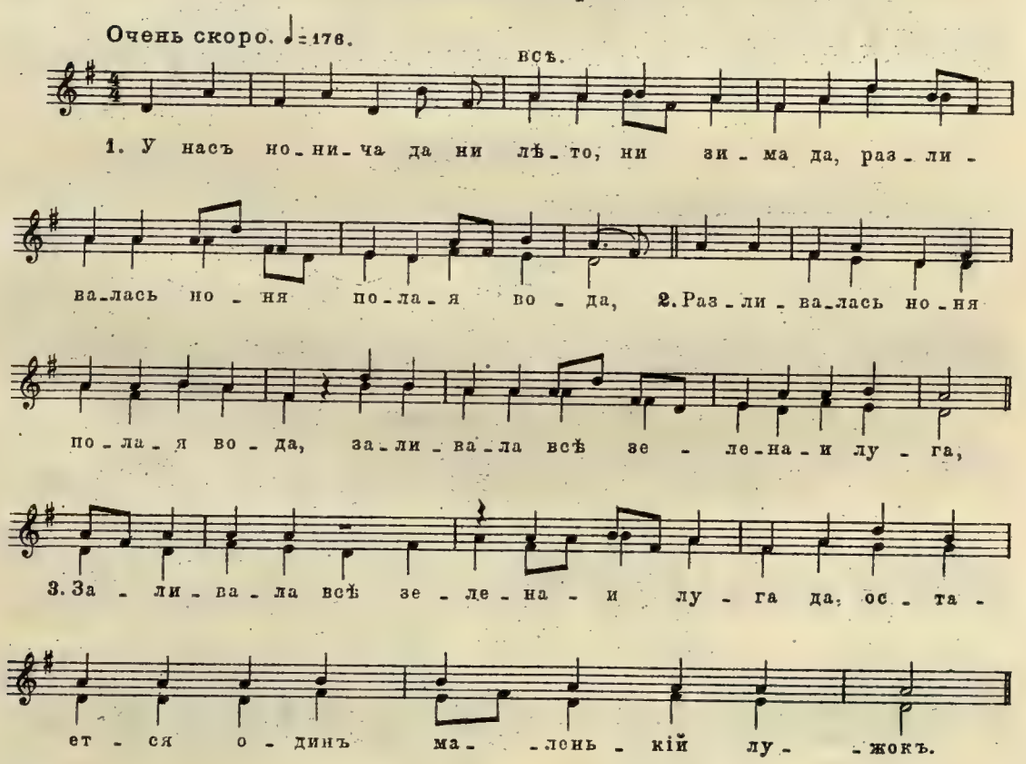
Скоро. ♩= 168. (Гулебная скорая).





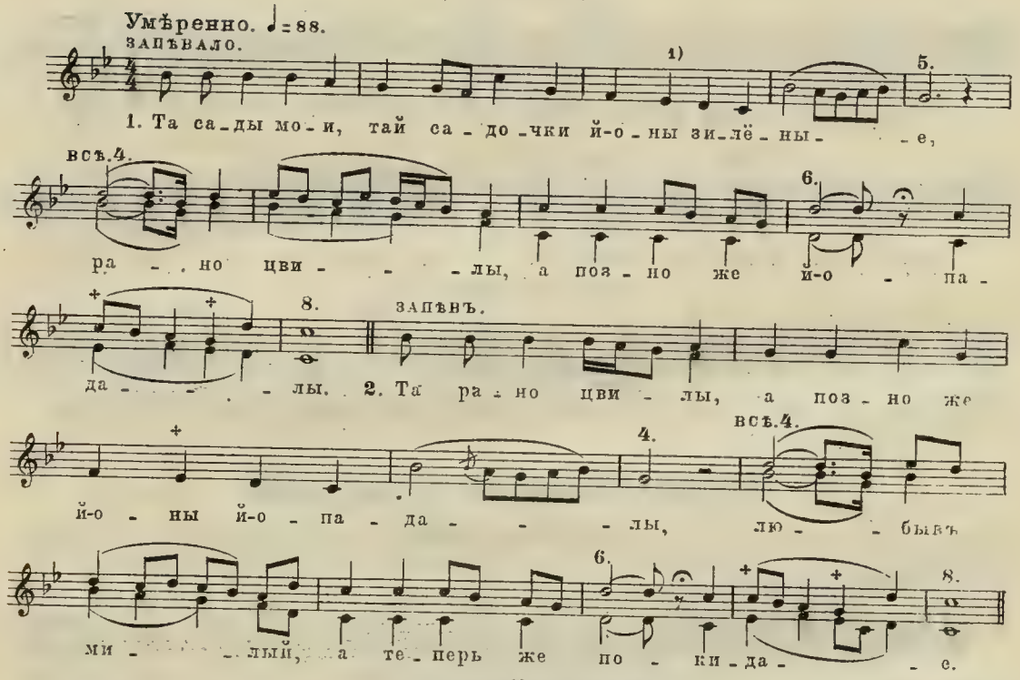
13. У НАСЪ НОНИЧА НИ ЛѢТО, НИ ЗИМА.

(Гулебная скорая).

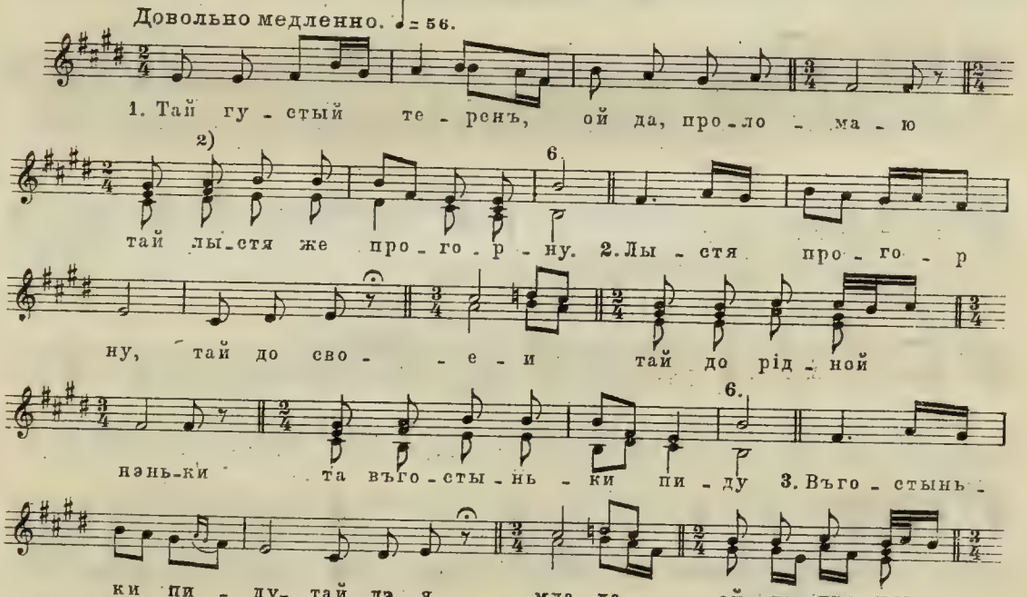


II. Пѣсни донскихъ малороссовъ.

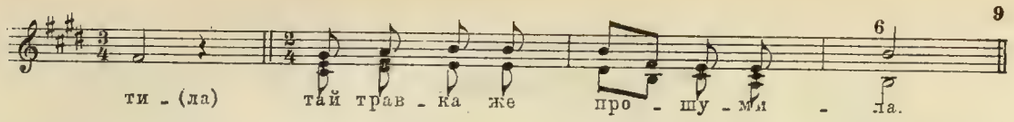
1 САДЫ.



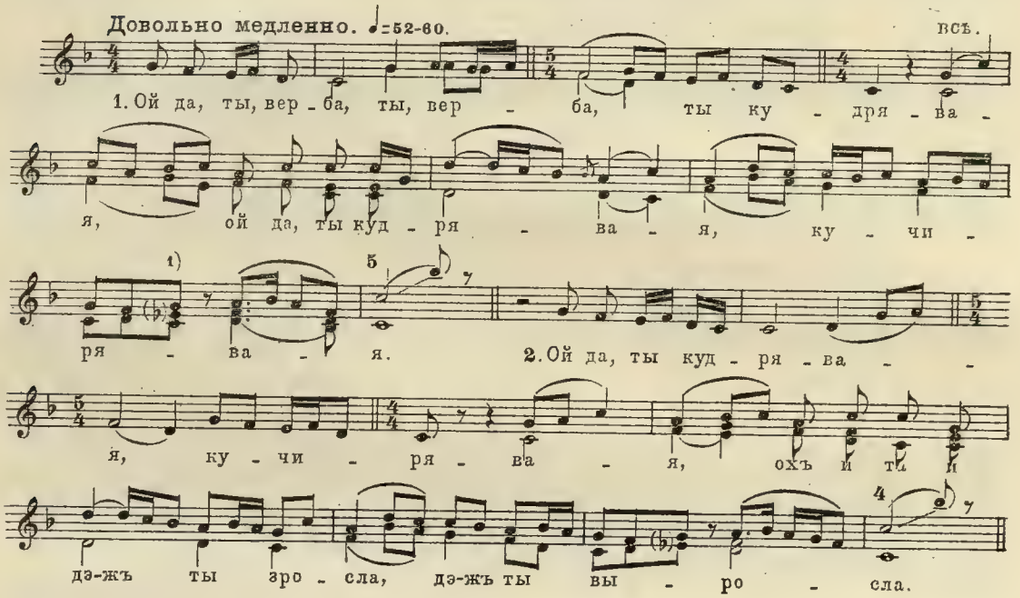
2. ГУСТЫЙ ТЕРЕНЪ.



1) Mi♭, отмѣченныя знакомъ +, немного повышены. Цыфры надъ нотами показываютъ истинную длительность въ исполненіи.
2) Re♯ чуть пониженъ.

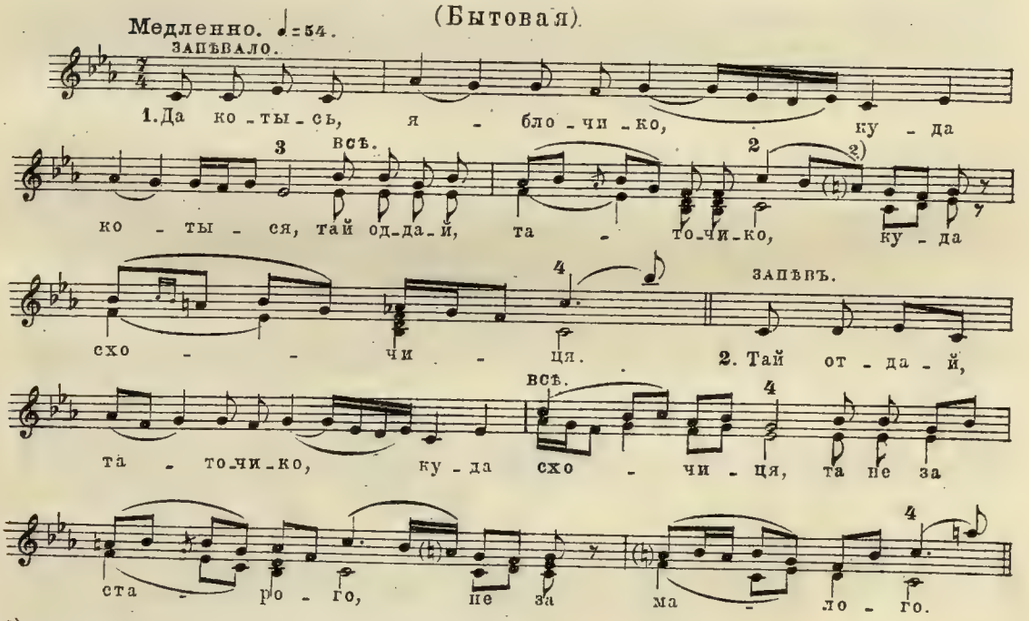


3. ВЕРБА.



4. КОТЫСЬ, ЯБЛОЧКО.

(Бытовая).

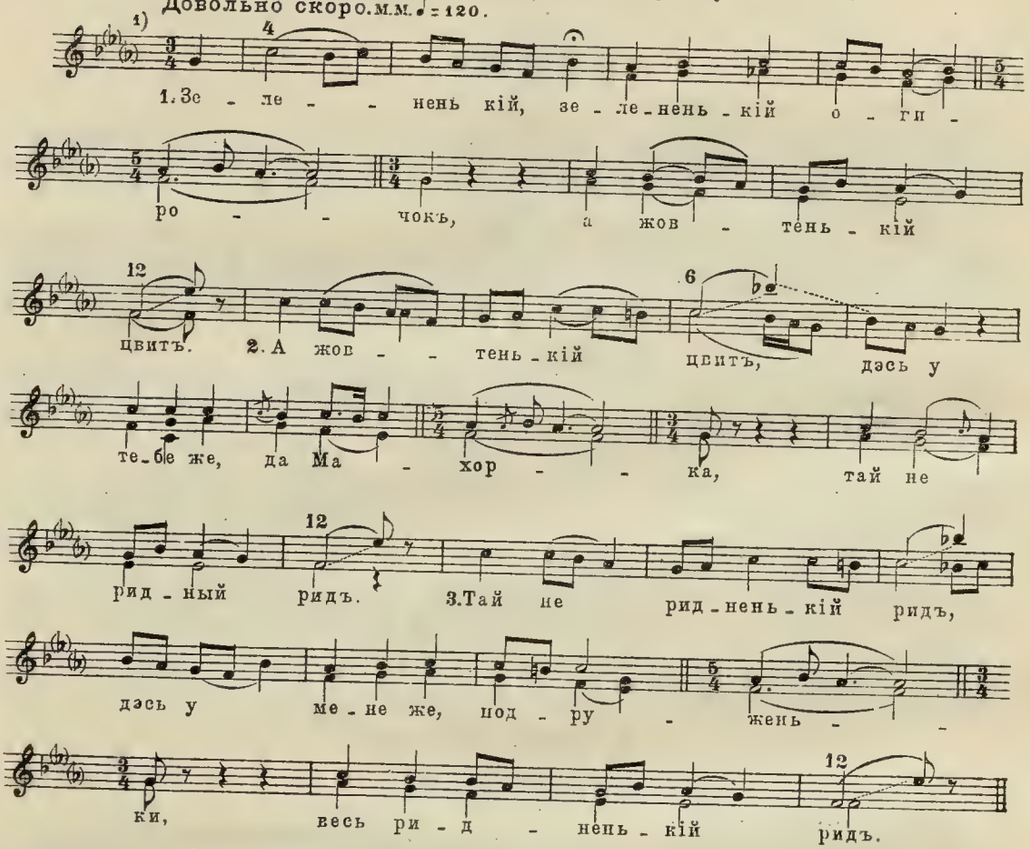


1) Бемоль въ скобкахъ понижаетъ менѣе, чѣмъ на полтона.
2) *La*(♮)-повышенное менѣе, чѣмъ на полтона *la* ♭.

5. ЗЕЛЕНЕНЬКІЙ ОГИРОЧОКЪ.

(Когда просватаютъ дѣвушку).

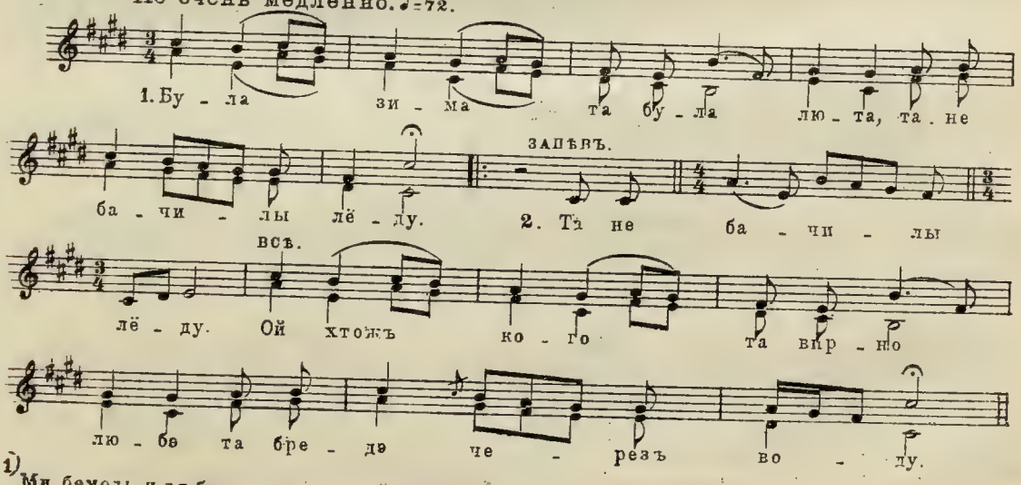
Довольно скоро. м.м. ♩ = 120.



6. БУЛА ЗИМА.

(Бытовая).

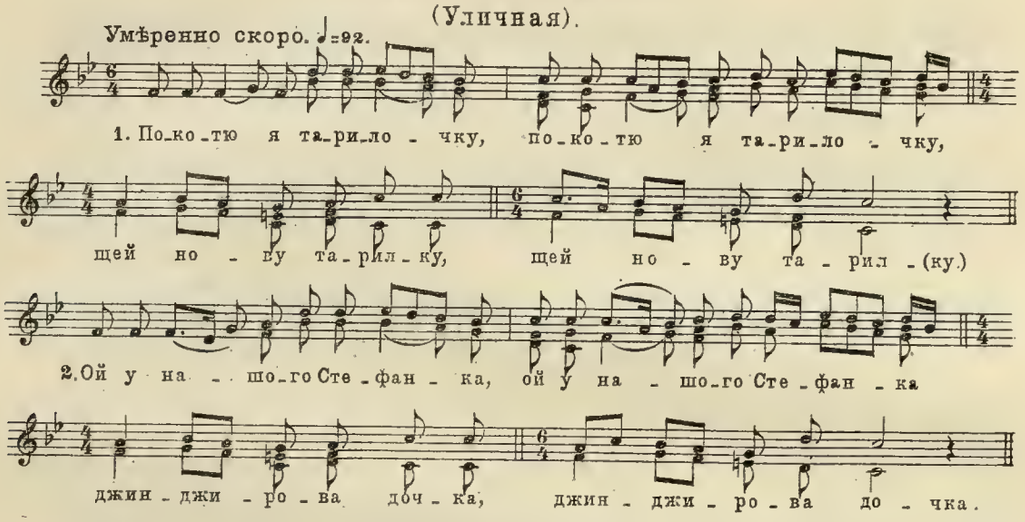
Не очень медленно. ♩ = 72.



1) Ми бемоль и ля бемоль немного повышены.

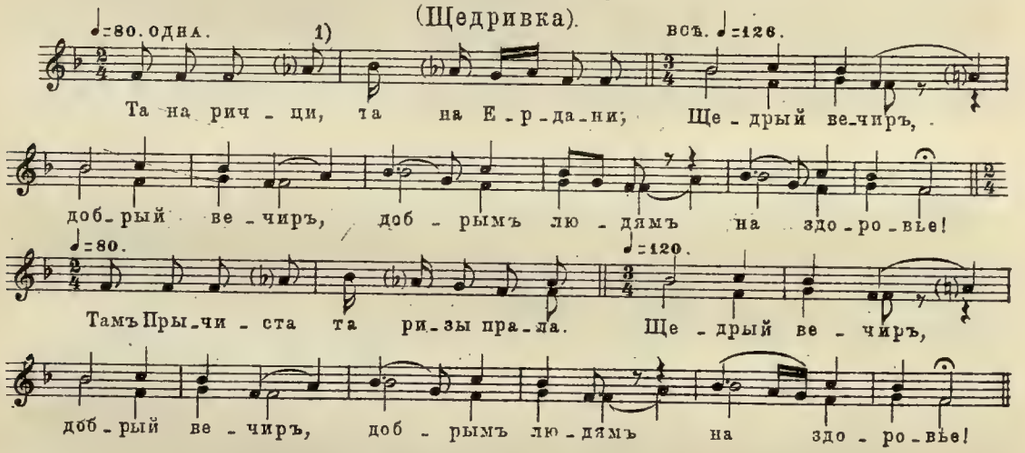
7. ПОКОТЮ Я ТАРИЛОЧКУ.

(Уличная).



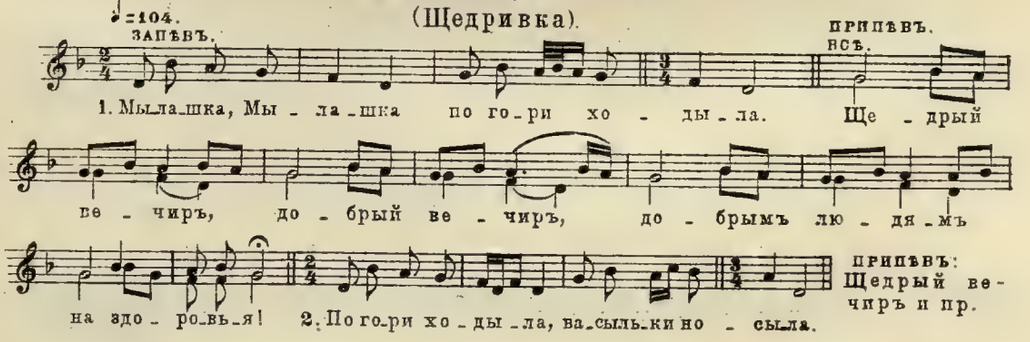
8. ТА НА РИЧЦИ.

(Щедривка).



9. МЕЛАШКА, МЕЛАШКА.

(Щедривка).

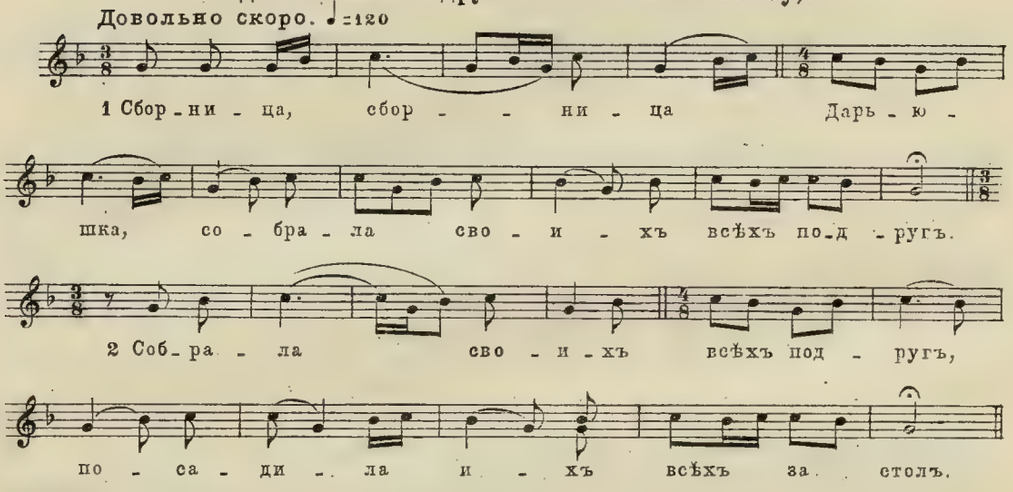


1) *La bemol* въ запѣвѣ чуть повышается. *la*(♮) въ припѣвѣ почти чистое.

III. Пѣсни Орловской и Пензенской губерній.

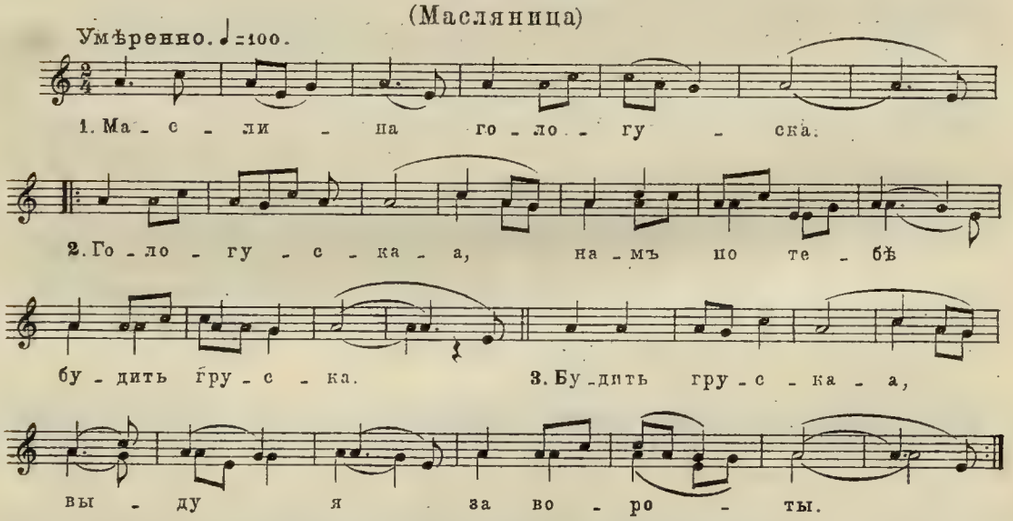
1. СБОРНИЦА.

(На дѣвишникѣ подруги величаютъ невѣсту).



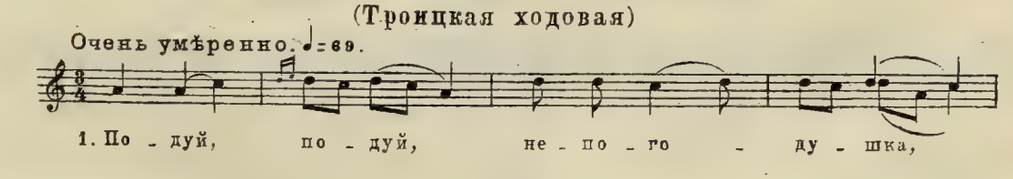
2. МАСЛИНА.

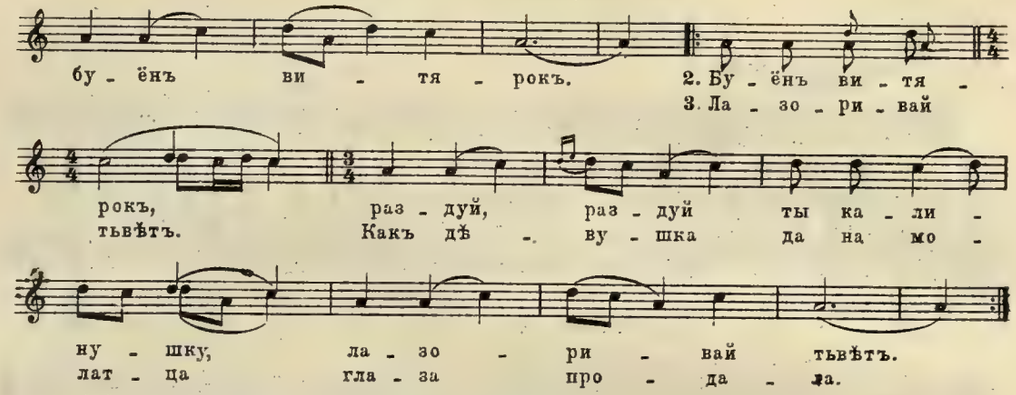
(Масляница)



3. ПОДУЙ, ПОДУЙ, НЕПОГОДУШКА.

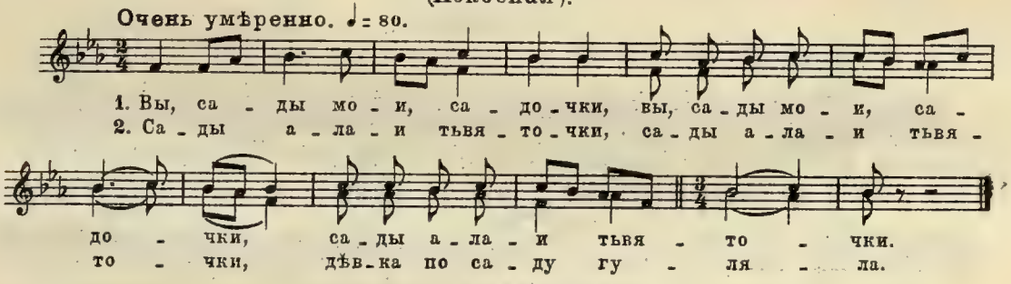
(Троицкая ходовая)



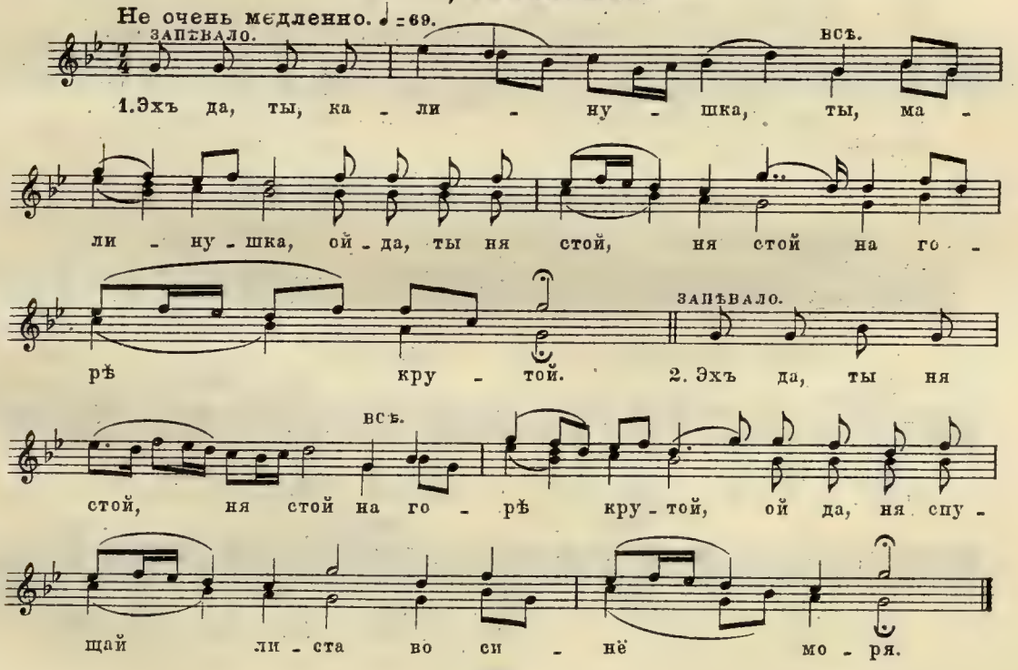


4. САДЫ.

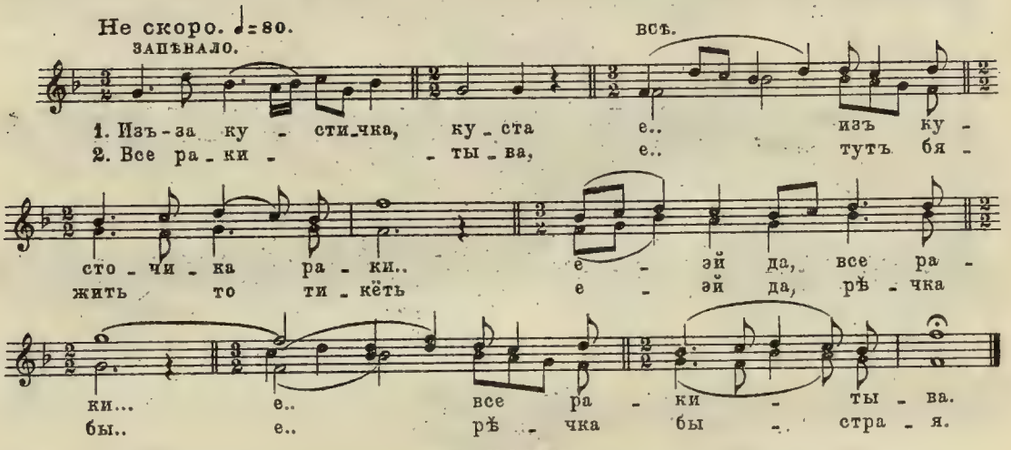
(Покосная).



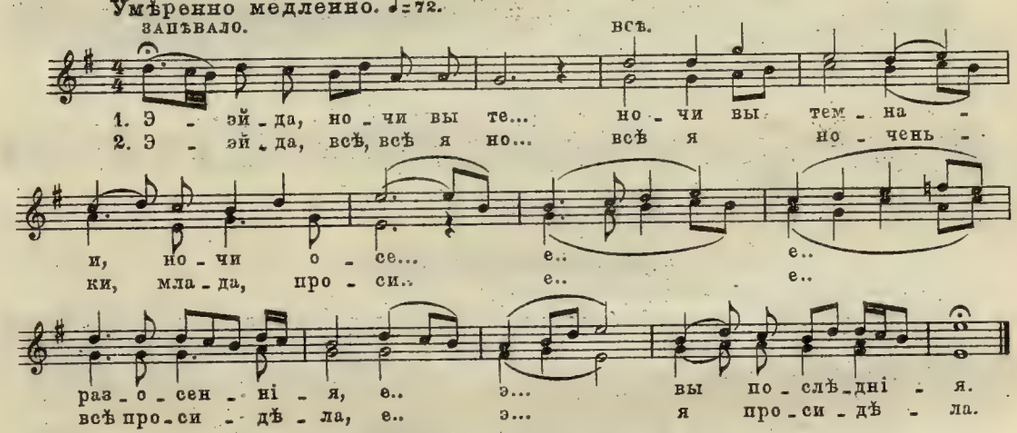
5. ТЫ, КАЛИНУШКА.



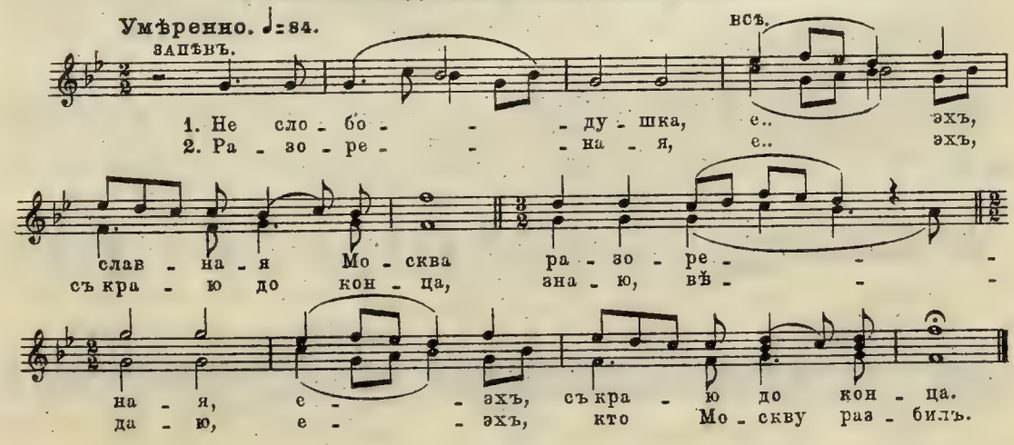
6. ИЗЪ-ЗА КУСТИЧКА.



7. НОЧИ.



8. НЕ СЛОБОДУШКА-СЛАВНАЯ МОСКВА.



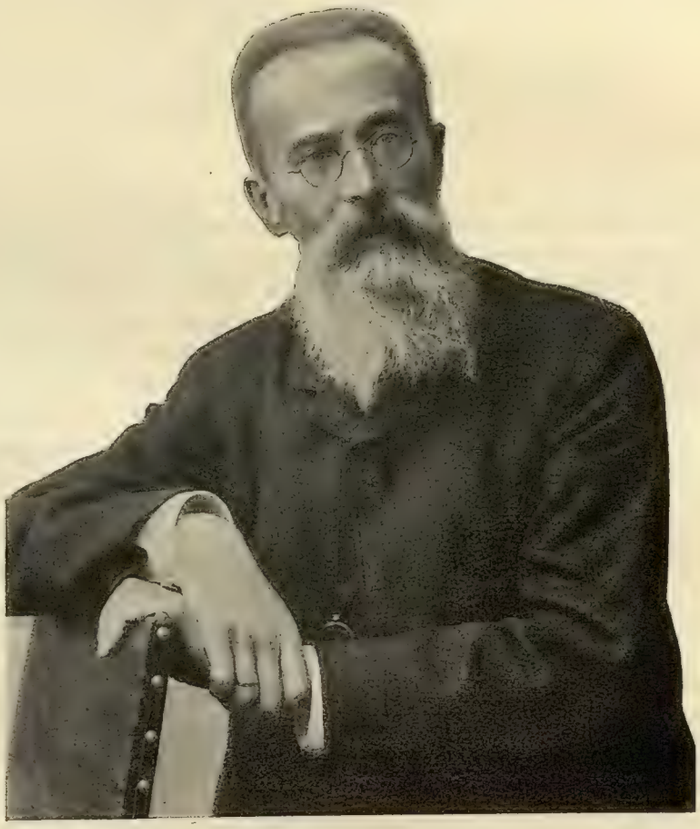
НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО, РУССКАЯ МУЗЫКА

и

Н. А. РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ.

Докладъ въ торжественномъ засѣданіи Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., 11 марта 1909 г., посвященномъ памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

П. А. КАРАСЕВА.



Н. А. Римскій-Корсаковъ.

Милостивый Государь
Николай Андреевичъ,

Искренно признателенъ Вамъ и всѣмъ членамъ Коммиссіи за лестное для меня избраніе. Почту себя счастливымъ, если смогу быть полезнымъ уважаемому учрежденію.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи

Н. Римскій-Корсаковъ

16 Апрѣля 1905 г.
С.-Петербургъ Загородный пр. 28.

Г. Предсѣдателю
Московской Музыкально-Этнографической
Коммиссіи.

Народное творчество, русская музыка

и

Н. А. Римскій-Корсаковъ.

I.

Среди дѣятелей въ области искусства немного найдется лицъ, творчество которыхъ было бы такъ тѣсно связано съ народнымъ творчествомъ, какъ творчество Римскаго-Корсакова. Выясненіе взаимоотношенія творчества Римскаго-Корсакова и народной пѣсни, или вѣрнѣе народнаго эпоса и лирики, и будетъ одною изъ задачъ настоящаго сообщенія.

Западное музыкальное искусство образовалось путемъ сочетанія и взаимодѣйствія народной пѣсни и церковной музыки, подвергшихся культурной обработкѣ со стороны цѣлаго ряда поколѣній въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія. Широкое участіе инструментальной музыки при богослуженіи благопріятствовало вступленію ея на полифоническій и главное гармоническій путь, результатомъ чего и является вся культурная музыка послѣднихъ 2-хъ вѣковъ. Симфонія, опера, соната, камерный ансамбль, художественная пѣсня—вотъ внѣшнія формы, въ которыя отлилась современная музыка и въ которыхъ установились уже опредѣленныя традиціи.

Русское музыкальное искусство пришло во многомъ къ тѣмъ же выводамъ, но лишь инымъ путемъ и давши имъ свое особенное освѣщеніе.

И наша пѣсня и наше церковное пѣніе, въ отличіе отъ Запада, шли каждые своимъ путемъ. Если и можно замѣтить родство и взаимодѣйствіе народной пѣсни и церковнаго пѣнія по нѣкоторымъ общимъ попѣвкамъ, то во всякомъ случаѣ можно сказать, что это взаимодѣйствіе не только не поощрялось, а, наоборотъ, преслѣдовалось. Православное церковное пѣніе отлилось въ систему осмогласія, и чистота его такъ же строго и ревниво охранялась, какъ и строгость и неизмѣняемость обрядовъ, какъ и чистота догмы. Народная пѣсня постоянно терпѣла гоненія и отъ свѣтскихъ и отъ духовныхъ властей: первыя обращали вниманіе на скомороховъ, замѣнявшихъ собою современную публицистику, ведшихъ такъ-сказать отдѣлъ злободневной хроники и газетнаго фельетона, духовныя же власти обращали вниманіе главнымъ образомъ на языческія и бѣсовскія игрища.

Отсутствіе инструментальной музыки при богослуженіи, взглядъ на нее, какъ на грѣховное занятіе, взглядъ, сохранившійся, кстати сказать, до нашего времени, явились причиною того ,что инструментальная музыка въ древней Руси развитія не получила.

Это наложило сильный отпечатокъ на народное музыкальное искусство. Творческій геній народа, не имѣя возможности вступить на гармоническій путь,

работалъ исключительно въ области мелодіи и ритма, и въ этомъ отношеніи достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Уже болѣе столѣтія записываютъ и изучаютъ мелодіи народныхъ пѣсенъ, но можно сказать, что до сихъ поръ еще онѣ стоятъ загадкой передъ современной музыкальной наукой. Несмотря на отдѣльные замѣчательные труды Сѣрова, Мельгунова, Сокальскаго, Арнольда и др., до сихъ поръ еще не установлено единообразнаго взгляда на мелодическое и ритмическое строеніе народной музыкальной рѣчи. Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи— главнымъ образомъ точныя записи народныхъ пѣсенъ съ фонографа — особенно ярко говорятъ о сложности народнаго музыкальнаго языка.

II.

При всей сложности своей конструкціи, народное пѣсенное творчество необыкновенно широко захватываетъ, вѣрнѣе захватывало народную жизнь. Тѣсно, неразрывно связанное съ поэзіей, оно въ средѣ неграмотнаго народа не только преслѣдовало чисто музыкальныя, эстетическія цѣли, но удовлетворяло литературнымъ, такъ-сказать (какъ ни странно звучитъ это слово въ данномъ случаѣ), потребностямъ массы. Въ самомъ дѣлѣ развѣ не имѣютъ народныя лирическія пѣсни общаго съ современной лирикой, развѣ мы не замѣчаемъ элементовъ романа въ пѣснѣ о Ванькѣ-Клюшникѣ, элементовъ исторической повѣсти въ историческихъ стихахъ, элемента сатиры въ скоморошьихъ пѣсняхъ.

Пѣсня, во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ, отражала въ себѣ религіозные, историческіе, общественные и бытовые идеалы народа; она давала художественное очарованіе его обрядамъ, отмѣчая и неизмѣнно сопутствуя всѣмъ важнѣйшимъ моментамъ въ жизни человѣка. Сѣдая языческая древность, отголоски борьбы славянъ съ кочевниками доходятъ до насъ въ „старинахъ“ или, какъ ихъ называютъ по-книжному, въ „былинахъ“. Христіанскія легенды, преломляясь сквозь призму оригинальнаго міросозерцанія ихъ народныхъ перелагателей, отливаются въ устахъ каликъ перехожихъ въ форму духовнаго стиха. Историческія событія получаютъ своеобразную окраску въ историческихъ стихахъ, ярко отражающихъ политическія симпатіи и антипатіи автора и слушателей. Цѣлою цѣпью обрядовыя пѣсни сопровождаютъ и отмѣчаютъ каждый замѣчательный моментъ въ жизни человѣка; годовой циклъ обрядовыхъ пѣсенъ составляетъ цѣлый своеобразный календарь. Зимнее и лѣтнее солнцестояніе, весеннее и осеннее равноденствіе, конецъ весны, важнѣйшіе моменты полевыхъ работъ—это вѣдь цѣлый календарь, живой, тѣсно связанный съ жизнью природы. Личная жизнь человѣка также въ главнѣйшихъ моментахъ отмѣчалась пѣсней. Старинная русская свадьба— это многодневный обрядъ съ сотнями пѣсенъ и десятками участвующихъ. Въ колыбели ребенка убаюкиваетъ пѣсня матери, въ гробъ старика провожаютъ причитанія родныхъ.

При знакомствѣ съ народной пѣсней поражаешься тѣмъ, какой могучій творческій инстинктъ чувствуется въ народномъ эпосѣ и лирикѣ.

Но тяжелыя историческія условія, византійская косность руководителей народной жизни, китайская стѣна, которою мы столько вѣковъ отгораживались отъ Запада, а главное низкій общій культурный уровень—явились причиною того, что эти могучія художественныя силы не только не получили своего развитія, но напротивъ, постоянно должны были бороться съ враждебными теченіями,

подозрительно относившимися ко всему новому и свѣжему, ко всему носившему въ себѣ слѣды живой мысли, живого творчества.

При такихъ условіяхъ народное пѣсенное творчество дожило до XVIII вѣка. Волна европейской культуры, хлынувшая въ Россію вмѣстѣ съ реформами Петра, оказала на національное искусство задерживающее вліяніе. Въ Россіи XVIII вѣкъ есть вѣкъ подражанія по преимуществу. Языкъ, обычаи, литература, искусство образованныхъ и правящихъ слоевъ русскаго общества были сколкомъ съ законодательствовавшаго тогда французскаго двора.

Родное искусство, уступивши мѣсто блестящему иноземному, стушевалось, ушло въ простонародье. Екатерина II выписывала итальянскихъ композиторовъ, которые по заказу писали и водевили съ пѣніемъ, и херувимскія, и церковные концерты. Въ этой православной музыкѣ, конечно, и слѣда не было русскаго. Русскіе композиторы, учившіеся у итальянскихъ учителей, шли по тому же пути. Отсюда въ нашемъ церковномъ пѣніи итальянское направленіе во главѣ съ Бортнянскимъ, сохранившее свою силу до послѣдняго времени.

III.

XIX вѣкъ—вѣкъ пробужденія въ Россіи общественнаго и національнаго самосознанія. Въ общественной жизни, въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ начался быстрый ростъ. Въ музыкѣ ростъ этотъ вылился въ форму теченія, которое можно назвать „народнымъ“. Родоначальникомъ и наиболѣе талантливымъ его представителемъ, несомнѣнно, является М. И. Глинка.

Онъ понялъ и указалъ геніальными чертами путь къ разрѣшенію основной задачи, стоявшей предъ русскимъ искусствомъ. Съ одной стороны, мы принадлежали народу, музыкальное творчество котораго такъ ярко и такъ самобытно, съ другой стороны, мы—ученики Запада, музыкальная техника котораго, искусство гармоніи, формы, инструментовки—путемъ труда цѣлаго ряда поколѣній, труда цѣлаго тысячелѣтія—достигли высокой степени совершенства. Предъ русской музыкой стояла задача: или забыть свои родные музыкальные завѣты и пойти путемъ, которымъ шло все русское искусство XVIII в., путемъ подражанія, или, несмотря на огромное различіе между основами народнаго творчества и западно-европейской музыки, попытаться соединить то и другое. Глинка рѣшилъ свою задачу именно такъ, какъ свойственно рѣшать ее генію. Онъ не только первый указалъ, но и доказалъ на дѣлѣ, что путь русскаго музыкальнаго искусства, или по крайней мѣрѣ его главнѣйшаго музыкальнаго теченія, долженъ быть—сліяніе оригинальныхъ элементовъ народнаго пѣсеннаго творчества съ высокоразвитою и блестящею европейскою формою. Его опера «Русланъ и Людмила» является блестящимъ доказательствомъ вѣрности такого разрѣшенія вопроса.

Общественное теченіе, начавшееся въ 1-й половинѣ XIX вѣка, къ половинѣ его начало пріобрѣтать ярко народническую окраску. Народничество, появившееся въ литературѣ въ связи съ крупной ломкой общественныхъ рамокъ, захватило всѣхъ живыхъ людей того времени. Больные вопросы волновали всѣхъ безъ различія рода дѣятельности. Соціологи, публицисты, беллетристы, поэты, художники, композиторы были захвачены народническимъ теченіемъ, и комнаты Перова и Передвижниковъ въ галлереѣ Третьякова, равно какъ Борисъ Годуновъ Мусоргскаго—не менѣе яркіе памятники этой полосы русской жизни, чѣмъ разсказы Рѣшетникова и поэзія Некрасова.

Народническое теченіе въ музыкѣ ярче всего выразилось въ произведеніяхъ той группы композиторовъ, которая раньше носила названіе „могучей кучки“, и которая теперь называется „Новой Русской Школой“ во главѣ съ нынѣ здравствующимъ М. А. Балакиревымъ. Эта-то школа въ широкомъ, грандіозномъ масштабѣ разрѣшила задачу, поставленную Глинкой, указавшимъ и путь къ ея разрѣшенію.

Симфоніи Бородина, особенно неоконченная 3-я,—это замѣчательные образцы трактовки народной пѣсни въ широкихъ симфоническихъ формахъ. Наконецъ, главное дѣло Новой Русской Школы, давшее богатѣйшіе плоды, это—соединеніе народнаго эпоса со сценой, использованіе, какъ драматическихъ, такъ и музыкальныхъ мотивовъ народнаго эпоса для цѣлей сцены. Здѣсь въ одной школѣ мы встрѣчаемся съ различными способами обработки матеріала, даннаго народнымъ эпосомъ, начиная отъ ультра-реалистическихъ произведеній Мусоргскаго и кончая яркой и красочной фантастикой Римскаго-Корсакова.

IV.

Талантъ Римскаго-Корсакова—многогранный талантъ. Въ задачу настоящаго сообщенія входитъ освѣщеніе лишь одной его грани—грани, наиболѣе часто выставляемой впередъ, но далеко не исчерпывающей всей его художественной личности; грань эта—народность его музыки.

Эта народность вовсе не должна быть понимаема такъ узко (и неправильно), какъ одно заимствованіе темъ для музыкальной разработки изъ народныхъ пѣсенъ. Многіе композиторы, не считающіеся народниками, какъ, напримѣръ, композиторъ съ такой ярко выраженной индивидуальностью, какъ Чайковскій, не менѣе широкой рукой брали темы изъ неистощимаго запаса народнаго пѣсеннаго творчества, и, наоборотъ, такой несомнѣнный „народникъ“, какъ Бородинъ, во всю жизнь не гармонизовалъ ни одной народной пѣсни. Здѣсь дѣло не въ заимствованіи, а въ общемъ складѣ всей мелодики произведеній автора.

Въ первыхъ операхъ Р.-Корсакова обработка народной пѣсни, приспособленіе ея къ уже извѣстнымъ формамъ—еще замѣтны. Таковы „Майская ночь“ или „Псковитянка“. Но чѣмъ дальше, тѣмъ подлинная пѣсня все больше отступаетъ на задній планъ, композиторъ легче подыскиваетъ форму для творчества, темы заимствованныя до неузнаваемости измѣняются, и сплетаются, срастаются съ темами оригинальными, сочиненными. Чувствуется, что композиторъ все болѣе овладѣваетъ народнымъ музыкальнымъ языкомъ. „Сказка о Царѣ Салтанѣ“ и „Сказаніе о градѣ Китежѣ“ являются уже совершенными образцами произведеній, гдѣ блестяще выполнена задача, формулированная Глинкой: „связать узами законнаго брака западную фугу и народную пѣсню“.

Но это не все, далеко не все, что исчерпываетъ понятіе „народнаго“ (я бы сказалъ „національнаго“, если бы это слово употреблялось у насъ въ его настоящемъ значеніи)—при рѣчи о произведеніяхъ Римскаго-Корсакова. Я уже указывалъ на все разнообразіе продуктовъ народнаго пѣсеннаго творчества.

Пѣсни лирическія, обрядовыя, трудовыя, сказки, былины, духовные стихи, историческія пѣсни—это только крупные отдѣлы народнаго творчества, отражающіе самые разнообразные лучи народной мысли. Въ подлинникѣ эта мысль, часто глубокая и прекрасная, облечена въ форму, представляющуюся намъ элементарною, наивною и мало художественною.

Римскій-Корсаковъ беретъ эту мысль и облекаетъ ее въ форму, не только стоящую на уровнѣ величайшихъ художественныхъ произведеній нашего времени, но иногда являющуюся совершенно новымъ словомъ искусства.

Былина, сказанная старикомъ-сказителемъ, служитъ у него одновременно и матеріаломъ и канвой, какъ для широкихъ эпическихъ картинъ, такъ и для причудливой фантастики, какъ для бытовыхъ и лирическихъ сценъ, такъ и для картинъ природы.

Народная мелодія пріобрѣтаетъ у него неудержимый размахъ въ народныхъ сценахъ и сплетается тончайшими и капризными узорами въ Морскомъ Царствѣ, одѣвая волшебнымъ свѣтомъ образъ Волховы-царевны.

Наивная сказка, увлекавшая насъ въ дѣтствѣ, для насъ, взрослыхъ, уже потускнѣла, потеряла надъ нами свое обаяніе. Онъ дѣлаетъ для насъ ее снова увлекательною, создавая „Царя Салтана“ и „Золотого Пѣтушка“. Для сказки онъ находитъ свой особый языкъ, свои пріемы. Стилизація, давно уже завоевавшая себѣ права гражданства въ живописи при трактовкѣ сказки, чуть ли не впервые появляется въ операхъ, именно въ его „Царѣ Салтанѣ“, и въ особенности въ „Золотомъ Пѣтушкѣ“. Отбросить все второстепенное, подчеркнуть (иногда даже преувеличенно) основныя типичныя черты даннаго момента—очень характерно для обоихъ сказокъ-оперъ нашего композитора. Въ „Салтанѣ“ включенъ рядъ подлинныхъ русскихъ пѣсенъ, но, главное, весь онъ, кромѣ 2—3 страничекъ партіи Царевны Лебеди, написанъ народнымъ пѣсеннымъ языкомъ; и если бы нужно было указать произведеніе, гдѣ народная пѣсня явилась бы въ лучшей художественной оправѣ, произведеніе, наиболѣе при этомъ законченное, моцартовски легкое для воспріятія, то этимъ была бы навѣрное „Сказка о Царѣ Салтанѣ“—Пушкина—Римскаго-Корсакова.

V.

Но есть произведеніе, которое больнѣе и острѣе, чѣмъ какое-либо другое, заставляетъ насъ почувствовать всю огромность нашей утраты, которое такъ властно говоритъ намъ одновременно и о глубинѣ замысла самого творца, и о совершенствѣ владѣнія музыкальнымъ языкомъ, и о глубинѣ пониманія народной мысли; есть такое произведеніе, въ которомъ интимнѣйшія и глубочайшія стороны народной вѣры и религіозной мысли выставлены и описаны съ удивительнымъ совершенствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ трогательною нѣжностью и теплотою.

Всѣ простые и трогательные идеалы, которые даетъ намъ не казенная, а свободная народная религіозная мысль, онъ соединилъ въ одинъ образъ блаженной дѣвы Февроніи изъ „Сказанія о градѣ Китежѣ“.

Подобно камню въ ледникѣ, спускающемуся съ вершины горы и въ своемъ вѣковомъ движеніи стирающему всѣ свои грани и острые углы, образы, легшіе въ основу народныхъ легендъ, доходя къ намъ „сквозь тьму вѣковъ“, теряютъ свои реальныя человѣческія черты и являются не многогранными человѣческими личностями, а лишь еле уловимыми силуэтами. Словно старая, потемнѣвшая икона, „Сказаніе“ отразило въ себѣ простое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое и трогательное міровоззрѣніе его создателей. Какъ „Салтанъ“—апоѳеозъ русской пѣсни, такъ „Сказаніе“—вѣнецъ народной религіозной мысли,—фокусъ, въ которомъ сошлось множество лучей народнаго религіознаго творчества, отъ обихода, до отголосковъ хлыстовскихъ радѣній.

Но главное въ „Сказаніи“ не мѣстное, не этнографическое, а общечеловѣческое. Композиторъ облекъ въ совершеннѣйшую художественную форму и выставилъ на первомъ планѣ широкое пантеистическое міропониманіе, полное всеобъемлющей любви ко всему живому, которое роднитъ такія, повидимому, безконечно далекія другъ отъ друга лица, какъ преп. Сергій Радонежскій и Платонъ Каратаевъ.

Исходя отъ древнехристіанскихъ источниковъ, оно было преломлено и взлелѣяно избранною народною мыслью, шедшею своимъ интимнымъ и теплымъ путемъ въ сторонѣ какъ отъ изувѣрства, такъ и отъ офиціальной догмы, мыслью, создавшею на чужой византійской почвѣ свои родные русскіе образы.

Просто соединить это въ одномъ произведеніи—и то было бы интересною, свѣжею мыслью.

Но и этого мало. Для каждой оперы у Р.-К. есть свой подборъ красокъ, который, несмотря на сходство пріемовъ, даетъ свой господствующій тонъ каждому произведенію. Для „Сказанія“ онъ взялъ краски нѣжныя и блѣдныя, напоминающія краски на образахъ Нестерова. Онъ измѣнилъ музыкальную форму, сдѣлавъ ее ближе и родственнѣе нашему богослуженію.

Въ „Сказаніи“ все цѣльно, начиная отъ музыкальнаго матеріала и формы кончая либретто и общимъ сценическимъ планомъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ величавымъ увѣреннымъ спокойствіемъ, съ какими мы сталкиваемся лишь на величайшихъ вершинахъ искусства. Изъ всѣхъ сочиненій, носящихъ общее названіе оперъ, мы могли бы указать на нѣкоторыя, стоящія выше съ чисто музыкальной стороны, но трудно указать музыкально-сценическое произведеніе, дающее болѣе цѣльное впечатлѣніе, чѣмъ „Китежъ“.

VI.

На „Китежъ“ удобнѣе всего сопоставить Р.-Корсакова съ величайшимъ германскимъ опернымъ композиторомъ Вагнеромъ. Обоихъ композиторовъ роднятъ не только общность извѣстныхъ, чисто технически-музыкальныхъ пріемовъ (лейтмотивы, гармонія, инструментовка), но еще больше и глубже то обстоятельство, что оба они опираются въ своихъ созданіяхъ на народный эпосъ. Но подходятъ они къ нему различными путями.

Властная, деспотическая натура Вагнера, непреодолимая склонность его къ философіи ярко отразились въ его произведеніяхъ. Наивныя легенды германскаго эпоса о золотѣ Рейна, о мечѣ Зигфрида, о Тристанѣ и Изольдѣ, о рыцаряхъ круглаго стола,—легенды, носящія такой же отпечатокъ наивной первобытности, какъ и нашъ народный эпосъ, пріобрѣли символическій, философскій характеръ, ярко отражающій міровоззрѣніе не только автора оперъ, но и того философа, подъ вліяніемъ котораго этотъ авторъ находился. Короче сказать, Вагнеръ воспользовался германскимъ народнымъ эпосомъ, какъ канвою, на которой онъ рисовалъ яркіе узоры современной философіи.

Отношеніе Р.-Корсакова къ нашему народному эпосу было менѣе деспотично, менѣе властно. Онъ былъ менѣе пророкъ и философъ и болѣе художникъ. Самъ онъ очень ясно видѣлъ натяжку при слишкомъ безцеремонномъ пристегиваніи музыки къ тѣмъ или инымъ философскимъ построеніямъ.

„Знаете ли“, сказалъ онъ въ одной изъ бесѣдъ со мною, „мнѣ эта связь философіи съ музыкой не представляется органически прочной. Конечно, хотя

музыка, вліяя на чувство, тѣмъ самымъ имѣетъ какую-то неуловимую связь съ поэзіей, но, кромѣ того, она имѣетъ еще свои собственные законы, не имѣющіе ничего общаго съ философіей. Мнѣ думается, что Вагнеръ связалъ свои произведенія съ Шопенгауэромъ, а Рих. Штраусъ—съ Ницше болѣе для лестной компаніи. Пріятно побыть въ обществѣ великихъ мыслителей".

Въ этихъ словахъ видна гордость и самолюбіе музыканта, предпочитающаго „пить изъ небольшого, но своего стакана".

Р.-Корсаковъ не старался навязать той или другой оперѣ выполненіе какой-нибудь философской задачи (если только сама драма, какъ, напр., Сервилія, не требовала этого); онъ былъ убѣжденъ, что въ томъ уголкѣ народнаго эпоса, который онъ клалъ въ основу своего произведенія, заложена богатая и глубокая мысль, и достаточно лишь развить эту мысль. Такая задача, напр., была блестяще имъ разрѣшена въ „Китежѣ".

Эта объективность отношенія къ избранной темѣ болѣе всего отличаетъ Р.-Корсакова, творца „Китежа", отъ Вагнера, творца Парсифаля. Послѣдній въ Парсифалѣ является жрецомъ, его Парсифаль есть какое-то новое богослуженіе, тогда какъ Римскій-Корсаковъ всегда остается художникомъ, и его „Китежъ" не мистическое „таинство", а лишь художественное отраженіе мистики, создавшей легенду о „Китежѣ".

Вотъ, по моему мнѣнію, основная изъ многихъ различительныхъ чертъ между двумя величайшими творцами музыкальной драмы, столь различными по своимъ музыкальнымъ личностямъ, но всю жизнь тяготѣвшими къ одному и тому же — къ народнымъ первоисточникамъ поэзіи и музыки.

VII.

Многограненъ и разнообразенъ былъ талантъ Римскаго-Корсакова. Для полноты характеристики его я остановлюсь на минуту на остальныхъ сторонахъ его художественной личности.

Съ спеціально музыкальной стороны это былъ талантъ ясный, спокойный, чисто-моцартовскій, тяготѣвшій къ законченности и совершенству формы и достигшій въ этомъ отношеніи изумительныхъ результатовъ. Это былъ талантъ, не только въ совершенствѣ овладѣвшій всѣми родами оперная письма—отъ мелодическаго стиля „Жизни за Царя", чрезъ сложный стиль Вагнеровскаго Sing-Spiel'я до реальнаго стиля „Каменнаго Гостя" и „Бориса", но давшій свои образцы, указавшій новые пути оперѣ—сказку, былину, сказаніе.

Это былъ художникъ, чуткій къ природѣ и съ неподражаемымъ талантомъ изображавшій ея картины. Тяготѣніе его къ природѣ такъ сильно, что въ иныхъ мѣстахъ часто вытѣсняетъ и ставитъ на второй планъ человѣка. Его герои словно растворяются въ родной стихіи. Такова Снѣгурочка, особенно въ Прологѣ, Волхова въ Морскомъ Царствѣ и Февронія въ Лѣсу.

Римскій-Корсаковъ, одинъ изъ блестящихъ представителей программной музыки, и въ этомъ отношеніи развиваетъ, съ одной стороны, идеи Берліоза и Листа, а съ другой—геніальные намеки музыкальной картинности, оставленные намъ Глинкой.

Онъ поэтъ фантастичнаго, поэтъ сказки,—его стремленіе не къ реальному, а отъ реальныхъ формъ жизни. Чѣмъ страннѣе, чѣмъ необычнѣе положеніе драмы, тѣмъ болѣе блестяще онъ разрѣшаетъ задачу его выполненія.

Однимъ изъ наслѣдій, оставленныхъ намъ Глинкой, является разработка въ музыкѣ восточныхъ темъ. Римскій-Корсаковъ—выдающійся оріенталистъ.

Римскій-Корсаковъ—создатель, подобно Тургеневу въ литературѣ, женскаго образа удивительной красоты и нѣжности, являющагося центральной и наиболѣе яркой фигурой въ его произведеніяхъ. Псковитянка, Снѣгурочка, Млада, Царская Невѣста, Сервилія, Волхова, Февронія, Шемаханская Царица—различныя проявленія этого одного образа, по изяществу, тонкости, обрисовкѣ не имѣющаго равныхъ въ оперной литературѣ.

Вотъ бѣглый перечень различныхъ сторонъ творчества Р.-Корсакова, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету настоящаго сообщенія.

Глубоко знаменательна та послѣдовательность, въ какой шелъ Н. А. при возсозданіи народнаго эпоса въ своихъ произведеніяхъ.

Начавши, подъ явнымъ вліяніемъ 60-хъ годовъ, съ реальной исторической музыкальной драмы „Псковитянки“, онъ перешелъ къ народно-бытовой оперѣ—„Майской Ночи“, къ весенней сказкѣ—„Снѣгурочкѣ“, гдѣ бытъ уже переплетается съ фантастикой, гдѣ образы живыхъ людей перемѣшаны съ полумиѳическими и даже со стихійными, къ оперѣ-былинѣ „Садко“, къ были-колядкѣ „Ночи предъ Рождествомъ“, къ сказкамъ—„Кащею“, „Царю Салтану“, „Золотому Пѣтушку“ и къ оперѣ-мистеріи—„Сказанію о градѣ Китежѣ“. Исторія, бытъ, обрядность, былина, сказка, мистерія—вотъ этапы развитія его таланта. Кто-то изъ нашей критики указывалъ, что Римскій-Корсаковъ не шелъ увѣренно, а кидался изъ стороны въ сторону, ища подходящаго стиля.

Путь Р.-Корсакова ясенъ. Вся творческая жизнь его прошла въ непрерывномъ отвлеченіи, углубленія въ тайники народнаго творчества.

Здѣсь невольно бросается въ глаза сходство между судьбою великаго русскаго композитора и великихъ русскихъ писателей: Гоголя, Толстого и Достоевскаго, и великихъ русскихъ художниковъ: Ге и особенно Виктора Васнецова, начавшаго бытомъ, продолжавшаго народною сказкою и, наконецъ, ушедшаго въ религіозную живопись.

VIII.

Въ заключеніе своего сообщенія считаю не лишнимъ привести мысли, высказанныя самимъ покойнымъ композиторомъ въ бесѣдѣ со мною объ отношеніи народной пѣсни къ русской музыкѣ.

На мой вопросъ: „Правда ли, что народное пѣсенное творчество явилось духомъ живымъ для русской музыкальной школы, что оно составило ея внутреннее содержаніе? является ли это мнѣніемъ музыкальныхъ критиковъ, или же и самихъ композиторовъ—создателей русскаго направленія? Является ли народная пѣсня духомъ живымъ, или же простымъ матеріаломъ для обработки?“—Н. А. мнѣ отвѣтилъ: „Мнѣ думается, что пѣсня не была простымъ матеріаломъ для обработки. Бородинъ, напримѣръ, во всю свою жизнь не гармонизовалъ ни одной пѣсни, а вѣдь его хоръ поселянъ изъ „Князя Игоря“ есть чисто-русское произведеніе. Русская школа болѣе свободно восприняла и обработала народную пѣсню“.

„—Но какъ вы думаете,—долго ли можетъ продлиться такое питаніе русской музыки соками народнаго творчества? Долго ли будетъ еще русская школа, такъ-сказать, ударяться о родную землю, набираясь новыхъ силъ“.

Н. А.—„Вашъ вопросъ очень труденъ. Но все же мнѣ кажется, что этотъ періодъ близокъ къ концу. Посмотрите, какая масса кругомъ пишется народныхъ

хоровъ, хороводныхъ пѣсенъ. И все труднѣе становится создать что-нибудь дѣйствительно оригинальное въ народномъ духѣ".

Къ рѣчамъ о созданіи самостоятельной русской отрасли въ музыкѣ, связаннымъ съ именами Мельгунова, Сокальскаго, Арнольда и др., онъ относился нѣсколько скептически, полагая, что „спеціально „русской музыки" не существуетъ, и гармонія и контрапунктъ —одни, общеевропейскіе".

„Русская пѣсня вноситъ въ контрапунктъ нѣсколько новыхъ техническихъ пріемовъ, но образовать новый, особый родъ музыки она не можетъ. И самое количество этихъ пріемовъ, повидимому, ограничено. Русскія и вообще національныя особенности въ музыкѣ создаются не путемъ писанія по опредѣленнымъ правиламъ ,а скорѣе путемъ отдѣленія отъ общемузыкальнаго языка тѣхъ пріемовъ, которые не соотвѣтствуютъ русскому стилю. Методъ этотъ скорѣе отрицательнаго свойства,—это методъ удаленія извѣстныхъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, оборотъ (тутъ онъ спѣлъ одинъ изъ общеупотребительныхъ въ итальянской музыкѣ кадансовъ) я не употребилъ бы въ русскомъ стилѣ, какъ несоотвѣтствующій, а въ остальномъ я дѣйствовалъ бы совершенно свободно. Иначе это будетъ не творчествомъ, а просто какимъ-то механическимъ писаніемъ по извѣстнымъ правиламъ".

Присоединиться ли къ взгляду на близость конца народнаго направленія, высказанному художникомъ, болѣе всѣхъ работавшимъ въ области народнаго эпоса? Не исчерпалъ ли самъ Р.-К. всѣхъ музыкальныхъ рессурсовъ народной пѣсни? Все это вопросы трудные, на которые нельзя отвѣтить въ двухъ словахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что приведенныя выше слова были высказаны послѣ постановки Салтана. Но послѣ того онъ самъ опровергнулъ себя, написавъ „Сказаніе", блестяще доказавшееe, что народный эпосъ представляетъ достаточно широкую область, гдѣ еще много непочатыхъ мѣстъ. Но повидимому все же интересы современныхъ композиторовъ отвлечены въ сторону отъ народной музыки. Имена Рахманинова, Скрябина и др.,—столь характерныя для новѣйшаго теченія нашей музыки, говорятъ, что исканія современнаго искусства направляются въ интимныя и углубленныя переживанія человѣческой души.

На это можно отвѣтить, что продукты народнаго поэтическаго и музыкальнаго творчества очень долговѣчны и спустя много вѣковъ послѣ ихъ созданія продолжаютъ волновать людей. Интересъ къ нимъ, какъ волны, то подымается, то падаетъ. Такъ было съ древнегреческимъ эпосомъ, такъ было съ западно-европейскими народными легендами, такъ же, вѣроятно, будетъ и съ нашимъ эпосомъ.

Музыкальные рессурсы народной пѣсни не исчерпаны, законы построенія ея еще не установлены. Это доказываютъ послѣднія записи ея, особенно фонографическія, дающія много новаго, необычнаго въ области ритма и контрапункта. Тѣ оригинальные ритмы $^{11}/_{4}$, $^{7}/_{4}$, $^{9}/_{8}$, несимметрично раздробленные, и др., которыми восхищаетъ насъ Р.-К. въ „Садко", „Салтанѣ", „Китежѣ",—только начало использованія тѣхъ уроковъ ритма, которые даетъ народная пѣсня. Она дастъ еще много возможностей, и путь по ея направленію далеко еще не пройденъ до конца.

Это все позволяетъ намъ не раздѣлять пессимизма того, кто самъ болѣе чѣмъ кто-либо другой указалъ міру все богатство музыкальнаго наслѣдія народа, и кто самъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, показалъ, какъ разнообразны пути и средства использованія этого богатства.

П. Карасевъ.

МЫСЛИ В. В. СТАСОВА

О

НАРОДНОСТИ ВЪ МУЗЫКѢ.

Докладъ, читанный въ соединенномъ засѣданіи Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., 17 марта 1907 г., посвященномъ памяти В. В. Стасова.

Е. Э. ЛИНЕВОЙ.

Мысли В. В. Стасова о народности въ музыкѣ.

(Посвящается памяти В. В. Стасова).

Съ глубокою скорбью начинаю я сегодня свое слово. Тотъ, кому оно посвящено, ушелъ отъ насъ въ вѣчность. Да, именно, не умеръ, а отошелъ въ вѣчность. Умереть онъ не можетъ еще долго, можетъ быть, никогда. Его крупная, сильная личность, его огромная работа тѣсно связаны съ дѣломъ развитія искусства въ Россіи—музыки, живописи, архитектуры, прикладного искусства,—его вліяніе крѣпко вплелось въ исторію нашего эстетическаго развитія. Въ этотъ моментъ чествованія памяти В. В. невольно припоминаются слова его по поводу неумиранія совершенныхъ художественныхъ формъ.

В. В. Стасовъ. (Съ портр. Рѣпина).

«Каждое высокое и глубокое настроеніе душевное,—говорилъ В. В.,—всякое духовное стремленіе, коль скоро оно не односторонне, никогда не будетъ стерто съ лица земли временемъ; оно никогда не перестанетъ жить одновременно съ прочими проявленіями нашего духа. Поэтому-то всякая художественная форма, однажды вызванная къ жизни и послужившая къ осуществленію законной, глубокой, справедливой и полной идеи, никогда не отживетъ своего вѣка.»

В. В. Стасовъ не оставилъ послѣ себя никакого художественнаго произведенія, но критическія статьи его представляютъ изъ себя цѣлую цѣпь «высокихъ и глубокихъ настроеній душевныхъ», которыя такъ или иначе вошли въ жизнь черезъ разныя сферы искусства, путемъ вліянія его на художниковъ.

Во всѣхъ его многочисленныхъ критическихъ статьяхъ по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, въ его личномъ вліяніи на художниковъ рѣзца, кисти и звука, проходитъ красной нитью одно направленіе. Онъ отвергаетъ формулу «искусство для искусства». Онъ считаетъ искусство дѣломъ жизни и только въ

томъ случаѣ признаетъ значеніе художественнаго произведенія, если оно является отраженіемъ жизни народа, если въ немъ есть правда жизни.

«Не въ одномъ только талантѣ состоитъ все дѣло въ искусствѣ», — говорилъ В. В. Стасовъ въ своей статьѣ «Наша скульптура за 25 лѣтъ»,—«для него есть что-то такое, чего не замѣнитъ никакой талантъ, никакое мастерство, никакая виртуозность, что-то такое, безъ чего всѣ они ничтожны будутъ: это—здоровое, свѣтлое, прямое чувство, мысль, понятіе жизни...» [1])

Самымъ благопріятнымъ условіемъ для развитія таланта Стасовъ считалъ близость художника къ жизни народа, пониманіе его жизни, его творчества, внесеніе элементовъ народности въ художественныя произведенія. Въ этомъ смыслѣ онъ придавалъ огромное значеніе собиранію памятниковъ старины. В. В. буквально дрожалъ надъ самобытнымъ орнаментомъ или красивымъ рисункомъ стараго кружева, надъ оригинальной пѣсней [2]).

Увлекавшійся энтузіастъ, Стасовъ всегда смѣло и прямо высказывалъ въ печати свои взгляды и вызывалъ цѣлыя бури возраженій въ тѣ времена, когда самосознаніе въ русскихъ художникахъ еще не вполнѣ проснулось. Особенно узкими въ этомъ отношеніи были музыканты. Отрѣзанные отъ народныхъ массъ классовыми и другими предразсудками, они игнорировали народное творчество и видѣли движеніе впередъ только въ подражаніи формамъ европейскаго искусства. Поэтому сочиненія ихъ были поверхностны, блѣдны; они не являлись продуктомъ сильныхъ впечатлѣній, вдохновенія, не вынашивались, не созрѣвали въ душѣ автора, а потому получались «народные гимны» написанные по заказу, не носившіе въ себѣ ничего народнаго, и другія подобныя произведенія.

Стасовъ все это безпощадно громилъ, и съ такою же энергіей защищалъ то, что было ему дорого. Отъ музыканта-художика онъ требовалъ вдохновенія, оригинальности, самостоятельной работы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣсной связи съ жизнью своего народа. Геніальный талантъ Глинки, съ отраженіемъ въ немъ творчества громаднаго народа, плѣнилъ его и, разъ преклонившись передъ нимъ, Стасовъ требовалъ и отъ другихъ художниковъ звука самобытности и правды, не могъ примириться съ блѣднымъ, порою рабскимъ подражаніемъ. Отсюда его восторгъ передъ Даргомыжскимъ и его стремленіемъ къ реализму, его трогательная преданность къ продолжателямъ созиданія русской музыкальной школы—Балакиреву, Римскому-Корсакову, Мусоргскому, Бородину, на произведеніяхъ которыхъ нерѣдко отражалось вліяніе Стасова. Вспомнимъ нѣкоторыя мысли его по этому поводу [3]):

«Глинка думалъ, что создалъ только русскую оперу, но онъ ошибается. Онъ создавалъ цѣлую русскую музыку, цѣлую русскую музыкальную школу, цѣлую новую систему. Да, русская школа существуетъ со времени Глинки, съ такими своеобразными чертами физіономіи, которыя отличаютъ ее отъ другихъ европейскихъ школъ».

---

[1]) Соч. т. III, стр. 92 3.

[2]) Никогда не забуду, какъ часто В. В. Стасовъ, усталый послѣ своей работы въ Публичной Библіотекѣ, заходилъ къ намъ на Пески и говорилъ, нѣсколько смущаясь: «а вѣдь я опять зашелъ послушать ту заплачку». Это былъ причетъ, записанный фонографомъ въ одно изъ моихъ путешествій, который В. В. очень нравился.

[3]) Двадцать пять лѣтъ Русскаго Искусства. Соч. Т. I, стр. 648.

По поводу самостоятельности новой русской школы Стасовъ говорилъ: «Новые русскіе музыканты смѣло глядятъ наукѣ въ глаза: они уважаютъ ее, пользуются ея благами, но безъ преувеличенія и низкопоклонства» [1]).

Далѣе онъ указываетъ на новую крупную черту новой школы — стремленіе ея къ созданію музыки на основѣ народныхъ русскихъ формъ, къ пользованію народной пѣсней.

Нерѣдко на Стасова обрушивалось обвиненіе въ національной узости, чуть не въ «квасномъ патріотизмѣ»; это была большая несправедливость. Онъ, дѣйствительно, гордился русскимъ искусствомъ, но въ узости его упрекнуть было нельзя. Онъ отдавалъ должное иностраннымъ композиторамъ и искренно восторгался нѣкоторыми изъ нихъ. Но и къ нимъ онъ примѣнялъ ту же мѣрку, ту же требовательность, какъ и по отношенію къ русскимъ музыкантамъ. Онъ выше всего ставилъ тѣхъ, кто былъ наиболѣе отзывчивъ къ жизни, кто глубже и чище отражалъ въ своихъ произведеніяхъ жизнь народа, жизнь человѣчества.

Позволю себѣ привести небольшую выдержку изъ «Искусства XIX вѣка» IV т. сочиненій Стасова, недавно вышедшаго. Вотъ какъ характерно отвѣчаетъ Стасовъ на вопросъ, который онъ ставилъ себѣ: почему Бетховенъ имѣлъ такое мощное, необычайное вліяніе на музыку XIX столѣтія?

«Потому, говоритъ Стасовъ, что Бетховенъ былъ не только великій спеціалистъ, великій музыкантъ и мастеръ по своему дѣлу, по музыкальнымъ средствамъ и способамъ, а потому, что онъ былъ великій духъ, и музыка служила ему, по чудному выраженію другого геніальнаго человѣка нашего вѣка, Льва Толстого, только «средствомъ выраженія того, что наполняло его душу...»

«Бетховена постоянно наполняла мысль о значеніи міра, человѣческой жизни и исторіи. Его душу постоянно наполняло ненасытное, никогда не прерывающееся мечтаніе о томъ, *что есть* и *что должно быть*. Онъ рѣдко высказывалъ свои думы, но все-таки высказывалъ людямъ около себя, что начало V-ой Симфоніи—это выраженіе того, «какъ стучится судьба въ жизнь человѣческую», что одинъ струнный квартетъ его выражаетъ чувство: «*Должно ли это быть?*» *Да, это должно быть*. Наконецъ, онъ часто говорилъ также окружающимъ, что музыка должна высѣкать изъ души мужской (какъ огниво изъ кремня) огонь, чувствительность же годна только для бабъ». Въ своей идеальности онъ однажды вообразилъ въ началѣ вѣка, что Наполеонъ—разрушитель деспотизма на землѣ и великодушный водворитель свободы и счастья, но когда увидѣлъ потомъ, какъ ошибся, онъ грустно написалъ величественный и трагическій похоронный маршъ на погребеніе бывшаго великаго человѣка,—онъ погребалъ тутъ свои погибшія надежды и иллюзіи».

«А потомъ, что такое величайшее его созданіе, самое колоссальное изъ всѣхъ, его IX симфонія? Картина исторіи міра, съ изображеніемъ «народа», съ его жизнью, сутолкой, броженіемъ, энергіей дѣятельности и работы, съ его безпокойствомъ, толкотней, войной, геройствомъ, пляской, но также съ райскими загробными упованіями,—и все это кончается «одой къ свободѣ»: теперь давно уже доказано, что и Шиллеръ и Бетховенъ разумѣли въ своемъ созданіи «Lied an die Freiheit», а не «Lied an die Freude». Вотъ какія были у Бетховена, въ продолженіе всей его жизни, задачи для созданій». Эта характеристика Бетховена какъ нельзя болѣе доказываетъ широту пониманія Стасовымъ идеи народности.

---

[1]) Двадцать пять лѣтъ Рус. Иск., Т. I, стр. 650.

Тутъ народность уже переходитъ въ цѣлое человѣчество, музыка изображаетъ движеніе народныхъ массъ, ихъ стремленіе къ свободѣ.

Кромѣ Бетховена, В. В. Стасовъ ставилъ очень высоко реализмъ и народный колоритъ въ произведеніяхъ Вебера и другихъ европейскихъ композиторовъ, самобытность Шуберта, удивительный талантъ Шумана, оригинальность Берліоза, создателя новыхъ формъ и новаго оркестра, Листа, Шопена и только отчасти Вагнера.

Но нѣтъ сомнѣнія, что ближе всѣхъ къ сердцу В. В. Стасова прилегала родная ему «кучка», которая въ прежнія времена называлась «могучей» только въ насмѣшку, а теперь разрослась въ плеяду знаменитыхъ русскихъ композиторовъ. Случилось такъ, что отрицательныя стороны «кучки» исчезли, стушевались, а выступили важныя, положительныя, имѣвшія въ себѣ залогъ безконечнаго развитія и роста. Создалась новая чудная музыка, на основѣ чисто демократической, близкой народу, при созданіи которой Стасовъ не разъ былъ вдохновителемъ.

Можетъ быть, когда народъ будетъ вызванъ къ жизни не въ операхъ только,а въ дѣйствительности, мы услышимъ пѣснь свободы, сложенную народными пѣвцами, услышимъ «народные гимны», не по заказу написанные, а созданные народнымъ вдохновеніемъ, и идея народности въ музыкѣ, за которую такъ стоялъ Стасовъ, осуществится шире, чѣмъ онъ мечталъ.

Въ заключеніе не могу не вспомнить, съ какою юношеской горячностью В. В. Стасовъ относился къ народной пѣснѣ въ самые послѣдніе годы своей жизни, уже въ глубокой старости. Позволю себѣ прочитать нѣсколько строкъ изъ письма, которое В. В. Стасовъ написалъ мнѣ по полученіи моего предисловія къ I-му выпуску Великорусскихъ пѣсенъ.

«Теперь обращусь ко второй половинѣ Вашего очень дорогого мнѣ письма. Я былъ глубоко обрадованъ извѣстіемъ, что Ваши прекрасныя работы идутъ такъ хорошо, и что черезъ нѣсколько недѣль появится на свѣтъ Ваше академическое изданіе фонографическихъ записей народныхъ русскихъ пѣсенъ. Это дѣло превосходное, а для меня лично—просто аппетитное. Я имъ объѣдаюсь и напиваюсь. Я прочелъ Ваше «Предисловіе» (за которое искренно благодарю) съ чувствомъ не только восхищенія и радости, но и обожанія. Особливо меня поразилъ и наполнилъ великими надеждами и ожиданіями—Вашъ послѣдній параграфъ: «Исполненіе» и слѣдующее за нимъ «Заключеніе». Страницы Ваши, отъ XX-й до XXVII-й исчирканы у меня карандашемъ—это все замѣтки мои о томъ, что мнѣ тамъ показалось новымъ, вѣрнымъ и глубоко-справедливымъ.

По-моему, здѣсь, въ Вашихъ работахъ, начинается заря какого-то сильнаго музыкальнаго переворота для музыки (раньше всего русской). Именно для хоровъ. Даргомыжскій, Мусоргскій сдѣлали громадные шаги впередъ по части новой и единственно-справедливой формы пѣнія и выраженія въ операхъ (русской).

Ихъ талантливые и геніальные товарищи подхватили и мощно продолжали начатый ими переворотъ. Но хоры оставались въ прежней отсталой и фальшивой формѣ искусственности, условности и полной невѣроятности (не взирая на всю красоту и оригинальность, которая часто въ нихъ присутствуетъ). Но теперь начинаетъ итти дѣло и о томъ, что и съ хорами долженъ произойти полный переворотъ и революція въ операхъ.

И, повидимому, этотъ переворотъ предназначенъ Россіи, русской музыкальной школѣ. Должна исчезнуть условность и невѣроятность, наступитъ правда

и соотвѣтственность также и въ хорахъ. Они перестануть распѣваться правильно и условно, они начнутъ исполняться со всею правдою, капризностью, неправильностью, которыя присутствуютъ въ устахъ народа, со всѣми измѣненіями въ количествѣ персонала поющихъ, изъ которыхъ одни вступаютъ и пристаютъ, другіе замалчиваютъ на нѣсколько секундъ, и вступаютъ, когда сами захотятъ, третьи не переставая все время ведутъ свою музыку; а также со всѣми перемѣнами въ ритмѣ, движеніи и даже настроеніи, которые присущи людямъ живымъ, чувствующимъ и создающимъ нѣчто «свое» въ хорѣ, помимо какого-то командующаго, соображающаго и продумывающаго автора.

Таковы будутъ, мнѣ кажется, будущіе хоры въ оперѣ.

Давно пора, давно пора разшибить въ дребезги старыя, закостенѣлыя и замерзшія формы хора. Какъ давно я мечталъ о чемъ-то подобномъ. Какъ давно я говорилъ объ этомъ переворотѣ—съ Мусоргскимъ. Онъ со мною соглашался, намѣревался это начать и испробовать—но не поспѣлъ и слишкомъ рано умеръ.

Впрочемъ нѣкоторыя пробы его уже есть въ «Прологѣ» или «Интродукціи» Бориса Годунова: «Народъ на площади въ Кремлѣ». Но, конечно, тупой N. поспѣшилъ затушить и затоптать «глупыя нововведенія» геніальнаго Мусоргскаго, и заставляетъ хоръ пѣть все сплошь всѣмъ, не раздѣляясь (какъ авторъ хотѣлъ) на группы и подгруппы.

Вотъ и прекрасно. Надлежащій порядокъ опять прочно введенъ на сценѣ.

Но съ Вашими изданіями и изслѣдованіями—новая заря начинается.»

Вашъ **В. Стасовъ.**

Въ этомъ отрывкѣ изъ частнаго письма необыкновенно рельефно выражается отзывчивая душа В. В. Стасова, выше всего ставившаго идею, всегда готоваго поддержать новую работу въ дорогомъ для него дѣлѣ, не боящагося въ сильныхъ выраженіяхъ выразить свою симпатію этой работѣ и поддержать работника.

Съ кончиною В. В. Стасова мы безконечно много теряемъ—какъ будто погасъ лучъ, свѣтившій и направлявшій. Одна надежда на то, что идея народности въ искусствѣ—не въ смыслѣ національной узости, а въ смыслѣ широкаго отраженія въ немъ жизни народа, уже вошла въ жизнь и неискоренима.

Е. Липова.

Выкрики и наигрыши.

О тѣхъ особаго рода проявленіяхъ музыкально-вокальнаго искусства, которыя мы назвали „выкриками разносчиковъ“, было говорено въ I т. нашихъ „Трудовъ“, гдѣ выяснено въ общемъ ихъ значеніе, какъ примитивныхъ образцовъ своеобразнаго музыкальнаго творчества, указано на ихъ связь съ культурнымъ развитіемъ народа и на необходимость собиранія и изслѣдованія ихъ съ точки зрѣнія научной и художественной. Къ напечатаннымъ въ I т. образцамъ „выкриковъ“ присоединяемъ здѣсь еще нѣсколько записанныхъ членами Комиссіи Д. И. Аракчіевымъ и М. Е. Славинскимъ и имѣющихъ свою музыкальную цѣнность.

Вмѣстѣ съ „выкриками“ печатаются здѣсь и образцы пастушьихъ «наигрышей». Это уже образцы примитивной инструментальной музыки. Въ этомъ видѣ она несомнѣнно существовала съ незапамятныхъ временъ, даже у народовъ малокультурныхъ, обладавшихъ весьма несложными и немногообразными музыкальными инструментами. Но у нѣкоторыхъ особенно музыкальныхъ народовъ подобные наигрыши, даже и при самыхъ примитивныхъ инструментальныхъ средствахъ, достигли значительной степени художественности, къ каковымъ принадлежатъ и русскіе наигрыши пастуховъ—желейщиковъ и рожечниковъ.

Пастушьи наигрыши бываютъ двухъ типовъ: одни изъ нихъ воспроизводятъ ту или другую извѣстную пѣсню безъ словъ, только одинъ ея мотивъ, при чемъ нерѣдко желейщикъ умудряется при посредствѣ двойной дудочки исполнять одновременно съ основнымъ напѣвомъ также и подголосокъ, т.-е. сопровождающій голосъ, а при участіи двухъ или болѣе лицъ (напр., въ оркестрѣ рожечниковъ) мы слышимъ полную многоголосную гармонію, съ своеобразнымъ голосоведеніемъ и съ примѣненіемъ контрапункта, какъ это наблюдается и въ хоровомъ исполненіи пѣсенъ народными пѣвцами. Другіе наигрыши стоятъ независимо отъ вокальной музыки, т.-е. отъ пѣсенъ въ собственномъ смыслѣ, и представляютъ собою уже чисто-инструментальное творчество. Это сплошь и рядомъ есть плодъ настроенія минуты, такъ-сказать, музыкальнаго вдохновенія играющаго; если это настроеніе выливается въ болѣе опредѣленную и красивую форму, то оно невольно запоминается самимъ играющимъ, повторяется имъ самимъ и другими—и такъ создается излюбленный наигрышъ, мотивъ, пѣсня безъ словъ, инструментальное произведеніе, которое потомъ примѣняется уже какъ готовое въ подходящихъ случаяхъ; такъ, напр., веселые мотивы служатъ наигрышами при пляскахъ. Характеръ, складъ и степень богатства и художественности такихъ наигрышей зависитъ между прочимъ и отъ инструмента, при помощи котораго онъ создается и на которомъ исполняется, напр. въ струнныхъ инструментахъ отъ количества струнъ, въ духовыхъ—отъ количества и расположенія отверстій (строй).

Но терминъ „наигрышъ“ употребляется не только для обозначенія мотива, наигрываемаго на томъ или другомъ инструментѣ (или за отсутствіемъ его—хотя бы на губахъ), но также и при голосовомъ исполненіи. Подобно тому какъ обычно говорятъ въ народѣ играть пѣсни, вм. пѣть пѣсни, такъ и „наигрышъ“ иногда можетъ означать исполняемый голосомъ мотивъ пѣсни, или часть его, или наконецъ извѣстный подголосокъ къ данному напѣву, особенно на высокихъ верхахъ, какъ это наблюдается, напр., въ донскихъ пѣсняхъ (срв. записи А. М. Листопадова). Сплошь и рядомъ пѣвецъ, особенно запѣвало, не сразу приступаетъ къ основному мотиву съ данными словами пѣсни, а подходитъ къ нему посредствомъ той или иной музыкальной фигуры, выводя ее голосомъ на тотъ или другой гласный звукъ, или односложное слово, (а, э, охъ, да и т. п.), не связанное съ смысломъ пѣсни. Эти подходы имѣютъ цѣлью налаживаніе, или, какъ говорятъ на Дону, „наламываніе“ голоса. Подобно тому какъ фонографическая машина, при записываніи съ голоса, должна предварительно сдѣлать нѣсколько оборотовъ, чтобы запись вышла удачная, такъ и голосовые органы пѣвца дѣйствуютъ увѣреннѣе и звуки получаются чище, если онъ передъ пѣніемъ „наломаетъ“ голосъ. Таково значеніе вступительныхъ вокальныхъ наигрышей. По формѣ это могутъ быть своего рода запѣвы, которые потомъ могутъ повторяться при повтореніи основного напѣва пѣсни въ дальнѣйшихъ куплетахъ. Иногда наигрышъ употребляется не только при началѣ, но и въ дальнѣйшей части основного мотива, даже въ хоровыхъ частяхъ, при чемъ онъ исполняется обыкновенно однимъ самымъ высокимъ голосомъ, который тянетъ черезъ нѣсколько тактовъ звуки а-э-и и т. п. въ видѣ разныхъ музыкальныхъ колѣнъ, давая въ то же время красивый подголосокъ къ основному мотиву. Въ этомъ случаѣ задача такого вокальнаго наигрыша иная, чѣмъ въ предыдущемъ; это наигрышъ украшающій, преслѣдующій уже гармоническія цѣли. Такіе пріемы весьма обычны и въ оркестровомъ исполненіи у народныхъ музыкантовъ, напр. у извѣстныхъ владимирскихъ рожечниковъ.

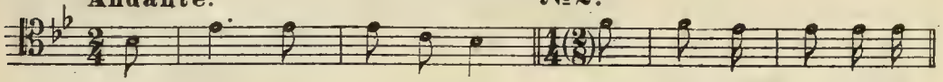
Н. Янчукъ.

Выкрики разносчиковъ.

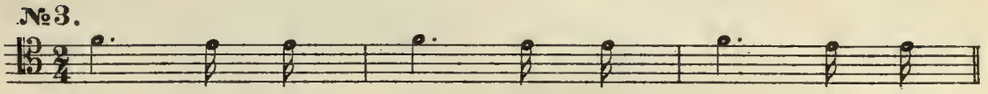
запис. въ Москвѣ 1906 г. Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ.

Яблоки.

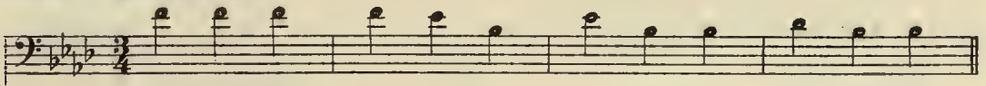
№1. **Andante.**



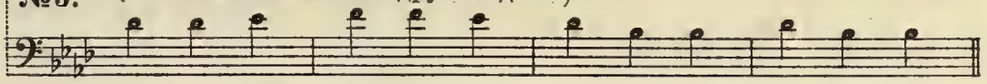
№3.



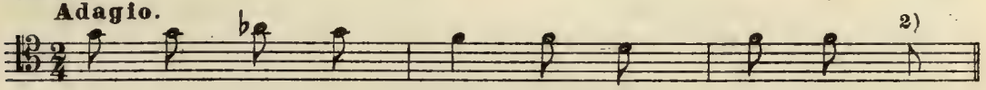
№4. **Moderato.**



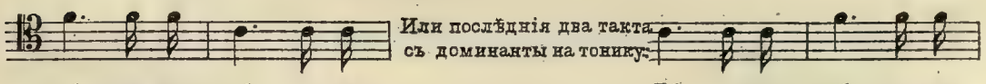
№5. (Этотъ-же самый на другой день.)



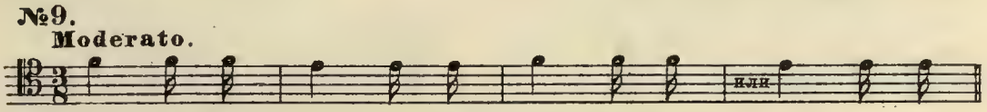
№6. **Adagio.**



№7.



№9. **Moderato.**

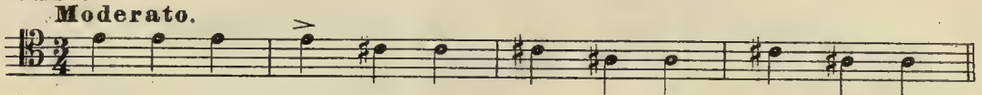


1) Двѣ 16ыя взяты произвольно.
2) Неопредѣленный конецъ.

615а

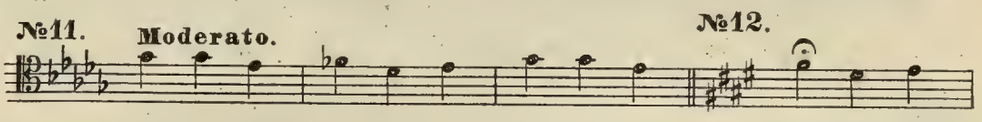
Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

№10. Moderato.

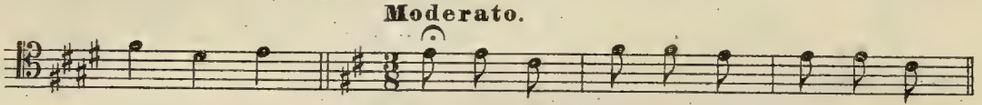


№11. Moderato.

№12.

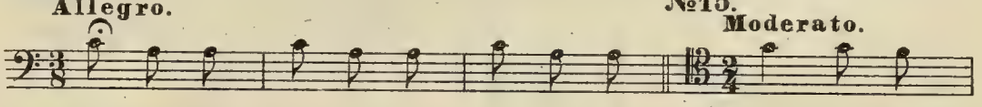


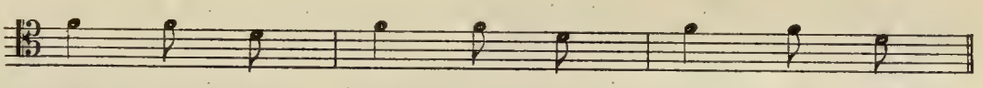
№13. Moderato.



№14. Allegro.

№15. Moderato.

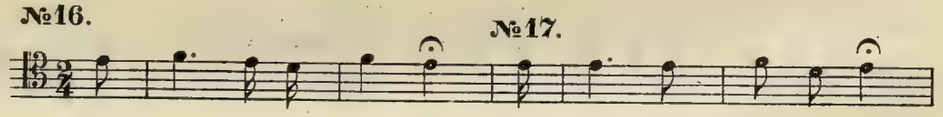




Малина, вишни.

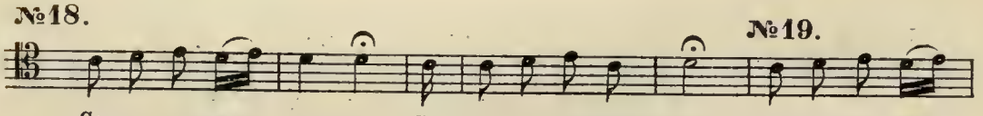
№16.

№17.

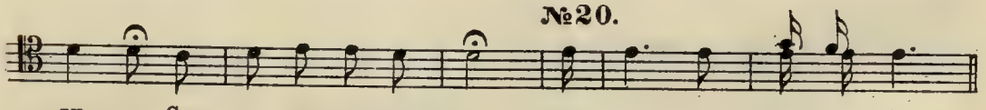


№18.

№19.

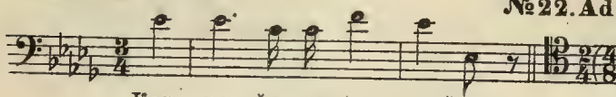


№20.

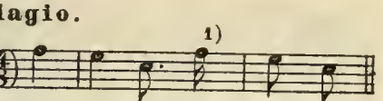


Картофель.

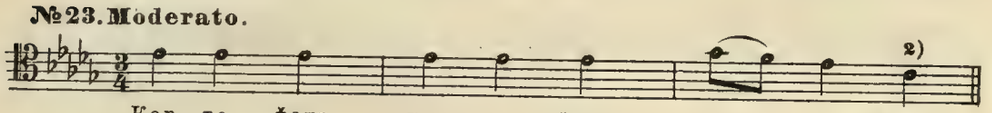
№21. Moderato.



№22. Adagio.

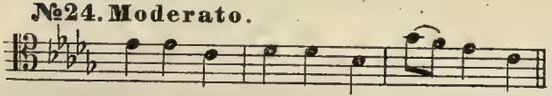


№23. Moderato.



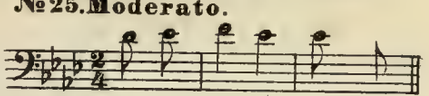
Картофель, коренья.

№24. Moderato.



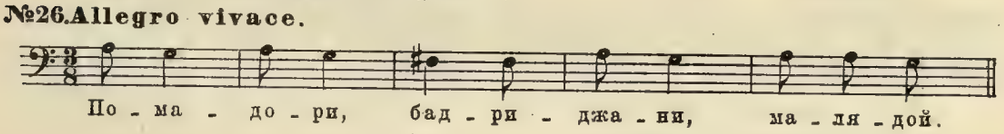
Огурцы, картофель.

№25. Moderato.



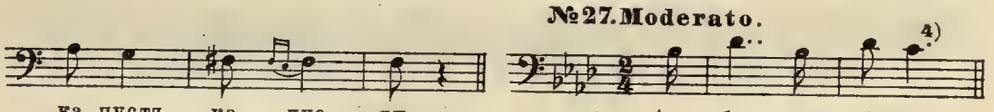
Кинто, зеленщикъ. Тифлись.[3]

№26. Allegro vivace.



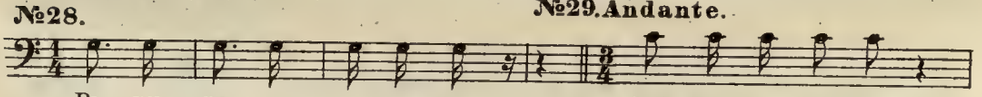
Арбузы.

№27. Moderato.



Раки живыя.

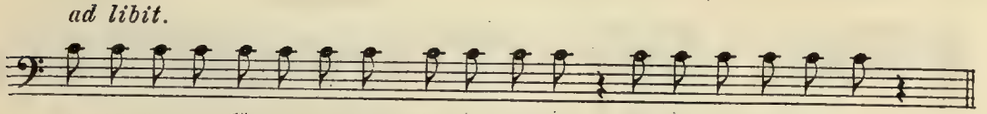
№28.



Свѣжая рыба.

№29. Andante.

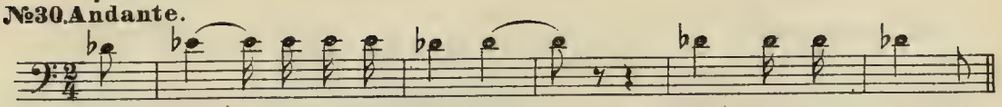
ad libit.



1) Звукъ тянется больше.
2) Послѣ небольшой паузы онъ-же поетъ слѣдующіи номеръ.
3) Сообщено автору лѣтъ девять тому назадъ однимъ студентомъ-грузиномъ.
4) Звукъ неопредѣленный, около do-si бемоль.

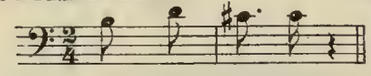
Цыплята.

№30. Andante.



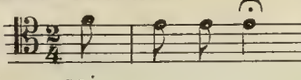
Стекольщикъ.

№31. Moderato.

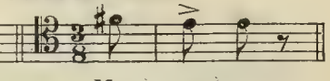


Мороженo.

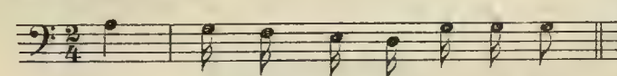
№32. Moderato.



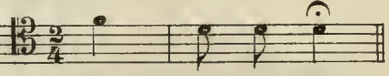
№33. Andante.



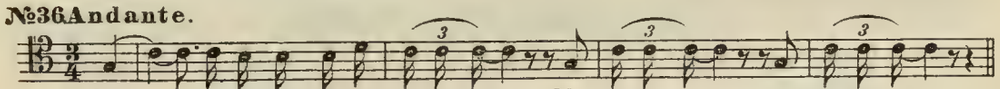
№34. Moderato.



№35. Moderato

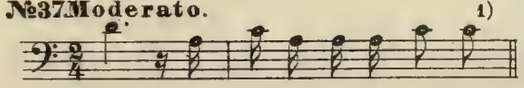


№36. Andante.



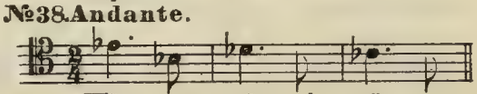
Клеенки.

№37. Moderato.



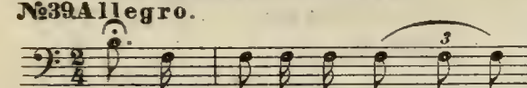
Щёты.

№38. Andante.

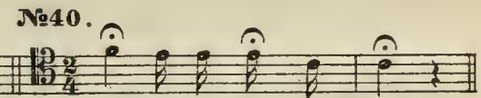


Старьевщикъ-татаринъ.

№39. Allegro.

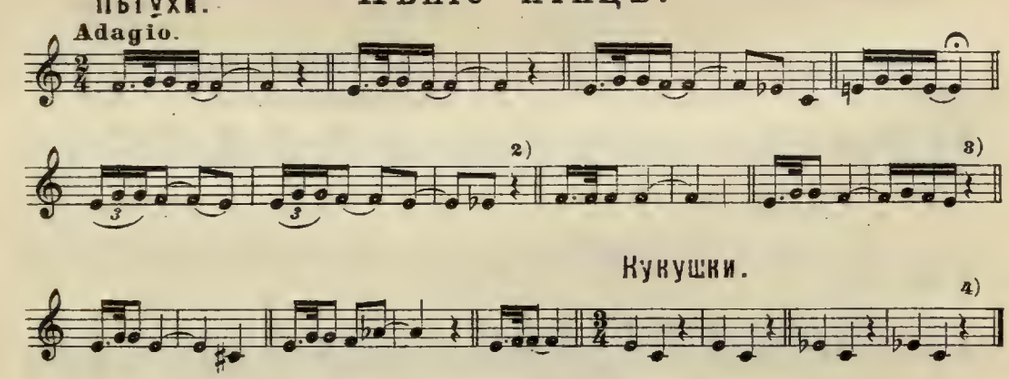


№40.



Пѣтухи. Пѣніе птицъ.

Adagio.



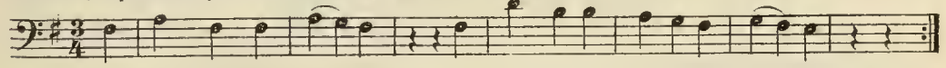
1) Двѣ послѣднія ноты неопредѣленны.
2) Въ примѣрахъ 2, 3, 4, 5 и 6 терція неопредѣленна.
3) Мелизматическая фигура приблизительная.
4) Иногда интервалъ бываетъ между большой терціей и чистой квартой.

Выкрики разносчиковъ и др.

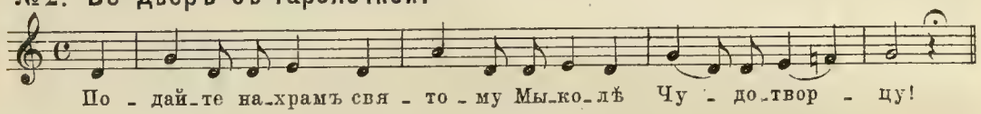
записаные лѣтомъ въ Петербургѣ на Васильевск. остр., въ 1882-3 гг.

М. Е. СЛАВИНСКИМЪ.

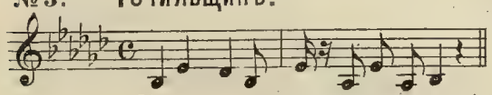
№ 1. Старикъ проситъ на храмъ.



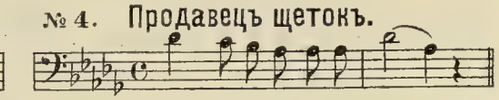
№ 2. Во дворѣ съ тарелочкой.



№ 3. Точильщикъ.

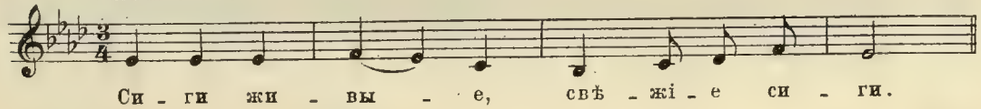


№ 4. Продавецъ щетокъ.

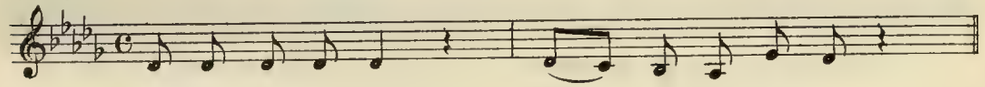


Продавцы продуктовъ.

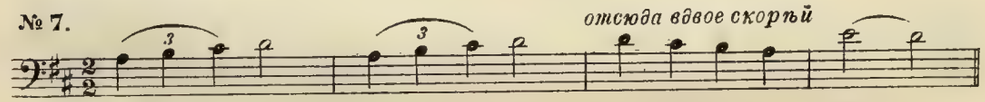
№ 5. Рыба сиги.



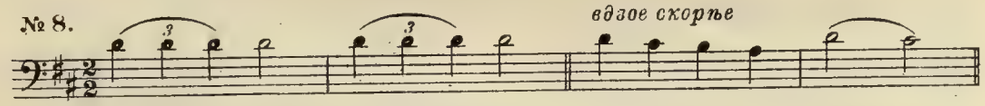
№ 6.



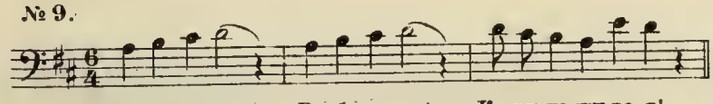
№ 7.



№ 8.

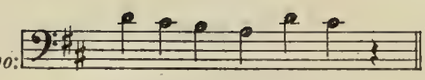


№ 9.



Далѣе на одинъ звукъ ре перечеслялъ свой товаръ по-

именно, дѣлая *accelerando*,
затѣмъ окончилъ *listesso tempo*:

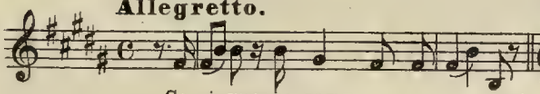


На звукѣ cis не окончивъ,
ничего не продавъ ушелъ.

Ко_рю_ха жи_ва_я!

№ 10. Продавщица:

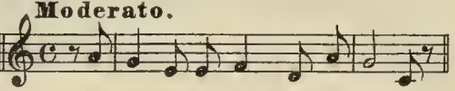
Allegretto.



Се_ле_дки го_ланд_ски, се_ле_дки!

№ 11.

Moderato.



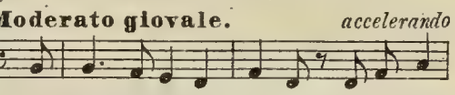
Се_лед_ки го_ланд_ски, се_ле_дки!

№ 12.

Зе_ле_ный лукъ мо_ло_дой!

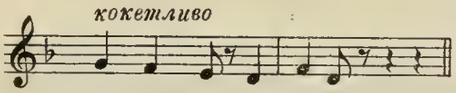
№ 13.

Moderato giovale. *accelerando*



О_гур_чи_ки зе_ле_ны! о_гур_цы.

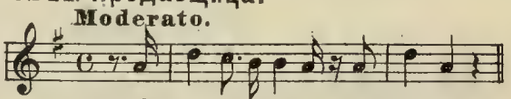
кокетливо



Свѣ_жень_ки зе_ле_ны!

№ 14. Продавщица:

Moderato.



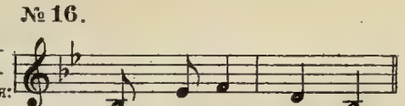
Гри_бы мо_ло_дые гри_бо_чки.

№ 15.

Вотъ яб_ло_ки ха_ро_ши!

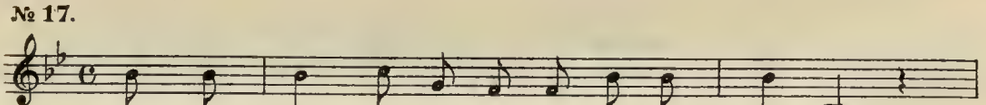
Среди выкри-
ковъ о ябло-
кахъ слышится:

№ 16.



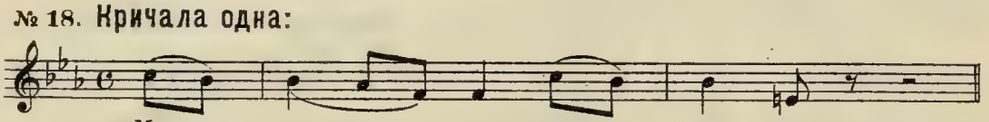
Баш_ма_ки туф_ли.

№ 17.



Зем_ля_ни_ка са_до_ва, зем_ля_ни_ка!

№ 18. Кричала одна:



Ма_ли_на, ма_ли_ны!

№ 19. Кричала другая:

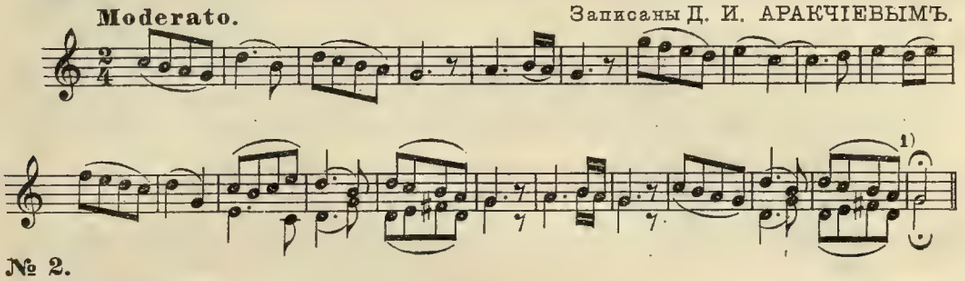
Ма_ли_на са_до_ва ма_ли_на! ма_ли_на!

Пастушьи наигрыши.*)

№ 1.

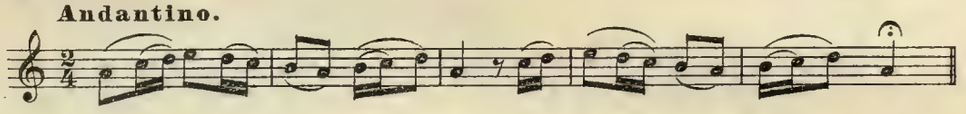
Moderato.

Записаны Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ.



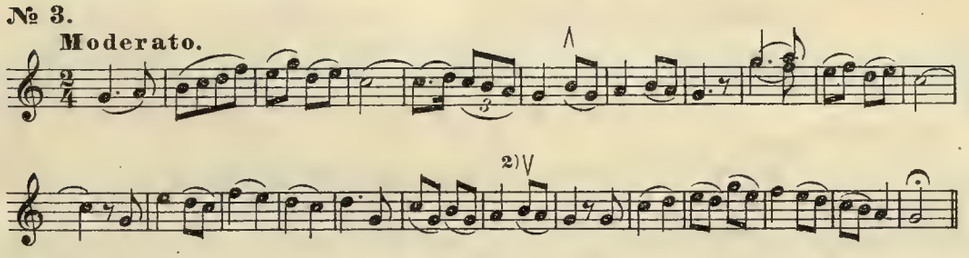
№ 2.

Andantino.



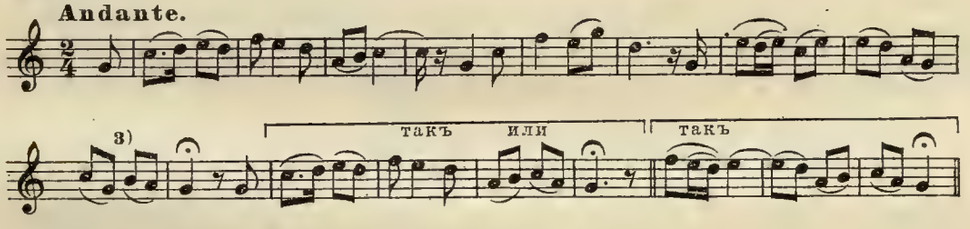
№ 3.

Moderato.



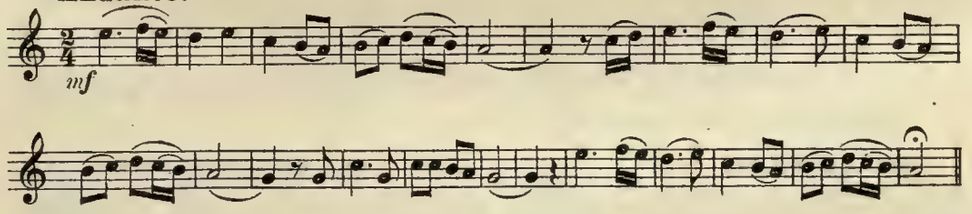
№ 4.

Andante.



№ 5.

Andante.



*) Данные пастушьи наигрыши я записалъ лѣтъ десять-одиннадцать тому назадъ въ селѣ Богородскомъ, подъ Москвой. Исполнялись они пастухами въ полдень, на двухъ рожкахъ иногда въ унисонъ, иногда-же съ подголосками. Д. А.

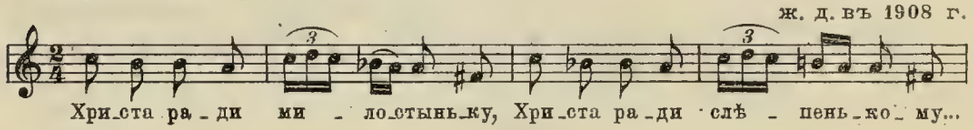
1) Звукъ fa ♯ вездѣ ниже.

2) Звукъ si отъ этого знака ∧ и до этого ∨-вездѣ ниже.

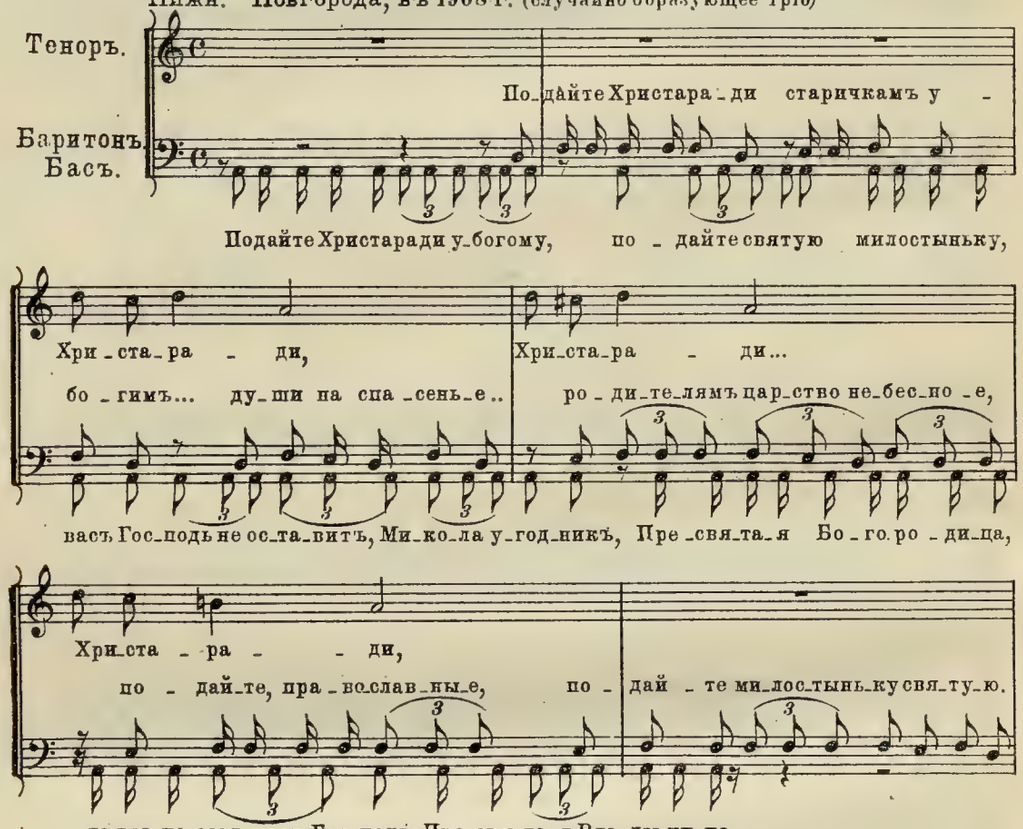
3) Звукъ si ниже.

Изъ записей А. Д. Кастальскаго.

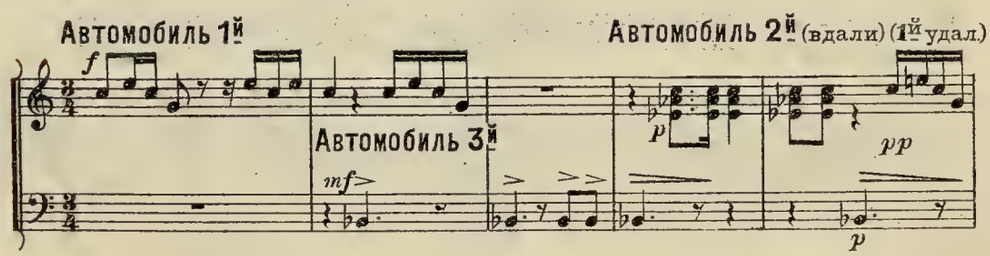
а) Выкрикъ нищаго, слѣпца, записанный на одной изъ станцій Сызранской ж. д. въ 1908 г.

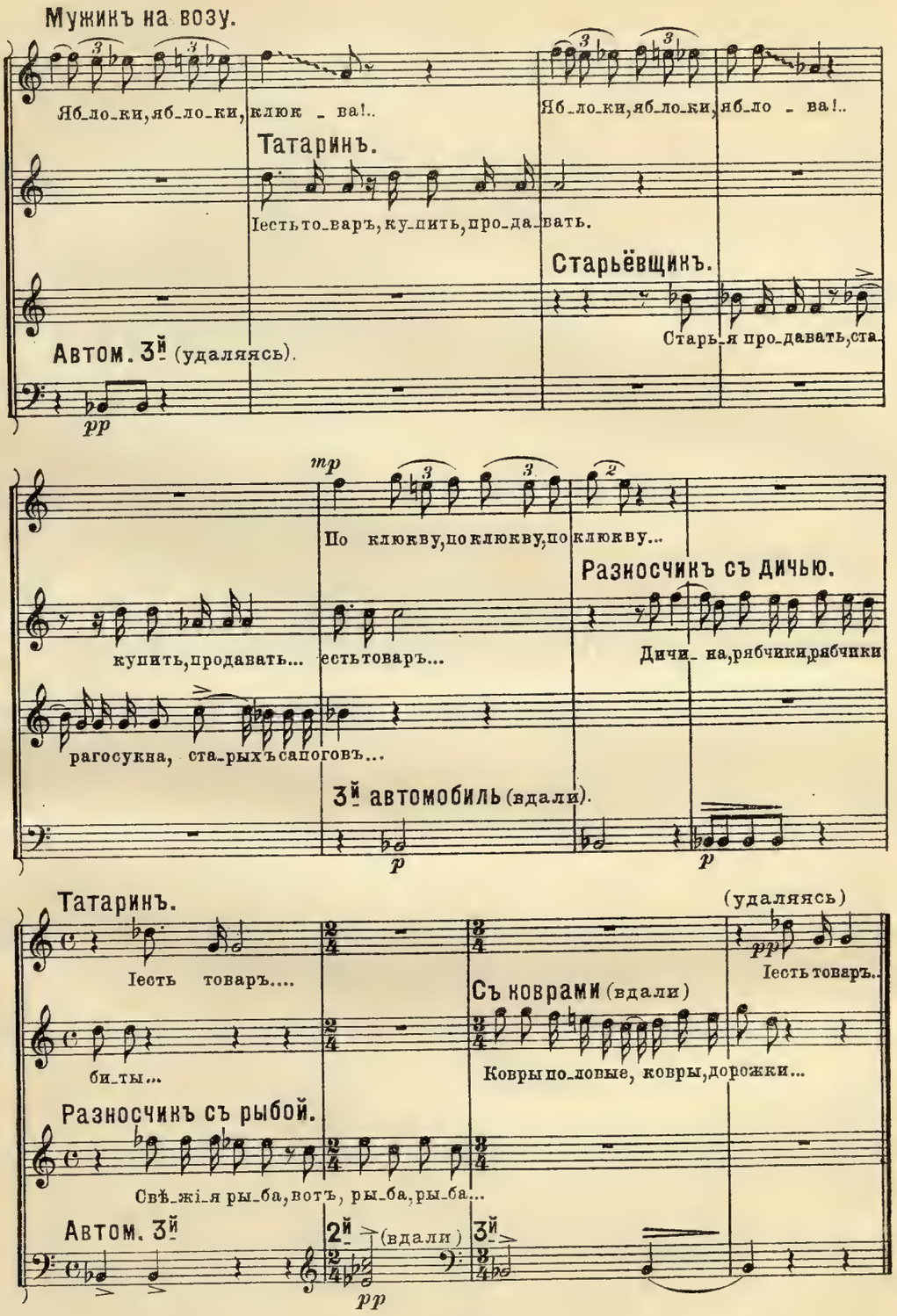


б) Пѣніе слѣпцовъ, записанное на пристани Работки на Волгѣ, близъ Нижн. Новгорода, въ 1908 г. (случайно образующее тріо)



в) Отрывокъ изъ уличной симфоніи, творимой по временамъ на углу Большой и Средней Кисловки, въ Москвѣ, къ веснѣ 1910 г.




Мужикъ на возу.
Яб_ло_ки, яб_ло_ки, клюк _ ва!..
Татаринъ.
Iесть то_варъ, ку_пить, про_да_вать.
Яб_ло_ки, яб_ло_ки, яб_ло _ ва!..
Старьёвщикъ.
Старь_я про_давать, ста_
Автом. 3й (удаляясь).
pp
mp
По клюкву, по клюкву, по клюкву...
купить, продавать...
есть товаръ...
Разносчикъ съ дичью.
Дичи_ на, рябчики, рябчики
рагосукна, ста_рыхъ сапоговъ...
3й автомобиль (вдали).
p
p
Татаринъ.
(удаляясь)
Iесть товаръ....
pp
Iесть товаръ..
Съ коврами (вдали)
би_ты...
Ковры по_ловые, ковры, дорожки...
Разносчикъ съ рыбой.
Свѣ_жі_я ры_ба, вотъ, ры_ба, ры_ба...
Автом. 3й
2й (вдали)
3й
pp

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Андрій Конощенко. Украинськи письни зъ нотамы. Изд. Фесенко. Одесса. 1902.

Въ сборникѣ пѣсенъ, собранныхъ г. Конощенко, заключается сто пѣсенъ, различныхъ по содержанію и характеру, съ напѣвами, и записанныхъ въ разныхъ губерніяхъ. Собиратель къ своей задачѣ, повидимому, отнесся весьма сознательно, принимая во вниманіе, что народныя мелодіи могутъ имѣть свой складъ, отличный отъ общеевропейской музыки. Это обстоятельство и заставляло собирателя особенно внимательно относиться къ тѣмъ пѣснямъ, въ мелодіяхъ которыхъ встрѣчаются такъ называемые случайные знаки. Записи г. Конощенко показываютъ что „вводный тонъ“ для малорусскихъ пѣсенъ не можетъ быть возведенъ въ принципъ, и лишь тамъ этотъ „вводный“ звукъ появляется въ мелодіи, гдѣ замѣчается вліяніе искусственной культурной музыки; въ разсматриваемомъ сборникѣ „вводный“ звукъ въ тонику—явленіе рѣдкое. Однако вообще хроматическій полутонъ встрѣчается, но какъ украшеніе и пріемъ вокализаціи. Записи мелодій, повидимому, собирателемъ сдѣланы хорошо, только въ № 91-мъ замѣчается дефектъ, кромѣ того не всегда правильно раздѣлены мелодіи на такты. Несмотря на это, сборникъ представляетъ собою цѣнный научный матеріалъ, и этнографъ найдетъ въ немъ много интереснаго по вопросу сближенія великорусскихъ и малорусскихъ мелодій. Кстати здѣсь отмѣчаю хорошій варіантъ напѣва „Во саду ли въ огородѣ“, но въ данномъ сборникѣ имѣющійся подъ № 64 со словами „Задумала бабусенька тай забагатиты“, ничего общаго не имѣющими со словами пѣсни „Во саду ли въ огородѣ“. Варіантовъ въ сборникѣ указано мало, автору многіе сборники, вѣроятно, были неизвѣстны.

И. Демченко. Украинське весилля (съ голосамы). Изд. Фесенко. Одесса. 1905 г.

Демченко въ м. Монастырищи, Липовецкаго у., Ковенской губ., записалъ цѣлый кругъ свадебныхъ пѣсенъ. Его записи мелодій уступаютъ предыдущему сборнику по своей точности, уступаютъ мелодіи и въ художественномъ отношеніи, но и этотъ сборникъ интересенъ для научныхъ цѣлей, потому что свадебныя пѣсни, какъ обрядовыя, содержатъ много архаическихъ чертъ и менѣе тронуты культурой. Напримѣръ, въ напѣвахъ, записанныхъ г. Демченко, рѣзко бросается ограниченный ихъ звукорядъ, хотя иногда и пріукрашенный хроматизмомъ. Въ нѣкоторыхъ мелодіяхъ здѣсь найдутся и схожіе съ соотвѣтствующими свадебными бѣлорусскими пѣснями (напр. №№ 102, 106 и друг.), а въ варіантахъ ихъ №№ 184, 185, 190 и друг. пѣсняхъ нельзя не найти поразительнаго сходства съ церковнымъ напѣвомъ „Свѣтися свѣтися“; это сходство во всякомъ случаѣ не будетъ свидѣтельствовать о заимствованіи изъ церковнаго пѣснопѣнія свадебной пѣсни, древность которой старше, быть-можетъ, всѣхъ нашихъ церковныхъ мелодій.

А. М—въ.

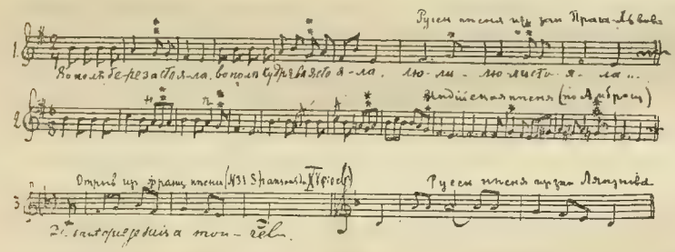
Сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина. (*Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи, т. XXXIV*). *СПБ. 1909.*

Среди многочисленныхъ статей по востоковѣдѣнію въ названномъ сборникѣ имѣются двѣ работы, касающіяся и музыкальнаго искусства. Работы эти принадлежатъ С. К. Буличу и А. Д. Рудневу, о которыхъ даемъ отзывъ по вышедшимъ ранѣе въ свѣтъ отдѣльнымъ оттискамъ.

1) **С. К. Буличъ. Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей.**

Вопросъ, затронутый С. К. Буличемъ въ его статьѣ, интересенъ, хотя уже не новъ. Въ смыслѣ обобщенія музыкальныхъ пріемовъ, для пѣсенъ арійцевъ уже дѣлались небезуспѣшныя попытки

г. В. П. Петромъ. С. К. Буличъ въ своей статьѣ подходитъ къ вопросу не такъ, какъ это дѣлалъ г. Петръ, разсматривавшій главнымъ образомъ теоретическіе звукоряды, на основѣ которыхъ зиждутся пѣсни той или иной народности. Здѣсь же мы видимъ стремленіе найти прямо общность мелодій и ихъ отдѣльныхъ мелодическихъ оборотовъ и пріемовъ, придающихъ опредѣленное „славянское“ обличье напѣвамъ той или другой славянской народности. Задача автора статьи оказалась весьма трудной прежде всего потому, что въ музыкально-этнографической литературѣ имѣется весьма мало монографическихъ научныхъ работъ, устанавливающихъ какіе-либо теоретическіе выводы изъ построенія славянскихъ народныхъ пѣсенъ, за исключеніемъ развѣ русскихъ, да и тѣ еще не нашли себѣ полнаго признанія. Для того чтобы выполнить задачу, указанную въ заголовкѣ статьи С. К. Булича, нужно быть знакомымъ съ ритмическимъ и мелодическимъ строеніемъ пѣсенъ, взятыхъ имъ для сравнительнаго изученія, т.-е. нужно знать значеніе звуковъ въ мелодіи, разумѣя подъ этимъ то, что звуки въ мелодіи могутъ быть самостоятельными и несамостоятельными, т.-е. явившимися для украшенія въ зависимости отъ окружающихъ ихъ самостоятельныхъ, или основныхъ звуковъ. Если это значеніе въ сравниваемыхъ мелодіяхъ не выяснено, то немудрено, напр., какой-нибудь діатоническій ходъ въ предѣлахъ квинты приравнять ко всякому другому такому же, не взирая на различное ритмическое значеніе звуковъ, на первый взглядъ соотвѣтствующихъ другъ другу въ двухъ сравниваемыхъ мелодіяхъ. Кромѣ того, необходимо различать сходство формальнаго и мелодико-ритмическаго свойства. Такъ, напр., приводимое С. К. Буличемъ, отмѣченное еще А. П. Сѣровымъ, сходство русской пѣсни „Во полѣ береза стояла“ съ индійской пѣсней, взятой у Амброса изъ его Geschichte der Musik, касается только формальной стороны: прежде всего въ нихъ одинакія нисходящія каденціи, расположенныя въ концѣ каждаго предложенія, затѣмъ въ той и другой пѣснѣ этихъ каденцій по четыре. Но когда мы пойдемъ далѣе въ сравненіи, то, кромѣ нѣкоторой общности мелодическаго рисунка на глазъ (повтореніе звуковъ вначалѣ и паденіе звуковъ къ заключеніямъ), ничего не найдемъ. Ритмъ обѣихъ пѣсенъ различенъ — въ индійской четыре *четыретакта* по $^6/_8$, въ русской — четыре *тритакта* по $^2/_4$. Разсматривая далѣе строеніе мелодій этихъ пѣсенъ, мы найдемъ различіе значенія звуковъ въ мелодіи; указываемъ особенно на ноту **соль**, въ нашихъ примѣрахъ отмѣченную двумя звѣздочками $^{**}_{8}$. (Примѣры 1 и 2).



Въ русской пѣснѣ нота *соль* является самостоятельной, а въ соотвѣтствующихъ (яко бы) мѣстахъ индійской пѣсни эта нота **соль** является украшающей (*нижней вспомогательной*). Наоборотъ, нота *соль*, отмѣченная одной звѣздочкой, въ русской пѣснѣ играетъ роль *проходящей*, тогда какъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ индійской пѣсни она есть самостоятельный звукъ. Однако способъ сравненія, принятый С. К. Буличемъ, иногда можетъ оказаться удачнымъ, но только случайно, какъ напр. въ латышской пѣснѣ изъ сб. Витоля и русской пѣснѣ „Зеленая роща“ изъ сб. Мельгунова (С. К. Буличъ, стр. 67). Обѣ пѣсни представляютъ изъ себя какъ бы варіанты напѣвовъ, хотя и съ различными текстами. Къ высказанному здѣсь относительно способа сравнительнаго изученія народныхъ мелодій могу добавить, что мелодическое сходство безотносительно къ ритмикѣ и значенію звуковъ можно найти далеко за предѣлами смежныхъ народностей; для примѣра возьмемъ попавшуюся мелодію старинной французской пѣсни, записанной въ XV вѣкѣ (Chansons du XV-e siècle publiées d'après le manuscrit de bibliot. nat. de Paris par Gaston Paris et accompagnées de la musique transrcite en notation moderne par A. Gevaert, Paris 1875), и отрывокъ изъ

русской пѣсни, записанной Ляпуновымъ (см. примѣръ 3). На первый взглядъ въ нихъ встрѣчается мелодическое сходство, но этого недостаточно, чтобы говорить объ общности принциповъ построенія. Что касается вопроса о финскославянскихъ вліяніяхъ, то въ своей статьѣ С. К. Буличъ коснулся его мало, но онъ справедливо говоритъ, что многовѣковая культурная борьба русскихъ славянъ съ сосѣдними финскими племенами кончилась массовой ассимиляціей послѣднихъ и полнымъ ихъ поглощеніемъ въ собирательной массѣ русскаго народа. Мелодика финскихъ племенъ, съ трехъ сторонъ окружившихъ славянъ, еще мало изучена, поэтому и всякое сравнительное изученіе вопроса о финско-славянскихъ вліяніяхъ неминуемо наталкивается на препятствія, и при настоящихъ условіяхъ отъ статьи С. К. Булича нельзя было ожидать большаго, какъ только обратить вниманіе на весьма интересный вопросъ въ музыкальной этнографіи, до сихъ поръ не подвергшійся обслѣдованію. Намъ остается присоединиться къ автору статьи, съ пожеланіемъ того, чтобы этнографы-музыканты обратили вниманіе на затронутый имъ вопросъ.

2) **А. Д. Рудневъ. Мелодіи монгольскихъ племенъ** (съ рисункомъ и нотами).

А. Д. Рудневъ задался цѣлью собрать воедино весь матеріалъ по музыкѣ монгольскихъ народностей, который имѣется въ различныхъ описаніяхъ путешествій, письмахъ миссіонеровъ, въ музыкальныхъ журналахъ, и пополнить его мелодіями, собранными какъ самимъ Рудневымъ, такъ и его знакомыми. Задача весьма почтенная, вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма трудная, такъ какъ матеріала разбросано тамъ и сямъ масса. Однако авторъ ограничился только небольшими группами народностей монгольскаго племени—собственно монголами, бурятами и калмыками,—и это ограниченіе, по нашему мнѣнію, напрасное, тѣмъ болѣе, что г. Рудневъ предназначаетъ свою статью преимущественно для лицъ, интересующихся музыкой монгольскихъ племенъ. Народностей этого племени много, о нихъ авторъ въ статьѣ, предназначенной „для знакомства", и не упоминаетъ, между тѣмъ интересующійся монгольской музыкой получитъ полное неудовлетвореніе отъ подобраннаго г. Рудневымъ матеріала, какъ со стороны художественной, такъ и со стороны научно-этнографической. Со стороны художественной монгольская раса обладаетъ многими отличительными чертами въ музыкѣ, въ сравненіи съ музыкой нашихъ арійскихъ народовъ. со стороны же научно-музыкальной собранныя мелодіи не удовлетворятъ по той причинѣ, что онѣ въ большинствѣ имѣютъ только по одному стиху текста, иногда же и вовсе его не имѣютъ; между тѣмъ мелодіи безъ текстовъ представляютъ изъ себя почти безцѣнный матеріалъ для изучающаго музыку прежде всего съ ритмической, затѣмъ съ мелодической, наконецъ съ гармонической стороны, потому что значеніе звуковъ мелодіи не поддается учету безъ яснаго представленія ритма ея, а представленіе о ритмѣ въ народной музыкѣ тѣсно связано со словомъ, которымъ и регулируется ритмъ. По отношенію къ нѣкоторымъ мелодіямъ въ собраніи г. Руднева интересующійся ихъ научной стороной станетъ втупикъ: какъ объяснить, напр., такія комментаріи мелодіи № 78—*Мелодія записана въ Сарептѣ; провѣрена* (съ исправленіемъ ошибокъ?) *въ Петербургѣ*. Этнографу-музыканту интересно видѣть мелодію, записанную въ Сарептѣ, Петербургѣ, Иркутскѣ и-т. д., ему иногда интересны даже малѣйшія уклоненія въ мелодіи одной и той же пѣсни, между тѣмъ провѣрку г. Рудневъ производилъ, какъ и запись, у студентовъ-калмыковъ, пѣніе которыхъ могло уклониться отъ первобытнаго строя монгольскихъ пѣсенъ. Работа А. Д. Руднева является интересной лишь постольку, поскольку она является указателемъ литературы по вопросу о монгольской пѣснѣ, и поскольку въ ней заключается новыхъ записей мелодій. Во всякомъ случаѣ работающій надъ изученіемъ народной музыки, заинтересуясь тѣмъ или инымъ напѣвомъ, перепечатаннымъ въ статьѣ Руднева, долженъ обратиться къ первоисточнику для ознакомленія съ обстановкой записи мелодіи и авторомъ записи, т.-е. со степенью достовѣрности мелодіи, какъ научнаго матеріала. Что касается пожеланія автора статьи продолжать начатую имъ нумерацію, отмѣчая варіанты уже бывшими номерами съ присоединеніемъ лишь буквъ, то это мысль весьма хорошая, хотя

и не новая, но осуществленіе ея должно быть начато съ такого собранія мелодій, которое будетъ обнимать необходимѣйшія требованія науки. *А. М—въ.*

45 народныхъ старинныхъ пѣсенъ заводовъ Пермской губ. Записаны Л. Е. Воеводинымъ. Изд. Пермской Ученой Архивн. Комиссіи. Пермь. 1905.

Старательно записанный сборникъ, но не всѣ пѣсни его старинныя; есть такія, которыя проникли въ народъ съ „верховъ", напр. „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить", муз. Сарти. Ритмическая сторона въ изложеніи мелодій сильно страдаетъ: напр. №№ 2 и 4 нужно разгруппировать на $^2/_4$, а не на $^3/_4$, № 6—на $^2/_4$, а не на $^4/_4$ и т. д. Въ № 33 имѣется интересный варіантъ пѣсни „Изъ-за лѣсу темнаго", но съ другимъ текстомъ („Во гостиной во главной да тутъ сидитъ добрый молодецъ"). Какъ музыкально-этнографическій матеріалъ, собранія г. Воеводина должны явиться небезынтересными для изслѣдователей, хотя въ нихъ и имѣются промахи съ ритмической стороны, промахи, къ сожалѣнію, свойственные почти всѣмъ собирателямъ, по той причинѣ, что до сихъ поръ у насъ не имѣется обстоятельнаго изложенія ученія о ритмахъ въ народной музыкѣ.

А. М—въ.

Leoš Janáček. Ukvalská lidová poezie v písních. V Brně.

Подъ такимъ названіемъ г. Яначекъ выпустилъ въ свѣтъ небольшой сборничекъ чешскихъ пѣсенъ (всего 13 №№) съ аккомпанементомъ фортепіано. Сборникъ посвященъ авторомъ „кружку „Подъ акаціей". Онъ заставилъ о себѣ заговорить потому, что въ немъ встрѣчаемся мы не съ заурядными гармонизаціями; послѣднія часто странны, но заслуживаютъ вниманія, потому что стремятся порвать съ прежними рутинными пріемами обработки чешскихъ пѣсенъ.

М.

В. Д. Корганов. **Кавказская музыка. Сборникъ статей.** Изданіе 2-е. Тифлисъ. 1908.

Авторъ сборника—небезызвѣстный писатель о музыкѣ Кавказа, главнымъ образомъ, армянской и отчасти грузинской.

Всѣ статьи настоящаго его сборника были раньше напечатаны въ журналѣ «Кавказскій Вѣстникъ», просуществовавшемъ недолгое время, теперь-же онѣ нѣсколько дополнены и обнимаютъ собою почти все то, что до сихъ поръ было написано о музыкѣ Кавказа. Въ сборникѣ, кромѣ статей этнографическаго характера, есть краткія біографіи нѣкоторыхъ музыкальныхъ дѣятелей Кавказа и публицистика. Въ общемъ все, что касается музыкальной жизни Кавказа, въ этомъ сборникѣ собрано болѣе или менѣе полно, такъ что любителю этнографу и интересующемуся музыканту небезполезно ее прочесть. *А—въ.*

Турецкія народныя пѣсни (*«Труды по Востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ. Выпускъ XVII».*).

Данная книжка съ 20-ю народными турецкими пѣснями представляетъ изъ себя перепечатку изъ «Этнографическаго Обозрѣнія», дополненную введеніемъ А. Е. Крымскаго, содержащимъ критико-библіографическій обзоръ литературы предмета. Если мы отложимъ въ сторону этотъ обзоръ и пѣсенные тексты съ переводомъ и объясненіями Б. В. Миллера (то и другое написанное съ полнымъ знаніемъ дѣла) и перейдемъ къ разсмотрѣнію самыхъ напѣвовъ, то увидимъ, что запись многихъ пѣсенъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, больше того, она совершенно безграмотна. Пѣсни за №№ 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16 и 18, т.-е. половина пѣсенъ обозначена въ одномъ размѣрѣ, а на самомъ дѣлѣ представляютъ другіе размѣры; въ записяхъ ритмъ настолько запутанъ, что въ немъ трудно разобраться. Записи турецкихъ пѣсенъ въ русской музыкально-этнографической литературѣ появляются впервые и представляютъ большой интересъ, тѣмъ не менѣе такое изданіе напѣвовъ, безъ компетентной редакціи, является не заслуживающимъ поощренія.

Д. А—ъ.

А. Зачиняевъ. «Къ вопросу о коломыйкахъ». Изв. Отд. Русск. яз. и сл. И. А. Н., т. XII, кн. 1.

Въ довольно обширной статьѣ на страницахъ вышеуказаннаго академическаго изданія г. А. Зачиняевъ высказываетъ далеко не безынтересные взгляды на особый родъ народнаго творчества, извѣстнаго подъ именемъ «коломыекъ» (частушекъ), представляющій собою новыя формы, возникшія на развалинахъ большихъ старыхъ пѣсенъ, формы, приспособленныя къ современности. Вслѣдствіе своей краткости текста, еще болѣе мелодіи, коломыйки мало, повидимому, представляли интереса для музыканта-этнографа. Г-нъ А. Зачиняевъ, подробно разбирая въ XVII т. Етногр. збірн. Наук. тов. ім. Шевченка собранія Вл. Гнатюка, невольно остановился на задачахъ собирателя этнографическаго матеріала. По его мнѣнію, этнографъ долженъ быть объективнымъ наблюдателемъ и точнымъ регистраторомъ, онъ «долженъ дать общія свѣдѣнія о бытѣ, промыслахъ, степени грамотности населенія, о его музыкальности и употребительныхъ инструментахъ, ихъ строѣ и пр. Помимо общихъ свѣдѣній необходимо сообщить относительно каждаго пѣвца: гдѣ онъ родился? Гдѣ живетъ большую часть года? Чѣмъ занимается? Не ходитъ ли на промыслы, или въ работники къ интеллигентнымъ лицамъ, или въ города? Не живалъ ли на фабрикахъ, заводахъ и т. п.? Насколько грамотенъ? Знаетъ ли стихотворенія (искусств. поэзію)? Отъ кого перенялъ пѣсни? У себя ли въ селѣ или гдѣ-нибудь на сторонѣ? Не составлялъ ли самъ какихъ-нибудь пѣсенъ? Давно ли появились въ данномъ селѣ коломыйки? Откуда? Какъ относятся къ этимъ пѣснямъ старое и молодое поколѣнія? Поются ли въ данномъ селѣ какія-нибудь другія короткія пѣсни (казачки, краковяки и т. п.)? Съ музыкой или безъ нея? Подъ пляску или безъ нея? Какъ отличаетъ пѣвецъ эти короткія пѣсни отъ коломыекъ?»

Однако не это, собственно, насъ интересуетъ въ статьѣ г. Зачиняева. Анализируя складъ и ритмъ коротенькихъ коломыекъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что частицы старыхъ пѣсенъ разсыпаны всюду въ коломыйкахъ, вслѣдствіе чего многія современныя коломыйки, какъ и другія подобныя формы, представляютъ отломки большихъ старыхъ пѣсенъ. Между этими отломками казачекъ, повидимому, оказалъ плодотворное вліяніе на творчество того народа, гдѣ встрѣчается.

«Живой, граціозный танецъ—казачекъ, разымчиво-веселая, разудалая или задорная, шутливая пѣсня, крайне эластичный стихъ ея—оказали свое могучее дѣйствіе на поэтическое творчество чеховъ, и словаковъ, и великороссовъ, и бѣлоруссовъ... У послѣднихъ, смѣшавшись съ трепакомъ, гайдукомъ казачекъ-шумка далъ начало приказкѣ». «Подъ вліяніемъ различныхъ условій (напр., приказки перестаютъ быть плясовыми и становятся чисто лирическими) приказки перерождаются въ «припѣвки», которыя почему-то въ литературѣ окрещены «частушками». «Если внимательно ихъ анализировать, то можно вскрыть хотя и отдаленные, все же осязательные отзвуки казачковъ, шумокъ, гайдуковъ, трепаковъ и т. п., цѣликомъ почти вошедшихъ въ составъ приказокъ». По мнѣнію г. Зачиняева, коломыйка въ сущности имѣетъ тотъ же ритмъ, какъ и казачокъ, т.-е. является замедленнымъ казачкомъ, а послѣдній танцуется съ головокружительной быстротой, чѣмъ и обусловливается его, доходящій до рѣзкости, рубленый стихъ съ мѣньшимъ количествомъ движеній и съ бо́льшимъ числомъ ритмическихъ стяженій. Генетическая связь казачка и коломыйки подтверждается рядомъ коломыекъ, представляющихъ собою переработанные извѣстнымъ образомъ шумки и казачки, не смотря на то, что, въ отличіе отъ казачка, коломыйка употребляется при танцѣ и безъ него, а самое двойственное положеніе коломыйки, по мнѣнію г. Зачиняева, какъ плясовой и неплясовой пѣсни, говоритъ о ея переходномъ состояніи, объ образованіи изъ плясовой пѣсенной формы, формы чисто лирической пѣсни.

Коломыйковый размѣръ настолько популяренъ въ Галиціи, что подъ его давленіемъ другіе пѣсенные размѣры отступаютъ на задній планъ и даже совсѣмъ исчезаютъ. Надо замѣ-

тить, что этотъ размѣръ и родственные ему размѣры другихъ коротенькихъ пѣсенъ оказали несомнѣнное вліяніе на творчество многихъ славянскихъ и нѣмецкихъ композиторовъ. Вслушавшись въ венгерскія рапсодіи Ф. Листа, сочиненія Дворжака, Сметаны, Гольдмарка, вы обязательно встрѣтите эпизодически эти размѣры, оправленные въ нарядную и пикантную гармонію. Указывая на генетическую связь между коломыйкой и казачкомъ, наконецъ великорусской частушкой, г. Зачиняевъ не отмѣтилъ только связи съ художественной музыкой, между тѣмъ эта интересная черта остается невыясненной и ждетъ своего изслѣдователя.

А. Масловъ.

Сборникъ солдатскихъ военныхъ пѣсенъ. Составилъ **В. Маркозовъ.** СПБ. 1905 г. Ц. 50 к.

Сборникъ избранныхъ пѣсенъ для солдатскаго хороваго пѣнія, П. Ф. Егорова, 4-е изд. 1903 г. СПБ.

Боевыя пѣсни русскаго солдата. Сборникъ 183-хъ военно-историческихъ пѣсенъ. Собралъ **Г. М. Поповъ.** СПБ. 1902.

Изъ трехъ названныхъ сборниковъ первый одноголосный, а второй и третій четырехголосные. Художественная цѣнность всѣхъ ихъ почти равняется нулю, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ приведены народныя пѣсни. Что касается текста, то онъ также далекъ отъ настоящей народной поэзіи, какъ и его большей частью маршевая музыка. Это просто образцы искусства (часто наборъ словъ) военныхъ пѣвцовъ болѣе высшаго ранга, чѣмъ простой солдатъ, для которыхъ «коли», «руби» и т. п. слова есть своеобразная поэзія.

Невзирая, однако, на все это, нужно отмѣтить, что третій сборникъ отличается отъ остальныхъ нѣкоторыми положительными сторонами. Здѣсь приведены даты записей и имена авторовъ пѣсенъ, предпосланы каждой пѣснѣ краткія историческія свѣдѣнія, распредѣлены пѣсни въ историческомъ порядкѣ и т. д.; словомъ исполнено почти все, чтобы сдѣлать сборникъ возможно цѣннымъ въ научномъ отношеніи, что, несомнѣнно, автору удается.

Крайне все-таки было бы желательно внести въ эту область свѣжую и болѣе чистую струю, обновить репертуаръ солдатскихъ пѣсенъ въ музыкальномъ отношеніи, дать здоровую пищу солдату. Это—задача образованныхъ музыкантовъ. Военное вѣдомство поступило бы цѣлесообразно, назначивъ приличный конкурсъ на составленіе хорошаго сборника пѣсенъ для войскъ, и тѣмъ привлекло бы къ этому дѣлу хорошихъ музыкантовъ.

Д. Ар—евъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по музыкальной этнографіи. [1])

Adámek, K. V. Dr. Ceské tance lidové v okresu Hlineckém. Knihovna Cesky Lid VI, 1897; VII, 1898; VIII, 1899. v Praze.

Аранчіевъ Д. И. Музык.-этнографическіе очерки о грузинской народной музыкѣ. Съ нотами и фототипіями. М. 1906.

Его же. Народныя пѣсни западной Грузіи (Имеретіи). М. 1909.

Бажановскій, П. Малорусскій музыкальный тонъ. Руссконародна поэтична и музыкальна ритмика. Малоруска народна мелодика. Руссконародна музыкальна гармонія. Львовъ 1891—1892.

Bartoš, Frt. Národní písně moravské v nově nasbírané. 1889.

Берсъ, А. Роль ритма въ жизни народа. „Этнограф. Обозр.“ 1902 г. № 3.

Bird, W. Hamilton. The oriental miscellany being a collection of the most favourite Airs of Hindostan. Calcutta. 1789.

Бирнатъ, Эрнстъ. Гитара, начиная съ III в. до Р. Х. Музык.-культурн. и историч. очеркъ. См. журн. „Музыка Гитариста“ за 1909 г.

Бичъ-Лубенскій, К. Малороссійская лира и музык. инструм. „рылля“, съ нотн. прим. и рисунками. „Русск. Музык. Газ.“ за 1900 г., стр. 960.

Bosnische Volksmusik. См. „Deutsches Volksblatt“ (Wien), Januar, 1908.

Буличъ, С. К. Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей (Отт. изъ Зап. И. Р. Геогр. О. по Отд. Этн., т. XXXIV). Спб. 1909.

Вагнеръ, В. А. Генезисъ и развитіе музыки. Вопросы философ. и псих. 1895, кн. 28 (май).

Воеводинъ, Л. Е. 45 народныхъ старинныхъ пѣсенъ заводовъ Пермской губ. Изданіе Пермск. Ученой Архив. Комиссіи. Пермь. 1905.

Vluk, Jos. Zvyky svatební ve Slezsku. Český Lid VIII, 1899. Praha.

Вифляевъ, Н. Е. О церковно-пѣвческихъ нотныхъ книгахъ, находящихся въ Рязанскомъ историческомъ архивѣ. (Труды Ряз. Уч. Архив. Комиссіи, т. XVIII, в. 2.)

Волкова, С. О древне-русскихъ церковныхъ напѣвахъ и о значеніи ихъ для будущности русскаго музыкальнаго искусства. Спб. 1906.

Галлеръ, К. П. Сборникъ русск. нар. пѣсенъ СПБ. губерніи. СПБ. 1889.

Garlepp, Bruno. Die Trompete und ihre Bedeutung im Volksleben. Allgemeine Musikzeitung 1904.

Gevaert, A. см. „Chanson“ du XV-e siècle.

Hlavinka, Alois. Příroda kmotrou, národní písně. Český Lid, VIII, v Praze. 1899.

Gmelin, I. G. Reise durch Sibirien. Göttingen. 1752.

Глинка, М. И., въ Испаніи и записанные имъ народные испанскіе напѣвы въ 1845—47 гг., автогр. въ Имп. Публ. Библ. съ 17 нотн. примѣр., напечатано въ „Русской Муз. Газетѣ“ за 1895 г. № 12.

Гнатюкъ Волод. Коломийки т. I, 1905, т. II, 1906 г. У Львові (Етногр. Збірн. Наук. тов. ім. Шевченка).

Hostinsky, O. „Česká světská píseň lidová“. Úvahy národopisné a hudební. Knihovna Českého Lidu IV, V. Praze 1906.

Грумъ-Гржимайло. Путешествіе по Тибету. Журн. „Нива“, 1904 г.

Его же. Описаніе путешествія въ Западн. Китай. Спб. 1896.

Де-Волланъ, Г. А. Угро-русскія народныя пѣсни. Съ картой. С. П. Б. 1885. Записки И. Р. Геогр. О-ва, Этногр. отд. XIII, 1.

Демченко Ив. „Украинське веснілля“. Изд. Фесенко. Одесса. 1905.

Добровольскій, В. Н. Киселевскіе цыгане. Вып. I. Изд. И. Академіи Наукъ. Спб. 1908.

---

[1]) Настоящій указатель служитъ дополненіемъ къ указателю, напечатанному въ I томѣ *Трудовъ Комиссіи.*

Εἰσαγογή εἰς τὸ θεωρητικόν καὶ πρακτικὸν τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Paris. 1821.

Erben, K. I. Prostonárodní české písně a říkadla. 1863. Нов. изд. 1897.

Erman. Aegypten und aegyptisches Leben im Alterthum, Leipzig, изд. M. Spirgatis.

Желѣзновы, Ал—дра и Вл—ъ. Пѣсни уральскихъ казаковъ. Для одного голоса съ фортеп. переложилъ проф. А. А. Петровъ. СПБ. 1899.

Зачиняевъ, А. Къ вопросу о коломыйкахъ. Изв. отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. т. XII, кн. 1.

Janáček, Leoš. Nápěvky dětské mluvy. Český Lid XIII, v Praze. 1904.

Капелленъ Георгъ. Характерныя черты экзотической музыки, перев. съ нѣмецк. А. Зоре. Журн. „Музыка и Жизнь“ № 1 за 1909 г. Москва.

Кастренъ. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. 1887.

Quis, L. Dr. Karla Havlíčka studie o formě české lidové písně. Český Lid VII, v Praze 1898.

Kiesewetter. Geschichte der Europäischen abendländischen Musik, 2 Aufl. Leipzig. 1846.

Колесса Іван, dr. Галицко-руські нар. пісні з мельодиями. (Етн. Збірн. т. XI). Львів, 1901.

Колесса А. Ритмика українских народних пісень—въ „Записках наукового товар. імені Шевченка.“1906—1907.

Компанейскій, Н. Характерныя черты русскихъ пѣсенъ церковныхъ и мірскихъ. Журн. „Музыка и Жизнь“ № 5 за 1909 г. Москва.

Chotek, K. Cerovo, Národopisná studie, съ напѣвами. Národopisný Věstnik československý v Praze 1906, str. 67—281.

Krämer, Aug. von. Prof. Hawaü, Ostmikronesien und Samoa, Zweite Südseereise zum Studium der Atolle und ihrer Bewohner. Stuttgart. 1906.

Κρηπὶς τοῦ θεωρητικοῦ καὶ πρακτικοῦ της ἐκκλ. μουσικῆς, παρὰ Θεοδώρου Παπᾶ. Константинополь. 1842.

Kretz, Fr. Slovácší hudci. Český Lid, X, Praha. 1900.

Kuba. L. Slovanstvo ve svých zpevech. V Praze 1884—1895.

Kuhač F. X. Das türkische Element in der Volksmusik der Croaten, Serben und Bulgaren. Wien. 1899.

Kuhač, Fr. Osobine narodne glazbe, napočito hrvatske. Rad jugoslav. Akademije Kn. 160.

Kuhač, Opis i poviest narodnih glasbala jugoslovjena. Rad jigoslavenske akademije znatnosti i umjetnosti, 1877.

Леонтовичъ, М. Д. (збравъ и для хору уложивъ) II збирки писень съ Подолля. Кіевъ. 1903.

Letošník, Jos. O ritmu lidových písní českých. Národopisný Věstnik československý. R. II. Laden 1907, v Praze.

Липаевъ, Ив. Еврейскіе оркестры „Русск. Муз. Газ.“ за 1904 г.

Его же. Чешская музыка (очеркъ) „Русская Муз. Газ.“ за 1907 г.

Лисовскій, Н. М. Отзывъ о сочиненіи А. С. Фаминцына „Гусли—русскій нар. музыкальный инструментъ“. Спб. 1893.

Листопадовъ, А. М. Къ вопросу о записяхъ народныхъ пѣсенъ. Журн. „Музыка и Жизнь“ № 1 за 1909 г. Москва.

Людкевичъ, Ст. см. Раздольскій.

Martinowský, I. P. Nápěwy pisní národních v čechách (sbirka K. I. Erbena) sv. I—III. v Praze, nákl. J. Hoffmanna.

Масловъ, А. Основное время въ ритмикѣ современной и античной музыки. Журн. „Музыка и Жизнь“ за 1908 г. Москва.

Его же. Русская народная пѣсня въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова. Журн. „Музыка и Жизнь“ № 6 за 1909 г. Москва.

Его же. „Русская народная музыка“, статья въ журн. „Музыкальное Самообразованіе“ за 1907 г.

Mašek, Tom. Dožinky z okolí Přeštického. Český Lid VI, 1987, v Praze.

Металловъ, В., свящ. „Изъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія XV—XVII вв.“ въ Трудахъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи т. III, в. 2. М. 1906.

Миллеръ, В. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографич. Музея. 1887 (упоминаются и муз. инструм.).

Mojsisovics, Roderich von. Wie soll man Volkslieder bearbeiten (Neue Musikzeitung № 17, 1908. Leipzig).

Музыка, музыкальн. инструм. и музыкальн. творчество см. въ указателяхъ къ „Этногр. Обозр.“ (1897—1901 гг.), сост. Г. И. Куликовскимъ.

Nejedlý, Zdeněk, Dr. Staročeské koledy a proti koledy v 15 století. Český Lid XIII, v Praze 1904.

Некрасовъ, И. В. 50 пѣсенъ русскаго народа для мужск. хора изъ собр. въ 1902 г. въ Саратовск. г. И. Некрасо-

вымъ и Ѳ. Покровскимъ. Изд. Пѣс. Ком. И. Р. Г. О.

Его же. „Пѣсни села Борятина“ и другіе сборники переложеній для хора, въ изд. Пѣс. Ком. И. Р. Г. О.

Нефедьевъ, Н. Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Спб. 1834.

Николовъ, А. Старо-Българско църковно пѣніе. Спб. 1906 г.

Никольскій, Д. Въ области славянской музыки, см. „Извѣст. СПБ. Славян. общества“ 1884 г.

О пѣніи въ Россіи. См. „Христіанское Чтеніе“ 1831 г.

Pallas. Sammlung historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. 1776—1801.

Пантусовъ, Н. Таранчинскія пѣсни. Спб. 1890, см. I в. XVII т. Зап. И. Р. Геогр. О-ва по отд. этнографіи.

Pauly. Description ethnographique des peuples de la Russie, 1862.

Петръ, В. И. Рѣчь и пѣніе. Лингвистико-музыкальное изслѣдованіе. Кіевъ. 1906.

Его же. Объ индійской гаммѣ. Рус. Музык. газ. за 1906 г. №№ 23—24.

Перетцъ, В. Н. Современная русская народная пѣсня. Сравнит. этюды. Спб. 1893.

Его же. Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики. Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. 1907 г. т. XII, кн. 1.

Pisch, O. Náboženská představení dětská v Kojeníně. Český Lid, X, Praha 1900.

Polak, A. „Die Harmonisierung indischer, türkischer und japanischer melodien“. Leipzig, Breit u. Härtel, 1905.

Преображенскій, А. В. Вопросъ о одногласномъ пѣніи въ русской церкви XVII в. Изд. Общ. Люб. Древ. Письм. Спб. 1904.

Приваловъ, Н. И. Музыкальные духовые инструменты русскаго народа. Свистящіе инструменты. Очеркъ исторіи флейтъ, въ связи съ свистящими муз. орудіями на Руси. Спб. 1909.

Его же. Музыкальные духовые инструменты русскаго народа, въ связи съ соотвѣтствующими инструментами другихъ странъ. Спб. 1907.

Его же. „Свирѣльщики на Руси“, журналъ „Музыка и Пѣніе“ 1908 г. № 4.

Пржевальскій. Монголія и страна Тангутовъ. 1875—76.

Пѣсни московскихъ цыганъ съ музыкой разныхъ авторовъ (въ этомъ собраніи есть и русскія пѣсни; подъ „музыкой“ разумѣется аккомпанементъ). Изд. Мейкова. М. 1868.

Пѣтуховъ, М. О. Изслѣдованіе о финскомъ музыкальномъ инструментѣ кантеле. Статья напечатана въ „Всемірной Иллюстраціи“ 1892 г. № 13.

Раздольскій, Іосифъ. Галицько-руськи народні мельодії, зібрані на фонограф, списавъ и зредагував Станисл. Людкевичъ. Ч. I (Етногр. Збірн. Наук. тов. ім. Шевченка). У Львові, 1906.

Ратцель, Ф. проф. Народовѣдѣніе, пер. Д. Коропчевскаго, изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1903.

Rieman, G. „Die Melodien der Minnesänger“ (Musik. Wochenblatt, 1897).

Rietsch, H. Die deutsche Liedweise. Ein Stück positiver Aesthetik der Tonkunst. Wien. 1904.

Рубецъ, А. И. 216 народныхъ украинскихъ напѣвовъ. Спб.

Его же. Нѣсколько словъ о малорус. народ. пѣсняхъ, см. „Музык. Сезонъ“ за 1869 г. № 2 и 3.

Рудневъ, А. Д. Мелодіи монгольскихъ племенъ. (Отт. изъ Зап. И. Р. Геогр. О. по отд. этн., т. XXXIV). Спб. 1909.

Рѣдкія книги и манускрипты о народной музыкѣ иностранной. См. Katalog von K. W. Hiersemann „Musik und Theater“ Leipzig (имѣется въ Московской Румянцевской библіотекѣ).

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа (Казацкія пѣсни съ нот., записан. Е. Передѣльскимъ) вып. 3. Тифлисъ. 1883.

„Святоградецъ“ (Ἁγιοπολίτης). Трактатъ неизвѣстнаго автора о греческой церковной музыкѣ XIV столѣтія (?). Копія съ рукописи Парижск. Публичн. библіотеки находится въ Спб. И. Публ. библіотекѣ.

Смирновъ, Н. А. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Спб. 1895.

Смоленскій, Ст. О колокольномъ звонѣ въ Россіи. „Русск. Муз. Газ.“ 1907 г. № 9—10.

Сокальскій, П. П. Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи. Одесса. 1872.

Sochaň, P. Kroje a svadba v Lopašově na slovensku v nitranskè stol. Národopisný sborník československý. Sv. XI, v Praze, 1905.

Стасовъ, В. В. Замѣтки о демественномъ и троестрочномъ пѣніи. Полн. собр. сочин. т. 3., а также „Изв. Спб. Имп. Археол. Общ.“ т. V, в. 4.

Его же. Письмо къ Ф. Листу и А. Марксу подъ заглавіемъ „О нѣкоторыхъ формахъ нынѣшней музыки“, см. полное собр. сочиненій С—ва, т. 3.

Schubiger, Anselm. Die Sängerschule St-Gallens vom 8—12 Jh., Einsiedeln und New-Jork. 1858.

Сумцовъ, Н. Ѳ. „Кобзари и лирники“ „Русск. Муз. Газ.“ за 1900 г., стр. 601.

Терещенко. Бытъ русскаго народа. 1848.

Tiersot, I. Histoire de la chanson populaire en France. Paris. 1889.

Толстой, Д. гр. О церковной музыкѣ въ Россіи. Рукопись 1851 г. (см. Сокальскаго „Истор. церк. пѣнія“).

Труды Общ. Ест. при Имп. Казанск. унив. т. III, № 4, статья г. Сорокина (свѣдѣнія о музыкѣ вогуловъ).

Тютчевъ. Нравы, обычаи и памятники всѣхъ народовъ земного шара. Москва. 1846.

Указатель литературы о народн. музыкѣ и инструментахъ. Смотри въ книгѣ М. Пѣтухова „Систем. описаніе инструментовъ музея Спб. Консерваторіи“. Спб. 1892.

Fabo, B. Rhytmus und Melodie der türkischen Volkslieder („Keleti Szemle“, 1906).

Финдейзенъ, Н. Музыка въ русской общественной жизни начала XIX в. „Русск. Муз. газ.“ №№ 48—51 за 1899.

Его же. Со всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ (русск. и инородч. музык. инструменты) „Русск. Муз. Газ.“ за 1896 г.

Его же. Музыкальныя впечатлѣнія за границей съ (иллюстр. народн. муз. инстр.) „Русск. Муз. Газ.“ за 1897 г. апрѣль—май.

Fonograf ve službě národopisu. D-r I. Polívka. Národopisný Věstník ceskoslovanský. V Praze, 1906, str. 167.

Volbach, Fritz, Prof. Das Volkslied und seine Beziehung zur Kunstmusik См. Neue Musik-*Z*eitung 1908, № 17. (Leipzig).

Zimmer, Hans, Dr. Die Musik im deutschen Volksaberglauben (Neue Muzik-Zeitung № 17, 1908. Leipzig).

Chansons du XV-e siècle publiées d'après le manuscrit de biblioth. nat. de Paris par Gaston Paris et accompagnées de la musique transcrite en notation moderne par A. Gevaert. Paris. 1875.

Швейнфуртъ. Путешествіе въ Центральную Африку (съ нотн. примѣр.)

Staehlin. Nachrichten von der Musik in Russland въ Haygold's Beilagen zum Neuveränderten Russland. II, 1770.

Штиберъ, Н. Русскіе цыгане и ихъ музыка. Статья въ журналѣ „Monthly Musical Rekord“ (1908. Май.)

Stumpf. C. Prof. Mongolische Gesänge. См. Vierteljahres-Schrift für Musikwissenschaft. Leipzig, 1887. Band III.

Шухевичъ, проф. „Гуцульщина“ Матер. до укр.-руськоі етнол. т. V.

Энгель, Ю. Еврейскія народныя пѣсни. Москва. 1909.

Юсуповъ, кн. Histoire de la musique en Russie. Изд. въ Парижѣ въ началѣ 60-хъ гг.

Θεοδόρου Παπᾶ, Κρητὶς etc. См. Κρητὶς.

Сост. **А. Масловъ.**

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССІИ

1906—1910 ГГ.

Протоколы засѣданій [1]).

XLV.

15 апрѣля 1906 г. состоялось 45-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи въ зданіи Румянцевскаго Музея, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука въ присутствіи тов. предс. А. Т. Гречанинова и гг. членовъ: Д. И. Аракчіева, А. А. Ильинскаго, А. Н. Карасева, П. А. Карасева, Н. Д. Кашкина, М. М. Клечковскаго, А. М. Листопадова, А. Л. Маслова, А. И. Мельгунова, В. В. Пасхалова, М. Е. Пятницкаго, П. Д. Самарина, Б. Л. Яворскаго, при секретарѣ Е. Э. Линевой.

1. П. Д. Самаринъ сдѣлалъ докладъ о ходѣ работъ по подготовленію къ печати «Элементарнаго учебника ритмики» покойнаго Ю. Н. Мельгунова. Названный учебникъ былъ просмотрѣнъ съ теоретической стороны акад. Ѳ. Е. Коршемъ, который снабдилъ отдѣльные параграфы учебника своими критическими замѣчаніями; просмотръ съ музыкальной стороны сдѣланъ Н. Д. Кашкинымъ, который приготовилъ по этому вопросу отдѣльную записку для этого засѣданія. Самъ же докладчикъ взялъ на себя написаніе предисловія къ изданію отъ имени Комиссіи, такъ какъ это изданіе имѣетъ войти въ серію изданій Комиссіи. Предисловіе, составленное П. Д. Самаринымъ было тутъ же заслушано и по обсужденіи нѣкоторыхъ замѣчаній, высказанныхъ присутствующими, было принято къ напечатанію, а докладчику была выражена отъ Комиссіи благодарность за исполненный трудъ по сличенію копіи рукописи съ оригиналомъ и музыкальныхъ примѣровъ съ источниками, откуда они взяты, а также по редактированію труда Мельгунова и составленію обширнаго научнаго предисловія къ нему.

2. Н. Д. Кашкинъ доложилъ свою записку по тому же вопросу, въ которой онъ настаивалъ на важности изданія труда Мельгунова, не смотря на нѣкоторые замѣчаемые въ немъ промахи, которые, по мѣрѣ возможности, могутъ быть оговорены въ примѣчаніяхъ, что уже и сдѣлано Ѳ. Е. Коршемъ. Съ своей стороны Н. Д. Кашкинъ указалъ на необходимость основательнаго знакомства съ ритмикой для артистовъ-исполнителей, а тѣмъ болѣе для преподавателей музыки. Свои взгляды докладчикъ подтверждалъ примѣрами въ примѣненіи къ отдѣльнымъ композиторамъ (Бетховенъ, Чайковскій, Бахъ и др.) и преподавателямъ и ученымъ (Рубинштейнъ, Вестфаль, Коршъ, Одоевскій, Разумовскій, Потуловъ, Ларошъ, Балакиревъ и др.). Въ общемъ, по мнѣнію Н. Д. Кашкина, трудъ Мельгунова представляетъ собою весьма цѣнную попытку къ разрѣшенію многихъ спорныхъ вопросовъ о ритмѣ, и хотя и самъ не свободенъ отъ недостатковъ, все-таки заслуживаетъ быть изданнымъ поскорѣе.

3. По выслушаніи обоихъ докладовъ Комиссія постановила: 1) издать трудъ Мельгунова въ серіи изданій Комиссіи вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями Корша и предисловіемъ Самарина, исключивъ изъ мельгуновскаго текста рѣзкія полемическія мѣста или упомянувъ только о нихъ въ примѣчаніяхъ; 2) присоединить къ этому статью Ѳ. Е. Корша «Основное время въ ритмикѣ», напечатанную въ малоизвѣстномъ, прекратившемся изданіи «Филологическое Обозрѣніе» (кн. XV), а также доложенное сообщеніе П. Д. Кашкина; 3) въ виду такого состава намѣчаемаго изданія, озаглавить этотъ томъ не «Учебникомъ ритмики», а «Матеріалами по музыкальной ритмикѣ»; 4) просить П. Д. Самарина взять на себя завѣдываніе печатаніемъ этого тома совмѣстно съ предсѣдателемъ Комиссіи, о чемъ и довести до свѣдѣнія Этнографическаго Отдѣла; 5) печатать въ количествѣ 800—1200 экз., по усмотрѣнію издателя П. Д. Самарина, въ форматѣ «Трудовъ» Комиссіи, въ качествѣ III-го тома.

4. Предсѣдателемъ былъ возбужденъ вопросъ о судьбѣ тѣхъ обширныхъ матеріаловъ по ритмикѣ, которые приготовлены Мельгуновымъ, но не привлечены къ его «учебнику». Сюда относятся преимущественно ритмическіе анализы произведеній музыкальныхъ классиковъ (Шумана,

---

[1]) См. „Труды“ Комиссіи, т. I.

Бетховена, Мендельсона и др.), а также пѣсенъ славянскихъ народностей. Въ отвѣтъ на это П. Д. Самаринъ высказалъ, что эти матеріалы могли бы составить второй выпускъ предпринимаемаго изданія «Матеріаловъ по музыкальной ритмикѣ». Комиссія высказалась за желательность опубликованія этихъ дополнительныхъ матеріаловъ въ видѣ 2-го выпуска того же III тома.

5. Предсѣдатель заявилъ, что еще въ мартѣ истекъ срокъ его полномочій и что необходимо въ этомъ засѣданіи произвести выборы предсѣдателя Комиссіи согласно оповѣщенію объ этомъ въ повѣсткѣ. Единогласно избранъ на слѣдующее 2-лѣтіе Н. А. Янчукъ о чемъ и постановлено довѣсти до свѣдѣнія Этнографическаго Отдѣла Въ Товарищи Предсѣдателя, по предложенію Н. А. Янчука, былъ единогласно приглашенъ А. Т. Гречаниновъ. Остальные члены бюро остались также прежніе: казначей А. В. Марковъ, библіотекарь В. В. Пасхаловъ и секретарь Е. Э. Линева.

XLVI.

7 октября 1906 г. происходило 46-е засѣданіе Комиссіи въ зданіи Политехническаго Музея, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи гг. членовъ: П. А. Карасева, Н. В. Липаева, А. М. Листопадова, М. Е. Пятницкаго, С. И. Танѣева и секретаря Е. Э. Линевой.

1. Доложены поступившія бумаги:

а) Письмо отъ академика А. А. Шахматова съ благодарностью за присланный ему I т. «Трудовъ» Комиссіи, при чемъ ак. Шахматовъ совѣтуетъ возбуждать ходатайство о субсидіи на изданіе 2-го тома, разсчитывая на поддержку со стороны II отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Постановлено: возбудить ходатайство непосредственно передъ министромъ финансовъ, послявъ ему изданія.

б) Письмо отъ свящ. о. Вас. Лебедева изъ Тамбова, съ присоединеніемъ записанныхъ имъ народныхъ пѣсенъ Тамб. губ., которыя онъ предлагаетъ къ изданію, и съ просьбой оказать ему матеріальное содѣйствіе въ дѣлѣ собиранія пѣсенъ. Постановлено: поручить А. Т. Гречанинову просмотрѣть записи и доложить о нихъ Комиссіи, а ходатайство о субсидіи, за неимѣніемъ на это средствъ, отклонить.

в) Письмо отъ Ив. Вас. Чернышева изъ Рязани, предлагающаго на оцѣнку Комиссіи рукописное собраніе сектантскихъ пѣсенъ (около 200 номеровъ) секты «людей Божіихъ», въ арранжировкѣ музыканта Ив. Чертицкаго. Постановлено просить о присылкѣ рукописи.

г) Отношеніе отъ Совѣта Московской Консерваторіи отъ 18 мая за № 1660 съ извѣщеніемъ въ отвѣтъ на циркулярное обращеніе Комиссіи, что, при выработкѣ проекта новаго устава, Совѣтъ имѣлъ въ виду поднятый Комиссіей вопросъ о введеніи преподаванія народной музыки въ консерваторіяхъ и включилъ его въ программу.

д) Такое же отношеніе отъ Совѣта Петербургской Консерваторіи отъ 17 мая за № 860 съ обѣщаніемъ разсмотрѣть затронутый вопросъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій будущаго учебнаго года.

е) Письмо отъ преподавателя Петербургской Консерваторіи А. Пузыревскаго отъ 17 мая, съ просьбой прислать ему 2 экземпляра циркуляра Комиссіи о преподаваніи народной музыки въ Консерваторіяхъ[1]) въ виду того, что онъ намѣренъ представить докладъ по этому вопросу въ Художественный Совѣтъ Петербургской Консерваторіи. (Просьба была удовлетворена тотчасъ по полученіи письма съ присоединеніемъ Программы для собиранія пѣсенъ).

ж) Письмо отъ П. Д. Самарина, въ которомъ онъ заявляетъ, что, не имѣя возможности принимать дѣятельное участіе въ занятіяхъ Музыкально-Этнографической Комиссіи по разстроенному здоровью, онъ проситъ не считать его членомъ Комиссіи. Заслушавъ это письмо, Комиссія единогласно постановила выразить сожалѣніе по поводу такого рѣшенія П. Д. Самарина и, надѣясь на поправленіе его здоровья, просить остаться членомъ Комиссіи, тѣмъ болѣе, что и не посѣщая аккуратно засѣданій Комиссіи, онъ ей очень полезенъ своими трудами, что сказалось въ особенности въ дѣлѣ изданія матеріаловъ Мельгунова.

2. Предсѣдателемъ представленъ отчетъ по напечатанію I тома «Трудовъ» Комиссіи въ связи съ изданіемъ 1-го выпуска «Школьнаго Сборника». Изъ отчета выяснилось, что по изданію «Трудовъ» типографская работа у Меньшова исчислена по счету въ 1925 руб., считая и бумагу и брошюровку; ноты у Гроссе стоили 398 руб. 95 коп.; наконецъ, клише у Шерера и Набгольца и другихъ, а также карта обошлись въ 222 руб. 36 коп.

---

[1]) Циркуляръ и программа напечатаны въ I т. „Трудовъ".

Итого, все изданіе стоило 2546 руб. 31 коп. Изданіе «Школьнаго Сборника» обошлось 475 руб. Слѣдовательно, оба изданія Комиссіи обошлись ей въ 3021 руб. 31 коп. Въ распоряженіи же Комиссіи на этотъ предметъ были слѣдующія суммы: 2000 руб. казенной субсидіи, 400 руб. субсидіи отъ Общества (въ теченіе 4-хъ лѣтъ по 100 руб.), 100 руб., пожертвованныхъ чл. Общества В. А. Мичиперомъ черезъ предсѣдателя Комиссіи, % изъ Учетнаго Банка и изъ Сберегательной Кассы и членскіе взносы, изъ которыхъ покрываются и всѣ другіе расходы Комиссіи (печатаніе повѣстокъ и циркуляровъ, разсылка ихъ, телеграммы, публикаціи и пр.). По подведенію всѣхъ итоговъ оказалось, что у Комиссіи остался долгъ Меньшову 125 руб. и Гроссе 102 руб. 20 коп., всего 227 руб. 20 коп. По заслушаніи этого отчета постановлено оставшійся долгъ выплачивать изъ продажи изданій, на что Меньшовъ и Гроссе уже изъявили свое согласіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ представлены были свѣдѣнія по продажѣ «Школьнаго Сборника», причемъ оказалось, что продано изъ склада въ Москвѣ 162 экз. на сумму 64 руб. 85 коп.; иногороднимъ выслано изъ склада 122 экз. на сумму 50 руб. 35 коп. (получены); на комиссіи продано у Юргенсона 110 экз. на 39 руб. 60 коп. А всего по день засѣданія продано 394 экз. на сумму 154 руб. 80 коп., не считая тѣхъ экземпляровъ, которые находятся на комиссіи въ другихъ магазинахъ, отъ которыхъ разсчетъ еще не полученъ. Такимъ образомъ изъ вырученныхъ денегъ за проданныя изданія въ значительной части покрывается оставшійся долгъ, и къ 1 января всѣ счета навѣрно очистятся.

3. П. В. Липаевъ сдѣлалъ докладъ—О комедіантахъ въ допетровской Руси, составляющій одну изъ главъ издаваемой имъ книги. Докладъ вызвалъ нѣкоторый обмѣнъ мнѣній.

XLVII.

6 февраля 1907 г. происходило 47-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи въ зданіи Синодальнаго училища подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи тов. предс. А. Т. Гречанинова, Д. Н. Аракчіева, В. С. Калинникова, А. Д. Кастальскаго, А. М. Листопадова и В. С. Орлова. Обязанности секретаря исполнялъ А. Л. Масловъ.

1. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія присутствующихъ объ участіи Комиссіи въ двухъ юбилеяхъ: В. Ѳ. Миллера по случаю 25-лѣтія предсѣдательства въ Этногр. Отдѣлѣ (15 дек.) и А. К. Глазунова въ ознаменованіе 25-лѣтія его композиторской дѣятельности (27 янв.). Привѣтствіе отъ Комиссіи В. Ѳ. Миллеру было принесено въ видѣ адреса (напечатанъ въ хроникѣ «Этнографическаго Обозрѣнія», кн. LXXII—LXXIII, стр. 259—261), а А. К. Глазунову телеграммой.

2. Доложена бумага отъ Этногр. Отдѣла, отъ 27 января, слѣдующаго содержанія: «Этнографическій Отдѣлъ извѣщаетъ Муз.-Этногр. Комиссію, что въ засѣданіи своемъ 2 дек. 1906 г. Отдѣлъ утвердилъ редакторомъ II тома «Трудовъ Муз.-Этнографич. Комиссіи» предсѣдателя Комиссіи Н. А. Янчука, согласно ходатайства о томъ Комиссіи».

3. Доложена циркулярная просьба отъ Этнографическаго Музея Харьковскаго Истор.-Филологич. Общества отъ 31 янв. о присылкѣ изданій и книгъ этнографическаго содержанія для организуемой при Музеѣ библіотеки. Постановлено выслать изданія Комиссіи съ предложеніемъ обмѣна изданій. При этомъ отдѣльные члены Комиссіи выразили желаніе выслать свои труды.

4. Такое же ходатайство поступило отъ Чешскаго Этнографич. Музея. Постановлено выслать свои изданія съ просьбой объ обмѣнѣ. При этомъ Н. А. Янчукъ доложилъ частное письмо пражскаго проф. Юрія Поливки, выражающаго просьбу о присылкѣ ему 1 экз. «Трудовъ» Комиссіи для научнаго отзыва въ заграничныхъ изданіяхъ. Постановлено просьбу удовлетворить и просить о присылкѣ рецензій. Вмѣстѣ съ тѣмъ доведено до свѣдѣнія г. Предсѣдателемъ, что къ нему поступилъ черезъ фирму Юргенсона запросъ о дѣятельности нашей Комиссіи отъ какого-то славянскаго подобнаго же общества (не означено точнѣе) въ Австріи. Постановлено указать на I т. «Трудовъ» Комиссіи, гдѣ изложена исторія ея и приложены протоколы засѣданій.

5. Доложены письма: а) отъ акад. А. И. Соболевскаго съ благодарностью за присылку I т. «Трудовъ», посланнаго въ обмѣнъ на его «Великорусскія пѣсни».

б) Отъ Б. Ф. Адлера (помощн. хранителя Музея Имп. Акад. Наукъ), сообщающаго, въ отвѣтъ на запросъ Предсѣдателя о коллекціи музыкальныхъ инструментовъ названнаго Музея, что эта коллекція описывается Н. И. Воробьевымъ для академическаго изданія, но отдѣльная

статья о музыкѣ какой-нибудь народности можетъ быть изготовлена г. Воробьевымъ и для изданій Московской Комиссіи, о чемъ лучше переговорить лично съ авторомъ, вскорѣ собирающимся въ Москву.

в) Отъ Курской Губ. Земской Управы просьба о высылкѣ «Программъ для собиранія муз.-этнографич. матеріаловъ». (Программы высланы въ колич. 12 экз.).

6. Поступили въ Комиссію музыкально-этногр. матеріалы:

а) Отъ Пермскаго Губернскаго Комитета попечительства о народной трезвости печатный сборникъ (при письмѣ отъ наблюдателя и руководителя по устройству народныхъ хоровъ А. Городцова) подъ заглавіемъ: «45 пѣсенъ Пермской губерніи», записанныхъ Воеводинымъ и изданныхъ Пермской Ученой Архивной Комиссіей. Тетрадь передана А. Л. Маслову на оцѣнку.

б) Отъ Пв. Вас. Чернышева (изъ Рязани) 1) рукописная тетрадь съ нотами подъ загл.: «Mélodies Russes nationales recueillies et arangées pour le piano-forté et dediées a M-r Pierre et aux d-lles N. et J. de Donbovitzky par J. Tchertizky. Paris, 1835. Тетрадь-рукопись въ 25 листовъ folio, изъ бѣлой толстой бумаги, заключающая великорусскія и малорусскія свѣтскія народныя пѣсни, духовные стихи и псальмы «людей Божьихъ», въ аранжировкѣ Чертицкаго, церковныя пѣснопѣнія и нѣкоторыя другія (напр., Коль славенъ, Боже, Царя храни и пр.),—всего 213 нумерованныхъ пьесъ и въ концѣ еще болѣе 10 ненум., повидимому, другого музыканта. Пьесы расположены безъ всякой системы, слова не вездѣ подписаны, а при нѣкоторыхъ номерахъ указано по нѣскольку текстовъ, особенно въ псальмахъ, изъ коихъ многія поются, очевидно, на одинъ мотивъ; при нѣкоторыхъ номерахъ есть варіанты напѣва, а иные номера повторяются въ различной гармонизаціи. 2) Рукописная тетрадь безъ нотъ, содержащая псальмы «людей Божьихъ», въ томъ числѣ нѣкоторые изъ тѣхъ, которые встрѣчаются въ тетради съ гармонизаціей Чертицкаго. О самомъ Пв. Чертицкомъ г. Чернышевъ въ письмѣ сообщаетъ, слѣдующее: «онъ былъ съ 1824 года домашнимъ учителемъ музыки въ семьѣ Дубовицкихъ. Одно время онъ былъ преподавателемъ въ Смольномъ Институтѣ и былъ извѣстенъ Государю и Государынѣ. Въ печати есть его труды, кромѣ того есть еще его рукописи для фортепіано; страшная трудность, насколько могу судить». При бѣгломъ разсмотрѣніи музыкальной тетради она была сочтена заслуживающею вниманія. Болѣе подробную оцѣнку взялъ на себя А. Л. Масловъ.

в) Отъ Анаст. Порфир. Горяиновой (изъ г. Обояни, Курск. губ.) рукописная тетрадь, содержащая 35 пѣсенъ, записанныхъ ею въ Калуж. губ. Обоянск. уѣздѣ. Тетрадь передана для рецензіи П. А. Карасеву.

7. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ VIII этнографическаго концерта на условіяхъ, предложенныхъ попечительницей 1-го Пятницкаго отдѣленія дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ, гр. Ан. Барановой, а именно, чтобы половина чистой прибыли поступила въ пользу означеннаго попечительства, при чемъ на предварительные расходы (марки, залъ, афиши и пр.) попечительство можетъ ассигновать до 300 руб., и въ случаѣ дефицита попечительство принимаетъ его на себя. Означенныя условія, въ общемъ извѣстныя уже раньше изъ словесныхъ заявленій М. Е. Пятницкаго, были найдены пріемлемыми, и въ этомъ засѣданіи была доложена программа предполагаемаго концерта, составленная съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы возможно было ее сокращать на случай отказа артистовъ. Постановлено назначить концертъ на 11 февраля въ большомъ залѣ Благороднаго Собранія; программу отпечатать по точномъ выясненіи участвующихъ, наканунѣ концерта.

8. Остальная часть засѣданія была посвящена заслушанію доклада Д. Н. Аракчіева, состоящаго изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ онъ далъ свѣдѣнія и характеристику лирниковъ сѣвернаго Кавказа по лично собраннымъ данным и представилъ образцы записанныхъ фонографомъ псалмъ; во второмъ сдѣлалъ дополненія по вопросу о гурійскихъ пѣсняхъ, затронутому имъ въ одномъ изъ предшествующихъ докладовъ, съ демонстраціей записей.

Постановлено имѣть въ виду эти сообщенія для изданія.

XLVIII.

20 февраля 1907 г. происходило 48-е (распорядительное) засѣданіе Муз.-Этногр. Комиссіи въ зданіи Политехническаго Музея, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, присутствовали: тов. предс. А. Т. Гречаниновъ, А. Н. Карасевъ, А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ. Обязанности секретаря, за отсутствіемъ г-жи Линевой, исполнялъ г. Масловъ.

1. Предсѣдателемъ доложены расходы по изготовленію юбилейнаго адреса В. Ѳ. Миллеру (6 руб. 50 коп.) и на поздравительную телеграмму А. К. Глазунову (3 руб. 20 коп.), которые постановлено покрыть изъ членскихъ взносовъ или изъ субсидіи отъ Общества.

2. Обсуждались подробности по изданію «Трудовъ» Комиссіи, особенно II-го тома, а также доложено о ходѣ печатанія III-го тома подъ редакціей Н. Д. Самарина, при ближайшемъ участіи акад. Ѳ. Е. Корша, а также отчасти Н. А. Янчука.

3. Возбужденъ и поставленъ на обсужденіе вопросъ о чествованіи памяти В. В. Стасова, скончавшагося 10 окт. 1906 г.

Постановлено войти въ соглашеніе съ Этнографическимъ Отдѣломъ и устроить соединенное публичное засѣданіе, при чемъ отъ имени Комиссіи просить сдѣлать сообщенія о заслугахъ Стасова слѣдующихъ ея членовъ: Е. Э. Линеву, Ю. Д. Энгеля и А. Л. Маслова.

4. Подымался вопросъ объ отношеніи Муз.-Этногр. Комиссіи къ Народной Консерваторіи, въ виду заявленія нѣкоторыхъ членовъ о томъ, что Народная Консерваторія и ея направленіе не должны быть чужды Комиссіи, въ средѣ которой она зародилась. Послѣ нѣкотораго обмѣна мнѣній вопросъ остался открытымъ.

XLIX.

7 марта 1907 г. происходило 49-е экстренное засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи въ залѣ Синодальнаго училища, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи Товарища Предсѣдателя Комиссіи А. Т. Гречанинова, гг. членовъ Комиссіи: Д. И. Аракчіева, А. Е. Грузинскаго, А. Д. Григорьева, В. С. Калинникова, А. Д. Кастальскаго, Н. Д. Кашкина, А. Л. Маслова, В. С. Орлова, В. В. Пасхалова, чл. Этногр. Отдѣла М. И. Сперанскаго и немногочисленныхъ гостей, а также воспитанниковъ Синодальнаго училища. Обязанности секретаря исполнялъ А. Л. Масловъ.

Засѣданіе было собрано съ спеціальною цѣлью ознакомленія съ сорочинскимъ бандуристомъ Мих. Кравченкомъ, пріѣхавшимъ на нѣсколько дней въ Москву для участія въ украинскомъ вечерѣ по случаю годовщины смерти Шевченка. Комиссія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы, во-первыхъ, поближе ознакомиться съ характеромъ игры на бандурѣ, съ самимъ инструментомъ и съ репертуаромъ этого виртуоза, а во-вторыхъ, чтобы записать отъ него болѣе интересные номера посредствомъ фонографа.

При открытіи засѣданія предсѣдатель сообщилъ присутствующимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ бандуристѣ на основаніи его собственныхъ разсказовъ и о его репертуарѣ. Послѣ этого Мих. Кравченку было предложено исполнить образцы изъ трехъ отдѣловъ обычнаго репертуара бандуристовъ, т.-е. псальмъ, думъ и веселыхъ пѣсенъ. Имъ были исполнены нѣсколько номеровъ изъ каждаго отдѣла.

Послѣ перерыва, по удаленіи сторонняхъ посѣтителей, Д. И. Аракчіевъ записалъ посредствомъ фонографа 4 номера изъ третьяго отдѣла пѣсенъ, въ которыхъ главную роль играетъ не пѣніе (голосъ Кравченка оказался слабымъ и нечистымъ вслѣдствіе простуды), а бандура. Игра на бандурѣ вышла очень отчетливо. Валики съ записанными номерами поступили въ собраніе фонограммъ Комиссіи.

Присутствовавшій въ собраніи проф. М. И. Сперанскій записалъ нѣкоторыя данныя, касающіяся текста пѣсенъ изъ репертуара Кравченка, для провѣрки свѣдѣній по этому вопросу, сообщенныхъ въ печати г. Сластёномъ и самимъ г. Сперанскимъ.

L.

12 марта 1907 г. въ зданіи Политехническаго Музея происходило соединенное публичное засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ обоихъ бюро, членовъ Отдѣла и Комиссіи и сторонникъ посѣтителей. Засѣданіе было посвящено памяти В. В. Стасова, скончавшагося 10 окт. 1906 г. Были доложены слѣдующія сообщенія: 1) Вс. Ѳ. Миллера—Памяти В. В. Стасова. 2) Е. Э. Линевой—Мысли В. В. Стасова о народности въ музыкѣ и искусствѣ. 3) А. Л. Маслова—Значеніе В. В. Стасова для русской музыки. 4) Ю. Д. Энгеля—Изъ личныхъ воспоминаній о В. В. Стасовѣ.

Первое сообщеніе касалось вопросовъ народной словесности безъ прямого отношенія къ музыкѣ. Содержаніе доклада А. Л. Маслова прилагается къ протоколу. Докладъ Е. Э. Линевой напечатанъ въ настоящемъ томѣ. Ю. Д. Энгель опубликовалъ свое сообщеніе въ періодической прессѣ.

Приложеніе къ протоколу L.

Значеніе В. В. Стасова для русской музыки.

(Содержаніе доклада А. Л. Маслова.)

Въ своемъ рефератѣ докладчикъ указалъ на заслуги Стасова, имѣющія значеніе какъ для художественной русской музыки, такъ и музыкальной науки. Литературныя работы его дѣлятся на двѣ группы: 1) статьи историческія—сюда относятся спеціальныя статьи, біографіи композиторовъ и различные матеріалы для исторіи музыки; 2) статьи критическія и полемическія. Въ послѣднихъ С—въ выступалъ ярымъ поборникомъ такъ называемой новой русской музыкальной школы, въ которой онъ видѣлъ зародышъ славнаго будущаго, и въ этомъ будущемъ важное значеніе отводилъ богатому народному музыкальному творчеству. Взглядъ на народность въ музыкѣ онъ проводилъ въ статьѣ «О нѣкоторыхъ формахъ новѣйшей музыки», при чемъ его взглядъ на способъ гармонизаціи народныхъ мелодій, создавшихся яко-бы въ эпоху среднихъ вѣковъ, докладчику представляется въ корнѣ неправильнымъ.

Въ группѣ статей историческихъ С—въ является однимъ изъ немногочисленныхъ у насъ изслѣдователей въ области исторіи музыки, судя по ряду цѣнныхъ статей, каковы: «О демественномъ и троестрочномъ пѣніи», «Аббатъ Сантини и его музыкальная коллекція въ Римѣ» и описаніе автографовъ Имп. Публ. Библіотеки. Первая изъ этихъ статей устанавливаетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ на русское демественное пѣніе, именно—одноголоснаго склада вначалѣ и многоголоснаго—въ позднѣйшее время. До этого же существовало необоснованное мнѣніе, что демественное пѣніе съ самаго ранняго времени было многоголоснымъ. Въ той же статьѣ объясняется названіе «трисоставной», встрѣчающееся въ Степенной книгѣ, происхожденіемъ изъ схоластическихъ учебниковъ XVI-го вѣка, такъ что это не было какъ нѣкоторые полагали, синонимомъ трехголоснаго пѣнія. Въ третьей статьѣ С—въ, описывая немногочисленные въ Петербургской Имп. Публ. Библіотекѣ автографы иностранныхъ музыкальныхъ знаменитостей, на основаніи этихъ данныхъ дѣлаетъ поправки историка Фетиса, касающіяся исторіи музыки. Большую цѣнность имѣютъ остальныя историко-критическія работы С—ва; изъ нихъ выдѣляются многочисленные матеріалы для характеристики русскихъ музыкантовъ (письма, біографіи ихъ) и особенно статья «Русская музыка за послѣднія 25 лѣтъ».

Эти послѣднія вмѣстѣ являются до сихъ поръ почти единственными источниками, характеризующими созидательную эпоху новой русской музыкальной школы и ея представителей. Заслуги С—ва, какъ перваго апологета этой школы, очевидны, но не менѣе важны заслуги его, какъ отечественнаго исторіографа, въ числѣ первыхъ сдѣлавшаго попытки самостоятельныхъ изслѣдованій въ исторіи музыки.

II.

20 октября 1907 г. происходило 51-е (распорядительное) засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи въ зданіи Политехническаго Музея въ присутствіи 17 членовъ: П. А. Карасева, И. М. Клечковскаго, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, подъ предсѣдательствомъ П. А. Янчука, при тов. предсѣдателя А. Т. Гречаниновѣ.

Предсѣдатель доложилъ о состояніи печатанія II и III т. Трудовъ Комиссіи, при чемъ былъ предъявленъ почти законченный печатаніемъ 1 вып. III-го тома, заключающій въ себѣ «Учебникъ Музыкальной ритмики» Ю. И. Мельгунова и другіе ритмическіе матеріалы, издаваемые подъ ред. П. Д. Самарина на его личныя средства. Для II тома, заключающаго въ себѣ «Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки», по заявленію предсѣдателя, имъ уже сданы въ печать матеріалы изъ Бѣломорской экспедиціи А. В. Маркова и А. Л. Маслова, а также описаніе народныхъ музык. инструментовъ А. Л. Маслова. Послѣднюю работу постановлено иллюстрировать цинкографическими клише снимковъ съ описанныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго Музея, воспользовавшись снимками, сдѣланными безплатно, по просьбѣ тов. предс. А. Т. Гречанинова, любителемъ-фотографомъ г. Поповымъ въ количествѣ болѣе полутораста штукъ. Въ дополненіе къ этому, по предложенію предсѣдателя,

рѣшено напечатать также описаніе кавказскихъ инструментовъ, составленное Д. П. Аракчіевымъ, главнымъ образомъ по собраніямъ Московской Консерваторіи и Кавказскаго Музея, и тѣмъ выполнить одну изъ задачъ Комиссіи, поставленныхъ ею въ самомъ началѣ, именно изслѣдованіе и описаніе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ въ виду бѣдности литературы, особенно русской, по этому предмету.

LII.

30 октября 1907 г. происходило 52-е (закрытое) засѣданіе Муз.-Этногр. Комиссіи въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова и гг. членовъ: Н. А. Карасева, М. М. Клечковскаго, А. В. Маркова и А. Л. Маслова, исполнявшаго обязанности секретаря.

Засѣданіе было посвящено обсужденію вопросовъ объ этнографическихъ концертахъ и о научно-музыкальныхъ докладахъ для засѣданій Комиссіи. Для того чтобы концерты болѣе достигали своей цѣли, высказано было пожеланіе, чтобы исполненіе музыкальныхъ номеровъ сопровождалось объясненіями, при чемъ предлагалось три способа: или концертному отдѣленію предпосылать лекцію, и въ такомъ случаѣ программа концерта должна быть строго пригнана къ лекціи и представлять собою нѣчто цѣльное, или при болѣе разнообразной программѣ предпосылать краткія поясненія публикѣ къ отдѣльнымъ номерамъ или отдѣленіямъ программы, или, наконецъ, давать такія объясненія въ программахъ печатно. Всѣ эти способы признаны допустимыми и желательными, если только изъ гг. членовъ найдутся желающіе взять на себя трудъ и желаніе выступить въ качествѣ лекторовъ на концертныхъ вечерахъ или представить программу концерта съ объясненіемъ программныхъ номеровъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Комиссіи. Разработка программы ближайшаго концерта, въ который должны быть включены, кромѣ чисто-народныхъ пѣсенъ, также и композиторскія обработки народныхъ мотивовъ (въ качествѣ особаго отдѣленія программы), поручена А. Л. Маслову при участіи А. Т. Гречанинова, Н. А. Карасева и Ю. Д. Энгеля, съ тѣмъ чтобы концертъ могъ состояться въ первой половинѣ декабря. Въ виду затруднительности хлопотъ по устройству концертовъ для бюро и отдѣльныхъ членовъ, признано цѣлесообразнымъ поручать эти хлопоты спеціальному лицу за нѣкоторое вознагражденіе. Равнымъ образомъ для хоровыхъ номеровъ приглашать платныхъ исполнителей, такъ какъ опытъ показалъ, что на безплатныхъ любителей нельзя положиться и не всегда можно разсчитывать. Всего лучше было бы, по общему признанію, организовать свой хоръ при Комиссіи, но, къ сожалѣнію, ни у кого изъ членовъ нѣтъ столько свободнаго времени, чтобы взять на себя это дѣло и провести его какъ слѣдуетъ. Поневолѣ придется обращаться къ профессіональнымъ хорамъ и приглашать ихъ за плату.

Помимо концертовъ, признано желательнымъ устраивать публичныя засѣданія Комиссіи съ музыкальными иллюстраціями къ докладамъ.

А. В. Марковъ предложилъ имѣть въ виду его докладъ объ остаткахъ новгородской старины въ сѣверномъ народномъ творчествѣ и искусствѣ, въ томъ числѣ и въ народной музыкѣ. Изъ другихъ докладчиковъ намѣчались: Е. В. Богословскій—о новыхъ записяхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, Н. А. Янчукъ—объ этнографическихъ элементахъ въ музыкѣ древнихъ, Н. Р. Кочетовъ (не состоящій членомъ Комиссіи), выразившій желаніе доложить свой очеркъ развитія народной музыки въ качествѣ доклада или публичной лекціи отъ имени Комиссіи. Постановлено просить г. Кочетова предварительно ознакомить Комиссію съ его основными положеніями въ закрытомъ засѣданіи и затѣмъ предложить его въ члены Комиссіи.

А. Т. Гречаниновъ въ связи съ этимъ поднялъ вопросъ о привлеченіи новыхъ ученыхъ силъ въ Комиссію, имѣя въ виду разработку нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, изъ коихъ на первое время имъ указано два: 1) желательность собиранія и изслѣдованія церковныхъ звоновъ, для чего слѣдовало бы или снарядить спеціальную экспедицію или хотя бы составить и разослать или распубликовать вопросные пункты для записей и собиранія относящагося сюда матеріала; 2) необходимость болѣе детальнаго сравнительнаго изученія церковныхъ попѣвокъ параллельно съ народными мелодіями; въ этомъ вопросѣ, кромѣ нашего сочлена С. В. Смоленскаго, могли бы быть полезны Комиссіи духовныя лица протоіереи Металловъ, Аллемановъ и др.

Комиссія присоединилась къ мнѣнію А. Т. Гречанинова и постановила имѣть въ виду высказанныя имъ пожеланія, какъ входящія въ задачи Комиссіи, для подробнаго обсужденія въ ближайшихъ засѣданіяхъ.

Въ заключеніе, по предложенію казначея Комиссіи А. В. Маркова, разсматривался вопросъ о мѣрахъ къ болѣе правильному внесенію гг. членами своихъ годовыхъ взносовъ (1 р. въ годъ). Постановлено просить казначея почаще напоминать объ этомъ гг. членамъ, а въ видѣ одной изъ мѣръ напоминанія оповѣстить членовъ, что не внесшіе взносовъ лишаются, согласно инструкціи, права на полученіе изданій Комиссіи.

LIII.

3 ноября 1907 г. состоялось 53-е (распорядительное) засѣданіе Муз.-Этногр. Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи тов. предс. А. Т. Гречанинова, и гг. членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Н. Карасева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова; за отсутствіемъ секретаря обязанности его исполнялъ А. Л. Масловъ.

1. А. Л. Масловъ представилъ на утвержденіе Комиссіи программу IX Этногр. Концерта съ его вступительнымъ словомъ. Концертъ предположенъ 12 декабря въ аудиторіи Историческаго Музея подъ руководствомъ А. Л. Маслова съ участіемъ хора изъ учениковъ его школы, при условіи, чтобы въ пользу хора была отчислена половина чистой прибыли. Комиссія одобрила программу концерта и приняла предложенныя г. Масловымъ условія, съ правомъ приглашенія также за плату нѣкоторыхъ солистовъ изъ музыкантовъ и пѣвцовъ.

2. По заявленію Предсѣдателя, Е. Э. Линева предлагаетъ устроить отъ имени Комиссіи въ концѣ ноября публичную концертъ-лекцію о русской народной пѣснѣ съ музыкальными хоровыми и сольными иллюстраціями. Комиссія приняла предложеніе г-жи Линевой, не беря на себя никакихъ обязательствъ въ случаѣ дефицита.

3. Предсѣдателемъ заявлено, что въ виду систематическаго отсутствія въ засѣданіяхъ Комиссіи за этотъ годъ, за недосугомъ, секретаря Е. Э. Линевой, въ ближайшемъ засѣданіи имъ будетъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о секретарѣ.

LIV.

5 января 1908 г. происходило 54-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи гг. членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Н. Карасева, П. А. Карасева, А. В. Маркова и А. Л. Маслова, исполнявшаго обязанности секретаря.

1. Предсѣдатель заявилъ, что въ виду отсутствія секретаря на предыдущихъ засѣданіяхъ и за неимѣніемъ времени лично составлять полные протоколы, онъ считаетъ необходимымъ напомнить хотя бы по черновику, что въ настоящемъ засѣданіи предстоитъ между прочимъ обсудить вопросъ объ изученіи старинныхъ церковныхъ звоновъ. Постановлено обратиться циркулярно черезъ церковныя изданія, напр., «Церковный Вѣстникъ» съ запросомъ, не существуютъ ли гдѣ въ настоящее время старинные звоны, относительно же собиранія и записи звоновъ члены Комиссіи высказались въ томъ смыслѣ, что въ виду трудности записи ихъ должны производить спеціалисты музыканты, а не любители. Относительно поднятаго въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій вопроса о необходимости изученія церковныхъ попѣвокъ въ связи съ изученіемъ народной пѣсни, постановлено возбудить этотъ вопросъ въ печати, а также обратиться къ новѣйшимъ композиторамъ г. Панченко, свящ. Лисицину, Компанейскому и др. съ просьбой содѣйствовать разработкѣ вопроса о взаимоотношеніи церковныхъ напѣвовъ и напѣвовъ народныхъ пѣсенъ.

2. Предложенъ въ члены Комиссіи Д. И. Аракчіевымъ и А. Л. Масловымъ извѣстный музыкальный писатель Н. И. Компанейскій. Избраніе, согласно инструкціи, отложено до слѣдующаго засѣданія.

3. Заслушаны отчеты о лекціи Е. Э. Линевой 29 ноября и IX-мъ этнографическомъ концертѣ 12 декабря. Лекція Г-жи Линевой о русской народной пѣснѣ съ концертнымъ отдѣленіемъ, при участіи хора любителей подъ ея личнымъ управленіемъ, хотя и имѣла успѣхъ у собравшейся публики, но въ матеріальномъ отношеніи дала небольшой убытокъ, не легшій однако на Комиссію.

Концертъ Этнографическій (IX) 12 декабря, устраивавшійся Комиссіей при содѣйствіи Музыкальнаго Училища г. Маслова, далъ валового сбора около 177 рублей, и за вычетомъ расходовъ чистая прибыль выразилась въ суммѣ 29 р. 78 к., изъ коихъ въ пользу Комиссіи

согласно условію поступила полъ-вина этой суммы, т.-е. 14 р. 89 к. Постановлено благодарить устроителей лекцій и концертовъ а также участниковъ. Программы прилагаются къ протоколамъ.

4. Предсѣдатель доложилъ, что имъ получено сто руб. субсидіи для Комиссіи отъ И. Общества Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи за 1907 годъ Деньги эти переданы казначею А. В. Маркову.

5. А. Н. Карасевъ предложилъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій сдѣлать докладъ о мѣщанскихъ пѣсняхъ по своимъ записямъ изъ личныхъ воспоминаній. Предложеніе принято.

6. Предсѣдатель сообщилъ о ходѣ печатанія III тома Трудовъ Комиссіи. По поводу количества печатанія экземпляровъ мнѣнія членовъ Комиссіи раздѣлились. Одни стояли за увеличеніе числа экземпляровъ, другіе за прежнее количество; кромѣ того, въ связи съ этимъ вопросомъ Д. И. Аракчіевъ возбудилъ вопросъ о выдачѣ членамъ Комиссіи оттисковъ ихъ трудовъ, безъ особой доплаты. Постановлено: 1) оставить прежнее количество печатанія Трудовъ относительно же 1 вып. III тома увеличеніе числа экз. предоставить П. Д. Самарину; 2) выдавать по 50 экземпляровъ оттисковъ авторамъ, въ обложкѣ съ особой нагпнаціей, если статья превышаетъ 16 страницъ.

7. А. Л. Масловъ прежде детальнаго обсужденія поставленнаго на повѣсткѣ вопроса о секретарѣ внесъ предложеніе объ измѣненіи параграфа Инструкціи Комиссіи въ смыслѣ избранія секретаря вмѣсто приглашенія его предсѣдателемъ. Обсужденіе этого вопро а предполагается въ слѣдующемъ засѣданіи. П. А. Янчукъ предложилъ избрать второго секретаря и выяснить вопросъ личными переговорами съ теперешнимъ секретаремъ Е. Э. Линевой. Вопросъ о выборѣ 2-го секретаря остался открытымъ впредь до выясненія отношенія къ секретарскимъ обязанностямъ Е. Э. Линевой, къ которой постановлено обратиться съ этою цѣлью письменно. Временно помогать предсѣдателю изъявилъ согласіе членъ Комиссіи А. Л. Масловъ.

8. А. В. Марковъ предложилъ въ ближайшемъ засѣданіи обсудить вопросъ о предполагаемой имъ публичной лекціи подъ названіемъ «Художественное наслѣдіе Великаго Новгорода».

9. Д. И. Аракчіевъ предложилъ одинъ изъ слѣдующихъ томовъ Трудовъ Комиссіи составить исключительно изъ его работъ и собраній (около 105 пѣсенъ) съ условіемъ предоставить ему право переиздавать эти пѣсни отдѣльными выпусками для народныхъ школъ. Средства для изданія этого тома Д. И. Аракчіевъ предлагаетъ исходатайствовать отъ Льва Константиновича Зубалова, который уже издаетъ на свои средства труды по антропологіи одного изъ членовъ нашего Общества; съ этою цѣлью Д. И. Аракчіевъ предлагаетъ обратиться къ нему съ просьбой отъ имени Комиссіи. Постановлено принципіально принять предложеніе Д. И. Аракчіева.

LV.

26 марта 1908 г. происходило 55-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ П. А. Янчука, въ присутствіи гг. членовъ: А. В. Маркова, А. Л. Маслова, М. М. Клечковскаго, В. С. Калинникова, Е. Э. Линевой и М. Е. Пятницкаго.

1. Предсѣдатель представилъ Комиссіи только что вышедшій изъ печати 1 вып. III-го т. «Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи», изданный на средства члена Этнограф. Отдѣла и Комиссіи П. Д. Самарина и содержащій въ себѣ «Элементарный Учебникъ музыкальной ритмики» Ю. П. Мельгунова и статьи по тому же вопросу членовъ Комиссіи акад. Ѳ. Е. Корша, проф. П. Д. Кашкина и П. Д. Самарина (вступительная статья). Объемъ выпуска 19½ листовъ 4° (по 8 стр. листъ). Отпечатанъ въ количествѣ 1.200 экз. въ виду желанія издателя дать возможно большее распространеніе изданію разсылкой его извѣстнымъ музыкантамъ, ученымъ, а также учрежденіямъ. Изданіе обошлось издателю около 1.800 р. и отличается прекраснымъ внѣшнимъ видомъ. Экземпляры изданія были розданы присутствовавшимъ членамъ, послѣ чего единогласно было постановлено: 1) довести о новомъ изданіи до свѣдѣнія Этнографическаго Отдѣла и Совѣта Общества, т. к. этотъ выпускъ включенъ въ серію «Извѣстій» Общества (т. CXV) и составляетъ т. XVII «Трудовъ» Отдѣла, 2) передать въ распоряженіе Общества для обмѣна изданіями 200 экз., 3) выразить издателю П. Д. Самарину отъ имени Комиссіи благодарность за оказанное важное содѣйствіе въ ея трудахъ по изданію черезъ особую депутацію изъ членовъ бюро Комиссіи.

По вопросу о разсылкѣ вышедшаго выпуска «Трудовъ» членамъ Комиссіи было признано желательнымъ, чтобы при полученіи этого выпуска гг. члены уплачивали недоимки въ годичныхъ взносахъ, какіе за ними числятся. Что же касается продажи изданія, то постановлено

сдавать его на Комиссію въ магазины съ уступкой 25%, при чемъ, согласно заявленному словесно желанію издателя, вся выручка отъ продажи этого выпуска должна откладываться на изданіе втораго выпуска III-го тома, въ который должны войти остальные матеріалы Ю. Н. Мельгунова по музыкальной ритмикѣ.

2. Сторонній посѣтитель, украинскій пѣвецъ и бандуристъ В. К. Шевченко, состоящій ученикомъ Московскаго Филармоническаго Училища, по предложенію предсѣдателя, вкратцѣ познакомилъ присутствующихъ съ имѣющимся у него пѣсненнымъ матеріаломъ со стороны его содержанія. Оказалось, что В. К. Шевченко обладаетъ порядочнымъ количествомъ малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ съ начала 1880-хъ годовъ въ Черноморіи, на Кубани и въ другихъ мѣстахъ. По содержанію онѣ различны: думы, обрядовыя, лирическія, при чемъ напѣвы, заученные собирателемъ съ голоса народа, частью нанесены имъ на бумагу, но далеко не всѣ. Какъ самый матеріалъ, такъ и обстоятельства его собиранія вызвали интересъ въ членахъ Комиссіи, и было предложено г. Шевченку выступить въ публичномъ засѣданіи съ сообщеніемъ о своихъ этнографическихъ занятіяхъ и съ музыкальными иллюстраціями изъ его записей. В. К. Шевченко принялъ это предложеніе съ условіемъ, чтобы ему были даны болѣе подробныя указанія относительно этой задачи. Предсѣдатель обѣщалъ ему свое содѣйствіе.

3. Было зачитано письмо отъ имени Комиссіи къ Льву Конст. Зубалову, заключающее въ себѣ ходатайство о матеріальной поддержкѣ въ изданіи музыкальныхъ грузинскихъ матеріаловъ, собранныхъ Д. Н. Аракчіевымъ, по проекту котораго остающійся у него не изданнымъ матеріалъ можетъ составить цѣлый выпускъ «Трудовъ» Комиссіи, а затѣмъ лучшіе образцы грузинской народной музыки изъ этого выпуска могли бы быть изданы небольшими сборниками съ нѣкоторой обработкой для грузинскихъ школъ и для народа. Постановлено обратиться съ значеннымъ ходатайствомъ къ Л. К. Зубалову, уже оказывавшему помощь нашему обществу при изданіи антропологическихъ изслѣдованій о грузинскомъ племени, и вмѣстѣ съ письмомъ послать ему I т. «Трудовъ» Комиссіи, оттискъ работъ Д. Н. Аракчіева и «Школьный Сборникъ».

LVI.

12 мая 1908 г. состоялось 56 засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. въ помѣщеніи Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія. Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Янчукъ, члены Комиссіи: Д. Н. Аракчіевъ, В. С. Калинниковъ, А. Н. Карасевъ, А. Л. Масловъ, А. В. Марковъ, А. В. Никольскій, М. Е. Пятницкій, В. В. Пасхаловъ и не-членъ Комиссіи черногорецъ по національности Спасое Изоничъ.

1) По докладу предсѣдателя о необходимости выбора секретаря Комиссіи вмѣсто заявившей желаніе оставить эту должность Е. Э. Линевой постановлено избрать секретаря. Д. Н. Аракчіевъ и А. Л. Масловъ получили равное число записокъ. Комиссія постановила, въ виду занятости гг. Аракчіева и Маслова, считать обоихъ секретарями.

2. Предсѣдатель сообщилъ: 1) объ исполненіи постановленія предыдущаго засѣданія—о посылкѣ г. Зубалову бумаги съ просьбой о субсидіи на изданіе работъ и матеріаловъ Д. Н. Аракчіева. Затѣмъ предсѣдатель сообщилъ, что проектировавшійся докладъ В. К. Шевченка о малорусскихъ пѣсняхъ не будетъ имъ прочитанъ за его отъѣздомъ.

3. Сербъ Спасое Изоничъ исполнилъ на сербскомъ инструментѣ «гусла» нѣсколько народныхъ пѣсенъ (военныхъ и историческихъ); съ пѣніемъ исполнилъ патріотическую пѣсню про трехъ сербскихъ богатырей: Милоша Обилича, Милана Топлица и Ивана Костянтича.

4. По вопросу о лѣтнихъ поѣздкахъ съ музыкально-этнографической цѣлью, постановлено на средства Комиссіи командировокъ не давать, въ виду того, что имѣющіяся средства должны пойти на изданіе 2 вып. Школьнаго Сборника. Н. А Янчукъ сообщилъ, что имъ получено письмо отъ г. Квитки изъ Одессы, который проситъ указать лицо, которое могло бы поѣхать въ экспедицію въ Малороссію для записи малороссійскихъ пѣсенъ и думъ отъ бандуристовъ и лирниковъ. Средства на это предлагаются извѣстнымъ г. Квиткѣ лицомъ. Въ виду этого предложенія постановлено съ Квиткой снестись телеграммой; если возможно устроить экспедицію на мѣсяцъ, то А. Л. Масловъ поѣдетъ въ Малороссію. Если эта поѣздка не состоится, то Комиссія постановила выдать субсидію не болѣе 100 руб. (имѣя въ виду %% съ капитала Д. Н. Апучина) для поѣздки А. Л. Маслова въ Смоленскую губ. По предложенію Д. Н. Аракчіева постановлено письменно обратиться съ просьбой о субсидіи къ Д. З. Сарадженву для Д. Н. Аракчіева на поѣздку его на Кавказъ съ музыкально-научной цѣлью.

5. Д. И. Аракчіевъ прочиталъ заявленіе студента Г. Ф. Жорданія съ просьбой предоставить ему для лѣтней поѣздки, съ цѣлью записей абхазскихъ, грузинскихъ напѣвовъ,—фонографическіе валики. При этомъ Д. И. Аракчіевъ сообщилъ, что у отца этого студента имѣется до 400 валиковъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ, которыя можно было бы отъ имени Комиссіи испросить для ея пользованія. Постановлено доставить г. Жорданію старыхъ валиковъ для очистки (сколько окажется) и ассигновать ему на новые валики три рубля. Относительно же 400 валиковъ записей постановлено обратиться съ просьбой подѣлиться матеріалами съ Комиссіей.

6. И. А. Яичукъ сообщилъ, что получено 177 пѣс. съ напѣвами отъ Дм. Баранюка изъ Варшавы. Пѣсни малорусскія въ его записяхъ, съ сравнительнымъ указателемъ. Г. Баранюкъ эти матеріалы предлагаетъ напечатать въ «Трудахъ Комиссіи». Рукопись взята на просмотръ А. Л. Масловымъ, о чемъ постановлено довести до свѣдѣнія собирателя.

7. Отъ г. Н. И. Привалова для библіотеки Комиссіи получены его печатные труды: a) Лира С.-П.-Б. 1905. b) Музык. инструменты русск. народа С.-П.-Б. 1907. c) Танбуровидные муз. инструменты русскаго народа (отт.)

8. И. А. Яичукъ сообщилъ, что отъ А. Е. Грузинскаго поступила въ даръ рукопись «дышкашъ»—партія изъ сочиненія XVIII—XIX вѣка.

9. В. В. Пасхаловъ сообщилъ, что отъ Б. В. Миллера получено для храненія и пользованія a) собраніе персидскихъ пѣсенъ (съ нотами) въ рукописи, b) печатный сборникъ персидскихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Тегеранѣ Lemaire'омъ и c) 33 открытыхъ писемъ съ турецкими мелодіями.

10. Чтеніе докладовъ отложено до 16-го мая.

LVII—LVIII.

26 сентября 1908 г. состоялось 58 засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. въ Политехническомъ Музеѣ. Присутствовали: Предсѣдатель И. А. Яичукъ, Товарищъ Предсѣдателя А. Т. Гречаниновъ, члены: Д. И. Аракчіевъ, А. Н. Карасевъ, А. В. Марковъ, А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ, М. Е. Пятницкій и Б. Л. Яворскій.

1. А. Л. Масловъ сообщилъ, что 16-го мая состоялось 57-е засѣданіе Комиссіи, какъ продолженіе засѣданія 12 мая, для заслушанія докладовъ, не прочитанныхъ въ предыдущемъ засѣданіи. Прибыли члены Комиссіи А. Н. Карасевъ, В. С. Калинниковъ, А. Л. Масловъ и А. В. Никольскій. Вслѣдствіе того, что предсѣдатель, по неотложнымъ дѣламъ не имѣя возможности быть на засѣданіи, просилъ заслушать доклады, собравшіеся члены рѣшили выслушать докладъ А. В. Никольскаго «О гармонизаціи русск. нар. пѣсенъ». Докладъ оказался весьма интереснымъ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: Существующія обработки нар. пѣсенъ сводятся въ большинствѣ случаевъ къ фортепіанному аккомпанементу, который по оборотамъ фортепіаннаго письма не можетъ считаться характернымъ для русской пѣсни. Въ стильномъ переложеніи должны быть воспроизведены естественные способы пѣнія съ разнообразіемъ подголосковъ. Существующіе способы переложенія кромѣ того еще неудобны для исполненія, т. к. написаны для двухъ-трехъ куплетовъ, благодаря чему всякій разъ приходится, иногда съ натяжкой, подводить слова текста подъ напѣвъ. Опыты переложеній А. В. Никольскаго заключаются въ образованіи на извѣстной основѣ пѣсни болѣе сложной формы ея, не прибѣгая къ повтореніямъ одного и того же варіанта напѣва. При обработкѣ имъ употреблялись слѣдующіе пріемы. Мотивъ, усвоенный слухомъ, варьируется, затѣмъ уклоняется отъ перваго изложенія съ той же непроизвольной контрапунктикой въ подголоскахъ. Пѣсня, по мнѣнію А. В. Н—го, требуетъ крайняго разнообразія формъ. Принятая до сихъ поръ фиксація мотива, по природѣ своей способнаго именно варьироваться, неправильна. Основываясь на этомъ, Н—ій допускаетъ: 1) перенесеніе мотива въ другую тональность, 2) перемѣну наклоненія изъ минорнаго въ мажорное и 3) модуляцію—во избѣжаніе монотонности. Такъ-называемая ясность и правильность гармоніи въ примѣненіи къ русскимъ пѣснямъ до сихъ поръ не вызывалась логической необходимостью. Взамѣнъ этого Н—ій руководствуется гармоніей подголосковъ, отсюда у него являются вставки и всевозможныя имитаціи. На основаніи всего изложеннаго Н—ій называетъ свою гармонизацію народныхъ пѣсенъ «свободной». Для иллюстраціи своего доклада А. В. Никольскій воспроизвелъ на фортепіано свои переложенія народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя для хора. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній между собравшимися членами Комиссіи.

2. Д. П. Аракчіевъ сообщилъ, что студентъ Жорданія, которому были весной выданы валики для записи фонографомъ грузинскихъ пѣсенъ,—вслѣдствіе порчи фонографа, пѣсенъ не записалъ, но вмѣсто того привезъ для Комиссіи 8 валиковъ мингрельскихъ пѣсенъ изъ собранія его отца.

3. П. А. Янчукъ доложилъ: а) что на обращеніе отъ имени Комиссіи къ Д. З. Сараджеву съ просьбой о субсидіи на командировку лѣтомъ нынѣшняго года на Кавказъ члена Комиссіи Д. П. Аракчіева, получено отъ него 250 руб., на каковыя и совершена была поѣздка на Кавказъ Д. П. Аракчіевымъ. b) За присылку I вып. III-го тома Трудовъ Комиссіи получены на имя предсѣдателя отъ Е. И. Выс. Вел. Князя Константина Константиновича благодарность предсѣдателю и членамъ Комиссіи, такія же благодарности отъ Министра Финансовъ В. Н. Коковцева, отъ библіотекаря Придворной Пѣвческой Капеллы А. В. Преображенскаго и отъ проф. А. Ф. Самойлова изъ Казани. c) Предполагавшаяся лѣтомъ поѣздка А. Л. Маслова въ Малороссію не состоялась въ виду перерыва сношеній съ г. Квиткой, который велъ по этому дѣлу переговоры съ Комиссіей, т. к. на кратковременную командировку г. Маслова г. Квитка не согласился. d) Изъ Томскаго отдѣленія И. Р. Муз. О-ва получено отношеніе отъ 30 іюня, сообщающее о попыткахъ Отдѣленія въ этнографическомъ изученіи мѣстнаго края. Въ томъ же отношеніи дирекція Отдѣленія проситъ Комиссію помочь начинаніямъ Отдѣла и выслать въ даръ или во временное пользованіе фонографъ, для экскурсіи г. А. В. Анохина въ Монголію отъ имени Отдѣленія. e) Изъ Люблинской губ. отъ Я. П. Сенчика получена аналогичная просьба прислать фонографъ для продолженія его работъ по собиранію пѣсенъ. f) Н. Н. Приваловъ письмомъ къ предсѣдателю сообщаетъ, о желаніи написать изслѣдованіе объ ударныхъ инструментахъ и проситъ сообщить объ условіяхъ помѣщенія этой статьи въ «Трудахъ». На это письмо предсѣдателемъ уже посланъ отвѣтъ. Во второмъ письмѣ г. П—въ проситъ прислать II-й томъ «Трудовъ» и «Бѣломорскія былины» А. Маркова. Постановлено имѣть въ виду посылку II-го тома и сообщить г. Маркову просьбу Привалова. g) По поводу изданій Комиссіи Н. А. Янчукъ сообщилъ, что печатаніе II вып. Школьнаго Сборника затянулось благодаря тому, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ оказались не подтекстованными слова. Что же касается II-го тома «Трудовъ», то осталось, главнымъ образомъ, напечатать: статьи Д. П. Апучина (о Якутскихъ пѣсняхъ), А. Л. Маслова (О мелодико-ритмическомъ анализѣ былинъ) и А. П. Листопадова (О Донскихъ пѣсняхъ).

4. А. П. Карасевъ заявилъ, что свящ. В. В. Лебедевъ (Тамбовск. губ.) согласенъ безъ вознагражденія на напечатаніе въ «Трудахъ» присланныхъ имъ ранѣе пѣсенъ.

По этимъ докладамъ постановлено: а) Къ А. В. Никольскому обратиться съ просьбой изложить свои взгляды въ видѣ статьи для «Трудовъ» съ приложеніемъ образца его гармонизацій. b) Извѣстить Я. П. Сенчика, что Комиссія готова ознакомиться съ его матеріалами, но удовлетворить его просьбу о присылкѣ фонографа не можетъ, за неимѣніемъ въ настоящее время свободнаго инструмента. c) Установить связь съ Томскимъ Отдѣленіемъ И. Р. Музык. О-ва по вопросамъ изученія народной музыки, относительно же фонографа сообщить, что просьба о присылкѣ его не можетъ быть исполнена въ виду недостаточности средствъ на этотъ предметъ. d) Просить Н. Н. Привалова о присылкѣ одного изъ своихъ новыхъ изслѣдованій для заслушанія въ видѣ доклада въ Комиссіи.

5. Д. П. Аракчіевъ доложилъ свой отчетъ о лѣтней командировкѣ.

Д. П. Аракчіевъ лѣтомъ этого года (іюнь, іюль мѣсяцы) посѣтилъ Тифлисскую и Кутаисскую губерніи съ музык.-этнографическими цѣлями, гдѣ онъ записалъ 107 вокальныхъ пѣсенъ и 6 инструментальныхъ мелодій (танцы) у грузинъ: Мохевіи, Мтіулетіи, Имеретіи (Рачинскаго, Лечхумскаго, Кутаисскаго, Шорапанскаго уѣздовъ) и Сванетіи. Записи производились при помощи фонографа. Изъ записанныхъ пѣсенъ одноголосныхъ—3, двухголосныхъ—5 и трехголосныхъ—97. Кромѣ этого Д. П. Аракчіевъ по окончаніи путешествія въ уѣзды занимался въ г. Тифлисѣ въ казенномъ музеѣ и музеѣ Общества распространенія грамотности, описывая и фотографируя хранящіеся тамъ музыкальные инструменты. Собранныя Аракчіевымъ пѣсни записаны впервые и представляютъ большой научный интересъ.

Вслѣдствіе предложенія Д. П. Аракчіева постановлено выразить благодарность за оказанное ему содѣйствіе во время экскурсіи слѣдующимъ лицамъ: священнику Вартломе Гудушадри, священнику А. Кавкасидзе, о. І. Метревели, г-ну Джапаридзе (инспектору Эриванск. горн. училища), Рачинскому уѣздному начальнику г. Шлотгауэръ. Кромѣ того Д. З. Сараджева отъ Комиссіи предложить черезъ Этнографическій Отдѣлъ избрать въ дѣйствительные члены Общества.

6. А. Л. Масловъ прочелъ отчетъ о своей командировкѣ въ Бѣлоруссію. А. Л. Масловъ посѣтилъ Смоленскій, Краснинскій и Ельнинскій уѣзды Смоленской губ., Оршанскій и Горкинскій уѣзды Могилевской губ. Въ командировкѣ находился съ 21 мая по 15 іюня. Въ Смоленскомъ и Ельнинскомъ уѣздахъ запись пѣсенъ производилъ при содѣйствіи члена нашего О-ва В. Н. Добровольскаго. Въ Ельнинскомъ уѣздѣ, между прочимъ, посѣтилъ бывшія владѣнія покойнаго композитора М. И. Глинки и побывалъ въ селѣ Новоспасскомъ, гдѣ онъ родился и проводилъ молодые годы и неоднократно проживалъ уже взрослымъ. Интересуясь музыкально-этнографической картиной того времени, когда русское народное творчество могло гліять на музыкальную натуру композитора, А. Л. Масловъ записалъ нѣсколько пѣсенъ отъ старыхъ людей, еще тѣхъ, которые пѣвали пѣсни на газонѣ передъ домомъ Глинокъ въ присутствіи самого М. И. Глинки. Всего записано пѣсенъ въ эту экскурсію 179; изъ этого числа спеціально къ «Смоленскому сборнику» В. Н. Добровольскаго записано 60 напѣвовъ. По характеру пѣсни распредѣляются такъ: былинъ и истор. пѣсенъ — 13, духовныхъ стиховъ — 23, скоморошьихъ — 1, весеннихъ — 26, осеннихъ—2, волочебныхъ—6, крещенскихъ — 1, бытовыхъ — 61, колядныхъ и плясовыхъ—14, свадебныхъ—28, крестинныхъ—4, колыбельныхъ—1, инструментальныхъ мелодій—9. Запись производилась какъ по слуху (46 пѣсенъ), такъ и фонографомъ (133 пѣсни). Изъ собраннаго матеріала выдѣляются: интересный варіантъ былины про Илью Муромца и Царя Давидовища, затѣмъ достаточно полный циклъ свадебныхъ пѣсенъ.

По предложенію Предсѣдателя, экскурсантамъ, а также В. Н. Добровольскому выражена благодарность.

7. По вопросу о чествованіи памяти члена Комиссіи скончавшагося Н. А. Римскаго-Корсакова постановлено въ полугодовой день или ближайшую субботу устроить публичное засѣданіе Комиссіи и Отдѣла съ чтеніемъ докладовъ муз.-этнографическаго характера о Н. А. Р.-Корсаковѣ. А. Т. Гречанинову, какъ ученику и слѣдовательно близко знавшему покойнаго, предложено сдѣлать сообщеніе въ этомъ засѣданіи; кромѣ того постановлено привлечь къ участію и другихъ членовъ Комиссіи.

LIX.

8 ноября 1908 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось соединенное публичное засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э.

Предсѣдательствовалъ В. Ѳ. Миллеръ, присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя Отдѣла и Предсѣдатель Музык.-Этногр. Комиссіи Н. А. Янчукъ, секретарь отдѣла В. В. Богдановъ, члены комиссіи: А. Д. Григорьевъ, А. Н. Карасевъ, А. Д. Кастальскій, А. В. Марковъ и А. Л. Масловъ, а также многіе члены Отдѣла и многочисленная публика. Были прочитаны доклады:

1. Б. М. Соколова: Народные обряды, вѣрованія и творчество въ Бѣлозерскомъ краѣ. Докладъ этотъ коснулся главнымъ образомъ обычаевъ, вѣрованій и народнаго быта въ Бѣлозерскомъ краѣ, Новгородской губерніи, гдѣ докладчикъ совмѣстно со своимъ братомъ (оба студента) текущимъ лѣтомъ производили свои наблюденія. Ими, между прочимъ, записаны различныя пѣсни и былины посредствомъ фонографа. Образцы этихъ записей демонстрировались въ засѣданіи.

2. А. Л. Маслова: Бѣлорусскія пѣсни. Въ этомъ докладѣ авторъ обратилъ вниманіе на то, что бѣлорусскія пѣсни обладаютъ многими чертами великорусской пѣсни, но содержатъ и мелодическіе обороты, свойственные только бѣлорусскимъ пѣснямъ, а отчасти и малорусскимъ. Бѣлорусская пѣсня въ настоящее время, сравнительно съ великорусской, переживаетъ болѣе ранній періодъ эволюціи народнаго пѣснотворчества, на что указываютъ ограниченные звукоряды и обороты, почти исчезнувшіе уже въ великорусскихъ, но существующіе въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ. Собранныя этимъ лѣтомъ бѣлорусскія пѣсни весьма разнообразны и указываютъ на немаловажную роль, которую пѣсня играетъ у бѣлоруса, что лишній разъ свидѣтельствуетъ о его музыкальности. Сравнительный мелодическій анализъ пѣсенъ изъ сборника Кирши Данилова и собранныхъ докладчикомъ устанавливаетъ между тѣми и другими нѣкоторое родство (таковы пѣсни «Дурень» и «Усы» въ обоихъ собраніяхъ). Въ заключеніе докладчикъ демонстрировалъ цѣлый рядъ фонографически записанныхъ имъ пѣсенъ и сообщилъ о нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ современной жизни крестьянъ, среди которыхъ приходилось производить музыкально-этнографическія изслѣдованія

IX.

3 декабря 1908 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 60-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали: Д. И. Аракчіевъ, А. Н. Карасевъ, П. А. Карасевъ, А. Л. Масловъ.

1. Н. А. Янчукъ доложилъ, что для предстоящаго чествованія памяти почетнаго члена Н. А. Р.-Корсакова засѣданіе предполагается между 13 и 20 декабря съ докладами: 1) А. Л. Маслова—Народная пѣсня въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова, 2) Д. И. Аракчіева—Восточные мотивы въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова и 3) П. А. Карасева—Римскій-Корсаковъ и русская музыка.

Предполагавшійся докладъ А. Т. Гречанинова не состоится въ виду его отказа, При этомъ доложено письмо Ю. Д. Энгеля съ отказомъ отъ участія въ этомъ засѣданіи въ отвѣтъ на словесную просьбу Предсѣдателя.

Комиссія выразила пожеланіе, чтобы въ засѣданіи были исполнены нѣкоторыя произведенія, наиболѣе характерныя для композитора, а также демонстрировались на экранѣ фотографіи.

2. Отъ А. Д. Кастальскаго получена и зачитана рецензія на собраніе пѣсенъ Анаст. Порфир. Горяиновой изъ Курской губ., Обоянскаго уѣзда, взятое имъ для отзыва. Признанный болѣе интересными записи постановлено напечатать. При этомъ А. Д. Кастальскій прилагаетъ присланныя ему 2 пѣсни—монгольскую и китайскую. Пѣсни подлежать передачѣ въ библіотеку Комиссіи для пріобщенія къ матеріаламъ.

3. Изъ Этнографическаго Отдѣла передана запись русской пѣсни, записанной регентомъ въ Саратовской губ. и доставленной слушательницей высшихъ женскихъ курсовъ М. Н. Маларовой (пѣсня «Какъ на утренней зарѣ»).

4. Отъ А. Т. Гречанинова получена запись малорусской пѣсни его записи «Коло млыму, коло броду».

5. Отъ учителя В. Н. Серебренникова, Чернухинскаго земскаго училища, Бердышевской волости, Оханск. у., Пермской губ., получено письмо и 4 пѣсни съ мелодіями и 6 однихъ текстовъ пѣсенъ, съ предложеніемъ напечатать эти пѣсни въ «Трудахъ» Комиссіи, а также съ выраженіемъ готовности работать въ дѣлѣ записыванія пѣсенъ.

Комиссія постановила предложить г. Серебренникову продолжать присылку матеріаловъ и выслать ему программу.

6. Отъ прив.-доц. А. Д. Руднева изъ С.-Пб. получено письмо на имя тов. предсѣдателя А. Т. Гречанинова съ просьбой предоставить имѣющіяся въ распоряженіи Комиссіи монгольскія записи напѣвовъ для помѣщенія въ редактируемомъ имъ XXXIV томѣ «Записокъ И. Русск. Геогр. О—ва», издаваемомъ въ честь Г. Н. Потанина.

Комиссія постановила предложить калмыцкія пѣсни, записанныя А. М. Листопадовымъ, которыя предположено напечатать во второмъ томѣ «Трудовъ», но онѣ могутъ быть перепечатаны съ согласія г. Листопадова.

7. Получено изъ Львова отъ Брон. Пилсудскаго предложеніе пріобрѣсть у него фонографическія записи инородческихъ пѣсенъ съ о. Сахалина и р. Амура, хотя бы въ копіяхъ. Комиссія нашла возможнымъ за недорогую плату пріобрѣсти валики, если матеріалы окажутся интересными, и постановила просить о высылкѣ образцовъ.

8. Отъ К. В. Квитки получено письмо съ сообщеніемъ о томъ, что экспедиція въ Малороссію для изслѣдованія малорусскихъ думъ совершена львовскимъ проф. Ф. Колессою, и что эти матеріалы будутъ напечатаны «Товариществомъ им. Шевченка».

9. А. М. Листопадовъ сообщаетъ письмомъ, что онъ работаетъ по приведенію въ порядокъ труда въ 10—12 печатныхъ листовъ о Донской свадьбѣ, который предлагаетъ для Комиссіи. Постановлено имѣть въ виду, по ознакомленіи съ работой, къ изданію.

9. По возбужденному Предсѣдателемъ вопросу о проектѣ изданія «Опытовъ Художеств. обработки народныхъ мотивовъ», Предсѣдатель сообщилъ, что въ отвѣтъ на посланную имъ за подписью членовъ бюро Комиссіи бумагу на имя г. Министра Финансовъ съ просьбой о субсидіи для Муз.-Этнографической Комиссіи на предметъ изданія IV т. «Трудовъ», въ который вошли бы «Опыты художественной обработки народныхъ пѣсенъ», 25 ноября отъ Директора Департамента Государственнаго Казначейства, за № 23527, получено увѣдомленіе, что Министръ Финансовъ вноситъ на Высочайшее усмотрѣніе ходатайство объ ассигнованіи 2.000 руб. для Комиссіи, съ своей стороны не встрѣчая къ тому препятствій.

Постановлено членовъ Комиссіи, принимавшихъ участіе въ гармонизаціяхъ народныхъ пѣсенъ для этнографическихъ концертовъ, особо пригласить въ очередное засѣданіе для выра-

ботки условій и порядка изданія предполагаемаго IV ч. тома и обратиться циркулярно къ извѣстнымъ композиторамъ съ предложеніемъ прислать образцы своихъ гармонизацій для предполагаемаго тома.

10. П. Д. Самаринъ, по заявленію г. Предсѣдателя, предлагаетъ продолжать на свои средства изданіе III тома «Трудовъ»; во 2-й выпускъ должны войти остальные матеріалы по ритмикѣ Мельгунова, а въ III выпускъ—переводъ сочиненія Р. Вестфаля «Общемузыкальная ритмика» сдѣланный Н. Д. Кашкинымъ по порученію П. Д. Самарина. Издатель проситъ Комиссіи помочь ему въ пріисканіи лица, которое могло бы провѣрить точность примѣровъ у Мельгунова и свѣрить ихъ съ оригиналами. Комиссія постановила принять мѣры къ исполненію предложенія П. Д. Самарина.

LXI.

18 февраля 1909 г. въ залѣ Синодальнаго училища состоялось 61-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища Предсѣдателя А. Т. Гречанинова, членовъ: Д. Н. Аракчіева, В. С. Калинникова, А. Н. Карасева, Н. Д. Кашкина, А. Л. Маслова, Ю. Д. Энгель и докладчика В. Н. Гартевельдъ.

1. Предсѣдатель Н. А. Янчукъ доложилъ, что по вопросу объ изданіи тома «Трудовъ» Комиссіи съ «Опытами художественной обработки народныхъ пѣсенъ» состоялось четыре засѣданія подкомиссіи, въ которыхъ выяснился составъ предполагаемаго тома; въ него войдутъ: Аракчіева—грузинскія, армянскія и др. пѣсни, Гліэра—пѣсни среднеазіатскихъ инородцевъ, Гречанинова—мусульманскія Ипполитова-Иванова—грузинскія, Котова—великорусскія и малорусскія, Маслова—великорусскія, бѣлорусскія, малорусскія и татарскія пѣсни, Сахновскаго—вотяцкая и таранчинская, А. Оленина—великорусскія, С. Танѣева—малорусскія, Пасхалова—польская, Славинскаго—пѣсни различныхъ народностей, Энгеля—малорусскія и еврейскія пѣсни. Кромѣ того обѣщали свои гармонизаціи Н. С. Кленовскій, В. С. Калинниковъ и А. Н. Корещенко. По приблизительному подсчету общее число нумеровъ теперь доходитъ до 60-ти.

2. Директоръ Департамента Государственнаго Казначейства отношеніемъ отъ 12 января сего года, за № 1054, на имя Предсѣдателя Комиссіи увѣдомилъ, что Московской Казенной Палатѣ предписано открыть кредитъ въ 2000 руб. для отпуска этихъ денегъ Муз.-Этногр. Комиссіи на изданіе «Трудовъ». Вслѣдствіе этого деньги эти на-дняхъ будутъ получены казначеемъ Комиссіи на предметъ изданія «Опытовъ художественной обработки народныхъ пѣсенъ», въ качествѣ IV тома «Трудовъ».

3. Предсѣдатель доложилъ, что а) получены требованія о высылкѣ работъ членовъ Комиссіи Д. Н. Аракчіева—д-ромъ Дирръ (изъ Тифлиса) и А. Л. Маслова—П. Воробьевымъ (изъ Музея Петра В. при Академіи Наукъ), b) получена просьба О-ва «Музык.-Теоретич. библіотеки» въ Москвѣ о высылкѣ изданій Комиссіи, c) получено отъ г. Пилсудскаго предложеніе пріобрѣсти у него фонограммы записанныхъ имъ на о. Сахалинѣ пѣсенъ за 1200 руб.

На эти просьбы и предложенія постановлено: выслать г. Воробьеву книгу А. Маслова «Описаніе Муз. Инструм. Дашк. Эти. Музея», выслать Обществу Муз.-Теоретич. Библіотеки вышедшіе изъ печати труды Комиссіи, д-ру Дирръ поручить отвѣтить Д. Н. Аракчіеву, предложеніе г. Пилсудскаго отклонить за неимѣніемъ средствъ на предметъ пріобрѣтенія фонограммъ.

4. Н. А. Янчукъ сообщилъ, что а) отъ Моск. Археологическаго Общества получены записи народныхъ пѣсенъ (съ нотами) О. М. Яневича изъ Черниговa. Эти записи переданы въ библіотеку Комиссіи, b) Предстоящимъ лѣтомъ предполагается Мурманская научная экспедиція, въ которой могутъ принять участіе, съ гарантированнымъ содержаніемъ въ пути, и музыканты съ цѣлью записыванія пѣсенъ, c) Недавно вышелъ «Трудъ» В. Н. Добровольскаго «Киселевскіе цыгане» (въ изданіи Академіи Наукъ) съ напѣвами, записанными Н. Д. Бероемъ; на эту новую книгу Н. А. Янчукъ и обращаетъ вниманіе членовъ Комиссіи въ виду бѣдности записей настоящей цыганской музыки.

5. По вопросу о публичномъ засѣданіи памяти Н. А. Римскаго-Корсакова Предсѣдатель сообщилъ, что доклады готовы, но по болѣзни г-жи Вишневецкой, согласившейся принять участіе съ своимъ хоромъ, пришлось засѣданіе отложить до конца февраля.

6. По предложенію Н. А. Янчука постановлено избрать въ члены Комиссіи М. Е. Славинскаго (въ Симферополѣ), приславшаго богатые матеріалы для IV тома «Трудовъ».

7. В. Н. Гартевельдъ доложилъ о своихъ записяхъ пѣсенъ въ Сибири. По открытому листу премьеръ-министра докладчикъ посѣтилъ тюрьмы: Тобольска, Нерчинска, Томска, Акатуя, Николаевска, Кургана и Петропавловска. Собранныя имъ пѣсни раздѣляются на каторжныя, бродячія и заводскія. Кромѣ этихъ г. Гартевельдъ записалъ и нѣсколько народческихъ пѣсенъ:

айновъ (1), вогуловъ (2), самоѣдовъ (2), бурятскихъ (2), киргизскихъ (1) и якутскихъ (1). Всего записано имъ болѣе 60-ти пѣсенъ, какъ для одного голоса, такъ и съ аккомпанементомъ народныхъ инструментовъ, а также и хоровыхъ. Г. Гартевельдъ докладъ свой иллюстрировалъ исполненіемъ на фортепіано. Многія изъ записанныхъ пѣсенъ оказываются весьма интересными въ музыкальномъ отношеніи. Комиссія выразила благодарность г. Гартевельду за его интересный докладъ. Въ заключеніе В. Н. Гартевельдъ принесъ въ даръ Комиссіи рукопись индійскаго раджи Сурендронафъ-Тагора съ индусскими мелодіями древнихъ пѣсенъ Индіи. Рукопись передана въ библіотеку Комиссіи.

LXII.

11 марта 1909 г. въ залѣ Синодальнаго училища состоялось публичное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. и Музыкально-Этнографической Комиссіи, посвященное памяти члена Комиссіи Н. А. Римскаго-Корсакова, скончавшагося 7 іюня 1908 г. Предсѣдательствовалъ по порученію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла В. В. Богдановъ, присутствовали члены Комиссіи: Д. Н. Аракчіевъ, А. Н. Карасевъ, П. А. Карасевъ, Л. А. Лосевъ, А. Д. Кастальскій, А. В. Марковъ, А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ, Президентъ И. О. Л. Е. А. и Э. Д. Н. Анучинъ, члены Этнографическаго Отдѣла и многочисленная публика.

1. П. А. Карасевъ прочиталъ докладъ «Н. А. Римскій-Корсаковъ и народное теченіе въ русской музыкѣ», въ которомъ провелъ параллель между народническимъ теченіемъ въ литературѣ и музыкѣ, попутно сдѣлавъ сближеніе съ творчествомъ Р. Вагнера, черпавшаго сюжеты и мотивы для своихъ оперъ изъ народнаго эпоса такъ же, какъ и Римскій-Корсаковъ.

2. Д. Н. Аракчіевъ прочиталъ докладъ «Восточные мотивы въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова», отмѣтивъ въ немъ двѣ черты передачи восточнаго элемента въ произведеніяхъ композиторовъ:—черты общевосточной, безотносительно къ какой-нибудь народности, и черты узко-восточной, характерной только для опредѣленнаго народа или племени. Композиторы, пользуясь народными мотивами Востока, часто употребляютъ эти мотивы для характеристики не тѣхъ народовъ, у которыхъ заимствованы напѣвы, однако Римскій-Корсаковъ на ряду съ общевосточной характеристикой пользовался подлинными восточными темами и былъ наименѣе другихъ повиненъ въ смѣшиваніи характерныхъ чертъ Востока, т.-е., если и бралъ арабскія мелодіи, то только для характернаго арабскаго танца и т. п. Въ этомъ отношеніи Римскій-Корсаковъ, какъ крупный оріенталистъ въ музыкѣ, заслуживаетъ только подражанія.

3. А. Л. Масловъ прочелъ докладъ «Русская народная пѣсня въ произведеніяхъ Н. А. Римскаго-Корсакова», въ которомъ выяснилъ значеніе Р.-Корсакова, какъ этнографа-художника, пользовавшагося народными мелодіями для созданія крупныхъ произведеній, которыя служатъ какъ бы продолженіемъ коллективнаго простонароднаго творчества. На рядѣ примѣровъ, исполненныхъ на фортепіано, докладчикъ показалъ связь народнаго творчества съ творчествомъ Римскаго-Корсакова.

Послѣ чтенія докладовъ артистами былъ исполненъ рядъ сочиненій Н. А. Римскаго-Корсакова, на которыхъ такъ или иначе отразилось вліяніе народной музыки. Докладчиковъ и исполнителей собравшаяся публика привѣтствовала аплодисментами.

LXIII.

22 марта 1909 г. въ зданіи Политехническаго Музея состоялось 63-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука въ присутствіи членовъ: Д. Н. Аракчіева, А. Н. Карасева, П. А. Котова, П. В. Липаева, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова и С. И. Танѣева.

1. Изъ текущихъ дѣлъ Предсѣдатель сообщилъ: 1) что А. М. Листопадовъ изъявилъ свое согласіе на напечатаніе собраннымъ имъ калмыцкихъ пѣсенъ въ сборникѣ въ честь Г. Н. Потанина, но эти пѣсни уже не могутъ попасть въ сборникъ, такъ какъ онъ уже почти законченъ печатаніемъ. 2) По поводу предпринимаемаго П. Д. Самаринымъ II выпуска ритмическихъ матеріаловъ Мельгунова задержка оказывается въ провѣркѣ матеріаловъ, въ выясненіи издателемъ стоимости этой редакціи и въ пріисканіи лица, которое взяло бы на себя этотъ трудъ. 3) Пользуясь случаемъ пребыванія за границей члена Комиссіи И. С. Тезавровскаго, Комиссія постановила просить его повидаться съ г. Пилсудскимъ въ Краковѣ для выясненія цѣнности предлагаемаго имъ Комиссіи музык.-этнографическаго матеріала, заключающагося въ фонограммахъ.

2. А. Л. Масловъ доложилъ о поступленіи въ Комиссію новыхъ матеріаловъ въ рукописяхъ: 1) Малорусскія пѣсни въ записяхъ Папыча и бѣлорусскія въ записяхъ Апошенка и

Чумакова. Комиссія, согласно отзыву А. Л. Маслова, постановила сообщить г. Панычу, что матеріалы его могуть быть напечатаны, но съ нѣкоторыми редакціонными поправками, по соглашенію съ записывателемъ. Дальнѣйшія собранія предложили продолжать въ томъ же родѣ, обративъ вниманіе на обрядовыя пѣсни и старинные церковные напѣвы.

Бѣлорусскія пѣсни гг. Аношенка и Чумакова постановлено имѣть въ виду для слѣдующаго тома «Трудовъ».

3. С. И. Танѣевъ лично представилъ Комиссіи 8 гармонизацій малорусскихъ пѣсенъ (въ новой редакціи) для IV тома «Трудовъ». При этомъ Предсѣдатель сообщилъ, что для того же тома поступило еще нѣсколько нумеровъ въ обработкѣ М. Е. Славинскаго; кромѣ того предполагается получить отъ гг. Пахульскаго (польскія пѣсни), Гліэра (славянскія), Корещенко (армянскія и русскія), Ильинскаго (литовскія) и Никольскаго (великорусскія). По вопросу о печатаніи этого тома постановлено: а) держаться порядка авторской группировки въ распредѣленіи гармонизацій.

б) Авторы, представившіе свои работы, обязуются не издавать ихъ ранѣе года послѣ выхода въ свѣтъ въ 1-мъ изданіи полнаго тома «Трудовъ».

в) Комиссія выдаетъ автору безплатно 50 отдѣльныхъ оттисковъ его работъ; сверхъ того авторъ можетъ заказать при печатаніи еще оттиски, но уже за свой счетъ.

г) Каждый оттискъ долженъ имѣть помѣтку на обложкѣ: «оттискъ изъ IV тома» и т. д.

д) Томъ «Трудовъ» можетъ переиздаваться Комиссіей въ полномъ объемѣ безпрепятственно со стороны авторовъ.

е) Награвированныя средствами Комиссіи нотныя доски могутъ быть предоставляемы авторамъ во временное пользованіе, но только съ разрѣшенія Комиссіи.

ж) Матеріалы и работы (пѣсни и мелодіи съ гармонизаціей и безъ гармонизаціи) для публичнаго исполненія и пользованія посредствомъ граммофона могутъ быть предоставлены съ разрѣшенія авторовъ—членовъ Комиссіи.

4. По вопросу о лѣтнихъ командировкахъ съ музыкально-этнографическими цѣлями постановлено предоставить Предсѣдателю на усмотрѣніе вопросъ объ оказаніи содѣйствія экскурсантамъ, ссужая ихъ фонографомъ и валиками, послѣднихъ не превышая въ общемъ суммы на 25 рублей.

LXIV.

23 марта 1909 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 64-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали: Д. И. Аракчіевъ, А. Д. Кастальскій, П. В. Липаевъ, А. В. Марковъ, А. Л. Масловъ и Б. Л. Яворскій.

1. Предсѣдатель доложилъ, что казначеемъ Комиссіи получены деньги 2000 руб., ассигнованныя Правительствомъ на изданіе IV тома «Трудовъ», и положены въ Московскій Купеческій Банкъ на текущій счетъ.

2. Предложенный еще раньше въ члены Комиссіи М. Е. Славинскій избранъ единогласно.

3. А. Л. Масловъ доложилъ, что предстоящимъ лѣтомъ состоится въ Роттердамѣ музыкальная выставка, а въ Вѣнѣ конгрессъ Международнаго Музыкальнаго О-ва. Комиссія постановила принять участіе въ конгрессѣ и на выставкѣ, при чемъ постановила просить Ю. Д. Юнгеля быть представителемъ Комиссіи на конгрессѣ и сдѣлать тамъ докладъ о дѣятельности Комиссіи, а П. В. Липаева—на Роттердамской выставкѣ. Кромѣ этого, на выставку постановлено выслать «Труды» Комиссіи и отдѣльные изъ нихъ оттиски.

4. Н. А. Янчукъ доложилъ о присланномъ въ Комиссію обращеніи «къ сербскому народу» по поводу австро-сербскаго конфликта. Члены Комиссіи выразили свое сочувствіе Сербіи присоединивъ подписи къ «обращенію».

5. А. Л. Масловъ за отсутствіемъ Н. И. Компанейскаго, прочелъ его докладъ «Характерныя черты русскихъ пѣсенъ церковныхъ и мірскихъ», въ которомъ авторъ указалъ на несостоятельность ходячаго мнѣнія, что русскія народныя пѣсни основаны на церковныхъ или древнихъ звукорядахъ, точно такъ же какъ церковныя мелодіи на приписываемыхъ имъ ладахъ. Тѣ и другія имѣютъ свои особыя системы, при выработкѣ которыхъ наблюдаются общіе принципы въ мірскихъ и церковныхъ пѣсняхъ, отсюда явились и много общихъ мелодическихъ оборотовъ. Мелодическіе обороты вызываютъ совершенно особую гармонію отъ той, которая выработана Западной Европой; поэтому, не имѣя пока научныхъ основъ гармонизаціи русскаго народнаго творчества, нужно хотя бы заботиться, чтобы краски гармоніи не загрязняли характерныхъ чертъ тонкихъ мелодическихъ контуровъ въ русскихъ мелодіяхъ. Докладъ иллюстрировался многочисленными нотными примѣрами и по окончаніи чтенія вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣніями.

Н. А. Личукъ высказался въ томъ смыслѣ: 1) что вопросъ о сближеніи между собою народной пѣсни и церковной не новъ и поднимался уже С. В. Смоленскимъ, 2) что докладчикъ указалъ на особыя условія, въ которыхъ нѣкогда находилась русская церковная и свѣтская пѣсня, между тѣмъ изоляція отъ вліянія западнаго искусства наблюдается и у другихъ славянскихъ народностей, почему и не слѣдуетъ выдѣлять въ этомъ отношеніи именно русскую пѣсню, 3) что въ настоящее время нѣтъ данныхъ, по какимъ можно было бы судить объ упоминаемомъ докладчикомъ различіи или сходствѣ мелодическихъ пріемовъ, туземныхъ и принесенныхъ къ намъ извнѣ въ то отдаленное время, когда возникало на Руси христіанство.

А. Л. Масловъ видитъ въ докладѣ П. П. Компанейскаго нѣчто болѣе того, чѣмъ это было сдѣлано по вопросу общности происхожденія народной мірской и свѣтской пѣсни С. В. Смоленскимъ; послѣдній въ своихъ сочиненіяхъ объ этомъ только вскользь упоминаетъ, не вдаваясь въ сравнительный анализъ, подобный сдѣланному докладчикомъ; что же касается обособленности развитія русскихъ мірской и церковной пѣсенъ въ Россіи, то это несомнѣнно,—у другихъ славянъ наблюдаются наиболѣе сильныя вліянія западнаго музыкальнаго кодекса, напр., у чеховъ, къ которымъ этотъ кодексъ проникъ въ весьма отдаленныя времена, между тѣмъ какъ Россія это вліяніе стала испытывать только съ конца XVII вѣка.

А. Д. Кастальскій находитъ, что обобщеніе принциповъ развитія русскихъ церковныхъ и народныхъ пѣсенъ есть натяжка какъ со стороны Смоленскаго, такъ и Компанейскаго.

Д. П. Аракчіевъ интересъ доклада П. П. Компанейскаго видитъ въ новизнѣ постановки вопроса: пусть въ немъ есть промахи, но за нимъ достоинства тѣ, что онъ научно обоснованъ; однако докладчикъ касается только одноголосія, быть можетъ народная полифонія указала бы и иное направленіе его изслѣдованію.

П. В. Липаевъ указываетъ на самое интересное въ докладѣ, но почему-то мало разработанное докладчикомъ, мѣсто—о неправильности объясненія русской пѣсни церковными ладами и выражаетъ пожеланіе разработки этого вопроса обстоятельнѣе.

А. Л. Масловъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ непримѣнимости церковныхъ ладовъ къ русскимъ церковнымъ пѣснопѣніямъ,—таблица П. П. Компанейскаго даетъ 60% случаевъ подтвержденія этого факта; что же касается свѣтской пѣсни, то къ доказательствамъ подобнаго рода до сихъ поръ относились какъ-то недостаточно внимательно, и докладъ Компанейскаго лишній разъ съ очевидностью опровергаетъ ходячее мнѣніе о ладовыхъ звукорядахъ въ русской пѣснѣ.

А. В. Марковъ говоритъ, что г. Компанейскій противорѣчитъ въ исторической части доклада, гдѣ въ одномъ мѣстѣ упоминается, что древнія византійскія мелодіи должны были опроститься и затѣмъ подверглись разработкѣ. Такая эволюція представляется весьма сложной: были сложныя мелодіи, при переходѣ въ Россію упростились, затѣмъ усложнились.

П. В. Липаевъ полагаетъ, что византійскія церковныя мелодіи требовали упрощенія въ примѣненіи къ національности, когда онѣ и сдѣлались ближе къ народу.

А. В. Марковъ. По взгляду Компанейскаго, народныя мелодіи вліяли на церковныя, а не наоборотъ. Онъ не видитъ вліянія церкви на свѣтскія пѣсни. Его взглядъ расходится съ взглядомъ по вопросу вліянія въ литературѣ—церковная книга ничего не беретъ изъ народныхъ русскихъ сказаній, наоборотъ народъ бралъ отъ церковныхъ книгъ блески свѣта.

П. В. Липаевъ возражаетъ Маркову. А. Л. Масловъ указываетъ, что въ свѣтскихъ народныхъ мелодіяхъ, если и замѣтно вліяніе церковной музыки, такъ это партесной, главнымъ образомъ, а вліяніе церковной музыки до эпохи партеса на свѣтскую сомнительно.

А. В. Марковъ приводитъ примѣръ, что запѣвъ былины «Высота ли высота», заимствованъ изъ проповѣди, точно такъ же, какъ весьма сомнительно, что «барыня» заимствована изъ церковнаго пѣснопѣнія «Свѣтися, свѣтися» или наоборотъ.

П. В. Липаевъ опять возражаетъ Маркову: и теперь еще народъ вліяетъ на церковное пѣніе (собравшись на клиросѣ во время праздника), а не только во времена язычества, когда послѣднее оказывало больше давленіе. У старообрядцевъ и теперь «міръ» оказываетъ вліяніе на церковь.

А. В. Марковъ говоритъ, что въ своихъ возраженіяхъ исходитъ изъ литературныхъ фактовъ. Подобныя вліянія, какъ въ пѣснѣ «Идутъ дѣвки лѣсомъ, поютъ куролѣсомъ», гдѣ «куролѣсомъ»—парафраза «kyrie eleison», могли бы служить доказательствомъ, что очевиднѣе вліяніе церковныхъ мелодій на свѣдскія пѣсни, а не наоборотъ.

По окончаніи преній постановлено благодарить П. П. Компанейскаго за его интересный докладъ.

LXV.

14 октября 1909 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 65-ое засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Янчукъ, члены Д. Н. Аракчіевъ, А. Д. Кастальскій, П. А. Котовъ, А. Л. Масловъ.

1. Предсѣдатель Н. А. Янчукъ доложилъ, что имъ представленъ Обществу для годичнаго засѣданія 15 октября краткій отчетъ о дѣятельности Муз.-Этнограф. Комиссіи за истекшій отчетный годъ; затѣмъ доложилъ полученныя письма: а) отъ А. Т. Гречанинова—съ увѣдомленіемъ объ отказѣ отъ званія товарища предсѣдателя вслѣдствіе отъѣзда за границу; б) отъ Н. Н. Компанейскаго—съ благодарностью за избраніе въ члены и съ отвѣтомъ на нѣкоторыя возраженія по поводу его доклада; в) отъ М. Е. Славинскаго изъ Симферополя—по поводу корректуры его обработокъ для IV тома «Трудовъ»; г) отъ М. А. Долиной, которая проситъ содѣйствія Музык.-Этн. Комиссіи по части музыкальной литературы для устраиваемыхъ ею этнографическихъ концертовъ.

2. Д. Н. Аракчіевъ сдѣлалъ сообщеніе о доставленномъ ему черкесскомъ музыкальномъ инструментѣ, назыв. *к'амлячъ*, съ двумя струнами изъ конскаго волоса; инструментъ этотъ употребляется въ черкесскихъ оркестрахъ, состоящихъ обыкновенно изъ *большого к'амляча*, *сибизги* родъ флейты и ударныхъ дощечекъ (въ родѣ кастаньетъ). Демонстрируемый инструментъ—*малый к'амлячъ*, употребляемый для сольнаго пѣнія. Инструментъ этотъ поступилъ въ собственную коллекцію Д. Н. Аракчіева.

Д. Н. Аракчіевъ сообщилъ, затѣмъ, что имъ заведены сношенія съ свящ. П. Тиховымъ (изъ Перовска Сыръ-Дарьинск. обл.), для котораго имъ куплены фонографъ и валики. Свящ. Тиховъ обѣщаетъ доставлять въ Комиссію собираемые имъ матеріалы по музыкѣ Средней Азіи.

3. А. Л. Масловъ сообщилъ, что г. Манасянъ (изъ Петербурга) доставилъ въ Комиссію образцы своихъ записей армянскихъ пѣсенъ, которыя сдѣланы съ несомнѣннымъ пониманіемъ задачи музыканта-этнографа.

4. Н. А. Янчукъ доложилъ, что у М. Е. Пятницкаго есть новыя записи сартскихъ пѣсенъ; сообщеніе о нихъ имѣетъ быть сдѣлано въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій.

5. Н. А. Янчукъ и Д. Н. Аракчіевъ предложили въ члены Комиссіи Г. А. Пахульскаго (проф. Моск. Консерваторіи) въ виду его участія въ IV томѣ «Трудовъ». Избраніе постановлено имѣть въ виду въ слѣдующемъ засѣданіи.

Предполагавшійся докладъ А. Апохина «О музыкальномъ творчествѣ алтайцевъ» отложенъ до болѣе многолюднаго засѣданія, точно такъ же какъ разсмотрѣніе вопроса объ отказѣ А. Т. Гречанинова.

Относительно начинаній г. Манасяна высказано полное одобреніе и пожеланіе привлеченія его къ участію въ работахъ Комиссіи; имѣющія быть доставленными отъ г. Манасяна записи армянскихъ пѣсенъ могутъ быть напечатаны въ «Трудахъ». Что же касается устройства этнографическихъ концертовъ г-жей М. А. Долиной, то постановлено выразить сочувствіе ея дѣятельности и предоставить имѣющійся у Комиссіи матеріалъ для ея концертовъ, печатаемый въ IV томѣ «Трудовъ».

LXVI.

4 декабря 1909 г. въ Синодальномъ Училищѣ состоялось 66-ое засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали члены Комиссіи: Д. Н. Аракчіевъ, В. С. Калинниковъ, А. Д. Кастальскій, Я. А. Лосевъ, А. В. Марковъ и А. Л. Масловъ, исполнявшій обязанности секретаря.

По утвержденіи протокола предыдущаго засѣданія Предсѣдатель доложилъ:

1. Что на основаніи инструкцій въ настоящемъ засѣданіи предстоитъ избраніе предложеннаго въ прошломъ засѣданіи въ члены проф. Г. А. Пахульскаго.

2. Что къ нему обратился издатель и редакторъ журнала, издающагося въ Вильнѣ, «Наша Нива» съ просьбою содѣйствовать поднятію интереса къ бѣлорусской музыкѣ, устройствомъ концертовъ.

3. М. Е. Славинскій письмомъ на имя Предсѣдателя благодаритъ за избраніе въ члены Комиссіи.

4. Совѣтъ Томскаго О-ва изученія Сибири обращается съ просьбой выслать ему «Труды» Комиссіи.

5. П. Д. Самаринъ доставилъ предсѣдателю въ Румянцевскій Музей 1080 экземпляровъ I в. III-го тома «Трудовъ» Комиссіи (изданныхъ за свой счетъ), съ предложеніемъ принять ихъ въ даръ Комиссіи, а вырученныя деньги отъ ихъ продажи употребить на научныя изданія Комиссіи, и преимущественно работъ по ритмикѣ. Изъ доставленнаго количества Предсѣдателемъ передано 200 экз. въ Общество Любит. Ест., Антр. и Этнографіи для раздачи членамъ и для обмѣна съ заграничными учеными обществами. Кромѣ того, П. Д. Самаринъ по ходатайству Предсѣдателя пріобрѣлъ у наслѣдниковъ Н. Е. Пальчикова рукописный сборникъ и печатный (съ правомъ перепзданія) сборникъ «Крестьянскихъ пѣсенъ» В. М. Орлова, а также рукописный сборникъ пѣсенъ Н. Е. Пальчикова. Пріобрѣтенныя цѣнныя рукописи П. Д. Самаринъ письмомъ отъ 27 ноября 1909 г. пожертвовалъ Комиссіи. Письмо и документы (купчая крѣпость) хранятся въ архивѣ Комиссіи (въ помѣщеніи Дашковскаго Музея).

6. Юбилейный Комитетъ по празднованію 50-тилѣтія Импер. Русск. Муз. О-ва приглашаетъ Комиссію на празднества.

7. А. Л. Масловъ заявилъ, что на предстоящемъ Съѣздѣ Естествоиспытателей и врачей по Отдѣлу Этнографіи желательно участіе Комиссіи или отдѣльныхъ ея членовъ съ докладами о современномъ состояніи музыкальной этнографіи и ея задачахъ въ будущемъ.

8. А. В. Марковъ сообщилъ, что А. Ѳ. Гартвигъ желаетъ прочесть въ Комиссіи докладъ; затѣмъ членъ О-ва Н. В. Васильевъ желалъ бы посѣщать засѣданія Комиссіи, почему проситъ посылать ему повѣстки.

9. Заслушанъ докладъ Андр. Викт. Анохина (изъ Томска): «Народное пѣсенное музыкальное творчество алтайцевъ, монголовъ и шорцевъ». Докладъ, за отсутствіемъ автора, прочитанъ былъ Н. А. Янчукомъ. Авторъ, послѣ указанія на совершенную почти неразработанность вопроса о монгольской музыкѣ, коснулся структуры алтайскихъ и монгольскихъ мелодій, ихъ звукоряда, затѣмъ размѣра мелодій, ихъ гармонизаціи, особенностей исполненія, содержанія монгольскихъ пѣсенъ, вліянія русской музыки на творчество алтайцевъ. Докладу сопутствовали нотные примѣры.

Заслушавъ интересный докладъ, члены Комиссіи обратили вниманіе на новизну вопроса изученія мелодій сибирскихъ инородцевъ, и ввиду цѣнности предпринятыхъ г. Анохинымъ музыкально-этнографическихъ работъ было предложено избрать его въ члены Комиссіи.

10. Былъ поднятъ вопросъ о выборѣ товарища предсѣдателя, отложенный на настоящее засѣданіе.

Комиссія постановила: 1) считать избраннымъ единогласно въ члены Комиссіи проф. Консерваторіи Г. А. Пахульскаго. 2) Издателямъ и редакціи журнала «Наша Нива» предоставить музыкальные матеріалы по бѣлорусской музыкѣ, имѣющіеся у Комиссіи, съ условіемъ указанія при пользованіи, откуда взяты матеріалы. 3) Совѣту Томскаго О-ва изученія Сибири выслать безплатно нѣкоторыя изданія Комиссіи, за «Труды» предложить скидку 30%. 4) III-й томъ «Трудовъ», полученный отъ П. Д. Самарина, пустить въ продажу и сдѣлать публикаціи въ газетахъ такъ же, какъ и о другихъ изданіяхъ Комиссіи; на публикацію первоначально отпустить изъ суммъ Комиссіи 50 руб. 5) Поручить бюро составить привѣтствіе И. Русск. Музык. Обществу, съ пожеланіемъ, чтобы Общество обратило вниманіе на народную музыку. 6) Благодарить автора доклада А. В. Анохина и постараться завести съ нимъ непосредственныя сношенія, какъ съ изслѣдователемъ края, еще не обслѣдованнаго. 7) А. Ѳ. Гартвига имѣть въ виду въ качествѣ докладчика въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій. 8) Вопросъ о выборѣ новаго товарища предсѣдателя, взамѣнъ отказавшагося А. Т. Гречанинова, оставить открытымъ въ виду возможности возвращенія его въ Москву. 9) П. Д. Самаринну выразить письменную благодарность за принесенный даръ и ходатайствовать передъ Отдѣломъ о предложеніи его въ непремѣнные члены Общества, а Н. А. Янчуку выразить благодарность за хлопоты по пріобрѣтенію архива Н. Е. Пальчикова.

LXVII.

16 января 1910 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 67-ое засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали члены: Д. Н. Аракчіевъ, А. В. Марковъ, А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ и М. Е. Пятницкій.

1. Предсѣдатель доложилъ Комиссіи: а) объ исполненіи постановленій предыдущаго засѣданія Комиссіи, за исключеніемъ публикацій объ изданіяхъ Комиссіи, съ которой лучше повре-

менить до выхода II тома «Трудовъ»; б) о посланной Имп. Русск. Музык. Обществу по случаю юбилея телеграммѣ отъ имени Комиссіи слѣдующаго содержанія: «Муз.-Эти. Комиссія привѣтствуетъ И. Р. М. О-во въ юбилейные дни и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы О-во, потрудившееся для развитія культурной музыки, въ дальнѣйшей своей дѣятельности открыло двери къ музыкальной культурѣ болѣе широкимъ слоямъ народа, создавшаго высокохудожественную пѣсню. Комиссія надѣется также, что О-вомъ будетъ обращено серьезное вниманіе на изученіе этой пѣсни, которою по справедливости должно гордиться русское музыкальное искусство». в) Отъ г-жи Е. Э. Линевой получено письмо, въ которомъ она проситъ не печатать безъ ея просмотра имѣющихся въ Комиссіи ея рукописей. г) М. Е. Славинскій для IV тома прислалъ еще пѣсни: 1 малор., 2 великор., шотландскую, ирландскую, полинезійскій танецъ и персидскую пѣсню.

2. Заслушанъ докладъ свящ. П. Тихова (изъ Перовска): «О музыкѣ туркестанскихъ киргизъ». Докладъ коснулся описанія населенія Туркестана, въ частности туркестанскихъ киргизъ, ихъ музыкальныхъ инструментовъ, пѣвцовъ, пѣсенъ и ихъ строя, а также—танцовальной музыки. Докладъ сопровождался воспроизведеніемъ посредствомъ фонографа киргизскихъ пѣсенъ. Докладъ напечатанъ въ журналѣ «Музыка и Жизнь». Въ преніяхъ по докладу приняли участіе А. Л. Масловъ, Н. А. Янчукъ и Д. И. Аракчіевъ. Первый отмѣтилъ, что новое и интересное въ докладѣ—это строй музыкальныхъ инструментовъ киргизъ. Н. А. Янчукъ указалъ на допущенныя докладчикомъ противорѣчія: въ одномъ мѣстѣ авторъ доклада сообщаетъ, что для каждаго слога полагается отдѣльный звукъ,—въ концѣ же говоритъ, что сочинители на данныя мелодіи сочиняютъ пѣсни и на слогъ иногда подкладываютъ два звука. Д. И. Аракчіевъ предположительно указалъ на связь въ существованіи музыкальныхъ состязаній у киргизъ и у нѣкоторыхъ кавказскихъ горцевъ. А. Л. Масловъ обратилъ далѣе вниманіе на отсутствіе танцевъ у киргизъ (какъ, напр., и у алтайцевъ), видя въ этомъ отсутствіе импульса къ ритмической работѣ, благодаря кочевому образу жизни. На вопросъ же Д. И. Аракчіева, что, значитъ, опровергается теорія Бюхера, А. Л. Масловъ разъяснилъ, что у киргизъ, повидимому, отсутствуютъ танцы лишь какъ своего рода культъ. Читавшій докладъ А. Л. Масловъ по порученію автора предоставилъ Музыкально-Этногр. Комиссіи въ полное распоряженіе валики съ напѣвами, записанными свящ. П. Тиховымъ. А. Л. Масловъ и Д. И. Аракчіевъ предложили избрать свящ. Тихова въ члены Комиссіи въ слѣдующемъ засѣданіи.

3. М. Е. Пятницкій сообщилъ, что докторъ Работновъ, по его просьбѣ, прислалъ изъ Ташкента три граммофонныхъ круга съ записями сартскихъ пѣсенъ (изъ нихъ одна—молитва муллы и одинъ «сарабазъ»—маршъ, съ зурной). Эти сартскія пѣсни были демонстрированы въ засѣданіи и, по отзывамъ членовъ Комиссіи, оказались весьма интересными.

4. Въ томъ же засѣданіи демонстрировались великорусскія мелодіи въ исполненіи владимірскихъ рожечниковъ, записанныя М. Е. Пятницкимъ въ Москвѣ при помощи фонографа. Напѣвы по переведеніи ихъ на ноты, точно также какъ самые валики, М. Е. Пятницкій предоставляетъ въ распоряженіе Комиссіи.

5. Комиссія постановила: по поводу письма Е. Э. Линевой отвѣтить, что Комиссія ревниво относится къ авторскому праву и не допуститъ печатанія трудовъ своихъ членовъ безъ согласія на то автора. По поводу новыхъ матеріаловъ для IV-го тома рѣшено созвать подкомиссію для ихъ разсмотрѣнія. Священника П. Тихова Комиссія постановила благодарить за докладъ и просить въ дальнѣйшихъ работахъ не оставить безъ вниманія и сартскую музыку.

LXVIII.

17 марта 1910 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 68-ое засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали члены: А. В. Анохинъ, Д. И. Аракчіевъ, П. А. Карасевъ, А. Д. Кастальскій, Е. Э. Линева, А. Л. Масловъ, Ю. Д. Энгель и Б. Л. Яворскій.

1. Секретаремъ доложены текущія дѣла: а) письмо свящ. П. Тихова, въ которомъ онъ сообщаетъ стоимость музык. инструментовъ инородцевъ Туркестанскаго края на случай ихъ пріобрѣтенія; б) письмо А. Чумакова съ запросомъ, на какихъ условіяхъ принимаются для печатанія Комиссіей записи народныхъ пѣсенъ съ мелодіями; в) отъ Музыкальной Секціи Казанскаго Общества народныхъ университетовъ, о ея задачахъ и инструкціи, согласно которой

(§ 21), въ случаѣ ликвидаціи Общества Народныхъ Университетовъ, имущество и капиталы секціи передаются въ Московскую Музыкально-Этнографическую Комиссію.

2. Д. Н. Аракчіевъ сообщилъ, что въ одномъ изъ засѣданій Комиссіи будутъ демонстрироваться музык. инструменты г. Левкасси, вывезенные имъ изъ Японіи. Собранную имъ коллекцію онъ предполагаетъ передать Комиссіи.

3. Н. А. Янчукъ сообщилъ, что имъ получено отъ одного ссыльнаго изъ Устьсысольска письмо съ предложеніемъ собирать музыкально-этнографическія свѣдѣнія; въ письмѣ онъ проситъ программъ и руководящихъ пособій.

4. Въ связи съ постановленіемъ предоставить для этого лица все возможное и имѣющееся у Комиссіи, рѣшено пріобрѣсти, какъ для пользованія членовъ, такъ и для посторонннихъ лицъ, необходимѣйшія научныя изданія, списокъ которыхъ взялся составить секретарь Комиссіи. Священника П. Тихова (изъ Перовска) постановлено считать избраннымъ въ члены Комиссіи, а г-ну А. Чумакову на его письмо отвѣтить послѣ переговоровъ и выясненія достоинства имѣющагося матеріала, для чего пригласить его къ предсѣдателю.

5. Александръ Петровичъ Войтиченко (изъ Нѣжина) демонстрировалъ передъ членами Комиссіи старинный инструментъ, называемый имъ «кимвалы», вывезенный его дѣдомъ изъза границы. Инструментъ имѣетъ большое сходство съ цимбалами и имѣетъ 12 хоровъ трехструнныхъ. На этомъ инструментѣ г. Войтиченко даетъ концерты съ репертуаромъ, въ большой мѣрѣ состоящимъ изъ малорусскихъ пѣсенъ и думъ.

6. А. В. Анохинъ сдѣлалъ сообщеніе «Лирическая пѣсня и былинный эпосъ у тюрко-монголовъ». Коснувшись въ общихъ чертахъ характера музыки тюрко-монгольскихъ племенъ, подвергшихся обслѣдованію въ послѣдніе два года докладчикомъ, А. В. Анохинъ при объяснительномъ чтеніи демонстрировалъ рядъ записей фонографомъ лирическихъ пѣсенъ, а затѣмъ и былевыхъ. Мелодіи азіатскихъ племенъ, по свидѣтельству докладчика, не выходятъ изъ области грусти и тоски; при тяжеломъ ритмѣ онѣ не простираются далѣе умѣреннаго темпа. Въ музыкальномъ творчествѣ обслѣдованныхъ докладчикомъ племенъ не встрѣчается плясовыхъ мелодій. Что касается мелодическаго склада, то изъ тюркскихъ племенъ древнюю пятиступенную гамму сохранили одни сойоты; кстати, у послѣднихъ сложившаяся по формѣ пѣсня преобладаетъ надъ импровизаціей, болѣе свойственной другимъ мѣстнымъ племенамъ. Мелодика тюркскихъ племенъ испытала вліяніе китайцевъ, съ одной стороны, и русскихъ (казаковъ)— съ другой стороны; вліяніе послѣднихъ идетъ съ земледѣльческой культурой и ограничивается временемъ послѣднихъ лѣтъ. Сойоты представляютъ собой самое пѣвучее племя (95% поющихъ). Пѣсни монгольскихъ племенъ дюрбютовъ и халха по музыкальной формѣ и замыслу стоятъ выше другихъ монгольскихъ пѣсенъ. Самое лучшее творчество у халха. Отличительной чертой монгольскихъ пѣсенъ является совершенное отсутствіе въ мелодіяхъ полутона.

Былевыя героическія пѣсни у тюрковъ встрѣчаются безъ аккомпанемента и съ аккомпанементомъ, во-первыхъ—*топшюра* (родъ балалайки, съ двумя струнами въ строѣ чистой кварты); господствующимъ интерваломъ въ аккомпанементѣ является чистая кварта, ею обыкновенно пѣсня и заканчивается; кромѣ топшюра въ качествѣ аккомпанирующаго инструмента имѣется *учтыганъ* (родъ гуслей или китайскаго чентъ, съ металлическими струнами). Ритмика героическихъ пѣсенъ легко укладывается въ простой размѣръ. Игра на инструментѣ характеризуетъ нѣкоторые моменты разсказа былинъ, когда же прерывается разсказъ, инструментъ исполняетъ интерлюдію. Характерной манерой является пѣніе низкимъ голосомъ, басомъ, одновременно съ высокими горловыми звуками. Тюрки-сойоты создали особый, рѣдкій въ своемъ родѣ, видъ пѣнія двузвучный-гармоническій, при помощи горлового пѣнія. Этого рода пѣнія существуетъ три типа: «куэйлеръ», «каргылакъ» и «сыгарты». Всѣ они представляютъ собой соединеніе низкихъ нотъ съ болѣе высокими, исполняемыми-фальцетообразными звуками голоса одного и того же пѣвца одновременно. Докладчикъ, при помощи фонографа, демонстрировалъ всѣ упомянутые типы двузвучнаго пѣнія.

Члены Комиссіи съ большимъ интересомъ прослушали сообщеніе и дополнительныя объясненія на задаваемые докладчику вопросы. Въ заключеніе А. В. Анохинъ единогласно былъ избранъ въ члены Комиссіи.

LXIX.

18 сентября 1910 г., въ Политехническомъ Музеѣ, состоялось 69-е засѣданіе Музыкально Этнографической Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи гг. членовъ: Д. Н. Аракчіева, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова и М. Е. Пятницкаго.

1. Предсѣдатель доложилъ: а) о выходѣ въ свѣтъ второго выпуска Школьнаго Сборника, отпечатаннаго въ 3.000 экз., и б) о рукописномъ сборникѣ бѣлорусскихъ пѣсенъ А. К. Чумакова. Притомъ было зачитано письмо г. Чумакова съ просьбой о выдачѣ ему единовременной субсидіи. Комиссія постановила выдать собирателю субсидію въ размѣрѣ 25 руб. и предложить его трудъ черезъ Этнографическій Отдѣлъ къ наградѣ малой серебряной медалью въ годичномъ засѣданіи Общества 15 октября, а А. Л. Маслова просить представить о сборникѣ г. Чумакова отзывъ къ засѣданію Этнографическаго Отдѣла 7 октября.

2. В. В. Пасхаловъ представилъ отзывъ о седьмомъ выпускѣ «Бѣлорусскаго Сборника», Е. Р. Романова, заключающемъ музыкальную часть.

3. А. Л. Масловъ прочелъ свою рецензію на новый трудъ Е. Э. Линевой—«Нижегородскія пѣсни», въ изданіи Академіи Наукъ. *). Въ виду указанныхъ докладчиками дефектовъ въ музыкальной части обоихъ названныхъ изданій, а также въ виду заявленія г. Романова, что дальнѣйшіе музыкальные выпуски его «Сборника» будутъ печататься при содѣйствіи Академіи Наукъ, постановлено представить отзывы объ этихъ изданіяхъ въ Академію съ указаніемъ необходимости организованія при ней особой музыкальной комиссіи для рецензированія представляемыхъ въ Академію музыкальныхъ матеріаловъ. Предварительно по этому вопросу предложено Предсѣдателю переговорить съ академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ.

4. А. Л. Масловъ напомнилъ о г. Козловѣ, записывающемъ пѣсни казанскихъ татаръ. Рѣшено выдать г. Козлову небольшую субсидію, поручивъ В. В. Пасхалову выяснить вопросъ о ея размѣрѣ частными сношеніями съ г. Козловымъ.

5. А. Л. Масловъ сообщилъ слѣдующій списокъ книгъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія въ библіотеку Муз.-Этнографической Комиссіи.

Bourgault-Ducoudray, L. A. Mélodies populaires de Basse-Bretagne. Paris. 1885.
» Mélodies populaires de Grèce. Paris. 1886.
Бюхеръ, К. Работа и ритмъ, СПБ. изд. О. Н. Поповой.
Wallaschek R. Primitive Music. An inquiry into the origin and developement of music, songs, instruments, dances, und pantomimes of savage races. London. 1893.
Векерленъ, Жанъ-Баптистъ. Изслѣдованія о народной пѣснѣ.
Вестфаль, Р. Статья о русск. нар. пѣснѣ, въ «Русск. Вѣсти.» за 1879 г. № 9.
Коршъ, Ѳ. Е. О русскомъ нар. стихосложеніи. Въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. языка и слов. И. А. Н.» 1896 г. т. I кн. 1. (были оттиски).
Компанейскій Н. О связи русскаго церковнаго пѣснопѣнія съ византійскимъ. Въ «Рус. Муз. Газ.» за 1903.
Компанейскій Н. «Характерныя черты русск. пѣсней церковныхъ и мірскихъ»—въ журн. «Музыка и Жизнь» за 1909 г.
Лопатинъ, Н. М. и Прокунинъ, В. П. Сборникъ русскихъ нар. лирическихъ пѣсенъ съ ихъ голосами. Ч. 1 и 2. М. 1889.
Масловъ, А. Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. СПБ. 1905.
» Былины, ихъ происхожденіе, мелодическій и ритмич. складъ. М. 1910.
Мошковъ, В. «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ» въ «Жив. Старинѣ» 1900. в. III, IV.
Мельгуновъ Ю. Н. «Русскія нар. пѣсни» М. 1879, в. I. М. 1885, в. II.
Михневичъ Очерки исторіи музыки въ Россіи въ культурно-обществ. отношеніи СПБ. 1879
Пальчиковъ А. Крестьянскія пѣсни. (2-е изд.)
Петръ, В. П. «О мелодич. складѣ арійской пѣсни» въ «Русск. Муз. Газ.» за 1897—8 г.
Рыбаковъ, С. «Русскія пѣсни» статья въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона.
» «Музыка и пѣсни уральск. мусульманъ». СПБ. 1897, изд. И. Ак. Н.
Сокальскій, П. «Русская нар. музыка». Харьковъ. 1888 г.
Фаминцынъ, А. Древняя Индо-Китайская гамма въ Азіи и Европѣ. СПБ. 1889.
» Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. СПБ. 1890.
» Домра и сродные ей музык. инструменты рус. народа. СПБ. 1891.
Труды Швейцарск. Общества Народовѣдѣнія. Т. I—II.
Стихотворенія Преширна съ предисловіемъ проф. Ѳ. Е. Корша о ритмѣ въ славянской поэзіи и музыкѣ.

---

[1]) Рецензіи гг. Пасхалова и Маслова переданы для напечатанія въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“.

Выражено пожеланіе списокъ этотъ пополнить и имѣть въ виду постепенное пріобрѣтеніе указанныхъ книгъ, какъ необходимыхъ теоретическихъ руководствъ для лицъ, занимающихся музыкальной этнографіей. Пособіемъ въ этомъ отношеніи должны служить также списки сочиненій по музыкальной этнографіи, печатаемые въ «Трудахъ» (см. т. I и II).

6. Н. А. Янчукомъ былъ поднятъ вопросъ объ обложкѣ для художественнаго тома IV Трудовъ Комиссіи. Рѣшеніе отложено до ближайшаго засѣданія послѣ предварительнаго обмѣна мнѣній въ частныхъ бесѣдахъ съ гг. членами и художниками.

7. Обсужденіе программы Курсовъ Музыкальной Этнографіи, предложенной А. Л. Масловымъ, отложено до болѣе многолюднаго заѣданія.

8. Въ виду приближенія годичнаго собранія Общества (15 октября) рѣшено черезъ бюро Комиссіи представить годичный отчетъ о ея дѣятельности а также предположенія о наградахъ и избраніяхъ къ предгодичному засѣданію Этногр. Отдѣла 7-го октября.

9. По предложенію А. Л. Маслова постановлено ближайшее засѣданіе посвятить памяти Н. Н. Компанейскаго съ докладами его и Д. И. Аракчіева. Засѣданіе назначено на 28 сентября. Въ этомъ же засѣданіи М. Е. Пятницкій предложилъ сообщить отчетъ (съ демонстр. фонограммъ) о своей поѣздкѣ въ Воронежскую губернію.

LXX.

28 сентября 1910 г. въ аудиторіи Политехническаго Музея состоялось публичное соединенное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали члены Комиссіи: Д. И. Аракчіевъ, А. Д. Кастальскій, Н. Д. Кашкинъ, А. В. Марковъ, А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ, М. Е. Пятницкій, Ю. Д. Энгель, Б. Л. Яворскій, секретарь Общества и Этногр. Отдѣла В. В. Богдановъ, члены Отдѣла и многочисленная публика.

Первая половина засѣданія была посвящена памяти скончавшагося 17 марта с. г. члена Комиссіи Н. Н. Компанейскаго. Память покойнаго въ началѣ заѣданія, по предложенію Предсѣдателя, была почтена вставаніемъ.

1. Д. И. Аракчіевъ прочелъ докладъ: «Памяти Н. Н. Компанейскаго», въ которомъ сообщилъ біографическія данныя о покойномъ и отмѣтилъ значеніе его какъ выдающагося общественнаго дѣятеля и музыкальнаго писателя.

2. А. Л. Масловъ прочиталъ докладъ: «Новые пріемы въ области изученія русской народной пѣсни», въ которомъ указалъ на послѣдовательный рядъ этаповъ въ вопросѣ изслѣдованія музыки народныхъ пѣсенъ и обратилъ вниманіе на новѣйшіе пріемы изслѣдованія путемъ сравненія различнымъ мелодій или ихъ звукорядовъ; этому пріему слѣдовалъ и Н. Н. Компанейскій въ своихъ музык. этнографическихъ работахъ, касавшихся главнымъ образомъ вопроса о взаимномъ вліяніи церковныхъ и мірскихъ русскихъ напѣвовъ. Сравнивая мелодіи тѣхъ и другихъ, Компанейскій пришелъ къ интереснымъ выводамъ относительно склада русскихъ пѣсенъ, какъ это видно изъ его доклада въ Муз.-Этн. Комиссіи (см. протоколъ LXIV).

3. Послѣ перерыва М. Е. Пятницкій доложилъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Воронежскую губ. лѣтомъ этого года съ цѣлью записыванія при посредствѣ фонографа народныхъ пѣсенъ. Отчетъ сопровождался демонстраціей фонограммъ и діапозитивовъ на экранѣ и вызвалъ одобренія со стороны публики, равно какъ и доклады гг. Аракчіева и Маслова. Доклады напечатаны въ журн. «Музыка и Жизнь».

LXXI.

4 ноября 1910 г. въ большой аудиторіи Политехническаго Музея состоялось публичное засѣданіе Отдѣла Этнографіи и Музыкально-Этнографической Комиссіи И. О. Л. Е., А. и Э. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали члены Комиссіи: Д. И. Аракчіевъ, А. Л. Масловъ, М. Е. Пятницкій, В. В. Пасхаловъ, Я. А. Лосевъ, члены Отдѣла и многочисленная публика.

Послѣ краткаго вступительнаго слова г. Предсѣдателя, Д. И. Аракчіевъ прочиталъ докладъ: «Народно-музыкальное творчество грузинъ Имеретіи», въ которомъ докладчикъ познакомилъ аудиторію съ нѣкоторыми обрядами и съ музыкой имеретинъ, ея строемъ, ритмомъ, гармоніей. Докладъ иллюстрировался многочисленными картинами на экранѣ, исполненіемъ пѣсенныхъ образцовъ при помощи фонографа, а также при участіи хора грузинъ и солистовъ: г-жъ О. В. Антоновой, В. Ѳ. Манвеловой, Ю. Н. Терентьевой, гг. А. Е. Антонова, Н. М. Крупнова, Н. И. Кур-

ского, В. С. Носова и Б. В. Подгорецкаго. Докладчикъ и артисты, принимавшіе участіе въ иллюстраціяхъ доклада, были награждены дружными аплодисментами публики. Докладъ Д. И. Аракчіева постановлено имѣть въ виду для напечатанія въ «Трудахъ» Комиссіи. Музыкальные же номера будутъ включены въ IV т. «Трудовъ».

LXXII.

20 ноября 1910 г. въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука состоялось 72-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи. Присутствовали члены: Д. И. Аракчіевъ, А. И. Карасевъ, П. А. Карасевъ, А. В. Марковъ и А. Л. Масловъ.

1. Обсуждался вопросъ объ Этнографическомъ концертѣ (X). Постановлено: a) нанять аудиторію въ новомъ зданіи Политехническаго Музея на средину или конецъ января 1911 г.; b) просить принять участіе въ концертѣ Г. А. Пахульскаго и Е. В. Богословскаго; c) просить П. А. и А. Н. Карасевыхъ обратиться къ Ю. Н. Вишневецкой съ предложеніемъ объ участіи ея хора въ концертѣ; d) принять предложеніе Густ. Христоф. Клаустынь участвовать съ Латышскимъ хоромъ въ Этнографическомъ концертѣ; e) Б. В. Подгорецкаго просить помочь устройству концерта приглашеніемъ артистовъ, и f) предложить бюро 23 ноября собраться для выработки программы концерта.

2. По предложенію Н. А. Янчука, Д. И. Аракчіева и А. Л. Маслова избранъ въ члены Комиссіи Б. В. Подгорецкій, какъ композиторъ, интересующійся народной музыкой.

3. По случаю празднованія 50-лѣтія Московскаго отдѣленія и консерваторіи И. Рус. Муз. О-ва 26, 27 и 28 ноября постановлено принести привѣтствіе отъ Комиссіи въ составѣ депутаціи изъ предсѣдателя Н. А. Янчука и секретаря А. Л. Маслова.

4. Принято къ свѣдѣнію заявленіе казначея о наличности кассы Комиссіи, въ которой въ настоящее время числится около 956 руб., не считая субсидіи, полученной на изданіе IV тома «Трудовъ».

5. По предложенію А. Л. Маслова постановлено предложить библіотекарю В. В. Пасхалову принять въ свое вѣдѣніе изданія Комиссіи, находящіяся на складѣ въ Этнографическомъ Музеѣ.

6. Подымался вопросъ объ организаціи «Музея фонограммъ». Рѣшено для начала собрать всѣ валики, принадлежащіе Комиссіи и находящіеся на рукахъ у членовъ, и вручить библіотекарю, который долженъ составить ихъ списокъ. Постановлено также достать фонограммы напѣвовъ сказителя Рябинина, записанныхъ въ 1894 г. Блокомъ *), съ этихъ фонограммъ снять копіи и попытаться сдѣлать пластинки для граммофона, также какъ и для другихъ наиболѣе интересныхъ записей, чтобы пользоваться ими для демонстрацій на лекціяхъ и концертахъ.

7. Н. А. Янчукъ доложилъ предложеніе О-ва «Граммофонъ» войти въ соглашеніе по вопросу о предоставленіи названному О-ву за вознагражденіе лучшихъ записей нар. пѣсенъ. Комиссія нашла желательнымъ и полезнымъ предоставить нѣкоторые свои матеріалы для популяризаціи, при этомъ рѣшила предусмотрѣть въ возможномъ соглашеніи три случая: a) за записи, сдѣланныя при матеріальномъ содѣйствіи Комиссіи, при соглашеніи съ фирмой должна быть отчислена въ пользу автора-записывателя извѣстная сумма въ томъ случаѣ, если онъ уже лично перевелъ фонограммы и предоставилъ ихъ Комиссіи; b) если валики еще не переведены на ноты собирателемъ, они являются полной собственностью Комиссіи; c) въ случаѣ, если Комиссія не субсидировала члена, собравшаго коллекцію фонограммъ, то онъ имѣетъ получать отъ такового своего сочлена 20% съ предложенной О-вомъ суммы. Въ другихъ не предусмотрѣнныхъ случаяхъ Комиссія постановила имѣть особое на каждый разъ соглашеніе собирателя и Комиссіи. Главное условіе предоставленія О-у «Граммофонъ» валиковъ: оригиналы остаются собственностью Комиссіи, а въ случаѣ ихъ порчи О-во обязано возмѣстить Комиссіи стоимость по ея оцѣнкѣ, или замѣнить соотвѣтствующей копіей. Бюро предложено войти съ О-вомъ въ переговоры и о результатахъ довести до свѣдѣнія Комиссіи.

8. Прочитано было сообщеніе Д. И. Аракчіева: «Новыя фактическія данныя относительно персидскаго хора въ оперѣ «Русланъ и Людмила» М. И. Глинки. Авторъ пришелъ къ заключенію, что мелодія хора скорѣе тюрко-татарскаго происхожденія, чѣмъ персидскаго» (сообщеніе напечатано въ № 12 журнала: «Музыка и Жизнь» за 1910 г.). Въ преніяхъ приняли участіе А. В. Марковъ, А. И. Карасевъ и Н. А. Янчукъ.

---

*) См. Этнографич. Обозрѣніе, кн. XXIII.

Приложеніе къ протоколамъ.

Программы «ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ» и лекцій, устраиваемыхъ Музыкально-Этнографическою Комиссіею. *)

VIII-й Этнографическій Концертъ

въ воскресенье, 11 февраля 1907 г.

Въ большомъ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія.

Отдѣленіе 1-е.

Великорусскія пѣсни.

1. Кому повѣмъ печаль мою, дух. стихъ съ сѣв. Кавказа, запись Д. И. Аракчіева. (Для тенора, сопрано и баса, съ лирой).
2. Поминальный стихъ, Тверской губ., Римскаго-Корсакова. (тен. и м.-сопр.).
3. Стоплъ миленькій палаты, протяжная, Тамб. губ., изъ сборника В. Орлова. (Смѣшанный хоръ).
4. Взойди, взойди, солнце, Моск. губ., Римскаго-Корсакова. } (Смѣш. хоръ).
5. Я пойду ли молоденька, свад., Ряз. губ., А. Лядова. }
6. Какъ подъ лѣсомъ, хороводн., Нижег. г., Балакирева. } (Рожокъ съ ф.-п.).
7. Что цѣли въ полѣ цвѣтики, любовн., Моск. г., Римскаго-Корсакова. }
8. Изъ-за лѣсу, свад., Смол. г. } Изъ сб. Римскаго-Корсакова (Смѣшан. хоръ).
9. Ахъ, таланъ ли мой (запись Прача). }
10. Заплетися, плетень, весен. }
11. 4 мелодіи на гусляхъ. Исп. ярославскій гусляръ Ѳ. А. Кисловъ.
12. Ужъ ты, поле мое, протяжн. Нижег. г. } Изъ сб. Балакирева (сопр.).
13. Молодка, молодка, веселая, Нижег., г. }
14. Ты рѣка ль моя, свад., Олон., г. } Изъ сб. Балакирева (тен.).
15. На Иванушкѣ чапанъ, свад.-шут., Ниж., г. }
16. Прощай, дѣвки, рекрутская, Владим. г., изъ сб. Мельгунова (барит.).
17. Темная ночка, протяжн., Воронеж. губ., запись М. Е. Пятницкаго (Тен. и барит.).
18. Ужъ вы вѣтры, Вороп., на 2 гол., изъ сб. Пятницкаго и Пасхалова. (Тен. и барит.).
19. Посѣяли дѣвки лепъ, хоровод., Ниж. г., Гречанинова. (м.-сопр.).
20. Заиграй, моя волынка, сатир., Тамб. г., Балакирева. (Сопр. съ арфой.).
21. У воротъ батюшкиныхъ, хоров., Нижег., Балакирева. } (Барит. съ хоромъ).
22. Эхъ, да ужъ вы, ночки, протяжн., Ворон. г., изъ сб. Пятницкаго и Пасхалова. }
23. Дуня-топкопряха, сатир., Тамб. г., изъ сб. В. Орлова. (Смѣш. хоръ).

---

*) См. „Труды“, т. I.

Отдѣленіе 2-е.

а) Бѣлорусскія пѣсни.

1. Двѣ весеннія мелодіи (изъ зап. Н. А. Янчука), гарм. С. И. Танѣева. (Гобой и арфа).
2. Въ бору сосенка, качельная, на 2 хора, перел. Н. Янчука. } Изъ сб. Радченко. (Хоръ).
3. Чомъ вы, конопельки, хороводи. перел. И. Кленовскаго. }
4. Купала на Ивана. Изъ рукоп. собр. Н. А. Янчука. (Хоръ).

б) Малорусскія пѣсни.

1. Осада Почаева турками, дума, изъ сб. Н. В. Лисенка } (Тен. съ лирой).
2. Бѣгство 3-хъ братьевъ изъ Азова, дума, В. Шевченка }
3. Ой чумаче, чумаче, бытов. } Изъ сбор. Н. А. Янчука. (Тен. и хоръ).
4. Яромъ, яромъ пшеничепька }
5. Ой що бо то за воронъ, казацк. } Изъ сб. Н. В. Лисенка. (Контральто).
6. Да туманъ яромъ, лобови.
7. Горе мині на чужині, семейн.
8. Ой пенько, зацвіло серденько.
9. Ой, Морозе, Морозенку, историч., запись В. Шевченка (съ бандурой).
10. Гей у степу крыныченька, чумацк., изъ сб. Лисенка. } (Тенорь).
11. Ой по горі чабанъ, запись Н. А. Янчука; гарм. А. Л. Маслова. }
12. Ой израда к-ря очи, любовная. } Изъ сб. Лисенка. (М.-сопр).
13. Якъ поіхавъ мій миленькій, сатир. }
14. Чи ты милый пыломъ припавъ, люб., изъ сб. Лисенка. } (Сопр).
15. Да куды ідешъ, Явтуше, сатир., гарм. Н. С. Кленовскаго. }
16. Котилася зоря, люб., запись В. Шевченка. (Тен. и барит).
17. Купала, запись В. Шевченка. (Тен. съ бандурой).
18. Туманъ яромъ, гуртова, изъ сб. Н. В. Лисенка. } (Хоръ).
19. Кармелюкъ, разбойничья, запись и перелож. Ю. Д. Энгеля. }
20. А іже весна, запись Н. А. Янчука, гарм. Н. С. Кленовскаго. }

IX-й Этнографическій Концертъ.

Въ аудиторіи Историческаго Музея.

Въ среду, 12-го декабря 1907 года.

А) вступительная лекція А. Л. Маслова:

«О вліяніи народной музыки на творчество русскихъ композиторовъ.»

Содержаніе лекціи. Музыкальныя достоинства русскихъ пѣсенъ свидѣтельствуютъ о художественной даровитости русскаго народа, но, благодаря вліянію итальянской музыки, на эти достоинства почти не обращали вниманія. Лишь въ послѣдніе годы въ культурномъ обществѣ проявился интересъ къ народной музыкѣ, въ то время, какъ на Западѣ народныя пѣсни издавна были оцѣнены и подверглись тщательному обслѣдованію и собиранію, издавна же народныя пѣсни оказывали свое вліяніе на творчество западныхъ композиторовъ (напр., въ средніе вѣка на творчество Жоскина де-Пре и Орландо Лассо), какъ въ области церковной, такъ и свѣтской музыки. Народная пѣсня у Лютера послужила могучимъ средствомъ опрощенія церковной музыки, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближенія ея къ народу. Благодаря народной пѣснѣ, западная музыка вплоть до развитія техники искусства была на высотѣ пониманія народа, но развитіе техники, а также классовые предразсудки раздѣлили музыку на простонародную и культурно-художественную. Подъ вліяніемъ культуры господствующихъ классовъ, искусство, съ одной стороны, развилось до высшихъ образцовъ, съ другой—начала исчезать первобытная народная пѣсня. Общекультурное движеніе, которое пережила въ послѣднія десятилѣтія Россія, привело къ необходимости національзаціи и популяризаціи роднаго искусства, положивъ въ основаніе его народную пѣсню, этотъ жизнен-

ный первъ художественной музыки. Торжеству этой идеи предшествовало господство въ Россіи (въ XVIII в.) итальянской музыки. Лишь со времени гр. Разумовскаго является поворотъ къ русскому, появляются первые русскіе композиторы, несвободные, правда, отъ итальянскаго вліянія. Кавосъ и Верстовскій завершаютъ подготовительный періодъ такъ наз. самобытной русской школы музыки. Появившійся вслѣдъ за ними М. И. Глинка создалъ новую эпоху въ русскомъ музыкальномъ искусствѣ, характеризующуюся господствомъ народнаго элемента. Послѣдователемъ художественныхъ идеаловъ Глинки былъ Даргомыжскій, за нимъ слѣдовали: Мусоргскій, Бородинъ, Бларамберъ, Римскій-Корсаковъ, Глазуновъ, Гречаниновъ, Вас. Калинниковъ, Лядовъ, Ляпуновъ—главнѣйшіе представители новаго направленія въ музыкѣ, вводившіе народныя мелодіи и обороты въ свои произведенія, народный элементъ которыхъ составляетъ самыя цѣнныя черты въ искусствѣ, остающіяся въ немъ на многіе вѣка. Чайковскій, одинъ изъ виднѣйшихъ композиторовъ нашего времени, имѣлъ точки соприкосновенія съ новой русской школой музыки, но въ меньшинствѣ своихъ произведеній, между тѣмъ, этой новой школѣ принадлежитъ первенство въ русскомъ музыкальномъ искусствѣ. Сюда принадлежатъ имена Мусоргскаго, Бородина, Бларамберга и Римскаго-Корсакова и ихъ музыкальныя произведенія, которыя сложились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ—самобытнаго народнаго творчества и западной композиторской техники. Разработка народныхъ пѣсенъ въ произведеніяхъ нашихъ композиторовъ свидѣтельствуетъ о новомъ теченіи въ русскомъ искусствѣ: возвращеніи пѣсенъ тому же народу въ сложной художественной формѣ и въ понятномъ изложеніи. Дальнѣйшее собираніе и изученіе народныхъ пѣсенъ сулятъ новыя красоты въ музыкѣ, потому что композиторы пользовались пока самой незначительной долей народномузыкальныхъ сокровищъ.

B) Концертное исполненіе.

Отдѣленіе 1-е (народная пѣсня).

Былины: «Соловей Будимировичъ» [1]), гармониз. Н. Римскій-Корсаковъ.
«Илья Муромецъ», гармонизовалъ А. Лядовъ.
Дух. Стихи: «Книга голубиная» [2]), гармон. Н. Римскій-Корсаковъ.
«Егорій Храбрый», гармониз. А. Масловъ.
Протяжная «Горы», изъ сб. В. Прокунина,
Рабочая «Эй дубинушка», новая запись Д. Аракчіева, } Исп. хоръ.
Бурлацкая «Эй ухнемъ», изъ сб. М. Балакирева,
Плясовая «Камаринская» [3]), } исп. на гусляхъ.
Пастушьи наигрыши, новая запись Д. Аракчіева, исп. на гобоѣ.
Колядка «Виноградіе», гармониз. А. Ильинскій.
Плясовая «Пойду ли, выйду ль я», гармониз. А. Лядовъ.
Колядка «Таусень», полож. для хора П. Некрасовъ,
Шуточная «Лисица и пѣтухъ», зап. П. Тезавровскій. } Исп. хоръ.
Свадебно-шуточная «На Иванушкѣ чапанъ», [4]) гармониз. М. Балакиревъ.
Хороводная «Звала, звала дѣвушка», гармониз. А. Лядовъ.
Лирическая «То не ястребъ совыкался» [5]), гармониз. Н. Римскій-Корсаковъ.
Бытовая: «Лучина», изъ сб. Мельгунова [6]),
Уличная «Подъ яблонькою зеленою», изъ сб. Балакирева,
Хороводная «Эй Иванъ, ты Иванъ», изъ сборн. Н. Римскаго-Корсакова. } Исп. на цимбалахъ.
Хороводная «Ай во полѣ липенька» [7]), полож. для хора Н. Римскій-Корсаковъ.

Отдѣленіе 2-е (народные мотивы въ произведеніяхъ русскихъ композиторовъ):

М. П. Мусоргскій (род. 1836, ум. 1881 г.):
Пѣсня Марѳы: «Исходила младешенька», изъ оп. «Хованщина».
» Хоръ дѣвушекъ: «Плыветъ лебедушка», изъ оп. «Хованщина».
» «Спесь», } романсы.
» «Пирушка», }
П. И. Бларамбергъ (род. 1841, ум. 1906 г.):
Женскій хоръ: «Охъ, боярышня, свѣтъ Людмилушка», изъ оп. «Тушинцы».

---

[1]) Ср. оп. «Садко». [2]) Ср. оп. «Садко». [3]) Ср. Камаринская-скерцо, Глинки. [4]) Ср. Увертюру на русскія темы, Балакирева. [5]) Ср. оп. «Садко». [6]) Ср. оп. „Скоморохъ“, Бларамберга. [7]) Ср. оп. „Снѣгурочка“, Римскаго-Корсакова.

Н. А. Римскій-Корсаковъ (род. 1844 г.):
«Колыбельная» изъ оп. «Садко».
» Арія Марѳы изъ оп. «Царская невѣста».
» Арія Любаши изъ оп. «Царская невѣста».
» Арія Садко изъ оп. «Садко».
» «Западъ гаснетъ вдали», романсъ.

А. П. Бородинъ (род. 1834, ум. 1887 г.):
«Пѣсня темнаго лѣса», романсъ,
» Хоръ крестьянъ: «Охъ, не буйный вѣтеръ», изъ оп. «Князь Игорь». } Исп. хоръ.

X-й Этнографическій Концертъ

въ Новой аудиторіи Политехническаго музея

въ воскресенье, 16-го января 1911 г.

Отдѣленіе I-е.

Великорусскія пѣсни.

1. *М. Славинскій* «Собирайтесь, братцы-ребятушки», рекрутская. (Барит.).
2. » «Ой Иванъ-то, ты Иванъ», плясовая. (М.-сопр.).
3. *А. Масловъ.* «Ванька-ключникъ», историческая. (М.-сопр.).
4. *Д. Аракчіевъ.* «Два пастушьихъ напгрыша. На гобоѣ (съ ф.-п.).
5. *А. Кастальскій* «Подуй, подуй, непогодушка». (Барит. съ акк. гобоя и ф.-п.).
6. *А. Оленинъ.* «Голубь», свадебная. (Ж. хоръ).

Бѣлорусскія пѣсни.

7. *А. Гречаниновъ* «Колыбельная пѣсня». (Сопр.).
8. *А. Масловъ.* «Илья Муромецъ», былина. (Тен.).

Малорусскія пѣсни.

9. *М. Славинскій.* «Ой скажи, серце, правду». (Контр.).
10. » «Ой спвъ пугачъ на могилі», историческая. (Барит.).
11. » «Щедривка». (Сопр.).
12. *П. Котовъ.* «Чумакъ», комическая. (Сопр.).
13. » «Та туманъ яромъ», бытовая. (М. хоръ).
14. *М. Славинскій* «Ой и шли наши Запорожці». (Хоръ).
15. *Ю. Энгель.* «Не лай мене, моя маты». (Смѣш. хоръ).

Польскія пѣсни.

16. *А. Ильинскій.* Свадебная. (Сопр.).
17. *В. Пасхаловъ.* Мазурка. (Сопр.).
18—19. *Г. Пахульскій.* Двѣ польскія пѣсни для фортепіано: а) жатвенная, б) пѣсня нищихъ.

Еврейскія пѣсни.

20—21. *Ю. Энгель.* а) Свадебная, б) Любовная. (Тен. или сопр.).

Латышскія пѣсни.

22—23: а) Лиго (обряд.). три вар.; б) бытовая, хоровая. *(Изъ сбор. Цимзе).*

Отдѣленіе II-е.

Кавказскія пѣсни.

24. *Д. Аракчіевъ.* **Грузинскія:** Мелодія, для віолончели, съ ф.-п.
25. » «Урмули», аробная. (Тен.).
26. » «До встрѣчи съ тобой». (Тен.).
27. » «Дѣвица красацива». (Тен.).
28. » «Солнце», колыбельн. (Сопр.).
29. » **Армянскія:** «Джан марал джан», любовная. (Тен.).
30. » «Зим гылхин». (Тен.).
31. » **Осетинская:** «Татэ», разбойничья. (Тен.).
32. » **Черкесская:** «Ворира». (Гобой съ ф.-п.).

Тюрко-татарскія пѣсни.

33. *Д. Аракчіевъ.* **Турецкія пѣсни:** «Шаркы аджем аширан». (Сопр.).
34. » «Ускюдара», любовная. (Тен.).
35. *А. Гречаниновъ.* **Татарская пѣсня.** (М.-сопр.).
36. » **Башкирская пѣсня** для флейты съ ф.-п.
37. *Р. Гліеръ.* **Таранчинскія пѣсни.** «Гостум», нѣжная. (Тен.).
38. » «Губы твои сахаръ, подружка». (Тен.).
39. *Ю. Сахновскій.* **Таранчинская.** «Гюли гунча». (Сопр.).

Пѣсни разныхъ народовъ.

40. *М. Славинскій.* **Греческая пѣсня:** «Поцѣлуй». (Сопр.).
41. » **Персидская мелодія,** для віолончели съ ф.-п.
42. » **Пѣсня Алеутовъ,** для флейты съ ф.-п.
43. » **Китайская баллада,** для фортепіано.
44. » **Шотландская пѣсня,** для фортепіано.
45. » **Ирландскій танецъ,** для скрипки съ ф.-п.
46. » **Джогъ, молдаванскій танецъ,** для гобоя съ ф.-п.
47. » **Румынская мелодія** (воинствен.), для скрипки съ ф.-п.

Нумера программы, исключая №№ 20—23, взяты изъ IV тома

«Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи»,

заключающаго въ себѣ

Опыты художественной разработки народныхъ мелодій.

Концертъ-лекція Е. Э. Линевой.

(29 ноября 1907 г.).

«Русская народная пѣсня».

I. Конспектъ лекціи:

1. Значеніе народной пѣсни.—2. Пѣсня, какъ отраженіе жизни народа.—3. Особенности склада народной пѣсни: ритмика, голосоведеніе, строй.—4. Отношеніе народной пѣсни къ творчеству музыкальныхъ композиторовъ.—5. Демонстраціи на экранѣ: а) портреты пѣвцовъ и собирателей народныхъ пѣсенъ; б) мелодическіе рисунки подголосковъ и варіантовъ пѣсенъ.

II. Музыкальныя иллюстраціи

(въ исполненіи артистовъ и хора).

1. Великорусскія пѣсни.

1. Ой, матушка, что во полѣ пыльно. (Прача).
2. Подуй, подуй, непогодушка. (Балакирева).
3. Вы, молодчики молоденькіе. (Прокунина).
4. Заплетися, плетень. (Римскаго-Корсакова).
5. Поле чистое; пять варіантовъ (Прача, Балакирева, Прокунина, Лядова и Линевой—въ 3 голоса, съ сохраненіемъ народнаго голосоведенія).
6. Не одна во полѣ дороженька. (Линевой).
7. Зеленая роща. (Мельгунова, въ перелож. Балакирева).
8. Я качу, качу. (Листопадова).

2. Малорусскія пѣсни.

1. Та вже третій вечиръ. (Едличка).
2. Тамъ за яромъ зелененькимъ. } (па 2 голоса) заучены по слуху исполнительницами
3. Петривка. } г-жами Денисовой и Охримовичъ.
4. Ой, у садочку. (Едличка).
5. Ой, у лузі та и при березі. (Лисенка).
6. Гречаники. (Едличка).

Народно-Художественный Концертъ.

(Аудиторія Историческаго Музея, 28 Апрѣля 1906 г.).

Пѣсни народныя и въ художественной обработкѣ русскихъ композиторовъ.

Въ пользу фонда на постановку памятника на могилѣ члена Общества Ю. Н. Мельгунова *(въ Москвѣ)*.

Отдѣленіе I-е.

1. Великорусскія народныя пѣсни:
   - а) «Ночка», изъ сб. Ю. Мельгунова, исп. смѣшанный хоръ.
   - б) «Ванька-ключникъ», изъ сборника Римскаго-Корсакова.
   - в) «Вѣтерочки», Вор. губ., изъ сборн. Пятницкаго и Пасхалова.
   - г) «Лучина», Вор. губ., запис. Е. Э. Линевой (соло съ хоромъ).
   - д) «Ай у садочку»,
   - е) «Я качу, качу», } донскія пѣсни, записи А. М. Листопадова, для смѣшаннаго хора.
2. «Я ли въ полѣ да не травушка была», пѣсня Чайковскаго.
3. Дѣтскія пѣсни въ обработкѣ А. Т. Гречанинова:
   - а) «Ай дуду», б) «Весна», в) «Тень-тень», для хора.
4. Пѣснь Любаши изъ «Царской невѣсты», Римскаго-Корсакова.
5. Колыбельная пѣсня изъ «Царя Салтана», Римскаго-Корсакова (жен. хоръ).
6. «За рѣченькой яръ хмель», пѣсня А. Т. Гречанинова (смѣшан. хоръ).

Отдѣленіе II-е.

1. Малорусскія народныя пѣсни:
   - а) «Мала ничка Петривочка»,
   - б) «Подъ надъ садомъ стежечка», } запис. Е. Э. Линевой для женскаго хора.
   - в) «Ой зійды, зійды, ясный місяцю»,
   - г) «Якъ поіхавъ мій миленькій», } изъ сб. Лисенка.
2. Два номера изъ оп. «Запорожецъ за Дунаемъ», Гулака-Артемовскаго.
   - а) «Ангелъ почи надъ землею» (тен.).
   - б) «Ой казала мини маты» (сопр.).
3. Еврейскія пѣсни:
   - а) Молитвенная, б) Колыбельная (Энгеля).
4. Дуэтъ изъ оп. «Уріэль Акоста», В. Сѣровой.
5. Грузинскія пѣсни, запись и гармониз. Д. И. Аракчіева:
   - а) «Оровела», рабочая.
   - б) «Кокобо вардо», любовная.
6. Два романса Д. И. Аракчіева:
   - а) «Изъ Гафиза».
   - б) «На холмахъ Грузіи».
7. Пѣсня половецкихъ дѣвушекъ изъ «Князя Игоря», Бородина.

Примѣчаніе: Этотъ концертъ не состоялся вслѣдствіе тревожнаго времени.

Государств. Геогр. Общество

Списокъ членовъ

Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи.

Анохинъ, Андрей Викторовичъ (Томскъ).
Аракчіевъ, Дмитрій Игнатьевичъ.
Богословскій, Евгеній Васильевичъ.
Васильевъ, Викторъ Петровичъ.
Вигнеръ, Эдуардъ Андреевичъ.
Витоль, Іосифъ Ивановичъ (С.-П.-Б.).
Гліеръ, Рейнгольдъ Морицовичъ.
Гречаниновъ, Александръ Тихоновичъ.
Григорьевъ, Александръ Дмитріевичъ.
Грузинскій, Алексѣй Евгеньевичъ.
Ильинскій, Александръ Александровичъ.
Ипполитовъ-Ивановъ, Михаилъ Михайл.
Калинниковъ, Викторъ Сергѣевичъ.
Карасевъ, Алексѣй Николаевичъ.
Карасевъ, Павелъ Алексѣевичъ.
Кастальскій, Александръ Дмитріевичъ.
Кашкинъ, Николай Дмитріевичъ.
Кленовскій, Николай Семеновичъ (С.-П.-Б).
Клечковскій, Маврикій Мечиславовичъ.
Конюсъ, Георгій Эдуардовичъ.
Корещенко, Арсеній Николаевичъ.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеніевичъ.
Котовъ, Петръ Александровичъ.
Линева, Евгенія Эдуардовна.
Липаевъ, Иванъ Васильевичъ.
Лисенко, Николай Виталіевичъ (Кіевъ).
Листопадовъ, Александръ Михайловичъ.
Лосевъ, Яковъ Александровичъ.
Марковъ, Алексѣй Владиміровичъ.
Масловъ, Александръ Леонтьевичъ.
Мельгуновъ, Алексѣй Николаевичъ.
Никольскій, Александръ Васильевичъ.
Пахульскій, Генрихъ Альбертовичъ.
Пасхаловъ, Вячеславъ Викторовичъ.
Подгорецкій, Борисъ Владиміровичъ.
Поповъ, Анатолій Николаевичъ (Вологда).
Прокунинъ, Василій Павловичъ.
Пятницкій, Митрофанъ Ефимовичъ.
Розеновъ, Эмилій Карловичъ.
Самаринъ, Петръ Дмитріевичъ.
Самойловъ, Александръ Филипповичъ (Казань).
Сафоновъ, Василій Ильичъ, (С.-П.-Б.).
Сахновскій, Юрій Сергѣевичъ.
Славинскій, Митрофанъ Евстафьевичъ (Симферополь).
Танѣевъ, Сергѣй Ивановичъ.
Тезавровскій, Иванъ Сергѣевичъ.
Тихомировъ, Михаилъ Петровичъ.
Тиховъ, Петръ Ивановичъ, свящ. (Перовскъ).
Трейтеръ, Гликерія Алексѣевна.
Филянскій, Николай Григорьевичъ.
Харламовъ, Василій Акимовичъ (Новочеркасскъ).
Энгель, Юлій Дмитріевичъ.
Яворскій, Болеславъ Леопольдовичъ.
Янчукъ, Николай Андреевичъ.

Умершіе.

Бларамбергъ, Павелъ Ивановичъ († 1893 г.).
Войденовъ, Василій Петровичъ († 1904 г.).
Компанейскій, Николай Ивановичъ († 1910 г.).
Кругликовъ, Семенъ Николаевичъ († 1910 г.).
Мельгуновъ, Юлій Николаевичъ († 1893 г.)
Орловъ, Василій Сергѣевичъ († 1909 г.).
Римскій-Корсаковъ, Николай Андреевичъ († 1908 г.).
Сапарова, Нина Аркадьевна († 1909 г.).
Смоленскій, Степанъ Васильевичъ († 1909 г.).

Государственная консерватория

Отъ Общества „Музыкально-Теоретическая Библіотека,“

ВЪ МОСКВѢ.

За послѣднія десятилѣтія Россія въ музыкально-творческомъ отношеніи заняла среди европейскихъ государствъ весьма выдающееся мѣсто. Въ то же время участіе ея въ разработкѣ музыкально-теоретическихъ, историческихъ и эстетическихъ вопросовъ крайне ничтожно, и спеціально русской литературы по этимъ вопросамъ почти не существуетъ. На Западѣ литература подобнаго рода представляетъ весьма развитую область, вполнѣ доступную для широкаго круга читателей, вслѣдствіе существованія множества спеціальныхъ библіотекъ. У насъ, въ Россіи, подобныхъ библіотекъ нѣтъ, и это обстоятельство ставитъ непреодолимыя препятствія для серьезныхъ занятій музыкально-научными вопросами, такъ какъ необходимыя для работы изданія, въ особенности заграничныя, по ихъ дороговизнѣ, почти не доступны для лицъ, не обладающихъ значительными матеріальными средствами.

Неудобства такого положенія сознаются не только музыкантами-спеціалистами, но и многими изъ такъ наз. большой публики, посѣщающей музыкальныя исполненія, стремящейся къ болѣе сознательному слушанію музыки и интересующейся судьбами этого искусства.

Устраненіе этого существеннаго недостатка нашей музыкальной жизни является цѣлью учреждаемаго въ Москвѣ Общества «Музыкально-Теоретическая Библіотека». Оно имѣетъ въ виду устройство библіотеки, содержащей важнѣйшія сочиненія по различнымъ отраслямъ музыкальныхъ наукъ и доступной для общественнаго пользованія. Наряду съ этимъ Общество намѣрено заняться разработкой вопросовъ теоріи, исторіи и эстетики музыкальнаго искусства и изданіемъ на русскомъ языкѣ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по вышеизложеннымъ вопросамъ.

Общеполезность цѣлей возникающаго Общества заставляетъ его учредителей надѣяться, что не только музыканты, интересующіеся вопросами своего искусства, но и всѣ любители, разсѣянные по огромной русской территоріи, отзовутся на этотъ призывъ и окажутъ свое содѣйствіе по мѣрѣ силъ и возможности.

Пожертвованія деньгами, книгами, нотами и предметами, могущими быть полезными для библіотеки, ускорятъ дѣло ея созданія.

Заявленія о желаніи поступить въ члены и пожертвованія принимаются въ Московской Консерваторіи, въ помѣщеніи Общества. Уставъ высылается по полученіи заявленія.

Члены-учредители: *В. А. Булычевъ*, *А. Т. Гречаниновъ*, *М. В. Ивановъ-Борецкій*, *М. Н. Курбатовъ*, *Э. К. Розеновъ*, *С. И. Танѣевъ*, *Д. С. Шоръ*.

ЖУРНАЛЪ-ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

Музыка и Жизнь.

(IV-й годъ изданія).

Журналъ является освѣдомленнымъ органомъ въ вопросахъ общей музыки, народной, а также школьно-хороваго и народнопѣвческаго дѣла. Большое мѣсто удѣляется музыкальной этнографіи и археологіи. Кромѣ 12 нумеровъ текста подписчики 1911 года получатъ: 1) **КНИГУ А. Маслова: „Опытъ руководства къ изученію русскихъ народныхъ пѣсенъ“** и 2) **НОТЫ для инструментовъ, пѣнія solo или хора и для школъ.** Подписная цѣна на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 руб. Пріемъ подписки **въ конторѣ редакціи** (Москва, Большой Козихинскій пер., д. $^{9}/_{12}$), а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.

Ред.-изд. *А. Л. Масловъ.*

НА 1911 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ГОДЪ XXII-й.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

журналъ, издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера,** Товарища Предсѣдателя **Н. А. Янчука** и Секретаря **В. В. Богданова.**

Изданіе посвящено одному изъ важныхъ отдѣловъ нашего **Отечествовѣдѣнія**— изученію духовнаго и матеріальнаго быта многочисленныхъ народностей Россіи. Оригинальныя статьи, изслѣдованія, матеріалы, критика, библіографія, смѣсь, хроника, вопросы и отвѣты, корреспонденціи и иллюстраціи—посвящены историческимъ, до-историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ объ изучаемыхъ народностяхъ, ихъ вѣрованіямъ, обрядамъ, нравамъ, творчеству (словесному, музыкальному и др.), языку, правовымъ отношеніямъ, внѣшнему образу жизни, а также другимъ вопросамъ этнографіи и исторіи культуры.

Выходитъ четыре раза въ годъ, въ необязательные сроки, книжками, около 12 листовъ каждая, въ формѣ больш. 8°.

Цѣна годовому изданію 6 руб. съ доставкой и пересылкой.

ЗА ГРАНИЦУ 7 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Отдѣльныя книжки 1 руб. 50 коп. съ перес., за границу 1 руб. 75 коп.

Книжнымъ магазинамъ уступка 20 коп. съ годового экземпляра.

☞ **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ РЕКОМЕНДОВАНО для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.**

Обращаться *въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“: Москва, Политехническій Музей.*

„Труды Этнографическаго Отдѣла“

17 томовъ

содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“ *).

«Извѣстія» Общества. Томъ	«Труды» Отдѣла. Томъ	
VII.	I.	**Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Кн. 1-я.** (Публичныя лекціи передъ открытіемъ Этнографической Выставки 1867 г.: Я. И. Вейнберга, П. И. Медвѣдева, А. С. Петровскаго, А. П. Богданова, Н. Д. Никитина, М. Н. Капустина, В. Н. Лешкова, Ѳ. И. Буслаева, И. . Бабста, С. М. Соловьева, И. Д. Бѣляева, П. К. Щебальскаго, К. К. Гёрца, А. С. Владимірскаго). *Изд. В. А. Дашкова.* 1868 г. Ц. 3 р.
XII.	II.	**Сборникъ антропологич. и этнографич. статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Кн. 2-я.** (Народныя пѣсни латышей. Ѳ. Я. Трейланда-Бривземніаксъ. Съ прил. 6 табл. хромолитогр. типовъ народностей). *Изд. В. А. Дашкова.* 1873 г. Ц. 4 р.
XIII, в. 1.	III, в. 1.	**Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей.** 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Стеф. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи). Колоусека.—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—7) Домашній бытъ маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О пермякахъ, П. Вологдина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостахъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хоронепія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Дебрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Твер. г. Квашнина-Самарина.

XIII, в. 2.	III, в. 2.	**Зыряне и Зырянскій край.** К. А. Попова, 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

*) Томы I, II, XV, XVI и XVII «Трудовъ Отдѣла» продаются въ Румянцовскомъ Музеѣ, остальные—въ Политехническомъ.

«Извѣстія» Общества. Томъ	«Труды» Отдѣла. Томъ	
XXVIII.	IV.	**Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг. (засѣд. 13—25), съ приложеніемъ статей.** Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями, В. Ѳ. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыпкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели, Е. В. Барсова.—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ «Нижегородск. Сборникѣ», И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX, в. 1 и 2. V, в. 1, 2.		**Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.** П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р.

Вып. 1. Описаніе внѣшняго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вып. 2. Народная словесность. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

XL.	VI.	**Матеріалы по этнографіи латышскаго племени.** Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ѳ. Я. Трейланда (Брпвземніаксъ). 1881 г. Ц. 3 р. 50 коп.
XLVIII, в. 1.	VII.	**Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48), съ приложеніемъ статей.** 1886 г. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Полемика по вопросу о народности гунновъ (мнѣнія Д. И. Иловайскаго, Н. А. Попова. В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е. Корша, Д. Н. Анучина и др.).—2) О народности скиѳовъ, Д. Я. Самоквасова.—3) Обрядъ «куколка», А. А. Титова.—4) Кавказскія легенды, В. Ѳ. Миллера.—5) Некрологъ П. П. Чубинскаго. Его же.—6) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—7) Малорусская свадьба въ Константиновскомъ у. Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—8) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна.—9) О гиляцкомъ языкѣ, д-ра Зеланда.

XLVIII, в. 2.	VIII.	**Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—66),** 1888 г. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго.—5) Объ юридическомъ бытѣ татовъ, М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ, Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнограф. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—9) Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ.

LXI.	IX.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. 1.** 1889 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прич. портрета), В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтки объ юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богаевскаго.—3) О наказа-

«Извѣстія» Общества. Томъ	«Труды» Отдѣла. Томъ	
LXI.	IX.	ніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ., В. Кандинскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ, А. Паппе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда, А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ., П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году), Н. А. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ, А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).
LXVI.	X.	**Русскіе лопари. Очерки прошлаго и современнаго быта.** Съ рисунками Н. Харузина, 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.
LXIX, в. 1.	XI, в. 1.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II.** 1891 г. Ц. 2 р. Содержаніе: Матеріалы по этнографіи Вологодской губ., Н. А. Иваницкаго.—Вологодскіе напѣвы, записан. М. М. Куклинымъ.—Замѣтка о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.
LXIX, в. 2.	XI, в. 2.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. III.** 1891 г. Ц. 2 р. Содержаніе: Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—Указатель къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, помѣщеннымъ въ «Трудахъ Комиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ», В. П. Племянникова.
LXXV.	XII.	**Шаманство. (Сравнительно-Этнографическіе очерки). Вып. 1.** В. М. Михайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
LXXVII, в. 1.	XIII, в. 1.	**Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. (Этнографическія наблюденія 1884—86 гг.).** Съ 11-ю табл. рис. и фототипій. И. А. Житецкаго. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
XCVII.	XIV.	**Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера.** (Съ портретомъ). 1900 г. Ц. 3 р.
CXIII—CXIV.	XV—XVI.	**Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки.** Съ иллюстраціями и нотами. (Труды Музык.-Этногр. Комиссіи, т. I и II). 1906 и 1911 гг. Ц. по 5 р.
CXV.	XVII, в. 1.	**Труды Муз.-Этногр. Комиссіи, т. III, в. 1. Матеріалы по музык. ритмикѣ,** Ю. Н. Мельгунова, Ѳ. Е. Корша и Н. Д. Кашкина. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

☞ Циркулярнымъ предложеніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 20 мая 1889 г. за № 8790, «Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ», **рекомендованы** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки средне-учебныхъ заведеній.

Изданія Музыкально-Этнографической Комиссіи.

Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи. Т. I. 1. Матеріалы по изученію народной пѣсни и музыки (съ музыкальными приложеніями и иллюстраціями). 2. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1901—1906 гг. М. 1906, болѣе 600 стр. 4°. Ц. 5 руб.

Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи. Т. II. 1. Матеріалы по изученію народной пѣсни и музыки (съ музыкальными приложеніями и иллюстраціями). 2. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1906—1910 гг. М. 1911. 4°. Ц. 5 р.

Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи. Т. III. Вып. I. Матеріалы по музыкальной ритмикѣ: 1. Элементарный учебникъ музыкальной ритмики, *Ю. Н. Мельгунова.* 2. Статьи по тому же вопросу акад. *Ѳ. Е. Корша* и проф. *Н. Д. Кашкина.* М. 1907. 4°. XXII+131 стр. 4°. Ц. 1. 50 к.

Школьный Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Вып. I. Для младшаго возраста. 55 №№ одноголосныхъ, двухголосныхъ и трехголосныхъ пѣсенъ. М. 1904. 46 стр. 8°. Ц. 45 к.

Школьный Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Вып. II. Для средняго и старшаго возраста. 50 №№ многоголосныхъ пѣсенъ. М. 1910. 63 стр. 8°. Ц. 50 к.

Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. М. 1901 г., 2-е изд. 1906 г. (высылается за 9 к. марками).

Печатается:

Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи. Т. IV. Опыты художественной обработки народныхъ пѣсенъ.

Готовится къ печати:

Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи. Т. III. Вып. II. Матеріалы и изслѣдованія по музыкальной ритмикѣ.

Складъ изданій:

Москва, Румянцовскій Музей, Этнографическій отдѣлъ.
Продаются въ лучшихъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ Москвы.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Москва.

15г

Проверено
1953 г.